

БИБЛИОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т.

III.

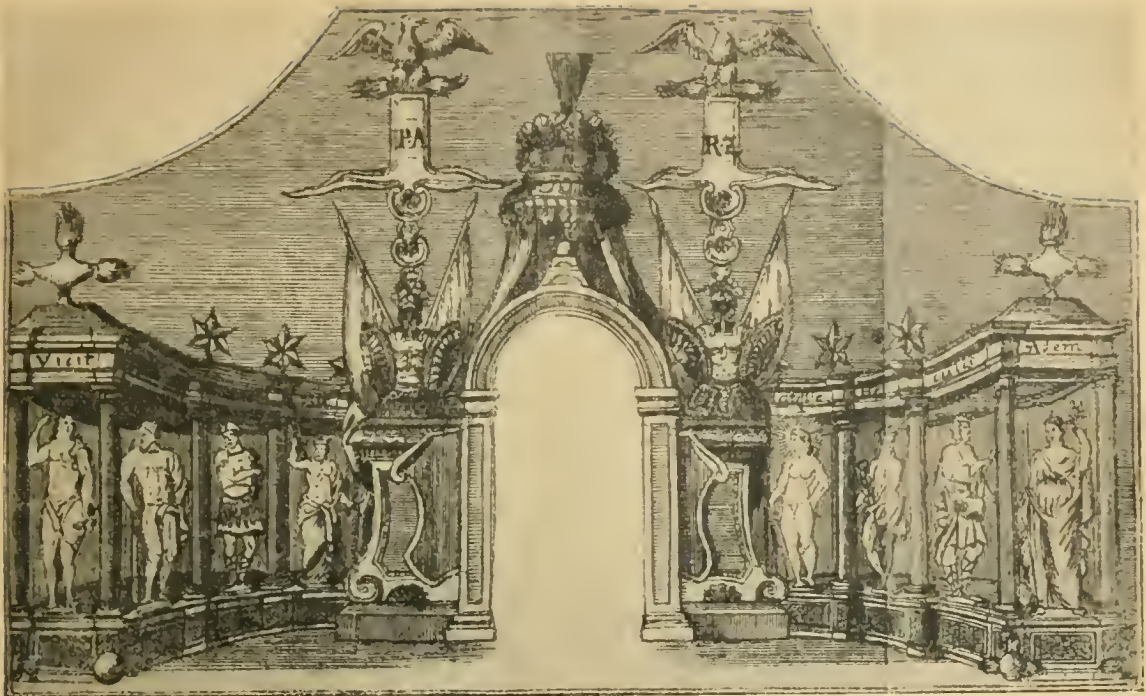

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

Типографія Аки. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С. Петербургъ, Прачешный пер. № 6.

Одна изъ триумфальныхъ арокъ въ честь Полтавской победы.
Съ гравюры 18 вѣка (при тѣмъ же брошюрѣ—*Mars Moscoviticus. MDCCX*).

ПОЛТАВА.

Міровая поэзія лишилась бы одного изъ своихъ прекрасныхъ образовъ, и безъ покорной дочери, безъ Антигоны, въ черной слѣпотѣ блуждалъ бы несчастный Эдипъ, если бы Антигона тогда имѣла возлюбленнаго.

Отецъ всегда уступаетъ любовнику, Брабанціо—Отелло, Кочубей—Мазенѣ. И пушкинская героиня, краса черкасскихъ дочерей, именно дочерью стала преступной, оттого что она слишкомъ любила своего избранника. Старый отецъ гордился ею (обычный мотивъ у Пушкина: любовь отца къ дочери), она была ему дороже мѣховъ, атласа, серебра, потому что она была для него не только дитя, но и воплощеніе его родной Малороссіи. Украинка пушкинской поэзии, она выросла на хуторѣ, въ тѣни украинскихъ черешень, и стройна она была, какъ тополь именно кіевскихъ высотъ. Природа Малороссіи создала въ ней свой лучшій цвѣтъ, свою первую Марусю, и за это съ любовью и лаской внималъ ея пѣснямъ богатый и славный Кочубей. Но прохо-

дящая черезъ всю поэму степенность поэта, приобщившагося къ отцовской психологій, сообщаетъ намъ, что не только мгновенныя чары красоты привлекали къ Маріи жениховъ изъ Украины и Россіи,—«свѣдѣ прославилась она дѣвицей скромной и разумной». Она скромна и пуглива, трепетная лань, и лань напоминаютъ ея движенія; и когда она, бродя въ сѣняхъ, трепещетъ и рѣшенія ждетъ, то она похожа на серпу, которая уходитъ подъ утесъ, орла послыша тяжкій летъ; и когда, уже безумная, она встрѣчается съ Мазеноей, то убѣгаетъ отъ него легче серны молодой. И вотъ она, человѣческая лань, такая робкая, такая пугливая и трепетная, она, дѣвица скромная и разумная, совершаетъ стыдъ и безуміе, ей пріятенъ ея позоръ,—

Ты имъ въ безумномъ упоеньѣ
Какъ цѣломудріемъ горда,
Ты предель въжизню стыда
Въ своемъ утратила паденьѣ.

Безумна обидя отца, и тѣмъ горше его

недоумѣнье, что стыдливая дочь его сдѣлалась безстыдной ради старика, и се, голубку чистую, заклевалъ коршунъ старый,—не ушла серна отъ орла.

Здѣсь Пушкинъ опять встрѣтилъ на своей дорогѣ загадку любви, которой всѣ возрасты покорны. Онъ знаетъ, что сердцу дѣвы нѣтъ закона, и потому его не удивляетъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Впоследствии, въ «Анжели» онъ скажетъ намъ:

Друзья! Повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой дузвв печальное зеркало,
Желанья женскія навѣки привязало
И пѣвнкой красотѣ поправиться могло?
Не чудно ли? Но такъ.

Страстные мечты украинки тяготѣли къ сѣдой головѣ, и рубцы чела, борода, проводимая жизнью, серебряная старость очаровали ее. Это, несомнѣнно, произошло оттого, что Мазепа былъ воинъ и былъ поэтъ. Въ темницѣ Кочубеи вспоминалъ пѣсни дочери своей, а пѣла она только тѣ пѣсни, которыя слыхала Мазепа, когда онъ бѣденъ былъ и малъ. Она пѣвца полюбила за пѣсни. Съ тѣхъ поръ, какъ были онѣ сложены, прошло много лѣтъ, и Мазепа сталъ не только богатымъ и могучимъ, но и старъ. Однако, въ пѣняхъ его сохранилась его молодость: пѣсни не старѣютъ. Поэту вѣчная подобаетъ юность. И вотъ Марія чувствовала и пѣвучими устами своими передавала молодость Мазепы, безсмертную жизнь его стиховъ,—что же могли значить для нея власы сѣдые? И могла ли она видѣть старымъ того, чью въ звукахъ сохранившуюся молодость она повторила и усилила молодостью своей? Кромѣ того, Мазепа былъ и воинъ. А воинъ тоже никогда не старѣетъ. Въ бою всѣ молоды. И Марія, любовница воинный строй и браанный звонъ литавръ, и кливъ предъ бунчукомъ и булавой малороссійскаго владыки,—Марія пала въ Мазепѣ чудное сочетаніе двухъ вѣчныхъ юностей—поэта и воина. Оттого за столомъ, когда бесѣда ливовала, она тихо слушала только гетманъ, какъ Дездемона слушала Отелло. Черный некенпровскій вождь, «сугль, пылающій огнемъ», зажигаетъ сердце золотой веневѣнки тѣмъ, что онъ рассказываетъ. Не можетъ не склониться женщина передъ рассказчикомъ и воиномъ,—поэту и полководцу отдавался Дездемона, отдавалась Марія.

Объ онѣ пошли навстрѣчу гѣри. Марія, когда-то знавшая только домъ, только

родную кровлю, «спирють укромный, гдѣ мирный ангелъ обиталь», теперь обрекла себя на вѣчное скитальчество. Послѣ отказа Мазепѣ въ ея рукѣ, отецъ и мать некали ей сердце усюкоить, боязнь и горе разогнать, тревогу смутныхъ думъ устроить,—но усюкоить и устроить влюбленное сердце можетъ только любовь. И Марія ушла отъ родныхъ,—«сея свѣтлица опустѣла». Черезъ недолгое время ушла она отъ Мазепы,—«свѣтлица тихая пуста». Ей не было пристанища, бѣдной скитальщицѣ, и не свѣтлицей былъ для нея міръ. Она не могла безъ трагедіи рѣшить рокового вопроса, который предложилъ ей Мазепа: «Отецъ или супругъ тебѣ дорож?» Мучительно всегда тому, кто долженъ выбирать: но Маріи падо было произвести особенно страшный женскій выборъ, и она, невѣдомо для себя, своимъ выборомъ казнила своего отца. Она убила того, кого любила; на родную голову опустила она сѣкиру, какъ новая Гретхенъ, которая, вѣвншимъ образомъ—нечаянно, внутренне—необходимо, убила свою мать. Кто покидаетъ родительскій домъ и отчей сѣни предпочитаетъ соблазномъ постланное ложе, та неминуемо дѣлаетъ и дальнѣйшій шагъ и отца или мать убиваетъ.

Дочка, казнившая отца, не выдержала потрясенія,—но, можетъ быть, не столько отъ своего дѣла, сколько отъ разочарованія въ любовникѣ. Онъ, видно, мало ее любилъ, если не хотѣлъ или не могъ пощадить ее дочерняго чувства. Въ тотъ мигъ, когда Марія потеряла отца, она потеряла и Мазепу, и потомъ съ ея безумныхъ устъ такъ мудро и символически прозвучали эти слова къ нему:

Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ измѣнился в ужасень,
Ты безобразень. Онъ прекрасень.
Въ его глазахъ блещить любовь,
Въ его рѣчахъ такая пѣвга;
Его усь бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохъ кровь.

Она помѣшалась не потому, что увидѣла помясть, на которомъ только что казнили ее отца и, можетъ быть, его отрубленную голову, а потому, что увидѣла настоящаго Мазепу. Въ это мгновеніе она замѣтила, что онъ старъ, и вотъ она называетъ его старикъ. Въ это мгновеніе предъ нею стала неслена и вмѣсто красоты явилось безобразіе, вмѣсто пѣни и любви—безире-

дѣльная жестокость, вмѣсто бѣлоснѣжныхъ сѣдинъ—запекшаяся кровь.

Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣтъ усынилъ.—

теперь порожба исчезла, совѣтъ пропустилась, ослѣвленный умъ прозрѣлъ и, не выдержавъ самого себя, перешелъ въ безуміе. Оно началось уже въ тотъ моментъ, когда на зарѣ Марію отъ сладкой дремоты пробудило чужое прикосновеніе. Марію показалось, что это Мазена (даже мать приняла она за Мазену), и она протянула съ томной нѣгой свои ищущія руки,—но слышится голосъ не любовника, а матери, и говоритъ онъ странное, неожиданное, потрясающее. Не бредъ ли это? «Какой отецъ? какая казнь?... Или ума лишилась я, или это грезы?»... Нѣтъ, это не бредъ, не грезы; это только дѣйствительность, которая внезапно рухнула на замечтавшееся сердце и раздавила умъ.

Правда, и раньше блаженство Марію затмевала одна печаль: она сквозь слезы воображала отца и мать («въ бездѣтной старости, однихъ») (быть можетъ, всего страшнѣе старость тѣмъ, что она бездѣтна, уже бездѣтна). Но это случалось только порою, и праздникъ ея страсти, кудрявыя сѣдины Мазены, склоненная къ ней въ колѣни старца гордая глава заслоняли бѣдные образы другихъ стариковъ, заглушали ихъ сиротливыя пени.

Казнь отца и собственное безуміе, все трагическое возмездіе любви, постигли Марію оттого, что на своей груди она ласкала змія. Пѣвецъ и воинъ былъ Гуда. Измѣна лежала въ самомъ существѣ его природы. Онъ измѣнилъ другу, царю, въ нѣкоторомъ смыслѣ—возлюбленной. Было ему суждено всегда порывать свои привязанности—уходить отъ прежняго. Замкнутый и непроницаемый, онъ былъ одинокъ, хотѣлъ стоять одинъ передъ грозой и собой довольствовался. Даже рабомъ любви не сталъ онъ и не хотеть «влачить позорныя оковы». Марія видитъ на немъ «власти знакъ»,—не только ту корону, которую въ глазахъ своей любовницы носить каждый любовникъ, но и царскій вѣнецъ вообще. Надменный, онъ не будетъ «искать надменнаго привѣта самолюбивой красотой». Передъ всѣми лицемѣрный и притворный, онъ только женѣ не будетъ притворствомъ искушать; онъ не достаиваетъ притво-

ряться передъ ними. Онъ за Марію не боролся съ Маріей,—онъ полюбилъ и изгнать. Ему не пришлось томиться любовной тоскою,—не тоскуеть коринуть по голубкѣ.

Мазена удовлетворяетъ свои страсти или подавляетъ ихъ, и тогда на ихъ поверхность ложатся думы, и онѣ еще больше скрываютъ роковую бездну его души. Всякая душа—бездна, а двойная душа измѣнника еще и бездна роковая. И Пушкинъ ее изображаетъ въ знаменитой характеристикѣ Мазены, которая даже среди скатыхъ и мощныхъ строкъ «Полтавы», въ закаленной стали ея стиховъ, звучитъ особенно неумолимо и безощадно:

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,

.....
Что онъ не вѣдаетъ святости,

Что онъ не помнитъ благости,

Что онъ не любитъ ничего,

Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,

Что презираетъ онъ свободу,

Что нѣтъ отчизны для него.

Эти стихи убиваютъ; это—смертный приговоръ, это—удары молота, которыми пригвождается Мазена къ позорному столбу. Здѣсь поэтъ перестаетъ быть только поэтомъ, и здѣсь—нѣчто больше и сильнѣе слова. И даже это до такой степени сильно, что самъ Пушкинъ не удержался на такой вершинѣ, на собственной высотѣ, и его дальнѣйшій Мазена не оправдываетъ этой казнящей характеристики: дальше—и колебанія, и жалость, и это безпричинное волненіе, когда на слабый крикъ, донесшійся до его слуха и совѣсти, онъ другимъ отвѣтствовалъ,—крикомъ бывшихъ сраженій, когда по полямъ побѣды скакалъ онъ рядомъ и «съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ». Мазена въ дѣйствіи мягче и мельче, лучше и какъ-то обыкновеннѣе, чѣмъ Мазена въ характеристикѣ. Мазена позднѣйшій, не закованный въ эти убійственные чѣто, способенъ раскаиваться и увлекаться, и какъ Марія плѣнилась имъ, такъ онъ, подобно ей, дѣвъ робкой, увлекся «своимъ собственнымъ бродягой» Карломъ и «бѣглымъ счастьемъ» его побѣдъ.

Поэтъ рисуетъ его какъ человека безъ отчизны (хотя во время бѣгства съ Карломъ «страшно взоръ его сверкаетъ, съ роднымъ прощаясь рубежомъ»). Не за Малороссію, а за себя, за свои усы сѣдые, заступился «измѣнникъ русскаго царя». Оттого, по мысли Пушкина, Мазена, ничѣмъ своихъ дѣлъ не освященный, никакой

идеи или вѣрой не проникнутой, становится все мрачнѣе и мрачнѣе (часто прилагается къ нему этотъ эпитетъ), и не въ силахъ онъ заглушить ропотъ сонный, угрызения змѣиной совѣсти своей, и звѣзды ночи какъ обвинительныя очи за нимъ насмѣшливо глядятъ. Впрочемъ, это не столько совѣсть, сколько любовь. Онъ разбилъ дочернее сердце Маріи и всю ея жизнь: но привыкшій разбивать и убивать, онъ теперь почувствовалъ себя безцѣльнымъ и неправымъ. Потому что онъ убилъ существо, все-таки любимое. И все, что надъ нимъ совершилось, и потерянный Полтавскій бой, и то, что разъ въ годъ анаемой донщи въ грозя гремятъ о немъ соборъ,—все это кара за Марію, за то, что не до конца любилъ онъ ее, за то, что любовникъ уступилъ гетману.

И еще потому палъ Мазепа, что въ одну телѣгу онъ врягъ копя и трепетную лань. Онъ вышелъ изъ своего одиночества, но рядомъ съ собою онъ, прирожденно-одиночкій, другой, другой не осмилъ, чужого присутствія въ своей негостепримной и сумрачной душѣ не претворилъ, и за это—наказанія совѣсти, которая больше поводовъ имѣетъ молчать, когда человекъ одинъ, и начинать свое укоряющее дѣло, когда ихъ двое.

Странный своимъ коварствомъ, безмѣрно-лукавый, властитель умовъ и сердецъ, не только мужскихъ, но и женскихъ, Мазепа однако, «вздвинулъ» (Мазепа вздвинувшій, скала, которая вздвинула), когда узналъ о доносѣ Кочубея. Можетъ быть, безознательно устранился Мазепа не врага политическаго, а оскорбленнаго отца. Видъ связи частнаго съ общимъ, семьи съ политикой, личнаго съ историческимъ существомъ вѣна въ «Полтавѣ» именно тѣмъ, что Кочубей свою отцовскую обиду отомщаетъ, перенося ея въ исторію, сочетая свою и своей дочери судьбу съ ходомъ европейскихъ событій. Тайный умыселъ Мазены раскрылся передъ Кочубеемъ,—«взоръ опасный, враждебный взоръ его прощкъ» (никто такъ не прощкателенъ какъ врагъ). И въ данномъ случаѣ врагъ дѣйствовалъ во многомъ такъ же, какъ и самъ Мазепа. Кочубей тоже свою «предпримчивую злобу» затаилъ въ сердцѣ и распускаетъ слухъ, что въ безцѣльной горести устремлялъ онъ мысли ко гробу; Мазепа въ горести притворной говоритъ, что не ему удвернъ гроба читать ученіе измѣнъ. Правда, далеко въ области притворства Кочубей зайти не

могъ, потому что онъ религіозенъ, а Мазепа къ одру своей «сомнительной кончины» кощунственно архиаствырязоветъ,—

И на коварныя сдѣланы
Елей таинственный течеть.

Накануиѣ казни, проводя свой послѣдній жизненный поцѣлъ (завѣдомо въ послѣдній разъ почуветь онъ въ мѣрѣ, и, быть можетъ, именно потому такъ тиха, такъ божественно-тиха участливая украинская ночь), Кочубей, горечью и обидой отца доведенный до плахи, еще переживаетъ настроеніе «святой мести»: не погасаетъ въ немъ жгучее пламя ненависти, и съ этимъ пламенемъ въ непрощающей душѣ протягиваетъ онъ руки ко Христу всепрощающему, къ вождю подъ знаменемъ креста. Страшно умереть, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему. Страшно умереть безъ преемника на своемъ жизненномъ престолѣ. Кому-нибудь надо передать наследіе своей вражды, но ибѣтъ наследника: дочь не отомститъ—

Она сама вамъ все разкажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ.

Но на мѣсто казни приближался Кочубей уже съ миромъ, съ небомъ примиренный, могущей вѣрой укрѣпленный, и онъ молился за своихъ враговъ. Есть великая поучительность въ его судьбѣ: не однажды звучитъ въ поэмѣ этотъ мотивъ: «богаты и славы Кочубей»,—и вдругъ отъ богатства и славы, отъ стараго дома, гдѣ онъ родился, переходъ кошмарный и трагическій—къ плахѣ, на эту смертную дорогу, которая, полна людей, шевелится, какъ змѣиный хвостъ. Но замыслу Пушкина, все это—слѣдствіе того, что пречуждою безмятежною жизнью Кочубей добровольно бросилъ не для Россіи, а для себя; не ревновалъ онъ, какъ Петръ, къ общему добру, а владела имъ хотя и законная, но все же личная ненависть. Отчаяніе и оскорбленіе отца, казненнаго дочерью, переиелъ онъ съ влѣбкомъ исторіи, и за это вмѣнательство частнаго раздавила его поступъ общаго судей.

Еще больше Кочубея ненавидитъ Мазепа жена Кочубея. Въ ней старымъ коршунномъ, заклеванымъ юною, чистою голубку, оскорблена не только мать, но и женщина. И потому она «гнѣва женскаго полна» и, истерившись, торопитъ супруга злобнаго; въ сущности она является главной виновницей всего, что произошло

дальше, и подаромъ это она проникла къ Маріи съ мольбою свести мужа.

Но есть въ поэмѣ еще одинъ незавидящій Мазепу (надъ головою послѣдняго сошлись лучи и мечи разной ненависти, придавъ ему трагическій ореолъ)—его несчастный соперникъ, тотъ безымянный казакъ, который съ младенческихъ годовъ любилъ Марію любовью страстной, любовью невысказанной, потому что отказа бѣ онъ не пережилъ,—тотъ казакъ, который при звѣздахъ и при луиѣ везъ доподъ на германца-злодѣя и не хотѣлъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, ни при опасной пересравѣ: ненависть, какъ и любовь, не можетъ отдыхать. Казакъ любилъ Марію «безмолвно, безнадежно» даже и тогда, когда позоръ Маріинъ огласился. Онъ не могъ слышать имени Мазепы,—«блѣднѣлъ, терзался тайно» (не только Маріи, но и никому не говорилъ о своей любви невѣдомый любовникъ). И если всѣ остальные «завидные» женихи, нахваставшіе къ Маріи толпою, равнодушно и безъ ревности приняли вѣсть о побѣдѣ Мазепы, то незамѣтный казакъ, изъ ихъ блестящихъ рядовъ когда-то удалившійся сиротой и уныло, въ общую вражду къ Гудѣ вилетъ свою безумную ярость, свою безумную ревность, и въ разгарѣ Полтавской битвы, самый ненавидящій, потому что самый любящій, рыцарь Маріи, онъ внесъ въ историческое сраженіе свой особый, свой личный бой, свою иную ненависть (какъ Палѣи внесъ ненависть свою); и на томъ самомъ неутомимомъ конѣ, который везъ его на сѣверъ въ степи необозримой, онъ устремился на Мазепу съ саблею въ рукахъ, но былъ застрѣленъ мушкетомъ Войнаровскаго, и его

потухшій зракъ

Еще грозилъ врагу Россіи;

Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,

И имя ѣзжое Маріи

Чуть лепеталъ еще языкъ.

Да, это ѣзжное имя, которое прошептали умирающія уста, было услышано Пушкинымъ въ канонадѣ Полтавскаго боя, въ шумѣ историческихъ волненій, и только потому создалась самая поэма. Пусть говорить она о событіяхъ, записанныхъ на міровыя скрижали, пусть она идеализируетъ войну, пусть она въ поэзію претворила исторію, но все это объективное и общее собралось вокругъ женскаго имени, вокругъ романа, и не напрасно каждая

изъ трехъ ѣзженъ «Полтавы» кончается образомъ ѣзжой и несчастной Маріи.

Въ поразительной энергіи, съ изкою описать полтавскій бой, въ грохотѣ словъ, передающихъ огненное впечатлѣніе битвы, слышится уже тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника. Неотдѣлимъ отъ Петра его ретивый и смиренный конь, гордящійся могущимъ сѣдокомъ,—и вотъ онъ, любимый Пушкинымъ, историческій русскій Кентавръ! Невидимо присутствуя въ «Полтавѣ» съ первыхъ страницъ ея, живой смыслъ той «смутной поры», той эпохи, которую она изображаетъ въ чертахъ немногихъ, но такихъ смѣлыхъ и сильныхъ, Петръ Великій появляется лично въ третьей ѣзжѣ и своею мощной фигурой осѣняетъ все. Воплощеніе боя, прекрасный и ужасный, онъ въ то же время—и среди «свожей спокойныхъ», которые въ разительномъ противоположеніи тревогамъ и волненію битвы, смотря на нее «взоромъ вдохновенья, движенья ратныя слѣдятъ, предвидятъ гибель и побѣду и въ тиши вѣдутъ бесѣду». Однако же сильный и въ тиши спокойнаго совѣта и въ шумѣ сраженья, Петръ одинъ воздвигаетъ себѣ огромный памятникъ, потому что свою личность онъ отожествилъ съ Россіей, съ большинствомъ себя,—между тѣмъ какъ остальные герои «Полтавы» свою страсть, свое чувство поставили превыше всего. Особенно отдѣляетъ Петра, человѣческимъ фономъ служить для него отважный Карлъ: Петръ на конѣ, Карлъ въ качалкѣ, и изъ нея, блѣдный, недвижимый, слабымъ маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки,—всю эту волнующую конницу и тяжкую твердость ѣзжоты. «Любовникъ бранной славы», онъ началъ въ Россіи особую традицію, до Наполеона создалъ наполеоновскую легенду, проложивъ кровавый путь «мужу рока»; онъ взметалъ русскія дружины,

Какъ вихоръ гонитъ прахъ долины

И клонитъ пыльную траву,—

но вихоръ жизни взметнулъ его самого, и теперь о немъ, скользнемъ надъ бездной, гласятъ лишь три мелкія углубленія въ землѣ,—три мхомъ поросшія ступени.

Такъ все поросло этой мертвой травой забвенья: все, кромѣ Петра—и кромѣ ѣзжи. Въ ней осталась и память о той, которая вдохновила Пушкина на его поэму.

Но дочь-преступница... Преданья

Объ ней молчать. Ея страданья.

Ея судьба, ея конецъ

Непроницаемую тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ пародомъ
Онъ пѣсни гетмана бречить,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Всѣ юныя казачки Россіи, всѣ ея дѣвы, эти внимательныя слушательницы пѣсней, узнали отъ пѣвцовъ о своей несчастной сестрѣ. Пѣвцу отдавшаяся, она и сохранилась теперь въ сочетаніи съ пѣснями своего любовника, которая, быть можетъ, ее предчувствовали, ея ожиданіемъ ды-

шали, и онѣ идутъ изъ устъ въ уста, и слѣпыя, старыя говорятъ о ней, молодой и прекраснѣй, и зоркой, о ея глазахъ, которые когда то блестѣли черными зѣздами, а истохъ, въ ночь безумной встрѣчи съ Мазеной, сверкали впамяте, луной освѣщенные. Слѣпой украинскій пѣвецъ, поучая и предостерегая, говоритъ о ней задумавшимся юнымъ казачкамъ, говоритъ объ ея грѣшной и горькой, дѣвичьей долѣ, и о томъ же, еще слаще, еще грустиже, еще жалостливѣе говоритъ Пушкинъ,—и слушаютъ, слушаютъ юныя казачки...

Ю. Айхенвальдъ.

«ПОЛТАВА» ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ 1).

I.

«Полтава» написана Пушкинымъ осенью 1828 года со скоростью изумительной: первая пѣсня была окончена 3-го октября, вторая—9-го, а третья—16-го числа. Черновая рукопись поэмы испещрена поправками, вставками, набросками и даже прерывалась рядомъ историческихъ стиховъ. Въ нихъ авторъ говоритъ о «ривнѣ, звучной подругѣ», которая на этотъ разъ измѣняла: видно, въ началѣ первой пѣсни (изображеніи Маріи Кочубей) работа требовала отъ поэта пѣкоторыхъ усилій. Однако, авторъ трудился съ большою усидчивостью и жаромъ, съ лихорадочной быстротой побѣждалъ препятствія, а сейчасъ по окончаніи черновой переписалъ всю поэму начисто и только передъ отданіемъ рукописи въ типографію выбросилъ два отрывка (изъ первой пѣсни о казакѣ, влюбленномъ въ Марію, 8 стиховъ, а въ третьей пѣснѣ изъ словъ сумасшедшей Маріи—16 стиховъ). Въ такомъ видѣ поэма пошла въ печать въ 1829 году, дополненная только посвященіемъ и предисловіемъ (съ эпитафией изъ «Мазенки» Байрона), написанными позже. Неизмѣненный текстъ «Полтавы» былъ переизданъ еще разъ при жизни поэта (въ 1835 г. «Поэмы и повѣсти» А. Пушкина). Пушкинъ ни разу не возвращался въ выработанный имъ текстъ,

ничего не измѣняя, не дополняя въ поэмѣ. Въ письмѣ къ Плетневу осенью 1829-го г. онъ говоритъ: «Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все» (II, 95).

Пушкинъ жилъ тогда то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ въ частыхъ переѣздахъ и въ постоянной тревогѣ. Особенно напряженно чувствовалъ себя Пушкинъ въ срединѣ 1828 года, когда возникли дѣла объ элегіи «Андре Шенье» и «Гавриладѣ». Первое дѣло окончилось приговоромъ Государственнаго Совѣта, призвавшимъ необходимымъ учредить за поэтамъ совѣтской надзоръ, какъ за неблагонадежнымъ. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ Николаемъ I въ августѣ 1828 года. Въ томъ же августѣ разбиралось въ особой комиссіи дѣло о «Гавриладѣ». Пушкина призывали, допрашивали; приходилось отрекаться отъ собственного произведенія (см. т. II наст. изданія, стр. 602). Тревожное настроеніе поэта вылилось въ стихотворенія, написанныя лѣтомъ 1828 г.:

Слова тучи падо мною

Собралися въ тишинѣ и т. д.

Эти непріятности и униженія сопровождались бездѣліемъ и картежемъ, ваграму предавался Пушкинъ лѣтомъ и въ началѣ осени этого года. Онъ говоритъ въ письмѣ П. Вяземскому отъ 1-го сент. 1828 г., что чувствуетъ себя «безиріютымъ, пустился въ свѣтъ» и «продолжаетъ образъ жизни, вослѣдствіи» имъ же въ стихахъ «А въ несчастные дни... Вяземскій пишетъ поэту (18/25 сент. 1828): «Узналъ я, что ты проигрывашь деньги... Дѣла не хороше... По сквер-

1. Ссылки въ настоящемъ очеркѣ сдѣланы на изд. сочиненій Пушкина подъ ред. П. О. Морозова («Просвѣщенія»). Указанія на письма даются или по изд. изданію В. И. Савцова или литер. фондъ (Лит. ф., т. VII, письма послѣ 1832 г.).

пой погодѣ я надѣялся, что ты уже бросилъ карты и принялся за стихи» (II, 76). Въ то время, какъ другъ поэта писалъ эти строки, надежда его исполнилась,—Пушкинъ отъ безудержнаго азарта перешелъ къ первому, упорному труду, отдавшись ему съ заносомъ: онъ писалъ «Полтаву». Въ «Воспоминаніяхъ» М. Юзефовича мы находимъ любопытныя строки: «Пушкинъ говорилъ, что только осенью овладѣваетъ имъ бѣсъ стихотворства ¹⁾ и рассказывалъ по этому поводу, какъ была имъ написана послѣдняя въ то время (лѣто 1829-го г.) поэма «Полтава». Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома. Писалъ цѣлый день. Стихи ему даже грезились во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ впотѣмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ; стихи преслѣдовали его и туда; онъ ѣлъ на скорую руку, что пошло, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ набросковъ не оставалось и четвертой части. Я видѣлъ у него,—продолжаетъ М. Юзефовичъ,—черновые листы, до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать: подъ зачеркнутыми строками было по нѣсколько рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста» (Рус. Арх. 1880 г., т. III, стр. 441).

Заключивъ «Полтаву», Пушкинъ ѣдетъ въ деревню Малинки, Тверск. губ., принадлежащую его другу А. Вульфъ. Тутъ онъ ухаживаетъ, шутитъ... Воспоминанія о пребываніи въ Малинкахъ въ этотъ и другіе разы остались у Пушкина надолго. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ о нихъ жепѣ 24 авг. 1833 г. (Лит. ф. VII, 318). Тамъ же Пушкинъ написалъ посвященіе къ «Полтавѣ»: «Тебѣ—но голосъ музы темной»... (27-го окт. 1828 г.) съ невошедшимъ въ печатное изданіе эпитафюмъ I love this sweet name» (люблю это нѣжное имя). Аппенковъ сближаетъ по времени сочиненія это посвя-

щеніе съ восьмистишіемъ «Я думалъ, сердце позабыло»... (Матеріалы, стр. 212). Правдоподобно, что это «нѣжное имя»—Марія, какимъ поэтъ именовалъ Матрону Кочубей. Въ письмѣ къ Вульфъ отъ того же числа, что и посвященіе, мы встрѣчаемъ упоминаніе о Маріи Васильевнѣ Борисовой. Пушкинъ говоритъ о ней, что она—«цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ», и что онъ «намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться» (II, 79). Но шуточный тонъ похвалы, да и самое содержаніе посвященія, не даютъ намъ возможности признать за М. В. Борисовой ту, которой посвящена «Полтава», и имя это остается загадкой. Вернувшись въ Петербургъ, Пушкинъ написалъ предисловіе къ поэмѣ (31-е января 1829 г.), и въ февралѣ того же года П. Плетневъ приступилъ къ изданію поэмы.

А для поэта настала самый тревожный періодъ жизни. Онъ мечется изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, встрѣчается съ Н. П. Гончаровой, дѣлаетъ ей предложеніе, получаетъ уклончивый полуотказъ, мчитса на Кавказъ (начало мая 1829 г.), проводитъ въ путешествіи три мѣсяца, 10 августа на возвратномъ пути проѣзжаетъ черезъ Владикавказъ и здѣсь находитъ, наконецъ, русскіе журналы. «Первая статья,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»,—попавшаяся мнѣ, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи (это былъ отзывъ Надеждина о «Полтавѣ» въ «Вѣст. Евр.» 1829 г., см. ниже). Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ».

И поэта, дѣйствительно, ожидали на роднѣи и житейскія, и литературныя тернія.

II.

Въ историко-литературномъ анализѣ «Полтавы» мы должны сосредоточить вниманіе на трехъ вопросахъ: о вліяніи на Пушкина южно-русскихъ впечатлѣній—быта, обстановки и природы; объ историческихъ и книжныхъ источникахъ поэмы, объ отношеніи поэмы къ созданіямъ другихъ писателей на тему, обработанную Пушкинымъ.

Пушкинъ пробылъ на югѣ Россіи болѣе четырехъ лѣтъ. Больше всего времени провелъ онъ въ городахъ—Кишиневѣ и Одессѣ, двѣ недѣли пробылъ въ Екатеринославѣ, побывалъ на переднемъ Кавказѣ и въ Крыму, ѣздилъ по Бессарабіи, наконецъ три раза посѣтилъ с. Каменку, извѣстнѣе Равскихъ въ Кіев. г. Чигиринск. у. Нѣкоторые изслѣдователи,

¹⁾ См. о пребываніи его въ Болдинѣ, Нижегород. г., осенью 1830 и 1833 гг.; слова въ письмахъ къ П. Вяземскому: «Не пишу покаместъ ничего, ожидаю осени» (II, 267), П. Плетневу: «Осень подходитъ. Это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнеть; пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ» (II, 172).

опредѣляя вліяніе украинскихъ впечатлѣній—природы, жизни, быта и т. п.—такъ сказать, исторіи и этнографіи малорусской, старались выискать и, какъ намъ думается, преувеличить значеніе этихъ впечатлѣній. Проф. П. Сумцовъ говоритъ, что, «хотя Пушкинъ пребывалъ очень короткое время въ Екатеринославѣ, но, по словамъ Смирновой, записалъ здѣсь двѣ сказки, неизвѣстно какія. Предполагаю (?), что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о полетѣ вѣдьмы. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ знакомъ съ народной словесностью и пѣснями (очевидно, украинскими), доказательствомъ чего служить «Казакъ», и со сказками, какъ видно изъ «Гусаря». Затѣмъ, въ концѣ «Полтавы» есть указаніе, что Пушкинъ знакомъ былъ съ украинскими кобзарями, по крайней мѣрѣ, видѣлъ ихъ» («Этюды о Пушкинѣ», 268, 272). Но—«Записки» Смирновой представляютъ матеріалъ весьма проблематической достовѣрности; «Казакъ», «донецъ, хватъ—Денисъ» написанъ въ 1814 г.; «Гусарь» же въ 1833 г. уже послѣ знакомства поэта съ Гоголемъ и его «демонологіей» въ повѣстяхъ; а слѣдующихъ украинскихъ кобзарей, брягачащихъ мимоходомъ о грѣшной дѣвѣ, скорѣе всего Пушкинъ, какъ и никто другой, совсѣмъ не видѣлъ.—Проф. П. Владимировъ находитъ, что въ «Полтавѣ» все проникнуто мѣстными красками: Киевскія высоты, сады съ тополями, замки, хутора, сѣніи Дибирь, пѣнь гетманъ, сердюки, долгогривые кони, погони, грабежи, кровавыя сцены и рядомъ—«моленье ликовъ громогласныхъ за упокой души несчастныхъ» («Памяти Пушкина», Сборникъ Киевск. универ. 1899 г., стр. 44). Почему все это—мѣстные черты и краски—мы никакъ не можемъ понять, а «погони, грабежи, кровавыя сцены и моленье ликовъ» развѣ могутъ скорѣе напомнить объ Ивѣ Грозномъ, а никакъ не объ исключительно украинскихъ бытовыхъ свойствахъ и историческихъ особенностяхъ.

Г. Буланевъ даетъ глухое сообщеніе о томъ, что Пушкинъ, посетивъ Киевъ, всецѣло проникнулся здѣсь національнымъ чувствомъ (!) и народностью, и подъ этимъ впечатлѣніемъ создалъ «Пѣсь о Вѣщемъ Олегѣ» («Сборникъ Пушкину» Киевск. Педагогич. об-ва 1899 г. стр. 72). Въ упомянутомъ же Сборникѣ мы находимъ большую статью профес. П. Петрова: «Отно-

шеніе поэзіи Пушкина къ украинской жизни и поэзіи». Авторъ утверждаетъ, что въ Киевъ и въ Каменку поэтъ удалялся и отдыхалъ тамъ отъ прилива сильныхъ впечатлѣній, только что полученныхъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, сосредоточивался въ себѣ и очищалъ эти впечатлѣнія въ горнилѣ «художественнаго творчества, сводя счеты съ прежнею жизнью» (стр. 155). Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя и даже противорѣчающія извѣстнымъ фактамъ и письмамъ Пушкина: въ Киевъ поэтъ ѣздилъ на свидѣбу своихъ хорошихъ знакомыхъ (М. О. Орлова и Ек. П. Раевской) и прожилъ не болѣе двухъ недѣль, ничѣмъ не отразившихся въ его творчествѣ и воспоминаніяхъ (написано въ Киевѣ одно стихотвореніе «Земля и море» 8-го февр.). Въ с. Каменку Пушкинъ совсѣмъ ѣздилъ не за тѣмъ, о чемъ пишетъ проф. Петровъ. Въ письмѣ къ Н. Грѣдичу отъ 4-го дек. 1820 г. изъ Каменки поэтъ опредѣленно говоритъ: «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами... Женщинъ мало, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ (1, 22)», и, очевидно, слѣдовательно, немного впечатлѣній отъ украинскаго быта и природы. Новѣйшій изслѣдователь пребыванія поэта въ Каменкѣ, проф. Лобода тоже приходитъ къ заключенію, что «Пушкинъ былъ равнодушенъ къ самой Каменкѣ» (Киевск. сборникъ «Памяти Пушкина»). Не менѣе произвольно утвержденіе проф. Петрова, что «ко времени поѣздокъ Пушкина въ Киевъ и Каменку относится его «Пѣсь о Вѣщемъ Олегѣ», написанная если не въ Киевѣ, то подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ. Эта пѣсь довольно ясно (?) указываетъ на (киевскую гору) Щекавицу. Пушкинъ, конечно, былъ на этой горѣ» (Ор. cit. 155). Поэтъ могъ быть и не быть на горѣ Щекавицкаго кладбища, имѣющей сомнительное отношеніе къ князю Олегу, но доподлинно извѣстно, что «Пѣсь» о немъ онъ написалъ въ Кишиневѣ и болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ посвященія Києва (1-го марта 1822 г.) Совершенно необоснованы и дальнѣйшія утвержденія профессора, что мысль написать поэму «Полтава» зародилась у Пушкина на югѣ Россіи, что «въ центрѣ самой Украины, въ Киевѣ или Каменкѣ, онъ узналъ то, чего не могъ узнать около Бендеръ отъ казака Пескря» (т.-е. о Мазепѣ и его могилѣ), наконецъ, что «черты образа Маріи у Пушкина на-

вѣяны жезеками украинскими ибсеями». (Ор. с. 156—157).

Въ дѣйствительности, Пушкинъ немного вынесъ впечатлѣній изъ Малороссіи. Языка ея онъ не зналъ; пребываніе его тамъ было кратковременнымъ и сибшимъ. Сильныя переживанія и воспоминанія о Кавказѣ, Крымѣ, даже Бессарабіи заслоняли для него мимолетныя впечатлѣнія отъ украинской жизни и природы. Интересы Пушкина въ 1820—1822-хъ гг. были далеки отъ какихъ бы то ни было этнографическихъ соображеній и желаній проникнуть въ своеобразную народную жизнь Украины. Проніей звучитъ, когда поклонники поэта выписываютъ «рѣчь малорускаго народа» и находятъ три украинскихъ слова въ «Полтавѣ» — стѣло, хуторъ, катъ («Гусаръ» цѣлыхъ шесть:

Дѣпръ, Маруся, черпобрива, галушки хлопещъ, дурень и эге! (Сумцовъ, Владимировъ). Фактъ этотъ—мы бы сказали, равнодушія къ Малороссіи—неожиданъ особенно потому, что Пушкинъ при созданіи, напримѣръ, «Кавказскаго Пѣвника», «Цыганя» и «Бахчисарайскаго Фонтана» очень интересовался мѣстными красками и своеобразными чертами жизни и быта цыганъ и крымскихъ татаръ, даже ввелъ въ одну поэму черкесскую, въ другую — татарскую, въ третью молдаванскую ибсени.

Впрочемъ, самымъ изслѣдователямъ приходится себѣ противорѣчить и сознаваться въ томъ, что мѣстныя черты «Полтавы» выступаютъ не рѣзко», что «Петръ В. и Полтавскій бой заслонили отъ Пушкина подробности внутренней жизни старой Малороссіи XVII—XVIII вв.», что слова объ украинскіихъ пѣвцахъ «безцвѣтны» и т. п. (Владимировъ, Ор. с., стр. 43—45), Проф. Сумцовъ принужденъ также признать, что выписанный поэтомъ «изъ Кіева и Каменки

впечатлѣнія были слабы», что «лучшій остатокъ ихъ—описаніе Украинской ночи, но во всемъ остальномъ мѣстный колоритъ очень слабъ или совсѣмъ отсутствуетъ», что «по происхожденію, образованію, своимъ интересамъ самъ Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи, и знакомство его съ этимъ краемъ было болѣе книжное, чѣмъ личное» (Ор. с. 268—269). По поводу же описанія Украинской ночи мы замѣтимъ, что гений Пушкина далъ правдивыя и яркія описанія Песниці, которой онъ никогда не видѣлъ; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ создалъ чудную картину ночи въ Малороссіи, которую видѣлъ.

Есть два несомнѣнныхъ факта прямого отношенія Пушкина къ Украинской этнографіи и исторіи, но факта незначительныхъ, на которые изслѣдователи не обращали вниманія. 18-го октября 1822 г. поэтъ писалъ брату изъ Кишинева о присылкѣ книги «Цертелева, древній стихотворенія» (1,58). Этой книгой могъ быть только «Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсней», изд. Цертелевымъ въ 1819 г. Но получивши эту книгу Пушкинъ, мы не знаемъ. Другой фактъ касается исторіи Украины. Въ Августѣ 1833 г. поэтъ былъ

МАЗЕНА.

(Музей Тарновскаго въ Черниговѣ).

въ имѣніи Гончаровыхъ, с. Яропольцѣ, Волоколѣм. у. Московс. г. и писалъ жепѣ: «П. Пв. (теща) разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед. водилъ меня на его гробницу» (Лит. ф. VП, 319). Упомянутый здѣсь Дорошенко—извѣстный украинскій гетманъ, который умеръ въ 1698 г. и похороненъ въ с. Яропольцѣ. Есть еще одинъ фактъ, часто упоминаемый при указаніяхъ на украинскія симпатіи Пушкина. М. Максимовичъ, бывшій съ поэтомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, рассказываетъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина, онъ засталъ

поэта за своимъ сборникомъ пѣсенъ: «А я обираю ваши пѣсни», сказалъ Пушкинъ. Дѣло идетъ о сборникѣ Максимовича «Малороссійскія пѣсни», изд. въ 1827 г. Но однако, какихъ-нибудь слѣдовъ этого «обирания» въ «Полтавѣ» мы не находимъ, и, вѣрнѣе всего,—слова Пушкина были любовью, сказанною шутивнымъ тономъ приятелю и поклоннику. Такихъ между украинцами у него было нѣсколько лицъ: кромѣ Максимовича, Пушкинъ былъ хорошъ съ Н. Марковичемъ, впоследствии авторомъ малорусской исторіи, съ переводчикомъ его «Полтавы» на малорусскій языкъ Е. Гребенкой, поэтомъ А. Родзянкой, помѣщикомъ М. Судѣнкомъ и др. Не говоримъ, конечно, о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю. Последнія, несомнѣнно, скрѣпили и расширили знакомство и связи Пушкина съ Малороссіей, ея исторіей и поэзіей, но это относится уже къ послѣднимъ годамъ жизни поэта.

Вотъ каковы были живыя, дѣйствительныя, непосредственныя отношенія къ Украинѣ и украинцамъ. Для произведеній, въ которыхъ изображалась Малороссія, поэтъ нуждался въ ближайшемъ знакомствѣ. И «Полтава» создана не подъ непосредственными украинскими впечатлѣніями, а послѣ ознакомленія съ книжными матеріалами.

III.

Пушкинъ былъ знакомъ съ исторіей Мазены и интересовался эпохой борьбы Петра I съ Карломъ XII еще задолго до созданія «Полтавы». Несомнѣнно, что первымъ по времени источникомъ для этого знакомства служили поэту Вольтеровы «Исторія Карла XII и Петра Великаго. «Исторія Карла XII» послужила источникомъ и для Пушкина, и для Байрона, и для другихъ писателей. Она дала Пушкину первыя свѣдѣнія о Мазенѣ. Изъ Вольтеровой же исторіи Карла Пушкинъ почерпнулъ — позже, вѣроятно, подробности о договорахъ гетмана съ Польска въ Шведекимъ королямъ, о положеніяхъ Карла XII въ Польнѣ и Савсоніи (см. слова Мазены Орлику), о подробностяхъ Полтавской битвы (когда Петра I, кэчакъ Карла) о совмѣстномъ бѣгствѣ Мазены и Карла къ Дибру, а также о пребываніи Карла XII въ Бендерахъ (см. «Эпиграма»). У Вольтера разсказано тоже подробно объ отношеніи Петра къ шведскимъ пѣвицамъ, о надеждѣ царя видѣть среди нихъ короля (Петръ принималъ пѣвицкиню и каждую минуту спрашивалъ: «Гдѣ же брать

мой Карлъ?») и объ угощеніи шведскихъ генераловъ, которыхъ онъ хвалилъ за истинно-вѣрную службу своему государю и шлъ за здоровье «учителей своихъ въ военномъ искусствѣ» (т. IV).

Канвой для фабулы «Полтавы» послужилъ историческій разсказъ Д. Бантыша-Каменскаго, а для 3-й пѣсни и изображенія военныхъ событій—«Дѣянія Петра В.» Голубова и «Журналь или поденная записка блаженной памяти Г. П. Петра В.», изд. Щербатовымъ въ 1772 г.—Бантышъ-Каменскій издалъ въ 1822 г. свой обширный трудъ «Исторія Малороссіи» въ 4-хъ большихъ томахъ. Эта исторія носитъ на себѣ типичныя черты исторіи Карамзинскаго періода,—полна реторики и казеннаго наоса, обилуетъ общимъ мѣстамъ и субъективными приговорами. Третій томъ ея и часть четвертаго посвящены Мазенѣ и его времени. До 40-хъ годовъ, т. е. до появленія «Исторіи Малороссіи» Н. Марковича (1842 г. и «Исторіи Русовъ», изд. О. Бодянскимъ (1846 г.)), это былъ единственный распространенный источникъ по малорусской исторіи, кромѣ лѣтописей XVII—XVIII в., мало извѣстныхъ обыкновеннымъ читателямъ. Можно предполагать, что Пушкинъ уже на югѣ былъ знакомъ съ книгой Бантыша-К., такъ какъ онъ, благодаря указанію въ ней на мѣсто погребенія въ с. Варшцы, близъ Бендеръ (у Вольтера только глухо упоминается о смерти Мазены), предпринялъ безполезныя розыски гетманской могилы. О нихъ разсказываетъ Липранди въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ началѣ 1824 г. въ Одессѣ Пушкинъ узналъ, что въ Варшцѣ живетъ глубокой старикъ, Николай Пскра, знавшій еще походъ Карла XII. Поэтъ собрался и поѣхалъ съ Липранди. Пскру, чуть не 130-лѣтняго старика, отыскали. Онъ многое разсказывалъ о Карлѣ, но ничего не могъ припомнить о Мазенѣ. Пушкинъ не отставалъ, толкая старика, что Мазена былъ казачій генералъ и православный, а не бусурманъ, какъ шведы, но напрасно. Поэтъ, не теряя надежды отыскать могилу, спрашивалъ, пѣтъ ли еще такихъ же стариковъ, какъ Пскра, пѣтъ ли старинныхъ церквей поблизости. По ему отвѣчали, что подобныхъ стариковъ пѣтъ, а что церкви еще прежде были «спалены татарами». Раздосадованный и недовольный Пушкинъ возвратился въ Бендеры, а оттуда въ Одессу (Рус. Арх. 1866 стр. 1464). Но если даже поэтъ получилъ свѣдѣнія о Вар-

ницѣ помимо Бантыша-Каменскаго, то его «Исторію Малороссіи» онъ уже зналъ хорошо во время созданія «Полтавы», потому что подробности разсказа въ поэмѣ вцѣлѣмъ соотвѣтствуютъ, идутъ согласно и послѣдовательно изложенію въ этомъ историческомъ пересказѣ. Въ приложеніяхъ къ III-му тому книги поэтъ нашель, конечно, и письма Мазепы къ Петру (о «дьявольскихъ искушеніяхъ» на взмѣну и о вѣрности гетмана), и его же письма къ Кочубею и обратно (по поводу дочери), и «Инструкцію отъ кор. Станислава къ Мазепѣ», и, наконецъ, патриотическую малороссійскую думу, приписываемую Мазепѣ—«Всі покою щиро прагнуть»... (Прилож. XI, XII, XVI, XVII, XX) и др. Поливановъ въ своемъ изд. Пушкина подробно прослѣдилъ шагъ за шагомъ, какъ текеть «Полтавы» совпадаетъ съ изложеніемъ событій у Бантыша-Каменскаго; въ той-же мѣрѣ Пушкинъ слѣдовалъ «Дѣяніямъ» Голицова и «Журналу Петра В.».

Къ источникамъ «Полтавы», причисляютъ рукописную «Исторію Руссовъ». Это тенденціозно-патриотическое сочиненіе, въ малорусско-пняхетскомъ смыслѣ, приписывалось извѣстному епископу XVIII в. Георгію Конисскому. Несомнѣнно, однако, что оно написано въ первой четверти XIX в., вѣроятно же всего,—Г. А. и В. Г. Полетиками, отцомъ и особенно сыномъ, украинскими патриотами—дворянами, либерально и конституціонно настроенными. «Исторія Руссовъ» въ рукописи появилась въ обращеніи въ 20-хъ гг. Старѣйшая рукопись извѣстна отъ 1828 г. въ Стародубщинѣ. Мѣстный помѣщикъ Шпрай снялъ коніи съ нея и одну изъ нихъ переслалъ Бантышу-Каменскому (во 2-мъ изд. его «Исторіи» 1830 г. замѣтно вліяніе этого сочиненія). Въ 1829 г., должно быть, познакомился съ рукописью и М. Максимовичъ. Напечатанная лишь черезъ 16 лѣтъ, она была такъ распространена въ рукописяхъ, что оказала сильное вліяніе на историковъ и поэтовъ, касавшихся малорусской старины—Марковича, Срезневскаго, Шевченко, П. Кулиша (Романъ «Мих. Чернышенко»), Костомарова (драма «Косинскій»), Е. Гребенку («Нв. Золотаренко»); наконецъ, Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ» (статья Гоголя «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи» въ «Жур. М. Пар. П.» 1834 г. № 4 составлена тоже по «Исторіи Руссовъ»). Самъ Пушкинъ далъ о ней похвальный отзывъ въ рецензій на Собраніе сочиненій Конисскаго. Но, вопреки мнѣнію нѣкото-

рыхъ комментаторовъ (В. Стоюницъ, П. Сумцовъ и др.), мы можемъ смѣло утверждать, что Пушкинъ въ 1828 г., во время созданія «Полтавы», совсѣмъ не былъ знакомъ съ «Исторіей Руссовъ». Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только то, что даже такіе специалисты по исторіи Малороссіи, какъ Бантышъ-Каменскій, Марковичъ и Максимовичъ познакомились съ Псевдо-Конисскимъ въ 1829 г., но и тщательное изслѣдованіе «Исторіи», не давшее указаній на какіе-нибудь слѣды ея въ поэмѣ. Пушкинъ упоминаетъ о Лѣтописи Конисскаго лишь въ 1830 году въ примѣчаніи къ своимъ «Критическимъ замѣткамъ». Приблизительно около этого времени и познакомился Пушкинъ съ «Исторіей Руссовъ», очевидно, черезъ своихъ друзей малоруссовъ. На заинтересованность Пушкина малорусской исторіей именно въ 1830 г. указываетъ и его замѣтка о Малороссіи того же года. Поэта занимали вопросы: «Что нынѣ называется Малороссіей? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнута она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ вліяніемъ татаръ? Отъ Гедимина—до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго—до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго—до Мазепы, отъ Мазепы—до Разумовскаго» (Сочин. т. VII, стр. 26). Весьма вѣроятно, что именно объ этой малорусской рукописи пишетъ Пушкинъ, разсказывая жепѣ о встрѣчѣ въ Москвѣ съ П. Раевскимъ въ Августѣ 1833 г., когда онъ спросилъ своего пріятели, интересовавшагося малорусской исторіей: „Qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-russien?“ (Лит. ф. VII, 322).

В. В. Спировскій въ своей книгѣ о Пушкинѣ указываетъ на то, что «особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ К. Рылѣева «Войнаровский» (стр. 529). Затѣмъ изслѣдователь сопоставляетъ и построено слышитъ текеты этого предисловія и поэмы и указываетъ, будто именно это краткое предисловіе и было историческимъ источникомъ, такъ что даже недоумѣнія Корниловича по поводу характера и дѣлей измѣны Мазепы являются источникомъ подобныхъ же «недоумѣній» и Пушкина. (Ор. с. 532). И съ Бантышомъ-де поэтъ былъ знакомъ, но взялъ изъ него лишь «нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ» и «текеть письма Мазепы къ Петру» (533). По офицеръ генеральнаго штаба А. О. Корниловичъ (авторъ карманной книжки «Рус-

ская старина» для любителей отечества на 1825 г.) написал для пріятеля своего Рылѣва предисловіе — «жизнеописаніе Мазепы» по Бантышу-Каменскому, ограничивъ изложеніе событій даже однимъ третьимъ томомъ «Исторіи Малороссіи». Съ какой же стати Пушкинъ, хорошо уже знакомый къ 1828 г. съ источникомъ знаній Корниловича, не пользовалъ-бы не этотъ первоисточникъ, а плохую компіляцію. Та же надо сказать и о примѣчаніи къ «Войнаровскому» о Пали: Пушкинъ, конечно, изъ Бантыша, а не изъ этого указанія почерпнулъ свѣдѣнія о хвостовскомъ полковникѣ, который, замѣтимъ, никогда никакимъ гетманомъ не былъ (Ор. с. 537). Что же касается вообще примѣчаній къ поэмѣ Рылѣва и Пушкина, то сближеніе ихъ — одно недоразумѣніе. Примѣчанія Пушкина (кетати, показывающія, что источникомъ поэмы былъ именно Бантышъ-К., а не Корниловичъ) совсѣмъ не имѣли того смысла, какой послали они у Рылѣва. У Рылѣва примѣчанія и предисловія потому характерны, что ими авторъ хотѣлъ защитить свою поэму отъ цензурной подозрительности (въ этомъ не имѣлъ надобности Пушкинъ). Въдѣ Рылѣвъ съ нескрываемою симпатіей говорилъ о селѣномъ Войнаровскомъ и изображаетъ Мазепу патриотомъ-неудачникомъ.

IV.

Крайне малочислены художественныя произведенія, касавшіяся Мазепы и Полтавской битвы до Пушкина. Не будемъ говорить о Ломоносовѣ. — Его «Петръ Великій» никакого отношенія къ «Полтавѣ» не имѣетъ. А попытки сблизить обоихъ поэтовъ приводили къ тому лишь, что находили сходство между стихами Пушкина о конѣ Петра:

И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могучимъ сводомъ,

и стихами Ломоносова изъ «Оды Импер. Елизаветѣ 1750 г.»

И топчетъ бурными погами.
Прекрасной вѣщицей (Елизаветой) гордится.

Въ 1784 г. неизвѣстный авторъ издалъ совершенно бездарную повѣсть «Прекрасная Россіянка», въ которой касался любовныхъ походовъ Мазепы, но отноду не исторіи съ дочерью Кочубея. Въ 1803 году пѣвчій іезуитъ Никодимъ Муницкій

издалъ въ Полоцкѣ на польскомъ языкѣ поэму изъ 10 пѣсняхъ — «Pultawa», не имѣющую никакого серьезнаго литературнаго значенія. Не многимъ выше этой поэмы ода Мерзлякова, напыщенная, безформенная, пренеполненная ходульно-патріотическаго пафоса, тяжелая по мысли и слогу. Она была прочтена на актѣ московскаго университета и напечатана въ «Вѣсти. Евр.» 1827 г. № 12. — На такомъ же актѣ въ 1825 г. прочтано было менѣе ходульное, болѣе короткое и болѣе удачное стихотвореніе Пик. Писаревымъ (помѣщенное потомъ въ Сборникѣ рѣчей Моск. у-та 1825 г.). Тутъ мы находимъ, въ обычномъ повышенномъ тонѣ, восхваленіе Петра, рассказъ о встрѣчѣ его съ Карломъ подѣ Полтавою, восклицаніе — «Полтава! Ты царей учитель!» и сравненіе Петра I съ Александромъ I, изгнавшимъ французовъ изъ Москвы. Пѣтъ, однако, никакихъ данныхъ о томъ, что Пушкинъ былъ ли знакомъ съ этими повѣствованіями и виршиами.

«Мазепу» Байрона (1819) нашъ поэтъ зналъ задолго до созданія «Полтавы». У Байрона рассказъ ведется отъ лица Мазепы. Во время бѣгства послѣ Полтавскаго сраженія, на почлегѣ, гетманъ повѣствуетъ Карлу XII о любви къ молодой Терезѣ, о мести ея стараго мужа, о скачкѣ Мазепы, привязаннаго къ коню, по украинскимъ степямъ, освобожденія его и о мести гетмана, сжегшаго и уничтожившаго внослѣдствіи замокъ своего врага. Рассказъ Мазепы имѣетъ пѣкоторое отношеніе къ личной судьбѣ Байрона, около этого времени полюбившаго молодую жену стараго венеціанца Терезу Гвиччюли. Въ предисловіи Байронъ говоритъ, что источникомъ для него послужила Вольтерова Исторія Карла XII. Главнѣйшій интересъ поэмы заключается въ описаніи бѣшеннаго скачки коня, страданій и думъ Мазепы и въ изображеніи дикой, хотя и нестройной для Украины, чудной степной природы. Мазепа у Байрона напоминаетъ излюбленныхъ героевъ поэта. Онъ, прикованный къ коню, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, испытываетъ величайшія муки, изображенный съ тою изумительной силой, съ какою умѣлъ вообще изображать человѣческія мученія Байронъ. Но страданія не подорвали ни физической, ни духовной мощи Мазепы. Его до конца не покидаетъ вѣра въ свои силы, несмотря на исѣ неудачи и горе жизни; онъ безграниченъ въ своемъ мщеніи и злобѣ, не знаетъ мѣры ни хорошему, ни дурному.

Пушкинъ взялъ эпитафю къ «Полтавѣ» изъ первой строфы поэмы:

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar, & c.
И мощь, и доблесть извѣщанъ,
Какъ ихъ служитель,—человѣкъ,
Примкнувъ тѣлесно въ новой силѣ,
Къ царю Москвы. (Перев. В. Мазуревича)

Этотъ эпитафю Пушкинъ сперва хотѣлъ перевести стихами, потомъ оставилъ безъ перевода (См. П. Шлякина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 11; набросокъ «То было вскорѣ послѣ боя...» невѣрно относится издателемъ къ впечатлѣніямъ Арзрумской побѣдки поэта, стр. VIII). Та же первая строфа «Мазены» Байрона пришла себѣ отголосокъ въ описаніи Пушкинымъ похода Карла въ Россію («Онъ шелъ на древнюю Москву...») и въ воспоминаніи о Наполеонѣ и походѣ на Москву.

Другихъ опредѣленныхъ слѣдовъ вліянія «Мазены» на «Полтаву» отмѣтить нельзя. Въ общемъ, Мазена у Байрона — характеръ злой, но героическій; у Пушкина — онъ злодѣй съ головы до ногъ. Пушкинъ уничтожилъ во 2-мъ изданіи эпитафю и не любилъ указаній на отношеніе его поэмы къ Байроновской *).

Онъ указывалъ на то, что его занимала тема, которой не коснулся Байронъ: исторія обольщенной дочери и казненнаго отца (см. ниже). По свидѣтельству Вяземскаго, поэтъ досадовалъ на то, что Байронъ «взялся за Мазену и не доблалъ». Въ «Полтавѣ» эту задачу какъ бы и выполнилъ Пушкинъ.

Гораздо больше значенія для «Полтавы» имѣла поэма Рылѣва «Войнаровскій». Пушкинъ относился къ началу поэтической дѣятельности Рылѣва насмѣшливо. Такъ, въ письмѣ къ брату Льву онъ пишетъ 30-го янв. 1823 г.: «Знаменитый Рылѣвъ употребляетъ слово думы, которое по-русски ничего не значитъ» **) (1,65).

*) Письмо Плетневу о «Полтавѣ» наконецъ впервые въ «Соврем.» 1838 г., т. IX содержало въ себѣ французскій переводъ трехъ отрывковъ изъ «Мазены» Байрона, которые были приведены Пушкинымъ съ намѣреніемъ подтвердить разницу между его «Полтавою» и произведеніемъ англійскаго поэта. Изд. Анненковымъ, т. V, стр. 109.

**) Пушкинъ остритъ въ другомъ мѣстѣ, что слово думы произноско «отнюдь не отъ польскаго, а отъ нѣмецкаго d u m s h» 1218 Ср., однако, у Крылова: «И думатьъ свою онъ думу безъ шуму» — «Дѣл бочка».

По уже въ слѣдующемъ году мы видимъ совсѣмъ иное отношеніе Пушкина къ Рылѣву. Причиной этого была его поэма «Войнаровскій». Отрывки изъ нея появились въ «Полварной Звѣздѣ» 1824 г., а вся поэма — въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Рылѣву: «Жду «Пол. Зв.» съ нетерпѣніемъ. Знаешь для чего? Для Войнаровскаго (1,168). Познакомившись съ поэмой, онъ пишетъ брату: «Съ Рылѣвымъ мирюсь: «Войнаровскій» полонъ жизни» (1,95). По поводу «Думы» мы встрѣчаемъ въ черновикѣ письма Пушкина къ Вяземскому, что онъ прочелъ ихъ недавно и еще не ознакомился — такъ авторъ ихъ вдругъ выросъ (1,83). Впрочемъ, послѣдующіе отзывы Пушкина одумать болѣе чѣмъ сдержанны. «Думы Рылѣва и цѣлѣтъ, да не внопадѣ» сообщалъ онъ Жуковскому въ началѣ июня 1825 г. (1,223). Всѣмъ имъ онъ предпочиталъ «Войнаровскаго»: «Рылѣва «Войнаровскій» (письмо А. Бестужеву 12-го янв. 1824 г.) несравненно лучше всѣхъ его «Думъ»; слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ» (1,96). Между обоими поэтами завязалась дѣятельная переписка. Рылѣвъ былъ радъ, что «Войнаровскій» понравился Пушкину, а Пушкинъ пересылалъ ему замѣчанія и похвалы, такъ что авторъ поэмы и другъ его Бестужевъ удивили Пушкина даже въ томъ, что онъ — «великій льстецъ». Это заставило послѣдняго написать Бестужеву (24-го Марта 1825 г.): «Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣву? Миѣніе свое о его думѣхъ я сказалъ вѣдучъ и ясно, о поэмѣхъ его — также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ учитель моего дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ... Ради Христа! Чтобъ онъ писалъ — да болѣе, болѣе!» (1,196).

Поэма «Войнаровскій» (въ 2-хъ частяхъ) изображаетъ пребываніе героя въ далекой ссылкѣ, въ Якутскѣ (Войнаровскій — племянникъ и наследникъ Мазены, удалившейся съ нимъ за границу, былъ схваченъ въ 1716 г. по приказанію Петра I въ Гамбургѣ и отправленъ въ Сибирь). Тамъ его случайно встрѣчаетъ путешествовавшій по Сибири извѣстный ученый Миллеръ въ 1736—1737 гг. и ведетъ долгія бесѣды. Войнаровскій рассказываетъ о себѣ, о Мазенѣ, о событіяхъ борьбы Карла и Петра и о гибели гетмана, его плановъ и близкихъ ему людей. Миллеръ удивляется уму, образованности и патриотизму Войнаровскаго и любилъ почасть и подолгу бесѣдовать съ

нимъ. Но однажды, когда Миллеръ сѣвшиль обрадовать несчастнаго изгнанника вѣстью объ освобожденіи, онъ засталъ его замерзшимъ на «сломѣ гробовомъ» своей вѣрной женой, «подъ наклонившимся крестомъ». Поэма Рылѣва далеко не блещетъ художественными образами, но полна «гражданскихъ» мыслей и обильна удачными и выразительными стихами.

Войнаровскій обрисованъ симпатичными чертами, и положеніе сѣльнаго вызываетъ глубокое сожалѣніе къ нему. Что касается Мазены, то гетманъ изображенъ человѣкомъ сильнымъ, страстнымъ, рѣшительнымъ, на совѣсти котораго лежитъ много мрачнаго, но совѣсть глубоко тревожитъ Мазену и вызываетъ мучительныя раскаянія. Главная черта, отмѣченная авторомъ въ Мазенѣ, — безавѣтный патріотизмъ. Гетманъ рассказываетъ, что—

Ее (родну) спасаю отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ еѣ честью...
Я чту Великаго Петра;
Но,—покорился судьбѣвѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ...
... Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ...

Никто не виноватъ въ этой борьбѣ:

И я, и Петръ—мы оба правы;
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моеѣ.

Войнаровскій, вспоминая о похоронахъ Мазены, говоритъ: «Мы вмѣстѣ съ Мазеной погребали—свободу родины своеѣ». Но въ самой поэмѣ неожиданно встрѣчаются и рѣзкія осужденія Мазены, вырывающіяся изъ устъ того же Войнаровскаго. Къ поэмѣ приложены двѣ коммюлятивные статейки о Мазенѣ въ Войнаровскомъ, а затѣмъ примѣчанія, изъ которыхъ одно особенно характерно. Вотъ оно: «Можетъ быть читатели удивятся противоположности характера Мазены, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ (надо подразумевать — Бантышемъ-Каменскимъ въ изложеніи Корниловича). Считаю за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазена описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но несомненное потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ. Не могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ все средства убѣжденія (?). Желая преклонить Войнаровскаго,

своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его, по неопытности, въ войну противъ великаго государя; но истина восторжествовала—и Провидѣніе наказало измѣнника» (Собр. соч. Рылѣва, изд. Ефремова 1874 г., стр. 91).

Эти противорѣчія объясняются просто. Въ письмѣ къ Пушкину (въ іюні 1825 г.) Рылѣвъ пишетъ: «Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямо душевныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно, особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно—истукавъ. Вложивъ въ него вѣрно подданническаго филиппики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ падобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова» (I, 232; Бирюковъ—извѣстный цензоръ). Къ такимъ «вѣрно подданническимъ хитростямъ» Рылѣва мы должны отнести и предварительныя жизнеописанія (это зналъ и Пушкинъ), и примѣчанія, въ родѣ приведеннаго выше. Но то, что симпатіи автора были на сторонѣ разгромленныхъ неудачниковъ—Мазены и Войнаровскаго—подтверждается всеѣмъ текстомъ поэмы Рылѣва.

Поэма Рылѣва, которую высоко цѣнили Пушкинъ, безусловно оказала вліяніе на него при созданіи «Полтавы». Въ этомъ можно убѣдиться изъ ряда сопоставленій въ обѣихъ поэммахъ. Рылѣвъ, напр., вкладываетъ въ уста Войнаровскаго разсказъ о томъ, какъ, во время разрастанія борьбы «сѣвернаго героя» съ Великимъ Петромъ, Мазена «молчалъ и равнодушно внималъ полковъ привѣтственные клики». Въ «Полтавѣ» гетманъ — «храня суровость обычайну... молвъ, казалось, не внималъ и равнодушно пировалъ».

У Рылѣва встрѣчаются выраженія, которыя напоминаютъ Пушкинскіе стихи: сердце заняло, «когда рубежъ страны родной узрѣли мы передъ собой»; Мазена думаетъ «спасти отъ бѣды народъ Украйны, иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ»; Миллеръ размышляетъ: «и мирный домъ твоихъ отцовъ»; Карлъ—«увѣчанный бѣглець» («Войнар.») и т. д. У обоихъ поэтовъ часто римуется тайна и Украйна. Картины бѣгства короля и Мазены у Рылѣва и Пушкина—сходны. Бесѣда Мазены съ Орликомъ у Пушкина соответствуетъ бесѣда его съ Войнаровскимъ, когда «одно мгновенье все рѣшило, одно мгновенье погубило навѣвъ страны родной свобо-

ду, славу и покой», а мукамъ совѣсти у Мазены во время бѣгства отбѣчаетъ бредъ гетмана въ предсмертной болѣзни. У Рыльева безумный хохотъ Мазены, у Пушкина—Маріи и др. Наконецъ, и самъ Войпаровскій появляется у Пушкина въ картинѣ Полтавскаго боя; выстрѣлъ его изъ мушкета спасъ Мазену отъ сабли казака, любившаго Марію. Несомѣнно влияніе «Войпаровскаго» въ описаніи казни Кочубея. У Рыльева:

Вотъ нѣхъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стenanія и плачь...
Готовъ ужъ исполнить муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатила голова...
И вотъ другая... всѣ трепещуть...
Смотри! Какъ страшно очи блещуть!..

Подаромъ Пушкинъ писалъ Вяземскому еще 25-го мая 1825 г., что у Рыльева «есть какой-то тамъ палачь съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ», и что «въ Рыльевѣ есть болѣе (чѣмъ у поэта Козлова) замашки или размашки въ слогѣ» (I, 218). Эта «размашка въ слогѣ», въ стихѣ и образности «Полтавы» несравненно и недостижимо выше у Пушкина, чѣмъ у Рыльева. Но мы не должны забывать, что послѣдній все-таки является безусловнымъ предшественникомъ великаго поэта въ своеобразной обработкѣ сходной для обоихъ темы.

Любопытно еще, что Пушкинъ просилъ какъ-то брата посоветовать Рыльеву—«помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку (Аппибала). Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы» (письмо отъ февраля 1825 г. I, 179). Самъ онъ, однако, уклонился въ поэмѣ отъ подобнаго эффекта.

Въ концѣ своего предисловія Пушкинъ говоритъ: «Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазену старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженною женщиною, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и пр. Лучшее было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица». Тутъ рѣчь о повѣсти Егора Аладына «Кочубей», помѣщенной въ изданіи имъ же «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г. (стр. 228—303; см. «Библиографъ» 1888, № 12). Аладынъ былъ типичный «альманашикъ»: самъ пописывалъ повѣсти, вращался среди писате-

лей и немало надѣдалъ имъ выпрашиваніемъ «на зубокъ» своимъ изданіямъ и т. п. Подобный типъ изображегъ Пушкинымъ въ отрывкѣ, озаглавленномъ «Альманашикъ». Повѣсть Аладына худельна, противестественно-мелодраматична и въ общемъ весьма слаба. Надо помнить, однако, какъ справедливо указываетъ В. Синовскій, что Пушкинъ «никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядывался въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ и въкоторыя картины, образы, даже намеки» (стр. 523). Такъ, Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ Вяземскому (въ ноябрѣ 1823 г.), что ввелъ «хладнаго скопца» въ «Бахчисарайскій Фонтанъ», подражая Боброву (второстепенный поэтъ XVIII в., авторъ поэмы «Таврида», или «Мой лѣтній день въ Тавричскомъ Херсонесѣ»); «миѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть», добавляетъ поэтъ (I, 85), Несомѣнно, что и повѣсть Аладына Пушкинъ прочиталъ очень пристально.

Повѣсть Аладына начинается съ описанія дружбы Кочубея и Мазены. На пиру у Кочубея Мазена, между прочимъ, говоритъ хозяйку: «Чего же недостаетъ у тебя?... золота, какъ песку окрестъ Кіева... жизнь твоя течетъ, какъ свѣтлый праздникъ, весело и беззаботно», но—обращается гетманъ къ Кочубея:—«дочь твоя прелестна, какъ лучшая роза въ саду твоемъ! Храни это сокровище!». Кочубей «уважалъ въ гетманѣ главу Малороссіи, но презиралъ въ немъ жестокаго, корыстолюбиваго утѣснителя казаковъ». Вообще, Кочубей по всемъ необыкновенно добродѣтеленъ: онъ безрѣдильный московскій патриотъ, благочестивѣйшій семьянинъ, его развлекаютъ только «подвиги казаковъ на полѣ чести» за отчизну и престоль и т. п. Получивъ отъ Мазены письмо съ предложеніемъ брака съ Маріей, Кочубей восклицаетъ: «Нечестивецъ! Онъ требуетъ руки нашей дочери, руки своей дочери». Добрая Любовь (его жена) съ ужасомъ ахнула при этой вѣсти, и несчастная Марія (вмѣсто Матрены, какъ и у Пушкина) безъ чувствъ упала въ руки матери». Далѣе слѣдуетъ разсказъ Мазены, изображеннаго страшнымъ преступникомъ, іезуиту Зелнискому о прошлыхъ положеціяхъ. Разсказъ этотъ составленъ въ подражаніе «Мазенѣ» Байрона съ сохраненіемъ даже именъ (Тереза) и въкоторыя выраженія поэмы. Повѣствованіе свое гетманъ оканчиваетъ словами: «Съ тѣхъ поръ (послѣ

скачки на конѣ) въ сердцѣ моемъ поселилась ненависть къ челоѣчеству, адская ненависть къ сильнѣйшимъ меня! Пожалуй, они привьютъ еще Мазену, какъ Прометей, къ утесу и пошлютъ пороношъ клевать мое сердце». Смыль іезуита похищаетъ Марію при помощи няньки; послѣднюю топить въ рѣкѣ. Кочубей привъзжаетъ въ Батуришъ къ Мазенѣ. Между ними происходитъ «страшный» разговоръ, во время котораго Кочубей восклицаетъ: «Пѣтъ, хищникъ, пѣтъ! Не богатства твоего, но твоей крови за честь мою пришелъ я требовать». Съ тѣхъ поръ въ домѣ Кочубея не шируютъ, а молятся и плачутъ. Кочубей скорбитъ о томъ, что «разлилась въ народѣ громкая молва о моей дочери, о моемъ позорѣ». Осталось одно—мечь! Онъ «тайно и терпѣливо проныбалъ въ дебристую душу изверга», и когда обнаружилъ въ гетманѣ пзмѣнника, «содрогнулася» и послалъ черезъ чернеца Пиканора доносъ Петру. Далѣе идетъ рѣчь о довѣрїи Петра къ Мазенѣ, живыя увѣренія гетмана Петру, допросъ и пытки Кочубея, напоминанія Кочубею объ его домѣ, «гдѣ весело протекли игры младенчества, мечты юности», гдѣ онъ «шировалъ съ избранными друзьями». Повѣсть оканчивается невѣроятной мелодрамой. Марія въ одеждѣ молодого воина проникаетъ къ отцу въ темницу. Онъ примиряется съ дочерью, но отказывается бѣжать, чтобы не нарушить волю Петра, хотя сознаетъ себя гибнущимъ невинно. Марія прыгается въ замокъ Мазены. Гетманъ «блѣднѣетъ, трепещетъ». Тогда, «какъ хищный коршунъ безсильнаго приниженца, такъ схватила изступленная Марія трепещущаго Мазену и приставила книжалъ къ оледѣнѣвшей груди его». Мазена изнорачивается и общаетъ ей все. Марія довѣряется гетману. Сцена казни. Марія стоитъ непаданъ отъ помоста подъ покрываломъ, ожидая освобожденія и апофеоза отца. Мазена, «овруженный многочисленной свитой и вѣрными сердоками», находится тутъ же. Передъ самымъ отсѣченіемъ головы съ Маріи снимаютъ покрывало. Ужас! «Страламъ рубить головы. Голова Пескры покатила въ желтому песку» и т. п.

Мы остановились на трехъ произведеніяхъ, разработавшихъ тему о Мазенѣ раньше Пушкина. Слѣды знакомства съ нимъ поэта въ «Полтавѣ»—несомнѣнны, но сколько-нибудь значительное влияние оказала развѣ поэма Рылѣева. Пушкинишъ какъ бы самъ отвергалъ какое бы то ни было

отношеніе «Полтавы» къ поэмѣ Байрона и повѣсти Аладына, выбросивъ во 2-мъ изданїи и эпиграфъ изъ «Мазены» и предисловіе, гдѣ упоминается о повѣсти «Кочубей». Но вліянія Рылѣева онъ не отвергалъ и не могъ отвергнуть.

Отвѣтимъ кстати, что въ «Полтавѣ» есть сцены и отдѣльные стихи, повторяющіе выраженія изъ болѣе раннихъ произведеній поэта. Напр., описаніе Полтавской битвы и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ напоминаетъ разсказъ о битвѣ подъ стѣнами Кіева Владиміровой дружины съ Печенѣгами («Русл. и Людмила»); Людмила оставляетъ постель «на встрѣчу утреннимъ лучамъ»; Русланъ нападаетъ на бусурманъ, осаждающихъ Кіевъ, «какъ Божїи громъ» въ «Полтавѣ»—гроза). Изображеніе Марїи напоминаетъ Зарему въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»:

Вокругъ дилейнаго чела
Ты косу дважды обвила.

«Въ тѣни украинскихъ черешенъ» повторяется и въ припискѣ къ сестрѣ А. П. Кернъ; въ позднѣйшемъ «Мѣдномъ Вадникѣ» встрѣчаемъ стихъ: «Прошло сто лѣтъ—и юный градъ»... и т. п.

V.

«Полтава» вызвала разнообразныя и противоположныя отзывы журнальной критики.

Однимъ изъ первыхъ пришѣтствоваль поэму стихотворецъ кн. Шапировъ стихами:

Цари съ поэтами всегда дѣлились славой!
Царь русекїи возблисталь триумфомъ подъ
Полтавой

Надъ силой грозною, и русекїи же поэтъ
Вьеть лавры въ свой вѣнокъ съ полей его
побѣды.

(Дамск. Журн. 1829 г., № 16). Въ «Москов. Телегр.» было вообще сказано, что «при появленїи въ свѣтъ «Полтавы» мы видимъ примѣръ несходства во мнѣніяхъ: одни называли эту поэму первую по достоинству, другіе—третью, третьи—вторую; одни наши, что описаніе полтавской битвы превосходно, другіе увидѣли въ немъ непереносимый очеркъ; одни убѣдились, что «Полтава» есть шагъ въ совершенству, другіе увѣрились въ противномъ (1829 г., № 10).

Критикъ того же журнала Кс. Полевой находить, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, одно новое—народность. «Въ

*Памятникъ въ честь Полтавской победы.
Воздвигнутъ въ Полтавѣ въ 1809 г.*

«Полтавѣ» съ начала до конца вездѣ русская душа, русскій умъ («М. Т». 1829 г. № 7).

Доброжелательные («Сѣвер. Цвѣты» на 1830 г., отмѣчая высокія достоинства поэмы, указывали на неестественность отвѣта Кочубея Орлянку, а «Сѣвер. Пчела», называя поэму прелестной, признавала за ней мѣсто, слѣдующее послѣ «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана» (1829 г., № 39).

Критикъ «Галатеи», восхищаясь поэмой, недоумѣвалъ только, почему поэтъ назвалъ свою поэму Полтавою, «которая поставлена у него почти въ невидномъ уголкѣ»? (1829 г. № 16). «Атепей» далъ двѣ статьи о «Полтавѣ» и обѣ по предлуществу похвальныя. Въ № 4 за 1829 г. пѣкто N предполагаетъ, что, «быть можетъ, Пушкинъ напишетъ эпопею, но будемъ пока утѣшаться надеждою, что въ поэмѣхъ болѣе легкаль онъ изобразить намъ вѣкъ Петра. Пушкинъ, можетъ быть, хотѣлъ назвать поэму свою Мазею, но въ дѣйствіи оной не менѣе берутъ участія другія лица, а потому имя Мазеи, Кочубея, Маріи, еще болѣе имя Петра и Карла для нея неприличны. Въ ней нѣтъ великаго характера, потому что

и самая исторія происшествія онаго не представляетъ».

Въ июньскомъ № «Атепей» 1829 г. М. Максимовичъ разсматривалъ поэму съ исторической точки зрѣнія и защищалъ поэта противъ сомнѣній въ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ.

Ив. Кирѣевскій («Деница» на 1830 г.), хвалитъ поэму за проявленную поэтомъ зрѣлость таланта, «которую доказываетъ господствующій, хотя и не вездѣ выдержанный, характеръ «Полтавы». Главное изъ несовершенствъ Кирѣевскій видитъ въ недостаткѣ единства. «Посвятитъ первая двѣ пѣсни преимущественно исторіи любви Мазеи и Маріи, Пушкинъ окончилъ свою повѣсть вмѣстѣ съ концомъ второй пѣсни; и въ отношеніи къ главному интересу поэмы всю третью пѣсню можно назвать лишнею. По этой же причинѣ, или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующаго направленія «Полтавы», поэма сія не имѣла видимаго вліянія на нашу литературу». Мнѣніе Кирѣевского впоследствии всецѣло раздѣлялъ Анненковъ, находившій настоящій недостатокъ поэмы въ двойственности ея плана, чувствовавшійся тѣмъ бо-

лѣе сильно, чѣмъ ярче и превосходитѣе краски эпизода, поднятаго на высоту, ему не свойственную («Матеріалы», стр. 212).

Гораздо больше было разборовъ «Полтавы» отрицательнаго характера, нападавшихъ и на общій планъ, и на частности. Критикъ «Сына Отечества» (1829 г., №№ 15 и 16) задавался вопросомъ, отчего «Полтава» не произвела такого впечатлѣнія въ публикѣ, какъ другія произведенія поэта? Оттого, отвѣчаетъ онъ, что «поэтъ былъ въ правѣ не давать отчета въ характерахъ и положеніяхъ вымышленныхъ лицъ, а отъ лица историческихъ мы требуемъ полноты характера и желаемъ видѣть событія въ ихъ настоящемъ, правдоподобномъ видѣ, даже въ волнѣніемъ зеркалкѣ вымысла. Мазепа въ «Полтавѣ» жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ изображаетъ его исторія. Онъ изображенъ не честолюбцемъ, не хитрецомъ, не злодѣемъ, но просто злымъ дуракомъ. Страницѣ всего, что авторъ хочетъ представить Мазепу безразсуднымъ и мстительнымъ старичишкой, который поднялъ знамя бунта за то, что Петръ В. подралъ его за усы во время пиршества, хотя послѣ осыпалъ своимъ милостями». Надеждинъ въ «Вѣст. Евр.» (1829 г., №№ 8 и 9) еще рѣзче и рѣшительнѣе отозвался о недостаткахъ поэмы. По мнѣнію Надеждина, — «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина. Ему здѣсь назначено было испытать судьбу Карла XII, Сѣверный Александръ, проигравъ Полтавское сраженіе, пустыня въ ребячскіе фарсы. Въ этомъ поэтическомъ зданіицѣ, посвященъ величественное имя Полтавы, сама Полтава составляетъ такой непримѣнный уголокъ, что его едва и отыскать можно... Мазепа Пушкина есть не что иное, какъ лицемѣрный, бездушный старичишка, особенно по сравненію съ Мазепою Байрона, который разстилаетъ гигантскую тѣнь». Любовь Маріи къ старику — невозможна, а любовь Мазепы — только фарсъ. А уста Мазепы! Ай да усы! Это былъ бы кладъ для покойнаго изворащивателя «Энеиды» наизувавъ! Изображеніе Петра и Карла напоминаетъ изображеніе Фарлафа и Родая изъ «Руслана и Людмилы». Наконецъ, въ поэмѣ «стиховъ прозаическихъ и вѣдывъ такое множество, что не вѣршишь. Пушкинъ ли, полно, писалъ ихъ!» Все же произведеніе «есть рѣзная шапунья, для которой весь міръ ни въ конѣику. Ея стихи — перебивать все худое и хорошее... Не имъ злости или презрѣнія, а просто изъ

охоты позубоскалить». Однимъ словомъ, — «пѣвецъ «Руслана и Людмилы» зарубилъ дерево не по себѣ». — Въ «Литерат. Прибавл. къ Рус. Ивл.» (1831 г., № 8) поддержали Надеждина и восхищались «острымъ словомъ» о Полтавѣ Пушкина въ поэмѣ «Полтава»: тамъ же опредѣленно заявляли: «Намъ извѣстно и вѣдомо, что сія поэма не только не возбудила общаго вниманія, но даже не имѣла никакого успѣха». Въ «Галатеѣ» же еще въ 1830 г. появился такой приговоръ: «Слава сладкогласнаго пѣвца росла съ каждымъ новымъ произведеніемъ до самой «Полтавы», съ «Полтавы» она, не скажемъ, пала, но ослѣлась и съ тѣхъ поръ уже не подымается, вверхъ» (№ 14). Подобное мнѣніе раздѣляли «Сѣвер. Пчела» (1830 г., №№ 35 и 39), «Вѣстн. Евр.» (1830 г., № 7) и нѣкоторые др.

VI.

Пушкина очень огорчали подобныя отзывы и нападки, да еще въ тревожныя и горькія для него дни послѣ возвращенія съ Кавказа. Въ октябрѣ 1829 г. онъ писалъ изъ Петербурга объ этихъ огорченіяхъ и сѣтовалъ на критику (II, 94—95). Въ послѣдствіи Пушкинъ переработалъ и дополнилъ это письмо и помѣстилъ въ видѣ «Отрывка изъ рукописи» въ «Деницѣ» Максимовича на 1831 г. (стр. 124—130):

«Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніемъ: къ тому жъ это сочиненіе оригинальное, а мы изъ того и бѣсеемъ. Журналы взяли себѣ объяснить мнѣ причину моея неудачи — и вотъ каковы образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не выдавалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдствительно, любовь Маріи въ старому гетману (NB: исторически доказанная) не могла существовать. «Такъ что жъ, что ты Честолюбъ? Хотя знаю, да не вѣрю». Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своерасная страсть. Не говори уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я исполнилъ преданія мифологическія, превращенія Овидіева, Леду, Филлиру, Назифаю, Олимпію, Ималіона — и принужденъ былъ признаться, что все сіи вымыслы не чужды поэзіи или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Огеллю, старый петръ, влюбившійся Деядемону разсѣзавши о своихъ страствованіяхъ и битвахъ! А Мирра, шумившая итальяскому поэту ошу изъ лучшихъ его трагедій? Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью — велика честь для дочери генеральнаго судьи быть влюбленною гетманомъ! Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка вмѣсто старикъ — ради затѣливости).

Что изобразилъ в Мазену злымъ, съ томъ качествомъ. Добрымъ я его не нахожу, особенно ю минуту, когда онъ хлопочетъ о казинъ отца дѣдушки, или обольщенной. Глухость же человека оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазена дѣйствуетъ съ моею поэмъ тою же тою, какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ рѣшить, что такое-то лицо въ поэмъ глухо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазена слишкомъ у меня знаменитъ: что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощенину или за дерзаніе усевъ метить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой: хоть знаю, да не вѣрю.—Мазена, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазена могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокой, достоинствый. Дернуть волка или козака за усы—все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, или претерпѣнія, помнитъ, отъ Чалдидскаго, похутилъ ю въезде, по приговору Рѣчи Посполитой, отрѣзанный усъ своего неприятели. Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ панерникомъ бранить съ моею поэмъ молодого Карла и называетъ его, помнитъ, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укорили меня въ несноятельномъ мифіи о введскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазена ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственные слова гетмана, утѣряющаго Марію, что онъ любить ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на такою критику?—Такъ понимали они драматическое искусство! Потому сдѣлала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвакуить. Слова усы, видать, вставилъ, разсѣбаетъ, его, пора показались критикамъ низкими, бурлескомъ выраженіемъ. Какъ быть! (Никогда не похертвую краткостью выраженія провинціальной чопорности, изъ болшии казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.) Въ «Вѣст. Европы» замѣтили, что заглавіе поэмъ ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазеной, чтобы не напоминать о Байронѣ. Справедливо, но была и другая причина: эпитаграфъ. Такъ и «Бахчисарайскій Фонтанъ» съ рукописи названъ былъ «Гаремомъ», но меланхолическій эпитаграфъ, который, конечно, лучше всей поэмъ, соблазнилъ меня. Кстати, о «Полтавѣ»; критики упоминали, однакожъ, о байроновскомъ Мазенѣ. Но какъ они возмизали его (или, справедливо, какъ не понимали! Байронъ зналъ Мазену только по Воллтеровою Исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиною человека, привязаннаго къ дикой лошади в вусуягося по стениамъ. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазену, ни Карла, не сего мрачнаго, неинтереснаго, мучительнаго лица, которое проявляется ю въ всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, по которому, на бѣду одного изъ моихъ критиковъ, какъ парочка, съ Мазенѣ и вѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; по какое пламенное созданіе, какаю широкую, быстрая кисти! Если жъ бы ему подѣ пера его попалась исторія обольщенной дочери и казеннаго отца, то, вѣроятно, ничто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета».

Въ чемъ же искали причину значительнаго неуспѣха поэмъ или, по крайней мѣрѣ, того, что она не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія созданія Пушкина? Критики отвѣчали на это разномъ. Одинъ находилъ, что главною причина лежитъ въ двойственности темы и плана, а отсюда—и въ ослабленіи впечатлѣнія отъ поэмъ; другіе указывали на то, что поэтъ не сумѣлъ возбудить въ насъ «участія любви и ненависти къ политическимъ планамъ Мазены»; третьи—въ неудовлетворенныхъ ожиданіяхъ читателя, надѣявшагося увидѣть въ поэмъ произведеніи любимаго писателя или полную лиризма поэмъ вроде «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана», или эпическую, грандіозную поэмъ. Нынѣ искали причину съ томъ, что сюжетъ, пригодный для широкой драматической формы, втиснутъ былъ въ рамки поэмъ. Наконецъ, были и такіе, которые признавали виновнѣ понятнымъ неуспѣхъ «Полтавы» среди большой публики, такъ какъ «красоты ея слишкомъ новы для русскихъ читателей, еще не готовыхъ понимать оныя». Кроме того, поэтъ переросъ читателей и «пересталъ угождать прихотямъ своего вѣка».

Надо полагать, что послѣднее объясненіе отчасти совпадало съ мифіями самого Пушкина. Прямого отвѣта автора на вопросъ о причинахъ неуспѣха мы не имѣемъ, но изъ отдѣльныхъ сараженій въ писемъ поэта къ друзьямъ и особенно изъ критической замѣтки его о Баратынскомъ мы можемъ сдѣлать очень правдоподобные выводы. Вотъ какъ объясняетъ Пушкинъ причины, почему послѣдній, болѣе зрѣлый, болѣе близкій къ совершенству произведеній Баратынскаго имѣли въ публикѣ меньшій успѣхъ, чѣмъ первыи, юношескіи прокленія творчества. «Первою причиною, говоритъ Пушкинъ, должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость произведеній Баратынскаго. Юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются, и всѣи его уже не тѣ, и читатели все тѣ же, и разнѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу удивляется совершенно...». Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мифіи. Журналы судятъ шабумъ, но насильнѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а болшию частію по личнымъ расчетамъ (почти до-

словно то же самое повторяет Пушкинъ въ «Мысляхъ въ дорогѣ», написанныхъ въ 1833—1835 гг.). Третья причина—эпиграммы Баратынскаго: «Син мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадилъ правителей русскаго Парнасса» (Собр. соч. VI, с. 308—310). Если мы поставимъ вмѣсто Баратынскаго имя самого автора замѣтки, то, получимъ весьма вѣроятный отвѣтъ на жгучій и щекотливый вопросъ, что думалъ Пушкинъ о причинахъ неуспѣха «Полтавы» и другихъ произведеній своей музы.

УП.

Изъ отзывовъ критики 30-хъ и 40-хъ гг. стоитъ остановиться только на Бѣлинскомъ. Основныя положенія его оцѣнки сводятся къ тому, что Пушкину въ «Полтавѣ» хотѣлось сдѣлать опытъ эпической поэмы въ новомъ духѣ, причемъ его идеаль эпической поэмы заключался въ неоклассицизмъ, или въ классицизмъ, подновленномъ такъ называемымъ романтизмомъ. Но изъ «Полтавы» Пушкина эпической поэмы не могло получиться вслѣдствіе невозможности эпической поэмы въ наше время, а романтической въ родѣ Байроновской—вслѣдствіе желанія поэта слить ее съ невозможной эпической поэмой. И поэтому «Полтава» явилась поэмой безъ героя. Считать героемъ Петра В. было бы смѣшно, такъ какъ главная и большая часть дѣйствія поэмы посвящена любовной исторіи Мазепы. Но и самъ Мазепа также не можетъ считаться героемъ «Полтавы», потому что онъ не носитъ въ себѣ чертъ героя-злодѣя, онъ лишь—низкій интриганъ, состарѣвшійся въ козняхъ. Въ «Полтавѣ» рѣзко выразилось усиліе поэта оторваться отъ прежней дороги и твердой ногой стать на новый путь творчества. Но гдѣ видно усиліе, тамъ нѣтъ еще достиженія. Поэтому въ «Полтавѣ» видны какая-то нерѣшимость, какое то колебаніе, вслѣдствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло что-то огромное, великое, но съ то же время и нестройное, неполное. «Полтава» богата новымъ элементомъ—народностью съ выраженіемъ, почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое изъ ней, превосходить все, написанное прежде Пушкинымъ, но силѣ, полнотѣ и роскоши поэтическаго выраженія,—въ то же время въ этой поэмѣ нѣтъ единства, она не представляетъ собою цѣлаго, и вотъ почему «Полтава» не производитъ на читателя того единого, полнаго, совершенно удовлетворяющаго впечатлѣнія,

которое должно производить всякое глубоко-концентрированное и строго обдуманное поэтическое твореніе. «Полтава» заключается въ себѣ нѣсколько поэмъ, и потому самому не составляетъ одной поэмы. Какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому все бы другіе относились гармонически; но каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. Изъ отдѣльныхъ недостатковъ поэмы, Бѣлинскій отмѣчаетъ то, что закоренѣлый злодѣй Мазепа содрогается отъ воплей терзаемой имъ жертвы и краснѣетъ, подобно юномъ, отъ привѣта красоты. Простою прихотью Пушкина Бѣлинскій считаетъ то, что введенъ казакъ, влюбленный въ Марию, нужный только для того, чтобы было съ кѣмъ отправить доносъ царю, а эпизодъ смерти казака, несмотря на превосходные стихи, мелодраматиченъ и совсѣмъ не нуженъ. Въ общемъ, однако, отдѣльныя красоты въ «Полтавѣ» просто изумительны: сцены въ тюрьмѣ, изображеніе казака и его поѣздки съ доносомъ, описанія украинской ночи, казни, полтавской битвы, психологія любви Мазепы и Маріи, разговоръ между ними въ началѣ второй пѣсни, портретъ героини и ея сумасшествіе и ми. др.,—все это образцы высокаго художественнаго мастерства. Бѣлинскій утверждаетъ, что индѣ личность Маріи (а лучше ничего не создала творческая кисть Пушкина изъ всѣхъ нарисованныхъ имъ женскихъ портретовъ) не возвышается до такого апогея, какъ въ сценѣ ея объявленія съ Мазепой, сценѣ, написанной истинно шекспировскою кистью. Когда Мазепа, чтобы развѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ; нѣтъ болѣе сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ея: она и вѣритъ, что онъ не обманывается и съ своихъ надеждахъ. Ея ли женскому уму, воспитанному съ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, она вѣритъ одному,—что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достичь всего, чего бы только онъ захотѣлъ. Картина Полтавской битвы начертана кистью широкой и смѣлой; она неполна жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать

съ ней, какъ съ натуры. Появленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, «быстрымъ холодомъ вдохновенія, поднимающимъ волосы на головѣ»,—производитъ на него впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого-то таинства, какъ будто ибѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимаго для смертнаго свѣта славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніей. Въ то же время, если «Цыгане» далеко превзошли всѣ предшествовавшія имъ произведенія Пушкина и по идѣѣ, и по исполненію, то «Полтава», уступаая «Цыганамъ» въ единствѣ плана, далеко превосходитъ другія поэмы въ совершенствѣ выраженія. Изъ всѣхъ поэмъ Пушкина въ «Полтавѣ» стихъ его достигъ своего полного развитія, вполне сталъ Пушкинскимъ.

Позднѣйшая критика мало внесла въ освѣщеніе Пушкинской поэмы. Да и совершенались ея преимущественно писатели-педагоги, приравливавшіе поэму къ школьному преподаванію. Одинъ увлекались красотой стиха и отдѣльными образовъ, другіе преслѣдовали патріотически-казенныя цѣли, для достиженія которыхъ «Полтава» давала обильный матеріалъ и со стороны содержанія, и со стороны прославленія централизаціи и единодержавія Петра Великаго. Отмѣтимъ, однако, нѣсколько интересныхъ мнѣній изслѣдователей послѣднихъ лѣтъ. Киричниковъ въ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы» справедливо подчеркнул, что даже теперь трудно, почти невозможно, несмотря на всѣ усилія исторической науки, отрѣшиться отъ того поэтического колорита, которымъ Пушкинъ облекъ полтавскую битву, Кочубея, Мазену и его эпоху. Вѣрно и замѣчаніе Киричникова, что, какъ оиоэтизированіе природы Малороссіи и ея быта, «Полтава» открыла дорогу повѣстямъ Гоголя (II ч., стр. 40). П. В. Владимировъ въ этюдѣ «Пушкинъ и его предшественники» находитъ, что быстро написанная поэма вылилась изъ-подъ пера Пушкина безъ подробностей быта, нравовъ, болѣе, какъ историческая картина и драматическая хроника, однако, вѣрная по изображенію природы и человѣческаго быта. Въ ней ибѣтъ тѣхъ матеріаловъ, которые послужили Гоголю для созданія «Тараса Бульбы». «Полтава» написана такъ же сильно, какъ небольшія пьесы Пушкина, относящіяся къ личности Петра В., какъ поэмы Кавказа и Крыма, съ которыми «Полтава»

стоитъ въ болѣе сильной связи, чѣмъ съ «Цыганами». Мы понимаемъ теперь, почему поэтъ могъ написать «Полтаву» въ двѣ недѣли. Въ Мазенѣ онъ увидѣлъ такое же замѣчательное лицо эпохи Петра I, какія онъ выносили, создавая «Бориса Годунова». Малороссія («смутной поры») представляла такіе же характеры, какъ время Годунова и Самозванца. Несчастная семья Кочубея, сдѣлавшагося страдальцемъ изъ мести, коварство честолюбиваго гетмана-измѣнника, движеніе Карла XII,—всѣ эти «усліія, бѣдствія, побѣды», оставившія кровавый слѣдъ, отвѣчали пещирушему времени Годунова и Азедимитрія. Не въ нихъ, а въ «гражданствѣ сѣверной державы поэтъ видѣлъ свой идеаль, и, естественно, съ простотой народнаго поэта воспѣлъ побѣду Петра В.»

Проф. Жауновъ въ очеркѣ «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» высказалъ интересную мысль, что «въ характерѣ и дѣйствіяхъ Мазены Пушкинъ нашелъ что-то напоминавшее «язвительныя рѣчи» его демона, нашелъ знакомое настроеніе мысли и чувства. Это настроеніе было пережито и отвергнуто поэтомъ, но онъ продолжалъ бороться съ нимъ, какъ съ болѣзною вѣка».

VIII.

Подробности черновой работы надъ «Полтавой» даютъ возможность установить, какъ шла работа надъ поэмой. И тутъ мы кое-что найдемъ для объясненія какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ «Полтавы».

Поэтъ находился въ напряженно-мучительномъ настроеніи: съ одной стороны тянется крайне разсѣянная, утомительная, неудовлетворяющая, какъ онъ говорилъ, «свѣтская», жизнь; съ другой—тѣсняются художественные образы, волнуютъ продуманныя и пережитыя впечатлѣнія....

Душа стѣсняется лирическимъ волшебствомъ,
Трепещетъ и звучитъ, и шепчетъ какъ во снѣ,
Издится, наконецъ, свободнымъ
проявленіемъ....

Все это томленіе разрѣшается быстрымъ переходомъ къ упорному, первичному и снѣнному труду: растетъ новое великое произведеніе—«Полтава». Тогда въ поэту—«сидеть незримый рой гостей, знакомцы давніе», плоды его мечты. И въ минуты такого настроенія среди этихъ «знакомцевъ» поэта занимаютъ больше всего—«жена страдальца Кочубея и обольщенная имъ (Мазеной) дочь» («Войнаровский», бредъ Мазены).

Пушкинъ изумлялся, какъ могъ Рылѣевъ только обронить эти два стиха и «спройти мимо столь страшнаго обстоятельства» (Изд. Соч. Пушкина Анненковымъ V, 41; Изд. Лит. ф. V, 134). Пушкинъ какъ бы подхватываетъ эту тему: онъ сдѣлаетъ то, на что не хватило силы или охоты у его предшественника, и о чемъ не зналъ Байронъ, но что само просится въ оправу гармонической рѣчи, художественнаго слова и поэтическихъ образовъ. Поэтъ принимается со всею своею страстностью за разработку сюжета о любви старика и юной дѣвы, мщенія ея родныхъ и казни отца. Работа идетъ быстро, лихорадочно; «мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ», хотя, впрочемъ, легкія рифмы не всегда бѣгутъ имъ на встрѣчу. По—одна, двѣ задержки въ формѣ стиха, одно, другое усиленіе—и готовъ портретъ прекрасной дочери Кочубея, и набросана сильная картина старческой страсти гетмана, и дано изображеніе смутной воровъ, когда «Россія молодая, въ бореньяхъ силы напрягая, мужала съ гениемъ Петра», и въ Убрайиѣ разгоралась искра «кровавой народнои войны». Поэтъ самъ сдерживаетъ горячку своей работы и набрасываетъ планъ дальнѣйшаго, чтобы соразмѣрить части произведенія и придать имъ необходимую стройность: «портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ Петромъ и Карломъ, шпы, почи».... И поэтъ далѣе переходитъ къ звучнымъ строфамъ: «Кто спидеть въ глубину морскую»... Развертываются новыя картины созданія, столь извѣстныя въ окончательной обработкѣ всеѣмъ читателямъ. Герою его остается пока Мазепа, какимъ именемъ и названа первоначально поэма. Нмя героини не установлено: она называется то Патальей, то Анной, пока поэтъ не остановился на болѣе «свѣжномъ» и романтическомъ—Маріи, вмѣсто простонароднаго—Матрены. Влюбленный въ нее казакъ именуется то Зуйкевичемъ, то Чуйкевичемъ, такъ какъ въ послѣднемъ, малорусскомъ судейскомъ чинѣ, многіе, хотя и неправильно, видѣли будущаго мужа Матрены Кочубеи. Въ дальнѣйшей программѣ Пушкинъ набрасываетъ: «Зуйкевичъ вдегъ (очевидно, съ доносомъ), между тѣмъ сношенія съ іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ» (эти строки находятся передъ стихами,— «Но вакъ онъ издрогнулъ»....) Такая же программа набрасывается авторомъ и для Маріи, и для подробностей, предшествующихъ Полтавской битвѣ: «Маріа, Зуйке-

вичъ, доносъ, почъ передъ казнию, мать Маріи, казнь, сумасшедшая, измѣна, Полтава». («Матеріалы», стр. 201—202). По попыткѣ положить границы своей фантазіи и сдержать въ извѣстныхъ предѣлахъ поэтическое вдохновеніе далеко не всегда достигаютъ цѣли. Особенно мы это видимъ въ обрисовкѣ Мазепы. Пушкинъ самъ говорилъ въ предисловіи, что «лучше бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольнаго историческаго лица». А въ критическихъ своихъ замѣткахъ онъ писалъ: «Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры и не мудро, и не великодушно... Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ отношеніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непросительно (Рылѣеву). Однакожъ, какой отвратительный предметъ! Ни одной угѣнительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанныя на эти ужасы—вотъ что увлекло меня» (Изд. соч. II—на Анненковымъ, т. V, 41). Пушкинъ избралъ среднюю линію при изображеніи Мазепы: онъ отвергъ небывалыя, вычурныя, злодѣйскія до комизма черты, измышленныя авторомъ повѣсти «Кочубей», но лишилъ старика какихъ бы то ни было смягчающихъ, примиряющихъ, даже въ извѣстномъ смыслѣ героическихъ, чертъ, представленныхъ въ поэмѣ «Войнаровскій». Безспорно, что для такого изображенія гетмана-измѣнника поэтъ достаточно нашелъ матеріала въ своемъ главномъ источникѣ—«Исторіи» Бантыша-Каменскаго; но изображеніе это вышло рѣзкимъ, набросаннымъ одиѣмъ чернымъ краскамъ и въ то же время чрезвычайно противорѣчивымъ. Мазепа—и любящій, и все ненавидящій и закоренѣлый въ злодѣяніяхъ, и содрогаящійся при видѣ свящей невинно Маріи, и малодушный, и съ душой «мятежной, ненасытной», съ «неукротимымъ» духомъ, и знающій, какъ «сумами править безопасно», умѣющій обмануть Великаго Петра, и не разгадавшій за много лѣтъ войны «легкомысленнаго, кичливаго, воинственнаго бродягу» Карла и т. п.

Въ общемъ, воплѣдивъ справедливо старое замѣчаніе, что Марія, пожалуй, и старика могла подобить, но не такой исключительной гнусности, какимъ онъ изображаетъ въ «Полтавѣ».

Подуодостовѣрный Чуйкевичъ постепен-

но превращался у Пушкина въ вымышленнаго казака, безумно и безнадежно влюбленнаго въ Марію, отвозящаго, вопреки великимъ историческимъ (и извѣстнымъ Пушкину) свѣдѣніямъ, доносъ Кочубея и покушающагося на Мазепу во время Полтавской битвы. Изображеніе этого казака приняло мелодраматическій характеръ, такъ что автору самому пришлось ослабить такое впечатлѣніе и выбросить въ окончательной отдѣлкѣ нѣкоторые стихи.

Въ противоположность злодѣю-гетману и митицейся суетной старшинѣ малорусской стада выступать спокойнаго, величественнаго, грознаго тѣнь Петра Великаго, и она заслоняла собою весь фонъ въ концѣ поэмы. Самого Пушкина оттолкнувъ отъ себя изображенный имъ душевный мракъ Мазепы. Какъ противоположность ему, какъ «справедливая антитеза», выступилъ тотъ, кому гетманъ хотѣлъ нанести величайшее зло—Петръ, и поэтъ увлекся изображеніемъ героя, который занималъ его мысли уже раньше—въ «Стансахъ» 1828 г. и въ повѣсти «Арапъ Петра В.» 1827 г. Впослѣдствіи поэтъ создалъ «Мѣднаго Всадника» (1833 г.), «Ширъ Петра В.» (1835 г.) и отдался историческому изслѣдованію эпохи Петра I; о немъ онъ отзывался (19-го октября 1836 г.) въ письмѣ къ Чаадаеву: «*Pierre le Grand, qui à lui seul est une histoire universelle*» (Изд. Лит. Ф., УИ, стр. 411). Въ «Полтавѣ», правда, нѣтъ характеристики властителя «сѣверной державы», а только великолѣпный его портретъ среди изумительной батальной картины, нѣтъ обрисовки того, «какъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ», но за то представленъ грандіозный апофеозъ «суроваго учителя Россіи въ наукѣ славы»...

Итакъ, героя первыхъ двухъ пѣсень—Мазепу смѣнилъ герой третьей—царь; и единство поэмы окончательно распалось, отраженія впечатлѣній перенутились, благодаря быстрымъ смѣнамъ и переходамъ,—и получилось то отсутствіе цѣльности, на которое сѣтовали и читатели, и критика. Что этотъ недостатокъ поэмы, почти общепризнанный, зависѣлъ въ значительной степени отъ особенностей свѣтлой работы Пушкина, подтверждаетъ анализъ академика Корна въ его замѣткѣхъ о «Полтавѣ» *).

*) О. Е. Корнъ отмѣчаетъ, что поэма почему то попала въ печать, поторопившаяся; во всякомъ случаѣ «самъ поэтъ не могъ считать свое произведеніе вполнѣ готовымъ для обнародованія. Правда, онъ ставилъ ее выше своихъ

Поэтъ самъ чувствовалъ подъ концемъ своего труда необходимость вернуться отъ Полтавы къ прежней темѣ—и набросалъ въ третьей пѣснѣ художественную и сильную, но съ нѣкоторымъ мелодраматизмомъ доброго, стараго времени, картину появленія сумасшедшей Маріи. Поэтъ сознавалъ и необходимость скрѣпить распадающееся поэтическое созданіе—и пишетъ эпилогъ. Въ немъ еще критика 1830-хъ гг. отмѣтила противоположеніе Петра, Кочубея и Пскры—Мазепѣ и Маріи. Въ этомъ же противоположеніи справедливо видятъ и такую общую идею «Полтавы»: тѣ, кто умѣетъ направлять свои страсти къ общему благу, кто заботится не о себѣ, а о другихъ, оставляетъ послѣ жизни вѣчную славу и прочныя слѣды; кто отдается только своимъ личнымъ интересамъ,—тотъ не только не оставитъ послѣ себя славы и прочнаго дѣла, но и память о немъ со временемъ исчезнетъ безъ всякаго слѣда.

Однако, не только дѣйствительныя историческія событія, но даже ихъ преломленіе въ поэмѣ не давало достаточно материала для такого вывода: противоположеніе двухъ типовъ людей не могло быть вполнѣ ни подтверждено этимъ содержаніемъ, ни выдержано во всей своей послѣдовательности.

«Въ «Эпилогѣ» Карлу противопоставляется Петръ, который воздвигъ себѣ «огромный памятникъ въ гражданствѣ сѣверной державы, въ ея воинственной судьбѣ». Но едва ли можно сказать (руководствуясь даже исключительно разсказомъ поэмы), что только—

Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведкомъ королѣ.

Память и надпись на могильной плитѣ Кочубея и Пскры («межъ древнихъ праведныхъ могилъ», вблизи церкви, противопоставляется у Пушкина полному забвенію Мазепы. Но сомнительно, чтобы кто-ни-

прежнихъ поэмъ, но, какъ видно изъ его замѣчаній о «Полтавѣ», эта оцѣнка относится къ содержанію, а не къ формѣ, о которой онъ нигдѣ не упоминаетъ. Нѣкоторымъ же доказательствомъ тому, что онъ смотрѣлъ на печатаемый текстъ «Полтавы», какъ на рядъ не слаженныхъ въ формальномъ отношеніи отрывковъ, могутъ служить пробѣлы между всѣми пернумощными стихами съ одинаковымъ окончаніемъ Корнъ приводитъ ихъ. См. «Разборъ вопроеа о «Русалкѣ» стр. 46—47).

будь могъ принять за праведныхъ героевъ долга Кочубея и Пескру, предпочитавшихъ личные интересы обществу благу. Самъ авторъ рассказываетъ, что Кочубей долгое время былъ другомъ Мазепы, дѣлился съ нимъ «солю, хлѣбомъ, елеемъ» и чувствами, и сперѣдко долги бесѣды наединѣ вели они». Эти бесѣды были о будущемъ родины и измѣнѣ московскому царю; и Кочубей раздѣлялъ чувства и мысли гетмана, пока жажда личной мести, нетерпѣливость жены, торопившей «суруга злобаго», не привела Кочубея къ мысли избрать путь тяжелейшаго отищенія Мазепы: «въ рукахъ московскихъ палачей, въ крови, на дыбѣ въ истязаньяхъ», съ проклятіями на устахъ... И тогда только—готовъ доносъ, пашелся и личный мститель, взявшійся доставить его царю Петру. Также трудно было сказать и о гетманѣ, что—

Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святыцѣ
Разъ въ годъ анаемой дошицѣ,
Грозъ, гремѣть о немъ Соборъ.

Поэту необходимыми оказались для освѣщенія его идеи подобныя антитезы, но опытъ самъ хорошо зналъ, что не только памятеи Мазепа въ судьбахъ своей родины, но не забыть онъ ни исторіей, ни преданіями, ни, наконецъ, литературой: не одни поэты малой силы, но такіе гении, какъ Байронъ, Гюго, самъ Пушкинъ обращались къ этой мрачной, трагической и сильной фигурѣ, которой нельзя отказать въ извѣстной импозантности, смѣлости и увлекательности. Несомнѣнно, что Пушкинъ, тонкій художникъ и великій писатель, понималъ какъ спорность и рискованность положеній, изображенныхъ въ поэмѣ, да еще при повизнѣ формы поэтическаго созданія— историко-романической поэмѣ, такъ и общую невыдержанность въ построеніи цѣлаго своего творенія. И воть, думается, причина, почему онъ снабдилъ свою поэмѣ такимъ обильнымъ количествомъ какъ бы оправдательныхъ примѣчаній и указаній, преимущественно исторически документальнаго характера. Но они мало способствовали уясненію плановъ и мыслей поэта и не удовлетворили большинства критиковъ. Несомнѣнно, однако, что значительная доля вины за первоначальный «спускъ» поэмѣ должна пасть и на читателей. Вѣдь за появленіемъ поэмѣ, говоритъ Анненковъ, послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ

въ ней Пушкина! Блестящій, огненный стихъ его, который такъ справедливо сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣсному стиху, поражающему своей опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строкъ «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Цыганъ».—Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмѣ, и непривычному глазу трудно было объять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его художественнымъ распредѣленіемъ частей, особенно, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публички съ названіемъ «поэмѣ» связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца.—Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ событій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ пароднаго разказа, онъ былъ повѣе не только для массы читателей, но и для критиковъ» («Матеріалы», стр. 205—206).

IX.

Коснемся, въ заключеніе, исторической дѣйствительности тѣхъ событій, которые изображены Пушкинымъ. Если мы примемъ во вниманіе историческія данныя, правдивость которыхъ проверена научной критикой, то событія начала XVIII-го вѣка представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Иванъ Степановичъ Мазепа-Коледискій, правобережный украинскій шляхтичъ, родился не позже начала 40-хъ гг. XVII в. Съ молодыхъ лѣтъ онъ выдвинулся, какъ умный, хитрый и энергичный человекъ. Въ юности, да и позже, у него было немало любовныхъ приключеній. Изъ нихъ наиболѣе извѣстна исторія съ женой софья Фальбовскаго, заставившаго отважнаго ловеласа пробраться привязаннымъ къ коню: по правдоподобию, что скачка эта продолжалась не далѣе Мазепиною усадьбы, отстоявшею на нѣсколько верстъ отъ деревни Фальбовскихъ. Съ 1663 г. Мазепа вращался среди казачества при гетманахъ П. Тетерѣ, П. Дорошенкѣ и П. Самойловичѣ, совершая обычную для способныхъ и пронырливыхъ людей карьеру, и достигъ званія генеральнаго эскадра. Послѣ изложенія Самойловича Василій Голыцынъ, подкупленный его червонцами, настоялъ на его кандидатурѣ передъ казацкой радой у г. Коломѣка, и Мазепа былъ избранъ гет-

ПОРТРЕТЫ МАЗЕПЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ ВЪ МУЗЕЕ УКРАИНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
В. В. ТАРНОВСКАГО ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

1. Въ лѣвомъ верхнемъ углу—снимокъ съ фрески на одной изъ стѣнъ Кіево-Печерской Лавры, внутри церкви.
2. Въ правомъ верхнемъ углу—копія съ портрета, принадлежащаго Бутвичамъ въ Переяслав. уѣздѣ.
3. Поереднѣй. портретъ, впервые воспроизведенный въ «Кіев. Старинѣ» 1887 г. № 1.
4. Въ лѣвомъ нижнемъ углу: гравюра De-Вуега.
5. Копія стариннаго портрета. Орнаментація (по Стасову) взята изъ древнихъ южно-русскихъ рукописей.

маномъ въ 1687 г. Онъ сблизился съ Петромъ во время переворота въ сентябрѣ 1689 г., когда гетманъ со старшиной былъ въ Москвѣ и ѣздилъ къ Троицѣ, а затѣмъ въ Острогжскѣ при свиданіи съ Петромъ, возвращавшимся послѣ взятія Азова въ 1696 г. Мазепа съ казаками много помогалъ царю во время войны съ турками, но лично самъ надъ Азовомъ не былъ, и легенда о дергаціи усовъ или полученіи пощечины гетманомъ рѣшительно ничѣмъ не подтверждается. Петръ оставался неизмѣнно расположеннымъ къ Мазепѣ. Такъ, въ 1700 г. онъ наградилъ его только что учрежденнымъ ордепомъ Андрея Первозваннаго; въ 1705 г. отправилъ въ ссылку соперника Мазепы, хвастовскаго полковника Семена Палія, руководствуясь извѣстіями гетмана и политическими своими соображеніями, потому что энергичный возстановитель казачества на правобережьи Дибра былъ неугоденъ и союзной Польшѣ и т. д. Романическая исторія съ Матреной Кочубей разыгралась въ самомъ концѣ 1704 г. Пѣкоторые скептики идутъ слишкомъ далеко, отвергая цѣлкомъ это любовное происшествіе. Романъ на самомъ дѣлѣ разыгрался такъ: Мазепа былъ женатъ на богатой вдовѣ Фридрикевичъ, но дѣтей не имѣлъ. Жена его умерла въ 1702 г. Черезъ два года онъ сдѣлалъ попытку посягаться къ своей крестницѣ, отвергнутой родителями. Позже онъ велъ переговоры и «подсылалъ» слугъ къ Матренѣ Кочубей, которая скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ любви къ старому гетману, рѣшила поставить на своемъ. Подобныя энергичныя и тщеславыя особы встрѣчались тогда среди украинцевъ: молодая, сравнительно, красавица—жена старика Скоропадскаго, преемника Мазепы, Настасья Марковна была несомнѣнно женщиной одного типа съ дочерью Кочубея; и когда ей удалось достигнуть того, чего не достигла Матрена Васильевна, она болѣе «гетмановала», чѣмъ ее бездарный мужъ, и даже еще семь лѣтъ послѣ смерти его, являлась «ясповельможной цвицей гетмановой». Матрена Кочубей, какъ и Мазепа, рассчитывала, что съ фактомъ появленія дѣвушки въ домѣ гетмана придется родителямъ считаться, и они выпуждены будутъ согласиться на бракъ. Но дочь не рассчитала, какъ воздѣйствуетъ на событіе еще болѣе энергичная и смѣлая женщина, ее мать. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря въ Батуринѣ произошло слѣдующее: Матрена бѣжала изъ дома Кочубеевъ, на-

ходившагося въ центрѣ города, на окраину, веревы за двѣ, гдѣ въ предмѣстьѣ Батурина, Гончарихѣ, находился дворецъ гетмана. Сейчасъ послѣ бѣгства родители хватились дочери, догадались въ чемъ дѣло, и, недолго думая, ударили въ набатъ въ своей домовою церкви. Сбѣжавшемуся народу Кочубей жаловались на Мазепу и возбудили ропотъ негодованія. Мазепѣ и Матренѣ пришлось изкориться участи, и въ ту же ночь, спустя 2—3 часа, бѣглянка была водворена въ домъ родителей. Гетманъ вернулъ ее туда съ московскимъ чиновникомъ Анщенковымъ, находившимся постоянно при немъ, желая, очевидно, имѣть возможность оправдаться и передъ царемъ, когда дойдетъ до него слухъ объ этой конфузной исторіи. Мазепа и Кочубей остались, однако, по-прежнему какъ будто въ дружескихъ отношеніяхъ; гетманъ, по крайней мѣрѣ, поддерживалъ недалекаго и безвольнаго, тяжелаго на подъемъ генеральнаго судью, и только недолюбливалъ, какъ и раньше, властной и рѣшительной Кочубейки и совѣтовала, напр., мужу «падѣть мундштукъ» на жену. Хотя ничто не указываетъ на то, чтобы отношенія Мазепы къ М. Кочубей зашли слишкомъ далеко, но рѣзкій отпоръ родителей, «прелюдный» и шумный, создалъ цѣлый скандалъ. Сперва въ Батуринѣ, а потомъ все далѣе ширился позоръ дѣвушки, и всею разнеслась молва, что какъ ни какъ, а «Кочубеевна ночевала у гетмана». Дальнѣйшая судьба ея неясна. Утвержденія, что она вышла замужъ за Семена Чуйкевича и даже будто бы свою энергію направила на хозяйственныя дѣла, давала деньги «въ ростъ» и т. п.,—не имѣютъ никакихъ основаній. С. Чуйкевичъ былъ женатъ на сестрѣ Матрены—Катеринѣ Кочубей. Сама же она, вѣроятно всею, жила послѣ скандала въ Пушкарскомъ монастырѣ около Полтавы, гдѣ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, окончила свои дни и была похоронена. Однако, упоминаемое тамъ мѣсто ея могилы—сомнительно (См. «Кіев. Ст.» 1898 г., № 4).

Мысли объ измѣнѣ явились у Мазепы позже всего этого происшествія. Первый намекъ на нихъ надо, быть можетъ, отнести ко встрѣчѣ гетмана съ вн. Дольской на Вольнѣ въ концѣ 1705 г. Но болѣе опредѣленные факты о замыслахъ гетмана выступаютъ только во второй половинѣ 1706 г. Этому предшествовали разговоры гетмана съ Мельшиковымъ лѣтомъ въ Кіевѣ, на одномъ шурѣ. «Полудер-

жавный властелинъ» въ туманныхъ и спущенныхъ выраженіяхъ намекалъ на своевременность борьбы съ внутренними врагами, т. е. съ малорусскою казацкою старшиной, и о необходимости переменъ въ казацкомъ стрѣль управленіи Гетманщиной. У Мазены явилось тогда, поддерживалось и позже, подозрѣніе, что Меньшиковъ не прочь быть бы и самъ править Малоруссіей. Едва ли эти подозрѣнія имѣли вполнѣ реальное основаніе, но гетманъ внимательно и бые сталъ относиться къ напештываніямъ и подговорокамъ. Сношенія со шведскимъ королемъ и Станиславомъ Лещинскимъ онъ велъ черезъ кн. Дольскую и ректора Винницкой іезуитской школы Залескаго. Окончательное рѣшеніе Мазены перейти на вражескую сторону можно отнести къ октябрю 1707 г., а ровно черезъ годъ онъ присоединился къ Карлу XII съ частью старшины и нѣсколькими тысячами казацкаго войска. Въ этотъ годъ разыгралась и драма Кочубея и Песры. Доносы были тогда обычнымъ явленіемъ и на Украинѣ, и въ московскомъ царствѣ. На Мазену они сыпались въ изобиліи, начиная съ 1688 г., но Петръ не вѣрилъ имъ, такъ какъ чаще всего за доносами скрывались стремленія чисто личнаго разчета. Кочубей задумалъ тѣмъ же путемъ выслужиться передъ царемъ, когда въ ихъ рукахъ сосредоточилась, преимущественно благодаря постояннымъ близкимъ отношеніямъ къ гетману, достаточная свѣдѣнія о замыслахъ гетмана. Къ этому присоединилась и память о старой обидѣ. Присло около трехъ лѣтъ со времени расковой ночи, но боль не утихла, а только разгоралась больше: какъ ни сомнительно, вообще, обольщеніе Матрены, но дѣвушка была осрамлена навѣки. И послѣженіе ея, чѣмъ дальше, становилось тяжелѣе: уже не только «завидныхъ», но и никакихъ жениховъ не «стала ей Украина». Заговоромъ противъ гетмана руководили несомнѣнно женщины — двѣ сестры, урожд. Жученки — Любовь Федоровна Кочубей и Прасковья Ѳ. Песра. Благодаря послѣдней, вступитъ были въ рискованное дѣло и мужъ, Иванъ Песра, бывшій полтавскій полковникъ, внукъ гетмана Якова Песры — Остришина. Авторъ «Исторіи Руссовъ» говоритъ, что будто Песра руководилъ въ данномъ случаѣ ревностью къ Мазенѣ, «подозрительно обходившемуся» съ его женой, но другихъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ. Первый доносъ былъ посланъ въ Москву въ августѣ 1707 г. черезъ бродячихъ мо-

наховъ Пиканора и Трефилія; второй переданъ въ самомъ началѣ 1708 г. черезъ полтавскаго жителя, выкреста Петра Яценка. Но на доносы не было отклика. Тогда соумышленники подали третій доносъ въ февралѣ 1708 г. черезъ полтавскаго священника Сивайла и естника Кованька непосредственно московскому полковнику Ошпову въ г. Ахтыркѣ. Этотъ доносъ возымѣлъ дѣйствіе. Доносчики были арестованы и перевезены въ Витебекъ, гдѣ находился царь. Здѣсь Шафировъ и Головкинъ производили въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдствіе, допросы и пытки. Всѣ доносившіе вышудены были послѣ «пристрастнаго допроса», т. е. подъ пыткой, признать себя виновными. Однако, надо замѣтить, что доносъ былъ составленъ обстоятельно и въ немъ нельзя найти фактовъ совершенно ложныхъ и безусловно вымышленныхъ. Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщаль нѣкоторые изъ нихъ, но перечень послѣднихъ представляется достаточно правдивымъ. (Изслѣдованія А. М. Лазаревскаго). Черезъ Смоленскъ, по Дибару, перевезены были для казни въ Бѣлую Церковь Кочубей и Песра; другія лица, причастныя дѣлу, были приговорены къ ссылкѣ. Въ Бѣлой Церкви если и былъ доносъ, то въ присутствіи лишь московскаго представителя Вельяминова-Зернова и казацкихъ старшинъ — Ломиковскаго и Гамалѣя. Генеральный писарь Орликъ и въ данномъ случаѣ, какъ вообще, никакими допросами и пытками не занимался. Выдающійся по уму и энергіи среди малорусскою старшины Филиппъ Орликъ (родомъ чехъ) занималъ высокій постъ, вѣдалъ высшія канцелярскія дѣла и важнѣйшія сношенія и послѣ смерти Мазены былъ избранъ эмигрантами въ гетманы. Потомъ онъ переѣхалъ въ Швецію; въ 1720 г. опять появился въ Турціи среди знорожцевъ, долго не оставлялъ мечтаній объ автономіи Украины и умеръ, должно быть, въ концѣ 30-хъ годовъ, оставивъ послѣ себя «счень любопытный «Дневникъ», сохранившійся въ Краковѣ, въ бібліотекѣ Черторайскихъ. Кочубей и Песра послѣ казни были похоронены въ оградѣ Кіево-Печерской лавры. Теперь ихъ могилы перестали быть общедоступными: при перестройкѣ въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія монастырской транзеей склепъ казенныхъ былъ включенъ въ стѣну новой расширенной транзеей, такъ что находится нынѣ не во дворѣ, а внутри зданія. Прежній могильный памятникъ съ надписью, при-

веденной у Пушкина, прикрытъ новой чугушной плитой съ вылитой на ней копейкой надписи и установленъ противъ того мѣста, гдѣ подъ стѣной предполагается прячь Кочубей и Пскры. Семь казенныхъ были во время катастрофы подъ стражей въ Батуринѣ, позже удалены въ Полтавщину. Петръ послѣ измѣны гетмана принялъ Кочубею въ г. Лебединѣ. Она просила о возвращеніи имѣній, что и было исполнено. Имѣнія Пскры въ 1718 г. перешли также въ родъ Кочубеевъ.

Характеръ Мазепы и его «Шведская авантюра» правдоподобіе всего объясняется такъ. Мазепа прежде всего человѣкомъ глубокаго эгоизма. У такихъ «эгоцентрическихъ» натуръ холодный расчетъ часто соединяется съ пылкостью увлеченія. Не имѣя дѣтей и семьи, онъ всѣ свои личные интересы сосредоточилъ на честолюбивыхъ планахъ. Къ старости жажда власти разгоралась, а между тѣмъ эта власть какъ бы ускользала отъ него. Побѣдить въ борьбѣ Петръ,—онъ не забудетъ нелюбимаго его праву строя гетманщины; побѣдить Карлъ,—Станиславъ Лещинскій не оставитъ въ покоѣ гетмана Украйны, какъ вѣрнаго сторонника царя. А послѣднее весьма возможно: разгромъ подъ Парвою еще не забыть, слава Карла въ своемъ зенитѣ, а судьба Августа II, самаго сильнаго, казалась, изъ союзниковъ-враговъ Швеціи—передъ глазами. Идеи патриотическія, мечты объ автономіи не были на первомъ планѣ у Мазепы, но онъ ими могъ играть и наплъ счетъ рисоваться передъ многими изъ старшины, знавшей уже, какая гроза со стороны Петра, Меньшикова и московскихъ вельможъ нависла надъ малороссійскими «врагами». Недаромъ въ проектѣ письма царю на случай первыхъ шаговъ успѣха предполагалось провозгласить: «Мы, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведскаго совершеннаго своего освобожденія будемъ ожидать». О такой полной автономіи Украйны мечтала только часть малорусской старшины. Это были болѣе романтически настроенныя головы, послѣдовавшія во ставъ Карла XII: одиѣ,—мечтавшія о непосредственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, другія многочисленнѣе,—витавшія думами въ неопредѣленныхъ очертахъ будущаго самостоятельной, свободной родины. Такіе люди, какъ Орликъ, Войнаровскій, Горленко, Мировичъ, наконецъ, представители неугнотнаго Запорожья,—

прислали къ Мазепѣ. Тѣ, кто предпочиталъ «спинцу въ рукахъ журавлю въ небѣ», или выжидали время, какъ Галданъ, Тамара, Жураховскій и др., или же всего ожидали изъ рукъ царя и тѣснились ближе къ нему, какъ Скоропадскій, Кочубей, Пскра... Но Мазепа совсѣмъ не былъ автономистомъ-демократомъ. Въ случаѣ удачи Карла временная протекція далекой Швеціи смѣнилась бы, вѣрнѣе всего, не «совершеннымъ освобожденіемъ» Малороссіи, а старой протекціей сосѣдней Польши. Да и гетманъ по своему рожденію, воспитанію, привычкамъ, міровоззрѣнію никогда не разставался съ аристократическо-польскими тенденціями. Самъ онъ былъ совершенно чуждъ малорусскому простому казачеству и народу, какъ и они были ему чужды—безусловно во всемъ и рѣшительно вездѣ. Мазепа ошибочно принялъ враждебность, выросшую преимущественно на экономической и социальной почвѣ, у низшихъ слоевъ украинскаго населенія ко всякому вообще панству—и своему, и польскому, и московскому,—за національный сепаратизмъ. Но если украинскій народъ не чувствовалъ вообще никакого особливаго влеченія къ «москалямъ», то Польши онъ боялся и къ ней ни за что бы не вернулся. Въ этой основной ошибкѣ Мазепы—главная причина того, что измѣна гетмана въ исторіи Малороссіи явилась личною авантюрою его да части старшины—и только. Однако, въ неудачѣ авантюры сыграть роль и Карлъ. Планъ гетмана былъ задуманъ не такъ ужъ легкомысленно и безнадежно. Сперва Мазепа полагалъ, что борьба двухъ сѣверныхъ великановъ начнется въ верховьяхъ Днѣпра,—шведскій король новоротилъ на югъ и далъ возможность Петру разбить Левенгаупта. Отступая отъ замысла, когда Карлъ былъ уже въ Стародубинѣ, т. е. въ началѣ октября 1708 г., гетману было поздно. Шведы же застряли въ Стародубинѣ, и король не смѣшилъ переправиться черезъ Десну. На лѣвомъ берегу его ждалъ гетманъ и, чуть не захваченный Меньшиковымъ, переправился къ Карлу. Эта медлительность стоила потери Батурина, гдѣ были сосредоточены Мазепиніе военныя и продовольственные припасы. Паденіе гетманской столицы и страшное разореніе ея навело панику на «колеблющихся» лѣвобережцевъ. А далѣе слѣдуютъ извѣстныя передвиженія шведскаго короля по Малороссіи въ теченіи полугода, пока онъ—«вагъ Полтавы вдали завидѣлъ, наконецъ»... Если бы въ

военной исторіи остались свѣдѣнія только объ этихъ передвиженіяхъ, планахъ и битвахъ Карла XII въ 1708—1709 гг., то, несомнѣнно, онъ не оставилъ бы послѣ себя славы лучшего полководца своего времени: о томъ свидѣтельствуеъ и заключительный Полтавскій бой, который привелъ къ разгрому всѣхъ плановъ короля и гетмана.

Мазепа недолго прожилъ въ Турціи. Самыя достовѣрныя данныя объ его смерти мы находимъ въ Хроникѣ Ник. Костина, великаго логофета Молдавіи, который могъ записывать свои свѣдѣнія только по близкимъ воспоминаніямъ, потому что самъ умеръ въ 1711 г. (В. Антоновичъ; «Кіев. Стар.» 1885 г., № 7). Изъ хроникки его мы узнаемъ, что Мазепа умеръ 18-го марта 1710 г. въ Бендерахъ; похоронный обрядъ былъ совершенъ въ приходской церкви с. Варшцы, около Бендеръ. Но позже напрасно искали тамъ гетманской могилы, о чемъ рассказываетъ, напримѣръ, Афанасьевъ-Чужбинскій («Пѣздка въ Южную Россію»): онъ, какъ и другіе «унылые пришельцы», по выраженію Пушкина, считали за могилу полуосыпавшійся курганъ дохристіанской эпохи на берегу Днѣстра и на немъ предавались размышленіямъ о судьбѣ Мазепы и суетѣ земного величія. Въ дѣйствительности, тѣло Мазепы было перевезено въ Галацъ на Дунаѣ и похоронено въ старинномъ генуэзскомъ зданіи греческаго монастыря св. Георгія. Любопытные туристы и впоследствии могли видѣть плиту съ истертymi знаками и могильный склепъ стараго гетмана.

Въ то время, какъ Пушкинъ работалъ надъ своей поэмой, въ далекой Франціи фигурой привязаннаго на конѣ Мазепы заинтересовался молодой тогда поэтъ Вик-

торъ Гюго и создалъ балладу того же имени въ 1828 г. Ничего общаго съ «Полтавой» она не имѣетъ, и оба поэта ничего не знали о томъ, что ихъ интересуетъ одинъ и тотъ же герой. Въ стихотвореніи Гюго «Мазерра» изображена, какъ и у Байрона, скачка копы по степной Украинѣ. Но что это за степь, и что за Украина, можно судить по такимъ отрывкамъ: неукротимый конь, уносящій въ степь Мазепу, вскормленъ морскими травами (*pourri d'herbes marines*); опъ песется «по движущимся пескамъ», и передъ нимъ мелькаютъ «города, башни и длинныя цѣпи горъ» и т. п.— Въ 1840 г. знаменитый польскій поэтъ Словацкій написалъ драму въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Мазепа», въ которой изобразилъ событія его молодости и легенду объ его любви и мучительномъ наказаніи. Драма эта не особенно стройна по формѣ, полна мелодраматическихъ эффектовъ и страдаетъ слабой мотивировкой дѣйствія и трагическихъ ужасовъ. Русскій переводъ П. Пущкарева былъ напечатанъ въ «Отеч. Зап.» 1874 г., № 7.— Въ 1859 г. нѣмецкій драматургъ и историкъ литературы Р. Готшалль напечаталъ трагедію «Мазепа», въ свое время пользовавшуюся успѣхомъ.—Интересъ къ сюжету, обработанному Пушкинымъ въ «Полтавѣ», вызвалъ въ русской литературѣ мало удачныя попытки обработать эту тему въ формѣ романа или повѣсти; извѣстны изъ нихъ: О. Булгарина романъ «Мазепа» въ 2 ч. 1833—1834 г., П. Семеновскаго «Кочубей, генеральный судья», 1845 г. и др. Въ 70-хъ гг. Д. Мордовцевъ издалъ историческій романъ «Царь и Гетманъ», отличающійся обычными для этого писателя достоинствами и недостатками.

Иг. Житецкій.

ПОЛТАВА,

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

ВѢЛОК.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

ОДНА ИЗЪ МЕДАЛЕЙ ВЪ ЧЕСТЬ ПОЛТАВСКАГО БОЯ.

(Съ экземпляра изъ коллекціи гр. Н. И. Толстого).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Русское владычество на Югѣ; обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ, и доказала Государству усѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

Ошибка Шведскаго Короля вошла въ поговорку. Его упрекають въ неосторожности, находить его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожь сямъ походомъ избѣгнулъ главной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. Имѣлъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпokoйная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25 т. Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣдуть передъ Парвекими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семь походъ Карлъ XII менѣе, нежели

когда нибудь, ввѣрялся своему счастью: оно уступило генію Петра.

Мазена есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмельницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянιάхъ, клеветникомъ Самойловича, своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная Церковію анасемъ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человѣчества.

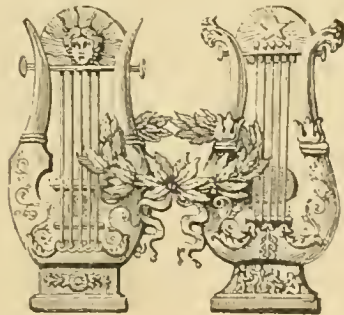
Нѣкто въ романической повѣсти изобразилъ Мазену старымъ трусомъ, бѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиною, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во Французской мелодраммѣ и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мѣтежнаго Гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 Января,
1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ—но юность музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Нль посвященіе поэта,
Какъ никогда его любовь,
Иеръ дѣ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крѣпней мѣрѣ, звуки.
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей. ¹
 Его дуга необозримы;
 Тамъ табуны его коней
 Насутя вольны, нехранимы.
 Кругомъ Полтавы хутора ²
 Окружены его садами,
 И много у него добра,
 Мѣховъ, атласа, серебра
 И на виду и подъ замками.
 Но Кочубей богатъ и гордъ
 Не долгогривыми конями, ³
 Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
 Не родовыми хуторами,
 Прекрасной дочерью своей
 Гордится старый Кочубей.
 И то сказать: въ Полтавѣ пѣтъ
 Красавицы, Маріи равной.
 Она свѣжа, какъ весенній цвѣтъ
 Владебанный въ тѣни дубравной.
 Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
 Она стройна. Ея движенія
 То лебеди пустынныхъ водъ
 Напоминають плавающий ходъ,
 То лани быстрыя стремленья.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла.
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны черибють.
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уста, какъ роза, рдѣють.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ мяздой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ пѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ—и вотъ
 За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ. ⁴
 Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами;
 Но чувства въ немъ князятъ, и вновь
 Мазеца вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,
 Въ немъ чувство каждый день иное;
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пылаетъ сердце старика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнѣ страстей разкалено;
 Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.
 Не серна подъ утесъ уходитъ,
 Орла послышна тяжкій летъ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.
 И все полна негодованьемъ
 Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говоритъ:
 «Безстыдный! старецъ нечестивый!
 «Возможно ль?... пѣтъ, пока мы живы,
 «Пѣтъ! отъ грѣха не совершить.
 «Онъ, должный быть отцемъ и другомъ
 «Невинной крестницы своей...
 «Безумецъ! на закатѣ дней
 «Онъ издумалъ быть ея супругомъ.»
 Марія издрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ какъ неживая
 Упала дѣва на крыльцо.
 Она опомнилась, но снова
 Закрываетъ очи—и ни слова
 Не говоритъ. Отецъ и мать
 Ей сердце шугу успокоить,
 Боязнь и горестъ разогнать,
 Тревогу смутныхъ думъ устроить...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стени,
 Марія не шла, не вѣла,
 Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
 Не зная сна. На третій день
 Ея свѣтлица опустѣла.
 Никто не зналъ, когда и какъ
 Она собралась. Лишь рыбаки

ЗАРЖИИ СЪ ІАРИО РЪВІАЮ ВІАТІ ВІК БІРАЖИ СУДІА ВІАІІ КУБІІ.

ВАСІЛІЙ ЛЕОНТЪВЕВІЧЪ КОЧУБЕІІ.

Современный портретъ, нинѣ принадлежащій кн. В. С. Кочубею. По оригиналу воспроизводитъ ся здѣсь впервые.

Той ночью слышалъ конской топотъ,
 Казацкую рѣчь и женскій шопотъ,
 И утромъ слѣдъ осьми подковъ
 Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланитъ,
 Да русы кудри молодые,
 Порой и старца строгій видъ,
 Рубцы чепа, власы сѣдые
 Въ воображеніе красоты
 Выгаютъ страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣсть:
 Она забыла стыдъ и честь,
 Она въ объятіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ! Отецъ и мать
 Молву не смѣютъ понимать.
 Тогда лишь истина явилась
 Съ своей ужасной наготой.
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преступницы младой.
 Тогда лишь только стало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томилась тайно, воздымала
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
 Она лишь Гетману внимала,
 Когда бесѣда ликовала
 И чапа пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ, ⁵
 Когда онъ бѣдѣнъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ и клики
 Предъ булчукомъ и булавою
 Малороссійскаго владыки... ⁶

Богатъ и знатенъ Кочубей.
 Довольно у него друзей.
 Свою омытъ онъ можетъ славу.
 Онъ можетъ возмутить Полтаву;
 Внезапно средь его двора
 Онъ можетъ мщеніемъ отца
 Постигнуть гордаго злодѣя;
 Онъ можетъ вѣрною рукою
 Воизвить... но замыселъ иной
 Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,
 Мужала съ тенемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукѣ славы
 Ей данъ учитель: не одинъ
 Урокъ нежданый и кровавый
 Задалъ ей Шведскій наездникъ.

Но въ искушеньяхъ долгой кары
 Перетерѣвъ судьбы удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
 Дробя стекло, куеть булаву.

Вѣщанный славой безполезной,
 Огважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
 Онъ шелъ на древнюю Москву,
 Взметая Рускія дружины,
 Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
 И клошитъ пыльную траву.
 Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
 Въ дни наши новый, сильный врагъ,
 Когда падеишемъ ославилъ
 Мужъ рока своей попятный шагъ. ⁷

Украина глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась.
 Друзья кровавой старшны
 Народною чаяли войны,
 Роптали требуя кичливо,
 Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ.
 И Карла ждалъ нетерпѣливо
 Нхъ легкомысленный восторгъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мятельный брикъ: пора, пора!
 Но старый Гетманъ оставался
 Послушнымъ поданнымъ Петра.
 Храпя суровость обычайну,
 Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
 Молвъ, казаясь, не внималъ
 И равнодушно пировалъ.

«Что жъ Гетманъ? юности твердили,
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
 Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носить булаву?
 Теперь бы гризуть намъ воиною
 На ненавистную Москву!
 Когда бы старый Дорошенко, ⁸
 Или Самойловичъ молодой, ⁹
 Или нашъ Нагвй, ¹⁰ или Гордѣенко ¹¹
 Владѣли силой войсковою;
 Тогда бъ въ сѣняхъ чужбины дальней
 Не погибали казаки,
 И Малороссія печальной
 Освобождалась ужъ полки.» ¹²

Такъ, своевоишемъ шывая,
 Роптала юность удаяя,
 Опасныхъ алча перемѣнъ,
 Забывъ отчины давній плѣнъ,
 Богдана счастливые споры,
 Святые брани, договоры
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но старость ходитъ осторожно
 И подозрительно глядитъ.
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшитъ.

МАЗЕПА.

Воспроизведено въ величину оригинала съ рѣдчайшаго оформта Норблена (Norblain de la Cour daine, 1745—1830), находящагося въ Публичной Библиотеки въ Спб.

Кто сидеть въ глубину морскую,
 Покрытую недвижно льдомъ?
 Кто испытующимъ умомъ
 Проникнетъ бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней,
 Плоды подавленныхъ страстей,
 Лежатъ погружены глубоко,
 И замысль давнишнихъ дней,
 Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
 Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
 Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложивѣй,
 Тѣмъ съ виду онъ неостороживѣй
 И въ обхожденіи простѣй.
 Какъ онъ умѣетъ самовластно
 Сердца привлечь и разгадать,
 Умами править безопасно,
 Чужія тайны разрѣшать!
 Съ какой довѣрчивостью лживой,
 Какъ добродушно на пирахъ
 Со старцами старикъ болтливой
 Жалветъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поносить власти съ недовольнымъ,

Съ ожесточеннымъ слезы леть,
 Съ глупцомъ разуму рѣчь вѣдетъ!
 Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
 Что духъ его неукротимъ,
 Что радъ и честно и безчестно
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ.
 Что далеко преступны виды
 Старикъ надменный простираетъ;
 Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него.

Пздавна умысль ужасный
 Взлелѣвалъ тайно злой старикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
 Скрежеща мыслить Кочубей,
 Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моеи;
 Ты не истлѣешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Казачей сабли. Вътъ, злодѣи,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у пастъ,
 И ширъ, на коемъ чести чашу
 Тебѣ я полну паливалъ,
 И почъ, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ, заклевалъ!...»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазена; въ опы дни,
 Какъ солю, хлѣбомъ и елеемъ
 Дѣлили чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Перѣдко долгя бесѣды
 Наединѣ вели они—
 Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытной
 Души мятежной, ненасытной
 Отчасти бездну открывалъ
 И о грядущихъ измѣненьяхъ,
 Переговорахъ, возмущеньяхъ,
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему.
 Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Она послушно; онъ гонитъ
 Едину мысль и день и почъ:
 Или самъ погибнетъ, или погубитъ—
 Отметить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ затѣмъ.
 «Въ безыслиной горести, ко гробу
 Теперь онъ мысли устремилъ.
 Онъ злѣ Мазенѣ не желаетъ;
 Всему виновна дочь одна.
 Но онъ и дочери прощаетъ:
 Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
 Новривъ семью свою позоромъ,
 Забывъ и небо и законъ...»

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
 Себѣ товарищей отважныхъ,
 Неколебимыхъ, непроданныхъ.
 Во всемъ открылся онъ женѣ: ¹²
 Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный конилъ,
 И гнѣвъ женскаго полна
 Петерблванная жена
 Сунруга злобнаго торонить,
 Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ ибхій духъ, ему она

О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
 И слезы льетъ, и ободряетъ,
 И клятвы требуетъ—и ей
 Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Пескра заодно. ¹⁴

И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто же, усердиемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между Полтавскихъ Казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.
 Вечерней, утренней порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ тѣни Украинскихъ череметь,
 Бывало, онъ Марію ждалъ,
 И ожиданьемъ страдалъ,
 И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Отказа бѣ онъ не пережилъ.
 Когда паѣхали толпою
 Къ ней жепичи; изъ ихъ рядовъ
 Уныль и сиръ онъ удаленъ.
 Когда же вдругъ межъ Казаковъ
 Позоръ Маріинъ огласился,
 И безпощадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила;
 И тутъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права.
 Но если кто хотя случайно
 Предъ нимъ Мазену называлъ;
 То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при луиѣ
 Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?

Чей это конь неутомимой
 Вѣжитъ въ стени необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
 Казакъ не хочетъ отдохнуть
 Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
 Ни при опасной переувѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
 Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
 Не спотыкаясь конь ретивой
 Вѣжитъ, размахивая гривой.

Червоицы нужны для гонца,
 Булатъ потѣхѣ молодца,
 Ретивый конь потѣхѣ тоже—
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ.
 Коня, червоицы и булатъ,

Казакъ на сѣверь держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть.

Рисункъ Н. Каразина.

Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
За тѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазена козни продолжаетъ.
Съ нимъ попомощный Езуитъ ¹⁵
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткѣй тронъ ему сулитъ.
Во тѣмъ почвой они какъ вору
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнять межъ собой,
Слогаютъ цифрѣ Универсаловъ, ¹⁶
Торгуютъ Царской головою,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ ¹⁷, Гетмановъ дѣлецъ,
Его приводить и выводить.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ на Дону казачьи круги
Они съ Булавинымъ ¹⁸ мутягъ;
Тамъ будятъ дикихъ орды отъягъ;
Тамъ за порогами Днѣпра
Страшаютъ буйною ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазена всюду взоръ кидаетъ,

И письма шлетъ изъ края въ край:
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова Паша,
Во ставѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
Его коварная душа:
Онъ, думой думу развывая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ
воспирянулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Ужасный громъ! когда ему,
Врагу Россіи самому,
Вельможи Рускіе ¹⁹ послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Глушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!

Мазена, въ горести притворной,
Къ Царю возноситъ гласъ покорной.
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
«Онъ бѣдный Гетманъ двадцать лѣтъ
«Царю служилъ душою вѣрной:

«Его щедротою бездѣрной
 «Осыпанъ, дивно вознесенъ...
 «О, какъ слѣпа, безумна злоба!...
 «Ему ль теперь у двери гроба
 «Начать учене измѣнить,
 «И потемнять благую славу?
 «Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰
 «Съ негодовашемъ отказалъ,
 «Стыдяся, отвергъ вѣнецъ Украйны,
 «И договоръ и иньша тайны
 «Къ Царю, по долгу, отослалъ?
 «Не онъ ли паущеньямъ Хапа ²¹
 «И Цареградскаго Салтана
 «Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
 «Съ врагами бѣлаго Царя
 «Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
 «Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
 «И пылъ злобный недругъ смѣлъ
 «Его сѣдны озорить!
 «И кто же? Пскра, Кочубей!
 «Такъ долго бить его друзьями!...»
 И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни требуетъ злодѣй... ²²
 Чьей казни?... старецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говоритъ: «въ неравный споръ
 Зачѣмъ вступаешь сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ точить на себя топоръ.
 Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основалъ надежды?
 Или... по дочери любовь
 Главы отцовской не пекунить.
 Любовникъ Гетману уступить,
 Не то моя прольется кровь.»
 Марія, бѣдная Марія,
 Краса Черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь ты какого змія
 Ласкаешь на груди своей.
 Какой же властью непонятной

Къ душѣ свирѣпой и развратной
 Такъ сильно ты привлечена?
 Кому ты въ жертву отдана?
 Его кудрявыя сѣдины,
 Его глубокія морщины,
 Его блестящій, впадый взоръ,
 Его лукавый разговоръ
 Тебѣ всего, всего дороже:
 Ты мать забыть для нихъ могла,
 Соблазномъ посланное ложе
 Ты отчей сѣни предпочла.
 Своими чудными очами
 Тебя старикъ заворожилъ,
 Своими тихими рѣчами
 Въ тебѣ онъ совѣсть услилъ;
 Ты на него съ благоговѣшемъ
 Возводишь ослѣпленный взоръ,
 Его лелѣешь съ умиленьемъ—
 Тебѣ пріятель твой позоръ,
 Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
 Какъ дѣломудріемъ горда—
 Ты прелесть пѣвную стыда
 Въ своемъ утратила наденьи...
 Что стыдъ Маріи? Что молва?
 Что для нея мірскія пѣни,
 Когда склоняется въ колѣни
 Къ ней старца гордая глава,
 Когда съ ней Гетманъ забываетъ
 Судьбы своей и трудъ и шумъ,
 Или тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей дѣвъ робкой открываетъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порою, какъ туча, затмеваетъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Отца и мать воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
 Въ бездѣтной старости, одиныхъ,
 И мнится, пѣнясь ихъ внимаешь...
 О, если бѣ вѣдала она,
 Что ужъ узнала вся Украйна!
 Но отъ нея сохранена
 Еще убійственная тайна.

МАТРЕНА КОЧУБЕИ.

Историческій этюдъ П. Е. Рыллина.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазена мраченъ. Умъ его
 Смущенъ жестокими мечтами.
 Марія пѣжными очами
 Смотритъ на старца своего.
 Она, обнявъ его колѣни,
 Слова любви ему твердить.
 Напрасно: черныя помысленій
 Ея любовь не удалитъ.
 Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ

Онъ хладно потушаетъ взоръ,
 И ей на ласковый укоръ
 Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
 Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, встаетъ она
 И говоритъ съ негодованьемъ:

«Послушай, Гетманъ: для тебя
 Я позабыла все на свѣтѣ.
 Павѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметѣ:
 Твою любовь. Я для нее
 Сгубила счастье мое.

Но ни о чемъ я не жалю—
 Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
 Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
 Меня любить ты клялся мнѣ.
 Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕНА.

Мой другъ, несправедлива ты.
 Оставь безумныя мечты;
 Ты подозрѣивъ сердце губишь:
 Пѣтъ, душу пылкую твою
 Волнуютъ, ослѣвляютъ страсти.
 Марія, вѣрь: тебя люблю
 Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Не правда: ты со мной хитришь.
 Давно ль мы были неразлучны?
 Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь:
 Теперь онѣ тебѣ докучны;
 Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
 Въ пирахъ, развѣздахъ—я забыта;

Ты долгой ночью пль одинъ,
 Пль съ нищимъ, пль у Езунта.
 Любовь смиренная моя
 Встрѣчаетъ хладную суровость.
 Ты пль недавно, знаю я,
 Здоровье Дульской. Это новость:
 Кто эта Дульская?

МАЗЕНА.

И ты
 Ревнива? мнѣ ль, въ мои ли лѣта
 Искать надменнаго привѣта
 Самолюбивой красоты?
 И стану ль я, старикъ суровый,
 Какъ праздный юноша, вздымать,
 Влачить позорныя оковы
 И жень притворствомъ пскушать?

МАРІЯ.

Пѣтъ, объяснись безъ отговорокъ,
 И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕНА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
 Марія; такъ и быть: узнай.
 Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипитъ у насъ.
 Благое время намъ припѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.
 Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровительствомъ Варшавы,
 Подъ самовластіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Украинѣ быть уже пора:
 И знамя вольности кровавой
 Я подымаю на Петра.
 Готово все: въ переговорахъ
 Со мною оба Короля;
 И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
 Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
 Друзей надежныхъ я имѣю:
 Княгиня Дульская и съ нею

Мой Езуитъ, да пищій сей
 Къ концу мой замыселъ приводятъ.
 Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
 Наказы, письма Королей.
 Вотъ важныя тебѣ признанья.
 Довольна-ль ты? Твой мечтанья
 Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О мильй мой,
 Ты будешь царь земли родной!
 Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанеть
 Корона царская!

МАЗЕНА.

Постой,
 Не все свершилось. Буря грянетъ;
 Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха—
 Ты такъ могущъ! О знаю я:
 Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕНА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
 Ахъ, пережить тебя могу ли?
 Но вѣтъ: ты носишь власти знакъ.

МАЗЕНА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕНА.

Скажи: отецъ или супругъ
 Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Мильй другъ,
 Къ чему вопросъ такой? тревожить

Меня напрасно оиъ. Семью
 Стараюсь я забыть мою.
 Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
 (Какая страшная мечта!)
 Моимъ отцемъ я проклята,
 А за кого?

МАЗЕНА.

Такъ я дороже
 Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕНА.

Что жъ? отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕНА.

Послушай: если было бъ намъ,
 Ему или мнѣ, погибнуть надо,
 А ты бы намъ судьей была,
 Кого бъ ты въ жертву принесла,
 Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
 Ты некуситель.

МАЗЕНА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣднѣ; рѣчь твоя сурова...
 О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
 Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
 Но страшны мнѣ слова такія.
 Довольно.

МАЗЕНА.

Помни же, Марія,
 Что ты сказала мнѣ теперь.

БОРЦАГОВКА, ВОЗЛѢ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

Здѣсь казнили Кочубея и Искру.

Съ гравюры А. П. Зубчатина.

Тиха Украинская почва.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещуть
 Сребристыхъ тополей листы.
 Луна спокойно съ высоты
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
 И пышныхъ Гетмановъ сады
 И старый замокъ озаряетъ.
 И тихо, тихо все кругомъ;
 Но въ замкѣ шепотъ и смятенье.
 Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
 Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
 Оковаиъ, Кочубей сидитъ
 И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
 Онъ мыслить объ ужасной казни:
 О жизни не жалеетъ онъ.
 Что смерть ему? желанный сонъ.
 Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Дрема долить. Но, Боже правый!
 Къ погамъ злодѣя, молча, пасть
 Какъ безсловесное созданье,

Царемъ быть отдаю во власть
 Врагу Царя на поруганье,
 Утратить жизнь—и съ нею честь,
 Друзей съ собой на плаху вестъ,
 Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
 Ложась безвишнимъ подъ топоръ,
 Врага веселый встрѣтить взоръ
 И смерти кинуться въ объятя,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И ибени дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ.
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего?—

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремитъ—и пробуждѣнъ,
 Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
 Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могущій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ разпятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Припеснѣи мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Пзлить тоску мольбы своей.
По не отшельника святого,
Онъ гостя узнаеть шаго:
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаеть:
Ты здѣсь, жестокой человекъ?
Зачѣмъ послѣдній мой почлегъ
Еще Мазена возмущаеть?

орликъ.

Допросъ не конченъ: отвѣчай.
кочубей.

Я отвѣчалъ уже: ступай.
Оставь меня.

орликъ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

кочубей.

По въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканьѣ²³ укрываемъ.
Свершится казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣклады, скрытые тобой?

кочубей.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отряда.
И первый кладъ мой честь была,
Кладъ этотъ пытка отняла:

Другой былъ кладъ невозвратимый
Честь дочери моеѣ любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазена этотъ кладъ убралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую мечь.
Ее готовлюсь Богу спечь.

орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидай свѣтъ,
Испайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

кочубей.

Злой холонокъ!
Окончивъ ли допросъ неслѣпой?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазеной
Мое неслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣклады вамъ уважетъ;
По ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ скажи,
Нль выйдеть сабѣтвіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачь!²⁴
Палачь вошелъ...

О, ночь мученій!

Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызений
Злѣбной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усипленной,
Еще незнаемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы мяздой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазена тихій и угрюмый.
Въ его думѣ проходятъ думы,
Одна другою мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умреть безумный Кочубей:
Счасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль Гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеветъ
Умрутъ.» Но брося взоръ на ложе,

Мазена думаетъ: «о Боже!
 Что будетъ съ ней, когда она
 Услышитъ слово роковое?
 Досель она еще въ покоѣ—
 Но тайна быть сохранена
 Не можетъ долѣе. Сквира,
 Упавъ поутру, загремитъ
 По всей Украинѣ. Голосъ міра
 Вокругъ нея заговоритъ!...
 Ахъ, вижу я: кому судьбою
 Волненья жизни суждены;
 Тотъ стой одинъ передъ грозою,
 Не призывай къ себѣ жены.
 Въ одну телегу впрячь неможно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неосторожно:
 Теперь плачу безумства дань...
 Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
 Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
 Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 Мнѣ старцу мрачному—и что же?
 Какой готовлю ей ударъ!»—
 И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
 Какъ сладокъ юности покой!
 Какъ сонъ ее лѣветъ ибжно!
 Уста раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой;
 А завтра, завтра... содрогаясь,
 Мазена отвращаетъ взглядъ,
 Встаетъ и тихо пробиралась
 Въ уединенный сходить садъ.
 Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 По мрачны странныя мечты
 Въ душѣ Мазены: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ пасѣшливо глядятъ.
 И тополи, стѣсившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
 И лѣтней, теплой ночи тма
 Душица, какъ черная тюрьма.
 Вдругъ... слабый крикъ... невнятный
 стоиъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
 То былъ ли сонъ воображенья,
 Или плачь совы, или звѣря вой,
 Или штыки стоиъ, или звукъ иной—
 Но только своего волненья
 Преодолѣть не могъ старикъ
 И на протяжный слабый крикъ
 Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
 Которымъ онъ въ веселы дикомъ,
 Поля сраженья оглашалъ,

Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И—съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
 Онъ въ браниномъ пламени свакалъ.

Зари багряной полоса
 Объемлетъ ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роуцъ и волны рѣкъ.
 Раздался утра шумъ игривый,
 И пробудился человекъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
 Дремой объятая, и слышитъ
 Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
 Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась—но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Отъ блеска утреннихъ лучей.
 Марія руки протянула
 И съ ибгой томною шепнула:
 Мазена, ты?... Но голосъ ей
 Иной отвѣтствуетъ... о Боже!
 Вдрогнувъ, она глядитъ... и что же?
 Предъ нею мать...

МАТЬ.

Молчи, молчи;

Не погуби насъ: я въ ночи
 Сюда прокралась осторожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣство ихъ смягчить возможно.
 Спаси отца!

ДОЧЬ, въ ужасѣ.

Какой отецъ?

Какая казнь?

МАТЬ.

Или ты донимѣ

Не знаешь?... ибтъ! ты не въ пустынѣ,
 Ты во дворцѣ; ты знать должна,
 Какъ сила Гетмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ Государь ему внимаетъ—
 Но вижу: скорбную семью
 Ты отвергаешь для Мазены;
 Тебя я соню застаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣный,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда готовъ отцу топоръ—
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись: дочь моя! Марія,
 Бѣги, нади къ его ногамъ,
 Спаси отца, будь ангелъ намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ.
 Ты можешь ихъ топоръ отвѣсти.

Рвись, требуй—Гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога.

дочь.

Что со мною?

Отецъ... Мазена... казнь—съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, нль ума лишилась я,
Нль это грезы.

мать.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Уже ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не спешъ,
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донесъ—
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы,
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу опъ выданъ головою,
Что предъ Громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Опъ долженъ быть казненъ сегодня,
Что здѣсь покаместъ опъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

дочь.

Боже, Боже!..

Сегодня!— бѣдный мой отецъ!
И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.
Пестрѣють шанки. Коня блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки. ²⁵
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кинятъ. Сердца тренещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помость.
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлая беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шунитъ съ черною веселой.
Въ гремучій говоръ все слылось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и роноть.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій топоть
Быль слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старинцами

Скакалъ на ворономъ конѣ;
А тамъ по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ тревогѣ,
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примпренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Батится вслѣдъ за ней, мигая.
Зарѣлась кровію трава—
И сердцемъ радуюсь во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукою
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безнечный
Цдетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуеть межъ собой.
Пустьветъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перобѣжали двѣ жены.
Утомлены, занылены,
Опѣ, казалось, къ мѣсту казни
Слѣпили полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле нерестомъ указалъ.
Тамъ роковой помость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ.
И на телегу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазена, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Опъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался,
Не говорилъ опъ ничего.
Весь въ нѣмѣ мчался конь его.
Домой прѣхавъ, что Марія?
Спросилъ Мазена. Слышитъ опъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Цдетъ опъ къ ней: въ свѣтлицу входитъ:
Свѣтлица тихая пуста—
Опъ въ садъ, и тамъ смтенный бродитъ:

По вокруг широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣтъ ни гдѣ слѣдовъ—
 Ушла!—Зоветь онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Хранятъ ихъ кони—
 Раздался дикій кликъ погони
 Верхомъ—и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во все концы.

Бѣгутъ мгновеня дорогія.
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слышалъ,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала—
 Мазена молча скрежетала.
 Затихнуть, челядь трепетала.
 Въ груди кичуцѣй адъ нося,

Въ свѣлицѣ Гетманъ заперся.
 Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
 Пездѣнней мукою томимъ.
 Поутру, послѣдние слуги,
 Одинъ явился за другимъ.
 Чуть кони двигались. Подируги,
 Подковы, узды, чепраки,
 Все было ибною покрыто,
 Въ крови, разтеряно, избито—
 По ни одинъ ему принести
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
 И слѣдъ ея существованья
 Пронялъ какъ будто звукъ пустой,
 И мать одна во мракъ изгнанья
 Умчала горе съ нищетой.

МАЗЕНА УДАЛЯЕТСЯ ОТЪ МѢСТА КАЗНИ КОМУБЕЯ И ИСКРЫ

Рис. П. С. Самокиша.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
 Стремится дерзновенно вдаль
 Вождю Украйны не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
 Свои сношенья продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрливъ
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья,
 Стояя молить издѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзнь, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бранный мѣръ оставить;
 Святой обрядъ онъ хочетъ править,
 Онъ Архипастыря зоветъ
 Къ одру сомнительной копчины:
 И на коварныя сѣдны
 Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ, вражескихъ могилъ
 Готова Шведамъ тризну тайну.
 Незанно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилой,
 Сей трутъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра.
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машетъ — и къ Деснѣ
 Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный тяжко жизнью старой,
 Такъ оный хитрый Кардинагъ,
 Вбичавшись Римскою тиарой,
 И прямя, и здравъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
 Украйна шумно зашумѣла.
 «Онъ перешелъ, онъ избѣнилъ,
 Къ погамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
 Встаетъ кровавая заря
 Войны пародной.

Кто опишетъ
 Негодовашь, гибль царя? ²⁶
 Гремить апогея въ Соборахъ;
 Мазены ликъ терзасть катъ. ²⁷
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ
 Другаго Гетмана творить.
 Съ береговъ пустынныхъ Енисея
 Семейства Пскры, Кочубея
 Послѣнно призваны Петромъ ть.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ.
 Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
 И повою честию и добромъ.
 Мазены врагъ, паѣздникъ пылакій,
 Старикъ Палвй изъ мрака ссылки
 Въ Украйну ѣдетъ въ Царскій станъ.
 Тренещетъ быть осиротѣлой.
 На плахѣ гибнетъ Чечель ²⁸ смѣлой
 И запорожскій Атаманъ.
 И ты, любовникъ бранной славы,
 Для шлема кичувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь туда жъ помялъ дружины.
 Онѣ какъ буря притекли —
 И оба стана средь равнины
 Другъ друга хитро облегли:
 Неразъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
 Зараи кровью опьянѣлый,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходится боецъ.
 И зlobясь видитъ Карлъ могучій
 Ужъ не разстроенныя тучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незлыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
 Глубокой сонъ во станѣ Шведа.
 Лишь подъ палаткою одной
 Ведется шепотомъ бесѣда.

«Швѣтъ, вижу я, швѣтъ, Орликъ мой,
 Потерялись мы не кетати:
 Расчетъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будетъ благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Что дѣлать? даль я промахъ важной:
 Ошибелъ въ этомъ Карлъ я.

КАРЛЪ XII.

Гравюра Фрутиша (1740) съ портрета Крафта (1717).

Отъ мальчикъ бойкій и отважной;
 Два-три сраженья разыграть,
 Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужищъ прискакать, ²⁹
 Отвѣтствовать на бомбу смѣломъ; ³⁰
 Не хуже Русскаго стрѣлака
 Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
 Свалить какъ нынче казака
 И обмѣнять на рану рану; ³¹
 Но ве ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ:
 Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
 Принудить хочетъ барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, дирамъ, петерифливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть какому счастьемъ вѣритъ;
 Онъ силы новья врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
 Сломить ему свои рога.
 Стыжусь: вопиетъ онъ бродягой
 Увлекся я на старость лѣтъ;
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣлымъ счастьемъ побѣды
 Какъ дѣва робкая.»

О Р Л И К ъ.

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
 Еще поправить можно зло.
 Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
 Царь не отвергнетъ примиренья.

М А З Е П А.

Нѣтъ, поздно. Рускому Царю
 Со мной мириться невозможно.
 Давно рѣшилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
 Одижды я съ Царемъ суровымъ
 Во ставкѣ ночью пировалъ:
 Полны виномъ кивѣли чаши,
 Кивѣли съ нами рѣчи наши.
 Я слово смѣлое сказала.
 Смущались гости молодые—
 Царь, услышавъ, чашу уронилъ
 И за усы мои сѣдые
 Меня съ угрозой ухватилъ.
 Тогда, смиряясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
 Отметить себя я клятву далъ;
 Носилъ се—къ зѣть мать во чревѣ
 Младенца носить. Срокъ насталъ.
 Такъ, обо мнѣ воспоминашь
 Хранить онъ будетъ до конца.
 Петру в послѣднѣ въ наказанье;
 Я терпѣ въ листавъ его вѣнца;
 Онъ далъ бы грады родовые

И жизни лучшіе часы,
 Чтобъ снова какъ во дни былые,
 Держать Мазепу за усы.
 Но есть еще для насъ надежды:
 Кому бѣжать, рѣшить зарю.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
 Измѣнникъ Русскаго Царя.

Горитъ востокъ зарею новой.
 Ужъ на равнищѣ, по холмамъ
 Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
 Кругами всходитъ къ небесамъ
 Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули.
 Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
 Катятся ядра, свистятъ пули;
 Нависли хладные штыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь оконовъ рвутся Шведы;
 Волнуясь, конница летитъ;
 Нѣхота движется за нею
 И тяжелой твердостью своею
 Ея стремленія крѣпнѣтъ.
 И битвы поле роковое
 Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
 Но явно счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ намъ.
 Пальбой отбиты дружины,
 Мѣшались, падаютъ во прахъ.
 Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
 Сдается пылкій Шиненбахъ.
 Тѣснимъ мы Шведовъ рагъ за ратью;
 Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
 И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣтъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
 Раздался звучный гласъ Петра:
 «За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
 Толпой любимцевъ окруженный
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ,
 Движенья быстры. Онъ украсенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Ночью роковой огонь
 Дрожитъ. Глазами косо водитъ
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордая могущимъ сѣдокомъ.
 Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Къ зѣть нахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гардюють казаки.
 Ровняясь строятъ полки.
 Молчитъ музыка боевая.
 На холмахъ пушки, присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се—равнину оглашая
 Далече грянуло ура:

ПЕТРЪ I.

Современная гравюра Губракена.

Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Син птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Реннинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ ешими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненіе.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣпной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами; саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся силею.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгають, разятъ,
Прахъ раютъ и въ крови шинятъ.
Шведъ, Русскій—калетъ, рубить, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стоишь,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненія,
На битву взоромъ вдохновенія
Вожди сновойные глядятъ,
Движенія ратныхъ слѣдятъ,
Предвидать гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
На близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сеи подъ сѣдинами?
Двумя поддержаиъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на баша не вкочитъ онъ,

Одряхъ, въ изгнаніи сиротѣ,
И базакъ на влечь Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
По чтожь его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
И покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Нль онъ, сквозь брашній дымъ, увидѣлъ
Врага Мазену, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазена, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ ибѣи и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на Гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. По казакъ
Ужъ умираетъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя ибжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
По близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнута Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще паноръ—и врагъ бѣжитъ: ³²
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тунятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роємъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И царскій ширъ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ павшиковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирить полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазена? гдѣ злодѣи?
Куда бѣжалъ Иуда въ страхъ?
Зачѣмъ Король не межъ гостей?

БЕЗУМНАЯ МАРІЯ и МАЗЕНА.

Рис. В. Лебедева.

Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ? 33

Верхомъ, въ глуши стеной нагнавъ,
Король и Гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу Королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забывъ. Покинувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зорнымъ взглядомъ
Стеней широкій полукругъ,
Съ нимъ старый Гетманъ скачетъ
рядомъ.

Предъ нимъ хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?

Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь разскажетъ забвенный
Ему паномчили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, вѣпомъ разгоряченный,
Семьею счастливой окруженный,
Шутилъ бывало за столомъ?
Узналъ ли ты приютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ стень... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни стень объемлютъ.
На брегѣ синяго Дибра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покоя героя,
Уропъ Полтавы онъ забывъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи почномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихою кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ какъ надъ топоромъ...
Предъ нимъ съ развѣтыми власами,
Сверкая вальными глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной осѣщена...
«Иль это сонъ?... Марія... ты ли?»

МАРІА.

Ахъ, тише, тише, другъ!... Сей часъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой!.. услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, блѣдая Марія!
Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

МАРІА.

Послушай: дитрости какія!
Что за разсказы у нихъ смѣшной?

Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихою показала
Сѣдую голову—Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была сонѣмъ не человѣчья,
А волчья—видишь: какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно-ль?

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но вихрю мыслей предана,
«Однако жъ, говоритъ она,
Я помню поле... праздникъ шумной..
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Поидемъ домой. Скорѣй!.. ужь поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая пѣга!

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

Картина А. Е. Коцебу.

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...

ПОЛТАВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Литература А. Е. Кольца

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...

Его усы бѣлѣ снѣга,
 А на твоихъ засохла кровь.
 И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вперыгнула, побѣжала
 И скрылась въ темнотѣ почной.
 Рѣдѣла тѣнь. Востокъ агѣтъ.
 Огонь казачій пламеялъ.
 Пшеницу казаки варили;
 Драбанты у берега Днѣпра
 Коней разсѣданныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! Пора!
 Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
 Но гетманъ уже не спитъ давно.
 Тоска, тоска его снѣдаетъ;
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдаетъ,
 И скачетъ съ бѣлымъ Королемъ,
 И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.
 Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
 Огъ сильныхъ, гордыхъ силъ мужей,
 Столь полныхъ волею страстей?
 Ихъ поколѣнье миновалось—
 И съ нимъ печезъ кровавый слѣдъ
 Успій, бѣдствій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинственной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ странѣ—гдѣ мѣльницъ рядъ крылатый
 Оградой мирно обступилъ
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогагы

Вокругъ воинственныхъ могилъ—
 Останки разоренной сѣни,
 Три углубленные въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумной,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
 И тщетно тамъ прилепецъ улыбай
 Искалъ бы Гетманской могилы:
 Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святинѣ
 Разъ въ годъ анаемой донынѣ,
 Гроза, гремитъ о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь приютила. ³⁴
 Цвѣтеть въ Дикавкѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями посаженныхъ:
 Они о вратцахъ казенныхъ
 Донынѣ вѣвкамъ говорятъ.
 Но дочь преступница... преданья
 Объ ней молчать. Ея страданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непрощаемою тмою
 Отъ насъ закрыты. Лишь порою
 Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
 Когда въ селѣ передъ народомъ
 Онъ пѣсни Гетмана бречитъ,
 О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
 Казакамъ юнымъ говоритъ.

КОБЗАРЬ.

Рисованъ Третьяковскыи.

Примѣчанія Пушкина къ «Полтавѣ».

1) Василій Леонтьевичъ Кочубей, генераль-ный Судя, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.

2) *Хуторъ*—загородный домъ.

3) У Кочубей было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазены. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матрешей.

4) Мазена въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

5) Преданіе приписываетъ Мазенѣ нѣсколько нѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патриотической думѣ, будто бы сочиненной Мазеною. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

6) Буцукъ и булава—знаки Гетманскаго достоинства.

7) Сморг. *Мазену* Байрона.

ГЕТМАНЪ САМОЙЛОВИЧЪ.

Изъ Собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.

ГЕТМАНЪ ДОРОШЕНКО.

Изъ Собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.

8) Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

9) Григорій Самойловичъ, сынъ Гетмана, посланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

10) Самсонъ Налбѣй, Хвостовскій Полковникъ, старый набѣжникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазены. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Налбѣй, какъ заколебанный врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

11) Костя Гордѣенко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

12) 20,000 Казаковъ было послано въ Африцію.

13) Мазена въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубей въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *гордя и высокоумная*.

14) Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубей, разбивавшій съ нимъ его умыселъ и участь.

ГЕРОИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Брюсъ Бауэръ, Репнинъ, Меншиковъ, Шереметевъ.

ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ ВЪ ПАМЯТЬ В. А. КОЧУБЕЯ ВЪ ДИКАНЬКЪ.

Съ фотографіи, принадлежащей Кн. В. С. Кочубею.

15) Езуитъ Заденской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазешиной измѣны. Послѣдній въ видѣ награды ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

16) Таизъ назывались манифесты Гетмановъ.

17) Филиппъ Орликъ, генеральный Инсаръ, наперсникъ Мазены, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣднимъ получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Въ послѣдствіи принявъ Магометанскую вѣру и умеръ въ Венгерахъ около 1736 года.

18) *Будавиць*, Донецкой казакъ, бунтовавшій около того времени.

19) Тайный секретарь Шафировъ и Гр. Геловицъ, друзья и покровители Мазены; на нихъ по справедливости долженъ лежать узы суда и казни доносителей.

20) Въ 1705 году. Смолр. примѣчанія къ Петрію Малороссій. Б. Каменскаго.

21) Въ время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

22) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовали ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, невинно оклеветанною беззаконными старцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Давидомъ.

23) Деревня Кочубей.

24) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. Но отыскавъ несчастнаго шута, что его допрашивали въ сокровищахъ, нѣтъ опасенныхъ.

25) Войско, состоявшее на собственномъ имѣніи Гетмановъ.

26) Сильная мѣра, принятая Петромъ съ обыкновенной Его быстротой и энергіей, удержала Украину въ повиновеніи.

«1708 г. Полбра 7-го числа, по Указу Государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ Гетманы Подковника Стародубскаго Пв. Скоропадскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевской, Черниговской и Нерезлавской Архіепископы.

«А 9-го дня предали клятвѣ Мазену оныя Архіереи публично; того же дня и персону (куклу

оного измѣнщика Мазены вынесли и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ) оную персону бросили въ палаченскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣливъ за шею, тащилъ по улицѣ и по площади даже до шибеницы, и потомъ повѣсилъ.

«Въ Глуховѣ въ 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (*Журналъ Петра Великаго*).

27) Малороссійское слово. Поруки палачъ.

28) Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ кн. Менишкова.

29) Въ Дрезденѣ въ Королю Августу. Смотр. *Voltaire, Hist. de Charles XII.*

30) Ахъ, В. В! бомба...—«Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ двукую? нишъ.» Это случилось гораздо послѣ.

31) Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ носкакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по нему три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

32) Благодаря прекраснымъ разпоряженіямъ и дѣятеламъ кн. Менишкова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо* (сказано въ Жур. Петра Вели.) *необходимые юспода Шведы скоро хребтъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощаетъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Менишковымъ.

33) L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler

(было о чемъ и разговаривать) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

... . Alors prenant un verre de vin: A la sante, dit-il, de mes maitres dans l'art de la guerre!—Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous Messieurs les généraux Suédois, reprit le Cz r. Votre Majesté est donc bien ingrato, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maitres.

34) Обезглавленные тѣла Пекры и Кочубей были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ вывѣшена слѣдующая надпись:

«Кто еси тѣмъ грядый о насъ повѣдшій,
Елицы зѣбъ естество положены суши,
Понеже намъ страсть и смерть повѣдъ молчати,
Сей камень возопіеть о насъ ти вѣдати,
И за правду и вѣрность къ Монарѣшу нашу,
Страданія и смерти пеньныйю чашу,
Злуданьемъ Мазены, всебчно правы,
Посѣчены заставивъ топоромъ во главы:
Почиваемъ въ семь мѣствъ Матери Владычъ,
Подающія всемъ своимъ рабомъ животъ
вѣчный.»

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 днд, посѣчены гредь обозу войскового, за Бѣлою Цервюю на Борщаговѣ и Кошневомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Пекра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ Іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣствъ погребены.»

«ШВЕДСКАЯ МОГИЛА» ПОДЪ ПОЛТАВОЙ.

Съ рис. 1810-хъ и

571. ПРИМѢТЫ.

(А. А. Олешной).

Я ѡхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вилась толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.
Я ѡхалъ прочь: шны сны...
Душѣ влюбленной грустно было,

И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.
Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты:
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

572. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?

(А. А. Олешной?)

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.
Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, пѣжныхъ.
Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мѣрѣ сердце, гдѣ живу я.

573. Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ: ЛЮБОВЬ ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалитъ васъ ничѣмъ.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ неврменно, такъ пѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

574. КОГДА ТВОИ МЛАДЫЯ ЛѢТА.

(А. И. Кервъ).

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права;
Одишь, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумирь безчувственный молю.
Но свѣтъ... жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:

Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемерныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душевный кругъ;
Оставь бездумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

575. КЪ ВЕЛЬМОЖЬ.

(Кн. Н. В. Юсупову.)

Москва.

Огъ сѣверныхъ оковъ освобождая мѣръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ лива,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я: увижу сей дворъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Князь НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧЪ ЮСУПОВЪ.
Бюстъ Вѣн. а. м.

Ты поилъ жизни цѣль: щастливый человекъ,
 Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
 Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
 Черкаль возможнаго, умѣренно проказилъ:
 Чредаю шли къ тебѣ забавы и чины.
 Посланикъ молодой увѣчашной Жены,
 Явился ты въ Ферней—и Циникъ исѣдѣлый,
 Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
 Свое владычество на Сѣверѣ любя,
 Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
 Съ тобою веселости онъ расточалъ избытокъ,
 Ты леств его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
 Съ Фернеемъ распростаясь, увидѣлъ ты Версаль.
 Пророческихъ очей не простирая вдаль,
 Тамъ ликовало все. Армида молодая,
 Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
 Не вѣдая, чему судьбой обречена,
 Рѣзвилась, вѣтренымъ Дворомъ окружена.
 Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
 Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы:
 Ученье дѣлалось навремя твой кумиръ:
 Уединялся ты. За твой суровый ипръ
 То читель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ
 Садился Дидеротъ на шаткїи своей треножинкѣ,
 Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
 И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной аею или депету,
 Какъ любовитный Скиотъ Аѳинскому Софисту.
 Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
 Прилѣжно разобралъ еей двойственный соборъ:
 Здѣсь патнскъ пламенный, а тамъ отноръ суровой,
 Пружинны смѣлыя гражданственности новой.
 Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скуной,
 Ты думалъ далѣ пить. Услуживый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
 Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ сталъ рассказывать о пожкахъ, о глазахъ,
 О вѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
 Гдѣ жизнь лѣтняя проходитъ сладострастно,
 Какъ пылкїи, отрока восторговъ полный, сонъ:
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконы,
 Глядя и, не страшась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
 И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
 Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсинны зрѣютъ...
 О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
 Съ любовью набожность умильно сочетать,
 Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
 Сважи, какъ надасть письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ златомъ усиленъ надзоръ угрюмой тегби;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ обномъ
 Тренещеть и кинить, окутанный плащѣмъ,
 Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
 Наденіе верго, союзъ ума и фурїи,
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,

Подъ гильотаною Версаль и Трианонъ,
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
 Преобразился мѣръ при громахъ новой славы.
 Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
 Превратности судебъ разительный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Доныиѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальвани, Дидеротъ,
 Энциклопедіи скептической причётъ,
 И волкѣ Вомарше, и твоей безносый Касти.
 Всѣ, всѣ уже прошли. Нѣтъ мифыя, толки, страсти
 Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
 Все новое кипитъ, бывшее истребля.
 Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
 Едва опомнились младыя поколѣнья.
 Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
 Они торопятся съ расходомъ свестъ прихотъ.
 Нѣтъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
 Нѣтъ спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА ДЛИБЬЕВА.

Съ портрета 1811 г.

Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.
 Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
 Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
 Книгохранилище, кумиры, и картины,
 И стройные сады свидѣльствуютъ мнѣ,

Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
 Что имъ въ праздности ты дышешь благородной.
 Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
 Исполненъ юности. Влиянье красоты
 Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣпишь ты
 И блескъ А*** [Алябьевой], и прелесть *** [Гончаровой]
 Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
 Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
 Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
 И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
 Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и пѣгн праздной,
 Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
 Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
 И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
 То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
 Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
 Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

576. НА ХОЛМАХЪ ГРУЗИИ ЛЕЖИТЪ ПОЧНАЯ МГЛА.

(Отрывокъ).

На холмахъ Грузинъ лежитъ почная мгла:	Тобой, одной тобою... Унынья моего
Шумить Арагва предо мною.	Ничто не мучить, не тревожить,
Миѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;	И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
Печаль моя полна тобою,	Что не любить оно не можетъ!

577. КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная Калмычка!	Не погружаешься въ мечтанье,
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,	Когда пѣтъ мысли въ головѣ,
Меня похвальная привычка	Не расцѣпаешь: Ma dov'è,
Не увлекла среди степеней	Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Вслѣдъ за кибиткою твоей.	Что нужды?—Ровно полчаса,
Твои глаза конечно узки,	Пока коней мы запрягали,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,	Миѣ умъ и сердце занимали
Ты не ленишься пофранцузски,	Твой взоръ и дикая краса.
Ты шелкомъ не сжимаешь погъ,	Друзья! не все ль одно и то же:
Поанглійски предъ самоваромъ	Забиться праздною душой
Узоромъ хлѣба не крошишь,	Въ блестящей затѣ, въ модной ложѣ,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,	Или въ кибиткѣ кочевой?
Слегка Шекспира не цѣпишь,	

578. НЕ ПЛѢНЯЙСЯ БРАННОЙ СЛAVOИ.

Изъ Гафиза.

(Лазерь при Эвфратѣ).

Не плѣняйся бранной славой,	Красоту твою замѣтить—
О красавецъ молодой!	И пощада будетъ ей!
Не бросайся въ бой кровавой	Но боюсь: среди сраженій
Съ Карабахскою толпой!	Ты утрагивъ навсегда
Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;	Скромность робкую движеній,
Азраилъ, среди мечей,	Прелесть пѣгн и стыда!

579—580. (НА КАРТИНКИ КЪ «ЕВГЕНИЮ ОНЬГИНЪ».

Въ «Невскомъ Альманахъ».

1.

Вотъ перешедши мостъ Кокункинъ,
 Опершись . . . . . о гранитъ,
 Самъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ
 Съ москѣю Онѣгинимъ стоитъ.
 Не удостоивая взглядомъ
 Твердыню власти роковой,
 Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
 Не пной въ колодезь, милый мой!

ПУШКИНЪ и ОНЬГИНЪ.

Гравюра (безъ подписи), приложенная къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ.

2.

. . . . . сквозь рубашку
 Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку...
 Она . . . . . поутру встала
 При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ
 И . . . . . изорвала
 Конечно Невскій Альманахъ.

*Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ
 Письмо дрожитъ въ ся рукахъ...*

Рисунокъ А. Нотбеска, гр. А. Збруева («Невскій Альманахъ» на 1829 г.).

581. ЩАСТЛИВЪ ТЫ ВЪ ПРЕЛЕСТНЫХЪ ДУРАХЪ.

Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ, Въ службѣ, въ картахъ и въ играхъ; Ты St-Priest въ карриатурахъ, Ты Пеледнскіи въ стихахъ;	Ты прострѣлешь да дуешь, Ты разрублешь на войнѣ— Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ, Но повѣса ты воплѣ.
--	---

582. ПОЭТЬ ИГРОКЪ, О БЕВЕРЛЕЙ ГОРАЦІИ.

Поэть-игрокъ, о Беверлей-Гораціи
Прогривалъ ты кучи ассигнаціи,
И серебро, послѣдіе отцовъ
И лошадей и даже кучеровъ—
И съ радостью на карту на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда (бъ твой стихъ) ходилъ хотя въ кофѣйку.

583. НАПРАСНО ВИДИШЬ ТУТЬ ОШИБКУ.

Напрасно видишь тутъ ошибку: Рука искусства навела На мраморъ этихъ устъ улыбку, И губы на хладный лоскъ чела.	Недаромъ ликъ сей двуязыченъ. Таковъ и былъ сей властелинъ: Къ противочувствіямъ привыченъ Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.
---	--

584. ДЕЛИБАНЪ.

Перестрѣлка за холмами; Смотрить лагерь ихъ и нашъ; На холмѣ предъ Казаками Вьется красный Делибанъ. Делибанъ! Не суйся къ лавъ, Пожалѣ свое житье; Вмигъ амниъ лихой забавѣ: Понадѣйся на конь.	Эй, Казакъ! не рвися къ бою: Делибанъ на всемъ скаку Срѣжетъ саблею кривою Съ плечъ удалую башку. Мчатся, стиблись въ общемъ крикѣ... Посмотрите! каковы?... Делибанъ уже на шкѣ, А Казакъ безъ головы.
---	--

585. КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ сѣвами у края стремнины;
Орель, съ отдаленной подивившей вершины,
Паритъ неподвижно со мной паравѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаюсь, шумѣтъ водопада;
Нодъ ними угесовъ пагіи громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже роши, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
 И подзаютъ овцы по значнымъ стремнинамъ,
 И пастырь изходитъ къ веселымъ долинамъ,
 Гдѣ мчится Арава въ тѣнистыхъ брѣгахъ,
 И пещей навздикъ таетъ въ ущельи,
 Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣномъ весельи;
 Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
 Завидвннй пищу изъ кѣтки желѣзной;
 И бьется о берегъ въ враждѣ безолезной
 И лижетъ утесы голодной волной...
 Вотще! и вѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
 Тѣнять его грозно и вѣмя громады.

Монастырь на Казбекѣ.

586. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семью горъ,
 Казбекъ, твой царственный шатѣръ
 Слетѣть вѣчными лучами.
 Твой монастырь за облаками,
 Какъ въ небѣ рвущій ковчегъ,
 Шарить, чуть видный, надъ горами.

Далекій, возделѣнный брегъ!
 Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
 Подняться къ вольной вышинѣ!
 Туда бѣ, въ заоблачную келью,
 Въ собесѣдство Бога скрыться мнѣ!...

587. Д О И Ъ.

Блещя средъ полей широкихъ,
 Воиъ оиъ лететь!.. Здравствуй, Доиъ!
 Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
 Я привезъ тебѣ поклонъ...
 Какъ прославленнаго брата
 Рѣки знаютъ тихій Доиъ:
 Отъ Аракса и Эвфрата
 Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувь отъ злой погоиы,
 Чуя родину свою,
 Пьютъ уже Донскіе кони
 Арпачайскую струю.
 Приготовъ же, Доиъ завѣтнйй,
 Для набѣдниковъ лихихъ
 Сокъ кипучій, искрометнйй
 Виноградниковъ твоихъ.

588. О Л Е Г О В Ъ Щ И Т Ъ.

Когда ко граду Константина
 Съ тобой, воинственнйй Варягъ,
 Пришла Славянская дружина
 И развила побѣды стягъ;
 Тогда во славу Русн ратной,
 Стронтиву Греку въ стыдъ и страхъ,
 Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
 На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
 Твой путь мы снова обрѣли.
 Но днесь, когда мы вновь со славой
 Къ Стамбулу грозно притекли;
 Твой холмъ потрясся съ браннмъ гуломъ,
 Твой стогъ ревнивый насъ смутилъ,
 И нашу рать передъ Стамбуломъ
 Твой старнйй щитъ оставилъ.

589. Д О Р О Ж Н Ы Я Ж А Л О Б Ы.

Долго ль миѣ гулять на свѣтѣ,
 То въ коляскѣ, то верломъ,
 То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
 То въ телегѣ, то пѣшкомъ?
 Не въ наслѣдственной берлогѣ,
 Не средъ отческихъ могилъ,
 На большой миѣ, знать, дорогѣ
 Умереть Господь судилъ,
 На каменьяхъ подъ коньитомъ,
 На горѣ подъ колесомъ,
 Нль во рву, водой размытомъ,
 Подъ разобраннмъ мостомъ.
 Нль чума меня подцѣпитъ,
 Нль морозъ окостенить,
 Нль миѣ въ лобъ плагбаумъ влѣпитъ
 Неурочнйй шивалидъ.

Нль въ дѣсу подъ ножъ злодѣю
 Понадуся въ сторонѣ,
 Нль со скуки околѣю
 Гдѣ нбудъ въ карантинѣ.
 Долго ль миѣ въ тоскѣ голодной
 Постъ невольнйй соблюдать
 И телятиной холодной
 Трюфли Яра поминать?
 То ли дѣло быть на мѣстѣ,
 По Мясницкой разѣвзжать,
 О деревнѣ, о пѣвѣстѣ
 Надосугѣ помышлять!
 То ли дѣло рюмка рома,
 Ночью сонъ, поутру чай;
 То ли дѣло, братцы, дома!...
 Ну, пошелъ же, погоняй!...

590. О Б В А Л Ъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
 Шумяъ и пѣшиятся валы,
 И надо мной кричагъ ораы,
 И рощеть боръ,
 И блещутъ средъ волнистой млы
 Вершины горъ.

Отголъ сорвался разъ обвалъ,
 И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
 И всю тѣшину между скалъ
 Загородилъ,
 И Терека могущій валь
 Остановилъ.

ОБВАЛЪ.

Картина Н. К. Айвазовскаго.

Вдругъ, истошась и присмирѣвъ,
 О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
 Но задыхъ волнѣ унорный гнѣвъ
 Прошибъ снѣга...
 Ты затопилъ, осмирѣннѣвъ,
 Свои брега.
 И долго прорванный обвалъ
 Неталой грудю лежалъ,
 И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,

И пылью водъ,
 И шумной пѣной орошалъ
 Ледяный сводъ.
 И путь по немъ широкой шёлъ:
 И конь скакалъ, и влекся волъ,
 И своего верблюда вѣлъ.
 Степной купецъ,
 Гдѣ пылъ мчится лишь догъ,
 Небесъ жилецъ.

591. ЗИМА. ЧТО ДѢЛАТЬ НАМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ?

2 ноября.

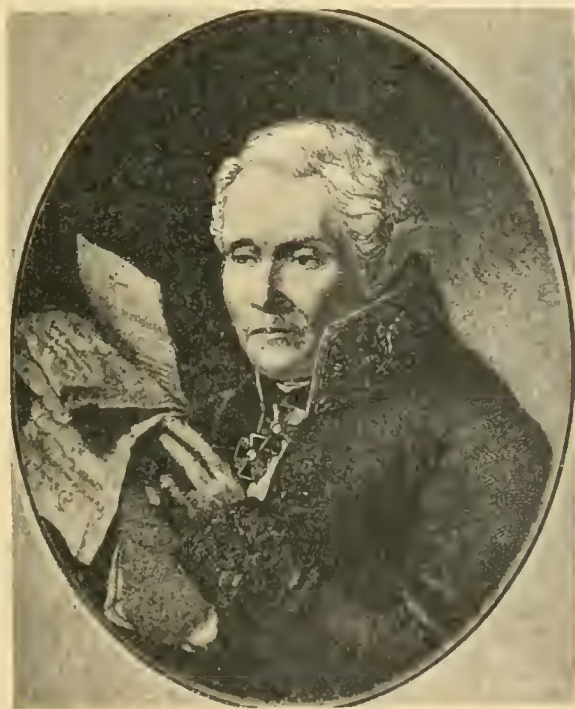
Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
 Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
 Вопросы: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть или нѣтъ? и можно ли постель
 Покинуть для сѣдла, или лучше до обѣда
 Возиться съ старыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
 И рысю по полю при первомъ свѣтѣ дня;
 Арашники въ рукахъ, собаки велѣдъ за нами;
 Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
 Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
 Духъ зайцевъ протравивъ, являемся домой,
 Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: выюга воевъ,
 Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце посты;
 Но капль, медленно глотаю скуки ядъ.
 Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сижу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязныя слова.
 Ко звуку звукъ нейдетъ... Терлю всё права
 Надъ рифмой, надъ моею прислужницею страшною:
 Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
 Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
 О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
 Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Или про червошага гадаеть короля.
 Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеннѣ!
 Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
 Когда за шапками сижу я въ уголкѣ,
 Придетъ издали въ кибиткѣ или возкѣ
 Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвочки
 (Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
 Какъ оживляется глухая сторона!
 Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательныя взоры,
 Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
 А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
 И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
 И взоры томныя, и вѣтренныя рѣчи,
 На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
 И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
 Открыта шея, грудь, и выюга ей въ лицо!

Но буря съвера не вредна Руской розѣ.
 Какъ жарко пощадуй пылаеть на морозѣ!
 Какъ дѣва Руская сѣва въ пыли сѣвговѣ!

592. ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
 Еще ты дремлешь, другъ прелестный—
 Пора, красавица, проснись:
 Открой сомкнуты нѣгой зоры
 Павстрѣчу сѣверной Авроры,
 Звѣздою сѣвера явись!
 Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
 На мутномъ небѣ мгла носилась;
 Луна, какъ блѣдное пятно,
 Сквозь тучи мрачныя желѣла,
 И ты печальная сидѣла—
 А пыиче... взгляди въ окно:
 Подъ голубыми небесами
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, сѣвгъ лежитъ;

Прозрачный лѣсъ одинъ черибеть,
 И сѣя сквозь швей зеленѣеть,
 И рѣчка подо льдомъ блестить.
 Вся комната янтарнымъ блескомъ
 Озарена. Веселымъ трескомъ
 Трещитъ затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велѣть ли въ санки
 Кобылку бурую запретъ?
 Скользя по утреннему сѣвгу,
 Другъ милый, предадимся бѣгу
 Петербургиваго коня,
 И навѣстимъ поля пустыя,
 Лѣса, недавно столь густые,
 И берегъ, милый для меня.

МИХАИЛЪ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ.

593. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
 (Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
 Съ усердіемъ принялся за журналъ.
 Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
 Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
 Кургановъ самъ надъ критикой хлопочеть,

Блеснуть умомъ Нискомовникъ снова хочеть;
 И, говоря, надняхъ они начнутъ,
 Благословясь, сей преполозный трудъ—
 И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
 Чтобъ подоспѣлъ**** [Михаило Каченовскій].

594. ЖУРНАЛАМИ ОБИЖЕННЫЙ ЖЕСТОКО.

Журналами обиженный жестоко,
 Зонгъ Пахомъ печалился глубоко;
 На Цензора вотъ подалъ онъ допись;
 Но Ценсоръ правъ, намъ смѣхъ, Зонгу пось.
 Иная брань конечно неприличность,
 Не лзя писать: такой-то-де старикъ
 Козель въ очкахъ, плюгавый
 клеветникъ,

И золь и подль: все это будетъ личность.
 Но можете печатать, напримѣръ,
 Что Господишъ Нарисскій старовѣръ
 (Въ своихъ статьяхъ) безмыслицы
 ораторъ,
 Отмѣнно вяль, отмѣнно скучновать,
 Тяжеловить, и даже глуповать;
 Тутъ не лицо, а только литераторъ.

595. ТАМЪ, ГДѢ ДРЕВНІЙ КОЧЕРГОВСКІЙ.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
 Надъ Ролленемъ опочилъ,
 Дней повѣишихъ Тредьяковскій
 Коддовалъ и ворожилъ:

Дурень, къ солиду ставъ сишною,
 Подъ холодный Вѣстникъ свой
 Прыскаль мертвою водою,
 Прыскаль ужиду живой.

596. КАКЪ САТИРОЙ БЕЗЫМЯННОЙ.

Какъ сатирой безымянной
 Ликъ Зонла я пятналъ,
 Признаюсь: на вызовъ бранной
 Возраженій я не ждалъ.
 Справедливы ль эти слухи?
 Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
 Въ полученьи ослухи
 Разписался мой дуракъ?

597. МАЛЬЧИШКА ФЕБУ ГИМНЪ ПОДНЕСЪ.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
 «Охота есть, да мало мозгу.
 А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
 Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»—
 Засимъ принесъ семинаристъ
 Тетрадь лакейскимъ диссертациі,

И Фебу велухъ прочелъ Горациі,
 Кусая губы, первый листъ.
 Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
 Сердито Фебъ его прервалъ,
 И тотчасъ взрослога болвана
 Поставить въ пальи приказалъ.

598. САНОЖНИКЪ.

Притча.

Картину разъ высматривалъ Саножникъ,
 И въ обуви ошибку указалъ;
 Взявъ тотчасъ кисть, исправилъ Художникъ.
 Вотъ, подбочась, Саножникъ продолжалъ:
 «Миѣ кажется, лицо немного криво...
 А эта грудь не слишкомъ ли пага?»
 Но Апеллесъ прервалъ петерѣливо:

«Суди, дружокъ, не свине сапога.»
 Есть у меня пріяель на примѣтѣ:
 Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
 Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на
 словахъ;
 Но мортъ его несеть судить о свѣтѣ:
 Попробуй онъ судить о сапогахъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАДЕЖДАНОВЪ.

599. НАДѢЯСЬ НА МОЕ ПРЕЗРѢНЬЕ.

(Не отбѣлено окончательно).

Надѣясь на мое презрѣнье,
Съдой Зоилъ меня ругалъ,
И потерявъ уже терѣнье,
Я эниграмой (отвѣчалъ)
(И возгоря) желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,

(Журнальный шутъ), холопъ лукавый
Ругать бы также сталъ—О, пѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ
.Лакей седи себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разчетъ.

600. ЗАГАДКА.

При послышкѣ [Дельвишу] бронзоваго Сфинкса.

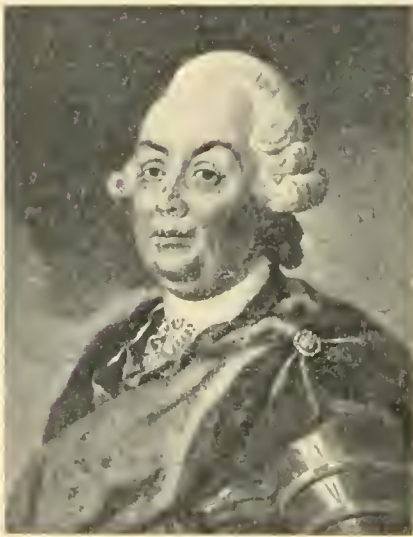
Кто на сѣвгахъ возрастилъ Теоокритовы ибжнныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто Славяннинъ молодой, Грекъъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

601. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц. С. [ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ].

[Окончательно не отдѣлано].

Воспоминаньями смущенный,
 Неполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главой—
 Такъ отрокъ Вибліи (безумный) разгочитель,
 До капли изтощивъ разкаянья фяль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главой поникъ и зарыдалъ—

Графъ
 Н. А. РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУЧАЙСКІЙ.
 Съ портрета Левицкого.

Графъ
 АЛЕКСѢЙ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ.
 Съ портрета Тоуллея.

Въ пылу [восторговъ?] скоротечныхъ,
 Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
 О много разгочилъ сокровищъ я сердечныхъ
 За недоступныя мечты
 И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
 Разкаляемъ горю, предчувствуя бѣды,
 Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
 Воображалъ снѣ сады—
 Воображалъ сей день щастливый,
 Когда средь нихъ возникъ Лицей,
 И слышалъ нашихъ игръ (я) снова шумъ
 И видѣлъ вновь семью друзей!
 Вновь пѣвшимъ отрокомъ то выдумъ, то лѣвивымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моеи таи,
 Свѣгелся по дугамъ, по рошамъ молчаливымъ

ФЕДОРЪ ОРЛОВЪ.

Поэтому... забывался я!
 И (славныхъ лѣтъ) передо мною
 Являлись вѣчные слѣды —
 Еще исполнены Великою женою
 Ея любимые сады
 Стоять населены чертогами, столпами,
 (Гробницами друзей) кумирами боговъ,
 И славой мраморной, и мѣдными хвалами
 Екатерининныхъ орловъ—
 Садятся призраки Героевъ
 У посвященныхъ имъ столовъ,
 Смотрите: вотъ Герой, стѣснитель ратныхъ строевъ
 Перунъ Кагульскихъ береговъ—
 Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
 Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавать, и летать
 Вотъ вѣрный братъ его, Герой Архипелага,
 Вотъ Паваринскій Ганнибалъ!

Колонна «Побѣдѣмъ Ганнибала» въ Царскосельскомъ паркѣ.
 Съ фотографіи, снятой С. А. Данили въ 1908 г.

602. ПОБЕДМЪ, Я ГОТОВЪ.

Эпическій отрывокъ.

Побѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
 Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
 Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
 Къ подожию ль стѣны далекаго Китая,
 Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
 Гдѣ Тасса не поеть уже почной гребель,
 Гдѣ древнихъ городовъ подъ неплотъ дремлють мощи,
 Гдѣ кипарисныя благоухаютъ роши,
 Повсюду я готовъ. Побѣдемъ... но, друзья,
 Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
 Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
 Или къ ея погамъ, ея младому гнѣву,
 Какъ дань привычную, любовь я принесу?

. . . . .

603. БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ.

Стансы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
 Вхожу ль во многолюдный храмъ,
 Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
 Я предаюсь моимъ мечтамъ.
 Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здѣсь ни видно насъ,
 Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчныя своды—
 И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
 Гляжу ль на дубъ уединенный,
 Я мыслю: патриархъ лѣвовъ
 Переживетъ мой вѣкъ забвенный,

Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
 Младенца ль милого ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебѣ я мѣсто уступаю:
 Миѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
 День каждый, каждую минуту
 Привыкъ я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Межъ нихъ стараюсь угадать.
 И гдѣ миѣ смерть пошлетъ судьбина?
 Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

Или собесѣдья должна
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?
 И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду петлѣвать;
 Но ближе къ милому предѣлу
 Миѣ все бъ хотѣлось почивать.
 И пусть у гробоваго входа
 Младая будетъ жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красою вѣчною сиять.

Листъ 106 Пятикнижной тетради № 2382.

604. БЛАГОСЛОВЕНЬ И ДЕНЬ, И ЧАСЬ.

Благословенъ и день, и часъ
Когда (въ горахъ Кавказа)
Судьба соединила насъ.

605. БЛАГОСЛОВЕНЬ ТВОЙ ПОВЫЙ ПУТЬ.

Этотъ отрывокъ извѣстенъ только по упоминанію въ краткомъ описаніи недоступнаго общему пользованію Майковскаго собранія, хранящагося въ Академіи Наукъ. («Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 11).

606. И ЧУВСТВУЮ — ДУША ВЪ СЕИ ЧАСЬ.

И чувствую—душа въ сеи часъ
Твоей любви, тебя достойна—
За чѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и спокойна

607. КРИТОНЪ, РОСКОШНЫЙ ГРАЖДАННИКЪ.

Критонъ роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Лопъ
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія —
Однажды—слушайте друзья
Онъ по Керанку скитался—
И вдругъ изъ роши вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая.
(Она съ улыбкою глядитъ)
(Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ горитъ),
(Поспѣшно слѣдуетъ за нею—)
Предъ (ими домъ)
Она на мигъ остановилась—
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась—

608. БЫЛЪ И Я СРЕДИ ДОНЦОВЪ.

Былъ и я среди Донцовъ,
Гвалъ и я Османовъ шайку;
Въ память боевъ и шировъ,
Я домой привезъ пагайку.
(На походѣ, въ тишиль
Сохранилъ я балайку—
Съ нею рядомъ на стѣнѣ
Я повѣшу и пагайку.
Что таится отъ друзей—
Я люблю свою лозайку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою пагайку—

609. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДѢВЩИЦА.

Полюби меня, дѣвица
(Шѣтъ)
Что же скажетъ вся станца—
Я съ другимъ обручена
Твоей женихъ теперь далече

610. ЗОРЮ БЬЮТЬ.

Зорю бьютъ... изъ рукъ моихъ
Вѣтхій Данте выпадаетъ
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ—
(Умъ) далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
(Я давшишею порою)

611. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ.

Еще одной высокой важной пѣсни
Вземли (о) Себѣ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я, да стонеть
Когда столбы его [колеблетъ бура]
Печальный звукъ . . . . .
. . . . . Еще единый гимнь—
Вземлите мнѣ, пенаты—вамъ пою
Отвѣтный гимнь, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Цль, божества всевышнія, всему,

Но мифно мудрецовъ, причина вы,
 И слѣдуютъ торжественно за вами
 Великій Зевсъ съ супругой бѣлогрудой
 И мудрая богиня, двѣ силы,
 Аонская Паллада,—вамъ хвала.
 Примите гимнъ, таинственныя силы!
 Хотъ долго былъ изгнанаемъ [удаленъ]
 Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ [возліяній?]
 Но васъ любить не преставалъ, о боги,
 И въ долгіе часы пустынной жизни
 Томительно просилась отдохнуть
 Близъ вашего святаго пепелища
 Моя душа—тамъ миръ
 Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
 Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ [волненьемъ?]
 Оставилъ я (людское) стадо наше,
 Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
 Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
 Часы неизъяснимыхъ [наслажденій!]
 Они даютъ мнѣ знать сердечну глубь,
 Въ могущество и въ немощахъ
 Они любить, дѣлать научаютъ
 Не смертныя, таинственныя чувства,
 И насъ они наукѣ первой учатъ—
 Читъ самого себя. О пѣтъ вовѣкъ
 Не преставалъ молить благоговѣнно
 Васъ, божества домашнія

612. ЗАЧѢМЪ ЕЛЕНА, ТАКЪ ПУГЛИВО.

Зачѣмъ [Елена?] такъ пугливо
 Ты всюду слѣдуешь за мной —
 И надзираешь торопливо
 Мой каждый шагъ и каждый взоръ—

613. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ.

Во время оное, бывое!...
 (Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ),
 Въ свое святилище [глухое]
 Ты (призывалъ) меня перазъ.
 Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
 (Меня привѣтствовалъ ты шумно)
 И Терекъ свирѣный ревъ
 И эха [заунывный?] хохоть
 . . . . . твой пѣвецъ
 . . . . . вѣнецъ

614. И ВОТЪ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХЪ
СКАЛЬ.

И вотъ, ущелье мрачныхъ скаль
 Передъ нами ширѣ становится—
 И тише Терекъ [злой] стремится—
 Лучъ солнца ярче засіялъ
 . . . . .

615. СТРАШНО И СКУЧНО.

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и ночлегъ —
Тѣсно и душно
Въ дымпомѣ ушельѣ—

Тучи да свѣтъ—
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы—
(Терекъ шумитъ).

616. БЫТЬ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОХВАЛЬНО.

Быть въ сраженіи похвально,
Но кто не смѣлъ въ нашу храбрый вѣкъ?
Все дерзко бьется, лжетъ нахально...
Герой! будь прежде человѣкъ!
Чувствительность бывала въ модѣ
И въ нашей сѣверной природѣ:
Когда горящая картечь
Главу сорветъ у друга съ плечъ,
Плачь, вопить, не стыдись.

617. ХОТѢЛЪ Я ДУШУ ОСВѢЖИТЬ.

Хотѣлъ я душу освѣжить
Бывалой жизнью пожить
Въ забвеньи сладкомъ близъ друзей
Минувшей юности моей.
Я ѣхалъ въ дальнія края
Искать не злата, не чести,
Въ пыли, средъ копій и мечей...

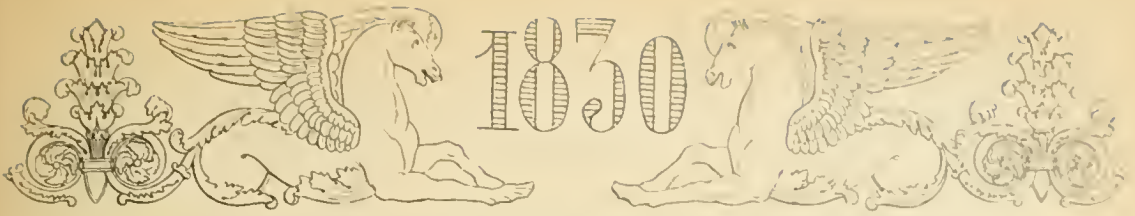
618. О, ЧѢТЬ МНѢ ЖИЗНЬ НЕ
НАДОБЛА.

О, нѣтъ мнѣ жизнь не надобла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утрата молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья,
Для чувствъ . . . . . всего.
Зачѣмъ . . . . .
Могилу темную . . . . .
Что въ смерти добраго? . . . .

619. ТО БЫЛО ВСКОРЪ ПОСЛѢ БОЯ.

То было вскорѣ послѣ боя
Какъ счастье бросило героя
И рать побитая кругомъ

Лежала на крови...
И власть, и слава измѣнились
Какъ ихъ поклонники

620. ГЛУХОЙ ГЛУХАГО ЗВАЛЪ КЪ СУДУ СУДЬИ ГЛУХОВА.

Глухой глухого звалъ къ суду судьи глухова,
 Глухой кричалъ моя имъ сведена корона
 Помилуй, возомигъ глухой тому въ отвѣтъ
 Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ»
 Судья рѣшилъ: Почто идти намъ братъ на брата
 Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата».

621. ЦИКЛОПЪ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
 Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
 Единый глазъ въ главѣ моей.

Когда бъ судьбы того хотѣли,
 Когда бъ имѣлъ я сто очей:
 То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

622. О Т В Ъ Т Ъ.

[Ек. Н. Ушаковой].

Я васъ узналъ, о мой оракулъ!
 Не по узорной пестротѣ
 Сихъ недописанныхъ каракулъ;
 Но по веселой остротѣ,
 Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
 Но по насмѣшливости злой
 И по упрекамъ... столь неправымъ
 И этой прелести живой.

Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
 Я перечеитываю васъ
 И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
 Пора! въ Москву! въ Москву сей часть!
 Здѣсь городъ чопорный, унылой,
 Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
 Здѣсь нѣтъ ни вѣтренности милой,
 Ни музъ, ни Пр... [Прѣси], ни харитъ.

Митрополитъ Филаретъ.

623. ВЪ ЧАСЫ ЗАБАВЪ ПЛЪ ПРАЗДНОЙ СКУКИ.

Станцы.

Въ часы забавъ плъ праздной скуки,
 Бывало, лирѣ я моей
 Влѣрялъ извѣщенные звуки
 Безумства, лѣни и страстей.
 Но и тогда струны лукавой
 Невольно звонъ я прерывалъ,
 Когда твой голосъ величавой
 Меня внезапно поражалъ.
 Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
 И рамамъ сошлѣсти моей

Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.
 И нынѣ съ высоты духовной
 Миѣ руку простираешь ты,
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйныя мечты.
 Твоимъ огнемъ душа палима,
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ Серафима
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

624. НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ

[На Булгарина].

Не то бѣда, что ты Полякъ:
 Костюшко Ляхъ,
 Мицкевичъ Ляхъ.
 Пожалуй, будь себѣ Татаринъ,
 И въ томъ не вижу я стыда;
 Будь Яхидъ—и это не бѣда;
 Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

625. П О Э Т У.

Сопеть.

Поэтъ! не дорожи любовію народной,
 Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
 Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
 Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
 Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
 Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
 Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
 Не требуя награды за подвижъ благородной.
 Оиѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
 Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
 Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
 Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
 И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
 И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

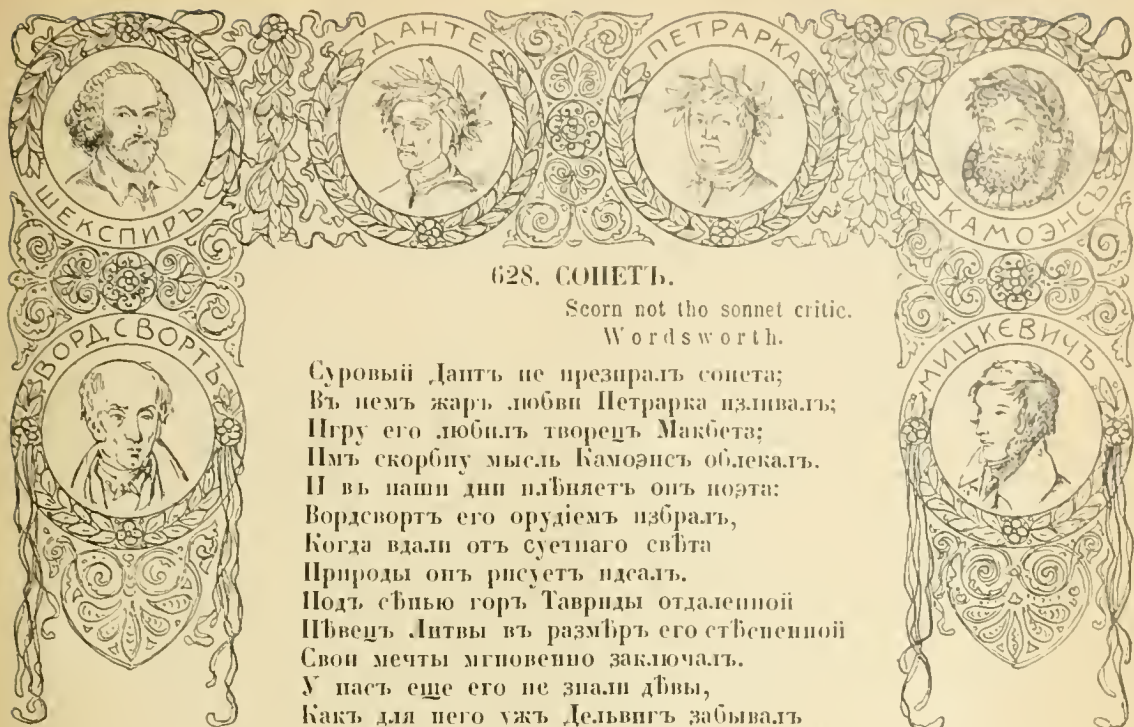
626. М А Д О Н А.

Сопеть.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
 Украсить я всегда желалъ свою обитель,
 Чтобъ суетвѣрно имъ дивился посѣтитель,
 Внимая важному сужденію знатоковъ.
 Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
 Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
 Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
 Пречистая и нашъ божественный Спаситель—
 Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
 Взирали, кроткіе, во славу и въ лучахъ,
 Одинъ, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
 Неисполнились мои желанія. Творецъ
 Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
 Чистѣйшей прелестью чистѣйшій образецъ.

627. НЕ ТО БѢДА, АВДЕИ ФЛЮГАРИНЪ.

Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ,
 Что родомъ ты не Русскій баринъ,
 Что на Парнасѣ ты цыганъ,
 Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
 Бѣда, что звучитъ твой романъ.

628. СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облачалъ.
И въ наши дни пѣвлетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуетъ идеалъ.
Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Шведъ Литвы въ размѣръ его стѣпенной
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные наѣвы.

629. ЦЫГАНЫ.

Съ англійскаго.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.
Здравствуй, щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сн шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.
Онъ бродящій почлеги
И проказы старинны
Позабылъ для сельской пѣгн
И домашней тишины.

630. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моеи товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами танцевенно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,—
Благодарю тебя душою умлешной.
Вниманья слабаго предметъ удешенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страшенъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, произительно-унылой,

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой—
 Она въ ладоши бьетъ и хвалитъ, пль порой
 Неблагодарною киваетъ головой.
 Постигнетъ ли пѣвца незанное волненье,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
 «Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искусствъ:
 «Тѣмъ лучше! набереть оны новыхъ думъ и чувствъ,
 И намъ ихъ передастъ.» Но щастіе поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

631. ПАЖЪ, ПЛН ПЯТНАДЦАТЫН ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минеть;
 Дождусь ли радостнаго дня?
 Какъ оны впередъ меня подвинеть!
 Но и теперь никто не кинеть
 Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
 Могу свой усть я защитить;
 Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
 Вы слышите мой голосъ грубой:
 Попробуй кто меня толкнуть!

Я правлюсь дамамъ, ибо скромень,
 И между ними есть одна...
 И гордый взоръ ея такъ темень,
 И пѣвтъ ланитъ ея такъ томень,
 Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
 Клялась, что если буду вновь
 Глядѣть налѣво и направо,
 То дастъ она мнѣ яду—право,
 Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
 Но я дивлюсь ея уму,
 И ужасъ какъ она ревнива,
 Зато со всѣми горделива
 И мнѣ доступна одному.

Она готова хоть въ пустыню
 Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
 Хотите знать мою богиню,
 Мою Севильскую графиню?...
 Нѣтъ, ни за что не назову!

632. Э Л Е Г І Я.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье,
 Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
 Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
 Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
 И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
 Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
 Порой опять гармоніей уиюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
 И можетъ быть—на мой закатъ печальной
 Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

633. БѢСЫ.

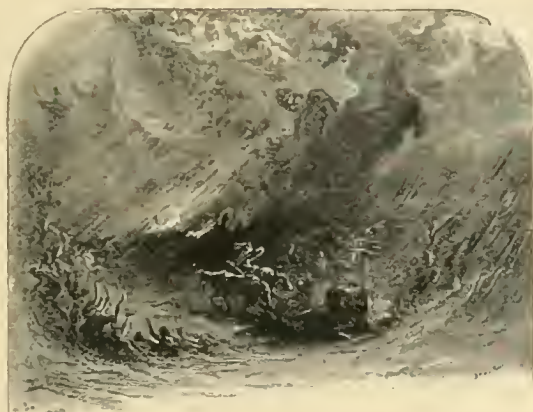
Мчатся тучи, выются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ сѣвѣтъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Ъду, Ъду въ чистомъ полѣ;
 Колокольчикъ дивъ-дичь-дичь...
 Страшно, страшно поневолѣ
 Средь невѣдомыхъ равнинъ!
 Эй, понежь, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
 «Коняжь, барнижь, тяжело:
 «Вьюга мнѣ слышаетъ очи;
 «Всѣ дороги занесло;
 «Хоть убей, слѣда не видно;
 «Сбилсь мы. Чго дѣлать намъ!
 «Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,

«Да кружить по сторонамъ.
 «Посмотри: воиъ, воиъ играетъ,
 «Дуетъ, плюетъ на меня;
 «Воиъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
 «Одичалаго коня;
 «Тамъ верстою небывалою
 «Онъ торчалъ передо мной;
 «Тамъ сверкнулъ оны пестрой малою
 «И провалъ во тмѣ пустой.»
 Мчатся тучи, выются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ сѣвѣтъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Силь намъ пѣтъ кружиться долѣ;
 Колокольчикъ вдругъ умолкъ;

Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
 «Кто ихъ знаетъ? пень, или волкъ?»
 Вьюга злится, вьюга плачетъ;
 Кони чуткіе хрипятъ;
 Вошь ужъ онъ далече свачеть,
 Лишь глаза во мглѣ горятъ;
 Кони снова поспелися;
 Колокольчикъ динь-динь-динь...
 Влеку: духи собралися
 Средь бѣвующихъ равнинъ.
 Безконечны, безобразны,
 Въ мутной мѣсяца игрѣ
 Закружились бѣсы разны,

Будто листья въ ноябрѣ..
 Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
 Что такъ жалобно поютъ?
 Домоваго ли хоронятъ,
 Вѣдму ль замужъ выдаютъ?
 Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна,
 Мчатся бѣсы рой за роємъ
 Въ безпредѣльной вышинѣ,
 Визгомъ жалобнамъ и воємъ.
 Надрывая сердце мнѣ...

Виньетка къ «Бѣсамъ» П. Панова.

634. ТЫ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ УВѢРИТЬ ХОЧЕШЬ.

[На Булгарина].

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
 Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружбѣй:
 Ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй!
 Ты и живыхъ бранишь людей,
 Да и покойниковъ порочишь.

635. РУМЯНЫЙ КРИТИКЪ МОЙ, НАСМѢШНИКЪ ТОЛСТОПУЗОУ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
 Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
 Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
 Попробую, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
 Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
 И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
 Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
 За ними черноземъ, равнины скать отлогой,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
 Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
 Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
 Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора.
 Два только деревца, и то изъ нихъ одно
 Дождливой осенью совѣмъ обнажено,

А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
 Чтобъ дужу засорить, ждуть перваго Борея.
 И только. На дворѣ живой собаки пѣтъ.
 Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы велѣдъ;
 Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
 И кличетъ издали лѣвиваго попелка,
 Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
 Скорѣй, ждуть некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ!

636. РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
 Держаю мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной сплой,
 И съ пѣвгой робкой и унылой
 Твою любовь воспоминать.
 Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
 Мѣняя все, мѣняя насъ;
 Ужъ ты для страстнаго поэта

Могильнымъ сумракомъ одѣта,
 И для тебя твой другъ угасъ.
 Прими же, дальняя подруга,
 Прощанье сердца моего,
 Какъ овдовѣвшая сурруга,
 Какъ другъ, обившій молча друга
 Передъ изгнаніемъ его.

637. О С Е Н Ъ.

Отрывокъ.

[Окончательно не отдѣланъ].

Чего въ мой дремлющій тогда не входить умъ.

Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ;—ужъ роица отряхаетъ
 Послѣдніе листы съ папихъ своихъ вѣтвей,
 Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ—
 Журча еще бѣжитъ за мѣльницу ручей,
 Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой посѣвшаетъ
 Въ отъѣзжія поля съ охотою своею
 И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
 И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы—

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны,
 Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь—весной я боленъ;
 Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
 Суровою зимою я болѣе доволенъ
 Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны
 Какъ легкой бѣгъ снѣгъ съ подругой быстръ и воленъ,
 Когда, подъ сободемъ согрѣта и свѣжа,
 Она вамъ руку жметъ пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
 Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
 А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
 Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ
 Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
 Медвѣдю надобеть—нельзя же цѣлый вѣкъ
 Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
 Или киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, дѣло красное! любилъ бы я тебя,
 Когда бъ не зной да пыль, да комары да мухи.
 Ты всѣ душевныя способности губя
 Насъ мучишь; какъ поля, мы страдаемъ отъ засухи;
 Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя
 Ншой въ насъ мысли пѣть—и жаль зима старухи,
 И проводивъ ее блинами и виномъ,
 Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени братья обыкновенно
 Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
 Красою тихою, блистающей смиренно,
 Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
 Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно
 Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной
 Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
 <И пѣчто въ ней панель> мечтою своеюравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ правится она,
 Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
 Порою правится. На смерть осуждена,
 Бѣдьяжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна—
 Могильной пропасти она не слышитъ зѣва:
 Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ —
 Она жива еще сегодня—завтра пѣтъ—

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
 Приятна мнѣ твоя прощальная краса—
 Люблю я пышное природы увяданье
 Въ багрець и въ золото одѣтые лѣса—
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье
 И мглою волнистою покрыты небеса,
 И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
 И отдаленные сѣдой Зима угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я разцвѣтаю вновь;
 Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
 Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь.
 Чредой сѣбѣтаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ.
 Легко и радостно играть въ сердцѣ кровь,
 Желанія кипятъ—я снова щастливъ, молодъ,
 Я снова жизни полнъ—таковъ мой организмъ.
 (Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открыгомъ,
 Махая гриввою ошь всадишка песегъ

И звонко подъ его блистающимъ коньитомъ
Звенить промерзлый долъ и трескается ледъ—
Но гаснетъ краткій день—и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горить—то яркій свѣтъ лѣтъ
То тлѣветъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Нль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ,—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усиленья моимъ воображеньемъ,
И пробуждается Поэзія во мнѣ:
Душа стѣбляется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Плзняется наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

(Стальные Рыцари, угрюмые Султаны,
Монахи, карлики, Арабскіе цари,
Гречанки съ четками, Корсары, Богдыханы,
Испанцы въ спаичахъ, Иуды, Богатыри,
Царевны пѣшныя, графини, великаны,
И вы любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами
Съ висками гладкими и томными очами).

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И ризмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!—матросы вдругъ кидаются ползутъ
Вверхъ, въ низъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разбѣгаетъ волны.

XIII.

Плыветъ.. Куда жъ намъ плыть?—Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, нль вѣчные снѣга..

ДРУГОЙ КОНЕЦЪ ЭТОЙ НЕЗАКОНЧЕННОЙ И НЕОТДѢЛАННОЙ СТРОФЫ:

(с.м. автографъ-черновикъ на 87 стр.).

. . . . . Кавказъ-ли величавый
Нль скалы дикія Шотландіи
Нль Нор[мандіи] . . . . . снѣговой
Нль Швейцаріи ландшафтъ

РИСУНОКЪ ПУШКИНА НА ЧЕРНОВИКѢ «ОСЕНИ».

Тетрадь Румянцев. музей № 2371, л. 81 оборотъ. Воспроизводится впервые.

~~Судя по тому что...~~
~~Видею...~~

~~Может быть...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

~~Видею...~~

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

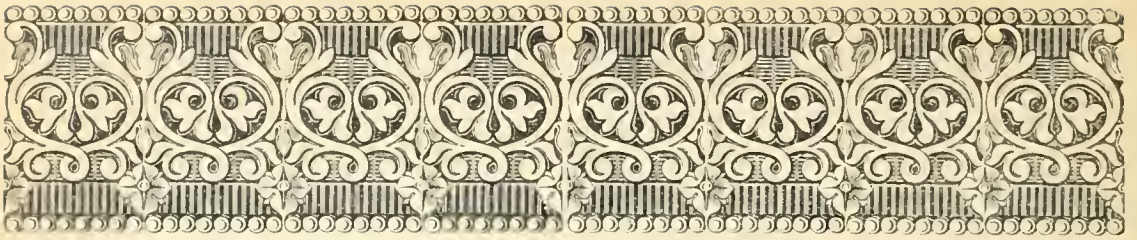
Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

Видею... — 10 черная

КОМЕЦЬ ЧЕРНОБКА «ОСЕНЬ».

(Темная Пудинга, музей № 2371, л. 82) Воспроизводится впервые.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМИЪ.

Давно обращено вниманіе на поразительное разнообразіе творчества Пушкина. Онъ пробовалъ свои силы во всѣхъ «родахъ» поэзіи, старался перенять всѣ формы, выработанныя на Западѣ, словно сѣвшия проложить для новой русской литературы просѣки по всѣмъ направленіямъ. Своимъ «Домикомъ въ Коломиѣ» Пушкинъ хотѣлъ усвоить русской поэзіи тотъ родъ шутиливой романтической поэмы, который, въ тѣ годы, имѣлъ особенный успѣхъ въ Англии и во Франціи. Если въ «Евгении Онѣгинѣ» Пушкинъ, до извѣстной степени, подражалъ «Донъ-Жуану», то для «Домика въ Коломиѣ» онъ имѣлъ передъ собою, какъ образцы, «Бенно» Байрона и «Памуну» Альфреда де Мюссе.

Всѣ три поэмы, Байрона, Мюссе и Пушкина, написаны строфами. Общій тонъ во всѣхъ трехъ одинъ и тотъ же: легкой шутки; ко всему, чего касается рассказъ, авторы относятся съ насмѣшкой, но тѣмъ большую силу получаютъ отдѣльныя замѣчанія, сказанныя серьезно и грустно. На каждомъ шагѣ авторы прерываютъ свой рассказъ то вводными замѣчаніями, то длинными неожиданными отступленіями, словно забываютъ свой сюжетъ, говорятъ о вещахъ совершенно постороннихъ и возвращаются къ рассказу какимъ-нибудь восклицаніемъ, какъ, напр., у Мюссе: «Où diable en suis-je donc!» (Ср. у Пушкина въ Путешествіи Онѣгина: «А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязный?»). Постоянно авторы выступаютъ передъ читателемъ, такъ сказать, изъ-за сцены своихъ персонажей, говорятъ отъ перваго лица, охотно сообщаютъ о самихъ себѣ разными интимными

подробности, превращаютъ эпическій рассказъ то въ лирику, то въ газетный фельетонъ, то въ дружескую болтовню.

Такая форма была очень по душѣ поэтамъ 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. Она открывала имъ возможность подъ видомъ шутки высказать много такого, что иначе изъ нихъ не рѣшились бы сказать прямо. Она отвѣчала ихъ романтической жаждѣ во всемъ свободно проявлять свою личность. Наконецъ, смѣшивая въ одно всѣ условные «роды» лже-классической поэзіи, эта форма сама требовала отъ поэта, чтобы онъ руководился не правилами поэтики, но личнымъ вкусомъ и тактомъ. Сохранить свое достоинство среди постоянныхъ шутокъ, не стать ни надобдливимъ, ни вульгарнымъ, оставаясь занимательнымъ,—такова задача, которая вставала передъ авторами подобныхъ поэмъ; если ее удавалось разрѣшить Байрону, Мюссе и Пушкину, то далеко не всегда ихъ подражателямъ.

Если сравнивать «Бенно» и «Домикъ въ Коломиѣ» строфу за строфой, то мѣстами новѣсть Пушкина кажется прямымъ подражаніемъ, почти переводомъ. Какъ не узнать октавъ «Домика въ Коломиѣ» въ такія, напр., строфахъ Байрона:

«Пользуюсь первой попавшейся римой изъ словаря Уокера, я приплетаю ее къ моему блуждающему стиху, а за невѣщимъ подходящей не брезгаю и худшей и не обращаю вниманія, какъ бы то слабо взо, изъ коварство критиковъ. Я бы даже былъ не прочь снѣзойти до прозы, но стихи болѣе въ модѣ, и вотъ я ихъ и сочиняю».
(Стр. 117.)

«Но возвращаюсь,—снова возвращаюсь. Чортъ возьми, шить этого разсказа постоянно выскальзываетъ изъ моихъ рукъ; онъ довольно медленно подвигается впередъ, потому что я долженъ сообразоваться съ требованиями строфы: я началъ въ этой стихотворной формѣ, не могу ее теперь произвольно измѣнить и долженъ сохранить тактъ и наѣвъ, какъ общественыя пѣвцы. Но если я, наконецъ, не справлюсь съ наставшимъ размѣромъ, то изберу себѣ другой, какъ только будетъ досугъ». (Стр. LXIII).

Но, конечно, было бы въ высшей степени несправедливо ставить эту близость въ вину Пушкину. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ свободнымъ заимствованиемъ, когда поэтъ чужое претворяетъ въ свое. Такъ Вергилій подражалъ Гомеру; такъ всѣ античные поэты подражали своимъ предшественникамъ, оставаясь вполнѣ оригинальными. Къ тому же, самая форма шутиливой поэмы, хотя и была разработана романтиками, вовсе не была ихъ изобрѣтениемъ: ее можно найти у старыхъ итальянскихъ поэтовъ, у Вольтера и др. Н. А. де Мюссе, въ «Намуѣ», предвидя упрекъ въ подражательности, заранее отвѣтилъ своимъ критикамъ:

Вугон, me direz-vous, m'a servi de modèle.
Vous ne savez donc pas qu'il imitait Pulci?

У Пушкина, какъ у его предшественниковъ, большая часть отступлений сгруппирована въ первой половинѣ поэмы. Въ этихъ отступленіяхъ всего характернѣе сказана разница трехъ поэтовъ или, вѣрнѣе, трехъ странъ. Всего разнообразнѣе отступленія Байрона; онъ говоритъ не только о «cavaliers servents» и о соусахъ для рыбы, но и о свободѣ печати и пера, о Habeas Corpus, о парламентскихъ преніяхъ, которыя дороги поэту («если не затягиваются слишкомъ долго»), о «небольшихъ волненіяхъ», которыя симѵють цѣлью показать, что Англія—свободная страна», и т. д. У Мюссе всѣ отступленія вращаются около вопросовъ любви. Онъ жестоко осмѣиваетъ французскіе лицемеріе, противопоставляетъ Манонъ Леско, «столь истинно человѣчную», Элоизѣ, этой «пустой тѣни», славитъ Донъ-Жуана съ его «тремя тысячами женщинъ» и т. д. Вниманіе Пушкина почти исключительно занято вопросами литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, вся первая половина

повѣсти Пушкина (стр. I—XXI) говоритъ только о литературныхъ дѣлахъ и, къ сожалѣнію, о литературныхъ дриздахъ своего времени. Сначала съ остроумной шутливостью и съ поразительной мѣткостью онъ дѣлаетъ характеристику разныхъ размѣровъ стиха, бывшихъ наиболѣе обычными въ его время: четырехстопкаго ямба, гекзаметра, александрийскаго стиха, октавы. Тутъ же онъ бросаетъ нѣсколько остренькихъ замѣчаній о романтизмѣ. Однако, скоро приходится ему на память его «журнальные приятели», и онъ, пожалуй, больше, чѣмъ слѣдовало бы, отводитъ мѣста въ своихъ октавахъ «углу Сѣверной Пчелы», пресловутой «тѣлогрѣйкѣ»^{*)}, Московскимъ журналамъ и вообще тѣмъ критикамъ, «наѣлавъ» на которыхъ поэту не оставалось ничего другого, какъ пригласить ихъ въ обѣду^{**}). Эти строфы (XV—XXI), которыя, впрочемъ, самъ Пушкинъ и не напечатать, остаются горестнымъ свидѣтельствомъ, какъ больно ощущалъ онъ ту травлю, которую предприняли противъ него въ тѣ годы критики и которую онъ старался презирать. Можетъ быть, изображая современныиъ ему «литературный таборъ», Пушкинъ не безъ горечи написалъ отъ перваго лица:

И тамъ себѣ мы возмемъ въ гризъ,
Торгуемъ, бранимъ такъ, что любо...

Несомнѣнно, что, создавая эти вступительныя строфы своей повѣсти, Пушкинъ имѣлъ въ виду и читателей, для которыхъ литературные интересы стояли на первомъ планѣ. Чтобы шутить надъ «стихомъ александрийскимъ», надъ «цезурой на второй стопѣ» или надъ «рифмой на глагольной», надо быть увѣреннымъ, что читатели поймутъ эти термины и интересуются этими вопросами. Мѣстами Пушкинъ требуетъ отъ своего читателя прямо рѣдкое знаніе стихотворной техники. Чтобы вполнѣ почувствовать октаву, которую Пушкинъ рѣшается «сунуть на насъ», или ту, гдѣ онъ говоритъ о «господинѣ Кофѣ», надо знать, какъ мало въ русскомъ языкѣ соответствующихъ рифмъ и какой tour de force дѣлать поэ-

*) См. зар. строфы XV. Пушкинъ намекаетъ на выраженіе Ивана Киреевскаго «душегрѣйка повѣйнаго унынія», которое было подмечено журналами своего времени и постоянно, съ насмѣшкой, повторялось въ разныхъ статьяхъ.

***) Въ этомъ выраженіи можно видѣть намекъ на свѣтскія отношенія Пушкина къ Булгарину и къ ему подобнымъ.

томъ, когда онъ отважился поставитъ эти слова на концѣ своего стиха.

Вторая половина поѣздки занята собственно разказомъ. Пушкинъ ко времени созданія «Домика въ Коломнѣ» разочаровался въ эффектныхъ сюжетахъ, которыми онъ увлекался, когда писалъ «Кавказскаго Штѣйника», «Бахчисарайскій Фонтанъ» и отчасти «Цыганъ». Полеминому онъ пришелъ къ убѣжденію, что все низменное и ничтожное столь же можетъ быть содержаніемъ поэтическаго созданія, какъ возвышенное и трагическое. Въ Путешествіи Олѣгина, которое писалось за годъ или за два до «Домика въ Коломнѣ», уже есть замѣчательная въ этомъ отношеніи строфа:

Порой дождливою паводи
Я завернулъ на скотный дворъ...

Позднѣе, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», Пушкинъ избралъ своимъ героемъ бѣднаго Епгенія, а въ «Родословной моего героя» вступилъ въ знаменательный споръ съ критикомъ:

—Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?
—А что? Коллежскій регистраторъ?
.....
Зачѣмъ крутится шуръ въ оврагѣ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
На пень гишлой?

«Домикъ въ Коломнѣ»—какъ бы примѣръ къ этой новой поэтикѣ Пушкина. Создавая эту повѣсть, онъ могъ сравнить себя съ орломъ, который летитъ прочь отъ горъ и мимо пысокихъ башенъ на гишлой пень. Поэтъ повѣствуетъ о мелкихъ волненіяхъ какой-то Параша и ея матери, тогда какъ сони героевъ и тысячи «возвышенныхъ предметовъ» тщетно ждутъ своего пѣнца^{*)}. Онъ упрямо идетъ свой «разказъ безсвязный», не слушая криковъ «гдунца»: «Куда? куда? дорога здѣсь!» или упрековъ «черни»: «О чемъ поеть? чему насъ учить?» А на пѣ во-

*) См. «Родословную моего героя»: Стремиться къ небу долженъ пѣнцъ,
Обязанъ избранный поеть
Для вдохновенныхъ пѣсповѣній
Избрать возвышенный предметъ.
Что пѣтъ къ тому же переводу
Прямымъ героямъ... и т. д.

просы о моральномъ смыслѣ повѣсти отвѣчаетъ съ явной насмѣшкой:

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ панимать опасно.

Лучшая оцѣнка «Домика въ Коломнѣ» принадлежитъ Бѣлинскому, который писалъ: «Поэтическія произведенія также имѣютъ свой колоритъ, какъ и произведенія живописи, и если колоритъ въ картинахъ цѣнится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все или достоинство, то такъ же точно колоритъ долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые, по обыкновенію, прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы». Заключительная строфа повѣсти Пушкина не оставляетъ сомнѣній, что онъ сознательно хотѣлъ показать, какъ мало значенія въ поэтическомъ созданіи придавалъ онъ «сюжету» и «морали», которые, въ сущности, только предлогъ (можетъ быть, излишній) для поэта, чтобы выразить свою душу многообразными средствами слова.

Написанъ «Домикъ въ Коломнѣ» въ 1830 г., въ Болдинѣ. Послѣ XII строфы: въ рукописи есть помѣта: «5 октября»; въ концѣ другая—: «10 октября». Впервые повѣсть была напечатана въ 1833 г., въ альманахѣ «Полоселье», съ помѣтой «1829 г.», которой нельзя довѣряться. Друзьямъ Пушкина повѣсть была извѣстна еще до своего появленія въ печати, и Гоголь, еще въ 1831 г., писалъ изъ Царскаго Села А. Данилевскому: «У Пушкина повѣсть, октавами писанная, «Кухарка», въ которой все Коломна и петербургская природа—живыя».

Въ свое время «Домикъ въ Коломнѣ» не имѣлъ никакого успѣха. А. С. Пушкинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о братѣ: «Когда появилась его шутка «Домикъ въ Коломнѣ», то публика увидѣла въ ней такой полный упадокъ его таланта, что никто, изъ снисходительнаго приличія не упоминалъ при немъ объ этомъ сочиненіи».

Отъ П. А. Плетнева узнаемъ, откуда Пушкинъ почернулъ краски для «Домика въ Коломнѣ». «Пушкинъ,—сообщаетъ онъ, вышедши изъ Лицея, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ^{*)}, надъ Корфами, близъ Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ,

*) Часть Петербурга, прилегающая теперь къ Мариинскому театру, церкви Покрова, Калинкинскому мосту.

бывшемъ тогда Клокачева. Здѣсь я познакомился съ нимъ. Описанная гордая графиня (стр. XXXV) была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика—графа Стройповскаго; былъ она уже за генераломъ Зуровымъ... Каждый стихъ для меня есть воспоминаніе или отрывокъ изъ жизни».

Надо замѣтить, что при жизни Пушкина повѣсть появилась въ печати не полностью, безъ строфъ IV—IX и XV—XXII. Эти строфы были найдены въ бумагахъ Пушкина, переписанными отдѣльно, съ надписью: «Син октавы служили вступленіемъ къ шуточн. поэмѣ, уже уничтоженной». Изъ этого можно заключить, что Пушкинъ хотѣлъ напечатать эти строфы отдѣльно. Впрочемъ, онъ явно не законченъ. Такъ между VIII—IX строфой несоμφивенъ пропускъ одной или, вѣроятнѣе, двухъ октавъ, въ которыхъ дѣлалась бы характеристика октавъ. Отвергнувъ въ VIII строфѣ александрийскій стихъ, Пушкинъ заканчиваетъ строфу IX восклицаніемъ:

До нашихъ мѣдъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла пѣтъ: беру его себѣ.

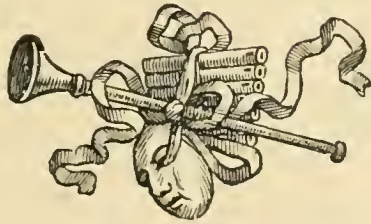
Слово «его», какъ и все предыдущее четверостишіе, можетъ относиться только къ

октавамъ, писаннымъ истиннымъ ямбомъ, о которыхъ раньше не говорится ни слова. Незаконченность работы чувствуется еще въ томъ, что не вездѣ строго выдержана смѣна мужскихъ и женскихъ рифмъ (строфы V—VI, VII—VIII). Наконецъ, въ строфѣ L недостаетъ стиха.

Съ виѣшней стороны «Домикъ въ Коломнѣ» написалъ тѣмъ истиннымъ ямбомъ, который Пушкинъ усвоилъ себѣ во второй періодъ своей дѣятельности (см. предисловіе къ «Гавриладѣ», томъ II, стр. 602), т. е. со свободной цезурой. Несмотря на то, что съ самаго начала Пушкинъ разрѣшилъ себѣ (строфа II) «въ рифмѣ брать глаголь»,—глагольныхъ рифмъ въ повѣсти немного, всего 15 на общее число 162 рифмъ. Зато нѣсколько разъ Пушкинъ позволилъ себѣ рифмы болѣе или менѣе сомнительныя: «знать—узнать» (стр. IX), «хочу—свищу» (стр. XVIII), «меня—воробья» (стр. XIX), «вмѣстѣ—на мѣстѣ» (стр. XXIV и т. д.

Изъ строфъ XVIII—XX явно, что первоначально Пушкинъ думалъ издать свою повѣсть безъ подписи своего имени.

Валерій Брюсовъ.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Modo vir, modo foemina.

Ov. [idius].

I.

Четырестопный ямбъ миѣ надобѣтъ:
Имъ нишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пушусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мною живутъ;
Двѣ придуть сами, третью приведуть.

II.

А чтобъ имъ нуть открыть широкіи,
вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ пишывагъ*** [Шихматовъ] богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Нль какъ коней за ихъ плохую стать, —
А подбирать союзы да нарѣчья;
Нзъ мелкой сволочи вербую рать.
Миѣ рифмы пужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ—
Всѣ годны въ строй; у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы, хрипуны (но хрипъ вашъ приумолкъ),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мѣлочъ, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ
волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кро-
вавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ окта-
вой.

V.

(Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы, лѣнницы, робкіе пѣвцы,
На мѣлочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили
И павшихъ дней извѣженный поэтъ
Чуть смелитъ свой уравнивать куплетъ!

VI.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой...
Съ Гекзаметромъ... о, съ нимъ я не шучу:
Онъ миѣ не въ-мочь. А стихъ александрій-
ской?
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкой
И съ жаломъ даже—точная змѣя;
Миѣ кажется, что съ нимъ управляюсь я.

VII.

Онъ выннченъ былъ мамкою не душой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стаянуть былъ це-
зурой;
Но цудрепой пинтикѣ на зло
Разтрепанъ онъ свободою цезурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Нуго съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О, что бѣ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мѣлкихъ рифмачей!
И ты, Расинъ, безмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ жещинъ и Царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Дешъ, Парнасскій муравей,
Что бѣ вы сказали, сей соблазнъ увидя—
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ
обидя.

IX.

У насъ его недавно стали звать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ гадеть, говорить, для эинграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Миѣ дѣла ибтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужскіе слогі!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три врьдъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги;
Держись вольвѣи и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Туть каждый слогъ замѣчь и въ чести,
Туть каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ .. съ кѣмъ жеравень опъ?
Онъ Тамерланъ, или самъ Наполеонъ.

XII.

Не много отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или *пустить на не?*...
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стоиѣ.
Иначе, стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на качане,
Все кажется миѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой шашиѣ мчусь я на телѣгѣ.

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ.
По Певскому граниту, или на балѣ
Лошить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Полетусь-ка далѣ.
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Прѣѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

XIV.

Сважу, рысакъ! Парнасскій походецъ.
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ

Старъ, зубъ ужъ ибтъ. Имъ вырытый
колодець
Пзсозъ. Поросъ крапивою Парнаесъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хорошець
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическыхъ вершинъ
Перенесли мы на толвучій рынокъ.

XV.

И гамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но Муза никому дѣсь не грози—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Свверной Пчелы!

XVI.

Иль наглою, безиравственной, миниурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барской судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной
Другъ на друга словесники вдутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими: верхъ земныхъ утѣхъ
Изь-за угла смѣяться надо всѣмъ.
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдець: шутками одиѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ ноги... потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу—
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жъ видно—не впервой я имъ верчу.
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я вду, не свищу.
Какъ древній богатырь—а какъ набѣду...
Что жъ? Поклошусь — и приглашу къ
обѣду.

XIX.

Покамѣть можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодого воробья,
За повичка въ которомъ мѣло толка.
У насъ въ икапу быть можетъ миѣ, друзя,

Отведена особенная полка—
А можетъ быть впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бы меня, подь легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой
Другова строгой критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то бы неожиданной развязкой
Я все журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Пасъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А вѣроятно, не замѣтятъ пасъ:
Меня съ октавами моими купно.
Однако жъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ; а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ!..
Фригійскій рабъ, на рынокъ взявъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у Г. [осподина] Копа
Копятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, замѣмъ Езопъ
Я вплесть съ его варенымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Еврона,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
Насилу-то, рифмачъ я безразсудный,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядуся, Муза; ручки въ рукава,
Подь лавку пожки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ.—Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построены трехъ-этажный домъ.
И вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подь окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ?—И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы охватилъ кругомъ,
То моему бы озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто вѣрнко словомъ пра-
вить

И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно проиниципную змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ... Я воды Леты нью.
Мнѣ Докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это,—сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ видалъ точь-въ-
точь

Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
Посла чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови—темныя вакъ почъ,
Сама бѣла, пѣжна—какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «Стоитъ сизый голубокъ»
И «Виду ль я» и то—что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Нль скучной осенью при самоварѣ
Нли весною, обходя лѣсокъ,
Поеть уныло Русская дѣвица,
Какъ Музы наши, грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно нль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы все поемъ уныло. Грустной вой
Пѣшь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ вакъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ и дѣвъ.
Но правится ихъ жалобный нагѣвъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ «ДОМИКУ ВЪ КОЛОМНѢ».

(«Новоселье», 2-ое изд. 1845. Изображена прилегающая къ церкви Покрова мѣстность и домикъ «за самой будкой».)

XXX.

Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плести;
Всѣмъ домою правила одна Параша
Поручено ей было счету вести,
При ней варила гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Овѣла, добрая старуха,
Давно лишенная чутя и слуха).

XXXI.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ или не шѣлъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полтъ!).

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до-почи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушка въ окно
(Безъ этого ни одного романа

Не обойдется: такъ заведено!).
Бывало, мать давнымъ давно хранила,
А дочка—на луну еще смотрѣла

XXXIII.

И слушала мяукаше вотовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ несвормной,
Да стражи дальній врикъ, да бой часовъ—
И только. Ночь надъ мирною Коломною
Тиха отъбнно! Рѣдко изъ домовъ
Мельвнуть двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею въ Покрову.
И становилася передъ толиною
У влироса палѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши паяву,
Въ Коломну, къ Покрову.—и въ воскресе-
енье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня. (звали какъ, не помню право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!).
Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXXVI.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось иѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды
повой
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладнѣй идеалъ
Тщеславя. Его бѣ вы въ ней узнали;
По сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгиа печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я видалъ;
Невольный взоръ оны то привлекали...
По это знать Графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной иѣвѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фиміамъ,—она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ въ узломъ,
На тонкой шеѣ восковая бусы—
Парядъ простой: но предъ ея окномъ
Все жь ѣздили Гвардейцы черноусы,
И двушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи парадовъ дорогихъ.

XL.

Межь ними кто ея быть сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душею холодна? увидимъ ниже.
Покаместъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XLI.

По горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
Коть Васыка. Послѣ вдовушка моя
Подумала что два, три дня—не долѣ—
Жить можно безъ кухарки; что не лѣзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!»—«Я!»
—«Гдѣ взять кухарку? Свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ ли. Дешевья такъ рѣдки.»—

XLIII.

—«Узнаю, маменька». И вышла вошь,
Закутавшись (зима стояла грозно,
И снѣгъ скрывѣлъ, и снѣгъ небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонокъ; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ:—«Вотъ я кухарку привела».

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла двушка и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголь, фартукъ разбирая.
—«А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха.—«Все, что будетъ вамъ угодно,»
Сказала та смиренно и свободно.

X XXXIX

(Водѣ ~~большой~~ поправилъ ~~свои~~ ^и)
 А какъ ~~звать~~ — ~~Мавруша~~ — ну, Мавруша
 Живи у насъ: Ты молода, мой свѣтъ,
 Гониай мужичиъ: Новойища Фрески
 Служила мнѣ въ кухаркѣ, въ шпр —
 Ни разу ^{дочь} ~~ни разу~~ ~~ни разу~~ не ~~ни разу~~.
 Ходи за мной, за дочерью моею
 Усердна будь. Присчитывать не смѣй.

X XL

Правда въ зуб, дитя въ худостъ жону

ИЗЪ РУКОПИСИ «ДОМИКА ВЪ КОЛОМНѢ».

(Румян. Музей № 2376, Л. Листъ 4 оборотъ. Воспроизводится впервые).

XLV.

Вдовѣ понравилася отвѣтъ.
 — «А какъ зовуть?» — «А Маврой.» «Ну, Ма-
 вруша,
 Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 Гониай мужичиъ. Новойища Фрески
 Служила мнѣ въ кухаркѣ десять лѣтъ,
 Ниразу долга чести не наруша.
 Ходи за мной, за дочерью моею,
 Усердна будь: присчитывать не смѣй.»

XLVI.

Проходить день, другой. Въ кухаркѣ толпу
 Довольно мало: то переварить,
 То пережарить, то съ посудой полку
 Уронить; вѣчно все пересолить,
 Шить сидеть — не умѣеть взять иголку;
 Ее бранять — она себѣ молчитъ;
 Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадить.
 Параша бьется, а никакъ не сладить.

XLVII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
 Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
 Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
 Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
 Корицы нужно было палочь, —
 Пирожное испечь она сбиралась.
 Ее оставили; но въ церкви вдругъ
 На старую вдову напелъ испугъ.

XLVIII.

Она подумала: съ Маврушкѣ ловкой
 Зачѣмъ къ пирожному пришла страсть?
 Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
 Не вздумала ль она насъ обокрасть,
 Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
 Для праздника! Ахти, какая страсть!
 Такъ думая, старушка обмирала
 И наконецъ, не вытерѣвъ, сказала:

XLIX.

«Стои тутъ, Параша. Я слову домою,
 Мнѣ что-то страшно». Дочь не разумѣла

Современныя иллюстраціи къ «Домикъ въ Коломнѣ».

МАВРУША БРЬЕТСЯ.

Рисунокъ К. Брюлова («Новоселье» 1833 г.).

Чего ей страшно. Съ панерти долой
Чуть-чуть моя старушка не слѣтѣла:
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла,—
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла—и что жь? о Боже! страхъ каковой!

I.

Предъ зеркальцемъ Нараша, чинно сяди,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и плещулась. Ее увиди,
Тѣ въ тороняхъ съ намаленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обиди),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо.
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

II.

Обѣдня кончилась: пришла Нараша.
—«Что, маменька?»—«Ахъ, Нашинька моя!
Маврушка...»—«Что, что съ ней?»—Кухарка
папа...

Опомнитесь досель не въ силахъ п...
За зеркальцомъ... вся въ мылѣ...—«Воли
ваша

Миѣ право ничего понять нельзя:
Да гдѣ жь Мавруша?»—«Ахъ, она разбойникъ!»
Она здѣсь брилась!... точно мой покой-
никъ!»—

III.

Нараша закрасилась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки

Съ тѣхъ поръ какъ не было—простыль и
 слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ,
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и жкончить тороплюсь.

LIII.

—«Какъ! развѣ все тутъ? Шутите! «Ей-
 Богу.»

—«Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
 Къ чему жъ такую подилили тревогу,
 Сликали рать и съ похвалъбою или?»

Завидную жъ вы избрали дорогу!
 Ужель новыхъ предметовъ не нашли?
 Да ибѣтъ ли хоть у васъ правоученья?»
 —«Ибѣтъ... или есть: минуточку терпѣнья...»

LIV.

Вотъ намъ мораль: по мнѣнью моему,
 Кухарку даромъ напимать опасно;
 Кто жъ родился мужчиною, тому
 Рядиться въ юбку странно и напрасно:
 Когда нибудь придется же ему
 Брить бороду себѣ, что несогласно
 Съ природой дамской... Больше ничего
 Не выжмешь изъ рассказа моего.»

МАВРУША БРѢТСЯ.

(Румяна. Музей, тетрадь № 2376 А., л. 5 об.)

Рисунокъ Пушкина.

639. (ЦѢЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ).

Куда же ты?—Въ Москву, чтобъ графскіе именія
 Не прогулять мнѣ здѣсь.—Постой, а карантинъ?
 Вѣдь въ нашей сторонѣ Индѣйская зараза:
 Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа—
 Бывало сживалъ покорный твой слуга.
 Что братъ? Ужъ не трушишь, тоска беретъ—ага!

640. ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
 Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
 Мрежи нынѣ тебя ожидаютъ, нынѣ заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

641. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУССКОЙ МѢЩАНИНЪ.

Вольное подражаніе лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
 Писакъ Русскіе, толпой,
 Меня зовутъ аристократомъ:
 Смотри пожалуй—здорье какой.
 Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
 Я по кресту не дворянинъ,
 Не Академикъ, не профессоръ,
 Я просто—русской мѣщанинъ.
 Понятна мнѣ времянь превратность,
 Не прекословлю, право, ей.
 У насъ нова рождениемъ знатность,
 И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
 Родовъ униженныхъ обломокъ,
 И слава Богу не одинъ,—
 Бояръ старинныхъ я потомокъ:
 Я мѣщанинъ! Я мѣщанинъ!
 Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
 Въ вязья не прыгалъ изъ холмовъ,
 Не пѣлъ на брылосѣ съ дьячками,
 Не ваксалъ Царскихъ саноговъ,
 И не былъ бѣлымъ оиъ солдатомъ
 Пѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ.
 Куда жъ мнѣ быть аристократомъ
 Я слава Богу мѣщанинъ.
 Мой предокъ Радша, службой бранной
 Святому Невскому служилъ;
 Его потомство гнѣвъ вѣщанный
 Царь IV пощадилъ.
 Водились Пушкины съ Царями,
 Цѣзъ ихъ былъ славеи не одинъ,
 Когда тягали съ Поляками
 Нижегородскій мѣщанинъ.
 Смирить кремлы и коверство,
 И ярость бранныхъ непогодъ,
 Когда Романовыхъ на царство
 Звалъ въ грамотѣ своей народъ,

Мы къ оной руку приложили,
 Пасъ жаловагъ страдалца сынъ,
 Бывало намъ дорожили.
 Но я... я темный мѣщанинъ.
 Упрямства духъ намъ всемъ подгадилъ;
 Въ родню свою неукротимъ,
 Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
 И былъ за то повѣщенъ имъ.
 Его примѣръ будь намъ наукой,
 Не любить Князь Яковъ Долгорукой,
 Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
 Счастливъ покорный мѣщанинъ.
 Мой дѣдъ, когда мятежь поднялся
 Средь Петергофскаго двора,
 Какъ Минихъ вѣрноп оставался
 Надеждою Третьяго Петра,
 Понали въ честь тогда Орловы,
 А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ.
 И примирѣлъ нашъ родъ суровый,
 И я родился—мѣщанинъ.
 Подъ гербовой моею печатью
 Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
 И не являясь съ новой знатью,
 Я крови сиѣсь угомонилъ.
 Я неизвѣстный стихотворецъ,
 Я Пушкинъ просто, не Мусинъ,
 Я самъ большой, не царедворецъ:
 Я грамотей, я мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фисляринъ сиди дома,
 Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганшбаль
 Былъ купецъ за бутылку рома,
 И въ руки шкиперу попалъ.
 Сей шкиперъ былъ-тогъ шкиперъ славный

Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придасть мощно бѣтъ державный
Кормѣ роднаго корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю пайерсникъ—а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганшбала.

Предъ кѣмъ, средь сибельныхъ шумнѣхъ,
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фидлярникъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.—
Что жъ огъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?... Онъ въ Мѣщанской дворяннѣ.

642. СТАМБУЛЬ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТЪ.

Стамбуль Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой
Какъ змя снѣгаго, раздавятъ,
И прочь пойдуть—и такъ оставятъ.
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.
Стамбуль отрекъся отъ Пророка:
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ—
Стамбуль, для сладостей порога
Мальбѣ и саблѣ измѣнилъ,
Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.
Въ немъ вѣры чистой лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мушкетъ въ Харемы вводятъ,
И спитъ подкупленной евнухъ.
Но не таковъ Арзумъ пагорной,
Многодорожный панъ Арзумъ:
Не снимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ вишѣ развратъ, огонь и шумъ.
Постимся мы: струю трезвой

Одинъ фонтанъ насъ поятъ—
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ:
Мы въ женамъ, какъ орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непрошцаемы стоятъ.
Алла великъ!

Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ—
Тогда насъ буря долу гула
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рушукъ до старой Смирны,
Отъ Транезунда до Тульчи,
Скликая совѣтъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи:
Трещъ въ объятяхъ пожаровъ,
Валились дома янычаровъ:
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тѣли:
На колыяхъ скорчась мертвецы
Окоченѣлычертѣли—
Алла великъ—тогда Султанъ
Былъ духомъ гѣва обуянъ...

643. ЗАКЛИНАНИЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба дунные лучи
Скользятъ га камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустуютъ тихія могилы—
Я тѣбя зову, я жду Ленлы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
(Явись, возлюбленная тѣбя,
Какъ ты была передъ разлукой,
Вѣднъ, гладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.

Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ пль дуновенье,
Пль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!)
Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Пль чтобъ извѣдать тайны гроба:
Не для того, что иногда
Сомнѣваемъ мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все любилъ я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Какъ произведеніе драматическое, съ точки зрѣнія всеобщихъ законовъ эстетики, безъ всякаго отношенія къ той или другой національной психологій, «Скупои Рыцарь» долженъ быть безспорно причисленъ къ шедеврамъ всемірной литературы. Въ этомъ небольшомъ по размѣрамъ, но неограниченномъ и потому какъ-бы безграничномъ по глубинѣ и цѣлности драматическомъ этюдѣ гениі Пушкина отразился во всей своей силѣ и легкости. Стихъ доведенъ до того предѣла совершенства, гдѣ теряются или, вѣрнѣе, примиряются, всѣ различія между языкомъ прозы и поэзіи, гдѣ всѣ достоинства прозы,—неприужденность, точность и общепонятность,—совпадаютъ съ требованіями поэзіи,—вдохновенностью и подъемомъ рѣчи. Замѣтимъ кстати, что въ этомъ искусствѣ оставаться на вершинахъ вдохновенія, не измышляя условнаго поэтическаго языка и не насилюя законовъ обычной рѣчи, у Пушкина вообще нѣтъ соперниковъ во всемірной поэзіи. Но даже у него немного найдется страницъ, гдѣ-бы въ самомъ стилѣ синтезъ прозаической правдивости и поэтической необычайности былъ доведенъ до такой полноты, какъ, напримѣръ, въ монологѣ «Скупого Рыцаря». Если разсматривать этотъ монологъ съ точки зрѣнія лексической или грамматической, то мы должны будемъ признать его ритмической прозой. Что можетъ быть естественнѣе, въ смыслѣ употребленія словъ и разстановки ихъ, слѣдующихъ хотя-бы стиховъ:

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскаать,
Служа страстямъ и нуждамъ челоѣка,
Усните здѣсь своимъ сномъ и покоемъ,
Какъ боги снятъ въ глубокимъ небесахъ...

Нельзя выразить ту-же мысль въ прозѣ другими, болѣе простыми словами или иначе разетвленными. Пушкинъ не прибѣгъ ни къ одной изъ тѣхъ условностей, которыми на его мѣстѣ непремѣнно воспользовался-бы Байронъ или Шелли, а

между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что приведенные стихи живописно, органически поэтичны. Искра поэтическаго воодушевленія пронизала обыкновенныя слова, и они превратились въ чистѣйшее поэтическое золото.

Совершенству формы въ «Скупомъ Рыцарѣ» соответствуетъ глубина содержанія. Хотя характеры дѣйствующихъ лицъ намѣчены лишь въ общихъ очертаніяхъ и о каждомъ изъ нихъ говорится лишь самое нужное, но черты ихъ пзваяны съ такой отчетливостью, такой увѣренной рукою, что отъ небольшого этюда получается впечатлѣніе, какъ отъ многосложной драмы. Эта скульптурная отчетливость изображенныхъ характеровъ при наименьшей тратѣ усилій со стороны художника получается отъ того, что всѣ три главныхъ персонажа драмы,—старый баронъ, его сынъ и жидъ Соломонъ,—связаны между собою не только драматически, но и психологически, служатъ другъ для друга не только необходимымъ средствомъ для развитія интриги, но еще зеркаломъ и фономъ, такъ что каждый изъ нихъ получаетъ всю свою рельефность отъ соедѣства съ другимъ, по закону подобія и контрастовъ. Центральное мѣсто въ драмѣ занимаетъ скупои рыцарь, центральная тема драмы — освѣщеніе художественно-воплощенной въ немъ страсти скупоности.

Что такое скупоность? Каково ея необходимое, роковое, трагическое содержаніе? Ходячее мнѣніе о скупоности считаетъ ее не только порокомъ, но еще порокомъ низкимъ, презрѣннымъ; скупецъ рпеуется въ воображеніи народномъ безсильнымъ старикомъ, трусливо скрывшимся отъ взоровъ людскихъ, жадно, трепетно сторбвившимся надъ грудой золота, забывшимъ честь и совѣсть ради денегъ и какъ-бы продавшимъ чорту душу. Это ходячее, вульгарное, поверхностное опредѣленіе скупоности Пушкинъ отвергаетъ самымъ заглавіемъ: «Скупои Рыцарь». Можно быть скунымъ, не переставая быть рыцаремъ,—эти два понятія, оказывается, совмѣстимы. Скупоность—

одна изъ всепоглощающихъ страстей, и, какъ всякая страсть, она иплется выражениемъ силы, а сила—единственный источникъ и единственный залогъ благородства. Это отрицательное опредѣленіе скуности становится художественно-нагляднымъ въ сценѣ столкновеній скуного рыцаря съ рыцаремъ несомнѣннымъ, съ рыцаремъ безъ страха и упрека, какимъ представляется намъ молодой баронъ Альберъ. Оскорбленный въ своей чести, старый скупецъ мгновенно забываетъ о вѣрныхъ подвалахъ, о сундукахъ съ золотомъ, о завѣтныхъ ключахъ:

И лу? И передъ нами Государемъ?
Мибъ, мибъ... или ужь не рыцарь и!

Конечно, онъ рыцарь. И, бросивъ перчатку родному сыну, онъ постукаетъ шпалѣ въ духъ рыцарства того «ужаснаго вѣка».

Такимъ образомъ, сцена у герцога создана съ двойною цѣлью: во-первыхъ, съ драматической—чтобы разрѣшить непримиримый конфликтъ между скуостью и радостью жизни и, во-вторыхъ, съ цѣлью психологической—чтобы показать, что, кромѣ жадности къ золоту, во всемъ остальномъ старый баронъ такой же рыцарь, какъ и его сынъ, одинаково гордый, безстрашный, вѣрный культу чести.

Но недовольствуясь этимъ сопоставленіемъ по методу подобія, Пушкинъ прибѣгаетъ еще къ болѣе яркому методу контраста. На ряду съ барономъ выводится жидъ Соломонъ, который также служитъ кумиру денегъ, также жаденъ въ приобретеніи и безжалостенъ при взысканіи. Ужъ, конечно, жидъ Соломонъ не скалится надъ идовой, которую онъ можетъ посадить въ тюрьму за долгъ ея мужа, и не откажется отъ дублона, принесеннаго бродягой Тибо. Въ своей любви къ деньгамъ онъ идетъ дальше барона, не довольствуется одними законными средствами наживы, но торгуетъ ядомъ и не брезгаетъ преступленіемъ. На поверхностный взглядъ можетъ показаться, что жидъ поклоняется тому-же богу, какъ и баронъ, и одержимъ тѣмъ-же недугомъ скуности. Но взгляните пристальнѣе, и вы увидите, что сходство между барономъ и жидомъ только наружное, что въ своемъ отношеніи къ міру они стоятъ на разныхъ, противоположныхъ полюсахъ. Въ любви жиды къ деньгамъ иѣтъ ничего необъяснимаго, мистическаго. Онѣ для него, такъ же, какъ для Альбера, какъ для большинства нормальныхъ людей,

не цѣль, а средство, и если жидъ неспособенъ служить деньгамъ, чѣмъ другимъ, то потому, что положеніе его въ мірѣ исключительное. Онъ на чужбинѣ. Онъ привыкъ защищать себя съ оружіемъ въ рукахъ и оттого сталъ слабъ и трусливъ. Оскорбленій—это та атмосфера, среди которой онъ вынужденъ жить, если хочетъ жить. Безоружный въ толпѣ вооруженныхъ, онъ все свои надежды излагаетъ лишь на свое имущество. Для него золото—тоже, что щитъ для черепахи, что иглы для ежа,—единственное средство не быть раздавленнымъ многочисленными, спущенными кругомъ врагами. Не таковъ баронъ. Онъ живетъ среди своихъ; онъ находится въ милости у старика герцога, предъ нимъ открытъ входъ ко двору, ему дороги интересы родной страны, и онъ не притворяется, когда говоритъ герцогу:

Богъ дать войну, такъ я
Готовъ вряхля вѣзть снова на копы;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукою дрожащею обнять.

И, что всего важнѣе, баронъ не пануганъ жизнью и, даже находясь среди своихъ завѣтныхъ сундуковъ, не чувствуетъ страха:

Кого бояться мибъ?
При мибъ мой мечъ. За золото отвѣтить
Честной булатъ.

Если же баронъ скрываетъ отъ глазъ людей свои соврѣщца, то дѣлаетъ это не изъ страха, а изъ гордаго презрѣнія къ людямъ, не желая осквернить ихъ приближеніемъ свою святыню.

Какъ видно, ни одинъ изъ мотивовъ, опредѣляющихъ серебролюбіе Соломона, непримѣнимъ къ барону. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ разсужденіямъ, Пушкинъ сумѣлъ однимъ путемъ художественныхъ сопоставленій устранить все поверхностныя и ложныя объясненія скуности, очистить эту страсть отъ всего случайнаго и меккаго и изобразить ее въ ея идеальной сущности. Любовь барона къ деньгамъ не можетъ быть сведена ни къ какимъ практическимъ соображеніямъ. Золото не нужно ему ни для чего. Оно для него не средство, ведущее къ какой-бы то ни было цѣли, а сама цѣль—разсудочно неностыжная, безкорыстная, почти мистическая, почти религіозная, предметъ культа, грошащаго съ безуміемъ, въ одно и тоже время священнаго и странно нечеловѣкаго, смѣшного.

Скупость, въ томъ чистомъ видѣ, какъ ее изображаетъ Пушкинъ, корнями своими уходитъ въ послѣдній трагизмъ жизни, который обусловлена избыточность всѣхъ надеждъ, неустойчивость всякаго счастья, неисполнимость всѣхъ желаній. Души робкія и слабыя, не таящія въ себѣ огня страстей, довольствующіяся малымъ могутъ прожить долгую жизнь, не догадываясь объ этомъ трагизмѣ, потому что судьба, пренебрегающая человѣку пройти до конца путь, ведущій къ счастью, стонуть не въ началѣ, а въ концѣ этого пути. Зато личности могучія, съ закаленной волей и неукротимыми желаніями, должны наткнуться на этого стража, и тогда имъ предстоитъ или бороться съ нимъ и героически погибнуть, или же повернуть назадъ. Но и тутъ ихъ ожидаетъ двойной жребій. Одни, познавъ трагическую несоизмеримость между существующими благами и невозможнымъ счастьемъ, отказываются отъ этихъ благъ, избираютъ добровольную нищету и уходятъ изъ міра. Другіе, наоборотъ, жадно погтыми и зубами вѣбляются въ эти блага, или, что все равно, въ золото, на которое они могутъ быть пріобрѣтаемы, но, чтобы избѣгнуть горечи, скрытой на днѣ вышитыхъ наслажденій, не касаются чаши губами, а лишь глядятъ на нее, мечтая о возможномъ наслажденіи. Аскеза и скупость имѣютъ между собой то общее, что и та и другая требуютъ добровольнаго отреченія, налагаютъ тяжелый зарокъ и превращаютъ жизнь въ длительное искушеніе.

Кто знаетъ сколько горькихъ воздержаній,
Обуданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило?

Развѣ эти слова, произносимыя скунымъ въ его подвалѣ, не были бы на мѣстѣ въ устахъ отшельника въ его кельѣ? Подобно аскезѣ, и скупость даетъ думѣ какой-то просторъ, такъ какъ скуной, наслаждаясь не самыми благами жизни, а ихъ символами, почти не видитъ предѣловъ своего счастья и своей власти. А все безпредѣльное кажется священнымъ, и когда старый баронъ называетъ свои сундуки «священными сосудами», а заключающіеся въ нихъ червонцы «царскимъ елеемъ» или сравниваетъ ихъ покой со сномъ боговъ, то онъ въ сущности соприкасается съ какой-то правдой. Тѣмъ предметомъ безплотиѣе и потому

какъ-то духовиѣе, священнѣе самихъ предметовъ.

Но между аскезой и скупостью существуетъ и глубокое различіе. Аскетъ мѣняетъ одинъ подвигъ на другой, одну дѣйствительность на другую, одну радости на другія. Отказываясь отъ пользованія мірскими благами, онъ перестаетъ бороться за эти блага; въ его поведеніи нѣтъ противорѣчій; оно устойчиво и разумно. Между тѣмъ скуной мѣняетъ дѣйствительность на ея отраженіе, отъ реальныхъ вещей обращается къ возможнымъ, отъ счастья къ символамъ счастья. Но отношеніе къ символамъ у него остается не символическое, не безкорыстно-созерцательное, а прежнее, вождѣющее, воинственное. Онъ продолжаетъ бороться за добываніе благъ, которыми не пользуется—и, такимъ образомъ, впадаетъ въ нелѣпое противорѣчье съ самимъ собой. Скуной—это голодный, который, сидя за столомъ, убраннымъ его любимыми яствами, предпочитаетъ умереть съ голода, такъ какъ слишкомъ любить эти яства для того, чтобы, съѣвъ, уничтожить ихъ... Вотъ почему подвигъ аскета такъ же трагиченъ, какъ и подвигъ героя, между тѣмъ какъ томленіе скупости является какимъ-то болѣзненнымъ новообразованиемъ душевнымъ, необыкновенной смѣсью силы и безсилія, мудрости и нелѣпости. Скупость положе на уродливое, выросшее среди камней, опрокинутое дерево, ибо корнями своими скупость тянется вверхъ, къ высшему трагизму жизни, а вѣтвями и вершиной свисаетъ надъ бездной комизма и безумія. Скупость по существу—страсть траги-комическая, и Пушкинъ, озаглавивъ свой этюдъ траги-комедіей, понялъ этотъ духовный феноменъ глубже и вѣрнѣе, нежели всѣ другіе художники, изображавшіе скупость, не исключая Мольера, Гоголя, Бальзака.

Наконецъ, чтобы завершить этотъ краткій эстетическій разборъ, слѣдуетъ замѣтить, что съ этимъ траги-комическимъ сюжетомъ необыкновенно гармонируетъ самый тонъ драмы, самый строй стиха, въ одно и то же время величаво-важнаго и радостно-легкаго, всегда какъ бы озареннаго улыбкой,—мудрой, свѣтлой, олимпийской пушкинской улыбкой.

И такъ, разсмотрѣвъ «Скуного Рыцаря» съ точки зрѣнія отвлеченныхъ законовъ эстетики, слѣдуетъ признать эту драму во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной, и если можно въ чемъ-либо упрекнуть Пушкина, то развѣ лишь въ точности одного сравне-

ня, именно того, которымъ начинается монологъ барона:

Какъ молодой повеса ждешь свиданья?
Съ сабой-нибудь разиратницей лукавой
Иль душой, осьею обманутой...

Любовь скучного къ золоту всего менѣе похожа на влеченіе повѣсы къ разиратницѣ или къ обманутой имъ дурѣ, ибо это любовь безъ удомстворенія, любовь, по формѣ платоническая, только безъ духовнаго содержанія платонизма. Скучнецъ—это тотъ же сконецъ, разиратный и цѣломудренный, но уже никакъ не повеса. За исключеніемъ же этого неточнаго сравненія [впрочемъ, вложеннаго въ уста самого барона, которому позволительно ошибаться на своей собственной счетъ], вся драма, поисторямъ, съ точки зрѣнія всеобщей эстетики должна быть признана, по формѣ и по содержанію, безупречнымъ художественнымъ произведеніемъ.

Но можно-ли довольствоваться, при разборѣ великихъ произведеній, одними законами всеобщей эстетики? Въ созданіи такихъ произведеній, кромѣ личной гениальности автора, участвуетъ еще одинъ факторъ,—загадочный, трудно опредѣлимый, но весьма дѣятельный,—участвуетъ еще національный гений того народа, къ которому принадлежитъ авторъ. Двѣ поэмы, написанныя двумя равной творческой силы поэтами, будутъ различаться по своей значительности, потому что каждая изъ нихъ отразитъ другую народную психологію, другую историческую судьбу, другія надежды, другое призваніе. Казалось бы, что великій художникъ долженъ быть наиболее самостоятеленъ въ своихъ вдохновеніяхъ, наименѣе связанъ со случайностями исторіи, черпать изъ глубины собственнаго духа. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Чѣмъ писатель гениальнѣе, тѣмъ онъ какъ бы менѣе свободенъ въ полетѣ своей мечты, тѣмъ болѣе ифрнымъ, рабски ифрнымъ толкователемъ является онъ тѣхъ смутныхъ чувствъ и мыслей, которыя уже пережиты миллиономъ маленькихъ неслѣдомыхъ людей, составляющихъ толщу народную. Гений ищетъ всѣхъ, но не потому ли, что онъ самъ ищется жизнью всѣхъ? Чтобы понять козникновеніе художественнаго произведенія, нужно представить себѣ, что писатель держитъ порѣ и пишетъ, между тѣмъ какъ его рукою водить стоящій за его спиною національный гений. Должно быть, творческій актъ такъ безиредѣлимъ труденъ, что не подъ силу онъ

одному человѣку, хотя бы и гениальному. Эта двойственность творчества обыкновенно не замѣчается нами по той причинѣ, что она составляетъ всеобщій законъ, почти не знающій исключенія. Великій писатель не можетъ не быть выразителемъ безсознательно живущаго въ немъ народнаго духа, а съ другой стороны, національный гений ни въ чемъ другомъ такъ рѣзко не раскрывается, какъ въ твореніяхъ гениальныхъ личностей. Разладъ или, во всякомъ случаѣ, отсутствіе гармоніи наступаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, наиримѣръ, когда писатель съ большимъ дарованіемъ, хотя бы въ родѣ Гейне, выброшенъ изъ среды своего народа въ чужую народность, и когда, слѣдовательно, его національный гений преломился въ ирзизмъ чужого ему языка и духа. Такое же отсутствіе гармоніи можетъ проявиться въ литературѣ вновь нарождающейся, когда національный гений еще не раскрытъ, не раскрытъ, еще безсилъ, одолѣть могутія ифрнія ипінія. И вотъ именно этотъ разладъ чукствонался въ русской литературѣ за весь первый періодъ ея развитія, когда она шла впередъ на чужіе огни, еще не видя самобытныхъ великихъ цѣлей, которымъ искорѣ суждено было зажечься передъ нею. Весь этотъ періодъ по справедливости называется до-пушкинскимъ, потому что Пушкинъ, равно какъ Гоголь и Лермонтовъ, по раньше и глубже, чѣмъ они, впервые стали отражать въ своихъ произведеніяхъ особенности русскаго гения. Сталъ отражать, но не отразилъ и не могъ отразить, потому что проявленіе національнаго гения зависить отъ причинъ историческихъ, преобладающихъ силы отдѣльной личности. Особенности русскаго гения сказались въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя скорѣе въ методѣ творчества, въ особой искренности тона, въ удивительномъ соединеніи реалистической манеры съ идеалистическимъ содержаніемъ, но не въ самомъ содержаніи, не въ новомъ озареніи жизни, не въ устремленіи къ новымъ цѣлямъ. Всюду эту сторону русскаго гения суждено было раскрыться не въ поэзи, а въ прозѣ, въ безсмертномъ, непрезойденномъ русскомъ романѣ, сразу установившемъ гегемонію нашей литературы во всемъ мірѣ и поставившемъ ее на ту высоту, на какой до сихъ поръ стояли только греческій эпосъ и греческая трагедія. Но все это произошло послѣ Пушкина, и если бы наша литература печально оборвалась на Пушкинѣ, Лермон-

товѣ и Гоголѣ, то ни сама Россія, ни образованное человечество никогда бы не узнали, въ чемъ заключается русскій геній и существуетъ ли таковой... Вѣрность такого предположенія видна изъ того, что самый нескрещенный и чуткій критикъ того литературнаго періода—Бѣлинскій—самъ крайне смутно различалъ самобытныя особенности русскаго творчества и едва ли сознавалъ, что критеріи, по которымъ слѣдуетъ судить извѣстную литературу, содержатся въ ней самой, а не въ внѣ ея. Такъ, разбирая «Скуной Рыцаря», Бѣлинскій перечисляетъ достоинства этой драмы и заключаетъ разборъ слѣдующими словами: «по выдержанности характеровъ [скряги, его сына, герцога, жида], по мастерскому расположенію, по страшной силѣ пафоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности, словомъ, по всему—эта драма—огромное, великое произведеніе, вполне достойное гения самого Шекспира».

Очевидно, Бѣлинскому воѣ литературы воѣхъ народовъ представлялись въ видѣ единой идеальной республики, которая управляется по однимъ и тѣмъ же общеобязательнымъ эстетическимъ законамъ, и во главѣ которой, по крайней мѣрѣ, въ той ея области, которая называется драмой, стоитъ самъ Шекспиръ. Намъ теперь такое представленіе кажется устарѣлымъ. Никто изъ насъ не скажетъ, что «Власть тьмы» или «Преступленіе и Наказаніе» такъ совершенны, что достойны гения Шекспира или Дикенса. Мы, наоборотъ, увѣрены, что эти совершенныя произведенія не могли быть написаны ни Шекспиромъ, ни Дикенсомъ именно потому, что они созданы самимъ Толстымъ и самимъ Достоевскимъ. Мы согласны съ Бѣлинскимъ, что «Скуной рыцарь» достоинъ пера Шекспира; но, принимая этотъ приговоръ, мы сказали бы, что этимъ ограничивается произведеніе Пушкина, если бы слово «ограничивать» не было здѣсь неумѣстнымъ. Сравнивать геній писателя съ гениемъ его народа—не значитъ ограничивать первый. Между тѣмъ сравненіе это приходится дѣлать, хотя это трудъ нелегкій, такъ какъ самобытныя черты національнаго гения вычлениваются десятками поколѣній и складываются подъ давленіемъ многовѣковой исторіи.

Основныя ячейка европейскаго эпоса и европейской драмы—это сильная личность, отшлифованная въ борьбѣ за существованіе съ такими же сильными личностями, получившая въ этой борьбѣ свой закалъ,

свою опредѣленную окраску, ставшую тѣмъ, что называется типомъ или характеромъ. Та же борьба, которая происходитъ въ обществѣ между разными личностями, разыгрывается въ душѣ отдѣльной личности между одушевляющими ее страстями, изъ которыхъ одна, самая сильная, становится преобладающей, *passion-maitresse*, вліяетъ на поступки и настроенія этого лица. Борьба страстей въ отдѣльной личности и борьба характеровъ въ семьѣ и обществѣ—вотъ содержаніе европейской литературы. Страсти и характеры играютъ тутъ такую же роль, какъ цвѣта въ живописи. Составить узоръ изъ страстей и типическихъ характеровъ, такъ расположить ихъ игру, чтобы вызвать въ читателѣ или зрителѣ одно изъ пассивныхъ симпатическихъ чувствъ—удивленіе, ужасъ, жалость, сочувствіе, негодованіе,—вотъ цѣль европейской литературы.

Поступая такимъ образомъ, европейскій эпосъ и театръ шли тѣмъ же путемъ, какимъ шла исторія европейскаго общества и государства, которыя возникли, какъ производныя величавыя сильной личности. Народная исторія и была тѣмъ жизненнымъ прототипомъ-романомъ, той оригинальной нерукотворной трагедіей, въ подражаніе которымъ поэты создавали свои рукописныя повеллы и драмы. Но именно по этой причинѣ русская литература, какъ только въ ней проснулся національный геній, уже не могла идти по стопамъ европейской и создавать узоры изъ преобладающихъ страстей или изображать столкновеніе сильныхъ личностей. Русское государство, въ противоположность европейскому, не было функцией и продолженіемъ сильной личности, а, наоборотъ, развивалось и крѣпло, какъ противобѣсъ личности; сковывая ее, убивая личную энергію и личное достоинство насчетъ заботы о государственной цѣлости и о защитѣ границъ. Тѣ же могучія личности, которыя вынашивала русская дѣйствительность, были сильны не индивидуальной, а государственной волей, и, въ свою очередь, являлись гасителями личной самостоятельности, орудьями пытки для звонимой личности. На ряду съ государствомъ, въ томъ же духѣ дѣйствовала и церковь, и русская личность, сплюснутая между государственнымъ молотомъ и церковной наковальней, становилась или безвольно-дряблою, или же закигалась воодушевленіемъ альтруизма—государственнаго, народнаго, всечеловѣческаго.

Вотъ почему русская литература, съ той

минуты, какъ въ ней проснулся духъ національнаго гѣня, сразу отдѣлилась отъ европейской, избрала другой объектъ и другую цѣль творчества. Въмѣсто игры страстей и борьбы сильныхъ типическихъ личностей, которыхъ наша исторія не создавала, русская литература избрала своимъ объектомъ или опустошенную личность—Обломовыхъ, Липиныхъ людей, или же личность, добровольно побѣдившую въ себѣ *principium individuationis* во имя альтруизма. Таковы всѣ положительные герои русскаго романа. Цѣль же этого романа, въ отличіе отъ европейскаго, заключается въ возбужденіи въ читателѣ не только пассивныхъ, симпатическихъ чувствъ, но и активныхъ, нравственно-религіозныхъ. Понятно поэтому, почему вообще драма не процвѣтала у насъ. Построить драматическую коллизію на чувствахъ и поступкахъ бездѣйствующихъ безличностей—задача нелегкая, и, кажется, съ нею справился одинъ только Чеховъ. Понятно также, почему у насъ невозможны были произведенія, посвященные изображенію какой-нибудь одной преобладающей страсти—честолюбія, ревности, скупости. Великая *passion-maitresse*, очутившись подъ давленіемъ русской дѣйствительности, должна была или превратиться въ уродливое безсильное маньячество, или же внутренне перегорѣть на огнѣ раскаянія, излучиться въ эфирѣ альтруизма. И Пушкинъ, изобразивъ типически-отшлифованную, снѣдаемую всемогущей страстью фигуру Скупого Рыцаря, творилъ, такъ сказать, на рискъ и счетъ своего собственнаго гѣня, въ вѣнцѣхъ и вліяніи національнаго гѣня русской литературы. Правда, изъ вѣдѣхъ страстей скупость—какъ разъ та, въ которой одинаково сказываются какъ сила, такъ и безсиліе личности, и возможно, что въ обществѣ, сложившемся, подобно нашему, подъ гнетомъ гипертрофированной государственности, пороки скупости должны встрѣчаться особенно часто. Но въ такомъ случаѣ намъ гораздо ближе, родственнѣе и нужнѣе повѣсть Гоголя о Плюшкинѣ—жалкой безличности, расплющенной русской безтолочью, столь же пелѣной и безсильной, какъ пелѣна маниакальная скупость, приведшая его къ ниществу и къ грудѣ мусора, а не къ сундукамъ съ золотомъ—эмблемѣ силы и власти. Сравнивая между собою эти два образа скупцовъ, Бѣлинскій говоритъ: «Плюшкинъ Гоголя—гадокъ, отвратительнѣе; это лицо комическое. Баронъ Пушкина—ужасенъ;

это лицо трагическое». Съ точки зрѣнія законовъ отвлеченной эстетики это, можетъ быть, и такъ. Но съ точки зрѣнія законовъ, уравнивающихъ русскую литературу, образъ Плюшкина ужасенъ, потому что въ немъ въ искаженномъ видѣ отражена русская дѣйствительность, а образъ Скупого Рыцаря безразличенъ: одна изъ художественныхъ возможностей—не болѣе.

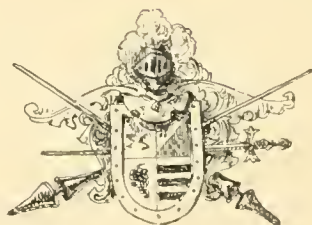
Достойна вниманія слѣдующая черта эстетической психологіи. Казалось бы, каждый народъ долженъ цѣнить въ чужой литературѣ тѣ стороны, которыя ему всего знакомѣе и ближе. Въ дѣйствительности мы видимъ противное. Въ чужой литературѣ мы не только выше цѣнимъ, но легче и глубже воспринимаемъ ея самобытныя стороны, т. е. то, что отъ насъ всего дальше и всего менѣе намъ знакомо. Намъ случилось наблюдать отношеніе французской публики къ двумъ произведеніямъ Пушкина. Первое—«Борисъ Годуновъ». Это драма, въ которой хотя смутно, но уже намѣчены всѣ особенности русскаго творчества, драма, съ точки зрѣнія европейской эстетики невозможная, ибо въ ней героемъ является не личность, а государство, весь русскій народъ, передъ стихійной волей котораго внутренне смиряется, уничтожается воля отдѣльной дерзнувшей было утвердить себя личности Годунова. И вотъ, благодаря именно своей необычайности, Борисъ Годуновъ потрясъ европейскую публику, повѣрившую въ правдивость этой русской драмы, отъ которой на ея индивидуализмъ повѣяло чѣмъ-то огромнымъ, просторнымъ, сверхличнымъ. Второй изъ названныхъ пьесъ былъ какъ разъ «Скупой Рыцарь», вошедшій вмѣстѣ съ комедіями Плавта, Мольера и какого-то китайскаго драматурга въ циклъ пьесъ, трактующихъ о скупости, которыя дирекція одного изъ субсидируемыхъ театровъ давала утренними спектаклями, главнымъ образомъ, для учащейся молодежи. «Скупой рыцарь» шелъ въ прозаическомъ переводѣ, слѣдовательно, зритель не могъ быть подкупленъ обіемъ пушкинскаго стиха, благодаря которому каждая строчка его поэмъ кажется намъ чѣмъ-то священнымъ, не допускающимъ сравненій и ограниченій. Оставалось только содержаніе, оставался образъ Скупого Рыцаря, столь родственнѣе, столь доступнѣе пониманію европейцевъ. Но впечатлѣніе отъ пьесы получалось блѣдное. Европейской публикѣ драма Пушкина казалась и слишкомъ близкой и слишкомъ

далекой. Слишкомъ близкой, потому что русская пьеса, трактующая о рыцаряхъ и турнирахъ, казалась мало оригинальной. Слишкомъ далекой, потому что въ пьесѣ отсутствовала какая-то жизненная ткань, отсутствовало все то стихійно-безсознательное, что привноситъ въ произведеніе участіе въ немъ національнаго гения. Но замыслу, драма Пушкина была самой глубокой изъ всего цикла, но какъ будто чувствовалось, что въ ней нѣтъ исторической плоти, что ее писалъ художникъ, не выросшій среди сильныхъ индивидуальностей, не дышавшій въ атмосферѣ всепоглощающихъ страстей.

Пушкинъ въ рукописи назвалъ свою пьесу сценами изъ Ченстоповой трагикомедіи. «The cavetous Knight». Эта строчка задала много хлопотъ критикамъ Пушкина, которые тщетно разыскивали творенія не

существующаго Ченстопа. Одинъ изъ критиковъ даже обратился съ запросомъ къ директору Британскаго музея, который отвѣтилъ, что русскій поэтъ, вѣроятно, подшутить надъ своею публикой, желая ее мистифицировать. Но едва ли догадка англичанина вѣрна. Не правильно-ли допустить, что отъ провинціальнаго ума Пушкина не скрылось, что, берясь за тему о Скупомъ Рыцарѣ, онъ выходитъ за предѣлы русской психики и русскаго творчества. Во всякомъ случаѣ, въ надписи Пушкина скрывается глубокий смыслъ. «Скупой Рыцарь», въ самомъ дѣлѣ, является если не переводомъ въ буквальномъ смыслѣ и не подражаніемъ, то продолженіемъ творчества любого европейскаго драматурга, подражаніемъ не существующему образцу, переводомъ, такъ сказать, съ европейскаго.

Н. Минскій.

Скуной

Продумав и в. гни в погубаде
Кавь явотъ в чужбъе подгоубаде
Скуной

(The Miserly Knight)

(Первоначальное заглавие «Скуной Рыцаря», Румянц. Музей, Рукопись № 2376).

СКУНОЙ РЫЦАРЬ.
Картина К. Степанова.

644. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоповой трагедіи).

(The carterus Knight).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Въ башнѣ).

АЛЬБЕРТЬ И ИВАНЪ.

АЛЬБЕРТЬ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи миѣ шлемъ, Иванъ.

(Иванъ подаетъ ему шлемъ)

Пробить пэсквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать миѣ надо повый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРТЬ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣль Венеціанскій,
А грудь своя: гроша ему не стоитъ;
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Миѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы миѣ голову пробилъ.
И платье нужно миѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атаасѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турнирѣ поваль случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ коньемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ миѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой прищипорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго Пажа; какъ всѣ дамы
Приветали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала
И славилъ Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣлся я за поврежденный шлемъ;
Героюству что виною было?—скудость.
Да! заразиться здѣсь нетрудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выхлѣать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, дѣлать нечего: куплю гнѣдова,
Недорого и просить за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что-жъ говорить бездѣльничкѣ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ-займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРТЬ.

Закладъ! а гдѣ миѣ взять заклада, дьяволь.

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что-жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтить да жметъся.

АЛЬБЕРТЬ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль,
поздно-ль
Всему наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что-жъ?

ИВАНЪ.

Жметъся да кряхтитъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его. *(Стучитъ въ дверь).*
Кто тамъ? *(Входитъ жидъ).*

ЖИДЪ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРТЬ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣршишь въ долгъ.

ЖИДЪ.

Ахъ, милостивый Рыцарь,
Клянусь вамъ: радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить.
Не можете-ль хоть часть отдать...

АЛЬБЕРЪ.

Разбойникъ!

Да еслибъ у меня водились деньги,
Съ тобою стагъ-либъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыни мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛЬБЕРЪ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

жидъ.

Кликусь вамъ...

АЛЬБЕРЪ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что да вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Пль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака; мало?

жидъ.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значить.
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

АЛЬБЕРЪ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

жидъ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вѣчеръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сторблинныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять.

двадцать

И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

АЛЬБЕРЪ.

Ты врешь. Еврей: Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Пачто мнѣ пригодятся?

жидъ.

Деньги?—деньги

Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодна:
По юноша въ нихъ ищетъ слугъ провор-
ныхъ.

И не жалѣя шлетъ туда, сюда.

Старикъ же видитъ въ нихъ друзей на-
дежныхъ.

И бережетъ ихъ какъ зеницу ока.

АЛЬБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ
служить;

И какъ же служить? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ дѣвиной. Въ петолненной ванурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣсть суми корви,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А долото спокойно въ сундукахъ
Лежить себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудеть.

жидъ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
Понли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

АЛЬБЕРЪ.

Amen!

жидъ.

А можно бѣ...

АЛЬБЕРЪ.

Что?

жидъ.

Такъ: думалъ я, что средство
Такое есть...

АЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

жидъ.

Такъ—

Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, Аптекарь бѣдный...

АЛЬБЕРЪ.

Ростовщикъ

Тавой-же, какъ и ты, иль почестивѣ?

жидъ.

Ибѣтъ, рыцарь, Тавой торгъ ведетъ иной—
Онъ составляетъ капиталъ, право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛЬБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

жидъ.

Въ стаканъ воды подлить... трель банель
будеть;

Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

АЛЬБЕРЪ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

жидъ.

Да—

И ядомъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ? Взаимы намѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь сткляночку дѣвети яду
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что ли?

жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Итъ; я хотѣлъ.. быть можетъ вы.. я ду-
маю,
Что ужъ Барону время умереть.

Альбертъ.

Какъ! отравить отца! и смѣль ты сыну..
Иванъ! держи его. И смѣль ты мнѣ!..
Да знаешь-ли, жидовская дума,
Собака, змѣи! что я тебя сей часъ-же
На воротахъ повѣшу!

жидъ.

Виновать!

Простите, я шутлю.

Альбертъ.

Иванъ, веревку.

жидъ.

Я.. я шутлю. Я деньги вамъ принесъ.

Альбертъ.

Вонъ, песь!

(Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣль
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина,
Я весь дрожу.. Иванъ, однако жъ деньги

Мнѣ пужны. Сбѣгай за жидомъ прокля-
тымъ,

Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу.. Я пишу
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Иду этого.. Иль итъ, постой.
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его..
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина—

Ни капли итъ.

Альбертъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечоръ я спесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альбертъ.

Да, помню, знаю..

Такъ дай воды. Проклятое житье!
Итъ, рѣшено—пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ поднольѣ.

Скупой рыцарь въ своемъ подвалѣ.

Рисунокъ Пастернака.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Поввали).

Баронъ.

Какъ молодой поивса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницею лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я

Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сун-
дукамъ.

Счастливей день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не-
полный)

Горсть золота накопленнаго всыпать.

СКУПОИ РЫЦАРЬ.

Картина О. К. Вицмана.

Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды въспамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горети въ кучу,
И гордый холмъ возвысился—и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И доль, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горети бѣдной приноси
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что миѣ подвластно.
Что не подвластно миѣ? какъ ибѣкій демонъ,
Отсебѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою;

И Музы дань свою миѣ привесутъ,
И вольный Гений миѣ порботится,
И добродѣтель и бессонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моеи награды.
Я свисну, и ко миѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ миѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моеи читая воли.
Миѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоснѣ;
Я знаю мощь мою; съ меня довольно
Сего сознанья...

(Смотритъ на свое золото).

Кажется не много,
А сколькоихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, молений и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!

Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ.
Нынче

Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ воля.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь по-
шелъ,

Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужинши долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо—
Гдѣ было взять ему дѣшвицу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ пѣдръ земныхъ всѣ выстунли вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепеть.
Не страхъ (о, пѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ, за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣшитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву пожъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. *(Отпираетъ сундукъ).*

Вотъ мое блаженство!

(Вешаетъ деньги).

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ челоуѣка.
Усните здѣсь спомъ силы и покоя,
Какъ Боги снятъ въ глубокихъ небесахъ!..
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глѣдѣть на блещущія груди.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. но кто во свѣдѣ за мной
Принметъ власть надъ нею? Мой наслед-
никъ!

Безумецъ, разточитель молодой,
Развратниковъ разгульных собесѣдникъ.
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, вѣрные своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жад-
ныхъ.

Укравъ ключи у труса моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ наноптъ—
Онъ разточить... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костыми, да груды загребаеть?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, почей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Или скажетъ сынъ,

НАСЛЕДНИКЪ СКУПОГО РЫЦАРЯ.

Рисунокъ Пастернака.

Что сердце у меня обросло мохомъ,
 Что я не зналъ желаній, что меня
 И совѣтъ никогда не грызла, совѣтъ,
 Когтистый звѣрь, скребищій сердце, со-
 вѣтъ,
 Незваный гость, докучный собесѣдникъ,

Замодавецъ грубый, эта вѣдьма,
 Отъ коей меркнеть мѣсяцъ и могилы
 Смущаются и мертвыхъ выслаютъ?...
 Ибѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
 А тамъ, посмотримъ, станеть ли несчаст-
 ный

СКУНОЙ РЫЦАРЬ И ВДОВА.

Картина К. Степанова.

То разточать, что кровью приобрѣлъ.
 О, если бѣ могъ отъ изоревъ недостойныхъ
 И скрыть подвалъ! о, еслибъ изъ могилы

Придти я могъ, сторожевою тѣнью
 Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
 Сокровища мои хранить, какъ нибѣ!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

АЛЬБЕРТЬ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРТЬ.

Повѣрьте, Государь, терпѣль я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не край-
ность,
Вы бъ жалобы моеи не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинить
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шума.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ
Какъ будто колоколомъ. — *(Смотритъ въ окно).*
Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРТЬ.

Такъ, онъ, Государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите-жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альбертъ уходитъ; входитъ Баронъ).

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью Вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. — Миѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня)
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ Вами, то есть...

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство

Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать миѣ? Вы молоды; вамъ любя

Турниры, праздники. А я на пухъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крихта, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ — по
следамъ.

У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, по ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской
жизни;

Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бро-
дитъ

Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо

Ему дичится. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите миѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье.
Вы хмуритесь, устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;

Но вы меня смутили. Передъ вами
Ябъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ.

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глупи.

БАРОНЪ.

Простите миѣ, по праву, Государь,
Я согласиться не могу на это...

герцогъ.
Но почему жъ?

баронъ.
Увольте старика...

герцогъ.
Я требую: отбейте мнѣ причину
Отъеза вашего.

баронъ.
На сына я

Сердитъ.

герцогъ.
За что?

баронъ.
За злое преступленье.

герцогъ.
А въ чемъ оно скажите состоитъ?

баронъ.
Увольте, Герцогъ ..

герцогъ.
Это очень страшно!
Или вамъ стыдно за него?

баронъ.
Да.. стыдно...

герцогъ.
Но что же сдѣлалъ онъ?

баронъ.
Онъ... онъ меня

Хотѣлъ убить.

герцогъ.
Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

баронъ.
Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

герцогъ.
Что?

баронъ.
Обокрасть.
(Альберъ бросается въ комнату).

альберъ.
Баронъ, вы лжете!

герцогъ (смы).
Какъ смѣли вы?...

баронъ.
Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣль!...
Ты могъ отцу твоему слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ... или ужъ не рыцарь я?...

альберъ.
Вы лжете.

баронъ.
И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ нашъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку, смыслъ поспѣшно ее подымаетъ).

альберъ.
Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

герцогъ.
Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ каіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ,
И ты тигренокъ! полно (смы). Бросьте
это;

Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее).

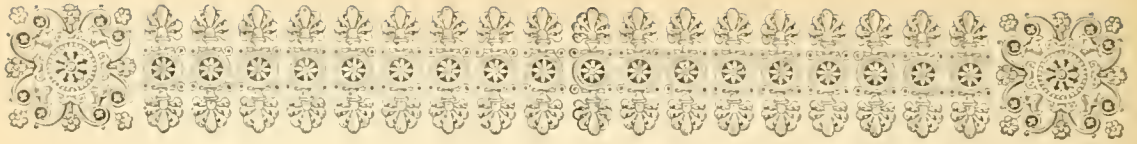
альберъ (à parte).
Жаль!

герцогъ.
Такъ и впился въ нее когтями! извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (Альберъ выходитъ).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ....

баронъ.
Простите, Государь....
Стоять я не могу... мой колѣня
Слабѣютъ... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

герцогъ.
Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

Чѣмъ былъ для Пушкина «Моцартъ и Сальери»? Какой моментъ въ его душевной жизни, въ его поэтическомъ развитіи обозначаетъ эта драма, на что явилась откликомъ? Чрезвычайно скудны тѣ биографическіе матеріалы, на которыхъ могло бы быть твердо обосновано сужденіе о томъ, что видѣлъ самъ поэтъ въ своемъ замыслѣ, какова роль вліяній въ своеобразной формѣ выполненія, что дали Пушкину источники и чѣмъ направлялся свободный вымыселъ.

По возвращеніи изъ Болдина, гдѣ Пушкинъ провелъ осень 1830 года, онъ пишетъ Плетневу: «Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы «Онѣгина», восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдамъ аполуте; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: «Скупои Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Ширъ во время чумы» и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній». Черезъ годъ, въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г. появился «Моцартъ и Сальери» съ датой 26 Октября 1830 года—«безъ обманчивой ссылки на источникъ—замѣчаетъ Анненковъ *)—хотя это была еще первая драматическая сцена Пушкина, съ которой знакомясь публика, если включить «Новую сцену къ Фаусту» (Московскій Вѣстникъ, 1828 г.). Есть основанія думать, что такія небольшихъ и сжатыхъ драмъ Пушкинымъ было намѣчено и начато значительно больше, чѣмъ закончено. На оборотной страницѣ стихотворенія «Подъ небомъ сладостнымъ Италиі своей» Анненковъ нашелъ слѣдующій списокъ:

- «Скупои.
- Ромуль и Ремъ.
- Моцартъ и Сальери.
- Донъ-Жуанъ.
- .....
- Берольдъ Савойской.
- .....
- Влюбленный бѣсъ.
- Дмитрій Марьянъ.
- Курбскіе».

Подчеркивая въ этомъ перечислѣ то, что осталось намъ неизвѣстнымъ, Анненковъ выражаетъ увѣренность, что всѣ эти драмы были написаны; недошедшія до насъ или истреблены авторомъ, или изложены вчернѣ и затеряны потомъ, такъ какъ «Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеній, еще не существующимъ». Во всякомъ случаѣ ихъ количество даетъ возможность строить предположенія объ ихъ размѣрахъ, точнѣе, объ ихъ стилѣ. Это, очевидно, былъ все тотъ же,—по мнѣнію Бѣлинскаго *), созданный Пушкинымъ,—«особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману». Относя къ этому роду не только «Скупои рыцаря» и «Моцарта и Сальери», но также гораздо болѣе развитую «Русалку», законченную трагедию «Каменнаго гостя» и фрагментарную «Сцену изъ Фауста», Бѣлинскій мимолетно отводитъ очень высокое мѣсто этимъ драматическимъ очеркамъ. Это очерки по формѣ и объему, но по содержанию и его развитію это—тригедія, въ полномъ смыслѣ этого слова. «По оригинальности и самобытности, онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о

*) Анненковъ. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. (Сочиненія Пушкина. Сиб. 1855 г. т. I стр. 284.

*) Бѣлинскій. Сочиненія, изд. Венгеровъ. т. VI. «Раздѣленіе подвѣз изъ родъ и вѣлы», стр. 110.

непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли, — ихъ достоинство можетъ измѣриться только шекипировскими драмами».

Какъ бы ни была однако значительна идея и художественная высота драматическихъ очерковъ Пушкина, законная мысль объ ихъ полной самобытности должна быть осложнена указаніемъ на тѣ литературныя впечатлѣнія, влияние которыхъ было, быть можетъ, не безслѣдно для формы «Моцарта и Сальери» и «Скуного рыцаря». Одновременно съ созданіемъ «драматическихъ очерковъ» Пушкинъ, несомнѣнно увлекался Барри Корнуолемъ^{*)}. Для перевода Вильсоновой «City of the Plague», сдѣланнаго также осенью 1830 года, Пушкинъ руководствовался тѣмъ же парижскимъ изданіемъ (1829) англійскихъ поэтовъ, изъ котораго онъ познакомился съ Корнуолемъ. Онъ, стало быть, уже былъ знакомъ съ «Dramatic scenes», когда писалъ свои «отрывки»; для отдѣльнаго изданія ихъ онъ предполагалъ даже позаимствовать у Корнуоля его общее заглавіе. «Въ 1830 году, — сообщаетъ Анненковъ, — онъ думалъ собрать драматическіе отрывки и издать ихъ отдѣльной книжкой. Онъ уже приготовлялъ заглавный листокъ для нихъ, разукрашенный по извѣстному его обыкновенію разрисовывать свои рукописи — изображеніемъ рыцаря въ доспѣхахъ и головы пожилого мужчины. На листкѣ этомъ мы читаемъ слова, которыми Пушкинъ принаровлялся къ оглавленію и, такъ сказать, пробовать его: «Драматическія сцены», «Драматическіе очерки», «Драматическія изученія», «Опытъ драматическихъ изученій». Извѣстно, что два стихотворенія Пушкина — «Пью за здравіе Мери» и «Я здѣсь, Пиезилья» основаны на стихахъ Барри Корнуоля, къ которому поэтъ сохранялъ вниманіе до послѣднихъ дней своей жизни: передъ самой смертію онъ посылалъ А. О. Шишовой «Драматическія сцены» англійскаго поэта съ просьбой перевести ихъ. Такимъ образомъ мысль о вѣвторомъ влияніи драмы Корнуоля направляется сама собою; болѣе тщательное ихъ изученіе подтверждаетъ ее. Въ предисловіи къ своему переводу драматической сцены Барри Корнуоля «Алдовина

Сфорца» («Русское Слово» 1860 г. № 3) извѣстный переводчикъ и поэтъ М. А. Михайловъ^{*)} высказываетъ «предположеніе, что именно чтеніе «Драматическихъ сценъ» англійскаго поэта подало Пушкину мысль къ его собственнымъ удивительнымъ отрывкамъ: Скуной рыцарь, Моцартъ и Сальери, Донъ Жуанъ. Форма ихъ очень напоминаетъ Корнуоля: та же краткость, та же простота, та же отсутствіе всего лишняго, ненужныхъ лицъ, ненужныхъ словъ, а главное — то же стремленіе думать тремя бѣглами сценами дать почувствовать драму, для полного развитія которой понадобилась бы очень широкіе размѣры. Сильное впечатлѣніе, произведенное на Пушкина «Драматическими сценами», становится все яснѣе, когда читаешь ихъ вѣдѣ за пушкинскими сценами, хотя русскій поэтъ является тутъ почти всюду головою выше англійскаго».

Рядомъ съ второстепеннымъ шекипированцемъ Барри Корнуолемъ, знакомство съ которымъ, быть можетъ, навѣяло новую сжатую драматическую форму, надо было бы вспомнить и о влияніи самого великаго учителя. Но Шекипировскіе завѣты въ «драматическихъ сценахъ» значительно менѣе замѣтны и менѣе конкретны, чѣмъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Любопытнѣе другія влиянія. Уже въ предисловіи къ «Борису Годунову»^{**)} отмѣчены элементы трагедій, въ которыхъ «Пушкинъ отступалъ отъ пріемовъ творчества Шекиспра и ближе стоялъ къ принципамъ французскаго классицизма». Въ «драматическихъ очеркахъ» послѣднее влияніе еще замѣтнѣе. Здѣсь нѣтъ уже «вольнаго и широкаго развитія характеровъ», нѣтъ «необыкновеннаго составленія типовъ»; здѣсь вольность и широта уступаютъ мѣсто сосредоточенной глубинѣ; конкретность типа смѣнилась его отвѣченной всеародностью. Въ указанной выше статьѣ Н. К. Козминъ правильно отмѣчаетъ, что «когда заходить рѣчь о драмахъ Пушкина, писанныхъ въ 1830 году, то стремленіе его обособить, изолировать какой-либо типъ съ преобладаніемъ извѣстной страсти, набросать двѣ, три сцены безъ всякихъ лишнихъ эпизодовъ и дѣйствующихъ лицъ наводитъ на мысль объ отдаленномъ влияніи ложноклассицизма».

*) Брайонъ Уоллеръ Прокторъ, извѣстный поэтъ псевдонимомъ Barry Cornwall, англійскій поэтъ 1790—1874, авторъ «Dramatic scenes» (1815), пытавшійся ввести новое направленіе въ драму на почвѣ глубокаго изученія Шекиспра и его современниковъ.

*) Цит. въ статьѣ М. Козмина «Вліяніе Пушкина на драму» въ сборникъ Свѣт. историко-филологическаго факультета «Памяти Пушкина», Свѣт. 1900.

***) Наст. изд. т. II, стр. 301.

(Скупою, гению, человекъ минуты—вотъ герои этихъ произведений)». За это соображение говорятъ записки самого поэта: «Искренно признаюсь, что я воспитаю въ страхъ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суетно порабощать литературную совѣсть? зачѣмъ писателю не повиноваться приятнымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повируется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, несмотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря на грамматическія оковы...» «Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны и, кажется, не нужны».

Эти глубокія замѣчанія, такъ сказать опредѣляющія границы законной повизны, особенно цѣнны, конечно, въ устахъ поэта, гениальное творчество котораго является поворотнымъ пунктомъ въ развитіи цѣлой литературы. Оно показываетъ, какъ много сознательнаго было въ образномъ мышленіи Пушкина и какъ, между прочимъ, оно мало сходствовало съ творчествомъ изображеннаго имъ Моцарта, въ драматическомъ портретѣ котораго охотно усматриваютъ самого автора драмы. Вѣрнѣе всего предположить, что для двухъ образовъ ея Пушкинъ не имѣлъ опредѣленныхъ моделей въ окружающей его жизни; это типы болѣе, чѣмъ индивидуальности. Менѣе всего опирался Пушкинъ на живыя характеристики тѣхъ историческихъ лицъ, которыя явились героями его драмы. Одна замѣтка на клочкѣ бумажки, «сговорившемъ отъ частной и совершенно незначительной записки», показываетъ, что соединило для Пушкина идею зависти съ именемъ Сальери:

«Въ первое представленіе Донъ-Жуана,—пишетъ Пушкинъ,—въ то время, когда весь театръ безмолвно уивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ; всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, сибдаемый завистью.

«Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. Икоторыя нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти онъ признался будтобы въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.

«Завистникъ, который могъ освидѣтельствовать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца».

Къ сожалѣнію, въ специальной литературѣ нѣтъ указаній на тѣ журналы, въ которыхъ Пушкинъ нашелъ сообщеніе о странномъ преступленіи Сальери. Онъ, очевидно, вѣрилъ въ это преступленіе; иначе едва ли, даже изъявля притязанія на широкую свободу поэтическаго вымысла, поэтъ связалъ бы съ именемъ историческаго лица тяжелое и ни на чемъ кромѣ сомнительнаго психологическаго предположенія, не основанное обвиненіе. За это порукой служило бы уже замѣчаніе Пушкина: «обременять вымышленными ужасами историческіе характеры не мудро и не великодушно». На этой же точкѣ зрѣнія стояли и тѣ изъ друзей поэта, которыхъ возмущалъ поклепъ, взведенный на Сальери въ новой пьесѣ Пушкина. По предположенію Анненкова, отвѣтомъ этимъ друзьямъ—особенно П. А. Катенину—могла быть вышеприведенная записка *). Ея ссылка на журналы могла бы быть достаточно убѣдительною и могла бы устранить тѣ попытки защитить поэта, которые исходятъ изъ непризнанной имъ точки зрѣнія. «Рѣзкій приговоръ Пушкина о Сальери» казался Анненкову «не выдерживающимъ ни малѣйшей критики». Однако, онъ настаивалъ на художественной правомѣрности этого приговора. «Вѣроятно,—замѣчаетъ онъ,—къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: «Зависть сестра соревнованія — стало быть изъ хорошаго роду». Не входя теперь въ разборъ вопроса о степени предположеній, дозволенныхъ автору при выведеніи историческаго лица, скажемъ, что если со стороны Пушкина было какое-либо преступленіе передъ Сальери, то преступленія такого рода совершаются безпрестанно и самими великими драматическими писателями. Такъ, Елизавету англійскую сдѣлали они тиномъ женской ревности и преимущественно одной страстью объяснили и гибель Маріи Стюартъ, едва упоминая о

*) Изъ того, что она зависала—какъ сказано въ ней—черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Сальери, который умеръ 7 мая 1825 г., видно, что окончаніе «Моцарта и Сальери» предшествовало ей на три года.

всѣхъ другихъ поводахъ къ тому. Если тутъ есть порокъ, то онъ уже скрывается въ сущности исторической драмы вообще, которая, взявъ лицо изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни, принуждена заниматься развитіемъ только одной основной черты его характера и пренебречь всеѣмъ прочимъ. Пушкинъ, какъ будто чувствуя это, колебался въ выборѣ заглавія для своей пьесы. Первоначально онъ называлъ ее просто: «Зависть», словно желая отстранить или ослабить историческую провѣрку лицъ, въ ней дѣйствующихъ. Вѣроятно, понявъ безполезнасть уловки, онъ далъ ей уже настоящее заглавіе: «Моцартъ и Сальери»^{*)}.

Обратимся, однако, къ даннымъ исторіи. Сальери Пушкина—не Сальери исторіи, по рядъ фактовъ изъ его жизни указанъ въ драмѣ вѣрно. Учитель Бетховена, Листа и Шуберта, авторъ длиннаго ряда оперъ, имѣвшихъ въ свое время блестящій успѣхъ, онъ былъ знаменитъ во всей Европѣ и въ высшей степени привлекателенъ въ частномъ быту. Онъ родился въ 1750 году въ Леньяно, неподалеку отъ Венеціи, рано проявилъ свое несомнѣнное дарованіе и въ первые годы своего творчества—подъ вліяніемъ своихъ вѣнскихъ учителей—былъ послѣдователемъ нѣмецкой музыки. Въ ея стилѣ написаны какъ первая его опера «Le donne letterate», увѣнчавшая ранней славой двадцатилѣтняго композитора, такъ и послѣдовавшія за нею «Don Chisciotte», «La locandiera» и другія. Съ 1778 года Сальери обратился къ итальянской музыкѣ, по новый міръ звуковъ, открытый Глюкомъ, сдѣлалъ Сальери ученикомъ и послѣдователемъ великаго автора («Орфея»). Глюкъ покровительствовалъ ловкому и талантливому итальянцу. Перебравъ въ Парижѣ,

Сальери, благодаря Глюку, получилъ возможность выступить предъ избранной публикой міроваго города. Заказъ Парижской академіи на оперу «Les danaiides» Глюкъ передалъ Сальери, и тотъ выполнилъ это порученіе съ громаднымъ успѣхомъ. Оперы «Le gamoneur», «Les Horaces», «Tarare»—о ней упоминается въ трагедіи—сдѣлалъ автора знаменитостью, членомъ академіи художествъ, кавалеромъ орденовъ, пожалованныхъ ему Людовикомъ XVIII. Конкурируя съ моцартовскимъ «Фигаро», Сальери поставилъ въ Вѣнѣ «La grotta di Trofonio»; но подъ конецъ жизни онъ отказался отъ оперы, посвятивъ себя всецѣло камерной и церковной музыкѣ. Г. Катенинъ^{*)}, что Сальери «это совсѣмъ свободное созданіе Пушкина, не имѣющее сходства съ современнымъ Моцарту композиторомъ», приводитъ по этому поводу разнообразныя данныя: «Во времена Пушкина легенды объ отравленіи Моцарта вѣрили очень многіе, почти все; позидѣвшія и очень тщательныя изслѣдованія по этому вопросу Отто Яна совершенно опровергли ее. Легенда основывалась едва ли не главнымъ образомъ на словахъ самого Моцарта, объяснявшаго отравой упадокъ силъ, какой онъ почувствовалъ мѣсяца за два, за три, до смерти; но Моцартъ не обвинялъ Сальери, а лечившіе его медики не находили признаковъ какой-либо отравы. По своему высшему положенію Сальери отнюдь не имѣлъ основанія завидовать Моцарту, которому жизнь вообще мало улыбалась. Между тѣмъ какъ «Донъ-Жуанъ» Моцарта, имѣвшій въ Прагѣ блестящій успѣхъ, продолжался на вѣнской оперной сценѣ всего одинъ сезонъ и потомъ снятъ былъ съ репертуара на много лѣтъ, — «Ассуръ» Сальери, поставленный почти одновременно, выдержалъ болѣе 100 представленій сразу съ блестящимъ успѣхомъ. Работая надъ своимъ реkvіемомъ, который не успѣлъ окончить, Моцартъ въ то же время писалъ двѣ оперы—«Титово милосердіе», по заказу для празднествъ коронованія въ Прагѣ императора Леопольда II, а другую, «Волшебную флейту», чтобы выручить изъ бѣды и спасти отъ разоренія своего пріятеля, Шиканедера, державнаго театрикъ An der Wien. Обѣ оперы были окончены

*) Тѣмъ же приблизительно доводами защищали Аппенковъ Пушкина и въ перепискѣ съ Катенинымъ. Въ письмѣ къ Тургеневу 1853 г. онъ пишетъ: «Катенинъ прислалъ мнѣ записку о Пушкинѣ—и требовалъ мнѣнія. Въ этой запискѣ, между прочимъ, «Борисъ Годуновъ» осуждался потому, что не годится для сцены, а «Моцартъ и Сальери»—потому, что на Сальери введено даромъ преступленіе въ которомъ онъ неповиненъ. На послѣднее я отвѣчалъ, что никто не думаетъ о настоящемъ Сальери, а что это—только типъ даровитой зависти. Катенинъ возразилъ: стыдись вѣдь вы, полагаю, честный человѣкъ и клевету одобрить не можете. Я на это: искусственно имѣть другую мсраль, чѣмъ общество. А онъ мнѣ: мораль одна, и писатель долженъ еще болѣе беречь чужое имя, чѣмъ гостиница, деревня или городъ. Да вотъ десятое письмо по этому эстетически-эстетическому вопросу и обвиняемому».

*) «Значеніе поэзіи Пушкина въ русской музыкѣ» въ пушкинскомъ сборникѣ «Жизни». Спб. 1899, стр. 142 и сл.

одновременно почти, къ сентябрю 1791 г., по коронаціонная не имѣла никакого успѣха, а «Волшебная флейта» хотя имѣла успѣхъ колоссальный, но ничего не принесла Моцарту, ибо Шиканедеръ по-приятельски ничего не заплатилъ ему. Сальери былъ богатымъ человѣкомъ и занималъ мѣсто перваго придворнаго капельмейстера, т.-е. высшую музыкальную должность въ имперіи, а у Моцарта все было заложено еще до болѣзни, и похоронили его въ общей могилѣ для бѣдныхъ, такъ что впоследствии могли опредѣлить мѣсто его погребенія только приблизительно. При такой огромной разницѣ въ положеніяхъ едва ли могло возникнуть серьезное чувство зависти въ Сальери, кромѣ того, быть можетъ, и не признававшаго превосходства таланта Моцарта».

Для полного представленія объ отношеніи историческихъ фигуръ трагедіи къ дѣйствительности представимъ еще нѣкоторыя данныя изъ біографіи и характеристики Моцарта. Великій нѣмецкій композиторъ дѣйствительно поражалъ современниковъ легкостью, съ которой давалось ему творчество. Его характеристика въ трагедіи не только совпадаетъ съ тѣмъ открытымъ, яснымъ, жизнерадостнымъ, подчасъ подернутымъ легкой грустью обликомъ, который запечатѣлся въ воспоминаніяхъ современниковъ, но что еще важнѣе,—это образъ того Моцарта, который даетъ намъ его музыка. Разстроенное болѣзнию и непосильнымъ трудомъ воображеніе Моцарта было очень подавлено посвѣщеніемъ незнакомаго лица, завязавшаго ему реквиѣмъ. Эта таинственность объяснилась впоследствии очень просто: богатый заказчикъ погубилъ произведенія настоящихъ музыкантовъ для того, чтобы потомъ выдавать ихъ за свои въ кругу знакомыхъ.

Въ аполлоновой ясности, въ душевной прозрачности, въ безысходности и благодущіи, въ неизмѣнной вдохновенности Моцарта трагедіи много чертъ, которыя родили его съ его создателемъ. Это ставило несчасть прототипа Сальери также въ николаевской Россіи, въ средѣ друзей и знакомыхъ Пушкина. Попытка г. Иванъ Щеглова *) опредѣленно указать на Е. А. Баратынскаго, какъ на то живое воплощеніе зависти, съ котораго Пушкинъ спи-

саль своего Сальери, не можетъ быть признана удачною. Если бы даже и оказалось, что въ доводахъ г. Щеглова, стремящихся доказать очевидную мучительную зависть Баратынскаго къ Пушкину, есть что-либо убѣдительное, то въ его разсужденіяхъ отсутствуетъ другая, болѣе важная для насъ сторона: нѣтъ никакихъ указаній на то, что Пушкинъ замѣтилъ эту зависть. Целью же въ историко-литературномъ изслѣдованіи довольствоваться предположеніями, что та или другая—предполагаемая выходка Баратынскаго должна была «броситься въ глаза такому прозорливцу, какъ Пушкинъ». Пожалуй, какъ художественная индивидуальность, какъ умственный типъ, Баратынскій ближе къ Сальери, чѣмъ къ Моцарту, но дѣлать аналогичныя заключенія о его нравственномъ обликѣ мы не имѣемъ основаній *).

Въ противоположеніи этихъ двухъ типовъ художественной мысли видѣло большинство критиковъ основную мысль драмы Пушкина. Самъ поэтъ далъ достаточно основаній для этого: не только потому, что трагедія представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ для построения такой психологической эстетической антитезы, но и потому, что педаромъ въдъ Пушкинъ перемѣнилъ первоначальное заглавіе пьесы «Зависть» на ея настоящее названіе. Законно, стало быть, и такое истолкованіе смысла пьесы, при которомъ въ ней признаны будутъ два равноправныхъ, равноцѣнныхъ героя, изъ коихъ одинъ, высоко интересный, какъ человѣческая индивидуальность, никакимъ образомъ, однако, не можетъ быть признанъ тѣмъ, что называется трагическимъ характеромъ. Моцартъ Пушкина не годится въ герои трагедіи, и до тѣхъ поръ, пока мы отказываемся видѣть въ немъ только эпизодическую фигуру, мы должны забыть о томъ, что имѣемъ предъ собою трагедію. Нѣтъ конфликта, нѣтъ борьбы, нѣтъ внутреннего противорѣчія: есть виѣшнее противоположеніе двухъ типовъ художниковъ. Это противоположеніе по преимуществу занимало критиковъ «Моцарта и Сальери». Для Вѣлискаго идея трагедіи—вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Есть организационныя несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя сильною страстью къ

*) Статя «Пескромныя дотакы и «Сомнительный другъ» въ вѣств. «Новое о Пушкинѣ» С. П. 1902.

*) Ср. В. В. «Баратынскій и Сальери» въ «Русскомъ Архивѣ», 1900 г. VII и 1901 г. I.

искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, они приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои, съ неифронтнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы войти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самоподольный Тредьяковскій, который и живетъ и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ—великій гений. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное—съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностью глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство,—изъ него выходитъ Сальери. Для выраженія своей идеи, Пушкинъ удачно выбралъ эти два типа. Изъ Сальери, какъ мало известнаго лица, онъ могъ сдѣлать что ему угодно; но въ лицѣ Моцарта онъ исторически удачно выбралъ безвѣснаго художника, «гуляку празднаго». У Сальери своя логика (т.-е. своя софистика); на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, невознагражденной славою. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей самая ужасная тѣ, съ которыми родится человѣкъ, который, какъ проклятіе, подучилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своею кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ—всегда лицо трагическое: онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть—родъ помѣшательства при здоровомъ состояніи разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ любить музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ понялъ, что Моцартъ—гений, и что онъ, Сальери,—ничто передъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Приобрѣтенная имъ слава была счастьемъ его жизни: онъ ничего болѣе не требовалъ у судьбы,—и вдругъ видитъ онъ «безумца», «гуляку празднаго», на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше... Моцартъ является со всею простотою, нѣпьютливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ гений, но своему простодушію не подозрѣвающій собственного величія или не выдающій къ нему ничего особеннаго... Моцартъ не только не отвергаетъ подносимаго ему другимъ титула гения, но и самъ называетъ себя гениемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ называя гениемъ и Сальери.

Въ этомъ виднѣ удивительное добродушіе и безвѣчность: для Моцарта слово «гений» ни по чѣмъ: скажите ему, что онъ гений, онъ превратно согласится съ этимъ; начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не гений,—онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представлялъ лишь непосредственной гениальности, которая проявляетъ себя безъ усилія, безъ разсчета на усѣхъ, нѣсколько не подозрѣвая своего величія. Нельзя сказать, чтобы всѣ гении были такими; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта, но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ...

Въ противоположеніи двухъ характеровъ, духъ мировоззрѣній сосредоточенъ смыслъ трагедіи также для П. Ф. Мельнича *) Идея гармоническаго развитія человѣческой личности представляется ему тѣмъ пунктомъ, который освѣщенъ трагической антитезою Пушкина: «Въ лицѣ Моцарта мы видимъ, въ изображеніи Пушкина, человѣка, живущаго полною жизнью; искусство является для него лишь частью общаго цѣлаго, хотя, быть можетъ, и наиболѣе драгоценной. Искусство и все свѣтлое въ жизни тѣсно слиты для него между собою, и потому-то гений и заодвѣстно, въ его представленіяхъ, вещи несовмѣстныя... Въ Сальери, наоборотъ, одна изъ сторонъ жизни уродливо развита въ ущербъ другимъ: искусство для него безконечно выше и жизни, и самой правды, и весьма естественно, что Моцартъ кажется ему недостойнымъ жрецомъ божества».

Та же мысль Вѣлинскаго о теоретической антитезѣ, какъ смыслъ трагедіи, легла въ основаніе новѣйшихъ сужденій о «Моцартѣ и Сальери», высказанныхъ г. Ивановымъ-Разуминовомъ **).

*) Очерки русской поэзіи. Сиб. 1904. Стр. 80.

**) «Исторія русской общественной мысли», Сиб. 1907. Т. I, стр. 112. Исторія между прочимъ подгадываетъ, что Моцартъ и Сальери написаны черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Это предположеніе—основанное на томъ, что «Скупого Рыцаря» носитъ пометку 23 октября, а «Моцартъ и Сальери» 26 октября,—своевременно отвергнуто Апшениковымъ: «Все это не болѣе, какъ пометки, означающія время окончательнаго исправленія рукописей и нѣсколько не указывающія настоящей эпохи созданія. Иначе приходилось бы три дня труда для Моцарта, восемь дней для Каменнаго Гостя, что при извѣстномъ, болѣе осмотрѣ

Пушкина, по его мнѣнію, между прочимъ, заключено «признаніе необходимости широкаго кругозора, безпрестаннаго проникновенія въ кипящую жизнь со стороны гордаго въ своемъ одиночествѣ человѣка». «Этой идеи Пушкинъ коснулся въ «Моцартъ и Сальери», написанномъ черезъ три дня послѣ «Скунаго Рыцаря». Сущность «Моцарта и Сальери»—развитіе идеи о взаимоотношеніи между гениемъ и талантомъ: эта характеристика, съ легкой руки Бѣлинскаго сохранилась во всей евоей неприкосновенности до нашего времени. Въ этомъ, однако, заключена только часть истины. Сальери не талантъ, онъ ремесленникъ въ искусствѣ, хотя въ то же время ярый поборникъ теоріи чистаго искусства; онъ анатомируетъ искусство какъ трунъ и думаетъ достигнуть совершенства «усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ»: онъ увѣренъ даже, что уже «въ искусствѣ безграничномъ достигнуть степени высокой». Пусть добродушный и гениальный Моцартъ признаетъ его даже гениемъ, наравнѣ съ собой, это ничего не доказываетъ: вѣдь и Пушкинъ признавалъ въ такихъ посредственностяхъ, какъ Дельвигъ или кн. Вяземскій, прекрасный талантъ и вдохновенность. Непосредственный гений Моцарта, широкаго при всей своей глубинѣ, противопоставляется узкому ремесленничеству Сальери; «праздный гуляка» Моцартъ, способный «остановиться у трактира и слушать скрипача слѣпного», способный возиться на полу съ своимъ мальчишкой въ то время, когда несетъ въ своей душѣ божественное произведеніе, противопоставляется узкому эстету Сальери, который «супрямо и надменно» отрекся отъ всего и «спредался одной музыкѣ», отвергнувъ и «науку, чуждыя музыкѣ», и «праздныя забавы». Такимъ образомъ, если въ Моцартѣ Пушкинъ видитъ свободнаго гения, для котораго цѣль искусства—искусство (а вѣдь самъ Моцартъ причисляетъ себя къ числу людей,

Пренебрегающихъ презрѣнной
пользой

Единаго прекраснаго жрецовъ),

то въ Сальери онъ казнить эстетическое мѣщанство, полагающее, что исключительная цѣль человѣка—искусство; въ Моцартѣ—широта и гений, въ Сальери—ремесленничество и специализація.

своихъ произведеній у Пушкина, допустить нельзя». («Материалы», изд., стр. 290).

Самъ Пушкинъ былъ, конечно, Моцартомъ, а не Сальери: онъ никогда не унижался до эстетизма, онъ всегда откликался, какъ эхо, на вѣбъ отзвуки современности».

Въ углубленной формѣ, задѣвая основы моральнаго міровоззрѣнія Пушкина, попытался представить антитезу Моцарта и Сальери Вл. Соловьевъ *), къ сожалѣнію коснувшійся трагедіи лишь мимоходомъ. Мы знаемъ—поскольку эстетическая теорія Пушкина выразилась въ его эстетикѣ—чѣмъ представлялся ему поэтъ. Это «спорокъ», «жрецъ», «царь». Здѣсь эти характеристики восполняются: «къ этимъ тремъ образамъ присоединяется четвертый—«гуляка праздный». Но все это сходится въ одномъ: свобода и самозаконность относительно низшей и вѣшней, чужеродной условности и полная зависимость, пассивность предъ внутренними наслѣдіями изъ сверхсознательной области вдохновенія. Этого существенный характеръ поэзіи съ особенно яркой наглядностью выступаетъ здѣсь вслѣдствіе трагическаго столкновенія между истиннымъ гениемъ Моцартомъ—онъ же «гуляка праздный»—и самоотверженнымъ, добросовѣтнымъ, но лишеннымъ высшаго вдохновенія подвижникомъ искусства,—Сальери».

Какъ бы предчувствуя возможность такого сліянія воззрѣнія Сальери на Моцарта съ воззрѣніемъ самого Пушкина, проф. Овсянко-Куликовскій, въ статьѣ **), появившейся ранѣе статьи Вл. Соловьева, старался отратить это недоразумѣніе, «возможность котораго есть единственный недостатокъ пьесы. Именно, можетъ придти въ голову, будто самъ Пушкинъ отчасти раздѣляетъ мнѣніе Сальери, что гений—«гуляка праздный», что ему незачѣмъ работать, совершенствоваться,—онъ творить исключительно въ силу какого-то инстинкта. Собственно говоря, вся совокупность впечатлѣній, оставляемыхъ въ насъ фигурою Моцарта, отнюдь не уполномочиваетъ насъ думать, что Моцартъ въ самомъ дѣлѣ—«гуляка праздный», что Пушкинъ раздѣляетъ мнѣніе Сальери. Но съ другой стороны, въ пьесѣ нѣтъ также рѣшительнаго опроверженія этого мнѣнія. А между тѣмъ оно совершенно ложно: гениальность есть особый видъ умственнаго труда,

*) «Значеніе поэзіи Пушкина». Вѣсти. Европы 1899 г. XII.

**) «А. С. Пушкинъ, какъ художественный гений» въ Пушкинскомъ сборн. «Жизни» (1899 г. V).

а не праздности, и гений—всегда труженникъ».

Вѣрны всѣ эти характеристики или спорны—надо однако призвать одно: вопросы эстетико-теоретическаго и психологическаго взаимоотношенія гения и таланта рѣшаются въ трагедіи «Моцартъ и Сальери» глубоко, но лишь поутю. Толкователи «Моцарта и Сальери», усматривающіе въ средоточіи пьесы главнымъ образомъ типовоположеніе двухъ художественныхъ и моральныхъ типовъ, несомнѣнно, имѣютъ для этого достаточный матеріалъ въ немногихъ страницахъ пьесы. Громадное содержаніе сгущено здѣсь въ небольшомъ объемѣ съ поражающей силой; это—по выраженію проф. Овсянко-Куликовскаго—по истинѣ «геркулесовы столбы художественной мысли» и бесконечны нестрота и широта тѣхъ характеристикъ, которыя можно сдѣлать, опираясь на немногія, но насыщенные мыслью, указанія пьесы. Но мы имѣемъ предъ собою трагедію: эти характеристики не цѣль изслѣдованія, а средство, — путь къ уясненію трагическаго смысла пьесы. Это вѣдь не эпическая повѣсть, не рассказъ о духѣ разныхъ людяхъ, гдѣ средоточіе изображенія въ статикѣ души, а не въ ея динамикѣ, гдѣ бытъ, создающій людей, самъ по себѣ интересуется автора и его читателя.

Могутъ сказать: почему «Моцартъ и Сальери»—трагедія? Въ ней два «главныхъ» и совершенно различныхъ дѣйствующихъ лица—и гибнетъ совѣмъ не тотъ, кого можно назвать лицомъ трагическимъ. Моцартъ погибаетъ отъ вишней причины и ничто въ его внутреннемъ мірѣ не носитъ и слѣда той непримиримой раздвоенности, которую мы называемъ трагическою и которая въ своемъ логическомъ развитіи можетъ привести къ одному выходу—въ гибели ея носителя. Въ Сальери также не легко усмотрѣть героя трагедіи—онъ остается въ здравіи и благополучіи, его завистливые происки увѣнчаны уснѣшнымъ устраненіемъ врага; въ чемъ же его трагедія? Конечно, не въ его зависти, которая можетъ терзать и ничтожнаго человѣка. Но Сальери не ничтоженъ—Сальери умный, сильный, даровитый человѣкъ, истинный подвижникъ искусства, преданный ему со всѣмъ самоотверженіемъ знатока, любителя, художника. Высшее наслажденіе для него—наслажденіе художественное, высшимъ благоговѣніемъ некренно окружаетъ онъ тѣхъ, кто является для

него источникомъ этого наслажденія. И вотъ, низкое, животное, безмысленное чувство овладѣваетъ этимъ достойнымъ лучшей доли человекомъ. Онъ борется, онъ хочетъ спасти свое человеческое достоинство, онъ пытается увѣрить себя, что «справды нѣтъ и выше», но все тщетно: онъ во власти низкой страсти, и избрѣвительная мысль его склоняетъ его къ убійству софизмами съ той же тонкостью, съ какой нѣкогда удерживала отъ примѣненія роковаго подарка Изоры. Аживый голосъ безмысленной жажды устранить предметъ нелѣпой зависти и злобы подсказываетъ ему, что это уже не его личное дѣло. Онъ воображаетъ себя какимъ то избранныкомъ исторической справедливости; онъ долженъ остановить Моцарта—иначе погибли всѣ они, жрецы, служители музыки, не только онъ со своей «глухою славой». Забывая, что искусство музыканта и послѣ его смерти живетъ въ традиціи, что безсмертныя композиціи надолго переживаютъ нѣ творца, оживляемая къ новому бытію въ новомъ исполненіи, Сальери отуманиваетъ себя нелѣпостями, въ которыя не можетъ вѣрить онъ, образованный музыкантъ:

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣхъ искусство? Нѣтъ
Оно падетъ опять, какъ оупъ везезнетъ;
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.

О, какъ хотѣлъ бы Сальери быть этимъ наслѣдникомъ. Но здѣсь мысль о его творческомъ безеніи охватываетъ его желѣзными тисками—и изъ груди его вырывается взрывъ злобы:

Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ нѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутьвъ безъ рыло е железне
Въ пьесъ, ча да хъ и праха, послѣ улетѣтъ!
Такъ улетѣй же!

На этотъ разъ чудовищная страсть побѣдила его, и въ жертву этой страсти онъ принесетъ высшее, что есть для него на землѣ. Сальери не умираетъ;— умираетъ Моцартъ, но вмѣстѣ со своей жертвой гибнетъ и Сальери. Не конкурента онъ убилъ, не счастливаго соперника, а гения. И конечно, убійство Моцарта не возстановитъ нарушенной гармоніи его существа—и въ этомъ смыслѣ истиннѣ гениально то, что трагедія заканчивается во и р о с о мъ Сальери. Въ вѣчномъ вопро-

САЛЬЕРИ.

МОЦАРТЬ.

МОЦАРТЬ и САЛЬЕРИ ВЪ ГРАВИЮРАХЪ НАЧАЛА XIX вѣка.

(Изъ Цукинской коллекціи П. А. Ефремова).

«Въ, въ безысходномъ недоумѣніи—трагическій исходъ его бореній.

Ужьль онъ правъ,

И я не гениі?

Вопросъ для него, конечно, не въ томъ, гениі онъ или нѣтъ; лучше, чѣмъ кто бы то ни былъ на свѣтѣ, онъ знаетъ цѣну своему маленькому дарованію, чуждому гениальности. Но мучительная сомнѣнія грызутъ его: если гениі и злодѣйство несовмѣстимы, то что-нибудь изъ нихъ нужно, а онъ знаетъ, что гениі нуженъ, нуженъ прежде всего ему самому. Онъ убилъ потому, что «справды нѣтъ и выше», а между тѣмъ самая несовмѣстимость злодѣйства и гениа говорить о какой-го высшей правдѣ. И Сальери задумывается о томъ, убилъ Микель-Анджело или не убилъ,—ибо это чужое убійство должно для него самого оправдать его преступленіе. И онъ чувствуетъ, онъ уже знаетъ, что этого оправданія нѣтъ. Развязка его трагедіи предъ нами: онъ погибъ, какъ настоящій трагическій герой. Физическую развязку скрылъ отъ насъ поэтъ,—но это лишь глубокой художествен-

ный приемъ. Мы можемъ не сомнѣваться въ ней; мы знаемъ, какъ мало Сальери любить жизнь, какъ часто казалась она ему непереносимой раной.

Все меднль я.

Какъ жажда смерти мучила меня—

Что умереть?—я мнилъ: быть можетъ, жизнь

Мнѣ принесеть незашные дары;

Быть можетъ, посвѣтитъ меня восторгъ

И творческая ночь, и вдохновенье;

Быть можетъ, новый Гайдель сотворитъ

Великое — и наслажуся имъ...

Все свершилось: Сальери знаетъ, что внезапныхъ даровъ уже не принесеть ему жестокая жизнь и не придетъ къ нему безумная радость творческой ночи. Явился «новый Гайдель» и сотворилъ великое—и слѣлся воедино съ тѣмъ злѣйшимъ врагомъ. «Завѣтный даръ любви» перешель въ чашу дружбы. И у Сальери есть все для того, чтобы закончить свою жизнь, кромѣ дара Изоры. Онъ найдетъ другой путь въ вѣчность.

А. Горнфельдъ.

САЛЪЕРИ.

Неизданный рисунокъ Трубеля. Принадлежитъ семьѣ П. А. Римскаго-Корсакова.

645. МОЦАРТЪ и САЛЪЕРИ.

СЦЕНА I.

(Комната.)

САЛЪЕРИ.

Всѣ говорятъ: ибѣтъ правды на землѣ.
Но правды ибѣтъ—и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству:

Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Паузы, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Огъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ.

И скученъ первый путь. Преодолютъ
 Я раннія невзгоды. Ремесло
 Поетавилъ я подножіемъ искусству;
 Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
 Придалъ поединую, сухую бѣглость
 И вѣрность уху. Звукъ умертвивъ,
 Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
 Я алгеброй гармонию. Тогда
 Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
 Предаться ивѣ творческой мечты.
 Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
 Не смѣя помышлять еще о славѣ.
 Перѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
 Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
 Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
 Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
 Нылая съ легкимъ дымомъ пачезали!...
 Что говорю? Когда великій Глюкъ
 Явился и открылъ намъ новы тайны
 (Глубокія, пѣвительныя тайны),
 Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
 Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
 И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
 Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
 И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
 Успѣвшимъ, напряженнымъ постоянствомъ
 Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
 Достигнулъ степеней высокой. Слава
 Миѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
 Я щастливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, усѣхамъ, славой; также
 Трудомъ и усѣхами друзей,
 Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
 О, никогда!—нижѣ, когда Пиччини
 Пѣвнѣ умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
 Нижѣ, когда слышалъ въ первый разъ
 Я Пфигени начальны звуки.
 Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
 Песокъ и пылъ грызущею безсильно?
 Никто!... А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
 Завистникъ! Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую.—О небо!
 Едѣжь правота, когда священны даръ,
 Когда безсмертныи гений—не въ награду
 Любви горячей, самоотверженья,
 Трудова, усердія, молений посланъ—
 А озарить голову безумца,
 Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ).

моцартъ.

Ага! увидѣлъ ты! а миѣ хотѣлось
 Тебя нежданной шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь!—Давно ль?

моцартъ.

Сей часъ. Я шелъ къ тебѣ,
 Несъ кое-что тебѣ я показать;
 Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
 Улышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ,
 Сальери!

Сдѣвшие отроду ты ничего
 Не слыхивалъ... Сдѣшней скрипачъ въ трак-
 тирѣ

Разыгрывалъ *voilà che sapete*. Чудо!
 Не вытерпѣвъ, привелъ я скрипача,
 Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
 Войди

(Входитъ старый старикъ со скрипкой).

Нѣтъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ *Домъ-Жуана*; Моцартъ
 голопочетъ).

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

моцартъ.

Ахъ, Сальери!

Уже ль и самъ ты не смѣешься?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,

Миѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
 Миѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
 Миѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
 Народіей безчеститъ Алигьери.
 Пошѣлъ, старикъ.

моцартъ.

Постой же: вотъ тебѣ,

Ней за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ).

Ты, Сальери,

Не въ духѣ нынѣче. Я приду къ тебѣ
 Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты миѣ принесъ?

моцартъ.

Нѣтъ—такъ, бездѣлцу. Намедни ночью
 Безсонница моя меня томилъ,
 И въ голову пришли миѣ дѣвѣ, три мысли
 Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
 Твое миѣ слышать миѣнѣе; но теперь
 Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же миѣ не до тебя? Сидишь;
 Я слушаю.

моцартъ (за фартеніано).

Представь себѣ... кого бы?

Ну, хоть меня—немного помоложе;
 Влюбленнаго—не слишкомъ, а слегка—

САЛЬЕРИ СКРЫВАЕТЪ ИГРАЕТЪ АРІЮ МОЦАРТА.

Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семье Н. А. Римскаго-Корсакова.

Съ красоткой, или съ другомъ—хоть съ
тобой—
Я веселье... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незваный мракъ или что нибудь такое...
Ну, слушай же!

(Играетъ).

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпцаго!—Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотого Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дождалась.

(Уходитъ).

САЛЬЕРИ.

Иду тебя; смотри-жь.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его
Остановить—не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моею глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ нѣсенъ
райскихъ,

Чтобъ, возмутьивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетѣй же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Озмнаждать лѣтъ пому его съ собою—
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Неспокойной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной транзеей,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть и не трусь,
Хотя обиду чувствую глубоко,

Хоть мало жизнь люблю. Все медилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь—
Мнѣ принесетъ незваные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое—и насладуся имъ...

Какъ нировавъ я съ гостемъ ненавист-
нымъ;

Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ падменной грянетъ высоты—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно уполъ!
Теперь—пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА II.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепиано).

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ (за столомъ).

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня насмурень?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь раз-
строень?

Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочинишь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай..
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ и поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего—не знаю,
Всю ночь и думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? На завтра тотъ же
Занелъ и не засталъ опять меня.
На третій день играть и на полу

САЛЬЕРИ СЫЦЛЕТЪ ЯДЪ ВЪ СТАГАНЪ МОЦАРТА.

Исполненный рисунокъ Вурбелъ. Принадлежитъ семье И. А. Рамската-Доршкова.

Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Миѣ Requiem и скрылся. Съѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать—и съ той поры за мною
Не приходилъ мой чернѣйшій человѣкъ;
А я и радъ: миѣ было бѣ жалъ разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЬ.

Миѣ совѣстно признаться въ этомъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЬ.

Миѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой чернѣйшій человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Миѣ кажется, онъ съ нами самтретей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! что за страхъ ребячій?
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ миѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори Шампанскаго бутылку,
Иль перечти Женитьбу «Фигаро».

МОЦАРТЬ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славою. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я щастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшненъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЬ.

Онь же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ лозъ въ стаканъ Моцарта)

Ну, ней же.

МОЦАРТЬ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыповей гармоніи.

(Пьетъ).

САЛЬЕРИ.

Постой,

Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

МОЦАРТЬ *(бросаетъ салфетку на столъ).*

Довольно, сътъ я.

(Идетъ къ фортепіано).

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem. *(Ираетъ).*

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто пожъ цѣлебный миѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти
слезы...

Не замѣчай ихъ. Продолжай, сиѣши
Еще наполнить звуками миѣ душу...

МОЦАРТЬ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бѣ не могъ
И міръ существовать; никто бѣ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному некуству.
Насъ мало избранихъ, щастливцевъ праз-

ныхъ,

Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я пынече нездоровъ,
Миѣ что-то тяжело; пойдю, засну.
Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

(Одинъ).

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ!... Но ужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бомаротти? Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

646. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ ПОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕССОНИЦЫ.

Мнѣ не снится, нѣтъ огня;
 Всюду мракъ и сонъ докучной;
 Ходъ часовъ лишь однозвучной
 Раздается близъ меня.
 Парки бабѣ лепеташе,
 Спящей почи трепеташе,
 Жизни мышья бѣготя—
 Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучной ночью?
 Укоризну, или ропотъ
 Мною утраченного дня?
 Отъ меня чего ты хочешь?
 Ты зовешь, или пророчишь?
 Я понять тебя хочу,
 Темный твой языкъ учу..

647. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я.

[Незакончено].

Въ началѣ жизни школу помню я;
 Тамъ пастъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
 Правная и рѣзвая семья;
 Смиренная, одѣтая убого,
 Но видомъ величавая жена
 Надъ школою надзоръ хранила строго.
 Толпою нашею окружена,
 Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
 Съ младенцами бесѣдуетъ она.
 Ея чела я помню покрывало,
 И очи свѣтлыя, какъ небеса;
 Но я видалъ въ ея бесѣды мало.
 Меня смущала строгая краса
 Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
 И полныя святыхъ словеса.
 Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
 Я про себя превратно толковалъ
 Понятный смыслъ правдивыхъ разгово-
 ровъ.
 И часто я украдкой убѣгалъ
 Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
 Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
 Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
 И праздномыслить было мнѣ отрада.
 Любила я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
 И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
 И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
 Все мраморные циркули и лиры,
 И свитки (?) въ мраморныхъ рукахъ,
 И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—
 Все наводило сладкій нѣкій страхъ
 Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
 При видѣ ихъ рождались на глазахъ.
 Другія два чудесныя творенья
 Влекли меня волшебною красой:
 То были двухъ бѣсовъ изображенья.
 Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой—
 Былъ гнѣвнъ, полонъ гордости ужасной,
 И весь дышалъ онъ силой цеземной.
 Другой жепообразный, сладострастный,
 Сомнительный и живый идеалъ,
 Волшебный демонъ—живый, но пре-
 красный.

648. БЫЛЪ НА СВѢТѢ РЫЦАРЬ БѢДНЫЙ.

[Первая редакція; сохранился только неотдѣланный черновикъ. Сокращенную передѣлку см. въ «Среднихъ изъ Рыцарскихъ временъ»].

Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
 Духомъ смѣлый и прямой,
 Съ виду сумрачный и блѣдный,
 Молчаливый и простой.
 Онъ имѣлъ одно видѣнье,
 Понятное ему
 И глубоко впечатлѣнье
 Въ сердце вѣзалося ему.
 [Разъ] видалъ онъ въ Женеву
 Онъ увидѣлъ [у креста]
 На пути Марію Дѣву,
 Матерь Господа Христа.
 Съ той поры, заснувъ душою,
 Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,

И до гроба ни съ одною
 Молвить слова не хотѣлъ
 И на грудь . . . онъ четки
 Въместо шарфа навязалъ—
 Никогда стальной рѣшетки
 Онъ съ лица не поднималъ.
 Полонъ (дѣтскою?) любовью
 Вѣренъ набожной мечтѣ,
 Ave Mater Dei кровью
 Нашисалъ онъ на щитѣ.
 Проводилъ . . . цѣлыя ночи
 Предъ иконою Пресвятой,
 Устремивъ къ ней [томны] очи,
 Тиха слезы лилъ рѣкой.

Пѣть исалмы Отцу и Сыну
И Святому Духу вѣкъ
Не случилось Паладину—
Быль онь страшный человекъ.
Между [тѣмъ?] какъ Паладины
Мчались
По пустынямъ Палестины,
Пмянуя громко дамъ,
Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онь
И гнала его угроза
(Мусульманъ) . . . станъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онь, будто заключенъ,
Все влюбленный . . . печальный,
Безъ причастья умеръ
Какъ боролся онь съ [кончиной?]
Бѣсъ лукавый подосибль;
Душу (рыцаря) сбирался
Унести онь въ свой предѣлъ:
«Онь-де Богу не молился,
Онь не вѣдалъ и поста,
Онь за Матерью Христа
Непрестойно волочился.»
Но Пречистая сердечно
Заступилась за него,
И пустила въ царство вѣчно
Паладина своего.

649. ГЕРОЙ.

Что есть истина?

другъ

Да, Слава въ прихотяхъ волна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За повизной бѣжать смиренно
Народъ безмысленный привыкъ;
Но памъ ужъ то чело священо
Надъ конемъ вьсхнулъ сей языкъ.
На Тропѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ шой,
Изъ сихъ избранныхъ кто вѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

поэтъ

Все онь, все онь—пришлецъ сей браншій,
Предъ кѣмъ смирился Царь,
Сей ратникъ Вольностью ибичанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

другъ

Когда жъ твой умъ онь поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль какъ съ Альноль онь взираетъ

На дно Итали святой,
Тогда ли какъ хватается знамя
Пль жезлъ диктаторскій, тогда ль,
Какъ водить и кругомъ и идалъ
Войны стремительное пламя
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой вослѣдъ:
Тогда ль какъ рать Героя плещеть
Передъ громадой Пирамидъ,
Пль какъ Москва пустынно блещеть
Его приемля—и молчить?

поэтъ

Пѣть, не у Щастія па лошѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тропѣ,
Не тамъ гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казню покоя,
Осмѣявъ прозвищемъ Героя,
Онь угасаетъ недвижимъ
Плащемъ закрышишь боевымъ;
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй,
Лежить на каждомъ трупъ живой
Клеймешный мощною Чумою,
Царицею Болѣзней. Онь,
Не-бранной смертью окружень,
Нахмурясь ходить межъ одами,
И хладно руку жметъ Чумѣ
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Игралъ предъ сумрачнымъ Педугомъ
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли сѣвной!

другъ

Мечты поэта,

Историкъ строгой гонить васъ!
Увы—его раздала гласъ (*)
И гдѣжъ очарованіе свѣта?

поэтъ

Да будетъ проклятъ Правды свѣтъ,
Когда Посредственности хладной
Завистливой, къ соблазну жадной
Онь угождаетъ праздно!—пѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ миѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь Герою сердце; Чтоже
Онь будетъ безъ него? Тирагъ!

другъ

Утѣшься...

29 Септября 1830 г.
Москва.

*) Mémoires de Bourienne.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

I.

Превозносил Пушкина как художника, его цѣнители отмѣчали перѣдко одну, дѣйствительно, очень характерную черту его творчества—его способность чувствовать себя свободнымъ въ самыхъ различныхъ историческихъ костюмахъ и его умѣнье быть искреннимъ и естественнымъ въ обстановкѣ чужой, не русской.

Что Пушкинъ обладалъ даромъ проникать во всѣ тайники русской души, и современной ему, и той, которая ивѣгда жила въ его предкахъ—это, хотя и удивляло на первыхъ порахъ критику, по мало-по-малу, стало ей казаться вполнѣ естественнымъ. Еще при жизни поэта его поэзія была признана вѣрнымъ художественнымъ отраженіемъ нашей жизни, и, какіе бы недочеты въ его стихахъ ни отыскалъ читатель (а неблагодарный читатель бывалъ иногда очень придирчивъ), онъ могъ спорить противъ темы, избранной поэтомъ, противъ отдѣльныхъ образовъ и словъ, но передъ правдой изображенія, передъ вѣрностью психологической мотивировки, цѣлностью художественнаго образа онъ преклонялся.

Къ этому признацію высоты и красоты національнаго поэта присоединилось скоро удивленіе передъ силой поэта универсальнаго. Эта новая черта пушкинскаго творчества была подмѣчена не сразу, но, по мѣрѣ развитія въ читателѣ эстетическаго чувства, стала все больше и больше выясняться. Уже Бѣлинскій подчеркнул художественную универсальность поэта и подпадалъ иногда искушенію приравнять Пушкина къ самымъ яркимъ мировымъ гениямъ. Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи не только призналъ это равенство, но даже повысилъ цѣнность пушкинской

поэзіи еще нѣсколькими степенями и привѣтствовалъ въ художникѣ «всечеловѣкъ», вмѣстившаго въ себя все, что когда-либо человекъ на землѣ почувствовалъ и передумалъ. Въ какой мѣрѣ Достоевскій былъ правъ, надѣляя Пушкина такимъ титуломъ, объ этомъ можно спорить, но не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что среди русскихъ художниковъ Пушкинъ былъ единственнымъ, который, улетая мечтой за границу своей родины (а ему только въ мечтахъ удалось повидать чужія страны), чувствовалъ себя, какъ художникъ, совсѣмъ свободно на чужой сторонѣ и среди людей, съ которыми онъ въ жизни никогда не встрѣчался.

Еще задолго до Пушкина наши художники слова брали на себя роль посредниковъ между нами и нашими сосѣдями,— роль своего рода истолкователей всемірной исторіи въ ея наиболѣе характерныхъ моментахъ и наиболѣе яркихъ типахъ. Наша широкая публика стараго времени—публика полукультурная или совсѣмъ культурная—въ своемъ образованіи была очень многимъ обязана поэтамъ и романистамъ. Въ ихъ сказкахъ очеркали мы первые свѣдѣнія о томъ, какъ, напр., выглядытъ, съ внѣшней, конечно, стороны, міръ античной древности, міръ варварской фантазіи, столбція монашества и рыцарства, вѣкъ Людовика XIV—годы «бури и нагнуса» и другія знаменательныя эпохи всемірной исторіи. Греки, римляне, итальянцы, испанцы, французы, нѣмцы и англичане—всѣ въ разныхъ костюмахъ различныхъ эпохъ толпились передъ нашими глазами и говорили съ нами русской рѣчью.

Какъ бы мы теперь ни улыбались, читая эти рѣчи, въ которыхъ мы узнаемъ сразу нашихъ добрыхъ соотечественниковъ, переодѣтыхъ и ряженыхъ, мы не должны

забывать, что было время, когда этот литературный маскарад дѣлалъ свое культурное дѣло. Наша поэзія была нашей первой исторической хрестоматіей, первымъ нашимъ учебникомъ исторіи, въ которомъ картинка, хотя и очень незатѣйливая, была вполне на своемъ мѣстѣ.

Такое наглядное ознакомленіе русскаго читателя съ прошлой и настоящей жизнью западной продолжалось за все время процвѣтанія у насъ такъ называемаго «романтизма». Это направленіе, очень туманное по своимъ художественнымъ внутреннимъ тенденціямъ, въ выборѣ сюжетовъ и во вѣщныхъ формахъ ихъ обработки дѣлало откровенныя заимствованія у иностранныхъ образцовъ и тѣмъ самымъ, несомнѣнно, сближало русскаго читателя съ судьбами всего культурнаго міра. До конца сороковыхъ годовъ, когда давно пробивавшійся наружу реализмъ, одержалъ наконецъ, побѣду въ лицѣ Гоголя и молодыхъ силъ «натуральной школы», наши поэты и романисты въ особенноти, продолжали любить такія литературныя экскурсіи въ дальнія страны вплоть до береговъ Ганга и Франскаго плоскогорья.

И Пушкинъ любилъ иногда забывать Россію современную и историческую, и позволялъ себѣ жить среди иныхъ людей и въ иные времена. Но природѣ своей онъ былъ большой реалистъ въ искусствѣ въ томъ смыслѣ, что не отступалъ отъ психологической правды въ изображеніи души человѣка, хотя бы и въ рамкахъ самаго фантастическаго и легендарнаго сюжета. Отъ современныхъ ему художниковъ—и даже самыхъ даровитыхъ,—онъ отличался именно тѣмъ, что умѣлъ воскрешать умершихъ и возстановлять исчезнувшія обстановки—ну, если не со верой полнотой знаній археологическихъ и историческихъ, то съ полнотой знанія человеческого сердца; и во всѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло съ такими отжившими или никогда не жившими людьми, мы не найдемъ никакихъ невозможностей, натяжекъ, не найдемъ рѣзкихъ анахронизмовъ или попытокъ навязать старинѣ свою собственную пелуху. Передъ нами стоятъ живые люди и свидѣлствуютъ о томъ, какъ и вѣкъ, они жили, мыслили и волновались.

Было бы очень интересно подробно провѣрить въ какой степени нашъ художникъ былъ силенъ въ такихъ перевожденіяхъ, и эта работа еще ждетъ своего исполнителя. Пока можно сказать только, не боясь впасть

въ преувеличеніе, что никому изъ нашихъ художниковъ не открывалась такъ тайна самыхъ противорѣчивыхъ психическихъ состояній души человѣческой, какъ Пушкину. Неподдѣльной древности вѣсть на насъ отъ его антологическихъ стихотвореній въ античномъ стилѣ; глубокое и истинное христіанское настроеніе можемъ мы уловить въ нѣкоторыхъ его стихахъ, какъ, напр., въ «Галубѣ»; облики настоящихъ рыцарей встаютъ передъ нами въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», и рядомъ съ этимъ мы можемъ уловить духъ эпохи Возрожденія въ его «Ширѣ во время чумы» и въ «Каменномъ Гостѣ». Стоитъ ли говорить о томъ, какъ вѣрно онъ схватывалъ современныя ему настроенія, столь пышно развернувшіяся на Западѣ въ памятникахъ такъ называемой сентиментальной и романтической литературы?

Повинуясь во всѣхъ этихъ стихахъ своему вдохновенію и служебнымъ, поэту, несомнѣнно, исполняя и свою культурную миссію: онъ расширялъ историческій кругозоръ своихъ читателей, и можно только пожалѣть, что онъ это дѣлалъ такъ рѣдко. Дѣйствительно, Пушкинъ рѣдко разрывалъ себѣ такія отступленія отъ обычныхъ ему мотивовъ лачныхъ или темъ изъ жизни русской въ ея прошломъ и настоящемъ. И лучшее, что имъ было создано въ этой области исторической художественной интуиціи хранилось долго въ его бумагахъ и увидало свѣтъ только послѣ его смерти.

Къ числу самыхъ яркихъ примѣровъ такой универсальности въ творчествѣ Пушкина относится и «Каменный Гость», произведеніе большой цѣны—какъ образецъ силы русскаго драматическаго таланта—и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ удачнѣйшихъ вариаций общераспространенной на Западѣ литературной темы.

Когда «Каменный Гость» появился въ печати, Бѣлинскій встрѣтилъ его двоякимъ восторгомъ. Объ этой первой оцѣнкѣ надо вспомнить, такъ какъ она, отдавая должное таланту русскаго писателя, угадала и международное значеніе его произведенія. Богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ поэтическомъ вѣщикѣ Пушкина называлъ Бѣлинскій «Каменнаго Гостя» *). «Какая дивная гармонія между идеей и формой!—восклидалъ критикъ. Какой стихъ,

*) Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII, Сочиненія Александра Пушкина, гл. XI.

прозрачный, мягкій и уругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная! Какая антично благородная простота стиля! Какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ почъ лимономъ и лавромъ пахнетъ! Такая тема не можетъ пользоваться популярностью. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для не понимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ».

«Герой ея—лицо мнѳическое, испанскій Фаустъ»... и критикъ начинаетъ доискиваться философскаго смысла въ появленіи на землѣ такого характера, какъ Донъ-Жуанъ. «Каждый человекъ,—говоритъ онъ,—чтобы жить не одной физической жизнью, но и нравственной имѣетъ, долженъ имѣть въ жизни какой-нибудь интересъ, что-нибудь въ родѣ постоянной склонности, влеченія къ чему-нибудь. Иначе жизнь его будетъ неполна или пуста. Въ людяхъ высшей природы этотъ интересъ, эта склонность, это влеченіе проявляются какъ могущественная страсть, составляющая ихъ силу. Одинъ находитъ свою страсть, паюсъ своей жизни, въ наукѣ, другой—въ искусствѣ, третій—въ гражданской дѣятельности и т. д. Донъ-Жуанъ посвятилъ свою жизнь наслажденію любовью, не отдаваясь, однакожь, ни одной женщинѣ исключительно. Это путь ложный, и оскорбленіе пестинно нравственной идеи всегда влечетъ за собою наказаніе, разумется, нравственное же». Изъ упоминанія о Фаустѣ и изъ всѣхъ этихъ словъ Бѣлинскаго ясно, что онъ оцѣнивалъ «Каменнаго Гостя», какъ философскую поэму, рѣшающую нравственный вопросъ. И критикъ былъ правъ, такъ какъ Донъ-Жуанъ традиціонной легенды, несомнѣнно, яркій выразитель и проводникъ въ жизнь опредѣленнаго нравственнаго міропониманія, а «Каменный Гость», несомнѣнно, произведеніе міровое, дающее новую вариацию одного не умирающаго въ жизни человѣческаго мотива.

Дважды русскій художникъ брался за разработку этого общечеловѣческаго мотива, и дважды онъ создалъ нѣчто равное тѣмъ образцамъ, которые раньше него были уже признаны какъ художественныя рѣшенія данной задачи. Сначала Пушкинъ заинтересовался этимъ сюжетомъ, а потомъ имъ увлекся Алексѣй Толстой. Пушкинъ

обмануль насъ, заставляя думать, что передъ нами настоящій испанецъ, и дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ; Алексѣю Толстому этого не удалось сдѣлать, и, читая его поэму, мы не могли забыть самого автора, который очень субъективно рѣшалъ запуганную философскую проблему, и все намъ казалось, что дѣйствіе происходитъ въ его кабинетѣ, а не въ Испаніи.

II.

На вопросъ, какія думы или чувства, или житейскія обстоятельства заставили Пушкина остановить свой выборъ на старинной легендѣ объ испанскомъ соблазнительѣ, мы, конечно, никогда точнаго отвѣта не получимъ. Выборъ сюжета бываетъ часто очень капризенъ и обусловленъ такими случайностями, въ которыхъ самъ поэтъ иногда отдать себѣ отчета не можетъ. Все, что въ данномъ случаѣ можетъ разрѣшить себѣ историкъ—это только предположенія и самыя общія догадки.

По поводу «Каменнаго Гостя» такихъ догадокъ было высказано нѣсколько. Указывалось на то, что Пушкинъ имѣлъ случай видѣть представленіе оперы Моцарта на сценѣ и не могъ забыть вынесеннаго изъ театра впечатлѣнія. Оно будто бы потребовало отъ него самостоятельнаго и достойнаго Моцарта отвѣта. Указывалось, кромѣ того, что Пушкинъ въ домѣ Карамзинныхъ встрѣчался съ извѣстнымъ восторженнымъ поклонникомъ Моцарта—Улыбышевнымъ и что отзвуки бесѣды съ этимъ тонкимъ знатокомъ музыки, могутъ быть уловлены и въ «Каменномъ Гостѣ», и въ «Моцартѣ и Сальери». Легко возможно, что эти случайныя встрѣчи и случайныя впечатлѣнія дали толчокъ фантазій поэта, но увлеченіе Пушкина своей темой едва ли можетъ быть объяснено только ими. Въ данномъ случаѣ родникъ вдохновенія поэта надо искать не въ одиѣхъ только случайностяхъ, а въ чемъ-нибудь болѣе постоянномъ. И было высказано мнѣніе, что «Каменный Гость» въ извѣстномъ смыслѣ личное признаніе поэта. Любовь, которой Пушкинъ въ своей жизни приносилъ столько жертвъ, ныла въ его сердцѣ всего ярче какъ разъ въ то время, когда онъ работалъ надъ этими драматическими сценами. Онъ былъ женихомъ своей невѣсты, и рѣчи, которыя Донъ-Жуанъ говоритъ Доннѣ-Аннѣ, относились не къ ней, а къ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. У Пушкина личное же-

ланіе покаяться въ прежнихъ грѣхахъ и увѣрить самого себя въ томъ, что старая любовь не можетъ идти въ сравненіе съ новой; поэтъ хотѣлъ предостеречь самого себя и уберечь свою новую любовь отъ тѣхъ искушеній легкомыслія, какимъ такъ охотно поддавали всѣ его старыя страсти; поэтъ грозилъ самому себѣ той участью, какая постигла вѣтренаго любовника, порхающаго отъ одной любви къ другой, какъ, несомнѣнно, порхалъ въ былые годы онъ самъ. Переживаемый острый моментъ любовнаго увлеченія и страхъ за себя и за любимую женщину, сознаніе своей грѣховности передъ лицомъ «чистаго ангела»—всѣ эти обычныя мысли и чувства жениха оказались въ данномъ случаѣ прямое вліяніе на полетъ его творческой фантазіи *).

Эти параллели между творчествомъ и жизнью поэта весьма правдоподобны, и легко можетъ быть, что даже оригиналами для Лепорелло, Пнезы и Лауры служили живыя лица, добрые знакомые Пушкина, какъ это подробно П. Щегловъ доказываетъ. Съ нимъ рѣшительно нельзя согласиться только въ одномъ—въ предположеніи, что въ трагической смерти Донъ-Жуана поэтъ какъ бы предугадывалъ свою собственную судьбу. Пушкинъ едва ли «сознавалъ про себя, что, беря въ жены женщину свѣтскую, избалованную, вдобавокъ рѣдкую красавицу, онъ ставитъ на карту свою будущность, какъ поэтъ». Едва ли «спрогнозированіе поэта на ухо подсказывало ему, что эта женитба какъ бы послѣдній ширъ его жизни, и «каменный гость»—смерть, можетъ быть, уже недалеко отъ его житейскаго порога»... Не могъ поэтъ думать о такомъ «трагическомъ» исходѣ своего счастья, когда былъ такъ упоенъ имъ,—но если бы даже онъ и думалъ, то, конечно, не въ образѣ беззаботнаго Донъ-Жуана рисовался бы ему его собственный образъ.

Предположить, однако, что наканунѣ отреченія отъ грѣховъ юности онъ могъ задуматься надъ тѣмъ, какъ легко пропустить истинную любовь, какъ легко погибнуть, иди старой дорогой, вмѣсто того, чтобы быть счастливымъ въ обладаніи свѣтымъ и чистымъ сердцемъ,—это возможно.

Не будемъ дальше настаивать на всѣхъ этихъ предположеніяхъ и догадкахъ. И случайныя обстоятельства, и мимолетныя вне-

чатлвннѣя, и неизбѣжный самоанализъ любовью вскинуваемаго сердца имѣли, безспорно, свою долю участія въ созданіи «Каменнаго Гостя».

Но «Каменный Гость» все-таки, прежде всего, произведеніе міровое, и, какъ мы сказали, одна изъ самыхъ удачныхъ и блестящихъ варіацій общеввропейской темы...

III.

Мы ничего не знаемъ о томъ, насколько подробно Пушкинъ былъ знакомъ съ литературной исторіей легенды, которая ему вдругъ такъ понравилась. Нѣтъ никакихъ указаній на какую-либо «работу» или подготовку поэта; какими «матерьялами» онъ располагалъ, когда брался продолжать дѣло, начатое другими, мы не знаемъ. Какъ его «Сцена изъ Фауста», такъ и «Каменный Гость» родились какъ будто сразу изъ его творческой головы, не отягченной никакими справками. Развѣ только комедія Мольера «Le festin de pierre» хранилась со школьныхъ лѣтъ въ памяти поэта...

Итакъ, можно предположить, что Пушкинъ и не догадывался, съ какими предшественниками онъ вступалъ въ состязаніе. А ихъ было очень много, начиная съ XVII вѣка, когда впервые Донъ-Жуанъ, герой устнаго преданья, появился на подмосткахъ.

Многочисленные литературныя обработки этой старой легенды могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, сообразно съ той нравственной и идейной оцѣнкой, какой придерживался писатель въ своемъ судѣ надъ главнымъ героемъ.

По одному толкованію, Донъ-Жуанъ былъ простой грѣшникъ, искатель любовныхъ приключеній, человекъ подъ властью исключительной чувственности, развратный, безпринципный, безбожный и поему достойный самой тяжелой кары—вѣчныхъ адскихъ мученій. Такимъ является этотъ типъ въ первоначальныхъ редакціяхъ легенды, и кажется, что въ ея основѣ лежалъ историческій фактъ, пѣвкогда возмущившій нравственное чувство человека. Въ половинѣ XIV вѣка среди близкихъ людей одного испанскаго короля находился, дѣйствительно, какой-то Донъ-Жуанъ, соблазнитель женскихъ сердецъ, полатившійся жизнью за свою безбожную дерзость и за беззащитное облободеніе съ дамами. Въ одномъ монастырѣ онъ

* Иванъ Щегловъ, «Новое о Пушкинѣ», Сиб. 1902. «Нескромныя догадки», стр. 132—147.

былъ убитъ монахами, которые затѣмъ распустили слухъ, что безбожникъ былъ самими чертями унесенъ въ преисподнюю. Легенда, которая быстро спелась вокругъ имени Донъ-Жуана, имѣла, такимъ образомъ, первоначально, несомнѣнно, назидательную тенденцію и должна была предостерегать людей отъ излишней пылкости ихъ темперамента. Пощаивъ на подмосткѣ, легенда усложнилась разными эпизодами, и основная моральная тенденція ея начала постепенно украшаться бытовыми деталями, сценами изъ жизни тѣхъ слоевъ общества и тѣхъ національностей, которые ею заинтересовывались. Разные типы женщинъ—отъ брестяпоубъ до королевскихъ дочерей—приняли участие въ ея дѣйствіи; появился въ ней очень рано и божескій типъ служы-арлекина или простака-шута, всему міру извѣстный подъ именемъ Лепорелло. Главный интересъ былъ, конечно, сосредоточенъ на Донъ-Жуанѣ, пока въ XIX вѣкѣ онъ, этотъ интересъ, не былъ подѣленъ между героемъ и его послѣдней жертвой—женщиной съ особенно сильной душой, полной самопожертванія и святой любви,—женщиной, похожей на добраго ангела, посланнаго съ небесъ для спасенія грѣшнаго, развратнаго сердца.

Такая чисто-моральная тенденція легла въ основаніе всѣхъ первыхъ обработокъ этого сюжета, начиная съ XVII вѣка^{*)}. Въ драмѣ испанца Тирсо де Молина «El Burlador de Sevilla» (1630), съ которой надо вести исторію типа Донъ-Жуана на сценѣ, мораль подчеркнута очень рѣзко: каменный бомадоръ не позволяетъ закончившему грѣшнику, обманщику и соблазнителю даже покаяться и проваливается съ нимъ въ преисподнюю. Тонкихъ психологическихъ чертъ въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ, и вся драма, довольно грубо напи-

санная, сплошь назидательная картина. Такой дидактической характеръ сохраняетъ этотъ сюжетъ и въ итальянскихъ обработкахъ XVIII вѣка, довольно многочисленныхъ и извѣстныхъ большой успѣхъ у публики. Новымъ въ этихъ передѣлкахъ является лишь вторженіе комическаго элемента; но этотъ комизмъ, нарушающій цѣльность назидательной картины, уравнивается тѣмъ, что преступность самого Донъ-Жуана отягощается новой чертой—его непочтительнымъ отношеніемъ въ Богу—поверхностнымъ, по держимъ атеизмомъ.

Во французскихъ передѣлкахъ сюжета, очень многочисленныхъ, повторяются все тѣ же обвиненія противъ главнаго героя, и, за кое-какими измѣненіями въ отдѣльных сценахъ и драматическихъ положеніяхъ, ходъ развитія дѣйствія и его разрѣшеніе при помощи божьяго суда остается неизмѣненнымъ. Французскій художникъ начинаетъ только подчеркивать съ особой силой дерзкое отношеніе героя къ божеству. Донъ-Жуаны-итальянцы хотя и богохульничаютъ, но ихъ богохульство скорѣе вишняя бравада, чѣмъ выраженіе послѣдовательной атеистической мысли. Французы идутъ значительно дальше, и сами художники заинтересованы не столько развратнымъ соблазнителемъ, типомъ для нихъ очень ординарнымъ, сколько богохульникомъ, который смѣется надъ сверхъестественной силой и именно этимъ готовитъ себѣ вѣчную погибель. Въ знаменитой пьесѣ Мольера «Le festin de pierre» (1665) мы имѣемъ самый законченный и цѣльный типъ такого безбожника, атеиста и, въ придачу, губителя женскихъ сердець. Какъ соблазнитель, онъ мало чѣмъ отличается отъ традиціоннаго типа, если не считать, что онъ чловѣкъ утонченнаго обхожденія и дворянинъ до мозга костей, какимъ его съ особеннымъ стараніемъ желалъ обрисовать художникъ. Но самая характерная черта этой натуры—черта, пока еще не особенно ярко отгнѣщенная,—это—его почти-что сатанинская гордыня. Атеистъ послѣдовательный и дерзкій, онъ себя противопоставляетъ Богу и подчиняетъ все нравственные вопросы своему свободному сужденію, которое не признаетъ никакого долга и никакихъ обязательствъ, не имъ установленныхъ. Донъ-Жуанъ Мольера—это своего рода сверхчловѣкъ первоначальной формации. Мольеръ, несомнѣнно, углубилъ типъ Донъ-Жуана; но и въ его тол-

*) Исторія типа Донъ-Жуана детально разработана на Западѣ. Въ русской литературѣ имѣется точный пересказъ содержанія и взаимной связи различныхъ передѣлокъ легенды въ статьѣ Е. Г. Брауна «Литературная исторія типа Донъ-Жуана. Спб. 1889 (напечатано въ журналѣ «Научно-литературны»). Кромѣ того, извѣстна статья Алексѣя Веселовскаго, «Легенда о Донъ-Жуанѣ» («Этюды и Характеристики М. 1907»). Недавно (въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1907 г. за октябрь и ноябрь) была напечатана интересная статья Маргариты Саломонъ о «Донъ-Жуанѣ» графа Алексѣя Толстого. Въ статьѣ данъ содержательный и кратчайшій очеркъ всѣхъ главнѣйшихъ литературныхъ обработокъ легенды вплоть до драматической пьесы Толстого.

кованіи этотъ типъ оставался вѣрнѣ традиціонному оригиналу беззаботнаго, веселаго прожигателя жизни: трагизмъ былъ пока еще только въ развязкѣ жизни героя, а не въ его душѣ, которая нецѣлѣбно ликовала и торжествовала.

Къ числу веселыхъ Донъ-Жуановъ надо отнести и тѣхъ, которые стали появляться въ XVIII вѣкѣ. Изъ ихъ среды вышелъ тотъ знаменитый Донъ-Жуанъ, который покорилъ весь міръ своимъ пѣніемъ.

Восторженные поклонники оперы Моцарта много потратили остроумія на истолкованіе характера этого обворожительнаго соблазнителя. Его обликъ, какъ онъ былъ данъ аббатомъ Да-Понте, который писалъ для Моцарта либретто оперы (1787), ничѣмъ не отличается отъ облика всѣхъ предшествующихъ ему веселыхъ Донъ-Жуановъ; но либретто и музыка, взятая вмѣстѣ, нѣсколько видоизмѣняютъ этотъ образъ и изъ простаго жизнерадостнаго ухаживателя создаютъ фигуру съ нѣкоторымъ трагическимъ отблескомъ. Это отбѣили еще Улыбышевъ въ своей извѣстной біографіи Моцарта; но трагическое въ этой драмѣ онъ видѣлъ лишь въ самой развязкѣ, въ ужасѣ казни преступника, въ пробужденіи мертвеца и въ грозной небесной карѣ, которую на голову преступника призываетъ оскорбленное и страдающее женское сердце. Музыка Моцарта должна въ ея патетическихъ и трагическихъ частяхъ напомнить намъ о глубокомъ нравственномъ смыслѣ нашей жизни, которая взыщетъ со всякаго, кто относится къ ней легкомысленно и кто думаетъ, что она дана ему для наслажденія. Эта серьезная сторона драмы, несомнѣнно, выдвинута въ музыкѣ Моцарта, какъ отбѣиена и возвышенная скорбь Донны-Анны — глубокая трагическая скорбь не объ убитомъ отцѣ только, но и объ его убійцѣ. Но самъ Донъ-Жуанъ Моцарта — кто онъ? Можно ли въ немъ подмѣтить какую-нибудь трагичную черту характера? По толкованію Улыбышева, съ которымъ надо согласиться, такого трагизма нѣтъ. Донъ-Жуанъ, несомнѣнно, изъ семьи титановъ; но эта семья очень многочисленная и соединяетъ очень рѣзкія разновидности. Бываютъ, какъ Прометей, титаны дѣйствующей духовной силы, бываютъ, какъ Фаустъ, титаны философскаго мышленія, но есть и титаны чувственности, олицетворенія чувствѣннаго sensualism'a. Всѣ они возстаютъ противъ Богомъ установленнаго порядка и должны

гибнуть въ этой борьбѣ. Для однихъ такой титанизмъ — источникъ большой скорби духовной; но настоящій «титанъ плоти», какъ Донъ-Жуанъ, можетъ опасаться только лишь одного наказанія свыше; пока онъ живъ и дѣйствуетъ, онъ наслаждается. Донъ-Жуанъ такого типа презираетъ людей настолько, чтобы не нуждаться въ ихъ поклоненіи. Единственно существенное въ мірѣ для него — женщина и то наслажденіе, которое она можетъ ему дать. Вся идея и сущность жизни сливаются для него съ этимъ наслажденіемъ, — и женщины для него, и солнце, и зелень, и ароматы, и музыка. Понятно, что онъ готовъ принять на себя удары всѣхъ людей и вызвать на бой кого и что угодно, если награда за это состояніе дана въ такомъ наслажденіи. И Донъ-Жуанъ, какъ его создалъ Да-Понте и Моцартъ, вѣрнѣ этой несложной житейской философіи до послѣдняго момента. Передъ страшной статуей блѣднѣетъ его тѣло, но отнюдь не его душа; онъ знаетъ, что она навѣки погибла, но о мщности онъ проситъ не стареть. Отказъ отъ покаянія — это высшее торжество его гордыни *).

Если эта характеристика вѣрна, то Донъ-Жуана Моцарта придется также причислить къ жизнерадостнымъ.

Такіе не перевелись и въ XIX вѣкѣ. Остававшись лишь на тѣхъ передѣлкахъ сюжета, которыя по времени подходятъ къ драмѣ Пушкина, нужно было бы указать прежде всего на «Донъ-Жуана» (1816) Байрона; но, какъ извѣстно, поэма Байрона не окончена, и содержаніе ея не имѣетъ ничего общаго съ традиціонной легендой, кромѣ одного лишь имени героя. Несомнѣнно, однако, что, создавая этотъ типъ граціознаго влюбливаго мальчика и слѣдя за всѣми его похождениями, Байронъ думалъ о жизнерадостныхъ его предкахъ и, пронизывая надъ всѣми серьезными вопросами нашей жизни, хотѣлъ какъ будто сказать, что одна любовь, и притомъ самая беззаботная и свободная отъ всякихъ идейныхъ осложненій, имѣетъ единственно прочную цѣнность въ нашемъ мірѣ призраковъ и обмановъ. Но Байронъ упростилъ свою задачу, совсѣмъ не касаясь вопроса о нравственномъ возмездіи.

Не коснулся его и нѣмецкій запоздавшій своимъ рожденіемъ бурный гений Граббе,

*) A. Ulibischeff. Mozart's Leben und Werke (neu bearbeitet von Ganter). Stuttgart, 1859, III, 234, 339.

когда писалъ своего «Донъ-Жуана и Фауста» (1829). Онъ также совсѣмъ перенялъ сюжетъ и далъ въ соперники Донъ-Жуану не болѣе, не менѣе, какъ самого Фауста, влюбленнаго въ Донну-Анну. Никакихъ идеаловъ, кромѣ погони за наслажденіемъ, онъ Донъ-Жуану не оставилъ, аттестовалъ его какъ большого кутулу и авантюриста, но почему-то представилъ его легитимистомъ и восторженнымъ патриотомъ. Типъ вышелъ недодбланнымъ, нецѣльнымъ, но опять-таки жизнерадостнымъ и беззаботнымъ.

Всѣ только что поименованные герои въ какихъ бы обстановкахъ они ни дѣйствовали и какъ бы ни отклонялись въ своей жизни отъ традиціоннаго легендарнаго разсказа, все-таки люди съ единымъ міросозерцаніемъ. Жизнь для нихъ—арена, на которой они проявляютъ свою эгоистическую жизнеспособность и жизнерадостность, проявляютъ стойко, неуклобно, не останавливаясь ни передъ людскимъ авторитетомъ, ни передъ авторитетомъ божескимъ, и до самой послѣдней минуты жизни стоять на своемъ. Оградиться отъ нихъ жизнь можетъ только, предавъ ихъ суду и казни.

Такимъ гедонистическимъ міросозерцаніемъ типъ Донъ-Жуана, конечно, не исчерпывается. Если распутная жизнь и, въ особенности, конецъ этой жизни могли служить предлогомъ для назидательной проповѣди моралиста, то такая проповѣдь получила бы особенную силу убѣдительности, если бы наказаніе грѣшнику пришло не извнѣ, а изнутри. Наказаніе грѣшника свидѣтельствуетъ о Божьей силѣ, покаяніе—о Божьей благодати. Легенда не могла пройти мимо такой само собою напрашивавшейся вариации сюжета. И, дѣйствительно, рядомъ съ Донъ-Жуаномъ, безпечнымъ, жизнерадостнымъ и сатанински гордымъ мы встрѣчаемъ другого Донъ-Жуана, который, нагрѣшивъ вдвоѣ, начинаетъ помышлять о покаяніи и, въ концѣ концовъ превращается въ кающагося грѣшника, достигающаго въ своемъ покаяніи рвеніи иногда высокой степени святости.

Психическій міръ такого покаяннаго сластолюбца, эгоиста и безбожника сложилъ и глубже, чѣмъ психика нераскаяннаго грѣшника, и этимъ, вѣроятно, нужно объяснить тотъ фактъ, что эта новая вариация легенды не нашла себѣ столько же излагателей и истолкователей, какъ вариация первоначальная. Новая тема была уже потому

труднѣе, что глубокий смыслъ ея заключался во внутреннемъ переломѣ души человѣческой, въ изображеніи тайны перевосхожденія человѣческаго сердца и пересозданія помысловъ. Художникъ чувствовалъ себя обязаннымъ кромѣ того истолковать наглядно возможность перехода любви плотской въ любовь духовную, любви къ женщинѣ въ любовь къ Богу; обманутая жертва Донъ-Жуана должна была превратиться въ его спасительницу, и оскорбленная женская любовь стать предлогомъ для просвѣтленія и духовнаго возрожденія развратнаго мужского сердца. Несложный основной мотивъ первоначальной легенды заутрачивался.

Изъ литературныхъ обработокъ легенды въ этой новой версіи наибольшая художественная цѣнность остается за повѣстью Проспера Мериме „Les âmes du purgatoire“ (1834) и за драмою Дюма „Don-Juan de Marana“ (1836). Въ обѣихъ передѣлкахъ чудесное вторгается въ жизнь героя чаще и сильнѣе, чѣмъ оно вторгалось раньше; это вполнѣ естественно, такъ какъ самый смыслъ разсказа заключенъ именно въ наглядномъ изображеніи чуда. Развратный, циничный эгоистъ молитвами своихъ предковъ, а также молитвою обиженной имъ женщины возвращается на путь истинный, съ котораго онъ уже больше не сходитъ. Онъ чисто-сердечно вымаливаетъ себѣ у Бога прощеніе и—прежде гордый и тщеславный—теперь добровольно подвергаетъ себя самымъ страшнымъ униженіямъ и всѣмъ строгостямъ монашеской жизни. Онъ по землѣ прошелъ, какъ тлѣтворное дуновение порока, чтобы передъ смертью отъ жизни его повѣяло святостью.

И жизни нѣтъ основанія его опасаться, какъ она боялась его раньше, когда изывала къ божьему суду и просила для него казни. Теперь она простила его и съ любовью проводила до его могилы въ монастырской оградѣ. Такимъ образомъ, покаяншійся грѣшникъ прожилъ на землѣ дѣл жизни. Жизнерадостенъ и веселъ былъ онъ вначалѣ, когда развратничалъ и богохульничалъ, и приближенъ, смиренъ и грустенъ былъ онъ, когда созналъ всю свою грѣхность, и только въ самую минуту смерти къ нему вернулась радость, но уже не радость о жизни, а радость о Господѣ.

Казалось бы, что этимъ примиреннымъ финаломъ окончательно исчерпывалось все духовное содержаніе типа Донъ-Жуана, если этотъ типъ оставался себѣ вѣренъ, т.-е. если

смысломъ своей жизни онъ продолжать ставить погоню за наслажденіемъ.

Но гений художника измыслилъ и еще одинъ способъ рѣшенія этой нравственной проблемы. Оставляя за Донъ-Жуаномъ всю его грѣховность и не требуя отъ него покаянія, можно было иначе понять и оцѣнить ту внутреннюю силу, которая толкала его на преступленія. Не одна лишь разнузданная чувственность могла быть признана источникомъ этой силы, не знающей никакой узды. Что если эту погоню за наслажденіемъ поить не узко, а широко, какъ обнаруженіе своего рода тоски по идеалу, по любви, которая должна наполнить жизнь глубокимъ и святымъ содержаніемъ? Суетность, прозаичность, мелочность жизни могутъ истомить душу, возвышенно настроенную; она можетъ, за отсутствіемъ яснаго идеала, все-таки болѣзненно ощущать его недостатокъ въ окружающемъ; она можетъ желать для себя великаго напряженія чувствъ, великаго пафоса; она можетъ хотѣть пылать и горѣть, бороться и вѣствовать. На любовь, на это чувство, которое обновляетъ весь міръ, которое даетъ самое интенсивное ощущеніе счастья, которымъ живеть и движется вся космическая жизнь, на этотъ экстазъ чувствъ и воли можетъ восторженная душа возложить всѣ свои надежды. Она должна тогда, жертвуя всѣмъ и всѣмъ, броситься въ погоню за этимъ чувствомъ на землѣ, искать его неустанно, терпя въ своихъ поискахъ ежедневныя разочаранія. Пробудить такое чувство можетъ одна лишь женщина, и надо найти такую женщину, любовь къ которой могла бы вмѣстѣ въ себѣ любовь ко всему міру и къ Богу,—женщину, которая затмила бы въ глазахъ энтузіаста всю вселенную, и, любя которую, онъ чувствовалъ бы себя самымъ сильнымъ въ мірѣ, самымъ возвышенно настроеннымъ, самымъ близкимъ къ божеству, въ обладаніи мірового пафоса и въ обладаніи самого реального блаженства...

Возможно, что такой энтузіастъ, разыскивая по свѣту такую женщину-невидимку, въ любви которой таятся разгадка всего высшаго смысла жизни, погубить на этихъ розыскахъ немало дофривныхъ сердець. Онъ погубить ихъ потому, что онъ не можетъ не погубить ихъ, такъ какъ долженъ же онъ удостовериться, что не въ ихъ любви заключено то сокровище, которое онъ ищетъ.

Въ первой половинѣ XIX-го вѣка, въ эпоху торжествующихъ романтическихъ

вѣяній, такое неясное, но красивое истолкованіе души Донъ-Жуана было въ модѣ, и многіе изъ большихъ художниковъ заинтересовались разрѣшеніемъ трудной психологической задачи именно въ этомъ направленіи. Донъ-Жуанъ, какъ искатель идеала на землѣ, паноминать имъ другого великаго искателя—Фауста.

Въ одной старой статьѣ, написанной въ тѣ романтическіе годы (1841), мы находимъ очень умѣло проведенную параллель между этими двумя міровыми типами, которые теперь сближаются. «Легенда о Фаустѣ принадлежитъ сферѣ мысли, легенда о Донъ-Жуанѣ—сферѣ чувствъ, говоритъ критикъ^{*)}. Ихъ роднитъ то, что грѣховность человѣческой природы въ обоихъ вызываетъ трагическую гибель героя; но въ то же время особое различіе ихъ заключается въ томъ, что Фаустъ впадаетъ въ грѣхъ мысли, а Донъ-Жуанъ—въ грѣхъ плоти. Духовная надменность, желавшая все познать, усвоить послѣднія причины явленій, тайну міроздавнія соблазняетъ столь же могущественно, сколь и безграничное расплываніе въ бреду чувствъ; тутъ, какъ и тамъ, удовлетвореніе только новышаетъ желаніе. Темныя силы природы, не дающія совлечь съ себя свой покровъ, противятся испытующему уму и смѣются надъ его логической силой; отравляющее дыханіе совѣтъ неодухотворенной чувственности несетъ смерть мечтѣ, украшающей жизнь и дающей счастье жизни. Фаустъ противится допустить то, что долженъ допустить, а именно, что его духовной силѣ, покуда она заключена въ земную оболочку, присущи необходимыя узды; Донъ-Жуанъ не признаетъ, что духъ есть и что независимое отъ первовъ; оба разными путями становятся грѣшниками, въ концѣ концовъ, принимая или отталкивая предлагаемое имъ спасеніе. Фаустъ отъ гибели спасается дѣломъ—непрестанной, вседневно продолжающейся дѣятельностью; Донъ-Жуанъ глумится надъ убѣжденіемъ духа, который велитъ ему покаяться и признать, что было кощунственнымъ бредомъ отрицать присутствіе въ его груди чего-то безсмертнаго. Поэтому Фаустъ, въ концѣ концовъ, спасенъ, а Донъ-Жуанъ гибнетъ. Покаяніе было бы для него тѣмъ, чѣмъ для Фауста было дѣло. Обѣ эти крайности грѣха—грѣхъ Донъ-Жуана и грѣхъ Фа-

^{*)} I. Scheible. Das Kloster. Stuttgart 1846, III. Dr. Kahlert «Die Sage vom Don Juan» 689—693. Переводъ М. Саломонъ.

уста—должны быть разъяснены съ точки зрѣнія двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и соотвѣтствуютъ различному воззрѣнію на грѣхъ вообще, какъ оно сложилось въ протестантской и католической церкви. Фаустъ—протестантскій, Донъ-Жуанъ—католическій грѣшникъ. Тотъ сомнѣніемъ лишилъ себя, наконецъ, вѣры, а потому и знанію; этотъ отреченіемъ отъ напряженія высшихъ душевныхъ силъ также утратилъ и то и другое. Оба ловили призракъ, блуждающій огонекъ, приводящій ихъ къ гибели»...

Въ этой оцѣнкѣ двухъ титаническихъ натуръ слишкомъ подчеркнута ихъ грѣховность. Отрицать таковую, конечно, нельзя, но къ ней можно отнести съ большимъ снисхожденіемъ въ виду той конечной цѣли, какую себѣ эти два искателя ставятъ: одинъ желаетъ въ умѣ своемъ вмѣстить всю вселенную; другой дочетъ охватить ее своимъ сердцемъ и, любя, разгадать ея великую тайну. Любовь Донъ-Жуана, несомнѣнно, страшно эгоистична и индивидуалистична и для самого героя источникъ личнаго наслажденія; но и для этой ея односторонности можно, при желаніи, подыскать смягчающее истолкованіе.

Среди тѣхъ блестящихъ отступленій, какія себѣ позволялъ иногда въ своихъ разсказахъ Стендаль-Бейль, есть одна очень остроумная замѣтка объ историческомъ значеніи типа Донъ-Жуана въ XVII вѣкѣ *). Бейль говоритъ, что этотъ типъ могъ вызвать осужденіе и могъ быть заклеименъ, какъ сатанискій типъ, только со времени торжества христіанскаго ученія, которое не дѣлало разницы между душой Цезаря и душой любого раба и гладиатора. Типъ Донъ-Жуана, который несколько не удивилъ бы Аристотеля, Полибія и Августа, долженъ былъ вырасти до типа отчаяннаго грѣшника послѣ реформы Лютера, такъ какъ еще при Львѣ X онъ могъ казаться обиденнымъ. Родиться могъ этотъ типъ только въ Испаніи и Италіи XVI и XVII вѣковъ, когда одна принцесса, лакомясь въ очень жаркій день мороженымъ, говорила: «Ахъ, какъ жаль, что съѣсть мороженое не составляетъ грѣха!» Люди того времени были напуганы грѣхомъ, и, между тѣмъ, величайшее наслажденіе ихъ жизни заключалось въ томъ, чтобы бросить этому грѣху вызовъ и бросить такъ, чтобы всѣ это видѣли и знали.

Развѣ это не своеобразное наслажденіе богохульничать и вѣрить, что Богъ можетъ исцелить насъ? Грѣшникъ со страстію и просить со страстію у Бога прощенія?

Это тонкое замѣчаніе, какимъ Стендаль пытается разъяснить намъ насколько возможно тайну такихъ эксцентричныхъ душъ, какъ Цезарь Борджіа или Ченчи, можетъ быть съ извѣстными оговорками принято во вниманіе и при оцѣнкѣ типа Донъ-Жуана въ его общей формѣ. Скользи по всѣмъ его недостаткамъ и забывай о страданіяхъ, какія онъ причиняетъ всѣмъ встрѣчнымъ, можно и въ немъ увидать такого вонтепа въ защиту того, что люди считаютъ грѣхомъ, борца за свободную индивидуальность, который бросаетъ вызовъ Богу, дьяволу, людскому обществу со всѣми его нравственными нормами, однимъ словомъ—всему, чего принято бояться.

Противъ всѣхъ такихъ идейныхъ толкованій типа можно возразить очень многое; но въ нихъ есть своя красота, и поэты въ XIX вѣкѣ перѣдко этой красотой прельщались.

Первый прельстился Гофманъ, и въ своемъ разсказѣ «Don-Juan, eine fabelhafte Begebenheit, die sich mit einem reisenden Enthusiasten zugetragen» (1806) далъ самый художественный образецъ такого идейнаго пониманія легенды. Донъ-Жуанъ Гофмана—своего рода сверхчеловѣкъ, одаренный всѣми дарами духа, не исключая и самого возвышеннаго идеализма. Этотъ идеализмъ, правда, очень туманенъ; онъ сводится къ какому-то неясному желанію соревновать съ самимъ божествомъ въ совершенствѣ, но зато онъ исключаетъ всякую возможность найти удовлетвореніе въ простомъ плотскомъ наслажденіи. Донъ-Жуанъ прелегъ, однако, черезъ это плотское наслажденіе, такъ какъ вѣрилъ, что только одна любовь къ женщинѣ способна окрылить его для смѣлаго полета въ царство идеала. Но во всѣхъ женщинахъ онъ обманулся, и потому сталъ мстить любви за это разочарованіе. Онъ сталъ мучить женщинъ и глумиться надъ ними, и кончилъ трагично. Въ моментъ, когда онъ встрѣтилъ Донну-Анну, единственную женщину, любовь которой могла бы открыть ему небеса, въ эту самую рѣшительную минуту своей жизни, онъ былъ уже неспособенъ познать тайну святой и чистой любви своимъ омертвѣвшимъ сердцемъ.

Возвышенно-гуманная концепція Гофмана была видоизмѣнена и упрощена

*) Въ разсказѣ Les Cenci. Paris. 1839, 267—278.

Мюссе въ его поэмѣ «Narcisse» (1832). Этотъ блестящій психологическій очеркъ не имѣетъ ничего общаго съ традиционнымъ сюжетомъ и представляетъ собою оригинальную попытку сочетать въ типѣ Донъ-Жуана элементъ идейный и чувственный, но сочетать его такъ, чтобы чувственный элементъ нанесъ себѣ полное оправданіе. Донъ-Жуанъ Мюссе—тоже искатель идеала на землѣ, но сравнительно съ Донъ-Жуаномъ Гюфмана идеальность менѣе требовательный. Онъ ищетъ идеальную женщину, но не для того, чтобы она стала посредницей между нимъ, Богомъ и міровой тайной, а только лишь для достижения высшаго наслажденія на землѣ. Такое наслажденіе, несомнѣнно, наслажденіе плотское, но поскольку въ нашей жизни любовь къ женщинѣ есть высшій экстазъ, высшее вдохновеніе, высшій восторгъ и поэзія, постольку такая любовь заслуживаетъ оправданія и сама оправдываетъ чувственную свою сторону. Идеальную женщину, конечно, Донъ-Жуанъ никогда не найдетъ на землѣ, и, переходя отъ одной своей жертвы къ другой, онъ осужденъ на вѣчныя разочарованія, вѣчный сердечный голодъ. Если бы онъ могъ остановиться на разочарованіи и отречься отъ своей мечты, онъ былъ бы спасенъ, но трагедія его въ томъ, что его жажда любви неутолима, и что всякое разочарованіе для него только поводъ искать новаго очарованія въ другой женщинѣ.

Но долженъ же когда-нибудь, ну хотя бы съ лѣтами, этотъ любовный пылъ остыть въ человѣкѣ и весь этотъ любовный идеализмъ показаться миражемъ? Каковъ будетъ пресытившійся Донъ-Жуанъ или Донъ-Жуанъ состарившійся? Эту трудную психологическую задачу поставилъ себѣ Ленау и въ драматическихъ сценахъ «Don Juan» (1844) рѣшилъ ее очень своеобразно. Его Донъ-Жуанъ такой же беззащитный и скаталь «идеальнаго» наслажденія, какъ и ближайшій его родственникъ Донъ-Жуанъ Мюссе, но онъ, кромѣ того, философъ, и любовь для него не вдохновеніе и поэзія жизни только, а, главнымъ образомъ, ея настоящий сокровенный философскій смыслъ. Любовь это то, чѣмъ держится весь космосъ, вся неорганическая и органическая жизнь. Любить—значитъ исполнять высшій законъ всей природы, неисполненіе котораго влекло бы за собой уничтоженіе всего существа. Надо любить всегда и вездѣ, гдѣ можно и пока можно, и если

паступить моментъ пресыщенія или если сама природа положить этой способности предѣлъ, то единственный разумный выходъ—это прекратить свое уже безцѣльное существованіе и не мѣшать другимъ. Такъ и кончаетъ Донъ-Жуанъ Ленау, добровольно подставляя свою грудь подъ смертельный ударъ совсѣмъ ничтожнаго соперника.

Но и такое рѣшеніе неполное рѣшеніе задачи, какъ и самый типъ такого философствующаго Донъ-Жуана—очень односторонній и надуманный типъ.

Наиболѣе полно разрѣшилась бы вся эта трагедія влюбчивой и влюбленной души примиреніемъ Донъ-Жуана съ Богомъ, съ людьми и съ самимъ собою. Признать чувственное неизбѣжнымъ и естественнымъ, но осудить его эгоистическая крайности; сочетать эстетику любовнаго восторга съ этикой; понять, однако, эту этику не плоско и не обыденно; признать, что сила любви есть въ то же самое время сила ума и фантазіи; поднять посетельницу этой любви—женщину на высоту добраго генія, духа евѣта и чистоты; наконецъ, заставить Донъ-Жуана смириться передъ Богомъ, но съ сознаніемъ, что принятый на душу грѣхъ—показатель не порочности только, а избытка духовныхъ даровъ,—вотъ какъ можно было разрѣшить трагедію въ мирномъ тонѣ. Такъ и пытался разрѣшить ее Алексѣй Толстой въ своей драматической поэмѣ «Донъ-Жуанъ» (1859).

Всѣ эти Донъ-Жуаны, искатели разныхъ идеаловъ на землѣ, при всемъ веселіи своемъ и своемъ счастобогіи—образы трагическіе. Для нихъ не существуетъ полной, беззаботной, непосредственной жизнерадости, которой было такъ много у прежнихъ Донъ-Жуановъ, не задававшихся никакими высокими цѣлями и стремленіями.

Идейные Донъ-Жуаны стоятъ жизни довольно дорого. Она можетъ осуждать ихъ, враждовать съ ними, но отказать имъ въ силѣ и въ красотѣ не можетъ.

IV.

Когда Пушкинъ писалъ своего «Каменнаго Гостя», кающіеся Донъ-Жуаны и всѣ Донъ-Жуаны искатели «идеала» въ любви, были ему неизвѣстны, такъ какъ они появились на свѣтъ позже. Самому же Пушкину такая концепція не пришла въ голову, вѣроятно, потому, что его драма, какъ мы

знаемъ, возникла не на почвѣ литературныхъ изысканій, а была откликомъ живыхъ чувствъ, которые съ особой силой вдругъ охватили душу поэта. Оперу Моцарта Пушкинъ могъ слышать, и конечно, комедія Мольера была свѣжа въ его памяти. Но сказать, что Донъ-Жуанъ да-Понте, Моцарта и Мольера служили поэтѣ оригиналомъ, нельзя, и на это уже давно обратили вниманіе наши критики и ученые, которые стремились доказать, что типъ, созданный Пушкинымъ, — созданіе юный оригинальное и лично ему принадлежащее.

Блѣкскій, который, кажется, былъ знакомъ съ литературной исторіей этого типа (онъ называлъ Донъ-Жуана испанскимъ «Фаустомъ»), первый отмѣтилъ, что Донъ-Жуанъ Пушкина отклоняется отъ традиціоннаго образа и вовсе «не изступленный любовникъ, не мрачный дуэлистъ. Красавецъ собой, стройный, ловкій, онъ веселъ и остеръ, нескрещенъ и лживъ, страстенъ и холоденъ, уменъ и повеса, краснорѣчивъ и дерзокъ, храбръ, смѣлъ, отваженъ. Какъ во всякой высшей натурѣ, въ немъ есть что-то импонирующее».

«Это вовсе не антипатичный мольеровскій безсовѣстный и безбожный дворянинъ времени Людовика XIV, усматривающій во лжи и клятвопреступленіи лишь игру; онъ симпатичная личность, напоминающая сентиментальнаго ухаживателя...; это облагороженный читатель любви, искатель въ ней высшей радости и пугѣхи. Особенность Пушкинскіей обрисовки по сравненію съ предшествовавшими заключается въ наиболѣе человѣчномъ и глубокомъ пониманіи этого типа, безъ преувеличеній и крайностей въ его идеализаціи... У Пушкина Донъ-Жуанъ является эстетической натурою. Это не грубый искатель чувственныхъ наслажденій и одной внѣшней красоты, а мотылекъ, порхающій съ одного цвѣтка пѣвней женской любви къ другому, вдыхающій аромат и оцінивающій своеобразную прелесть всякаго изъ нихъ, ищущій въ нихъ жизни и души. Это эклектикъ любви... и притомъ способный къ полному духовному возрожденію».

Къ этимъ словамъ Н. Данкевича *) едва ли что можно добавить существеннаго.

*) Н. Данкевича, «А. С. Пушкинъ въ рау великихъ поэтовъ новаго времени», Памяти Пушкина, сборникъ Извер. Университета св. Владимира—Кіевъ, 1899, 133—140.

Донъ-Жуанъ Пушкина, несомнѣнно, изъ семьи жизнерадостныхъ и беззаботныхъ Донъ-Жуановъ, и, дѣйствительно, настолько «симпатичныхъ», что люди могли и не просить у Бога защиты отъ его козней. Его предки—испанцы, итальянцы и французы вели себя куда болѣе изысканно.

Нагъ Донъ-Жуанъ женщинъ особенно не мучилъ, такъ какъ тѣ, на сердца которыхъ онъ производилъ свои набѣги, были уже достаточно любовью испытанная душа... какая-нибудь Пнеза, у которой «мужъ былъ негодий суровый», или Лаура, у которой такъ мужей было много. Попадались, правда, и «восковыя куклы»; но вѣдь онъ по природѣ своей долженъ былъ отличаться малой чувствительностью, а потому и не годился на роли настоящихъ жертвъ.

Жертвой могла стать только Донна-Анна; но небо ее хранило и наказало ея соблазнителя, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее обидѣть... Да и имѣлъ ли Донъ-Жуанъ намѣреніе обижать ее, и что же собственно безнравственнаго или преступнаго было въ томъ пожарѣ любви, который охватилъ его при первой встрѣчѣ съ нею? Когда-то, совсѣмъ не зная ее и не видая ее въ глаза, онъ убилъ ея мужа, ревнивца, который держалъ ее взаперти и, конечно, не усыпалъ ее жизни розами. Убилъ онъ его случайно, быть-можетъ, во время какой-нибудь попойки. Во всякомъ случаѣ, когда послѣ его смерти онъ влюбился въ его вдову (а онъ, несомнѣнно, влюбился, и очень искренно), то онъ ничѣй памяти не осквернилъ, такъ какъ командоръ въ душѣ своей жены оставилъ по себѣ, несомнѣнно, скверную память, а любовь Донъ-Жуана къ Доннѣ-Аннѣ послышала тогда, когда этотъ командоръ поконилъ съ собой и не могъ имѣть никакихъ претензій.

Единственно, что могло бы Доннѣ-Аннѣ не понравиться—это то, что Донъ-Жуанъ, увидавъ ее, всетаки отправился къ Лаурѣ и произвелъ въ ея домѣ дебошъ и убійство. Но вѣдь при первой встрѣчѣ съ Донной-Анной Донъ-Жуанъ могъ видѣть только ея черное покрывало и «узенькую пятку». Лицезрѣніе этой пятки ни къ чему не обязывало; съ Лаурой онъ былъ давно друженъ, а мрачнаго и надобѣднаго брюзгу Донъ-Карлоса онъ убилъ потому, что тотъ самъ бросился на него со шпагой. Это убійство легко могло бы стать послѣднимъ въ его жизни, если бы судьба пожелаала навсегда сблизить его съ Донной-Анной, такъ какъ, судя по тѣмъ

рѣчамъ, въ баклѣхъ онъ говорилъ ей о своей любви, эта любовь была не чувственная только, а высоко-поэтическая со всеми характерными признаками любовнаго идеализма. Такая любовь общала нравственное возрожденіе или, по крайней мѣрѣ, долгу юстойчивость.

Сама Донна-Анна у могилы мужа назначила Донъ-Жуану свиданіе «на завтра» — правда, не подозревая еще того, что онъ убійца ея супруга; но такая уступка говорить о томъ, что сердце ея было недостаточно бронировано. Этотъ первый, но очень значительный успѣхъ, вмѣсто того, чтобы повесить въ Донъ-Жуанѣ его дерзость, повесилъ въ немъ только одно желаніе на радостяхъ напроказничать. Я «счастливъ какъ ребенокъ», — говоритъ онъ. Я пѣть готовъ; я радъ весь міръ обнять... И подъ наплывомъ этой ребяческой радости онъ проситъ статуя комендора постоять на часахъ у дверей своего дома, пока онъ, Донъ-Жуанъ, будетъ объясняться съ его вдовой. Мальчишеская выходка — не больше. Въ легендѣ, мы знаемъ, Донъ-Жуанъ богохульникъ и дерзитъ Богу, почему и слова его, обращенныя къ мертвецу, имѣютъ такое фатальное значеніе: это вызовъ, брошенный всему сверхчувственному міру. Пушкинъ не вложилъ въ уста своего героя никакихъ богохульных рѣчей и обрисовалъ его характеръ въ такихъ шривыхъ и пѣжныхъ краскахъ, что отпялъ всякій трагическій и титаническій смыслъ у его обращенія къ комендору. Расходившееся ухарство счастливаго повѣсы — вотъ, собственно, что сказалося въ этихъ, несомнѣнно неурядочныхъ словахъ.

Поэтому и появленіе статуи въ концѣ пьесы грѣшитъ пѣкоторой жестокостью. Последний разговоръ Донъ-Жуана съ Донной-Анной — очень искренняя бесѣда, и ведется она съ обѣихъ сторонъ безъ всякаго хитрости, — и Жуанъ и Анна знаютъ, чѣмъ она должна кончиться, и хитяты этого рѣшенія съ полной отврешенностью. «Если бы я васъ хотѣлъ обманывать, — говоритъ Донъ-Жуанъ, — признался ли бы я вамъ въ томъ, что убилъ вашего мужа? Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?» И онъ не хитритъ: онъ, дѣйствительно, облагороженъ, воскресенъ. Донной-Анной.

Зачѣмъ ему хитрить, когда Донна-Анна сдается сама такъ добровольно и поспѣшно? А она спѣшитъ: это несомнѣнно.

Сначала она говоритъ еще не узнающему Донъ-Жуану, что, цѣняя пылкую любовь своего мужа, она должна быть вѣрна его гробу; что если бы она встрѣтила Донъ-Жуана, то возила бы книжалъ злодѣю въ сердце.

Когда же наконецъ она узнаетъ, кто онъ, — она сначала не вѣритъ, а потомъ падаетъ въ обморокъ, затѣмъ проситъ Донъ-Жуана уйти, но удерживаетъ его своими разсирсами, позволяетъ ему затѣмъ цѣловать ей руки, высказываетъ опасеніе за его жизнь, говоритъ, что не въ силахъ его ненавидѣть, соглашается на новое свиданіе и, наконецъ, цѣлуетъ его... Въ этотъ критическій моментъ и входитъ статуя комендора, не завершая драму, а обрывая ее.

V.

Конечно, предъ нами Донъ-Жуанъ, но какъ онъ не положъ на своихъ предковъ, коварныхъ, хитрыхъ обольстителей и вдобавокъ безбожныхъ? Онъ совсѣмъ ручной, если такъ можно выразиться, но, несомнѣнно, большой проказникъ.

Раньше онъ грѣшилъ очень много и расточалъ свою любовь въ легкомысленныхъ похожденияхъ, потому что, какъ самъ признается, ни одну изъ своихъ жертвъ онъ не любилъ по настоящему. Но вотъ, наконецъ, встрѣтилъ онъ то, чего искалъ — женщину, любовь къ которой заставила зазвѣпѣть въ его сердцѣ струны, дотолѣ молчавшія.

Кто эта женщина? Поэтическая греза Пушкина, а можетъ быть и не греза, а живое лицо, передъ которымъ, склоняясь на колѣни и каеясь въ былыхъ прегрѣшеніяхъ, самъ Пушкинъ, въ костюмѣ Донъ-Жуана, говорилъ смиренно:

На совѣсти (моей) усталон много зла,
Быть можетъ, ты отвѣтъ; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюби, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоношу.

Несторъ Котляревскій.

ИСПАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

(Don Genaro Perez de Villa-Amil, España artistica y monumental).

650. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendator!...
Ah, Padrone!...

Don Giovanni.

СЦЕНА I.

Ночь. Владыке близ Мадрида.

Донъ Гуанъ и Лепорелло.

донъ Гуанъ.

Дождется почи здѣсь. Ахъ, наконецъ
Достигли мы вѣроть Мадрита! Скоро
Покрадусь я по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Донъ Гуана мудроно признать!
Такихъ какъ онъ такая бездна!

донъ Гуанъ.

Шутить?

Да ктожь меня узнаеть?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана или пьяный музыкантъ,
Нль свой-же братъ пахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шнагою подъ мышкой,
въ шляпѣ.

донъ Гуанъ.

Что за бѣда, хотъ и узнають! Только бы
Не встрѣтился мнѣ самъ король. А впрочемъ
Я никого въ Мадригѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра-же до Короля дойдемъ,
Что Донъ Гуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадридъ явился—что тогда, скажите,
Опъ съ вами сдѣласть?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Пошлетъ казаль.

Ужъ вѣри головы мнѣ не отрубятъ.
Вѣдь и не государственный преступникъ.
Меня опъ удалитъ, меня-жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то жъ!

Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва, едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?... точный дымъ:
А женщины? Да я не промѣняю,
Вотъ видишь-ли, мой милый Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузїи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ—право.
Онѣ сначала нравились мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью—а нуще повизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и зпаться—
Въ нихъ жизни нѣтъ, все куклы восковые,
А паши!... Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ: узналъ-ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антошевъ монастырь—
Мнѣ памятенъ. Взяли вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рошѣ:
Проклятая, признаться, должность. Вы
Прїятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрите.

ДОНЪ ГУАНЪ *зидумчиво*.

Бѣдная Пиеза!

Ее ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Пиеза! черноглазая... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помочь лукавой.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Въ поѣздѣ... ночью. Странную прїятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ

Красавицей. И точно, мало было
Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
Одинъ глаза, да взгляды... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ—какъ у больной—
[А] мужъ ея былъ негодяй суровый—
Узналъ я поздно... Бѣдная Пиеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Чтожъ? Вѣдѣ за ней другія были.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ ГУАНЪ.

И ты.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь, которую въ Мадридѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь—а если кто нибудь
Ужъ у нее—прошу въ окна прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы,
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто въ намъ идетъ?

(Входитъ монахъ).

МОНАХЪ.

Сейчасъ она прїѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

А чего вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна прїѣхать Дона Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Дона Анна,

А. Прощай же. Не да мнѣ пона арунѣ
 прохладѣе жюмѣ. Да душо-и вѣра
 мѣт и мѣтѣ конѣтѣ. Крѣпко мѣт гѣт. ахъ.

Ж.

и. Благотвореніе! Душа, ахъ и мѣтѣ
 мѣт мѣт ~~мѣтѣ~~ надъ мѣтѣ мѣтѣ
 и в ~~мѣтѣ~~ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ и вѣра
 вѣра мѣтѣ в мѣтѣ мѣтѣ —

Мнѣ. Чаша вѣра мѣтѣ

Мѣтѣ мѣтѣ и мѣтѣ мѣтѣ + мѣтѣ!
 А прохладѣе же
 мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ. Да душо-и вѣра
 мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ. Мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ.

ИЗЪ РУКОПИСИ «КАМЕННАГО ГОСТЯ»
 (Гумлици, музей, № 2376, А. листъ 2 оборотъ. Конѣцъ 1 сценъ).

Де Сольва! Какъ! Суируга командора,
Убитаго... не помню къмъ.

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ Гу-
аномъ.

ЛЕНОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ Гуанъ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕНОРЕЛЛО.

Намъ? Ничего.

А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ далеко.

ЛЕНОРЕЛЛО.

И слава Богу.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

донъ Гуанъ.

Что, что ты врешь?

ЛЕНОРЕЛЛО

Молчите: я парочно...

донъ Гуанъ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Такъ. Памятникъ жена ему воздвигла
И прѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

донъ Гуанъ.

Что за странная вдова?

Недаромъ же покойникъ былъ ревнивецъ;
Онъ Дону Анну въ заперти держалъ,
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И педурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодишь
Въ ея красѣ чудесной не созидься.

донъ Гуанъ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона Анна никогда съ мушшной
Не говоритъ.

донъ Гуанъ.

А съ вами, мой Отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной шное дѣло—я монахъ.
Да вотъ она.

Входитъ Дона Анна.

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отойдите.

МОНАХЪ.

Сей часъ, сенбора; я васъ ожидалъ.

Дона Анна идетъ за монахомъ

ЛЕНОРЕЛЛО.

Что, какова?

донъ Гуанъ.

Ее совѣтъ не видно
Подъ этимъ вдовнымъ чернымъ покрыва-
ломъ,
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕНОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣе живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы не начать—
Съ бровей ли, съ погъ ли.

донъ Гуанъ.

Слушай, Ленорелло,

Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕНОРЕЛЛО.

Вотъ еще!

Куда какъ нужно!—Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣтный!

донъ Гуанъ.

Однако ужъ и смерклось.

Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Взойдемъ въ Мадридъ.—

ЛЕНОРЕЛЛО.

Невисскій Градъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи—и луны бонтея—Боже!
Проклятое житье! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться? Право, нѣтъ ужъ
силъ.

J.A.N.P.A. HOEY
Картина К. Суворова.

СЦЕНА II.

Комната. Ужинъ у Лауры.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ разлила ее! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово;
И вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись, не прохолодитъ
Въ тебѣ Восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безилодно; спой, Лаура,
Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

Поетъ.

ВСѢ.

О, brava! brava! чудно! неподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви Музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія... взгляни:
Самъ Карлосъ тронуть, твой угрюмый
гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ Гуана.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Что? Донъ Гуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любов-
никъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Твой Донъ Гуанъ безбожникъ и мерзвецъ;
А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошла!

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моиъ слугамъ, хоть ты Испанскій Грандъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ *встаетъ.*

Зови-же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!

Донъ Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что? что Гуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда; жаль,
Что не его.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Виновать, Лаура!

Прости меня. Но, знаешь: не могу
И слышать это имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совѣмъ ужъ не
сердита,

Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье.

Нора, ужъ ночь. Но что же и спой?
А! слушайте.

Поетъ.

ВСѢ.

Прелестно, неподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.

Выходитъ Лаура останавливается Донъ Карлоса.

ЛАУРА.

Ты, бѣшеный! останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ Гуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Щастливцевъ!

Такъ ты его любила?

Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.
Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ духъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

18 лѣтъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Ты молода... и будешь молода
Еще лѣтъ 5 или 6. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ 6 они толнятся будутъ,
Тебя ласкать, дѣлать и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ и вѣки, сморщась, почеркѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда? Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Нѣ у тебя всегда такія мысли?
Приди—открой Балконъ. Какъ небо тихо:
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимонъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на снѣгѣ густой и темной
И сторожа кричатъ протяжно: *яспо!*...

А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто.
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты:
—Ну! то-то жъ!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Милый Демонъ!

Стучитъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Гей! Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Отвори...

ЛАУРА.

Ужели!.. Боже!..

Отпираетъ дверь; входитъ Донъ Гуанъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Здравствуй!..

ЛАУРА.

Донъ Гуанъ!..

Лаура кидается ему на шею.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ Гуанъ!..

ДОНЪ ГУАНЪ.

Лаура, милый другъ!..

Цѣлуетъ ее.

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я,—

Донъ Карлосъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Вотъ печальная встрѣча!

Я завтра весь въ твоимъ услугамъ

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь—сей часъ.

ЛАУРА.

Донъ Карлосъ, перестаньте!

Вы не на удивъ—вы у меня—

Позвольте видѣть вошь.—

ДОНЪ КАРЛОСЪ *ее не слушая.*

Я жду. Ну, что-жъ?

Вѣдь ты при шагѣ.

донъ Гуанъ.

Ежели тебѣ

Не терится, изволь. *(Бьется).*

ЛАУРА.

Ай, ай! Гуанъ!...

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ).

донъ Гуанъ.

Вставай, Лаура, конечно.

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

донъ Гуанъ.

Быть можетъ

Онъ живъ еще. *(Осматриваетъ тѣло).*

ЛАУРА.

Да, живъ! гляди, проклятый!

Ты прямо въ сердце ткнулъ—небось,
не мимо.

И кровь не идетъ изъ треугольной ранки.
И ужь не дышетъ—ваково?

донъ Гуанъ.

Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ Гуанъ.

Досадно, право. Вѣчныя проказы—
А все не виноватъ... Откуда ты?
Давно-ли здѣсь?

донъ Гуанъ.

Я только что прѣхалъ

И то тихонько—я вѣдь не прошель—

ЛАУРА.

И вспомнилъ сейчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно.
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И томъ увидѣлъ.

донъ Гуанъ.

Шель, моя Лаура,

Спроси у Лепорелли. Я стою
За городомъ, въ проклятой Вентѣ. Я Лауры
Пришелецъ певать въ Мадридѣ. *(Цѣлуетъ ее).*

ЛАУРА.

Другъ ты мой!...

ДОНЪ ГУАНЪ и ЛАУРА.

Картина К. Степанова.

Постой!.. при мертвомъ!.. Что намъ дѣлать
съ нимъ?

донъ Гуанъ.

Оставь его—передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ сванчею
И положу на переверсткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри—чтобъ не увидѣли теби.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда-бъ ты ихъ засталъ!

донъ Гуанъ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты видно бредишь.

донъ Гуанъ.

[А признайся]

А сколько разъ ты измѣнила мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

ДАВА.

А ты, повѣси?

донъ Гуанъ.

Скажи... пѣтъ, послѣ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

Памятникъ Командора.

донъ Гуанъ.

Все къ лучшему: печально убивъ
Донъ Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я укрылся здѣсь—и вижу каждый день
Мою престоиную вдову, и ею—
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
Ищуся въ разговоры съ ней; пора.
Съ чего начну? «Оемѣлось»... или пѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни.
Пора бѣ ужь ей прѣлгать. Безъ нея—
Я думаю—скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представлень исполномъ!
Какія плечи! что за Геркулесъ!...
А самъ покойникъ малъ былъ и щедеунтъ;
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Ескурьяломъ мы сошлись,
Паткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавиѣ стрекоты—а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ—и духъ имѣлъ суровый...
А! вотъ она.

(Входитъ Дона Анна.)

дона Анна.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекала васъ въ вашихъ помывеньяхъ—
Простите.

донъ Гуанъ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, Сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться—

дона Анна.

Пѣтъ, мой Отецъ, печаль моя во мнѣ.
При васъ мои моленья могутъ къ небу
Смирненно возноситься—я прошу
И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

донъ Гуанъ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона Анна!
Я недостойнъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами

Мольбу святую вашу повторять—
Я только издали съ благоговѣнемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мраморъ блѣдный
Разсыпаете—и мнитъ мнѣ, что тайно
Гробницу эту Ангель посѣтитъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю—щастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханьемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами...

дона Анна.

Какія рѣчи—странныя!

донъ Гуанъ.

Сеньора?

дона Анна.

Мнѣ... вы забыли...

донъ Гуанъ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

дона Анна.

Мнѣ показалось... я не поняла..

донъ Гуанъ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

дона Анна.

Что я узнала?

донъ Гуанъ.

Такъ, я не монахъ...
У вашихъ ногъ прощенья умоляю—

дона Анна.

О Боже! встаньте, встаньте!... Кто же вы?

донъ Гуанъ.

Нещастный, жертва страсти безнадежной!

дона Анна.

О Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь—

донъ Гуанъ.

Минуту, Дона-Анна,
Одну минуту!

дона Анна.

Если кто взойдетъ!...

донъ Гуаизъ.

Ръшетка заперта:—одну минуту!

дона Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

донъ Гуаизъ.

Смерти!

О пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же
похоронягъ.

Не подѣ праха, милаго для васъ;
Не тутъ—не близко—дагѣ гдѣ нибудь,
Тамъ—у дверей—у самого порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ
Пройдете кудри поклонять и плакать—

дона Анна.

Вы не въ своемъ умѣ—

донъ Гуаизъ.

Пли желать

Кончины, Дона Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью пѣржоной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы почти
Сталъ провождать у вашего банка,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться, я напротивъ
Старался быть вездѣ бъ, замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

дона Анна.

Такъ это вы

Молчите?

донъ Гуаизъ.

Случай, Дона-Анна, случай

Увлекъ меня—не то, вы бъ никогда
Моей печалькой тайны не узнали.

дона Анна.

И любите давно ужъ вы меня?

донъ Гуаизъ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.

дона Анна.

Подите прочь—вы человѣкъ опасный.

ДОНЪ ГУАИЗЪ и ДОННА АННА.

Рисунокъ К. Брюллова.

(«Сто рус. литераторовъ» т. I).

донъ Гуаизъ.

Опасный! чѣмъ?

дона Анна.

Я слушать васъ боюсь.

донъ Гуаизъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ—

дона Анна.

Подите—здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ, Завтра
Ко мнѣ придите. Если вы клянетесь
Хранить во мнѣ такое жъ уваженъе,
Я васъ приму—но вечеромъ позднѣе...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...

донъ Гуаизъ.

Ангель Дона Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

дона Анна.

Подите жъ прочь.

донъ Гуанъ.

Еще одну минуту.

дона Анна.

Итъ, видно, мнѣ уйти... къ тому жъ ^{моленью}
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.—Завтра
Я васъ приму...

донъ Гуанъ.

Еще не смѣю вѣрить.

Не смѣю щастью моему предаться...
Я завтра васъ увижу!... и не здѣсь,
И не украдкою!

дона Анна.

Дѣе завтра, завтра.

Какъ васъ зовутъ?

донъ Гуанъ.

Диего де Кальвино.

дона Анна.

Прощайте, Донъ-Диего.

(Уходитъ).

донъ Гуанъ.

Лепорелло!

(Лепорелло входитъ).

лепорелло.

Что вамъ угодно!

донъ Гуанъ.

Милый Лепорелло!

Я щастливъ!—Завтра—вечеромъ позднѣе...
Мой Лепорелло, завтра.. приготовь...
Я щастливъ какъ ребенокъ!

лепорелло.

Съ Долой Анной

Вы говорили? можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?

донъ Гуанъ.

Итъ, Лепорелло, итъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

лепорелло.

Неужь то?

О вдовы! всѣ вы таковы.

донъ Гуанъ.

Я щастливъ!

Я итъ готовъ, я радъ весь мѣръ обнять!

лепорелло.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

донъ Гуанъ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно итъ; онъ человекъ разумный,
И вѣрно примирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ
умеръ.

лепорелло.

Итъ, посмотрите на его статую.

донъ Гуанъ.

Что жъ?

лепорелло.

Кажется, на васъ она глядитъ

И сердится.

донъ Гуанъ.

Ступай же, Лепорелло,

Проси ее пожаловать ко мнѣ—
Итъ, не ко мнѣ—а къ Донъ-Аниѣ, завтра.

лепорелло.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

донъ Гуанъ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чтобъ съ нею говорить—
Проси статую завтра къ Донъ-Аниѣ
Придти поюзке вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

лепорелло.

Охота вамъ

Шутить! и съ кѣмъ!

донъ Гуанъ.

Слушай же!

лепорелло.

Но...

донъ Гуанъ.

Слушай!

лепорелло.

Преславная, прекрасная статуя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОННА-АННА.

Картина И. Е. Рьпина.

Собственность Д. И. Пловайскаго (имѣніе Абазовка, близъ Полтавы). Воспроизводится впервые, по фотографіи Хмелевскаго изъ Полтавы.

Мой баринъ, Донъ Гуанъ, покорно просить
Пожаловать... Ей Богу, не могу:
МиѢ страшно.

донъ Гуанъ,
Трусъ! вотъ и теби!

депорелло.

Позвольте.
Мой баринъ, Донъ Гуанъ, васъ просить
завтра
Придти поозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія).

Ай!

донъ Гуанъ,
Что тамъ?

депорелло.

Ай, ай!...

Ай, ай!..., умру!

донъ Гуанъ,
Что сдѣлалось съ тобою?

депорелло *(Кивая головой).*

Статуя... ай!...

донъ Гуанъ,
Ты влащешься?

депорелло.

Штъ.

Не и, она!

донъ Гуанъ,
Какой ты вздоръ несешь?

депорелло.

Подите сами.

донъ Гуанъ.

Ну смотри жь, бездѣльникъ!
(Статуя). Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ своей двери, гдѣ завтра буду я,
И стать [на стражѣ въ дверяхъ]. Что? будешь?

(Статуя киваетъ головой).

О Боже!

депорелло.

Что? я говорилъ...

донъ Гуанъ.

Уйдемъ.

Титы старой Нивани.

Офортъ Драйа.

СЦЕНА IV.

Комната Доны Анны.

Донъ Гуанъ и Дона Анна.

до на анна.

Я приняла васъ, Донъ Діего: только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ: бѣдная вдова!
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбною мѣшаю, какъ Апрель.
Что жъ вы молчите?

донъ Гуанъ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко, мыслью быть на единѣ
Съ прелестной Доной-Анной. Здѣсь—не тамъ,
Не при гробницѣ мертваго щастливца—
И вижу васъ уже не на колѣняхъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

до на анна.

Донъ Діего,

Такъ вы ревнивы—мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучить?

донъ Гуанъ.

Я не долженъ ревновать.
Онъ вами избранъ былъ.

до на анна.

Нѣтъ, мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ Альваръ богатъ.

донъ Гуанъ.

Щастливецъ! онъ сокровища пустыи
Принесъ къ погамъ богини; вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бѣ
Я прежде васъ узналъ—съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ;
Я былъ бы рабъ священной вашей воли.
Всѣ ваши прихоти я бѣ изучилъ,
Чтобъ нѣмъ предупредить чтобъ ваша
жизнь
Была однимъ волшебствомъ безиревнивымъ.
Увы! Судьба судила мнѣ шве.

до на анна.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Внимая Вамъ—мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ Альваръ

Меня любить! О, Донъ Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бѣ онъ оудовѣлъ—онъ былъ бы
вѣренъ
Супружеской любви.

донъ Гуанъ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

до на анна.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ—не правдаль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

донъ Гуанъ.

Предъ вами! Боже!

до на анна.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?... Ну!

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, никогда!..

до на анна.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите?

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, ни за что!

до на анна.

Діего, это странно:
Я васъ прошу, я требую!..

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ.

до на анна.

А! такъ-то вы моей послушны воли!
А что сей часъ вы говорили мнѣ?
Что вы бѣ работъ моихъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

СТАРАЯ ИСПАНИЯ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ВЕЛАСКЕЗА.

донъ Гуанъ.

Не смѣю:
Вы на меня гадѣть не заходите
Вы ненавидѣть станете меня.

дона анна.

Ибѣтъ, ибѣтъ. Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я...

донъ Гуанъ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

дона анна.

Ужасную!... Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна—что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала—у меня враговъ
И ибѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

донъ Гуанъ. *(про себя).*

Идетъ къ развѣдкѣ дѣла!
Скажете мнѣ: несчастный Донъ Гуанъ
Вамъ незнакомъ?

дона анна.

Ибѣтъ, отроду его
Я не видала.

донъ Гуанъ

Вы въ душѣ въ нему
Итаете вражду?

дона анна.

Но долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Диего—
Я требую...

донъ Гуанъ.

Что если бѣ Донъ Гуана
Вы встрѣтили?

дона анна.

Тогда бы я злодѣю
Книжалъ вознила въ сердце.

донъ Гуанъ.

Дона-Анна.
Гдѣ твой книжалъ? вотъ грудь моя

дона анна.

Что вы? Диего!

донъ Гуанъ.

Я не Диего—я Гуанъ.

до́на Анна,

О Боже! и́тъ, не можетъ быть, не вѣрю.

до́нь Гуа́нь,

Я До́нь Гуа́нь,

до́на Анна,

Не правда.

до́нь Гуа́нь,

Я уби́лъ

Супруга твоего: и не жалѣю
О томъ—и и́тъ разкаянья во мнѣ.

до́на Анна,

Что слышу [я]? И́тъ, и́тъ, не можетъ
быть.

до́нь Гуа́нь,

Я До́нь Гуа́нь и тебя люблю.

до́на Анна *(плача)*,

Гдѣ я?... Гдѣ я?... Мнѣ душно, душно!

до́нь Гуа́нь,

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона Анна?
Проснись, опомнись: твой Диего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ.

до́на Анна,

Оставь меня

(Слабо). Ты... ты мнѣ врагъ—ты отнялъ у
меня

Все, все, что въ жизни...

до́нь Гуа́нь,

Милое созданье!

Я всёгды готовъ узрѣть мой некушты:
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели—умру: вели—дышать я буду
Лишь для тебя...

до́на Анна,

Такъ это До́нь Гуа́нь?

до́нь Гуа́нь,

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?

О Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, не совѣсть неправа:
Из совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, яготѣеть; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:

Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ люблю, люблю я добродѣтель—
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

до́на Анна,

О, До́нь Гуа́нь краснорѣчивъ— я знаю!
Слышала я: онъ хитрый человекъ..
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій Демонъ. Сколько бѣдныхъ
женщинъ
Вы погубили!

до́нь Гуа́нь,

Ни одной до́няи
Изъ нихъ я не любилъ.

до́на Анна,

И я повѣрю,

Чтобъ До́нь Гуа́нь влюбился въ первый
разъ,
Чтобъ не пекать во мнѣ онъ жертвы новой!

до́нь Гуа́нь,

Когда бъ я васъ обманыва[тъ] хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

до́на Анна,

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы, здѣсь узнать могли бы васъ—
И ваша смерть была бы неизбежна.

до́нь Гуа́нь,

Что значить смерть? За сладкій мигъ
свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

до́на Анна,

Но какъ же
Отсюда выйги вамъ, неосторожный!

до́нь Гуа́нь *(Цѣлуя ей руки)*,

И вы в жизни бѣднаго Гуана
Заботитесь? Такъ ненависти и́тъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона Анна?

до́на Анна,

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно разстаться намъ.

до́нь Гуа́нь,

Когда жъ опять увидимся?

дона Анна.

Не знаю.

Когда нибудь.

донъ Гуанъ.

А завтра?

дона Анна.

Гдѣ же?

донъ Гуанъ.

Здѣсь.

дона Анна.

О Донъ Гуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

донъ Гуанъ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй!..

дона Анна.

Пора, пойдѣ.

донъ Гуанъ.

Одинъ, холодный, мирный!..

дона Анна.

Какой ты неотвязный! на, вотъ онъ!..

Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ Гуанъ!

донъ Гуанъ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и въбѣгаетъ опять).

А!..

дона Анна.

Что съ тобой? А!..

(Входитъ статуя командора; Дона-Анна на-дастъ).

статуя.

Я на зовъ явился.

донъ Гуанъ.

О Боже! Дона-Анна!

статуя.

Брось ее,

Все кончено. Дрожь ты, Донъ Гуанъ?

донъ Гуанъ.

Я? нѣтъ!.. Я звать тебя и радъ, что вижу.

статуя.

Дай руку.

донъ Гуанъ.

Вотъ она... о, тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти мнѣ руку!..

Я гибну—кончено—о Дона-Анна!..

(Проваливаются).

Декорация академика Д. А. Корени (1771—1811).
(Библиотека Академии Художеств; издана).

Рисунокъ Зичи.

651. Я здѣсь, ИНЕЗИЛЬЯ.

Inesilla! I am here.

Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подѣ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
Исполнень отвагой,
Обутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шагаей
Я здѣсь, подѣ окномъ!
Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!

Проснется ли старей—
Мечомъ уложу.
Шелковыя петли
Къ оконку привѣсь...
Что жъ медлишь?... Ужь итъ ли
Соперника здѣсь?
Я здѣсь, Инезилья,
Стою подѣ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ

Рисунок С. Соломки.

652. ПРЕДЪ ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ.

Предъ Испанкой благородной
 Двое рыцарей стоятъ;
 Оба смѣло и свободно
 Въ очи прямо ей глядятъ.
 Влещутъ оба красотою,
 Оба сердцемъ горячи,
 Оба мощною рукою
 Оперлися на мечи.
 Жизни имъ она дороже
 И какъ слава имъ мила.
 Но одну ей миль. Кого же
 Два сердцемъ избрала?
 Кто, рѣши, любимъ тобою?
 Оба дѣвъ говорятъ—
 И съ надеждой молодою
 Въ очи прямо ей глядятъ.

НИКОЛАИ ПВАНОВИЧЪ ГУБДИЧЪ.

653. НА ПЕРЕВОДЪ ПЛАДЫ.

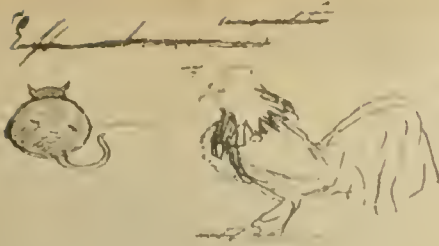
Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

654. ДЛЯ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакала предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старалась удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стоишь молить не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ край мрачнаго изгнанья
Ты въ край шной мени звала.

Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескъ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Печезли въ урнѣ гробовой —
Печезь и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!...

Начало сказки «Какъ весенней теплою порою»
 (Румянцев. музей, тетрадь № 2376, В., л. 5. Воспроизводитель впервые).

655. КАКЪ ВЕСЕННЕЙ ТЕПЛОЮ ПОРОЮ.

[Незакончено и неотдѣлано].

Какъ весенней теплою порою,
 Изъ подъ утренней бѣлой зорюшки,
 Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго,
 (Чернобурая) выходила медвѣдиха,
 Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
 Погулять, посмотрѣть, себя показать.
 Сѣла медвѣдица подъ березкою
 Стали медвѣжата промежь собой играть,
 Обниматися, (боротися),
 Боротися, (да) кувыркатися.
 Отколь ни возьмись мужикъ идетъ:
 А пожъ-то у него за поясомъ,
 Онь въ рукахъ несетъ рогатину —
 А мѣшокъ-то у него за плечми.
 Какъ завидѣла медвѣдиха
 Мужика со рогатиною,
 Заревѣла медвѣдиха,
 Стала кликать малыхъ дѣтушекъ,
 Глуныхъ медвѣжатъ своихъ:
 Ахъ вы, дѣтушки, медвѣ[жатунки]!
 Перестанте ваятися,
 Обниматися, кувыркатися!
 Становитесь, хоронитесь за меня —
 Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
 Я сама мужику . . . вывѣмъ!»
 Медвѣжатунки испугались,
 За медвѣдиху бросались,
 А медвѣдиха осержалася —
 На дыбы поднималася.
 А мужикъ-отъ, онь догадливъ былъ,
 Онь пускался на медвѣдиху,
 Онь сажалъ въ нее рогатину,
 Что повыше пиза, что пониже немени.
 Грянула медвѣдиха о сыру землю:
 А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
 Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
 Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклазъ...
 А поклазини-то домой пошелъ:
 Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
 Что медвѣжья шуба въ 50 рублевъ:
 А что потъ тебѣ другой подарочекъ —

Три медвѣжата по 5 рублевъ.
 Не звоны пошам по городу,
 Пошли вѣсти по всему полѣсу.
 Дошли вѣсти до медвѣя чернобурава:
 Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
 Разноролъ ей брюхо бѣлое,
 Медвѣжатунекъ въ мѣшокъ поклазъ.
 Въ ту пору медвѣдь занечалился,
 Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
 По свою ли по сударушку,
 Чернобурую медвѣдиху:
 Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
 На кого меня покинула,
 Вдовца несчастнаго,
 Вдовца горемычнаго.
 Ужъ какъ миѣ съ тобой, моей боярыней
 Веселой игры не игривати,
 Милыхъ дѣтушекъ не родити,
 Медвѣжатунекъ не качати,
 Не качати, не баюкати —
 Въ ту пору звѣри собирався
 Ко тому-ли медвѣдю, ко боярину; —
 Прибѣгали звѣри большіе,
 Прибѣгали тутъ звѣринки меньшіе —
 Прибѣгаль тутъ Волкъ дворянинъ:
 У него-то зубы закусливые,
 У него-то глаза завистливые.
 Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость —
 У него-то, бобра, жирный хвостъ.
 Приходила ласточка-дворяночка,
 Приходила бѣлочка-княги[нечка],
 Приходила лисица-подъячиха —
 Подъячиха, казначеиха.
 Приходилъ скоморохъ-горностаюшко,
 Прибѣгаль тутъ зайка-смердъ,
 Зайка бѣденекій, зябка сѣренькій —
 Приходилъ байбакъ тутъ глумянь,
 Живеть онь, байбакъ, позади гумянь:
 Приходилъ цѣловальникъ-сжъ:
 Все-то онь сжъ ежится.
 Все-то онь цетнитися...

ШИРЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

«Ширь во время чумы. Изъ Вильсоновой трагедіи: the city of the plague»—такво заглавіе пьесы, появившейся въ 1832 г. въ альманахѣ «Альбіона» и перепечатанной въ томъ же году въ собраніи стихотвореній Пушкина. Когда Бѣлинскій писалъ для «Отечественныхъ Записокъ» (въ 1846-мъ году) послѣднюю (11-ую) статью свою о сочиненіяхъ Пушкина, онъ не зналъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ трагедія Вильсона, существовалъ ли самъ Вильсонъ. Допуская утвердительный отвѣтъ на эти вопросы, онъ находилъ, что «если пьеса Вильсона такъ же хороша, какъ переведенный изъ нея Пушкинымъ отрывокъ, то этотъ Вильсонъ написалъ великое произведение». Теперь извѣстно, что трагедія Вильсона—реальный фактъ; но предположеніе Бѣлинскаго о высокомъ ея достоинствѣ не подтвердилось. Произведеніе Вильсона, разсматриваемое какъ цѣлое, не возвышается надъ уровнемъ посредственности; но нашъ гениальный поэтъ взялъ изъ него только лучшую сцену, отбросивъ неудачный ея конецъ. За уходомъ священника у Вильсона слѣдуетъ еще ссора предсѣдателя съ «молодымъ человѣкомъ», вызванная грубою выходкою послѣдняго противъ священника. Несравненно гзрмоничнѣе и красивѣе завершается сцена у Пушкина, отмыткою: «пиръ продлжится, предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость». Такимъ и должно было быть настроеніе предсѣдателя послѣ потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели на него слова священника: «Матильды чистый духъ тебя зоветъ!» Безспорно выиграла сцена и отъ того, что Пушкинъ вынулъ дерзкія слова, съ которыми у Вильсона «молодой человѣкъ» два раза обращается къ священнику.

Оставясь, вообще говоря, очень близкимъ къ подлиннику, Пушкинъ рѣшительно отступилъ отъ него въ пѣсняхъ Мери и предсѣдателя: онѣ составляютъ всецѣло достоиніе нашего поэта. Пѣсня Мери у Вильсона также начинается сравненіемъ деревни, пораженной чумою, съ деревней въ былое, счастливое время; но она растянута, неполна излишними прозаическими деталями (яшла въ гостищу, гдѣ бывало раздавался скрипки, барабаны и флейты...

Не побазались на склонѣ холма ни клѣтчатый платокъ, ни сияя шипа... Пятьдесятъ темныхъ свѣжихъ могилъ поднимались надъ кладбищемъ... На горѣ, въ овчарѣ пастухъ лежалъ мертвый»). У Пушкина, въ соответствующихъ строфахъ пѣсни, нѣтъ ни одного лишняго слова; немногими штрихами нарисованы яркія картины («снова праздно перерѣбла... И селенье, какъ жилище погорѣлое, стоитъ тихо все; одно кладбище не поустѣетъ, не молчитъ»). У Вильсона Мери аккуратно насчитываетъ пятьдесятъ могилъ; у Пушкина «могилы межъ собой какъ нестуганное стадо, жмутся тѣсною чередой». Вся вторая часть пѣсни, вложенной Пушкинымъ въ уста Мери, принадлежитъ нашему поэту не только по формѣ, но и по мысли: онъ создалъ трогательный образъ Джени, вѣрной своему Эдмунду даже въ небесахъ,—Джени, умоляющей своего возлюбленнаго не приближаться къ ея тѣлу, не касаться умершихъ устъ ея, но посѣтить, «когда минетъ зараза, ея бѣдный прахъ».

Еще больше измѣнилась, подъ рукою Пушкина, пѣсь предсѣдателя. У Вильсона предсѣдатель сравниваетъ участь погибающихъ въ битвѣ—на сушѣ или на морѣ—съ участью умирающихъ отъ чумы, и старается доказать, что послѣдніе страдаютъ меньше первыхъ. Онъ сравниваетъ чуму съ лихорадкой, съ чахоткой, съ параличемъ—и старается доказать, что она могущественнѣе всѣхъ болѣзней. Онъ хвалитъ чуму за то, что она срываетъ маску съ лицемѣрія и устраняетъ мѣшающихъ другимъ пользоваться жизнью. Хоръ вторитъ ему много разъ повторяющимся приѣвомъ: «И потому-то, склонясь на бѣлоснѣжную грудь, я пою хвалу чумѣ! Если, о чума, ты намѣрена сразить меня нынче ночью, то приходи и рази меня въ объятіяхъ веселья!» Все это холодно, сухо и не имѣетъ ничего общаго съ пѣсней предсѣдателя у Пушкина, быстро подвигающейся впередъ, бьющей, какъ молотъ, каждымъ своимъ словомъ и соединяющей рядъ смѣлыхъ, чарующихъ картинъ съ глубокой мыслью.

Неудивительно, что вниманіе всѣхъ шиваныхъ послѣ Бѣлинскаго о «Ширѣ во время чумы» сосредоточивается именно на пѣсняхъ Мери и предсѣдателя. Они преимуще-

ественно восхищался и Бланшкій, точно предвидя, какаѣ роль принадлежитъ имъ въ объемъ стрѣль пьесы. Достоевскій, въ своей знаменитой московской рѣчи, относить «Пирь во время чумы» къ числу доказательствъ способности Пушкина «переволочаться вполнѣ въ чужую національность». «Какіе глубокіе фантастическіе образы,—восклицаетъ онъ,—въ поэмѣ Пирь во время чумы! Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ гений Англии: это чудесная пѣсня о чумѣ герон поэмъ; это пѣсня Мери со стихами:»

Нашъхъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздвигалъ, голоса

это англійскія пѣсни; это тоска британскаго гения, его плачь, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Д. С. Мережковскій, говоря въ «Вѣчныхъ спутникахъ» о контрастахъ, сочетавшихся въ Пушкинѣ, о соединеніи въ немъ язычника и галилеянина, ведетъ рѣчь о двухъ дѣмонахъ, двухъ идеалахъ языческой мудрости, воскресающихъ, отъ времени до времени, въ поэзіи Пушкина. Одному изъ нихъ—«женообразному, сладострастному Дионису, богу пѣни и тайны»—онъ приписываетъ пѣсь предсѣдателя на пирѣ во время чумы. Ближе подходит къ этому взгляду и Ю. Айхенвальдъ, въ своемъ этюдѣ о Пушкинѣ (напечатанномъ какъ въ «Силуэтахъ русскихъ писателей», такъ и отдѣльно). Въ пѣсняхъ Мери и предсѣдателя сказала, по мнѣнію г. Айхенвальда, «вся разительная противоположность двухъ міросозерцаній—святой чистоты и демонизма... Рядомъ съ утонченнымъ демониизмомъ Вальсингама вся сдѣланная изъ элементарныхъ, непосредственныхъ ощущеній грустная жалоба и мольба дѣвичьаго сердца, обильная деревенской тишиной... Чтобы сложить и сѣсть пѣсню Мери, надо вѣрять въ Бога, въ небеса.. Еще не отзвучали тихіе и мелодичные звуки бѣлокурой Мери, какъ предсѣдатель, своимъ охриплымъ голосомъ усиливая впечатлѣніе кошмара, начинаетъ славить чуму. Какое разстояніе отъ Мери, и послѣ зеленой привѣтливой долины какаѣ разверзается передъ нами бездна безуміа! Вальсингамъ сравниваетъ чуму съ зимою. Но зима—правило природы, а чума—ея черное исключеніе. Зима обычна—чуму посылаетъ Богъ за грѣхи: Вальсингамъ не хочетъ видѣть этой разницы. Онъ хочетъ «принять проклятіе, утонить умы въ весельѣ; Богу, посланному страхъ, отвѣтить смѣхомъ; не испугаться

кары и превратить ее въ праздникъ... Хвала чумѣ—это хвала Богу... На краю мрачной бездны дѣлаю standing предсѣдатель и торжествуетъ, что онъ посылаетъ чумѣ, совершилъ поруганіе надъ смертію, обезоружилъ Бога. И потому онъ отвергаетъ священника, служителя Бога... Въ разгарѣ своего богохульства предсѣдатель человѣческой орѣи былъ потрясенъ паноминиизмомъ служителя стараго Бога, но всетаки за священникомъ онъ не пошелъ... Ушелъ священникъ, а не Вальсингамъ; пѣсня Мери задумана пѣсню предсѣдателемъ, и хотя онъ погруженъ въ глубокую задумчивость, но его сотоварищи остались безъ Бога, безъ священника, одинъ, лицомъ къ лицу со смертію, съ чумою, и пирь во время чумы продолжается... Какъ и въ «Сценѣ изъ Фауста», г. Айхенвальдъ видитъ въ «Пирѣ во время чумы» «страстную, огненный вызовъ Богу, насмѣлку надъ его карамъ и кощунственное отношеніе къ его смерти».

Удѣлъ великихъ твореній—различіе, иногда до крайности рѣзкое, въ ихъ пониманіи и толкованіи. Какъ ни интересны приведенные выше взгляды на «Пирь во время чумы»—или, вѣрнѣе, на пѣсь предсѣдателя пира,—согласиться мы не можемъ ни съ однимъ изъ нихъ. Правъ ли Достоевскій, утверждая, что «Пушкинъ одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ переволочаться вполнѣ въ чужую національность»—это вопросъ, обсужденіе котораго выходитъ за предѣлы нашей задачи; но подтвержденіемъ его мнѣнія «Пирь во время чумы» служить не можетъ. Ничего специфически-англійскаго пѣсь Мери въ себѣ не заключаетъ. Дѣтскіе голоса, раздающіеся въ шумной деревенской школѣ, могутъ, пожалуй, служить указаніемъ на то, что рѣчь идетъ о протестантской деревнѣ, но какой именно—англійской, скандинавской, германской—это опредѣлить невозможно. Простодушная, до гроба и за гробомъ любящая Джени, близкая къ гетевской Гретхенъ—точно также тинъ скорѣе всего общегерманскій; еще правильнѣе назвать его общечеловѣческимъ. Пѣсь предсѣдателя нельзя приурочить ни къ какой національности; пѣть такой культурной страны, гдѣ бы она не могла сложиться; пѣть народной психологіи, на почвѣ которой она, при извѣстныхъ условіяхъ, не могла бы вырасти. Почему Достоевскій видѣлъ въ ней «страдальческое предчувствіе британскаго гения»—этого мы угадать не беремъ. Ошибается, какъ

намъ кажется, и Д. С. Мережковскій, усматривая въ пѣснѣ предсѣдателя внушение «женообразнаго, сладострастнаго демона». Сладострастнаго—быть можетъ, хотя это сладострастіе особаго рода, ищущее не удовольствія, а забвенія; же по образу—ни въ какомъ случаѣ. Мужествомъ, на оборотъ, проникнута пѣснь, смотрящая смерти прямо въ глаза и находящая «неизъяснимое наслажденіе» въ опасности, въ почти неминуемой гибели. Сомнительнымъ представляется намъ и «демонизмъ» Вальсингама, на которомъ настаиваетъ г. Айхенвальдъ. Что чума—Божье наказаніе за людскіе грѣхи, на это нѣтъ и намека въ «Пирѣ во время чумы»; объ этомъ не говорить, въ своихъ увѣщаніяхъ, даже священникъ. Видѣть, съ этой точки зрѣнія, разницу между чумою и зимою Вальсингаму не было надобности. Сравненіе, которымъ начинается его пѣснь, коренится не въ происхожденіи несомнѣваемыхъ между собою величій—зимы и чумы; оно касается только средствъ охраны отъ той и другой. Аналогия здѣсь чисто виѣшняя: какъ передъ морозами, передъ чумой зашираются двери, зажигаются огни, разгорается «веселый жаръ пировъ». Въ праздникъ превращается не кара, идущая съ небесъ, а ожиданіе опасности, при ушибѣ худшее чѣмъ самая опасность. Никакого вызова Богу предсѣдатель не бросаетъ. Не вызовомъ звучитъ его обращеніе къ умершей женѣ, его отчаянный вопль: «святое чадо свѣта! Вижу тебя я тамъ куда мой надшій духъ не достигнетъ уже!» Слишкомъ велика, въ его глазахъ, пропасть, которую онъ самъ вырылъ между прошедшимъ и настоящимъ. Онъ чувствуетъ, что нѣтъ ему возврата, и не кощунственно, а съ сокрушеннымъ сердцемъ обращается къ священнику съ мольбою: «отецъ мой, ради Бога, оставь меня! Не торжество слышится въ «глубокой задумчивости» Вальсингама, а безнадежность. «Пиръ во время чумы продолжается», но предсѣдатель въ немъ участія больше не принимаетъ.

Объясняясь смотрѣть на пѣснь предсѣдателя глазами гг. Мережковского и Айхенвальда, мы видимъ въ ней глубокое проникновеніе въ одну изъ загадочныхъ областей человѣческаго духа. Въ то время, когда создавался «Пиръ во время чумы», мысль Пушкина охотно останавливалась на смерти: смерть часто вставала ему близкой, витающей вокругъ него. Онъ думалъ о ней обычно съ тѣмъ чувствомъ, которое характеризуется всего лучше непереводи-

мымъ словомъ *résignation*. Этимъ чувствомъ проникнуты, напримѣръ, знаменитые стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Всеобъемлющей фантазіи поэта не могла, однако, не представляться и другая картина смерти—смерти, ожидаемой не только безъ страха, но и безъ сожалѣнія,—смерти, встрѣчаемой лицомъ къ лицу, въ неравной, но страстной борьбѣ или въ невозмутимомъ спокойствіи. Такимъ отношеніемъ къ смерти внушена, думается намъ, пѣснь Вальсингама. Ея кульминаціонный пунктъ въ стихахъ, самая форма которыхъ заключается въ себѣ что-то бодрящее, высоко поднимающее надъ «сладкой привычкой бытія»:

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ водъ и бурной тьмы, §
И въ арабійскомъ урзганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимыя наслажденія—
Безсмертія, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь вознеенъ
Нихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Въ этихъ немногихъ стихахъ брошено изумительно яркій свѣтъ на тѣ минуты, когда инстинктивное желаніе жить уступаетъ мѣсто готовности или даже желанію умереть. Человѣкъ чувствуетъ себя тогда сильнѣе смерти—и это чувство наполняетъ его гордостью. «Упоеніе въ бою» испытывалъ князь Андрей, когда бросился впередъ, съ знаменемъ въ рукахъ, въ критическій моментъ аустерлицкой битвы; «упоеніе на краю бездны» испытывалъ Манфредъ, стоя на головокругильной высотѣ, у обрыва въ бездну пропасть. Даже побѣжденный сознаетъ себя тогда побѣдителемъ,—и это сознаніе становится для него источникомъ «неизъяснимаго наслажденія», неизъяснимаго потому, что оно такъ мало похоже на все предшествовавшія житейскія радости. Еще болѣе широкая перспектива открывается словами, брошенными въ пѣснѣ какъ бы мимоходомъ: «безсмертія, можетъ быть, залогъ». Да, находится въ рукахъ смерти и не признавать надъ собою ея власти—это значить какъ бы отрицать смерть. Въ этомъ отрицаніи разгадка потрясающаго дѣйствія, производимаго пѣсней Вальсингама.

К. Арсеньевъ.

АНГЛИЯ XVII ВѢКА ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ВАШЪ-ДИКА.

656. ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague)

*Улица. Никрытый столъ, Нѣскольکو тпрующихъ
мущинъ и жещинъ.*

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Почтенный предѣдатель! я напомию
 О челоѡкѣ, очень намъ знакомомъ,
 О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
 Отвѣты острые и замѣчанья,
 Столъ ѣдкія въ ихъ важности забавной,
 Застольную бесѣду оживляли
 И разгоняли мракъ, который нынѣ
 Зараза, гостяя наша, насылаеть
 На самыя блестящія умы.
 Тому два дня, нашъ общій лохоть сла-
 виль

Его рассказы; не возможно быть,
 Чтобъ мы въ своемъ веселомъ шированьи
 Забыли Джексона! Его здѣсь кресла
 Стоять пустыя, будто ожидая
 Весельчакъ—но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища...
 Хотя креспорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣтъ печалиться. И такъ,
 Я предлагаю выпить въ его память
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ воскни-
 цаньемъ,
 Какъ будто бъ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!
(Всѣ пьютъ молча.)

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
 Родимыя ибсень съ дикимъ совершен-
 ствомъ:

Спой, Мери, намъ уныло и протяжно,
 Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
 Безумише, какъ тотъ, кто отъ земли
 Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣниемъ.

МЕРИ *(поетъ)*.

Было время, процѣтала
 Въ мирѣ наша сторона:
 Въ воскресеніи бывала
 Церковь Божія полна:
 Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
 Раздавались голоса,
 И сверкали въ свѣтломъ полѣ
 Серца и быстрая коса.
 Нынѣ церковь оцѣтла;

Школа глухо занерта;
 Нива праздно перерѣла;
 Роща темная пуста;
 И селенье, какъ жилище
 Погорѣлое, стоитъ;
 Тихо все—одно кладбище
 Не цуетъ, не молчитъ:
 Поминутно мертвыхъ посятъ,
 И стѣпанія живыхъ
 Боязливо Бога просятъ
 Упокоить души ихъ!
 Поминутно мѣста надо,
 И могилы межъ собою,
 Какъ пенуганное стадо,
 Жмутся тѣсною чередой!
 Если ранняя могила
 Суждена моею веси;
 Ты, кого я такъ любила,
 Чья любовь отрада мнѣ,—
 Я молю: не приближайся
 Къ тѣлу Дженинн ты своей,
 Усть умершихъ не касайся;
 Слѣдуй издали за ней.
 И потомъ оставь селенье!
 Уходи куда нибудь,
 Гдѣ бь ты могъ души мученье
 Усладить и отдохнуть!
 И когда зараза минетъ,
 Посѣти мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не покинетъ
 Дженинн даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мерн,
 Благодаримъ за жалобную пѣсню!
 Въ дни прежніе чума такая жь, видно,
 Холмы и доли ваши посѣтила,
 И раздавались жалкія стѣпанья
 По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
 Вѣгушихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозь дикій рай твоей земли родной;
 И мрачный годъ, въ который пало столько
 Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
 Едва оставилъ память о себѣ
 Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
 Унылой и притной... Нѣтъ! ничто
 Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
 Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРН.

О, если бь никогда я не пѣвала
 Виѣ хвины родителей своихъ!
 Они свою любили слушать Мерн;
 Самой себѣ и, кажется, внимаю,
 Ноющей у родимаго порога—
 Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности...

ЛУИЗА.

Не въ модѣ
 Теперь такія пѣсни! Но все жь есть
 Еще простыя души: рады таять
 Отъ женскихъ слезъ, и слѣзно вѣрятъ имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неотразимъ—а если бь то же
 О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
 Все бь улыбалась. Вальсингамъ авалилъ
 Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
 Она и разстолалась. Пенавижу
 Волость Шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

*(Идетъ телега, наполненная мертвыми тѣлами.
 Ширь управляетъ ея).*

Ага! Луизѣ душно; въ пей, я думалъ,
 По языку судя, мужское сердце.
 Но такъ-то: пѣжняго слабѣи жестокой,
 И страхъ жить въ душѣ, страстьми
 томимой!

Брось, Мерн, ей воды въ лицо. Ей лучше.

МЕРН.

Сестра моей печали и позора,
 Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА *(приходя въ чувство).*

Ужасный демонъ,
 Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
 Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ пей
 Лежали мертвые—и лепетали
 Ужасную, непѣдомую рѣчь...
 Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
 Пробѣхала ль телега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,
 Развеселись: хоть лица вся наша
 Безмолвное убѣжище отъ смерти.
 Приютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,
 Но знаешь? эта черная телега
 Нѣветъ право всюду разѣзжаться—
 Мы проусекать ее должны! Послунай
 Ты, Вальсингамъ: дѣя прѣвѣченья споровъ
 И слѣдетвій женскихъ обмороковъ, спой
 Намъ пѣсню—вольную, живую пѣсню—
 Не грустную Шотландской вдохновенну,
 А буйную, вакхическую пѣсню,
 Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю—но спой намъ гимнъ
 Я въ честь чумы: я написалъ его

ЛОНДОНСКАЯ УЛИЦА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ 1666 г.

Рисунокъ Желико (J. Jellicoe).

Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
 Миѣ странная пришла охота къ рифмамъ
 Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
 Охрыпый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

многие.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
 Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo!
 bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*поетъ*).

Когда могущая зима,
 Какъ бодрый воеждъ, ведетъ сама
 На пастъ косматыя дружины
 Своихъ морозовъ и снѣговъ,
 Навстрѣчу ей трещать камни,
 И весель зимній жаръ шировъ.
 Царица грозная, Чума
 Теперь идетъ на пастъ сама
 И льстится жатвою богатой;
 И къ намъ въ окошко день и ночь
 Стучитъ могильною лопатой...
 Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?
 Какъ отъ прокажицы зимы,
 Запремся также отъ Чумы!
 Зажжемъ огни, нальемъ бокалы:
 Утопимъ весело умы
 И, запаривъ пиры да балы,
 Возславимъ царствіе Чумы.
 Есть упоеніе въ бою,
 И бездны мрачной на краю,
 И въ разъяренномъ океанѣ
 Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы,
 И въ Аравійскомъ ураганѣ,
 И въ дуновеніи Чумы.
 Все, все, что гибелью грозитъ,
 Для сердца смертнаго таитъ
 Незыблемы наслажденья—
 Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
 И счастливъ тотъ, кто средь полнеща
 Нухъ обрѣтать и пѣдать могъ.
 И такъ—авалъ тебѣ, Чума!
 Намъ не страшна могилы тма,
 Пастъ не смутитъ твое призыванье!
 Бокалы пѣнимъ дружно мы,
 И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье
 Быть можетъ... полное Чумы!

(*Входитъ старый священникъ*)

священникъ.

Безбожннй пиръ, безбожныя безумцы!
 Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
 Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
 Повсюду смертію распространеной!
 Средь ужаса плачевныхъ похорожъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ, молось я на клад-
 бищѣ.

А ваши ненавистные восторги
 Смущаютъ тишину гробовъ—и землю
 Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
 Когда бы стариковъ и женъ моленья
 Не освятили общей, смертной ямы—
 Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника терзаютъ
 И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

нѣсколько голосовъ.

Огъ мастерски объ адѣ говорить!
 Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
 Спасителя, распятаго за пастъ:
 Прервите пиръ чудовищный, когда
 Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
 Утраченныхъ возлюбленныхъ души—
 Ступайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Домъ

У пастъ печальны—юность любить радость.

священникъ.

Ты ль это, Вальснгамъ? ты ль самый
 тотъ,

Кто три тому педѣли, на колѣнахъ,
 Трупъ матери, рыдая, обнималъ
 И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
 Или думаешь: она теперь не плачетъ,
 Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
 Взврая на ширющаго сына
 Въ пиръ разврата, слыша голосъ твой,
 Повошій бѣшенныя пѣсни между
 Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
 Ступай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня тревожить? Не могу, не долженъ
 Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
 Огчапьемъ, воспоминапьемъ страшнымъ,
 Сознаниемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ той мертвой пустоты,
 Которую въ моемъ дому встрѣчаю—
 И новою силой бѣшеныхъ веселій,
 И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
 И ласками (прости меня Господь)
 Погибшаго, но милаго созданья...
 Тебѣ матери не вызоветъ меня
 Оселѣ—поздно—слышу голосъ твой,
 Меня зовущій—признаю усилья
 Меня спасти... старикъ! иди же съ миромъ:
 Но проклять будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo! достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебѣ зоветь!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ *(встаетъ)*.

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увидшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу павѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бѣ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ—
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнуть уже...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Огнь сумасшедшій:
Огнь бредить о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сынъ.

*(Уходитъ. Цирь продолжается. Предсѣдатель
остается, погруженный въ глубокую задумчи-
вость).*

АНГЛІЙСКАЯ ДѢВУШКА!

Картина Рейнольдса.

657. ПЬЮ ЗА ЗДРАВІЕ МЕРИ.

пѣсія.

Here's a health to thee, Mary.—

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моеѣ.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей
Пью за здравіе Мери.
Можно краше быть Мери,
Краше Мери моеѣ,
Этой маленькой Мери:

Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.
Будь же щастлива, Мери,
Солнце жизни моеѣ!
Ни тоски, ни потери,
Ни несчастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

Фонтанъ «*Cruche Cassée*» въ Царскосельскомъ паркѣ.

658. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водою уронивъ, обь утесъ ее дѣва разбила.
 Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
 Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
 Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

659. РИФМА.

Эхо, безсонная Нимфа, свиталась по берегу Пеней.
 Фебъ, увидѣвъ ее, страстию къ ней воспылалъ.
 Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
 Межъ говорливыхъ Наидъ, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
 Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
 Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

660. ТРУДЪ.

Мигъ возделѣнный насталь: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
 Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
 Пил, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
 Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга Пенатовъ свяглыхъ?

661. НОВОСЕЛЪЕ.

Благословляю новоселье,
 Куда домашній свой кумирь
 Ты перенесъ—я съ нимъ веселье,
 Свободный трудъ и сладкій мирь.

Ты щастливъ: ты свой домикъ малой,
 Обычай мудрости храни,
 Отъ злыхъ заботъ и дѣшн вядой
 Застраховаль, какъ отъ огня.

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

662. УЖЬ ОСЕНЬ ХОЛОДОМЪ ДОХ-
НУЛА.

Ужь осень холодомъ дохнула —
(На обнаженные поля)
Уже дубрава отряхнула
Последній листь (—уже земля)
(Прохвачена морозомъ по утрамъ)
. . . . .

663. КАКЪ БЫСТРО ВЪ ПОЛѢ, ВКРУГЪ
ОТКРЫТОМЪ.

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ:
Лашты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальны лѣсъ и доль завялый,
Проглянетъ день—и ужъ темно,
И будто путникъ запоздалый
Стучится буря къ намъ въ окно.

664. О МУЗѢ ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ.

О муза пламенной Сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ смиренныя поэты!
Миръ вамъ несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
Я мучить казною стыда!
А если же кого забуду—
Прощу напомнить, господи!
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

665. МѢДОКЪ.

Медокъ въ Уламахъ.

Попутный дуетъ вѣтръ.— Идетъ корабль,
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила вѣв,—идетъ и предъ кормой
Морская пѣна раздается.—Многимъ
Полна грудь у вѣхъ пловцовъ—
Теперь, когда свершишь опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдалѣ устремивши взоры,
И въ тишинѣ ему рисуется
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ,—пока недвижны очи
Не заболѣтъ. Товарищу (другой)
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной;
И Господа благодаритъ, рыдая.
Другой, безмолвную твори молитву
Угоднику (и Дѣвѣ) Пресвятой,
И милостынъ, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ опъ все благополучно.
Задумчивъ, иѣмъ и ото вѣхъ далека,
Самъ Медокъ погружонъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствіяхъ и
страхѣ.
Прекрасенъ вечеръ и попутный вѣтръ
Межъ вѣрвей [бѣтъ], корабль надежный
Быстро
Бѣжитъ, шумя, межъ волнъ. Садится солнце..

666. МЫ РОЖДЕНЫ, МОЙ БРАТЪ
НАЗВАНЬИ.

[Дельвигу].

Мы рождены, мой братъ названый.
Подъ одинаковой звѣздой:
(Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный)
Играли нашею судьбой.
Явились мы рано оба
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.
И стихъ надеждою зоветъ
. . . . . безумный журналистъ
Твой слогъ могучій и . . .
Какой-то дразнить народищу.

667. ГРАФИНЯ ОДНА ДЕРЖИТЬ ПИСЬМО.

[Драматическій отрывок].

Графиня одна, держитъ письмо.

«Черезъ недѣлю буду въ Парижѣ непременно...» Письмо отъ 12-го, сегодня 18-ое; онъ прѣдетъ завтра! Боже мой, что мнѣ дѣлать (!).

(Входитъ Дорвиль).

Д. Здравствуйте, мой ангелъ. Каково вамъ сегодня? Послушайте что я вамъ разскажу умора... что съ Вами? Вы въ слезахъ!

Г. Вы чудовище!

Д. Опять! Ну что за бѣда? Все дѣло останется въ тайнѣ. Слава Богу, никто ничего не подозрѣваетъ: всѣ думаютъ, что у Васъ водяная. На дняхъ все будетъ конечно. Вы для виду останетесь еще недѣль шесть въ своей комнатѣ, потомъ опять явитесь въ свѣтъ и всѣ вамъ обрадуются.

Г. Удивляюсь вашему краспорѣчю. А мужъ?

Д. Графъ ничего не узнаетъ. Мужья никогда ничего не узнаютъ.

Мѣсяца черезъ три онъ прѣдетъ къ (вамъ) намъ изъ арміи. (Вы примите) мы примемъ его какъ ни въ чемъ не бывало; одного боюсь: онъ въ васъ опять влюбится — и тогда...

Г. Прочтите это письмо.

Д. Ахъ, Боже мой!

Г. Нечего глаза таращить. Я пропала — вы потубили меня.

Д. Ангелъ мой! Я въ отчаяніи. Что съ нами будетъ!

Г. Съ нами! Съ Вами ничего не будетъ, а меня Графъ убьетъ.

Д. Кто его звалъ? какая досада!

Г. Досада! Вамъ досадно потому что Вамъ некуда будетъ ѣздить на вечеръ, пока не

заведете себѣ другой любовницы (баронессы д'Овре, наиримѣръ. Несносная мигушка) [*передразниваетъ се*]. (Нечего смѣяться). Видите, что вы чудовище; я гибну, а вы смѣетесь.

Д. Я не допущу его до Парижа, я поѣду навстрѣчу къ графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколую его.

Г. Какой ужасъ! я не позволю вамъ проколоть моего мужа. Онъ для меня былъ всегда такъ добръ. Я передъ нимъ кругомъ виновата, я могла забыть свои обязанности; измѣнить ему... и для кого?.. для изверга, который не посоветился... оставьте меня, говорятъ вамъ, оставьте меня!

Д. Поѣзжайте въ свою деревню, въ Бригатию.

Г. Это за чѣмъ? Развѣ графъ за мною не покачетъ?

Д. Скройтесь въ мой замокъ.

Г. Вотъ еще! а шумъ? а соблазнъ? но, можетъ быть, Вамъ того и надобно. Вы хотите чтобъ весь свѣтъ узналъ о моемъ безчестіи: самолюбіе ваше того требуетъ.

Д. Какъ вы беспрзвѣдливы! но что же вамъ дѣлать?

Г. Вотъ до чего довели вы меня! Ахъ, Дорвиль! я говорила вамъ, Вы не хотѣли мнѣ вѣрить, вы поставили на своемъ; посмотрите, что изъ этого вышло... нечего ко мнѣ ласкаться, подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы съ ума сошли. Ахъ!.. стойте; какая прекрасная мысль!

Д. Что такое?

Г. Я умру со стыда, но нѣтъ иного способа:

Д. Что-жъ такое?

Г. Послѣ узнаете.

НАБРОСКИ и ОТРЫВКИ.

668. ЛОБЕЗИВѢЙШИЙ НАШЪ ДРУГЪ, О ТЫ ВАСИЛІЙ
ЛЬВОВИЧЪ.

[Коллективное стихотвореніе вл. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и др.
Пушкину принадлежитъ 3-й стихъ, набранный курсивомъ].

Лобезивѣйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичъ!
Буйновъ въ старину, а пылѣвшій Храбровъ,
Межъ проповѣдниковъ Парнасса-Прокоповичъ!
Плѣнительный толмачъ и Грацій и скотовъ,
Что дѣлаешь въ Москвѣ, первопрестольномъ градѣ?
А мы печемъ, здѣсь, о сочномъ виноградѣ,
И сокомъ лозъ его пьемъ здравіе твое.

669. СТОЮ ПЕЧАЛЕНЪ, НА КЛАДБИЩЕ.

(Послѣднее мірское пепелище)

(По) (Таинственный привѣтливый почлегъ) (предѣль)—

Поклонъ тебѣ (печальное кладбище)

Гдѣ... (привѣтливый)

(Неогражденное кладбище)

(Почлегъ усопшихъ поселянъ)

(Святое смерти пепелище)

(Поклонъ тебѣ... безмолвное кладбище)

(Печально ты—обнажено)

Стою печаленъ, на кладбище

Гляжу кругомъ—обнажено

Святое смерти пепелище

И степью лишь окружено

(На право... дал. дуг. дорога)

(Ии деревца) ии уединен въ лѣво)

(Лежить широкая дорога)

(Лежить) (идеть) (по рубежу могилъ)

(Ии деревца ии ручейка...)

(Ии хоть березы, гдѣ бы дѣва)

(Могла)

И мимо (вдоль) вѣчнаго (тайпаго, послѣдняго) почлега

(Идетъ) дорога сельская лежить

(Промч...) по ней рабочая телега

(Могилы пылеть) пзрѣдка стучить.

(Однообразныя) могилы

(Однообразно) (Полуистлѣвшіи) И деревянные кресты.

Иѣвые камни

Однообразны и унылы

Все (вездѣ)

(Ручей не льется) Равнина справа

(Ручей) (ни льется) съ лѣва

Нельзя пѣбыло говорить

(Ии ручья, ии древа)

(Хотя) (Ии ручейка) ии рѣчки ии холма ии древа

Вдали, кой гдѣ (Вдали, чуть... кусты.

670. НАДО МНОЙ ВЪ ЛАЗУРН ЯСНОЙ.

Надо мной (сводь неба) въ лазури ясной
 (Прямо) свѣтитъ звѣздочка одна—
 Съ права западъ темнокрасный
 Съ лѣва блѣдная луна.

671. ОПЯТЬ УВѢНЧАННЫ.

(побѣды)

(Опять увѣнчаны побѣдой)
 (наши знамена)
 мы славою

(И врагъ бѣжитъ и молить)
 Опять увѣнчаны... (побѣдой)
 кичливый сраженъ
 рѣшенъ Опять (предъ нами) врагъ (бѣжитъ)
 (Подъ Цареградъ) споръ кровавый
 въ Арзрумѣ (Рѣшенъ)
 (конченъ) споръ Рѣшенъ (и т...)
 (мѣръ провозглашенъ)

(Рѣшенью)

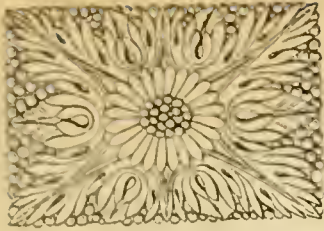
Въ (Бал...)... Эдырне миръ провозглашенъ
 (И дагъ бранию славою) двинулась
 И вновь в... Россія
 (покорный)
 державно И Югъ (пустынный) облегла
 (Въ свои объятія тугія
 (Эвксина море) полновл
 подняла
 (Э)... И пол—Евксина (приняла).

672. ЖЕНСЬ—НА КОМЪ—НА ВѢРЬ ЧАЦКОЙ.

Женсь—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой—
 (Бѣдна) Стара—на (Солнкой)—проста—
 На (Ржевской) Хальской—(что за) смѣхъ у ней дурацкй—
 На Шиновой—(глу) (стара) бѣдна, толста
 На Минской—слишкомъ томно дышетъ—
 На Торбиной—(посланья) (романсы) романсы пишетъ—
 На (Чи) (Ухарской) Машѣ Ленской—(да) что за тонъ!—
 (Ужимокъ) Гримасъ (шалунья)... милльонъ—
 (Насъ будетъ) ужимк (мальчикъ)—
 (Знатокъ ужимокъ загвй, гримасъ)
 На (Сидкой)—что за семейство
 (Въ театрѣ пьютъ)
 У нихъ орѣди подаютъ
 (Да кислы ши) они въ театрѣ пьютъ—
 Мать отецъ дуракъ—
 Ну такъ Ленской—какъ не такъ!
 (При) (Родил) Приму въ родство себѣ [нас?]ейство...

673. ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМЪ.

Два чувства дивно близки намъ—
 Въ нихъ обрѣтаетъ сердце нищу—
 Любовь къ родному песелышу,
 Любовь къ отеческимъ гробамъ,
 (На нихъ основано отъѣза)
 (По Волѣ Бога самого)
 (Самостоянье человека)
 (Залогъ величія его).

674. КРАСАВИЦА. (Въ альбомъ Г*** [Н. П. Гончаровой].)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она поконитя стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей ибѣтъ соперницъ, ибѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный вругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни посѣщалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

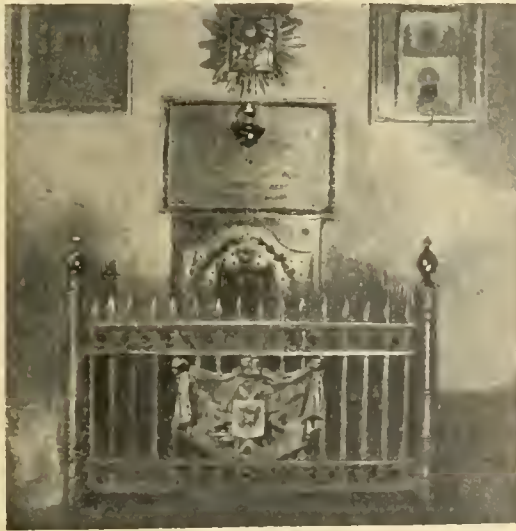
675. СМЕРДИНЪ МЕНЯ ВЪ БѢДУ ПОВЕРГЪ.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ
У торговца сего семь пятницъ на недѣлѣ,
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

676. ЭХО. (Изъ Томаса Мура).

Реветь ли звѣрь въ дѣву глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И главу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ ибѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

ГРОБНИЦА КУТУЗОВА ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ.

Съ фотогр. снимка (1908) Е. Е. Мелорекаго.

677. ПЕРЕДЪ ГРОБНИЦЕЮ СЯТОЙ.

Передъ гробницею святой
Стою съ пощипшею главой...

Все спитъ кругомъ; одиѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ

Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависпій рядъ.

Подъ ними спать сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоёмъ гробу восторгъ живеть!
Онъ Русскій гласъ намъ издаеть;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:

«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ....
Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Встань, спасай Царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись и дланю своею
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наследникъ, твой избранной!
Но храмъ въ моленье погруженъ....
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

678. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витѣи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣщенный
судбою,

Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, или вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручки сольются въ Русскомъ
морѣ?

Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сія кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И неавидите вы насъ...

Зачто жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглою волп
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготящій надъ царствами кумиръ,
И пашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Нль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Нль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Нль намъ съ Европой спорить ново?
Нль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Нль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колмиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣвъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витѣи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди печуждыхъ имъ гробовъ.

ПЕРВОЕ СВАТОВСТВО ПУШКИНА.

Многіе изъ современниковъ Пушкина, жадно и съ тайнымъ восхищеніемъ читая въ спискахъ его, преимущественно юношескія, произведенія, писанныя «въ часы забавъ иль праздной скуки», въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «иблись порочныя забавы и славилсь свѣти сладострастья», создали ему репутацію поэта, съ особенною любовью относящагося къ эротическимъ мотивамъ. Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина и судить человека и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравляться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четыреухъ подражательныхъ произведеній. Почти все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ живо и безъ надлежащей критики писалось въ пассивѣ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мutilи его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на грѣшн и ѣй свой языкъ—и празднословный и лукавый», и сжигать понадавшіеся ему ихъ рукописные списки.

Было бы наивно защищать память Пушкина противъ проповѣдниковъ проищенной морали и «духомъ хладныхъ скопцовъ», гордившихся своей добродѣтелью трусости и безстрастія и обвинявшихъ его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. Идеаломъ этой трапезы была для него не попойка, не самодовлѣющій кутежъ для кутежа, а живая, дружеская беседа въ настроеніи, согрѣтомъ и приподнятомъ виномъ, когда, «поднявши стаканы, содвинувъ ихъ разомъ» можно было воскликнуть «да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ—да здравствуетъ солнце, да скроется тьма». И на женщину и ея положеніе въ обществѣ онъ смотрѣлъ вдумчиво, несмотря на вольность своей ша-

ловливой музы. Женщина—игрушка страстей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положеніе взрослого ребенка, не другъ и товарищъ, не «сослужебница» въ жизни мужа—явленіе, нагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно создалъ это и не однажды, въ разной формѣ, преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и «Рославлевѣ» на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенія и обязывающее и ее къ строгому сознанію своего призванія въ жизни и своей роли въ общественныхъ задачахъ. Отдѣляя въ своемъ свѣтломъ умѣ принципиальное отъ случайнаго и побочнаго, Пушкинъ, несмотря на грустные воспоминанія о сценахъ семейнаго разлада и гнета, свидѣтелемъ которыхъ ему приходилось бывать въ свои ранніе годы, былъ проникнутъ глубокой симпатіей къ семейной жизни и уваженіемъ къ институту брака. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человека болѣе нравственнымъ»,—писалъ онъ. Онъ не отрицалъ силы и рокового вліянія «алчнаго грѣха», не разъ бѣжавшаго по его пятамъ, но «Сіонскія высоты» всегда сіяли передъ нимъ, призывая къ себѣ его духовный взоръ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что увлеченія его пылкой натуры никогда не затемняли въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрныя сердца для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ»,—говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду въ подражаніяхъ Корану, и жадное желаніе семейнаго счастья звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитана Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачева обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на „consortium omnis vitae“.

Если его сознательный и обдуманый въ-боръ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и «впягаль въ одну телѣгу коня и трепетную лапу», и если поэтому онъ не нашелъ отзывчивой гармоніи и полнаго

счастія у своего домашняго очага, то можно лишь горько жалѣть объ этомъ. Несправедливо, однако, пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ «чистѣйшей прелестіи чистѣйшимъ образцомъ» и право которой на свою ибъжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовали предъ лицомъ смерти, или, наоборотъ, искусственно возвышать ее, стараясь унижить Пушкина рядомъ повѣствованій, легкомыслие которыхъ равносильно ихъ недостоверности.

Письмо его (писано по французски) къ Зубкову, найденное мною въ 1904 году въ бумагахъ Б. П. Чичерина, служить доказательствомъ горячаго и притомъ довольно ранняго желанія Пушкина свить себѣ гнѣздо. Едва почувствовавъ, въ 1826 году, относительную и весьма условную свободу, окруженный въ Москвѣ общимъ вниманіемъ и ухаживаніемъ, онъ не раздѣлился на мелкую мочету самоудовлетворенія мимолетными и ни къ чему не обязывающими успѣхами. Его, употребляя одно оригинальное выраженіе извѣтнаго критика и судебного дѣятеля Спасовича, такъ и стало «клонить къ браку».

«Дорогой, Зубковъ—писалъ онъ,—вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненіе: я самъ хотѣлъ 4 декабря, т.-е. сегодня, прилетѣть къ вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ тому пять-шесть дней изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня номять бокъ, болитъ грудь, и я не могу двигать рукою. Взбѣшенный, я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только миѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь ночью.

Ваши два письма прелестны. Мой прѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на размышленія, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т.-е. станемъ разсуждать.

Миѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т.-е. познать счастье. Вы миѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожитъ,—могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею,—я тренещу, лишь думая о судьбѣ, быть-можетъ, ее ожидающей,—я тренещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это миѣ желательно. Моя жизнь такаа доселѣ кочующая, такая бурная, мой

правъ—перовный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый—вотъ что внушаетъ миѣ тягостное раздумье.

Слѣдуетъ ли миѣ связать судьбу столь ибъжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою до такой степени печальною, съ характеромъ до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ емѣнно было мое поведеніе по отношенію къ ней. Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумѣе, чѣмъ имѣю видѣ, и доказательство тому—что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Паппинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминую педѣль,—а я вижу ее разъ въ ложѣ,—въ другой на балѣ, а въ третій еватаюсь! Если она полагаетъ, что Паппинъ правъ, она должна думать, что я сошелъ съ ума, не правда ли? Объясните же ей, что правъ я; что, увидѣвъ ее, нельзя колебаться;—что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо прийдя къ развязкѣ;—что, полюбивъ ее, ибтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно впоследствии пайти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангель мой, уговори ее, упрости ее, пастрай ей! Паппинымъ сквернымъ и—женіи меня! А. П.

Въ Москвѣ я Вамъ кое-что разскажу. Я дорожу моей бирюзой, какъ она ни гнуса. Поздравляю графа Самойлова».

Прелесть содержанія и языка этого письма бросается въ глаза. Въ немъ ярко отразились благородныя стороны пылкой натуры поэта и блескъ его нескромнаго ума. Но оно имѣетъ еще и особое значеніе для оцѣнки личности того, кого въ роковомъ извѣщеніи о его кончѣнѣ, Краевскій рѣшился назвать «солнцемъ русской поэзіи»—за что и получилъ выговоръ. Мы находимъ въ немъ характеристику Пушкинымъ самого себя, сдѣланную въ выпуклыхъ, несмотря на свою сжатость, чертахъ. Отзыви о самомъ себѣ, разсмысленные въ его перепискѣ, вѣкоторыя мѣста изъ «Воспоминаній», «Кварнети» и другихъ стихотвореній связаны или съ вѣдшими событиями его жизни, или отрывочны и неопредѣленны;—«Mon portrait» и «Моя эпитафія», написанные въ отроческіе годы поэта, содержатъ въ себѣ лишь указанія на его молодую рѣзвость и беззаботность и не раскрываютъ намъ свойствъ его души. Въ письмѣ же Зубкову—на порогѣ между мо-

лодостью и зрѣлымъ возрастомъ, уже извѣдавъ жизнь и познавъ себя,—Пушкинъ саетъ совершенно опредѣленный отзывъ о двоимъ характерѣ, указывая на противорѣчивыя черты въ немъ и опредѣляя его какъ несчастный.

Но, кромѣ того, это письмо служить прекраснымъ отвѣтомъ на тотъ «друзей предательскій привѣтъ», который, извѣстѣ съ «неотразимыми обидами» «хладнаго свѣта», не разъ вливалъ отраву въ многострадальную жизнь Пушкина. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто, по праву, принадлежитъ запискамъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. Ссылаясь на свою дружбу (?) съ Пушкинымъ, на совмѣстную жизнь въ теченіе пяти лѣтъ и снисходя до признанія въ немъ поэтическаго дарованія, баронъ Корфъ содрогается всѣми фибрами своей «умѣренности и аккуратности» предъ нравственнымъ образомъ Пушкина. «Бѣшеный, съ необузданными африканскими страстями», Пушкинъ не имѣлъ, по его словамъ, ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи; въ лицѣ онъ предавался распутствамъ всякаго рода, проводя дни и ночи въ непрерывной дѣлн вакханалій и оргій. Хорошо, однако, долженъ былъ быть Лицей, «святую годовщину» котораго воспоминалъ съ умиленіемъ Пушкинъ,—Лицей, имѣвшій во главѣ такого замѣчательнаго человѣка и педагога, какъ Энгельгардтъ, и вынустившій, на разнородное служеніе Россіи одновременно съ Пушкинымъ, князя Горчакова, а впослѣдствіи Салтыкова, Рейтерна, Головина, братьевъ Гротъ и др.,—хорошо онъ былъ, если въ немъ возможно было учредить непрерывную дѣлн оргій и вакханалій! Баронъ Корфъ ставитъ Пушкину въ вину не только то, что у автора ряда проникнутыхъ глубокою и сознательною вѣрой произведеній—не было внутренней религіи, но даже и то, что онъ не имѣлъ и какой-то спеціальной и, вѣроятно, подчасъ не безвыгодной и вѣшней религіи. На счетъ Пушкину дружескою рукою ставится и то, что его сестра въ «зрѣломъ возрастѣ ушла и тайно обвѣчалась», при чемъ строки, содержащія это извѣстіе, принадлежатъ не дворянину миргородскаго повѣта Ивану Никифоровичу Довгочуду въ его прошеніи, а выдающемуся по своему служебному положенію сапожнику, который доходитъ до апогея въ своей «горькой правдѣ» о Пушкинѣ, заявляя, что послѣдній «не имѣлъ даже порядочнаго фрака!»

Указаніе Пушкина, въ письмѣ къ Зубкову, на свои сомнѣніи о возможности дать счастье любимому существу, еще разъ подтверждаетъ, что въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вождѣліямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, но и для болѣе уточненнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ вѣчатѣвіяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ. Онъ характеризовалъ эгоизмъ, какъ явленіе часто отвратительное, но отноду не смѣшное, ибо онъ «отмѣнно благороднее». Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ—эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. «Есть люди», говоритъ Пушкинъ, «которые любятъ себя съ такою пѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности». Пронувѣдъ благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать «о другихъ», объ ихъ страданіяхъ, внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокоумѣрнымъ взглядомъ на людей, которыхъ «мы почитаемъ лишь нулями, а единицами себя». Въ противоположеніи чужого счастья собственному эгоизму состоятъ и смыслъ заключительныхъ строкъ знаменитой его поэмъ, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, называемой Пушкинымъ своимъ «вѣрнымъ идеаломъ», а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ «съ его безнравственной душой, себялюбивою, сухой, — съ его озлобленнымъ умомъ, кпящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Василій Петровичъ Зубковъ, которому адресовано письмо Пушкина, родившійся 14 мая 1800 года, воспитывался дома и обучался затѣмъ въ основанной и руководимой генераломъ П. Н. Муравьевымъ «школѣ для колонно-вожатыхъ». Тяжелое нездоровье заставило его оставить службу въ колонно-вожатыхъ и перейти въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, откуда въ 1823 г. онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству совѣтникомъ московской палаты гражданскаго суда. Въ 1825 году на него пало подозрѣніе въ участіи въ од-

номъ изъ тайныхъ обществъ, подготовившихъ заговоръ, выразившійся въ событіяхъ 14 декабря. Записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашемъ, исполнены историческаго и бытоваго интереса. Приемы допроса декабристовъ, условия ихъ содержанія, личности членовъ слѣдственной комиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени. Зубковъ подробно описываетъ въ нихъ своей арестъ въ Москвѣ, 3 января 1826 года, вызванный, по его догадкамъ, его близостью къ Пушкину и въ особенности къ Кашкину, и настроеніе разныхъ слоевъ московскаго общества, выразившееся, съ одной стороны, въ сочувствіи къ арестованнымъ и недружелюбной мысли, что бы ихъ могли взять въ крѣпость, а съ другой стороны рѣзкими проявленіями малодушія и трусости, доходившими до написанія на портретахъ Орлова и Пикеты Муравьева ихъ бывшими подчиненными слова «traître» и выкинутіемъ ихъ изъ гостиницы въ подвалъ. Пробывъ въ Петропавловской крѣпости около шести недѣль, Зубковъ, послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій—у него была семья въ Москвѣ—былъ отпущенъ на свободу, какъ инкъмъ не оговоренный... Въ 1843 году онъ былъ уже оберъ-прокуроромъ, а въ 1855 году сдѣланъ сенаторомъ, но въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ въ отставку и окончательно поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1862 году. Въ молодые годы онъ вращался въ свѣтскомъ обществѣ Москвы и былъ близокъ къ Пушкинымъ, кн. В. О. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ.

Василій Петровичъ Зубковъ былъ женатъ на воспитанницѣ Екатерины Владиміровны Апраксиной, Аннѣ Федоровнѣ Пушкиной, очень дальней родственницѣ поэта. Зубкова была настоящей красавицей: стройная, высокая ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными «какъ смоль» глазами. Младшая сестра ея, тоже воспитанница Апраксиной, Софія Федоровна, по описанію Елизаветы Петровны Янковой, была маленькаго роста, «кромка», живая и веселая блондинка, напоминавшая саксонскую фарфоровую куколку. Ей было двадцать лѣтъ отъ роду (родилась 21 апрѣля 1806 года) когда се встрѣтилъ въ Москвѣ и былъ увлеченъ ею Пушкинъ.

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 9 ноября Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: «долго здѣсь не останусь. Въ Пе-

тербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му (декабря)... она велѣла. Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться». Ему же пишетъ онъ изъ Пскова отъ 1 декабря: «Ѣду къ вамъ и не доѢду. Какой! Меня доѣзжаютъ... во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Овѣгина, я проигрывалъ въ штосъ четвертую. Не забавно!...» Въ концѣ ноября изъ Пскова онъ посылаетъ Соболевскому, повидимому, приведенное выше письмо на имя Зубкова, говоря: «Перешли письмо Зубкову, безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. Надняхъ буду у васъ, покажѣтеся снизу или лежу въ Псковѣ». Слова: «она велѣла» относятся безъ сомнѣнія, къ Софіи Федоровнѣ Пушкиной, и можно не безъ основанія предположить, что именно о ней говоритъ поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ 1 ноября 1826 года въ Москвѣ и относимомъ Анненковымъ то къ Кюхельбекеру, то къ Плещеву.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ унылыхъ робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней.
Тогда изгнаннымъ и могилей,
Несчастный, будешь ты готовъ
Кунить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

Пушкинъ останавливался, въ одинъ изъ своихъ прѣздовъ въ Москву въ 1826 году у Зубкова. У него же написалъ онъ свои «Стансы», вызвавшіе [несправедливыя] нареканія «друзей» и отвѣтъ имъ въ 1828 г.: «Нѣтъ, я не лстець»... который онъ заключаетъ полными глубокаго смысла словами:

Нѣтъ, братья, лстець лукавъ,
Лстець на Царя бѣду паклещеть...
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничеть.

Не надо забывать, что предъ встрѣчей съ Софьей Федоровной Пушкинъ болѣе года провелъ въ принудительномъ уединеніи своего родового сельца Михайловскаго, подъ тройнымъ надзоромъ предводителя дворянства Пешурова, настоятеля Успенскаго Святогорскаго монастыря и

СОФЬЯ ФЕДОРОВНА ПАНИНА,
урожденная ПУШКИНА.

Съ акварели, принадлежащей Пушкинскому общ.

своего отца. Здѣсь «въ забытой глуши, во мракѣ заоченья, въ обители пустынныхъ выюгъ и млада» потекли для него тускыя и тяжелыя дни, особенно омрачаемые ссорами съ отцомъ, избалованнымъ и слезливымъ эгоистомъ. «Поэта домъ опальный» подчасъ до того становился для него невыносимымъ, что онъ писалъ Жуковскому: «спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ» и думалъ о самоубійствѣ, находя, что «глухо часъ отъ часу вязнуть въ тинѣ жизни».

Но съ начала 1825 года въ этомъ печальномъ существованіи стали являться просвѣты, приносившіе съ собою успокоеніе и жизнерадостную бодрость. Въ февралѣ Пушкина посѣтилъ П. Н. Пущинъ, «мой первый другъ, мой другъ бездѣльный», которому черезъ 33 года послѣ этого слезы мѣшали писать объ ихъ радостномъ свиданіи; затѣмъ отозвалась графиня Е. К. Воронцова, талисманомъ которой такъ дорожилъ воспѣвшій ее Пушкинъ,—произошла вторичная встрѣча съ Керигъ, сказавшая гостепріимная доброта Тригорскаго и вступила въ свои трогательныя права заботливости старой няни Арины Родионовны, подаромъ внушившей Пушкину слова: «Голубка дряхлая моя, подруга дней моихъ суровыхъ». Все это повлияло на душевное настроеніе Пушкина. Его душѣ «настало пробужденье»; она стала жить и получать даръ слезъ и любви. Именно въ это время онъ, по собственнымъ словамъ почувствовалъ, что «духъ его вполне развился, и онъ можетъ творить». Изъ подъ пера его вылились—рядъ главъ «Евгенія Онегина», «Борисъ Годуновъ», «Графъ Нулинъ», сцены изъ «Фауста», «Цыганы» и рядъ удивительныхъ лирическихъ произведеній, между которыми достаточно назвать «19 октября», «Я помню чудное мгновенье», «Подражанія Корану», «Пророкъ» и «Андрей Шенье».

Поэтомъ, когда, 8 сентября 1826 г., доставленный въ Москву по Высочайшему повелѣнію, Пушкинъ предсталъ предъ Императоромъ Николаемъ I, онъ уже сознавалъ, что отъ земной власти могли зависть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его «предназначенье». Онъ чувствовалъ, что его призваніе быть «пророкомъ» своей родины, «глаголомъ жечь сердца людей» и «ударять по нимъ съ невѣданною силой». Его ждало загадочное и тревожившее его разрѣшеніе

его судьбы, но онъ не забывалъ, что ему, «свѣтланому небомъ и вѣду», нельзя молчать «спотуя очи долу». Вѣрнѣй своей ненависти къ лжи, до забвенія собственной опасности, «сужался, презиралъ обманъ и стезею правды бодро слѣдуя», на роковой вопросъ: «принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ 14 декабря 1825 г.?»—онъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою дружбу съ заговорщиками.

Государь, по словамъ поэта, «спотыль его вдохновеніе и освободилъ его мысль». Пушкинъ получилъ свободу жить въ Москвѣ и сразу окупился въ шумную, во случаю коронаціонныхъ торжествъ, жизнь московскаго общества: «Москва приняла Пушкина, остановившагося у пріятеля своего Соболевскаго, съ восторгомъ,—и шеть въ своихъ воспоминаніяхъ Шевыревъ,—его вездѣ носили на рукахъ; во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на него; въ мазуркѣ и котильонѣ дамы выбирали поэта безпрерывно». Все это, однако, не могло увлечь Пушкина и наполнить его жизнь. Онъ жаждалъ дѣлаться послѣдними плодами своего творчества и провѣрять его въ кружкахъ истинныхъ цѣнителей и судей. Онъ трижды читалъ у князя Вяземскаго и Веневитинова «Бориса Годунова», относительно котораго ему былъ впоследствии преподанъ, подъ вліяніемъ записки Бенкендорфа, внушительный совѣтъ «передѣлать свою комедію, но иужномъ очистицъ, въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта». Слушатели чтеній—Веневитиновъ, Боратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Шевыревъ, князь Вяземскій—не раздѣлили однако такого взгляда, находя, повидимому, что подражать Вальтеръ-Скотту въ томъ, что достойно Шекспира, не слѣдуетъ. «О, какое удивительное было утро, оставившее слѣды на всю жизнь!—восклицаетъ Погодинъ, вспоминая черезъ 40 лѣтъ объ одномъ изъ такихъ чтеній,—не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать; да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ были мы потрясены!»

Возбужденное и жизнерадостное настроеніе Пушкина, подулывшаго, какъ онъ писалъ князю Вяземскому, на ряду съ жизнью въ Москвѣ возможность «поэтическаго наслажденія возвращенія вольнымъ въ похитутую тюрьму», конечно, сыграло большую роль въ его увлеченіи Софіей Федоровной.

Но по отношенію къ ней матримо-

пальнымъ планамъ поэта не суждено было осуществиться. Незвѣстно имѣлъ ли Зубковъ съ нею и, конечно, съ родителями ея—объясненіе по поводу горячей просьбы Пушкина «женить его!»—Но если онъ и сдѣлалъ попытку исполнить данное ему поэтомъ порученіе, то, во всякомъ случаѣ, она не сопровождалась удачей, такъ какъ уже въ декабрѣ 1826 года Софія Федоровна была помолвлена съ Валеріаномъ Александровичемъ Панинымъ—со «сквернымъ Панинымъ», который не сталъ «дожидаться Фоминной» чтобы посвататься. Она считалась между «вывозимыми» московскими дѣвицами въ половинѣ двадцатыхъ годовъ одной изъ первыхъ красавицъ. Свѣтскій успѣхъ, при «преживомъ и превеселомъ»—по отзыву современницы (Явковой)—правѣ едва ли давалъ ей возможность выдѣлнть изъ среды восхищенныхъ ею поклонниковъ Пушкина и, понявъ его душевную глубину, сознательно откликнуться на его чувство. «Малютка Панинъ» какъ его называла въ одномъ современномъ письмѣ Мухомова—оказался болѣе подходящимъ къ «кромкѣ Пушкиной», чѣмъ, «выброшенный грозой на берегъ таинственный пѣвецъ».—Въ январѣ 1827 года состоялась ея свадьба съ Панинымъ, который былъ впоследствии смотрителемъ Вдовьяго дома въ Москвѣ и отъ котораго она имѣла трехъ сыновей и дочь. Она умерла 27 января 1862 года. Быть можетъ иѣкоторый отголосокъ чувства отвергнутой любви поэта звучитъ въ написанномъ имъ въ 1827 году стихотвореніи «Соловей», гдѣ говорится:

«Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
«Опомнись о поэтѣ, къ чему стремишься ты?
«Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
«Глядишь—она цвѣтетъ; вызваешь—иѣтъ отвѣта.

Послѣдняя приписка къ письму Пушкина къ Зубкову объясняется тѣмъ, что поэтъ былъ суевѣренъ и вѣрилъ въ примѣты и талисманы. Въ качествѣ послѣднихъ у него было иѣсколько перстней. Гасвскій указываетъ на четыре такихъ: одинъ съ сердолиткомъ, подаренный Пушкину графиней Елизаветой Кеверьевной Воронцовой, принадлежавшій впоследствии Н. С. Тургеневу и пожертвованный г-жею Вѣрдо Пушкинскому музею Анцелъ; другой, подаренный вдовою Пушкина Далу, съ изумрудомъ, находящійся нынѣ у Великаго

Князя Константина Константиновича; третій съ блѣдной, грушевидной бирюзой, подаренный поэту Пашокинымъ и снятый секундантомъ Пушкина Данзасомъ уже съ его похолодѣвшей руки, и четвертый съ маленькой бирюзой. Быть-можетъ, въ приискѣ къ письму рѣчь идетъ именно объ этомъ послѣднемъ перстнѣ, такъ какъ, по удостовѣренію Анисенкова, Пашокинскій перстень съ бирюзой былъ заказанъ уже въ 30-хъ годахъ.

Тяжелымъ и полнымъ горечи путемъ вела судьба великаго поэта. Она могла сказать «избранному небомъ пѣвцу» словами его Мефистофеля:

«Желалъ ты славы—и добился
Хотѣлъ влюбиться—и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможную дань,
А былъ ли счастливъ?...»

Оставаясь въ области предположеній, можно думать, что сдѣлался Софія Федоровна женою Пушкина, быть-можетъ творчество его было бы поставлено въ иныя условія и не было бы прервано такъ рано, такъ жестоко. Къ горечи послѣднихъ лѣтъ его жизни, опутанной матеріальными затрудненіями и скованной условностями и суетными обычаями большого свѣта, примѣшалась еще и клевета, такъ часто его преслѣдовавшая всю жизнь. Она вползла и въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ Пушкина перасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей безпомощности противъ враждебнаго вторженія празднаго злорѣчія въ «святая-святыхъ» его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое силовое свойство могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанная съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византію и Іерусалимъ, о которыхъ онъ думалъ написать поэму, — онъ порывался даже въ далекій Китай. Но Бенкендорфъ, вояркой и лицемѣрной «дружбѣ» котораго былъ вѣрнее Государемъ Россіи ея великій поэтъ, держалъ его, какъ Прометей, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ коршунамъ терзать сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: «пора! пора! покоя сердце проситъ»... Печистыя руки вооружили клеветническое перо, и участь Пушкина была рѣшена...

А. О. Кони.

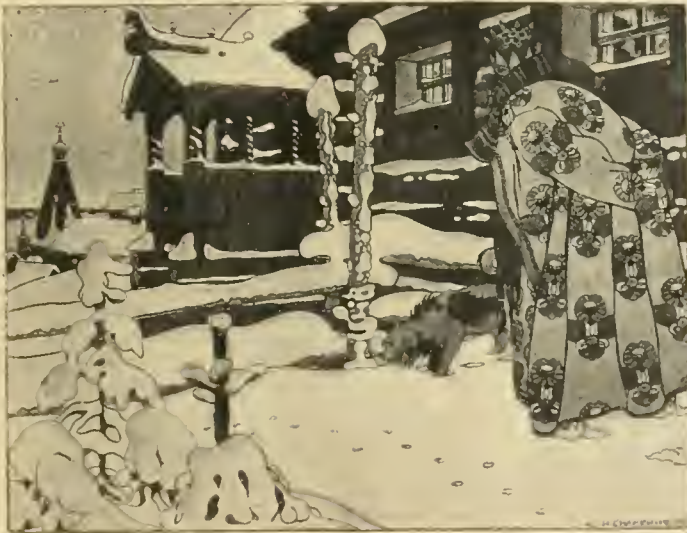

КАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ,
О СЫПѢ ЕВЪ, СЛАБОМЪ И МОГУ-
ЧЕМЪ БОГАТЫРѢ, КПАЗѢ РИ-
ДОПѢ САЛАПОВИЧѢ, ПО ПЕ-
КРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕСЕДН-

Вилъетка Н. Билибина.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,

То на весь бы міръ одна
Паткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.
Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,

ЦАРЬ САЛТАНЪ ПОДСЛУШИВАЕТЪ ТРЕХЪ ДѢВИЦЪ.

Рисунокъ Н. Билибина.

И въ свѣтлицу входитъ царь,
 Стороны той государь.
 Во все время разговора
 Онъ стоялъ позадь забора;
 Рѣчь послѣдней по всему
 Полюбилася ему.
 Здравствуй, красная дѣвица,
 Говорить онъ, будь царица
 И роди богатыря
 Миѣ къ пеходу сентября.
 Вы жъ, голубушки-сестрицы,
 Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
 Побѣжайте вслѣдъ за мной,
 Вслѣдъ за мной и за сестрой:
 Будь одна изъ васъ ткачиха,
 А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
 Всѣ пустились во дворецъ.
 Царь недолго собирался:
 Въ тотъ же вечеръ обвѣчался.
 Царь Салтанъ за ширъ честной
 Съль съ царицей молодой;
 А потомъ честные гости
 На кровать слоновой кости
 Положили молодыхъ
 И оставили однихъ.
 Въ кухнѣ злится повариха,
 Плачетъ у станка ткачиха—
 И завидуютъ онѣ
 Государевой женѣ.
 А царица молодая,
 Общашье выполняя,
 Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ-поры война была.
 Царь Салтанъ, съ женой простяся,
 На добра-коия садяся,
 Ей показывалъ себя
 Поберечь, его любя.
 Между тѣмъ, какъ онъ далѣко
 Бьется долго и жестоко,
 Наступаетъ срокъ родить;
 Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ,
 И царица надъ ребенкомъ,
 Какъ орлица надъ орленкомъ;
 Шлетъ съ письмомъ она гонца,
 Чтобъ обрадовать отца.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Извести ее хотять,
 Перенить гонца велить;
 Сами шлютъ гонца друга
 Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
 «Родила царица въ ночь
 «Не то сына, не то дочь;
 «Не мышенка, не лягушку,
 «А невѣдому звѣрюшку».

Какъ услышалъ царь-отецъ,

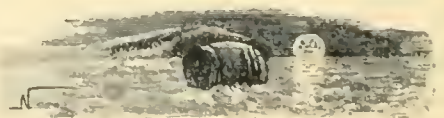
Что донесъ ему гонецъ,
 Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить,
 И гонца хотѣлъ повѣсить;
 Но, смягчившись на сей разъ,
 Далъ гонцу такой приказъ:
 «Ждать царева возвращенья
 «Для законнаго рѣшенья».

Бѣдетъ съ грамотой гонецъ,
 И прѣхалъ наконецъ.
 И ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Обобратъ его велятъ:
 Довьяна гонца поятъ
 И въ суму его пустую
 Суютъ грамоту другую—
 И привезъ гонецъ хмѣльной
 Въ тотъ же день приказъ такой:
 «Царь велитъ своимъ боярамъ,
 Времени не тратя даромъ,
 И царицу и приплодъ
 Тайно бросить въ бездну воды.»
 Дѣлать нечего: бояре,
 Потуживъ о государѣ
 И царицѣ молодой,
 Въ спальню къ ней пришли толпой.

Рисунокъ М. Пестерева.

Объявили цареку волю—
 Ей и сыну злую долю,
 Почташъ вслухъ указъ,
 И царицу въ тотъ же часъ
 Въ бочку съ сыномъ посадили,
 Засмолили, покатали
 И пустили въ Океанъ—
 Такъ вслѣдъ-де царь Салтанъ.

Рисунокъ Пестерева.

ТРИ ДѢВУШЫ ПОДЪ ОКНОМЪ

Рисунокъ Виктора Васнецова

И съ съвѣтцѣмъ дружитьи
 Стероны сол гонимъ,
 Но все время работеръ,
 Онь, стоить по амъ доберъ,
 Рѣи по. Вренъ по всеи,
 По. по. по. по. по. по.
 Зравенуи, вренъи Френъ,
 Голдиль онь, тамъ даридъ,
 И роиъ бондильеръ,
 Миѣ же, же, же, же, же,
 Же, же, же, же, же, же,
 Че. че. че. че. че. че,
 Не. не. не. не. не. не,
 Че. че. че. че. че. че,
 Буде. буде. буде. буде. буде,
 А. а. а. а. а. а. а.

И съ сѣни велика царь-отецъ,
 Вебъ дучинъе во шореръ,
 Царь педолго собирался,
 Въ тотъ же вечеръ обивчался,
 Царь Салтанъ за ширъ честной
 Сѣль съ царидей молодой,
 А потомъ честные гости
 На кровать слововой коши,
 Подоживъ молодиль,
 И севалии одинухъ,
 Въ сучиѣ дитя поврнха,
 Изъ оны у стѣны ткашила—
 И сводуотъ оиѣ
 Бюхуартой жонѣ,
 А вренъи хонѣ,
 Обидило величнѣи,
 Же. же. же. же. же. же.

Че съ-поры война быиъ,
 Царь Салтанъ, съ жонѣи простилъ,
 Че добра-коия сади я
 Уи наказывалъ себя
 Поберечь, его любя
 Между гѣмъ, какъ онь тѣло
 Блестя долги и жестоко,
 Наступастъ срокъ роишиъ,
 Тѣмъ боъ имъ дялъ въ аривнъ,
 И дарюи пѣлъ ребенкомъ,
 Буиъ бондиль пѣлъ орликкомъ;
 Шветъ съ шимомъ сна тонца,
 Дѣлкъ с. р. р. р. р. р. р.
 А. а. а. а. а. а. а.
 Съ. съ. съ. съ. съ. съ. съ.
 П. п. п. п. п. п. п.
 Д. д. д. д. д. д. д.
 К. к. к. к. к. к. к.
 В. в. в. в. в. в. в.
 С. с. с. с. с. с. с.
 М. м. м. м. м. м. м.
 Ч. ч. ч. ч. ч. ч. ч.
 Ш. ш. ш. ш. ш. ш. ш.
 Ц. ц. ц. ц. ц. ц. ц.
 Ч. ч. ч. ч. ч. ч. ч.
 Ш. ш. ш. ш. ш. ш. ш.
 Ц. ц. ц. ц. ц. ц. ц.

Что донесъ ему гонецъ,
 Въ гибѣи началъ онь чудеситъ,
 И тонца хотѣлъ повѣститъ:
 Но, сматчивнись на сей рѣкъ,
 Дѣлкъ тонцу такой привази:
 «Дѣлтъ дарена возвращеннѣи
 «Дѣлкъ законнаго рѣшеннѣи».

Идетъ съ грамотою гонецъ,
 И вриѣхалъ наконецъ,
 И лѣчлѣ съ поварихонъ,
 Съ савлей бѣбѣи Бабарихонъ,
 Обобдѣи съ савлей:
 Дѣлкъ оиъ тонцу пѣлтъ,
 И по. по. по. по. по. по.
 С. с. с. с. с. с. с.
 И вренъи рѣдѣи, же. же. же.
 Въ тотъ же. же. же. же. же. же.
 «Царь великъ себѣмъ собралъ,
 Времени не грати даромъ,
 И цариду и приплодъ,
 Тайно броситъ въ бездну водъ.»
 Дѣлтъ пѣчеге: биларъ,
 Потуживъ о государѣ
 Въ спалино къ ней приими голпѣи

ОМОННО ДЛО ПИЩИ ДИТЯ

Рисункъ Виснофа Виснокова

Рисункъ М. Нестерова.

Объявилъ царску волю—
 Еи в сѣну здуи долю,
 Почивати вслухъ указъ,
 И цариду въ тотъ же часъ,
 Въ бонку съ сѣномъ посадилъ
 За. за. за. за. за. за.
 В. в. в. в. в. в. в.
 И. и. и. и. и. и. и.
 А. а. а. а. а. а. а.

Рисункъ Нестерова.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
 Въ синемъ морѣ волны хлещутъ:
 Туча по небу идетъ,
 Бочка по морю плыветъ.
 Словно горькая вдовица,
 Плачетъ, бьется въ ней царица:
 И растетъ ребенокъ тамъ
 Не по днямъ, а по часамъ.
 День прошелъ, царица вопить...
 А дитя волну торожить:
 «Ты, волна моя, волна!
 «Ты гульлива и вольна;
 «Плещешь ты, куда захочешь,
 «Ты морскіе камни точишь,
 «Точишь берегъ ты земли,
 «Подымаешь корабли—
 «Не губи ты нашу душу:
 «Вынеси ты насъ на сушу!»
 И послушалась волна:
 Тутъ же на берегъ она
 Бочку вынесла легонько,
 И отхлынула тихонько.
 Мать съ младенцемъ спасена;

Землю чувствуетъ она.
 Но изъ бочки кто нѣхъ вынетъ?
 Богъ не ужь-то нѣхъ покинетъ?
 Сыиъ на пожки поднялся,
 Въ дно головкой уперся,
 Попатужился неможко:
 Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
 Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
 Вышибъ дно и вышелъ воиъ.
 Мать и сыиъ теиерь на воиъ;
 Видать холмъ въ широкомъ полѣ;
 Море синее кругомъ,
 Дубъ зеленый надъ холмомъ,
 Сыиъ подумалъ: добрый ужинъ
 Былъ бы намъ одноко нуженъ.
 Ломить онъ у дуба сукъ
 И въ тугой сгибаетъ лукъ,
 Со креста спурокъ шелковой
 Натянулъ на лукъ дубовой,
 Тонку тросточку сломилъ,
 Стрѣлкой легкой заострилъ
 И пошелъ на край долины
 У моря пскать дичины.

ЦАРЕВИЧЪ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ.

Рисунокъ А. Рябушкина.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
 Вотъ и слышнть будто стонъ...
 Видно на морѣ не тихо;
 Смотрить—виднть дѣло лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршунъ носится надъ кей;
 Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
 Воду вокругъ мутитъ и хлещетъ...
 Тотъ ужъ когти разпустилъ,
 Клювъ кровавый наострилъ...

Но какъ разъ стрѣла заиѣла,
 Въ шею коршуна заиѣла—
 Коршунъ въ море кровь пролилъ,
 Лукъ царевичъ опустилъ;
 Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ,
 И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
 Лебедь около плыветъ,
 Злаго коршуна клюетъ,
 Гибель близкую торожитъ.
 Бьетъ крыломъ и въ море тонитъ

И царевичу потомъ
 Молвить Русскимъ языкомъ:
 Ты, царевичъ, мой спаситель,
 Мой могучій избавитель,
 Не тужи, что за меня
 Бѣсть не будешь ты три дня,
 Что стрѣла пропала въ морѣ;
 Это горе—все не горе.
 Отплачу тебѣ добромъ,
 Сослужу тебѣ потомъ:
 Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
 Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
 Ты не коршуна убилъ,
 Чародѣя подстрѣлилъ.
 Вѣѣкъ тебя я не забуду:
 Ты найдешь меня повсюду,
 А теперь ты воротись,
 Не горюй и спать ложись.
 Улетѣла лебедь-птица,
 А царевичъ и царица,
 Цѣлый день провели такъ,
 Лечь рѣшились патошакъ.
 Вотъ открылъ царевичъ очи;
 Отрясая грѣзы ночи
 И дивясь, передъ собой
 Видитъ городъ оный большой,
 Стѣны съ частыми зубцамъ
 И за бѣлыми стѣнами
 Блещутъ маковки церковей
 И святыхъ монастырей.
 Оный скорѣй царицу будитъ;
 Та какъ ахнетъ!... То ли будетъ?
 Говоритъ оный, вижу я:
 Лебедь тѣнится моя.
 Мать и сынъ идутъ ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвонъ
 Поднялся со всѣхъ сторонъ:
 Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
 Хоръ церковный Бога хвалитъ;
 Въ колымагахъ золотыхъ
 пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
 Всѣ ихъ громко величаютъ
 И царевича вѣнчаютъ
 княжей шапкой, и главой
 Возглашаютъ надъ собой:
 И среди своей столицы,
 Съ разрѣшенія царицы,
 Въ тотъ же день сталъ княжить оный
 И парекся: князь Гвидонъ.
 Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Оный бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На раздутыхъ парусахъ.
 Корабельщики двигаясь,
 На корабликѣ толкаясь,
 На знакомомъ острову

Чудо видятъ наяву:
 Городъ повый златоглавой,
 Пристань съ крѣпкою заставой—
 Пушки съ пристани палятъ,
 Кораблю пристать велятъ.
 Пристаютъ къ заставѣ гости:
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
 Ихъ оный кормитъ и поитъ
 И отвѣтъ держать велитъ:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали соболями,
 Чернобурыми лисами;
 А теперь намъ вышелъ срокъ,
 Ыдемъ прямо на востокъ,
 Мимо острова Буяна
 Въ царство славнаго Салтана...
 Князь имъ вымолвилъ тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по океану
 Къ славному царю Салтану;
 Отъ меня ему поклонъ.
 Гости въ путь, а князь Гвидонъ
 Съ берега душой печальной
 Провожаетъ бѣгъ ихъ дальшой;
 Глядь—поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плывѣтъ.
 Здравствуй, князь ты мой прекрас-
 ной!
 Что ты тихъ, какъ день ненастной?
 Опечалился чему?
 Говоритъ она ему.
 Князь печально отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
 Одолѣла молодца:
 Видѣтъ я бѣ хотѣлъ отца.
 Лебедь князю: вотъ въ чемъ горе
 Ну, послушай: хочешь въ море
 Полетѣть за кораблѣмъ?
 Будь же, князь, ты комаромъ.
 И крылами замачала,
 Воду съ шумомъ расплескала,
 И обрызгала его
 Съ головы до ногъ всего.
 Тутъ оный въ точку уменьшился.
 Комаромъ оборотился,
 Полетѣлъ и заищальъ,
 Судно на морѣ догналъ,
 Потихонько опустился
 На корабль—и въ щель забился.
 Вѣтеръ весело шумитъ,
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна
 Къ царству славнаго Салтана,
 И желанная страна

Вотъ ужъ издали видна,
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости—

И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сія въ златѣ,

Рисунокъ Бартрама.

Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, или худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
Молвить онъ: коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,

У Гвидона погошу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудной островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну, право,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ,
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка и ѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣдила,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.
Слова князь у моря ходитъ,

Съ снѣга моря глазъ не сводитъ;
 Глядь—поверхъ текущихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветь.
 Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что жъ ты тихъ, какъ дѣвѣ несчаст-

ной?
 Онечлнлся чему?
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
 Чудо чудное завестъ
 Миѣ бѣ хотѣлось. Гдѣ-то есть:
 Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
 Диво, право, не бездѣлка—
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые,
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ;
 Но, быть можетъ, люди врутъ.
 Князю лебедь отвѣчаетъ:
 «Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
 «Это чудо знаю я;
 «Подно, князь, душа моя,
 «Не печалься; рада службу
 «Оказать тебѣ я вѣружбу.»
 Съ ободренною душой
 Князь пошелъ себѣ домой;
 Лишь ступилъ на дворъ широкой—
 Что жъ? подъ елкою высокой,
 Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
 Золотой грызетъ орѣхъ,
 Изумрудецъ вынимаетъ,
 А скорлупку собираетъ,
 Кучки равныя кладетъ,
 И съ привнсточкой поетъ
 При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.
 Изумился князь Гвидонъ.
 Ну, спасибо, молвилъ онъ,
 Ай-да лебедь—дай ей Боже,
 Что и миѣ, веселье то же.
 Князь для бѣлочки потомъ
 Выстроилъ хрустальный домъ,
 Караулъ къ нему приставилъ
 И при томъ дѣла заставилъ
 Строгий счетъ орѣхамъ вести.
 Князю прибыль, бѣлкѣ честь.
 Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И караблнкъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжитъ себѣ въ валашъ
 Изъ поднятыхъ парусовъ
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большаго;
 Пушки съ пристани палать,
 Кораблю пристать велать.
 Пристають къ заставѣ гости:

Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
 Ихъ и кормитъ и поитъ
 И отвѣтъ держать велитъ:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь поплывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали мы конями,
 Все Донскими жеребцами,
 А теперь намъ вышель срокъ—
 И лежитъ намъ путь далѣкъ:
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана...
 Говоритъ имъ князь тогда:
 «Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по океану,
 Къ славному царю Салтану;
 Да скажите: князь Гвидонъ
 Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
 Вышли вонъ и въ путь пустились.
 Къ морю князь—а лебедь тамъ
 Ужъ гуляетъ по волнамъ.
 Молитъ князь: душа-де проситъ,
 Такъ и тянетъ и уноситъ...
 Вотъ опять она его
 Вмигъ обрызгала всего:
 Въ муху князь оборотился,
 Полетѣлъ и опустился
 Между моря и небесъ
 На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ,
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана—
 И желанная страна
 Вотъ ужъ издали видна;
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видитъ: весь сѣя въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ.
 А ткачиха съ Бабрихой,
 Да съ кривою поварихой,
 Около царя сидятъ,
 Злыми жабами глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 Ой вы, гости-господа,
 Долго ль бѣдили? куда?
 Ладно ль за моремъ, или худо,
 И какое въ свѣтѣ чудо?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ:

За моремъ житье пехудо:
 Въ свѣтѣ-жъ вогъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами да садами:
 Ель растегъ передъ дворцомъ,
 А подъ ней хрустальный домъ:
 Бѣлка тамъ живетъ ручная,
 Да затѣйница какая!
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые,
 Все скорлупки золотыя.
 Ядра—чистый изумрудъ:
 Слуги бѣлку стерегутъ,
 Служать ей присадугой разной—
 И приетаенъ дьякъ приказной—
 Строгий счетъ орѣхамъ вестъ:
 Одасть ей войско чести:

Шъ скорлупокъ люють монету,
 Да пусваютъ въ ходъ по свѣту:
 Дѣвки сыплютъ изумрудъ
 Въ кладовыя, да поденудъ:
 Всѣ въ томъ островѣ богаты,
 Пзобъ пѣтъ, вездѣ палаты:
 А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
 Онъ прислагъ тебѣ поклонъ.
 Царь Салтанъ дивится чуду.
 Если только живъ я буду,
 Чудный островъ навѣщу,
 У Гвидона погощу.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотять его пусить
 Чудный островъ навѣститъ.
 Усмѣхнувшись изподтиха,
 Говоритъ царю ткачиха:
 Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
 Бѣлка камушки грызѣтъ,

ТРИЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ.

Рисунокъ Аполлинарія Васнецова.

Мечетъ золото, и въ груди
 Загребаеть изумруды;
 Этимъ насъ не удивишь,
 Правду ль, пѣтъ ли говоришь.
 Въ свѣтѣ есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Разольется въ шумномъ бѣгѣ
 И очутятся на брегѣ,
 Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
 Тридцать-три богатыря,
 Всѣ красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Всѣ равны, какъ панодборъ—

Съ ними дядька Черноморъ.
 Это диво, такъ ужъ диво,
 Можно молвить справедливо!
 Гости умные молчатъ,
 Спорить съ нею не хотять.
 Диву царь Салтанъ дивится,
 А Гвидонъ-то злится, злится...
 Зажужжалъ онъ и какъ разъ
 Теткѣ сѣтъ на лѣвый глазъ,
 И ткачиха поблѣдила:
 Аи! и тутъ же окривѣла:
 Всѣ кричатъ: лови, лови,
 Да дави ее, дави...
 Вотъ ужъ! постой немножко,
 Погоди. . . А князь въ окошко,

Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ:
Глядь: поверхъ текущихъ водъ
Лебедь бѣлая плывѣтъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, бабъ день несчастной?
Опечалился чему?»

Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Диво бѣ дивное хотѣлъ
Перепестъ я въ мой удѣлъ.
«А какое жъ это диво?»
—Гдѣ-то вздуется бурливо
Обианъ, подыметъ вой,
Хлывнетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ.
Въ чемуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыри,
Всѣ красавицы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Миѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Вскочилося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыри;
Въ чемуѣ какъ жаръ горя,
Путь витязи челами,
И блнстая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду нхъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорожныхъ гостей встрѣчаетъ:
Вторыхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой храни
И дозоромъ обходить.
Мы огниѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непременно
А высокиѣ стѣны твоиѣ

Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли
Всѣ потому домою ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого
Мимо города большаго:
Пунки съ пристани палятъ,
Кораблию пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости.
Нхъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ:
А лежитъ намъ нуть далѣкъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану.
Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли воиѣ и въ нуть пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ..
Такъ и таетъ и уноситъ..
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ вязъ оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ:
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Подетѣлъ панъ удалецъ.

Вѣтеръ весело шумитъ
Судно весело бѣжитъ.

Рисунокъ П. В. Досыкина.

Видитъ, весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣницѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ—
Четырмя иеѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль вѣдали? куда?
Ладно ль за моремъ вѣзъ худо?
И какое вѣ свѣтѣ чудо?
Корабельщики вѣ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо.
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разилеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать-три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всеѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всеѣ раны, какъ наподборъ:
Старый дядка Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ

И поарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранилъ
И дозоромъ обходить—
И той стражи иѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Когда живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Нигдѣ—но Бабариха
Усѣхнувшись говоритъ:
Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій заглаживаетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяць подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величана,
Выпльиваетъ, будго нава:
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.

Гости умные молчатъ:
 Спорить съ бабой не хотять.
 Чуду царь Салтанъ дивится,—
 А царевичъ хоть и злится,
 Но жалѣеть онъ очей
 Старой бабушки своей:
 Онъ надъ ней жужжить, кружится —
 Прямо на носъ къ ней садится,
 Носъ ужалилъ богатырь:
 На носу вскочилъ воддырь.
 И опять пошла тревога:
 Помогите, ради Бога!
 Караулъ! лови, лови,
 Да дави его, дави...
 Вотъ ужъ! пожди немпожко,
 Погоди!... А имель въ окошко,
 Да снокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Князь у снйя моря ходить,
 Съ снйя моря глазъ не сводить:
 Глядь—поверхъ текучиуъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветь.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что жъ ты тихъ, какъ день несчастной?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня стѣдуетъ:
 Люди женятся; гляжу,
 Неженать лишь я хожу.
 «А кого же на примѣтъ
 Ты имѣешь?»—Да на свѣтъ,
 Говорять, дѣревна есть,
 Что не можно глазъ отвести.
 Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ.
 Ночью землю освѣщаетъ—
 Мѣсяць подъ косой блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выстунаетъ, будто нава;
 Сладку рѣчь-то говоритъ,
 Будто рѣченька журчитъ.
 Только, полно, правда ль это?—
 Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
 Лебедь бѣлая молчитъ
 И подумавъ говоритъ:
 «Да! такая есть дѣвица.
 Но жена не рукавица:
 Съ бѣлой ручки не страхнешь,
 Да за поясъ не заткнешь.
 Услужу тебѣ совѣтомъ —
 Слушай: обо всемъ объ этомъ
 Пораздумай ты путѣмъ,
 Не раскаяйся бѣ потомъ.»
 Князь предъ нею сталъ божиться,
 Что пора ему жениться,
 Что объ этомъ обо всемъ

Передумавъ онъ путемъ;
 Что готовъ душою страстной
 За царевною прекрасной
 Онъ пѣшкомъ итти отсель,
 Хоть за тридевять земель.
 Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
 Молвила: «зачѣмъ далѣко?
 Знай, близка судьба твоя,
 Вѣдь царевна эта—я.
 Тутъ она, взмахнувъ крылами,
 Полетѣла надъ волнами
 И на берегъ съ высоты
 Опустилася въ кусты,
 Встрепенулася, отряхнула
 И царевной обернулася:
 Мѣсяць подъ косой блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ;
 А сама-то величава,
 Выстунаетъ, будто нава;
 А какъ рѣчь-то говоритъ,
 Словно рѣченька журчитъ.
 Князь царевну обнимаетъ,
 Къ бѣлой груди прижимаетъ
 И ведетъ ее скорѣй
 Къ милой матушкѣ своей.
 Князь ей въ ноги, умоляя:
 Государыня-родная!
 Выбралъ я жену себѣ,
 Дочь послушную тебѣ.
 Просимъ оба разрѣшенья,
 Твоего благословенья:
 Ты дѣтей благослови
 Жить въ совѣтѣ и любви.
 Надъ главою ихъ покорной
 Мать съ иконою чудотворной
 Слезы льетъ и говоритъ:
 «Богъ весь, дѣти, наградитъ.»
 Князь недолго собирался,
 На царевичъ обвѣчался;
 Стали жить да поживать,
 Да приплода поджидать.
 Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ.
 На раздутыхъ парусахъ
 Мимо острова крутаго,
 Мимо города большаго:
 Пушки съ пристани память,
 Кораблю пристать велеть.
 Пристають къ заставѣ гости.
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
 Онъ ихъ кормитъ и поитъ
 И отвѣтъ держать велитъ:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы обвѣдали весь свѣтъ:

ЛЕБЕДЬ—ЦАРЕВНА.

Рисунокъ Бартрама.

Горговали мы недаромъ
 Неуказаннымъ товаромъ:
 А лежитъ намъ путь далѣкъ:
 Восволси на востокъ,
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана.
 Князь имъ вымовилъ тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по океану,
 Къ славному царю Салтану:
 Да напомяните ему,
 Государю своему:
 Къ намъ онъ вѣсти обѣщался,
 А доселѣ не собрался—
 Шлю ему я свой поклонъ.
 Гости съ путь, а князь Гвидонъ
 Дома на сей разъ остался
 И съ женою не разстался.
 Вѣтеръ весело шумитъ,
 Судно весело бѣжитъ.
 Мимо острова Буяна
 Къ царству славнаго Салтана,
 И знакомая страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ на берегъ вышли гости,
 Царь Салтанъ доветъ ихъ вѣсти.

Гости видятъ: во дворцѣ
 Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
 А ткачиха съ поварихой
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ,
 Четырьмя всѣ три глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 Ой вы, гости-господа,
 Долго ль бѣдили? куда?
 Ладно-ль за моремъ, пль худо?
 И какое въ свѣтѣ чудо?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы обѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье пехудо,
 Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ,
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами и садами;
 Ель растеть передъ дворцомъ,
 А подъ ней хрустальный домъ:
 Бѣлка въ немъ живеть ручная
 Да чудесница какая!
 Бѣлка и ѣсенки поеть,
 Да орѣшки все грызеть:

А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ:
Бѣлку хлѣять, берсугу.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Заклинитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя.
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ панодборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежибѣи,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣи.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звезда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всеякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ нѣбьетъ онъ:
Къ намъ-де въ-гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Спрядитъ онъ флотъ велѣлъ.

А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотѣть царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынче-жъ бѣду!» Тутъ онъ тошнуетъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнуетъ.
Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва, едва трепещетъ.
И въ лазоревой дани
Показались корабли:
По равнинамъ океана
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ.
Грѣмогласно возонилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда».
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ:
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой:
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.

ЦАРЬ САЛТАНЪ СО СВОЕЮ СВИТОЮ.

Рисунокъ С. Солодки.

Разомъ дунки зашумели:
Въ колокольняхъ зазвонили:
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ:
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой:

Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.
Все теперь идутъ въ палаты:
У воротъ блистаютъ латы,
И стоять въ глазахъ царя
Тридцать-три богатыря.

Всѣ красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны какъ на подборъ.
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Царь вступилъ на дворъ широкой:
 Тамъ подъ елкою высокой
 Бѣлка ибсеиву поестъ,
 Золотой орѣхъ грызеть,
 Изумрудецъ вынимаетъ
 И въ мѣшочекъ опускаетъ:
 И засѣнть дворъ большой
 Золотою скорлупой.
 Гости далѣ—горолливо
 Смотрять—что жь? книжиш-диво:
 Подъ косою луна блестить,
 А во лбу звѣзда горить;
 А сама-то величава,
 Выступаетъ, будто пава,
 И сверсць свою ведеть.
 Царь глядять—и узнатъ...

Въ немъ взыграло ретивое!
 «Что я вижу? что такое?
 Какъ!» и духъ въ немъ зыблется...
 Царь слезами залился,
 Обнимаетъ оиъ царицу
 И сына и молодицу,
 И садятся всѣ за столъ,
 И веселый пиръ пошѣлъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Разбѣжалась по угламъ;
 Нухъ нашии насплу тамъ.
 Тутъ во всемъ оиѣ признались,
 Повшились, разрыдались:
 Царь для радости такой
 Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
 День прошель—даря Салтанъ
 Уложили спать виолыца.
 Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ—
 И усы лишь обмочилъ.

Копцовка Н. Билибина.

680. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВИЦНА.

Великій день Бородина
 Мы братской тризной помня,
 Твердили: «силы же племена,
 «Бѣдой Россіи угрожалъ;
 «Не вся ль Европа тутъ была?
 «А чья звѣзда ее вела!...
 «Но стали жь мы пятою твёрдой,
 «И грудью приняли напоръ
 «Племень, послушныхъ волѣ гордой,
 «И равень былъ неравный споръ.
 «И что жь? свой бѣдственный побѣгъ,
 «Кичась, они забыли пылъ;
 «Забыли Русскій штыкъ и сиѣгъ,
 «Погребшій славу нухъ въ пустынь.
 «Знакомый пиръ нухъ мѣнитъ вновь—
 «Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь;
 «Но гязво будетъ имъ похмѣлье,
 «Но дологъ будетъ сонъ гостей
 «На гбсномъ, младомъ новосельѣ,
 «Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

Дунайге жь къ намъ: вась Русь зоветъ!
 Но знайте, прошеные гости!
 Ужь Польша вась не поведеть:
 Черезъ ся шагнете кости!...»
 Сбылось—и, въ день Бородина,
 Виновъ наши вторглись знамена
 Въ проломы падней вновь Варшавы:
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый
 И бунтъ раздавленный умогъ.
 Въ бореньѣ падшій невредимъ:
 Врѣговъ мы въ прахѣ не топтали;
 Мы не забывимъ пылъ имъ
 Того, что старья скрижали
 Хранять въ преданіяхъ ибмыли:
 Мы не сожемъ Варшавы нухъ:
 Они зародной Пемезиды
 Не узрятъ гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ ибсень обина
 Отъ лиры Русскаго ибвда.

По вы, мучители палатъ,
 Легкоязычные вити,
 Вы, черни бѣдственныи набатъ,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы?... Еще ли Россѣ
Большой, расслабленный колоссъ.
 Еще ли сѣверная слава
 Пустая притча, лживый сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпшетъ гордый свой законъ?
 Куда отдвинемъ строй твердынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Лимаца?
 За кѣмъ останется Вольня?
 За кѣмъ наследіе Богдана?
 Призвавъ мятежныя права,
 Отъ насъ отторгнется ль Литва?
 Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
 Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
 Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
 Святыню вѣхъ своихъ гробовъ?
 Вашъ бурный шумъ и хрипый крикъ
 Смutilи ль Русскаго Владыку?
 Скажите, кто главою поинкъ?
 Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
 Сильна ли Русь? Война, и морь,

И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напоръ
 Ее, бѣеуясь, потрясали—
 Смотрите жъ: все стоитъ она!
 А вокругъ нея волненья пали—
 И Польши участь рѣшена...
 Побѣда! сердцу сладкій часъ!
 Россія! встань и возвышайся!
 Гремь, восторговъ общій гласъ!...
 Но тише, тише раздавайся
 Вокругъ одра, гдѣ Оиъ лежитъ,
 Могучій метитель злыхъ обидъ.
 Кто покорилъ вершины Тавра,
 Предъ кѣмъ смирилась Эривань.
 Кому Суворовскаго лавра
 Вѣнокъ силела тройная брань.
 Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы:
 Вострепетала тѣнь его
 Отъ блеска имъ начатой славы!
 Благословляетъ оиъ, Герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
 И вѣсть триумфа твоего,
 И съ ней делящаго за Прагу
 Младаго вѣвца своего.

681. ОТЪ ВАСЪ УЗНАЛЪ Я ПЛѢНЪ ВАРШАВЫ.

[Изъ записки къ А. О. Смирновой, при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»].

Отъ васъ узналъ я плѣнь Варшавы,
 Вы были вѣстницею славы
 И вдохновеньемъ для меня.

682. СКАЗКА О ПОШЕ И О РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

[Не вполне отдѣлано].

Жилъ-былъ поше
 Талкопный лобъ.
 Пошелъ поше по базару
 Посмотрѣть кой-какого товару.
 На встрѣчу ему Балда
 Идетъ, самъ незная куда.
 Говоритъ пошу: здравствуй борода!
 Что ты, батька, такъ рано на ноги под-
 нялся?
 Чего ты разыскался?
 Поше ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ работ-
 никъ—
 Поваръ, конохъ и плотникъ.
 А гдѣ найти мнѣ такого
 Служителя бѣ не слишкомъ дорогова?
 Балда говоритъ:
 (Не бѣда, коли есть лебѣда)
 Буду служить тебѣ славно.

Усердно и очень исправно,
 Въ годъ за три шелка тебѣ полбу;
 Есть-же мнѣ давай вареную полбу.
 Призадумался поше
 Сталъ почесывать лобъ.
 Шелкъ шелку вѣдь розъ.
 Да понадѣлся онъ на Русскій Авошь.
 Поше говоритъ Балдѣ: ладно:
 Не будетъ намъ обонемъ накладно.
 Поживи-ка на моемъ подворье,
 Окажи свое усердіе и проворье.»
 Живетъ Балда въ поповомъ домѣ
 Спитъ себѣ на соломѣ
 Есть за четверыхъ,
 Работаетъ за семерыхъ:
 До свѣтла все у него пливнетъ,
 Лошадь запряжетъ, полосу вешаетъ,
 Печку затонитъ, все заготовитъ закушитъ.

ночь мадаменту' вод.

Фенок

Бадь

L. Mayer. 1831.

РИСУНОКЪ ПУТИННА КЪ СКАЗКЪ О БАДЬ.

(Румынский мѣсяцъ, мѣсяцъ № 2376, В, т. 15 оборота)

Яичко испечеть да самъ и облунить.
 Попадья Балдой пенахвалится,
 Поновна о Балдѣ лишь и печалится
 Попенюкъ зоветъ его: тятей
 Кашу заварить, пичнитея съ дитятей.
 (Даже пещъ ласкается къ нему хвостомъ)
 Только поше одинъ Балду не любитъ
 Никогда его не приголубитъ
 О разилатѣ думаетъ частенько.
 Время идетъ и срокъ ужъ близенько
 Поше ни вѣсть, ни шеть, почти не спитъ
 Любовь у него заранѣ трещитъ.
 Вотъ онъ попадѣ призвается:
 Такъ и такъ; что дѣлать остается?
 Умъ у бабы догадливъ
 На всякія хитрости повадливъ—
 Попадья говоритъ:—знаю средство
 Какъ удалитъ отъ насъ такое бѣдство:
 Закажи Балдѣ службу чтобъ стало ему не

А требуй чтобъ онъ ее исполнилъ точь
 в точь:

Тѣмъ ты и любовь отъ разиравы избавишь,
 И Балду-то безъ разилаты отправишь.
 Стало на сердцѣ пона веселѣе
 Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
 Вотъ онъ кричитъ: поди ка сюда,
 Вѣрный мой работникъ Балда,
 Слушай: платить обзались черти
 Мнѣ оброкъ по самой моей смерти
 Лучшаго-бъ не надобно дохода
 Да есть на нихъ недоимки за три года.
 Какъ наѣвшея ты своей полбы
 Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ подлый.
 Балда съ пономъ поназрасну не споря
 Пошелъ съѣлъ у берега моря
 Тамъ онъ стагъ веревку крутитъ.
 Да конецъ ся въ море мочить.
 Вотъ изъ моря вышелъ старшій Бѣсъ,
 Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣсь?
 — Да вотъ веревкой хочу море мѣрщить,
 Да васъ, проклятое племя, корчить.
 Бѣса старата взяла тутъ унылость.
 Скажи, за что такая немилость?
 — Какъ за что? Вы не платите оброка
 Не помните положеннаго срока;
 Вотъ уже будете намъ поѣхва,
 Вамъ, собакамъ, великая поѣхва.
 Балдушка, погоди ты морщить море
 Оброкъ своина подумишь векоре.
 Погоди; вышло къ тебѣ вѣска.
 Балда мыслить—этого провѣсти не штука!
 Вынырнулъ подосланный бѣсенюкъ
 Замыкалъ онъ какъ голодный котенокъ.
 «Здравствуй, Балда мужичокъ;
 Какой тебѣ надобень оброкъ?
 Объ оброкѣ вѣкъ мы не слышали

Не было чертямъ такой печали—
 Ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору,
 Съ общаго нашего приговору—
 Чтобы впредь небыло никому горя:
 Кто скорбе изъ насъ обѣжитъ около моря
 Тотъ и бери себѣ полный оброкъ
 Между тѣмъ тамъ приготовить мѣшокъ.
 — Засмѣялся Балда лукаво:
 Что это ты выдумалъ, право?
 Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
 Со мною, съ самимъ Балдою?
 Экого послали супостата!
 Подожди-ка моего меньшаго брата.
 Пошелъ Балда въ ближайшій лѣсокъ
 Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ
 Къ морю ояты онъ приходитъ
 У моря бѣсенка находить.
 Держитъ Балда за уши одного зайку:
 «Поляши-ка ты подъ нашу балабайку:
 Ты, бѣсенюкъ, еще молодецъ,
 Со мною тягаться слабенекъ—
 Это было бъ лишь времени трата.
 Обгони-ка сперва моего брата.
 Разъ, два, три! догоняй-ка.
 Нустылись бѣсенюкъ и зайка
 Бѣсенюкъ по берегу морскому
 А зайка въ лѣсокъ до дому.
 Вотъ море кругомъ обѣжавши
 Высухувъ языкъ, морду поднявши
 Прибѣжалъ бѣсенюкъ задыхаясь
 Весь мокрешенекъ лапкой утираясь
 Мысля: дѣло съ Балдою сладить
 Глядь—а Балда братца гладить
 Приговаривая: братецъ мой любимой,
 Усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.
 Бѣсенюкъ оторопѣлъ
 Хвостикъ поджалъ совѣмъ приемирѣлъ.
 На братца поглядываетъ бокомъ
 Погоди, говорить, схожу за оброкомъ.
 Пошелъ къ дѣду говорить: Бѣда!
 Обогналъ меня меньшой Балда!
 Старшій Бѣсъ сталъ тутъ думать думу.
 А Балда надѣлалъ такого шуму
 Что все море смутилось.
 И волнами такъ и разходилось.
 Вылѣзъ бѣсенюкъ. Полно, мужичокъ,
 Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
 Только слушай. Видишь ты палку эту?
 Выбери себѣ любимую мету—
 Кто далѣе палку броситъ
 Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
 Что жъ? боишься вывихнуть ручки?
 Чего ты ждешь?—Да жду вѣшь этой гучки
 Запыхну туда твою палку
 Да и пачну съ вами чертими свалку—
 Испугался бѣсенюкъ, да къ дѣду
 Разказывать про Балдову побѣду

А Балда надъ моремъ опять шумить,
 Да чертямъ веревкой грозить,
 Вылѣзъ опять бѣсенокъ: что ты хлочишь,
 Будеть тебѣ оброкъ, коли захочешь...
 Ибѣтъ, говорить Балда
 Теперь моя чередъ
 Условія самъ назначаю
 Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
 Посмотрю, какова-жь у тебя сила—
 Видишь тамъ сивая кобыла?
 Кобылу подыми-ка ты,
 Да носи ее полпереты
 Снесешь кобылу, оброкъ ужь твой;
 Не снесешь кобылы онъ будетъ мой.
 Бѣдненькій бѣсъ
 Подъ кобылу подлезь,
 Попатужился
 Понапружился
 Приподнялъ кобылу, два шага шагнулъ
 На третьемъ упалъ, пожки протянулъ.
 А Балда ему: глупый ты бѣсъ,
 Куда жь ты за нами полезъ?
 И руками снести не смогъ
 А я смотри спесу промежь погъ—

Съль Балда на кобылу верхомъ,
 Да версту проскакалъ, такъ что пыль стол-
 бомъ,
 Песугался бѣсенокъ, и къ дѣду
 Пошелъ разказывать про видю побѣду.
 Черти стали въ кружокъ
 Дѣлать печегъ черти собрали полнообродъ.
 Да на Балду извалили мѣшокъ
 Идетъ Балда, покрикиваетъ
 А погъ заидя Балду некакиваетъ
 За понадю прячется
 Со страху корячется
 Балда его тутъ отыскалъ,
 Отдалъ оброкъ, влаги требовать сталъ
 Бѣдный погъ
 Подставилъ лобъ:
 Съ перяго щелка
 Прыгнулъ погъ до потолка
 Со второго щелка
 Лишился погъ языка
 А съ третьяго щелка
 Вышибло умъ у старика
 А Балда приговаривалъ съ укоризной
 Не гоился бы ты, погъ, за дешевизной.

683. ЧѢМЪ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТЪ ЛИЦЕЙ. [19 Октября 1831].

[Не совсемъ отдѣлано].

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
 Свою святую годовщину
 Тѣмъ робче старый кругъ друзей
 Въ семью стѣняется одну,
 Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
 Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
 Тѣмъ глуше звонъ задравныхъ чашъ,
 И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.
 Давно ль, друзья.. По 20 лѣтъ
 Тому прошло, и что же вижу?
 Того Царя въ живыхъ ужь нѣтъ;
 Мы жгли Москву, были плѣвнъ Парижу
 Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ
 Воскресла Грековъ древнихъ слава,
 Съ престола валь другой Бурбоны;
 Отбунтовала вновь Варшава.
 Такъ дуновенья буръ земныхъ
 И насъ печально касались;
 И мы средь ширшествъ молодыхъ
 Душою часто омрачались:
 Мы возмужали; Рокъ судилъ
 И намъ житейски пенитанцъ;
 И смерти (Духъ) средь насъ ходилъ
 И назначалъ свои закланцъ.

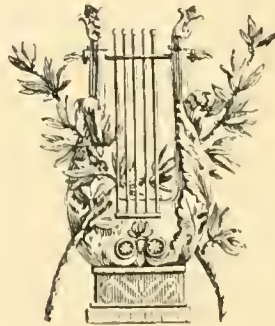
Шесть мѣствъ упраздненныхъ стоятъ;
 Шести друзей не узримъ болѣ
 Они разбросанные спятъ
 Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
 Кто дома, кто въ землѣ чужой
 Кого недугъ, кого печаль
 Следи во мракъ земли своей
 И надо всеѣмъ мы рытѣе
 И мнитъ очередь за мной,
 Зоветь меня мой Д[ельвигъ] милый,
 Товарищъ юности жинной,
 Товарищъ юности унылой,
 Товарищъ пѣсень молодыхъ,
 Нировъ и гордыхъ помышлений,
 Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
 Павѣкъ отъ насъ ушедшіи теней.
 Тѣснѣй, о милые друзья,
 Тѣснѣй намъ вѣрный кругъ составимъ
 Почившимъ пѣснь окончивъ я,
 Живыхъ надеждою поздравимъ—
 Надеждою пѣвогда оныя
 Въ виру Лицейскомъ очутились,
 Всеѣхъ остальныхъ еще обнять
 И новыхъ жертвъ ужь не страшились.

684. КОГДА ВЪ ОБЪЯТІЯ МОИ.

[Окончательно не отдѣлано].

Когда въ объятія мои
 Твой стройный станъ я заключаю
 И рѣчи нѣжныя любви
 Тебѣ съ восторгомъ разточаю—
 Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
 Освобождая станъ свой гибкій
 Ты отвѣчаешь, милый другъ,
 Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
 Прилежно въ памяти храня
 Измѣнъ печальныя преданья,
 Ты безъ участя и вниманья
 Уныло слушаешь меня...

Клянусь коварныя старанья
 Преступной юности моея,
 И встрѣчь условныхъ ожиданья
 Въ садахъ, въ безмолвнн почей
 Клянусь рѣчей любовный шепотъ
 (И струнъ таинственный напѣвъ)
 И (ласки) легковѣрныхъ дѣвъ,
 Ихъ слезы, ихъ притворный гнѣвъ
 И слезы ихъ, и поздній ропотъ...
 (Повѣрь, безумныя) забавы
 Души не трогаютъ моея,
 И суета безумной славы—
 Я полюбилъ . . . . . : . . . .
 . . . . . : . . . . .
 (Не упрекай меня, другъ мой нѣжной...)

Предисловіе.
къ Евг. Онег.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПУШКИНА.

Если-ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ найденный нами въ тетради Румянцеваго музея № 2387, л. 62, портретъ,—и по одеждѣ, и по тому, что подъ нимъ написано «Предисловіе къ Евгенію Онегину», и по общему духовному изяществу типа—есть именно Онегинъ Онегинъ послѣдней главы, съ отпечаткомъ глубокаго страданія на второстепенномъ лицѣ. Никто другой изъ творцовъ Пушкина къ портрету не подходитъ. На томъ-же листѣ, надъ портретомъ, илѣется дата: 21 Ноября 1830 г., Болдино, и можно предположить, что Пушкинъ собирался снабдить полное изданіе почти законченнаго уже тогда романа предисловіемъ. Это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Ред.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I.

4-го ноябля 1823 года, посылая изъ Одессы къ Вяземскому только-что законченный «Бахчисарайскій Фонтанъ», Пушкинъ сообщаетъ, между прочимъ, своему «диплому ангелу Асмодею»: «пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разица! Въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и ду-

мать нельзя»... («Черенск», изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. В. П. Саштова, т. I, стр. 83—84; черновикъ).

Вотъ первое изъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ «Евгеніи Онегинѣ». Или это, которому суждено было создать вокругъ себя цѣлую литературу, впервые встрѣчается въ пушкинской перепискѣ мѣсяцемъ позднѣе: «я на досугъ пишу новую поэмю, Евгеній Онегинъ, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы», — писалъ Пушкинъ 1-го

декабря 1823 года А. П. Тургеневу (ibid. I, 91). А въ началѣ слѣдующаго года «Литературные Листки» уже оповѣстили читающую публику, что «Александръ Пушкинъ написалъ Поэму подъ заглавіемъ Онегинъ, которой содержаніе чрезвычайно разнообразно»... Наконецъ, въ началѣ 1825-го года вышла въ свѣтъ первая глава этого «романа въ стихахъ». окончаніе котораго публика увидѣла только черезъ семь лѣтъ.

Значенія и смысла «Евгенія Онегина» современники Пушкина не могли, конечно, понять; говорю конечно—такъ какъ всякое художественное произведеніе, въ которомъ обрисовывается новый общественный типъ, требуетъ нѣкоторой историко-литературной перспективы, нуждается въ изученіи на разстояніи; въ немъ таится своего рода «actio in distans»... Обломова поняли сразу, такъ какъ онъ былъ «послѣсловіемъ», былъ типомъ, резюмирующимъ собою цѣлую полосу нашего общественнаго и умственнаго развитія; Онегину-же, волею судебъ, пришлось стать своего рода «предисловіемъ» къ дальнѣйшей исторіи развитія русской интеллигенціи. И современникамъ Онегина приходилось по предельно сужать о еще не написанной книгѣ; немудрено, если они плохо поняли то, что гениальный поэтъ предугадалъ силой творческой интуиціи. Баратынскій писалъ Пушкину послѣ появленія уже пятой главы этого романа: «большее число его не понимаютъ. Ищутъ романтической завязки, ищутъ обыкновеннаго и, разумѣется, не находятъ. Высокая простота созданія кажется имъ бѣдностію вымысла; они не замѣчаютъ, что старая и новая Россія, жизнь во всѣхъ ея измѣненіяхъ проходить передъ ихъ глазами».. (ibid., II, 54—55).

И несмотря на это, «Евгенія Онегина» читали, имъ зачитывались. Выходившія главы расхватывались съ рѣдкой для того времени быстротой; перисывались цѣлыя горы бумаги различныхъ критикъ и антикритикъ. Находились цѣлители, въ родѣ Булгарина, провозглашавшіе «Chûte complète», полное паденіе таланта Пушкина въ одной изъ лучшихъ главъ этого романа; находились другіе судьи, въ родѣ Надеждина, осуждавшие весь романъ въ его цѣломъ за малость, за безсодержательность и беззубо острившіе: «для гения не довольно смѣстерить Евгенія»... Но все это глубочайшее непониманіе не могло помѣ-

шать широкому распространенію «Евгенія Онегина» среди читающей публики; значенія Онегина не понимали, но все-же его читали и перечитывали. «Его читаютъ во всѣхъ закоулкахъ русской имперіи, во всѣхъ слояхъ русскаго общества,—говорить въ 1840-мъ году одинъ изъ современниковъ поэта:—всякій помнитъ назъветъ нѣсколько куплетовъ. Многія мысли поэта вошли въ пословицу. Онегина покупали, Онегина списывали, Онегина учили на память». Къ этому времени стало возможнымъ нѣкоторое общеніе онегинскаго тина, такъ какъ передъ глазами читателей и изслѣдователей въ это время было уже не одно «предисловіе», но и первая страница самой книги: николаевская система оказалась благоприятной почвой для культивировація десятковъ «лишнихъ людей», родоначальникомъ которыхъ нельзя было не признать Онегина. Бѣлинскій, въ средній сороковыхъ годовъ, впервые далъ глубокую психологическую и общественную характеристику Онегина; нѣсколько позднѣе Герценъ поставилъ Онегина въ связь съ духомъ николаевскаго системы, заявивъ (и это невѣрно, какъ увидимъ, утвержденіе стало вскорѣ общепринятымъ), что Евгеній Онегинъ есть результатъ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря 1825 г. Наконецъ, еще позднѣе, въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, выросшее на «Евгеніи Онегинѣ» молодое поколѣніе впервые поняло глубокой внутренней смыслъ этого романа и его историческое значеніе, прочитавъ «Дворянское гнѣздо» и «Обломова» (такъ рассказываетъ намъ человекъ того поколѣнія, проф. В. Ключевскій, въ остроумной статьѣ котораго «Евгеній Онегинъ и его предки» мы еще обратимся). «Предисловіе» стало вполнѣ яснымъ только послѣ появленія «послѣсловія»; родоначальникъ «лишнихъ людей» сталъ понятнымъ для историка культуры и общественной мысли только послѣ появленія на сценѣ всѣхъ своихъ потомковъ, вплоть до Рудина и Лаврецкаго. Болѣе того, когда пришли и прошли шестидесятые годы, когда жестокое развѣчиваніе Царевымъ Пушкина (именно за «Евгенія Онегина») отошло уже въ область исторіи, когда и семидесятые годы подходили къ концу, то тутъ стало еще яснѣе все значеніе Онегина въ исторіи русской интеллигенціи: стало ясно, что не только Рудины и Лаврецкіе, но и Федарова, и бающіеся дворяне необъ-

яснымъ безъ Онегина. Достоевскій въ своей знаменитой пушкинской рѣчи 1880-го года ясно и рѣзко сформулировалъ этотъ «онегинскій вопросъ», сводя его къ вопросу о разобщенности интеллигенціи и народа, и этимъ вернулся отчасти къ классическому объясненію Бѣлинскаго.

Итакъ, значеніе «Евгенія Онегина» открывалось лишь мало-по-малу цѣлому ряду поколѣній. Но мѣрѣ того, какъ въ русской жизни и литературѣ появлялись одинъ за другимъ различные потомки Онегина—Печорины и Грушницкіе, уздые Гамлеты и Рудины, Чулкатурины и Лаврежкіе, становилось яснымъ значеніе самого Онегина, выяснялось его происхожденіе; познакомившись съ потомками Онегина, возстановляли историко-генетическую линію его предковъ. Выяснялось, такимъ образомъ громадное значеніе «Евгенія Онегина» для исторіи литературныхъ типовъ; а вѣдь литературный типъ является только фиксированіемъ жизни, закрѣпленіемъ ея въ художественномъ творествѣ. Это съ одной стороны. Съ другой—слишкомъ яснымъ является громадное значеніе «Евгенія Онегина» для исторіи творчества самого Пушкина, для послѣдняго уясненія духовнаго облика великаго поэта. Почти девять лѣтъ лучшаго періода своей жизни Пушкинъ трудился надъ этимъ своимъ любимѣйшимъ произведеніемъ, то работая заномъ («спину съ упоеніемъ»), то надолго забрасывая работу («Онегинъ мнѣ надобѣнъ и свить; впрочемъ я его не бросаю»), то снова возвращаясь къ своему роману. Съ весны 1823 го по осень 1831-го года Пушкинъ писалъ этотъ свой романъ, переписывалъ, набрасывалъ на-черно строфы, безощадно маралъ и передѣлывалъ ихъ. Вся его жизнь за этотъ періодъ времени, его духовное развитіе, стихійная мудрость его отношенія къ міру, къ людямъ, къ жизни—все это отражалось въ строфахъ «Евгенія Онегина». Самъ Пушкинъ видѣлъ въ своемъ романѣ

... собрание вострыхъ глазъ,
Подумѣнныхъ, полумечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкая вдохновеній,
Незрѣлыхъ и удивныхъ лѣтъ
Ума холодныхъ излюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Но, конечно, мы найдемъ въ этомъ ро-

манѣ не только мелодичныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца; мы найдемъ въ немъ прежде всего цѣльное и ясное пониманіе міра, пониманіе жизни; увидимъ то, что можно назвать безознательнымъ и стихійнымъ мировоззрѣніемъ и мировосчувствованіемъ Пушкина.

Такимъ образомъ, выясняются двѣ стоящія передъ нами задачи. Громадное значеніе «Евгенія Онегина», во-первыхъ, для исторіи литературныхъ типовъ, и во-вторыхъ, для исторіи творчества и мировоззрѣнія самого Пушкина заставляетъ насъ изучать этотъ романъ, во-первыхъ какъ проявленіе и отраженіе русской жизни определенной эпохи и, во-вторыхъ, какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого Пушкина на всю эту жизнь въ ея цѣломъ. «Евгеній Онегинъ» и Россія XVIII и XIX вв.—съ одной стороны, «Евгеній Онегинъ» и мировоззрѣніе Пушкина—съ другой стороны: вотъ двѣ громадныя темы, которыхъ, конечно, мы не можемъ исчерпать на послѣдующихъ страницахъ; но именно эти двѣ темы опредѣляютъ съобою все содержаніе настоящаго очерка.

II.

«Онегинъ,—говоритъ Бѣлинскій,—есть самое душевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазій, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онегинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Онегинъ такое произведеніе—значитъ онегинить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности». Этими извѣстными и глубоко вѣрными словами Бѣлинскій начинаетъ свою статью объ «Евгеніи Онегинѣ»; эти-же слова приводитъ Писаревъ въ началѣ своей статьи «Пушкинъ и Бѣлинскій» («Русское Слово» 1865 г., № 4, стр. 1). Какъ извѣстно, основываясь на этихъ словахъ, Писаревъ и приступилъ къ «развѣчиванію» Пушкина; отождествивъ Пушкина съ Онегинымъ и «доказавъ» ничтожность послѣдняго, Писаревъ вынесъ Пушкину безаналогичный обвинительный приговоръ, признавъ его за «легкомысленнаго версификатора... выжужженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и фило-

софскіе вопросы нашего вѣка»... (ibid, № 6, стр. 66). Этотъ выводъ навсегда останется образцомъ историко-литературнаго курьеза; тѣмъ болѣе необходимо подчеркнуть, что исходная точка Писарева юнוליѣ сохраняетъ свое значеніе. Вслѣдствіе цѣлаго ряда сложныхъ общественныхъ условій, Писаревъ не сумѣлъ понять ни «Евгенія Онегина», ни Пушкина, но онъ ясно чувствовалъ существующую между Пушкинымъ и Онегинымъ тѣсную связь; онъ понялъ ее слишкомъ грубо, слишкомъ примитивно, сочтя ее простымъ тождествомъ, но онъ былъ правъ по существу: жизнь Пушкина и жизнь Онегина тѣсно переплетаются, и распутать эту связь—значитъ сдѣлать первый шагъ къ пониманію всего романа. Поэтому мы прежде всего прослѣдимъ шагъ за шагомъ за такъ хорошо извѣстной каждому изъ насъ шумной и неудачной жизнью Евгенія Онегина, намѣчая попутно хронологическую нить событій; мы изложимъ краткую біографію Онегина, изучая его не только какъ нѣкоторый общественный типъ, но и какъ рѣзко опредѣленную индивидуальность, ибо намъ интересенъ тотъ Евгеній Онегинъ, который былъ одно время другомъ Пушкина, съ которымъ даже они собирались вмѣстѣ «уидѣть чуждыя страны», котораго черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ неожиданно встрѣтилъ въ Одессѣ... На этомъ пути мы дойдемъ до кое-какихъ быть можетъ, не лишенныхъ интереса выводовъ. —

Онегинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,

этими словами Пушкинъ начинается біографію своего друга (глава I, строфа 2). Объ отцѣ и предкахъ Евгенія Онегина рѣчь будетъ впереди, а пока намъ слѣдуетъ возстановить годъ рожденія Онегина: онъ родился около 1796 г., ибо послѣ убійства Лепсваго и передъ нутешествіемъ по Россіи Онегину было двадцать шестой годъ («дожилъ безъ цѣли, безъ трудовъ до двадцати шести годовъ»—VIII, 12), а это случилось, какъ будетъ показано ниже, въ 1821 году. Въ Петербургѣ прошло все дѣтство, вся юность Евгенія; мы знаемъ, что «снерева madame за нимъ ходила, затѣмъ monsieur ee смѣнилъ» и сталъ «учить его всему путя», до тѣхъ поръ, пока научившемуся «чему-нибудь и какъ-нибудь» Евгенію пришла пора «уидѣть свѣтъ»; тогда «monsieur прогнали со двора»

(I, 4). Событіе это—появленіе Онегина въ «свѣтѣ»—случилось въ 1812 году (ибо, во-первыхъ, мы знаемъ изъ черновыхъ рукописей романа, что «лѣтъ шестнадцати мой другъ окончилъ курсъ своихъ наукъ», а, значитъ это было въ 1796+16=1812 году; а во-вторыхъ, Пушкинъ сообщаетъ, что на жизнь въ «свѣтѣ» Онегинъ «убилъ юность лѣтъ», а бросилъ онъ «свѣтъ» и уединился въ своей деревнѣ въ 1820-мъ году, какъ увидимъ ниже; опять-таки 1820—8=1812 г.). Итакъ, Онегинъ появился въ «свѣтѣ» въ 1812-мъ году—и для него началась угарная, однообразная и пестрая свѣтская жизнь: «Наука страсти пѣжной», балетъ, вечера и балы, «скрасотки молодая», днемъ—сонъ, ночью—скука на балахъ: «свотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ, утрата жизни лучшей цвѣтъ» (IV, 9). Вся первая глава романа посвящена описанію послѣдняго года этой свѣтской жизни Онегина въ сезонъ 1819—1820 года: «первая глава,—писалъ въ предисловіи къ ея первому и второму изданію Пушкинъ—... заключается въ себѣ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 года... Кетати замѣтить, что это былъ также послѣдній годъ свѣтской петербургской жизни Пушкина до его ссылки въ Бессарабію; окончивъ въ 1817 году Лицей, Пушкинъ прожилъ цѣлыхъ три года той же угарной свѣтской жизнью, какую онъ описалъ позднѣе въ «Евгеніи Онегинѣ»; такая жизнь очень скоро, однако, пріѣлась Пушкину. Къ этому времени (1819—1820 гг.) относится начало его дружбы съ Онегинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,

Какъ онъ, оставъ отъ суеты,

Съ шомъ подружился я въ то время... (I, 45).

И изъ слѣдующихъ строфахъ этой главы Пушкинъ нѣсколькими штрихами описываетъ черты этой дружбы; въ дружбѣ этой Онегинъ игралъ роль цукинскаго Демона—«духа отрицанія, духа сомнѣнія», который такъ ярко проявился изъ среднемъ періодѣ развитія Пушкина и преодоленіе котораго является ключемъ ко всему гармоничному и ясному міровоззрѣнію нашего поэта.

Дружба Пушкина съ Онегинымъ продолжалась; они собирались даже вмѣстѣ ѣхать за границу, что скоро было судьбою на долгій срокъ развѣдено: у Онегина скончался отецъ, а слѣдъ за нимъ, въ началѣ лѣта 1820 года, умеръ дядя, «дере-

венскій старожилъ», оставившій Онегину въ наследство свою деревню со включеніемъ «заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель». И въ то время, какъ Пушкинъ, въ началѣ мая 1820 года, убѣжалъ изъ Петербурга въ египетскую ссылку, Онегинъ «дѣлѣтъ въ пыли на почтовыхъ» получать наследство умирающаго дяди; съ этого и начинается романъ.

Возстановимъ въ краткихъ чертахъ дальнейшую хронологическую нить событій жизни Евгения Онегина.

Итакъ, съ лѣта 1820 года Онегинъ поселился въ деревнѣ. Во второй, третьей и четвертой главахъ (до 40 строфы) время дѣйствія—лѣто 1820 года: тутъ знакомство и съ Ленскимъ и съ Лариными; тутъ и любовь Татьяны, и ея письмо къ Онегину, и ея отвѣтная проповѣдь... Строфы 40 и 41 четвертой главы—осень 1820 года; конецъ главы—зима этого же года. Время дѣйствія пятой и шестой главъ можно опредѣлить еще точнѣе: это январь 1821 года. Гадаешь и сонъ Татьяны—въ крещенскій сочельникъ, ея именины и балъ у Лариныхъ—12 января. Кстати сказать: Пушкинъ, устами Ленскаго, сообщаетъ намъ, что «Татьяны именины въ субботу» (IV, 49); но это несомнѣнная *licentia poetica*, такъ какъ въ дѣйствительности 12 января 1821 года приходилось на среду... *) Черезъ день послѣ бала—дуэль Онегина съ Ленскимъ и смерть Ленскаго; это было, слѣдовательно, 14-го января 1821 года. Описаніемъ весны этого же года начинается седьмая глава романа. Онегинъ уже илѣтъ въ деревнѣ: онъ уже убѣжалъ сперва въ Петербургъ, а потомъ («июня третьяго числа»)—скитается по Россіи; невѣста убитаго Ленскаго «не долго плакала» и лѣтомъ того же года вышла замужъ за улана. А въ началѣ зимы бѣдную Татьяну везутъ «въ Москву, на армарку невѣсть»; ее привозятъ туда въ началѣ ноября, 1822 года (только что минулъ рождественскій сочельникъ, см. VII, 41). Ее вывозятъ на балы,—и Пушкинъ, заканчивая главу «поздравила съ побѣдою Татьяну милую

свою»: она становится лавинною, выходитъ замужъ за «столеца генерала»; это происходитъ въ концѣ того же 1822-го или въ самомъ началѣ 1823 года (ибо, какъ увидимъ ниже, къ осени 1824 года она замужемъ уже «около двухъ лѣтъ»). А Онегинъ въ это время—съ «июня третьяго числа» 1821 года (см. «Странствіе Онегина», строфа III)—скитается по Россіи; онъ ѣдетъ по Волгѣ, попадаетъ на Кавказъ, отсюда въ Крымъ; въ 1823 году посѣщаетъ Бахчисарай («спусти три года вслѣдъ за мною»,—пишетъ Пушкинъ, *ibid.*, XVII; а Пушкинъ былъ въ Бахчисарай въ сентябрѣ 1820 года). Изъ Крыма Онегинъ несомнѣнно привѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ въ то время—съ начала июля 1823 по конецъ июля 1824 года—жилъ Пушкинъ:

... какимъ-же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда во мнѣ явился оный
Непріятельный привидѣнъ,
И какъ захлѣлъ друзья,
И какъ обрадовался я! (*ibid.*, XXVII).

Но недолго друзья пробыли вмѣстѣ въ Одессѣ: «недолго вмѣстѣ мы бродили по берегамъ Эвксинскихъ водъ; судьбы насъ снова разлучили...» Пушкинъ убѣжалъ 30-го июля 1824 г. изъ Одессы въ Михайловское, «подъ сѣнь лѣсовъ Тригорскихъ», а Онегинъ, не разбѣжавъ своей тоски въ скитаніяхъ, около того же времени вновь «спустился къ Невскимъ берегамъ». Въ началѣ сезона 1824—1825 г. Онегинъ, послѣ трехлѣтнихъ скитаній, возвратился въ Петербургъ: «возвратился и поваль, какъ Чацкій, съ корабля на балъ» (VIII, 13). Тутъ онъ встрѣчаетъ Татьяну—теперь уже княгиню, уже замужнюю «около двухъ лѣтъ» (VIII, 18). Вся восьмая глава посвящена переживаниямъ Онегина этой зимой 1824—1825 г. Въ началѣ весны 1825 года (см. VIII, 39) происходитъ послѣднее объясненіе Татьяны съ Онегинымъ—и этимъ объясненіемъ заканчивается романъ; мы навсегда расстаемся съ Онегинымъ...

III.

Таковъ возстановленный нами точнѣе хронологическій осто́въ романа, несомнѣнно имѣвшійся въ виду самимъ Пушкинымъ. «Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю»,—пронически отвѣчалъ Пушкинъ критикамъ, на-

*) Согласно изысканіямъ гг. Шлякова и Степанова (см. «Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ» 1905 г., т. X, кн. 3, стр. 263, и 1908 г., т. XIII, кн. 2, стр. 108—109), «Татьяны именины въ субботу» были въ 1818 и 1824 гг.; во эти года совершенно не подходятъ къ очень стройному хронологическому осто́ву романа Пушкина. Другіе годы, въ которые 12 января приходилось на субботу,—январь, 1807 или 1829,—подходятъ еще менѣе.

ходившимъ анахронизмъ въ третьей главѣ изъ-за опечатки: зимой летятъ вмѣсто домай летятъ, III, 4). Говоря такъ, какъ видимъ теперь, Пушкинъ не только пропизировалъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что опъ дѣйствительно имѣлъ передъ своими глазами возстановленную выше хронологическую канву романа. Предположить это совершенно необходимо: иначе совершенно невѣроятными являются всѣ эти точныя совпаденія событій изъ жизни Пушкина и Онегина, при чемъ нѣкоторыя изъ датъ получаются отсчитываніемъ отъ даннаго года назадъ, другія—присчитываніемъ отъ другого года впередъ, какъ мы только что дѣлали, возстановляя эту хронологическую схему. Вѣроятность случайныхъ совпаденій до того ничтожна (ее легко вычислить математически), что почти съ полной увѣренностью мы можемъ сказать: Пушкинъ, несомнѣнно, самъ составилъ приведенную выше хронологическую канву своего романа.

Это любящито во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что интересно по отдѣльнымъ разбросаннымъ хронологическимъ замѣчаніямъ Пушкина возстановить ту страничку, которая могла быть и несомнѣнна была въ пушкинскихъ черновикахъ, хотя и совершенно не дошла до насъ; не говоря уже объ этомъ, еще болѣе важными представляются два другіе вывода. Первый и главный—эта та тѣсная переплетенность событій жизни Онегина и жизни самого Пушкина, которую мы подчеркнемъ нѣсколько ниже, изучая «Евгенія Онегина», какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого поэта. Второй выводъ, ясный и по другимъ соображеніямъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, заключается въ подтвержденіи того обстоятельства, что самъ Пушкинъ вполне намѣренно и совершенно опредѣленно ограничилъ время дѣйствія своего романа 1820—1825 годами. Это важно вотъ почему.

Съ легкой руки Герцена, который въ своей извѣстной книжкѣ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» счелъ Онегина слѣдствіемъ «печальныхъ годовъ, послѣдовавшихъ за 14 декабря 1825 г.», мифіе это стало одно время почти общепринятой формулой. Герценъ имѣлъ право умо-заключить это потому, что онъ могъ руко-водствоваться только годами появленія «Евгенія Онегина» въ печати, а мы знаемъ, что это были какъ разъ 1825—1832 годы. Но непонятно, какимъ образомъ мифіе

это могло сохранить силу въ глазахъ тѣхъ историковъ нашего общественнаго развитія, которые знали годы написанія отдѣльных главъ «Евгенія Онегина», а это стало общезвѣстно въ пятидесятихъ годахъ, послѣ появленія Анненковского изданія сочиненій Пушкина. Стало извѣстно, что къ концу 1825 года было закончено почти пять главъ—около 273 строфъ изъ всѣхъ 410 строфъ романа, т.-е. ровно $\frac{2}{3}$ его; къ веснѣ 1826 года были закончены первыя шесть главъ романа, въ которыхъ Онегинъ обрисовать уже съ ногъ до головы. Однако, несмотря на это, многие продолжали держаться явно ошибочнаго герценовскаго мифіа. Въ своей интересной рѣчи въ собраніи московскаго университета 6 іюня 1880 г. проф. В. О. Ключевскій подчеркнул, что потомки служилого русскаго дворянства были съ 1815 по 1825 годъ декабристами, а съ 1825 года разбитые декабристы стали лишними людьми: изъ записокъ и воспоминаній декабристовъ мы знаемъ,—говоритъ В. Ключевскій,—«чѣмъ были Онегины послѣ 1815 года: поэма Пушкина рассказываетъ, чѣмъ стал и они послѣ 1825 года...» Формула эта совершенно вѣрна, поскольку она относится къ Онегинимъ, но она совершенно ошибочна, поскольку касается Евгенія Онегина; дѣйствительно, на чочѣ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря, выросли всѣ духовные потомки Евгенія Онегина, всѣ многочисленныя разновидности Онегинныхъ, но пушкинскій Евгеній Онегинъ сформировался, какъ типъ, несомнѣнно до 1825 года. Евгеній Онегинъ есть именно типъ двадцатыхъ годовъ, показывающій намъ вовсе не то, чѣмъ стал и сторонники декабризма послѣ 1825 года, а то, чѣмъ были нѣкоторые русскіе люди какъ разъ въ эпоху декабризма, т.-е. въ десятилѣтіе 1815—1825 годовъ. Это несомнѣнно хотя бы по одному тому, что Онегинъ былъ вполне нарисованъ Пушкинымъ въ 1823—1825 гг.; это подтверждается и полученнымъ нами выводомъ, что самъ Пушкинъ совершенно точно опредѣляетъ время дѣйствія своего романа пятилѣтіемъ съ 1820 по 1825 годъ. Конечно, этому не противрѣчитъ то обстоятельство, что въ седьмой главѣ романа «большой свѣтъ» описанъ Пушкинымъ по его впечатлѣніямъ 1827—1830 гг., что впечатлѣнія и настроенія этихъ лѣтъ отразились на двухъ послѣднихъ главахъ романа; несомнѣнно то, что впечатлѣнія эти не отразились и не могли отразиться на

уже вполне законченномъ къ тому времени типъ Евгенія Онегина. Правда, по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ романъ, мѣнялось его отношеніе къ Онегину, по вяче, конечно, и быть не могло. Пушкинъ началъ писать романъ «буйнымъ юношей», а кончилъ его зрѣлымъ мужемъ; постепенное продолженіе въ себѣ Онегина—это, какъ мы уже замѣтили, ключъ къ пониманію развитія пушкинскаго міросозерцанія. Отношеніе Пушкина къ Онегину измѣнялось, измѣнялось пушкинское пониманіе Онегина, но, обрисованный съ самаго начала твердой рукой, Онегинъ оставался величиной постоянной.

Итакъ, повторяемъ еще разъ: Евгеній Онегинъ есть типъ, вполне сформированный уже въ 1820 году; Пушкинъ рисовалъ этого типъ въ 1823—1826 гг.; дѣйствіе романа отнесено самимъ Пушкинымъ къ 1820—1825 годамъ. Все это достаточно ясно вскрываетъ непростительный, но довольно обычный анахронизмъ объясненія онегинскаго типа результатами и слѣдствіями катастрофы 14 декабря. Дѣйствительно, широкое распространеніе онегинства, словно эпидемической болѣзни, въ различныхъ кругахъ русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ значительной мѣрѣ объясняется николаевскою системою оффиціального мѣщанства; но при чемъ-же тутъ самъ Евгеній Онегинъ? И какъ можно объяснять характеръ и типъ человѣка событіями послѣдующаго десятилѣтія? Существованіе «лишнихъ людей», духовныхъ потомковъ Онегина можно объяснить николаевскою системою, но, чтобы понять самого Евгенія Онегина мы должны подняться къ истокамъ русской жизни XVIII вѣка, познакомиться съ предками Онегина. Надо узнать, цѣль ли въ прошломъ какихъ-либо явленій, которыми можно было бы объяснить существованіе онегинскаго типа въ эпоху декабризма. Вѣдь не какъ *deus ex machina* появился Онегинъ въ русской жизни; вѣдь были-же социальныя условія и причины, способствовавшія рожденію этого типа. Когда мы соединимъ эти общія причины съ частнымъ фактомъ, съ уже извѣстной намъ біографіей Евгенія Онегина, то тогда только мы будемъ въ состояніи понять самого Онегина и оцѣнить значеніе этого типа въ русской жизни.

IV.

Вопросъ о предкахъ «лишнихъ людей», а значитъ, и о предкахъ Евгенія Онегина

былъ уже давно блестяще и точно разработанъ Тургеневымъ въ его родословной Лаврецкаго (Дворянское гнѣздо, гл. VIII); позднѣе мысль Тургенева развили и дополнили проф. В. Ключевскій въ своей остроумной статьѣ «Евгеній Онегинъ и его предки» («Русская мысль», 1887 г., № 2, стр. 291—306). Мы немного остановимся на той историко-генетической нити, которую прослѣживаютъ и Тургеневъ и Ключевскій. Оба они видятъ предковъ Онегина въ старинномъ служиломъ русскомъ дворянствѣ, которое въ теченіе всего XVIII вѣка, послѣ революціонной реформы Петра, приспособилось къ различнымъ быстро смѣнявшимся вѣяніямъ и теченіямъ. Школьная латынь и религіозныя разномыслія русской жизни конца XVII вѣка смѣняются военно-технической выучкой эпохи Петра; затѣмъ идетъ бирюзовщина, за нею—гвардейскіе кутежи елизаветинской эпохи, и, наконецъ, европейскан лошечность двора Екатерины. Не усилвало одно поколѣніе служилаго дворянства приспособиться къ новому пути, какъ неожиданный толчокъ выбивалъ его изъ колеи и бросалъ на непроторенную дорогу, къ которой снова приходилось приспособляться. Прапрадѣдъ Евгенія Онегина былъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь въ родѣ Гаврилы Леонасевича Ржевскаго (изъ пушкинскаго «Арана Петра Великаго»); въ юности—походы въ Крымъ, позднѣе—молчаливая оппозиція петровскимъ реформамъ. Но несмотря на эту оппозицію, ему пришлось отдать своего сына въ петровскій полкъ или волей-неволей послать за границу. Этотъ прадѣдъ Евгенія Онегина, родившійся, вѣроятно, въ самомъ началѣ XVIII вѣка, либо былъ подобно прадѣду Пушкина чѣмъ-нибудь въ родѣ капитанармуса лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, либо изучалъ за границей навигацію и фортификацію; сынъ его, дѣдъ Евгенія Онегина, тоже пропелъ въ ранней юности черезъ военную выправку школы Петра, тоже ломалъ голову надъ навигаціей и остался совершенно не у дѣлъ въ эпоху Елизаветы, когда все эти навигаціи оказались въ совершенномъ загонѣ. Тогда, вѣроятно, онъ, подобно Андрею Петровичу Гришину (отцу героя «Капитанской дочки»), вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ впоследствии съ желчью и досадою читалъ получаемый имъ ежегодно «Придворный Календарь», пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генераль-поручикъ!... Онъ у меня въ рогѣ

былъ сержантомъ!... Обоиъ російскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно ли мы?...» Когда у него въ срединѣ XVIII вѣка родился сынъ, то онъ записалъ его сержантомъ въ Семеновскій полкъ и въ свое время—вопреки тому, что разсказано въ «Капитанской дочкѣ»—отправилъ его въ Петербургъ получать свѣтское воспитаніе и дѣлать карьеру. Такъ какъ этотъ «гвардіи сержантъ» былъ отцомъ Евгенія Онегина, то намъ слѣдуетъ остановиться на немъ немного подробнѣе.

Къ шестилѣтнему гвардейцу—говорить объ отцѣ Евгенія Онегина В. Ключевскій—выписывали какого-нибудь M-r Raoult'a который не только могъ преподавать le français, «но и въ томъ, что называется belles lettres былъ гораздо свѣдущъ». Кромѣ того, быть можетъ по совѣту этого же «гораздо свѣдущаго» француза, «отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, бібліотеку assez bien choisie изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и дѣтъ съ 12-ти гвардейскій сержантъ уже основался съ Расиномъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ» (о. с., 300). Немного позднѣе юноша вѣшалъ за-границу—конечно въ Парижъ, гдѣ на него смотрѣли какъ на русскаго дикаря; вернувшись на родину, онъ поступалъ на службу въ какую-нибудь Комиссаріатскую комиссію и самъ начиналъ считать всѣхъ русскихъ дикарями. Онъ былъ типичнымъ «вольтерьянцемъ» и, разумѣется (подобно и отцу Пушкина), членомъ масонской ложи какого-нибудь «Сѣвернаго Щита». Но вольтерьянство—само по себѣ, а крѣпостничество—само по себѣ: въ этомъ была наиболѣе характерная черта всѣхъ людей этого поколѣнія; Вольтеръ и Руссо съ одной стороны, коношия и араиникъ съ другой—волиѣ совмѣщались въ громадномъ большинствѣ русскихъ «культурныхъ» людей конца XVIII вѣка. Объ этомъ много говорилось и писалось, но никто не вскрылъ этого явленія глубже, лучше и художественнѣе, чѣмъ Тургеневъ: вспомните хотя-бы его «Дворянское гнѣздо». Европейская лощеность и западное просвѣщеніе были только виѣнцей оболочкой этихъ вольтерьянцевъ и крѣпостниковъ XVIII вѣка, иногда только поэзою, о которой такъ ядовито писалъ въ «Евгеніи Онегинѣ» Пушкинъ:

Цамъ просвѣщенье не пристало

И цамъ осталось отъ него

Жеманство, болѣе ничего II, 24.

Таковы были отцы, таковы были предки Онегинскихъ; такое духовное наследство получилъ Евгений Онегинъ. Въ наследствѣ этомъ наиболѣе характерными являются двѣ черты, которыя необходимо обрисовать съ возможной рельефностью. Это, во-первыхъ, отмѣченное Пушкинымъ «жеманство», поза; во-вторыхъ—это разладъ со средой, возрастающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ.

Обратите вниманіе: отъ прапрадѣда Евгенія Онегина до его отца мы имѣемъ прогрессивно возрастающій разладъ со средой. Тутъ рѣчь идетъ не о томъ расхожденіи интеллигенціи и народа, которое было неизбежнымъ слѣдствіемъ петровской революціи, которое стало трагичнымъ для русской интеллигенціи только во-второй половинѣ минувшаго вѣка и которое въ наши дни нѣкоторые наивные публицисты открываютъ точно какую-то новую Америку. Итъ, тотъ разладъ, о которомъ мы говоримъ по поводу предковъ Онегина, есть не только ихъ расхожденіе съ народомъ, но и разладъ съ ихъ-же средой, съ массой приспособившихся людей, съ той соціальной сословной атмосферой, которой дышали всѣ эти люди. Массы людей всегда приспосабливаются къ средѣ и составляютъ ту плотную стѣну духовнаго мѣщанства, передъ которой иногда опускаются въ безспай руки даже самыхъ сильныхъ людей. Эти сравнительно немногіе сильные духомъ люди, представители индивидуализма, представители настоящей интеллигенціи, не примиряются съ пассивнымъ приспособленіемъ къ средѣ; ихъ задача обратная—приспособленіе среды къ вѣчно новымъ запросамъ человеческого духа. А между этими двумя берегами мѣщанства и индивидуализма, между молотомъ и наковальней—находятся люди, не умѣющіе ни приспособиться къ средѣ, ни приспособить ее. Ихъ можно назвать вообще «лишними людьми»; ихъ можно найти всюду и вездѣ—во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ; они—гиичные «ни павы, ни вороны», оставшіе отъ одного берега и не приставшіе къ другому. Этотъ «лишний человекъ»—не типъ своего времени, ибо такимъ типомъ является человекъ массы, представитель мѣщанства; но онъ и не исключеніе, такъ какъ такимъ исключеніемъ является представитель индивидуализма своей эпохи. Кто-же въ такомъ случаѣ этотъ лишний человекъ? Онъ—типическое исключеніе (по счастливому выраженію В. Ключевскаго, о. с., 296):

онь слишком типичен, чтобы быть исключением и достаточно исключителен, чтобы быть типом. Все это относится ко всем лирическим людям всех эпох; но бывают эпохи, особенно благоприятствующая появлению лирических людей—и именно такой эпохой русской общественной жизни была столетие с середины XVIII-го по середину XIX века. Все сказанное выше относится ко всем предкам Онегина и притом в той большей степени, чем ближе мы подходим к самому Евгению Онегину. В «Евгении Онегине» все это впервые проявляется гениальным художником: отмеченная нами черта достигается в нем своего апогея и является Онегина настоящим духовным родоначальником всех лирических людей последующих поколений.

Вторая характерная черта—отмеченная Пушкиным «поза», «жеманство»—является неизбежным следствием первой. Помните, сколько неестественных поз, сколько жеманных гримас пришлось пережить предкам Онегина, начиная со времени петровской реформы! Разлад со средой шел crescendo, а потому и позы становились все неестественнее, пока не достигли своего апогея опять-таки в Евгении Онегине. У предков Онегина, и чем ближе к нему, тем больше, «были естественные позы, первые судорожные жесты, вызывавшиеся местными неловкостями общих положений,—скажем мы в последний раз словами В. Ключевского.—Эти неловкости чувствовались далеко не всеми, но жесты и мины тех, кто их чувствовал, были всем замечны, бросались всем в глаза, заманивали надолго, становились предметом художественного воспроизведения. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какие-либо особые люди, были как все, но их физиономии и манеры не были похожи на общепринятые. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдельные номера, стоявшие в ряду других, общия места, впечатанные курсивом». Так как масса современников, усевшихся болше или менше удобно, редко догадывалась о причинах этих не-нормальностей и считала их капризами отдельных лич, не хотевших сидеть, как сидят все, то эти несчастные жертвы неудобных позций слыли за чудиков, иногда даже «счастливых и опасных» (о. с., 295). И чем ближе было к началу XIX века, к типу самого Евгения Онегина, тем ярче и рельефнее проявля-

лись эти характерныя черты лирических людей, и в этом случае Евгений Онегин является опять-таки истинным родоначальником лирических людей последующих поколений.

Вот в самых общих чертах те условия, которые объясняют не только причины появления Онегинских, но и самый характер Евгения Онегина. Теперь, зная и его происхождение и его личную биографию, мы можем вплотную подойти к изучению этого типического исключения русской жизни двадцатых годов прошлого века.

V.

Теперь ясно: не как *deus ex machina* явился Евгений Онегин в русской жизни начала XIX века, и был; он был.

Всевишней волею Зевеса

Наследишь всех своих родахъ (I, 2 —

и в прямом и в переносном смысле. Он был наследником не только денег и долгов, «заводов, водъ, лесовъ, земель» своих предков, но и духовных свойств их, их характерных черт. Между этими двумя родами наследствъ есть большая разница: отъ денег и долгов своих предков можно отказаться, если пасивъ больше актива, а отъ духовных свойств— нельзя. Когда умеръ отецъ Евгения Онегина—тогда самый, который «земли отдавалъ въ залогъ», жилъ долгами, «давалъ три бала ежегодно и промотался наконецъ» (I, 3)—и когда «передъ Онегинымъ собрался заимодавцевъ жадный полкъ», то Онегин—

Наслѣдство предоставилъ ямъ,

Большой потери въ томъ не вѣдъ,

Нѣ предузнавъ издателя

Кочину дяди-старика (I, 51).

Къ социальнѣ, и вѣтъ возможности отказаться темъ же способомъ отъ другого рода наследствъ—отъ наследственности... Ее всегда получаютъ полностью, независимо отъ того, чего въ ней больше актива или пассива, и даже, пожалуй, въ последнемъ случѣе ее получаютъ съ особенной щедростью и неизбежностью.

Такова была судьба и Евгения Онегина. «Наслѣдникъ всехъ своихъ родныхъ», онъ получилъ отъ нихъ въ наследство все высшія выше черты разлада со средой, всю вѣковую изломанность духа, и притомъ

всѣ эти типичныя черты достигли въ Онегинѣ исключительной степени. Конечно, все это старое наследство вылилось въ новую форму, старый разлад и изломанность задрапировались новымъ плащомъ, новой позой; но сущность осталась прежняя, наследственная. «Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ» — вотъ гениальная формула, вскрывающая одновременно и старую сущность и новую позу. Да, Евгеній Онегинъ — «москвичъ» по своей духовной сущности, по тому наследству, которое онъ получилъ отъ своихъ предковъ, типичныхъ *moscovites civilisés*: но эта его наследственная сущность проявляется въ новой позѣ, «въ Гарольдовомъ плащѣ», потому что ко времени возмужалости Онегина старую позу вольтерьянства смѣнила новая поза — нарождающагося байронизма.

Мы знаемъ, когда наступила для Евгенія Онегина эта пора возмужалости, пора «юности мятежной... пора надеждъ и грусти пѣвчпой»; это было въ эпоху войны съ Наполеономъ за освобожденіе Европы. Когда улеглась военная буря, когда въ 1815—1816 гг. русское служилое дворянство вернулось домой изъ европейскаго похода съ запасомъ новыхъ чувствъ, мыслей, идеаловъ, то явнѣе, чѣмъ раньше обозначилось дѣленіе русскаго «культурнаго» общества на тѣ три слоя, о которыхъ у насъ была рѣчь выше. Съ одной стороны — та ко всему приспособляющаяся мѣщанская толпа, которую мало интересовали всѣ эти новые идеалы и чувства; съ другой — та сравнительно небольшая группа интеллигенціи, дѣятельностью которой характеризуется вся исторія русской общественной мысли эпохи 1815—1825 гг., т. е. будущіе декабристы, и наконецъ, посреднѣ между этими двумя полюсами русской жизни — слабовольные, изломанные лишніе люди, «стихическія исключенія», однаково неспособные и смѣшаться въ гонѣ приспособляющейся массы и увлечься идеалами борьбы за приспособленіе среды.

Одинъ изъ такихъ «стихическихъ исключеній» своего времени — Евгеній Онегинъ. Онъ не типъ своего сословія, своей эпохи, потому что такимъ типомъ является тотъ человѣкъ массы, толпы, сложенной посредственности, портретъ котораго Пушкинъ такъ удивительно нарисовалъ двумя-тремя штрихами въ десятой строфѣ послѣдней главы своего романа: это тотъ, кто постепенно созрѣвалъ, постепенно приспособлялся къ жизни и средѣ.

Кто страшнымъ сномъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль
аватъ.

А въ тридцать — выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и дружныхъ долговъ.
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили дѣлныя вѣкъ:
N. N. — прекрасный человѣкъ!

Евгеній Онегинъ — не этотъ «прекрасный человѣкъ» толпы, мѣщанства, сложенной посредственности; самъ Пушкинъ беретъ его подъ свою защиту отъ тѣхъ людей, которымъ «посредственность одна... по плечу и не страшна», которые хотѣли бы и въ Онегинѣ видѣть эту посредственность, хотѣли бы, чтобы и онъ былъ «добрый малый, какъ вы да я, какъ дѣлныя свѣтъ»... (VIII, 8—9). Но въ томъ-то и дѣло, что Онегинъ выше посредственности, хотя бы по одному тому, что скоро «ему наскучилъ свѣта шумъ»; что имъ овладѣла хандра; что, бросивъ свѣтъ, не добиваясь ни денегъ, ни чиновъ, онъ засѣлъ за чтеніе: «сотрядомъ книгъ уставилъ полку, читалъ, читалъ...» (I, 37—44). Нѣтъ, онъ не человѣкъ посредственности; отъ мѣщанскаго берега онъ отчалилъ безповоротно.

Но онъ не могъ пристать къ другому берегу, не могъ, въ силу полученнаго имъ духовнаго наследства, — и въ этомъ вся трагедія Онегина, какъ и вообще всѣхъ лишнихъ людей. Онъ не могъ стать тѣмъ «исключеніемъ», какимъ были лучшіе представители декабризма; онъ былъ «волею судьбы» наследникомъ всѣхъ своихъ родителей... Не было силы воли, не было дисциплины ума, не было энергій, настойчивости, вѣры въ себя. И Онегинъ не могъ бы стать ни членомъ Союза Благодетствія, ни членомъ кружка «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ, ни товарищемъ Навлова и Вепевитинова, ни сотрудникомъ Пестеля, Муравьева, Николая Тургенева. А вѣдь теченіе «декабризма» было тогда (послѣ 1816 года) въ полномъ блескѣ своего развитія: серьезные политическіе и социальные вопросы волновали общество и стали модными даже среди «свѣтской черни» того времени. Въ одномъ неоконченномъ произведеніи Пушкина («Отрывки изъ романа въ письмахъ», 1831 г.), герой его, Владиміръ Z., представляющій собою вариацию типа Онегина, такъ вспоминаетъ въ письмѣ къ другу объ эпохѣ

декабризма: «... ты отсталъ отъ своего вѣка—и вѣкъмъ десятилѣтїемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шапокъ: намъ непринципно было танцовать и некогда заниматься дамами. Честнѣмъ довести тебѣ, что это все перемѣнилось: французская кадрили замѣнила Адама Смита»... Такова была мода той эпохи, когда общественными вопросами и политической экономїей занялись даже свѣтскія дамы («свѣтая дама толкуетъ Сея и Бентама» I, 42). Сила моды захватила и Онегина; вѣдь мы знаемъ, что онъ «читалъ Адама Смита и былъ глубокой экономъ» (какъ проиически сообщаетъ про своего друга самъ Пушкинъ), —

То-есть, умѣя судить о томъ,
Какъ государство богатѣть.
И чѣмъ живеть, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣеть... (I, 7).

Дальше этой характерной для эпохи двадцатыхъ годовъ амальгамы физиократизма съ фритредерствомъ Онегинъ не пошелъ, ограничившись салонными разговорами съ дамами объ Адамѣ Смитѣ, Сеѣ и Бентамѣ... И это какъ разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ печаталъ свой серьезный «Опытъ теорїи налоговъ», а Пестель писалъ свою замѣчательную «Русскую Правду». Онегинъ не могъ стать такмъ, сравнительно говоря, исключенїемъ изъ общаго типа приспособившихся къ жизни, точно такъ же, какъ не могъ стать и типичнымъ представителемъ такихъ приспособившихся. Ему суждено было стать «типическимъ исключенїемъ», ни павой, ни вороной, вѣчнымъ скитальцемъ между двумя полюсами русской жизни. И когда онъ, желая порвать съ нелѣпой жизнью среди «свѣтской черни», заперся въ своемъ кабинетѣ и «отрядомъ книгъ оставилъ полку», то онъ не могъ, несмотря на все свое желанїе, дойти и доплыть до другого берега: для этого у него не было достаточнаго запаса духовныхъ силъ. Онъ «читалъ, читалъ—а все безъ толку»: чтенїе не могло помочь ему побѣдить того разлада со средой, которымъ болѣли всѣ его предки. Приспособиться къ средѣ онъ не могъ: онъ былъ выше ея; приспособлять среду онъ тоже не могъ: у него для этого не хватало силы. Оставалась одна дорога—

дорога непронзвольной, безсознательной «спозы», опять-таки полученной по влѣдству отъ предковъ, и поэзою этой явилось разочарованїе:

Отрядомъ книгъ оставилъ полку,
Читалъ, читалъ—а все безъ толку:
Тамъ свукъ, тамъ обманъ и бредъ,
Въ томъ себѣсти, въ томъ смысла нѣтъ,
На всѣхъ различныя верхи;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить повизна... I, 44.

И разочарованїе это какъ разъ пришлось ко времени, чтобы его можно было облечь въ новую тогу—въ «Гарольдовъ плащъ»; лишенный почвы, уставшїй отъ нелѣпой жизни, лишиій человѣкъ ищетъ опоры въ кетати нарождающемся байронизмѣ. Этимъ онъ окончательно входитъ въ рядъ своихъ предковъ; разладъ со средой и вѣковая зломанность духа достигаютъ въ Онегинѣ своего апогея, хотя и проявляются въ новой формѣ. И вотъ какъ разъ въ тому времени, когда Онегинъ охладѣли къ «спуму свѣта» и стали со скучающимъ видомъ то читать книги, то продолжать по инерціи жить въ свѣтѣ, какъ разъ къ этому времени (1818—1820 гг.) появляются и въ жизни и въ литературѣ первые «Москвичи въ Гарольдовомъ плащѣ», первые байроническіе герои на русской почвѣ, появляются «Кавказскіе вѣшники», Алеко, Онегинъ. Не потому появились они, что пришла мода на разочарованность, хандру, байронизмъ, а наоборотъ, потому-то такъ и пришлось ко двору байронизмъ, что въ Онегинныхъ были уже на лицо всѣ его элементы. Оттого-то и байронизмъ оказался у насъ такимъ русифицированнымъ, такимъ московскимъ.

VI.

Кавказскїй вѣшникъ, Алеко, Онегинъ— все это родные братья по духу и по историко-генетическому происхожденїю: это одинъ и тотъ же типъ, почти одинъ и тотъ же характеръ, но въ различныхъ его проявленїяхъ, въ различныхъ положенїяхъ. И всѣ они нарисованы или, по крайней мѣрѣ задуманы Пушкинымъ въ періодъ его южной ссылки 1820—1824 гг., т.-е. въ тотъ періодъ пушкинскаго творчества, который былъ отмѣченъ вліяніемъ Байрона. Интересно, однако, отмѣтить, что «Кавказскїй вѣшникъ», въ которомъ Пушкинъ, по собственному признанїю, хотѣлъ обри-

совать свой же характеръ, былъ написанъ Пушкинымъ до знакомства съ Байрономъ, или, по крайней мѣрѣ, при самыхъ первыхъ шагахъ этого знакомства. Сравнительно недавно историки литературы обратили вниманіе на старое замѣчаніе критики двадцатыхъ годовъ, что въ «Кавказскомъ пѣвнѣ» отразились черты вліянія Шатобриана, что въ «пѣвнѣ» нѣтъ почти никакихъ характерно байроновскихъ чертъ. Это лишний разъ подтверждаетъ, что байронизмъ былъ только одной изъ возможныхъ формъ проявленія «конфликтности»; герои Байрона были только одними изъ духовныхъ предковъ Онегинныхъ, но вовсе не ихъ родоначальниками. Начиная отъ Saint-Preux, героя «Новой Элоизы» Руссо, проходя черезъ гетевского Вертера и героев парижскаго романтизма, въ родѣ Ренэ того же Шатобриана, и кончая героями Байрона *) мы имѣемъ рядъ духовныхъ предковъ и родственниковъ Онегина, мы имѣемъ однородные по существу характеры и типы при всемъ громадномъ различіи ихъ проявленій. Психологическая основа въ нихъ почти одна и та же; мы уже говорили, что «лишніе люди»—явленіе всеобщее, мировое, но что въ различныхъ условіяхъ они проявляются различно. Характерныя же черты ихъ типа всюду и всегда остаются тождественными: у всѣхъ ихъ неизбеженъ разладъ со средой, у всѣхъ неизбежна та или иная поза (часто далекая отъ всякаго жеманства, часто наполовину безсознательная). Разладъ со средой еще со времени Руссо характеризуется возрастающимъ разрывомъ съ формами и духомъ современной культуры; эта черта стала одной изъ главнѣйшихъ въ физиономіи парижскаго романтизма. Черта эта своеобразно преломилась и въ творчествѣ Пушкина («пѣвникъ» и черкесы, Алеко и цыганы) въ наиболее «романтическій» періодъ его жизни и творчества—въ указанную выше эпоху 1820—1824 гг.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что извѣстное мифіе Мицкевича—да и не одного его—объ этомъ періодѣ творчества

Пушкина должно считаться сильно преувеличеннымъ. Именно, по мифію великаго польскаго поэта, въ отлѣченные нами выше годы «Пушкинъ попалъ въ сферу притяженія Байрона и вращался около этого свѣтила, какъ освѣщенная его лучами планета. Сюжеты, характеры, идея, форма—все это байроновское въ произведеніяхъ Пушкина его перваго періода»¹). Конечно, вліяніе Байрона на Пушкина еще болѣе несомнѣнно, чѣмъ предшествовавшее вліяніе Шатобриана на Байрона и Руссо на Шатобриана; несомнѣнно, что форму и отчасти сюжеты Пушкинъ бралъ не безъ вліянія Байрона, но настолько же несомнѣнно, что и идея и характеры произведеній оставались вполне пушкинскими, вполне русскими, вполне «московскими». Иначе и быть не могло, такъ какъ слишкомъ различны были по существу своихъ талантовъ великій романтикъ Байронъ и великій реалистъ Пушкинъ.

У Байрона обычный разладъ «лишнихъ людей» со средой углубляется до разрыва человѣка съ міромъ, съ вселенной, съ Богомъ. Безмѣрные, титаническія силы нужны для того, чтобы пести на себѣ слѣдствіи этого разрыва, этого «богаторчества», какъ принято говорить въ настоящее время, и всѣ настоящіе герои Байрона—такіе титаны по силѣ духа. Безпредѣльная мощь человѣческаго духа, смѣло возставшаго противъ Бога, противъ всего міра,—вотъ постоянная тема Байрона, вотъ характерная черта его романтизма, его стремленія «за предѣлы предѣльнаго» человѣческаго дерзанія. Этотъ романтизмъ англійскаго поэта былъ совершенно чуждъ Пушкину, который—мы это еще увидимъ—съ такой удивительной ясностью духа принималъ весь міръ въ его цѣломъ, который доходилъ до разрыва съ обществомъ, но не человечествомъ, до разрыва съ культурою, но не съ міромъ. Пушкинъ былъ въ этомъ смыслѣ былъ можетъ величайшимъ «реалистомъ» изъ всѣхъ великихъ поэтовъ: онъ былъ «весь земной»; онъ любилъ это солнце, эту землю, этотъ міръ трехъ измѣреній, эту темную, слабую душу реальнаго человѣка; титанизмъ былъ ему совершенно чуждъ. Никогда онъ не былъ романтикомъ: его байроновскій псевдо-романтизмъ былъ поэтому только вполнѣ мимолетнымъ и не-

*) Несомнѣнное вліяніе Шатобриана на Байрона—давно извѣстный фактъ; еще болѣе глѣбко связь Шатобриана съ творчествомъ Руссо также достаточно извѣстна. Здѣсь передъ нами постепенное различіе одной и той-же нити литературной эволюціи, имѣющей свое основаніе и обоснованіе въ исторіи общественной жизни Европы второй половины XVIII вѣка.

¹ Да и самъ Пушкинъ замѣтилъ, что въ эту эпоху (1820—1824) гг. онъ отъ Байрона «съ ума сходилъ».

глубокимъ явленіемъ даже въ его творчествѣ 1820—1824 гг.

И когда Пушкинъ самъ понималъ, върнѣе — безсознательно почувствовалъ это, онъ задумалъ «Евгенія Онегина»; крайне любовно отнѣсшись, что онъ задумалъ его еще въ Крыму, т.-е. какъ разъ въ то время, когда писалъ «Кавказскаго пѣвника» (Крымъ — «с'est le berceau de mon Онегинъ»), замѣтилъ въ одномъ изъ писемъ 1836 г. самъ Пушкинъ). Въ «Кавказскомъ пѣвникѣ» въ «Братьяхъ разбойникахъ», въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», наконецъ въ «Цыганахъ» онъ пробовалъ придавать черты титанизма, черты духовной силы тому «онегинскому» типу, происхождение котораго мы прослѣдили и въ которомъ Пушкинъ такъ вѣрно видѣлъ, какъ уже сказано выше, собственные свои черты. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ онъ, что въ сопоставленіи «онегинства» съ «силою духа» таится какое-то непримиримое противорѣчіе, что «волна и камень, стихъ и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой», какъ сила духа съ одной стороны и «спинные люди» — съ другой. И замѣтите — характернѣйшее явленіе! — что и въ «Кавказскомъ пѣвникѣ», и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», и въ «Цыганахъ» Пушкинъ, быть можетъ, самъ того не сознавая, въ концѣ концовъ, снималъ со своихъ героевъ маску силы, смывалъ гримировку титанизма; не характерно ли, что во всѣхъ этихъ поэмахъ передъ нами проходитъ одинъ и тотъ же мотивъ: противопоставленіе слабого мужчины сильной женщины? Мотивъ этотъ, съ такой гениальной простотой проведенный Пушкинымъ и въ «Евгеніи Онегинѣ», впоследствии недаромъ сталъ главнымъ мотивомъ всего творчества Тургенева, этого наиболѣе «пушкинскаго» таланта русской литературы, этого постоянного бытописателя типа «лишняго человѣка» въ его разновидности сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. На русской почвѣ лишній человѣкъ всегда былъ главымъ человѣкомъ, безконечно далекимъ отъ байроновскаго титанизма, и Пушкинъ прозрѣлъ это даромъ творческой интуиціи еще задолго до «Евгенія Онегина». Столкновеніе этого «стишечкаго исключенія» своей среды съ женщиной всегда кончалось духовной побѣдой послѣдней и нравственнымъ пораженіемъ слабого духомъ героя. Вспомните: шалый, токсующій Кавказскій пѣвникъ, который «безъ упоеній, безъ желаній» являетъ

«жертвою страстей», и освобождающая его изъ пѣвни цѣною своей жизни черкешенка: нѣсколько мелодраматическій, токсующій татарскій ханъ, надъ которымъ вскорѣ смѣялся самъ авторъ съ друзьями, и Зарема, готовая принести въ жертву своей любви и свою и чужую жизнь. Еще рельефнѣе это противопоставленіе въ «Цыганахъ»; къ этому времени поэтъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что постоянный герой его поэмъ — слабый человѣкъ, которому совершенно не къ лицу тога демонизма и титанизма. Алеко, несомнѣнно, самый сильный духомъ изъ всѣхъ героевъ Пушкина — но насколько слабѣе онъ этой силой въ своей непосредственности Земфиры! Окончаніе «Цыганъ» — слишкомъ явное признаніе нравственнаго пораженія Алеко; то, что еще не ясно намѣчается въ «Кавказскомъ пѣвникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», уже ясно сказывается въ «Цыганахъ». Пушкинъ все яснѣе и яснѣе осознавалъ характеръ и типъ своего героя: въ то же время онъ все болѣе и болѣе преодолевалъ въ себѣ самъ отрицательныя черты обрисовываемаго характера. И если въ «Кавказскомъ пѣвникѣ» онъ хочетъ выставить самого себя, если онъ герою «Цыганъ» довольно подчеркнуто даетъ свое имя, то тутъ же вскорѣ онъ и смѣется надъ своимъ созданіемъ («мы вдоволь надѣнимъ — Кавказскимъ пѣвникомъ — посмѣяльце»). И когда Пушкинъ пишетъ «Евгенія Онегина», то тутъ онъ уже торопится въ первой же главѣ подчеркнуть, что Онегинъ — не онъ, не Пушкинъ:

Всегда и рать замѣтите разность
Между Онегинимъ и мною.
Чтобы насмѣившии читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сланиа здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свои портреты,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ. . . I, 35.

Конечно, въ Пушкинѣ было много онегинскихъ чертъ, какъ же какъ и во всѣхъ герояхъ «байроническихъ» поэмъ Пушкина, но въ тѣхъ герояхъ черты эти были закутаны флеромъ демонизма и титанизма: тѣхъ героевъ Пушкинъ старался выставлять сильными людьми, хотя это ему и не удавалось. Теперь онъ творческимъ чувствомъ пришелъ къ признанію своей ошибки; онъ понималъ, что слабый духомъ чело-

вѣкъ въ плащѣ титана—характерная черта русифицированнаго, московскаго байронизма. Вотъ что значить яркое опредѣленіе—«москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ»; это значить: слабый человѣкъ, пытающійся загримироваться—пу, титаномъ не титаномъ, а по крайней мѣрѣ сильнымъ душою героемъ. И когда Пушкинъ понялъ, когда Пушкинъ почувствовалъ это,—онъ пересталъ ставить на ходули тотъ типъ, который подкашивался ему самой жизнью. Онъ взялъ слабога душою потомка изломанныхъ душою предковъ, взялъ его такимъ, какимъ видѣлъ въ жизни—закутаннаго въ Гарольдовъ плащъ по байронической модѣ и позѣ той эпохи, но только спустить его съ ходуль на землю. Тогда появился Онегинъ.

Вотъ связь «Евгенія Онегина» со всѣмъ предшествовавшимъ творчествомъ Пушкина; вотъ связь его и съ «байронизмомъ» поэта. Несомнѣнно, что начало «Евгенія Онегина» относится еще къ «байроническому» періоду жизни Пушкина; недаромъ и самъ Пушкинъ въ предисловіи къ первому и второму изданію первой главы своего романа отмѣтилъ, что глава эта «напоминаетъ Беннио, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона». Позднѣйшей критикой дѣйствительно установлена нѣкоторая чисто-внѣшняя связь между манерой письма «Беннио» и «Евгенія Онегина» такъ же какъ и между героями этихъ произведеній, графомъ и Онегинымъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ связь эта до того внѣшняя, до того мало важная, что должна быть отмѣчена только мимоходомъ, какъ любопытная мелочь, характерная для изученія байроновскаго вліянія на форму письма Пушкина двадцатыхъ годовъ, но не для изученія внутренней сущности пушкинскаго «романа въ стихахъ». Эта сущность мало по малу складывалась и выяснялась подъ вліяніемъ романтизма вообще и байронизма въ частности еще въ періодъ 1820—1824 гг.; туманный обликъ Кавказскаго пѣлѣника приобрѣлъ болѣе опредѣленные черты въ Алеко, а поставленный съ ходуль на землю Алеко оказался Онегинымъ. И по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ свой романъ, все яснѣе и яснѣе дѣлался для него обликъ героя всѣхъ его поэмъ. Слабый человѣкъ—вотъ его сущность; стремленіе казаться сильнымъ—вотъ его поза; его столкновеніе съ сильной женщиной—вотъ фатальная психологическая завязка и развязка пушкинскихъ поэмъ и романовъ.

И все это выражено Пушкинымъ въ «Евгеніи Онегинѣ» съ особенной ясностью, съ окончательной опредѣленностью. То, что смутно было намѣчено поэтомъ въ «пѣлѣникѣ» и черкешенкѣ, въ Алеко и Земфирѣ, теперь раскрылось во всей своей полнотѣ въ Онегинѣ и Татьянѣ; то, что тамъ было окутано псевдо-романтическимъ флеромъ, здѣсь сведено на землю, выражено въ яркихъ реалистическихъ образахъ, въ безмерныхъ реальныхъ типахъ. При столкновеніи съ Татьяной обнаруживается въ концѣ духовная сущность Онегина, и намъ необходимо познакомиться поближе съ Татьяной, понять ее и сказать тогда послѣднее слово о героѣ ея романа, о героѣ всѣхъ поэмъ Пушкина. Вѣдь послѣднее слово объ Онегинѣ сказала именно Татьяна.

VIII.

Итакъ—она звалась Татьяной...
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань дѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой... (II, 25).

Этими словами Пушкинъ начинаетъ характеристику Татьяны, и слова эти сразу вскрываютъ передъ нами главную черту того типа, къ которому принадлежитъ Татьяна: намъ сразу становится ясно, что Татьяна—такое же типичное исключеніе своей среды, какъ Евгений Онегинъ—своей. А если мы прибавимъ, что среда эта въ обоихъ случаяхъ почти одна и та же, то сразу намъ станетъ яснымъ полное сходство и историко-генетическаго происхожденія Онегина и Татьяны, и ихъ принадлежности къ промежуточному слою нарождающихся новыхъ людей. При этомъ, однако, они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ психологическимъ типамъ, что съ неизбежностью обуславливаетъ собою и завязку и развязку пушкинскаго романа.

Что историко-генетическое происхожденіе Татьяны и Онегина общее—въ этомъ врядъ ли возможны сомнѣнія; почти все, что мы говорили о дѣдахъ и прадѣдахъ Евгенія Онегина, можно чуть ли не дословно повторить о бабушкахъ и прабабушкахъ Татьяны, и это въ значительной степени объяснитъ намъ ея характеръ. Дѣйствительно, за два вѣка европейскаго просвѣщенія русскія женщины не перестали не меньше «волшебныхъ измѣненій милаго лица»,

члвтъ нхъ отцы, мужа и брата. Если кака-нибудь прапрабабушка Татьяны была еще русской боярыней-затворницей середины XVII вѣка, то зато прабабушка ея — кака-нибудь Наталья Гавриловна Ржевская, невѣста «арана Петра Великаго» — была насильно вывезена на петровскую ассамблею, такъ красочно и ярко оарисованную Пушкинымъ въ третьей главѣ только-что названнаго романа. Изъ душегубекъ и шушунувъ ее насильно нарядили въ фижмы и робронды и заставили влашиться и присѣдать въ менуэтахъ — «по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру». Ея дочь, бабушка Татьяны, уже съ молодыхъ лѣтъ воспитывалась по такому «нѣмецкому маниру», а позднѣе — вращалась въ обществѣ, зараженномъ, словно эндемической болѣзнию, галломаніей; просмотрите любой изъ сатирическихъ листковъ начала царствованія Екагеринны, и вы найдете портретъ бабушки Татьяны въ безчисленныхъ снмкахъ и коняхъ. У этой петербургской культурной лкарки середины XVIII вѣка была дочь Pachtette — мать Татьяны. Этой ci-devant Pachtette, впоследствии Парасковія Лариной, Пушкинъ посвятилъ рядъ мѣткихъ, добродушно-адовитыхъ строкъ въ «Евгений Онегинъ»; какъ живая стоитъ она передъ нами. Она получила бошное воспитаніе въ московскомъ французскомъ пансіонѣ, у каковой-нибудь «эмигрантки Фальбала»: въ результатѣ этого воспитанія —

..... писывала кровью
Она въ альбомы вѣжвыхъ дѣвъ,
Звала Подию Прасковью
И говорила парасѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій И, какъ X французскій,
Произносить умѣла въ пось И, 33 :

вообще, она была тайно влюблена; предметомъ ея страсти былъ нѣкій «славный франтъ, игрокъ и гвардіи сержантъ». Но «скоро все перевелось»: ее выдали замужъ за бригадиръ въ отставкѣ Дмитрія Ларина, который увезъ ее съв свою деревню, гдѣ она, Богъ знаетъ кѣмъ окружена, рвалась и плакала сначала», а потомъ «привыкла и довольна стала». Покойно катилась привольная помѣщичья жизнь, вся пропитанная гои смѣсью старо-русскаго помѣщичьяго быта съ французскимъ языкомъ, которая и понынѣ еще сохранилась въ рѣдкихъ углахъ уголкахъ Ларины

..... Хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины,

они «любили круглая бачели, подблюдны пѣсни, хороводы», и въ то же время дѣли нхъ росли на французскихъ романахъ, во французской литературѣ. Татьяна даже «по русски плохо знала... и выражалась съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ» (III, 26), что даже нѣсколько неаправдоподобно, если вспомнить о нянѣ Фадеевиѣ, влелѣившей Татьяну. Но — во всякомъ случаѣ — вотъ обстановка, въ которой воспиталась и выросла Татьяна.

И Татьянѣ, подобно Онегину, нельзя было отказаться отъ духовнаго наслѣдства, и въ ней съ неизбежностью отразились черты, воспитанныя въ русской женщинѣ всей жизнью XVIII вѣка. Конечно, въ Татьянѣ не было и не могло быть никакихъ чертъ того городского «вырожденства», которыя, несомнѣнно, просвѣчивали въ Онегинѣ; не могло быть хотя бы по одному тому, что всю свою дѣвичью жизнь Татьяна прожила въ глухой деревнѣ. Уже по одному этому изъ Татьяны не могло выйти полной аналогіи Онегину, какою были тѣ жемацныя, «младая граціи Москвы», ея кузины, съ которыми она познакомилась впоследствии. Но зато не могла не отразиться на Татьянѣ та наслѣдственная раздвоенность понятій, мыслей, чувствъ, та душевная раздвоенность, которая обазалась въ Онегинѣ гримасой, позою; быть-можетъ, безсознательной гримасой, испрешней позою — пусть такъ, но все же позою. Избѣжать этой раздвоенности Татьяна не могла.

Умъ съ сердцемъ не въ ладу, книжныя французскія мысли не въ ладу съ чувствомъ, не въ ладу со всѣмъ бытомъ, — въ этомъ была трагедія многихъ Татьянъ той эпохи. Передъ нами

Татьяна — русскія душою,
Сама не зная почему,

какъ великолѣпно говорить о ней Пушкинъ (V, 4); передъ нами до глубины души русская дѣвушка. Такова ея внутренняя сущность, таковъ глубокий складъ ея духа; но на этой сущности рядъ постороннихъ наслоеній. Знакомая съ Татьяной, мы невольно вспоминаемъ ея далебую предшественницу, отдѣленную отъ Татьяны столѣтіемъ, невѣсту арана Петра Великаго, Наталью Гавриловну Ржевскую. Пушкинъ набросалъ ея недоконченный портретъ легкими и тонкими штрихами; передъ нами дѣвушка, которая была «воспитана по старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сншними дѣвуш-

ками: шила золотомъ и не знала грамоты», и въ то-же время она учится «пляскамъ иѣмецкимъ, . . . менуэтамъ и курантамъ» у пѣннаго шведскаго офицера. Не то ли же самое было и съ Татьяной: воспитаніе подъ крыломъ старушки-няни Одаевны (пушкинская Арина Родионовна), яркаго воплощенія русскаго народнаго духа, и рядомъ съ этимъ, вмѣсто «плясокъ иѣмецкихъ», французскіе романы? На душу русскои дѣвушки дожились наслоенія чужихъ, чуждыхъ идей и чувствъ, и вотъ, выбитая изъ колен, бродитъ она «съ печальной душою въ очаль, съ французской книжкой въ рукахъ» (VIII, 5). Старушка-няня, русскія сказки и поговорки, «старинныя были и небывшцы», разговоры о старинѣ—и тутъ же рядомъ, въ письмѣ къ Онегину, пересказъ вычитанной у романтиковъ, а можетъ быть и слышанной отъ Лепскаго теоріи предназначенности другъ другу «родныхъ душъ». Въдъ Лепскій подарокъ былъ «поклонникъ Канта и поэтъ»; «поклонникъ Шеллинга» долженъ былъ сказать Пушкинѣ, если бы хотѣлъ взять наиболѣе общій типъ «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что проповѣдуемая Лепскимъ мысль почти буквально повторяетъ Татьяна.

Онь вѣрнѣе, что душа роцал
Соединиться съ нимъ должна,
Что, безотрадно изнывая
Его всервевно ждеть она (II, 8

Въдъ почти все письмо Татьяны къ Онегину составляетъ перифразу этихъ мыслей Лепскаго:

«То въ высшемъ суждено совѣтъ,
То воля Неба: я зваю'
Вся жизнь моя была залогомъ
Связаня вѣрнѣе съ тобой»...

Итакъ, «круглая качели, подблюдны пѣсни, хороводъ»—съ одной стороны, а съ другой—романтическая теорія любви, французскіе романы,—какъ же не сказать, что и Татьяна не могла избѣгнуть той некрепней поэмы, которая была удѣломъ типическихъ исключеній этого роковнѣя?

Некрепняя поза—это сочетаніе словъ нѣсколько странно, но оно вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Некрепняя поза—это значитъ непроизвольная поза, безсознательная поза, и именно таково было положеніе типическихъ исключеній онегинскаго поволнѣя. Правда, когда онегин-

ство разлилось широкой волной, когда оно перешло въ мѣщанскую массу, то оно дѣйствительно стало дѣланной, сознательной позой,—мы это еще увидимъ; тогда появились безчисленные уѣздные кавалеры, напускавшіе на себя разочарованность, хандру, байронизмъ. А Онегинъ—и въ этомъ вся разница, и большая разница—не напускалъ на себя хандры, но былъ дѣйствительно въ ея власти. Точно также и Татьяна: она дѣйствительно была во власти своихъ двойственныхъ чувствованій и переживаній; она не была одной изъ тѣхъ «идеальныхъ дѣвъ», у которыхъ весь романтическій экстазъ на половину дѣланый, напускной.

Татьяна не была ни такой «идеальной дѣвой», о которыхъ такъ зло писалъ Бѣлинскій, ни одной изъ тѣхъ «уѣздныхъ барышень», о которыхъ такъ часто съ добродушной прощій говорилъ Пушкинъ. «Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жили въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни!»—восклицаетъ Пушкинъ устами Бѣлкина въ «Барышнѣ-крестьянкѣ»: въ «Евгеніи Онегинѣ» поэтъ посвящаетъ двѣ строфы описанію альбома уѣздной барышни (IV, 28, 29) и даетъ этимъ прелестью характеристику всего типа уѣздныхъ барышень. Наконецъ, очень милую уѣздную барышню Пушкинъ нарисовалъ въ образѣ Ольги Лариной—веселой, простодушной дѣвицѣ, какихъ такъ много и въ жизни и въ литературѣ:

. . . . . любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портреть: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но радобѣ оу мнѣ безвѣрно... II, 23

Эти уѣздныя барышни являются типомъ дѣвушекъ той среды и эпохи; сравнительнымъ исключеніемъ изъ нихъ, но исключеніемъ довольно печальнымъ, являются «идеальныя дѣвы». Это о нихъ говорилъ Пушкинъ въ одной изъ черновыхъ строкъ четвертой главы своего романа:

Что можетъ быть, страна свѣтая,
Несноснѣе барышень твоихъ,
Плачевнѣе, смущнѣе, несообразнѣе...
Простѣе-бы нѣтъ ихъ слезни, чванство...
И несопрятность, и жеманство—
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій отвѣтъ

Объ этомъ типѣ «идеальныхъ дѣвъ» очень мѣтко и зло писалъ Бѣлинскій, раз-

сказывая, какъ эти идеальныя дѣвы заюемъ читають книги и думаютъ, что понимаютъ ихъ; какъ онѣ мечтають, глядя на луну; какъ списываютъ стихи въ завѣтные тетрадки; какъ ведутъ перышко (огромными тетрадными) съ какой-нибудь подругой, которая живетъ въ томъ-же домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. «Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный «вышесными чувствами», въ которыхъ... нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензіи и идеальничанье. Онѣ презирають толпу и землю, питають непримиримую ненависть ко всему матеріальному... Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способность обманывать себя призраками фантазіи доходитъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами и, такимъ образомъ, до семидесяти лѣтъ сохраняють способность къ сентиментальной экзальтаціи, къ первическому идеализму» («Отеч. Зап.» 1845 г., т. XXXIX, № 4). Вотъ кто получилъ сполна по наследству всю духовную изломанность цѣлаго ряда предковъ, вотъ чьей участю стала дѣланная поза, гримаса, жеманство...

Татьяна, повторяемъ еще разъ, и не песнопная («уздная барышня») и не слезоточивая («идеальная дѣва»); она и не общій шаблонный типъ и не печальное исключеніе, не дѣланная поза и гримаса; она, какъ мы уже сказали, типическо е исключеніе своей среды и эпохи. Въ ней мы имѣемъ передъ собою типъ дѣвушки съ сильной душой, порывающейся прочь отъ той среды, въ которую ее закинула судьба. Правда, отъ наследственныхъ влчій никто не можетъ отказаться; но вотъ яркій примѣръ борьбы сильно очерченной индивидуальности съ наследственными родовыми и бытовыми типическими чертами. Почему Ольга Ларина—кость отъ костей и плоть отъ плоти своихъ родителей, типичная «уздная барышня», а ея сестра, Татьяна, съ раннихъ лѣтъ, «въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой»? Здѣсь вступаютъ въ свои прѣва, какъ говорить устами добродушнаго Бѣлкина Пушкинъ, та «особенность характера, самобытность (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жака-Поля, не существуетъ человѣческое величье» («Барышня-крестьянка»). Сильная и глубокая индивидуальность Татьяны жаж-

детъ цѣльности, единства; но ей не дано преодолѣть наследственнаго раздвоенія души и найти самое себя. Русская душою, она всегда будетъ думать по французски; есть печаль эпохи, печаль воспитанія, печаль быта, которую могутъ до извѣстной степени стереть только совершенно исключительные люди. Это было не по силамъ милой, поэтичной Татьянѣ; не находя исхода, она искала спасенія въ одиночествѣ, въ замкнутости, въ книгахъ.

И вотъ судьба столкнула ее съ человекомъ, котораго она полюбила, въ которомъ надѣялась найти поддержку, защитника, спасителя. Два раза пришлось ей столкнуться съ нимъ въ жизни, и оба эти столкновения окончательно вскрываютъ передъ нами характеры Татьяны и Онегина.

УШ.

Если бы Татьяна была представительницей массоваго типа русской провинціальной дѣвушки того времени, если бы Татьяна была того же типа, какъ ея сестра Ольга, то романъ Пушкина терзалъ-бы свой смѣль, или вѣрнѣе сказать, приобрѣталъ бы совершенно иной смѣль; встрѣчи Онегина съ одной изъ тѣхъ темъ «уздныхъ барышень». Конечно, и эта задача представляеть художественный интересъ, и любопытно, что, только-что окончивъ «Евгенія Онегина», Пушкинъ въ 1831 г. принялся именно за такой романъ (отъ него остались только «Отрывки изъ романа въ письмахъ»). Герой этого романа, Владиміръ Z., о которомъ мы уже упоминали—все тотъ-же Онегинъ, настолько тотъ же, что даже «надшес къ портрету княжны Ольги» онъ сочиняеть въ стилѣ сужденій Онегина про Ольгу Ларину (Онегинъ: «кругла, красна..., какъ эта глухая луна»; Владиміръ Z.: «глупа, скучна—et cetera»...). Это второе изданіе Онегина ухаживаетъ въ деревнѣ за своей петербургской знакомой, Лизой, и въ то же время «развлекается» со своей родственницей Машей, типичной «уздной барышней». На этомъ романъ обрывается, но дальнѣйшій ходъ его ясенъ: конечно, Владиміръ Z. разорветъ нить своего романа и съ той и съ другой и вернется продолжать онегинствовать въ Петербургъ: одна изъ главныхъ темъ этого неоконченнаго романа—столкновение этого Онегина съ «уздной барышней». Но психологическая задача «Евгенія Онегина» совѣмъ другая; эта тема, эта задача, которую впоследствии

такъ богато развили и разработали Тургеневъ, является въ то же время и постоянной темой Пушкина. Мы уже указывали, что тема эта — столкновение слабого мужчины и сильной женщины.

Сильная женщина, сама не сознающая своей духовной силы, и въ то же время безыликая въ борьбѣ со средою, полюбила слабого мужчину, заgrimированнаго чуждымъ титаномъ. Уже давно ея «душа ждала... кого-нибудь», кто бы не былъ похожъ на уѣзднаго франтика Штушкова, на Буянова, на гусара Ныхтина — вообще на всѣхъ тѣхъ, за кого мечтали-бы выйти замужъ всѣ «уѣздныя барышни». Душа ждала —

И дождалась. Открылись очи:

Она сказала: это онъ! III, 8.

Этотъ «онъ» — былъ Евгений Онегинъ. Конечно, Татьяна не могла видѣть въ немъ того, кѣмъ онъ дѣйствительно былъ: вѣдь онъ былъ героемъ ея романа, въ немъ она видѣла черты всѣхъ героевъ прочитанныхъ ею романовъ:

Всѣ для мечтательницы пѣкной

Въ единый образъ облеклись,

Въ одномъ Онегинѣ слились... III, 9.

Она мечтаетъ о немъ; она идеализируетъ своего героя; она вѣритъ, что съ нимъ начнется для нея новая жизнь: что самой судьбой предназначены они другъ для друга; что онъ спасетъ ее отъ той среды, гдѣ она задыхается.

Все это выражено въ томъ письмѣ Татьяны, равнаго которому нѣтъ въ русской литературѣ; все оно пропитано ароматомъ пѣкной и глубокой распускающейся дѣвической души. Тутъ все такъ живо и такъ глубоко по чувству, тутъ такая глубокая страсть и такой торжкй призывъ о помощи, что даже Онегинъ «живо тронуть былъ»; но, конечно, разочарованный во всемъ, онъ совершенно не сумѣлъ оцѣнить всей непосредственной прелести этого письма, всей глубины натуры Татьяны. Онегинъ не былъ Пушкинымъ, который «свяго бережетъ» это письмо и перечитывалъ его «съ тайною тоскою»^{*)}; Онегинъ не могъ понять и оцѣнить мигущуюся душу Татьяны.

*) «Письмо Татьяны предъ мною. Его я свяго берегу, читаю съ тайною тоскою — и начитаться не могу» III, 31; возможно, что это — автобиографическое признаніе Пушкина. Эти строки написаны имъ въ Михайловскомъ, въ концѣ 1824 г., когда Пушкинъ читалъ и перечитывалъ письмо своей «Татьяны» — графини Е. К. Воронцовой. См. стих. «Сожженное письмо», 1825 г. (вѣст. изд., т. II, стр. 287).

А вѣдь она искала въ немъ защиты, опоры, спасенія: она убѣждена, что онъ, сильный духомъ герой, посланъ ей Богомъ, что онъ ея избавитель. Въ уцѣлѣвшей программѣ письма Татьяны Пушкинъ заставляетъ ее высказывать слѣдующія мысли: «Я ничего не хочу, я хочу васъ видѣть: у меня нѣтъ никого, придите, вы должны быть то и то; если нѣтъ, меня Богъ обманулъ»... Подчеркнутая нами фраза не передана дословно въ самомъ письмѣ, хотя этой мыслью и пропитано все письмо; мысль эта — какъ-бы лейтъ-мотивъ его. Татьяна готова на все; она готова на жертву, на страданіе, но въ то же время она ждетъ защиты и спасенія:

... судьбу мою

Отъиы я тебѣ прочаю.

Передъ тобою слезы лью.

Твоей защитѣ умоляю. . . .

Вообрази: я здѣсь одна,

Никто меня не понимаетъ,

Разсудокъ мой изнемогаетъ

И молча гибнуть я должна.

Я жду тебя: единымъ взоромъ

Надежды сердца ожижи. . . .

Никто ея не понимаетъ; но — что еще хуже — она сама себя не можетъ понять. Гдѣ-то и въ чемъ-то есть спасенье... Но гдѣ и въ чемъ? О, конечно, въ сильномъ героѣ, въ Онегинѣ: «вы должны быть то и то (читай: сильный духомъ герой, руководитель и т. п.); если нѣтъ — меня Богъ обманулъ»...

Да, дѣйствительно, «Богъ обманулъ» бѣдную Таню: вѣра въ Онегина обманула ее. Это случай общій, характерный для цѣлой эпохи развитія русской женщины. Долго и мучительно искала она дороги и всегда избирала руководителями Онегинскихъ разныхъ родовъ: княжна Мэри — Печорина, Лиза — Лаврецкаго, Наталья — Рудина. И всѣ Онегины отвѣчали всѣмъ Татьянамъ однимъ, и тѣмъ же: полнымъ непониманіемъ. И всегда это столкновение Онегинскихъ съ Татьянами происходило точно по одному графѣрету, такъ гениально просто намѣченному Пушкинымъ: сильная женщина встрѣчалась со слабымъ мужчиной и искала въ немъ поддержки, пути къ новой жизни, спасенія; Онегины почти всегда или не умѣли поддержать, или отталкивали ее, и только впоследствии понимали, что они утратили... Но тогда было уже поздно: всѣ эти сильныя женщины начинали понимать всю духовную слабость своихъ героевъ.

Такъ это было и съ Татьяной. Послѣ холодной огневѣди Онегина на письмо Татьяны, послѣ убійства имъ Ленскаго

. . . . . изчизнеть пощепоту
Моя Татьяна понимать
Теперь неше, слава Богу,
Того, по вомъ она вдыхатъ
Осуждена судьбою властной...

Когда она прочла книги библіотеки Онегина — произведенія Байрона и еще «два-три романа, въ которыхъ отразился вѣкъ», — то она, ввроятно, съ трепетомъ, съ болго подумала, что быть можетъ ея героиней вовсе не титанъ, не «спадменный бѣсъ», а только

. . . . . подражанье,
Ничтожный призракъ, нль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ...
Ужъ не пародія-ли оны?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужель слово найдено? (VII, 24—25).

Мы уже знаемъ, что въ слѣдующей главѣ самъ Пушкинъ отвѣтилъ отрицательно на послѣдніе вопросы (VIII, 8—10); мы знаемъ, что Евгеній Онегинъ не только подражанье, не только пародія; что не случайно надѣлъ онъ на себя Гарольдовъ плащъ; что причины этого коренились глубоко въ общественной почвѣ. Но мы знаемъ также — и это хорошо поняла Татьяна, что этотъ москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ вовсе не титанъ, не «спадменный бѣсъ», а слабый, безвольный, тоскующій человекъ.

И когда Татьяна, на этотъ разъ уже «равнодушная княгиня», черезъ три года снова сталкивается съ Онегинымъ — она уже хорошо его понимаетъ; его слабость теперь для нея слишкомъ очевидна. Теперь ей обидна — и за себя и за него обидна — «мелкость» героя ея романа; она еще любить его («къ чему лукавить?»), но ей болго созавать слабость бывшаго титана, котораго она въ немъ хотѣла когда-то видѣть. О, какъ бы она и теперь хотѣла видѣть его прежнимъ сильнымъ, твердымъ, могучимъ героемъ (вспомните: «прямо передъ ней, блистая взоромъ, Евгеній стоитъ подобно грозной тѣни», III, 41, — такимъ она представляла себѣ его). И вдругъ вмѣсто бывшего героя передъ нею слабый, растерянный, безвольный человекъ, какимъ онъ и былъ всегда въ дѣйствительности; она окончательно убѣждается въ этомъ.

Этимъ онъ наноситъ ей неизмѣримо болге жестокой ударъ, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ въ отвѣтъ на ея письмо читалъ ей холоднымъ тономъ проиненую мораль: «сучисесь властвовать собою... Не пейкій васъ, какъ я, пойметъ (!; къ бѣдѣ неопытность ведетъ)...» (III, 16). О, какъ бы она хотѣла услышать отъ него и теперь «холодный разговоръ», вмѣсто жалкихъ слезъ и умоляющихъ посланій.

. . . . . Знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей душѣ было пласть,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ...
А шипче! — Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость! (VIII, 45).

Какая малость! — вотъ что ей обидѣе, вотъ что ей горьче всего! Она обманулась въ своемъ идеалѣ; слабого безвольнаго человека она приняла за сильнаго духомъ героя...

И это разочарованіе — ключъ ко всему поведенію «бѣдной Тани» при послѣдней встрѣчѣ съ героемъ ея романа. Въ ней еще сохранилась любовь къ нему, но ни за что и никогда не рѣшится она связать свою и его судьбу... Легкая свѣтская интрига (бывшая спеціальность Онегина; см. I, 8—12) омерзительна для этой сильной душою женщины: ей нужно или все, или ничего. «Я другому отдана — и буду вѣкъ ему вѣрна», — эти слова Татьяны, вызвавшія такъ много комментариевъ на этической почвѣ (начиная съ Бѣлинскаго и вплоть до Достоевскаго *), — эти слова должны быть поняты прежде всего на почвѣ психологической: это отказъ связать свою судьбу съ Онегинымъ. О, если бы Татьяна могла вѣрнѣе въ силу Онегина, въ его любовь! О, если-бы онъ былъ тѣмъ сильнымъ человекомъ, который тоже имѣетъ своимъ девизомъ: или все, или ничего! Тогда, быть-

* Какъ извѣстно, Бѣлинскій негодовалъ: «И другому отдана — именно отдана, а не отдадася! Вѣчная вѣрность — кому и въ чемъ? Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ профанацию чувства и чистоты женственности...» («Отеч. Зап.» 1845 г., т. XXXIX, № 4); а Достоевскій въ своей знаменитой «Пушкинской рѣчи» отвѣчалъ на это: «кому, чему вѣрна?... Да вѣрнѣе этому генералу, ея мужу, честному человеку, ея любимому и уважающему и ея гордущемуся... Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ, и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ и убьетъ его. А развѣ можетъ человекъ основать свое счастье на несчастіи другого?».

можетъ, Татьяна—а если не пушкинская Татьяна, то одна изъ послѣдующихъ многочисленныхъ Татьянъ, героинь Тургенева, въ родѣ Елены изъ «Наканунѣ»—быть-можетъ она и пришла бы въ себѣ силы разорвать со средой, съ «мертвящимъ упоениемъ свѣта», съ традиціонной моралью, съ кастовыми предразсудками... Но въ героиню Татьяны—Онегина! Въдѣ опъ по прежнему охотно удовлетворится свѣтской интригой! Въдѣ любовь Онегина нуждается въ привычной атмосферѣ. Въдѣ онъ увлеченъ не прежней Таней Лариной,

Не этой дѣвочкой несбытой,
Влюбленной, бѣдной и простой,—
По равнодушной книгшней,
По неприсутнйоу бошней
Росвошной царственной Невы... (VIII, 27).

И Татьяна знаетъ это. «Вдали отъ суетной молвы я вамъ не правила»—говоритъ она Онегину (VIII, 44). И съ такимъ человѣкомъ связать свою судьбу? Для это быть можетъ минутной вешники сломать свою и не только свою жизнь? Она отталкиваетъ его, еще продолжая любить; но онъ уже болѣе не герой ея романа. Она плачетъ надъ его письмами; она оплакиваетъ свою былую любовь, свои былыя мечты и надежды; но съ Онегинымъ ихъ пути разошлись навсегда...

IX.

Эти двѣ встрѣчи, два столкновенія Татьяны съ Онегинымъ не только окончательно уясняютъ намъ ихъ характеры, но болѣе того—даютъ намъ въ руки путеводную нить для пониманія цѣлаго ряда послѣдующихъ явленій русской общественной жизни, закрѣпленныхъ въ художественной литературѣ. И Татьяна и Онегинъ не сходили со сцены русской жизни и литературы, по крайней мѣрѣ, до эпохи шестидесятыхъ годовъ, да я врядъ ли когда-либо сойдутъ окончательно, такъ какъ въ нихъ есть элементы вѣчной сущности человеческого духа.

Татьяна стала родоначальницей лирическихъ женщинъ; онѣ будутъ существовать въ русской жизни и литературѣ до той поры, пока существуютъ Онегины. Кстати замѣтить, Пушкинъ вовсе не показывалъ намъ въ Татьянѣ того «истинно-колоссальнаго исключенія», той «геніальной натуры», какую въ ней видѣлъ Бѣлишевскій; Пушкинъ далеко не идеализировалъ Татьяну,

хотя и придавъ ей образу такую чарующую поэтическую прелесть. Татьяна, конечно, стоитъ выше окружающаго ея и въ деревнѣ и въ Петербургѣ общества, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ своей натуры, но все же она—дочь своей эпохи, своего круга людей. Не только стремиться, но и дѣйствительно стать выше ихъ можетъ только слишкомъ исключительная «геніальная натура», какою Татьяна не была. Вырваться своими силами изъ этой среды, приспособить ее къ себѣ, т.-е. создать себѣ особую цѣнную жизнь, Татьяна не можетъ, и при первомъ крушеніи своихъ мечтаній и надеждъ она сама быстро приспосабливается къ окружающей еѣ атмосферѣ:

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣшительнаго сана
Пріемы скоро поняла! (VIII, 28).

И то уже признакъ ея недожитной натуры, что это приспособленіе является для нея только вишнимъ, видимымъ, только формой, подъ которой еще не потушилы былыя мечты, былая любовь:

« . . . . . сейчасъ отгнать и разв
Всю эту петлю маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку вить, за шивъ садъ,
За ваше бѣдное явліще...» VIII, 46.

Но эту сильную, недожитную натуру сковываютъ условія жизни окружающей среды; одна она безсильна спасти себя. А когда она пытается найти поддержку, спасеніе, она находитъ Онегина... Гибнетъ сильная натура, ненужной и лишней становится жизнь. И это общая жизнь всѣхъ сильныхъ женщинъ, всѣхъ Татьянъ послѣдующей эпохи: всѣ онѣ становятся лишними женщинами; всѣ онѣ гибнутъ, не находя опоры и поддержки въ своихъ Онегинахъ. Возьмите почти всѣхъ героинь Тургенева—и вы увидите, какъ въ нихъ повторяется въ общихъ чертахъ судьба «бѣдной Тани». Только въ эпоху нашего Sturm und Drang Period'a, въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, русская женщина, благодаря духу времени, выбивается изъ-подъ давящей ея среды, гдѣ Онегины—еще одинъ изъ лучшихъ.

И Онегинъ, въ свою очередь, сталъ родоначальникомъ цѣлаго ряда лирическихъ людей, но не сильныхъ, а слабыхъ душою героевъ. Сначала Онегины были немно-

ПУШКИНЪ.

Портретъ кисти Кипренскаго. 1827.

численны; они были тѣмъ типическимъ исключеніемъ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ онегинство, словно эпидемическая болѣзнь, быстро распространилось въ массѣ, въ мѣщанской толпѣ; оно стало модой, дѣланной позой, костюмомъ, стало достояніемъ не только типическихъ исключеній, но и широкой улицы. Еще въ началѣ 1825 года, послѣ появленія въ печати первой главы «Евгенія Онегина», А. А. Бестужевъ писалъ Пушкину про героя его романа: «Я вижу франта, который душой и тѣломъ предастъ модѣ; вижу человека, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность и мизантропія и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ» («Переписка», ed. cit. I, 187). Годомъ позднѣе Булгаринъ писалъ почти то же самое въ «Сѣверной пчелѣ» (1826 г., № 132), послѣ появленія второй главы романа: «Да снѣжь поркъ,— писалъ онъ,— Онегинъ принадлежитъ къ числу людей, какихъ встрѣчаемъ дюжинами на всѣхъ большихъ улицахъ и во всѣхъ французскихъ ресторацияхъ...» А двумя годами позднѣе Иванъ Кирѣевскій, въ своей цѣпной статьѣ «Нѣчто о характерѣ поэзій Пушкина», отозвался объ Онегинѣ еще болѣе рѣзко: «Онегинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное... Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей и всего меньше поэзій въ такомъ характерѣ...» («Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 178—179). Все это показываетъ, что критики той поры не могли еще понять типа Онегина; но, кромѣ того, это показываетъ, что уже къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ онегинство было широко распространеннымъ, массовымъ явленіемъ.

Пушкинъ не могъ не замѣтить массовости этого явленія, пока писалъ свой романъ. На вопросъ: неужто вся молодежь такова?— Пушкинъ могъ бы предсказать позднѣйшій слова Лермонтова о «печоринствѣ»: «что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ и всѣ моды, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ» («Герои нашего времени»; «Бѣла»). Пушкинъ видѣлъ это и, былъ можетъ, отчасти потому сталъ относиться къ своему герою отрицательнѣе, чѣмъ раньше. Онъ готовъ былъ допустить, — хотя выразилъ это только въ вопросительной формѣ, и то отъ лица Татьяны, — что его герой — «пародія», «словъ модныхъ

полнымъ лексиконъ», что онъ только «еще-голяетъ маской», но, въ концѣ концовъ, онъ возсталъ противъ такого пониманія Онегина. «Зачѣмъ же такъ безыоскобно вы отзываетесь о немъ?» (VIII, 9) — спросилъ онъ и читателей и критиковъ въ родѣ П. Кирѣевскаго. Этимъ онъ подчеркнул, что Онегинъ — одно, а онегинство — другое, что «странность» Онегина, — «неподражательная» (I, 45); что не надо смѣшивать Онегина съ тѣми добрыми малыми, которые донашивали его костюмъ. Заключившая въ концѣ 1830 года свой «романъ въ стихахъ», Пушкинъ въ то же время написалъ свои «Повѣсти Бѣлкина», въ одной изъ которыхъ выводитъ на сцену такого добраго малца, Алексѣя Берестова, донашивающаго онегинскій костюмъ; этотъ провинціальнѣйшій герой сводилъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышень, такъ какъ «первымъ явился передъ ними мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увиднѣй своей юности; сверхъ того, носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи...» («Барышня-крестьянка»). Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше это входило въ моду; въ тридцатыхъ годахъ всѣ уѣздные кавалеры были уже Онегинскими и сводили этимъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышень.

Но, конечно, не эти уѣздные кавалеры были духовными потомками Онегина; ими были тѣ «лишніе люди» николаевской эпохи, о которыхъ намъ уже приходилось упомянуть выше. Этимъ духовнымъ потомкамъ Евгенія Онегина слѣдовало бы удѣлить не меньше вниманія, чѣмъ его историко-генетическимъ предкамъ; этой обширной темѣ посвященъ многочисленный рядъ работъ. Мы замѣтимъ только, что какъ ни разнообразны характеры многочисленной группы лишннихъ людей, но всѣ они принадлежатъ къ одному и тому-же типу: все это, начиная отъ Чацкаго и Онегина и кончая героями Чехова, — ни павы, ни вороны; все это люди, отъ мѣщанскаго берега отставшіе и къ берегу индивидуализма не приставашіе; все это слабые, безвольные, мятущіеся люди. Николаевская система оффиціальнаго мѣщанства создала удобную почву, на которой развивались такіе характеры не только въ зависимости отъ историко-генетическаго происхожденія, но и въ силу социально-политическаго положенія. Въ силу этого положенія и роль лишннихъ людей сороко-

внукъ—пятидесятихъ годовъ (Бельтовъ, Рудинъ) была иная, чѣмъ въ свое время роль Евгенія Онегина: Онегинъ былъ почти пассивнымъ статистомъ на сценѣ русской общественной жизни, а Бельтовъ или Рудинъ были активными дѣятелями, хотя и безслѣдными свершить что-либо. Правда, они ничего не сдѣлали; они «говорили, говорили, говорили—и только»; но уже давно замѣчено, что бываютъ времена, когда слово—большое дѣло. За Онегинимъ же не было ни слова, ни дѣла. Ну, конечно: «яремъ онъ барщины стариной оброкомъ легкимъ замѣнилъ, и рабъ судьбу благословилъ», на что до надобливости единодушно указываютъ все commentators «Евгенія Онегина»; но вѣдь и это Онегинъ сдѣлалъ лишь для того, «чтобъ только время проводить!» (II, 4). То, что для современника Онегина, декабриста Якушкина, было дѣломъ нравственного долженствованія, для Онегина было лишь средствомъ какъ-нибудь убить время. Во сколько же разъ выше такого онегинскаго «дѣла» горячій «слова» Рудина, будившій мысль, поднимавшій энергію, пробуждавшій человѣка!

Въ шестидесятихъ годахъ на смену лишнимъ, людямъ потомкамъ стараго служилаго дворянства, загубленнымъ и духовной наследственностью и глухой петлей николаевскаго режима, пришли сильные и бодрые «разночинцы»; казалось, что онегинство навсегда похоронено. Такъ казалось; оказалось же нѣчто совершенно противоположное; оказалось, что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ яснѣе и живѣе воскресаютъ среди русской интеллигенціи черты навсегда похороненнаго онегинства. Въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ разлада со средой стало больно чувствовать, какъ оторванность отъ почвы, какъ разрывъ между интеллигенціей и народомъ; понадобилась еще четверть вѣка жизненнаго опыта и народа и интеллигенціи, чтобы выяснился путь ихъ взаимнаго пониманія. А если прибавить, что, кромѣ оторванности отъ почвы и разлада со средой—старанаго наследства всего XVIII и XIX вв.,—интеллигенція все это время несмѣтывала тяжелое давленіе извнѣ, что борьба ея становилась все героичнѣе, но и все безнадежнѣе вплоть до восьмидесятихъ годовъ минувшаго вѣка, то станетъ яснымъ неизбежность возрожденія къ этому времени онегинства, конечно, въ новыхъ формахъ. Появились слабые, безвольные, лишние

люди восьмидесятихъ годовъ, человѣкіе герои, Ласковскіе, Ивановы и имъ подобные.

Все они—несомнѣнные потомки Онегина, несомнѣнные наследники его характера, его міропониманія. Еще въ 1821—1822 г. Пушкинъ писалъ, что въ «Кавказскомъ пѣвнѣ» онъ хотѣлъ изобразить «это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи XIX вѣка» («Переписка», I, 36). Прибавимъ: молодежи и начала и конца XIX вѣка, какъ ни различны тѣ формы, въ которыхъ проявлялась ихъ преждевременная старость души. Пусть въ этой преждевременной старости социологъ ищетъ признаковъ дегенератива, «собачьей старости», вырожденія; черты эти несомнѣнны хотябы по одному тому, что на всемъ протяженіи исторіи русской интеллигенціи эта старость души всегда была слѣдствіемъ великой усталости послѣ бесплодной борьбы цѣлыхъ поколѣній за жизнь. Пусть такъ; пусть онегинство—болѣзнь или усталость духа; пусть правъ осуждающій его историкъ и социологъ. Но вотъ вопросъ: нѣтъ ли въ этой «болѣзни» такихъ элементовъ, которые дороже и цѣннѣе самого здоровья? Или, возвращаясь къ Онегину, тотъ же вопросъ въ болѣе определенной формѣ: не является ли «болѣзнь» Онегина для Пушкина самымъ цѣннымъ въ немъ свойствомъ, самой цѣнной стороной героя его романа и всѣхъ его поэмъ?

Да, это несомнѣнно такъ. Въ Онегинѣ, несомнѣнно, были такіе черты, которыя ставили его выше «кладной посредственности», и черты эти были особенно не по душѣ той массѣ, которой «посредственность одна по плечу и не страшна»; въ этомъ состояла и «болѣзнь» Онегина. Болѣзнь эта—le mal du siècle—та «міровая скорбь», которой страдали многіе изъ лучшихъ людей на Западѣ, особенно послѣ крушенія надеждъ и иллюзій 1789—1793 гг.; на этой почвѣ выросъ, этимъ страданіемъ пронизался и байронизмъ, слабое отраженіе котораго мы видѣли въ русской литературѣ. Вопросы о цѣнности бытія, о смыслѣ существованія стали во всей своей остротѣ передъ наиболѣе чуткими людьми, некавинными послѣднихъ отбѣтовъ на послѣдніе вопросы: «зачѣмъ я существую?... Зачѣмъ все живущее въ мірѣ такъ несчастно?» (Байронъ, «Ваштъ»); а

безсиліе отвѣтить на подобныя вопросы было одною изъ причинъ «міровой скорби». Конечно, Онегинъ не былъ и не могъ быть посетителемъ этой скорби за людей, за человечество, за міръ; конечно, въ Онегинѣ не было никакихъ элементовъ «богоборчества», какъ свѣдѣнія, проявленія и выраженія этой міровой скорби. И мы видѣли, что когда Пушкинъ понялъ это, онъ пересталъ воспринимать титаническія геросевы и перешелъ къ обрисовкѣ типа Евгенія Онегина. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе крайне ошибочно было бы утверждать, что вся хандра и разочарованность Онегина—исключительное слѣдствіе Katzenjammer'a безъ малѣйшей черты Weltschmerz'a, какъ это утверждали когда-то Писаревъ. Да, конечно, Онегинъ не посетитель осознанной міровой скорби; его хандра («недугъ котораго причину давно бы отыскать пора», I, 38) имѣетъ своей причиной не этическіе, философскіе или релігіозные мотивы, а историческія, общественныя и сословныя условія; но въ то же время въ Онегинѣ впервые—по крайней мѣрѣ впервые въ нашей литературѣ—русская интеллигенція подошла вплотную къ началу проклятыхъ вопросовъ, не раздумывая съ міровой скорбью:

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ тѣмъ лежать судьбы рука.
Но я здоровъ, я молодъ, вольнѣ:
Чего мнѣ ждаты? Тоска, тоска!

Такъ восклицаетъ Онегинъ и уже однимъ этимъ приобщается къ «міровой скорби», правда, въ самомъ ея примитивномъ видѣ: уже однимъ этимъ Пушкинъ отдѣляетъ его отъ безчисленной толпы добрыхъ малыхъ, донашивающихъ онегинскій костюмъ. Вопросы о цѣли бытія, о цѣли собственной жизни никогда не мучаютъ добрыхъ малыхъ Алексѣевъ, Берестовыхъ или позднѣйшихъ чеховскихъ «нормальныхъ» людей въ родѣ фонъ-Кореновъ и докторовъ Львовыхъ («Дуэль», «Ивановъ»); эти вопросы и эта иной разъ безсознательная тоска—удѣлъ Онегиныхъ. Онегинъ впервые подошелъ къ истоку этихъ «справляемыхъ вопросовъ», которые впоследствии такимъ широкимъ потокомъ залили собою русскую жизнь и литературу и все глубже и глубже становились для русской интеллигенціи ея жизненной трагедіей.

И вотъ эта-то «болѣзнь» Онегина для Пушкина (да и для насъ) дороже всякаго здоровья добрыхъ малыхъ Алексѣевъ Бе-

рестовыхъ и всѣхъ, иже съ ними. Пусть дана болѣзнь была въ Онегинѣ мало осознанной, но съ тѣмъ болѣею силой онъ страдалъ отъ нея. Пусть Онегинъ по умственному развитію былъ неизмѣримо ниже лучшихъ людей своей эпохи—Нестелей, Тургеневыхъ и прочихъ главарей декабризма, но зато была область, въ которой онъ, самъ того не сознавая, былъ гораздо выше ихъ; это именно область тѣхъ мучительныхъ недоумѣній о цѣли жизни, которыя были совершенно чужды позитивному міровоззрѣнію декабризма. Это не значитъ, разумѣется, что онегинство есть конечный этапъ чувства и мысли; онегинство есть первый вопросъ, на который надо такъ или иначе отвѣтить, и мы сейчасъ увидимъ, какъ отвѣчалъ и отвѣтитъ на этотъ вопросъ самъ Пушкинъ. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ что несомнѣнно: поскольку онегинство есть «болѣзнь», близкая міровой скорби, постольку оно было дорого Пушкину. Это болѣзнь, которая дороже всякаго нравственнаго здоровья, всякой духовной сытости и ограниченности; это болѣзнь, которой только и можно желать для всѣхъ погруженныхъ въ самодвольную духовную спячку, для всѣхъ добровольныхъ кастратовъ духа, для всѣхъ слѣпо вѣрующихъ въ ту или иную догму или систему. Но въ то же время это болѣзнь, которой надо переболѣть не для того, чтобы погрузиться въ прежнюю духовную спячку, а для того, чтобы подняться на болѣе высокую ступень самосознанія; этой болѣзью надо переболѣть, но ее необходимо и преодолѣть.

Какъ преодолѣлъ ее Пушкинъ и къ чему онъ, мало-по-малу, пришелъ въ то время когда писалъ свой романъ,—вотъ о чемъ намъ предстоитъ еще сказать. «Евгеній Онегинъ» и Россія XVIII и XIX вв.—этой темѣ мы посвятили предыдущія страницы; намъ осталось заключить нашъ очеркъ краткимъ по необходимости развитіемъ второй темы—«Евгеній Онегинъ» и міровоззрѣніе Пушкина.

X.

Пушкинъ началъ писать «Евгенія Онегина» (9 мая 1823 года) еще въ Бессарабіи, когда онъ былъ, по удачной ирѣ словъ его друзей, не столько «бессарабскій», сколько «бѣсъ арабскій»; онъ продолжалъ его въ 1823—1824 гг. въ «Одессѣ пыльной» (закончена первая глава, написана вторая,

начата третья), въ 1824—1826 гг. въ Михайловскомъ, (въ тѣхъ глѣвахъ Тригорскихъ) (заключена третья глава, написаны четвертая, пятая, шестая); наконецъ, послѣднія двѣ главы писались въ 1827—1830 гг. то въ Москвѣ, то въ Михайловскомъ, то въ Петербургѣ, то въ Болдинѣ; 25 сентября 1830 года Пушкинъ дописалъ послѣднія строки романа. Итакъ, по подсчету самого Пушкина, онъ писалъ этотъ свой романъ «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней», а въ дѣйствительности гораздо больше, такъ какъ въ теченіе почти всего 1831 года онъ продолжалъ работать надъ послѣдней главой романа; онъ былъ тогда уже жепать, «остепенился» и вообще вступилъ уже въ послѣдній періодъ своей короткой и бурной жизни. Если же мы вспомнимъ, что колыбелью своего «Онегина» Пушкинъ считалъ Крымъ, и что въ Крыму онъ былъ въ 1820 году, то увидимъ, что «Онегинъ» сопровождалъ Пушкина въ теченіе лучшаго десятилѣтія его жизни, и что Пушкинъ имѣлъ основаніе заключить свое прощаніе съ Онегинымъ многозначительными словами: «прости жъ и ты, мой спутникъ страній» (УИ, 50).

Только къ концу романа, только мало-помалу, къ концу эпохи 1820—1830 гг., стали приходить къ гармоническому сочетанію разныя стороны мятушагося духа Пушкина; только къ этому времени у него сложилось въ окончательныя формы и осозналось его «міровочувствованіе», свойственное его психологическому типу; только къ этому времени проявился во всей своей силѣ и чарующей красотѣ яркій, гармоничный «пушкинскій» взглядъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Развитие этого взгляда закрѣплено въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина, начиная отъ лицейскаго періода и до 30-хъ годовъ; но развѣ и весь «Евгеній Онегинъ» не удивительная лирическая поэма? И, такимъ образомъ, если въ лирикѣ отражается сознательная или безсознательная философія поэта, то развѣ не въ «Евгеніи Онегиинѣ» намъ надо искать эту «философію» Пушкина или, вѣрнѣе, его стихійную мудрость? Попробуемъ же снова обратиться къ «Евгенію Онегину», но оставимъ совершенно въ сторонѣ и Онегина, и Татьяну, какъ типичныя опредѣленныя эпохи, и петербургскій «большой свѣтъ», и провинціальныя чудаковъ; обратимся снова къ «Евгенію Онегину», но въ «небрежныхъ строфахъ» этого романа будемъ искать только самого

Пушкина, только его чувства, мысли, настроенія; посмотримъ, какъ и въ какомъ направленіи развивалось отношеніе Пушкина къ міру, жизни, человѣку въ эти «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней» (а въ сущности около десяти лѣтъ), когда онъ обдумывалъ и писалъ этотъ свой «романъ въ стихахъ».

Въ 1823 году, начиная «Евгенія Онегина», Пушкинъ написалъ своего знаменитаго «Демона»; въ 1830 году, только что закончивъ этотъ романъ, Пушкинъ написалъ тѣсно связанный по идеѣ съ «Демономъ» отрывокъ «Въ началѣ жизни школу помню я...» Оба эти стихотворенія—исповѣдь поэта, и оба они тѣсно связаны съ «Евгеніемъ Онегинымъ». Еще (въ началѣ жизни), еще въ тѣ дни, когда поэту «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», его вниманіе привлекли «духъ бѣсовъ изображенья».

Одинъ Дельфійскій вѣкъ, ликъ молодой—
Быль либень, полночь гордости ужасной.
И весь дышалъ онъ силой неземной...

Это былъ «сеи ангелъ, сеи надменный бѣсъ», который надолго сталъ Демономъ Пушкина, «страннымъ спутникомъ» его жизни:

Его улыбка, чудныя взгляды,
Его внимательныя рѣчи
Вливали въ душу ледяной лѣтъ,
Нестоимой клеветою
Онъ проводилъше искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь изембилливо глядѣлъ—
И пацего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...

Но этотъ Демонъ, знакомый Пушкину, по собственному признанію поэта, уже съ начала его сознательной жизни, сперва стоялъ въ тѣни и посѣщалъ поэта лишь мимолетно; въ послѣдніе годы лицейской жизни и въ первые годы свѣтской петербургской жизни Пушкина, т.-е. въ періодъ его жизни до 1820 года, властителемъ души поэта былъ

Другой—жестобразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль,

Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный...

Это была пора необузданнаго, безмѣрнаго пушкинскаго энциурезма, та пора, о которой онъ самъ вспоминалъ въ одной

изъ позднѣйшихъ строкъ «Евгения Онегина»:

И м. въ заковѣ себѣ явилъ
Страстей ещѣй производилъ,
Съ тѣлою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ.
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ...
И къ шуму въ безумные шеры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣзвилась... (XIII, 3).

Это была пора, когда «волшебный демонъ» напещивалъ поэту простую и соблазнительную мудрость жизни: розы наслажденья, круговая чаша, «шеры, любовницы, друзья», жизнь проведенная «межъ Вакха и Амура» и легкая смерть на груди любовницы—вотъ мудрость жизни, вотъ ея философія.

Какъ извѣстно, этотъ легкомысленный, юношескій эпикуреизмъ сталъ понемногу уступать мѣсто болѣе строгому взгляду на мѣръ и на жизнь еще въ періодъ свѣтской петербургской жизни Пушкина, до его ссылки 1820 года. Не надо забывать, что шелъ лицей Пушкинъ попалъ въ среду военной молодежи, весьма высокой въ ту эпоху по своему умственному уровню и проникнутой общественными и политическими интересами; къ этой эпохѣ относится и благотворное вліяніе Чаадаева на Пушкина. Въ рядѣ стихотвореній той эпохи, на ряду съ прежнимъ восхваленіемъ даровъ Вакха и Амура, мы слышимъ также первые звуки «разочарованія», первые звуки голоса пушкинскаго Демона; одновременно съ этимъ Пушкинъ былъ увлеченъ политическимъ либерализмомъ эпохи и впоследствии самъ считалъ себя вѣрцомъ дѣвабризма (см. «Аріонъ», 1827 г.). Его рѣзкія эниграммы на Аракчеева, ода «Вѣрность», «два или три Поэты» были выраженіемъ этихъ его чувствъ и послужили причиной его ссылки на югъ весной 1820 года.

Къ этому времени впервые Пушкинъ глубоко призадумался надъ жизнью; въ своемъ послѣднѣмъ Чаадаеву Пушкинъ писалъ (въ апрѣлѣ 1821 года) изъ своей бессарабской ссылки:

... вѣри разорвавъ, гдѣ бился и въ пльну
Дни сердца новую вкушаю тиранию;
Въ усмиреніи мой своеобразный гнѣвъ
Позналъ и тихій трюкъ и жажду размысленій...

Несомнѣнно, что въ это время Пушкина «къ размысленію влекло» все то, о чемъ онъ говоритъ въ «Евгений Онегинъ»:

«плоды наукъ, добро и зло, и предрасудки вѣковые, и гроба тайны рововыя, судьба и жизнь...» (II, 16). Правда, во все это время Пушкинъ по вѣрности оставался тѣмъ же необузданнымъ повѣсой, какимъ былъ въ Петербургѣ; онъ все еще былъ перепѣснѣвшійся «бѣсъ арабскій»; онъ часто вспоминалъ о своей былой шумной и угарной жизни въ Петербургѣ, пивывая отъ скуки и брашна въ «проклятый городъ Кишиневъ», какъ поздибе и Одессу. Эта вѣрность часто обманываетъ тѣхъ узкихъ ригористовъ, которые не могутъ понять

Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Такъ не понимали и Пушкина. А между тѣмъ въ глубинѣ его души все сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ разочарованія былой жизнью: «увы! на разныя забавы я много жизни погубилъ!» (I, 30). Но тутъ же рядомъ сталъ звучать и другой голосъ—голосъ пушкинскаго Демона. Правда, «кто чувствовалъ, того тревожить призракъ невозвратимыхъ дней: тому ужъ и вѣтъ очарованій, того змя воспоминаній, того раскаянне грызеть»; но непосредственно за этимъ раскаяніемъ—прелестная ядовитая выходка pro domo sua: «все это часто придаетъ большую прелесть разговору!» (I, 46). Какъ видимъ, во всемъ этомъ есть еще много «разговора»; и эту ядовитую бутоду напещивалъ поэту его Демонъ. Этотъ Демонъ, «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» заставлялъ поэта не ограничиться легковѣсными порицаніемъ эпикуреизма былыхъ «невозвратимыхъ дней», а заставлялъ его подойти къ болѣе острому вопросу: да есть ли въ жизни вообще что либо цѣнное, или нима чего слѣдовало бы порицать бывшее прожитіе жизни? Быть-можетъ, свобода и любовь—связки, жизнь—насмѣшка, природа и окружающій мѣръ—сплошное зло, прекрасное—недостижимая мечта! Мы знаемъ, что именно это и именно такимъ словами напещивалъ Пушкину его Демонъ; онъ напещивалъ ему, что жизнь—безмыслица, что въ мѣрѣ и жизни нѣтъ никакой (ни объективной, ни субъективной) цѣнности.

И Пушкинъ одно время, повидимому, впадалъ этому своему Демону, вѣрнѣе—былъ побѣжденъ имъ:

Мнѣ было грустно, тяжело, больно,
Но, одолѣвъ мой умъ въ борбѣ,
Онъ сочеталъ мнѣ невольно
Своей таштетной сумбѣ.

Первая борьба с Демоном окончилась поражением поэта; Пушкин признал, по его же выражению, «вѣчныя противорѣчія сущности»: онъ написалъ тогда своего «Демона» и «Телгу жизни» (1823 г.). Въ чемъ цѣль, въ чемъ смыслъ жизни?—Нѣтъ нѣтъ; цѣль—«ночлегъ», могила, къ которой «время гонитъ лошадей»...

XI.

И вотъ, въ такую полосу своей жизни Пушкинъ началъ писать «Евгенія Онегина»; въ героѣ этой поэмы Пушкинъ мало-по-малу и на половину безсознательно преодолевалъ своего «злого гения», Демона, какъ это уже давно отмѣчено изслѣдователями, начиная съ Анненкова. Громадное значеніе имѣетъ поэтому тоже давно доказанная въ пушкинской лирической тѣсной связи тина Онегина съ чертами Демона¹⁾; строфы 45—46 первой главы «Евгенія Онегина» составляютъ разработку тѣхъ же мотивовъ, которые выражены въ «Демонѣ» и въ черновыхъ наброскахъ къ нему:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невознавш преданность,
Невыразительная страсть,
И рѣзкій, охлажденный умъ... 1, 45.

«Рѣзкій, охлажденный умъ» Онегина и его «звильтельный споръ»—это тѣ самыя «звильтельные рѣчи» Демона, которыя вливали въ душу Пушкина «хладный ядъ», и насколько въ самомъ Пушкинѣ были тогда ярки эти общія и Онегину и Демону черты—ясно изъ того, что близко узившій Пушкина Мицкевичъ видѣлъ въ указанныхъ строфахъ «Евгенія Онегина» (1, 45—46) вѣрный портретъ самого поэта. Когда Пушкинъ нѣсколько привыкъ къ голосу своего Демона, «звильтельного», «злого гения», то понялъ, что въ насчитываемыхъ имъ словахъ нѣтъ ничего «демоническаго». Да, ни мѣръ, ни жизни не имѣетъ абсолютной цѣльности, не имѣетъ объективнаго смысла; но для того, чтобы прийти къ этой истинѣ, нѣтъ никакой необходимости быть

¹⁾ См. объ этомъ статью А. Паливанова, «Демонъ Пушкина» (Русск. Вѣсти. 1886 г., № 8, стр. 827—850), и подробное примѣчаніе къ «Демону» П. Лернера, въ т. II, стр. 618 настоящего изданія. Въ этомъ же примѣчаніи читатели найдутъ указанія на связь образа Демона и тина Онегина съ лицомъ А. П. Раскина,—вопросъ, который мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ.

«надменнымъ бѣсомъ», Демонамъ; достаточно быть только человекомъ. Правда, Демонъ шелъ дальше: онъ насчитывалъ поэту, что жизнь и мѣръ не имѣютъ вообще никакой цѣльности—и вотъ именно это утвержденіе абсолютнаго нигилизма преодолевалъ Пушкинъ. Въ Онегинѣ мы имѣемъ такое отрицаніе всякой цѣльности жизни; одно время именно такой взглядъ на жизнь сталъ удѣломъ Пушкина:

Открылъ я жизни бѣднѣйшій владъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій.
Въ замѣну вѣры и надеждъ...¹⁾

А эта вѣра и надежда нашла свое олицетвореніе въ поэтическомъ образѣ Ленскаго.

Фарнгагенъ-фонъ-Энзе въ своей статьѣ о Пушкинѣ (въ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“, 1838 г., Oct.) одинъ изъ первыхъ отмѣтилъ, что Онегинъ и Ленскій—раздвоеніе души самого поэта, подобно братьямъ Фульгъ и Вальгъ у Ж.-П. Рихтера. Это подскеніе стало вскорѣ общепринятымъ; слишкомъ песомѣнно, что Пушкинъ одновременно заключалъ въ своей душѣ и Онегина и Ленскаго. Конечно, въ то же самое время оба они не отвѣченные символы, а вполне реальные общественыя типы, но въ томъ-то и состоитъ искусство художника, что онъ объективируетъ въ реальномъ образѣ свои внутреннія переживанія и мысли. Такъ и Ленскій, часть души поэта, стѣлъ въ то же время реальнымъ типомъ; его характеристика въ 6—10 строфахъ второй главы романа—цѣнный обществено-бытовой и психологическій портретъ «романтика» двадцатыхъ годовъ²⁾. Его романтизмъ очерченъ сжато и великолѣпно; теорія любви, какъ соединенія предназначенныхъ другъ другу «родныхъ душъ», шеллингианская вѣра въ «гения», мистическая вѣра въ прогрессъ—все это списано прямо съ натуры; съ натуры списанъ и тогъ сентиментальный псевдо-романтизмъ школы Карамзина—Жуковскаго, который въ то время считался истиннымъ романтизмомъ. «Темно и вло» Ленскій «цѣль любовь... разлуку и печаль, и вѣче, и туману даль, и романтическія розы»,—вообще, все то, что ро-

¹⁾ Этотъ черновой отрывокъ (1823 г.) относится или къ «Демону», или къ 45—46 строфѣ I главы «Евгенія Онегина»; настолько они близки другъ другу.

²⁾ Предполагаютъ, что въ Ленскомъ образѣ совмѣщены черты В. Кюхельбекера.

мантивомъ мы додемъ, хоть романтизма тутъ немало не вижу я», какъ проинчуи замѣтилъ гавъ Пушкинъ (II, 10; VI, 23). Во всякомъ случаѣ, Ленскій—яркій гинъ той эпохи, одинъ изъ представителей философско-художественнаго теченія 1818—1826 годовъ, одновременнаго декабризму.

И въ то же время Ленскій, несомѣнно, часть души самого Пушкина: если Онегинъ—это тотъ Пушкинъ, который отрицаетъ какую бы то ни было цѣнность жизни, то Ленскій—это тотъ Пушкинъ, который пытается противопоставить абсолютному нигилизму вѣру въ осмысленность жизни, въ ея тайную цѣль:

Цѣль жизни извѣстна для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломалъ
 И чудеса подозревалъ (II, 7).

Эти «чудеса» не исчерпываются одной вѣрою въ соединеніе родныхъ душъ, но и заключаютъ въ себѣ вѣру въ блаженное будущее людей и счастье человечества: на пути къ совершенству ведутъ насъ избранные герои духа, гении, и «ихъ безмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ и мѣръ блаженствомъ одаритъ» (II, 8; ср. II, 38). Но Ленскому мало было этой «вѣры въ прогрессъ», выражаясь современнымъ терминомъ; ему мало было вѣры въ блаженство будущихъ поколѣній; онъ хотѣлъ еще и личнаго безмертія—и этимъ выражалъ собою чувства самого Пушкина. Пушкинъ страшился загробнаго «ничтожества», и въ то самое время когда еги все болѣе и болѣе склоняла къ себѣ система «чистаго Девизма» («система... къ працѣсти», болѣе всего правдоподобная»; «Перениска», I, 103), въ это самое время онъ еще борется за вѣру, ищетъ спасенія въ «мечтахъ поэзии прелестной» (см. отрывокъ «Люблю» вашъ сумракъ неизвѣстный», 1822 г., особенно въ егѣ первоначальномъ видѣ). Такъ въ Пушкинѣ боролся абсолютный нигилизмъ Демонъ-Онегина съ протидушной вѣрой Ленскаго: трудно было предсказать, кто выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ: «романтикъ» Ленскій былъ убитъ въ Пушкинѣ скептикомъ Онегинымъ. Хотя Пушкинъ всегда завидовалъ вѣрѣ и осуждалъ сухой рационализмъ (см. еще «Безвѣріе», 1817 г., и ср. «Ев. Он.», IV, 51), но все же всегда Ленскій въ немъ оказывался побѣжденнымъ и, наконецъ, былъ побѣжденъ окончательно.

Но Онегинъ, въ свою очередь, оказался побѣжденнымъ; Пушкинъ преодолевъ и необсужденную глѣбую вѣру и разочарованное абсолютное отрицаніе. Правда, борьба съ Онегинымъ и преодоленіе его были неизмѣримо болѣе трудными; не сразу одержалъ Пушкинъ побѣду, не сразу разогналъ тучи и разбѣжалъ бурю: это былъ тяжелый и постепенный процессъ освобожденія отъ путъ абсолютнаго нигилизма. Путь эги долго скрѣпила та «скука», которой не могъ не испытывать Пушкинъ, отрѣзанный отъ привычной обстановки снерна въ южной селянкѣ, а затѣмъ въ Михайловскомъ, и которой онъ продолжалъ питать дань и въ Москвѣ и въ Петербургѣ по своемъ возвращеніи ¹⁾. Но скука эта—не только онегинская «сандр»; въ ней есть значительная доля горькаго несимизма, какъ результата согласія съ Демонемъ, что въ жизни нѣтъ никакой цѣнности, никакого смысла. Мѣромъ и жизнью править не Богъ, не міровой разумъ, а безсмысленная, слѣпая сила, которая не вѣдаетъ, что творитъ. «Представь себѣ ге огромной обезьяной, которой дана полная воля,—пишетъ Пушкинъ въ герединѣ 1826 года К. Виземскому,—кто посадитъ ее на цѣль? Не ты, не я, никто...» («Перениска», I, 349). И если дѣйствительно такой намъ положить предѣлъ, если мѣромъ, жизнью и человѣкомъ безсмысленно править огромная обезьяна—судьба, если въ жизни нѣтъ рѣшительно никакой цѣнности, то какъ и чѣмъ побороть «сладный лѣдъ» абсолютнаго нигилизма? Остается сложить въ безгизии руки и признать, что Демонъ правъ. И подъ вліяніемъ такого настроенія Пушкинъ пишетъ вѣри въ родѣ «26 Мая 1828 г.»: «даръ наирасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?... Цѣли нѣтъ передо мною: сердце пусто, празденъ умъ, и томитъ меня госкою однозвучной жизни шумъ...» Бѣлннскій вѣрно замѣтилъ, что

¹⁾ Письмо къ Рылѣву, 1825 г.: «Тойбъ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть...»; изъ письма 1827 г.: «Здѣсь въ Москвѣ госка непріятна...»; изъ письма конца 1829 г.: «Въ Петербургѣ госка, госка...» («Перениска», I, 220; II, 7, 100 и др. Кстати замѣтить, въ послѣднемъ фразѣ Пушкинъ поютъ рать слова, вложенныя имъ въ уста Онегина. И въ эту же эпоху Пушкинъ началъ свою «Сцену изъ Фауста» разннтемъ приведенной выше мысли изъ письма къ Рылѣву: «Мнѣ скучно, бѣсъ!—Что дѣлать, Фаустъ! Такую вѣшь положить предѣлъ, его жь никто не преступаетъ: вся твоѣ разумная скукасть...»

это и подобныя ему стихотворенія были не «выраженіемъ наоса пушкинской поэзіи», а скорѣе противрѣчіемъ этому наосу; но изъ этихъ вснышекъ мрачнаго пессимизма видно, что нелегко давалась Пушкину его побѣда надъ Онегинимъ, какъ выраженіемъ всеотрицающаго начала.

Что же было, однако, этимъ «наосомъ» Пушкинской поэзіи, пушкинскаго міровосчувствованія? Или, иначе говоря, какъ и чѣмъ преодолѣлъ Пушкинъ Онегина, чѣмъ побѣдилъ онъ отрицаніе всякой цѣнности въ человѣческой жизни?—Въ Пушкинѣ побѣдила сама жизнь, радостное чувство красоты ея, признаніе не цѣнности въ ней, а цѣнности ея самой по себѣ. Въ жизни нѣтъ никакой абсолютной цѣнности—пусть такъ; но сама жизнь есть цѣнность, которая дала Пушкину твердую точку опоры. И Ленскій, и Онегинъ—оба были побѣждены этой стихійной мудростью великаго поэта; и хотя въ немъ до конца остались элементы и онегинскаго отрицанія и яснаго «пріятія міра» Ленскимъ, но все же онъ сталъ выше и того и другого. Да, Онегинъ (демоническій Онегинъ первой-второй главы) правъ: въ мірѣ и жизни нѣтъ никакого объективнаго смысла; но правъ и Ленскій: міръ долженъ быть принятъ нами во всей его полнотѣ. Выше всего стоять, надъ всѣмъ царить ясная, солнечная, радостная жизнь, не имѣющая объективнаго смысла, но великая въ своей субъективной цѣнности: вотъ постоянный «наосъ» поэзіи Пушкина, ея вѣчная сущность...

ХП.

Все это ясно для читателей Пушкина теперь, на разстояніи почти столѣтій отъ пушкинской поэзіи, но врядъ-ли сознавалось самимъ поэтомъ. Однако, сознательно или безсознательно, но все ярче и сильнѣе выражалъ онъ эти свои чувства и настроенія въ своей лирикѣ, въ своемъ романѣ. И прежде всего онъ разгримировалъ Онегина изъ Демона въ простаго москвича въ гарольдовомъ плащѣ; онъ понялъ, что демоническаго въ его героѣ нѣтъ ничего. Демонъ сыгралъ свою роль: «хладнымъ ядомъ» своего скептицизма онъ убилъ «романтизмъ» Пушкина-Ленскаго; нѣтъ ничего цѣннаго, — пацифизмъ онъ: — все въ жизни одинаково безмысленно, все одинаково ненужно, нелѣпно, безцѣльно. Но—

Сперва Онегина изымъ

Меня смущалъ; но я привыкъ.

Къ его лихствительному спору... I, 46.

И преодолѣвъ первое смущеніе, Пушкинъ противоноставилъ отрицанію объективной цѣнности жизни—признаніе ея великой субъективной цѣнности, отрицанію объективнаго смысла жизни—признаніе ея великаго субъективнаго смысла.

Ленскій былъ убитъ, но Пушкинъ не отвергъ ни Ленскаго, ни Онегина^{*)}. Изъ взгляда Онегина поэтъ навсегда сохранилъ его отрицаніе абсолютной цѣнности міра, изъ философіи Ленскаго—ея ясное «пріятіе міра», принятіе жизни въ ея цѣломъ, со всѣми ея радостями и горестями, съ ея добромъ и зломъ, мрачными и свѣтлыми переживаніями: «справь судьбы законъ»—

Все благо: дѣнія в сна

Приходить часъ опредѣленный:

Благословенъ и день заботъ,

Благословенъ и тьма приходитъ... VI, 21.

Въ такія формы вылилось ясное, простое и величавое въ своей простотѣ отношеніе поэта къ «міровому злу»; это была не надуманная теорія, это было врожденное міровосчувствованіе, стихійная мудрость яснаго эллинскаго отношенія къ міру. Проклятія міру, негодующіе вопли, онегинская хандра—безсильны: надо или устранить себя отъ міра, или принять міръ въ его цѣломъ, принять не только его добро, но и его зло, принять не только жизнь, но и смерть. И Пушкинъ принимаетъ смерть (и свою и чужую) съ такой ясной, величавой простотой, которой нѣтъ равнаго примѣра въ русской, а быть можетъ и не только русской литературѣ; онъ принимаетъ смерть и побѣждаетъ ее жизнью. «Спящій въ гробѣ мирно спитъ, жизнью пользуется живущій»—это языческое міропониманіе отразилось съ новой силой въ творчествѣ Пушкина.

Ленскій убитъ. «Друзья мои, вамъ жалъ поэта?»—спрашиваетъ насъ Пушкинъ и рисуетъ двѣ картины возможной жизни Ленскаго: прочтите 37—39 строфы шестой главы романа. Изъ этихъ двухъ картинъ вѣроятнѣе, конечно, вторая, но если даже съ Ленскимъ погибли и великія неиспомненныя надежды, если даже онъ унесъ съ собой въ могилу «святую тайну», то все же мы должны твердо принять и эту смерть, разъ мы принимаемъ весь міръ.

* Характерно, что точчасъ же вѣдѣвъ за убійствомъ Ленскаго Онегинимъ Пушкинъ подчеркиваетъ свою любовь къ нимъ обоимъ («...И сердечю люблю героя моего», VI, 43; о Ленскомъ см. VI, 36—37).

Проклиная, проговаривать—не въ духѣ ясноты, языческой мудрости Пушкина:

Поэта память прошепсала,
Какъ дымъ по небу голубому;
О немъ на сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить... (VIII, 14).

И таково (было вѣчное міропониманіе, вѣрнѣе сказать—міровосчувствованіе) Пушкина: такова была его вѣчная, стихійная мудрость. Еще въ 1821 году въ элегическомъ отрывкѣ «Гробъ юноши» (очень схожемъ со строфами VI, 40—41 и VII, 14 «Евгенія Онегина» 1826—1827 гг.) мы встрѣчаемъ этотъ же вопросъ: «изъ мильныхъ женъ, его любовницъ, одна быть можетъ, слезы льетъ... Къ чему?...» Ни слезы, ни разговоры не помогутъ; «дѣлать нечего, такъ и говоришь нечего», какъ писалъ Пушкинъ въ 1826 г. къ Вяземскому, узнавъ о смерти его трехлѣтняго сына. И въ 1831 году, глубоко потрясенный извѣстіемъ о смерти Дельвига, Пушкинъ пишетъ Цветкову о своей грусти, тоскѣ, но заканчиваетъ свое письмо сѣдующими словами: «Вчера... (мы) говорили о немъ, называя его покойникомъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страшенъ, какъ и страненъ. Нечего дѣлать! Согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ... Будь здоровъ—и постараемся быть живы» («Переписка», II, 220; ср. II, 286—7, письмо отъ 22/VII 1831 г.). Постараемся быть живы: а когда придетъ смерть, то—

... пусть у гробового входа
Младая будетъ живая вратъ
И равнодушная пророза
Красою вѣчною сіять...»

Такое пушкинское рѣшеніе о смерти, о жизни, о смыслѣ бытія кажется многимъ слишкомъ элементарнымъ, простымъ, ничего не рѣшающимъ; думающіе такъ не видятъ, не чувствуютъ всей стихійной мудрости, всей безсознательной глубины пушкинскаго міропониманія. Выражался современными философскими терминами, можно сказать, что Пушкинъ безсознательно преодолевалъ метафизическій пессимизмъ силою психологическаго оптимизма, силою чувства цѣнности и радости пережитой, полноты бытія—взглядъ, который позднѣе нашелъ выраженіе и въ философіи Герцена и въ творчествѣ Л. Толстого 60—70-хъ годовъ. Но ярче и гармоничнѣе чѣмъ у Пушкина, взглядъ

этотъ не былъ выраженъ ни чѣмъ и никогда во всей русской литературѣ.

Вотъ чѣмъ преодолевалъ Пушкинъ Онегина, вотъ чѣмъ онъ сметалъ съ дороги всѣ кошмары своего Демона, чѣмъ разрывалъ всѣ его оковы, парировалъ все его одолевша сомнѣнія: въ Пушкинѣ побѣдила стихійная, иная, солнечная, безсознательная мудрость пріятія жизни, полноты бытія. И на этой высотѣ ничто не страшно—ни страданія, ни зло, ни самая смерть. Посмотрите, съ какой душевной ясностью, съ какой гармоніей духа Пушкинъ прощается со своей уходящей юностью или воспоминаетъ ее...^{*)} Ему грустно встрѣчать каждую новую весну («съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ я наслаждаюсь душою въ лицо мнѣ вбьющей весны...», VII, 2), грустно потому, что никогда не вернется его бывшие годы, потому, что невольно въ мысль ему приходитъ «иная, старая весна»: потому, что весна его дней промчалась безвозвратно... Казалось бы, вотъ благодарная тема для «элегическихъ ку-ку», надъ которыми смѣялся Пушкинъ («Соловей и Кукушка», 1825 года), и всякій другой поэтъ кромѣ Пушкина непремѣнно принялся бы куковать на столь благодарную тему. А теперь вспомните отвѣтъ самого Пушкина, его прощанье со своей уходящей юностью:

Такъ, подлень мой настала, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но такъ и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя...
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за мильныя мученья,
За шумъ, за бури, за шнырь,
За все, за все твои дары—
Благодарю тебя, Тобою
Среди тревогъ и съ тинишь
Я наслаждался—и много
Довольно. Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ бойный путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть... VI, 45.

Эта божественная, чисто-эллинская ясность и гармонія души—вотъ путь преодоленія онегинской тоски и демоническихъ сомнѣній; полнота бытія—вотъ отвѣтъ Пушкина на вопросъ о смыслѣ и цѣли существованія. Другого отвѣта нѣтъ; но крайнее мнѣнїе Пушкинъ не видитъ никакой объективной цѣнности и цѣли жизни. Въ послѣдней

* См. апрѣль, «Война и вѣстия», 1835 г. и ср. «Е. О.», II, 38; см. также 19 октября 1836 г. Бретья строфа и ср. «Е. О.», VI, 44—46.

главъ своего романа онъ мимоходомъ только проицируетъ надъ блаженствомъ того,

Кто цѣль вѣдалъ и къ ней стремился,

Кто зная, зарѣвъ оръ въ свѣтъ родился,

И Богу душу передалъ,

Какъ откушцовъ въ генераль (УИИ, 10; черн. рук.).

Правда, это сознание отсутствія объективного смысла жизни давалось Пушкину не даромъ; мы знаемъ, что бывали мрачныя минуты и въ ясномъ пушкинскомъ пониманіи міра, минуты усталости, тоски, разочарованія, стремленія къ объективной цѣнности жизни. Въ тавія минуты онъ писалъ стихотворенія въ родѣ «Три ключа» (1827), «Даръ напрасный, даръ случайный» (1828 г.) и т. и.; но настроеніе минуты не мѣняетъ «сабоса» пушкинской поэзіи, какъ это замѣтилъ уже Вѣлискій. Къ тому же—чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эти минутыли вспышки становились рѣже; онѣ замѣнились вспышками возрастающей вражды къ безсмысленной «свѣтской жизни», вспышками протеста противъ той жизни, вакуу Пушкинъ принужденъ былъ вести въ 1831—1836 г. г. Но на «сабосъ» поэзіи Пушкина это не могло оказать никакого вліянія; къ тому времени, когда поэтъ вончалъ «Евгенія Онегина», сущность его творчества проявилась уже окончательно; уже овночательно преодолѣлъ въ себѣ поэтъ абсолютный нигилизмъ Демона и разочарованность Онегина признаніемъ цѣнности жизни самой по себѣ. Жизнь, полнота бытія—явилась «сабосомъ» поэзіи Пушкина, и быть можетъ лучшей характеристикой сущности всей стихійной мудрости поэта является одна изъ строкъ довольно слабой передѣлки О. Клюшниковымъ стихотворенія «26 Мая 1828 г.»: Жизнь ли жизни мифъ дана... И самъ Пушкинъ почти буквально этими же словами высказалъ свою мысль въ посланіи «Къ вельможѣ» (1830 г.).

Ты пошла жизни цѣль: счастливая человекъ,

Для жизни ты живешь...

Въ этомъ переработанномъ и углубленномъ ашкуренизмѣ—задушевное, главное чувство Пушкина, лейтмотивъ его поэзіи: цѣль

жизни—въ ней самой, въ полнотѣ бытія, въ каждомъ текущемъ моментѣ. И съ этой точки зрѣнія правъ М. П. Катковъ, заявившій въ своихъ цзвѣстныхъ статьяхъ о Пушкинѣ («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., т. I и II), что Пушкинъ былъ «поэтъ мгновенія». Да, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенія въ томъ смыслѣ, что въ мгновеніи, въ настоящемъ онъ видѣлъ всю цѣль жизни; на предыдущихъ страницахъ мы попробовали намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ это воззрѣніе Пушкина на міръ и жизнь росло и крѣпло въ немъ въ тѣ годы, когда онъ писалъ «Евгенія Онегина», какъ оно проявлялось въ этомъ романѣ. Заканчивая этимъ по необходимости краткое изученіе связи «Евгенія Онегина» и міровоззрѣнія Пушкина, мы еще разъ въ двухъ словахъ резюмируемъ намѣченное выше положеніе пушкинскаго романа и всего міровоззрѣнія поэта: полнота бытія и его интенсивность есть величайшая субъективная цѣль жизни человека—вотъ глубокая стихійная мудрость Пушкина, вотъ безсознательная философія «Евгенія Онегина».

Неполноценныя прозрачной грусти послѣднія строки романа заключаютъ гармоничнымъ аккордомъ эту стихійную мудрость великаго поэта. Не въ объективныхъ цѣляхъ Бога или природы смыслъ жизни, не въ продолжительности переживаній цѣль человека, а въ полнотѣ и яркости этихъ переживаній, въ ихъ силѣ, разнообразіи, стройности; и не тотъ мудръ и счастливъ, кто, подобно гончаровскому Штольцу (и самому Гончарову) считаетъ нормальнымъ назначеніемъ человека «прожить... четыре возраста безъ скачковъ и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно», а тотъ, кто жилъ всеми струнами души, всей полнотой бытія—и не дожилъ до ужасной старости Штольца-Гончарова: тотъ счастливъ и блаженъ,

... кто враздѣкъ жизни рано

Оставилъ, не допивъ до дна

Бокала полнаго вина,

Кто не доделъ ся романа

И другъ умѣлъ разстаться съ явемъ,

Какъ я съ Онегинымъ воимъ...

Ивановъ-Разумннвъ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

[Посвященіе при 1-мъ изданіи первой главы]:

ПОСВЯЩЕНО

брату Льву Сергѣевичу

Пушкѣину.

[Посвященіе Плетневу см. при IV Главѣ].

[ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-МУ ИЗДАНІЮ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ]: -

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень или главъ Евгенія Олѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первую произведенія автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Бенью, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана. Всякой воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу оного. Станутъ осуждать и антипоэтической характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Пльвиника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ томительномъ родѣ повѣйшихъ элегій, въ концѣ чувство унынія поглогло все прочія. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопріятности въ шуточномъ описаніи нравовъ.

685. ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ЛИХАЯ ЪЗДА.

Литографія 1820-хъ г., Орловскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить горозится и чувествовать свѣшнѣ.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не внутку занемогъ,
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука:
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ большимъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Подуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чертъ возьметъ тебя!»

II.

Тасъ думалъ молодой повѣса,
Лета въ пыли на почтовыхъ,
Всевишней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.—
Друзья Людмила и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Безъ предисловіи сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онъгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Певы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Нли блистали, мой читатель!
Тамъ иѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ свѣркъ для меня. 1.

III.

Служивъ отлично, благородно,
 Долгами жилъ его отецъ;
 Давалъ три бала ежегодно,
 И промотался наконецъ.
 Судьба Евгения хранила:
 Сперва *Madame* за нимъ ходила,
 Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
 Ребенокъ былъ рѣзвъ, но милъ,
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
 Чгобъ не измучилось дитя,
 Училъ его всему, шутя;
 Не докучалъ моралью строгой;
 Слегка за шалости бранилъ,
 И въ лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению пора,
 Пора надеждъ и грусти пѣвнкой:
Monsieur прогнали со двора.
 Вотъ мой Онегинъ на свободѣ;
 Остриженъ по послѣдней модѣ;
 Какъ *Dandy* 2 Лондонскій, одѣтъ;
 И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
 Онъ по-Французски совершенно
 Могъ изъясняться и писалъ:
 Легко мазурку танцовалъ,
 И кланялся непринужденно;
 Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
 *Что онъ умелъ и очень милъ.

V.

Мы все учились понемногу,
 Чему нибудь и какъ нибудь;
 Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онегинъ былъ, но мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но не дантъ.
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка,
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпитетовъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ знаетъ довольно по-латынѣ,
 Чгобъ эпитетамъ разбираться,
 Подолжовать обѣ Ювеналѣ,
 Въ концѣ письма поставить *vale*,
 Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли

Бытописанія земли:

Но днѣи минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ днѣи,
 Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
 Для звуковъ жизни не шадить.
 Не могъ онъ ямба отъ хорея,
 Какъ мы ни бились, отличить.
 Бранилъ Гомера, Феокрита:
 Зато читалъ Адама Смита,
 И былъ глубокой экономъ,
 То есть, умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣетъ,
 И чѣмъ живетъ, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продуктъ имѣетъ.
 Отецъ понять его не могъ,
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгенийъ,
 Пересказать мнѣ не досугъ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ гений,
 Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его тоскующую лѣнь,—
 Была наука страсти пѣвнкой,
 Которую воспѣвалъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежной
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италіи своей 3.

IX.

(Насъ пылъ сердечный рано мучить,
 Какъ говоритъ Шатобрианъ
 Любви насъ не природа учитъ,
 А первый наkostenный романъ,
 Мы алчны жизнь узнать заранѣ,
 И узнаемъ ее въ романѣ,
 Лѣта пройдутъ, и между тѣмъ
 Не насладились мы ничѣмъ:
 Предестинный опытъ уреждавъ
 Мы только счастьемъ вредимъ,
 Незанно скроется и съ нимъ
 Уйдетъ горячность молодая.
 Онегинъ это испыталъ,
 За то—какъ женщины онъ узналъ!)

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрить, заставить вѣрить,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, или равнодушнымъ!

Щеголь 1817—1820 г.г.
(Модная картинка).

Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и ивжель,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя певниность изумить,
Пугать отчаяшемъ готовымъ,
Притной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Певниныхъ лѣтъ предубѣжденя
Умомъ и страстно побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь—и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ извѣстно злоключилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:

Его ласкала супруга дубовая,
Фобласа дашии ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносца педичавай,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII.

(Какъ онъ умѣлъ вдвой смепенно
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею, скромный и смущенный,
Начать, краснѣя, разговоръ.
Какъ онъ умѣлъ съ лобою дамою
О платонизмѣ разсуждать,
Смѣнить неожиданной эпитафией
И въ куклы съ дурочкой играть.
Такъ хищный волкъ, томясь отъ голода,
Выходитъ изъ гущи лѣсовъ
И рыщетъ средь беззачныхъ псовъ,
Вокругъ неопытнаго стада:
Все спитъ... И вдругъ свирѣпый юръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ).

XIV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
Вездѣ поспѣтъ немудрено.
Покажетъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,⁴
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,

Щеголь 1817—1820 г.г.
(Модная картинка)

И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока дремлющій Брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ саблѣ онъ садится,
«Поди! поди!» раздаея крикъъ;
Морозной пылью серебрится
Его бровный воротникъ.
Къ *Talon* ъ помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его... [Каверинъ]

Онѣгинъ полетѣлъ въ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *Entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Монну вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блесталъ Фонвизинъ, другъ свободы,

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА.

Съ портрета Брюлова.

Вошелъ: и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнуть токъ,
Предъ нимъ *Roast-beef* окровавленный,
И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Стразбурга широкъ негнѣный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ,
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залить горячій жиръ волетъ;
Но зовъ Брегета имъ доноситъ,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулея,

И перемчивый Княжичъ:
Тамъ Озеровъ невольны данъ
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣвцъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля гений величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вбичался славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнью кулея,
Младые дни мои песель.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣшивъ, не замѣтили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?

Узрю ли Русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Или взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И, устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушной,
 Безмолвно буду и звать
 И о быломъ вспоминать?

XX.

Театръ ужь полонъ: ложи блещутъ,
 Партеръ и кресла, все кипитъ:

Ужасно недоволенъ онъ:
 Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
 Раскланялся, потомъ на сцену
 Въ большомъ разбѣяньи взглянулъ.
 Отворотился, и зѣвнулъ,
 И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
 Балеты долго я терпѣлъ,
 Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.»

XXII.

Еще амуръ, чертъ, зѣби
 По сценѣ скачутъ и шумятъ:
 Еще усталые лакеи

АВДОТЯ ПЛЫНИННА ИСТОМНА.

(«Русская Талія» 1825 г.).

Въ райкѣ петербургско плещутъ,
 И, взвившись, завякъ шумятъ.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смѣлку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоитъ Истомна; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружить,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
 Летитъ какъ пухъ отъ устъ Эола:
 То станъ советъ, то разовѣтъ,
 И быстрой ножкой пожу бьетъ.

XXI.

Все хлопаютъ. Онегинъ влѣзть:
 Идетъ межъ бресель по ногамъ,
 Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
 На ложи незнакомыхъ дамъ:
 Всѣ ярусъ окинулъ взоромъ,
 Все видѣлъ: лица, уборомъ

На тубахъ у подъѣзда спитъ;
 Еще не перестали топать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать:
 Еще снаружи и внутри
 Вездѣ блистають фонари;
 Еще, прозябнувъ, бьются кони,
 Паскуча упряжью своей,
 И кучера, вокругъ огней,
 Браятъ господъ и бьютъ въ ладоши:
 А ужь Онегинъ вышелъ вонъ:
 Домой одѣться вѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразю ль въ картинѣ вѣрной
 Уединенный кабинетъ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
 Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
 Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуется Лондонъ щенетильной
 И по Балтическимъ волнамъ

За лѣсъ и сало возить намъ,
 Все, что въ Парижѣ вкусъ молодой.
 Полезный промыселъ избравъ.
 Изобрѣтаетъ для забавъ,
 Для роскоши, для пѣгн модной,—
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграде,
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствуя изиженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ:
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямая ножницы, кривыя,
 И щетки тридцати родовъ—
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
 Краснорѣчивымъ сумасбродомъ: 7
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семь случаевъ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
 И думать о красѣ ногтей:
 Въ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
 Обычай деснотъ межъ людей
 Второй *** [Каверинъ], мой Евгенийъ,
 Боясь ревнивыхъ осужденій,
 Въ своей одеждѣ былъ нецантъ
 И то, что мы назвали франтъ.
 Онь три часа, по крайней мѣрѣ,
 Предъ зеркалами проводилъ,
 И изъ уборной выходилъ
 Подобный вѣтренной Венерѣ,
 Когда, надѣвъ мужской парядъ,
 Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
 Зависъ вашъ любовный взглядъ,
 Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
 Здѣсь описать его парядъ:
 Конечно бы это было смѣло,
 Описывать мое же дѣло:
 По *панталоны, фракъ, жилетъ,*
 Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ ибѣ:
 А вижу я, вишошь предъ вами,
 Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
 Пестрѣть гораздо меньше бы могъ
 Иноменными словами,
 Хоть и заглядывалъ я встарь
 Въ Академическій Словарь 8.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
 Мы лучше послѣшимъ на балъ,

Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
 Ужъ мой Онегинъ поскакалъ.
 Передъ померкшими домами
 Вдоль сонной улицы рядами
 Двойные фонари каретъ
 Веселый изливаютъ свѣтъ,
 И радуги на сибѣ наводятъ:
 Усѣявъ площадками кругомъ,
 Блеститъ великолѣпный домъ:
 По дѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
 Мелькають профили головъ
 И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ:
 Швейцара мимо, онь стрѣлой
 Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
 Расправилъ волосы рукой,
 Вошелъ. Полна народу зала:
 Музыка ужъ гремятъ устала:
 Толпа мазуркой занята:
 Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
 Бренчатъ кавалергарда шпоры:
 Летають пожки милыхъ дамъ:
 По ихъ пѣвительнымъ слѣдамъ
 Летають пламенные взоры,
 И ревомъ скрипокъ заглушенъ
 Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
 Я былъ отъ баловъ безъ ума:
 Вѣривъ ибѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги:
 Прошу мою замѣтить рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, поостроже
 За дочерью смотрите велѣдь:
 Держите прямо своей лорнетъ!
 Не то... не то, избави Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
 Я много жизни погубилъ!
 Но если бы не страдали нравы,
 Я балы бы до сихъ поръ любилъ.
 Люблю я бѣшеную младость,
 И тѣсноту, и блескъ, и радость,
 И дамъ обдуманый парядъ:
 Люблю ихъ ножки: только врьдъ
 Найдете вы въ Россіи дѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Дѣв ножки!... Грустный, охладѣлой,

И все ихъ помню, и во снѣ,
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жь, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнѣ вѣшнѣ цвѣты?
Выдѣланы въ восточной пѣтлѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ, я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцевъ, и злочесть?
Почезло счастье юныхъ лѣтъ—
Какъ на лугахъ вангъ лескій слѣтъ!

XXXII.

Даны груди, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако пожка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугуиѣ камня,
На зеркальномъ паркети залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозой:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Вбѣгущимъ бурной чередой
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда среди пылкихъ дней
Книжной младости моеи
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Ариндъ,
Нѣ розы пламенныхъ ланитъ,
Нѣ перси, полныя томленьемъ:
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моеи!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И пожку чувствую въ рукахъ;
Опять кинитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье

Загло въ увиднемъ сердцѣ кровь,
Опять гонки, опять любовь...

Ни полно прислаивать надменныхъ
Волгливой дирою своей:
Онѣ не стоять ни страстей,
Ни ибсень, ни вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ силъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жь мой Онегинъ? Полусонный
Зѣ постелю съ бала ѣдетъ онъ:
А Петербургъ неугомный
Ужъ барабаномъ пробуждѣтъ.
Встаетъ кунецъ, идетъ разношникъ,
На биржу тянется извошникъ,
Съ кувшинномъ Охтенка еѣвнѣтъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Шмеецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ своей *vasierdaeg*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной,
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра тоже, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средъ пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣтъ шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ:
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Стразбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брашъ, и сабдо, и свионецъ.

XXXVIII.

Педугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,

Подобный английскому *сплину*
 Короче: Русская *хандга*
 Нѣмъ овладѣла пошешногу;
 Онъ застрѣлится, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ:
 По къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сметки свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

XLII.

Причудницы большого свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ вышій тонъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуетъ Сея и Бентама;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хоть певниный вздоръ.
 Къ тому жъ онъ такъ неспорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужчинъ,
 Что видъ ихъ ужъ рождаетъ силъны. "

XLIII.

И вы, красотки молодая,
 Которыхъ поздною порой
 Уносятъ дрожки удалыя
 По Петербургской мостовой,
 И васъ покинулъ мой Евгенийъ,
 Отегушникъ бурныхъ наслажденій,
 Онѣгнинъ дома заперся,
 Зѣвая, за перо взялся,
 Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
 Ему былъ тошени; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попалъ онъ въ цѣхъ задорный
 Людей, о коихъ не ружу,
 Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
 Томясь душевной пустотой,
 Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
 Себѣ присвонить умъ чужой;
 Орядомъ книжь поставилъ полку,
 Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
 Тамъ глупа, тамъ обманъ и бредъ;
 Въ томъ совѣтъ, въ томъ смѣла пѣтъ;
 На всѣхъ различныя вериги:

И устарѣла старина,
 И старымъ бредить повизна.
 Какъ женщина, онъ оставилъ книги,
 И полку, съ пыльной ихъ семьей,
 Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
 Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
 Съ нимъ подружился я въ то время.
 Миѣ нравились его черты,
 Мечтамъ невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И рѣзкій, охлажденный умъ
 Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоихъ насть;
 Въ обоихъ сердца жажъ погасъ;
 Обоихъ ожидала злора
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслить, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того тревожить
 Призракъ невозвратимыхъ дней:
 Тому ужъ пѣтъ очарованій,
 Того змя воспоминаній,
 Того раскаянне грызеть.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ; но я привыкъ
 Къ его язвительному спору,
 И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
 Когда прозрачно и свѣтло
 Почное небо надъ Невою ¹⁰,
 И подъ веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Дианы,
 Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно уивалъсь мы!
 Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрмы
 Перенесенъ колодинокъ сошной,
 Такъ уносилъсь мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
 И оперниши на границъ,
 Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
 Какъ описалъ себя Шитъ ¹¹.
 Все было тихо: лишь ночные

1. шапка — 2. пальто
 3. шляпа — 4. крестовик —
 5. шапка — 6. пальто —
 7. шляпа — 8. пальто —
 9. шапка — 10. пальто —
 11. шляпа — 12. пальто —
 13. шапка — 14. пальто —
 15. шляпа — 16. пальто —
 17. шапка — 18. пальто —
 19. шляпа — 20. пальто —
 21. шапка — 22. пальто —
 23. шляпа — 24. пальто —
 25. шапка — 26. пальто —
 27. шляпа — 28. пальто —
 29. шапка — 30. пальто —
 31. шляпа — 32. пальто —
 33. шапка — 34. пальто —
 35. шляпа — 36. пальто —
 37. шапка — 38. пальто —
 39. шляпа — 40. пальто —
 41. шапка — 42. пальто —
 43. шляпа — 44. пальто —
 45. шапка — 46. пальто —
 47. шляпа — 48. пальто —
 49. шапка — 50. пальто —
 51. шляпа — 52. пальто —
 53. шапка — 54. пальто —
 55. шляпа — 56. пальто —
 57. шапка — 58. пальто —
 59. шляпа — 60. пальто —
 61. шапка — 62. пальто —
 63. шляпа — 64. пальто —
 65. шапка — 66. пальто —
 67. шляпа — 68. пальто —
 69. шапка — 70. пальто —
 71. шляпа — 72. пальто —
 73. шапка — 74. пальто —
 75. шляпа — 76. пальто —
 77. шапка — 78. пальто —
 79. шляпа — 80. пальто —
 81. шапка — 82. пальто —
 83. шляпа — 84. пальто —
 85. шапка — 86. пальто —
 87. шляпа — 88. пальто —
 89. шапка — 90. пальто —
 91. шляпа — 92. пальто —
 93. шапка — 94. пальто —
 95. шляпа — 96. пальто —
 97. шапка — 98. пальто —
 99. шляпа — 100. пальто —

ПУШКИНСКИЙ ПРОЕКТЪ ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ СТРОФѢ XLVIII.

(Послать при письмѣ къ брату Льву. На основаніи этого проекта нарисована «Картинка» въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1829 г.—см. выше стр. 63).

Перекликались часовые:
 Да дрожекъ отдаленный стукъ
 Съ Мильонной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ:
 И пасъ пѣвняги вдалекѣ
 Рожекъ и пѣсня удалая.
 Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
 Пауфвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны,
 О, Брента! ибѣтъ, увижу васъ,
 И, вдохновенья снова полный,
 Услышу вашъ волшебный гласъ!
 Онъ святъ для внуковъ Аполлона
 По гордой лирѣ Альбіона
 Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
 Ночей Италіи златой
 Я ибѣгой наслажусь на волѣ,
 Съ Венеціанкою молодой,
 То говорливой, то ибѣмой,
 Плыва въ таинственной гондолѣ,
 Съ ней обрѣтутъ уста мои
 Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
 Пора, пора!—взываю къ ней;
 Брожу надъ моремъ, ¹² жду погоды,
 Машу вѣтрила кораблей.
 Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
 По вольному распутью моря
 Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
 Пора покинуть скучный берегъ
 Мнѣ неприязненной стихіи,
 И средь полуденныхъ зыбей,
 Подъ небомъ Африки моей ¹³,
 Вдыхать о сумрачной Россіи,
 Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
 Гдѣ сердце я похоронилъ.

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
 Увидѣть чуждыя страны;
 Но скоро были мы судьбою
 На долгій срокъ разведены.
 Отецъ его тогда скончался.
 Передъ Онѣгиннымъ собрался
 Заимодавцевъ жадный полкъ.
 У каждаго свой умъ и толкъ.
 Евгений, тяжбы ненавистя,
 Довольный жребіемъ своимъ,
 Наслѣдство предоставилъ имъ,
 Большой потери въ томъ не видя,
 Навъ предугнать издалика
 Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
 Отъ управителя докладъ,
 Что дядя при смерти въ постелѣ
 И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
 Прочтя печальное посланье,
 Евгенийъ тотчасъ на свиданье
 Стремлявъ по почтѣ поспекалъ
 И ужъ заранѣе зѣвалъ,
 Приготовляясь, денегъ ради,
 На вздохъ, скуку и обманъ
 (И тѣмъ я началъ свой романъ);
 Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
 Его нашелъ ужъ на столѣ,
 Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полною дворъ услуги:
 Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
 Съѣзжались недруги и други,
 Охотники до похоронъ.
 Покойника похорошили.
 Побы и гости бли, пили,
 И послѣ важно разошлись,
 Какъ будто дѣломъ занялись.
 Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскіи житель,
 Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
 Хозяинъ полный, а досель
 Порядка врагъ и расточитель,
 И очень радъ, что прежній путь
 Перемѣнилъ на что ибѣудъ.

LIV.

Два дня ему казались новы
 Уединенныя поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье тихаго ручья;
 На третій, роща, холмъ и поле
 Его не занимали болѣ,
 Потому ужъ наводили сонъ;
 Потому увидѣлъ ясно онъ,
 Что и въ деревнѣ скука та же,
 Хоть ибѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
 Ни каргъ, ни баловъ, ни стиховъ.
 Хаандра ждала его на стражѣ,
 И бѣгала за нимъ она.
 Какъ тѣшь, пль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучитъ голосъ лириой,
 Живѣ творческіе сны.
 Досугамъ посвятаю невнимнымъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И *far niente* мой законъ.
 Я каждымъ утромъ пробуждѣнъ
 Для сладкой ибѣги и свободы:
 Читаю мало, много сплю,
 Летучей славы не ловлю.

Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливейшіе дни?

LVII.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! и предашь вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онегинимъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой шибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ—
Какъ будто вамъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVIII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Миѣ снились, и душа моя
Плкъ образъ тайный сохранила:
Плкъ послѣ Муза оживила:
Такъ я, безнеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горь, мой идеалъ,
И плѣбнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ не рѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?»
«Кому, въ толпѣ ренивыхъ дѣвъ,
«Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LXIII.

«Чей взоръ, полнуй вдохновенье,
«Умвальной лаской наградила
«Твое задумчивое пѣнье?»
«Кого твой стихъ боготворилъ?»—
И, други, ничего, ей-Богу!

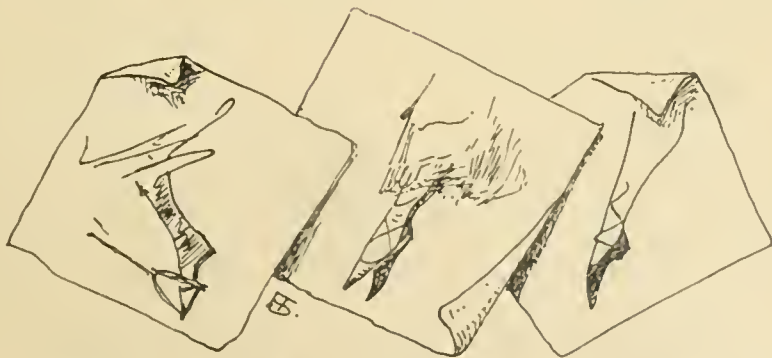
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горичку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзи священнѣй бредъ,
Петраркѣ шествуй вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ:
Но я, любя, былъ глушь и пѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь пишу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ пожекъ, ни головъ;
Погасшій свечель ужъ не вспыхнетъ,
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покажетъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Ценсурѣ долгу свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденъ
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Повороженное творенье!
И заслужи миѣ славы дань—
Кривые толки, шумъ и брань! 11

ЖЕНСКІЯ НОЖКИ ВЪ ЧЕРНОВИКАХЪ ПУШКИНА.

(Воспроизводятся впервые по тетрадамъ Румяни, музея №№ 2369, листъ 1 оборотъ,
2370, листы 2 и 8.

ВЪ БОГАТОЙ БАРСКОЙ УСАДЬБѢ НАЧАЛА 1820-хъ гг.

Изъ современныхъ силуэтовъ графа Осдора Толстого.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О гус!

Пор.

О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучать Евгений,
 Была прелестный уголокъ;
 Тамъ другъ певинныхъ наслажденій
 Благословить бы Небо могъ.
 Господскій домъ, уединенный,
 Горой отъ вѣтровъ огражденный,
 Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
 Предъ нимъ нестрѣли и цѣбли
 Луга и нивы золотыя,
 Мелькали селѣ здѣсь и тамъ,
 Стада бродили по лугамъ
 И сѣни расширяли густыя
 Огромный запущенный садъ.
 Приютъ задумчивыхъ Дриадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
 Какъ замки строятся должны:
 Огмѣнно проченъ и спокоенъ,
 Во вкусѣ умной старинны.
 Вездѣ высокіе поконъ,
 Въ гостиной штофные обои,
 Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
 И печи въ нестрыхъ израсцахъ.
 Все это нынѣ обветшало,
 Не знаю, правдо, почему:
 Да впрочемъ другу моему
 Въ томъ нужды было очень мало,
 Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
 Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
 Гдѣ деревенскій старожилъ
 Дѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
 Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
 Все было просто: полъ дубовый,
 Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
 Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
 Онѣгинъ шкафы отворилъ:
 Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
 Въ другомъ наливочъ цѣлый строй,
 Кувшины съ яблочной водою,
 И календаръ осьмаго года;
 Старикъ, пѣли много дѣлъ,
 Въ нивы книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
 Чтобъ только время проводить,
 Сперви задумалъ нашъ Евгений
 Порядокъ новый учредить.
 Въ своей глуши мудрецъ пустыннымъ,
 Яремъ онъ барщины старинной
 Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
 И рабъ судьбу благословилъ.
 За то въ углу своемъ надулся,
 Увиди въ этомъ страшный вредъ,
 Его расчетливый собесѣдъ.
 Другой лукаво улыбулся,
 И въ голосъ вѣб рѣшилъ такъ:
 Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

ВЛАДИМИРЪ ЛЕНСКІЙ.

Этотъ впервые извлеченный нами изъ черновиковъ «Евгенія Овчинина» (шедевръ Румяна, музей № 3369, л. 35 обор.) профиль представляется намъ портретомъ Ленскаго. Юноша и очень молодой и красивъ, и видъ мечтательный у него и кудри до плечъ. Ср. на стр. 205 и 251 портреты, которые намъ кажутся портретами Овчинина.

V.

Сначала не въ немъ бжжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышать ихъ домашня дрого:—
Поступкомъ оскорбись такимъ,
Всё дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, еумасбродитъ,
«Онъ фармазонъ: онъ пьетъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
«Все да да тытъ, не скажетъ да-съ
«Нп. тытъ-съ». Таковъ былъ общій
вѣсть.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый присекалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный.
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Онъ младшаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;

Его дѣляла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще пѣвляя юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой:
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждеть она!
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
(Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Пестраизмами лучами
Когда нибудь насъ озаритъ,
И міръ блаженствомъ одаритъ.)

IX.

Негодование, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Надъ небомъ Шиллера и Гете
Нхъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музы возвышеннаго искусства,
Счастливецъ, онъ не постигалъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства.

Норьвы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.
X.

Онъ ибѣлъ любовь, лобан послушный,
И ибень его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ ибжнхъ.
Онъ ибѣлъ разлуку и печаль,
И ибѣчто, и туману даль,
И романтическія розы:

Онъ ибѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лилсь его живыя слѣзы:
Онъ ибѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осмнать дѣтъ.
XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оиѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не правились пиры;
Бѣжалъ онъ илѣ бесѣды шумной.
Нилъ разговоръ благоразумный

И запищитъ она (Богъ мой)!
Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!...

(«Иевскій Альманахъ» на 1829 г.).

О снновосѣ, о вишѣ,
О царикѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блестятъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнѣмъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ мнхъль жель
Гораздо меньше былѣлъ уменѣлъ.

XII.

Богатѣ, хорошѣ собою, Ленекій
Вездѣ былѣлъ принягѣлъ вакъ женхълъ:

Таковъ обычаи деревенскій:
Всѣ дочекъ прочли своихъ
За полурусскаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаель чай,
Ей шенчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она (Богъ мой!):

Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!... 15

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онегинимъ желалъ сердечно
Знакомство покорооче свести.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень.
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны:

Потомъ поправились; потомъ
Съблизались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди—первый каюсъ я—
Огъ дѣлать нечего—друзья.

XIV.

Но дружбы иѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки петребя,
Мы почитаемъ всѣхъ—нулями,
А единицами—себя;

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИНЪ.

Этотъ, впервые извлеченный нами изъ черновиковъ романа портретъ (Гумани, музей, № 2369 л. 49), въ сопоставленіи съ профилемъ, воспроизведеннымъ выше на стр. 249, намъ представляется

Евгениемъ Онегинимъ.

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣ многихъ былъ Евгений;
Хоть онъ людей конечно знаетъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ иѣтъ безъ исключеній;
Никхъ онъ очень отличалъ.
И вчуждѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онегину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придеть:

Пускай покаместъ онъ живеть,
Да вбритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ,
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Племеньъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ суждений
Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И спусходительный Евгенийъ,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилѣжно юности внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынноиковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ певольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ полненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порою
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не вѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятея смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы;
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелить;
Такъ точно старій инвалидъ
Охотно кланяетъ слухъ прилѣжный
Расказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ книжнѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать;
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считалась инвалидомъ,
Онѣгинъ слушала съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца неовѣдъ любя,

Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгений безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами расказъ,
Давно не новымъ для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ, какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою илѣбешный,
Сердечныхъ мукъ еще не зная,
Онъ былъ свидѣтель умленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочли вѣщцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши подъ сѣнію смиренной,
Невѣстной прелести полна,
Въ глазахъ, родителей, она
Цѣбла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый сонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ роши полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И почъ, и звѣзды, и луну—
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней гмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,

ОЛЬГА ЛАРИНА.

Рисунокъ Е. Самокишъ-Судковой.

Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... по любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
По надоблѣ онъ мнѣ безвѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именовъ такимъ
Странпцы пѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Нль дѣвичей Мы всё должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,

Ни свѣжестю ея румяной
Не привлекла бѣ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ днй,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изибженныя пальцы
Не знали иглъ; склоняясь на нѣлцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготавливается шутя
Къ приличью, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки мамевки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала:

Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Нѣвняли больше сердце ей.
Когда же ниня собирала
Для Ольги, на широкій дугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подружекъ,
Она въ горѣлки не играла.

Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ нѣхъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хоромодъ,
И тихо край земли свѣтлѣеть,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣсть,
И всходитъ постепенно день.

ТАТЬЯНА РЕВЕНКОМЪ.

Рисунокъ Ел. Вель.

Зимой, когда почвая тѣнь
Полмиромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной луиѣ,
Востокъ лѣвивый починаеть,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣзвухъ она.

XXIX.

Ей рано нравилась романы;
Они ей замѣнили все;
Она влюблялась въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ доброй малыи,
Въ прошедшемъ вѣкѣ знаодаванъ;

Но въ книгахъ не видалъ вредъ;
Онь, не читая никогда,
Нѣхъ почитала пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Онь Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобы Грандисона
Она Ловласу предпочла: ¹⁷
Но встарину, Книжка Полина

ТАТЬЯНА.

Картина барона М. Клоота.

Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей правился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардін сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но, не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ ухалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастью она. 18

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она взяла по работамъ,
Сотрала на зиму грибы,
Вела расходы, брала дбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ была осердясъ—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы пѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на расцѣвъ;
Корсетъ послала очень узкій,
И русскій И, какъ X французскій,
Произносить умѣла въ пось;
Но скоро все перевелось;
Корсетъ, альбомъ, Книжку Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звѣтъ.
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ плафортъ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ былъ и милъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Недеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходить время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и свать пора,
И гости вѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли:
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Звѣвая слушаетъ молебень,
Умильно на пучокъ зари
Они роняли слезки три;
Нмъ квасъ, какъ въ воздухъ, былъ потребень,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Послаи блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтми и вѣрною женой,
Чистосердечивѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрыйбаринъ.
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
*Смирный рышникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ сямъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ печатамъ возвращеннай,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пену посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«Poor Yorick!» 19 молвилъ онъ улыло,
*«Онъ на рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ*

«Его Очаковской медалью!
 «Она Ольгу прочла за меня,
 «Она говорила: дождусь ли дня?...»
 И полный искренней печалью,
 Владиміръ тутъ же начеркалъ
 Ему надгробный надписалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
 Отца и матери, въ слезахъ,
 Почтилъ она прахъ патриархальной...
 Увы! на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По тайной волѣ Провидѣнья,
 Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ;
 Другія имъ во слѣдъ идутъ...
 Такъ наше внутреннее племя
 Растетъ, волнуется, кишитъ
 И къ гробу пращавовъ тѣснитъ.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣсятъ и насъ!

XXXIX.

Повамѣсть упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнию, друзья!
 Ея ничтожность разумѣю,
 И мало къ ней привязанъ я:

Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
 По отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Миѣ было бѣ грустно міръ оставить.
 Живу, пишу не для похвалы;
 Но и бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чтобъ обо миѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ.

XI.

И чье нибудь она сердце тронетъ:
 И сохраненная судьбой,
 Быть можетъ, въ Лѣтѣ не потонетъ
 Строфа, слагаемая мной:
 Быть можетъ—дестная надежда!—
 Укажетъ будущей невѣда
 На мой прославленный портретъ.
 И молвить: то-то былъ Поэтъ!
 Прими жь мое благодаренье,
 Поклонивъ мнрнымъ Лопидъ,
 О ты, чья память сохранить;
 Мои летучія творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплетъ лавры старика!

ТАТЬЯНА.

Статя П. П. Забѣлы.

ЛЕНСКІЙ ВВОДИТЪ ВЪ ДОМЪ ЛАРИНЫХЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

Изъ неизданныхъ рукописей къ «Евгенію Онегину» В. В. Гельмерсена.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Elle étoit fille, elle étoit amoureuse

Malfilatre.

I.

— «Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!
— Прощай, Онегинъ, мнѣ пора.»
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— «У Ларинныхъ. «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— «Нимало.» «Не могу понять.
Отсель вижу, что такое:
Во-первыхъ—слушай, правъ ли я?—
Простая, Русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный
дворъ...»

II.

— «Я тутъ еще бѣды не вижу.»
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу:
Мнѣ же мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу...» «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленской; да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Финланду эту,
Предметъ и мыслей и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.»—«Ты шутишь. «Нѣтъ.»
— «Я радъ.» «Когда же?»—«Хоть сейчасъ.
Онѣ съ охотой примутъ насъ.»

III.

Поѣдемъ. —
Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старинны.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вошаной
Кувшинъ съ брусничною водой.
(Въ деревнѣ день есть цѣль обѣда
Поджавши руки, у дверей
Сбѣжались дѣвушки скорѣй
Взглянуть на новаго сосѣда,
И на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.)

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ. ²⁰
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— «Ну, что жъ, Онегинъ? Ты зѣваешь.»
«Привычка, Ленскій.»—«Но скучаешь.
Ты какъ-то больше.»—«Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андриушка!
Какинъ глупый мѣста!
А, встать: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бѣ вреда.»

V.

Скажи: которая Татьяна?
 — «Да та, которая, грустна
 И молчалива какъ Сибилана,
 Вошла и сѣла у окна.»
 — «Неужь-го ты влюбленъ въ меньшую?»
 — «А что?» — «Я выбралъ бы другую,
 Когда бь я былъ какъ ты поэтъ,
 Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
 Точь въ томъ въ Вандиковой Мадонѣ:
 Кругла, красна лицомъ она,
 Какъ эга глухая луна
 На этомъ глумомъ небосклонѣ.» —
 Владиміръ сухо отвѣчалъ,
 И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онегина явленіе
 У Лариныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣніе,
 И всѣхъ совѣдей развлекало.
 Пошла догадка за догадкой,
 Всѣ стали толковать украдкой,
 Шутить, судить не безъ грѣха.
 Татьянѣ прочить жениха:
 Нынѣ даже утверждали,
 Что свадьба слажена совѣмъ,
 Но остановлена затѣмъ,
 Что модныхъ колець не достали
 О свадьбѣ Ленскаго давно
 У нихъ ужь было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
 Такія сплетни; но тайкомъ
 Съ неизяснимою отрадою
 Невольно думала о томъ.
 И въ сердце дума заронилась.
 Пора пришла, она влюбилась;
 Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображеніе,
 Старая нѣгой и тоскою,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи:
 Она сказала: это онъ!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркій, одинокій сонъ,
 Все полно имъ; все дѣвъ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердить о немъ. Добучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,
 И взоръ заботливой прислуги.

Въ ушнѣ погружена,
 Гостей не слушаетъ она,
 И проклинаетъ ихъ досуги,
 Нѣтъ неожиданннй прїѣздъ
 И продолжительный прѣсѣдъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
 Читаетъ сладостный романъ,
 Съ какимъ живымъ очарованьемъ
 Пьетъ обольстительный обманъ!
 Счастливой силою мечтанья
 Одуревенныя созданья,
 Любовникъ Юли Вольмаръ,
 Малекъ-Адель и де-Линаръ,
 И Вергеръ, мученнй митежной,
 И безнодобный Грандисонъ,²⁾
 Который намъ наводитъ сонъ;
 Всѣ для мечтательницы нѣжной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онегинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
 Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
 Клариссой, Юліей, Дельфиной,
 Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной кингой бродитъ,
 Она въ ней ищетъ и находитъ
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной волноты,
 Вдыхаетъ, и себѣ преневя
 Чужой восторгъ, чужую грусть,
 Въ забвеньи шепчетъ наизусть
 Письмо для млага героя...
 Но нашъ герой, кто бь ни былъ онъ,
 Ужь вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
 Бывало, пламенный творецъ
 Являлъ намъ своего героя
 Какъ совершенства образецъ.
 Онъ одарялъ предметъ любимый,
 Всегда неправо гонимый,
 Душой чувствительной, умомъ
 И прнвлекательнымъ лицомъ.
 Питая жаръ чистѣйшей страсти,
 Всегда восторженный герой
 Готовъ былъ жертвовать собою,
 И при концѣ послѣдней части
 Всегда наказанъ былъ порокомъ,
 Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынѣ всѣ умы въ туманѣ,
 Мораль на насъ наводитъ сонъ,
 Порокъ любезенъ и въ романѣ,
 И тамъ ужь торжествуетъ онъ.

Британской музы небыллицы
Тревожатъ сонъ огроковицы,
И стать теперь ея кумирь
Или задумчивый Вампирь,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ. 22
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею Небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ пемь изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви пѣвнителиныя сны,
Да правы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца или дади старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ ночь вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи пѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Миѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвѣкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;
Ты въ руки моднаго тирана
Ужь отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты пѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты;
Вездѣ воображаешь ты
Приюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она груститьъ,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣвъ ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучащыя заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— «Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да садъ ко миѣ.»
— «Что, Таня, что съ тобой?» «Миѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— «О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небыллицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все миѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...» — «Расскажи миѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И! полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слышали про любовь:
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.»
— «Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— «Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было миѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моеи роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ!
Я горько плакала со страха;
Миѣ съ плачемъ косу расплели,
Да съ пѣшемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня..»
— «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Миѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!...»
— «Дитя мое, ты нездорова:
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окропило святой водою,
Ты вся горнишь...» — «Я не больна;

Я... знаешь, няня... влюблена.

Акварель Павла Сокорова.

Я .. знаешь, няня, ... влюблена.»
 — «Дитя мое, Господь съ тобою!»—
 И няня дѣвушкѣ съ мольбой
 Крестила драхлюю рукой.

XX.

— «Я влюблена,» шептала снова
 Старушкѣ съ горестью она.

— «Сердечный другъ, ты нездорова.
 — «Остави меня: я влюблена.»—
 И между тѣмъ луна сіяла
 И темнымъ свѣтомъ озаряла
 Татьяны блѣдныя красы,
 И распущенныя власы,
 И капли слезъ, и на скамейкѣ
 Предъ геронией молодой,

Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрейкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной думѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко послыась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
— «Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу:
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгений на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь певинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ слѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнитъ ся, съ ужасомъ читалъ.
Надъ ихъ бровями наднесь адъ:
Оставь надежду навсегда. ²³
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видалъ вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбивъ равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ намель я съ изумленьемъ?
Онѣ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожальненьемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда ибжанью,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ.
Опять любовники молодой
Бѣжали за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣрить избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искусства,
Послушная влечению чувства,

Что такъ доврчива она,
Что отъ Небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и ибжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить младокровню,
Татьяна любить не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говорить она: отложимъ—
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣ въ слѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣемъ.
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.
И такъ писала по-Французски..
Что дѣлать! повторяю вновь:
Доньнѣ дамская любовь
Не изъяснилася по-Русски,
Доньнѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотять заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» ²⁴ въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило некажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балъ
Нль при развѣздѣ на крыльцѣ

Съ семиверстемъ въ желтой шаль
Иль съ Академикомъ въ мѣщѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
И Русской рѣчи не люблю,
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ живыхъ молчаливъ гласъ,
Къ Грамматикѣ приучить насъ;
Стихи вводить въ употребленье:
Но я... какое дѣлю мнѣ?
Я вѣрнѣ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Петочный выговоръ рѣчей;
Но прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскѣются во мнѣ ибѣтъ силы,
Мнѣ галицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно, мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей ей,
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: ибѣжнаго Парии
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Иль съ Пиромъ и грусти томной, 25
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой;
Чтобъ на волшебные наивы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.
Гдѣ ты? приди—своя права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродить, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною:
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту ибѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живою картинъ списокъ блѣдный,

Иль разбуранный Фрейнциъ
Перстами робкихъ ученицъ:

ТАТЬЯНА ПИШЕТЪ ПИСЬМО ОНѢГНИУ

Акварель Ел. Гемъ.

Письмо Татьяны къ Онегину.

«И къ вамъ пишу—чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей полѣ
Меня презрѣнемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла
Повѣрите: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.»

По говорить, вы негодимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блещимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посетили насъ?»

Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?)
По сердцу я нашла бы друга.
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Ибѣтъ, никому изъ свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ послалъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сповиданьяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... ибѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмгъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Прикинулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совѣмъ иное...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единственнымъ взоромъ
Надежда сердца оживи,

Нль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечестъ...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
По мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣрю...»—

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась,
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будить селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не направляетъ
Своей печати вырѣзкой.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипповна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— «Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду ибѣтъ,
Лице твое какъ маковъ двѣтъ.»

XXXIV.

— «Ахъ! няня, сдѣлай одолженъе...»
— «Изволь, родная, прикажи.»
«Не думай... право... подозрѣнъе...»
«Но виднись... Ахъ! не откажи.»
— «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
— «И такъ пошли тихонько вѣвца
Съ запиской этой къ О... къ тому...
Къ сосѣду... да велѣть ему—
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— «Кому-же, милая моя!
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть—
Куда мнѣ ихъ и перечестъ.»

XXXV.

— «Какъ педагогична ты, няня!»
— «Сердечный другъ, ужъ я старъ,

ТАТЬЯНА и ПЯНЯ.

Рисунокъ Микльшина.

Стара; гунбетъ разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской волн...»
 — «Ахъ, няня, няня! до того ли?
 Что нужды мнѣ въ твоёмъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ
 Къ Ольгину.» — «Ну, дѣло, дѣло.
 Не гнѣвайся, душа моя,
 Ты знаешь, непонятна я...
 Да что жь ты снова поблѣднѣла?»
 — «Такъ, няня, право ничего.
 Пошли же вина своего.» —

XXXVI.

Но день протекъ, и пѣть отвѣта.
 Другой насталь: все пѣть, какъ пѣть.
 Блѣдва какъ тѣнь, съ утра одѣта,
 Татьяна ждетъ: когда жь отвѣтъ?
 Пріѣхаль Ольгинъ обожатель.

— «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
 Ему вопросъ хозяйки былъ:
 «Опъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
 Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
 — «Сегодня быть опъ общалъ.»
 Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
 — «Да, видно, почта задержала.» —
 Татьяна потупила взоръ,
 Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блисталъ,
 Шнифль вечерній самозаръ,
 Китайскій чайникъ нагрѣвалъ;
 Подъ нимъ клубился легкій паръ.
 Разлитый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною струею
 Уже душистый чай блѣжалъ,
 И сливки мальчижскъ подавалъ:

Татьяна предъ обномъ стояла;
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа,
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На отуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вѣзель: *О да Е.*

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней пыла,
 И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
 Вдругъ тонотъ!... кровь ея застыла.
 Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
 Евгений! «Ахъ!»—и легче тѣни
 Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ:
 Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
 Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,

Кусты сирень переломала,
 Но цвѣтницамъ легя къ ручью
 И задыхая на скамью.
 XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!
 О Боже! что подумалъ онъ!» —
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Хранитъ надежды темный сонъ;
 Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
 И ждетъ: пойдетъ ли? Но не слышитъ.
 Въ саду служанки, на грядахъ,
 Сбирали ягоды въ кустахъ
 И хоромъ по наказу пѣли
 (Наказъ, основанный на томъ,
 Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не ѣли,
 И пѣвемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня двушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы,
 Разгуляйтесь, милья!
 Загляните пѣсенку,
 Пѣсенку завѣтную,
 Заманите молодца
 Къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца.

Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимтесь, милья,
 Закладемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать
 Пры наши дѣвичьи.» —

ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Рисунокъ И. Попова.

Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель О да Е.

Рисунокъ Микльшина.

XL.

Онѣ поютъ, и съ побереженьемъ
 Внимая звонкій голосъ ихъ,
 Ждала Татьяна съ петербургемъ,
 Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
 Чтобы прошло ланить пыланье.
 Но въ персяхъ тоже трепетанье,
 И не проходитъ жаръ ланить,
 Но ярче, ярче лишь горитъ.
 Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
 И бьется радужнымъ крыломъ,
 Плъниенный школьнымъ шалуномъ;
 Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
 Увидя вдругъ издалека
 Въ кусты припаднаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
 И встала со скамьи своей;
 Пошла, но только повернула
 Въ аллею—прямо передъ ней,
 Блистая взорами, Евгенийъ
 Стоитъ подобно грозной тѣши,
 И какъ огнемъ обожжена
 Остановилася она.
 Но слѣдствія нежданой встрѣчи
 Сегодня, милые друзья,
 Пересказать не въ силахъ я,
 Миѣ должно послѣ долгой рѣчи
 И погулять и отдохнуть:
 Дожончу послѣ какъ шибудь.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПЛЕТНЕВЪ.

[Первому изданію четвертой и пятой главы—Спб. 1828—было предпослано нижеслѣдующее посвященіе П. А. Плетневу. Въ первомъ полномъ изданіи всего романа—Спб. 1833.—оно помѣщено въ примѣчанія автора. Во второмъ полномъ изданіи «Евгенія Онегина».—Спб. 1837—впередѣ книги].

Не мысль гордый свѣтъ забавить,
 Внимае дружбы возлюбя.
 Хотѣлъ бы я тебя представить
 Залогъ достойнѣ тебя.
 Достойнѣ души прекрасной,
 Святой исолюскной мечты,
 Поэзіи живой и ясной,
 Высокихъ думъ и простоты,
 Но такъ и быть—рукой пристрастной
 Прили собранье пестрыхъ главъ,
 Полумъшныхъ, полупечальныхъ,
 Простонародныхъ, идеальныхъ,
 Небрежныхъ плодъ моихъ забавъ.
 Безсонницъ легкихъ вдохновеній
 Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
 Ума голодныхъ наблюденій
 И сердца юрестныхъ замѣтъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

ЖЕНСКІЯ ГОЛОВКИ ИЗЪ ЧЕРНОВИКОВЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

(Воспроизводится здѣсь впервые по тетрадямъ Румянцева музея № 2369, лл. 29 оборотъ и 35; 2370, л. 5 оборотъ).

I.

(Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь только разгоралась
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣи чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Ничего и желать не могъ.)

II.

(То вдругъ ее я ненавиждѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея произительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣнной злой пааною,
Все въ ней акало слезъ и стоа,
Ниталось кровію моріи..
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмалиона
Еще холодной и льмой,
Но искорѣ жаркой и жвой.)

III.

(Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темпра, Дафна и Лилета —
Какъ сонъ, забыты мной давно,
Но есть одна мрежь пхъ тольною..

И долго быть пѣвнень одною..
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце оладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно).

IV.

(Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣни,
Не могутъ надивиться намъ,
Себя по совету пѣни.
Восторги наши своеправны
Нмъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны,
Мы непростительно смѣшны.
Закабашь неосторожно,
Мы пхъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ пль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!)

V. VI. VII. 26

Чѣмъ мреьше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче прѣвимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣриѣ губимъ
Средь оболстительныхъ свѣтей.
Развратъ, бывало, ляднокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но это важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времинъ.

Авласовъ обвѣстала слава
Со славой красныхъ каблуковъ,
И величавыхъ шариковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ убрить,
Въ чемъ все убрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и быть.
У двочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомить угрозы,
Меленья, влятвы, мнимый страхъ,
Занески на шести листахъ,
Обманы, смелти, больца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думала мой Евгенийъ.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблуждений
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ усѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ.
Утрата жизни лучшей лѣтъ.

X.

Въ красавицѣ онъ ужъ не влюблялся.
А волочился какъ шибудь;
Откажутъ—мигомъ утѣшался;
Измѣнять—радъ былъ отдѣлнуть.
Онъ ихъ не всагъ безъ упоенья,
А оставляя безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній прѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда пойдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Таши,
Онѣгинъ живо тронуть былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяну милой
И блѣдный шѣтъ, и видъ улылой:
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душею погруженъ онъ.

Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Пыль на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелегемъ,
Гдѣ встрѣтилъ насъ Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ:—«Вы ко мнѣ писали,
Не отрирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной излиянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волшебье привела
Давно умоленувшій чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаемъ также безъ искусства;
Признте исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, суругомъ,
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мнѣ единой:
То, вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блесстокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ .. сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостойнъ я.
Повѣрьте (совѣтъ къ томъ порукой .
Суругество намъ будетъ мукой.
И, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Пачнете плавать: ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;

Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ прокляшная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотою,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ вѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще вѣжливъ.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣишь не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ:
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгенийъ.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подавъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна, молча, оперлася;
Головкой томяно склоняясь,
Пошла домой вокругъ огорода:
Явились вѣтви, и никто
Не вздумалъ имъ вѣшать на го:
Имѣть сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель:
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и съѣли.
Враговъ имѣть въ мѣрѣ всякъ.
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ *скобкахъ* замѣчаю,
Что вѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что вѣтъ педантизма такой,
Ни эниграммы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣи,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любить... какъ родной!

XX.

Гм. гм., читатель благородной,
Здорова ль ваиа вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать имено *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ вѣжливыхъ
Надежливѣ дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
По своеправію природы,
По мнѣнью свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтены быть должны:
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмгъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто все дѣла, все рѣчи мѣрять
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не свѣтъ?
Кто насъ заботливо дѣлаетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный некатель,

ТАТЬЯНА.

Статуя М. Л. Диллонъ.

Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно имѣть его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Имѣть, нуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качал важно головою,
Сосѣды шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!
По полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольню, милые моя,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу пѣвниный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ нею. Въ ея покоѣ
Они сидятъ ниотемка въ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеніи пѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Нѣтъ край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Правоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобрианъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы

(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разбѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занять Ольгою своею.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуешь сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками легка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже поднеси другихъ,
Онъ оставляетъ пѣжныи стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкой слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, но преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écritez vous sur ces tablettes?
И поднесъ: t. à v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
„Кто любитъ больше тебя,
„Пусть пишетъ дальше меня.“

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факель и свѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Въ любви до гробовой доски
Какойнибудь *mitz* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро, или имѣть я могъ соврать.

РУССКІЙ ГРАЖДАНСКОМУ МУЗЕЮ

ЕВГЕНІЙ ОВЪГІНЪ.

Композиція Шарлеманя («Художественный Листокъ» Тима. 1862).

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

В. С. ПУШКИНА.

ВЕРНЫЙ ОЖИДАТЕЛЬ РОМАНЪ ГЕТЕЛЮ А. С. ПУШКИНА

Въ ожиданіи свиданія
Паша ждалъ супругу свою.
Г. V ст. XLIV

Въ ожиданіи свиданія
Паша ждалъ супругу свою.
Г. V ст. XLIV

Въ ожиданіи свиданія
Паша ждалъ супругу свою.
Г. V ст. XLIV

Посвящается ПАМЯТИ

А. С. ПУШКИНА.

А ШАРЛАМЪНЬ.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библиотеки чертей,
Великолѣбные альбомы,
Мученье модныхъ риомачей,
Вы, украшенные проворно
Толстова кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божіи громъ!
Когда блестящая дама
Миѣ свой in-quarto подастъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскіи пишеть
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещеть острою;
Что ни замѣтить, ни услышать
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишеть:
И полны истины живой
Текутъ элегии рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Посешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представитъ иѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышавъ? Критикъ строгій
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегии вѣнокъ убогой,
И нашей братьѣ риомачамъ
Кричать: «да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть о презнемъ о, быломъ:
«Довольно—пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и книжаль,
И мыслей мертвыи капиталъ
Отвсюду воскреситъ прикажешь:
Не такъ ли, другъ? Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено...»
— Одиѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужело толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя спосибѣи
Упылыхъ нашихъ риомачей?—
«Но все въ элегии ничтожно;
«Пустая цѣль ея жалка;

«Межъ гѣмъ цѣль оды высока
«И благородна...» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но и молчу:
Два вѣка спорить не хочу.

XXXIV.

Поклоvníкъ славы и свободы,
Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорить,
Что въ мірѣ выше иѣтъ награды,
И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету иѣсенъ и любви,
Красавицѣ приятно-томной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ загѣи
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко миѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ неожиданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (по это кромѣ шутокъ),
Тоской и риомами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Виявъ иѣзю сладкозвучныхъ строкъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI.

(Ужъ ихъ далеке взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ краивіиися стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя олода,
Своя любимая забота:
Кто цѣлится въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ риомами, какъ и,
Кто бьетъ хлопункой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ иѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.)

XXXVII.

А что жъ Онегинъ? Кстапи, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его всеневныи зашити
Я вамъ подробно опишу.
Онегинъ жилъ Анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправился налегѣ

Къ бѣгушей подь горой рѣкѣ;
Шѣвду Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе вышивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался:

(только врьдъ
Посили вы такой парядъ.

XXXVIII.

Посилъ оиъ русекую рубанку,
Платокъ шелковый кушакомъ.
Армякъ татарскій на-распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ
И только. Силъ уборомъ чуднымъ,
Безиравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма оторчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизничиковъ.—Евгеній,
Быть можетъ, толки презирая,
Быть можетъ, и про нихъ не зная,
Но все своихъ обыкновений
Не измѣнялъ въ угоду имъ;
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.)

XXXIX.

Прогулки, чтение, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Оиѣгина святая:
И почувствительно оиъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безнечной цѣлѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

По наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнеть и пѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко встало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тишуся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаеъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;

Съ своей волчишою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Песется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ настухъ
Не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ расиѣвая, дѣва ²⁷
Прядеть и, зимнихъ другъ ночей,
Трещить лучинка передъ пей.

XLII.

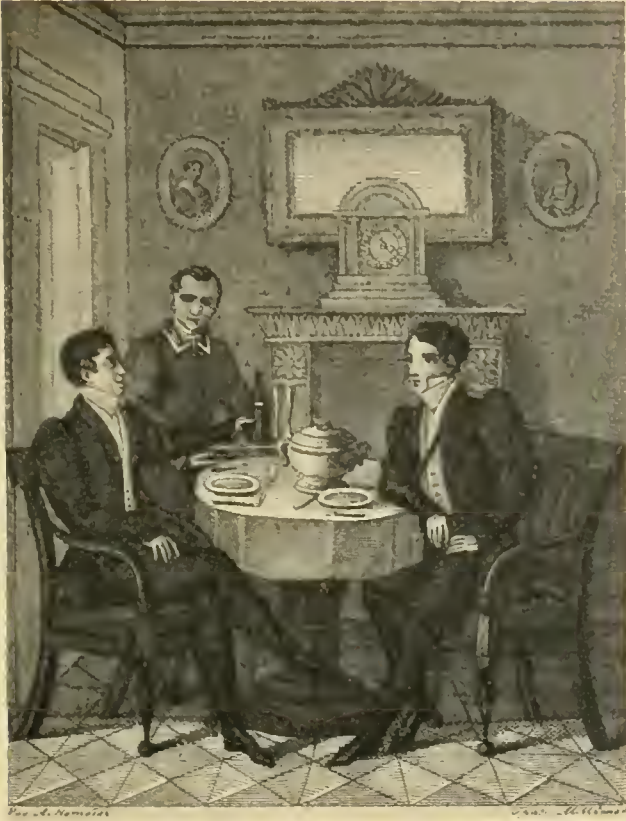
И вотъ уже трещать морозы
И серебрится средь полей..
(Читатель ждетъ ужъ рюмы—*розы*;
На вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блнстаеъ рѣчка, льдомъ одѣта,
Мальчишекъ радостный народъ ²⁸
Коньками звучно рѣжетъ лѣдъ;
На красныхъ лавкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Стунаеъ бережно на лѣдъ,
Скользить и падаеъ; веселый
Мелькаеъ, вьется первый свѣтъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревья той порой
Невольно докучаеъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадеъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай: вотъ Прадъ, вотъ W. [alter] Scott!
Не хочешь? Повѣрй расходъ,
Сердись, нль пей, и вечеръ длинной
Кой-какъ пройдеъ, и завтра тожъ,
И славно зиму проведеъ.

XLIV.

Прямымъ Оиѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался къ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тунымъ кіемъ вооруженный,
Оиъ на бильярдѣ въ два шара
Играеъ съ сьмаго утра.
Пастаеъ вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдать поскорѣй!

Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.

(Рисунокъ Понтбека, съ гравюры М. Иванова «Невскій Альманахъ» на 1829 г.).

XIV.

Вдовы клико или Морта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Пнокрепой; ²⁹
Оно своей игрой и явной
(Подобіемъ того-сего)
Меня пѣвняло: за него
Последній бѣдный лентъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раждала глупостей не мало,
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ словъ!

XLV.

Но измѣняетъ явной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо благоразумной
Ужъ выпче предпочелъ ему.
Къ Ди я больше неспособенъ;

Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтренной, жливой,
И своеравной, и нустой...
Но ты, Бордо, подобенъ другу,
Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ всегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Нль тихой раздѣлитъ досугъ.
Да здравствуетъ Бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потушь; едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокаль вина

Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я).
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 — «Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда шбудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а тамъ
 Ужъ къ нимъ и посу не покажешь.
 Да вотъ... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.»

XLIX.

«Я?»—«Да, Татьяны пмяшны
 Въ субботу. Олнька и мать
 Велѣли звать, и пѣть причины
 Тебѣ на зовъ не прѣзжать.»
 «Но куча будетъ тамъ народу
 И всякаго такого сброду...»
 — «И! никого, увѣренъ я!
 Кто будетъ тамъ? своя семья.
 Поѣдемъ, сдѣлай одолженъ!
 Ну, чтожъ?» — «Согласенъ.» — «Какъ ты
 милъ»—
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъ,

Потомъ разговорился вновь
 Про Ольгу; такова любовь!

I.

Онъ весель былъ. Черезъ двѣ недѣли
 Назначенъ былъ счастливый срокъ.
 И тайна брачныя постели,
 И сладостной любви вѣнокъ
 Его восторговъ ожидали.
 Гимена хлопоты, печали,
 Зѣвоты хладная чреда
 Ему ни елились никогда.
 Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ утомительныхъ картинъ,
 Романъ во вкусѣ Лафонтена... 30
 Мой бѣдный Лепскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

II.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
 Кто хладный умъ угомонивъ,
 Ноконте въ сердечной пѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
 Или пѣжигѣ, какъ мотылекъ,
 Въ весенній вившійся цвѣтокъ;
 Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,
 Кто все движенье, все слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ.
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забываться заиретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ словъ
Ты, моя Савелана!

Жуковскій.

ОСЕНЬ.

Изъ иллюстрацій къ Пушкину И. Панова.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ Январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборы;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мякко усталыя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима!... Крестьянинъ, торжествуя,
На драныхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ шибудь;
Бразды пушистыя взрыная,
Легитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тудушѣ, въ красномъ кунакѣ.

Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

Рисунокъ И. Панова.

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины вась не привлекутъ;
Все это низкая природа;
Цыцнаго немного тутъ.

Согрѣтый вдохновенъ богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ.
И все отѣнки зимнихъ снѣговъ: 31
Онъ весь плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ,
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я борюсь не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
И вѣнецъ Финляндки молодой! 32

IV.

Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И саи, и зарю поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мгу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ
Мужевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрла преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаньямъ дуны.
Ее тревожили примѣты;
Таштвенно ей все предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лаской рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что вѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ дуны
На небѣ съ лѣвой стороны.

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеннѣ Таша торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей—
Не знаа, что пачать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну предельсть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчю склона.
Пастали святки. То-то радость!
Гадаеть вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима.
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратно;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядять:
Онъ чудно-вышитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласить;
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулосъ колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
*„Тамъ мужички-то все богаты;
„Гребутъ лопатой серебро;
„Кому поемъ, тому добро
„И слава!“* По сулить утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣи кошурка сердцу дѣвъ. 33

IX.

Морозна почъ; все небо ясно;
Свѣтили небесныхъ дивный хоръ
Течеть такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одно
Дрожить печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... проложитъ; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
И живѣи свирѣльнаго напѣва:
„Какъ еше имя?“ 34 Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбирался ночью ворожить,
Тихонько приказала въ бани
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я—при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.

Татьяна поясок шелковой
Снула, раздвигая иль постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Девичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по сибирской полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ сибирскихъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею

Кинучій, темный и сѣдой
Потокъ, несквозный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣній полна,
Остановилась она.

XII.

Какъ на досадную раздумку,
Татьяна рошчетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подасть бы ей;

ТАТЬЯНА ГАДАЕТЪ.

Рисунокъ Потьбска. («Невск. Альманахъ» на 1829 г.).

Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взерошенный медвѣдь;
Татьяна ахъ! а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Посѣпанный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматого лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь неспосный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ

Клоками снѣга; сквозь вершины
Осипъ, березъ и липъ нагихъ;
Сіяетъ лучъ свѣтлѣ почныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ дѣвъ; медвѣдь за шею;
Снѣгъ рыхлой по козѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпить вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрускомъ снѣгѣ съ пожни милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей нѣкогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжить, онъ все вослѣдитъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-поборна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее дѣвоней дорогой;
Вдругъ межъ деревъ шалашиъ убогой;
Кругомъ все глушь, отвесоду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
И ярко свѣтится оконко,
И въ шалаши и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здесь мой кумъ!*
Поирѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидитъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ нѣтуньсей головой,
Здѣсь нѣдья съ козьею бородой,
Тутъ остовъ, чопорный и гордой,
Гамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на цапкѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ козлякѣ,

Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молва и бонскій топъ! ³⁵
Но что подумали Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей—
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь уврадкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ: и все хлопочутъ;
Онъ пьетъ: все пьютъ и все кричатъ;
Онъ заемѣтся: все дохочутъ;
Нахмуритъ брови: все молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно:
И Таиъ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная терпѣ
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ почныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Нѣ-за стола греми встаетъ;
Все встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать:
Нельзя никакъ; пестрибливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений;
И взорамъ адекихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всехъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты холматые, клыки,
Усы, кровавыя языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И все кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Остлася во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ ³⁶
Татьяну въ уголъ и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленкою; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замаяхнулъ,
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Снорь громче, громче; вдругъ Евгений
 Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
 Поверженъ Ленскій; странно гнѣш
 Ступилась; востерный крикъ
 Раздался... дикина шатнулась...
 И Тани въ ужасъ проснулась..
 Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтъ;
 Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
 Зари багряный лучъ играетъ;
 Дверь отворилась, Олга къ ней,
 Авроры сѣврной алби
 И легче ласточки, встаетъ;
 Ну, говоритъ: «скажи жь ты мнѣ,
 Кого ты видѣла по снѣ?»

XXII.

По тѣ, сестры не замѣчалъ,
 Въ постелѣ съ книгою лежить,
 За листомъ листъ шурбиранъ,
 И ничего не говоритъ.
 Хоть не явила книга эта
 Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
 Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
 Но ни Виргилій, ни Расинъ,
 Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
 Ни даже Дамскихъ Модъ Журналъ
 Тамъ никого не занималъ:
 Тѣ были, друзья, Мартынь Задека,³⁷
 Глава халдейскихъ мудрецовъ,
 Гадатель, толкователь сновъ.

СОНЪ ТАТЬЯНЫ.

Рисункъ Коровина.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
 Завезъ кочующій кунецъ
 Однажды къ нимъ въ уединенье,
 И для Татьяны наконецъ
 Его съ разрозненной *Мальвиной*
 Онъ уступилъ за три съ полтиной,
 Въ придачу взявъ еще за нѣтъ
 Собранье басенъ площадныхъ,
 Грамматику, двѣ Патріады,
 Да Мармонтеля третій томъ.
 Мартынь Задека сталъ потомъ
 Любимецъ Тани... Онъ отрады
 Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
 И безотлучно съ нею ситъ

XXIV.

Ее тревожить сновидѣнья.
 Не зная, какъ его понять,
 Мечтанья страшнаго значенье
 Татьяна хочетъ отыскать,
 Татьяна въ оглавленнѣ краткомъ
 Находитъ избучнымъ шордкомъ
 Слова: боръ, буря, ворожь, ель,
 Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
 И прочая. Ея сомнѣній
 Мартынь Задека не рѣшитъ;
 Но сонъ злобщій ей сулитъ
 Печальныхъ много приключеній.
 Дней нѣсколько она потомъ
 Все безыкопнлась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁸
 Заря отъ утреннихъ долинъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ имяинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ.
 Дай мосекъ, чмоканье дѣвцъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилецъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своею суругою дородной
 Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Убѣднѣй франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁹
 (Какъ вагъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый свѣтникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

XVII.

Съ семьей Пауфила Харликова
 Пріѣхалъ и мосея Трике,
 Острякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и рыжемъ парикѣ.
 Какъ петинный Французъ, въ кармаиѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтми:
 Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
 И смѣло—въместо belle Nina—
 Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ близкаго посада
 Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
 Убѣднѣхъ матушекъ отрада,
 Пріѣхалъ ротный командиръ;
 Вешель... Ахъ, новость, да какая!
 Музыка буетъ полковая!
 Полковникъ самъ ее послать.
 Какъ радость: будетъ балъ!
 Дѣвочки прыгаютъ заранѣ; ⁴⁰
 Но кумать подали. Честой

Идутъ за столъ руки съ рукою,
 Тѣнятся барышни къ Татьянѣ;
 Мужчины противъ: и, крестясь,
 Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
 Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
 Гремятъ тарелки и приборы,
 Да рюмокъ раздастся звонъ.
 Но вскорѣ гости нонемногу
 Подъемлютъ общую тревогу.
 Никто не слушаетъ, кричатъ,
 Смѣются, спорятъ и нищаютъ.
 Вдругъ двери настежь. Ленскій входитъ
 И съ нимъ Онегинъ.—«Ахъ, Творецъ!»
 Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
 Тѣнятся гости; всякъ отводитъ
 Приборы, стулья поскорѣй;
 Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
 И утренней души блѣднѣй
 И треветиѣй гонимой лани,
 Она темнѣющихъ очей
 Не подымаетъ: пышетъ бурно
 Въ ней страстный жаръ; ей душно, душно;
 Она привѣтствуй двухъ друзей
 Не слышитъ; слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
 Бѣдняжка въ обморокъ унестъ:
 Но воля и разсудка власть
 Превозмогли. Она два слова
 Сквозь зубы молвила тинкомъ
 И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
 Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
 Давно терѣтъ не могъ Евгений:
 Довольно ихъ онъ перенесъ.
 Чудакъ, понавъ на пиръ огромной,
 Ужъ былъ сердить. Но, дѣвы томной
 Замѣта треветный порывъ,
 Съ досады взоры опутивъ,
 Надулся онъ, и негодуя,
 Покаялся Ленскаго взбѣсигъ
 И ужъ порядкомъ отомстить.
 Теперь, заранѣ торжествуя,
 Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
 Каррикуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгений
 Смятенъ Тани видѣть могъ;
 Но цѣлю взоровъ и сужденій
 Въ то время жирный былъ широгъ
 (Къ несчастію, пересолоной);
 Да вотъ въ бутылкѣ засмоленѣй,
 Между жаркимъ и бланманже,

Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рямокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талин твоей,
Зизи, кристалль души моей,
Предметъ стиховъ моихъ певниныхъ,
Люби приманчивый фыль,
Ты, отъ кого я пьить бывалъ!

XXXIII.

Освободись отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осянкой важной,
Кушетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Защель, фальшивя. Плески, клики
Его приѣтствуютъ. Она
Пьвцу приѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей кушетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья:
Татьяна вѣтъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ, молча, поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Быль чудно ибжеиъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть быль,
Цль онъ, кокетствуя, шалитъ,
Невольно ль, пль изъ доброй воли;
Но взоръ сей ибжность изъявлятъ:
Онъ сердце Тани оживлятъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ ичель изъ лакомага улья
На пиву шумный рой летитъ.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сонитъ передъ сосѣдомъ:
Подѣли дамы къ комельку;
Дѣвцы шепчуть въ уголку;
Столы зеленые раскрыты;
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ и ломберъ стариковъ,
И вистъ, доныиъ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста переѣхали:

И чай несутъ. Люблю я чайъ
Опредѣлитъ обѣдомъ, чайемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ брелетъ;
И, кетати, я замѣчу въ свѣбкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ.
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII.

(Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣбые герои,
Твои неправильные бои,
Твой Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ.
Передъ Онѣгнскимъ холоднымъ,
Предъ сонной скукою полей,
Передъ И — — — {стоиной} моей,
Предъ нашимъ воснитаньемъ моднымъ;
Но Таия (присягну) мльиъ
Елены наkostenой твоей.)

XXXVIII.

(Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вокругъ почтеннаго Пріама,
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Паридъ.
Что жъ до сражений, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте даѣе читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.)

XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвцы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣдлинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Остави чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Штушковъ,
Къ Татьянѣ Лесекіи, Харликову,
Певѣту пересѣбавыхъ дѣтъ.
Береть Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блестятъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Баль Петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаьемъ
О пожатъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
Но вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О пожки, полно заблуждаться!
Съ измѣнной юности моеи
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправиться.
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихоръ жизни молодой,
Кружится вальса вихоръ шумный;
Чета мелкаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сакаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семь:
Спустя минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ оиъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумлени. Лепскій самъ
Не вѣрять собственнымъ глазамъ

Танцы 1820-хъ гг.

Современная литографія Мартынова изъ коллекции Е. П. Тевяшеви.

XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорной,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведеть ее, скользя небрежно,
И навлонясь, ей шепчетъ лѣжно

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городѣхъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблучки, усы
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Педугъ повѣвшихъ Россіянъ.

XLIII.

(Какъ гонить бичъ въ песку мапежномъ
На кордѣ гордыхъ кобылицъ,
Мужчины въ округѣ мятежномъ
Погнали, дернули дѣвицъ.
Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше къ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молотковъ;
Пустилсь, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблучки
Отдавать дамскіе носки.)

Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ—и запялалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Лепскій мой
Все видѣлъ: всыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

ОНЕГИНЪ ТАНЦУЕТЪ СЪ ОЛЬГОЙ.

Акварель Е. Самокишъ-Сулковской.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
 Да Ольга слово ужъ дала
 Онегину. О, Боже, Боже!
 Что слышитъ онъ? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
 Кокетка, вѣтренный ребенокъ!
 Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
 Ужъ измѣнять научена!
 Не въ силахъ Ленскіи снести удара;
 Проказы женскія киня,
 Выходитъ, требуетъ коня
 И скачетъ. Пистолетовъ пара,
 Двѣ пули—больше ничего—
 Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ИДУТЬ УЖИНАТЬ.

(Изъ жанровыхъ картинокъ издавна въ 1832 г. Полковымъ «Новою живописца Обществу и литературы»).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

κ Petr.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Овѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Оленька зѣвала,
Глазами Ленскаго невала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Почлегъ отводить отъ сѣней
До самой дѣвичи. Вебъмъ нуженъ
Покойный сонъ. Овѣгинъ мой
Одинъ уѣхать спать домой.

II.

Все устроилось: въ гостинной
Хранитъ тяжелый Пустьяновъ
Съ своею тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Штутниковъ
И Фляновъ, не совѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу москѣ Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ козакѣ.
Дѣвичи въ комнатахъ Татьяны
И Ольги все объята сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленіемъ,
Мгновенной пѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ повясть его; тревожить
Ее ревнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
«Погибну,» Таля говоритъ:
«Но гибель отъ него любезна.
Я не рошшу: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя история!
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, пѣкогда буяль,
Картежной шайби атаманъ,
Глава поибѣ, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человекъ:
Тавъ не правляется наизъ вѣкъ!

ЗАРЬЦКІИ.

Рисовокъ Павла Соколова.

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхваляя:
 Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
 Въ пяти саженьхъ попадаля,
 И то сказать, что и въ сраженьи
 Разъ въ настоящемъ уноены
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ кони Камыцкаго свались,
 Какъ зюзи пѣный, и Французамъ
 Достался въ пѣни: драгой залогъ!
 Покѣйшій Регуль, чести богъ,
 Готовый вновь предаться узамъ,
 Чтобъ каждыя утрою у Веры
 Въ долгъ осунать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
 Умѣлъ морочить дурака
 И умнаго дурачить славно,
 Или явно, или неоптнника,
 Хотъ и ему нныя штуки
 Не проходили безъ науки,
 Хотъ иногда и самъ въ просакъ
 Онъ попадался, какъ яростакъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и туно откѣчать,
 Порой расчетливо смолчать,
 Порой расчетливо повздорить,
 Друзей поспорить молодыхъ
 И на барьеръ поставитъ ихъ.

VII.

Ниль помирится ихъ заставить,
 Дабы позавтракать втроемъ,
 И послѣ тайно обезславить
 Веселой шуткою, враньемъ,
 Sed alia tempora! Удаются
 (Какъ совъ любви, другая малость)
 Проводить съ юностью жной.

Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
 Подъ свѣчъ черемухъ и акацій
 Отъ бурь укрьючись наконецъ,
 Живегъ, какъ истинный мудрецъ,
 Капусту садить, какъ Горацийъ,
 Разводитъ утокъ и гусей
 И учить азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глухъ; и мой Евгенийъ,
 Не уважалъ сердца съ немъ,
 Любилъ и духъ его сужденийъ,
 И здравый толкъ о томъ, о семъ.
 Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
 Видался съ нимъ и такъ немало
 Поутру не былъ удивленъ,
 Когда его увидѣлъ онъ.
 Тотъ послѣ перваго приѣзда,
 Прервавъ начатый разговоръ,
 Онѣгну, ослабя взоръ,
 Вручилъ записку отъ поэта.
 Къ окну Онѣгнъ подошелъ
 И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ приятный, благородный,
 Короткій вызовъ нль *картель*
 Учтиво, съ ясностью холодной
 Зналъ друга Ленскій на дуэль.
 Онѣгнъ съ перваго движенія,
 Къ послу такого порученія
 Оборотясь, безъ лишнхъ словъ
 Сказалъ, что онъ *всегда тотомъ*.
 Зарѣцкій всталъ безъ объясненій:
 Остаться долъ не хотѣлъ,
 Нѣмъ дома много дѣлъ,
 И тотчасъ вышелъ; но Евгенийъ
 Наединѣ съ своею душой
 Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подбломъ: въ разборѣ строгомъ,
 На тайный судъ себя призвавъ,
 Онъ обвинялъ себя во многомъ:
 Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
 Что надъ любовью робкой, пѣжной
 Такъ подшутилъ вѣчеръ небрежно.
 А во-вторыхъ: пускай поэтъ
 Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
 Оно простиительно. Евгений,
 Вежь сердцемъ юношу любя,
 Былъ долженъ оказать себя
 Не мячикомъ предразсуждений,
 Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ.
 Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
 А не щетиниться какъ звѣрь;
 Онъ долженъ былъ обезоружить
 Младое сердце. «Но теперь
 Ужъ поздно; время улетѣло...
 Къ тому жъ—онъ мыслить— въ это дѣло
 Вмѣшался старый дуэлистъ;
 Онъ золь, онъ снѣтникъ, онъ рѣчиствъ...
 Конечно: быть должно презрѣнне
 Цѣной его забавныхъ словъ;
 Но шопотъ, хохотня глушцовъ...»
 И вотъ общественное мнѣнье! 42
 Пружина чести, пѣнъ кумирь!
 И вотъ на чемъ вертится мѣръ!

XII.

Книга враждой потеряѣливой.
 Отвѣта дома ждать негдѣ;
 И вотъ сосѣдъ ведерѣчивой
 Привезъ торжественно отвѣтъ.
 Теперь ревниву то-то праздникъ!
 Онъ все боялся, чтобъ проказникъ.
 Не отшутился какъ нибудь,
 Уловку выдумаеъ и грудь
 Отворсннвъ отъ пистолета.
 Теперь сомнѣнья рѣшены:
 Они на мельницу должны
 Прѣвхати застря то разсѣта,
 Взвести другъ на друга вурокъ
 И мѣтнъ съ ляжку пѣ въ шокъ.

XIII.

Рѣнась вocketу некаждѣтъ,
 Книжннй Леневиі не хотѣлъ.
 Предъ воединкомъ Ольгу видѣтъ,
 На свидѣ, на часы смогрѣлъ,
 Махнулъ рукою панослѣдокъ—
 И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Олинъку смутннъ,
 Своимъ прѣздомъ поразнтъ;
 Не дуть-то было; вѣтъ и прѣже,
 Панстрѣчу бѣднаго пѣвца

Прыгнула Олинъка съ крыльца,
 Подобна вѣтреной надеждѣ,
 Рѣзва, безнечна, весела,
 Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вѣчеръ такъ рано скрылся?
 Былъ первый Олинъкинъ вопросъ.
 Всѣ чувства съ Ленскомъ помутннсь,
 И, молча, онъ навѣнлъ пось.
 Исчезла ревность и досада
 Предъ этой ясннстю изгляда,
 Предъ этой пѣжной простотой.
 Предъ этой рѣзвою душой!...
 Онъ смотритъ съ сладкомъ умнленнъ;
 Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
 Ужъ онъ, раскаляемъ томнмъ,
 Готовъ проснтъ у ней прощенье,
 Трепещетъ, не находитъ словъ:
 Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ!...»

XV.

(Да, да, вѣдь ревности принадлежн —
 Болѣзнъ, такъ точно какъ чума,
 Какъ черной силннъ, какъ анхорака,
 Какъ поврежденіе ума.
 Она горячкой пламеннѣтъ,
 Она свой жаръ, свой бредъ имѣтъ.
 Сны злые, признаки свои,
 Помылуй Богъ, друзья мои!
 Мучительнѣй пѣтъ въ мѣрѣ казни
 Ея терзаннй раковалъ.
 Навѣрнѣ мнѣ: кто вынесъ ихъ,
 Тотъ ужъ конечно безъ боязни
 Взойдетъ на пламенный костеръ,
 Навъ шею склоннтъ подъ топоръ.)

XVI.

(Я не хочу пустой укорой
 Могила возмущать покой:
 Тебя ужъ пѣтъ,—о ты, которой
 Я съ буряхъ жизни молодой
 Обязанъ опытомъ ужаснымъ!
 И рая мнгомъ сладострастнымъ!
 Какъ учать слабое днтя,
 Ты душу пѣжнюю, мути,
 Учила горести глубокой:
 Ты пѣгой волновала кровь,
 Ты воспыляла съ ней любовь
 И пламя реиности жестокой.
 Но онъ прошелъ, сей тяжкій денъ;
 Ночнй, мучительная тѣнь!)

XVII.

И юновъ задумчнвой, унылой
 Предъ милой Ольгой своей,
 Владимѣръ не имѣтъ силы
 Вчерашнй денъ напомятн ей;
 Онъ мыслнтъ: «буду ей свнатель,
 Не потеряю, чтобъ развратнтель
 Огнемъ и вздохомъ и похвалъ

Младое сердце искушалъ;
 Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
 Гочелъ людей стобелекъ;
 Чтобъ двухугрениій цвѣтокъ
 Увиѣлъ еще полуоткрытый.»
 Все это значило, друзья:
 Съ пріятелемъ стрѣлился я.

XVIII.

Когда бь онъ звалъ, какая рана
 Моей Татьяны сердце жгла!
 Когда бы вѣдала Татьяна,
 Когда бы знать она могла,
 Что завтра Ленскій и Евгенийъ
 Заспорятъ а могильной сѣни:
 Ахъ, можетъ быть, ей любви
 Друзей соединила бь вновь!
 Но эгой страсти и случайно
 Еще никто не открывалъ.
 Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
 Татьяна изнывала тайно;
 Одна бы ния знать могла,
 Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсвѣявъ,
 То молчаливъ, то весель вновь;
 По тогъ, кто музою взлелѣявъ,
 Всегда таковъ: нахмури бровь,
 Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
 Шепталъ: «не правда ли? я счастливъ.
 Но поздно; время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской:
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо,
 — «Что съ вами?» — «Такъ.» — И на крыльцо.

XX.

Домой приѣхавъ, пистолеты
 Ось осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящикъ и, раздѣтый,
 При свѣчкѣ, Шиллера открылъ;
 Но мысль одна его объемлетъ:
 Въ немъ сердце грустное не дремлетъ;
 Съ неизяснимою красой
 Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ.
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д. [ельвигъ] пыльный на шкуру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Будь, куда вы удались.

«Весны моеи златые дни?
 «Что день грядущій мнѣ готовить?
 «Его мой взоръ напрасно ловить,
 «Въ глубокой мглѣ таетъ онъ.
 «Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 «Наду ли и, стрѣлой прозенный,
 «Нль мимо пролетитъ она,
 «Все благо: бдѣніи и сна
 «Приходитъ часъ опредѣленный;
 «Благословенъ и день заботъ,
 «Благословенъ и тма прихоть!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 «И заиграетъ яркій день;
 «А я—быть можетъ, я гробницы
 «Соиду въ таинственную сѣнь,
 «И память юного поэта
 «Поглотитъ медленная Лета.
 «Забудетъ мнръ меня; но ты
 «Придешь ли, дѣва красоты!
 «Слезу пролитъ надъ ранней урной
 «И думать: онъ меня любилъ,
 «Онъ мнѣ единой посвятилъ
 «Разсвѣтъ печальной жизни бурной!..
 «Сердечный другъ, желанный другъ,
 «Приди, приди: я твой суиругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
 (Что романтизмомъ мы зовемъ,
 Хоть романтизма тутъ нмало
 Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
 И наконецъ передъ зарёю,
 Склонясь усталой головою,
 На модномъ словѣ *идеалъ*
 Тихонько Ленскій задремалъ;
 Но только соннымъ обаяньемъ
 Онъ позабылся, ужъ сошедъ
 Въ безмолвный входитъ кабинетъ,
 И будить Ленскаго воззваньемъ:
 «Нора вставать: седьмой ужъ часъ.
 Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
 Спалъ въ это время мертвымъ спомъ,
 Уже рѣдуютъ ночи тѣни
 И встрѣченъ востеръ вѣдуомъ;
 Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
 Ужъ солнце катится высоко
 И перелетан мятель
 Блеститъ и вьется; но постель
 Еще Евгенийъ не покинуть,
 Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
 Вотъ наконецъ проснулся онъ
 И ноль завѣса раздвинулъ;
 Глядитъ—и видитъ, что нора
 Давно ужъ ѣхалъ со двора.

XXV.

Онъ поскорѣи звонитъ. Вбѣгаетъ
 Къ нему слуга Французъ Гильо,
 Халатъ и туфли предлагаетъ
 И подаетъ ему белье.
 Сивинтъ Онегинъ одѣваться,
 Слугѣ велитъ приготовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговые.
 Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
 Примчался. Онъ слугѣ велитъ
*Лепаша*⁴³ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межь тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣвкій жорновъ осуждалъ.
 Идетъ Онегинъ съ извѣщеньемъ.
 «На гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣвкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человекъ растянуть
 Онъ позволялъ—не какънибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 Но всѣмъ предающимъ старинны
 Что похвалить мы въ немъ должны».

XXVII.

— «Мой секундантъ?» сказалъ Евгений:
 «Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillet*.
 Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое:
 Хоть человекъ онъ неизвѣстный.
 Но ужъ конечко малый честный.»—
 Зарѣвкій губу закусылъ.
 Онегинъ Ленскаго спросилъ:
 — «Что жъ, начинать?» — «Начнемъ,
 пожалуй.»

Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мельницу. Пока вдали
 Зарѣвкій нашъ и *честный малый*
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
 Нухъ жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Гранезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наследственнымъ подобно,
 Какъ въ странномъ, непонятномъ снѣ,
 Они другъ другу въ гниинѣ
 Готовить гибель хладнокровно...

Не заемѣются ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука,
 Не разойтись ль по любовно?...
 Но дико свѣтская вражда
 Бонится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
 Гремитъ о шомполь молотокъ.
 Въ граненый стволъ уходятъ пули
 И шелкуютъ въ первый разъ курокъ.
 Вотъ порохъ струйкой сѣрвовой
 На полку сыплется. Зубчатый,
 Надежно вышеченный кремль
 Введенъ еще. За ближній пень
 Становится Гильо смущенный.
 Плащи бросаютъ два врага.
 Зарѣвкій тридцать два шага
 Отмѣрять съ точностью отмѣной.
 Друзей развелъ по браиній сѣдль,
 И каждый взялъ свой пистолеть.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перенли шага,
 Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолеть тогда Евгенийъ,
 Не престававъ наступать,
 Сталъ первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили.
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталъ также цѣлить—но какъ разъ
 Онегинъ выстрѣлилъ... Пробили
 Часы урочные: поэтъ
 Роняетъ, молча, пистолеть.

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горь,
 На солнцѣ искрами блестя,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
 Онегинъ къ юношѣ сивинтъъ.
 Гидитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой ибещъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъъ прекрасной
 Увидъ на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!..

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страшнѣ
 Былъ томный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ навывдетъ раненъ

ДУЭЛЬ ЛЕНСКАГО СЪ ОНЪГРИНЫМЪ.

Акварель П. Е. Рѣтина

XXX

Ось поскорей закончил Вильгельм
 И к тому делу Фридриха Тибета
 Хотел и кудрям принадлежать
 И подарить свои стихи.
 Он пишет, он пишет, он пишет,
 Седьмью минутами прерываясь,
 Своим же клямом: "Зачем же не писать,
 Вить, когда не пишешь, не пишешь"
 Готовя стихи Фридриху
 Ось, охота, не желая писать,
 Прижался к Онеге, сел к нему
 И так, по своему обычаю,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,

XXXI

Онега, не имея в виду,
 Делал и переделывал стихи,
 Мелко писал, выходя из себя,
 Зарядил, выходя из себя,
 Писал, выходя из себя,
 И так, по своему обычаю,
 Зарядил, выходя из себя,
 Ву, выходя из себя,
 И так, по своему обычаю,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

ДАВІД ПЕНСІАТО СР ОНІЛІНІВІДІ

Александр М. Е. Пушкин

XXXII

— Мой друг, не забывай,
 И не забуду я твой
 На предвечном мне
 Хотя и далеко твой
 Но как и ты, мой друг,
 Зарядил кудрям,
 Он пишет, он пишет,
 — Мой друг, не забывай,

XXXIII

Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

XXXIV

Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

Не забывай, мой друг,
 Не забывай, мой друг,
 Не забывай, мой друг,
 Не забывай, мой друг,
 Не забывай, мой друг,

XXXV

Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

XXXVI

Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

XXXVII

Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,
 Онега же, во всем, как прежде,
 Неги не имея в виду,

Дымясь, изъ раны кровь текла,
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семьъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Ирала жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно:
Замокло навсегда оно.
Закрѣты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть, Проналъ и слѣды.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошного врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣе, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ,
Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, нль отвѣтомъ,
Нль бездѣлицей нной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Нль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашей душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ
Предъ вами съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснуть пистолеть,
Глядѣть на Ленскаго Евгений.
«Ну, что жъ? убить!» рѣшилъ сосѣдь.
Убить!.. симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онегинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ,
Зарѣвкѣ бережно владеть
На сѣни трунъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ,
Почувъ мертваго, драпать
И бьются кони, дѣной бѣлой
Стальные мочать удила,
И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во шибѣ радостныхъ надеждъ,
Нхъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, ибжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурная любви желавья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Нль хоть для славы былъ рождѣнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремуцій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень,
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домычится гимнъ времянь,
Благословеніе племень.

XXXVIII.

(Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многого добра,
Увы! онъ могъ безсмертной славой
Газетъ наполнить нумера,
Уча людей, мороча братій,
При громѣ плесковъ нль проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъ вдохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ,
Какъ нашъ Кутузовъ нль Пельсонъ,
Нль въ селякѣ, какъ Наполеонъ,
Нль быть повѣнченъ, какъ Рыбевъ).

XXXIX.

А можетъ быть и то: поэтъ
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юности лѣта:
Въ немъ нль души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливъ и рогаъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Нилъ, ѣлъ, скучагъ, толстѣгъ, хирѣгъ,
И наконецъ въ своей постелѣ

Скончался бѣ среди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
Есть мѣсто: вѣнчо отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жицы въ волны погружать
Приходить звонкіе кувицы:
Тамъ у ручья въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинается канва
Весенній дождь на злакѣ полей)
Настухъ, плетя свой нестройный ланоть,
Поетъ про Волжескихъ рыбаей:
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Ремянный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ бѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтаниѣ погружая, она:
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?»
Въ ней сердце долго ли страдало,
Нль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ей сестра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
Красавиць модныхъ модный праць,
Гдѣ этотъ насмурный чудакъ,
Убийца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ и вамъ
Потребно обо всемъ отдамъ.

XLIII.

Но не теперь, хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонитъ,
Лѣта шалунью рному тонитъ,
И я со вздохомъ приближусь
За ней лѣтнвѣй володусь.

Перу старинной пѣть охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ соль моеи души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ пѣть мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней рѣма, *младость?*
Ужель и вправду наконецъ
Увяль, увяль ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ эгегическихъ затѣй,
Весна монхъ промчалась дней
(Что я, шутя, твердилъ доселѣ)?
И ей ужель возврата пѣть?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за мнлыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всё, за всё твои дары:
Благодарю тебѣ, Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я наслаждался... и внолнѣ;
Довольно! Съ неюю душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглихусь. Простите жъ, свѣи,
Гдѣ дни мои текли въ глушю,
Исполнены страстей и лѣни
И снова задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волхуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилежай,
Не дай остыть душѣ поэтъ,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ озаменѣть
Въ мертвомъ уношенн свѣтѣ,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блестящихъ глупцовъ.

XLVII.

Среди лукавыхъ, злодущныхъ,
Шальныхъ, багаванныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и смучныхъ,
Туныхъ, привязчивыхъ сучей,

Среди кветокъ багемальныхъ,
Среди холощевъ добролюныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ изъбитъ,
Среди холодныхъ приговорковъ

Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь минутъ, гдѣ съ вами я
Кушавшъ, милые друзья!

И, флеръ отъ шляпы отвернувъ
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись — и слеза
Туманить нѣжные глаза.

(„Невскій Альманахъ“ на 1829 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ рваную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значить идль свѣтъ,
Гдѣ жь лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибоедовъ.

I.

Гонимы вѣшними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже свѣта
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные дуга.

Улыбкой ясно природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, леса
Какъ будто духомъ зеленѣютъ.

Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣтъ въ безмолвіи почей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны
На лошѣ сельской тишины!
Пли мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуешь, живишь,
Все, что ликуешь и блестяшь,
Проводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно.
И все ей кажется темпо?

III.

Пли, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ;
Пли съ природою оживленной
Сближаемъ душою смущенной
Мы увиданья нашихъ лѣтъ
Которымъ возрожденья пѣтъ?
Быть можетъ, въ мысляхъ намъ приходитъ,
Средь поэтического сна
Пли, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о днѣхъ..

IV.

Вотъ время: добрые лѣтницы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливыцы,
Вы, шводы Левинна ⁴⁵ птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы чувствительныя дамы.
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ почей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ тяжко нагруженныхъ,
На долинхъ иль на почтовыхъ
Тянитесь изъ заставъ градекихъ.

V.

И вы, чингачи благосклонныя,
Въ свои колески вынесенной
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселился вы зимой;
Съ моею музой своеобразной
Пойдемте слушать шумъ дубрашней

Надъ безыменною рѣкой.
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Огнелюбивъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой:
Но гдѣ его теперь ужъ пѣтъ...
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ.
Віась, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь лишовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтеть шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой—
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу паднись говорить:
«Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
«Погибшій рано смертью смѣлыхъ.
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ,
«Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сени преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ:
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги.
И на могилѣ при днѣхъ,
Объявнись плакали онѣ.
Но пыль... памятникъ унылой
Забить. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣвка на вѣтви пѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ попрежнему поетъ.
И обувь бѣдную плететъ.

VIII.

(. . . разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось, тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ мнѣмъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложила...
По туть носившими шагами
Ее настигъ младой улаги,
Загнувъ степенъ и румонъ,
Красуясь черными усами,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча.)

IX.

(Она на воина взглянула:
Горька досадаю взоръ его—
И тихо руку протянула,

У МОГИЛЫ ЛЕНСКАГО.

Рисунокъ Волкова.

Но не сказала ничего,
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалиась и съ тѣхъ поръ
Ужь не являлась изъ-за горъ...)

X.

Мой бѣдный Ленской! зыывая,
Не долго плакала она,
Увы! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой уснѣлъ ея страданье
Любовной лестью усынить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потушенныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилкой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Нли надъ Летою уснищенной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженною,
Ужь не смущается ничѣмъ,
И мѣръ ему закрыть и пѣтъ?...
Такъ! равнодушное забвеніе
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Настѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непрестойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Быть долженъ хватъ съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливался,
Старушка, съ дочерью прощалась,
Казалось, чуть жива была,
Но Тая плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрывалась
Ея печальное лицо.
Когда все вышло на крыльцо,
И все, прощалась, суетилась
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила нуть.

XIII.

И долго, будто сводъ думара,
Она глядѣла имъ востѣвъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ дѣвъ,
Ея голубка молодая,
Ея пантерница розная,

Судьбою вдаль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ:
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей пѣтъ отрады,
И облегченья не находитъ.
Она подавленнымъ слезамъ—
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиноствѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онегинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть:
Она должна въ немъ ненавидѣть.
Убийцу брата своего;
Поэтъ погибъ.. но ужъ его
Никто не помнитъ, ужъ другому
Его невѣста отдадась.
Поэта память проселась
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустить... Пачто грустить?..

XV.

Быль вечеръ, Небо меркло, Воды
Струились тихо, Жукъ жужжалъ,
Ужь расходились хороводы:
Ужь за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбацкій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебряномъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла, И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣе.

XVI.

Ея сомнѣнія смущаютъ:
«Поиду ль впередъ, поиду ль назадъ?...
Его здѣсь пѣтъ, Меня не знаютъ...
Вздвину на домъ, на этотъ садъ?»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша, кругомъ обводитъ,
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ,
Къ ней, лая, вынулъ собакъ.
На крикъ испуганной ея
Ребѣтъ дворовой семьи
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню потъ свой покрѣвъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не лзя ли?»
 Спросила Таия. Поскорѣи
 Къ Анисѣ двѣ побѣжали,
 У ней ключи взять отъ сѣней;

ТАТЬЯНА ВЪ КАБИНЕТѢ ОНѢГИНА.

Рисунокъ Павла Соколова.

Анисья тотчасъ къ ней явилась,
 И дверь предъ ними отворилась,
 И Таия входитъ въ домъ пустой,
 Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.

Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кѣи на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канане лежалъ
Манежный хлыстикъ. Тяня далъ:
Старушка ей:—«а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сжигивалъ одинъ.»

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ собесѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ опъ, кофей кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ.
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье.
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»—

XIX.

Татьяна взоромъ умиленимъ
Вокругъ себя на все глядитъ:
И все ей кажется бездѣльнымъ,
Все душу томную живитъ
Подумчительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И гряда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугуной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной,
Темно въ долинь. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою:
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Тяня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не издохнуть,
Пугается въ обратный путь.
Но прежде просить позвольте
Пустынный замокъ наѣхать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтению предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гдура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современнѣйшій человекъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безразличной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безвѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Книжницимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую почтее;
Глаза внимательной дѣвчонки
Устремлены на нихъ живѣе.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какую мысль, замѣчаньемъ
Бывалъ Онегинъ пораженъ,
Съ чѣмъ мыча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандана.
Вездѣ Онегина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаеть понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь небу — слава Богу —
Того, по комъ она издыхать
Осуждена судьбою властной:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада или небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жь онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собрался два собесѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя»
Старушка молвила вкратцѣ.
«Вѣдь Олешька ея молодежь,
Пристронуть дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Вѣкъмъ поотрѣжь одно и то же:
Нейду, и все груститъ она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна.

XXVI.

«Не влюблена ль она? Въ кого жь?»
Бунновъ сватался: отказъ.
Ивану Пѣтушкову—тоже.
Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ:
Ужъ какъ онъ Таню предъштался,
Какъ медкомъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: поидеть, авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— «Что жь, матушка? зачѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку поѣхать!»
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.»
— «Охъ, мой отецъ! доходу мало»
— «Довольно для одной зимы,
Не то ужъ дамъ хоть я въ займы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой:
Сочлась—и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой—
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинциальной простоты,
И запоздалыя паряды,
И запоздалый складъ рѣчей:
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О страхъ! ибѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля сѣвшитъ.
И, умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣию милый, тихій свѣтъ
На шумъ банстательныхъ суетъ!...
Прости жь и ты, мой свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?»—

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановилъ и певолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать сѣвшитъ,
Но лѣто быстрое летитъ,
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убирая...
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохлауль, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; влозами
Повисла на сухахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравнила пулою пеленою;
Влелуль морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки Зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать
И первымъ снѣгомъ съ брови бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшень зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ,
Проходить и послѣдній срокъ.
Осмотрѣвъ, вновь обить, упрочить
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три вѣбитки
Везуть домашніе пожитки,
Кастриольки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, вѣтки съ пѣтушками,
Горшки, тапы et cetera.

Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачь:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячь.

XXXII.

Въ возокъ болгарскій пашъ впрягають,
Готовявъ завтракъ повара,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячь тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатый.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вошь
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, пріютъ уединенный!
«Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Одвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ черезъ пять сотъ) дороги кѣрно
У пашъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные черезъ воды
Шагнутъ широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водою
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станицѣ трактиръ.

XXXIV.

Теперь у пашъ дороги плахи.¹⁶
Мосты забытые гниють,
На станицахъ клоны да блохи
Заснутъ минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодной,
Для вѣду прѣискурантъ ишетъ
И тщетный дразнитъ ашетить,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклоны
Передъ медлительнымъ огнѣмъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ.
Надъбаве легкое Еуропа,
Благословляя колѣнъ
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодною
Бѣда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли съ пѣснѣ модной
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И персты, тѣша праздный взоръ,

Въ глазахъ мелькають какъ заборъ,¹⁷
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Болея прогонишь дорожныхъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва наслаждалась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали ошѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братьцы! какъ я былъ доволенъ.
Когда црквию и колоколенъ.
Садовъ, чертоговъ полукругъ.
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моеи блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слылось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруживъ своею дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно ошъ
Недавною гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклонной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ.
Она готовила пожаръ
Петриѣливному герою!
Отселѣ, съ думою погружѣнъ,
Глядѣлъ на грозный пламень ошъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столны заставы
Вѣлѣють; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется черезъ ухабы.
Мелькають мимо бугки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на вѣстахъ.

XXXIX.

Москва! Москва!

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАРЪ.
Съ литографіи 1830-го и.

XI.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ, другой, и воть
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чаоткѣ,
Онѣ прѣѣхали теперь.
Нашъ настержъ отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой калмыкѣ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной брикѣ
Книжны, протертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XII.

Княжна, mon ange!—Pachette—Анна!
— Кто бѣ могъ подумать? Какъ давно!
Надолго ль?—Милая! Кузина!
Садись—какъ это мудроно!
Ей-Богу, сцена изъ романа...
— А это дочь моя, Татьяна.—
Ахъ, Таша! подойди ко мнѣ—
Какъ будто брежу я во снѣ...
Кузина, поминишь Грандисона?—
Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?—
«Въ Москвѣ, живетъ у Симеона:
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XIII.

А тотъ... но послѣ все разскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Ташю завтра же покажемъ.
Жаль, развѣзжать ибѣть мочи мнѣ;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги:
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы ибѣть... устала грудь...
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя.
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость жизнь такая гадость...
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскниязась она.

XIV.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новосельѣ,
Привыкнуей къ горницѣ своей.
Подъ занѣвскою шелковой
Не снится ей въ постелѣ нововъ,
И ранній звонъ волоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таша у окна.
Рѣдѣть сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Копюшки, кухни и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представитъ бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Родѣ, прибывшей издалеца,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
И, кажется, тебя крестила?
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!
А я такъ прищипкомъ кормила!»
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то зѣгати!»

XLV.

Но въ шухъ не видно перемѣны;
Все въ шухъ на старій образецъ:
У тетюшки Княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же жегетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семень Петровичъ также скучъ,
У Пелагьи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финимунъ,
И тотъ же шницъ, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клубя членъ несправный,
Все такъ же смиренъ, тавъ же глупъ,
И такъ же вѣтъ и пьетъ за двухъ.

XLVI.

Шухъ дочки Таню обнимають,
Младья граціи Москвы
Сначала молча озирають
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Шѣлуютъ, и вѣжо руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ парасѣвъ.
Сердечны тайны, тайны дѣвъ.

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невиннымъ бесѣды
Съ приврасой легкой клеветы.
Потомъ, въ оглазгу лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умилно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно вѣсъ во снѣ,
Шухъ рѣши слышать безъ умысла.
Не понимаешь ничего,
И тайну сердца своего,

Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранить безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна везушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостинной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ шухъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевету даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей.
Роспросовъ, сплетенъ и вѣстей
Не всыхнеть мысля въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтитишь, свѣтъ пустой!

LXIX.

Архивны юности толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагоклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находятъ идеальной.
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной теткы Таню встрѣтъ,
Къ ней какъ-то В...[иземскій] подѣтъ.
И душу ей занять усѣтъ.
И близъ него ее замѣтъ,
Объ ней, попрая свой парика,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпою,
Гдѣ Талія тихоно дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Теренхорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни дѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратился на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и вресельнымъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ гипнога, волшебнае, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣтъ блисташае,
Мельканье, вихоръ быстрыхъ паръ;
Красавицъ легкіе хуборы,
Людью нестрѣющіе хоры,
Невѣсть обширнай полукругъ
Всѣ чувства поряжаютъ вкругъ.

Здѣсь кажутъ франты зашнѣные
Свое пахальство, свой жилетъ
И невнимательной лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Сибшать явятся, погрѣмѣтъ,
Блеснуть, пѣвнѣть и улѣтѣтъ.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить днрою морю,
Какъ величавая луна
Средь жемъ и дѣвъ блестигъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ пѣгрой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесной!...
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, холотъ, бѣготня, поклоны,
Галонъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ.
Волненье свѣта пенавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеёкъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,

И въ сумракъ линовыхъ аллеи,
Туда, гдѣ она являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забуть и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводятъ
Какой-то важный Генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули.
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
— «Взгляни палѣво поскорѣй.
— «Палѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
— «Ну, что бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двор...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ стагъ...»
— «Кто? толстый этотъ Генералъ?..»

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою.
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою...
Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля молодова
И множество его причудъ.
Благослови мой долей трудъ,
О ты, эпическая муза!
И, вирный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Московскія моды 1825 г.

ДЕРЖАВИНЪ.

ЖУКОВСКИЙ.

ДМИТРИЕВЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицей
Я безмятежно расцвѣталь,
Читаль охотно Апулея,
А Цицерона не читаль,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ воды, сиявшихъ въ тиши,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И слому нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтивъ:
Усѣхъ насъ первый окрыливъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтивъ,
И, въ гробъ сходя, благословивъ,
(И Дмитревъ не былъ нашъ худительъ:
И была русскаго хранительъ,
Скрижалъ оставя, намъ внимать
И Музу робкую ласкавъ,
И ты, глубоко-вдохновенный,
Всего прекраснаго явещъ,
Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ!
Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный,
Не ты ль мнѣ руку подавалъ
И къ слабѣ чистой призывалъ.)

III.

И я, въ законъ себѣ вѣнчанъ
Страстей единый произволь,
Съ голубою музѣю раздѣляя,
Я Музу рѣзкую пришель.

На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь мнѣ вѣвшихъ дней
За нею буйно волочилась—
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтренной моей.

IV.

По рокъ мнѣ бросить взоры глѣва
И вдалъ зашесъ... она за мной.
Какъ часто ласковая дѣва
Мнѣ усаждала путь пѣмой
Волшебствомъ тайнаго разказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Лепорой, при луиѣ,
Со мной сказала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она мени во мглѣ почной
Водила слушать шумъ мореконь,
Немолчный шопотъ Перенды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отду міровъ.

V.

И забывъ столицы дальшой
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренныя шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одиночала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для судныхъ, страшныхъ языковъ,

Для престога стени ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моёмъ,
Являясь барышней уздойю,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтскій раутъ ⁴⁸ привожу:
На прелести ея стенины
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Воспыхъ франтовъ, дипломатовъ,
И гордыхъ дамъ она сползаетъ,
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣсноюю,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужичиъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей правится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ.
И холодъ гордости снокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ,
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, сильнѣе иль страждущая смѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ такой? Ужель Евгений?
Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
— Давно ли къ намъ онъ занесѣнъ?

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?»
Иль корчить также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Медьмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй
Иль маской идеальнѣе шной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы де я, какъ цѣлый свѣтъ?
Но крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...

— Знакомъ онъ вамъ?—И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкахъ души неосторожность

Самолобивую пичожность
Иль оскорбляетъ иль смѣнитъ,
Чтò умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Чтò сланикомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Чтò глушность вѣрена и зла,
Чтò важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Памъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вовремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерѣвъ умѣлъ,
Кто страннымъ смѣхъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Снокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Чтò измѣнили ей всечасно,
Чтò обманула насъ она;
Чтò наши лучшія желанья,
Чтò наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И велѣдъ за чиновно толпою
Пти, не раздѣлая съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ стага суждений шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослать притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ монмъ,
Онѣгннъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствн досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безнокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ.

(Весьма мучительное свойство,
Немогихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и шивъ удивленье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному;
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надобно;
Онъ возвратился и поналъ,
Какъ Чацкѣй, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
Но залѣ шопотъ приближался...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный Генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора паглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на усѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du Comme il faut...^{***} [Шинковъ] прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвцы проходили тѣше
Предъ ней по залѣ; и всѣхъ выше
И пось и плечи подымалъ
Восшедшій съ нею Генералъ.
Никто бѣ не могъ ее прекрасной
Пазвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высококъ, Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у насъ покажетъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести,
Оно бѣ годилось въ энциграммѣ...
Но обращаюсь къ нашей дамѣ,
Безвѣстной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И вѣрно бѣ согласился въ,
Что Нина мраморной красотою
Затмить собесѣду не могла,
Хоть вслѣдствіемъ была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:
«Ужель она? Но точно... Итъ...
Какъ? изъ глуши стенихъ селеній...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ Посломъ Испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онегина глядитъ.
— «Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.»
«Да кто жъ она?»—Жена моя.»

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я раиѣ!
Давно ли?»—Около двухъ лѣтъ.»
«На комъ?»—«На Ларипой.»— «Татьянѣ!»
— «Ты ей знакомъ?»—«Я имъ сосѣдъ.»
— «О, такъ пойдѣмъ же.» — Князь под-

ходитъ

Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Быль также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей—ей! не то, чтобы содрогнулась,
Нль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣть нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онегинъ обрести.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И—и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ нихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой—далекой сторонѣ,
Въ благомъ нуду правоученъ,
Читала когда-то наставленія,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружѣ, все наволѣ,
Та дѣвочка... нль это сонъ?...

Та двючка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Уже съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ руть тѣсный,
Домой задумчивъ идетъ онъ;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожить поздней сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ

Письмо: князь N. покорно просить
Его на вечеръ.—«Боже! къ ней!...
О! буду, буду!»—и скорбѣи
Мрачетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ
снѣ!

Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнливой?
Досада? суетность? или вновь
Забота юности—любовь?

INTERIEUR ЗНАТНАГО ДОМА НАЧАЛА 1830-хъ гг.

Неизданная современная акварель проф. Н. П. Волыкина (изъ коллекции Б. К. Веселовскаго).

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дожидается дню конца.
По десять бьетъ: онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ треногомъ къ Княгинѣ идетъ;
Татьяну онъ одну находитъ
И имѣетъ нѣсколько минутъ.
Они сидятъ. Слова нейдутъ.
Изъ устъ Онѣгина, Угрюмой,
Нелюбви, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ: Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей неприятный tête à tête;
Съ Онѣгинимъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входитъ гости.
Вотъ крушой солью свѣтской злости
Стать оживляется разговоръ;
Передъ хозяйкой легкой вздоръ
Сверкаетъ безъ глупаго жеманства,
И прерываетъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ неданства,
И не пугаетъ ничьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;

Утѣ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланикъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ дунистыхъ сѣдницахъ
Старикъ, постарому шутлившій,
Отъѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣнно.

XXV.

Тутъ былъ на эниграммы надкѣй,
На все сердитый господиць;
На чай хозяйскій слишкомъ сладкѣй,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчиць,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ даншій,
На ложь журналовъ, на войну,
На свѣтъ, и на свою жену.

(Тутъ также дочь его была,
Ужъ такъ горбата, такъ мала.
Такъ неопытна, такъ неслышна,
Что поневодѣ каждый гость
Предполагалъ въ ней умъ и злость).

XXVI.

Тутъ былъ ***[Сабуровъ], заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**[St-Priest], твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянь—какъ вербный херувимъ,
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залѣтной.
Перекрашмаленый нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онегинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбавиной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Книжницею,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Цевы.
О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечеть;
Вась непрерывной мнѣй доветъ.

Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣшительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бы смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И оиъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракъ почы,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ луиъ подъемлетъ томны очы,
Мечтая съ нимъ, когда нибудъ
Свершитъ смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви все въ возрасты поворны;
Но юшымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вѣсныя полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ—
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкѣй плодъ.
Но въ возрастъ поздній и безплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ дугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгений
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помысленій
И день и ночь проводитъ оиъ.
Ума не внемля строгимъ нѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ свѣнямъ
Оиъ подѣбзжаетъ каждый день;
За ней оиъ гонится какъ тѣнь;
Оиъ счастливъ, если ей накинеть
Боа пушистый на плечо,
Пли коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Пли платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Оиъ его не замѣчаетъ,
Какъ оиъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порой вовсе не замѣнитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ—
Его не теритъ вышній свѣтъ.

ОБЫЧНЪ ПИШЕТЪ ПИСЬМО ТАТЬЯНѢ.

Изданный рисунокъ Д. П. Кардовскаго.

Вѣдѣть Онегинъ начинаетъ:
Ей или не видно, или не жаль;
Онегинъ сохнетъ, и едва ли
Ужъ не чахотбою страдаетъ.
Всеѣ шлють Онегина къ пращамъ,
Тѣ хоромъ шлють его въ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать къ прадѣдамъ готовъ
О скорой ветрѣчѣ: а Татьянѣ

И дѣла нѣтъ (хоть полъ таковы);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ.
Еще надѣется, мноточетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Книжнѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ ищѣтъ невотче:
Но, зная, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онегина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!
«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постыдую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій нагъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!
«Ибѣтъ, поминутно видѣть васъ.
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, пожимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Вѣдѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на ветрѣчу. Какъ сурона!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова:

«И я лишень того: для насъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они,
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣрять;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть уиѣрять,
Что съ вами днемъ уиожусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидить вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной—
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бѣ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Нылатъ—и разумомъ несчасно
Смирять волненіе съ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Плзть мольбы, признанья, иби,
Все, все, что изразитъ бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей полѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»—

У! какъ генеръ окруженъ
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямьи хотѣтъ!
Внерилъ Онегинъ зоркій взоръ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна сдѣла?.. Нуъ нѣтъ, нуъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣды...

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
 Чтобъ мужъ или свѣтъ не угадалъ
 Проказы, слабости случайной...
 Всего, что мой Онегинъ знаетъ...
 Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
 Свое безумство проклинаятъ—
 И, въ немъ глубоко погруженъ,
 Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, за воротъ взяла
 И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шамфора,
 Madame de Stael, Биша, Тиссо,
 Прочелъ скептическаго Беля,
 Прочелъ творенія Фонтеanela,
 Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ твердятъ,
 Гдѣ нынче такъ меня бранятъ.
 А гдѣ такіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда.
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печальными строками
 Читалъ духовными глазами
 Другія строки. Въ нихъ-то онъ
 Былъ совершенно углубленъ.
 То были тайныя преданья
 Сердечной, темной старины,
 Ни съ чѣмъ несвязанные сны.
 Угрозы, толки, предсказанья,
 Или длинной сказки вздоръ живой,
 Или письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усиленіе
 И чувствъ и думъ впадаетъ онъ.
 А передъ нимъ воображеніе
 Свой нестройный мечеть фараонъ.
 То видитъ онъ: на тѣломъ снѣгѣ,
 Какъ будто спящій на почтѣхъ,
 Недвижимъ юноша лежитъ,
 И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
 То видитъ онъ вратовъ забвенныхъ,

Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
 И рои измѣнницъ молодыхъ,
 И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
 То сельскій домъ—и у окна
 Сидитъ она... и все она!..

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
 Что чуть съ ума не своротилъ,
 Или не сдѣлался поэтомъ.
 Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
 А точно: силой магнетизма
 Стиховъ Россійскихъ механизма
 Едва въ то время не постигъ
 Мой безтолковый ученикъ.
 Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминъ.
 И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
 Или *Idol mio*, и рояль
 Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
 Ужъ рѣшталася зима;
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съ ума.
 Весна живить его: впервые
 Свои поклои запертые,
 Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
 Двойныя окна, камелекъ
 Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
 Несется вдоль Невы къ саняхъ.
 На сплху, извѣченныхъ льдахъ
 Играетъ солнце; грязно таетъ
 На улицахъ разрытый снѣгъ.
 Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онегинъ? Вы заранѣ
 Ужъ угадали; точно такъ:
 Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
 Мой несправленный чудакъ.
 Идетъ, на мертвеца положій.
 И вѣтъ ни одной души въ прихожей.
 Онъ въ залу; дальше: никого.
 Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
 Съ такою силой поражаетъ?
 Книгиня передъ нимъ, одна,
 Сидитъ, не убрана, блѣдна.
 Письмо какое-то читаетъ,
 И тихо слезы льетъ рѣкой,
 Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бѣ пѣвухъ ея страданій
 Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
 Кто прежней Тани, бѣдной Тани
 Теперь въ Книгинѣ бѣ не узналъ!

Акварель Ел. Бель.

Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
 Къ ей погамъ упалъ Евгенийъ:
 Она вдрогнула, и молчитъ;
 И на Онегина глядитъ
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его большою, угаснѣйшій взоръ,
 Молящій видъ, иѣмой укоръ,
 Ей внятно все. Простая дѣва,
 Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней.
 Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ.
 И, не сводя съ него очей,
 Отъ жадныхъ устъ не отымастъ
 Безмужественной руки своей...
 О чемъ теперь ей мечтаетъ?...
 Проходить долгое молчанье,
 И тихо наконецъ она:
 «Довольно; встаньте. Я должна
 Вамъ объяснитьсь откровенно.
 Онегинъ, помните ль тотъ часъ,
 Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
 Судьба свела, и такъ смиренно
 Урокъ вашъ выслушала я?
 Сего дня очередь мол.

XLIII.

«Онегинъ, я тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была,
 И я любила васъ; и что же?
 Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
 Какой отвѣтъ? Одну суровость.
 Не правда ль? Вамъ была не новость
 Смирненной дѣвочки любовь?
 И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
 Какъ только вѣпомню взглядъ холодный
 И эту проповѣдь... Но васъ
 Я не виню: въ тотъ страшный часъ
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной:
 Я благодарна всей душой...»

XLIV.

«Тогда—не правда ли?—въ пустынь,
 Вдали отъ суетной Молвы,
 Я вамъ не правила... Что жъ вы
 Меня преслѣдуете вы?
 Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
 Не потому ль, что въ высшемъ мѣстѣ
 Теперь являться я должна:
 Что я богата и знатна;
 Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ:

Что насъ за то ласкаетъ Дворь?
 Не потому ль, что мой позоръ
 Теперь бы всѣмъ быть замѣчегъ.
 И могъ бы въ обществѣ принести
 Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Таня
 Вы не забыли до сихъ поръ,
 То знайте: колкость вашей брани,
 Холодный, строгій разговоръ,
 Когда бъ въ моей душѣ было власти,
 Я предпочла бъ обидной страсти
 И этимъ писемъ и слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
 Тогда имѣли вы хоть жалость,
 Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
 А нынче!—что къ моимъ ногамъ
 Васъ привело? какая малость!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
 Быть чувства мелкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онегинъ, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои усѣбн въ вихрѣ свѣта,
 Мой модный домъ и вечера,
 Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
 Всю эту ветость маскарада,
 Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онегинъ, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
 Надъ бѣдной пласю мой...»

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба моя
 Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній
 Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость, и прямаи честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?).
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
 Какъ будто громомъ пораженъ.
 Въ такую бурю ощущений
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!

Но шпоръ незаный звонъ раздался,
 И мужъ Татьянинъ показался,
 И здѣсь героя моего,
 Въ минуту, злою для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ,
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давно бъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

[Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенія ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, или острыхъ словъ.
 Или грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ,
 Хотя крупицу могъ найти.
 Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой суетникъ странній,
 И ты, мой вѣрный идеалъ,
 И ты живой и постоянный,
 Хоть малый трудъ. И съ вами зналъ
 Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
 Всѣду сладкую дружбу,
 Промчалось много, много дней
 Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
 И съ ней Онегинъ въ смутномъ свѣ
 Явился впервые мнѣ—
 И даль свободнаго романа
 Я сквозь магической кристалъ
 Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
 Я строфы первая читалъ...
 Нынѣ ужъ вѣтъ, а тѣ далече,
 Какъ Сади нѣкогда свазалъ,
 Безъ нихъ Онегинъ дорисованъ.
 А ты, съ которой образованъ
 Татьяны милый идеалъ...
 О, много, много рогу огъялъ!
 Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
 Оставилъ, не доживъ до дня
 Бокала полного вина,
 Кто не дочелъ ей романа
 И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
 Какъ и съ Онегинымъ моимъ.

ОТВѢТЪ и ТАТЬЯНА-КНЯГНЯ.

Съ акварели Павла Соколова.

Приложенія къ „Евгенію Онѣгину“.

I.

СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА.

Послѣдняя Глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную Главу точками или цифромъ; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Нора: перо покоя просить;
Я девять пѣсень написалъ;
На берегъ радостный выноситьъ

I.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ.
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ,
Онѣгинъ (вновь займется имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ нибудь давно хотѣлъ.

Мою ладью девятый вальсъ —
Хвала вамъ, девяти Камнямъ, и проч.

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и точнымъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ. — Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость оного, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ». [Изъ изд. 1833 г.]

II.

Насвуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ натріотомъ
Дождливой, скучною порою.
Россія, господа, мгновенно
Ему поправилась отъиною,
И рѣшено—ужь онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ.
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ
Святую Русь, ея поля,
Пустыни, грады и моря

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ.

Изъ хранящихся въ библіотекѣ Академіи Художествъ неизданныхъ рисунковъ Николора Чернецова; набросаны во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ въ 1835—1836 г.

III.

Онъ собрался—и слава Богу!
 Июня третьяго числа
 Коляска легкая въ дорогу
 Его по почтѣ повесела.
 Среди равнины полуднкой
 Онъ видитъ Новгородъ Великой:
 Смирлился площади—среди нихъ
 Мязежный колоколь утихъ,
 Но бродить тѣни великановъ:
 Завоеватель Скандинавъ,
 Законодатель Ярославъ,
 Съ четою грозныхъ Иоанновъ,
 И вокругъ поникнувшихъ церквей
 Книшитъ народъ монувшихъ дней.

IV.

Тоска, тоска!... Сибѣицъ Евгенийъ
 Скорѣе далѣе... Теперь
 Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
 Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
 Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
 Беретъ три связки онъ баранокъ:
 Здѣсь покупаетъ туфли,— тамъ
 По гордымъ волжскимъ берегамъ
 Онъ свачаетъ сонный. Кони мчатся
 То по горамъ, то вдоль рѣки:
 Мелькаютъ версты; ямщики
 Ноютъ, и свищутъ, и бранятся;
 Ныль вьется.— Вотъ Евгенийъ мой
 Въ Москвѣ проснулся на Тверской.

V.

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
 Своей снѣговой суетой,
 Своими дѣвами прельщаетъ,
 Стерляжей потчуетъ ухой.
 Въ палатѣ англійскаго клоба
 (Народныхъ засѣданій проба),
 Безмолвно въ думу погружень,
 О кашахъ преня слышитъ онъ.
 Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуютъ
 Разпорѣчивая молва.
 Нимъ занимается Москва,
 Его ниномъ именуютъ;
 Слагаетъ въ честь его стихи
 И производятъ въ женши.

VI.

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочетъ,
 Въ отчизну Минина! Предъ нимъ
 Макареви суетно хлопочетъ,
 Книшитъ обиліемъ своимъ.
 Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
 Подѣльны вина Европеецъ,
 Табуль бракованныхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей,
 Ирокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей,
 Помѣщикъ—сѣбыхъ дочерей,
 А дочки—прошлогодни моды.
 Всю суетится, жетъ за двухъ
 И всюду меркантильный духъ.

ВОЛГА НА ГРАНИЦѢ НИЖЕГОРОДСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

БУТОРЪ СТЕНЫ КИ РАЗИНА.

АСТРАХАНЬ.

VII.

Тоска!... Евгений ждёт погоды.
 Ужъ Волга—рѣкъ, озеро краса —
 Его зоветъ на пышны воды
 Подъ полотняны паруса.
 Взманить охотнива не трудно;
 Паявъ кучечское судно,
 Поплыль онъ быстро внизъ рѣки.
 Надулась Волга; бурлаки,
 Оперивсь на багры стальные,
 Упивнымъ голосомъ поютъ
 Про готъ разбойничій приютъ,
 Про тѣ разбѣзды удалые,
 Какъ Степка Разинъ встарину
 Кровавиль волжскую волну;

VIII.

Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
 Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
 Среди стеной своихъ песчаныхъ,
 На берегу соленыхъ водъ
 Торговый Астрахань открылся.
 Онегинъ только углубился
 Въ воспоминанье прошлыхъ дней,
 Какъ жаръ полуденныхъ лучей
 И комаровъ пахальныхъ тучи,
 Нища, жужжа со всѣхъ сторонъ,
 Его встрѣчаютъ—и, взбѣшенъ,
 Каспійскихъ водъ берега сыпучи
 Онъ оставляетъ тотъ же часъ
 Тоска!... Онъ ѣдетъ на Кавказъ.

IX.

Онъ видитъ, Терекъ своеправный
 Крутые роетъ берега;
 Предъ нимъ царить орелъ державный.
 Стоитъ олень, склонивъ рога;
 Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
 Въ дугахъ несется конь Черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
 Насутся овцы Калмыковъ.
 Въ дали—Кавказскія громады:
 Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
 За нхъ естественную грань,
 Чрезъ нхъ опасныя преграды:
 Брега Арагвы и Куры
 Узрѣли Русскіе шатры.

X.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣпенный холмами вокругъ,
 Стоитъ Бешту острокопечный
 И зеленѣющій Машукъ,
 Машукъ податель струи дѣлебныхъ:
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ тѣшится блѣдный рой:
 Кто жертва чести боевой,
 Кто Печензя, кто Киприды;
 Страдалецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпшитъ,
 Кокетка злыхъ годовъ обиды
 На дѣбъ оставить, а старикъ
 Помолодѣть—хотя на мигъ.

ЦЫГНОРСКЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Черисовыхъ (1835—1836).

ТЕРЕКЪ.

Изъ изданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.г.).

СЛИШЕ, КУРЫ И АРАГВЫ.

Изъ изданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.г.).

ТАТАРСКАЯ ХИЖИНА ВЪ КРЫМУ.

Изъ издаваемыхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

XI.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгнѣ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не дилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель!
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель,
И я, какъ эти господа,
Надежду могъ бы знать тогда!

XII.

«Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто
боленъ!»

«Надъ шымъ лежитъ судьбы рука.
«Но я здоровъ, я молодъ, волею,
«Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...»
Простите, сибирскихъ горъ вершины,
И вы, кубанскія равнины!
Онѣ ѣдетъ къ берегамъ шымъ.
Онѣ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.

XIII.

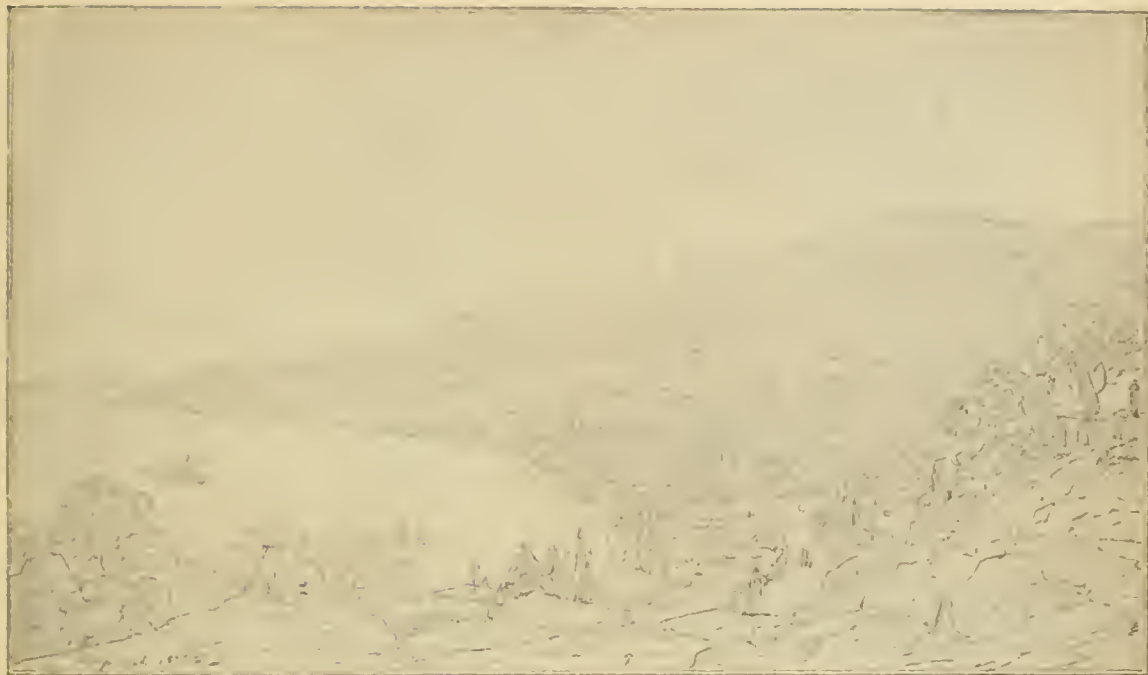
Воображенью край священный!
Съ Атридомъ спорить тамъ Пилладъ,
Тамъ заколося Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Лилву воспоминалъ.

XIV.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревень, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хиженокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волнебною тоскою
Стѣнилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

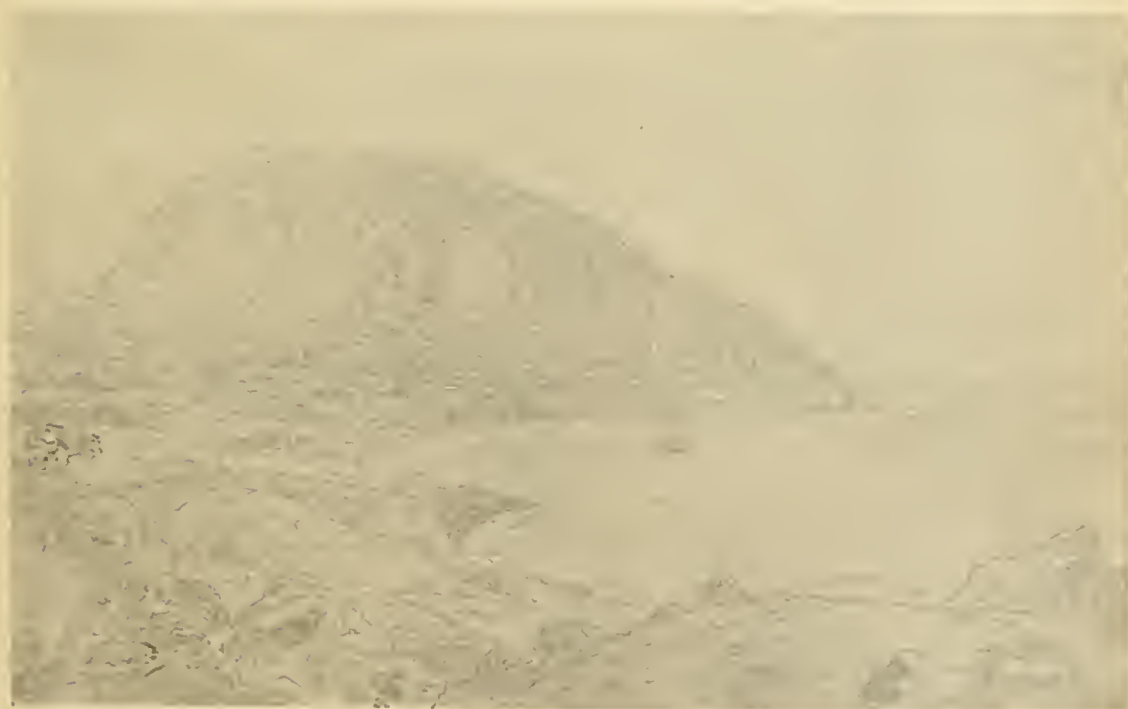
XV.

Какія бѣ чувства ни тапались,
Тогда во мнѣ—теперь ихъ пѣть:
Они прошли или измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, воли край жемчужины,
И моря шумъ, и груди скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны:
Смирлились вы, моеи песни
Высокочарная мечтанья,
И въ поэтической бокаль
Воды я много подмѣшалъ.

ГУРЗУФЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

ВІДЪ НА ЛЮДАГЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

XVI.

Нinya пужны миѢ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ пзбушкой двѣ рябины,
 Капитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи—
 Да прудъ подъ сѣнью нѣтъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила миѢ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака.
 Мой идеалъ теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
 Да шей горшокъ, да самъ большой.

XVII.

Порой дождливою намени
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тыфу! прозаическій бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я, развѣталъ?
 Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
 Такія ль мысли миѢ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ...
 Средь пыльныхъ, опустѣлыхъ залъ,
 Спустия три года, велѣдъ за мною,
 Скитаясь въ той же сторонѣ,
 Онѣгннхъ вспомнилъ обо миѢ.

XVIII.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Тамъ долго ясны небеса,
 Тамъ хлопотливо торгъ обильной
 Свои подьмелеть паруса;
 Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
 Разнообразиемъ живою.
 Языкъ Италіи златой
 Звучитъ по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
 Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
 И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
 И сынъ Египетской земли,
 Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

XIX.

Одессу звучными стихами
 Нашъ другъ Туманскій описалъ,
 Но онъ пристрастными глазами
 Въ то время на нее взиралъ.
 Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
 Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
 Одинъ надъ моремъ—и потомъ
 Очаровательнымъ перомъ
 Сады Одесскіе прославилъ.
 Все хорошо, но дѣло въ томъ,
 Что степь пагая тамъ кругомъ;
 Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
 Младья вѣтви въ знойный день
 Давать насильственную тѣнь.

XX.

А гдѣ, бинь, мой рассказъ несвязной?
 Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
 Я бь могъ сказать: въ Одессѣ грязной—
 И тутъ бы право не солгалъ.
 Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
 По велѣ бурнаго Зевеса,
 Потоплена, запружена,
 Въ густой грязи погружена.
 ВеѢ дома на аршинъ загрязнутъ;
 Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
 По улицѣ держаетъ въ бродѣ;
 Кареты, люди тонуть, вязнутъ,
 И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
 Смѣняетъ хилаго коня.

XXI.

Но ужъ дробить камня молотъ,
 И скоро звонкой мостовой
 Покроется свасенный городъ,
 Какъ будто кованный броней.
 Однако въ сей Одессѣ влажной
 Еще есть недостатокъ важной;
 Чегобъ вы думали?—воды.
 Потребны тяжкіе труды...
 Что жъ? это небольшое горе?
 Особенно, когда вино
 Безъ пошлнны привезено.
 Но солнце южное, по море...
 Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
 Благословенные края!

XXII.

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянет съ корабля,
Съ крутого берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чапекъ звонъ
Тамъ раздастся; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца

XXIII.

Глядишь и площадь заперѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

XXIV.

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ,
Затворицъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ. 49
Часы летать, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растеть.

XXV.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ снѣій,
Пора намъ въ Оперу ескорѣй:
Тамъ учительный Россини,
Европы баловень-Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Онъ текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуй молодые,
Все въ нѣтъ, въ пламени любви,
Какъ закипѣвшего Ли
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

XXVI.

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima dona? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистаетъ,
Негоціанка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закринитъ,
Зѣвнетъ—и снова захрипитъ.

XXVII.

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣзды;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его неволью затвердивъ,
А мы редемъ речитативъ
Но поздно. Тихо спитъ Одесса:
И бездыханна и теня
Шѣмая почъ. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;
Лишь Море Черное шумитъ...

ЛѢСЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТИ ТРИГОРСКАГО.

Картина В. Максимова (1899).

XXVIII.

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ
Средь повизбравшихъ друзей,
Забывъ в сумрачномъ повѣсѣ,
Героѣ повѣсти моеи.
Онѣгнинъ никогда со мною
Не хвасталъ дружбой почтовою.
А я, счастливый человѣкъ,
Не переносился въѣвъ
Ни съ вѣмъ. Какимъ же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда во мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заехали друзья,
И какъ обрадовался я!

XXIX.

Святая дружба! Дать патуры!
Взглянуть другъ на друга, потомъ,
Какъ Цыцероновы антуры,
Мы размысливъ тинкомъ...

.....
.....

XXX.

Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походы.
Онѣгнинъ, очень охлажденный
И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
Пустился къ певскимъ берегамъ,
А я отъ мыныхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ вперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далевій сѣверный уздѣ —
И былъ печальнѣ мой привѣдъ.

XXXI.

О, гдѣ бы судьба ни назначала
Мнѣ безымянный уголокъ,
Гдѣ бы ни былъ я, куда бы ни мчала
Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бы ни сулила,
Гдѣ бы ни ждала меня могилъ,

БЕРЕГА СОРОТН У ТРИГОРСКАГО.

Картина В. Максимова (1899)

Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
 Благословно моихъ друзей.
 Ибѣтъ, ибѣтъ! Нигдѣ не позабуду
 Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей.
 Вдали, одиночь, среди людей
 Вообразать я вѣчно буду
 Васъ, тѣни прибрежныхъ нивъ,
 Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ.

XXXII.

И берегъ Соротн отлогій,
 И полосатые холмы,

И въ рошѣ скрытыя дороги,
 И домъ, гдѣ шировали мы,—
 Приютъ, сіяемъ музъ одѣтый,
 Младымъ Языковымъ восиѣтый,
 Когда изъ капища наукъ
 Явился онъ въ нашу сельскій кругъ
 И воды Соротн прославилъ,
 И огласилъ поля кругомъ
 Очаровательнымъ стихомъ.
 Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
 И вѣтру въ даръ, на темнѣ ель
 Повѣсилъ звонкую свирѣль.

II.

АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

[Относится къ зачеркнутой XXII строфѣ VII главы].

XXII.

Опрятно по краямъ окованъ,
 Позолоченнымъ серебромъ,
 Онъ былъ изписанъ, изрисованъ
 Рукѣй Онегина кругомъ.
 Межъ непонятнаго мараля
 Мелькали мысли, замѣчанья,

Портреты, числа, имена,
 Да буквы, тайны письма,
 Отрывки, письма черновыя,
 И словомъ,—пекреній журналъ,
 Въ который душу изливалъ
 Онегинъ въ дни свои молодые,
 Дневникъ мечтаний и проказъ.
 Кой-что я выпишу для васъ.

Альбомъ Опышна.

1.

Меня не любить и клевету
 Въ кругу мужчинъ неспосенъ я
 Дѣвочки предо мной трепещутъ —
 Косятся дамы на меня
 За что? за то, что разговоры
 Пріять мы рады за дѣла
 Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
 Что глупость вѣтрена и зла
 Что пылкихъ дунъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Пль оскорбляетъ пль смѣшить,
 Что умъ любя просторъ тѣснить.

2.

Бонтесь вы Граф[ини]—овой
 Сказала мнѣ Элиза В.
 Да, возразилъ Н. Н. суровый,
 Боимся мы Гр-[афини]—овой;
 Какъ вы бонтесь наука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
 Вотъ напримѣръ: Предъ каждымъ сномъ
 Молись; бѣги путей лукавыхъ;
 Чти Бога и не спорь съ глупцомъ.

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
 Въ ручѣ Кавказскомъ каменьетъ;
 Въ волненьѣ жизни такъ мертветъ
 И вѣтреной и пѣкный правъ.

5.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ
 Довольно пусто было въ залѣ—
 Р. С. какъ Ангель хороша:
 Какая вольность въ обхожденьѣ!
 Въ улыбкѣ, въ томномъ глазѣ движенъи
 Каканъ пѣга и дуна!
 (Она сказала, Nota bene,—
 Что завтра ѣдетъ къ Селищенѣ)

6.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.
 Давно желала я васъ видѣть
 Зачѣмъ?—мнѣ говорили всѣ,
 Что я васъ буду ненавидѣть.
 За что?—за рѣзкій разговоръ,
 За легкомысленное мнѣнье
 О всемъ; за колкое презрѣнье
 Ко всѣмъ; однако жъ это вздоръ

Вы падо мной смѣяться властны,
 Но вы совсемъ не такъ опасны
 И знали ль вы до сей поры,
 Что просто—очень вы добры?—

7

Сокровища роднаго слова
 Забѣтать важные умы
 Для лепетанія чужаго
 Безумно пренебрегли мы
 Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
 Чужихъ парбчій погрешки
 А не читаемъ книгъ своихъ—
 Да гдѣ жъ они? дадите ихъ.
 А гдѣ мы первыя познанья
 И мысли первыя нашли
 Гдѣ повѣряли испытанья
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли
 Не въ переводахъ одичалыхъ
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ
 Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
 Зады твердить и жечь за двухъ.

8.

Морозъ и солнце! чудный день —
 Но напимъ дамамъ видно лѣнь
 Сойти съ крыльца и пады Невою
 Блеснуть холодной красотою—
 Сидять—напрасно ихъ манить
 Пескомъ усыпанный граиць.
 Умна восточная система,
 И правъ обычай стариковъ;
 Онѣ родились для Гарема
 Пль для неволн теремовъ.

9.

(Вчера, у В.)—оставя ширъ
 Р. С. летѣла какъ Зефиръ,
 Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
 А мы по лаковымъ ступенямъ
 Летѣли шумною толпой
 За Одапской молодой
 Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
 Я отъ нее поймать успѣлъ;
 Я чернымъ сободемъ одѣлъ
 Ея блистающія плечи
 На кудри милой головы
 Я палъ зеленую накинулъ;
 Я предъ Венерою Невы
 Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

. . . . я васъ люблю, etc.

11.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса;
(Онъ важенъ); красить волосы;
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

12.

Когда бы грузъ меня гнетущій
Былъ страсть, нещастіе . . . . .
Такъ, напряжемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду спесемъ душою гордой,
Печаль надеждой усладимъ...
На скуку? чѣмъ ее смиримъ?

13.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первая три буквы:
К—д—ю—кдю... возможно ль? кдюкы!

14.

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждого глупца,
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго страдца;
Но въ кучкѣ какъ-то мудрено
Всѣхъ вмѣстѣ презирать и трудно
Ихъ энграммы площадныя
Изъ Виврианы занятая..

15.

Строгій свѣтъ
Смягчить свои предубѣжденья
Нли проститъ мнѣ заблужденья,
Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ...

16.

Порой [одно] воспоминанье
Какъ тѣшь опять бѣжитъ ко мнѣ...
. . . . .
Грызеть мнѣ сердце въ тишинѣ.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ ВО ВРЕМЕНА ЕВГЕНІЯ ОНЬГИНА.

ПРИМЕЧАНИЯ ПУШКИНА КЪ «ЕВГЕНИЮ ОНЬГИНУ».

[Изъ изданій отдѣльныхъ главъ и изъ полнаго изданія всего романа—Спб., 1833].

1) Писано въ Бессарабіи.

2) Dandy—французъ.

3) Мифіе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ плавинскій Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex ponto*, онъ ясно означаетъ мѣсто пребыванія городъ *Томы* при самомъ устьѣ Дуная. Столь же несправедливо и мифіе Вольтера, полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки умечнаго не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti: culpa silenda mihi.

4) *Shelina à la Bolivar.*

5) Извѣстный рестораторъ.

6) Черта охлажденнаго чувства, достойная Чарльда-Гарольда. Балеты в. Дидло неполночны живости воображенія и прелести необыкновенной. Овидій изъ нашихъ романтическихъ писателей находить въ нихъ гораздо болѣе Норзінъ, нежели во всей Французской Литературѣ.

7) *Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vorgette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à rompre de blanc les creux de sa peau.*

Confessions de J. J. Rousseau.

Гриммъ опередилъ свой пѣкъ: пѣкъ по всей просвѣщенной Европѣ чистять ногти особенной щеточкой.

8) Нельзя не пожалѣть, что наши писатели единicomъ рѣшю спрашиваютъ съ Словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ почитательной полнѣ Екатерины и просвѣщеннаго труда насѣдниковъ Ломоносова, Строганыхъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣшю:

«Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для

языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иностранцевъ. Наша, безъ сомнѣній участливая, судьба, во всѣхъ отношеніяхъ есть какъ-то необыкновенная скоростъ; мы зрѣмъ не въками, а десятилѣтіями. Италия, Франція, Англія, Германія славилась уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря; мы имѣли церковныя, духовныя книги; мы имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Алевизандра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?... Екатерина, любви славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную главу разума, приносила себѣ счастливыи плоды трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благовожденіемъ, коимъ Она умѣла награждать все достоважное, и которое осталось для насъ, милостивые государи, незабвеннымъ, драгоценнѣйшимъ воспоминаніемъ.

9) Вся сія прощеская строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснѣйшымъ нашимъ соотечественникамъ. Такъ Буало, подъ именемъ корнизи, хвалитъ Людовика XIV. Наши дѣла соединяють просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту правды съ этою восточною прелестію, столь извѣстною г-ву Сталь. (*См. Dix ans d'éril*).

10) Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гиббича:

«Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы
облакъ.

Безъ зѣбды и безъ мѣсяца вел озарится дальность.

На взморьѣ далеко съребристыя видны вѣтрица
Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.

Синѣемъ безумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сдвигается съ златомъ востока;
Какъ будто девица за вечеромъ слѣдомъ выводитъ

Румяное утро. Была то година злата,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иностранца на сѣверномъ небѣ плывающей
Синѣе полубоное тѣни и сладкаго свѣта,
Кавимъ никогда не увращено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алые щеки

Едва отблѣяются русыми локонамъ пошамн,
Тогда надъ Невой и надъ пыльнымъ Петрополемъ
видать

Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончить,
И пѣсни заводить, прилетѣтуя день восходящій.
Но поздно; повѣвала свѣжесть на Невскій тундры;
Роса опустылаась;

Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячно веселье;

Нева не колеблется; разбѣхались гости градскіе;
Ни глаза на брегахъ, ни зѣбы на водахъ, все тихо;
Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ пробѣжить палъ
водою;

Лишь крикъ протѣженный изъ дальней промчится
деревни,

Гдѣ въ ночь оклибается ратная стража со стражей.
Все спитъ . . . . . »

11) Вѣшь боишно благосклонноу
Зрѣтъ восторженнѣйшій пѣтъ,
Что проводить ночь безсонноу,
Опернича на транштъ.

(*Муравьевъ, Битвы Невы*).

12) Писано въ Одессѣ.

13) Авторъ, съ стороны матери, происхожденіи Африканскаго. Его прадедъ, Абрамъ Петровичъ Анибаль изъ 8-мъ году своего возраста былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, взявъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Вѣдѣвъ за нѣмъ брать его призвалъ сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ I не согласился возратить своего крестника. До глубокой старости Анибаль помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, брата, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лизань*, которую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.

18-ти лѣтъ отъ роду Анибаль посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленною головою и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ поотдѣльно при особѣ Императора. Въ царствованіе Анны, Анибаль, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подѣ благодѣтельнымъ предлогомъ. Паскуа бездѣлетомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и двинулся къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Анибаль удалился въ свой помѣсть, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считался въ службѣ и въ Сибири. Елисавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Анибаль умеръ уже въ царствованіе Екатерины, уволенный отъ важныхъ знатнѣй службъ съ чинномъ Генераль-Аншефа, на 92 г. отъ рожденія *).

Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Анибала извѣстна только по семейственнымъ преданіямъ.

Сынъ его Генераль-лейтенантъ П. А. Анибаль принадлежить безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 г.)

14) Всѣ пропуски въ семь сочиненіи, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ.

15) Изъ первой части Дибировскаго Русалки.

16) Сладкозвучнѣйшіи греческіи имена, каковыя, наиримѣръ: Агафонъ, Филать, Федора, Фекла и проч., употребляются у насъ только между прощолоннами.

17) Грациозонъ и Ловласъ, герои двухъ славыныхъ романовъ.

18) Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherois dans l'habitude. Шатобрианъ.

*) Мы современемъ наѣмемъ издать полную его біографію.

19) Бѣднѣй Горикъ!—восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута (См. Шекспира и Стерна).

20) Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*, было ошибкою напечатано *зимой летятъ* (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. Смыслъ увѣрять, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

21) Юлія Вольмаръ, Новая Элоиза, Малекъ-Адель—герои посредственнаго романа М-ше Cottin. Густавъ де-Шюръ, герой предѣстной повѣсти Баронессы Крюднеръ.

22) Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмотъ, гениальное произведеніе Матюрна. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Поде.

23) *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*. Скромный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

24) Журналъ, пѣсноподъ издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно несправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ *улыалъ*.

25) Е. А. Баратынскій.

26) Четвертая и пятая Главы вышли въ свѣтъ, съ слѣдующимъ посвященіемъ П. А. Плетневу: [См. т. III, стр. 269. *Ред.*].

27) Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дьявою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дьявошками!*

28) «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ». Справедливо.

29) Въ лѣта красная моп
Поэтическій Ан
Правился мнѣ пѣной шумной,
Смѣхъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.
(*Посланіе къ Л. П.*)

30) Августъ Лафонтенъ. Авторъ множества семейственныхъ романовъ.

31) См.: *Первый стихъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

32) См. описанія Финляндской Зимы въ Эдѣ Баратынскаго.

33) Зовешь котъ кошку
Въ пещурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

34) Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

35) Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ*, *молявъ* и *тонъ*, какъ неудачное пововеденіе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую моль и коневій тонъ». (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*). *Хлопъ* употребляется въ просторѣчій вмѣсто *хлопанія*, какъ *интъ* вмѣсто *шипѣнія*.

Онъ интъ пустилъ по змѣному
(*Древнія Русскія стихотворенія*).

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

36) Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопрістойность.

37) Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задки, почтеннаго человека, не инаважнаго никакимъ гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

38) Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:
Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою—
и проч.

39) Буяновъ мой сосѣдь

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми
усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ
козырькомъ...
(*Опасный Сосѣдь*).

40) Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

41) Парижскій рестораторъ.

42) Стихъ Грибоѣдова.

43) Славный ружейный мастеръ.

44) Въ первомъ изданіи шестая глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновеніе.

[и т. д.—см. стр. 294—95, строфы XLVI и XLVII *Ред.*].

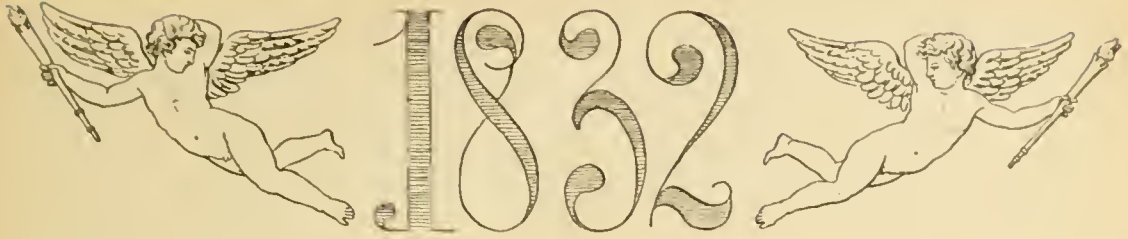
45) Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

46) Дороги наши—садъ для глазъ
Деревя, съ дерномъ валь, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проѣзда нѣтъ подъ часъ.
Съ деревевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыня;
Дорога, скажешь, хороша—
И вспомнишь стихъ: для *проходящихъ!*
Свободна Русская Вѣда
Въ духъ только случаяхъ: когда
Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
Зима свершитъ, треща отъ глѣва,
Онустонительный набѣтъ,
Путь окуеть чугуномъ льдистымъ,
И заноронитъ ранній снѣгъ
Снѣды ея пескомъ цинистымъ.
Или когда поля проймаютъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ дужу можетъ въ бродъ
Проить, глаза закуривъ, муха.
(*Станція. Князь Вяземскій*).

47) Сравненіе, замѣтованное у К**, столь извѣтнаго шривостию воображенія. К... рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ бѣжалъ такъ скоро, что шлага его, высунувшись концемъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по столбу.

48) *Rout*, вечернее собраніе безъ танцевъ собственно значитъ толпа.

49) Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

686. ПѢТЬ, Я НЕ ДОРОЖУ МЯТЕЖНЫМЪ НАСЛАЖДЕНЬЕМЪ.

ПѢТЬ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
 Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
 Стенавьемъ, криками вакханки молодой,
 Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
 Порывомъ пылкихъ ласкъ и лзвою лобзаній
 Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О какъ милѣе ты, смиренница моя,
 О какъ мучительно тобою счастливъ я,
 Когда, склонясь на долгія моленья,
 Ты предаешься мнѣ пѣжиа безъ уноенья,
 Стыдливо холодна, восторгу моему
 Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
 И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
 И дѣлши наконецъ мой пламень по-неволѣ.

687. ВЪ ТРЕВОГѢ ПЕСТРОИ И БЕЗПЛОДНОЙ.

[Въ Альбомѣ А. О. Россети].

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
 Большого свѣта и Двора
 Я сохранила взоръ холодный,
 Простое сердце, умъ свободный
 И правды пламень благородный,
 И какъ дитя была добра,
 Смѣялась надъ толпою вздорной—
 Судила здраво и свѣтло,
 И шутки злости самой черной
 Писала прямо на-бѣло.

688. ГОНИМЫЙ РОКА САМОВЛАСТЬЕМЪ.

[Въ Альбомѣ].

Гонимый рока самовластьемъ
 Отъ пышной далеко Москвы,
 Я буду вспоминать съ участьемъ
 То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
 Столичный шумъ меня тревожитъ;
 Всегда въ немъ грустно я живу—
 И ваша память только можетъ
 Одна напомнить мнѣ Москву.

689. НѢТЬ, НѢТЬ, НЕ ДОЛЖЕНЪ Я, НЕ СМѢЮ, НЕ МОГУ.

НѢТЬ, нѢТЬ, не долженъ я, не смѢЮ,
не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
НѢТЬ, полно мнѣ любить! Но почему жъ
порой
Не погружуся я въ мнѹтное мечтанье,
Когда печально пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?

Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно
мнѣ,
Любуясь дѣвою въ томлени сладострастья,
Глазѣмъ слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни
сей:
Веселья, миръ души, безнечные досуги,
Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

690. ВЪ ЕВРЕЙСКОЙ ХИЖИНѢ ЛАМПАДА [не закончено].

Въ Еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ Библию. Сѣдые
На книгу падаютъ влася.
Падъ колыбелию пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, glavой
Попикнувъ, молодой Еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.

Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ, и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣбною почю;
Еврейской хижинѣ одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольѣ городекой
Бьетъ полночь.—Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ—семья вздрогнула.
Младой Еврей вскачетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ—
И входитъ незнакомый странникъ...

691. А Л Ы Ф О Н С Ъ [не закончено].

Альфонсъ садится на коня;
Ему хожинъ держитъ стремля,
«Сеньоръ, послушайте меня:
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека,
Останьтесь здѣсь: готовъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть—покой вамъ нуженъ,
А къ стойлу тянется вашъ конь.»
— «Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ, и ночью—быль бы путь»,
Тотъ отвѣчаетъ.—«Неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я дворянинъ: ни чертъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда сиѣну на службу я.»
И донъ-Альфонсъ коню далъ шперы,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Одна идетъ дорога въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ.
Вогъ выѣзжаетъ онъ въ долину...
Какую жъ видитъ онъ картину?

Кругомъ пустыня, дичь и голь,
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголь томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Вагата черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подѣхалъ онъ.

То были труны двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями небо ихъ мочило,
А солнце знойное сушило.
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И пла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мѣя своимъ врагамъ...
Альфонсовъ конь всхрапѣлъ—и бокомъ
Прошелъ ихъ мимо—и потомъ
Понесся рѣзво легкимъ скокомъ
Съ своимъ безстрашнымъ сѣдокомъ.

КНЯЖНА АННА ДАВЫДОВНА АБАМЕЛЕКЪ,
позднѣ БАРАТЫНСКАЯ.

692. КОГДА-ТО, ПОМНЮ, СЪ УМНЕНЬЕМЪ.
[Князь А. Д. Абамелекъ].

Когда-то, помню, съ умненьемъ,
Я смѣлъ васъ паянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы развѣли съ благоговѣньемъ
Вамъ нишѣ поклонюсь я,
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ поцусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

693. И ДАЛѢ МЫ ПОШЛИ. [Подражаніе Данту].

I.

И далѣ мы пошли—и страхъ обнялъ меня,
 Бѣспокоѣ, подѣ себя поджавъ свое копыто,
 Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капаль жиръ въ конченое корыто,
 И лопаль на огнѣ печеный ростовщикъ.
 А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
 Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
 Жиръ должниковъ своихъ сосаль сей злой старикъ.
 И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.

Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
 «О, если бѣ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ,

«О, если бѣ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
 «Сто на сто я терплю: процентъ немовѣрный!»

Тутъ звучно лопнулъ огъ—я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
 Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
 Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрною.

Я, носѣ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
 Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
 И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,
 Сошли мы внизъ—и я узѣрлъ себя въ подвалѣ..

II.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
 Подобный издали ватагѣ муравьиной;
 И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
 Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
 И разлегалася надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуиъ ядра,
 Пустили внизъ его смердящими когтями.
 Ядро запрыгало—и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колочими звѣздами;
 Тогда другихъ чертей петерифливый рой
 За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подѣ-руку жену съ ея сестрой,
 И обняли ихъ, и внизъ ихнули съ крикомъ—
 И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ волнѣ дикомъ:
 Стекло ихъ рѣзало, вивалось въ тѣло имъ—
 А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ.

694. ДОЛГО СИХЪ ЛИСТОВЪ ЗАВѢТНЫХЪ. [Въ Альбомѣ].

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
 Не касался я перомъ;
 Винавать, въ столѣ моемъ
 Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
 Залежался твой альбомъ.
 Въ именины, очень кстати,
 Пожелать тебѣ я радъ

Много всякой благодати,
 Много сладостныхъ отрадъ,
 На Парнасѣ много грома,
 Въ жизни много тихихъ дней,
 И на совѣти твоей
 Ни единого альбома
 Отъ красавиць, отъ друзей.

ПОСЛѢ ССЫЛКИ ВЪ МОСКВѢ.

При самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ встрѣтилъ Пушкинъ 1826 годъ. Началось слѣдствіе надъ декабристами, и Пушкинъ боялся, что оно не только помѣшаетъ его освобожденію изъ Михайловскаго, о которомъ онъ уже давно сталъ хлопотать, но, пожалуй, задѣнетъ его гораздо ближе. «Я отъ жандарма еще не ушелъ»,—писалъ онъ Жуковскому въ январѣ. Пушкинъ былъ увѣренъ, что правительство не сможетъ заподозрить его въ участіи въ заговорѣ, но боялся кары за «недовеселіе»,—хотя «кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ?» И поэтъ былъ «готовъ условиваться» съ правительствомъ и хотѣлъ выговорить себѣ почетныя «условія сдачи»: «мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства». Дельвигу онъ вскорѣ писалъ уже нѣсколько умѣривъ тонъ, что «волиѣ и искренно желалъ бы примириться съ правительствомъ, и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны». Серьезно думая, что правительство намѣрено договариваться съ нимъ объ условіяхъ каинтуляціи, онъ послалъ Жуковскому официальное письмо (17 марта), которое тотъ долженъ былъ показать молодому царю. «Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный»,—писалъ Пушкинъ,—«я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости». Конечно, представить Николаю Павловичу такого письма Жуковскій не хотѣлъ въ интересахъ самого Пушкина и указалъ ему, откуда можно ждать бѣды: «ты ни въ чемъ не замѣшаешь—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находится стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ». Помимо этого, сами декабристы говорили о вліяніи на нихъ

Пушкина. «Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ»,—писалъ Николаю Павловичу баронъ Штейнфельдъ—«не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущими свободой?» Другой декабристъ, А. В. Поджіо, говори о Рыльцевѣ, показавъ, что онъ хотѣлъ «дѣйствовать на умъ народа сочиненіемъ нѣсенъ, народіями существующихъ шпыхъ на подобіе «Боже, спаси Царя», Пушкинымъ пародированной...¹⁾». Вяземскій, которому Пушкинъ писалъ (27 мая): «если царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь» (въ Россіи), совѣтовалъ ему (письмо 12 іюня): «написалъ бы къ государю письмо искреннее, убѣдительное; сознался бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однакоже, что поетунки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣль и невредимъ въ общую бурю; обѣщалъ бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятія, которыя могутъ быть признаваемы, (а цуще всего едержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петерб., Москву или чужіе края». Пушкинъ отвѣчалъ (10 іюля): «я уже писалъ Царю тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключающаго прошеніе точно твоими словами. Иду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перенесѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бы я

¹⁾ П. Е. Щеголевъ, «Катехизисъ Сербія Муравьева-Апостола»—«Минувшіе Годы» 1908 г., ноябрь, 52. По мнѣнію Щеголева, показаніемъ Поджіо «устанавливается авторство Пушкина». Непонятно, почему г. Щеголевъ принимаетъ безъ критики показаніе Поджіо, который могъ (и вѣрнѣе всего, такъ оно и было) добросовѣстно ошибаться, считая Пушкина авторомъ пародіи. Что только не приписывалось популярному поэту!

былъ потребовать комиссіей, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и, кажется, это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ». Къ слѣдствію Пушкина не привлекли. Историкъ декабрьскаго движенія П. Е. Щеголевъ рассказываетъ 2), что, «задавая на основаніи показанія Поджіо (о Пушкинѣ) вопросъ привлеченнымъ къ дѣлу, комиссія его слова такъ и поняла, что Пушкинъ былъ на собраніи и на собраніи же пародировалъ «Боже, спаси царя». Такъ какъ собраніе это происходило въ Петербургѣ въ 1823 г., то самой слѣдственной комиссіи, вѣроятно, нетрудно было установить его alibi. Во всякомъ случаѣ, правительство далеко не считало его безвѣстнымъ. По такому невинному поводу, какъ принятіе на себя П. А. Плетневымъ наблюденія за печатаніемъ стиховъ Пушкина, возникла секретная официальная переписка, и за благонамѣреннѣйшимъ Плетневымъ былъ установленъ надзоръ 3). Еще въ началѣ 1826 г. секретный агентъ, по разказу Анненкова 4), при проѣздѣ черезъ Псковъ съобщилъ тамъ «точные и положительные свѣдѣнія» о поэтѣ. При всей бдительности, мѣстные власти не замѣчали ничего предосудительнаго въ жизни поднадзорнаго Михайловскаго отшельника. Друзья Пушкина были увѣрены, что онъ будетъ освобожденъ изъ ссылки. «Пушкина вѣрно пустятъ на все четыре стороны» — писалъ П. А. Осиповъ Дельвигу 5), — «но надо сперва кончить съ судомъ» 6). Отецъ поэта говорилъ П. П. Липранди 6), что Пушкину разрѣшать проѣздъ въ Петербургъ за поручительствомъ отца. Конечъ и хлопотамъ и сомнѣніямъ положило посланное Пушкинымъ государю прошеніе, дѣйствительно сходное съ тѣмъ, которое было предложено Вяземкамъ, съ той лишь разницей, что Пушкинъ былъ въ своемъ прошеніи относительно довольно сдержанъ. Изложивъ въ нѣсколькихъ строкахъ исторію своей ссылки въ деревню за «легкомысленное сужденіе касательно аюензма», Пушкинъ писалъ: «съ надеждой на великодушіе в. и в., съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моимъ мнѣніямъ общепринятому по-

рядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ в. и в. со всеподданнѣйшею моею просьбою». И, ссылаясь на болѣзнь, Пушкинъ просилъ позволенія ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу 7). Въ связи съ удостовѣреніемъ генераль-губернатора, что «Пушкинъ ведетъ себя хорошо» 8), и хлопотами петербургскихъ друзей, прошеніе рѣшило судьбу Пушкина.

Между тѣмъ, кончилось трагическимъ финаломъ дѣло декабристовъ. Казнь пяти человекъ, въ числѣ которыхъ былъ Рыльцевъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Пушкина, произвела на поэта тяжелое впечатлѣніе. Вяземскому, который напелъ его письмо къ царю «сухимъ и холоднымъ», онъ отвѣтилъ (14 августа): «иначе и быть не возможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы». Но и этого было достаточно. Прошенію былъ данъ ходъ 9), и результаты обнаружился не только быстро, но и совершенно неожиданно.

28 августа, черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, состоялось высочайшее повелѣніе, которое начальникъ главнаго штаба Дибичъ записалъ такъ: «Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта» 10). Черезъ три дня Дибичъ послалъ сообщеніе объ этомъ псковскому губернатору. Оно было получено въ Псковѣ 3 сентября. Трудно сказать, связывалъ ли Пушкинъ разрѣшеніе своей просьбы объ освобожденіи изъ ссылки съ коронаціей, но въ его черновой тетради сохранилась карандашная пометка: «1-го сентября 1826, изв. о коронаціи» 11). Вечеромъ 3 сентября Пушкинъ получилъ отъ псковскаго губернатора Адеркаса письмо съ просьбой проѣхать немедленно; привезшій письмо посланецъ въ тотъ же вечеръ увезъ поэта въ Псковъ, гдѣ его ждалъ прибывшій изъ Москвы фельдъегерь. Пушкинъ едва успѣлъ набросить на плечи шинель и захватить съ собою деньги и шутиливо успокаивалъ горько

7) Анненковъ, «И. въ Александр. эпоху», 313—316.

8) Ibid., 319—320; «Русс. Стар.» 1908 г., октябрь, 116.

9) 30 июля генераль-губернаторъ маршалъ Ф. О. Пауллуччи отправилъ его графу К. В. Песельероде (ibid.).

10) Анненковъ, И. въ Александр. эпоху, 321.

11) «Русс. Стар.» 1884 г., май, 339.

2) Тамъ же.

3) Я. К. Гротъ, «И. его лиценскіе товарищи и наставники», СИБ., 1899 г., стр. 233—236; «Русс. Стар.» 1889 г., июль, 309—310.

4) «И. въ Александровскую эпоху», 320.

5) Ibid., 317.

6) Русс. Арх. 1866 г., стр. 1487.

плакательную пилю: «не плачь, мама, сыты будемъ; дарь хоть куда ни пошлеть, а все хлѣба дастъ»¹²⁾. Пилю, подозрѣвавшій что-то недоброе, на отъѣздъ своего барина и друга бросался уничтожать предметы, которые казались ей опасными, и, между прочимъ, истребила «сыръ проклятый, отъ котораго такъ скверно вѣхнеть»¹³⁾; долго волновалась она и твердила специально вымышленую по этому случаю молитву «о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣности», какъ писалъ Пушкинъ¹⁴⁾ (иностранно, экаонствъ Покрову Божіей Маріи). Внезапный отъѣздъ Пушкина нанугалъ и его тригорскихъ друзей, которыхъ онъ на другой день успокоилъ письмомъ изъ Пскова: «у насъ безъ фельдъегера ничего не умѣють сдѣлать». Получивъ изъ Пскова очень любезное письмо Дибича (этимъ письмомъ, не безъ проишія говорилъ поэтъ, отъ могъ бы весьма гордиться) и откланявшійся мѣстному начальству, Пушкинъ выѣхалъ утромъ 5 сентября¹⁵⁾ въ Москву. Путь этотъ былъ совершенно съ сказочной быстротой: Анишковицъ, считавшій, что Пушкинъ пробьдетъ изъ дорогѣ четыре дни, называетъ эту скорость «молніеобразной»; на самомъ дѣлѣ бѣшеная скачка была еще быстрее, и утромъ 8 сентября Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. «Евгеній Онѣгинъ» разсказалъ намъ, какъ билось сердце Пушкина, когда онъ въѣзжалъ въ родной городъ, который покинулъ еще ребенкомъ: «Ахъ, братьцы! какъ я былъ доволенъ, когда церковь и колокольня, садикъ, чертоговъ полукругъ открылся предо мною вдругъ! Какъ часто въ горестной раздѣлкѣ, въ моей блуждающей судьбѣ, Москва, я думалъ о тебѣ!».

Фельдъегеръ привезъ Пушкина прямо къ дежурному генералу, который, задержавъ его при своей канцеляріи, тотчасъ извѣстилъ Дибича о пріѣздѣ поэта. Тотъ отбылъ: «высочайше повелѣно, чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворецъ, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни»¹⁶⁾. Въ Чудовомъ дворцѣ жилъ тогда государь, которому въ назначенный часъ и былъ пред-

ставленъ Пушкинъ, въ дорожномъ платьѣ, усталый отъ трехсуточной трисы.

«Свободно, подъ надзоромъ, не въ видѣ арестанта»... Эти слова можно поставить эпиграфомъ надъ всей исторіей остальныхъ годовъ жизни Пушкина. Такимъ «свободнымъ поднадзорнымъ» юншегъ онъ изъ кабинета Чудовскаго дворца. Сразить Пушкина однимъ ударомъ, какъ были сражены Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, невозможно не было. Въсѣмъ была ясна разниця между вожаками бунта и свободолюбивымъ ибвцомъ, который, на самый худой конецъ, много-много что поддѣлывалъ иногда въ ладъ бунтарямъ. Разумѣется, сдѣлать коммиссію нетрудно было бы найти поводъ сослать Пушкина, но Николай сумѣлъ понять, какую силу на сторонѣ оппозиціи могъ бы представить собою разиѣванный гонимемъ поэтъ. «Милость», оказываемая любимому обществомъ поэту, какъ бы ступеньвѣла скорбную и сравнительно все-таки малозамѣтную тѣнь Рылѣева. Николай понималъ, что рыцарски-благородное сердце Пушкина отзовется на ласку самой горячей благодарностью. Онъ сумѣлъ взять Пушкина въ руки легко и мягко; желѣзная рука Николая Павловича подчасъ облекалась въ бархатную перчатку. «Умный покорилъ мудраго». Младенчески-божественная мудрость гениальнаго ибвца, человека вдохновенія, уступила осторожной тонкости Пушкинъ, который самъ думалъ о компромиссѣ съ правительствомъ, объ «условіяхъ», вышель отъ государя безусловно преданный ему, покоренный его личности. Какъ готовъ былъ Николай Павловичъ смотрѣть на Пушкина, объ этомъ можно судить по его вопросу, что сталъ бы дѣлать поэтъ 14 декабря, если бы находился тогда въ Петербургѣ. Этимъ вопросомъ Николай Павловичъ зондировалъ почву, какъ бы стараясь разгадать, насколько можетъ быть опасенъ Пушкинъ, какъ силенъ въ немъ духъ оппозиціи. Смѣлый отвѣтъ Пушкина: «былъ бы въ рядѣхъ мятежниковъ» долженъ былъ воочію показать государю, что онъ имѣеть дѣло съ рыцарски-благородной натурой. Трудно сказать навѣрное, что Пушкинъ такъ бы и поступилъ 14 декабря, но отвѣтить иначе—значило отречься отъ тѣхъ, кого Пушкинъ любилъ и звалъ братьями, друзьями, отречься не отъ нихъ идей, Пушкинъ эти идеи никогда не раздѣлялъ всецѣло и не ощущалъ ихъ могучія ибвнія съ жаромъ людей типа Рылѣева или Каховскаго,—но отъ нихъ личностей, Нико-

¹²⁾ К. А. Тимовъ, «Могилы II—на и с. Михайловское»,—Ж. М. П. Пр. 1859 г., т. С11; перепеч. въ «Русс. Стар.» 1899 г., май, 273—274.

¹³⁾ М. Семеновскій, «Продолженіе Тригорское»—Лѣт. Вѣдом. 1866 г.; цитир. по Анишковицъ, II, въ Алекс. зап., 324.

¹⁴⁾ Перевѣева П., академія, изд., 1, 382.

¹⁵⁾ Русс. Стар. 1908 г., октябрь, 117—118.

¹⁶⁾ Анишковицъ, оп. с., 324.

дай не могъ не повѣять чувства, которымъ былъ вызванъ этотъ отвѣтъ. На вопросъ царя, «перемѣнились ли его образъ мыслей и дастъ ли онъ слово думать и дѣйствовать иначе», Пушкинъ отвѣтилъ не сразу и послѣ долгаго молчанія, наконецъ, протянулъ государю руку съ общаіемъ «сдѣлаться другимъ». (Такъ рассказывалъ Николай Павловичъ Корфу). Онъ сказалъ Пушкину, что возлагаетъ великія надежды на его гений, что беретъ на себя цензуру его произведеній, и что дастъ ему серьезныя занятія. Содержаніе бесѣды царя съ поэтомъ¹⁷⁾ извѣстно намъ лишь въ этихъ гуманныхъ очертаціяхъ. Впрочемъ, нѣкоторый свѣтъ на нее проливаетъ пушкинская записка о народномъ воспитаніи, о которой будемъ говорить ниже.

Царь и поэтъ другъ на друга произвели хорошее впечатлѣніе. Въ тотъ же вечеръ Николай Павловичъ сказалъ Блудову: «знаешь ли, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ челоѣкомъ въ Россіи?» И такъ какъ Блудовъ недоумѣвалъ, кто бы это могъ быть, царь назвалъ Пушкина. Черезъ недѣлю Пушкинъ писалъ Осиповой: «*l'empereur m'a reçu de la manière la plus aimable*». Это письмо, первое изъ извѣстныхъ намъ московскихъ писемъ Пушкина, дышитъ упоеніемъ вырвавшимся на волю узника, который снѣхитъ насладиться свободой. Поэтъ говоритъ, что уже устаетъ въ этомъ вихрѣ веселья, но упоенно описываетъ народный праздникъ на Девичьемъ Олвѣ и приготовленія къ балу у графини Орловой и тутъ же упоминаетъ о новомъ цензурномъ уставѣ. Извѣстіе о милости, оказанной Пушкину царемъ, произвело сильное впечатлѣніе на семью Пушкиныхъ, сразу проникнулося небывалой до того любовью къ нему. «Какъ счастлива семья твоя», — писалъ ему благодумный Дельвингъ, — «ты не можешь представить. Особенно мать, она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмущаешь нѣхъ счастья упорнымъ молчаніемъ. Они доказали тебѣ любовь свою... Замолчали и всевозможные епикофанты. Н. Н. Карзининъ, въ одномъ изъ своихъ прежнихъ доносовъ, называвшій Пушкина въ числѣ лицъ, которыхъ считалъ подозрительными, писалъ Николаю Павловичу 18 сентября: «Ваше Имп. Вел. изволите сами замѣтить,

что изъ прежде вышепоименованныхъ лицъ, казавшихся мнѣ сомнительными, Пушкинъ одинъ оказался незамѣняемымъ въ дѣлѣ, о которомъ да погибнетъ память! Вѣроятно, потому лишь, что онъ былъ побѣжденъ милосердіемъ, простившимъ ему дерзкія его стихотворенія»¹⁸⁾. Въ Москвѣ пріѣздъ Пушкина вызвалъ необычайную сенсацію. Въ разгарѣ коронаціонныхъ торжествъ, среди множества русскихъ и иностранныхъ гостей общее вниманіе останавливалось на Пушкинѣ. Современница¹⁹⁾ рассказывала, что «впечатлѣніе, произведенное на публику появленіемъ Пушкина въ московскомъ театрѣ послѣ возвращенія изъ ссылки можетъ сравниться только съ волненіемъ толпы въ залѣ дворянскаго собранія, когда вошелъ въ нее Ермоловъ, только что оставившій кавказскую армію. Мгновенно разнеслась по залѣ вѣсть, что Пушкинъ въ театрѣ; имя его повторялось въ какомъ-то общемъ гулѣ; всѣ лица, всѣ бинокли обращены были на одного челоѣка, стоявшаго между рядами и окруженнаго густою толпой». Когда онъ впервые пріѣхалъ къ Вяземскимъ, — вспоминалъ князь П. П. Вяземскій²⁰⁾, — «Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ» раздалось по нашимъ дѣтскимъ, и всѣ дѣти, учителя, гувернантки, все бросилось въ верхній этажъ, въ пріемныя комнаты, взглянуть на героя дня». С. П. Шевыревъ рассказывалъ: «Москва приняла его съ восторгомъ; вездѣ его носили на рукахъ... Пріѣздъ поэта... составлялъ событіе въ жизни нашего общества... Во всѣхъ обществѣхъ, на всѣхъ балахъ первое вниманіе устремлялось на нашего гостя... въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрерывно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину — одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его биографіи»²¹⁾. Пушкинъ сразу сталъ однимъ изъ московскихъ львовъ; его популярность въ старой столицѣ Герценъ²²⁾ сравниваетъ съ популярностью Ермолова, Чаадаева, Мих. Орлова, любимцевъ Москвы.

Ободренный добрымъ расположеніемъ государя, Пушкинъ, которому было самому ясно или, что очень возможно, было свѣдѣно дано повѣсть, что царская милость не под-

¹⁷⁾ Сообщеніе П. К. Кульмана и «Русс. Стар.», 1870 г., II, 334—335.

¹⁸⁾ А. П. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 361.

¹⁹⁾ «Къ биографіи А. С. Пушкина», изд. П. М., 1885, стр. 33.

²⁰⁾ Майковъ, «И-нъ», 329, 333.

²¹⁾ «Блудовъ о думѣ» — Сочин., II, СПб., 1903, стр. 353.

¹⁷⁾ «Русс. Стар.» 1874 г., августъ, 691; 1880 г., январь, 132; 1899 г., августъ, 310; 1900 г., мартъ, 574; Анненковъ, оп. с., 324—325.

лежить распространительному толкованію, просилъ позволенія съѣздить въ Петербургъ, и 30 сентября шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія собственноручно Его Имп. Вел. канцелярши А. X. Бенкендорфъ, надзору котораго Пушкинъ былъ отнынѣ порученъ, сообщилъ ему, что государь «не только не запрещаетъ прѣѣзда въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю—но, —сказывала отговорка,—свѣтъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо». При этомъ Бенкендорфъ подтвердилъ Пушкину, что сочиненія его никто, кромѣ государя, разсматривать не будетъ, и передалъ ему царское порученіе—заняться «предметомъ о воспитаніи юношества». «Вы можете употребить весь доступъ»,—писалъ Бенкендорфъ,—«вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія; предметъ сей»,—наставлялъ Бенкендорфъ,—«долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытъ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія». Можно думать, что на такой выборъ темы государя навела бесѣда съ Пушкинымъ, и онъ хотѣлъ если не серьезно воспользоваться мыслями поэта то, во всякомъ случаѣ, заставить его высказаться по этому щекотливому предмету; весьма характерно, что Бенкендорфъ заключилъ предложеніе довольно вѣскимъ намекомъ или, вѣрнѣе, просто предупрежденіемъ. Впервые въ жизни Пушкину пришлось писать на заданную тему, да еще на такую, о которой онъ едва ли когда-нибудь серьезно размышлялъ, и при этомъ ни на минуту не терять изъ виду, что малѣйшее уклоненіе отъ строго и точно предписанной ему, несмотря на предоставленную Бенкендорфомъ «свободу», программы можетъ повредить ему въ той сферѣ, отношеніями къ которой онъ добылъ себѣ отнюдь не полную свободу передвиженія. Черезъ полтора мѣсяца записка была готова. Учтя въ примѣненіи къ печальному прошлому своихъ друзей и къ неизвѣстному собственному будущему «пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія», Пушкинъ съ чрезвычайной легкостью и услужливостью предложилъ Николаю проектъ реформы воспитательной системы—соборно и прямо и самоудовольствиемъ цѣлымъ воспитанію, а не цѣдамъ правительства. Съ ужасомъ вспоминалъ онъ о декабристахъ («недостатокъ просвѣщенія и прав-

ственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія») и съ явнымъ сочувствіемъ—о томъ времени, «свѣтъ пятнадцать тому назадъ», до отечественной войны и европейскихъ походовъ, когда «молодые люди занимались только военною службою, стараясь отличиться одною свѣтскою образованностью или налостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія... Десять свѣтъ спустя мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политической, литературу (подавленную самую своею цезурою) превратившуюся въ рукописныя наскидки на правительство и въ возмутительныя пѣсни: наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавыя и безумныя»... Отъ всѣхъ этихъ золъ Пушкинъ совѣтовалъ «защитить новое, возрастающее поколѣніе». Для этого правительство должно взять дѣла воспитанія въ свои руки—«ничего колебаться: во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное». Въ кадетскихъ корпусахъ Пушкинъ предлагалъ ввести особый институтъ—«полицію», составленную изъ лучшихъ воспитанниковъ». За «нахальную» рукопись, писалъ Пушкинъ, словно совѣмъ забывая про свои лицейскія годы, слѣдуетъ «положить тѣчайшее наказаніе», а за «возмутительную», т. е. содержащую политической протестъ, попросту исключать. Тѣлесныя наказанія воспитанниковъ Пушкинъ предлагалъ уничтожить, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ палачей, такъ какъ «они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатами». (Замѣчательно, что противъ послѣднего гнуснаго «срава» Пушкинъ не обмолвился ни словомъ. Едва ли онъ сдѣлалъ это потому, что долженъ былъ говорить только объ учебномъ воспитаніи: въ запискѣ онъ говоритъ свѣло и о другихъ предметахъ: «сны сдѣлались страстію русскаго народа», «въ Россіи все продажно»... Просто Пушкинъ единственно примучилъ къ обычнымъ картинамъ русскаго военного быта свой глазъ, который когда-то съ отвращеніемъ глядѣлъ на нихъ: прошли тѣ годы, когда онъ хвалить Александра и Михаила Орловыхъ за гуманное обращеніе съ солдатами). Забывая о разныхъ «Неопытныхъ перлахъ» и «Лицейскихъ мудрецахъ», сыгравшихъ такую хорошую роль въ жизни перлахъ лицейства, забывая свои первые литературные дебюты

или, наоборотъ, намекая на свою полную «заблужденій» юность и косвенно испрашивая ей забвенія, Пушкинъ писалъ: «во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ усилкамъ и ограничиваетъ идеи, и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя». Таковы были рекомендуемая Пушкинымъ мѣропріятія отрицательнаго характера. Отчасти искренно выражая свои мысли, отчасти сознавая, что царь подвергаетъ его экзамену, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая принести пользу, Пушкинъ, вѣроятно, старался какъ можно яснѣе удостовѣрить свою благонамѣренность. Подъ флагомъ ея онъ высказалъ нѣсколько важныхъ истинъ и далъ нѣсколько дѣйствительно полезныхъ совѣтовъ. Онъ предлагалъ расширить учебныя программы, повысить научныя требованія, ввести въ курсъ правовѣдніе, статистику, политическую экономію, исторію (конечно, по Карамзину). Особенное вниманіе Пушкинъ обратилъ на преподаваніе послѣдней. «Не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны; для этого «можно съ младокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нужды и требованій государственныхъ». Въ концѣ записки авторъ выразилъ надежду, что государь позволитъ ему «повернуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе близкихъ и знакомыхъ». Вѣроятно, Пушкинъ разумѣлъ цензуру, которая тогда реформировалась; поэтъ очень интересовался этой реформой²³). Основной принципъ Пушкина былъ выраженъ въ словахъ: «одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія». Но царь не поддавался «авансамъ» Пушкина, и записка была принята холодно. Шеръ-жанدارмовъ отвѣтилъ поэту (23 декабря) отъ имени государя, что не просвѣщеніе и не «стенія» (о послѣднемъ у Пушкина не сказано ни слова,—это, конечно, прямой уколъ Пушкину) служатъ сознаніемъ совершенству, а «справедливость, прилежное служеніе, угертіе»...²⁴). Подъ флагомъ благонамѣ-

ренности Пушкину не удалось провезти свою небогатую либеральную контрабанду, и записка не принесла никакихъ плодовъ. Пушкинъ ею не угодился. «Мнѣ»—говорилъ онъ одному пріятелю²⁵)—«легко было бы написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобъ сдѣлать добро»... Но добро необходимо замѣтить, покупалось немовѣрно дорогой цѣною: условія, при которыхъ Пушкинъ разсчитывалъ провести въ жизнь это добро, должны были только парализовать его дѣйствіе, и правительство, которое отказалось совмѣстить несовмѣстимое, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ послѣдовательности.

Портфель Пушкина интересовалъ интеллигентную Москву не меньше, чѣмъ его личность. Всѣ хотѣли знать, что написалъ поэтъ въ своемъ уединеніи. Уже черезъ два дня по пріѣздѣ въ столицу онъ читалъ своего «Годунова» у Веневитиновыхъ. На другой день сынъ хозяевъ, молодой поэтъ, вскорѣ сблизившійся съ Пушкинымъ, говорилъ Погодину: «Борисъ Годуновъ—чудо. У него еще Самозванецъ²⁶), Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, (Графъ Пушкинъ) продолженіе Фауста, восьмая пѣснь Ойбггина»²⁷). За этимъ чтеніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ—у Вяземскаго²⁸, Соболевскаго, опять у Веневитиновыхъ²⁹)... Слушатели вынесли самое восторженное впечатлѣніе. Объ одномъ изъ этихъ чтеній Погодинъ вспоминалъ потомъ: «Мы просто какъ будто обезнѣмѣли. Кого брѣсало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пуш-

торый говоритъ царю: «просвѣщенія плоть—развратъ иль ивкіо духъ мятельный»... и стремится изъ его державныхъ правъ одну лишь милость испрашивать»...

²³) Л. Майковъ, Пушкинъ, 177.

²⁴) «Самозванецъ»—задуманное, но не осуществленное Пушкинымъ продолженіе драматической хроникъ изъ смутнаго времени, послѣе въ переданномъ Анненковымъ «Матеріалъ», 276) списокъ предложенныхъ Пушкинымъ драмъ назывался «Димитрій и Марія». См. также «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., стр. 1231; «Пушкинъ» Л. П. Майкова, 331; Н. В. Анненковъ, «Литературныя проекты А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1881 г., июль, стр. 60.

²⁵) Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», II, 42.

²⁶) Сочин. Вяземскаго, X, 266; Перевиска Вяземскаго съ А. П. Гуртневскимъ, подъ ред. П. Кузьмина, I, 42.

²⁷) «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., 1249—1251; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», II, 43.

²³) См. его письма къ П. А. Острожковъ, 15 сентября и къ П. М. Языкову, 9 ноября 1826 г.

²⁴) Быть можетъ, Пушкинъ думалъ о Беркендорфѣ, когда писалъ Жульмъ о вѣстѣяхъ, ко-

ПУШКИНЪ ВЪ 1827 ГОДУ.

Портретъ В. А. Тронцова.

книгу. Начались объятія, поднялся шумъ, раздались смѣхъ, полились слезы, поздравленія...³⁰⁾ Вдохновеніе такъ преобразило Пушкина, что онъ показался Шевыреву просто «красавцемъ»³¹⁾. На московскіе восторги молодыхъ друзей всевѣдущій Бенкендорфъ, до котораго дошла вѣсть о чтеніи Пушкинымъ трагедій, взглянуть по-своему и послалъ поэту 22 ноября письмо, въ которомъ напомнилъ ему о своемъ прежнемъ письмѣ, гдѣ Пушкину было сообщено, что «первымъ цѣнителемъ» и цензоромъ его сочиненій будетъ государь. Теперь выяснялось точно, что надо разумѣть подъ этой «первой оцѣнкой»:— «обратился я къ вамъ письменно съ обьявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до печатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо Е. И. Величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однако же заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи оного нѣкоторымъ особамъ». (Въ этихъ словахъ Пушкинъ не могъ, конечно, не увидѣть яснаго намека на то неуслышное «вниманіе», которое обращало на него правительство). И Бенкендорфъ просилъ Пушкина дать ему знать, «справедливы ли» слухи о чтеніи имъ новой трагедіи, и внушительно предупредалъ: «вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ оного». Отвѣтъ Пушкина показываетъ, какъ испугало его требованіе шефа жандармовъ. Онъ увѣрялъ, что «чувствуетъ милость и великодушіе государя», что трагедію свою читалъ «не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшукъ волю» (изъ перваго письма Бенкендорфа никакъ нельзя было сдѣлать тотъ выводъ, который былъ желателенъ шефу жандармовъ) и, посылая списокъ трагедіи, просилъ «разрѣшенія неумышленной вины», состоявшей въ томъ, что онъ отдалъ въ печать нѣсколько стихотвореній, которые, впрочемъ, обѣщалъ задержать въ цензурѣ. Бенкендорфъ отвѣтилъ просьбой—«сооб-

щать веб и малкіе труды бластательнаго пера вашего». Несмотря на то, что поэту, на его словамъ, «вымыли голову (очень мило, очень учтиво)», онъ былъ отъ него доволенъ этой прищипкой, избавлявшей его отъ назойливыхъ «альманашниковъ, журнальчиковъ и прочихъ щенетильныхъ литературщиковъ», развязаться съ которыми онъ самъ не умѣлъ.

Давно уже рвался Пушкинъ на журнальное поприще, гдѣ стремился занять мѣсто постоянного работника и руководителя. Личное знакомство съ Полевымъ, въ «Московскій Телеграфъ» которому Пушкинъ изрѣдка посылалъ стихи, не привело къ сближенію между ними. Для Пушкина, мечтавшаго о главенствѣ и руководствѣ другими, Полевой былъ слишкомъ круной величиною. Зато онъ вошелъ въ боготворившій его кружокъ Веневитинова, Шевырева, Погодина, Рожалина, Титова, Соболевскаго, Одоевскаго, Мельгунова, Кирбейскихъ и другихъ («архивныхъ юношей»). Несмотря на то, что эта молодежь была, по выраженію Баратынскаго, «помѣшана на трансцендентальной философіи», къ которой Пушкинъ былъ холоденъ, его привлекла къ ней идеалистическая любовь къ искусству, юношеская горячность, личная даровитость нѣкоторыхъ участниковъ кружка. Въ нихъ было нѣчто общее съ любимцемъ поэта—Ленскимъ: и «бурная любовь желанья, и жажда знаній и труда, и страхъ порока и стыда», и «сны поэзіи святой»... Этотъ кружокъ задумалъ издавать журналъ, Веневитиновъ составилъ программу, и съ 1827 г. сталъ выходить «Московскій Вѣстникъ». Вопреки всегданнимъ намѣреніямъ поэта, его участіе въ журналѣ было не постояннымъ, а случайнымъ; оно продолжалось до 1830 г., когда Пушкинъ, охладивъ къ «Московскому Вѣстнику», перешелъ въ «Интерат. Газету» Дельвига.

Для московскаго шедлингянскаго кружка Пушкинъ значилъ неизмѣримо больше, чѣмъ кружокъ для него. До сихъ поръ, однако, не установился прочный взглядъ на роль кружка въ жизни Пушкина. Впервые раздуть ее одинъ изъ участниковъ кружка, Шевыревъ, который писалъ: «въ Москвѣ обьявилъ онъ живое свое сочувствіе молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его художественная теорія Шедлинга, и подъ влияніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе искусства,

³⁰⁾ Ibid.

³¹⁾ «И—ль» Л. Майкова, 331.

были написаны стихи «Чернь»³²⁾. Липенковъ воспринялъ это мнѣніе: «изъ круга молодыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху журнала³³⁾, вынесъ онъ свой полный, установившійся взглядъ на художника и искусство. Тѣмъ быстрѣе усвоилъ онъ себѣ ихъ теорію творчества, что она только развила собственное его пошманіе предмета... Недавно къ этому мнѣнію примкнулъ П. А. Котляревскій³⁴⁾. «Давно уже, — говоритъ онъ, — «ислѣдователи жизни и творчества Пушкина высказывали предположеніе, что въ стихотвореніи «Чернь» поэтъ выразилъ итогъ чужой мысли, съ которою согласился. Одно обстоятельство въ жизни поэта дѣлало такое предположеніе вѣроятнымъ». Это обстоятельство — знакомство съ шеллингианцами. «Слушая ихъ и претворяя ихъ теоретическія выкладки въ образы, Пушкинъ и создалъ свой «ямель», свою «Чернь». Такъ иногда говорятъ, когда хотятъ разрѣшить загадку происхожденія этого стихотворенія. Такъ ли на самомъ дѣлѣ это было?» — спрашиваетъ П. А. Котляревскій и тутъ же отвѣчаетъ: «Легко можетъ быть, что непосредственный впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ общенія съ этими людьми, и вызвали въ его фантазіи тотъ образъ художника на молитвѣ, который глухъ и слѣпъ для толпы и такъ краснорѣчивъ передъ алтаремъ своего Бога». Это предположеніе, ничѣмъ, однако, не подтверждаемое, затѣмъ обращается уже въ утвержденіе: «въ сферу вліянія этой философской идеи Пушкинъ попалъ на собраніяхъ у Веневитинова. Пусть онъ и неохотно на нее отзывался, — а отвлеченныхъ тонкостей Пушкинъ дѣйствительно не любилъ, — но по своей способности не пропускать ни одного впечатлѣнія жизни безъ отклика онъ, спустя нѣкоторое время, отойдя на извѣстное разстояніе отъ лицъ и событій, претворилъ въ образы эти новыя мысли, его поразившихъ». По развѣ изъ первѣнственно высказаннаго предположенія выбросить осторожное «можетъ быть» значитъ найти вѣрный отвѣтъ? Г. Котляревскій пишетъ: «все, что онъ до этого стихотворенія говорилъ о поэтѣ и его отношеніи къ гонимъ, было — либо повтореніе сказаннаго старинными Жуковскимъ и Батюшковымъ, либо воспоми-

наніе прочитаннаго въ образцахъ античной словесности, либо, какъ думаютъ нѣкоторые, отзвукъ ученія Руссо». По развѣ пушкинскій Андрей Шенье не говорить того же, что и поэтъ въ «Черни», горько вниая себя: «Миѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ» (т.-е. «свдохновенно, звукамъ сладкимъ и молитвамъ»), — «миѣ ль было управлять строптивыми конями и круто напрягать безсильныя бразды»? Очевидно, Пушкинъ, — говоритъ Котляревскій, — долго и много думалъ о цѣлѣ такихъ мирныхъ пѣсень, далекихъ отъ всякой злобы дня, злобы политической, общественной или просто суетливой. А между тѣмъ и въ стихахъ Пушкина, и въ его перепечаткѣ тѣхъ дѣтъ слѣдовъ такихъ долгихъ думъ не осталось». И съ этимъ можно спорить; но развѣ на основаніи отсутствія такихъ доказательствъ можно строить убѣжденіе, что Пушкинъ не самъ продумалъ свой взглядъ на поэта и лишь согласился съ чужою мыслью? Неужели же Пушкинъ былъ такъ жалко несамостоятеленъ? Ногодинъ разсказывалъ, что однажды онъ «деклампировалъ пѣлѣно противъ философіи», — но понималъ ли его Ногодинъ, который, по собственнымъ словамъ³⁵⁾, «не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ»? Можетъ быть, Пушкинъ и чуждался абстрактнаго мышленія, но не надо забывать, что Пушкинъ былъ мудрецъ, въ области поэзіи державный властитель, чего нельзя сказать о Шеллингѣ и его русскихъ ученикахъ, и что философскій элементъ былъ невольно присущъ его гению, независимо отъ того, интересовался ли онъ философіей какъ ученіемъ, или нѣтъ. Да и степень близости его къ шеллингианскому кружку, которую обычно преувеличиваютъ, была не такъ ужъ значительна. Это видно изъ его отзывомъ о кружкѣ, въ которыхъ сквозитъ явное сознаніе собственного превосходства, не выходящее съ подчиненіемъ кружку въ какомъ бы то ни было отношеніи. Нѣмецкую философію, которая «пашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей», онъ цѣнилъ лишь постольку, поскольку она сыграла своеобразную политическую роль — «спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философій и удалила ее отъ унылыхъ и вредныхъ мечтаній, которыми имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій

³²⁾ Майковъ, «П.» т. 1, 330.

³³⁾ «Материалы», изд. 2-ое, 170.

³⁴⁾ П. и Д. В. Веневитиновъ — «Старинные портреты», Спб., 1907.

³⁵⁾ П. Барсуковъ, «Ж. и тр. Ногодина», II, 71.

цѣль предшествовавшаго поведѣнія»³⁶). Признавая благотворное значеніе введенія германской философіи, Пушкинъ отмѣтилъ, что «говорили они изысканъ, мало понятнымъ для неосвященныхъ»³⁷). Среди нихъ онъ нашелъ тѣхъ педагоговъ, въ которомъ хотѣлъ отвести мѣсто въ «Египетскія ночи»: это надобдливый, хвастливый своей начитанностью Вершиневъ, «одинъ изъ тѣхъ людей, одаренныхъ удивительной памятью, которые все знаютъ и все читаютъ, и которыхъ стоитъ только пропустить пальцемъ, чтобы изъ нихъ пошла ихъ всемірная ученость». Первоначально въ рукописи Вершиневъ былъ названъ Титовымъ (такъ звали дѣйствительно одного изъ участниковъ кружка), и о немъ было сказано: «одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ московскомъ университетѣ, служатъ въ московскомъ архивѣ и толкуютъ о Гегелѣ»... Въ «Описаніи» поэтъ не отмѣтилъ архивныхъ юношей отъ всего пустого большого свѣта; они не раздѣляютъ въ авторскомъ смѣтаніи къ Таубъ, на которую «спорно глядятъ и про все между собою неблагоосклонно говорятъ»... «Московскому Вѣстнику» онъ ставилъ въ минусъ его излишнюю серьезность: «главная ошибка наша—инвалъ онъ Погодину³⁸—была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза, можетъ быть, еще лучше, въ воть бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору». Оставили въ сторонѣ главные интересы кружка, Пушкинъ просто обратилъ вниманіе на эту даровитую, блестящую молодежь, подававшую много надеждъ. Самый выдающійся во всемъ кружкѣ, его душа, Д. В. Веневитиновъ приглашалъ Пушкина почитать Гете, который «наставникъ нашъ, наставникъ твой» (замѣкъ на «Сцену изъ Фауста»), «веселыми хваленьями»; быть можетъ, «онъ съ радостью живой въ привѣтъ старости унылой еще услышитъ голосъ твой и, можетъ быть, твоей пѣсенный, послѣднимъ жаромъ вдохновенный, откину лебедь запыль»... Но Гете могъ быть названъ наставникомъ Пушкина лишь въ слишкомъ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, и неизвѣстно, послѣдовала ли Пушкинъ совѣту Веневитинова. (По словамъ Анненкова³⁹), Гете зналъ о сценѣ изъ Фауста и прислалъ

Пушкину въ благодарность свое перо. «Дописаніи на Пушкина», которое, по мнѣнію Анненкова⁴⁰), оказалъ Веневитиновъ, незамѣтна и неуклонна, хотя отрицать ее, конечно, нельзя: Пушкинъ вытисналъ на каждомъ шагу впечатлѣнія, ни одна встрѣча не проходила для него безслѣдно, но знакомство съ Веневитиновымъ и его друзьями не представило собою въ исторіи его развитія такого существеннаго элемента, слѣдь котораго было бы легко отмѣтить въ безконечномъ смѣшеніи обстоятельствъ, встрѣчь, впечатлѣній, претворенномъ неустанной внутренней работою, совершавшеюся въ душѣ Пушкина. Наоборотъ, значеніе величайшаго русскаго поэта въ жизни любителей изъ членовъ кружка въ вѣскаго сомнѣній: все живое, молодое, отзывчивое не могло не льнуть къ Пушкину-поэту и Пушкину-человѣку. Шевыревъ разказывалъ: «бесѣды съ Пушкинымъ... принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію моего вкуса и развитію во мнѣ истинныхъ понятій о поэзіи»⁴¹). Для Веневитинова, настоящаго центра кружка, Пушкинъ могъ быть только старшимъ собратомъ и наставникомъ не меньше, чѣмъ Гете.

Кружокъ «архивныхъ юношей» и домъ извѣстной красавицы, пѣвицы и поэтессы княгини З. А. Волконской доставили Пушкину знакомство съ жившимъ тогда въ Москвѣ Мицкевичемъ. «Тутъ—разказываетъ кн. П. А. Вяземскій⁴²—соединялись представители большого свѣта, сповники и красавицы, молодежь и возрастъ зрѣлый, люди умственнаго труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все въ этомъ домѣ носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. Бывали въ немъ чтенія, концерты, дилетантами и любителями представляли итальянскихъ оперъ. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома... Помнится и слышится еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина, въ первый день знакомства съ нимъ, пропѣла элегію его, положенную на музыку Геништова, «Погасло дневное свѣтло»... Пушкинъ былъ живъ тронутъ этимъ обильнымъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію, краска вспыхивала съ лицъ его. Въ немъ этотъ дѣтскій и женскій признакъ сильной впечатлительности былъ

³⁶ «Мысли на дорогѣ».

³⁷ «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности».

³⁸ 31 августа 1827 г.

³⁹ «Матеріалы», 177.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Сочин. П. С. Тихопрѣзова, III, ч. 2, стр. 223.

⁴² Соч. Вяземскаго, VII, 329.

несомнѣннымъ выраженіемъ внутренняго смущенія, радости, досады, всякаго потрясающаго ощущенія. Печего и говорить, что Мицкевичъ съ самаго прїѣзда въ Москву былъ усерднымъ посѣтителемъ и въ числѣ любимѣйшихъ и почетнѣйшихъ гостей въ домѣ княгини Волконской). Пушкинъ влѣблялся поэтическимъ талантомъ, импровизаторскимъ даромъ и остроуміемъ польскаго поэта. Сохранился ⁴³⁾ любопытный анекдотъ, что, встрѣясь однажды на улицѣ съ Мицкевичемъ, Пушкинъ посторонился и сказалъ: «съ дороги двойка, тузъ идетъ», на что Мицкевичъ тутъ же отвѣтилъ: «козырная двойка туза бьетъ». Въ авторѣ «Бориса Годунова» онъ усмотрѣлъ возможность возвыситься до шекспировской гениальности: „et tu Shakespeare eris si fata sinant“ ⁴⁴⁾. Своему другу А. Одыщу Мицкевичъ писалъ въ мартѣ 1827 г. ⁴⁵⁾ о Пушкинѣ: «я съ нимъ знакомъ, и мы часто видаемся. Пушкинъ почти ровесникъ мнѣ... Въ бесѣдѣ онъ очень остроуменъ и пылокъ, читалъ много и хорошо знаетъ современную литературу; понятія его о поэзіи чистыя и возвышенныя. Онъ теперь написалъ трагедію «Борисъ Годуновъ»; я знаю нѣсколько сценъ ея въ историческомъ родѣ, хорошо задуманныхъ и съ прекрасными частностями»... Отношенія Пушкина и Мицкевича, продолжавшіяся и въ Петербургѣ, оставили выдающійся слѣдъ въ жизни обоихъ поэтовъ. ⁴⁶⁾

Какъ салонъ Волконской вводилъ Пушкина въ «Европу», такъ сблизилъ его съ старой Москвой радушій домъ М. П. Римской-Корсаковой. «Марія Ивановна Римская-Корсакова—вспоминаетъ о ней князь П. А. Вяземскій ⁴⁷⁾—должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками посѣтила Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ», были душою и прелестью этихъ собраний. Сама Марія Ивановна была типъ московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ

значеніи этого слова. Въ ней отзывались и русскія преданія екатерининскихъ временъ, и выражались понятія и обычаи поваго обществитя... Всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, старый вѣкъ и новый вѣкъ, сливались въ ней въ разнообразной стройности и придавали личности ея особенное и привлекательное значеніе». Ея сынъ Григорій Александровичъ, Вяземскій и Пушкинъ составляли «стріумвиратъ», который «въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою на подобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей, безъ коихъ обойтись не могла ни одна купеческая свадьба, ни одинъ именитый купеческій обѣдъ». Намекъ въ «Онѣгинѣ» на одну изъ дѣвицъ Корсаковыхъ заключается въ первыхъ четырехъ стихахъ LIII строфы седьмой главы: «У почи много звѣздъ прелестныхъ, красавицъ много на Москвѣ,—но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ луна въ воздушной синеѣ»... Въ другой разъ ⁴⁸⁾ Вяземскій указалъ, что эти стихи относятся къ дочери М. П. Римской-Корсаковой, Александринѣ, впоследствии княгини Вяземской. Быть можетъ о ней Пушкинъ писалъ брату въ письмѣ (8 мая 1827 г.), которое послалъ черезъ ея мать: «письмо мое доставитъ тебѣ М. П. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Прїѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбися въ дочь». Въ извѣстномъ Пушкинымъ въ ушаковскій альбомъ ⁴⁹⁾, «Александра» упоминается два раза: одна изъ двухъ посетительницъ этого имени, конечно, дочь М. П. Римской-Корсаковой.

Рядомъ съ одной изъ Александръ въ этомъ спискѣ стоитъ «Софья»—С. О. Пушкина, за которую неудачно сватался Пушкинъ. Исторія сватовства рассказана въ настоящемъ томѣ ⁵⁰⁾ А. О. Коно, къ статьѣ котораго отсылаемъ читателя.

⁴⁸⁾ «Русс. Арх.», 1887, III, 378.

⁴⁹⁾ «Альбомъ московской *Пушкинской» выставки 1880 г., М., 1882, стр. 123 и слѣдующ.

⁵⁰⁾ Стр. 181—186; см. также его же статьи въ «Журн. для всѣхъ» 1905 г., № 1, и въ «Изв. Олд. русс. яз. и словесн. П. Акад. Наукъ», 1905 г., т. X, кн. 1; В. А. Модзалевскій, «В. П. Зубовъ и его знакомыя»—«П. в. его современника», вып. IV, стр. 104—108. П. Модзалевскій и Коно думаютъ, что съ мыслью о ней непосредственно связаны стихи «Зачѣмъ безвременную скуку»... Едва ли это обрнъ, потому что стихи набросаны еще въ 1820 г. и отбрасывае въ 1821-мъ, задолго до знакомства съ С. О. Пушкиной. См. объ этомъ мою ст. «Зачѣмъ?» стихотвореніе Пушкина—«Ж. М. П. Пр.» 1909, январь, 99—105, в назв. прилжн. къ № 480.

⁴³⁾ Ibid., 309.

⁴⁴⁾ Ibid., 311.

⁴⁵⁾ «Korrespondenz Adams Mickiewicza», t. IV, wyd. 4-te, Par., 1885 г., 91.

⁴⁶⁾ Объ этомъ еще будетъ рѣчь въ настоящемъ отдѣлѣ.

⁴⁷⁾ Соинс. Вяземскаго, VII, 470, 471.

КАРРИКАТУРА НА СВѢТСКІЕ УСЛѢХИ ПУШКИНА.

Съ современной акварели, принадлежащей д-ру С. С. Жихареву. На оборотѣ акварели написано, что дама—гр. Хвостова.

Весною 1827 г. Пушкинъ часто бывалъ въ домѣ князя А. М. Уруова, куда его привлекали радушіе хозяевъ и красота трехъ дочерей ихъ. Отношенія поэта къ семьѣ Уруовыхъ чуть не вызвали кроваваго столкновенія Пушкина съ однимъ изъ посѣтителей этого дома. Безъ столкновенія, впрочемъ, прошло у него, кажется, только время его невольнаго уединенія въ Михайловскомъ, вдали отъ общества, хотя и тамъ онъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ дѣль, готовясь въ дуэли со своимъ старшимъ непрітелемъ, графомъ Ф. П. Толстымъ—«Американцемъ»⁵¹⁾. Какъ только Пушкинъ

очутился въ Москвѣ, гдѣ жила Толстой онъ сейчасъ же посѣвилъ вызвать его на дуэль. Къ счастью для Пушкина, дѣло обошлось безъ поединка съ этимъ замѣчательнымъ дуэлистомъ, отличавшимся необыкновеннымъ хладнокровіемъ и уже не одного противника отправившимъ къ праотцамъ⁵²⁾. Пушкина и Толстого помирили, и они стали друзьями. Толстой даже былъ сватомъ Пушкина и просилъ для него у П. П. Гончаровой руки ея дочери. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ столкновенія съ графомъ Толстымъ, и Пушкину снова едва не пришлось драться на дуэли. На этотъ разъ не онъ вызвалъ противника на поединокъ, а самъ былъ вызванъ. Къ одной изъ сестеръ Уруовыхъ былъ—разказы-

⁵¹⁾ М. И. Семевскій, «Прогулка въ Тригорское» — СПбургск. Вѣдом. 1866 г., № 139. Объ немъ споръ см. II т. настоящаго изданія, стр. 548—549, 564—565.

⁵²⁾ Русс. Арх. 1865 г., 2-ое изд., 1240, 1351.

васть М. П. Семевакскій ⁵³⁾—очень неравнодушенъ «родственникъ княгини Урусовой, артиллерійскій офицеръ С., человекъ образованный, хорошо знавшій англійскій языкъ, угрюмый поклонникъ поэзи Байрона и скромный подражатель ему». Пушкинъ проводилъ у Урусовыхъ вечера и «бывалъ весьма веселъ, остеръ и словоохотливъ; въ разсказахъ, импровизаціяхъ (?) и шуткахъ бывалъ въ это время нестоимъ». Пушкинъ сблизился съ В. Д. Соломирскимъ (такъ звали артиллериста), которому подарилъ сочиненія Байрона съ очень дружественною надписью. «Тѣмъ не менѣе, легко было замѣтить, что ревнивый и вѣрнее самолюбивый Соломирскій чѣмъ чаще сходилъ съ Пушкинымъ у князя Урусова, тѣмъ становился угрюмѣе и холоднѣе къ своему другу. Особенное вниманіе, которое встрѣчалъ Пушкинъ въ этомъ семействѣ, и въ особеннѣе вниманіе молодой княгини, предмета сокровеннаго обожанія со стороны Соломирскаго, возбуждало въ немъ сильнѣйшую ревность. Такія напряженныя отношенія должны были привести къ вспышкѣ; она скоро произошла и притомъ, какъ большей частью бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошла изъ-за сзмой пустой причины». Пушкинъ разсказалъ что-то смѣшное о графинѣ В. Прослушавъ весь разсказъ, Соломирскій придрался къ Пушкину.—«Какъ вы смѣли отозваться неуважительно объ этой особѣ?—задорно сказала онъ.—Я хорошо знаю графиню, это во всѣхъ отношеніяхъ почтенная особа, и я не могу допустить огорчительныхъ объ ней отзывовъ.—«Зачѣмъ же вы не остановили меня, когда я только начиналъ разсказъ?»—отвѣчалъ Пушкинъ. Почему вы не сказали мнѣ раньше, что вы знакомы съ графиней В.? А то вы спокойно выслушали весь разсказъ и потомъ какимъ-то Дюпъ-Кихотомъ становитесь въ защитники этой дамы и берете ее подъ свою протекцію»...

Дѣло было въ присутствіи А. А. Муханова, разсказавшаго Семевакскому объ этой исторіи. На другой день, рано утромъ, къ Муханову является Пушкинъ и передаетъ ему, что только что получилъ отъ Соломирскаго письменный вызовъ на дуэль.

⁵³⁾ Къ біографіи Пушкина — «Русс. Вѣст.» 1869 г., ноябрь, 81—83; см. поправку г-р. В. Мусель-Пушкина въ «Русс. Стар.» 1909 г., январь, 191. См. мою съ Несостоявшейся дуэли Пушкина въ 1827 г. — «Русс. Стар.» 1907 г., июль, 101—104.

Пушкинъ, не медля ни минуты, отвѣтилъ Соломирскому запиской (15 апрѣля): „A l'instant, si vous désirez, venez avec un témoin“. Пушкинъ разсказалъ Муханову, что у него уже былъ секундантъ Соломирскаго, А. В. Шереметевъ, и онъ направилъ его для переговоровъ къ Муханову, котораго поэтъ и просилъ быть секундантомъ. Пушкинъ убѣхалъ, и сейчасть же къ Муханову явился Шереметевъ; это былъ товарищъ Соломирскаго, тоже артиллерійскій офицеръ. Мухановъ рѣшилъ предотвратить грозившую Пушкину опасность и сталъ склонять Шереметева употребить все успія къ тому, чтобы не дать произойти дуэли. Онъ избралъ тотъ позоръ, который падеть на головы секундантовъ, если поэтъ будетъ убитъ или раненъ, и было рѣшено примирить враждующія стороны. Въ то же утро Шереметевъ привезъ Соломирскаго къ другу Пушкина, С. А. Соболевскому, у котораго жилъ поэтъ (на Собачей площадкѣ, въ домѣ Ренкевичевой). Сюда же пришелъ Мухановъ, и секунданты помирили противниковъ при дѣятельномъ участіи Соболевскаго, угостившаго всѣхъ роскошнымъ завтракомъ.

Въ поэзи Пушкина знакомство его съ Урусовыми не оставило слѣда, но другому московскому великосвѣтскому семейству стихи Пушкина дали безмертіе. Это—семья Ушаковыхъ, у которыхъ Пушкинъ любилъ бывать; онъ ухаживалъ за обѣими дочерьми Ушаковыхъ—Екатериной Николаевной (старшей) и Елизаветой Николаевной. Первой поэтъ, впрочемъ, отдавалъ предпочтеніе. Ей онъ посвятилъ (въ 1827 г.) два стихотворенія: «Когда, бывало, въ старину»... и «Въ отдаленіи отъ васъ»... Эти стихи не говорить о серьезности и силѣ чувства, но очень возможно, что подъ шуткой скрывались серьезныя намѣренія. Одна знакомая Ушаковыхъ писала въ 1827 г. объ этихъ барыняхъ ⁵⁴⁾: «меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуетъ меня, потому что, повидимому, нашъ поэтъ, нашъ знаменитый Пушкинъ намѣренъ вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положилъ оружіе свое у ногъ ея, то-есть, сказалъ просто, влюбленъ въ пер. Это общая молва, а глазъ народа—глазъ Божій. Еще не издавши ихъ, я слышала, что Пушкинъ во все пребываніе свое въ Москвѣ только и занимался, что N****; на балахъ, на гуляньяхъ онъ говорилъ только

⁵⁴⁾ «И. и его современники», вып. V, стр. 121—122.

съ нею, а когда случилось, что въ собраніи N**** пѣлъ, то Пушкинъ сидитъ цѣлый вечеръ въ углу, задумавшись, и ничто уже не въ силахъ развлечь его!.. Знакомство же съ ними удостоивило меня въ справедливости силъ слуховъ. Въ ихъ домѣ вспоминаеть о Пушкинѣ: на столѣ найдете его сочиненія, между иными—«Черную пазль» и «Цыганскую пѣсню», на фортепіанѣхъ—его «Талисманъ»... Въ альбомѣ—и несколько листочковъ картинъ, стиховъ и каррикатуръ, а на языкѣ безпрестанно вертеться имя Пушкина». Къ Ушаковымъ Пушкинъ, рассказываетъ племянникъ Екатерины Николаевны, П. С. Киселевъ⁵⁵⁾,—бздилъ очень часто, иной разъ заглядывалъ по три раза на дню; у нихъ онъ встрѣчался съ П. Д. Иванчинымъ-Нисаревымъ и писателемъ «для милыхъ», кн. П. Н. Шаликовымъ; бывалъ у нихъ и кн. П. А. Вяземскій. Старуха Ушакова диктовала и напѣвала Пушкину русскія пѣсни.

«Въ тревогѣ нестрой и безплодной» московскихъ развлеченій Пушкину было не до работы, но едва наступила глубокая осень, любимое рабочее время поэта, его потянуло въ деревню. Надо было кое-что передѣлать въ «Годуновѣ», продолжать «Онѣгина». 1 ноября 1826 г., не пробывъ въ Москвѣ и полныхъ двухъ мѣсяцевъ, Пушкинъ поѣхалъ въ Михайловское; съ дороги онъ писалъ книжкѣ В. О. Вяземской: «С. П. (т.-е., конечно, С. О. Пушкина) мой добрый ангелъ, но другая—мой демонъ; это меня смущаетъ въ моихъ поэтическихъ и забавныхъ размышленіяхъ... Буду похорошить себя среди моихъ собесѣдовъ. Молитесь Богу за упокой моей души». «Другая»—намекъ на недавно оставленную имъ въ Тригорскомъ, любившую его Аину Никол. Вульфъ; въ день пріѣзда онъ побывалъ въ Тригорскомъ. «Деревня миѣ пришла какъ-то по сердцу»—писалъ онъ Вяземскому.—«Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣчаю моей дворни, хамовъ и моей плни, ей Богу, пріятиѣе щекотить сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣяности и пр... Долго здѣсь не останусь, изъ ПБ. не побѣду, буду у вась къ 1-му⁵⁶⁾. . . она⁵⁷⁾ велика! Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе»... Но работа въ Михайловскомъ

КАРРИКАТУРА ПУШКИНА НА ВЕНЕВИТІНОВА.

Изъ коллекціи П. С. Остроукова. Воспроизводится въ первый разъ.

спорила плохо. «Въ деревнѣ»—сообщалъ Пушкинъ 1 декабря Вяземскому, который спрашивалъ его: «сдѣлся ли къ запой стиховъ, или не можешь еще справиться съ московскаго похмѣлья?»—«я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзеть. Въ Псковѣ, вмѣсто того, чтобъ писать 7-ую главу Онѣгина, я прошириваю въ штокъ четвертую; не забавно». Подъ «презрѣнной прозой» Пушкинъ разумѣлъ, вѣроятно, заказанную ему записку о народномъ воспитаніи. Въ Псковѣ Пушкинъ велъ непріятную переписку съ Бенкендорфомъ по поводу чтенія «Годунова». 20 декабря онъ былъ снова въ Москвѣ.

Жаловалъ Вяземскому на «непріятное впечатлѣніе» Москвы, Пушкинъ прибавлялъ:

⁵⁵⁾ Л. Майковъ. «П—пѣ», 361—362.

⁵⁶⁾ Декабря.

⁵⁷⁾ Софья Пушкина.

Елизавета Михайловна
Вулицъ Стрѣхи Д. Жукова

КАРРИКАТУРА ПУШКИНА НА ЕЛИЗАВЕТУ УШАКОВУ.

Изъ «Ушаковского альбома».

«все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переноситься. Къ тому же журналъ... Память надо завладѣть однимъ журналомъ и царствовать самовластно и единовластно»... И Пушкинъ приглашалъ друга оставить «Московскій Телеграфъ» Полевого и перейти въ «Московск. Вѣстникъ». Но Вяземскій отказался не только потому, что самъ подблизъ Полевого издавать журналъ и брать съ него половину дохода, но что въ «Моск. Вѣстникѣ» ему нельзя было рассчитывать, на еще и потому, что не надѣленъ на прочность связи Пушкина съ молодой редакціей и предвидѣть, что «управленіе жур-

наломъ можетъ надолго ему»⁵⁸⁾; въ этомъ Вяземскій оказался правъ. Но на первыхъ порахъ Пушкинъ относился къ дѣлу горячо. Онъ писалъ Языкову (21 декабря): «я участвую въ Моск. Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также... Непремѣнно будьте же наши... Пора задуть альманахи, Дельвингъ наши». Приглашалъ Пушкинъ къ сотрудничеству Туманскаго: «подкрѣпи насъ прозою своею и углѣнь стихами», и другого одессита— А. П. Левшина⁵⁹⁾.

⁵⁸⁾ Переписка Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ, подъ ред. Н. Кульмана, I, 46.

⁵⁹⁾ Переписка П—ва, академич. изд., II, 3—6.

Емша
! Мохъ
Александръ

Не искушаи (ай) менѣ
Будь Пугачевъ —

Автопортретъ Пушкина. Изъ «Ушаковского» альбома.

Считая себя «вольнымъ», свободнымъ, не чувствуя мягко и ласково опутывающихъ цѣпей, Пушкинъ былъ за эту «независимость» безиредѣльно благодаренъ царю, проявившему по отношенію къ нему «рѣдкую прощательность», какъ выразился Мицкевичъ⁶⁰). Оптимистъ по натурѣ, поэтъ глядѣлъ на Николая Павловича сквозь призму этой благодарности, и фигура царя,

котораго онъ въ извѣстныхъ «Стансахъ» сравнилъ по «семейному сходству» съ Петромъ Великимъ, окрасилась въ его воображеніи неестественнымъ, пѣжно-розовымъ свѣтомъ. Вся суровость Николаевской эпохи совершенно пропала въ этихъ чашѣхъ «Славы и добра» и въ призывѣ: «будь намъ ты!» незлобей.

Уповавъ на готовность Николая примириться и забывать, Пушкинъ ободрилъ путѣмъ своихъ друзей-декабристовъ. Въ концѣ

⁶⁰ Соч. Видемского, VII, 33.

1826 г. онъ встрѣтился у кн. Зинанды Волконской на музыкальномъ вечерѣ съ другой Волконской—Маріей Николаевной, старой знакомкой поэта—Раевской, отправлявшейся въ Сибирь къ мужу⁶¹⁾. Съ нею была жена и другого декабриста—Александра Григорьевича Муравьева; по преданію, послѣдней Пушкинъ передалъ свое «Посланіе въ Сибирь»⁶²⁾, въ которомъ ободрялъ друзей: «Храните гордое терпѣніе... Любовь и дружество до вѣсъ дойдутъ сквозь мрачныя затворы, какъ въ ваши каторжныя норы доходитъ мой свободный гласъ... Братья мечъ вамъ отдадутъ»... И долго еще Пушкинъ безуспѣшно ждалъ амнистіи для декабристовъ.

Личность царя Пушкинъ рѣшительно отдѣлялъ отъ правительственной системы. Онъ говорилъ о Николаѣ Павловичѣ: «во мнѣ почтилъ онъ вдохновенъе, освободилъ онъ мысль мою»... Этой иллюзіи не могли разбѣять самые чувствительные уроки, которые Пушкинъ сталъ получать съ первыхъ дней своей «свободы». Поэтъ былъ еще въ Михайловскомъ, когда о немъ заварилось серьезное «дѣло»; оно тянулось долго, кончилось не скоро и принесло ему много огорченій. Молодежь жадно переписывала въ завѣтныя тетради новыя стихи любимого поэта, старалась найти въ нихъ сокровенный смыслъ. Примѣнительно къ «14 декабря» было истолковано нѣсколько непропущенныхъ цензурою стиховъ изъ оды «Андрей Шенье», гдѣ говорится о «великодушнѣйшей присягѣ», «священнѣйшей свободѣ», «безтретнѣномъ отвѣтѣ самовластию». По доносу полицейскаго агента былъ преданъ суду кандидатъ московскаго университета Леопольдовъ, у котораго агентъ раздобылъ стихи Пушкина, озаглавленные «14 декабря». Дѣлу, конечно, былъ данъ ходъ. Леопольдовъ показалъ, что получилъ стихи отъ прапорщика Молчанова, который заявилъ, что стихи писаны дѣйствительно Пушкинымъ; былъ арестованъ и переданный Молчанову стихи штабсъ-капитанъ Алексѣевъ, Пушкина, котораго находилъ тогда (въ январѣ 1827 г.) въ Москвѣ, допросили, онъ ли сочинилъ «свѣтлыя стихи, когда съ какою цѣлью, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное»; если же они не имъ

написаны, то «къмъ сочинены». Пушкинъ отвѣтилъ, что не знаетъ, о какихъ стихахъ идетъ рѣчь. Тогда ему были предъявлены стихи, и онъ объяснилъ (27 января), что они были написаны имъ гораздо раньше декабрьскаго мятежа, и что въ нихъ говорится о французской революціи, такъ что они «безъ явной безсмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабря». Это объясненіе Пушкину пришлось повторить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще разъ. Дѣло окончилось лишь въ слѣдующемъ году отдачей Пушкина подъ надзоръ полиціи и строимъ вѣнушеніемъ, «дабы впредь никакихъ своихъ произведеній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ»⁶³⁾.

Несмотря на заключенный съ поэтомъ договоръ, правительство не спускало съ него подозрительныхъ глазъ. Для него Пушкинъ не переставалъ быть пѣвцомъ «вольности». Когда Бенкендорфъ получилъ отъ него письмо, при которомъ Пушкинъ прислалъ рукопись «Годунова», царь приказалъ поручить «надежному человѣку сдѣлать извлеченіе изъ его сочиненія, чтобы оно не распространялось». «Надежный человѣкъ» огмѣтилъ, что «духъ сочиненія монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора»; впрочемъ, «должно выкинуть весь монологъ боярина Пушкина: во-первыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во-вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуется ихъ». Хотя критикъ изъ III Отдѣленія и не видѣлъ пренятствій къ разрѣшенію драмы, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, державный цензоръ нашелъ, что «цѣль Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ,

⁶¹⁾ Записки княгини М. П. Волконской, Сиб., 1904, стр. 22.

⁶²⁾ Русс. Арх. 1874 г., II, 703; «Записки П. П. Пущина о Пушкинѣ», Сиб., 1907, стр. 93—94; Записки П. П. Якушкина, 2-ое изд., М., 1906, стр. 52.

⁶³⁾ Ср. въ настоящемъ томѣ примѣчаніе къ № 428. Обратомъ процессъ см. въ «Русс. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 693—694; т. XI, стр. 584—588; 1882 г., т. XXIII, стр. 465—468; 1899 г., т. XCIX, стр. 313—326; П. А. Никитинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», 339—341; Записки Ф. Ф. Вигеля, изд. 1892 г., VII, 111—114; П. П. Васильевъ, «Слѣды пребыванія П.—на въ Псковской губерніи», 32—36; Сочиненія П.—на, изд. П. А. Ефремова, т. VII, 1903 г., стр. 259—261, 276—277, 286—287, 298—300, VIII, 1905 г., стр. 597—601; «Цѣль III Отдѣленія собственнѣю с. и. в. канцеляріи объ А. С. П.—на», Сиб., 1906, стр. 14—17, 75—80, 263—300; П. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое; Черешнева кн. П. А. Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ, поэтъ рс. П. Кульманъ, I, 42.

на подобіе Вальтера Скота»⁶¹). По передѣлать драму Пушкинъ все-таки отказался⁶²), и печатаніе «Годунова» ему поневоля пришлось отложить. Повинуясь приказанію представлять свои произведенія на высшее усмотрѣніе, Пушкинъ представилъ Бенкендорфу «Цыганъ», два отрывка изъ «Ойбгина», «19 октября 1825 г.» и стихи къ Кернъ. Казенный рецензентъ писалъ по этому поводу: въ «Цыганахъ» хотя говорится о свободѣ и польности, или, лучше сказать, хотя къ сей শেষъ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ космическая свобода и польность (такъ называемая), но польность цыганской бездомной жизни, свобода стеной. Безъ всякаго сомнѣнія, сколько ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую». «19 октября 1825 г.» вызвало такое замѣчаніе: «совсе не нужно говорить о своей онаѣ, о несчастіяхъ, когда авторъ не былъ въ онаѣ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію»⁶³).

Еще въ сентябрѣ 1826 г. Пушкину дано было знать, что пріѣхать въ Петербургъ ему дозволено—при условіи предварительнаго несодѣйствованія разрѣшенія на это. 24 апрѣля 1827 г. Пушкинъ написалъ Бенкендорфу, что проситъ разрѣшенія пріѣхать изъ Петербургъ, и получилъ его известіе съ напоминаніемъ: «его величества отозваться соизволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворянскомъ государю своему честное слово нести себя благородно и пристойно будетъ въ

Два автопортрета Пушкина, повидимому рисованные имъ въ Москвѣ. (Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводятся здѣсь впервые).

выполномъ смыслѣ сдержано». Такимъ образомъ, власти довольно недвусмысленно заявили Пушкину о своемъ недоверіи къ нему и даже не находили нужнымъ особенно церемониться съ поэтомъ.

Москва успѣла надѣвать Пушкину. Одинъ его знакомый писалъ въ мартѣ 1827 г.: «судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на разлахъ. Его знаютъ весь городъ, всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь собирается къ нему, какъ прежде къ великому Арусту собирались всѣ имѣвшіе немного здрачнаго смысла въ головахъ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Пушкинъ очень перемѣнился наружностію: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертвоекое выраженіе; впрочемъ, онъ все тотъ же—такъ же живъ, скоръ и по-прежнему въ одну минуту переходить отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію»⁶⁴). Одной изъ причинъ охлажденія Пушкина къ Москвѣ были сплетни, жертвою которыхъ онъ быстро сталъ. «Москва неблагородно поступила съ нимъ»—разсказываетъ Шеваревъ:—«послѣ немѣренныхъ помалку и лестныхъ приемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, возводить на него обвиненія изъ ласкательствъ и даже наушничествъ передъ государемъ. Это и было причиною, что онъ оставилъ Москву»⁶⁵). Той же участи подвергъ, было, поэтъ своего Ойбгина, когда онъ, странствуя по Россіи, посѣтилъ старую столицу: «замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ разнорѣчная молва, имъ занимается Москва, его шипомъ

⁶¹ «Русск. Стар.» 1903, бѣн., 638; сборн. Памяти Л. Н. Маикова, 249.

⁶² Л. Н. Маиконъ, II кн., 330.—Во время путешествія Пушкина въ 1833 г. разнесся слухъ, что онъ бѣжитъ не для изученія путешествій, а для собранія секретныхъ свѣдѣній о провинціальнахъ чиновникахъ (Воспоминанія графа В. А. Сологуба, М., 1866, стр. 18—19).

⁶³ «Старина и Новизна», VI, 4—5; М. Суходомцовъ, «Псалмодія», II, 219—228. Ср. въ настоящемъ томѣ примѣчаніе къ Борису Годунову.

⁶⁴ Письмо къ Бенкендорфу 3 января 1827 г.

⁶⁵ Суходомцовъ, II, 216; «Дѣла III Отдѣленія», 14.

именуется»...⁶⁹⁾ Когда одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ Критскихъ предложилъ избрать Пушкина въ предѣдателя тайнаго общества, кто-то изъ членовъ возразилъ, что «Пушкинъ нынѣ предался большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества»⁷⁰⁾. Даже въ глазахъ зеленой молодежи Пушкинъ уже не былъ прежнимъ Пушкинымъ. Что происходило въ душѣ

его,—этого никто не зналъ. Поэтъ былъ одинокъ.

Еще нѣсколько лѣтъ суждено было Пушкину влечь скитальческую жизнь, безъ вѣшняго спокойствія и безъ внутренняго мира съ самимъ собою. Москва была для него въ 1826—1827 гг. лишь стацией на этомъ пути. Вскорѣ онъ опять пустился въ дорогу, и во второй половинѣ мая 1827 г. мы застаемъ его уже въ Петербургѣ.

⁶⁹⁾ Русск. Стар. 1888 г., январь, 242.

⁷⁰⁾ «Бѣлое» 1906 г., ноябрь, 46.

Н. Лернеръ.

Автопортретъ Пушкина. Изъ Ушаковского альбома.

ПУШКИНЪ И ЕГО ДРУЗЬЯ СЛУШАЮТЪ ДЕКЛАМАЦІЮ МИЦКЕВИЧА ВЪ САЛОНѢ
КН. ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ.

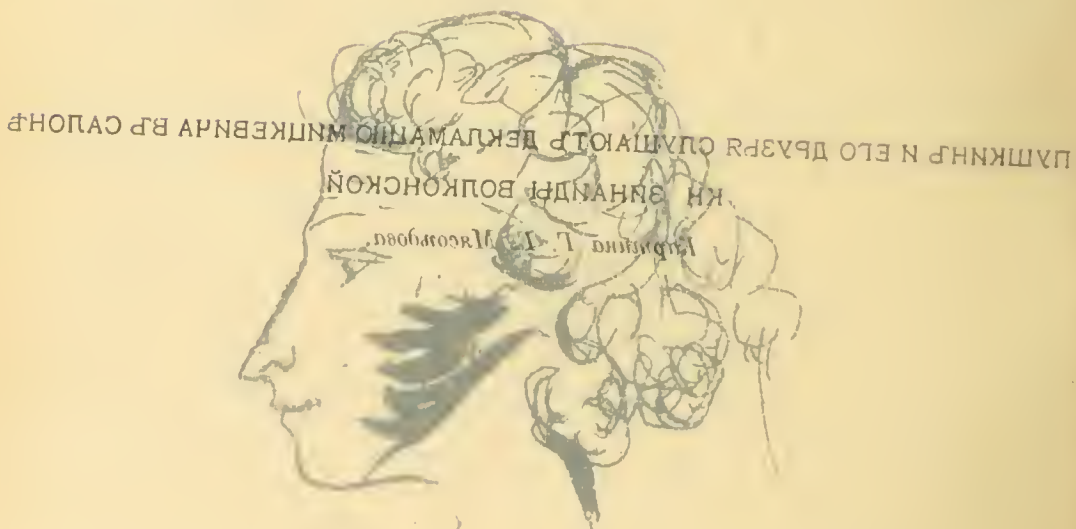
Картина Г. Г. Мясодова.

Вот он, этот человек, который в юности предсказал будущее России. В юности предсказал будущее России. В юности предсказал будущее России.

его, — этого никто не знает. Илья был одиночек.

Еще, несколько лет спустя было Пушкину в жизни скитальческую жизнь без вибрирующего спектра и без видения света. Амины сивов. Москва была для него в 1826—1827 гг. это столица во всем мире. Векорф он был оставлен в первую и во второй половине мая 1827 г. и застрял то уже в Штарте.

Н. Лернез.

Исторический очерк. Илья Александрович Штарте.

Пьеса эта, оставшаяся в бумагах Пушкина неоконченною и неотрезанною, появилась в печати уже послѣ смерти поэта, в VI томѣ Современника, съ произвольными передѣлками, принадлежавшими, можетъ быть, Жуковскому, вторымъ, вѣроятно, дано также и заглавіе, въ рукописи отсутствующее. Въ настоящее время она извѣстна намъ въ перебранномъ автографѣ, съ поправками Пушкина, а также и въ черновыхъ листахъ, писанныхъ отчасти чернилами, отчасти—карандашемъ. Всѣ эти рукописи изданы фототипически А. де-Біо и Куромъ, подъ редакціей Л. П. Бѣльскаго, въ М. 1901 г. Кроме того, въ бумагахъ А. С. Порова сохранился первоначальный набросокъ разговора княгини съ мамкой. Онъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1865, № 12, а снимокъ съ него данъ въ книгѣ В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903.

Въ бумагахъ Пушкина оказался также небольшой набросокъ, бывший въ свое время въ рукахъ П. В. Анненкова, который, однако, почему-то совсѣмъ забылъ о немъ въ своихъ «Материалахъ». Этотъ набросокъ будетъ напечатанъ въ 4-мъ томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина. Во времени написанія его слѣдуетъ приурочить къ 1826 году. Изъ него видно, что въ воображеніи Пушкина уже задолго до созданія извѣстной намъ теперь «Русалки» носился образъ фантастическаго существа, водяной красавицы, съ которою смертный находится въ близкихъ любовныхъ отношеніяхъ. Но въ ту пору поэтъ еще очень «ясно различалъ сквозь магическій кристаллъ» своей фантазіи «даль» той драмы, какая создавалась у него впоследствии...

Что касается этой драмы, то она, по свидѣтельству Анненкова, основанному на изученіи пушкинскихъ рукописей, была задумана Пушкинымъ въ ту осень 1830 г., которая отмѣчена въ биографіи нашего поэта поразительнымъ приливомъ творческихъ силъ. Въ эту осень Пушкинъ застрѣлъ

въ своей дальней и глухой нижегородской вотчинѣ, Болдино, отрѣзанный холерными карантинными отъ всего остальнаго міра, въ полномъ одиночествѣ, и съ жаромъ принялся за осуществленіе творческихъ плановъ, быть можетъ, уже давно роившихся въ его головѣ и теперь вышедшихъ себѣ въ ходъ въ усиленной работѣ. Извѣстно, что въ эту пору, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ стихотвореній, Пушкинымъ были написаны Повѣсти Бѣльсина, Исторія села Горохина, Домикъ въ Коломенѣ, Скуной Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Каменный Гость, Ширь во время чумы... Одновременно была начата и Русалка, съ которою поэтъ, однако, не свѣшилъ, отложилъ ее въ сторону и вернулся къ ней только полтора года спустя, уже въ Петербургѣ: 1-я сцена помѣчена, въ окончательномъ видѣ, 27 апрѣля 1832 г.

Въ это время Пушкинъ занимался переложеніемъ извѣстнаго сборника Мерме въ Пѣсни Западныхъ Славянъ—и, между прочимъ, написалъ усвоеннымъ имъ сербскимъ эпическимъ размѣромъ пѣсню XV «Янышь-королевичъ», замѣтивъ о ней въ выпискѣ: «Пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю». О какомъ «подлинникѣ» говорить здѣсь поэтъ? Въ сборникѣ Мерме этой пѣсни не находится; среди произведеній славянской народной поэзіи, въ настоящее время уже достаточно обследованныхъ, также не встрѣтилось ничего подходящаго; пѣсня, провозглашенная, съ легкой руки Анненкова, «чешскимъ сказаніемъ», не говоря уже о сербскомъ ея размѣрѣ, заключаетъ въ себѣ упоминаніе о «видѣ», извѣстной только въ сербской поэзіи; наконецъ, и самое имя «Янышь» звучитъ какъ-то странно: ни по чешски, ни по сербски... Въ нашей литературѣ было уже высказано вскользь (Ф. Е. Корнеевъ) предположеніе,—не сочинена ли пѣсня о Янышѣ самимъ Пушкинымъ, который только выдалъ ее за переводъ съ неизвѣстнаго «подлинника», какъ сдѣлалъ то же самое

со Скупымъ Рыцаремъ? Это предположеніе представляется вполне вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшей обработкѣ того же сюжета—въ Русалкѣ—Пушкинъ цѣлкомъ взялъ изъ пѣсни о Янышѣ не только общій ходъ разсказа, но и нѣкоторыя отдѣльныя положенія и выраженія. Въ пѣснѣ Янышъ—

Съ прежней любовью идетъ проститься,
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя.
Павязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами
чересь...

.....
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на землю она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ, на дѣѣ, молодая Елица
Водяною царицею очулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей...

Въ драмѣ серьги замѣнены повязкой, «чересь»—мѣшкомъ (что одно и то же); по отъѣздѣ князя, дѣвушка рветъ съ себя жемчугъ, снимаетъ повязку и бросается въ рѣку. Затѣмъ она («въ глубинѣ рѣки очнулася съ русалкою холодною и могучею», которую русалки называютъ «царицей»), и родила тамъ дочь. Другое совпаденіе касается мелкой детали: въ пѣснѣ маленькая Водяница виснеть на уздѣ коня Яныша; въ драмѣ дочь говорить:

И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не удвинулась!
И не повисла на уздѣ коня!

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что пѣсня о Янышѣ послужила основой для Русалки. Замыселъ поэта нашель себѣ выраженіе сначала въ эпической формѣ, затѣмъ развернулся въ драму; но какъ пѣсня, такъ и драма не были доведены до конца...

Въ пору созданія Русалки Пушкинъ уже вполне владѣлъ народною поэтическою рѣчью и былъ основательно знакомъ съ приемами народнаго поэтическаго творчества, хотя и не могъ еще освободиться отъ свойственнаго тому времени романтическаго воззрѣнія на «народность». Этимъ объясняется нѣкоторая двойственность въ характерѣ его драмы: съ одной стороны, мы видимъ въ

Русалкѣ отраженія русской народнои жизни и поэзіи, особенно яркія въ сценѣ свадебнаго пира, а съ другой стороны—изображеніе «подводнаго царства» и балладную фигуру мельника-ворона. Вместе съ тѣмъ, въ произведеніи Пушкина отразились довольно замѣтными чертами и литературныя вліянія: баллады Мюцкевича и въ особенности—чрезвычайно популярная въ свое время опера Генслера (музыка Кауэра) «Donauweibchen», переведенная въ 1803—1807 г.г. и приспособленная для русской сцены Николаемъ Краснопольскимъ, подъ заглавіемъ: «Дибировская Русалка». Тематическое сходство этой, хорошо извѣстной всѣмъ современникамъ нашего поэта, оперы съ драмой Пушкина и даже совпаденіе въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ было впервые обстоятельно изслѣдовано академикомъ Н. П. Ждановымъ^{*)}. «Изученіе такого именно матеріала», говоритъ авторъ изслѣдованія, «наблюденіе надъ способомъ обработки этого матеріала великимъ художникомъ представляетъ значительный интересъ. Сопоставленіе малозначащаго матеріала съ художественной его обработкой можетъ служить показателемъ силы и гибкости литературнаго таланта. Тяжело наблюдать, когда «художникъ-варваръ кистью сошной картину гения чернитъ и свой рисунокъ беззаконный надъ ней безмысленно чертитъ»; противоположное наблюденіе вызываетъ и противоположное чувство. Отраднo присматриваться, когда кисть истиннаго художника превращаетъ «беззаконный рисунокъ въ гениальную картину».

«Дибировская Русалка» Краснопольскаго пользовалась у насъ, въ теченіе чуть ли не полулѣтка, огромнымъ успѣхомъ и на столичныхъ, и на провинціальныхъ сценахъ. «Пѣса эта»,—разсказываетъ лѣтописецъ русскаго театра Арановъ,—«была представлена въ первый разъ 26 октября 1803 г. на Большомъ театрѣ, съ великолѣпнымъ спектаклемъ, и обставлена лучшими артистами... Не смотря на всю нелѣпность своего содержанія, она произвела фуроръ, и въ Петербургѣ только что и говорили о ней и пѣли повсюду изъ нея арии и куплеты: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой». «Мушкетеры на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ» и «Вы къ намъ вѣрность никогда не ло-

^{*)} «Памяти Пушкина», Сборникъ статей преподавателей и слушателей ист.-фил. факультета Имп. Сиб. университета, Сиб., 1900, стр. 139—178.

гиге сохранить». Эти арии были в большой модѣ, и повторялось представление Русалки черезъ день... 5 мая, 1804 г. было первое представление второй части... Обѣ части давали попеременно, обѣ равно нравились... 25 октября, 1805 г. давали третью часть...»). Арии и хоры изъ Русалки переходили и въ иѣсенники,—и Пушкинъ въ *Онѣггинѣ* (II, 12) отмѣтилъ ихъ исполненіе въ деревенскомъ помѣщичьемъ обществѣ:

Потомъ привносятъ и гитару,
И зашумятъ она — Богъ мой!
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»

Общее содержаніе оперы заключается въ слѣдующемъ: полоцкій князь Видостанъ женится на дочери кривогозскаго князя Славомысла, Милославѣ. Во время сватовства и свадьбы къ Видостану и Милославѣ иѣсколько разъ является, въ различныхъ превращеніяхъ, дѣвировская русалка Леста. Видостанъ иѣкогда любилъ ее, и она являлась ему въ видѣ крестьянской дѣвушки. Теперь Видостанъ узнаетъ отъ нея, что онъ — отецъ: Леста показываетъ ему ихъ дитя, дѣвочку Лиду, и требуетъ, чтобы Видостанъ и послѣ женитьбы не забывалъ своей прежней любви: онъ можетъ жениться, но долженъ три дня въ году проводить въ подводномъ теремѣ Лесты. Свиданія съ Лестой, ея рѣчи, вносятъ смущеніе въ сердце Видостана. Онъ колеблется между привязанностью къ жемѣ и воспоминаніямъ о прежней любви. Тревожится и Милослава, предчувствуя что-то недоброе. Вся эта тревога завершается перенесеніемъ Видостана въ подводный теремъ русалки; но затѣмъ по волѣ Лесты князь возвращается къ своей жемѣ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ новыхъ явленій и превращеній Лесты. Она отдаетъ свою дочь на воспитаніе жемѣ Видостана, который долженъ былъ поклясться, что никогда и никому не откроетъ тайны рожденія маленькой Лиды. Видостанъ не сдержалъ клятвы и въ наказаніе за это лишается жены: Милослава умираетъ, пораженная молніей; но Леста возвращаетъ ее къ жизни и переноситъ въ свое подводное царство. Здѣсь она и должна оставаться до тѣхъ поръ, пока Видостанъ не докажетъ своего раскаянія, пока въ его сердцѣ снова не проснется любовь къ жемѣ.

За множествомъ сценъ, напоминающихъ

то феерию, то фарсъ, за виѣшней нестройной содержанія скрывается чрезвычайно скудное драматическое дѣйствіе. Пьеса открывается сценой княжеской охоты. Видостанъ на берегу Дѣвиря. Появляются русалки; слышенъ голосъ Лесты. Этотъ знакомый голосъ напоминаетъ князю былое. Видостанъ убѣждается, что чары прежней любви еще сохраняютъ надъ нимъ свою силу: онъ не можетъ забыть минувнаго счастья и хотѣлъ бы его вернуть. Эта сцена охоты, сопровождаемая появленіемъ Лесты и тяжелымъ раздумьемъ Видостана, повторяется въ первой части пьесы иѣсколько разъ. Князь борется съ чувствомъ привязанности къ бывшему, желаетъ разорвать союзъ съ русалкой, но «память сердца» оказывается слишкомъ сильною. Въ началѣ III-й части мы снова находимъ Видостана на берегу Дѣвиря. Онъ радъ, что можетъ «предаться восхитительнымъ воспоминаніямъ о величественномъ Дѣвирѣ, въ которомъ обитаетъ прелестная Леста. О, если бы могъ я,—говоритъ онъ,—увидѣть ее еще однажды, если бы могъ я услышать пріятный ея голосъ!» и т. д.

Очень вѣроятно, что рѣшеніе Пушкина возродить сюжетъ пѣсни о королевицѣ Янышѣ въ драматической формѣ было подсказано именно *Дѣвировскою Русалкою*, подобно тому, какъ новая переработка сюжета о *Донъ-Жуанѣ* бы навѣяна оперой Моцарта. Тема *Русалки*, занимавшая нашего поэта, была имъ воспринята и освобождена отъ той шелухи, въ которой она изложена въ оперѣ Генслера,—отъ всѣхъ этихъ ненужныхъ и неумѣлыхъ фіоритуръ то сентиментальнаго, то комическаго характера,—развита и углублена въ своемъ существѣ и сблизена съ русскою жизнью. Въ результатѣ этой переработки явилось совсѣмъ новое, высоко-художественное произведеніе; подъ неумѣло наложенными красками «сварвара» заблестѣло творенье гения.

Сходство общаго содержанія двухъ *Русалокъ* очевидно. Въ томъ и другомъ произведеніи главныя дѣйствующія лица — одинъ и тѣ же: князь, его бывшая подруга — русалка, маленькая дочь этой русалки и жена князя. Завязка драмы и здѣсь и тамъ связана съ женитьбою князя. Свадьба сыграна; но и послѣ женитьбы князь возвращается мыслью и сердцемъ къ воспоминаніямъ о прежней любви. Жена князя у Пушкина страдаетъ, замѣчая охлажденіе мужа; страдаетъ и Милослава, замѣчая

*) П. Араповъ. Лѣтопись рус. театра, Сиб. 1861, стр. 163—164, 166, 172, 182.

охлаждение Видостана. Тяжелое положение осложняется существованием маленькой русалочки, дочери князя и русалки. В дальнейшем развитии действия Пушкин уже совершенно отклонился от плана Диб-провской Русалки; но многія отдѣльныя частности все-таки обнаруживаютъ нѣкоторыя, иногда очень любопытныя, совпаденія этихъ двухъ произведеній, столь различныя между собою по духу и по литературному достоинству.

Мѣсто дѣйствія пушкинской Русалки представляетъ берегъ Дибра (сцены 1, 4, 6), княжескій теремъ (сц. 2, 3) и теремъ русалки на дѣвѣ рѣки (сц. 5). Тотъ же берегъ Дибра и тотъ же подводный дворецъ находимъ и въ переводной Русалкѣ. На берегу Дибра мы застаемъ и Видостана и пушкинскаго князя. Въ концѣ первой части оперы «театръ представляетъ хрустальные чертоги русалки на дѣвѣ Дибра». Русалки поютъ: «Благодеиствуи, царица драгая», и пр. Въ такой же обстановкѣ начинается и I дѣйствие второй части оперы. У Пушкина въ 5-й сценѣ Русалки мѣсто дѣйствія опредѣляется такъ: «Дибровское дно. Теремъ русалокъ. Русалки прядутъ около своей царицы». Есть въ переводной пьесѣ и мельница на берегу Дибра, а рядомъ съ нею большое дерево (у Пушкина—«Дубъ завѣтный»). Пушкинская русалка—дочь мельника; въ видѣ мельничихи появляется и Леста въ нѣкоторыхъ сценахъ оперы. На вопросъ: «Кто ты такова?» она отвѣчаетъ: «Я дочь здѣшняго мельника и послана къ прѣѣзжему князю, который называется Видостаномъ». Между первой и третьей сценами пушкинской Русалки и проходитъ вѣтъ лѣтъ; то же число лѣтъ указано и въ оперѣ. Весеелье гостей, ирущихъ на княжеской свадьбѣ, смущено голосомъ невѣдомой пѣвицы, которая поетъ не свадебную пѣсню. Князь догадывается, что пѣла дочь мельника. Онъ «встаетъ изъ-за стола и говорить тихо коношному:

Вдѣ мельничиха здѣсь?
Скорѣ наведи ее. Дѣ свѣтай,
Кто смѣлъ ее вступить».

Но первоначальной редакціи Русалки пѣвица была замѣчена, но не узнана. «Дѣвушка подъ покрываломъ проходитъ черезъ комнату». Ее видѣли дружки и сваха. На свадебномъ ирѣ князя Видостана также появляется русалка изъ подѣ странствующей пѣвицы. Она играетъ на бандурѣ и поетъ

пѣсню. «По окончаніи аріи... Леста глядитъ пристально на Видостана». Этотъ взглядъ обращаетъ на себя общее вниманіе. Одинъ изъ княжескихъ слугъ готовъ прогнать пѣвицу: «Этакихъ гостей знаешь ли, какъ провожаютъ?»—говоритъ кравчій, обращаясь къ Лестѣ. Она требуетъ, чтобы князь угостилъ ее «кубокъ меду сладкаго». Видостанъ подаетъ ей кубокъ, трепещая...

Въ III сценѣ пушкинской Русалки князь, отправившійся на охоту, остается одинъ на берегу Дибра. Охотники возвращаются домой. Княгиня спрашиваетъ ловчаго, гдѣ князь и что съ нимъ, и приказываетъ сейчасъ же скакать за нимъ. Сходная сцена встрѣчается въ III части оперы. Видостанъ отправляется на охоту и долго не возвращается домой. «Что мнѣ дѣлать?»—говоритъ онъ: «Развѣ слышать скучные упреки отъ Милославы?» Охотники ищутъ князя, но не находятъ его. Милослава тревожится, одинъ изъ слугъ ее успокаиваетъ и пр.

Въ IV сценѣ Русалки князь на берегу Дибра вспоминаетъ бывшее и, между прочимъ, идетъ къ деревьямъ; на него сыплется листья.

Что это значитъ? Листья,

Поблкнувъ, вдругъ свернулись и съ шумомъ
Посыпались, какъ пепель, на меня...

Въ I-й части оперы Видостанъ «садится подѣ дерево и говоритъ: Я какъ будто приколдованъ къ этому мѣсту и не могу забыть того, что со мною приключилось. (Листья съ дерева на него сыплется. Вскочивъ). Что это значитъ? Какое невидимое существо окружаетъ меня?»

Въ другой сценѣ князь снова на берегу. «Напрасно хожу я по берегу быстрого Дибра»,—говоритъ онъ. «Напрасно ожидаю съ нетерпѣніемъ непастижимаго привидѣнія; очаровательное пѣніе, которое восхищало меня сегодня, безпрестанно раздается въ душѣ моей и влечетъ меня сюда подобно магниту». У Пушкина: «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечетъ невѣдомая сила...»

«Сопоставленіе Русалки Пушкина съ Русалкой Краснопольскаго убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ родственномъ сходствѣ этихъ произведеній», говоритъ акад. Ждановъ. «Но это же сопоставленіе двухъ Русалокъ открываетъ намъ и глубокую разницу «беззаконнаго рисунка» и гениальной картины. Пушкинъ зналъ переводную Русалку; онъ перенесъ изъ нея въ свое

произведение и некоторые литературные мотивы, но и передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетѣ драмы и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокий смыслъ. Передѣлка коснулась и построения драмы, и изложенія отдѣльных подробностей... Все, напоминающее театральную феерію и фарсъ, всё превращенія и мистическія сцены исчезли, конечно, въ Русалкѣ Пушкина... Въ переводной оперѣ изложеніе драматическаго сюжета растянуто на сцѣно явленій. Русалка Пушкина обрывается на шестой сценѣ; но въ этихъ немногихъ сценахъ великій поэтъ успѣлъ развернуть передъ нами такую потрясающую психологическую картину, о какой и не думали Генслеръ и Краснопольскій»...

Леста въ оперѣ—фантастическое существо, безмертная водяная фея—«никса», лишь случайно, но притомъ своей, принимающая видъ крестьянской дѣвушки и въ этомъ видѣ загнѣвающая любовную игру съ Видостаномъ. Такимъ образомъ, въ оперѣ отсутствуетъ главный, существенный элементъ драмы—страданія покинутаго любовницы. У Пушкина и въ ибсѣнѣ о Янышъ-корольвичѣ и въ Русалкѣ князь находится въ связи не съ фантастической, а виолѣ реальной дѣвушкой, дочерью мельника, которая становится русалкою только послѣ того, какъ, брошенная млымъ, утопилась въ Дибирѣ. Та к а я русалка уже не можетъ «играть» съ прежнимъ своимъ возлюбленнымъ; итъ, она въ течение цѣлыхъ восьми лѣтъ каждый день томилась о мести и радуется, когда ей кажется, что «часъ насталъ». Фантастическій элементъ пьесы Пушкина развивается рядомъ съ виолѣ реальными картинками русскаго быта. Вся вторая сцена Русалки представляетъ художественное воспроизведеніе старо-русскаго свадебнаго обряда. «Молодыхъ кормятъ жаренымъ ибѣухомъ, насыпаютъ амелемъ»; дружка долженъ разбѣзжать ночью подь окнами княжеской опочивальни; хоръ дѣвушекъ поетъ ибѣни; одна изъ этихъ ибѣенъ подшучиваетъ надъ свѣтомъ и т. д. Всѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ибѣни дѣвушекъ и русалокъ у Пушкина представляютъ, говоря словами акад. Жданова, «рѣдкій образецъ художественнаго пересозданія народной рѣчи». Неключее издѣіе Краснопольскаго, не имѣвшее никакой литературной цѣлности, у Пушкина превратилось въ одинъ изъ перловъ русскаго поэзіи.

Что касается балладъ Мицкевича, то съ ними пушкинская Русалка находится въ гораздо болѣе отдаленной связи.

Тема покинутаго дѣвушки разработана польскимъ поэтомъ въ двухъ балладахъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ литовскихъ народныхъ преданій: «Свитезянка» и «Рыбка». Въ первой изъ этихъ балладъ фантастическая Свитезянка, принявъ образъ реальной дѣвушки, сходится съ молодымъ охотникомъ, который клянется любить ее вѣчно. Для испытанія его вѣрности красавица снова принимаетъ свой прежній образъ русалки и, неузнанная возлюбленнымъ, манитъ его къ себѣ. Когда же онъ поддается на приманку, русалка горько упрекаетъ его въ вѣроломствѣ, и охотникъ погибаетъ въ волнахъ рѣки. Такимъ образомъ, общее съ пушкинской драмой тутъ только то, что русалка мститъ своему возлюбленному за измѣну. Но, вѣдь, въ сущности, мститъ она за измѣну, въ которой она сама является соучастницей. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ существенно расходится съ Мицкевичемъ. Кромѣ того, Свитезянка съ самаго начала является русалкою, между тѣмъ какъ у Пушкина въ русалку обращается загубленная измѣной милаго дѣвушка.

Во второй балладѣ дѣвушка-крестьянка, огорченная измѣной молодого барина, бросается въ озеро съ угрозой отомстить измѣшнику. У нея осталась малютка-дочь, отданная на попеченіе старика-слуги. Въ то время, какъ въ барскіхъ хоромѣхъ идетъ свадебное веселье, старикъ подходитъ къ озеру съ ребенкомъ погибшей, горько жалуется на то, что младенца некому покормить грудью, и зоветъ утопившую мать. Появляется рыбка, превращается въ дѣвцу, беретъ ребенка, кормитъ его, затѣмъ снова оборачивается рыбкой и уливается. Такъ продолжается ибѣсколькѣ дней. Но вотъ, однажды, старый слуга увидѣлъ, что баринъ съ молодой женой пошли гулять по направленію къ озеру. Когда и онъ черезъ ибѣкоторое время, понесъ туда ребенка, онъ былъ пораженъ исчезновеніемъ озера; на прежнемъ берегу онъ увидѣлъ только два камня, подобные думъ человеческимъ тѣламъ. Слуга догадался, что это—тѣла барина, погубившаго крестьянку, и его жены, «дикѣ умѣхнулся» и, читая молитвы, возвратился къ себѣ домой.

Въ этой балладѣ больше сходства съ основнымъ мотивомъ пушкинской русалки. Здѣсь мы видимъ такую же, какъ и у Пуш-

киша, крестьянку, обольщенную и покинутую знатымъ господиномъ; далѣе, свадебный ширъ у Мицкевича нарушается плачемъ ребенка, а у Пушкина—голосомъ погибшей дочери мельника. Но этими двумя чертами и ограничивается сходство польской баллады съ нашей драмой; дальше между ними нѣтъ уже ничего общаго *).

Такимъ образомъ, зависимость Русалки отъ баллады Мицкевича,—если вообще выраженіе «зависимости» въ данномъ случаѣ уместно,—не простирается дальше самаго общаго тематическаго сходства. Пушкинъ, конечно, знаетъ эти баллады; но думать, что онъ пмъ, такъ или иначе, «подражалъ» было бы черезчуръ смѣло. Вообще же слѣдуетъ сказать, что Пушкинъ,—какъ и Мицкевичъ,—былъ хорошо знакомъ съ народными преданіями и сказками о русалкахъ, бѣсахъ, мертвецахъ и т. п. и сообразно духу своего времени придавалъ имъ, въ своей обработкѣ, условное, романтическое освѣщеніе. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, безъ сомнѣнія, гораздо ближе польскаго поэта подошелъ къ дѣйствительной жизни. Сравненіе Русалки съ названными выше балладами служитъ однимъ изъ яркихъ доказательствъ этого различія между двумя поэтами.

Существовало во времена, довольно близкія къ Пушкину, смутное преданіе о томъ, будто Русалка была написана въ качествѣ опернаго либретто. Въ печати извѣстіе объ этомъ было впервые передано, какъ «слухъ», Бѣлинскимъ, въ его извѣстномъ разборѣ «Сочиненій А. Пушкина», въ 1846 г., т.-е. спустя всего девять лѣтъ послѣ смерти поэта и появленія Русалки въ Современникѣ. «Если бы это было и правда», прибавляетъ критикъ,—«то хотя самъ Моцартъ написалъ бы музыку на эти слова, опера не была бы выше своего либретто, тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на гдубійшіи и пошлѣйшіи слова... Но это предположеніе едва ли основательно. За исключеніемъ двухъ хорошихъ русалокъ и одной свадебной пѣсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ ширѣ, вся піеса написана пятисоннымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія». Также же извѣстіе на-

ходимъ и въ «Матеріалахъ» Анненкова, который, передавая его, основывался на «нѣкоторыхъ разсказахъ, сообщенныхъ недавно публнкѣ». Анненковъ высказалъ предположеніе, что композиторомъ, для котораго Пушкинъ сталъ писать свою Русалку, былъ молодой музыкантъ Андрей Петровичъ Есауловъ, посившій, собственно, фамилію Петрова, незаконный сынъ помѣщика Есаулова. Близкій другъ Пушкина, П. В. Пашковинъ, принимавшій въ судьбѣ Есаулова горячее участіе, заинтересовалъ поэта личностью этого талантливаго, но безпутнаго художника, и Пушкинъ, какъ видно изъ его писемъ, самъ принялся за него хлопотать и, вмѣстѣ съ Соболевскимъ, кое-чѣмъ помогать ему. Можетъ быть, поэтъ и въ самомъ дѣлѣ подумывалъ о переработкѣ Русалки въ либретто: на это, какъ будто, намекаетъ «поровскій» отрывокъ сцены княгини съ мамкой, написанный болѣе музыкальнымъ размѣромъ, нежели обычный драматическій ямбъ. Изъ Есауловъ векорѣ уѣхалъ въ провинцію (къ Рязанскую губернію), гдѣ и умеръ, и Пушкинъ такъ и не довелъ своего намѣренія до конца, да не окончилъ и самой драмы «Русалка».

Критика встрѣтила отрывокъ драмы, при его появленіи въ печати, восторженными похвалами. «Чего лишились мы въ неоконченной Русалкѣ, которая обѣщала быть однимъ изъ первыхъ, однимъ изъ самыхъ народныхъ произведеній Пушкина!» писалъ Шевыревъ въ Москвитянинѣ 1841 г. (ч. V, № 9).

Бѣлинскій о драматическихъ произведеніяхъ Пушкина вообще говорить (Соч., изд. Венгерова, VI, 110), что нашъ поэтъ «создалъ особый родъ драмы, которая къ настоящей относится, какъ повѣсть къ роману. По формѣ и объему это—не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію это—трагедія въ полномъ смыслѣ слова. По оригинальности и самобытности онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли, ихъ достоинство можетъ измѣряться только шедеврами драмами».

Обращаясь, въ частности, къ Русалкѣ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что «въ фантастической формѣ этой поэмы скрыта самая простая мысль, разсказана самая обыкновенная, но тѣмъ болѣе ужасная исторія...

*) Это сходство указано Н. Эйзенбетомъ въ Пушкинскомъ Сборникѣ студентовъ Московскаго университета, М. 1900, стр. 160—161. Но г. Эйзенбетъ совершенно напрасно сравниваетъ старое слѣду съ мѣльникомъ.

Какъ жалко, что эта пьеса не кончена! Хотя ея конецъ и понятенъ: пьеса должна погибнуть, увлеченный русалками на дно Дибра. Но какими бы фантастическими красками, какими бы дивными образами все это было сказано у Пушкина—и все это погибло для насъ!... Русалка въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху полного своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказать столько обще-человѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію»...

Чернышевскій въ своихъ «Очеркахъ гоголевскаго періода» высказываетъ, что Русалка «рѣшительно должна быть названа однимъ изъ превосходѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина».

Дружининъ (соч. т. VII, стр. 75.) находить, что въ «Русалкѣ» «мы видимъ Пушкина на одной дорогѣ съ Шекспиромъ,—за готовымъ, вычитаннымъ планомъ, за простой легендой, за сказочкою, многими поколѣніями слушанной до нашего поэта, за одною изъ тѣхъ простыхъ темъ, о которыхъ сотнями сокрушаютъ себѣ крылья художники не первоклассные. И, не смотря на немовѣрную трудность задачи, все произведение дивитъ насъ какъ замысломъ и сочиненіемъ, тзвъ и высокой гармоніей подробностей. Поэзія, которою проникнута вся Русалка отъ первой строки до послѣдней, безпредѣльна, какъ горизонтъ небесный... Въ этомъ твореніи мы находимъ все, что составляетъ прелесть поэмъ безсмертныхъ и первоклассныхъ: величественную стройность цѣлаго, безукоризненную прелесть въ малѣйшихъ подробностяхъ, силу замысла и, наконецъ, стихъ, дѣйствующій на насъ подобно великолѣпной музыкѣ, уносящей душу читателя въ тотъ завѣднѣйшій міръ, гдѣ самые звуки простыхъ словъ рождаютъ собой и мысли, и рои поэтическихъ образовъ... Великая сила Пушкина вся сказывается въ Русалкѣ, образцовомъ твореніи по своей правдѣ и своей поэзіи... Стихи, которыми написана Русалка, по совершенству своему до такой степени превышаютъ все, писанное мастерами дѣла у насъ, что мы поневолѣ должны будемъ ихъ сравнивать съ бѣлыми стихами тѣхъ иностранныхъ поэтовъ, которые сдѣлали изъ такого стила лучшій органъ для передачи многихъ изъ своихъ вдохновеній. Бѣлый стихъ Байрона въ Манфредѣ,

драмахъ и въ некоторыхъ поэммахъ рѣшительно уступаетъ стику Пушкина. Кромѣ Гете и Мильтона съ Шекспиромъ мы не знаемъ поэтовъ, которыхъ бѣлый стихъ могъ бы идти рядомъ съ безподобнымъ стихомъ, которому мы не можемъ достаточно надѣяться, читая Русалку Пушкина».

Русалка осталась неоконченною. Въ рукописи, находящейся въ настоящее время въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (№2376 А, л. 18 об.) имѣется набросокъ программы: «Мельникъ и его дочь.—Свадьба.—Княгиня и мамка.—Русалки.—Князь, старикъ и русалочка.—Охотники».

Сравнивая эту программу съ ея исполненіемъ, мы видимъ, что Пушкину оставалось сдѣлать только еще небольшое успіе для того, чтобы закончить свою драму: недостаетъ только появленія «охотниковъ»,—очевидно, посланныхъ княгинею на розыски князя. Но тутъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была разыгратъя окончательная катастрофа, — поэтъ задумался и отложилъ свою рукопись, къ которой затѣмъ ему уже не пришлось вернуться. Почему это случилось? Г. Суворинъ *) высказалъ мнѣніе, что Пушкинъ не окончилъ Русалки потому, что «подошелъ къ сценѣ, требовавшей всего напряженія его таланта. Онъ остановился тамъ, гдѣ предстояло ему написать и что, вродѣ достойное великаго поэта. Никогда такая трудная задача еще ему не представлялась. Живой отецъ—виновникъ гибели любимой женщины, и дочь его—фантастическое лицо. Столкновение реальнаго съ фантастическимъ, свиданіе отца и дочери въ такихъ положеніяхъ, какія едва ли когда являлись во всемірной литературѣ. Все, что предшествуетъ этой сценѣ, для Пушкина было сравнительно легко; но тутъ былъ центръ драмы, ея сущность, ея идея, ея значеніе. Дѣло не столько въ томъ, что дѣвушка бросилась въ воду, но въ томъ главнымъ образомъ, что она унесла съ собою и другую жизнь—ребенка... Посылая на берегъ свою дочь, Русалка еще не знаетъ навѣрное, что выйдетъ изъ этого свиданія; но она не можетъ сомнѣваться въ томъ, что это свиданіе возбудитъ въ князѣ воспоминанія о прежней любви и пробудитъ въ немъ родительскія чувства. Интересъ къ драмѣ растетъ именно въ главномъ ея пунктѣ, онъ идетъ къ высшему

*) Подѣлка Русалки Пушкина. Сиб. ИСО. стр. 188—189.

ея подъему, который именно тутъ, въ этомъ свиданіи отца съ дочерью»...

Какъ-то странно читать, будто Пушкинъ, «въ бореньяхъ съ трудностью сплачъ необычайный», вдругъ испугался явившагося передъ нимъ затрудненія и не рѣшился дописать заключительную сцену драмы. Не вѣришь ли предположить, что поэтъ остановился на распутьѣ между нѣсколькими развязками, мелькавшими въ его умѣ? Самая простая и вмѣстѣ—самая банальная изъ всѣхъ развязокъ заключалась бы въ томъ, что Русалка, такъ давно помышляющая о мести, губить князя, увлекая его въ волны Дибра. Но такая развязка могла внушить сомнѣніе именно своей банальностью. Можно было дать драмѣ и другой исходъ,—такой, которымъ разрѣшается нѣбеса о Янышѣ-королевичѣ: въ князѣ просыпается прежняя любовь, онъ умоляетъ Русалку выйти къ нему на берегъ, но бывшая любя отказывается, напоминая ему о молодой жемѣ. Наконецъ, и мы имѣемъ нѣкоторое основаніе для такого утвержденія въ остающихся еще неизданными отрывкахъ Пушкина—возможно было и третье предположеніе: Русалка соглашается на мольбы князя, прежнее чувство злобы и мести уступить свое мѣсто новой вспынкѣ любви, и водная красавица станеть ласкать своего покаявшагося любовника и цѣловать его своими холодными, мертвыми устами... Такъ Леста ласкала своего Видостана. Вопросъ о томъ, какую изъ трехъ возможныхъ развязокъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть, могъ остановить на себѣ вниманіе Пушкина и заставить его повременить съ окончаніемъ Русалки. А затѣмъ явились другіе поэтическіе замыслы, другія заботы, и драма такъ и осталась незавершеною.

Это обстоятельство послужило поводомъ для нѣсколькихъ попытокъ разныхъ лицъ присочинить къ пушкинской Русалкѣ свое собственное окончаніе. Первѣя изъ этихъ попытокъ принадлежитъ извѣстному современнику и поклоннику Пушкина, А. Ф. Вельяману (1800—1870). Въ его бумагахъ, поступившихъ въ Московскій Публичный Музей, нашелся планъ продолженія Русалки съ тѣхъ словъ, на которыхъ обрывается подлинный пушкинскій текстъ, и начало самаго «продолженія». Другое продолженіе написано инженеромъ А. П. Штукенбергомъ и напечатано въ изданной имъ въ Сиб. 1866 г. книжкѣ:

«Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутогорова». Третье сочинено г-жей Е. А. Богдановой, напечатанной въ Москвѣ, въ 1877 г., подъ буквами: «П. О. П.», «Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка». Всѣ названные «продолженіи» Пушкина писали, разумеется, на свой страхъ, несколько не прикрываясь именемъ великаго поэта и стараясь лишь, по мѣрѣ своихъ способностей и разумѣнія, подойти къ пушкинскому замыслу. Но въ 1897 г. на страницахъ Русскаго Архива (кн. III) появилась грубо сфабрикованная мистификація инженера Д. П. Зубова, который увѣрялъ, что онъ еще въ 1836 г., 14-лѣтнимъ мальчикомъ, слышалъ у поэта Губера чтеніе Пушкинымъ конца Русалки, запомнилъ его отъ слова до слова и затѣмъ, спустя болѣе 50-ти лѣтъ, записалъ по памяти, читалъ въ собраніи Литературнаго Общества 1889 г. и, наконецъ, уступая настояніямъ Б. П. Чичерина, опубликовалъ въ Русскомъ Архивѣ. Достаточно, казалось бы, одного взгляда на это произведеніе, въ которомъ то и дѣло встрѣчаются такіе будто бы стихи, какъ: «Въ Дибрѣ бросясь, русалкой вѣщей стала», «Сказки... невразумно... погибла... важность» или «мамъ, мамъ! Злой дѣдка обижаетъ», чтобы увидѣть всю цѣлѣность мысли, что эта неуклюжая поддѣлка имѣеть что-то общее съ Пушкинымъ. Тѣмъ не менѣе нашлись почтенные люди, которые приняли эту грубо намазанную дѣтскимъ карандашемъ бумажку за настоящій кредитный билетъ и принялись усердно доказывать ея подлинность,—и, конечно, только лишь разъ доказали легковѣріе русскихъ читателей, съ давняго времени склонныхъ приписывать Пушкину всякія безграмотныя стихотворныя упражненія. Вопросъ о зувской Русалкѣ¹⁾ вызвалъ въ свое время цѣлую литературу, собранную А. С. Суворинымъ въ книжкѣ: «Поддѣлка Русалки Пушкина» (Сиб. 1900) и послужилъ поводомъ къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ труду академика Ф. Е. Корша («Извѣстія Общества рус. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ» 1898 г.), который, желая доказать подлинность зувской поддѣлки, представилъ прекрасный и подробный анализъ пушкинскаго стиха.

П. Морозовъ.

¹⁾ Ср. о ней также въ исторіи Пушкинскаго текста.

СВИДАНИЕ КНЯЗЯ СЪ ДОЧЕРЬЮ МЕЛЬНИКА.

Рисунокъ К. Лебедева.

695. [РУСАЛКА].

[Не отдѣлано и не окончено].

[СЦЕНА ПЕРВАЯ].

Берегъ Дибира. Мельница.

Мельникъ, дочь его.

мельникъ.

Охъ то-то всё Вы, дѣвки молодые,
 Всё глушы вы. Ужъ если подвернулся
 Къ Вамъ человекъ завидный, не простой
 Такъ должно вамъ его себѣ упрочить
 А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ повѣдешемъ,
 Заманивать то строгостью, то лаской;
 Порою изподволь, обнякомъ
 О свадьбѣ заговаривать—а лучше
 Беречь свою дѣвическую честь—
 Бездѣльное сокровище; она—
 Что слово—разъ упустишь, не воротить.
 А коли итъ на свадьбу ужъ надежды,
 То, всетаки, по крайнѣйшій мѣрѣ можно
 Каконъ нибудь барынь себѣ—въ пользу
 Роднымъ да выгадать; подумать надо
 «Не вѣчно-жъ будетъ онъ меня любить
 («И слушаться моей малѣйшей воли)
 И баловать меня.»—да итъ! куда
 Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! къ стати-ль?
 Вы тотчасъ одурѣете; Вы рады
 Непоинить даромъ прихоти его,
 Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милого дружка—у милой другъ

Глядь и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы
 Остались ни съ чѣмъ: Охъ, всё вы глушы!
 Не говориль-ли я тебѣ сто разъ:
 Эй, дочь, смотри, не будь такая дура
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да съ проста
 Не погуби самой себя.—Что жъ вышло?...
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не воротить.

дочь.

Почему же

Ты думаешь что бросилъ онъ меня?

мельникъ.

Какъ, почему? Да сколько разъ бывало
 Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
 А? всякой Божій день, а иногда
 И дважды въ день—а тамъ все рѣже рѣже
 Сталъ приѣзжать—и вотъ девятый день
 Какъ не видали мы его. Что скажешь?

дочь.

Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
 Вѣдь онъ не мельникъ—за него не станеть
 Вода работать. Часто онъ твердитъ
 Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

мельникъ.

Да, вѣрь ему! Когда Князь трудятся,
И что ихъ трудъ? травиль лисицъ и зай-
цевъ

Да пировать, да обижать сосѣдей,
Да подговаривать вась бѣдныхъ дурь
Онъ самъ работаетъ; куда какъ жалко!
А за меня вода!... а мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ, а тамъ посмо-
тришь:

То здѣсь то тамъ нужна еще починка
Гдѣ гниль, гдѣ течь.—Вотъ если бѣ ты у
Князя

Умѣла выростить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бѣ лучше.

дочь.

Ахъ!

мельникъ.

Что такое?

дочь.

Чу! я слышу топотъ
Его коня... Онъ, онъ!

мельникъ.

Смотри-же, дочь,
Не забывай молвъ совѣтовъ, помни...

дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ.

(Входитъ Князь. Конюшій уводитъ его коня.)

князь.

Здорово, милый другъ!

Здорово—мельникъ

мельникъ.

Милостивый Князь,
Добро пожаловать! Давно давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. *(Уходитъ.)*

дочь.

Ахъ наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ,
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня
Но славу Богу! живъ ты, невредимъ,
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли?

князь.

По прежнему, мой ангелъ
Нѣтъ, больше прежнего—

Люков [и ц а].

Однако ты

Печаленъ; что съ тобою

князь.

Я печаленъ?

Тебѣ такъ показалось—нѣтъ я веселъ
Всегда когда тебя лишь вижу—

она.

Нѣтъ

Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Слѣшишь и кличешь—гдѣ моя голубка,
Что дѣлаетъ она? а тамъ цалуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала-ли тебя такъ рано—
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь не цалуешь въ очи,
Ты чѣмъ нибудь встревоженъ вѣрно. Чѣмъ-
же

Ужъ на меня не сердилъ-ли ты?

князь.

Отъ сокола не скрыться вороженку,
Отъ глазъ любви душѣ не утаиться
Я не хочу притворствовать напрасно
Ты права: въ сердце я пошу печаль
Тяжелую—и ты ея не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить (ни) даже раздѣлить—

она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Единой грустью—тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь—буду плакать; не позволишь,
Ии слезкой я тебѣ не досажу.

князь.

Зачѣмъ—мнѣ медлить? чѣмъ скорѣй, тѣмъ
лучше
Мой милый другъ—ты знаешь, нѣтъ на
свѣтѣ

Блаженства прочнаго: ни знатный родъ
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
Кто разъ сказалъ: я *щастливъ*, тотъ ужъ
вѣдай

Что близокъ близокъ *щастію* конецъ
И мы—не правда ли, моя голубка?
Мы были *щастливы*; по крайнѣйшій мѣрѣ
Я *щастливъ* былъ тобой, твоей любовью
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣбъ нибылъ я, всегда я буду помнить
Тебя мой другъ; того что я теряю
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе,
Разлуку, можетъ быть.

князь.

Ты угадала

Разлука намъ судьбою суждена

О П А.

Кто разлучитъ насъ? Развѣ за тобою
Идти послѣдъ я всюду не властна
Я мальчикомъ одѣнусь. Вѣрно буду
Тебѣ служить, дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ—войны я не боюсь,
Лишь видѣла бѣ тебѣ—и вѣтъ и вѣтъ не ибрю
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь
Или со мной пустою шутку шутить.

К Н Я З Ъ.

И вѣтъ, шутки мнѣ наумъ нейдутъ сегодня
Вывѣдывать тебя не пужно мнѣ;
Не снаряжаюсь и ни въ дальной путь,
Ни на войну—я дома остаюсь
Но долженъ я съ тобою навѣкъ проститься

О П А.

Ностой, теперь я понимаю все...
Ты женишься (Князь молчитъ.) Ты женишься.

КНЯЗЬ И ДОЧЬ МЕЛЬНИКА.

Рисунокъ В. Васнецова.

К Н Я З Ъ.

Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князья невольны,
Какъ дѣвцы—не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой—

Твою печаль утѣшить богъ и время
Не забывай меня; возьми на память
Ламазную повязку—дай я самъ
Тебѣ ее надѣну—(вогъ еще)
Жемчужное въ подарокъ ожерелье—
Возьми его.—Да вотъ еще: отцу

Я это посулилъ. Отдай ему.

(Даетъ ей въ руки мышокъ съ золотомъ).

Прощай.—

она.

Постой, тебѣ сказать должна я
Не помню что.

князь.

Припомни.

она.

Для тебя

Я все готова... Нѣтъ не то... постой...
Нельзя, чтобы навѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да!... вспомнила: сегодня... у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся

князь.

Пешастная! Какъ быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя
Современемъ, быть можетъ, самъ приѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься; не крунися
Дай общему тебя въ послѣдній разъ
(Уходя). Ухъ! кончено—душѣ вѣкъ будто
легче.

Я бужи ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. *(Уходитъ. Она остается
неподвижною).*

мельникъ *(входитъ).*

Не угодно ль, *(будетъ)*

Пожаловать на мѣльницу. Да гдѣ жъ онъ
Скажи, гдѣ Князь нашъ? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся въ заменяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! и бусы!... Ну, скажу
Подарокъ Царевнѣ. Ахъ онъ благодѣтель
А это что? мошонка! ужъ не деньги ль?
Да что-же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
Отъ радости нежданной одурѣла,
Нль на тебя столбнякъ нашелъ?

дочь.

Не вѣрю,

Не можетъ быть. Я такъ его любила,
Нли онъ звѣрь? нль сердце у него
Косматос?

мельникъ.

О комъ ты говоришь?

дочь.

Скажи родимый какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлку развѣ
Моя краса пропала? нль его
Отравой оионли?

мельникъ.

Что съ тобою?

дочь.

Родимый, онъ ухалъ!—Вонъ онъ скачетъ—
И я, безумная, его пустила

Я за поля его не уфѣлилась,

Я не повисла на уздѣ коня!

Пускай-же бѣ опъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки полокоть, пускай бы тутъ-же
Онъ разтопталъ меня своимъ конемъ!

мельникъ.

(Ты бредишь)

дочь.

(Видишь-ли)—Князя невольны

Какъ дѣвицы, не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... а вольно имъ,
Небось, подманывать, божиться, плакать
И говорить: тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу
И паражу въ парчу и въ бархатъ алой!
Имъ вольно бѣднхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зари за мѣльницей сидѣть—
Имъ любю сердце Княжеское тѣшить
Бѣдами нашими, а тамъ сказать прощай
Ступай, голубунка куда захочешь.
Люби кого замыслишь:

мельникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло

дочь.

Да ктожъ невѣста—на кого
Онъ промѣнялъ меня. Я узнаю
Я доберусь—я ей скажу злодѣйкѣ
Отстань отъ Князя, видишь, двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ

мельникъ.

Дура!

Ужъ если Князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему. Вотъ то-то
Не говорилъ-ли я тебѣ...

дочь.

И могъ онъ,

Какъ добрый человекъ со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки—каково!...
И деньги! выкунить себя онъ думалъ
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить
Что[бъ] не пропала о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да бишь, забыла я—тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хороши ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя гибель! *(Отдаетъ ему мышокъ).*

мельникъ *(въ слезахъ).*

До чего я дожилъ!

Что Богъ привелъ услышать—грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекаю отца роднаго.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей
Какъ было мнѣ тебя не баловать

(Какъ огорчить тебя бы я могъ рѣшиться)
 Богъ наказалъ меня за то что слабо
 Я выполнилъ отцовскій долгъ

дочь.

Охъ душно
 Холодна змѣи мнѣ шею давить
 Змѣею подкожной огнь мени
 Не жемчугомъ опуталъ... *(Грѣтъ съ себя жемчугъ).*

Такъ бы я

Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
 Проклятую разлучицу мою!

мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

дочь *(смыкаетъ съ себя повязку).*

Вънедь позора! воть чѣмъ насъ вѣнчали
 Лукавый врагъ, когда я отрекася
 Ото всего чѣмъ прежде дорожила
 И предалась обманщику. Довольно!
 Мы развѣчались—стѣнь ты мой вѣнцъ
(Бросаетъ повязку въ Дитиръ).
 Теперь все кончено... *(Бросается въ рѣку).*
 старикъ *(плача).*
 Охъ горе, горе!

ПРОЩАНЕ ДОЧЕРИ МЕЛЬНИКА СЪ КНЯЗЕМЪ.

Рисунокъ Коверзиса.

[СЦЕНА ВТОРАЯ].

Княжескій теремъ.

Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости. Хоръ дѣвушекъ.

свять.

Веселую мы свадьбу сыграли.
 Ну, здравствуй Князь съ Княгиней молодой
 Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ

А намъ у Васъ позаче шровать.
 Что жь, красныя дѣвицы вы примолкли?
 Что жь бѣлыя лебедушки притихли?
 Али всѣ вѣсенки вы переѣли?
 Али горюшки отъ вѣнья пересоли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковой сватушка!
По невѣсту ѡхали
Въ огородъ заѡхали
Ива бочку пролили
Всю канусту полили
Тыну поклонилися
Веревъ молилися
Веревъ-ль, веревушка
Укажи дороженьку
По невѣсту ѡхати.
Сватушка догадайся
За мошоночку принимайся
Въ мошинѣ денежка шевелится
Къ краснымъ дѣвушкамъ поровится
свѣтъ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на возьмите, не корите свата. *(даритъ дѣвушкамъ).*

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

По камушкамъ по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы
А слышала-ль ты рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчкия?
Какъ вѣчоръ у насъ красна дѣвица утопи-
лась

Утоная мила друга проклинала
свѣтъ.

Красавицы! да это что за пѣсня
Она, кажись, не свадебная; пѣть.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?
дѣвушки.

Не я—

Не я—не мы...

свѣтъ.

Да кто жъ проиѣлъ ее
*(Шопотъ и смятеніе между дѣ-
вушками).*

князь.

Я знаю кто.

*(Встаетъ изъ стола и говоритъ тихо
коиюшему)*

Мѣльничиха здѣсь
Скорѣ выведи ее. Да свѣдай
Кто смѣлъ ее испустить.

*(Коиющій подходитъ къ дѣ-
вушкамъ).*

князь *(сидитъ, про себя).*

Она, пожалуй,

Готова здѣсь надѣлать столько шума
Что со стыда не буду знать куда
И спрячутся.

коиюшій.

Я не нашель ее.

князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Проиѣла эту пѣсню.

гость.

Ай да медь!

И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ—
Жаль горекъ: подластить его бѣ не худо
*(Молодые цалуются. Слышеть сла-
бый крикъ).*

князь.

Она! вотъ крикъ ее ревнивой. *(Коиошему).*
Что?

коиюшій.

Я не нашель ее ни гдѣ.

князь.

Дуракъ.

дружка *(вставал).*

Не время ль намъ Княгиню выдать мужу
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣ-
лемъ?
(всѣ встаютъ).

сваха.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха
*(Молодыхъ кормитъ жаренымъ пѣтухомъ,
осыпаютъ хмѣлемъ - и всходятъ въ спальню).*

сваха.

Княгиня душенька, не плачь, не бойся
Послушна будь.

*(Молодые уходятъ въ спальню, всѣ
расходясь, кромѣ свахи и дружка).*

дружка.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду развѣзжать,
Такъ укрѣпится мнѣ виномъ не худо

сваха *(наливаетъ ему чарку).*

На кунай, на здоровье

дружка.

Ухъ спасибо.

Все хорошо, не правда ль, обошлось
И свадьба хоть куда—

сваха.

Да слава Богу

Все хорошо—одно цехорошо
дружка.

А что

сваха.

Да не къ добру проиѣли пѣсню
Не свадебную а Богъ вѣсть какую
дружка.

Ужъ эти дѣвушки—никакъ нельзя имъ
Не попроказать—статочню ли дѣло
Мутить парочню княжескую свадьбу
Пойти-ка мнѣ садиться на коня.
Прощай, кума! *(Уходитъ).*

сваха.

Охъ сердце не на мѣстѣ!

Не въ пору сладилъ мы эту свадьбу.—

[СЦЕНА ТРЕТЬЯ].

Свѣтаца.

Княгиня и Мамка.

княгиня.

Чу—кажется трыбять; вѣтъ онъ не вѣдетъ.
 Ахъ мамушка, какъ былъ онъ женихомъ
 Онъ отъ меня на шагъ не отлучался
 Съ меня очей бывало не сводилъ
 Женился онъ и все пошло не такъ.
 Теперь меня ранешенько разбудить,
 И ужъ велить себѣ коня сѣдлатъ;
 Да до ночи Богъ вѣдаетъ гдѣ вѣздитъ
 Веротится, чуть ласковое слово
 Промолвить миѣ, чуть ласковой рукой
 По бѣлому лицу меня потреплетъ.

мамка.

Княгиниовка, мушпа что вѣтхуъ:
 Кири куку! махъ махъ крыломъ и прочъ
 А женщина, что бѣдная насѣдка
 Сиди себѣ да выводилъ дышлять.
 Пока женихъ—ужъ онъ не насидится
 Ни шеть ни вѣтъ, глядѣть не наглядится
 Женился—и заботы настаютъ
 То надобно сосѣдей навѣстить
 То на охоту вѣхать съ соколами
 То на войну неслегкая песеть
 Туда сюда—а дома не сидится

княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ вѣтъ ли у него
 Зазнобы тайной

мамка.

Волю, не грѣши:
 Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
 Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненагляд-
 ной

Обычаемъ и разумомъ. Подумай:
 Ну въ комъ ему найти какъ не въ тебѣ
 Сокровища такого?

княгиня.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
 И миѣ послалъ дѣтей. Къ себѣ тогда бъ
 Умѣла вновь я мужа привязать...
 А! полногъ дворъ охотникамъ. Мужъ
 Домой прѣвхалъ. Что жъ его не видно?
 (Входитъ ловчій).

Что Князь, гдѣ онъ?

ловчій.

Кидзь приказалъ домой
 Отгѣхать намъ.

княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

ловчій.

Остался

Одинъ въ лѣсу на берегу Дибира

княгиня.

И Князя Вы осмѣлились оставить
 Тамъ одного; усердные вы слуги!
 Сей часъ назадъ, сей часъ къ нему скачите
 Сказать ему что я прислала васъ—
 (Ловчій уходитъ).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу почной порою
 И дикій звѣрь и лютый человѣкъ
 И лѣшій бродить—долго ль до бѣды
 Скорѣй зажги свѣчу передъ иконою.

мамка.

Вѣгу, мой свѣтъ, бѣгу...

[СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ].

Дибирь. Ночь.

русалки.

Веселой толпою
 Съ глубокаго дна
 Мы ночью слышаемъ
 Насъ грѣшетъ луна
 Любо намъ порой почною
 Дно рѣчное покидать
 Любо вольной головою
 Высь рѣчную разрѣзать
 Подавать другъ дружкѣ голоса
 Воздухъ звонкій раздражать
 И зеленый влажный волосъ
 Въ немъ сунуть и отряхать
 одна.
 Тише, тише! подъ кустами
 Птичка испугала во мглѣ.

другая.

Между мѣсядемъ и нами
 Кто-то ходитъ по землѣ. (Прячется).

князь.

Неволью къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня плечетъ невѣдомая сила
 Знакомыя, печальныя мѣста!
 Я узнаю окрестные предметы—
 Вотъ мѣльница! Она ужъ развалилась;
 Веселый шумъ ея колесъ омокнулъ;
 Сталъ жерновъ—видно умеръ и старикъ.
 Дочь бѣдную оплакала онъ недолго.
 Троишка тутъ вилась—она заглохла
 Давно, давно сюда никто не ходитъ—
 Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
 Разросся онъ кудрявой этой рощей?

Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный, Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?... *(Идетъ къ деревьямъ; листья
сыплются).*

Что это значить? листья
Поблещувъ вдругъ свернулись и съ шу-
момъ

Посыпались какъ пепель на меня
Передо мной стоятъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое...
(Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой).

старикъ.

Здорово,

Здорово зять—

князь.

Кто ты?

старикъ.

Я здѣшній воронъ.

князь.

Возможно ль? Это мѣльникъ!

старикъ.

Что за мѣльникъ!

Я продалъ мѣльницу бѣсамъ завѣчнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Дибра-рѣки зарыты
Ихъ рыба одноглазка стережетъ—

князь.

Нешастный, онъ помѣшанъ. Мысли въ
немъ

Разсѣяны какъ лучи послѣ бури.

старикъ.

Зачѣмъ вѣчеръ ты не прѣѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ шуръ, тебя мы долго ждали

князь.

Кто ждалъ меня?

старикъ.

Кто ждалъ? вѣстимо дочь

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она

Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ

Ни слова не скажу я

князь.

Бѣдный мѣльникъ!

старикъ.

Какой я мѣльникъ, говорятъ тебѣ
Я воронъ а не мѣльникъ. Чудный случай:
Когда (ты поминишь) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да
вдругъ

Почувствовать, два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь то тамъ летаю, то вьюю
Корову мертвую, то на мотылкѣ
Сажу, да каркаю.

князь.

Какая жалость!

Кто-жъ за тобою смотреть?

старикъ.

Да, за мною

Присматривать не худо—старъ я сталъ
И шаловливъ—за мной, спасибо, смотреть
Русалочка.

князь.

Кто?

старикъ.

Внучка.

князь.

Невозможно

Понять его. Старикъ, ты здѣсь въ дѣсу
Иль съ голоду умрешь иль звѣрь тебя
Забьетъ. Не хочешь ли пойти въ мой
теремъ

Со мною жить!

старикъ.

Въ твой теремъ? Итъ спасибо

Заманишь а потомъ меня пожалуй
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ
И сытъ, и волепъ. Не хочу въ твой теремъ
(Уходитъ).

князь.

И этому все я виною! страшно
Ума лишиться. Легче умереть
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы. Смерть ровняетъ
Съ нимъ каждого. Но человекъ лишенный
Ума, становится не человекомъ
Напрасно рѣчь ему дана, не править
Словами онъ: въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ, онъ людямъ въ посмѣянье
Надъ нимъ всякъ волепъ, Богъ его не
судитъ.

Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Разкаинья всѣ муки разтравилъ.

ловчій.

Вотъ онъ. Насладо то его сыскали!—

князь.

За чѣмъ вы здѣсь?

ловчій.

Княгиня насъ послала.

Она боялась за тебя

князь.

Неспособна

Ея заботливость! иль я ребенокъ—
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ пяшки?
(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой)

Что, сестрицы? въ полѣ чистомъ

Не догнать-ли ихъ скорѣй

Нлескомъ хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?

русалка.

Поздно. Волны охладѣли,

Ивступъ въ дали проибли,
 Высь небесная темна,
 Закатилася луна.
 одна.
 Подождешь еще, сестрица.

другая.

Ивтъ пора пора пора
 Ожидаетъ насъ царица,
 Наша строгая сестра. *(Скрываются).*

ШАЛЯЩИЙ ВЪ РОЛИ СУМАСШЕДШАГО МЕЛЬНИКА.
(Опера Дарюмыжскаго «Русалка»).

[СЦЕНА ПЯТАЯ].

Дибровское дно. Теремъ русалокъ.

Русалки прядутъ около своей Царицы.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряду, сестры. Солнце сбло
 Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно
 Нльвите вверхъ подь небомъ поиграть,
 Да никого не трогайте сегодня
 Ни ившехода щекотать не смййте

Ни рыбакамъ ихъ неводь отягчать
 Травой и тиной—ни ребенка въ воду
 Заманивать разказами о рыбахъ.

(Входитъ Русалочки).

Гдб ты была?

дочь.

На землю выходила
Я къ дѣдушкѣ. Все просить онъ меня
Со дня рѣвки собрать ему тѣ деньги
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ, я долго ихъ искала;
Но что такое деньги, я не знаю.—
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

русалка.

Безумный свярга
Послушай дочка. Нынче на тебя
Надѣюсь я. На бѣрегъ нашъ сегодня
Придетъ муштина. Стеречи его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ,
Онъ твой отецъ.

дочь.

Тотъ самый что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ; къ нему иѣжибе приласкайся
И расскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье; также
И про меня. И если спросить онъ
Забыла ль я его или иѣтъ; скажи,
Что все его я помню и люблю
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

дочь.

О, поняла!

РУСАЛКА.

Ступай же. *(Одна)*. Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Дѣвиры-рѣвки очнулась
Русалкою холодной и могучей
Я каждый день о мщеньи помышляю
И нынѣ, кажется мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Берегъ.

князь.

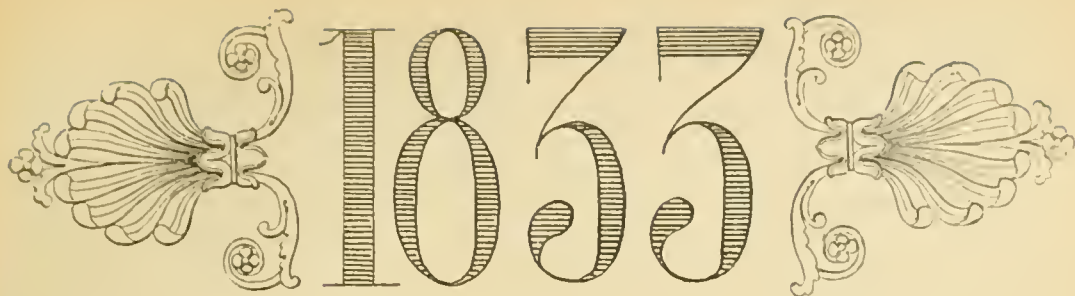
Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть
Здѣсь иѣкогда любовь меня встрѣчала
Свободная, свободная любовь—
Я счастливъ былъ, безумецъ!.. И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться.
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! какъ ужасенъ онъ
Авось опять его сегодня встрѣчу
И согласится онъ оставить гѣсь
И къ намъ переселиться...

(Русалочка выводитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты, прекрасное дитя?

696—697—698. ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистають;
 Всѣ ужь увѣчаны гости; нощю обоняеть, зажмурясь,
 Ладога сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
 Медь и сыръ молодой:—все готово; весь уборъ цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поють. Но въ началѣ трапезы, о други,
 Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно Безмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
 Правду блюсти: вѣдь оно жь и легче. Тенерь мы приступимъ:
 Каждый въ мѣру свою пащвайся. Вѣда не велика
 Въ нощь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

II.

(Изъ Аѳенел).

Славная флейта, Теоупъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
 Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, иѣкогда Скириалъ родилъ,
 И вдохновенный, парекъ отъ младенца Теоупомъ. За чашей
 Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Теоупъ.
 Славилъ и Ватала отъ, молодого красавца: прохожій!
 Мимо гробницы сѣбша, вымолви: здравствуй, Теоупъ!

III.

ВИНО.

(Юль Хіосскій).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
 Шумный зачищикъ обидъ, милый заступникъ любви.

699. СВАТЪ ИВАНЪ, КАКЪ ПИТЬ МЫ СТАНЕМЪ. [не кончено].

Свѣтъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
 Непремѣнно ужь помянемъ
 Трехъ Матрени, Луку съ Петромъ,
 Да Пахомову потомъ.
 Мы живали съ ними дружно;
 Ужъ какъ хочешь, будь что будь—
 Этихъ надо помянуть,
 Помянуть намъ этихъ нужно.
 Поминать, такъ поминать,
 Начинать, такъ начинать,
 Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.
 Начиная же, свѣтъ, пора!
 Трехъ Матрени, Луку, Петра
 Мы помянемъ пивомъ,
 А Пахомову потомъ
 Широгами да виномъ,
 Да еще се помянемъ—

Сказки сказывать мы станемъ.
 Мастерца вѣдь была!
 И откуда что брала?
 А куда разумны шутки,
 Приговорки, прибаутки,
 Небылицы, быльницы
 Православною старшию!..
 Слушаютъ—акъ душѣ отрадно;
 Кто придумалъ ихъ такъ складно?
 И не пилъ бы, и не ѣлъ,
 Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
 Стариковъ когда нибудь
 (Жаль, теперь намъ недосужно)
 Надо будетъ помянуть:
 Помянуть и этихъ нужно..
 Слушай, свѣтъ: начну первой,
 Сказка будетъ за тобой..

700. ГОСПОДИНА ШАФОНСКАГО.

[Вставка Нушкина въ «Моминаніе», написанное Кн. Вяземскимъ въ подражаніе предыдущему стихотворенію].

Г. [осподина] Шафонскаго,
 Карманный грошъ ки[язя] Гр[игорія] Вол-
 копскаго,
 И ужъ Александра Македонскаго,
 Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
 Помянуть... Покойника Вицценгероде,
 Саксонскаго министра Люцероде,
 Графиню Виццеканцлершу Пессельроде,
 Покойнаго екрышача Роде,
 Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.
 Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
 Графа нашего пріятели Велегорскаго
 (Что не любить вина горскаго),
 А по нашему Велеурскаго,

Покойнаго пресвитера Самбургскаго,
 Дернау, полицмейстера С.-[анктъ]-Петер-
 бургскаго,
 Почтмейстера гор: [ода] Василеурскаго.
 Надо помянуть парикмахера Эме,
 Ресторатора Dime,
 Ланскаго, что губернаторомъ въ Коетромѣ,
 Доктора Шулера умершаго въ чумѣ
 И полковника Бартоломе
 Повара или исторіографа Миллера,
 Пѣвцакаго поэта Шиллера
 И Пинетти, славнаго ташенишлера.
 Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арцта,
 Да англичанина Warnt'a,

701. ГУСАРЬ.

Скребилицей чистилъ онъ коня,
 А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
 «Запещь-же вражій духъ меня
 На распроклятую квартиру!
 Здѣсь человека берегутъ,
 Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
 Пашлу шей пустылъ дадутъ,
 А ужъ не думай о горѣлкѣ.
 Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
 Глядитъ хозяишъ, а съ лютійкой..
 Небось, не выманшишь за дверь
 Ея ни честию, ни пагайкой.
 То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
 Вадятся сами въ ротъ гадушки,
 Виномъ хоть пару подавай,
 А молодицы—молодушки!

Ей, ей, не жаль отдать души
 За взглядъ красотки *чернобровиой*.
 Однимъ, однимъ не хороши..
 — А чѣмъ же? разскажи, служивой.
 Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
 И началъ: «Молвить безъ обиды,
 Ты, хлопещъ, можетъ быть, не трусь,
 Да глушь, а мы видали виды.
 Ну, слушай: около Дибира
 Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
 Была пригожа и добра,
 А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.
 Вотъ съ ней и подружился я;
 Живемъ согласно, такъ, что любо:
 Прибыю—Марушенька моя
 Словечка не промолвить грубо;

«ГУСАРЬ».

Рисунокъ Р. Штейна.

Пашьюсь—уложить, и сама
Опохмѣлиться приготовить;
Мигну бывало: Эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да пѣть: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.
За чѣмъ бы ей, стала думать я,
Вставать до пѣтуховъ! кто просить?
Шалить Марусинька моя;
Куда ее лукавый посылтъ?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищура,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣшникъ передъ печкой,

Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣшникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге! смегнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печи слѣзъ—и вижу: склянка.

Понохалъ: кисло! что за дрянъ!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ хватъ, за нимъ лаханъ,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ скляночкой—
Какъ фыркнуть огъ! я: брысь!... И вотъ—
И огъ туда же за лаханкой.

Я ну кропить во все углы
Съ плеча, во что ужъ ни пошло;

И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теверъ
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку вышилъ; вѣрь не вѣрь—
По къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на землю упадоу.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жиды съ лягушкою вѣчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ..
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! Но я, не струся:

Домой? да! чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу!—Ахъ огъ, страшный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаленный.

Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусарь присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Нль у тебя двойная шкура?

Коня!—На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребеть коньитомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

Садись.—Вотъ, сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—пѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.

«Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь—а старая скамья:
Вотъ что случается порою».

И сталъ крутить свой длинный усь,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлонецъ, можетъ быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды.

702. ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ ВЫ, ДѢТИ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играть въ эти.
Ть, ть, ть и ть, ть, ть.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ

Все сердца илѣнила эти,
Ть, ть, ть и ть, ть, ть.

О, какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелеть въ темнотѣ:
Рномы, деньги, дамы эти,
Ть, ть, ть и ть, ть, ть.

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА РОССЕТЪ-СМИРНОВА.

Современная литографія.

«ПЬСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ».

Славянскіе мотивы не разъ привлекали къ себѣ Пушкина, быть можетъ, меньше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ него теперь, послѣ новыхъ разысканій, когда образъ поэта на нашихъ же глазахъ вырастаетъ до громадныхъ размѣровъ, когда къ нему можно предъявлять требованія, какъ къ гению, охватывающему своимъ взоромъ все достойное великаго художника. Но и сдѣланнаго Пушкинымъ въ данной области достаточно, чтобы увидѣть въ обращеніи его къ славянству прежде всего ту широту интересовъ, которой небыло у остальныхъ гениевъ на пространствѣ всей русской литературы.

Среди славянскихъ мотивовъ Пушкина первое мѣсто, по крайней мѣрѣ по размѣрамъ и относительной цѣльности всего замысла, занимаютъ «Пьси западныхъ славяпъ», числомъ семнадцать. Для начала 30 годовъ онѣ составляютъ цѣлый циклъ до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго у насъ поэтического жанра и исполненнаго съ обычнымъ для Пушкина чутьемъ и тактомъ. Несмотря на то, что главный источникъ его, «La Guzla» Мериме, оказался поддѣлкой, правда, талантливой и сравнительно умѣлой, но лишенной какъ разъ чутья и такта, которыхъ мы въ правѣ требовать отъ великаго славянскаго поэта, оба эти достоинства не измѣнили Пушкину и здѣсь. Даже больше того: всѣ отступленія отъ французскаго подлинника, всѣ заѣмы даже отдѣльныхъ словъ и выраженій всегда говорятъ о переводчикѣ, именно какъ о великомъ славянскомъ поэтѣ.

I.

Одиннадцать пьесъ изъ семнадцати переведены Пушкинымъ изъ «Гузлы» Мериме, три—изъ сборника Вука Караджича, для трехъ пьесъ источники неизвѣстны, и онѣ оказываются почти самостоятельными. Французскія заглавія нижеприводящей та-

блицы указываютъ на «Гузлу», а сербскія на «Пьесе» Караджича:

I. «Видѣніе короля».	«La vision de Thomas II, roi de Bosnie».
II. «Янко Марнавичъ».	«La flamme de Ferrusich».
III. Битва у Зеницы-Великой».	«Le combat de Zenitzavelika».
IV. «Феодоръ и Елена».	«La belle Hélène».
V. «Влахъ въ Венеціи».	«Le Morlaque à Venise».
VI. «Гайдукъ Хризицъ».	«Les braves Hedyduques».
VII. «Похоронная пьеса».	«Chant de mort».
VIII. «Марко Якубовичъ».	«Constantin Jacoubovich».
IX. «Бонапартъ и черногорцы».	«Les Monténégrins».
X. «Соловей».	«Три највеће туге».
XI. «Пьеса о Георгии Черноми».	Источники неизвѣстны.
XII. «Воевода Милошъ».	» »
XIII. «Вурдалакъ».	«Jeannot».
XIV. «Сестра и братья».	«Бог ником дужан не остаје».
XV. «Янышъ Королевичъ».	«Источники неизвѣстны».
XVI. «Ковъ».	«Le cheval de Thomas II».
XVII. «Что бѣлѣтся».	«Хасавагиница».

Свои наблюденія надъ текстами «Пьесъ западныхъ славяпъ» мы начинаемъ съ тѣхъ, которыя переведены изъ Мериме, затѣмъ—изъ Караджича; наконецъ, рассмотримъ три пьесы, для которыхъ готовыхъ книжныхъ источниковъ у Пушкина не было.

Просперъ Мериме (1803—1870)—дарованіе вполне французскаго характера, живое, поверхностное, занимательное, блестящее и изящное—считается любителемъ литературныхъ мистификацій. Одно изъ первыхъ его произведеній, «Théâtre de Clara Gazul»¹⁾, появившееся подъ псевдонимомъ Lestrangle въ 1825 году, т.-е. когда автору было двадцать два года, оказалось талантливой поддѣлкой. Это—небольшія драмы по образу испанскихъ интермеццо, легкія, живыя, поэтичныя, полныя задора и пре-

¹⁾ Было бы интересно услышать отъ специалистовъ по испанской драмѣ мнѣніе о терминѣ Gazul, но едва ли случайнымъ является слѣдующее

красно передававшія весь аромат своеобразнаго испанскаго быта, съ блестящими пятнами моднаго въ тѣ годы «мѣстнаго колорита», почему у читателей долго не являлось сомнѣній, что авторъ дѣйствительно слышалъ ихъ отъ одной испанской странствующей актрисы, бывшей монахини, и что весь трудъ его состоялъ въ одной только записи. Всего черезъ годъ, сочиняя славянскія пѣсни, такимъ же образомъ записанныя будто бы пѣль въ Далмаціи, Босніи, Хорватіи и Герцеговинѣ, Мериме еще разъ попробовалъ дать драму изъ славянской жизни и сочинилъ небольшую пьесу изъ сербскаго быта «La belle Sophie», гдѣ дѣйствуютъ 8 лицъ. Эту «иллирійскую сцену» онъ напечаталъ въ сборникѣ «La Guzla» и снабдилъ примѣчаніемъ, называя свой «отрывокъ въ драматической формѣ» «очень древнимъ», «встрѣчающимся въ иллирійской поэзіи рѣдко», приводя его скорѣе только «въ видѣ образца этого стиля гусларовъ-морлаковъ» и ссылаясь даже на мѣстность, гдѣ похоронены Софія и бѣи. Нечего и прибавлять, что эта именно драма, необычная для народнои поэзіи славянской, больше остальныхъ пѣсень не только выдала автора («La Guzla» издана была анонимно), но и заставила нѣкоторыхъ сомнѣваться въ подлинности всего сборника.

Въ предисловіи къ «Гузлѣ» Мериме говоритъ, что большинство пѣсень записано имъ отъ гуслара Іоакима Маглановича. Своего мнимаго гуслара онъ называетъ единственнымъ пѣвцомъ, котораго первый разъ слышалъ онъ въ Задрѣ въ 1816 году, а черезъ годъ—въ домѣ самаго «далматинскаго барда», который не только поетъ народныя пѣсни, но и самъ сочиняетъ ихъ. Среди пѣсень «Гузлы» дѣйствительно напечатано три такихъ сочиненія («par Hyacinthe Maglanovich»); о немъ же, какъ авторѣ другихъ трехъ пѣсень говорится или въ самомъ текстѣ, или въ примѣчаніяхъ: «La vision de Thomas II», «Chant de mort», «Les braves Heyduques», «Maxime et Zoé», «La flamme de Perrussich», «Improvisation de Hyacinthe Maglanovich». Въ шюдной статьѣ «Notice sur Hyacinthe Maglanovich» (стр. 1—12) и въ нѣсколькихъ примѣчаніяхъ Мериме сообщаетъ и біографическія данныя о своемъ пѣвцѣ. Маглановичъ родился въ Звониградѣ; когда былъ ре-

бенкомъ, его украли цыгане и потурчили, но впоследствии какой-то монахъ снова его крестилъ; затѣмъ онъ бѣжалъ въ горы, такъ какъ убилъ своего соперника, женился на дочери богача Злариповича—Маріи; живетъ въ Которѣ, недалеко отъ Смоковичей, на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ озеро Врану, и совершенно неграмотенъ. Дома Маглановича никогда не сидитъ, несмотря на свои преклонные годы; во время изданія «Гузлы» ему было подъ 70 лѣтъ. А въ началѣ сборника напечатанъ недурно исполненный литографіей портретъ пѣвца, и это, казалось бы, устраняло всякое сомнѣніе въ полной мистификаціи автора.

Второй приемъ, скрывающій поддѣлку, состоялъ въ томъ, что въ примѣчаніяхъ Мериме не разъ приводитъ подлинные слова пѣсень въ спосной для иностраннаго туриста двадцатыхъ годовъ транскрипціи; напр.: «slibovice» (стр. 25), «hayduk» (25), «Ko ne se osveta on se ne posveta» и «osveta» (26), «Passa-vierro» (31), «caftan» (41), «zapis» (65), «Vézelé! Vézelé!» (66), «Lantzmantzka vjerro» (89), «pobratimi» и «posestrimi» (122), «vudkodlak» (135), «Da prosite, moja xena» (185), «pačterma» (205), «oranke» и «poshmaks» (243), «knigu oprochienia» (257), и въ одномъ мѣстѣ—«двустиніе», какъ не ясное для перевода (256):

Oblazi ga mater i sestriža;
A glivbouza od stida ne mogla.

Рядъ другихъ приемовъ Мериме также отдалѣлъ мысль о поддѣлкѣ. Въ первомъ примѣчаніи къ пятой пѣснѣ онъ говоритъ, что это—«старая пѣсня», трудная для перевода, и приводитъ древнія, по его мнѣнію, славянскія слова; о второй пѣснѣ онъ замѣчаетъ: «Стиль этой баллады трогателенъ своею простотою; это—рѣдкая особенность въ иллирійской поэзіи нашихъ дней» и т. п. Въ самомъ текстѣ вводитъ обращенія отъ лица пѣвцовъ; напр., «Долыринникъ (верескъ) Велико, сочиненіе Іоакима Маглановича, необыкновеннаго гуслара. Слушайте внимательно!»; «кто хочетъ узнать конецъ этой исторіи, пусть дастъ что-нибудь Ивану Бетко» (IV), или же свѣдѣнія о сочинителѣ; напр.: «Сотъ, кто сочинилъ эту пѣсню, со своими братьями былъ на сѣрой вершинѣ. Онъ называется Гуцаръ Восерачъ» (IX); наконецъ, пожеланія въ родѣ слѣдующаго: «Пусть Господь будетъ милосердъ къ нему (мужу Елены) и ко всей компаніи» (IV). Пятый приемъ,

наблюденіе: Guzla составлена просто путемъ перестановки буквъ слова Guzla—названія слѣдующаго сборника Мериме.

ПОДЛИННЫЙ ЮЖНО-СЛАВЯНСКИЙ ГУСЛЯРЬ КОНЦА 18 И НАЧАЛА 19 ВѢКА.

(Портретъ Филиппа Вишичча въ роскошномъ изданіи «Знаменити Сербы», Загребъ 1903).

это — мнимые варианты, напримѣръ, въ пѣснѣ о «Прекрасной Еленѣ»

Текстъ: «Когда у нея была отрѣзана голова, онъ сказалъ: Этотъ ребенокъ, который находится въ проклятомъ чревѣ, нисколько не виновать. Я его вышу изъ чрева и воспитаю. Я посмотрю, на кого похожъ онъ, и такимъ образомъ, узнаю, кто такой предатель, кто его отецъ, и убью его».

Вариантъ: «Когда у нея отрѣзана была голова, онъ сказалъ: Я вышу его изъ проклятаго чрева и выставлю его въ странѣ, какъ бы желая, чтобы онъ умеръ. Тогда отецъ его придетъ искать. И этимъ средствомъ я узнаю предателя, кто отецъ и убью его».

А въ связи съ вариантами должны стоять рефрены, на первый взглядъ вполне характерные для поэзии народной, но уже тотъ фактъ, что изъ такихъ рефреновъ, составляющихъ I, 4 и 10 строфы въ VII пѣснѣ, Пушкинъ оставилъ только первую и послѣднюю, и вся пѣсня у него вышла всего изъ семи строфъ, говоритъ о ложности подобнаго приема.

Наконецъ, кромѣ предисловія и «Замѣтки о Іоакимѣ Маглановичѣ», въ сборникѣ напечатаны двѣ статьи этнографическаго характера: «Introduction sur la mo-

vais oeil» (91—100) и «Sur le Vampirisme» (135—156). Какъ и примѣчанія, въ которыхъ разбросано много свѣдѣній по этнографіи, географіи и исторіи юго-славянскихъ народовъ¹⁾, сравненіе «Impromptu» съ текстомъ киргизской пѣсни (стр. 188) и т. д., — все здѣсь поверхностно, все говоритъ о слишкомъ легкомъ багажѣ турпета, правда, наблюдательнаго, живого, интереснаго, умѣющаго схватывать характерныя черты экзотическаго быта, но не проникавшаго въ глубь народной жизни, самая психологія которой была ему чужда. Кромѣ того, и въ текстѣ, и въ статьяхъ, и въ примѣчаніяхъ поражаетъ обиліе собственныхъ именъ и географическихъ названій, связывающихъ пѣсни съ историческими и вообще настоящими лицами и мѣстностями. Какъ увидимъ изъ слѣдующихъ

¹⁾ Иногда точно указаны источники, но кое-что Мериме сообщаетъ изъ запаса своихъ наблюдений: напр.; говоритъ, что въ Книжѣ видѣлъ двѣвущку-морлачку, которая умерла съ тоски, когда ея побратимъ-другъ узналъ изъ окна и убился (4 прим. къ II пѣснѣ).

главъ, чуткій Пушкинъ или совѣмъ опускалъ наиболѣе сомнительные приемы своего оригинала, или сильно измѣнялъ ихъ.

Но если это такъ ясно обнаруживается въ наше время, то почти столѣтіе назадъ, когда было мало надежныхъ критеріевъ для сравненія, вся «Guzla» съ примѣчаніями не только открывала особый міръ поэзіи и привлекательнаго дикаго быта («иллирійцевъ»), но говорила о пѣвоторой эрудиціи автора, о его бережности въ обращеніи съ горными и полевыми дѣвѣтами славянскаго эпоса и о великолѣпно сохраненномъ имъ «мѣстномъ колоритѣ».

Въ подлинность пѣсень повѣрилъ не одинъ Пушкинъ. Это было время увлеченія всѣмъ народнымъ, экзотическимъ, привлекательнымъ по своей петроутиости и дикой красотѣ, когда лучшіе поэты Запада, а затѣмъ и славянскаго міра преклонились предъ невѣдомыми родниками народной поэзіи и видѣли въ ней залогъ неумирающаго всякой поэзіи. Это было время увлеченія Макферсоновыми поддѣлками, «Словомъ о полку Игоревѣ», записями Караджича, поддѣлками Гапки и т. д. Всего черезъ два мѣсяца послѣ выхода «Гузлы» обнаруженный уже авторъ получилъ отъ англійскаго чиновника, Mr. John Bowring'a, занимавшагося въ то время славянскою антологіей, просьбу сообщить ему оригиналы пѣсень. Еще немного спустя тайный совѣтникъ и бывший докторъ въ Германіи Вильгельмъ Гергардъ прислалъ ему двѣ связки своихъ стихотворныхъ нѣмецкихъ переводовъ славянскихъ пѣсень, въ томъ числѣ и изъ «Гузлы», причемъ, по словамъ корреспондента, ему необыкновенно легко было переводить съ французской прозы стихами и открывать или просто подбирать подходящіе размѣры ихъ въ предполагаемомъ «иллирійскомъ» первоисточникѣ¹⁾. Объ этихъ двухъ случаяхъ говоритъ самъ Мериме въ предисловіи ко второму изданію «Гузлы», появившемуся черезъ 13 лѣтъ послѣ перваго. Въ обширной рецензій «Journal de Savans» (1829, стр. 126) говорилось, что пѣсни не лишены интереса и переведены старательно, а въ авторитетномъ «Globe» (1827, стр. 29) онѣ сравнивались по достоинству не болѣе, какъ съ арфой Оссиана. Гёте, Мицкевичъ и Пушкинъ переводили и печатали переводы изъ нея, и могъ бы возникнуть даже

литературно-научный споръ о подлинности пѣсень, какъ не прерывающійся до нашихъ дней споръ о чешскихъ пѣсняхъ краледворской и зеленогорской рукописей По, во первыхъ, самъ авторъ не замедилъ сознаться въ поддѣлкѣ; во вторыхъ, всего черезъ годъ послѣ выхода книги Мериме, чуткій къ всякой «народности» въ поэзіи, Гёте первый въ разборѣ «Гузлы» открыто усомнился въ подлинности сборника¹⁾.

Къ началу 1835 года относится первое признаніе автора въ мистификаціи—въ частномъ письмѣ Мериме къ С. А. Соболевскому на запросъ Пушкина,—а черезъ пять лѣтъ, когда въ 1840 году появилось второе изданіе сборника этихъ пѣсень, Мериме вполне сознался во всей поддѣлкѣ, которую объяснял простой шуткой, простительной «романтику». Воспитанникъ Шекспира, Шиллера, Гёте, Скотта, Лове де Вега, Байрона, поэтъ-романтикъ могъ въ борьбѣ съ классицизмомъ, по его словамъ, указать своимъ противникамъ новый источникъ поэзіи, а искусной поддѣлкой посмѣяться надъ «мѣстнымъ колоритомъ». Сокровища такой поэзіи, неизвѣстныя до тѣхъ поръ никому, найдены были имъ, вмѣстѣ съ другомъ I. Амперомъ, во время путешествія изъ Италіи на сѣверо-востокъ: черезъ Венецію—въ Триестъ, на берега Адриатики—до Дубровника. Здѣсь онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ товарищемъ задержаться, такъ какъ у нихъ вышли всѣ деньги. Сначала они рѣшили просто описать свое путешествіе и выгодно продать его издателю; но записки ихъ оказались не въ порядкѣ, и мысль эта смѣнилась другою, болѣе удачною и остроумною. По предложенію товарища, знавшаго чуть не всѣ европейскіе языки, Мериме сталъ собирать простонародныя «иллирійскія» пѣсни, читать итальянскія и французскія путешествія по Далмаціи, немного научился по-славянски и написалъ баллады, вошедшія въ сборникъ. Противорѣчіе, странное и оставлявшее вопросъ о поддѣлкѣ какъ будто открытымъ; другими словами, основа пѣсень была все-таки народная, или нѣтъ? И печатанье сборника не обходилось безъ таинственности: печатался онъ въ Страсбургѣ, анонимно, съ портретомъ и

¹⁾ Впрочемъ, прощуповенность Гёте можетъ быть несколько заподозрена здѣсь тѣмъ, что въ надписи-посвященіи Гёте на экземпляръ, посланный Мериме черезъ одного русскаго, прозвѣсншаго черезъ Веймаръ, не безъ хвастливости былъ сдѣланъ намекъ на авторство самого Мериме.

¹⁾ Печатанья во II выпускѣ «Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmährchen». 1828.

біографіей гуслера Маглановича, какъ автора пѣсенъ, съ такимъ заглавіемъ: «La Guzla, ou choix de poésie illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, Croatie et l'Herzégowine» (A Paris chez F. G. Levrault, rue de la Harpe, № 81; et rue des Juifs, № 33 a Strasbourg).

Но скоро послѣ выхода книги мистификація обнаружилась, почему, какъ объясняетъ самъ авторъ, продавалась она туго, и Мериме сожалѣть издателя. Впрочемъ, невниманіе къ его книгѣ со стороны французскихъ читателей вознаграждено было тѣмъ, что книжкой заинтересовались иностранцы, особенно Пушкинъ. Это напомнило ему переводъ «Жиль Блаза» на испанскій языкъ и «Писемъ португальской монахини» на португальскій. Конечно, такой усилъкъ радовалъ автора и окрылялъ его въ борьбѣ съ французскими классиками, но все-таки сознание легкомысленности и даже наивности всей затѣи взяло верхъ, и теперь онъ сознается во всемъ. Въ упомянутомъ письмѣ къ Соболевскому отъ 18 января 1835 года Мериме говоритъ приблизительно то же, что въ предисловіи къ изданію «Гузлы» 1840 года. Разница, интересная для исторіи его поддѣлки, заключается только въ томъ, что, по его словамъ, онъ съ другомъ своимъ не могли продолжать дальнѣйшій путь уже изъ Венеціи до Дубровника, но при этомъ прибавляетъ: «разумѣется, на картѣ», и что «мѣстный колоритъ» пѣсенъ онъ заимствовалъ изъ брошюры французскаго консула въ Банья-Луку (въ Босніи), гдѣ послѣдній доказываетъ, что «босняки—большіе свиньи», и вводитъ въ текстъ нѣсколько славянскихъ словъ просто изъ желанія похвастаться своею освѣдомленностью («а онъ, вѣрно, зналъ по-славянски столько же, какъ я»), а эти самыя слова повторилъ въ примѣчаніяхъ Мериме ¹⁾. Другой его источникъ—«Путешествіе по Далмаціи» Фортиса. Здѣсь въ главѣ «Объ обычаяхъ морлаковъ» приводится сербскій текстъ съ итальянскимъ переводомъ баллады «Жалоба Гасановой жены», а переводилъ онъ текстъ этой пѣсни при помощи какого-то пріятеля,

знавшаго по-русски и сообщавшаго переводу точность. Въ концѣ письма Мериме указываетъ на одну неточность въ первомъ стихѣ объ Асанѣ Аганичѣ (у Пушкина—«Что бѣдѣется») у предшествующаго французскаго переводчика.

II.

Такимъ образомъ, въ силу признанія автора, изслѣдователи освобождены отъ необходимости сравнивать тексты Мериме съ народными сербскими пѣснями, и дѣйствительно, почти весь бытовой багажъ и все свѣдѣнія примѣчаній оказываются взятыми изъ книги автора «Viaggio in Dalmazia», необыкновенно точнаго ученаго аббата Джованни-Баттиста Фортиса (1741—1803), путешествовавшаго по берегамъ Далмаціи въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка ¹⁾. Но повѣйшее изслѣдованіе Т. Матича показало, что Мериме имѣлъ кое-какіе и другіе источники, и что, въ концѣ концовъ, дѣло не обошлось, по вѣрней мѣрѣ, безъ тѣхъ слабыхъ впечатлѣній отъ настоящихъ сербскихъ пѣсенъ, которыя французскій писатель дѣйствительно могъ слышать отъ «иллирійскихъ бардовъ».

И если припомнить біографическіе факты вмѣстѣ съ нѣкоторыми историческими, то вся «Guzla»—явленіе не случайное. Это закономерный результатъ того интереса къ сербохорватской поэзіи, который сталъ замѣтенъ у французовъ послѣ ценбрунскаго мира (1809), когда образована была особая провинція «Иллирія» подъ французскимъ управленіемъ ²⁾. Отецъ Проспера Мериме, живописецъ и архитекторъ Леонаръ Мериме, служилъ при маршалѣ Мармонѣ, который управлялъ Иллирійскимъ королевствомъ, и есть указанія, что будущій авторъ «Гузлы» провелъ дѣтскіе годы въ Рагузѣ. Въ предисловіи къ сборнику Мериме переплетаетъ истину съ измышленіями. Такъ, сообщая о томъ, что въ дѣтствѣ онъ долго жилъ въ иллирій-

¹⁾ Переведена по нѣмецки, англійски и по французски «Voyage en Dalmatie»: издана въ Берлѣ въ 1778 году.

²⁾ Интересно, между прочимъ, что первая по времени французская же мистификація въ этой области принадлежитъ французскому писателю Шарлю Нодье (Nodier), редактору «Télégraph Officiel», выходившаго въ Люблинѣ съ 1813 года. Въ своемъ романѣ изъ сербскаго быта «Smarra» Нодье напечаталъ переводъ трехъ сербскихъ пѣсенъ, и одна изъ нихъ (Le bey Spalatin) считается полною поддѣлкой. Затѣмъ уже появилась свободная отъ нараваній «Poésies serviennes» г-жи Belloc.

¹⁾ Очевидно, имѣется въ виду рѣдкая книга «Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. Par M. Amédée Chaumette-des-Fossés, membre de plusieurs académie et sociétés; chevalier de l'étoile poaire; ancien consul de France en Norvège, Suède, Prusse, Turquie; ancien rédacteur au département des affaires étrangères; autrefois chancelier du consul t-général de Bosnie, etc. etc.», изданная въ 1822 году въ Парижѣ.

скихъ провинціяхъ и говорили въ тѣ годы больше даже «по-пльнрійски», чѣмъ по-итальянски, онъ называетъ свою мать морлачкой изъ Сполато (Сплета) ¹).

Помѣщая письмо Мериме цѣлкомъ въ предисловіи къ своимъ переводамъ, Пушкинъ все-таки не соглашается съ его признаніемъ и задаетъ вопросъ: «на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень?» Быть можетъ, здѣсь играютъ нѣкоторую роль гордость и сознание, что славянская простонародная поэзія, полная своеобразныхъ красотъ, граціи и силы, дошла до Запада и соединена съ именемъ популярнаго французскаго писателя. Развѣ не странно, что нѣсколько раньше вниманіе Запада къ славянской поэзіи привлекали такія же поддѣлки, именно «открытыя» Вячеславомъ Гайкой чешскія пѣсни, а можетъ быть и русскія конца XVIII вѣка? Быть можетъ, въ густомъ словѣ сочиненныхъ Мериме образовъ Пушкинъ угадывалъ тѣ истинныя народныя черты, которыя, въ концѣ концовъ, будутъ видны каждому гению, и понималъ все значеніе подобныхъ «свободныхъ переложеній» для возрожденія славянскихъ народовъ, которое въ то время уже совершалось. Недаромъ, повторяемъ, названные «новѣйшіе памятники древней чешской поэзіи» сыграли въ дѣлѣ возрожденія чеховъ такую незамѣнимую роль.

Пушкинъ называлъ Мериме острымъ и оригинальнымъ писателемъ; но вполнѣ, какъ кажется, вѣря въ подлинность пѣсень, сообщая, что «какой то ученый пѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию», и ссылаясь на Мицкевича, какъ на «зоркаго критика и тонкаго знатока въ славянской поэзіи», онъ для чего-то расточается въ похвалахъ Мериме и говоритъ, что раннія произведенія его «срѣзвычайно замѣчательны въ глубокомъ и жалкомъ унакѣхъ нынѣшней французской литературы» ²)... Очевидно, въ концѣ концовъ

¹ Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности, гдѣ Мериме могъ познакомиться съ мотивами сербской поэзіи, должны принять во вниманіе замѣтно частыя упоминанія его о морлакахъ, чаще всего на первомъ же мѣстѣ; напр., въ пѣснѣ I, примѣчаній 6 и 10; IV, 1; VI, 2; VII, 2 и 3; IX, 1; X, 1; XII, 1; XIV, 2; XV, 1; XVIII, 1; XIX, 1; XXI, 1; XXIV, 3.

² Въ «Телеграфѣ» за 1832 г., № 11, стр. 247—263) былъ помѣщенъ переводъ Испанскихъ рассказовъ (1830 г.) Мериме изъ «Revue de Paris» (полбрь), а въ годъ смерти Пушкина вышелъ переводъ «Итальянской Венеры» въ «Библіотекѣ для чтенія» т. XXIV, стр. 59—93).

Пушкинъ внутренне колебался въ вопросѣ о подлинности; но переводъ былъ сдѣланъ въ 1832—1833 годахъ, одна изъ пѣсень («Конь») напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія» во II книгѣ за 1835 годъ, остальные въ III книгѣ, и своимъ вопросомъ-сомнѣніемъ поэтъ какъ бы старался смягчить, по крайней мѣрѣ въ глазахъ читателей, мысль о мистификаціи. Недаромъ въ рецензіи той же «Библіотеки для чтенія» (т. XII, за 1835 годъ) на четвертую часть «Стихотвореній», гдѣ впервые при «Пѣсняхъ западныхъ славянъ» помѣщено письмо-признаніе Мериме, въ оригиналѣ,— данъ былъ переводъ этого письма съ объясненіями безусловно извинительнаго характера предъ читателями журнала.

Послѣ приведенныхъ свѣдѣній о происхожденіи «Гузлы» и отношеніи къ ней Пушкина, поскольку послѣднее выясняется изъ заявленій самого поэта, мы переходимъ къ параллельному сравненію французскаго и русскаго текстовъ. Къ голословнымъ похваламъ послѣднему въ первыхъ же рецензіяхъ на «Пѣсни западныхъ славянъ», въ томъ духѣ, что «переводъ лучше самого подлинника» (напр., въ «Библіотекѣ для чтенія» 1835 г., т. XII), или къ вѣрнымъ словамъ вдумчиваго Анненкова, что «у нашего поэта, вышедшаго совсѣмъ изъ роли своей переводчика, начертаны яркіе образы, между тѣмъ какъ у подлинника они обозначены только слабыми намеками» («Матеріалы», стр. 354); наконецъ, къ новѣйшимъ наблюденіямъ о дарѣ необыкновенной девинаціи Пушкина: что «онъ открывалъ подъ большимъ напосомъ въ разсказахъ Мериме истинно народную подкладку и умѣлъ изобразить ее въ своемъ чуждомъ русскому словѣ» (Н. Кулаковскій, «Рѣчь», стр. 20), и др., мы можемъ прибавить рядъ фактовъ, подтверждающихъ подобныя похвалы и почему то старательно избѣгаемыхъ предшествующими изслѣдователями.

Прежде всего Пушкинъ выбралъ для перевода не только лучшія въ художественномъ отношеніи пѣсни, но и такія, гдѣ меньше фальши противъ эпохи вообще и славянскаго въ частности. Стоитъ прочесть остальные пѣсни «Гузлы» ¹), и наше наблюденіе подтвердитъ каждый. Во вторыхъ,

¹ Именно Пушкинъ не перевелъ слѣдующія 15 пѣсень: «L'aubépine de Velico», «La mort de Thomas II, roi de Bosnie», «Le Seigneur Mercure», «L'amante de Danisich», «Maxime et Zoé», «Les mauvais oeil», «Barcarole», «La belle Sophie»,

измѣняя отдѣльныя слова, цѣлыя выраженія, тонъ, выбрасывая неудачныя картины, обороты, образы, имена, названія, фактическія подробности и т. д., вообще, относя къ формѣ подлинника волюнѣ самостоятельно, Пушкинъ бережно обходился съ содержаніемъ. Можно замѣтить только одну перестановку событій во II пѣснѣ, причемъ такая перестановка волюнѣ оправдывается хронологическими соображеніями. У Мериме говорится сначала о печальномъ убійствѣ побратима на пиру, а затѣмъ уже объ обрядѣ побратимства. Благодаря такому порядку, неясно, о какомъ дѣлѣ идетъ рѣчь въ непосредственно слѣдующей фразѣ: «Съ этого дня бей Янко не пьети больше ни вина, ни водки», и эта неясность не волюнѣ устраняется даже совершенно излишнимъ повтореніемъ у него разсказа объ убійствѣ,—прибавимъ, повтореніемъ не эпического характера. У Пушкина же сначала разсказывается о побратимствѣ, а затѣмъ о несчастномъ случаѣ на пиру, и благодаря этому не только на своемъ мѣстѣ логически оказывается описаніе тоски невольнаго убійцы, но кстаті является и ожидаемое здѣсь музыкальное пониженіе тона разсказа. Въ IV пѣснѣ, посылая отравленный плодъ Еленѣ, Стамати говоритъ мальчику: «скажи, что его посылаетъ моя жена». Но вся предшествующая часть разсказа, начиная съ наглыхъ приставаній Стамати и кончая подготовкой къ ужасной мести, не позволяетъ допустить, чтобы Елена повѣрила, что жена «иллирійскаго» сатира была бы такъ милостива къ ней. II замѣна у Пушкина, «отъ племянницы въ подарокъ», запрашивается какъ бы сама при чтеніи дѣйствительно страннаго мѣста во французскомъ текствѣ. Въ VII пѣснѣ у Пушкина прибавлена вся 3 строфа, волюнѣ гармонирующая со 2 и 4, и это прибавленіе не волюнѣ произвольно, такъ какъ вызвано вторымъ примѣчаніемъ Мериме къ той же пѣснѣ, именно, что «родители и друзья покойнаго всегда даютъ ему свои порученія на томъ свѣтѣ»¹⁾).

«Improvisation de Hyacinthe Maglanovich», «Impromptu», «La querelle de Lepa et de Tcherrygor», «L'amant en bouteille», «Cara-Ali, le vampire», «Les pobratimi», «Hadagny», а послѣдняя, Triste ballade de la noble épouse d'Asan-Aga», взята имъ, несомнѣнно, изъ сборника Вука Караджича, правда, не безъ слѣдовъ текста Мериме.

¹⁾ Вообще при переводѣ были приняты во вниманіе примѣчанія Мериме; напримѣръ, изъ III пѣсни приводятся всѣ примѣчанія, правда, въ значительномъ сокращеніи, за исключеніемъ 3-го.

Изъ крупнаго пропуска мы имѣемъ только одинъ случай, именно, оставлено безъ перевода начало пѣсни «Феодоръ и Елена», съ отмѣткой Пушкина: «начало не переведено» и двумя строками точекъ. Въ подлинникѣ здѣсь читается нѣтъ съ половиною строфы, и стоитъ познаться съ ними, чтобы безъ всякихъ объясненій понять, почему Пушкинъ совѣмъ опустилъ начало, несмотря на его нѣкоторую живость и на занимательность завязки всей драмы.

«Садитесь вокругъ Ивана Бетко всѣ, кто хочетъ прослѣдовать печальную исторію о прекрасной Еленѣ и о мужѣ ея Федорѣ Кононкѣ. Иванъ Бетко—лучшій гусларь (joueur de guzla), каково вы слышали или же услышите когда-нибудь.

Федоръ Кононка былъ храбрый охотникъ времени моего дѣда, отъ котораго я знаю эту исторію. Онъ женился на прекрасной Еленѣ, отдавшей ему предпочтеніе предъ Церо Стамати, потому что былъ онъ прекрасенъ, а Церо—красивый, злой.

Однажды Церо Стамати пришелъ въ домъ Федора Кононки.—«Елена, правда ли это, что вашъ мужъ уѣхалъ въ Венецію и долженъ пробыть тамъ годъ?»—«Это—правда, и я опечалена, потому что должна остаться одна въ этомъ большомъ домѣ».

— «Не плачьте, Елена, что должны одиѣ остаться въ домѣ. Къ вамъ кто-то придетъ, чтобы составить компанію. Позвольте мнѣ спать съ вами, и я дамъ вамъ большую горсть блестящихъ цекановъ, которыми вы украсите свои черные волосы».

— «Прочь отъ меня, злой . . . . ?»

— «Но,—сказалъ злой Стамати,—позвольте мнѣ спать съ вами, и я дамъ вамъ бархатное платье со столькими цеканами, сколько можетъ помѣститься въ глубинѣ моей шапки».

— «Прочь отъ меня, злой! Или я скажу о твоей подлости моимъ братьямъ, которые тебя убьютъ!»

Прежде всего здѣсь бросается въ глаза необычность въ славянскомъ эпосѣ самаго тона любовныхъ сценъ, совершенно ненужныхъ діалоговъ и той живости мнимаго движенія, которая такъ претитъ спокойствію всякаго эпоса.

III.

Сравненіе пушкинскаго перевода съ подлинникомъ показываетъ прежде всего, что цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣстъ, картинъ,

такъ какъ Пушкинымъ пропущено и выраженіе изъ самаго текста, къ которому оно относится: «Puis nous avons brisé nos rougeaux». Изъ примѣчаній Мериме есть мотъ выиснить и слѣдующее выраженіе въ текствѣ VIII пѣсни: «и лошади, когда рѣжутъ ей бокъ», и т. д., не перевода французскіи текстъ, а скорѣе объясняя его изъ основаній примѣчаній: «стременами острыми лязвами».

описаній, оборотовъ и выраженій у Мериме грѣшитъ противъ эники вообще, т. е. безотносительно къ изображительнымъ средствамъ спеціально эпоса славянскаго, о чемъ рѣчь будетъ дальше. Въ то же время рядъ отдѣльныхъ примѣровъ говоритъ объ умѣи Пушкина переводить вполнѣ точно, напримѣръ, стоитъ сравнить начала хотя бы V и VI пѣсенъ:

«Quand Prascovie m'eut abondonné, quand j'étais triste et sans argent, un rusé Dalmate vint»—

«Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далматъ пришелъ лукавый».

«Dans une caverne, couché sur de cailloux aigus, est un brave Heyduque».—

«Въ пещерѣ на острѣхъ камешкахъ
Притаился храбрый гайдукъ».

Примѣровъ, которые показываютъ отсутствіе у Мериме чутя эничности, очень много, и во всѣхъ такихъ случаяхъ Пушкинъ или совѣмъ выпускалъ ихъ, или же замѣнялъ болѣе гармонирующими съ общимъ тономъ эпоса.

Во-первыхъ, сюда относятся всякаго рода разъясненія, неумѣстныя въ эпосѣ. Король Оома вышелъ изъ комнаты съ саблей въ рукѣ, «такъ какъ видѣлъ, что небо посылаетъ ему предзнаменованіе будущаго» (I). Этой всей фразы нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Совѣмъ опущено и слѣдующее мѣсто въ VI пѣснѣ. Осаждаемые врагами гайдуки томятся въ пещерѣ отъ жажды: «между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ издать стона жалобы, такъ какъ боялись они не угодить Христинѣ Младину». Пзанные и свѣдѣтельствуешь объ отсутствіи у Мериме чутя эники о бьясненіе причины, почему жена Якубовича проситъ мужа помочь ей: «этотъ чужестранецъ слишкомъ тяжелъ» и т. д. (VIII).

Во-вторыхъ, грѣшатъ противъ эники тѣ мѣста, гдѣ Мериме вводитъ въ психологію своихъ героев и излагаетъ ихъ ощущенія вмѣсто того, чтобы описывать самые факты. Поэтому Пушкинъ всегда замѣняетъ выраженія, характеризующія индивидуальныя ощущенія, вполнѣ эничскими представленіями. Фраза «ни добрый король Оома почувстввалъ руки басурманъ, разрывающихъ его платье», замѣнена у него всего четырьмя словами: «до пага его раздѣли» (I). Совѣмъ опущена фраза изъ той же пѣсни: «ни король могъ думать,

что миръ царить», и т. д. Въ концѣ II пѣсни, послѣ третьяго видѣнія, Мериме говоритъ: «тогда она у слышала тяжелый вздохъ» и т. д.; у Пушкина здѣсь вполнѣ энично и кратко: «Бѣи вздохнулъ», а немного дальше совѣмъ выпущено замѣчаніе о душевномъ состояніи Марьявича («ни казался болѣе спокойнымъ»), которое гораздо лучше вытекаетъ изъ самыхъ фактовъ въ ихъ стройной послѣдовательности, не пуждаясь въ подобныхъ замѣчаніяхъ отъ лица автора. Сюда же относится весь монологъ умирающаго путника, принятаго Якубовичемъ, его жалоба на боль, предчувствіе смерти, воспоминаніе о печальной жизни и т. д. Пушкинъ выпускаетъ все это и въ двухъ-трехъ словахъ говоритъ о фактѣ смерти путника (VIII).

Въ-третьихъ, рядъ картинъ и выраженій свойственныхъ автору-наблюдателю, говорить о его субъективныхъ впечатлѣніяхъ или ощущеніяхъ—и необычны въ эникѣ народной. Однимъ только словомъ, именно, назвавъ вурдалака «чудовищемъ», Мериме нарушилъ эническій тонъ разсказа, и совершенно неумѣстенъ его переходъ къ описанію послѣдствій бѣгства вурдалака изъ могилы: «ни его буйство было таково, что» и т. д. (VIII). Помимо того, что цѣлая строфа у Мериме въ IX пѣснѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (вѣдь это—войска Бонапарта, а не турки), все здѣсь растянуто, неудачно испещрено тѣми «пятнами», которыхъ народный эпосъ не знаетъ. «Они отирались. Ихъ оружіе блестяло на солнцѣ. Въ порядкѣ поднялись они, чтобы сжечь наши селенія; поднялись они, чтобы увести нашихъ женъ и дѣтей». Все это мѣсто передано Пушкинымъ въ двухъ стихахъ:

Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Нарисованная Мериме картина «зажженные факелы превращаютъ ночь въ день» во всѣхъ отношеніяхъ несвойственна народной эникѣ, и у Пушкина вышло много проще и реальнѣе: «вся свѣчами озарена церковь» (I). Нераздѣльная съ опредѣленностью и законченностью всякихъ очертаній, эничность нарушается у Мериме даже такими на первый взглядъ незначительными мелочами, какъ слишкомъ общее обозначеніе: «прекрасный фруктъ» или «красивый фруктъ», которымъ отравили Елену, и Пушкинъ во всѣхъ этихъ случаяхъ исправилъ при помощи самостоятельной замѣны—«сли-

ва» (IV). И уже окончательно некачаютъ ту же эничность мнимыя сентенціи, какъ отвѣтъ визиря султану: «слышать—значитъ исполнить» (I), взятая Мериме изъ популярной и на Западѣ восточной поговорки.

Совершенно уже искусственнымъ для народныхъ пьесъ эпическаго содержанія кажется такое «лирическое отступленіе» у Мериме, вставленное послѣ картины исчезновенія видѣнія короля Оммы въ церкви: «Видѣли ли вы блестящую звѣзду, которая быстрымъ полетомъ несется по небу и далеко освѣщаетъ землю? Вскорѣ этотъ блестящій метеоръ исчезаетъ среди ночи, и мракъ возвращается болѣе темнымъ, чѣмъ былъ онъ раньше. Такъ исчезло видѣніе Оммы» (I). Печего и говорить, что весь этотъ отрывокъ не нашелъ у Пушкина отраженія хотя бы въ самомъ слабomъ намекѣ на оригиналь, и ничто у него не нарушаетъ здѣсь выдержаннаго въ общемъ безличнаго тона. Вообще, чуть эничности никогда не поклдало переводчика, и онъ безъ всякихъ слѣдовъ опускалъ рядъ картицъ и моментовъ, которые сами по себѣ и имѣютъ нѣкоторый смыслъ, но въ связи съ предшествующими и послѣдующими картинами и моментами оказываются совершенно излишними повтореніями, повтореніями опять-таки не эпическаго характера, т.-е. не механическими, а новыми пере-сказами уже знакомаго. Напримѣръ, въ IV пѣснѣ имъ вынуждено четыре мѣста: 1) «когда она съѣла этотъ фруктъ, который имѣлъ такой прекрасный цвѣтъ, то почувствовала въ себѣ какое то безпокойство»; 2) «когда прекрасная Елена съѣла плодъ, то сотворила крестное знаменіе, но не почувствовала при этомъ облегченія, и что-то шевелилось у нея въ животѣ»; 3) «потому что я оставалась вѣрна. Петръ Стамати заколдовалъ меня съ помощью злаго еврея, который живетъ въ Долинѣ Могилъ»; 4) языкъ ея «никогда больше не говорилъ».

Въ пятыхъ, рядъ подробностей описательнаго характера не только не усиливаетъ эничности у Мериме, но, наоборотъ, вредитъ ей. Къ числу такихъ случаевъ принадлежить слѣдующій: «Холодный потъ струился по его спинѣ, зубы стучали отъ ужаса», переданный у Пушкина проще и короче: «короля врезанный обнялъ холодъ» (I). Въ особенности это бросается въ глаза, когда у Мериме находимъ ложную образность выраженія; напримѣръ: «А другой (рукой) держалъ платье намѣстника Сатаны

и приближалъ платье къ своимъ губамъ, чтобы поцѣловать», что Пушкинъ передалъ всего тремя словами: «край полы цѣлуетъ» (I). Или неумѣстный контрастъ въ описаніи смерти Елены: «вытащилъ свою саблю» и затѣмъ «выкрылъ ея прекрасное бѣлое чрево»: въ переводѣ имѣется только «мертвое тѣло» (IV). «Янко съ того дня не пьетъ больше ни вина, ни водки; онъ ѣсть только корни и бѣгаетъ изъ стороны въ сторону»; у Пушкина—въ томъ же духѣ: «онъ тоскуя бродитъ» (II). Старикъ Стамати и еврей кололи жабу, «пока изъ всѣхъ укуловъ не показалась крупная капи яда, и они собрали этотъ ядъ въ стеклянную банку» (IV); у Пушкина это совсѣмъ выпущено. Также выпущена у него и слѣдующая подробность въ той же пѣснѣ: «Онъ съѣлъ въ прекрасно вызолоченную галеру и счастливо вернулся въ свою страну. Его сосѣди и друзья, одѣтые въ свои лучшія одежды», вышли къ нему навстрѣчу. Незнакомецъ, который въ дальнѣйшемъ явится въ видѣ вурдалака, у Мериме описанъ совсѣмъ не въ духѣ эпоса: «фигурой онъ похожъ на молодого человѣка, но волосы—бѣлые, глаза—мертвенные, щеки—со впадинами»; у Пушкина о паружности путника сказано только: «блѣдень»; но этимъ достигается здѣсь удивительная сила. Далѣе имъ выпущенъ рядъ подробностей при описаніи смерти того же путника: «Уста его улынулись, а глаза вышли изъ орбитъ. Вдругъ онъ опустилъ голову». При первомъ явленіи вурдалака «заворчала собака и спряталась между колѣвъ хозяина»; у Пушкина—только «завылъ» (VIII).

Иное дѣло, конечно,—подробности, способствующія пластичности изображенія и свойственныя эпикѣ съ ея холоднымъ ужасомъ; напр.: «И такъ они спинали кожу до погтей на ногахъ» (Мериме)—«обнажили и мясо и жилы, и до самыхъ погтей ободрали» (Пушкинъ, I).

Къ слѣдующей группѣ относятся особенно неудачныя у Мериме распространенія въ діалогахъ и замѣтное злоупотребленіе прямой рѣчью. У Пушкина часто она замѣнена простымъ описаніемъ, отчего усиливается эничность. Въмѣсто фразы: «И бей Янко сказалъ: хорошо! Ложись опять возлѣ меня», у него находимъ: «вернулся Янко Марнавичъ», а слѣдующія два описанія совсѣмъ уже пропущены: «и сказалъ: хорошо! Ложись опять», или «она сказала: господинъ» и т. д. (II). Печего и говорить, что, благодаря такимъ замѣнамъ и сокраще-

пѣямъ, выходитъ гораздо слыше. Въ силу того же чутя эпичности Пушкинъ выпустилъ цѣлую повѣствовательную фразу вмѣстѣ съ обращеніемъ мужа къ женѣ, мнимой измѣнницѣ: «И онъ увидѣлъ ея животь, который былъ такъ великъ. Что это, Елена? Вѣдь больше году, какъ я не спалъ съ вами». Вмѣсто всего этого у Пушкина находимъ только: «взглянулъ сурово» (IV). «Братъ,—говоритъ незнакомецъ Якубовичу,—я жажду и хотѣлъ бы напиться». Къ чему въ эпосѣ это обращеніе путника въ прямой рѣчи, не имѣющее никакого значенія для дальнѣйшаго разсказа? Пушкинъ и на этотъ разъ проявилъ свое пониманіе и перевелъ просто: «спроситъ онъ напиться ради Бога». Далѣе имъ выпущенъ такой же излишній, свидѣтельствующій только о болтливости мнимыхъ «славяровъ»,⁵ вопросъ хозяина: «Развѣ ты никогда не былъ еще въ этой странѣ, что не знаешь?» и т. д. (VIII). Вообще, умрающій путникъ у Мериме говоритъ слишкомъ много, какъ въ либретто большинства оперъ, и Пушкинъ не постѣснялся выпустить еще нѣсколько фразъ: «Я не могу ни жить, ни умереть». «Печальна, печальна была моя жизнь. Печальна будетъ и смерть моя» и др.

IV.

Въ выборѣ поэтическихъ средствъ, которыя могли, по мнѣнію Пушкина, сообщить славянскимъ пѣснямъ характеръ народнаго эпоса, огромное значеніе имѣли эпитеты. Конечно, не всѣ они—обычные, т.-е. такъ-называемые постоянные эпитеты, какъ и въ его уже русскихъ сказкахъ, въ аналогичныхъ переводахъ и подражаніяхъ; но въ собранныхъ нами примѣрахъ изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» большинство эпитетовъ падаетъ на вставку ихъ и иныхъ опредѣленій, которыхъ нѣтъ у Мериме.

Прибавленныя Пушкинымъ опредѣленія часто взяты изъ русской устной поэзіи, перѣдко сочинены имъ въ духѣ мнимой «славянской поэзіи», конечно, согласно представленію о ней русскихъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, повсегда они сообщаютъ пѣснямъ народный характеръ своей образностью, иногда, удлинняя стихъ, своей музыкальностью и т. д. Вотъ эти примѣры: «гнѣцовъ»—«гнѣцовъ горемычнлъ» (I); «предчувствуютъ, что»...—«чуешь бѣду неминучу»; «церковъ»—«Божію церковъ»; «осенью»—«осени дождливой»; «видѣше»—«чудное

видѣше»; «Магометъ»—«султанъ безбожный»; «окровавленная (сабля)»—«кровь по саблѣ алая струится»; «до рукоятки»—«до самой рукоятки»; «отца»—«несчастнаго старца»; «съ турбаномъ»—«басурманскою чалмою»; «гайдуки»—«гайдукъ бездомный» (II); «Кирилъ»—«Кирилла несчастливый»; «отъ руки своего брата»—«отъ руки имъ избраннаго брата»; «праздникъ»—«веселое пированіе»; «въ церковь Перуспча»—«въ церковь святого Спаса»; «покрыта туманомъ»—«густые туманы»; «усы»—«длинные усы» (III); названіе рѣки—«заповѣдную рѣку»; «съ 1000 всадниками»—«съ новымъ войскомъ»; «съ конницею свѣжей»; «ей»—«бѣдой молодой» (IV); «фруктъ»—«поганую сливу», «Елена»—«молодая Елена»; «сестру»—«сестру свою меньшую»; «Елена»—«прекрасная Елена»; «мужъ»—«милому мужу»; «годъ»—«круглый годъ»; различный оборотъ (два раза)—«злые люди»; «ребенокъ»—«свиннаго младенца»; «ребенка»—«милаго дитяти»; «губы»—«мертвые уста»; «Стамати»—«старый Стамати»; «муравей»—«бѣдая муравка» (V); «враги»—«недруги злые» (VI); «мою кровь»—«горячей моей крови»; «враговъ»—«недруговъ снѣщихъ»; «пуля»—«свинцовую пулю» (VII); «его»—«мертвое тѣло»; «на свою лошади»—«на коня вороного»; «могилу»—«глубокую могилу (два раза)»; «на его шеѣ»—«на его бѣлую шею»; «отшельникъ»—«старцемъ калуеромъ»; «кровавая» (губы)—«алой кровью»; «ребенка»—«ребенка больнаго»; «вамиръ»—«вурдалакъ проклятый»; «солдаты»—«царскій рекрутъ»; «глаза»—«злые глаза» и др.

Вторую, менѣе значительную по числу примѣровъ группу въ наблюденіяхъ надъ эпитетами составляютъ замѣны переводчикомъ эпитетовъ Мериме другими, болѣе подходящими, по представленію Пушкина, къ славянской народной поэзіи, отчасти болѣе подходящими къ тону пѣсенъ; напримѣръ: «великую церковъ»—«церковь Божію» (I); «споръ между двумя славянами бѣями»—«два могучіе бѣя побравилель» (II); «слабый свѣтъ»—«малый огонечекъ»; «на эту бѣлую, какъ свѣтъ, лошади»—«на коня вороного» (III); «печестиваго еврея»—«жиду-лиходѣю» (IV); «имя великаго апостола»—«христіанское имя»; «черной жабѣ»—«поганой твари»; «прекрасный фруктъ»—«исвѣтлую сливу»; далматъ хитрый»—

ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ

(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы», Загребъ 1903).

«далмать лукавый» (V); «старый обычай»—«родной обычай»; «сѣ золотой цѣпочкой»—«на серебряной цѣпочкѣ»; «стоячую воду»—«воду дождевую (VI); «два храбрые сына»—«два милые сына»; «добрый путь»—«въ дальнюю дорогу» (VII); «великій воинъ»—«славный воинъ» (VIII); «странной болѣзью»—«опасною болѣзью»; «красное пятно»—«кровавую ранку»; «птичьи когти»—«вороньи когти» и т. п.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что Пушкинъ почти не пропускалъ всякаго рода опредѣлений изъ французскаго текста, находя ихъ характерными для поэзіи славянской, приведемъ всѣ замѣченные случаи такихъ пропусковъ (здѣсь приводится только текстъ Мериме: выдѣленныхъ опредѣлений у Пушкина ибѣтъ): «ты найдешь черную жабу» (IV); «въ глиняномъ горшкѣ»; «прекрасная Елена» (два раза у Мериме, но у Пушкина есть въ другихъ мѣстахъ); «большое озеро» (V); «прекрасная Катерина» (VI); «нодлые враги»; «широкій краеный полевъ» (VII). Изъ этого краткаго еписка еще разъ видно, какое значеніе придавалъ Пушкинъ подобнымъ опредѣленіямъ, если онъ нашель

необходимымъ опустить ихъ только въ семи случаяхъ.

Въ началѣ очерка мы указали въ общихъ чертахъ, что однимъ изъ пріемовъ мифификаціи Мериме является обиліе настоящихъ славянскихъ, славянизованныхъ или просто экзотическихъ для французскаго туриста собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій. И замѣчательно, что, считая ибѣсны подлинными, Пушкинъ елишь и рядомъ совѣмъ выпускалъ и тѣ и другія. Это нельзя объяснить ни требованіями стиха, ни его неумѣніемъ (или же извѣстной осторожностью) возетановить ихъ по не всегда послѣдовательной транскрипціи въ своемъ оригиналѣ (напр., *с* передается чрезъ *ch* и *tch*, *a z* означаетъ *з и и*), ни даже отсутствіемъ въ нихъ ибѣкоторой етильности. Поэтому скорѣе то же чутье поэта, которое не обманывало его и въ другихъ случаяхъ, заставляло его выпустить цѣлый рядъ именъ и названій, которыя, какъ казалось бы, самымъ надежнымъ способомъ приурочивали ибѣсени къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, а иногда и къ эпохамъ. Отсутствіе у Пушкина ибѣсколькихъ именъ и названій (правда, во всѣхъ случаяхъ второстепенныхъ и только

въ видѣ простыхъ упоминаній у Мериме) придаетъ его повѣствованію характеръ эничности, неопредѣленности, которая свойственна народной поэзіи вообще. Въ общемъ Пушкинымъ не названо 18 лицъ и мѣстностей: султанъ Магометъ (I), король Ома II, долина Пролога, старикъ Ома I, побратимъ Кирилъ Перванъ (II), церковь Перусича съ горы Пристежъ (у П.—«отселѣ»), Морнолауца покрыта туманомъ (у П.—«за рѣкою густые туманы»), Прасковья (П.—«жѣнка»), мы перешли Цеттину (П.—«перешли мы заповѣдную рѣчку»), III), селитаръ Мехеметъ, пришелъ нашъ Мехеметъ (П.—«враги наскочили»), Венеція (П.—«изъ за моря», IV), Петръ Стамати; Феодоръ Коноика; дѣти гайдука Александръ и Христичъ (второе, впрочемъ, придумано Мериме неудачно, такъ какъ это—ихъ фамилія, и отецъ называется Младинъ Христичъ, XI); названіе мѣстности, отъ которой преслѣдовали врага—Чанлисса (VIII); имя жены гайдука, отъ лица котораго идетъ пѣснь, Елена; похитившій его же дочь Круничъ. Кромѣ того, при повтореніяхъ Пушкинъ не пропускалъ случая замѣнить собственное имя нарицательнымъ; напр., вмѣсто имени «Радиной» одинъ разъ говорить «отетуничъ», другой разъ—«мученикъ» (I).

Трудно объяснить, почему въ пѣсколькихъ мѣстахъ Пушкинъ замѣнилъ имена. Конечно, можно не говорить о такихъ примѣрахъ, какъ волиѣ удачный переводъ греческаго названія «Константинополь» турецко-славянскимъ «Стамбулъ» въ первой пѣснѣ. Но въ другихъ случаяхъ нелегко дать ясный отвѣтъ. Почему, наиримѣръ, самый младшій изъ 20 героев Ома названъ у Пушкина Георгіемъ (III), или Константиномъ Якубовичъ—Маркомъ (VIII), жена его Милада—Зорія (VIII)? Можно только предположить, что послѣднее имя взято, какъ красивое, изъ непереведенной Пушкинымъ пѣсни «Гузлы»—«*Maxime et Zoé*»; Марко—излюбленный герой сербскаго эпоса, извѣстный Марко Краевичъ, которому посвященъ не одинъ десятокъ пѣсней въ сборникѣ Вука Караджича; наконецъ, Георгій—очень распространенное у сербовъ имя. Замѣну Христича (Christich) Хризичемъ (VII) можно объяснить вліяніемъ извѣстныхъ поэту въ Бессарабіи сербскихъ фамилій, среди которыхъ суффиксъ *ичъ* не только встрѣ-

чается часто, но по самому комплексу звуковъ характеренъ для сербскихъ фамилій; кромѣ того, и у Мериме имѣются *Danisich, Krousich, Ferrusich* и т. п. Янъ (вмѣсто Владина, VIII) явился, по всей вѣроятности, потому, что это—имя въ огласовкѣ «западныхъ» славянъ. Единственный случай, когда у Пушкина приводится мѣстное названіе, котораго нѣтъ въ данной пѣснѣ у Мериме, это въ стихѣ «дочь моя живетъ въ Лизгорѣ» (VII). Трудно допустить, чтобы дѣль нужна была только рима къ «море»; скорѣе это передѣлка названія «Вергора», которое встрѣчалось у Мериме три раза¹⁾.

Въ связи съ тѣмъ же чутелью эничности въ пропускахъ именъ и названій, стоитъ приѣмъ Пушкина въ опредѣленіи всякаго рода сроковъ и цифръ. Онъ пропускаетъ «спустя два мѣсяца»—время, прошедшее послѣ обряда побратимства (II), и «десять мѣсяцевъ»—срокъ отсутствія мужа Елены (IV); смягчаетъ опредѣленность срока «спустя недѣлю» (VIII) типичнымъ русскимъ оборотомъ «вотъ проходитъ недѣля—другая»; два раза замѣняетъ еще болѣе точные сроки, притомъ обозначенные необычнымъ у славянъ дѣленіемъ сутокъ: «въ тотъ же самый часъ»—«ту же пору», «въ этотъ самый часъ»—«ровно двѣ тому недѣли» (VIII) и т. п.

То же самое наблюденіе бросается въ глаза при параллельномъ сравненіи мѣствъ, гдѣ рѣчь идетъ о цифрахъ. Обыкновенно Пушкинъ или совсѣмъ пропускаетъ цифры, или же замѣняетъ ихъ числами эническими. У Мериме въ «Похоронной пѣснѣ» читаемъ: «твоей сыни Иванъ отомстилъ за тебя; онъ убилъ и я терыхъ»; у Пушкина просто: «по твоей сыни убилъ его» (VII). У Мериме—«онъ заказалъ отслужить 30 обѣденъ за упокой души своей жены»; у Пушкина—«и отиѣлъ по женѣ панихиду» (IV). Сообщенныя Мериме цифры «500 храбрыхъ черногорцевъ» и «20000 солдатъ» отсутствуютъ въ русскомъ переводѣ (IX), а «съ 1000 вадниковъ» и «съ 2000 босняковъ» замѣнены просто «съ конницею свѣжей» и «со своими босняками» (III). Въ одномъ только мѣствѣ «25 человекъ» превратились у Пушкина въ «120 человекъ» (IX); вѣроятно, для подвига храбрыхъ черногорцевъ, павѣки испугавшихъ войска

¹⁾ «*Montagnes de Vergoraz*» въ пѣснѣ «*La flamme de Ferrusich*» (стр. 147), «*Vorgoraz*» въ статьѣ о паниризмѣ (стр. 145) и въ пѣснѣ «*Les pobratimi*» (стр. 227).

Бонапарта, первая цифра оказалась переводчику слишкомъ незначительной.

Иное дѣло—числа эническія ¹⁾, къ которымъ Пушкинъ прибѣгаетъ нѣсколько разъ, и его замѣны всегда удачны и красивы: «каждый человекъ изъ нашей арміи стоилъ десятерыхъ»—«всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ» (III); «со вчерашняго дня»—«три дня» (VШ); «каждый убилъ десятерыхъ человекъ, и каждый получилъ десять пуль въ грудь»—«семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый, семью пулями каждый изъ нихъ прострѣлъ» (VI); «соти ружей будутъ направлены противъ нихъ»—«въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей» (XI). Къ тому же приему Пушкинъ прибѣгаетъ и тогда, когда у Мериме не указаны цифры; напримѣръ, «трижды пользѣ окровавленный цѣлуя» (I).

VI

Выше мы уже замѣтили, что многіе обороты у Пушкина вышли короче, а потому сильнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Это общее наблюденіе подкрѣпимъ нѣсколькими примѣрами. Изъ фразы, состоящей изъ трехъ предложеній: «Когда король Ома увидѣлъ, что было на клиросѣ, храбрость готова была покинуть его», Пушкинъ оставляетъ только одно: «Ужасомъ замерло въ немъ сердце» (I). «Чтобы пройти въ церковь, онъ (король Ома) долженъ былъ перешагнуть труны и погрузиться въ кровь по школку («jusqu'à la cheville»)». Съ этой фразой переводчикъ поступаетъ такъ же: «Онъ идетъ, шагая черезъ труны, кровь по школку ему достягаетъ». И въ концѣ той же первой пѣсни сокращеніе сообщаетъ повѣствованію обычную силу эпоса. Описаніе Мериме: «И король могъ думать, что миръ царилъ вокругъ Ключа, какъ вдругъ бомба, брошенная невѣрными, упала предъ нимъ и дала сигналъ къ приступу», замѣнено пластичной картиной: «Вдругъ взвилась изъ за города бомба, и пошелъ басурмане на приступъ». Такое же впечатлѣніе производитъ первый вопросъ

второй пѣсни: «Почему бей Янко Мариновичъ никогда не живетъ въ своей странѣ? Зачѣмъ путешествуетъ онъ по горамъ» и т. д.? Сила и образность тѣхъ же вопросовъ у Пушкина достигается прежде всего—краткостью. «Что въ развѣздахъ бей Янко Мариновичъ? Что ему дома не сидится?» Нисколько не проигрываетъ эничность разсказа съ точки зрѣнія мнимаго обилія подробностей, а несомнѣнно увеличивается тѣмъ, что переводчикъ въ третьей пѣснѣ не внесъ въ свой текстъ двухъ фразъ изъ подлинника: «господинъ, мы не покинемъ васъ, какъ эти подлецы», и «пока они находились въ живыхъ, они защищали бѣя, своего вождя». Мнимая послѣдовательность у Мериме обнаруживается сравненіемъ въ оригиналѣ и въ переводѣ слѣдующихъ фразъ: «Вотъ ей животъ постепенно началъ пухнуть, съ каждымъ днемъ все больше: настолько, что» и т. д.—«Стала пухнуть прекрасная Елена» (IV). «Воздухъ душитъ меня,—жалуется у Мериме влахъ, попавшій въ Венецію,—и хлѣбъ—ядъ для меня; я не могу идти, куда хочу, не могу дѣлать, что хочу. Я—какъ собака на привязи». Та же жалоба въ переводѣ дышитъ силой, прежде всего благодаря краткости (V):

Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ
камень,
Я неволю, какъ на привязи собака.

Нечего и говорить, что въ сокращеніяхъ характера механическаго выброшены наиболѣе неудачные обороты, напримѣръ: скрывающіеся въ пещерѣ гайдуки «такъ хотятъ пить, что ихъ языкъ распухъ и сталъ чернымъ» (VI). Когда обезумѣвшій на пятый день младшій сынъ Христича «вытащилъ ножъ» и сталъ глядѣть на трунъ матери, тогда старшій сынъ «испугался его, вынулъ свой ножъ и прокололъ себѣ руку: пей мою кровь, Христичъ, и не совершай преступленій» (VI). Выдѣленныхъ нами выраженій нѣтъ у Пушкина, и стоитъ хотябы бѣгло прочитать всю пѣсню, чтобы убѣдиться въ неудачности именно выщущенныхъ фразъ.

А вмѣстѣ съ краткостью и силой у Пушкина всегда является живость, въ слѣдующемъ примѣрѣ равносильная живости поговорки. Фразы Мериме: «Мы ничего не знаемъ о немъ. Можетъ быть, ты встрѣтишь его въ странѣ, куда идешь», (авторъ обращается къ покойнику), у Пушкина превратились въ великолѣпное: «живишь ли нѣтъ, узнаешь самъ» (VII). Растапу-

¹⁾ Ср. Т. Maretić, Die typischen Zahlen in der russischen Volksepik, Archiv für slav. Philologie, Bd. XXV, 452—462; Фр. Миклошичъ, Изобразительныя средства славянскаго эпоса, Древности. Труды Слав. Ком. Моск. Археол. Общ-ва, т. I, и инославянскія параллели въ очеркѣ Ш. Бобчева «Изображеніе въ болгарската народна епика». Сборникъ за народни умотворенія и т. д., кн. X, 196—220.

тость въ описаніи прихода въ мирную семью незнакома, который окажется злымъ вурдалакомъ, лишаетъ у Мериме всю сцену той таинственности и силы, которая у Пушкина достигается краткостью и простотой, для чего имъ пропущены всякія упоминанія о томъ, что путникъ «выходитъ изъ лѣсу», «склоняется хозяйкѣ, взявъ ее за руку», и т. д. (VIII). «Но я хочу,—говоритъ хозяйну путникъ,—чтобы меня похоронили на вершинѣ кургана, въ этомъ мѣстѣ противъ солнца» и т. д. Пушкинъ пропустилъ это «противъ солнца» и здѣсь, и въ одной изъ дальнѣйшихъ строкъ, передавъ всю просьбу въ краткой и сильной формѣ: «ты зарой мое тѣло за горой, подъ зеленою нвой». А описаніе явленія вурдалака въ образѣ великана, который «улыбаясь» смотритъ на хозяина, у Мериме напоминаетъ просто «страшную» картину съ попыткой просвѣщеннаго европейца объяснить дѣйствіе глазъ вампира, но повѣрью дикарей, на человѣка и т. д.; у Пушкина такъ много силы въ этомъ эпически-продолжительномъ «глядѣть неподвижно», которымъ замѣняются излишнія подробности оригинала! И дальше, «привидѣніе» Мериме Пушкинъ передаетъ просто «великанъ», не желая точнымъ переводомъ давать какъ бы реальное объясненіе всей картинѣ.

Особенную силу пріобрѣтаютъ сокращенія въ такихъ случаяхъ, когда Пушкину дается цѣлая фраза превратить въ одно-два слова, напримѣръ: король Оома ходитъ по комнатѣ «въ то время, какъ его солдаты спятъ, опершись на свое оружіе»—«люди спятъ» (I); далматы «бросились бѣжать и покинули насъ»—«разбѣжались» (II); «чтобы намъ объявить сраженіе»—«противъ насъ» (III); «этотъ ребенокъ, который находится въ ея проклятомъ чревѣ, несколько не виновенъ»—«свишняго младенца» (IV); когда мужъ вошелъ въ домъ, «онъ увидѣлъ свою жену сидящей» и т. д.—«и видитъ»... (IV). Иногда такія сокращенія превращаются не больше, какъ въ восклицаніе, въ энергичный вопросъ, и отъ этого необыкновенно выигрывается сила впечатлѣнія. Напримѣръ, цѣлая фраза у Мериме: «И эти труны—вѣрныя его слуги, и кровь эта—кровь христіанъ»—замѣнена у Пушкина однимъ «горе!»; но стоитъ припомнить предшествующую и слѣдующую за восклицаніемъ изреченія, чтобы признать въ замѣнѣ артистичность (I). Или предъ сценой свиданія вернувагося изъ-за моря послѣ долгой разлуки мужа съ мнимой

измѣнившей-женой: «Что случилось съ прекрасной Еленой, моей женой? Почему ея нѣтъ здѣсь?» Два всего слова у Пушкина говорятъ о цѣлой трагедіи въ душѣ мужа, предвѣщаютъ грозу въ недалекомъ будущемъ: «Гдѣ жъ Елена?» (IV).

Конечно, стихотворная форма у Пушкина играетъ большую роль при сравненіи съ прозой Мериме, но чутье художественности у переводчика засвидѣтельствовано рядомъ необыкновенно живыхъ оборотовъ. Приказаніе воинамъ Радивоя у Мериме: «Тѣ, которые не ранены, поспѣвайте достигнуть лѣса съ тѣмъ расчетомъ, чтобы избѣгать всадниковъ наши селухтара»—очень неудачно въ сравненіи съ энергичной формой рѣшительнаго приказанія у Пушкина: «Кто не раненъ—въ лѣсъ бѣги скорѣе и спасайся тамъ отъ селухтара» (III). Вялая и безцвѣтная строфа Мериме, которой Пушкинъ начинаетъ IV пѣсню (все начало ея до этой строфы выпущено), въ русскомъ переводѣ вышла задорной, сильной, пѣвучей, съ темпераментомъ, и эту великолѣпную живость, этотъ музыкальный тонъ пушкинской строфы не замѣняютъ даже ряды точекъ, избыточно поставленныхъ здѣсь у Мериме, очевидно, съ цѣлью оживить разсказъ недосказанностью, намекомъ на цинкитныя подробности и т. д.

« . . . . . Помимо того, Стамати былъ маленькій старикъ, съ плоскимъ носомъ, низенькій. А Елена—высокая и сильная.

Ему захотѣлось стать большимъ и сильнымъ . . . . . Стамати усталъ навзничъ и вернулся домой въ слезахъ, съ согнутыми колѣнами и покачиваясь».

Даже при всей близости перевода трудно узнать оригиналъ въ соответствующей пушкинской строкѣ, въ стилѣ рефрена:

Старати былъ старъ и безсилень,
А Еленамъ-олода и проворна:
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.

И затѣмъ Пушкинъ чувствуетъ, что чего-то не достаетъ для музыкальности стиховъ, и прибавляетъ поощреніе-похвалу въ пѣсенномъ стилѣ, въ стилѣ рефрена

Подѣломъ тебѣ старій безстыдникъ!
Ай да баба! Огдѣламъ(съ) славио!

Въ IX пѣснѣ переводъ менѣе близокъ съ точки зрѣнія текстуальной, и все-таки въ немъ нѣтъ ничего новаго, чего бы не было въ подлинникѣ, кромѣ недостающей

послѣднему живости, естественности. «Послушайте эхо нашихъ ружей,—сказалъ капитанъ» (Мериме). У Пушкина:

«Эхо что?»—

Удивись они сказали:

«Эхо, что ли? Нѣтъ, не то!»

Но тѣмъ же причинамъ переводъ Пушкина въ начальной строфѣ той же пѣсни отстунаетъ отъ подлинника не въ смыслѣ, а въ тонѣ. «Наполеонъ сказалъ: что это за люди, что осмѣливаются мнѣ противиться? Я хочу, чтобы они явились и бросили къ моимъ ногамъ свои ружья и ятаганы, украшенные чернью». У Пушкина оный выходитъ картиннѣе, много задора въ похвалѣ Бонапарта, удаченъ ритмъ угрозы маленькаго корсиканца, ожидается роковое столкновение «племени злого», горсти черногорцевъ, съ могучимъ полководцемъ и т. д. Послѣ ряда короткихъ вопросовъ идетъ угроза:

Такъ раскаются жъ пахалы:

Объявить ихъ старшинамъ,

Чтобы ружья и кинжалы

Всѣ весли къ моимъ ногамъ!

Или немного дальше въ той же пѣснѣ: «Тогда капитанъ ихъ сказалъ, чтобы каждый солдатъ направилъ свое ружье, и чтобы каждый человекъ убилъ одного черногорца» (Мериме). Какъ мы видѣли, въ большинствѣ случаевъ Пушкинъ измѣняетъ живую рѣчь на косвенную, а здѣсь поступаетъ наоборотъ, чѣмъ достигается необыкновенная живость:

Стой! Пали! Пусть каждый сброситъ

Черногорца одного!

Вообще, во всей IX пѣснѣ Пушкинъ относится къ подлиннику болѣе самостоятельно, чѣмъ въ другихъ пѣсняхъ, даже вставляетъ «мамлюковъ роты и косматыхъ кирасиръ», вмѣсто однихъ «драгунъ» подлинника,—такъ какъ небольшая и притомъ военная пѣсня черногорцевъ требовала, по мнѣнію переводчика, особаго стиля, особой живости, ритма и картинности. А особенность этого поэтическаго жанра, вмѣстѣ съ иной обстановкой и сравнительно поздней эпохой событій, давала ему право измѣнить тонъ сначала и до конца пѣсни. И тонъ великолѣпно выдержанъ.

VI.

До сихъ поръ мы разсматривали текстъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» съ точки зрѣнія требованій народнаго эпоса вообще

и только случайно касались изобразительныхъ средствъ эпоса славянскаго, конечно, повторяемъ, того эпоса, который могъ быть извѣстенъ Пушкину, и какимъ онъ представлялся поэту. Во-первыхъ, въ этихъ средствахъ поэты не отдѣляютъ русскихъ чертъ отъ сербскихъ, и все у него претворяется въ томъ «общеславянскомъ» тонѣ народнои поэзіи, который у насъ господствовалъ долго, а иногда повторяется и въ наше время. Во-вторыхъ, чисто-русская народная поэтика въ представленіи Пушкина была значительно «особенной», по сравненію съ подлинной, какъ и раньше до него—у Чулкова, Радицева, Карамзина, такъ и позднѣе—у Алексѣя Толстого, Мел, Сурикова и др. Это лишаетъ изслѣдователя возможности и даже права предъявлять строгія требованія къ такимъ произведеніямъ—«подражаніямъ», а въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду и состояніе изученія народнои словесности въ то время, когда писалъ Пушкинъ.

Прежде всего, Пушкинъ угадывалъ и удачно замѣнялъ французскія слова подлинника русскими терминами, старинными или народными выраженіями или же тѣми же словамъ, но съ суффиксами специально русскими и т. д., какъ «комната»—«палаты» (I); «рабъ»—«холопъ»; «распростерся»—«биль челомъ» (султану); «Jusqu'à la cheville»—«по шиколку»; «невѣрные»—«басурманы» (I, III и др.); «визиря»—«прелужниковъ» (I); «враги»—«недрузи» (II); «врагъ»—«супротивкъ»; «сказалъ»—«молвилъ» (II, V, VIII и др.); «окно»—«окошко» (II, V); «жена»—«жѣнка» (II); «на уши»—«на бекрень» (III); «навалъ»—«съ крыла ударилъ»; «двоюродные братья»—«друзья, родные»; «назвалъ», «назвать»—«нарекаетъ», «нареши» (IV); «спросилъ»—«молвилъ»; «я убилъ»—«я сгубилъ» (понапрасну); «позвала»—«кликнула»; «говорили»—«стали баять»; «сказала»—«провѣщала» (голова); «заказалъ отслужить»—«отвѣлъ панихиду»; «одѣты въ золото и шелкъ»—«въ шелковыхъ кафтанахъ» (V); «разтегнулъ» (поясъ)—«развилъ» (VIII); «показалъ»—«кажетъ»; «собаки-нехристи»—«басурмане»; «капитанъ»—«полковникъ» (IX); и т. п. Извѣстную долю колоритности придаютъ «Пѣснямъ» и формы уменьшительныя, какъ «огонечекъ» (II), «сестрица» (IV), «кустикъ» (V), «кусточки» (VIII) и т. д.

Рядъ отдѣльныхъ мѣстъ у Пушкина кажутся выхваченными изъ сказки, былины, пѣсни, причемъ соотвѣтствующія выраже-

нія оригинала не давали, казалось бы, даже намека для такихъ стилизныхъ переводовъ, напримѣръ, «я вижу слабый и дрожащій свѣтъ»—«вижу, вошь, малый огонечекъ чуть-чуть брежжетъ» (II); «бей Янко былъ мертвъ»—«стуть и смерть ему приключилась»; «мы не сможемъ скрыться отъ нихъ»—«намъ управиться съ ними невозможно» (III); «и вернетъ тебя въ нашу страну»—«тебя изъ погибели вымчитъ»; «стань онъ думу думать» (IV); «показалось бѣдной молодщѣ»; «воротился на свою сторонку»; «его привѣтно поздравляютъ»; «проводятъ время во всевозможныхъ развлеченияхъ»—«только что пьютъ да гуляютъ» (V); «но здѣсь я не встрѣчаю ни одной дружественной фигуры»—«здѣсь не слышу добраго привѣта, не дождуся ласковаго слова» (V); «въ ней больше цекпировъ, чѣмъ камней въ твоей странѣ»,—«тамъ цекпы—что у насъ камения»; «пуля разорвала мнѣ грудь»—«пулю... пошу подь сердцемъ» (VIII); «вечеромъ»—«па закатѣ краснаго солнца». Особенно удачны два выраженія въ IV пѣснѣ: «мнѣ подбросили колдовство (sort), которое сдѣлало мнѣ распухнѣе животъ»—«испортили меня злые люди» и «заколдовали меня изъ мести»—«окормили».

Слѣдующую группу составляютъ обороты, на которыхъ лежитъ отпечатокъ стариннаго синтаксиса, какъ: «расскажемъ объ атомъ сраженіи»—«расскажемъ эту битву» (III); «убивать невѣрныхъ»—«воевать басурмановъ» (III). Наконецъ, славянскій характеръ усиливается частіцами «али», «аль»; «что» въ значеніи «почему», «какъ» и «который»; «какъ» въ значеніи «когда»; нечленными формами прилагательныхъ; «до вострія» и т. п. И если одно мѣсто перевода, привѣтствіе «здравствуй Дмитрій Алексѣичъ» (V), ужь слишкомъ руссифицируетъ пѣсню (славяне, какъ извѣстно, не называютъ по имени-отчеству), то и здѣсь Пушкинъ свободенъ отъ нареканій: онъ напечатлѣвъ его въ оригиналѣ: «дабудетъ Богъ съ тобой, сынъ Алексѣй».

Музыкальная стройность у Пушкина въ народномъ духѣ (днать, конечно, разнѣры здѣсь своеобразны) достигается еще такими повтореніями въ народномъ духѣ, какъ «но никто барабановъ не слышитъ, никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ; лишь корольто слышалъ и видѣлъ» (I). Этому мѣсту соответствуетъ неублаженъ и антиэпическая фраза у Мериме: «А вокругъ великаго короля Омы стоятъ его вѣрные

слуги, и ни одно ухо, кромѣ его собственнаго, не слышитъ этого ужаснаго шума». Султаны у Пушкина велитъ дать Радивою «не бархатный кафтанъ, не парчевый»; и этотъ пріемъ заимствованъ не у Мериме, у котораго здѣсь—такая же тяжелая и чуждая эпичности фраза: «Кафтанъ, который будетъ носить онъ, будетъ болѣе драгоценный, чѣмъ венеціанская парча» (brocade, sic). То же самое можно сказать о слѣдующихъ фразахъ у обоихъ поэтовъ: «Кто смутился, и кто усмѣхнулся»—«Его сосѣди начали улыбаться; его друзья покраснѣли, но ни одинъ не отвѣчалъ» (IV). Или: «орико плача и жалостно рыдая»—«проливая горькія слезы» (II). И ложнымъ пріемомъ подобной стройности слѣдуетъ назвать слѣдующую фразу у Мериме: «Для нихъ пушекъ тамъ есть провасть, для нихъ драгунъ—утесы и для нихъ пѣхоты—500 хорошихъ ружей». Это—отрывокъ изъ официальной диспозиціи, а не изъ народнаго эпоса, и Пушкинъ избѣгъ ошибки, передавъ всю фразу чрезъ: «для коней и для пѣхоты камни есть у насъ и рвы» (IX).

Та же стройность въ духѣ народнаго эпоса наблюдается еще въ отрицательныхъ сравненіяхъ, одно изъ которыхъ, напримѣръ, въ 3 строфѣ подлинника Пушкинъ великолѣпно угадалъ: «Ce n'est point la chouette qui cause ce bruit étrange; ce n'est point la lune qui éclaire ainsi les vitraux de l'église de Kloutch; mais dans l'église» и т. д. (I). Иногда неудачныя выраженія Мериме превращались подъ перомъ русскаго поэта въ красивыя и музыкальныя сравненія; стоитъ сопоставить длинную фразу французскаго подлинника съ точнымъ соответствіемъ ей въ русскомъ текстѣ: «Но онъ ищетъ пустынныхъ мѣстъ, и ему правятся пещеры, гдѣ живутъ гайдуки, такъ какъ сердце его обречено печали»,—у Пушкина: «Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный» (II). Другія три сравненія у обоихъ поэтовъ вышли различными: «словно быкъ, неугаанный оводомъ»—«словно волкъ, ужаленный змією» (II); «я—какъ пересаженное во время лѣта дерево, я сохну и умираю».—«Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ» (V); «безумѣннѣе младшій сынъ гайдука сидитъ возлѣ матери, «какъ волкъ возлѣ ягненка»,—«онъ смотритъ на мать, какъ на сияющую козу» (VI).

Стройность, въ большинствѣ случаевъ едва-ли отдѣлимая отъ музыкальности, достигается у Пушкина еще тѣмъ, что отбѣты прямо вытекаютъ изъ вопросовъ, какъ въ

ушной славянской поэзи. Напримѣръ, въ началѣ пѣсни, на вопросы о боязни Мариавича, у Мериме даются такіе отвѣты: «Штъ, бей Янко богатъ и могучъ. Никто не поемѣеть назваться его врагомъ, такъ какъ по его зову сразу же выйдутъ изъ поженъ болѣе двухъ сотъ сабель». Но раньше не было вопроса о бѣдности Янка, и пушкинскій двойной отвѣтъ на два вопроса вполне подходитъ къ народнымъ образцамъ: «не боится бей Янко Мариавичъ ни враговъ своихъ, ни кровомщенья» (II).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими приемами пушкинской поэтики, которые сравнительно легко поддаются анализу и могутъ быть иллюстрированы. Много можно было бы сказать о тѣхъ приемахъ, которые нельзя такъ же распределить по группамъ и которые не словами, не выраженіями, даже не музыкальностью, а самымъ духомъ говорятъ о художественно-эпическомъ чувствѣ Пушкина и объ отсутствіи его у Мериме. Но здѣсь у изслѣдователя кончается область приложенія научныхъ методовъ, и начинается всегда спорная область вкусовъ. Поэтому мы прекращаемъ наблюденія и ограничимся сравнительной характеристикой только одной пѣсни, совершенно неудачной въ подлинникѣ и удачно, по крайней мѣрѣ, исправленной у переводчика. Вся пѣсня «Jeannot» у Мериме похожа на «правоучительный» рассказъ изъ хрестоматіи съ готовой моралью и попыткой реальнаго объясненія повѣрій о вурдалакахъ у «свиней-босняковъ», о которыхъ говоритъ французскій консулъ — одинъ изъ источниковъ Мериме. Особенно жалко и убого начало пѣсни. «Ваня долженъ былъ вернуться въ городъ и провести ночь на кладбищѣ. Между тѣмъ, онъ былъ трусъ болѣе подлый, чѣмъ женщина. Онъ трясея, какъ въ лихорадкѣ». Въ этихъ фразахъ нельзя угадать даже элементовъ для соответствующихъ живыхъ и не лишённыхъ эпической пластики стиховъ у Пушкина, хотя и его «Вурдалакъ» принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ пѣсней:

Трусовать былъ Ваня бѣдный.
Разъ онъ поздною порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шель домой.

Взявъ этотъ тонъ, тонъ шутиваго разсказа, но безъ отпечатка эпичности, по крайней мѣрѣ — тонъ занимательнаго дѣтскаго разсказа, Пушкинъ выдержалъ его до конца. Поэтому у него нѣтъ такихъ

подробностей: «Ваня смотрѣлъ на право и лѣво», а вурдалакъ «ѣлъ въ своей могилѣ»; «я провалъ: если онъ увидитъ меня», — говоритъ трусъ, — то захочетъ съѣсть, потому что я — такой жирный» и т. д. Хуже всего — послѣдняя строфа у Мериме: «Тогда онъ нагнулся, чтобы достать земли; но собака, которая глодала баранью кость, подумала, что онъ хочетъ отнять ее, вскочила на ноги и укусила его до крови». Въдѣ это — «благонамѣренный» рассказъ на тему, почему дѣти, да притомъ толстыя, не должны ходить ночью на кладбище, и какія отъ этого неприятности могутъ происходить.

VII.

Юго-славянскую народную поэзію, точнѣе сербскую, Пушкинъ зналъ очень мало, меньше, чѣмъ русскую, и при переводѣ пѣсней изъ Мериме не пользовался изобразительными средствами первой. Быть можетъ, въ этомъ виденъ опять-таки тотъ художественный тактъ поэта, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ: выражая сомнѣніе въ подлинности пѣсней Мериме, Пушкинъ въ то же время чувствовалъ, что дѣло здѣсь — не вполне чистое, и поэтому самъ не сдѣлалъ ошибки путемъ обратнаго и вполне уже искусственнаго приближенія своего перевода къ минимуму сербскому первоисточнику средствами, взятыми изъ подлинныхъ сербскихъ пѣсней изъ сборника Караджича. Гораздо естественнѣе было внесеніе имъ въ свой русскій переводъ чертъ русской же народной поэзи, а не сербской. Поэтому мы не находимъ, повторяемъ, слѣдовъ такого же сближенія оборотовъ у Мериме съ сходными оборотами сербскихъ пѣсней, за исключеніемъ, пожалуй, одного выраженія, которое производитъ впечатлѣніе какъ бы выхваченнаго изъ сербской пѣсни: «они братовались и были по Богу братья» (II, у Мериме: «они поклялись; они дали клятву вмѣстѣ жить и умереть»). Изъ отдѣльныхъ юго-славянскихъ выраженій, внесенныхъ Пушкинымъ самостоятельно, укажемъ два: «собака» — «гяуры-христиане» (I), «отшельникъ» (hermite) — «калуѣръ» (серб. калуѣеръ отъ греч. *καλόγερος*, VIII), и отгѣмнымъ удачный выговоръ этнографическаго термина «съ своими бошняками» (III), основанный на живомъ произношеніи, а не на французской транскрипціи.

Не могъ и не имѣлъ случая познако-

миться Пушкинъ съ бытомъ южныхъ славянъ настолько, чтобы отнеслись критически къ описанію его у Мериме или къ книжнымъ источникамъ послѣдняго. Если въ Бессарабіи Пушкинъ и видѣлъ болгарскія села, видѣлъ въ Кишиневѣ сербовъ, бесѣдовалъ съ ними и т. д., то этого слишкомъ мало; кромѣ того, онъ видѣлъ тѣхъ и другихъ на чужбинѣ, а хорошихъ книгъ, которыя могли бы замѣнить ему непосредственное знакомство съ этимъ бытомъ, въ то время не существовало. Вотъ почему, нѣсколько разъ и всегда удачно исправляя сомнительныя бытовые свѣдѣнія Мериме о славянахъ, поэтъ руководствовался скорѣе чутъемъ, чѣмъ фактическими справками. Изъ такихъ чертъ, несвойственныхъ славянскому быту, укажемъ слѣдующія. Прежде, чѣмъ войти въ церковь, король Оома «взялъ лѣвой рукой уже испытанный въ вѣрности талисманъ и тогда болѣе спокойно пошелъ въ большую церковь Ключа». Пушкинъ почувствовалъ всю неумѣстность этого образа для православнаго человѣка или просто для славянина и замѣнилъ его вполне реальнымъ образомъ: «Но великую творить онъ молитву и спокойно въ Божию церковь входитъ» (I). Послѣ вторичной просьбы посмотрѣть въ окошко, бѣи Янко у Мериме «взялъ свои четки» и началъ молиться, и затѣмъ еще разъ упоминается о нихъ: «когда онъ перечелъ свои четки» и т. д. У Пушкина не упоминается о четкахъ (II). Хотя сербы нехристиане держатъ у себя въ домѣ четки, привезенныя изъ чтимыхъ монастырей, и хранить ихъ около иконъ, но молитвенныхъ съ четками—картина совершенно неестественная, и представить православнаго славянина изъ молитвы въ такой именно обстановкѣ трудно. Выпущена въ той же пѣснѣ и другая подробность, какъ характерная скорѣе для католика,—о томъ, что Марнавичъ молился «на паперти съ скрещенными руками». Пѣніе съ гуслими подь окнами дѣвушекъ и бросаніе мужчинами цвѣтовъ также необычно у сербовъ, почему Пушкинъ измѣнилъ подробности слѣдующаго мѣста: «И тогда, о Дмитрій, какая юная дѣва устоитъ, чтобы не позвать тебя изъ своего окна и не бросить тебѣ букетъ, когда ты настроишь свои гусли?» Весь этотъ отрывокъ измѣненъ и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности:

И тогда-то прай себѣ на гуслихъ:
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ
И позрками тебя закидаютъ.

Незнаніе Мериме славянскаго быта заставило хозяйку напоить путника, который жалуется на жажду, «водой и молокомъ», а у Пушкина хозяйка «пошла за водою и прохожему вынесла ковшикъ» (VIII). Измѣненія и въ другихъ пѣсняхъ показываютъ, что Пушкинъ понималъ нравственный обликъ славянъ, быть можетъ, и нѣсколько своеобразно, въ духѣ славянофильства, но во всякомъ случаѣ представлялъ себѣ славянъ «смирными», смягчивъ слишкомъ энергичную фразу «сожгли все города и деревни этихъ обрѣзанныхъ сабакъ» оборотомъ «начинательнымъ» и выпустивъ все лишнее: «стали жечь турецкія деревни» (III). Изъ неумѣстной похвалы умирающаго путника: «я былъ великимъ воиномъ, и рука моя не находила достаточно тяжелой для себя сабли»—онъ создалъ, въ данномъ случаѣ самостоятельно, завѣтъ умирающаго безъ подобной похвалы, несвойственной славянину: «со мной положи мою саблю» (VIII). Наконецъ, какъ и славянофилы, онъ представлялъ себѣ славянскую идеальную «общину», прибавивъ отъ себя два раза, что на кладбище отправилась «вся деревня» (VIII), что «вся деревня» вышла навстрѣчу мужу Елены (IV), и т. п.

Славяне у Пушкина рисуются благочестивыми, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ удобно было, поэтъ прибавлялъ отдѣльныя слова и выраженія, которыхъ нѣтъ у Мериме. Кромѣ указанныхъ въ другихъ мѣстахъ очерка примѣровъ, приведемъ еще слѣдующія вставки поэта. Король ошущью пробирался къ дверямъ церкви «въ съ молитвой на лицу вышелъ» (I). Въ другомъ мѣстѣ той же пѣсни прибавлено: «великую молитву... творить онъ». Говоря, что Янко Марнавичъ «молился», Пушкинъ прибавилъ: «Богу» (II). Вурдалака похоронили на родовомъ кладбищѣ «съ молитвой», затѣмъ калуерь потеръ тѣло мальчика землей изъ могилы вурдалака «и весь день творилъ надъ нимъ молитвы» (VIII). И при всемъ томъ, это благочестіе славянъ лишено тѣхъ крайностей, которыхъ легко было бы не избѣжать. Не столько, быть можетъ, личное убѣжденіе Пушкина въ ненужности славянской вражды на почвѣ конфессіональныхъ различій, сколько пониманіе имъ чисто-славянскаго терпимости въ этихъ вопросахъ, свойственной, пожалуй, однимъ славянамъ, заставило его совершенно выпустить слѣдующій дѣйствительно нелѣпный мотивъ въ пѣснѣ «Марко Якубовичъ» (VIII).

ТИПЫ ВОЕВОДЪ-ВОЈДЕИ СЕРБСКАГО ВОЗСТАНІЯ.
(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы» Загребъ 1903).

Послѣ смерти путника Марко отвезъ его тѣло на кладбище, «не забывая о томъ, что латинская земля будетъ терять своихъ пѣдрахъ трупъ грека-схизматика». Мериме снабжаетъ этотъ отрывокъ примѣчаніемъ: «Грекъ, появившій на латинское кладбище, становится вампиромъ, и наоборотъ» (прим. 2).

Но зато всѣ свидѣтельства о культѣ Богородицы, какъ о чертѣ чисто-католической, всегда опускаются Пушкинымъ. «Когда прошло три дѣя—читаемъ у Мериме—Екатерина воскликнула: «пусть Свята и Дѣва сжалится надъ вами и пусть отомститъ за васъ вашимъ врагамъ». У Пушкина молитва ея формулирована проще и естественнѣе, безъ упоминанія о Богородице: «Господь Богъ! Помилуй наши души» (VI). Изъ III пѣсни выпущено «съ помощью Святой Дѣвы». Въ IV пѣснѣ фраза «клянусь вамъ именемъ Блаженной Дѣвы Маріи» измѣнена въ русскомъ переводѣ въ томъ же направленіи: Елена клянется «Богомъ и пречистымъ именемъ Маріи». Мнимый колоритъ религіозности, несвойственной славянской эпикѣ, устранивъ Пушкинымъ передѣлкой фразы «ио Провидѣніе привело въ домъ Константина святого отшельника»—къ Якубовичу калуеръ приходитъ» (VIII). Наконецъ, въ I пѣснѣ выпущено обращеніе къ «божественному Христу».

Наблюденія надъ различіями сравниваемыхъ текстовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о религіозныхъ мотивахъ, показываютъ, что Пушкинъ не свободенъ быть отъ пѣкаторой тенденціи, но опять въ предѣлахъ того же невоинствующаго благочестія. Въ началѣ II пѣсни, когда прекрасная Елена съѣла отравленный плодъ, то «сотворила крестное знаменіе, но не почувствовала облегченія». Такимъ образомъ, Мериме рисуетъ какъ бы безспіе крестнаго знаменія. Пушкинъ пропустилъ всю фразу. Когда явился великанъ-вурдалакъ въ домъ Якубовича, то отшельникъ, по Мериме, «заклялъ его именемъ Иисуса». Пушкинъ пропустилъ эту фразу, потому что фактъ второго и третьяго появленій вурдалака, несмотря на призываніе такого великаго имени, говорилъ бы о безплодности подобнаго призыванія. Первый разъ калуеръ прогналъ вурдалака, у Пушкина, дымомъ кипарисовой вѣтки, второй—молитвой; о способѣ изгнанія при третьемъ появленіи уже не упомянуто. То же чутье, а не реальное знакомство съ бытомъ и

характеромъ славянскихъ народовъ, заставило его пропустить такія мнимыя реальныя подробности, какъ упоминаніе о «великой мечети» въ Константинополѣ, куда султанъ хотѣлъ оторвать голову боснійскаго короля Оомы, или о «дворцѣ» того же короля, о звучащихъ въ церкви «трубахъ», о томъ, что король выходитъ изъ комнаты въ церковь «съ своей саблей въ рукѣ» (I); о томъ, что Радивой былъ «великій бей», а селихтаръ «нашой»; что далматинцы намѣрены «перенести головы ихъ (цвѣрныхъ) въ свою страну»; что славянскія войска сожгли не только деревни, но и «въ сѣ города» турокъ, какъ дѣло фактически невозможное (II); что старикъ-ловлясъ и еврей-колдунъ жабу искололи «своими ятаганами» (IV); по кѣ картинѣ: нандуры схватили скрывавшихся въ пещерѣ гайдуковъ и отсѣкли имъ головы—Пушкинъ прибавилъ: «и на коня свои посадили» (VI). Отшельникъ, по Мериме, взялъ изъ могилы вурдалака не только земли, но «и крови», и ею не только больной ребенокъ намазалъ свое тѣло, но «то же самое сдѣлалъ Константинъ и Миліада» (VIII). У Пушкина нѣтъ этихъ подробностей, и около пяти разъ въ разныхъ пѣсняхъ пропущены имъ выраженія «въ горахъ», «въ горы» и т. п., которыми Мериме желалъ придать колоритъ экзотичности и всегда дѣлалъ это некстати.

Благодаря чутью эпки, удачно взятому тоу пѣсенъ и пониманію духовнаго облика славянъ, цѣлый рядъ оборотовъ у Пушкина кажется взятымъ изъ настоящей былинны или сказки, и во всѣхъ случаяхъ текстъ Мериме не даетъ даже намека на славянскій «оригиналъ», хотя бы нѣсколько искаженный французской передачей. Такова, напримѣръ, фраза: «Это было большое преступленіе—дать черной жабѣ имъ великаго аностола», превращенная подъ перомъ Пушкина въ архаизованную чисторусскую по духу сентенцію: «Грѣхъ великъ—христіанское имя парещи такой поганой твари» (IV). Или опасенія сосѣдокъ по поводу беременности Елены: «Но какъ это случилось, когда мужъ ея отсутствуетъ? Онъ поѣхалъ въ Венецію болѣе десяти мѣсяцевъ назадъ!» У Пушкина здѣсь все просто, сильно и въ духѣ русскаго эноса: «Како-то будетъ ей отъ мужа, какъ воротится онъ изъ-за моря?» (IV). «Хорошо,—говорить у Мериме усталый, умирающій путникъ приотышшему его сербу,—я желаю тамъ отдохнуть, такъ какъ чувствую,

что постепенно умираю». И при переводѣ этой фразы Пушкинъ почувствовалъ всю дѣланиость конструкции, страшнаго подбора выражений во французскомъ текстѣ и художественно «возстановилъ» ее въ духѣ русскаго эпоса въ такомъ эпическомъ строипомѣ видѣ: «отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ, потому что мнѣ жить ужъ недолго» (VIII). Наконецъ, безъ сравненія съ текстомъ Мериме нельзя было бы даже догадаться, что фразы той же пѣсни: «Ребенокъ Константины имѣлъ блѣдныя губы и едва могъ ходить; печальный легъ онъ на солому, онъ, который любилъ бѣгать повсюду,» переданы у Пушкина ближе къ тексту, въ то же время въ духѣ русской сказки, а не прямо взяты изъ какого-нибудь пароднаго источника:

Сталъ худѣть сыночекъ у Марка,
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.

Вполнѣ удачными замѣнами мы назовемъ и такія, какъ «лучше хорошая пуля, чѣмъ агонія голода»—«лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда» (VI) и «Прощай, прощай, добрый путь»—«Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!» (VII). Первое слово послѣдней фразы это—дословный перевод «Adieu» и вполнѣ соответствуетъ реальному сербскому прилѣтвию при разставаніи. («Когда онъ (сынъ) вырастетъ, я научу его стрѣлять изъ ружья и переносить, какъ слѣдуетъ храброму воину»—«ужъ владѣть ятаганомъ и стрѣлять изъ ружья» (VII), а въ началѣ VIII пѣсни Пушкинъ выбросилъ подробность, что ребенокъ игралъ «саблей», такъ какъ вся мирная сцена дѣйствительно служить прекраснымъ контрастомъ для дальнѣйшихъ ужасовъ, когда появится на сцену вурдакъ. «Крусиць похитилъ мою старшую дочь, и она беременна уже шесть мѣсяцевъ. Я думаю, она родитъ здороваго и красиваго мальчика»,—эта фраза настолько уже неудачна, что Пушкинъ, не умѣя, быть можетъ, даже уяснить значенія всѣхъ подробностей, принужденъ былъ просто упомянуть о дочери и дать простую картину: «Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ; съ мужемъ ей не скушно тамъ» (VII).

VII.

О достоинствахъ Пушкина-переводчика съ сербскаго можно судить по прекрасной и цѣльной пѣснѣ «Соловей» (X), напеча-

танной Караджичемъ съ заглавіемъ «Три највеће туге» (въ изданіи 1824 года, ч. I, стр. 192). Это—одна изъ наиболѣе распространенныхъ сербскихъ пѣсень, и, какъ на фактъ этого, указываютъ обыкновенно на то, что въ изданіи Кулѣча «Južno-slovenske narodne porievke» (Загребъ, 1878, ч. I, №№ 41—45) помѣщено пять мелодій ея, собранныхъ въ одной только Далмаціи. При всей близости къ подлиннику даже въ размѣрахъ, у Пушкина находимъ наиболѣе крупныя измѣненія въ слѣдующемъ. Первая забота молодца у него—«рано молодца женила», а въ оригиналѣ—«что мать не женила меня, молодого, рано». Это объясняется, какъ въ свое время указалъ П. Морозовъ, тѣмъ, что въ пушкинской копіи сербскаго текста вкралась неточность: вмѣсто «ме није мајка» и т. д.—«мене је мајка» и т. д., т. е. первый слогъ отрицанія отнесенъ къ мѣстоименію, а второй принять за форму 3 л. ед. ч. глагола «быть». Во-вторыхъ, активный оборотъ—причина третьей заботы—въ сербской пѣснѣ: «что моя милая на меня разгнѣвалась», у Пушкина переданъ оборотомъ пассивнымъ: «красну дѣвицу со мною разлучили злые люди». Наконецъ, прибавлены три эпитета: эпитетъ соловья—птица лѣсная (въ рукописи Пушкина—«пичная»); воды—ключевая; заботы—великія. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ приѣмѣ переводчикъ повторилъ излюбленный свой приѣмъ, которымъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ пользовался при переработкѣ текстовъ Мериме. Затѣмъ въ той же пѣснѣ измѣнено основаніе для антитезы въ сербскомъ оригиналѣ: «ты (соловей) все мѣ дала по кою и, а мнѣ-молодцу доставила три печали», у Пушкина же въ основу антитезы положена другая мысль: «у тебя ль, у малой птицы—незамѣныя три пѣсни; у меня ль, у молодца—три великія заботы». Пропущено въ перечисленіи второй заботы «на моемъ сердечкѣ» и третьей—«на моемъ сердцѣ». Красивая картина; что мой вороной конекъ «сподо мною не плюшетъ» замѣнена болѣе прозаическимъ: «воронъ конь мой притомился». Пропущены, вѣроятно, потому, что для русскихъ читателей потребовался бы реальный комментарий, размѣры могилы: «шириной въ два копыя, а въ длину—четыре». Наконецъ, влияніемъ русской поэзіи объясняются такіе неточные переводы, несвойственные южно-славянскимъ пѣснямъ, какъ «забота» вм. «печаль» («туга»); «алы цвѣтники-цвѣ-

точка» вм. «розѣ»; «красны дѣвки» вм. «молодыя».

Пѣсня XIV, «Сестра и братья», переведена изъ Караджича; въ изданіи 1824 года она озаглавлена: «Богъ нѣкомъ дужанъ не остае» стр. 1, стр. 305, т. е. «Богъ ни у кого не остается въ долгу». Прежде всего—относительно заглавія. Очевидно, Пушкинъ взялъ заглавіе готовымъ изъ сербской же пѣсни, но не изъ той, которую переводилъ, а изъ напечатанной у Караджича непосредственно передъ указанной выше. Она также считается одной изъ лучшихъ въ сербской поэзіи, обобщенной почти всѣмъ хрестоматіи, пѣсенники и сборники. И въ ней сохранены разборы подлинника (только съ послѣдняго отвѣта Павлиха вмѣсто 10-тислового стиха начинаются 11, 12 и 13-тисловные). Наибольше характерныя мѣста переданы съ инолирико-текстуальной точностью, прекрасно сохранены колоритъ поэмаго трагизма разсказа и т. д. Крупныхъ отличій почти нѣтъ: «сестрица се брату кунѣжане» (клялась)—«Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ»; «скочи Павле, кан да се помами» (словно съ ума сошелъ)—«всвочилъ Павелъ, какъ услышать это»; «растргнѣ ме на четири стране»—«пусть они мое бѣлое тѣло разорвутъ на четыре части»; «ѣе је она сама собом пала»—«гдѣ осталось ея бѣлое тѣло» и др. Не переводомъ, дѣйствительно труднымъ, а скорѣе объясненіемъ надо назвать «алые цвѣточки», какъ и въ предыдущей пѣснѣ, вм. «смѣле и ковице» подлинника. Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ сохранилъ даже двойную рѣсму въ одномъ стихѣ подлинника, хотя ему пришлось вставить послѣднія слова отъ себя: «очи ни ју, у траву се кри ју»—«сметъ ей очи, самъ уходитъ въ очи». Удачное сокращеніе—«рано утромъ», вмѣсто цѣлаго предложенія подлинника: «и кога утромъ утро разсвѣтало». Иногда для оживленія прибавляется «вотъ». Оставлены безъ перевода фразы: «Когда это услышала молодая Павлиха» (два раза), «Когда это увидѣлъ Павелъ хозяинъ», «Когда это услышала Павелъ хозяйинъ» и др. Выраженіе подлинника «растеніе для печали» (вмѣстѣ од о м р а з е) Пушкинъ распространилъ въ цѣлую фразу: «Зелія такова, чтобъ сестра о м е р з ѣ л а братьямъ». Наконецъ, клятвы перенесены въ отвѣтъ Елицы, прибавлены или замѣнены эпитеты «золоченая колыбелька», «соясной пожъ»—«сояжъ злаченый».

Если переводъ двухъ разсматриваемыхъ

пѣсень изъ сборника Караджича можно назвать удачнымъ, то въ полномъ смыслѣ идеальнымъ въ этомъ дѣлѣ будетъ пѣсня, названная Анненковымъ въ первомъ ея изданіи «Отрывкомъ» и съ этимъ названіемъ перешедшая во всѣ послѣдующія изданія (въ настоящемъ—«Что бѣлѣтъ», *Ред.*). Пѣсня XVII (13 первыхъ стиховъ сербскаго подлинника, а послѣ находки П. Шляпкина—26) справедливо считается жемчужиной хорватской народной поэзіи, и пушкинскій переводъ обыкновенно признается близкимъ къ подлиннику; очевидно, подъ послѣднимъ терминомъ здѣсь понимаютъ или близость прозаическаго текста Мериме «Triste ballade de la noble épouse d'Asan-Aga» къ пѣснѣ народной, которая послѣднему была извѣстна по итальянскому переводу аббата Фортиса (во французскомъ переводѣ «Путешествія» Фортиса озаглавлена: «Chanson sur la morte de l'illustre épouse d'Asan-Aga», 143), или близость пушкинскаго перевода къ тексту Караджича, который самъ перевелъ балладу на сербскій яз. и сдѣлалъ это артистически.

Это единственная изъ всѣхъ «Пѣсень западныхъ славянъ», которая и раньше существовала въ русскомъ переводѣ А. Х. Востокова, и была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 277—278¹). Кроме того, въ переводѣ Гѣте она напечатана была въ первомъ выпускѣ «Volkslied» Гердера (1778) съ заглавіемъ «Klaggesang von der edeln Frauen des Asan-Aga», а во французскомъ переводѣ помѣщена въ 1821 году въ романѣ Шарля Подье «Smarra ou les Demons de la nuit. Sonnets romantiques, traduits de l'esclavon du Camil Maxime Odin»²). Это одно показываетъ давнишій интересъ поэтовъ и ученыхъ къ пѣснѣ и возбуждаетъ интересъ къ ней изслѣдователя «Пѣсень западныхъ славянъ». Интересно также, что этотъ лучший переводъ Пушкина не былъ помѣщенъ имъ ни въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1835 годъ, ни въ 4 книгѣ «Стихотвореній», и 13 стиховъ впервые появились въ «Матеріалахъ» Анненкова 1855 года, а остальные въ книгѣ П. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» (стр. 32). О своемъ источникѣ Мериме говорить въ письмѣ къ С. А. Со-

¹) Тамъ же помѣщены переводы Востокова еще трехъ сербскихъ пѣсень изъ сборника Караджича: «Яня Мизеница», «Сестра девяти братьевъ» и «Дѣвица и солнце».

²) Ср. Oeuvres de Charles Nodier. Paris. 1832. Т. III, 149.

болеvesкому отъ 18 января 1835 года и называется пѣсню «настоящей илирійской». Дѣйствительно, она не даромъ привлекала вниманіе западныхъ писателей, и съ текстомъ ея познакомились на Западѣ еще въ 1778 году черезъ Гердера; затѣмъ о ней высказалъ свое мнѣніе Гёте, сразу же бросившій сомнѣніе относительно остальныхъ пѣсней Мериме. Въ повѣйшее время она болѣе правильно называется «хорватской», а не «сербской», хотя Мериме приурочиваетъ ее безъ всякихъ основаній къ Босніи (примѣчаніе 1).

При чтеніи пушкинскихъ переводовъ, «Что бѣлѣветъ» замѣтно выдѣляется изъ остальныхъ пѣсней, связанныхъ съ именемъ Мериме, и особеннымъ размѣромъ, и выдержанностью стила, и болѣе подходящими къ духу сербскихъ пѣсней выраженіями и т. д. Это, повторяемъ,—одно изъ немногихъ среди «Пѣсней западныхъ славянъ» вполнѣ дѣльное и художественное произведеніе. И дѣло заключается не въ красотахъ оригинала, а въ томъ, что подлинникомъ для Пушкина служилъ не столько переводъ Мериме, сколько переводъ-сочиненіе такого чуткаго артиста по части сербской эпикки и лирики, какимъ былъ Вукъ Караджичъ, который необыкновенно умѣло, артистично, тонко, и безъ проникновенности перевелъ съ итальянскаго перевода на сербскій языкъ, угадавъ и размѣры ¹⁾, и выраженія, и общій духъ утраченнаго или же пока не записаннаго сербскаго оригинала, которымъ воспользовался итальянскій аббатъ-туристъ XVIII вѣка. Свой переводъ Караджичъ внесъ въ вѣнское изданіе сербскихъ пѣсней 1814 года («Мала простонародна Славяно-Сербска песарица», стр. 163), несколько не скрывъ источника, и перепечатавъ ее въ изданіи 1824 года съ оговоркой—надеждой когда-нибудь услышать подлинникъ отъ краинца или далматинца (Предисловіе, стр. XVI).

Что переводъ поражаетъ своей точностью во всѣхъ отношеніяхъ, объ этомъ можно не распространяться. Пушкинъ пользовался нѣсколькими текстами. Изъ текста Караджича имъ сохранены слова «люба» (два раза) и «кадуна»; но «у гори зеленој» передано не «у зеленого лѣса», а «на горѣ зеленой» въ зависимости отъ «sur ces collines verdoyantes» Мериме (стр. 251).

¹⁾ Впрочемъ и Мериме приводитъ изъ Фортиса два сербскихъ стиха (см. выше) какъ «нѣсколько темныхъ».

Зависимость Пушкина отъ текста Востокова видна, быть можетъ, изъ перевода «у двору бѣлому» чрезъ «въ моемъ бѣломъ домѣ» (Востоковъ: «въ дому моемъ у Мериме—«dans ma maison blanche»). Такимъ образомъ, трудно согласиться съ П. Шляпкинскимъ, что «Пушкинъ здѣсь совершенно независимъ отъ Мериме и Востокова» (стр. 33).

VIII.

Для пѣсней XI и XII, «Пѣсня о Георгіи Черномъ» и «Воевода Милошъ», источники не найдены, почему сравнивать ихъ тексты не съ чѣмъ, и Анненковъ первый сдѣлалъ правдоподобное предположеніе, что Пушкинъ самъ сочинилъ ихъ по мотивамъ сербской народной поэзіи. Такъ на нихъ смотреть до настоящаго времени, и попытки найти для нихъ какіе-нибудь книжные источники имѣютъ очень мало шансовъ. Обѣ пѣсни касаются не только современныхъ Пушкину событій, но больше того: живя въ Кишиневѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, когда волна греческаго возстанія выбросила изъ «страны героевъ и боговъ» массы эмигрантовъ въ Бессарабію, живо увлекаясь всѣмъ, что касалось борьбы угнетаемыхъ полумѣсяцемъ народовъ за свободу, народовъ, поднявшихся для «росторженія рабскихъ веригъ», поэтъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ борьбѣ, въ которой принялъ участіе Байронъ. И естественно, взоръ его долженъ былъ обратиться прежде всего къ сербамъ, которые незадолго передъ тѣмъ подняли такое же возстаніе противъ турокъ-притѣснителей, вели его съ усиліемъ и въ значительной степени добились политической свободы. Поэтому рассказы о недавнемъ прошломъ, рассказы участниковъ и очевидцевъ возстанія, главныхъ воеводъ Георгія Чернаго, героевъ, восставшихъ сербами-гусярами, были теперь особенно живыми, казались уже не прошлымъ, а свѣжими страницами настоящаго,—и въ центрѣ такихъ рассказовъ была личность Кара-Георгія. Припомнимъ еще, что въ 1816 году Кара-Георгій пріѣзжалъ въ Петербургъ для представленія Александру I, и тогда еще рассказы о необыкновенной наружности и героизмѣ освободителя сербовъ могли заинтересовать Пушкина-лицеиста, какъ интересовали они многихъ петербуржцевъ.

Съ воеводами Георгія Чернаго Пушкинъ встрѣчался, между прочимъ, у Ми-

пранды, который могъ сообщить цѣнные комментаріи къ ихъ разсказамъ. Въ самомъ Кишиневѣ жили въ это время главный секретарь Кара-Георгія Джуричъ, бывшій комендантъ Смедерева Пличъ, бывшій комендантъ Шабца Лазаревичъ, воевода крушевцкій Симоновичъ, воевода Чаранчъ, въ Хотинѣ жили Алекса Карагеоргіевичъ и воевода валецкій Пенадовичъ.

Главари естерн также понимали все значеніе привлеченія къ своему дѣлу сербовъ; еще въ 1817 году уговаривали Кара-Георгія покинуть Россію (съ 1813 года онъ жилъ въ г. Хотинѣ на сѣверѣ Бессарабіи) и вернуться въ Сербію для подготовленія возстанія. И если мы припомнимъ главныя черты образа Кара-Георгія, сложившіяся въ представленіи сербовъ-современниковъ и заквѣленныхъ не въ пѣсняхъ, а въ мемуарахъ, то найдемъ, что матеріалъ для Пушкина былъ вполне надежный, и что именно послѣдній онъ передалъ въ художественныхъ образахъ. У Пушкина взять всего одинъ моментъ изъ исторіи этого возстанія, правда, необыкновенно характерный, эпичный, цѣльный и сильный, — убійство Кара-Георгіемъ своего отца (на самомъ дѣлѣ—не родного). Надо отдать поэту справедливость: безъ этого факта вся фигура «грозы луны, свободы воша» теряетъ все обаяніе, и не даромъ объ этомъ отцеубійствѣ не разъ говорятъ сербы-современники и иностранные туристы начала XIX вѣка¹).

Вотъ главные варианты этого эпизода. Георгіи вмѣстѣ съ семьей бѣжалъ изъ Бѣлграда въ Сремъ, т. е. въ Австро-Венгрію, и когда бѣглецы ожидали переправы у рѣки Савы возлѣ Дубоко, отецъ Георгія, по имени Пѣтро, потерялъ увѣренность въ успѣхѣ дѣла и сталъ малодушествовать. Онъ хотѣлъ вернуться и началъ убѣждать сына бросить дѣло: иначе онъ, старикъ, донесетъ бѣлградскому пашѣ. Съ этими словами Пѣтро направился по дорогѣ къ Бѣлграду. «Останься съ нами, не уходи и раздѣли общую участь!»—закричалъ Георгіи велѣвъ ему. И вдругъ вынулъ изъ за пояса пистолеть и выстрѣлилъ въ отца, тихо сказавъ при этомъ:

— Лучше погибнуть тебѣ одному, чѣмъ вѣмъ намъ!

Другой вариантъ прибавляетъ, что и мать-старуха была на сторонѣ сына, пони-

мала весь ужасъ и позоръ прекращенія народнаго дѣла, назвала мужа «сумасшедшимъ» и велѣла Георгію силой остановить старика. Георгіи три раза направилъ пистолеть (или ружье) въ спину удалившагося отца, но рука дрожала и опускалась. Тогда мать закричала:

— Гдѣ твоя твердая рука и вѣрный глазъ? Отправь его туда, гдѣ турки уже не услышатъ его!

Георгіи передалъ пистолеть (или ружье) товарищу Остричу и сказалъ приблизительно то же, что и въ первомъ вариантѣ:

— Стрѣляй! Не должна столько людей погибать изъ за одного. Пусть лучше одинъ погибнетъ. Если существуетъ правда, если это угодно Богу, то ты понадешь въ него.

Сопоставленіе обонхъ вариантовъ показываетъ намъ, къ чему направлено было народное сознаніе. Очевидно, къ тому, чтобы хотя чѣмъ-нибудь смягчить весь ужасъ отцеубійства, и на сцену являюся голосъ матери, робость сына, новые мотивы, оправдывающіе преступленіе, наконецъ, старикъ погибаетъ не отъ руки сына. Прибавляютъ еще, что Георгіи велѣлъ съ честью похоронить отца и совершать поминки по немъ.

Остальные варианты можно не приводить (они собраны въ повѣйшей монографіи Милевка Вукичевича о Кара-Георгіи). Для нашихъ цѣлей важно только то, что Пушкину была извѣстна не одна версія: объ этомъ говоритъ его же примѣчаніе къ пѣснѣ: «по другому преданію, Георгіи сказалъ товарищамъ» и т. д. Почему Пушкинъ не воспользовался тѣми подробностями изъ разсказанныхъ выше, которыя смягчаютъ картину отцеубійства? Мы думаемъ, что въ глазахъ его сложился цѣльный образъ «преступника и героя», который «и ужаса людей, и славы былъ достоинъ» («Дочери Кара-Георгія»). Ему нужно было примирить «ужасъ людей» со «славою», а послѣдняя густымъ ореоломъ окружала героя, рисовала его человѣкомъ необычайно твердой воли, способнымъ устранять съ пути всякія препятствія, гордымъ, одинокимъ и т. д. Поэтому, если поэтъ и зналъ о роли матери въ преступленіи, то долженъ былъ не только замолчать ее, но еще придать своему герою образъ одиночества во всемъ, даже въ борьбѣ за общее дѣло. И вотъ, у него является окончаніе пѣсни, мотивъ котораго не извѣстенъ ни одному современному преданію, ни одному свидѣтельству мемуаровъ и т. д.

¹ Особенно Ami Boué «La Turquie d'Europe», Paris. 1840.

Остается еще сказать объ отношеніи «Пѣсни о Георгіи Черномъ» къ «Сербіянкѣ», героической поэмѣ сербскаго писателя Симы Милутиновича Сараѣли (1791—1848), воспитателя черногорскаго князя Петра Петровича Нѣгоша. Не забудемъ, что «сербскій Оссіанъ» и пѣвецъ возстанія, Милутиновичъ писалъ «Сербіянку» въ Кишиневѣ и въ 1821—1825 годахъ, гдѣ жилъ съ 1819 по 1825 годъ, пользуясь пособіемъ отъ русскаго правительства, и издалъ ее въ Лейпцигѣ въ 1826 году. Возможно, что Пушкинъ зналъ поэму если не всю, то, по крайней мѣрѣ, тѣ отрывки, которые пѣвють отношенія къ появившимъ въ «Пѣсни западныхъ славянъ» сюжетамъ. Такъ, во второй книгѣ «Сербіянки» разсказывается приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ объ убійствѣ Кара-Георгіемъ отца. Старикъ убѣждаетъ сербовъ-бѣглецовъ и сына вернуться и грозитъ:— «Ага... такъ знайте же, что вотъ иду я къ туркамъ, сейчасъ же, сію минуту иду въ Бѣградъ и допесу имъ на васъ. Вотъ что будетъ, если вы не послушаетесь меня!— Сказалъ онъ это и сталъ спускаться внизъ въ оврагъ по направленію къ дорогѣ».

Здѣсь интересно упомянаніе даже объ оврагѣ (жаругѣ), чего нѣтъ въ общераспространенныхъ преданіяхъ, но есть у Пушкина («Не два волка въ оврагѣ грызуса...») и въ разсказѣ Покича, участника возстанія, человека, близкаго къ главному вождю сербовъ въ этомъ дѣлѣ. Однажды, уже послѣ окончанія возстанія, на охотѣ Кара-Георгіи вспомнилъ мѣсто, гдѣ убить былъ отецъ, и свазалъ спутнику: «Видишь ли, Петро, этотъ красный оврагъ?»— «Вижу, господарь»,—отвѣчалъ Покичъ. «Тамъ зарытъ мой отецъ». Этимъ разговоръ и кончился.

Продолжаемъ пересказъ по Милутиновичу. Сербы стали упрямивать старика оставаться. Георгіи все время молчали, затѣмъ говорятъ: «Ей, остановись, отецъ. Куда ты прешь?» Отецъ не слушаетъ и продолжаетъ ворчать. «Воротись, отецъ,— кричитъ Георгіи,— грѣхъ на твоей душѣ! Вернись сюда: иначе погибнешь. Последуйши меня первый и послѣдній разъ!» «Тогда Георгіи прицѣпляется въ сину, между плечъ, и при выстрѣлѣ говоритъ: «Лучше—одинъ, чѣмъ такое множество!» (стр. 18—19). И прозвище, по Милутиновичу, дано матерью, но не сейчасъ же послѣ убійства, а позднѣе, когда Георгіи вернулся въ Сербію: «Завопила баба: «Ей,

мой сынокъ Черный! Что сдѣлалъ ты съ своей матушкой?...» (стр. 26). И турки, по Милутиновичу, стали звать Георгіа Чернымъ, но уже по другой причинѣ: «послѣ необыкновенно удачной войны, за то, что онъ всюду началъ разбивать ихъ».

Вотъ главныя точки соприкосновенія пушкинской пѣсни и «Сербіянки», правда, не дающія основаній для текестуальнаго сходства и говорящія, по нашему убѣжденію, скорѣе объ одинаковыхъ преданіяхъ, какъ первоисточникахъ для обоихъ писателей. Что Милутиновичъ, какъ и сербъ, вообще близко держался народныхъ текстовъ, видно хотя бы потому, что Гергардъ внесъ въ свои переводы сербскихъ народныхъ пѣсень на нѣмецкій языкъ кое-что изъ «Сербіянки», какъ и Караджичъ изъ такой же искусственной поэмы Петра Нѣгоша «Горскій пѣнокъ»¹⁾.

X.

Къ той же «Сербіянкѣ» Милутиновича долженъ обратиться изслѣдователь и при изученіи XII пѣсни, «Воевода Милошъ».

Милошъ I Обреновичъ, котораго воспѣваетъ и Милутиновичъ, правилъ Сербіей въ 1817—1839 годахъ, т. е. въ то время, когда Пушкинъ былъ въ Бессарабіи, впервые знакомясь съ сербскою устной поэзіей, и затѣмъ, когда поэтъ жилъ уже на сѣверѣ Россіи, сохраняя, конечно, интересъ къ славянскому міру. Въ числѣ лицъ, подивившихся на «Сербіянку», значится воевода Милошъ, внесшіи деньги за 100 экземпляровъ.

Милошъ считается виднымъ борцомъ за свободу сербскаго народа, а предъ его правленіемъ въ Сербіи съ необыкновенной силой повторялись турецкія звѣрства, рисующія всю тяжесть мусульманскаго гнета бывшихъ временъ, съ которымъ связано все прошлое сербовъ на пространствѣ четырехъ столѣтій—послѣ паденія ихъ политической самостоятельности. Записки современниковъ сохранили ужасающія подробности о томъ, что творилось въ Сербіи, какъ сербовъ дѣйствительно «забдали волки-днычары». Живя въ Кишиневѣ, Пушкинъ, навѣрное, не разъ слышалъ отъ очевидцевъ разсказы о томъ, какъ турки поджаривали живыхъ

¹⁾ Объ виду этнографическаго матеріала Милутиновича см. у А. Soerensen'a, Beitrag zur Geschichte der Entwickelung der serb. Heldendichtung. Archiv für slav. Philologie, Bd. XVII, издана «Die Milutinovic'sche Liedersammlung», 198—253.

сербовъ, привозывали къ ногамъ ихъ камни и затѣмъ подвѣшивали или гошили, сажали на колъ, оскорбляли женщинъ, уводили дѣвницъ изъ гаремы и т. д. Что здѣсь не картина въ общихъ тонахъ, которую найдемъ въ любомъ историческомъ романѣ изъ этой эпохи, говорить, между прочимъ, упоминаніе Пушкинымъ о цыганахъ («Пли вы ужь не сербы—цыганы?»). Оно имѣетъ реальній смыслъ, такъ какъ цыгане-магометане безъ всякаго опасенія являлись въ это самое время право обижать православныхъ сербовъ и, встрѣчаясь съ ними по дорогѣ, просто снимали одежды, оставляя имъ свои домоты. На это есть прямые свидѣтельства современниковъ.

Нѣсколько сходныхъ мѣстъ въ «Воеводѣ Милошѣ» можно привести изъ «Сербіянки» Милутиновича, но конечный выводъ о заимствованияхъ будетъ такой же, что и относительно разобранной выше пѣсни. Напримѣръ, у Милутиновича говорится: «сорогаться станутъ сербскій народъ и его старшины («кнезы»), и встанутъ у нихъ волосы дыбомъ... при гнусныхъ злодѣяніяхъ турокъ, при отниманіи женъ и дѣвницъ, убійствѣ вишоваго и невишоваго, оскверненіи вѣры и храмовъ» (I, стр. 80). Или для мотива укора гусярловъ: «и отъ этого начнутъ говорить имъ (сербамъ) въ глаза, что опечалили они советъ народную..., что осиротѣлъ народъ: нѣтъ мужества, нѣтъ ни житья» (тамъ же). Въ III пѣснѣ «Сербіянки» славонецъ Филиппъ Вишничъ предлагаетъ дать ему сотню славцовъ, и съ ними онъ готовъ напасть на турокъ: пусть люди увидятъ славныхъ юнаковъ, а за ними пойдутъ на притѣснителей и зрячіе. И на это предложеніе начальникъ отряда укоряетъ сербовъ: «смотрите, братья и славная дружина, что говорятъ и наши славцы! Что же каждый изъ насъ долженъ дѣлать?—Презирать всѣ ужасы войны!» и т. д. (стр. 74). Можно привести еще нѣсколько мѣстъ, но все это—общія мѣста, правда, говорящія скорѣе только объ одинаковыхъ преданіяхъ у обоихъ поэтовъ. Находить сходство между «Сербіянкой» и пѣсней Пушкинна очень трудно: общіе моменты, даже въ болѣе близкой формѣ, найдутся и въ любомъ стихотвореніи сербскихъ поэтовъ-патріотовъ, вдохновлявшихся своей народъ на борьбу противъ турокъ, и даже въ любой газетной статьѣ второй половины 70-хъ годовъ, когда выработался особый стиль при описаніи турецкихъ звѣрствъ, и не даромъ въ «Лѣтисникѣ писателя» въ

февралѣ 1877 года Достоевскій очень кстати упоминаетъ кое-что изъ пушкинскихъ «Пѣсень».

Въ заключеніе разбора «Воеводы Милоша» мы должны снять съ Пушкинна пезаслуженный упрекъ въ измыслиеніи. Именно проф. П. Лавровъ говоритъ, что «нигдѣ не упоминается Великое ущелье при разсказѣ о возстаніи Милоша, и напрасно воевода Милошъ названъ «старымъ сербиномъ» если этимъ нашъ поэтъ хотѣлъ отмѣнить его происхожденіе изъ старой Сербіи» («Пушкинъ и славяне», Рѣчь, стр. 13). Голословное обвиненіе не имѣло бы мѣста, если бы авторъ обратился хотя бы къ учебнику сербской исторіи для среднихъ школъ, гдѣ онъ нашелъ бы подробныя свидѣнія. Въ концѣ апрѣля 1815 года, послѣ первыхъ битвъ у Любича и Чачка, т.-е. въ началѣ войны, нѣсколько сербскихъ воеводъ и кнезовъ, служившихъ при Кара-Георгіи, явились изъ Срема, чтобы помочь въ борьбѣ противъ турокъ, и Милошъ рѣшилъ соединиться съ ними. Для этого онъ сдалъ команду надъ любичскимъ отрядомъ брату своему Јовану, а Милуца Дринича послалъ противъ турокъ, засѣвшихъ въ Вальевѣ. При помощи сремскихъ воеводъ, 14—16 мая Вальево было очищено отъ турокъ, затѣмъ сюда прибылъ Милошъ и отсюда сталъ готовиться, чтобы вернуть Любичъ и Чачакъ¹⁾. Называть же Милоша «старымъ сербиномъ» на основаніи его происхожденія изъ Старой Сербіи, этого Пушкинъ не желалъ; кромѣ того, это было бы не больше, какъ дешевой игрой словъ. Не могъ назвать его онъ просто «старымъ» потому, что Милошъ въ періодъ возстанія былъ молодъ (Милошъ родился въ 1780 году), и весь эпитетъ равносильенъ «старому казаку» русскихъ былинъ (обыченъ для Ильи Муромца).

Совершенно особое мѣсто съ точки зрѣнія техники занимаетъ пѣсня XVI, «Коня», снова возвращающая насъ къ «Гузлѣ», но въ то же время и къ Караджичу. «Коня Оомы II» слѣдуетъ отнести къ удачнымъ импровизаціямъ Мериме, съ цѣлымъ запасомъ изобразительныхъ средствъ эники, выдержаннымъ по настроенію, съ самыми незначительными фальшивыми нотками, ко-

¹⁾ М. Вукчичевъ. Исторія српскаго народа. Друга књига Београд 1906, стр. 93—96. Разказы о Милошѣ современниковъ собраны М. Миличевичемъ «Кнез Милош у причама» (Београд 1891).

торыя всегда умѣлъ скрасить Пушкинъ, несмотря на то, что здѣсь его переводъ сравнительно близокъ къ французскому тексту. И при всей близости, «Конь» Пушкина—прекрасный отрывокъ изъ виолитъ славянскаго по духу и по технике эпоса: все зависитъ отъ артистичности перевода.

Прежде всего, опустивъ имя короля Оомы, названіе Босны (да еще «плодородной»), терминъ «невѣрный», замѣненный «суровымъ врагомъ», Пушкинъ не только отнялъ у пѣсни ея мнимый боснійскій характеръ и даже сербскій, но придалъ ей характеръ общій, который можно приурочить къ любому славянскому народу, хотя, казалось бы, ни одно слово, ни одно названіе не намекаютъ здѣсь на славянъ. Стоитъ только вдуматься во весь смыслъ прибавленій слѣдующихъ вопросовъ коню: «не потряхиваешь гривой», «не грызешь своихъ удила», «или я тебя не хожу, али ѣшь овса не въ волю,... алы поводья не шелковы?»; въ смыслъ пропуску «печально» при «ржешь» и въ замѣну его цѣлымъ фигуральнымъ образомъ: «что ты шею опустил?»; въ замѣну «золотыхъ гвоздей» на серебряныхъ подковахъ новыми подробностями эпического характера—«не значены стремяна?» и т. д.,—чтобы понять, почему одно здѣсь прибавлено, а другое убавлено. Сколько спокойствія, пластики и музыки въ рядѣ вставокъ Пушкина въ отвѣтъ коня: «я слышу топотъ дальній, трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ... Въ полѣ ужъ недолго мнѣ гулять, проживать въ красѣ и холѣ, свѣтлой сбруей щеголять...» У Пушкина конь не «плачетъ», а его шаблонный эпитетъ «прекрасный» замѣненъ необыкновенно отбѣивающимъ здѣсь всю пышную печаль коня, «ретивый» и т. д. Далѣе, пропущены «серебряные бубенчики на твоей шеѣ», дѣйствительно едва ли пдушіе боевому коню и неоправдаемые реальной необходимостью для боевого коня—соблюдать тишину при движеніи. Какъ красива и пластична замѣна первой фразы въ отвѣтъ коня: «я плачу, мой господинокъ»—такимъ простымъ и оитъ рнеющимъ картину контраста: «я присмѣрять». А вставка, не выходящая соотвѣтствіи у Мериме: «оттого мой духъ и поетъ», кажется выхваченной изъ народной пѣсни, хотя такого именно выраженія въ сербскихъ пѣсняхъ нѣтъ. Всегда удачно прибавленъ цѣлый рядъ эпитетовъ, которыхъ совѣзмъ нѣтъ въ подлинникѣ, какъ, наиримѣръ: значенныя стремяна, шелковыя поводья, дальній топотъ, трубный звукъ, свѣт-

лая сбруя, суровый врагъ, легкія ноги, вспотѣвшіе бока и др.

Меньше всего можно сказать о пѣснѣ XV—«Янышь Королевичъ». Самъ Пушкинъ слишкомъ осторожно говоритъ въ примѣчаніи о ея происхожденіи, указывая только на «длиниоту подлинника», не общая даже, о какомъ языкѣ идетъ здѣсь рѣчь. Обыкновенно она считается «чешскимъ народнымъ сказаніемъ», и существуютъ попытки сблизить ее, по крайней мѣрѣ по вѣщимъ даннымъ, съ чешской народной поэзіей, но попытки неудачныя. Въ самомъ дѣлѣ, имя Янышь, по суффиксу венгерское (Janos), встрѣчается у словаковъ, отъ которыхъ, естественно могло перейти къ мораванамъ, но не у чеховъ. О мораванахъ могла бы говорить и «зеленая Моравя», если бы на нѣхъ указывала еще хотя одна подробность; но названіе Моравы нерѣдко встрѣчается и въ сербскихъ земляхъ. На мораванъ не указываетъ королева Любуся (правильнѣе — Любуша), имя которой Пушкину было извѣстно по русскимъ переводамъ Ганковыхъ поддѣлокъ («Зеленогорская рукопись»), по опитъ вставка и этого имени поражаетъ своей случайностью; а Елица—имя сербское, встрѣтившееся у Пушкина же въ XIV пѣснѣ. Ни Дивъ-Рыбы, ни вилъ, ни Водяницы чешская народная поэзія не знаетъ; если wily встрѣтились въ одномъ памятникѣ моравскаго происхожденія (Лавровъ, «Рѣчь», стр. 22), то самый памятникъ этотъ не чешскій. Словомъ, припомнивъ своеобразный взглядъ Пушкина на «Пѣсни западныхъ славянъ», куда онъ хотѣлъ включить и виолитъ русскую «Сказку о рыбацѣ и рыбацѣ», мы можемъ виолитъ согласиться съ прежними предположеніями, именно, что «Янышь Королевичъ» — эпическая обработка первоначальнаго сюжета «Русалки», почему параллели надо искать въ пѣсенной поэзіи ¹⁾.

Наблюденія надъ техникой Пушкина-переводчика изъ славянскаго эпоса затрудняются тѣмъ, что у насъ нѣтъ виолитъ классическихъ подобныхъ переводовъ, и мы не знаемъ, какъ поступилъ бы въ томъ или иномъ случаѣ другой переводчикъ-артистъ, вмѣвній подъ руками виолитъ надежный оригиналъ, а не сочиненія Мериме или самостоятельно задуманные сюжеты, какъ въ большинствѣ «Пѣсней» Пушкина.

¹⁾ П. П. Ждановъ, «Русалка» Пушкина и Donauweibchen, Сиб. 1900.

Даже А. Майковъ долженъ быть ограниченъ въ характеристикѣ перевода Пушкина со славянскаго самыми общими выраженіями: «Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. «Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ» была однимъ изъ такихъ опытовъ, и, безъ сомнѣнія, самамъ счастливымъ. Она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употреблялъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсней» (стр. 426). Далѣе, у Майкова идетъ рѣчь о вліяніи на Пушкина сказокъ Дэлл—Казака Луганскаго.

Наблюденіе надъ «разнообразіемъ въ этихъ опытахъ», т.-е. колебаніями поэта и слѣдами исканій, мы должны повторить и теперь. Припомнимъ, что говорилось раньше о свободной имитации Пушкинымъ всякихъ чертъ сербской поэзіи русскими и наоборотъ, особенно въ размѣрахъ. Если и въ наше время нѣтъ воли художественныхъ и близкихъ переводовъ сербскихъ пѣсней, то въ началѣ 30-хъ годовъ каждый переводчикъ былъ волею придумывать свои размѣры, сколько угодно руссифицировать славянскія пѣсни и т. д. Въ этомъ отношеніи интересно мнѣніе о такихъ переводахъ Ю. Венелина, человека, для своего времени авторитетнаго въ вопросахъ славянской филологіи. Его очеркъ написанъ по поводу заданій Караджичемъ 4-ой части «Народныхъ сербскихъ пѣсней» (Вѣна, 1833). Авторъ останавливается какъ разъ на пѣсняхъ юнацкихъ, т.-е. «пропческихъ», болѣе другихъ подходящихъ по содержанію къ пушкинскимъ, и говоритъ: «Можно было двояко переводить: стихами и прозою; но плетеніе стиха и пріискываніе рифмы, эти настоящіе кандалы для мысли, не позволяли бы передать сербскій стихъ слово въ слово и стихъ въ стихъ, какъ мнѣ хотѣлось. Прозою же передавать разсказъ пропческой пѣсни—значило лишить его музыкальности; въ этомъ же случаѣ языкъ разговорный, т.-е. кухонность, человѣческаго слова, очень некріятель. Для избѣжанія какъ кухонности, такъ и стопроцентнаго и рифмическаго стѣсненія въ буквальной передачѣ стиха я придумалъ для себя одактиленную прозу. Читается она свободно съ тѣмъ только, чтобы налегать на окончательный дактиль тѣмъ больше, что имъ вездѣ оканчивается реченіе». Затѣмъ слѣдуютъ en regard сербскіе тексты и переводы Венелина въ такомъ родѣ:

Двинулся въ дорогу Живко Дамьяновичъ,
Овъ съ тужиной ѣдетъ на горы высочіи,
А при немъ семнадцать товарищей,
И пошли они на гору Гитацкую
Исходили узакъ ночь до полуночи,
Какъ огонекъ увидѣли надъ Кусетою,
Подъ бѣзго мосту Куседскою,
И говорить имъ Живко Дамьяновичъ:
«Вы, дружино мои и братія . . . . .»¹⁾.

Что требованія въ этой области лучшихъ критиковъ не могли опираться на хорошіе образцы, показываетъ отзывъ Вѣлинскаго о переводахъ Венелина. Вѣлинскій на этотъ разъ ошибся и говоритъ: «переводъ сдѣланъ самими авторомъ и сдѣланъ прекрасно. Онъ близокъ, вѣрнѣе, поэтичнѣе, если можно такъ сказать, и русскій языкъ нигдѣ не изнаенованъ, нигдѣ не страждетъ насчетъ этой близости» («Молва», 1836, кн. I).

Лучше были, какъ намъ кажется, переводы А. Востокова изъ того же сборника Караджича. Кромѣ упомянутаго раньше, въ «Трудахъ вольнаго общества любителей росс. словесн.» за 1825 годъ была напечатана пѣсня «Марко Кралевичъ» (стр. 169—176), въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г.— «Братья Якиччи», «Смерть любовниковъ», «Свадебный поѣздъ» (стр. 331—337), на 1826 годъ— «Строеніе Скадра» (стр. 43—52). По руссификаціи и здѣсь слишкомъ сильна, а юго-славянскаго колорита нѣтъ и помину. О другихъ переводахъ можно не упоминаеть.

Такимъ образомъ, и въ этой области Пушкинъ былъ новаторомъ, не повторилъ заученныхъ уроковъ, но дѣлалъ ихъ другимъ. И если «Пѣсни западныхъ славянъ»—произведеніе далеко не изъ выдающихся даже для начала 30-хъ годовъ, то неосцѣнимая заслуга Пушкина все-таки въ томъ, что этими именно опытами онъ заинтересовалъ русскихъ славянами, отчасти славянъ русской литературой и выяснилъ поддѣлку Мериме. Заслугой Пушкина это выясненіе назвалъ Мицкевичъ въ университетскомъ курсѣ славянскій литературы, и здѣсь слышится не только намекъ на собственный «грѣхъ» (Мицкевичъ перевелъ изъ

¹⁾ «О характерѣ народныхъ пѣсней у славянъ задунайскихъ. Набросаво Юріемъ Венелинымъ. Г. Османъ Шесвичъ. Женитьба Павла». (М. 1835, стр. 5 и 15). Въ «литературной летописи» «Библіотеки для чтенія» (т. XVI, отд. VI, стр. 41—44 помѣщена удивителъ и вѣрная рецензія на книгу Венелина, гдѣ переводъ даже слишкомъ мягко названъ «полу-сербскимъ» или «карнаторосскимъ»,— намекъ на происхожденіе Венелина.

1806. Bd. XXVIII, 321—350, XXIX, 49—96. Мериме «Влахъ въ Венеціи»), но и безпристрастный голосъ великаго славянскаго поэта.

Въ заключеніе—о названіи пѣсень: «Пѣсни западныхъ славянъ». Конечно, въ глазахъ Пушкина терминъ этотъ не означалъ того же понятія, какое онъ имѣеть въ наше время, и одна только—«Янышъ Королевичъ», и то, какъ мы видѣли, съ большими оговорками, можетъ подойти подъ рубрику пѣсень славянъ западныхъ. Остальныя всѣ 16 пѣсней—пѣсни славянъ южныхъ. Но, во-первыхъ, Пушкинъ видѣлъ въ сербахъ, тѣмъ болѣе въ «иллирійцахъ», просто западный славянскій народъ, т. е. живущій на границахъ съ міромъ романскимъ и германскимъ, живущій на западѣ отъ русскихъ; во-вторыхъ, такая неточность вполне допустима для его времени, когда присяжные филологи предполагали, напримѣръ, что при Владимирѣ въ X вѣкѣ русскіе говорили на языкѣ елизаветинской печатной библіи; въ-третьихъ, въ то время думали о близости всѣхъ «славянскихъ ручьевъ» другъ къ другу и къ «русскому морю» и дорожили каждой такой чертой; въ-четвертыхъ—и это главное—Пушкинъ едва ли случайно измѣнилъ кое-что изъ бытовыхъ подробностей у Мериме въ сторону реального быта западныхъ славянъ. Такъ, Jean подлинника онъ переводилъ Янко (II) или Янъ (VII); когда же рѣчь шла о «христіанскомъ имени»—Иванъ (IV). Soldat онъ передалъ черезъ «цесарскій рекрутъ» (VIII), что также должно было говорить о западныхъ славянахъ. Фраза Мериме въ описаніи шра «водка дѣлалась обильными потоками» у Пушкина превратилась въ «много шли меду и горѣлки» (II), хотя дальше во французскомъ текстѣ упоминается о «винѣ и водкѣ». Очевидно, Пушкинъ представлялъ себѣ быть «западныхъ» славянъ въ значительной степени правдоподобно.

Литература: Отзывъ о IV части «Стихотвореній». — «Библіотека для чтенія», 1835 г., т. XII, отд. 6; А. Мартыновъ, въ «Маякѣ», 1843 г., т. XI, в. XXII, октябрь, отдѣлъ «Критики», стр. 133—145; P. Lacroix, M. Léonor Mérimée. Paris, 1860; M. Tamisier, Pr. Mérimée l'écrivain et l'homme. Marseille, 1875; Paulet-Malassis, P. Mérimée tour à tour en homme et en femme.

Paris, 1876; M. Tournoux, Prosper Mérimée, ses portraits, ses dessins, sa bibliothèque. Paris, 1879 (и «Bibliographie de Mérimée», 1876); О. Достоевскій, «Дневникъ писателя за 1877 г.» (изд. Маркса, т. XI, ч. I, стр. 40—43, 100—101); V. Jagić, Zum Klagegesang der Asanagica, Archiv für slav. Philologie, Bd. X (1887), 659—660; П. Матвѣевъ, Просперъ Мериме и его отношенія въ русской литературѣ, «Новое Время», 1894, 25/6; А. Скерлић, Просперъ Мериме и его вѣдомствѣ мистификація српскихъ народныхъ песенъ, Српски Књижевни Гласник, 1894, IV, 5; А. Filon, Mérimée et ses amis. Paris, 1894; Kasimir Lönnbom, Prosper Mérimée. Helsingisså, 1895, 34—40; А. Filon, Les grands écrivains français, Tome XL. Paris, 1898; Milivoj Jrepeš, Puškin i hrvatska književnost. Ljetopis Jugoslavenske Akademije... za godinu 1898. U Zagrebu, 1899, 118—131; П. Кулаковскій, Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина. Русскій Филос. Вѣстн. 1899, кн. III—IV, 1—16; его же, А. С. Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ. Варшава, 1899; П. Лавровъ, Пушкинъ и славяне. Одесса, 1900, 8—13, 16—21; А. Яцимирскій, Румынскія параллели и отрывки въ иѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1901, кн. I—II, очеркъ II (о вурдалакахъ. Ср. V. Jagić, Vukodlak—kodlak—vor Gericht. Archiv für slav. Philologie, Bd. VI, 618—620); А. Скерлић, Французскіе романтичари и српска народна поезија, Српски Књижевни Гласник, 1902, XII, 2—3; его же, Још Једномъ о «Гулама» Проспера Мериме, тамъ же, 1902, XII, 5; П. Шляккић, Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903, стр. 32—35; Félix Chambon, Prosper Mérimée et la Russie. Paris, 1904, съ библиографическимъ спискомъ работъ М., касющихся Россіи; Milan Curcin, Das serbische Volkslied in der deutschen Literatur. Leipzig. 1905; Kamilla Lucerna, Die südslavische Ballade von Asan Agas Gattin und ihre Nachbildung durch Goethe. Berlin, 1905; Matić, Prosper Mérimée's Mystifikation kroatisher Volkslieder, Archiv für slav. Philologie,

А. Яцимирскій.

ПРОСПЕРЪ МЕРИМЕ.

Литографія Deceria, 1829 г.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПУШКИНА КЪ ИЗДАШЮ 1835 Г.

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: «La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine». Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая пѣсню когда безыскусственная пѣсню полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнаруживать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихкихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ пѣсню изъ сихъ поэмъ и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ никто

иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, Авторъ Театра Клары Газюль, Хроники времени Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ угадѣ нынѣшней Французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій, и тонкій знатокъ въ Славянской Поэзіи, не усумнился въ подлинности сихъ пѣсней, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсней: С. А. С. [оболевскій], по моему просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris, 18 Janvier, 1835.

le croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nonpareille,» comme dit Rabelais nous arrêta au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à Midi et je me levais à dix heures; quand j'avois fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale

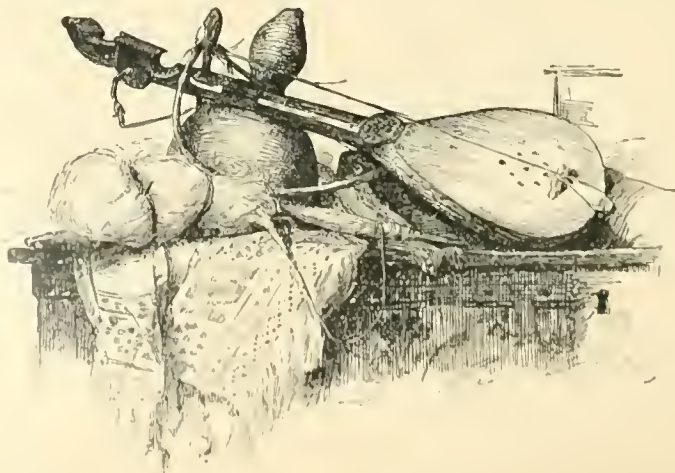
tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en seroit facile. L'auteur cherche à prouver, que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mets illyriques pour faire parade de son savoir (il en savoit peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avois lu le chapitre intitulé *Dei costumi dei Morlachi* dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga, qui est réellement Illyrique; mais cette traduction étoit en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étoient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étois embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avoit déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avoit traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avois pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u *gorje zelenoi*

Fortis a traduit

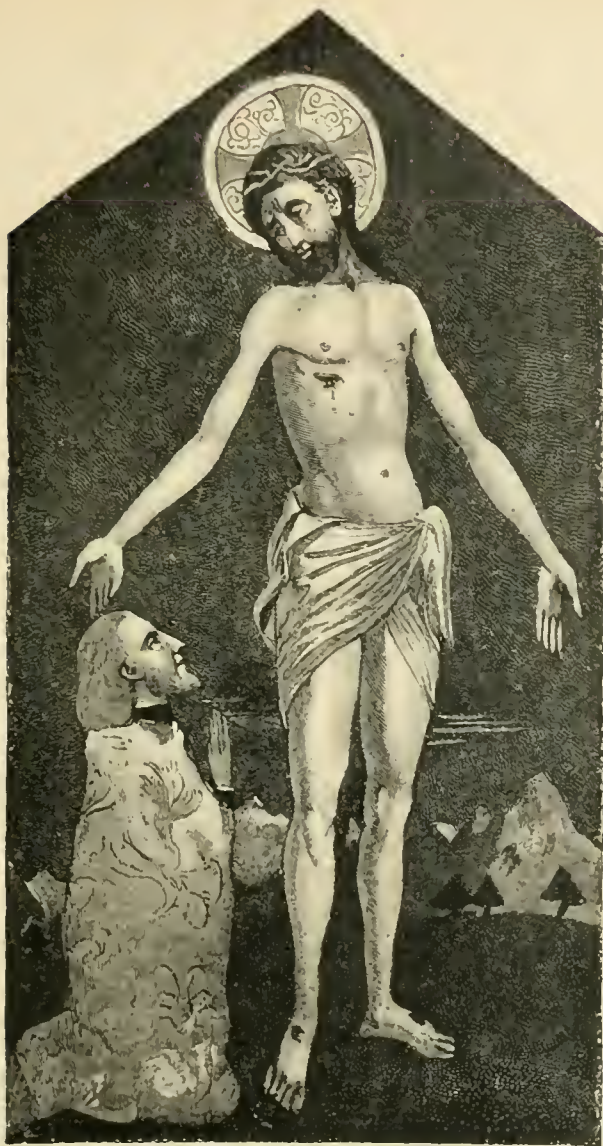
Che mai biancheggia nel verde *Bosco*.

Nodier a traduit *Bosco*, par *plaine verdoyante*; c'étoit mal tomber, car on me dit, que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ГУСЛИ и ДОМАШНІЯ СТВАРЬ.

КОРОЛЬ БОСНИ СТЕФАНЪ ТОМАНЕВИЧЪ НА МОЛИТВѢ.
 Со старинной картины въ Загребской галлерей.

703.

1. ВИДѢНИЕ КОРОЛЯ. 1

Король ходитъ большими шагами
 Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
 Люди спать—королю лишь не снится:
 Короля Султанъ осаждаеть,
 Голову отѣчь ему грозитя
 И въ Стамбуль отослать ее хочеть.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
 Не услышитъ-ли какого шума?
 Слышитъ, востъ ночная птица,
 Она чуетъ бѣду неминучу,
 Скоро ей искатъ новой крови
 Для своихъ птенцевъ горемычныхъ.

Не сова востъ въ Ключѣ-Градѣ,
 Не луна Ключѣ-Городъ озаряетъ,
 Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
 Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
 Ни кто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
 Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
 Изъ палаты своихъ онъ выходитъ
 И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталъ на панерти, дверь отворяетъ...
 Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
 По великую творить онъ молитву
 И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
 На помостѣ валяются труны,
 Между ими хлещетъ кровь ручьями
 Какъ потоки осени дождливой.
 Онъ идетъ, шагая черезъ труны
 Кровь по шиколку² ему достягаетъ...

Горе! въ церкви Турки и Татары
 И предатели враги *Богумилы*.³
 На амвонѣ самъ Султанъ безбожный.
 Держитъ онъ на-голо саблю,
 Кровь по саблѣ свѣжая струится
 Съ вострїя до самой рукоятки.

Короля незаный обнялъ холодъ:
 Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
 Предъ Султаномъ старикъ бѣднѣй справа,
 Униженно стоя на колѣняхъ,

Подаетъ ему свою корону;
 Слѣва, также стоя на колѣняхъ,
 Его сынъ, Радивой окаянный,
 Бусурманскою чалмою покрытый,
 (Съ тою самою веревкою, которой
 Удавилъ онъ несчастнаго старца),
 Край полы у Султана цѣлуетъ,
 Какъ холопъ, наказанный *фалангой*.⁴

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
 Взявъ корону, растопталъ ногами,
 И промолвилъ потомъ Радивою:
 «Будь надъ Босніей моею ты властелпномъ,⁵
 Для гдурь-христїанъ бегербеємъ».⁵
 И отступникъ билъ челомъ Султану,
 Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ.
 И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою!»⁶
 Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
 А содрать на кафтанъ Радивоя
 Кожу съ брата его роднаго».
 Бусурмане на короля наскочили,
 До-пага всего его раздѣли,
 Атаганомъ ему кожу вспоролл,
 Стали драть руками и зубами,
 Обнажили и мясо и жилы,
 И до самыхъ костей ободрали,
 И одѣли кожею Радивоя.

РАЗВАДИНЫ КЛЮЧЪ-ГРАДА ВЪ БОСНИИ.

Рисунокъ С. Адьякевича.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуй!
Плоть мою предай на растерзанье;
Лишь помилуй мнѣ душу, Иисусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,—
Все исчезло—будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за городъ бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступъ.

СУЛТАНЪ МАГОМЕТЪ ЭЛЬ-ФАТИ.

Съ оригинала, находящагося въ Вѣнской Импер. Библіотекѣ.

704.

2. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ развѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?

Отъ чего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не почуетъ?
Али недруги его могучи?

Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались, ⁸
И были по Богу братья;

Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣляли, обезумѣли гости,
Два могучіе Бей побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего истоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродить,
Словно волкъ, ужаленный змѣю.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молится Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и жепѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,

За туманомъ ничего не видно.»
 Повернулся Янко Марнавичъ
 И тихоенько сталъ читать молитву.
 Помолвившись, онъ опитъ ей молвилъ:
 «Посмотри, что ты видишь въ оконко?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу, вонъ, малый огоніочекъ
 Чуть-чуть брежетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
 Улыбнулся Янко Марнавичъ,

И опять сталъ тихоенько молиться,
 Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
 «Отвори-ка, женка, ты оконко:
 Посмотри, что тамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Беи вздохнулъ, и съ постели свалился.
 Тутъ и смерть ему приключилась.

БОСНІЙСКІИ ВОЕВОДА ЭПОХИ ЗАВОЕВАНІЯ БОСНИИ ТУРКАМИ.

Миніатюра Глаголитскаго мисала, наход. въ Константинополѣ, въ библиотекѣ Эски-Сараи.

705.

3. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ. 9

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Онъ идетъ войной на бусурмана
 А Далматы, завиди наше войско,
 Свои длинныя усы закрутили,
 На бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали: «Возьмите насъ съ собою: 10
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ пригласилъ
 И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
 Перенши мы зановѣдную рѣчку,
 Стали жечь Турецкіи деревни,
 А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. 11
 Беглербей со своими Воишиками
 Противъ насъ пришелъ изъ Башадуки: 12
 Но лишь только заржали ихъ кони,
 И на солдѣвъ ихъ кривилъ сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой,

Разбѣжались измѣнники Далматы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ тобою
 И расскажем эту битву нашимъ дѣтямъ.»
 Стали биться мы тогда жестоко,
 Всякъ изъ насъ тронхъ воинновъ стоплъ:
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острія до самой рукоятки.
 Но когда черезъ рѣчку стали
 Тѣсною кучкою мы переправляться,
 Селихтаръ 13 съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
 «Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 «Намъ управиться съ ними невозможно.
 «Кто не раненъ, въ дѣвъ бѣги скорѣе,

И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ осталось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою:
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣ
 На коня моего вороного;

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА СЛАВЯНСКАГО
 ПОВЕРЕЖЬЯ АДРИАТИЧЕСКАГО МОРЯ.

(Изъ *Viaggio in Dalmazia* аббата Фортиса,
Venezia, MDCCLXXIV).

706.

4. ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.....
 Стамати былъ старъ и безцеленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ, охая да хромая.
 Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба! отдѣлалась славно!
 Вотъ Стамати сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ Жиду-лиходѣю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.

Черезъ рѣчку вилавъ переправляйся,
 Конь тебя изъ погубели намчнть.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь съѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ праги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
 Отыскавъ подъ камнями жабу,¹⁴
 И въ горшкѣ Жиду се приноситъ.
 Жидъ на жабу проливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Парещи такой поганой твари!).
 Они жабу всю потомъ изкололи,
 И ее—ея жъ кровью нанопли:
 Нанопвши, заставили жабу
 Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Елеиѣ эту сливу,
 Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
 Принесъ мальчикъ Елеиѣ эту сливу,
 А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
 Показалось бѣдной молодциѣ,
 Что змѣя у ней въ животѣ шевелится.

ЗНАТНЫЙ ИЛИРИЕЦЪ.

(Изъ *Viaggio in Dalmazia* аббата Фортиса
Venezia, MDCCLXXIV).

Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змя въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали бантъ Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на лицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не снится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и—Теодоръ
Воротился на свою сторону.
Вся деревня бѣжитъ къ нему навстрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видятъ онъ Елены,
Какъ не ищеть ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой—и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена,» говоритъ Теодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
«Господиъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата;

Испортити меня злые люди.»

Но Теодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невинаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить.
Такъ навѣрно отца его узрю
И убью своего я злодѣя.»

Распороть онъ мертвое тѣло.
Что-жъ?—на мѣсто милого дитяти,
Онъ черную жабу находить.
Взвыль Теодоръ: «Горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невина,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провѣщала:
«Я невина. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.
И Теодоръ Стамати зарѣзалъ,
А Жидъ убилъ какъ собаку,
И отиѣлъ по женѣ панихиду.

707.

5. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цемны—что у насъ каменя.

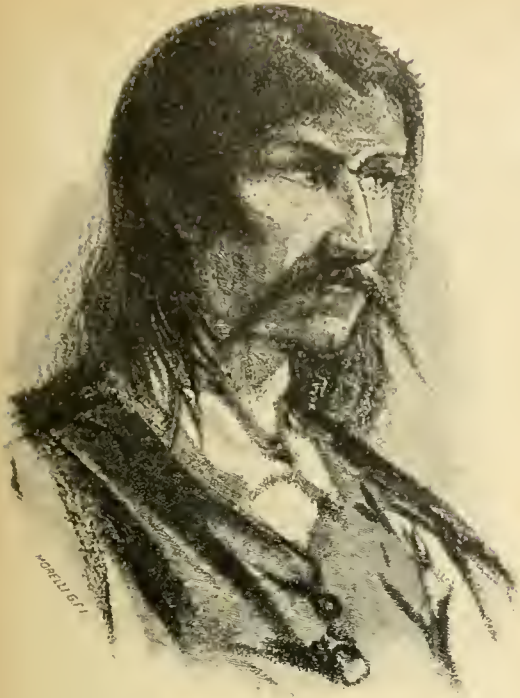
«Тамъ солдаты въ шолковыхъ кафтанахъ,
И только что нють да гуляютъ:
Скоро самъ ты разбогатѣешь,
И воротишься въ шпотѣ долмаиѣ,
Съ книжалою на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправайся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины емѣются,
Когда слово я по нашему молвлю.
Наши здѣсь языкъ своей позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай;
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу—Здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Запесенная въ озеро бурей.

ТИПЫ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХЪ ПОЛУРАЗБОЙ-
НИКОВЪ. ПОЛУБОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.

Картина Милана Сунко-Ускокѣ.

708.

6. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменныхъ
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ. ¹⁶
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Колн чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взойшло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи отирали
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,

Будто волкъ на свящую козу.
Его братъ, видя то, испугался.
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моею кровью,
А умремъ мы голодною смертию,
Станемъ мы выходить изъ могилы
Кровь сосать нашихъ недруговъ священныхъ.» ¹⁷
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «нолю!»
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И все трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семь ихъ убили изъ нихъ каждый,
Семь пульями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на конья свои насадили—
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ
сыновьями.

709.

7. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Гавриѣла Маглановича. ¹⁸

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка вышита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волею умерь ты какъ жить.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспомниай насъ за могилой,
Коль сойдется какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ-милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила,
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ;
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣть Атаганомъ
И стрѣляется изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ или нѣтъ,—узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка вышита до дна.

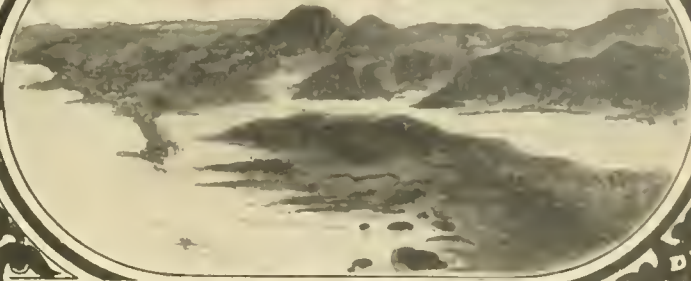
710.

S. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
 Блѣденъ онъ и чуть ноги водочить,
 Проситъ онъ попитаться, ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожий до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
 «Это что подъ горой тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое.»
 Говоритъ незнакомый прохожий:
 «Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
 Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
 Кажеть Маркѣ кровавую рану.
 «Три дня, молвилъ, пошу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свищовую пулю.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою ивой.
 И со мной положи мою саблю,
 Потому что я славный былъ воинъ.»
 Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко сталъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 «Помоги мнѣ, Марко: я не въ силахъ
 Поддержать гости нашего долѣ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожий на рукахъ ея умеръ.
 Марко сѣлъ на коня вороного,
 Взялъ съ собою мертвое тѣло,
 И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвеца хоронили.
 Вотъ проходить недѣля, другая,
 Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калусерь приходитъ, —
 Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
 «Смычъ твой боленъ опасно болѣзнью;
 Посмотри на бѣдую его шею:

Видишь ты кровавую ранку? ¹⁹⁾
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»
 Вся деревня за старцемъ Калусеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видятъ, — трупъ румяный и свѣжий, —
 Ноги выросли какъ вороныи когти,
 А лицо обросло бородою, —
 Алой кровью вымазаны губы, —
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
 Стремснами острымъ извима;
 И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись.
 А суки деревь такъ и трещали,
 Ломаясь какъ замерзлые прутья.
 Калусерь могильною землею ²⁰⁾
 Ребенка больнаго всего вытеръ,
 И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
 На закатѣ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
 Въ эту пору умеръ злой прохожий.»
 Вдругъ собака громко завыва,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,
 Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Потолка головою касаясь.
 Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
 Неподвижно глядѣлъ на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
 По старикъ, молитвенникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣтку,
 И подулъ дымъ на великана.
 И затряся Вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился и бѣжать пустился.
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.
 На другія сутки въ ту же пору
 Пестъ залазая, дверь отворилась,
 И вошелъ человекъ незнакомый.
 Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ
 Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
 По старикъ молитвой его прогналъ.
 Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
 Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
 Но сверкали у него злыя глазки.
 И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
 И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

ЧЕРНОГОРИЯ СЪ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА.

711.

9. БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»

Бонапарте спросилъ:

«Правда ль: это племя злое

«Не боится нашихъ силъ?»

«Такъ раскается жъ нахалы:

Объявить ихъ старшинамъ,

Чтобы ружья и кншжалы

«Всѣ несли къ моимъ погамъ».

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту

Съ сотней пушекъ и мортиръ,

И своихъ Мамлюковъ роту,

И косматыхъ Кирасвръ.

Намъ сдаваться пѣтъ охоты, —

Черногорцы таковы!

Для коней и для пѣхоты

Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы

И гостей незваныхъ ждемъ, —

Вотъ они вступили въ горы,

Истребляя все кругомъ.

.....

.....

Идутъ тѣсно подъ скалами.

Вдругъ,—смятеніе!... Глядятъ:

У себя надъ головами

Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

Удивясь, они сказали:

«Эхо что ли?» Пѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился,

Съ нимъ сто двадцать человекъ.

Весь отрядъ его смутился,

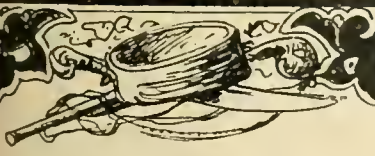
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Франгузы ненавидятъ

Съ той поры нашъ вольный край,

И краснѣютъ, коль завидятъ

Шапку нашу не значай.

Черногорскіе тини.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ

Черногорца одного.

Здѣсь пощады врагъ не просить:

«Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули,—упали

Шапки красныя съ шестовъ:

Мы подъ ними ницъ лежали,

Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали

Мы Франгузамъ:—«Это что?»

712.

10. СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко
 Птица малая дѣсная!
 У тебя ль у малой птицы
 Незамѣнныя три пѣсни,
 У меня ли у молодца
 Три великія заботы!
 Какъ ужь первая забота,
 Рано молодца женили;
 А вторая-то забота,—
 Ворогъ конь мой притомился;
 Какъ ужь третья-то забота,
 Красну дѣвицу со мною

Разлучили злые люди,
 Выкопайте мнѣ могилу
 Во полѣ, полѣ широкомъ
 Въ головахъ мнѣ посадите
 Алы цвѣтики цвѣточки,
 А въ ногахъ мнѣ проведите
 Чисту воду ключевую.
 Пройдутъ мимо красны дѣвки,
 Такъ слететь себѣ вѣночки.
 Пойдутъ мимо стары люди,
 Такъ воды себѣ зачерпнуть.

ГЕОРГІЙ ЧЕРНЫЙ.

(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербь», Загребъ 1903).

713.

11. ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
 Отець съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
 Старый Петро сына укоряетъ:
 «Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
 Не боишься ты Господа Бога,
 Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
 Восвать съ Бѣградскимъ нашею!
 Аль о двухъ головахъ ты родился?
 Пропадай ты себѣ, окаянный,
 Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»
 Отвѣчаетъ Георгій утровою:
 «Изъ ума, старикъ, видно, выжишь,
 Коди ласны безумныя рѣчи.»
 Старый Петро нуще осердился,
 Нуще оны бранятся, бушуютъ.
 Хочеть оны отправиться въ Бѣградъ,
 Туркамъ выдать ослушанаго сына,
 Объявить дѣвѣ Сербовъ.
 Оны изъ темной пещеры выходятъ;
 Георгій старика догоняетъ:
 «Воротися, отецъ, воротися!

Отпусти мнѣ невольное слово.»
 Старый Петро не слушаеть, грозитъ.
 «Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
 Сыну ему впередъ забѣгаетъ,
 Старикау кланяется въ ноги.
 Не взглянулъ на сына старый Петро,
 Договляеть вновь его Георгій,
 И хватаеть за сивую коосу.
 «Воротися, ради Господа Бога:
 Не введи ты меня въ искушенья!»
 Огнулъ старикъ его сердито,
 И пошелъ по Бѣградской дорогѣ.
 Горько, горько Георгій заплакалъ,
 Истолеть изъ-за поеса вынулъ,
 Взявъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
 Закричалъ Петро, зашатавшися:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И уялъ на дорогу бездыханенъ.
 Сынь бѣгомъ въ пещеру ворогнася;
 Его мать вышла ему на встрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»

Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ плягъ паншлеа,
И заснулъ на Бѣлградској дорогѣ.»²¹⁾
Догадалась она, заволала:

«Будь же Богомъ проклять ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей врозывается Черный.

714.

12. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Пашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляють въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Упимать насъ они перестали,—
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.

Гусляры насъ въ глаза укоряють:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терѣть оилехи!
Пли вы ужъ не Сербы,—Цыганы?
Пли вы не мужчины,—старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые дома,
Уходите въ Велийское ущелье,—
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

МИЛОШЪ ОБРЕНОВИЧЪ.

(Изъ роскошнаго изданія—«Знаменити Сербы», Загребъ 1903).

715.

13. ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ поздною порою,
Весъ въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышетъ,
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ,—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня еталь;—шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,

Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.
Горе! малый я не сильный;
Сѣсть Унырь меня совѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не сѣмъ.
Что же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Ваши злости!)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

716.

14. СЕСТРА И БРАТЯ.²²⁾

Два дубочка выросали рядомъ,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядомъ выросали,
Жили вмѣстѣ два братца родные:

Одинъ Навель, а другой Радула,
А межъ ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость:

На послѣдокъ ей пожь подарили
 Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говоритъ она Радуловой любѣ:
 «Невѣстунка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зеля такого,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зеля такого;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вотъ пошла Павлиха къ водоюю,
 Да зарѣзала коня воропаго,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду дарить ей подарки:
 Извела она коня воропаго.»
 Сталъ Елицу допытывать Павель:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 Въ ту пору братья сестрѣ повѣрили,
 Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый
 Сиваго сокола тамъ заколола,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду дарить ты ей подарки:
 Вѣдь она сокола заколола.»
 Сталъ Елицу допытывать Павель:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 И въ ту пору братья сестрѣ повѣрили.
 Вотъ Павлиха по вечеру поздно
 Пожь украла у своей золовки,
 И ребенка своего заколола
 Въ колыбелькѣ его золоченой.
 Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
 Громко вой и лицо терзая.
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду дарить ты ей подарки:
 Заколола у насъ она ребенка;
 А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
 Осмотри ты пожь ея злаченый.»
 Вскочилъ Павель, какъ слышалъ это,
 Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтлицу:
 На перинѣ Елица почивала,
 Въ головахъ пожь висѣлъ злаченый.
 Изъ поженъ вынуть его Павель,—
 Пожь злаченый весь былъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣду руку:

«Ой сестра, убей тебя Боже!
 Извела ты коня воропаго,
 И въ саду сокола заколола;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!
 Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привяжи къ хвостамъ коней борзымъ,
 Пусть они мое бѣлое тѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ ту пору братья сестрѣ не повѣрили;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзымъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алыя цвѣточки;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молодая Павлиха:
 Девять лѣтъ Павлиха все хвораеть,—
 Выросла трава сквозь ея кости,
 Въ той травѣ лютой змѣи гибдятся,
 Пьеть ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждеть молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь ли, господинъ ты мой, Павель,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха,
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то молодая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди меня къ бѣлому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ твоимъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любви послушался Павель,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своимъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ терние да кропива;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Ворогъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ золоченая люлька,
 На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
 Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
 Рука матери у него подъ горломъ,
 Въ той рукѣ теткинъ пожь золоченый.

В П Л А.

Рисунокъ Павла Ивановича.

717.

15. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ²³).

Полюбилъ королевичъ Янышъ
 Молодую красавицу Елицу,
 Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
 Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусѣ, Чешской королевѣ.
 Съ прежней любой пдетъ онъ проститься,
 Ей приносить съ червонцами чересь,
 Да гремучія серги золотыя,

Да жемчужное тройное ожерелье
 Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
 Навизалъ на шею ожерелье,
 Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
 И поѣхалъ своею дорогою.
 Какъ одна осталася Елица,
 Деньги наземь она пометала,

Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кипулась въ Мораву.
Тамъ на дѣв молодая Елица
Водяною царицей очулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницею.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоятъ студеною водою.
Но лишь только заѣвненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась рука:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ псугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка,—
Конь кружится по чистому дугу,
Потряса уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Яныиъ королевичъ:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Яныиъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницею!»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула»

Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Яныиъ королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я забду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть зоря зарѣблась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Яныиъ королевичъ,
У меня свиданія проситъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлся снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйди ко мнѣ на зеленой берегъ,
Подѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимасть:
Не внимасть, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Яныиъ королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленой бергъ,
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбить.»
Расскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любовью, съ молодой женою?»
Отвѣчаютъ Яныиъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣветъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

718.

16. К О Н Ъ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шепчешь оустнѣмъ;
Не потряхиваешь гривой,
Не грядешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холою?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Али поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злочены стремена?
Отвѣчаетъ конь печальнай:
Отъ того я приемрѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,

Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и въ холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровой
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой духъ и поеть,
Что на мѣсто чаирака,
Кожею онъ твоею покроетъ
Мнѣ испогнанный бока.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЙ ГУСЛЯРЬ.

Рисунокъ Тисова.

719.

17. ЧТО БѢЛѢТЬ НА ГОРѢ ЗЕЛЕНОЙ.

Что бѣлѣть на горѣ зеленой?
 Сибѣтъ ли то, али лебеди бѣлы?
 Былъ бы сибѣтъ—онъ давно бѣ разтаялъ,
 Были бѣ лебеди—они бѣ улетѣли...
 То не сибѣтъ и не лебеди бѣлы,
 А шатеръ Аги Асанъ-аги:
 Онъ лежитъ въ немъ весь люто израненъ.
 Посѣтуди его сестра и матеръ;
 Его любя не можетъ, застыдилась.
 Какъ ему отъ боли стало легче,
 Приказаль онъ своей вѣрной любѣ:
 Не жди меня въ моемъ бѣдомъ домѣ,
 Въ бѣдомъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ.

Какъ услышала мужинны рѣчи,
 Запечалилась бѣдная кадуна...
 Она слышитъ—на дворѣ бьютъ кони,
 Побѣжала Асанъ-агиница,
 Хочеть броситься бѣдная въ окошко,
 За ней всякъ двѣ милья дочки:
 Воротися милая мать наша,
 Прѣвхаль не мужъ Асанъ-ага.
 А прѣвхаль братъ твой Пипторъ
 Воротилась Асанъ-агиница
 И повисла она брату на шею:
 Братецъ милый, что за посрамленье,
 Меня гонять отъ пятерыхъ дѣтокъ...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУНКТИНА КЪ ПѢСНЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1) Ома I былъ тайно умерщвленъ своимъ двумя сыновьями Стефаномъ и Радивомъ въ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключь-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2) Щиколодка, по Московскому нарѣчію щиколка.

3) Такъ называютъ себя нѣкоторые Падриіскіе раскольники.

4) *Фалаши*, палочные удары по пятамъ.

5) Радивой никогда не пѣлъ этого сапа; и всѣ члены Королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

6) Кафтавъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

7) Анахронизмъ.

8) Трөгательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

9) Неизвѣстно къ какому произшествію относится эта пѣсня.

10) Потеря сраженія приписывается Далматамъ, неяснымъ для Влаховъ.

11) Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ Мусульманъ и Христіанъ. Учатъ ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участь летучей рыбы—М. [ереме].

12) Банялѹка, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

13) Селухтаръ, меченосецъ.

14) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

15) Мицковичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

16) Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

17) Западные Славяне вѣрятъ существованію *Утврѣй* (vampire). См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.

18) Мериме повѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакимѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь; но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка и читателю, думаю, съ удовольствіемъ пойдетъ здѣсь жизнеописаніе Славянскаго-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'ai vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingéuchs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le souvertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart ¹⁾. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le protéger au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert: car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'est pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. La moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillé.

De Livno à Seign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation ²⁾.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Seign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé

¹⁾ Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

²⁾ J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

МНІМЫЙ ГУСЛЯРЬ МАГЛАНОВИЧЪ.

Портретъ, приложенный къ «Гузла» Мериме.

Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques¹⁾.

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours²⁾. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honteuse, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une

petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas * * *, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement barbanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflamé par l'usage des liquors fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général,

¹⁾ Espèce de bandits.

²⁾ Soldats de la police.

let il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la ettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand l'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, rempli-saient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle, mais alors elle était un peu cassée. Quand il chanta sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui: mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient perdus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

19) Вурдалаки, Вудколаки, Уныри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

20) Избавствомъ отъ укушенія Уныря служить земля, взятая изъ его могилы.

21) По другому преданію, Георгіи сказали товарищамъ: Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

22) Прекрасная эта поэма взята мною изъ Собранія Сербскихъ пьесъ Вука Стефановича.

23) Пьеса о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ только первую, и то не всю.

ТНІЪ ГАЙДУКА.

(Гайдукъ Велько Петровичъ).

720—726. [ПОПЫТКИ ВЕРНУТЬСЯ КЪ «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»].

1.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетенья любезный,
Оставленный романъ мой продолжать
И, потчуй стихами, вѣкъ желѣзный
Разказами пустыми угощать;
Ты думаешь, что съ цѣлюю полезной
Тревогу славы можно сочетать.
А для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату, —
За каждый стихъ по 10 рублей
(Составить [стало быть] за [каждую] строфу
сто сорокъ) —

Оброкъ пустой для выившихъ людей.
Неужто жаль кому пяти рублей?
Пустое! Всякъ то дать безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять, ей-ей.

2.

Ты говоришь: «Пока Онегинъ живъ,
«Дотоль романъ не кончить; нѣтъ причины
«Его кончать; къ тому же планъ счастливъ
кончины

Со славы, виявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалою и бранью,
Съ почтенной публики, межъ тѣмъ,
Бери умѣренную плату, —
За книжку по пяти рублей;
Неужто жаль ихъ будетъ ей?

3.

Вы за Онегина совѣтуете, други,
Опять прийтись мнѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите мнѣ: «Опъ живъ и не женать—
«Итакъ, еще романъ не кончить: это кладъ!
«Въ его свободную, въѣстительную раму
«Ты вставишь рядъ картинъ, отерошь
діораму,
«Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
«Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ».
Пожалуй, я бы радъ...

4.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что страшно, даже неучтиво

Романъ, не конча, прерывать,
Отдавъ его уже въ печать;
[. . . . .] въ печать,
Романъ неконченный отдать].
Что должно своего героя,
Какъ бы то ни было женить
По крайней мѣрѣ,—уморить,
И, лица проція пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Нзъ либрирнта выелать вопъ.

5.

Вы говорите: «Слава Богу!
«Пока мѣсть твой Онегинъ живъ,—
«Романъ не кончить. Попемногу
«Пизи жъ его—не будь лѣнивъ.
«Со славы, виявъ ея призванью,
«Сбирай оброкъ хвалою и бранью,
«Рисуй и франтовъ городскихъ,
«И шпыль барышень своихъ,
«Войну и балъ, дворецъ и лату,
«Чердакъ, и велью, и хaremъ,
«И съ нашей публики, межъ тѣмъ,
«Бери умѣренную плату:
«За книжку по пяти рублей—
«Налогъ не тягостный, ей-ей».

6.

Вы говорите: «Слава Богу!
«Онегинъ живъ, такъ поемногу
«[Пизи] затѣйливый [романъ]
«[Герой] готовый, славный планъ],
«[Ну, съ богомъ]...
«И снова будешь [ты] внимать
«Молвы и критики набату».
«[Готово все]...

7.

Ты мнѣ велишь, мой строгій суди,
На прежній лады... настроя,
Давно забытаго героя,
Когда-то бывшаго въ чести,
Опять на сцену привести,
Чтобъ...
Ты говоришь...
«Онегинъ живъ и будетъ опъ
«Еще не скоро схоронень,
«О немъ вѣстей ты знаешь много...»

727. КОГДА БѢ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ.

Когда бѣ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бѣ,—наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши:

Забылъ бы всѣхъ желаній трепеть,
Мечтою бѣ цѣлый мѣръ называть—
И все бы слушалъ этотъ лепеть.
Все бѣ эти пошвы цѣловать .

728. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

[Не закончено и не отдѣлено].

[I].

Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій
 Пронесло отъ тѣхъ вождей,
 Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
 Поработилъ брега морей.
 Одульфъ, его начальникъ рода,
 Вельми бѣ грозею воевода
 (Гласитъ Софійскій хронорафъ).
 При Ольгѣ, сыиъ его Варлафъ
 Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
 Съ приданымъ Греческой княжны.
 Отъ нихъ два сына рождены,
 Якубъ и Дорошей. Въ засадѣ
 Убить Якубъ, а Дорошей
 Родилъ двѣнадцать сыновей.

[II].

Одрей, по прозвищу Езерскій,
 Родилъ Пвана да Плью,
 И въ Лаврѣ схищенъ Печерской.
 Отсель фамилію свою
 Ведуть Езерскіе. При Калкѣ
 Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
 А тамъ раздавленъ какъ комаръ
 Задами тяжкими Татаръ;
 Зато со славою, хоть съ урономъ,
 Другой Езерскій, Елизаръ,
 Уинилъ кровію Татаръ
 Между Пепрадовою и Дономъ,
 Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
 Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

[III].

Въ вѣка старинной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамоль и смуть во дни кровавы
 Блещатъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *)
 Служили доблестно Царямъ,
 Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ оиъ, то съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бывалъ изъ-за границы Царской,
 Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
 И умеръ, Сицихъ *персона* **).

[IV].

Когда отъ думы величавой
 Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,

*) въ посольствѣ—А. II.

**) Переселить кого, старинное выраженіе, значить завять мѣсто ваше.—А. II.

Какъ подъ отеческой державой
 Русь отдохнула наконецъ,
 А наши вороги смирились—
 Тогда Езерскіе явились
 Въ великой силѣ при дворѣ,
 При Императорѣ Петрѣ...
 Но извините, статья можетъ,
 Читатель, вамъ я досадилъ;
 Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
 Васъ сѣбѣ дворянская не гложеть,
 И нужды нѣтъ вамъ пивакой
 До вашей книги родовой.

[V].

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,—
 Метиславъ, князь Курбскій, или Ермакъ,
 Или Митюшка цаловальникъ,
 Вамъ все равно. Конечно, такъ:
 Вы презираете отцами,
 Ихъ славою, честію, правами—
 Великодушно и умно;
 Вы отреклись отъ нихъ давно,
 Прямого просвѣщенья ради,
 Гордясь (какъ общей пользы другъ)
 Красною *собственными заслугъ*,
 Звѣздой двоюроднаго дяди,
 Иль приглашеніемъ на балъ
 Туда, гдѣ дѣлъ вашъ не бывалъ.

[VI].

Я самъ, хоть въ бивжахъ и словесно
 Собратя надо мной трунилъ,
 Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
 И въ этомъ смыслѣ демократъ;
 Но каюсъ: новый Ходаковской, ***)
 Люблю отъ бабушки Московской
 Я толки слушать о родитѣ,
 Объ отдаленной старинѣ.
 Миѣ жаль, что нашей славы звуки
 Уже намъ чужды; что сирота
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
 Что намъ не въ-прокъ пошли науки,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажетъ, важется, никто.

[VII].

Миѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
 Блѣднѣетъ блескъ и шикнетъ духъ;
 Миѣ жаль, что нѣтъ вязыей Пожарскихъ,
 Что о другихъ провалъ и слухъ;
 Что ихъ поносить и Фисляринъ;
 Что Русскій вѣтреный бояринъ
 Считаетъ грамоты Царей
 За пыльный сборъ календарей;

***) Извѣстный любитель древности, умершии нѣсколько лѣтъ тому назадъ.—А. II.

АННА АЛЕКСЕЕВНА ОЛЕНИНА,
вЪ ЗАМУЖЕСТВѢ АНДРО.

*Неизданный портретъ, теперь принадлежащій ея дочери,
А. Ф. Войтов.*

Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
 Растетъ пустынная трава:
 Что геральдическаго льва
 Демократическимъ копытомъ
 Теперь лягаетъ и оселъ:
 Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

[VIII].

Вотъ почему, архивы роя
 Я разбираю въ досуужій часъ,
 Всю родословную героя,
 О комъ затѣялъ свой разсказъ,
 И здѣсь потомству заповѣдалъ;
 Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
 Что дѣлъ его, великій мужъ,
 Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ:
 Изъ нихъ отцу его досталась
 Осьмая часть, и та сполна
 Была давно заложена
 И ежегодно продавалась;
 А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
 И регистраторомъ служилъ.

[IX].

Допросомъ музу безпокою,
 Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
 «Куда завиднаго героя
 Избрали вы! Кто вашъ герой?»
 А что? Коллежскій регистраторъ.
 Какой вы строгій литераторъ!
 Его пою. Зачѣмъ же вѣтъ?
 Онъ—мой пріятель и сосѣдъ.
 Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
 И смерть Мещерскаго воспѣлъ;
 Швецъ Фелицы быть умѣлъ
 Швцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ
 И похоронъ, смѣшившихъ пиръ,—
 А зналъ ли ихъ, скажите, мѣръ?

[X].

Замѣтятъ мнѣ, что есть же разность
 Между Державинымъ и мной,
 Что красота и безобразность
 Раздѣлены чертой одной;
 Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
 А не коллежскій регистраторъ;
 Что лучше, ежели поэтъ
 Возьметъ возвышенный предметъ;
 Что вѣтъ, къ тому же, перевода
 Прямыхъ героямъ; что они
 Совѣмъ не чудо въ наши дни—
 Куда! намъ вѣтъ отъ нихъ прохода,

И развѣ межъ моихъ друзей
 Двухъ, трехъ великихъ вѣтъ людей?

[XI].

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
 Волнуетъ степь и пыль несетъ,
 Когда корабль въ недвижной влагѣ
 Его дыханья жадно ждетъ?
 Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
 Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
 На пенъ гиллой?—Спроси его!
 Зачѣмъ арапа своего
 Младая любить Дездемона,
 Какъ мѣсяцъ любить ночи мглою?
 Зачѣмъ, что вѣтру и орлу
 И сердцу дѣвы вѣтъ закона.
 Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
 И для тебѣ закона вѣтъ.

[XII].

Исполненъ мыслями златыми,
 Непонимаемый никѣмъ,
 Передъ кумирами земными
 Проходишь ты умилъ и вѣмъ.
 Съ толпой не дѣлишь ты ни глѣва,
 Ни нужды, ни лохота, ни рева,
 Ни удивленья, ни труда.
 Глумецъ кричитъ: «куда? куда?»
 Дорога здѣсь!» Но ты не слышишь,
 Идешь, куда тебя влекутъ
 Мечтанья тайныя. Твой трудъ
 Тебѣ награда: имъ ты дышишь,
 А плодъ его бросаешь ты
 Толпѣ, рабынѣ суеты.

[XIII].

Скажите: «экой вздоръ!» или «браво!»
 Или не скажите ничего—
 Я въ томъ стою: имѣю я право
 Избрать сосѣда моего
 Въ герои повѣсти смѣренной.
 Хотя человекъ онъ не военный,
 Не бунтовщикъ, не Донъ-Жуанъ,
 Не Демонъ, даже не Цыганъ,
 А просто гражданинъ столичный,
 Какихъ встрѣчаемъ всюду тму;
 Ни по лицу, ни по уму,
 Отъ нашей братьи не отличный,
 Благопристойный и прстой,
 А впрочемъ малый дѣловой.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ

729. СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго снѣга моря;
Они жили въ ветхой землицѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неведомъ рыбу,
Старуха прѣла свою пряжу.

Рисунокъ В. Маковского.

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тинной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкою,
Съ непростюю рыбкой, золотою.
Какъ измолится золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчнмъ:
Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогѣй за себя дамъ откупъ:
Откупался чѣмъ только пожелаешь.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбу золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо:

Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Воротился старикъ ко старухѣ
Рассказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
Но нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ клекать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дастъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.

Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще лучше старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корыети?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
(Помутнело синее море),
Сталъ онъ клекать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Еще лучше старуха бранится,
Не дастъ старику мнѣ покою:
Избу просишь, сварливая баба.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Такъ и быть: изба вамъ ужь будетъ.

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужь и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой
Съ кирпичною, бѣшеною трубою
Съ дубовыми, тѣсовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою Дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю;
(Неспокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:

Нуше прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.

Воротился старикъ ко старухѣ,
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.

Рисунокъ В. Маковского.

На крыльцѣ стоитъ его старуха;
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,

На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги:
Она бьетъ вѣхъ, за мурушу таскается.
Говоритъ старику своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душевнѣка довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ послужить его послала.

Вѣтъ недѣля, другая проходитъ;
Еще нуше старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною Царицей.
Неспугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, белена объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилась нуше старуха,
По щекѣ ударила мужа,
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?—
Ступай къ морю, говорить тебѣ честию,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.

Старичокъ отправился къ морю:
(Почернѣло синее море).

Сталъ онъ кликать золотую рыбку
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуется:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой
Хочетъ быть вольною Царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха Царицей!»

Старичокъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? передъ нимъ Царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ онъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она Царицей,
Служать ей Бояре, да Дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держать.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался:
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ, здравствуй, грозная Царица!
Ну теперь твоя душевнѣка довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали Бояре и Дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.

Рисунокъ В. Маковскаго.

А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубилъ;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
Подблѣмъ тебѣ, старій невѣжа!
Впрядь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сапи!—

Вотъ невѣля, другая проходитъ,
Еще лучше старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонися рыбакѣ,
Не хочу быть вольною Царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ Окіанѣ морѣ,
Чтобы служила мнѣ рыбка золотая
И была бы у меня на посылкахъ.

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря:

Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воетъ и воютъ.
Ставъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочется быть она Царицей,
Хочется быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ Окіанѣ морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ей на посылкахъ.—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.

Рисунокъ В. Маковскаго.

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ земляника,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. АФАНАСЬЕВА КЪ «СКАЗКѢ О РЫБАКѢ И РЫБКѢ».

Книжный орнамент раннего Ренессанса.

АНДЖЕЛО.

Вдво ограничивается Пушкин ролью переводчика. Не составляет исключения в данном случае и «Анджело» — эта «повесть, взятая из шекспировой трагедии Measure for Measure» (как она озаглавлена в подлинной рукописи Пушкина, находящейся в Императорской Публичной Библиотеке). Повесть «Анджело» в Болдине, в 1833 г., одновременно с М. Ф. Введенским. Первоначально Пушкин попробовал было просто перевести драму Шекспира: в бумагах П. В. Анненкова сохранилась) копия с утраченной вероятно

пушкинской рукописи начала этого перевода:

(Герцогъ).

Вамъ объяснять правленія начала
Изъяснимъ было бѣ для меня трудомъ.
Не нужно вамъ ничьихъ совѣтовъ,
Превыше сами вы всего: мнѣ только
Во всемъ на васъ осталось положиться.
Порочный духъ народа, ходъ правленія
Постигли вы вѣрнѣе, чѣмъ кто бѣ то
ни былъ.
Вотъ вамъ наказъ. Желательно бѣ намъ
было,

Чтобъ отъ него не отшатнулись вы.
Позвать намъ Анджело.

Каковъ онъ будетъ,
Но мнѣ нѣо нашему, на нашѣмъ мѣстѣ?
Вы знаете, что нами онъ назначенъ
Насъ замѣнять въ отсутствіе,—что мы
И милостью, и страхомъ облекли
Намѣстивъа всеи нашей власти. Что же
Объ немъ вы шлите?

(Эскальъ).

Если въ цѣломъ свѣтѣ
Сей почести достоинъ кто-нибудь,
Такъ это Анджело.

Герцогъ).

Вотъ онъ идетъ.

* Шлякинъ, Изъ изд. бум. Пушкина, стр. 71.

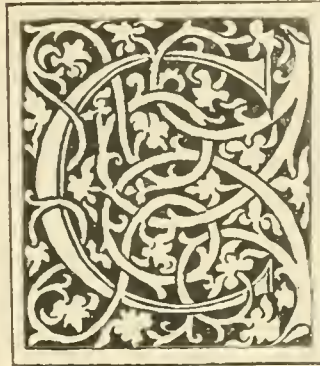
(А н д ж е л о .)

Послушень вашей милостивой воли:
Свѣну принять я ваше предложение.

Пушкинъ, видимо, ограничился переводомъ только одной этой начальной сцены, да и то не всей, и затѣмъ рѣшилъ свободно обработать шекспировскую драму въ формѣ стихотворной повѣсти. Известно, что переводы вообще его стѣсняли, и всякій разъ, когда онъ за нихъ принимался, онъ бросалъ начатое дѣло почти съ первымъ же строкъ. «Эпическій разсказъ, — говоритъ Аппенковъ *) въ объясненіе переменъ плана поэта, «сдѣлался столь важенъ и такъ завладѣлъ всею творческой способностью Пушкина, что, можетъ быть, хотѣлъ онъ видѣть, какъ одна изъ самыхъ живыхъ драмъ поваго искусства отразится въ повѣствованіи». Слѣдуетъ при этомъ, однако, замѣтить, что нѣкоторымъ сценамъ Пушкинъ нашелъ нужнымъ придать, какъ и въ подлинникѣ, диалогическую форму, сохранивъ многое изъ шекспировскаго текста, переводя цѣлыя фразы, надписывая даже имена дѣйствующихъ лицъ, какъ въ настоящей драмѣ. Содержаніе другихъ частей пьесы онъ передаетъ своими словами, иногда резюмируя въ очень сжатой формѣ то, что происходитъ въ нѣсколькихъ явленіяхъ или, напримѣръ, даже въ цѣломъ четвертомъ дѣйствіи. Сравнительно близко къ тексту Шекспира, съ сохраненіемъ притомъ диалогической формы, передали: бесѣда Люціо съ Изабелой, впервые узнающей объ опасности, которая грозитъ Клавдіо («Мѣра за мѣру», д. I, сц. 4); два объясненія между Анджело и Изабелой (II, 2 и 4); свиданіе брата съ сестрой въ тюрьмѣ (III, 1); наконецъ, разоблаченіе вины Анджело и примирительная развязка, вызванная заступничествомъ Изабелы и великодушіемъ герцога. Остальное изложено въ формѣ пересказа, часто сильно сжатаго.

Характеръ Анджело видимо интересовалъ Пушкина и казался ему однимъ изъ лучшихъ характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ. Въ томъ же 1833 году, къ которому относится созданіе «Анджело», Пушкинъ набросалъ небольшую замѣтку, гдѣ, между прочимъ, сравниваетъ Анджело съ Тартюфомъ. Выказавъ общее положеніе, что герой Мольера во всѣхъ случаяхъ жизни является исключительно лицемеромъ, поэтъ продолжаетъ: «У Шекспира лицемеръ про-

износить судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго чловека; онъ оболыщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшную смѣсью набожности и волокитства. Анджело—лицемеръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!»

амую фавбу Шекспировской драмы Пушкинъ и нѣсколько измѣнилъ. Такъ, изъ Вѣны онъ перенесъ дѣйствіе въ Италію, приурочивъ его къ эпохѣ Возрожденія, на которую ясно указываютъ и любовь Дука къ наукамъ и искусствамъ, и

ученость Анджело, и самый сюжетъ пьесы, первоосновою котораго послужила итальянская новелла XVI столѣтія. У Шекспира герцогъ Винченціо—чловекъ далеко не старый, въ концѣ концовъ увлекающійся красотой и добродѣтелью Изабелы и готовый сдѣлать ее своею женою; у Пушкина это—«спредобрый старый Дука», съ спокойнымъ, возвышеннымъ и безстрастнымъ возрѣніемъ на жизнь. Шекспировскій герцогъ, передавая на время свою власть Анджело, имѣетъ цѣлю испытать этого чловека, подозрѣваемаго имъ въ лицемеріи; пушкинскій Дука вовсе не желаетъ подвергать временнаго правителя какимъ-нибудь соблазнамъ, а стремится только съ помощью его строгости возстановить распатаанный правственныи порядокъ. Далѣе, у Пушкина совсѣмъ не выступаютъ Эскаль, Профосъ, братъ Петръ, Джульета, Франциска; устранить также и комическій элементъ, играющій такую важную роль у Шекспира. Изъ всей веселой компаніи, выведенной Шекспиромъ, у Пушкина уцѣлѣлъ только Люціо, который приходитъ къ Изабелѣ, чтобы сообщить ей объ участи ея брата; но Пушкинъ не даетъ ему слишкомъ распространяться, замѣтивъ только, что онъ «въ подробныя пустился объясненія, немного жесткія своею наготовой для дѣв-

*) Матеріалы, стр. 381.

ственнахъ ушей отшельницы молодой». Въ концѣ разсказа онъ уже не появляется, какъ у Шекспира, чтобы получить заслуженное наказаніе за свои пелѣныя разсказни объ отсутствующемъ герцогѣ. Интересно также, что Пушкинъ представилъ Маріанну не пелѣстой, а женой Анджело, отвергнутой имъ изъ-за какой-то вздорной сплетни, между тѣмъ, какъ по Шекспиру Анджело бросилъ Маріанну, когда она была еще только его пелѣстой,—бросилъ потому, что обѣщанное за нею приданое погибло во время кораблекрушенія. Мотивомъ этой перемѣны для Пушкина послужило, конечно, желаніе устранить обвиненіе Анджело въ низкихъ корыстолюбивыхъ помыслахъ и представить его человѣкомъ дѣйствительно строгой нравственности.

Анджело» явился въ печати въ альманахѣ Смирдина «Новоселье» 1834 г., ч. II, стр. 49—80, съ цензурными поправками, урѣзками и другими некажениями, глубоко огорчившими Пушкина. А. В. Никитенко въ своихъ запискахъ (I, 324) разсказываетъ по этому поводу слѣдующее:

«Прежде государь самъ разсматривалъ поэмы Пушкина. Теперь министр Уваровъ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи Пушкина на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько стиховъ были исключены... Этотъ урѣзъ сильно оскорбилъ поэта. Онъ взбѣсился. Смирдинъ платилъ ему за каждый стихъ по червонцу; слѣдовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако жъ, чтобы Смирдинъ заплатилъ ему деньги и за точки!»

Разсказъ этотъ не вполне точенъ, а въ отношеніи «точекъ» кажется просто сплетней, вызванной, вѣроятно, недоброжелательствомъ къ Пушкину Никитенка, узнавшаго о томъ, что Пушкинъ называлъ его цензурскіи исправленія «безполезно-скудоумными» и говорилъ: «Ужели заливаетъ меня

ослепнокъ Никитенко?» Изъ прошенія Пушкина въ Главный Комитетъ Цензуры 28 августа 1835 г. мы видимъ, что поэтъ, намѣреваясь вновь напечатать свою повѣсть, «неисправно и съ своевольными поправками напечатанную книгопродавцемъ Смирдинымъ», представилъ это сочиненіе государю, который «позволилъ возвратитъ его, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ съобственнооручно замѣченныхъ мѣстъ». Но Уваровъ воспротивился этому изданію и приказалъ почтенному Сиб. учебнаго округа объявить Пушкину, что не можетъ болѣе позволять ему печатать его сочиненія, какъ доселѣ они печатались, т.-е. съ надписью чиновника С. Е. П. В. Канцелярш. Такимъ образомъ, поэтъ былъ лишенъ права печатать свои произведенія, дозволенные самымъ государемъ. Онъ и обратился въ Главный Комитетъ съ просьбою сообщить: «какую новую форму соизволить онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?» Не получая отвѣта, Пушкинъ жаловался Бенкендорфу, указывая, между прочимъ, на «своевольныя поправки цензора» (т.-е. Никитенка). Затѣмъ Главное Управление Цензуры постановило: «объявить Пушкину, что рукописи, издаваемая съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія; но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны... быть представляемы въ Цензурный Комитетъ, коимъ разсматриваются и одобряются на общихъ цензурныхъ правилахъ».

Эта тяжба Пушкина съ цензурой не имѣла видимыхъ послѣдствій: второе изданіе «Анджело» вошло въ составъ II-й части Поэмъ и Повѣстей 1835 безъ перемѣнъ. Затѣмъ повѣсть появилась въ помертвомъ изданіи, съ добавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ ошибокъ противъ текста Новоселья.

Вопросъ о томъ, какіе стихи были признаны государемъ неудобными къ печати, остается открытымъ, такъ какъ мы имѣемъ въ настоящее время только черновую рукопись «Анджело», а не ту, которая была представлена Пушкинымъ своему высокому цензору. Сличеніе этой черновой съ текстомъ, напечатаннымъ при жизни поэта, позволяетъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго основанія предполагать, что въ числѣ «собственнооручно замѣченныхъ мѣстъ» находились стихи о смертной казни, исклю-

ченныя при печатаніи безъ замѣны ихъ точками:

Ужели Господу пошлемъ неосторожно

Мы жертву паскоро? Мы даке и цыплятъ

Не бьемъ до времени. Такъ скоро

не казнить.

«Если допустить, что отвѣтъ Пзабелы Анджею былъ урѣзанъ по требованію императора Николая Павловича, говоритъ П. П. Черняевъ ¹⁾,—то особенное вниманіе, обращенное имъ на этотъ отвѣтъ, нельзя ничѣмъ будетъ объяснить, кромѣ нежеланія допускать въ печати обсужденія вопроса о смертной казни и опасенія, что слова Пзабелы могутъ быть примѣнены съ неблагопріятными для правительства выводами къ казнямъ декабристовъ, которыя въ первой половинѣ 30-хъ годовъ были еще у всѣхъ въ памяти».

равнодушно и даже отрицательно встрѣтила критика «Анджею». Въ № 22 «Молвы» 1834 г. появилась небольшая статья, посвященная Пушкину и тому охлажденію, какое стало замѣчаться къ поэту въ публикѣ. Въ этой статьѣ, ко-

торую Ан. Григорьевъ приписывалъ Бѣлинскому ²⁾, по поводу «Анджею» говорится: «Имѣеть ли право талантъ, не обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно успиваться воскресить прошлое, идти назадъ, не стремиться впередъ? Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Въ правѣ ли писатель винить публику, если она не раздѣляетъ его стремленій къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣняемаго плеченія къ будущему остается равнодушною, непризнательною къ его тягостному борешию съ вѣкомъ, усиленно, часто обнаруживающему тѣмъ разительнѣе всю великость

его дарованія? Вотъ вопросы, которые въ настоящее время было бы стати предложить на разрѣшеніе и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библиографической, хотя и въ нихъ-то существенно должна заключаться истинная оцѣнка шедевръ Пушкина, полной искусства, доведеннаго до естественности, ума, скрытно въ простотѣ разительной, и, сверхъ того, неотъемлемо отличающейся истиннымъ признакомъ зрѣлости поэта, тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей».

Въ этой коротенькой замѣткѣ, по крайней мѣрѣ, отдается должное таланту и искусству поэта, обвиняемаго только въ томъ, что онъ не «идеть за вѣкомъ», или, говоря словами пушкинской «Черни», что отъ его пѣсни нѣтъ никакой «пользы». Съ гораздо болѣе рѣшительнымъ приговоромъ выступилъ въ № 24 той же «Молвы» нѣкто, подписавшійся: «Житель Синцева Вражка». Онъ прямо заявляетъ: «По моему некрѣпкому убѣжденію, «Анджею» есть самое плохое произведеніе Пушкина... Такъ мало походить оно на пушкинское даже самую версификацію, изобилующую до невѣроятности усѣченными прилагательными и распространенными предлогами!»

Бѣлинскій, въ своихъ Литературныхъ Мечтаніяхъ, также отозвался о повѣсти Пушкина крайне неблагопріятно. «Теперь мы не узнаемъ Пушкина»,—говоритъ онъ: «онъ умеръ, или, быть можетъ, обмеръ на время... По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ «Анджею» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ Новосельѣ и Библиотекѣ для чтенія, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю... Гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдная жизнь и природа?... Увы, вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатými и полубогатыми римами, съ шипуческими вольностями, о коихъ такъ странно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали архимандритъ Аполлосъ и г. Остолозовъ! Странная вещь, непонятная вещь!»

Такъ же отрицательно отнесся къ «Анджею» Бѣлинскій и 12 лѣтъ спустя, въ статьѣ о Пушкинѣ 1846 года: «Анджею» принять публикою очень сухо—и подѣломъ. Въ поэмѣ видно какое-то усиліе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ-то искусственна. Можно найти въ

¹⁾ Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ, Харьк. 1900, стр. 374—375.

²⁾ Тамъ-же, 144.

«Анджело» счастливыя выраженія, удачныя стихи, если хотите—много искусства, но искусства чисто-техническаго, без вдохновенія, без жизни. Короче: эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней печого сказать»¹⁾.

Одобрительный отзыв о повѣсти Пушкина, на протяженіи слишкомъ двухъ десятилѣтій, нашелся только одинъ,—и то въ формѣ эпиграммы на маперъ XVIII столѣтія, въ мало кѣмъ читавшемся журналѣ «Маякъ Просвѣщенія»²⁾.

Пускай Анджело крутъ, жестокосердъ и
лихъ,

Пытлануть разсказъ въ Александрійскій стихъ:

Пускай за то пѣвецъ слыветъ за старовѣра:

Титуль еретика и злого изувѣра

Къ нему совѣтъ пойдетъ. Я тоже старовѣръ;

По мнѣ, такъ мастерски расшепанъ изувѣръ.

Только Ап. Григорьевъ, въ половинѣ 50-хъ гг., попытался возстановить художественную репутацію пушкинской повѣсти.

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 364; изд. Солдатенкова 5-е, VIII, 668.

²⁾ 1843 г. X, Критика, стр. 31, въ статьѣ А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, допущенныхъ въ полное собраніе сочиненій его».

Критикъ съ восторгомъ отзывался о «суровой жестокости манеры», съ какою написалъ «Анджело», обнаруживши «тяготѣе къ Шекспиру» великаго русскаго поэта. Но подробнаго разбора повѣсти онъ, все-таки, не далъ³⁾.

Въ 1880 г. П. И. Стороженко, въ своей рѣчи по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, характеризуя отношенія нашего поэта къ Шекспиру, высказалъ, что «Анджело» несомнѣнно обладаетъ многими существенными достоинствами: «помимо художественной простоты разсказа и прекраснаго стиха, Пушкинъ былъ сильно заинтересованъ психологической проблемой, заключающейся въ характерѣ Анджело... Разматриваемый, какъ психологическій этюдъ, «Анджело» окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, а мастерской переводъ нѣсколькихъ сценъ показываетъ, что мы лишились въ Пушкинѣ великаго переводчика Шекспира»⁴⁾.

Подробный и интересный этюдъ объ «Анджело» далъ П. И. Черныевымъ въ книгѣ: «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьк. 1900, стр. 144—232 и 365—375.

П. Морозовъ.

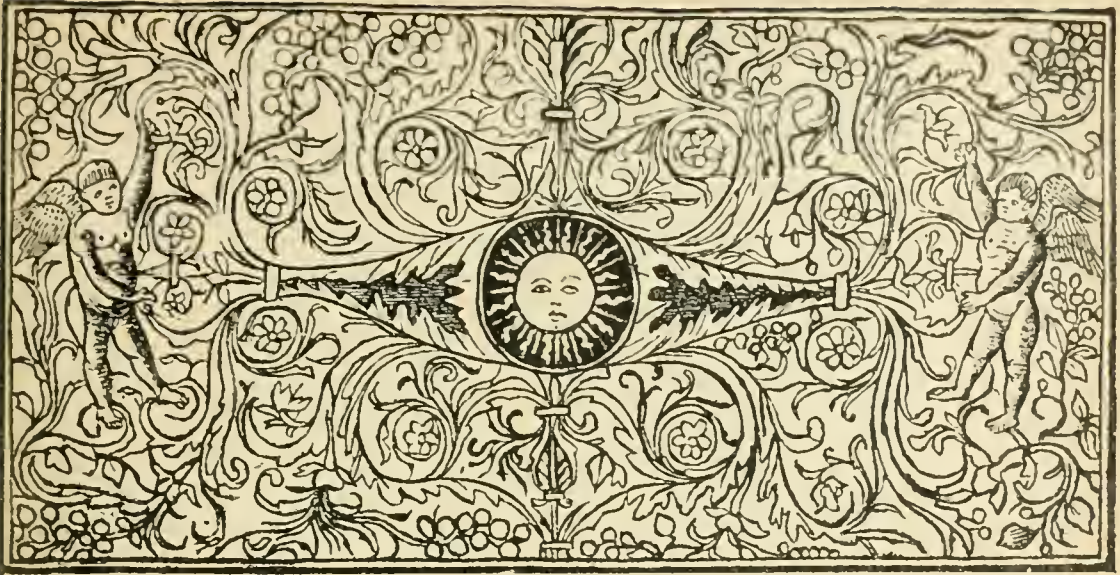
³⁾ Соч. Ап. Григорьева, I, 109, 237.

⁴⁾ Вънокъ на памятникъ Пушкину, Сиб. 1880, стр. 225—226.

Книжный орнаментъ ренессанса.

Книжный орнаментъ риняго ренессанса.

730. А Н Д Ж Е Л О.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италiи счастливой
 Когда-то властвовали предобрый, старшй Дукъ,
 Народа своего отецъ чадолюбивой,
 Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
 Но власть верховная не терпѣла слабыхъ рукъ,
 А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
 Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
 Въ Судѣ его дремала карающй Законъ
 Какъ дряхлый звѣрь уже къ ловитѣ неспособный.
 Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
 И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
 Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были звуки,
 Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
 Что правосудіе сидѣло сложа руки
 И по носу его лѣвивый не шелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаянъ смущенный,
 Хотѣлъ возстановить порядокъ унущенный:
 Но какъ? Зло явное, тершимое давно,
 Молчаніемъ Суда уже дозволено,
 И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
 И странно было бы, тому же особливо,
 Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
 Что дѣлать? долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ,
 Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
 Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя.

Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести и быть бы крутъ и строгъ.

III.

Быль пѣкто Анджело, мужъ опытный, не новыи
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученъ и постѣ,
За правы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградою законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной,
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
Съ пародомъ не простясь, incognito одинъ
Пустился страствовать какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленіе,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движеніе,
Законы поднялись, хватая въ когти зло,
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить хе! хе! да э тотъ ужъ не тотъ.

V.

Между Законами забытыми въ ту пору
Жестокій былъ одинъ: Законъ сей изрекалъ
Предлюбодѣю смерть. Такова приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыжалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложеня
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненя,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобрагилея привычки ужъ въ права,
И шмыгають кругомъ Закона на свободѣ,
Какъ мыши около звѣвющаго льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпичны,
На козмъ наконецъ уже садится птица.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольню дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадилъ,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила
И первый подъ топоръ безпечной головой
Повался Клавдіо, патрицій молодой,
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, сурругу въ свѣтъ представить,
Джюльету пѣжюю усѣль онъ обольстить,
И къ таинствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдствія къ несчастью лвыи стали:
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Оставили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Giorgione.

VI.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенъе,
Съ пошкшею головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣнъе
И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Луціо, гуляка беззаботной,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
Она свастн меня, друзей бы упросила,
Нль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ пей много, Луціо, искусства и ума,
Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость
Къ тому жъ, и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчить сердца людей. — Изволь! поговорю,
Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Пзабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
 Постричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонить и входить. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣрять я что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ)
 Нельзя-ли доложить прекрасной Пзабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ей несчастный братъ?
 — Несчастнѣй?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра. — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ.—За что? За то, за чтобы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему пнаго наказанья.
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготою
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой,
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и глѣва.
 Она чиста была душою какъ Эфиръ.
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетою и праздными рѣчами).
 Теперь, промолвить онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. Боже мой, дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!...
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не стапаетъ силъ...
 Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
 Пастъ неудачею предатели страшатъ,
 И благо вѣрное достать не доущають.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною и проситъ и рыдаетъ,
 Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отироясь у матери честной
 Съ усерднымъ Луціо къ Вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего Намѣстника молила.
 Дѣвица, отвѣчалъ суровый человекъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. Заплакавъ, Пзабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ;
 «Не отступайте такъ, онъ тихо ей сказалъ,
 Просите вновь его; бросайте на колѣни,
 Хватайтеся за плащъ, рыдайте; глезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку.
 Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
 Не отставайте-же! еще!

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Marcò Basaito.

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя Закона.
Повѣрь мнѣ, говорить, ни Царская корона,
Ни мечь Намѣстника, ни бархатъ Судии,
Ни полководца жезлъ—всѣ почести сіи—
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
Какъ Милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
А ты былъ Клавдіо; ты могъ бы пасть какъ онъ,
Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджеоло. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
Оставь меня, прошу, сказалъ онъ тихо ей;
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣе
Была часть отъ часу. Подумай, говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ пасть

Безъ милосердія; скажи: что было-бъ съ нами?
 Подумай—и любви услышишь въ сердцѣ гласъ
 И милость нѣжная твоими дхнеть устами,
 И новый человекъ ты будешь.

XII.

Онъ въ отвѣтъ:
 Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
 Не я, законъ казнить. Спасти нельзя миѣ брата
 И завтра онъ умретъ.

ИЗ АБЕЛА.

Какъ завтра! что? нѣтъ, нѣтъ.
 Онъ не готовъ еще... казнить его не можно...
 Ужели Господу пошлемъ неосторожно
 Мы жертву пѣскоро?... Мы даже и цыплятъ
 Не бьемъ до-времени... Такъ скоро не казнять...
 Спаси, спаси его!... Подумай, въ самомъ дѣлѣ:
 Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
 За преступленіе, которое доселѣ
 Прошлось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умралъ, но былъ лишь въ усыпленьи,
 Теперь проснулся онъ.

ИЗ АБЕЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть то же преступленье,
 Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗ АБЕЛА.

Ты ль первый изречень сей приговоръ ужасной?
 И первой жертвою мой будетъ братъ несчастной.
 Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужели душа твоя
 Совѣмъ безвиная? Спросись у ней: ужели
 И мысли грѣшныя въ ней отроду не тѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
 И прочь иди хотѣлъ. Она: стой, стой!
 Послушай, воротись. Великими дарами
 Я задарю тебя... прими мои дары,
 Они не суетны, но честны и добры,
 И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей въ полунощной тиши,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами святыхъ угодныхъ небу дѣвъ
 Въ уединеніи умершихъ ужь для міра,
 Живыхъ для Господа.

Смущенъ и примирѣвъ,

Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
 И въ отдаленные покои посѣщается.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕИЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Dosso Dossi.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело безмолвный и угрюмой,
Сидѣлъ, уединясь, объять одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронуть сонъ
Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслить онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? Но ей грустить умилно
Душа... или когда святова уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И машетъ онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отроду къ соблазнамъ увлеченъ,

И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человекъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ,
Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ уныиѣ погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его ослѣпила. Правленіе для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Неспособнымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безмысленно дивился,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...

Поутру къ Анджело явилась Изабела
И странный разговоръ съ Намѣстникомъ имѣла

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!...

Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему-же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить? что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убіиство легче.

ИЗАБЕЛА.

Да,

Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположеніе:
Что если бѣ отдали тебѣ на разрѣшеніе
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искинуть его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛА.

Скорѣ чѣмъ душою

Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою

Теперь не о думѣ толкую... дѣло въ томъ:
Братъ осужденъ на казнь; его спасти грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

ИЗABELA.

Предъ Богомъ я готова
 Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакого,
 Повѣрь, и пѣть. Спаси ты брата моего!
 Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасень-ли ты его
 Коль милость на всѣхъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗABELA.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
 (Коль только это грѣхъ). О томъ готова я
 Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Пѣть, выслушай меня,
 Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
 Или понять мени нарочно избѣгаешь,
 Я прощѣ изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗABELA.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно Законъ.

ИЗABELA.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
 (Все это клонится къ тому предположенью,
 И только есть вопросъ и больше ничего.)
 Положимъ: тотъ, кто бь могъ одинъ спасти его
 (Наперсникъ Судии, или самъ по сану властный)
 Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный,
 Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
 И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
 Своимъ паденьемъ; не то—рѣшить Законъ.
 Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗABELA.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
 Повѣрь, какъ яхонты носить рубцы бичей
 И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
 Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умереть.

ИЗABELA.

Такъ что-же?

Опъ лучшій путь себѣ конечно избереть.
 Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
 Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что-жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
 Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
 Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сей часъ
 Ты праведный Законъ тираномъ называла,
 А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗABELLA.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противурѣчила я милое спасая,
И невинное притворно извиняя
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаемъ ободренъ.
Такъ женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗABELLA.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поименно: люблю тебя.

ИЗABELLA.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умретъ, несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗABELLA.

Знаю: властный
Несытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Итъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отойдешь;
Клянуся честію.

ИЗABELLA.

О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ! Демонъ лести
Сей часъ мнѣ Клавдію свободу подними,
Или поступишь твой и черноту души
Я всюду разглашу—и полно лицемѣрничь
Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?
Но строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветою.
Теперь я волю дамъ стремленію страстей.
Подумай и смиришь предъ волею моею;
Брось эти глупости: и слезы, и мольбы,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣхъ брата не спасешь. Покорностью одной
Покупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю петлю твою низвергнетъ дождь мов.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Боттичелли.

IV.

Сказаль, и вышель вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ свѣшеть она въ темницу.
Дверь отворилась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпляхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ старалась не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ и съ нимъ въ плащѣ
широкомъ
Поль чернымъ куколемъ съ Распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.

Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
 Что смерть и бытіе равны одна другому,
 Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа
 И что полудинный міръ не стоитъ ни гроша. —
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
 Отшельница вошла: миръ вамъ!—очнулся онъ
 И смотритъ на сестру, мгновенно оживлёнъ.
 Отецъ мой, говоритъ монаху Пзабела,
 Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.
 Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,
 Что скажешь?

ПЗАБЕЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ ибѣтъ спасенья?

ПЗАБЕЛА.

Ибѣтъ, нль развѣ неплатиться

Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ПЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
 Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
 Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ПЗАБЕЛА.

Тюрьма—хоть безъ оградъ,

Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъянись, что жъ это?

ПЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,

Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ,
 Семь, восемь лѣтъ ужъ тебѣ дороже
 Всегдашней чести? Братъ, бойшься-ль умереть?
 Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
 Раздавленный червякъ при смерти терпѣть тоже,
 Что терпѣть великаго.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?

Или идти на смерть во мнѣ не станеть силы?
 Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
 Коль долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
 Какъ дѣву милую.

ПЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;

Изъ гроба слышу я отцевскій голосъ. Точно:
 Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
 Послушай, ничего тебѣ не утаю:

Тотъ грозный Судія, святоша тотъ жестокой,
 Чьи взоры строгіе во вѣхъ радятъ боязнь,
 Чья избранныя рѣчь шлетъ отроковъ на казнь,
 Самъ Демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
 И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛА.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
 Знай: если бъ я его безстыдное желанье
 Рѣшила съ утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛА.

На гнустное свиданье,

Сказалъ онъ, пынче въ ночь должна я посвѣшить,
 Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАБЕЛА.

Братъ милой!

Богъ видитъ: ежели одной моею могой
 Могла бы я тебя отъ казни искупить,
 Не стала бъ болѣе иголки дорожить
 Я жизнию моею.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милой!

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой,
 Иль въ этомъ нѣтъ грѣха, иль изъ семи грѣховъ
 Грѣхъ это меньшій... Какъ?... Такого прегрѣшенья
 Тамъ вѣрно не казнятъ. Для одного мгновенья
 Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?
 Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.

Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ!

КЛАВДІО.

Такъ—однако жъ . умереть,
 Ити невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть
 Въ холодной тѣспотѣ... Увы! земля прекрасна
 И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую меду,
 Стремлявъ низвергнуться въ кивящую смолу,
 Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
 Посытяться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ. .
 И все, что грежится отчаянной мечтѣй...
 Нѣтъ, нѣтъ! земная жизнь въ болѣзни, въ нищетѣ,
 Въ печаляхъ, въ старости, въ неволѣ,—будетъ раемъ
 Въ сравненіи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ!

ИЗABELA.

О Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

ИЗABELA.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!... кровосмѣнитель! иѣтъ,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Мои отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Иѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь—ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, стой, стой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой
Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего наеплу охладѣла,
И брата бѣднаго простила, и опять
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Филиппино Липпи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
 И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
 Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
 Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
 Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
 И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
 Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
 И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
 Палаты, площади, монастыри, больницы,
 Развратные дома, театры и темницы.
 Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
 Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
 Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
 Младой отшельницы поделуналъ весь рзсказъ,
 Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ

Не только наказать жестокость и обиду,
 Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
 Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
 Я слышала все, сказала, ты похвалы достойна
 Своей долгу исполнила ты свято; но теперь
 Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь
 Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположеніе
 И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело
 Угрюмой, злой души печальное зеркало,
 Желанія женскія навѣки привязало
 И вѣжной красотѣ поправиться могло?
 Не чудно ли? По такъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ—былъ любимъ
 Душою вѣжною, печальною и смиренною,
 Душою отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летуныя легковѣрла,
 Младой его жены молва не пощадилла,
 Безъ доказательства насмѣшливо коря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненіе,
 Штъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнне
 Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстіи, печально пзнывая.
 Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
 По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подь окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ Ангель, Изабела
 Предъ ней печально явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
 Марьяна, только лишь настанеть ночи мгла,
 Къ палатамъ Анджело идти должна была,
 Въ саду съ нимъ встрѣтиться подь каменной оградой
 И наградить его условленною наградой.
 Чуть вятнымъ попотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то: *теперь о братъ не забудь.*
 Марьяна блѣдная сквозь слезы улыбалась
 Готовилась трюжа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь, въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
 И сидъ съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
 Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела.
 Всешло какъ надобно: сей часъ у ней сидѣла
 Марьяна блѣдная, съ усѣхомъ возвратясь,
 И мужа обманувъ, Девница знаясь—
 Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
 Начальнику тюрьмы. Читають: что жъ? Намѣстникъ

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Sebastiano del Piombo.

Немедля узника приказывагь казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю — Дукъ представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджели отпавить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
А самъ отпавился, дабы вельможу злова
Столь гнусныя дѣла творящаго во тѣмѣ
Предъ свѣтомъ облачить.

VI.

Едва молва певнятно

О казни Клавдіо усѣбла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджели смущенный,

Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣпенный,
 Туда же послѣшилъ. Улыбкой доброй Дукъ
 Привѣтствуетъ народъ, тѣсящійся вокругъ
 И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
 И вдругъ раздался крикъ и—прямо въ ноги Дуку
 Дѣвица падаетъ. Помилуй, Государь!
 Ты щить невинности, ты милости алтарь,
 Помилуй!...—Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
 И взоры дикіе на Изабелу мететъ...
 По побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
 Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
 Приговореннаго на смерть. Сія утрата
 Въ ней разумъ потрясла...

По обнаруживъ гибль
 И долго скрытое въ душѣ негодование,
 «Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
 Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
 Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
 И бѣдный Клавдіо. Злодѣи, увидя ихъ
 Затрепеталъ, челомъ пошкунулъ и утихъ:
 Все объяснилось, и правда изъ тумана
 Возникла; Дукъ тогда: что Анджело скажи,
 Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
 Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: казни!
 И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
 Вести меня на смерть.

Иди, сказалъ властитель,
 Да гибнетъ судія-торгашъ и оболъститель;
 Но бѣдная жена къ ногамъ его унавь,
 Помилуй, молвила, ты, мужа мнѣ отдавь,
 Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
 Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
 Ей Дукъ отвѣтствуетъ, но о твоей судьбѣ
 Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
 Его сокровища, и будешь ты награда
 Супругу лучшему.—Мнѣ лучшаго не надо.
 Помилуй, Государь! не будь неумолимъ,
 Твоя рука меня соединила съ нимъ!
 Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
 Онъ челявѣчеству свою принесъ лишь дань.
 Сестра! спаси меня! другъ мнѣ Изабела!
 Проси ты за него, хоть на колѣни стань,
 Хоть руки подыми ты молча.

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ ангель, пожалѣла
 И предъ Властителемъ колѣна преклоня,
 Помилуй, Государь! сказала. За меня
 Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
 И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
 Покаместъ на меня очей не устремилъ.
 Прости же ты его!

И Дукъ его простилъ.

ПОЛЬСКІЙ ВОЕВОДА.

Картина Матейки.

731. ВОЕВОДА.

Поздно ночью из похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велить молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потушилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усы...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ:
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!»
«А зачѣмъ ибѣть у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!... Дай ружье:
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... я жъ ер!»

Наня и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужична передъ ней.

Говоритъ онъ: «Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлоі груди воздыханье,
Ибжной руки пожиманье,
Воевода все вушилъ.

Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.

Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
Серебромъ лишь побридалъ онъ,
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку ибжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядитъ,
Ружья на землю опустили.
Но патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

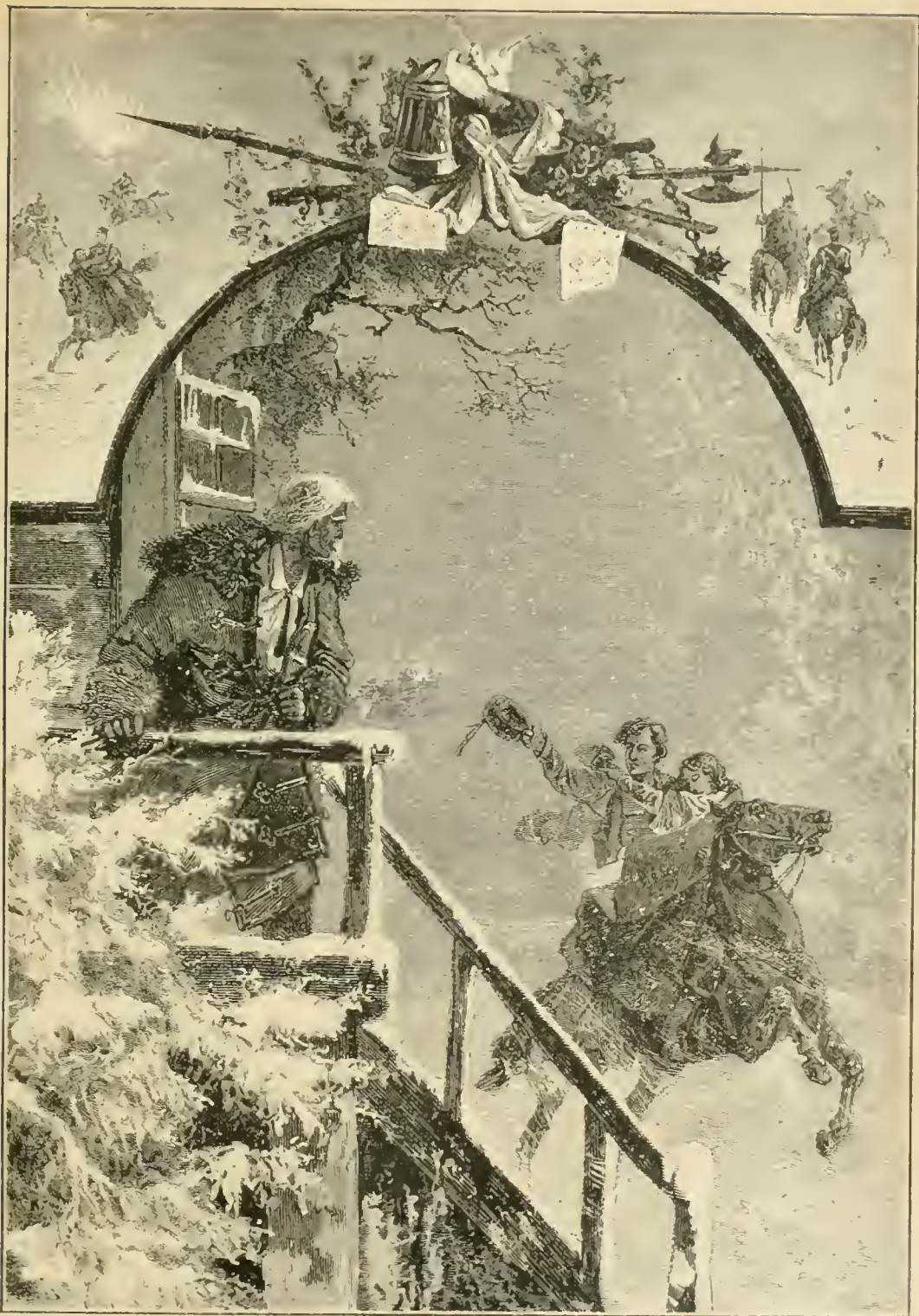
Подступили осторожно,
«Наня мой, цѣлить мнѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ ибтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тихе ты, гайдуцье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сынъ на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣ... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потихе;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему поизля.

732. БУДРЫСЬ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
 Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
 Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
 Да точите мечи съ бердышами.
 Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
 Три замышлены въ Вильнѣ похода.
 Назъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
 А на Русскихъ Кестутъ Воевода.
 Люди вы молодые, силачи удалые
 (Да хранить васъ Литовскіе боги!),
 Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
 Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.
 «Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
 Поживится отъ Русскихъ добычей.
 Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ
 нарядахъ;
 Дома полны; богатъ ихъ обычай.
 А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаконъ,
 Можетъ много достать дорогаго,
 Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта.—
 Янтара—что песку тамъ морскаго.
 Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха:
 Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
 Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
 Привезетъ онъ мнѣ на домъ нефетку.
 Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы:
 Весела—что котенокъ у печки—
 И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;
 Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!
 Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу сѣзидилъ я тоже
 И оттуда привезъ себѣ жонку;
 Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
 Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.
 Сыновья съ нимъ простилсъ и въ дорогу пустилсъ.
 Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
 Дни за днями проводить, ни одинъ не приходитъ.
 Будрысь думалъ: ужъ видно убиты!
 Свѣтъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
 И подъ буркою ноша большая.
 «Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?»
 — «Нѣтъ, отецъ мой, полничка младая».
 Свѣтъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
 Черной буркой ее покрывая.
 «Что подъ буркой такое? не сукно ли цвѣтное?»
 — «Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая».
 Свѣтъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
 Черной буркой ее прикрываетъ.
 Старый Будрысь хлопочетъ, и спроситъ ужъ не мочетъ,
 А гостей на три свадьбы сзываетъ.

БУДРЫСЬ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Рисунок Ш. Каразина.

МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

I.

ИДЕЯ ПОВѢСТИ.

1.

Первое, что поражаетъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ», это—несоотвѣстiе между фабулой повѣсти и ея содержанiемъ.

Въ повѣсти разсказывается о бѣдномъ, ничтожномъ петербургскомъ чиновникѣ, какомъ-то Еягенiи, не умномъ, не оригинальномъ, ничѣмъ не отличающемся отъ своихъ собратiй, который былъ влюбленъ въ какую-то Парашу, дочь вдовы, живущей у взморья. Наводненiе 1824 г. снесло ихъ домъ; вдова и Параша погибли. Еягенiи не перенесъ этого несчастiя и сошелъ съ ума. Однажды ночью, проходя мимо памятника Петру I, Еягенiи, въ своемъ безумiи, прошепталъ ему нѣсколько злобныхъ словъ, видя въ немъ виновника своихъ бѣдствiй. Разстроенному воображенiю Еягенiи представилось, что мѣдный всадникъ разгнѣвался на него за это и погнался за нимъ на своемъ бронзовомъ конѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того безумецъ умеръ.

Но съ этой несложной исторiей любви и горя бѣднаго чиновника связаны подробности и дѣльные эпизоды, казалось бы вовсе ей несоотвѣтствующiе. Прежде всего ей предпослано обширное «Вступленiе», которое воспоминаетъ основанiе Петромъ Великимъ Петербурга и даетъ, въ рядѣ картинъ, весь обликъ этого «творенiя Петра». Затѣмъ, въ самой повѣсти, кумиръ Петра Великаго оказывается какъ бы вторымъ дѣйствующимъ лицомъ. Поэтъ очень неохотно и скупо говоритъ о Еягенiи и Парашѣ, но много и съ увлеченiемъ о Петрѣ и его подвигѣ. Преслѣдованiе Еягенiи мѣднымъ всадникомъ изображено не столько какъ бредъ сумасшедшаго, сколько какъ реальный фактъ, и, такимъ образомъ, въ повѣсть введенъ элементъ сверхъестественнаго. Наконецъ, отдѣльныя сцены повѣсти разсказаны тономъ приподнятымъ и торжественнымъ, дающимъ понять, что рѣчь идетъ о чѣмъ-то исключительно важномъ.

Все это заставило критику, съ ея пер-

выхъ шаговъ, искать въ «Мѣдномъ Всадникѣ» второго, внутренняго смысла, видѣть въ образахъ Еягенiи и Петра воплощенiя, символы двухъ началъ. Было предложено много разнообразнѣйшихъ толкованiй повѣсти, но все ихъ, какъ намъ кажется, можно свести къ тремъ типамъ.

Одни, въ ихъ числѣ Бѣлинскiй, видѣли смыслъ повѣсти въ сопоставленiи коллективной воли и воли единичной, личности и неизбежнаго хода исторiи. Для нихъ представителемъ коллективной воли былъ Петръ, воплощенiемъ личнаго, индивидуальнаго начала—Еягенiи. «Въ этой поэмѣ,—писалъ Бѣлинскiй,—видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вълѣдствiе избранiя мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей... И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствiя къ страданiю этого частнаго... При взглядѣ на великана, гордо и непоколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенiя и какъ бы символически осуществляющаго собою несокрушимость его творенiя, мы хотя и не безъ содроганiя сердца, но сознаемъ, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивъ участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданiе... Эта поэма—апофеозъ Петра Великаго, самая смѣлая, какая могла только прийти въ голову поэту, инокѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя». Съ этой точки зрѣнiя, изъ двухъ столкнувшихся силъ, правъ представитель «исторической необходимости», Петръ.

Другiе, мысль которыхъ всѣхъ отчетливѣе выразилъ Д. Мережковскiй, видѣли въ двухъ герояхъ «Мѣднаго Всадника» представителей двухъ извѣстныхъ силъ, борющихся въ европейской цивилизацiи: язычества и христанства, отреченiя отъ своего и въ Богѣ и обожествленiя своего

и въ героизмѣ. Для нихъ Петръ былъ выразителемъ личнаго начала, героизма, а Евгеній—выразителемъ начала безличнаго, коллективной воли. «Здѣсь (въ «Мѣдномъ Всадникѣ»),— пишетъ Мережковскій,—ибычая прелезноложность духъ героическ, духъ началъ:—Тазита и Галуба, стараго Цыгана и Алек, Татьяны и Онѣгина... Съ одной стороны, малое счастье малаго, педѣдомаго коломенскаго чиновника, напоминающаго смиренныхъ героевъ Достоевскаго и Гоголя, съ другой—сверхчеловѣческое видѣнiе героя... Какое дѣло гиганту до гибели педѣдомыхъ? Не для того ли рождаются безчисленные, равные, лишние, чтобы по востанъ ихъ великіе избранники шли къ своимъ дѣламъ?... Но что если въ слабомъ сердцѣ ничтожнѣйшаго изъ ничтожныхъ, «дрожашей твари», вышедшей изъ праха, въ простой любви его откроется бездна, не меньшая той, изъ которой родилась воля героя? Что если червь земли возмутится противъ своего бога?... Вызовъ брошенъ. Судь малаго надъ великимъ произнесенъ: «Добро, строитель чудотворный!.. Ужо тебѣ!» Вызовъ брошенъ, и спокойствие горделиваго пестукана нарушено... Мѣдный Всадникъ пресѣдуетъ безумца... Но вѣщій бредъ безумца, слабый шопотъ его возмущенной совѣсти уже не умолкнетъ, не будетъ заглушенъ подобнымъ грому грохотаньемъ, тяжелымъ тономъ «Мѣднаго Всадника». Съ своей точки зрѣнiя Мережковскій оправдываетъ Евгенія, оправдываетъ мятежъ «малыхъ», «ничтожныхъ», возстаніе христіанства на идеалы язычества. Третья, наконецъ, видѣли въ Петрѣ воплощеніе самодержавія, а въ «злобномъ» шопотѣ Евгенія—мятежъ противъ деспотизма.

Новое обоснованіе такому пониманію «Мѣднаго Всадника» далъ недавно проф. І. Третьякъ *), показавшій зависимость шопотѣ Пушкина отъ сатиръ Мицкевича («Ustęp»). Сатиры Мицкевича появились въ 1832 году и тогда же стали извѣстны Пушкину. Въ бумагахъ Пушкина нашлись собственноручно сдѣланные имъ списки ифсволькихъ стихотвореній изъ этихъ сатиръ **). Цѣлый рядъ стиховъ «Мѣднаго Всадника» объясняется то распротране-

нiемъ стиховъ Мицкевича, то какъ бы отвѣтомъ на нихъ. Мицкевичъ изобразилъ сѣверную столицу елишкомъ мрачными красками; Пушкинъ отвѣтилъ энологіей Петербурга. Сопоствая «Мѣднаго Всадника» съ сатирой Мицкевича «Oleszkiewicz», видимъ, что онъ имѣетъ съ ней общую тему,—наводненіе 1824 г., и общую мысль: что за проступки правителей несуть наказаніе глабые и невинные подданные. Если сопоствить «Мѣднаго Всадника» со стихами Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», мы найдемъ еще болѣе важное сходство: у Мицкевича «шопотъ русскаго народа, славный пѣснями на цѣлой полночи» (т. е. самъ Пушкинъ), влѣпимъ памятникъ названіемъ «каскадъ тиранства»; въ «Мѣдномъ Всадникѣ» герой шопотѣ кличетъ тотъ же памятникъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Мѣдному Всаднику» дважды упомянуто имя Мицкевича и его сатиры, причѣмъ «Oleszkiewicz» названъ однимъ изъ лучшихъ его стихотвореній. Съ другой стороны, и Мицкевичъ, въ своихъ сатирахъ, ифссколько разъ опредѣленно намекаетъ на Пушкина, какъ бы вызывая его на отвѣтъ.

Проф. Третьякъ полагаетъ, что въ сатирахъ Мицкевича Пушкинъ услышалъ обвиненіе въ измѣнѣ тѣмъ «вольнлюбивымъ» идеаламъ молодости, которыми онъ когда-то дѣлился съ польскимъ поэтомъ. Упрекъ Мицкевича, въ его стихахъ «Do przyjaciół Moskali», обращенный къ тѣмъ, кто «подкупленнымъ языкомъ славить торжество царя и радуется музамъ своимъ пріятелей», Пушкинъ долженъ былъ отнестись и къ себѣ. Пушкинъ не могъ смолчать на подобный укоръ и не захотѣлъ отвѣтить великому противнику тономъ оффиціально-патріотическихъ стихотвореній. Въ истинно-художественномъ созданіи, въ величавыхъ образахъ высказалъ онъ все то, что думалъ о русскомъ самодержавіи и его значеніи. Такъ возникъ «Мѣдный Всадникъ».

Что же гласитъ этотъ отвѣтъ Пушкина Мицкевичу? Проф. Третьякъ полагаетъ, что какъ въ стихахъ Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», такъ и въ «петербургской повѣсти» Пушкина—европейскій индивидуализмъ вступаетъ въ борьбу съ азіатской идеей государства въ Россіи. Мицкевичъ предсказываетъ побѣду индивидуализма, и Пушкинъ—его полное поразеніе. П отвѣтъ Пушкина проф. Третьякъ иштаетъ пере-сказать въ такихъ словахъ: «Правда, я былъ и остаюсь провозвѣстителемъ шоп-

* Józef Tretjak, Mickiewicz i Puszkini. Warszawa, 1906. Мы пользовались изложеніемъ г. С. Брицковскаго. («Пушкинъ и его современники», вып. VII).

**) Московскій Румицовскій музей. Тетрадь № 2373.

боды, врагомъ эиранинъ, но не явился ли бы я сумасшедшимъ, выступая на открытую борьбу съ послѣдней? Желая жить въ Россіи, необходимо подчиниться всемогущей идеѣ государства, иначе она будетъ меня преслѣдовать, какъ безумнаго Евгѣнія».

Таковы три типа толкованій «Мѣднаго Веадика».

Намъ кажется, что послѣднее изъ нихъ, которое видить въ Петрѣ воплощеніе самодержавія, должно быть, всего ближе къ подлинному замыслу Пушкина. Пушкину не свойственно было олицетворять въ своихъ созданіяхъ такіа отвлеченныя идеи, какъ «язычество» и «христіанство» или «историческая необходимость» и «сущая индивидуальностей». Но, живя послѣдніе годы

Въ тревогѣ нестрой и безплодной
Большаго свѣта и цвора,

онъ не могъ не задумываться надъ значеніемъ самодержавія для Россіи. На тѣ же мысли должны были его навести усердныя его занятія русской исторіей и особенно исторіей Петра Великаго. Убѣдительными кажутся намъ и доводы проф. Третьяка о связи между «Мѣднымъ Веадикомъ» и сатирами Мицкевича. Впрочемъ, и помимо этихъ сатиръ Пушкинъ не могъ не знать, что его сближеніе съ дворомъ многими, и даже нѣкоторыми изъ его друзей, неохотно вываается, какъ измѣна идеаламъ его юности. Еще въ 1828 году Пушкинъ пишетъ нужнымъ отвѣчать на такіа упрёки станами:

Нѣтъ, я не лстець, когда царю
Хвалу свободую слагваю...

Кромѣ того, пониманіе Петра въ «Мѣдномъ Веадикѣ», какъ воплощенія, какъ символа самодержавія, до нѣкоторой степени включаетъ въ себя и другія толкованія повѣсти. Русское самодержавіе возникло въ силу «исторической необходимости». Къ самодержавію царей московскихъ съ неизбежносно вель весь ходъ развитія русской исторіи. Въ то же время самодержавіе всегда было и обожествленіемъ личности. Петра Великаго Ломоносовъ открыто сравнивалъ съ Богомъ. Богомъ называли современники еще Александра I. Митезъ личности противъ самодержавія невольно становится митезомъ противъ «исторической необходимости» и противъ «обоожествленія личности».

Но, присоединяясь въ основнымъ взглядамъ проф. Третьяка, мы рѣшительно не принимаемъ его выводовъ. Видя вмѣстѣ

съ нимъ въ «Мѣдномъ Веадикѣ» отвѣтъ Пушкина на упрёки Мицкевича, мы понимаемъ этотъ отвѣтъ иначе. Мы полагаемъ, что самъ Пушкинъ впагаль въ свое созданіе совершенно не тотъ смыслъ, какой хотягъ въ немъ прочесть.

2.

Если присмотрѣться къ характеристикамъ двухъ героевъ «Мѣднаго Веадика», станетъ явнымъ, что Пушкинъ стремился всѣми средствами сдѣлать одного изъ нихъ,— Петра—сколько возможно болѣе «великимъ», а другога—Евгѣнія—сколько возможно болѣе «малымъ», «ничтожнымъ». «Великій Петръ», по замыслу поэта, долженъ былъ стать олицетвореніемъ мощи самодержавія въ ея крайнемъ проявленіи; «бѣдный Евгѣній» — воплощеніемъ крайняго безспія обособленной, незначительной личности.

Петръ Великій принадлежалъ къ числу любимѣйшихъ героевъ Пушкина. Пушкинъ внимательно изучалъ Петра, много объ немъ думалъ, посвящая ему восторженныя строфы, вводилъ его, какъ дѣйствующее лицо, въ цѣлыя эпохи, въ концѣ жизни началъ работать надъ обширной «Исторіей Петра Великаго». Во всѣхъ этихъ изысканіяхъ Петръ представлялся Пушкину существомъ исключительнымъ, какъ бы превышающимъ человѣческіе размѣры. «Геній Петра вырывался за предѣлы своего пѣка»,— писалъ Пушкинъ въ своихъ «Историческихъ замѣчаніяхъ» 1822 г. Въ «Пирѣ Петра Великаго» Петръ названъ «чудотворцемъ-исполномъ». Въ «Стансахъ» его душѣ придагъ эпитетъ «всеобъемлющей». На поляхъ Полтавы Петръ—

Могущъ и радостенъ какъ богъ.

.....
..... Двѣ его ужасень...

Онъ весь какъ Божія гроза.

Въ «Масѣ Родословной» одаренъ силой почти сверхъестественной тотъ,

Кѣмъ наша двинулась земля,

Кто придагъ мощно бѣгъ державныи

Кормъ родного корабля.

Однако, Пушкинъ всегда видѣлъ въ Петрѣ и крайнее проявленіе самовластиа, граничащее съ деспотизмомъ. «Петръ I презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ», писалъ Пушкинъ въ «Историческихъ замѣчаніяхъ».

Тутъ же добавлено, что при Петрѣ Великомъ въ Россіи была «всеобщее рабство и безмолвное повиновеніе». «Петръ Великій одновременно Робеспьеръ и Наполеонъ, воплощенная революція», писалъ Пушкинъ въ 1831 г. Въ «Матеріалахъ для исторіи Петра Великаго» Пушкинъ на каждомъ шагѣ называетъ указы Петра то «жестокиимъ», то «варварскимъ», то «тиранскимъ». Въ тѣхъ же «Матеріалахъ» читаемъ: «Сенатъ и Синодъ подносятъ ему титулъ: Отца Отечества, Всероссийскаго Императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ ихъ». Вообще, въ этихъ «Матеріалахъ» Пушкинъ, упоминая было о тѣхъ учрежденіяхъ Петра, которыя суть «плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости»,— усердно выписываетъ тѣ его указы, по поводу которыхъ ему приходится говорить о «своевольствѣ и варварствѣ», о «несправедливости и жестокости», о «произволѣи самодержца».

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» тѣ же черты, мощи и самовластія, въ образѣ Петра доведены до послѣднихъ предѣловъ.

Открывается повѣсть образомъ пластелина, который въ суровой пустынѣ задумываетъ свою борьбу со стихіями и съ людьми. Онъ хочетъ безлюдный край обратить въ «красу и диво полнощныхъ странъ», изъ тонн болотъ воздвигнуть вышнюю столицу, и въ то же время для своего полуазиатскаго народа «въ Европу прорубить окно». Въ первыхъ стихахъ пѣтъ даже имени Петра, сказано просто:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Олень, думъ великихъ полнъ¹.

Петръ не произноситъ ни слова, онъ только думаетъ свои думы,—и вотъ, словно чудомъ, возникаетъ

юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы льбовъ изъ тоннъ быть.

Пушкинъ усиливаетъ впечатлѣніе чудеснаго, дѣлая рядъ параллелей того, что было и что стало:

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пастышокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ

¹ Въ первоначальномъ вариантѣ «Вступленія» читаемъ:

На берегу Варяжскихъ волнъ
Стоялъ, задумавшись глубоко,
Великій Петръ. Претъ ширъ широко... и т. д.

Бросать въ невѣдомыя воды
Свои пегхій пеньюкъ, шивъ тамъ,
По ожженнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣшатся
Дюрцовъ и башенъ: корабли
Голной со шельхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся
Въ гранитъ области Нева;
Мосты пошли пать водами;
Темнозеленыя садами
Ея покрылись острова.

Въ одномъ черновомъ наброскѣ этихъ стиховъ, послѣ словъ о «финскіимъ рыболовѣ», есть у Пушкина еще болѣе характерное восклицаніе:

... думъ Петровъ
Сопротивленіе природы!²)

Съ этими словами надо сблизить то мѣсто въ повѣсти «Аранъ Петра Великаго», гдѣ описывается Петербургъ времянъ Петра. «Ибрагимъ,—разсказываетъ Пушкинъ,—гдѣ любовитствомъ смотрѣлъ на поворожденную столицу, которая подымалась изъ болотъ по маію самодержавія. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду явили побѣду человеческой воли надъ сопротивленіемъ стихіи». Очевидно, и въ стихахъ «Мѣднаго Всадника» Пушкинъ первоначально хотѣлъ повторить мысль о побѣдѣ надъ «сопротивленіемъ стихіи»—человѣческой, державной воли.

«Вступленіе», послѣ картины сиренава Пушкину Петербурга, прямо названнаго «твореніемъ Петра», заканчивается торжественнымъ призывомъ къ стихіямъ—примириться со своимъ поражениемъ и со своимъ плѣномъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стои
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія!
Вражду и плѣнь старшины свои
Пусть волны финскія забудутъ...

Но Пушкинъ чувствовалъ, что историческій Петръ, какъ ни преувеличивать его обаяніе, все же останется только человѣкомъ. Порою изъ-подъ облика полу-бога будетъ неизбежно выстунать обликъ просто человека высокаго роста, въ зеленатъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту,

² Въ цитатѣ, какъ эта, такъ предыдущей и послѣдующей, основаны на самостоятельномъ изложеніи авторомъ этой статьи рукописей Пушкина.

который, облокотясь на стoль, читаетъ гамбургскія газеты». («Арапъ Петра Великаго»). И вотъ, чтобы сдѣлать своего героя чистымъ воплощеніемъ самодержавной мощи, чтобы и во внѣшнемъ отличить его отъ всѣхъ людей, Пушкинъ переноситъ дѣйствіе своей повѣсти на сто лѣтъ впередъ («Прошло сто лѣтъ...») и замѣняетъ самого Петра—его изваяніемъ, его идеальнымъ образомъ. Герой повѣсти—не тотъ Петръ, который задумывалъ «грозить Шведу» и звать къ себѣ «въ гости всѣ флаги», но «мѣдный всадникъ», «горделивый истуканъ» и прежде всего «кумиръ». Именно «кумиромъ», т. е. чѣмъ-то обожествленнымъ, всего охотѣе и называетъ самъ Пушкинъ памятникъ Петра ¹⁾.

Во всѣхъ сценахъ повѣсти, гдѣ является мѣдный всадникъ, изображенъ онъ какъ существо высшее, не знающее себѣ ничего равнаго. На своемъ бронзовомъ конѣ, онъ всегда стоитъ «въ вышнѣхъ»; онъ одинъ остается спокойнымъ въ часъ всеобщаго бѣдствія, когда кругомъ «все опустѣло», «все побѣжало», все «въ трепетѣ». Когда этотъ мѣдный всадникъ скачетъ, раздается «тяжелый топотъ», подобный «грому грохотабыю», и вся мостовая потрясена этимъ скаканьемъ, которому поэтъ долго выбиралъ подходящее опредѣленіе—«тяжеломѣрное», «далеко-звонкое», «тяжело-звонкое». Говоря объ этомъ кумирѣ, высшемъ надъ огражденною скалою, Пушкинъ, всегда столь сдержанный, не останавливается передъ самыми смѣлыми эпитетами: это—и «властелинъ Судьбы», и «державецъ подуміра», и (въ черновыхъ наброскахъ) «странный Царь», «мощный Царь», «мужъ Судьбы», «владыка подуміра».

Высшей силы это обожествленіе Петра достигаетъ въ тѣхъ стихахъ, гдѣ Пушкинъ, забывъ на время своего Евгенія, самъ задумывается надъ смысломъ подвига, совершеннаго Петромъ:

О, мощный властелинъ Судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездною,
На высотѣ, удой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Образъ Петра преувеличенъ здѣсь до послѣднихъ предѣловъ. Это уже не только побѣдитель стихій, это, вѣстину, «властелинъ Судьбы». Своей «роковой полей» направляетъ онъ жизнь цѣлаго народа.

¹⁾ Выраженіе «памятникъ» не принадлежитъ Пушкину; это поправка Жуковскаго.

Желѣзной удой удерживаетъ онъ Россію на краю бездны, въ которую она уже готова была рухнуть ¹⁾. И самъ поэтъ, охваченный ужасомъ передъ этой сверхчеловѣческой мощью, не умѣетъ отвѣтить себѣ, кто же это передъ нимъ.

Ужасенъ онъ въ окрестной млтѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
.....
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опуститъ ты копыта?

Таковъ первый герой «петербургской повѣсти»: Петръ, мѣдный всадникъ, полубогъ.—Пушкинъ позаботился, чтобы второй герой, «бѣдный, бѣдный мой Евгеній», былъ истинною ему противоположностью.

Въ первоначальномъ наброскѣ «Мѣднаго Всадника» характеристикѣ второго героя было посвящено много мѣста. Какъ извѣстно, отрывокъ, выдѣленный впоследствии въ особое цѣлое подъ заглавіемъ «Родословная моего героя», входилъ сначала въ составъ «петербургской повѣсти», и никто другой, какъ «мой Езерскій», превратился позднѣе въ «бѣднаго Евгенія». Именно, разсказавъ, какъ

изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой,

Пушкинъ сначала продолжалъ:

Такъ будемъ нашего Героя
Мы звать, зѣвъ что мой языкъ
Ужъ къ звуку этому привыкъ.
Начнемъ ab ovo: мой Евгеній
Пронесъ дѣль отъ поколѣній,
Чей держкѣи парусъ средь морей
Былъ ужасомъ минушихъ дней.

Однако, потомъ Пушкинъ пошелъ неувереннымъ разсказывать о предкахъ того героя, который, по замыслу повѣсти, долженъ быть ничтожнѣйшемъ изъ ничтож-

¹⁾ Мы понимаемъ это мѣсто такъ: Россія, стремительно несаясь впередъ по невѣрному пути, готова была рухнуть въ бездну. Ея «сѣдокъ», Петръ, во-время, надъ самой бездною, поднялъ ее на дыбы, и тѣмъ спасъ. Такимъ образомъ, въ этихъ стихахъ мы видимъ оправданіе Петра и его дѣла. Другое пониманіе этихъ стиховъ, толкующее мысль Пушкина какъ упрекъ Петру, который такъ поднялъ на дыбы Россію, что ей осталось «опустить копыта» только въ безднѣ,—важется намъ произвольнымъ. Оумѣтимъ вкратцѣ, что во всѣхъ подлинныхъ рукописяхъ читается «но цѣль на дыбы», а не «вддержуаь на дыбы» какъ до сихъ поръ печаталось и печатается во всѣхъ изданіяхъ.

пыхъ, и не только выдѣлалъ въ отдѣльное произведение всѣ строфы, посвященныя его родословной, но даже лишилъ его «спрозванія» т.-е. фамиліи (въ различныхъ наброскахъ герой «петербургской повѣсти» названъ то «Иванъ Езерскій», то «Зоринъ молодой», то «Рулинъ молодой»). Длинная родословная замѣнилась немногими словами:

Прозванъ намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Онъ, быть можетъ, и блстало...

Не довольствуясь тѣмъ, Пушкинъ постарался совершенно обезличить своего героя. Въ раннихъ редакціяхъ повѣсти, Евгенийъ еще довольно живое лицо. Пушкинъ говоритъ опредѣленно и подробно и о его житейскомъ положеніи, и о его душевной жизни, и о его виѣшнемъ обликѣ. Вотъ нѣсколько такихъ набросковъ:

Онъ былъ чиновникъ небогатый,
Лицомъ немного рябоватый.

Онъ былъ затѣшливъ, небогатъ,
Собою бѣлокуръ...

Онъ былъ чиновникъ очень бѣдный,
Безродной, круглый сирота.

Чиншникъ бѣдный,
Задумчивой, худой и блдный.

Онъ одѣвался перашию,
Всегда бывалъ застегнуть криво
Его зеленый, узкій фракъ.

Какъ всѣ, онъ вѣдь себя не строю,
Какъ всѣ, о деньгахъ думалъ много,
И жуковскій курилъ табакъ,
Какъ всѣ, носилъ мушкетирскій фракъ.

Отъ всего этого, въ окончательной обработкѣ, осталось только свѣдѣніе, что «нашъ герой» — «гдѣ-то служить» и что «былъ онъ бѣденъ».

Характерно также, что первоначальный герой повѣсти представлялся Пушкину лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели позднѣйшій Евгенийъ. Одно время Пушкинъ думалъ даже сдѣлать изъ него, если не поэта, то человѣка какъ-то интересующагося литературой. Въ черновыхъ наброскахъ читаемъ:

Мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любовникъ.

Какъ всѣ, онъ вѣдь себя не строю,
Какъ мы, писалъ стихами много.

Вмѣсто этого, въ окончательной редакціи, Пушкинъ заставляетъ Евгенія мечтать:

Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денесъ...

Гдѣ уже думать о сочинительствѣ человѣку, который самъ сознается, что ему недостаетъ ума!

Точно такъ же, первоначальный герой и на социальной лѣстиницѣ стоялъ гораздо выше Евгенія. Пушкинъ сначала называлъ его своимъ сосѣдомъ и даже говорилъ о его «роскошномъ» кабинетѣ.

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ,
Въ то время, Рулинъ молодой
Сидѣлъ задумчиво...

... въ то время
Домой прѣхалъ мой сосѣдъ,
Вошелъ въ свой мирный кабинетъ¹⁾.

Всѣ эти черты постепенно измѣнялись. «Мирный» кабинетъ былъ замѣненъ «скромнымъ» кабинетомъ; потомъ вмѣсто слова «мой сосѣдъ» появилось описательное выраженіе («въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я»); наконецъ, жилище своего героя Пушкинъ сталъ опредѣлять, какъ «канурка пятаго жилья», «чердакъ», «чуланъ» или словами: «живетъ подъ кровлей». Въ одной черновой сохранилась характерная къ этому отношенію поправка: Пушкинъ зачеркнулъ слова «мой сосѣдъ» и написалъ вмѣсто того «мой чудакъ», а слѣдующій стихъ:

Вошелъ въ свой мирный кабинетъ,

измѣнилъ такъ:

Вошелъ и открылъ свой чердакъ.

Пушкинъ простеръ свою строгость до того, что лишилъ всякихъ индивидуальныхъ чертъ самый этотъ «чердакъ» или «чуланъ». Въ одной изъ раннихъ редакцій читаемъ:

Вдохнувъ, онъ огмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, вѣлывыи чемоданъ,
И столь бумагами покрытый,
И шкапъ, со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ къ порядкѣ все; потомъ,

¹⁾ Что касается отрывка, цитируемаго многими издателями, какъ вариантъ стиховъ «Мѣдный всадникъ»:

Тогда, на каменной площадкѣ
Нескомъ уснанныхъ сѣней,
Взбѣжавъ по ступенямъ отлогимъ
Широкой лѣстницы своей... и т. д.

— то связь этихъ стиховъ съ «петербургской повѣстью» кажется намъ весьма сомнительной.

Дымкомъ своей сигары сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель,
Подъ заслуженную шинель.

Ого всѣмъ этихъ свѣдѣній въ окончатель-
ной редакціи сохранилось только глухое
упоминаніе:

Живеть въ Коломнѣ...

да два сухихъ стиха:

Такъ, домой пришедъ Евгений,
Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ.

Даже въ перебѣленной рукописи, пред-
ставленной на цензуру государю, оставалось
еще подробное описаніе мечтаній Евгенія,
вводившее читателя въ его внутренней міръ
и въ его личную жизнь:

Жениться? Что жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
Себѣ смиреннѣйшій уголокъ,
И въ немъ Парашу успокою,
Кровать, два стула, шей горшокъ,
Да самъ болыной... чего мнѣ болѣ?
Но воскреснымъ дѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ...
И станемъ жить, и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба,
И шуки насъ похоромятъ.

Уже послѣ просмотра рукописи царемъ и
запрещенія ея, Пушкинъ выкинулъ и это
мѣсто, немолимо отымая у своего Евгенія
всѣ личныя особенности, всѣ индивидуаль-
ныя черты, какъ уже раньше отнять у
него «спроважь».

Такимъ второй герой «петербургской
повѣсти» — ничтожный комоменскій чинов-
никъ, «бѣдный Евгений», «гражданинъ сто-
личный»,

Какимъ встрѣчаете вы тѣмъ,
Отъ шухъ несколько не отличныи
Ни по лицу, ни по уму¹.

Въ началѣ «Вступленія» Пушкинъ не
нашелъ нужнымъ назвать по имени сво-
его первого героя, такъ какъ достаточно
о немъ сказать «Онгъ», чтобы стало ясно,
о комъ рѣчь. Введя въ дѣйствіе своего
второго героя, Пушкинъ также не назвалъ
его, находя, что «спроважь» намъ его
не нужно». Изъ всего, что сказано въ по-

вѣсти о Петрѣ Великомъ, нельзя соста-
вить опредѣленнаго облика: все расплы-
вается во что-то громадное, безмѣрное,
«ужасное». Итъ облика и у «бѣднаго»
Евгенія, который теряется въ «брой, без-
различной массѣ ему подобнымъ, «граж-
данъ столичныхъ». Пріемы изображенія
того и другого,—покорителя стихій и ко-
моменскаго чиновника,—сближаются между
собою, потому что оба они—лицетворенія
двухъ крайностей: высшей человѣческой
мощи и предѣльнаго человѣческаго ничто-
жества.

3.

«Вступленіе» повѣсти изображаетъ мо-
гущество самодержавія, горжестнующую
надъ стихіями, и заканчивается гимномъ ему:

Красуется, градъ Петровъ, и стои
Невозможно, какъ Россія!

Дѣлѣ части повѣсти изображаютъ два
мятежа противъ самовластиа: мятежъ сти-
хій и мятежъ человѣка.

Нева, когда-то порабощенная, «взятая
въ плѣнъ» Петромъ, не забыла своей «ста-
риной вражды» и съ «тщетоной злобою»
возстаетъ на порабощителя. «Побѣжденная
стихія» пытается свергнуть свои грани-
чныя оковы и идетъ приступомъ на «строй-
ныя громады дворцовъ и башенъ», воз-
никшихъ по маю самодержавнаго Петра.

Описывая наводненіе, Пушкинъ срав-
ниваетъ его то съ военными дѣйствіями,
то съ нападениемъ разбойниковъ:

Осада! приступъ! Звня волны,
Какъ воры, дзуть въ окна...

—
Такъ злодѣи,

Съ свирѣной шайкою своей,
Въ село порвавшись, ловить, рѣзать,
Крушить и грабить; волнъ, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...

На минуту кажется, что «побѣжденная сти-
хія» торжествуетъ, что за нее сама Судьба.

Народъ

Зритъ Божіи гибель и казни жетъ,
Умы! все гибнетъ...

Даже «спокойный царь», преемникъ онаго
покорителя стихій, приходитъ въ смятеніе
и готовъ признать себя побѣжденнымъ:

На балконѣ,

Печаленъ, смутенъ, шнелъ онъ
И молитъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать».

¹ Въ такой редакціи эти стихи входятъ въ
одну изъ рукописей «Мѣдвѣя Владника».

Однако, среди всеобщаго смущенія, есть Одинъ, кто остается спокоенъ и непоколебимъ. Это Мѣдный Всадникъ, державецъ полуміра, чудотворный строитель этого города. Евгенийъ, верхомъ на мраморномъ львѣ, вперяетъ «отчаянные взоры» въ ту даль, гдѣ, «словно гора», «изъ возмущенной глубины», вегаютъ страшныя волны. —

И обращенъ къ нему синною,
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Цевою,
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ кофѣ.

Въ первоначальномъ наброскѣ этого мѣста у Пушкина было:

И прямо передъ нимъ изъ воды
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ кофѣ,
Невѣ мятеежной ¹⁾ въ тишинѣ
Грозилъ недвижною рукою...

Но Пушкинъ измѣнилъ эти стихи. Мѣдный Всадникъ презираетъ «стщетную злобу» финскихъ волей. Онъ не спускаетъ до того, чтобы грозить «мятежной Невѣ» своей простертою рукою.

Это первое столкновение бѣднаго Евгения и Мѣднаго Всадника. Случай сдѣлалъ такъ, что они остались наединѣ, двое на опустѣлой площади, надъ водою, «завоевавшей все вокругъ», — одинъ на бронзовомъ кофѣ, другой на зѣврѣ каменномъ. Мѣдный Всадникъ съ презрѣніемъ «обращенъ синною» къ ничтожному человѣчку, къ одному изъ безчисленныхъ своихъ подданныхъ, не видить, не замѣчаетъ его. Евгенийъ, хотя его отчаянные взоры и навѣдены недвижно «на край одинъ», не можетъ не видѣть кумира, возникшаго изъ воды «прямо передъ нимъ».

Мѣдный Всадникъ оказывается правъ въ своемъ презрѣніи къ «стщетной злобѣ» стихій. То было просто «наглое буйство», разбойничье нападеніе.

... насытись разрушенемъ
И наглая буйствомъ утомась,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущенемъ
И повидя съ небреженемъ
Свою добычу...
(Такъ) грабежомъ отягощены,
Боясь погожи, утомлены,
Слѣвать разбойники домой,
Добычу по пути роивя.

¹⁾ Вариантъ: «безумной».

Всего черезъ день уже исчезли слѣды недавняго мятеежа.

Утра думъ

Изъ-за усталыхъ бѣвшихъ тучъ
Блещуль надъ гнѣвою столицей,
И не пашель уже слѣтовъ
Бѣды вчерашней...
Въ порядокъ прежній все пошло.

Но мятеежъ стихійъ вызываетъ другой мятеежъ: человѣческой души. Смятенная умъ Евгенийъ не переноситъ «ужасныхъ потрясеній», пережитыхъ имъ, — ужасовъ наводненія и гибели его близкихъ. Онъ сходитъ съ ума, становится чуждымъ свѣту, живетъ, не замѣчая ничего вокругъ, въ мірѣ своихъ думъ, гдѣ постоянно раздается «мятежный шумъ Невы и вѣтровъ». Хотя Пушкинъ и называетъ теперь Евгения «несчастливымъ», но все же дѣтъ поинтъ, что безуміе какъ-то возвысило, облагородило его. Въ большинствѣ редакцій повѣсти Пушкинъ говоритъ о сумасшедшемъ Евгениі —

онъ олушечъ

Былъ чудиной и внутренней тревогой ¹⁾.

И вообще во всѣхъ стихахъ, посвященныхъ «безумному» Евгению, есть особая задумчивость, начинающаяся восклицаніемъ:

Но бѣдный, бѣдный мой Евгенийъ! ²⁾.

Проходитъ годъ, наступаетъ такая же ненастная осенняя ночь, какая была передъ наводненіемъ, раздается кругомъ тотъ же «мятежный шумъ Невы и вѣтровъ», который всечасно звучитъ въ думѣхъ Евгения. Подъ вліяніемъ этого повторенія безумецъ съ особой «живостью» вспоминаетъ все пережитое и тотъ часъ, когда онъ оставался «на площади Петровой» наединѣ съ грознымъ кумиромъ. Это воспоминаніе приводитъ его на ту же площадь; онъ видить и каменнаго льва, на которомъ когда-то сидѣлъ верхомъ, и тѣ же столбы большого, новаго дома и «надъ огражденною скалою»

Кумиръ на бронзовомъ кофѣ.

«Прояснились въ немъ страшно мысли», говоритъ Пушкинъ. Слово «страшно» дѣтъ

¹⁾ Такъ изъясняются эти стихи и въ бѣловой рукописи, представленной на просмотръ государю.

²⁾ Въ одинъ годъ съ «Мѣднымъ Всадникомъ» написаны стихи «Не дѣй мнѣ Богъ сойти съ ума», гдѣ Пушкинъ признается, что и самъ «былъ бы радъ» разстаться съ разумомъ своимъ.

понять, что это «проясненіе» не столько позвать къ здравому сознанію, сколько въ которое прозрѣніе ¹⁾). Евгенийъ въ «кумирѣ» внезапно признаетъ виновника своихъ несчастій,

Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Петръ, спасая Россію, подымая ея на дыбы надъ бездною, ведя ее своей «волей роковой» по имъ избранному пути, основалъ городъ «надъ моремъ», поставилъ башни и дворцы въ топи болотъ. Черезъ это и погибло все счастье, вся жизнь Евгения, и онъ влачитъ свой несчастный вѣкъ полу-человѣкомъ, полу-звѣремъ. А «горделивый истуканъ», подрежнему, стоитъ, какъ кумиръ, въ темной вышинѣ. Тогда въ душѣ безумца рождается мятежъ противъ насилія чужой воли надъ судьбой его жизни. «Какъ обуйанный силой черной», онъ принадлежитъ къ рѣшеткѣ и, стиснувъ зубы, злобно шепчетъ свою угрозу державцу полуміра:

«Добро, строитель чудотворный!
«Ужо тебѣ!»

Пушкинъ не раскрываетъ подробности угрозы Евгения. Мы такъ и не знаемъ, что именно хочетъ сказать безумецъ своимъ «Ужо тебѣ!» Значитъ ли это, что «малые», «ничтожные» сумѣютъ «ужо» отомстить за свое порабощеніе, униженіе «героемъ»? Или это безгласная, безволая Россія подыметъ «ужо» руку на своихъ властителей, тяжко заставляющихъ испытывать свою роковую волю? Отвѣта нѣтъ ²⁾, и самой

¹⁾ «Странно прояснись» — въ окончательной редакціи; въ болѣе раннихъ редакціяхъ: «странно прояснись», что еще успѣваетъ даваемая намъ этому мѣсту смысль.

²⁾ Какъ извѣстно, «Мѣдный Всадникъ» былъ напечатанъ впервые не въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ Пушкинымъ. Это подало поводъ къ легендѣ, будто Пушкинъ вложилъ въ уста Евгения передъ «горделивымъ истуканомъ» какой-то особо рѣзкій монологъ, который не можетъ поминуться въ русской печати. Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива», сообщалъ, какъ фактъ, будто въ чтеніи повѣсти слышалъ Пушкинымъ потрясающее впечатлѣніе произвѣдѣть моголодъ безумца чинювика передъ наминомъ Петра, заключавшій въ себѣ около тридцати стиховъ, въ которыхъ «слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи». Я помню, продолжалъ кн. П. П. Вяземскій, — впечатлѣніе, произведенное имъ на одного изъ слушателей. А. О. Россетти, и мнѣ какъ будто поминетъ, онъ увѣрилъ меня, что слышетъ коиню на будущаго времени». Сообщеніе кн. П. П. Ва-

неопредѣленностью своимъ выраженій Пушкинъ какъ бы говоритъ, что точный смыслъ упрека неваженъ. Важно то, что малый и ничтожный, тотъ, кто недавно сознавался смиренно, что «могъ бы Богъ ему прибавить ума», чьи мечты не шли дальше скромнаго пожеланія: «мѣтечко выпрошу», внезапно почувствовалъ себя равнымъ Мѣдному Всаднику, нашель въ себѣ силы и смѣлость грозить «державцу полуміра».

Характерны выраженія, какими описываетъ Пушкинъ состояніе Евгения въ эту минуту:

Чело

Къ рѣшеткѣ холодной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Векнѣла кровь...

Торжественность тона, обиліе славянизмовъ («чело», «холодной», «пламень») показываютъ, что «черная сила», которой обуйтъ Евгенийъ, заставляетъ относиться къ нему иначе, чѣмъ раньше. Это уже не «нашъ герой», который «живетъ въ Коломенѣ, гдѣ-то служить»; это соперникъ «грознаго Царя», о которомъ должно говорить тѣмъ же языкомъ, какъ и о Петрѣ.

И «кумиръ», остававшійся стоять недвижно надъ возмущенною Невою, «въ колебимой вышинѣ», не можетъ съ тѣмъ же презрѣніемъ относиться къ угрозамъ «бѣднаго безумца». Лицо грознаго Царя возгорается гнѣвомъ; онъ покидаетъ свое гранитное подиожіе и «съ тяжелымъ топотомъ» гонится за бѣднымъ Евгениемъ. Мѣдный Всадникъ преслѣдуетъ безумца, чтобы ужасомъ своей погони, своего «стижело-звонкаго скаканья», заставить его смириться, забыть все, что мелькнуло въ его умѣ въ тотъ часъ, когда «прояснись въ немъ странно мысли».

И во всю ночь, безумецъ бѣднн
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

дечекато должно признать совершенно вѣдомымъ. Въ рукописяхъ Пушкина нигдѣ не сохраняется ничего, кромѣ тѣхъ словъ, которыя читаются теперь въ текстѣ повѣсти. Самое рѣзкое выраженіе, какое вложилъ Пушкинъ въ уста своего героя, это—«Ужо тебѣ!» или «Уже тебѣ!», согласно съ правописаніемъ подлинника. Кромѣ того «ненависть къ европейской цивилизаціи» вовсе не является со себѣю хитрымъ разсказомъ и съ основною идеей повѣсти.

Мѣдный Всадникъ достигаетъ своей цѣли: Евгений смиряется. Второй мятежъ побѣжденъ, какъ и первый. Какъ послѣ буйства Невы, «въ порядокъ прежній все вошло». Евгений снова сталъ ничтожитѣльнѣе изъ ничтожныхъ, и весною его трупъ, какъ трупъ бродяги, рыбаки похоронили на пустынномъ острову, «ради Бога».

4.

Въ первой юности Пушкинъ примыкалъ къ либеральному политическому движению своей эпохи. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими декабристами. «Возмутительные» (по тогдашней терминологіи) стихи были одной изъ главныхъ причинъ его ссылки на Югъ.

Въ сущности, политическіе идеалы Пушкина всегда были умѣренны. Въ самыхъ смѣлыхъ своихъ стихотвореніяхъ, онъ повторялъ неизмѣнно:

Владыки, вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа!

Въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Вольность», «Книжаль», «Андрей Шенъ», Пушкинъ раздастъ самыя неслестныя эпитеты «безславнымъ ударамъ», «преступной вѣкирѣ», «печалью мятежа» (Марать), «аренагу остервенѣлому» (революціонный трибуналъ 1794 г.). Но все таки въ ту эпоху, подъ вліяніемъ общаго броженія, онъ еще готовъ былъ вослѣдовать послѣднѣму судію позора и обиды, карающей книжаль и вѣрить, что надъ «площадью мятежной» можетъ взойти

. . . день великій, невзбѣжный
Свободы яркій день...

Однако въ серединѣ 20-хъ годовъ, еще до событія 14 декабря, въ политическихъ воззрѣніяхъ Пушкина совершился опредѣленный переворотъ. Онъ разочаровался

въ своихъ революціонныхъ идеалахъ. На вопросъ о «свободѣ» онъ началъ сморѣть не столько съ политической, сколько съ философской точки зрѣнія. Онъ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что «свобода» не можетъ быть достигнута насильственнымъ измѣненіемъ политическаго строя, но будетъ слѣдствіемъ духовнаго воспитанія человѣчества¹⁾.

Эти взгляды и положены въ основу «Мѣднаго Всадника».

Пушкинъ выбралъ своимъ героемъ самаго мощнаго изъ всѣхъ самодержцевъ, какіе когда-либо возставали на землѣ. Это—исполнѣнъ-чудотворецъ, полубогъ, повелѣвающей стихіями. Стихійная революція не страшитъ его, онъ ее презираетъ. Но когда возстаетъ на него свободный духъ единичнаго человѣка, «державецъ полуміра» приходитъ въ смятеніе. Онъ покидаетъ свою «огражденную скалу» и всю ночь преслѣдуетъ безумца, только бы своимъ тяжелымъ тономъ заглушить въ немъ мятежъ души.

«Мѣдный Всадникъ», дѣйствительно, отвѣтъ Пушкина на упреки Мицкевича въ измѣнѣ «вольнолюбивымъ» идеаламъ юности. «Да,—какъ бы говорить Пушкинъ,—я не вѣрю больше въ борьбу съ деспотизмомъ силами стихійнаго мятежа: я вижу всю его бесплодность. Но я не измѣнилъ высокимъ идеаламъ свободы. Я, попрежнему, увѣренъ, что не вѣченъ «кумиръ съ мѣдною главой», какъ ни ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ, какъ ни вознесенъ онъ «въ неколебимой вышинѣ». Свобода возникнетъ въ глубинахъ человѣческаго духа, и «огражденная скала» должна будетъ опустѣть».

1) Эволюція воэвѣщескихъ воззрѣній Пушкина, схематически замѣченая нами, болѣе подробно прослѣжена въ статьѣ Александра Слонимскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе» т. II, стр. 303.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СОСТАВ ПОВѢСТИ.

I.

Липенковъ предполагаетъ, что «Мѣд-ный Всадникъ» составлялъ вторую поло-вину большой поэмы, задуманной Пушки-нымъ ранѣе 1833 года и имъ не конченной. Отрывокъ изъ первой половины этой поэмы Липенковъ видитъ въ «Родословной моего героя». Однако, у насъ нѣтъ основаній принять такое предположеніе.

Ни въ бумагахъ Пушкина, ни въ его письмахъ, до 1833 года, нѣтъ никакихъ указаній на задуманную имъ большую по-эму, въ которую «Мѣдный Всадникъ» вхо-дилъ бы какъ часть. Достаточно вѣснѣ доводы позволяютъ думать, что къ работѣ надъ «Мѣднымъ Всадникомъ» толкнули Пушкина сатиры Миллера, съ которыми могъ онъ познакомиться не раньше конца 1832 года ¹⁾. Если и существовалъ у Пуш-кина, раньше 1833 года, замыселъ поэмы, имѣвшей что-то общее съ «Мѣднымъ Всадникомъ», то только въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ съ однимъ изъ набросковъ «Вступленія» Пушкинъ говоритъ, что мысль описать петербургское наводненіе 1824 г. явилась у него подъ впечатлѣніемъ первыхъ разсказовъ объ немъ. Пушкинъ даже намекаетъ, что видѣлъ въ этомъ какъ бы свой долгъ, — долгъ поэта передъ «печаль-ными сердцами» своихъ современниковъ:

Была ужасная пора!
Объ ней имену повѣствованье.
Давно, когда и съ первый разъ
Услышать грустное преданье,

¹⁾ См. предыдущую статью.

Сердца печальныя, для васъ
Тогда же да въ я обѣщанье
Стихамъ повѣрить свой разсказъ.

Что касается «Родословной моего героя» то свидѣтельство рукописей не оставляетъ сомнѣній въ ея происхожденіи. Это — часть «Мѣднаго Всадника», выдѣленная изъ его состава и обработанная какъ отдѣльное цѣлое. Въ первоначальныхъ наброскахъ «родословная моего героя» была именно родословной позднѣйшаго «бѣднаго Евге-нія», но Пушкинъ скоро убѣдился, что эти строфы нарушаютъ стройность повѣсти и исключилъ ихъ. Позднѣе онъ сдѣлалъ изъ нихъ самостоятельное произведеніе, дающее родословную и въ котораго герой, не героя той или иной повѣсти, но «герои» вообще. Кромѣ того «Мѣдный Всадникъ» — созданіе настолько законченное, его идея настолько полно выражена, что никакъ нельзя считать «петербургскую повѣсть» частью какого-то болѣе обширнаго цѣлага.

Написанъ «Мѣдный Всадникъ» въ Бол-дино, гдѣ Пушкинъ, послѣ поѣздки на Уралъ, провелъ около полугора мѣсяца, съ 1 октября 1833 г. по середину ноября. Подъ однимъ изъ первыхъ набросковъ по-вѣсти есть помѣтка: «6 октября»; подъ первымъ спискомъ всей повѣсти: — «30 ок-тября». Такимъ образомъ, все созданіе по-вѣсти заняло меньше мѣсяца.

Можно, однако, не безъ вѣроятности допустить, что мысль написать «Мѣднаго Всадника» возникла у Пушкина раньше его пріѣзда въ Болдино. Вѣроятно, и нѣкоторые наброски уже были сдѣланы въ Петер-бургѣ, — напр., тѣ, которые написаны не

въ тетрадахъ, а на отдѣльныхъ листахъ (таковъ отрывокъ: «Надъ Петербургомъ омраченнымъ»...). У насъ есть свидѣтельство, что по пути на Уралъ Пушкинъ думалъ о наводненіи 1824 г. По поводу сильнаго западнаго вѣтра, застигнаго его въ дорогѣ, онъ писалъ женѣ (21 авг.): «Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? довольно было бы».

Изъ Болдина Пушкинъ почти никому, кромѣ своей жены, не писалъ. Съ женой же о своихъ стихахъ онъ говорилъ только какъ о доходной статьѣ и притомъ непремѣнно тономъ шутки. Поэтому изъ болдинскихъ писемъ Пушкина мы ничего не узнаемъ о ходѣ его работы надъ «петербургской повѣстью». 11 октября онъ сообщалъ: «Я пишу, я въ хлопотахъ». 21 октября: «Я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мной дѣлается. Старамъ стала и умомъ плохамъ». 30 октября: «Недавно расписался и уже написалъ пропастъ». 6 ноября: «Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого, а то альманашники заѣдятъ меня». Самое заглавіе «Мѣднаго всадника» здѣсь не названо, и общій тонъ шутки не позволяетъ отнестись съ довѣріемъ къ признанію Пушкина, будто во время работы надъ повѣстью у него «ни къ чему не было охоты».

Обращаясь къ рукописямъ, мы видимъ, что повѣсть стоила Пушкину громаднаго труда. Каждый ея отрывокъ, каждый ея стихъ, прежде чѣмъ облечься въ свою окончательную форму, являлся въ нѣсколькихъ, — иногда до десяти, — видоизмѣненіяхъ. Изъ первоначальныхъ черновыхъ набросковъ, гдѣ еще недостаетъ многихъ связующихъ частей, Пушкинымъ, въ особой тетради, былъ сдѣланъ первый сводъ всей повѣсти. Этотъ сводъ, помѣченный «30 октября», является второй редакціей повѣсти, такъ какъ въ немъ многое измѣнено, сравнительно съ первыми набросками. Этотъ списокъ покрытъ новыми поправками, дающими третью редакцію. Она дошла до насъ также въ собственноручномъ пушкинскомъ спискѣ, сдѣланномъ для представленія повѣсти государю. Наконецъ, уже въ этомъ бѣловомъ спискѣ (и притомъ по слову запрещенія повѣсти «высочайшей цензурой») Пушкинымъ тоже сдѣланъ рядъ измѣненій, цѣлыя отрывки выкинуты, многія выраже-

нія и цѣлыя стихи замѣнены другими и т. д. Такимъ образомъ, нынѣ печатаемый текстъ надо считать четвертой редакціей повѣсти.

Чтобы дать понятіе о работѣ, затраченной Пушкинымъ на «Мѣднаго всадника», достаточно сказать, что начало первой части извѣстно намъ въ шести, вполне обработанныхъ, редакціяхъ. Уже одна изъ первыхъ кажется настолько законченнымъ созданіемъ, что почти заставляетъ жалѣть о строгости «выскаательнаго» художника, отсутствіаго изъ нея многія черты:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ.
Нева, въ теченіи возмущенномъ,
Шумя, неслась. Угрюмый валъ,
Какъ бы проситедь безпокойныи,
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Широкихъ Невскихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Луны совсѣмъ не видно было.
Огни свѣтились въ домахъ.
На улицѣ взвивался прахъ
И буйный вихоръ вылъ уныло,
Клубя подоль спречь ночныхъ
И задушая часовыхъ.

2.

Фабула «Мѣднаго всадника» принадлежитъ Пушкину, но отдѣльные эпизоды и картины повѣсти созданы не безъ посторонняго вліянія.

Мысль первыхъ стиховъ «Вступленія» заимствована изъ статьи Батюшкова «Прогулка въ Академію Художествъ» (1814). «Воображеніе мое, — пишетъ Батюшковъ, — представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные... Великая мысль родилась въ умѣ великаго человека. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову все художества, все искусства. Здѣсь художества, искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ — и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота». Стихи «Вступленія» повторяютъ нѣкоторые выраженія этого мѣста почти буквально.

Передъ началомъ описанія Петербурга Пушкинъ самъ дѣлаетъ примѣчаніе: «См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З—ой». Въ этомъ стихотвореніи кн. Вяземскаго («Разговоръ 7 Апрѣля 1832 г.»), дѣйстви-

тельно, находимъ нѣсколько строфъ, напоминающихъ описаніе Пушкина:

Я Петербургъ люблю съ его красною стройной
Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
Съ прозрачной ночью—дня соперницей безнойной.
И съ свѣжей зеленью молодыхъ его садовъ... и т. д.

Кромѣ того на описаніи Пушкина сказано вліяніе двухъ сатиръ Мицкевича: «Przedmiescica stolicy» и «Petersburg». Проф. Третьякъ ¹⁾ доказалъ, что Пушкинъ почти шагъ за шагомъ слѣдуетъ за картинами польскаго поэта, отвѣчая на его укеры аналогіей сѣверной столицы. Такъ, напр., Мицкевичъ смѣется надъ тѣмъ, что петербургскіе дома стоятъ за желѣзными рѣшетками; Пушкинъ возражаетъ:

(Люблю)

Твоихъ оградъ узоръ чужбинный.

Мицкевичъ осуждаетъ суровость климата Петербурга; Пушкинъ отвѣчаетъ:

Люблю зимы твоѣи жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ.

Мицкевичъ презрительно отзываясь о сѣверныхъ женщинахъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, румяныхъ какъ раки; Пушкинъ славить—

Дѣвчьи лица ярче розъ

и т. д.

Есть аналогія между изображеніемъ «кумира» въ «Мѣдномъ Всадникѣ» и описаніемъ той же статуи въ сатирѣ Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego».

Образъ оживленной статуи могъ быть внушенъ Пушкину разсказомъ М. Ю. Вельгорскаго о нѣкоемъ чудесномъ снѣ. Въ 1812 г. государь, опасаясь непріятельскаго пашествія, предполагалъ увезти изъ Петербурга памятникъ Петра, но его остановилъ кн. А. И. Голицынъ, сообщивъ, что недавно одинъ майоръ видѣлъ дивный снѣгъ: будто Мѣдный Всадникъ скачетъ по улицамъ Петербурга, подѣзжаетъ ко дворцу и говоритъ государю: «Молодой человекъ! До чего ты довелъ мою Россію! Но покажься я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться». Впрочемъ, тотъ же образъ могъ быть подсказанъ и эпизодомъ со статуей командира въ «Донъ Жуанѣ».

Описаніе наводненія 1824 г. составлено Пушкинымъ по показаніямъ очевидцевъ, такъ какъ самъ онъ его не видалъ. Онъ

былъ тогда въ ссылкѣ, въ Михайловскомъ ²⁾. Бѣлинскій писалъ: «Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя дѣбною жизни готовы бы были кушеть поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшіиися на мысли написать эпическую поэму Потопъ... Тутъ не знаешь, чему больше дивиться, громадной ли грандіозности описанія или его почти прозаической простотѣ, что вмѣстѣ взятое доходитъ до величайшей поэзіи». Однако, самъ Пушкинъ заявилъ въ предисловіи, что «подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ», и прибавилъ: «любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. Н. Берхомъ».

Справляясь съ книгой Берха («Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербурѣ»), приходится признать, что описаніе Пушкина, при всей его яркости, дѣйствительно «заимствовано». Вотъ, напр., что разсказываетъ Берхъ: «Дождь и пронизательный холодный вѣтеръ съ самаго утра наполнили воздухъ сыростью... Съ разсвѣтомъ... толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко подымалась и вѣнястыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега... Необразимое пространство подъ казалося кипищею пучиною... Бѣлая вѣна клубилась надъ водными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ, яростно устремились на берегъ... Люди спасались, какъ могли». И далѣе: «Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи, порасла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и черезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтана въ улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась черезъ края набережныхъ».

Всѣ основныя черты этого описанія повторены Пушкинымъ, частью въ окончательной редакціи повѣсти, частью въ черновыхъ наброскахъ.

²⁾ Получивъ первыя извѣстія о бѣдствіи, Пушкинъ сначала отнесся къ нему подушительно и, въ письмѣ къ брату, допустилъ даже, по поводу наводненія, остроу довольно сомнительнаго достоинства. Однако, узнавъ ближе обстоятельства дѣла, совершенно перемѣнилъ сужденіе и, въ другомъ письмѣ къ брату, писалъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ; онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помоги изъ Оубивскихъ денегъ, но проищи безъ всякаго шума».

¹⁾ См. предыдущую статью. Мы и здѣсь пользуемся изложеніемъ г. С. Бравловскаго.

... дождь унылой
Въ окно стучалъ, и въ теръ виль.

Поутру надъ ея брегами
Тѣснился толпами народъ,
..Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.

Нева бродила, свирѣбля,
Приподымалась и вилъла.
Котломъ клопоча и клубясь,

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури,
И спорить стало ей не въ мочь!
И вотъ отъ ихъ ¹⁾ свирѣбой дурн
Пошла клопоча и клубясь,
И вдругъ, какъ тигръ остервенивъ,
Черезъ жедѣзную ограду
Волнами хлынула по граду.

Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
И вдругъ онуетъ вло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,

Передъ Невою
Народъ бѣжалъ. Навстрѣчу ей
Каналы хлынули; изъ трубъ
Фонтаны брызнули.

Въ первоначальныхъ вариантахъ описанія воспроизвелъ Пушкинъ въ стихахъ и ходившій по городу анекдотъ о гр. В. В. Толстомъ, позднее разказанный кн. П. А. Вяземскимъ ²⁾.

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ вполне имѣлъ право сказать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, сравнивая свое описаніе наводненія съ описаніемъ Мицкевича (у котораго изображенъ вечеръ передъ наводненіемъ): «знаме описаніе и фриѣел...

¹⁾ Не совсемъ понятно, къ чему относится слово «ихъ», какъ дѣль, такъ и въ соответственномъ мѣстѣ окончательной редакціи:

... Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ мощной бури.
Вѣроятно, Пушкинъ имѣлъ въ виду «море» и «бурю», или «вѣтры», о которыхъ сказано дальше:
Но силой вѣтровъ отъ залива

Перегражденная Нева...
Кстати, во всѣхъ изданіяхъ до сихъ поръ печаталось «вѣтра» вмѣсто «вѣтровъ» (какъ читается во всѣхъ рукописяхъ),

²⁾ См. въ Исторіи текста.

3.

По числу стиховъ, «Мѣдный Всадникъ» — одна изъ наиболѣе короткихъ поэмъ Пушкина. Въ немъ, въ окончательной редакціи, всего 464 стиха, тогда какъ въ «Цыганахъ» — 537, въ «Полтавѣ» — около 1500, и даже въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» — около 600. Между тѣмъ замыселъ «Мѣднаго Всадника» чрезвычайно широкъ, едва ли не шире, чѣмъ во всѣхъ другихъ поэмъ Пушкина. На протяжении менѣе, чѣмъ 500 стиховъ, Пушкинъ сумѣлъ умѣстить и думы Петра (на берегу Варяжскихъ водъ), и картину Петербурга въ началѣ XIX вѣка, и описаніе наводненія 1824 г., и исторію любви и безумія бѣднаго Евгенія, и свои раздумья надъ дѣломъ Петра. Пушкинъ нашелъ возможнымъ даже позволить себѣ, какъ роскошь, нѣсколько шутокъ, напр., упоминаніе о графѣ Хвостовѣ.

Языкъ повѣсти крайне разнообразенъ. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ изображается жизнь и думы чиновника, онъ простъ, почти прозаиченъ, охотно допускаетъ разговорныя выраженія («жизнь куда легка», «предпочу хозяйство», «самъ большой» и т. п.). Напротивъ, тамъ, гдѣ говорится о судьбахъ Россіи, языкъ совершенно мѣняется, предпочитаетъ славянскія формы словъ, избѣгаетъ выраженій повседневныхъ, какъ напримѣръ:

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Нолнощныхъ странъ краса и днло,
Изъ тмы дѣсовъ, изъ топи блать,
Вознесся пышно, горделиво.

Однако, усѣченныхъ прилагательныхъ Пушкинъ явно избѣгаетъ, и во всей повѣсти ихъ всего три: «свиши дни», «минушии времена», «сонны очи».

Своеобразную особенность стиха «Мѣднаго Всадника» составляетъ обиліе цезуръ. Ни въ одной изъ своихъ поэмъ, писанныхъ четырехъ-стопнымъ ямбомъ, не позволялъ себѣ Пушкинъ такъ часто, какъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» остановки по смыслу внутри стиха. Повидимому, въ «Мѣдномъ Всадникѣ» онъ сознательно стремился къ тому, чтобы логическія дѣленія не совпадали съ дѣленіями метрическими, создавъ этимъ впечатлѣніе крайней нецелесообразности рѣчи. Особенно много такихъ примѣровъ въ стихахъ, разказывающихъ о Евгеніи, напр.:

Сидѣлъ недвижимъ, странно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился бѣдный
Не за себя.

Евгеній за своимъ добромъ
 Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
 Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ и бѣгомъ,
 А спалъ на пристани.

—
 Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
 Клонились къ осени. Дняль
 Неастный вѣтеръ.

Замѣчательно, что почти всѣ новые отдѣлы повѣсти (какъ бы ея отдѣльные главы) начинаются съ полу-стиха. Въ общемъ приблизительно въ трети стиховъ «Мѣднаго Всадника», въ серединѣ стиха, стоитъ точка, и болѣе, чѣмъ въ половинѣ, внутри стиха, есть логическая остановка рѣчи.

Въ употребленіи рифмъ, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», Пушкинъ остался вѣренъ своему правилу, высказанному имъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ»:

Мнѣ рифмы пужны, всѣ готовъ сберечь я.

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» множество рифмъ самыхъ обыкновенныхъ (ночи — очю, конь — огонь, и т. д.), еще болѣе глагольныхъ (сѣлъ — глядѣлъ, злились — носились, узналъ — игралъ, и т. д.), но есть и нѣсколько «рѣдкихъ» (солнца — чухонца, рѣжетъ — скрежетъ) и цѣлый рядъ «богатыхъ» (живые — сторожевые, ибни — ступени, завыван — подмыван, glavой — роковой, и т. д.). Какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, Пушкинъ, по произношенію, свободно рифмуетъ прилагательныя на *ый* съ нарѣчными на *о* (беззаботный — охотно).

По звуковой изобразительности стиховъ «Мѣднаго Всадника» знаетъ мало соперниковъ. Кажется, ни въ одномъ изъ своихъ созданій не пользовался Пушкинъ такъ часто, какъ въ «петербургской повѣсти», всѣми средствами аллитераціи, игры гласными и согласными и т. п. Примѣромъ имъ можетъ служить четверостишіе:

И басекъ, и шумъ, и говоръ балявъ,
 А въ часъ парушки холостой
 Шпатель въ тышетахъ бокаловъ,
 И куша пламень голубой.

Но верха изобразительности достигаетъ стихъ «Мѣднаго Всадника» въ сценѣ преслѣдованій бѣднаго Евгенія. Повтореніемъ однихъ и тѣхъ же рифмъ, повтореніемъ, нѣсколько разъ, начальной буквы въ стоящихъ рядомъ словахъ, и упорнымъ повтореніемъ звуковъ *д*, *л* и *л'* — даетъ Пуш-

кинъ живое впечатлѣніе «тяжело-звонкаго скаканья», эхо котораго звучитъ по пустой площади, какъ грохотанье грома.

И онъ по площади пустой
 Бѣжить и слынить за собой,
 Какъ будто грома грохотанье,
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой.
 И озаренъ луною блѣдною
 Простерши руку въ вышинѣ.
 За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
 На звонко-скачущемъ кобѣ;
 И во всю ночь безумецъ бѣдный
 Куда стоны ни обращалъ,
 За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
 Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

Однако, въ повѣсти замѣтны и слѣды нѣкоторой торопливости въ обработкѣ формы. Три стиха остались вовсе безъ рифмы, а именно:

На городъ кинулась. Предъ нею...

И не пашель уже слѣдовъ...

А спалъ на пристани. Нитался...

Въ первоначальныхъ редакціяхъ первой и послѣдней изъ этихъ стиховъ имѣютъ свою рифму:

Всей тяжкой силою своею
 Пошла на приступъ. Передъ нею
 Народъ бѣжалъ и скрылся вдругъ.

А спалъ на пристани. Нитался
 Изъ оконъ брошеннымъ кускомъ;
 Уже почти не раздѣвался,
 И платье ветхое на немъ
 Рвалося и тѣло...

4.

Какъ извѣстно, въ 1826 г. государь выразилъ желаніе лично быть цензоромъ Пушкина. Всѣ свои поэты произведенія, до ихъ напечатанія, Пушкинъ долженъ былъ представлять, черезъ Бенкендорфа, въ эту «Высочайшую цензуру».

6 декабря 1833 года, вскорѣ по возвращеніи изъ Болдина, Пушкинъ обратился съ письмомъ къ Бенкендорфу, прося позволенія представить Его Сіятельству «стихотвореніе», которое желалъ бы напечатать. Надо полагать, что то былъ «Мѣдный Всадникъ». 12 декабря рукопись «Мѣднаго Всадника» была уже возвращена Пушкину.

«Высочайшая цензура» нашла въ повѣсти цѣлый рядъ предосудительныхъ мѣстъ.

Мы не знаемъ, какъ отнесся къ запрещенію повѣсти самъ Пушкинъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ строгомъ духовномъ одиночествѣ и, повидимому, никакого не посвящалъ въ свою внутреннюю жизнь. Въ своихъ письмахъ онъ сдѣлался крайне сдержанъ и уже не позволялъ себѣ той увлечательной болтовни обо всемъ, что его интересуетъ, которая составляетъ главную прелесть его писемъ изъ Михайловскаго. Даже въ записяхъ своего дневника, который онъ велъ послѣдніе годы жизни, Пушкинъ былъ очень остороженъ и не допускалъ ни одного лишняго слова.

Въ этомъ дневникѣ, подъ 14 декабря, записано: «11-го получено мною приглашеніе отъ Бенкендорфа явиться къ нему на другой день утромъ. Я прѣѣхалъ. Миѣ возвращаютъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царшею
Порфиropосная вдова—

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ—?—. Все это дѣлаетъ миѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условіе со Смирдинымъ».

Ничего больше не узнаемъ мы и изъ писемъ Пушкина. Въ декабрѣ 1833 года онъ писалъ Пашокину: «Здѣсь имѣлъ я неприятели денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это миѣ убытокъ». Ему же Пушкинъ повторилъ въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ: «Мѣдный Всадникъ не пропустилъ,—убытки и неприятности». Погудину, въ отвѣтъ на его вопросъ, Пушкинъ сообщилъ кратко: «Вы спрашиваете о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ».

Изъ этихъ суммъ сообщеній можно заключить только то, что Пушкинъ хотѣлъ напечатать «петербургскую повѣсть» (значить, считалъ ее законченной, обработанной) и что онъ познакомилъ съ ней своихъ друзей.

Самъ Пушкинъ вѣрилъ, что его рукописи разсматриваются непосредственно государемъ. Онъ полагалъ, что и рукопись «Мѣднаго Всадника» возвращена ему «съ

замѣчаніями государя». Но въ настоящее время достаточно выяснено, что рукопись Пушкина разсматривалась въ канцеляріи Бенкендорфа, и что государь только повторялъ, иногда сохраняя все полемическіе выкладки, критическія замѣчанія этой канцеляріи. Внутренній смыслъ «Мѣднаго Всадника», конечно, этой цензурою понять не было, но цѣлый рядъ отдѣльныхъ выраженій показался ей недопустимымъ.

До насъ дошла, повидимому, та самая рукопись, которая была представлена на разсмотрѣніе государю (Пушкинъ пишетъ: «миѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ...»). Въ этой рукописи стихи о «померкнуей Москвѣ», о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ Дневникѣ, зачеркнуты карандашомъ и сбоку отмѣчены знакомъ NB. Знакъ вопроса поставленъ противъ тѣхъ стиховъ, гдѣ впервые появляется мѣдный всадникъ.

Надъ возмущенною Невою
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ коѣѣ.

Во второй части знакъ вопроса поставленъ противъ повторенія этихъ стиховъ:

Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ коѣѣ.

Далѣе, отмѣчены и подчеркнуты три послѣднихъ стиха въ четверостишіи:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главою,
Того, чьеи волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Еще далѣе отмѣчены стихи:

О, мощный властелинъ Судьбы,
Не таѣ ли ты надъ самой бедной,
На высотѣ, удаой желѣзой
Россію подиалъ на дыбы?

Наконецъ, подчеркнуты выраженія «горделивый истуканъ» и «строитель чудотворный», и отчеркнуты всѣ стихи, начиная со словъ безумца, обращенныхъ къ «кумиру», до конца страницы.

Въ другой рукописи, синскѣ, сдѣланномъ писарской рукою, сохранились слѣды поправовъ Пушкина, начатыхъ, видимо, съ цѣлью смягчить указанныя ему выраженія. Слово «кумиръ» Пушкинъ замѣнилъ словомъ «сѣдокъ» и въ четверостишіи о «померкнуей Москвѣ» восстановилъ первоначальный вариантъ второго стиха («Главою

склонилася Москва») ¹⁾. Однако, до конца Пушкинъ своихъ поправокъ не довелъ и предпочелъ отказаться отъ печатанія повѣсти. «Поэма Пушкина о наводненіи превосходна, но исчеркана (т.-е.: исчеркана цензурою), и потому не печатается»,—писалъ къ П. Вяземскій А. П. Тургеневу.

При жизни Пушкина, изъ «Мѣднаго Всадника» былъ напечатанъ только отрывокъ «Вступленія» подъ заглавіемъ «Пе-

тербургъ». По смерти Пушкина, повѣсть была напечатана съ поправками Жуковскаго, по-своему смягчившаго всѣ спорныя мѣста. Долгое время Россія знала одно изъ значительнѣйшихъ созданій Пушкина только въ искаженномъ видѣ. Исправленіе текста по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, начатое Аппенковымъ, продолжалось до послѣдняго времени. Подлинное чтеніе стиховъ о «кумирѣ» восстановлено только въ изданіи П. Морозова, 1904 г. Однако, нѣкоторые стихи только въ настоящемъ изданіи впервые появляются въ томъ видѣ, какъ ихъ написалъ Пушкинъ.

Валерій Брюсовъ.

РИСУНОКЪ ПУШКИНА ВЪ ТЕТРАДИ РУМЯНЦ. МУЗЕЯ № 2373, листъ 4.

Рисунокъ, несомнѣнно, навѣялъ Фалькоплетовскимъ шмятникомъ: тутъ цѣликомъ взяты и скала, и змѣя подъ ногами коня. Но странно, что нѣтъ симаго «мѣднаго всадника» и что ни зрѣть коня видѣть реальное сѣдло, которое нѣтъ, и не могло быть по шину композиціи, и Фалькоплетова. Кромѣ еще, рисунокъ набросанъ въ черновикѣ «Галуба». Ред.

ГОЛОВА ФАЛКОНЕТОВСКАГО ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I.
Съ гравюры Генрикеза (Henriquez).

733. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПРЕДСЛОВІЕ.

Проповѣствіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истиѣ. Подробности изводенія заимствованы изъ тогдашнихъ

журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. П. Бергомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ тонкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогова чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спританнаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ Шведу
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,
На зло надмешному сосѣду.

Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда, по новымъ намъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ.

Прошло сто лѣтъ, и юный градь,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ тои блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный насѣнокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой вѣхлгій неводъ, пылъ тамъ,

По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣсятся
Дворцовъ и баненъ: корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся:
Въ гранитъ одблеса Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова,
И передъ младшею Столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиропосная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ почей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный.
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны сияющія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тму почую
На золотыя небеса,
Одна зра смѣнить другую
Слѣшить, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой,
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Двѣчьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ.

А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье дѣвнстыхъ бокаловъ
И пища пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красноту;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскуты сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозъ прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой снѣгъ ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ,
И, чуя весни дни, ликуеть.

Красуйся, Градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія.
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣтъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора...
Объ ней свѣжо воспоминаеье.—
Объ ней, друзья мои, для васъ
Пачу свое повѣтствоваеье.
Печалень будетъ мой разсказъ...

ПАНОРАМА НЕВЫ.

Гравюра В. В. Матъ съ Платерсена.

«МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ» ВЪ РИСУНКАХЪ АЛЕКСАНДРА БЕНУА. НАВОДНЕНИЕ.

Изъ коллекціи кн. В. П. Арутинскаго-Долгорукова. Неизданъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченныиъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Пева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной.
Ужь было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгенийъ молодой..

Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно.
Прозванья памъ его не нужно.
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ Свѣтомъ и Молвой
Оно забыто. Нашъ Герой
Живетъ въ Коломиѣ; гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣхъ родиѣ,
Ни о забытой стариѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгенийъ
Стрихнулъ шинель, раздѣлся, легъ
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? о томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ. Что вѣдь есть
Такіе праздные щастливцы,
Ума педальняго, лѣнливцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служить онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва-ли
Съ Невы мостовъ уже не сияли
И что съ Парашей будетъ онъ
Дни на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...

Сонны очи

Опъ наконецъ закрыть. И вотъ,
Рѣдѣть мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настасть.
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова—
Погода пуше свирѣѣла:
Нева вздувалась и ревѣла.
Котломъ клопоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло—воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы,
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злая волна,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой:
Садни подъ мокрой пеленой.

Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдной пищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго владбища
Плывутъ по улицамъ!

Народъ
Зритъ Божіи гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища!
Гдѣ будетъ взятъ?

Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славою правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.» Опъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы
Спасать и страхомъ обумялый
И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новой,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ

СПАСАНІЕ УТОПАЮЩИХЪ ВЪ НАВОДНЕНІИ 1824 ГОДА.

Рис. Шебурова.

«Медный Всадникъ» въ рисункѣхъ Александра Бенга.—Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца.
(Изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго издания «Медный Всадникъ» Т-ра М. О. Волкова).

Съ поднятой лапой, какъ живые,
 Стоять два льва сторожевые;
 На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
 Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
 Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
 Евгений. Онъ страшился блѣдный
 Не за себя. Онъ не слыхалъ,
 Какъ подымался жадный вагъ,
 Ему подошвы подмывая,
 Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
 Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
 Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
 Его отчаянные взоры
 На край одинъ наведены
 Невдвигно были. Словно горы,
 Изъ возмущенной глубины
 Вставали волны тамъ и злились,
 Тамъ буря выла, тамъ послысь
 Обломки... Боже, Боже! тамъ—

Увы! близехонько къ волнамъ,
 Почти у самаго залива—
 Заборъ некрашеный да два
 И вѣтхій домикъ: тамъ онъ,
 Вдова и дочь, его Параша,
 Его мечта... Или во снѣ
 Онъ это видитъ? Или вся наша
 И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
 Намѣшка Рока надъ землей?
 И онъ, какъ будто околдованъ,
 Какъ будто къ мрамору прикованъ,
 Сойти не можетъ! Вкругъ него
 Вода—и больше ничего.
 И обращенъ къ нему спиною
 Въ непоколебимой вышинѣ,
 Надъ возмущенною Невою,
 Стоитъ съ простертою рукою
 Кумпръ на бронзовомъ кофѣ.

Фальконетовскій памятникъ въ рѣдчайшей неизданной и не вполне законченной гравюрѣ Г. П. Скородумова.

(Библиотека Академии Художествъ).

НАВОДНЕНИЕ 1824 ГОДА.

Современная картина О. Я. Алексеева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вот, насытись разрушеньемъ
И паглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; воли, скрежетъ,
Насыль, брань, тревога, вой!..
И грабежемъ отягощенны:
Боясь погони, утомленны,
Сбѣжать разбойники домой,
Добычу по пути роля.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Сбѣшить, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смиреннейшей рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кивѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними таѣлъ огонь;
Еще иль ибна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгений смотреть: видитъ лодку;

Опъ къ ней бѣжить, какъ на находку;
Опъ перевозчика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботной
Его за гривеникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрылся въ глубь межъ иль рядами
Всечасно съ дерзкими иловцами
Готовъ былъ чолтъ—и наконецъ
Достигъ опъ берега.

Нещастный
Знакомой улицей бѣжить
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ—
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совѣмъ обрушились, иныя
Волнами сдвинуты; кругомъ
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгений
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мучений,
Бѣжить туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,

Какъ съ запечатаннымъ письмомъ,
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предметемъ,
И вотъ заливъ, и близкокъ домъ...
Что жъ это?

Онъ остановился;
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глянуть... идти... еще глянуть:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полночь сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуеть громко самъ съ собою—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Почвая мгла
На городъ трепетный сошла:
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минушемъ.

Утра лучъ
Пѣз-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей—
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло—
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой почвой пріютъ,
На службу шелъ. Торганъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбиралъ свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ иль безсмертными стихами
Нещастъ нескыхъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгенийъ...
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятельный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полночь, онъ скивался.
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошлъ недѣля, мѣсяцъ— онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному парю.
Евгений за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ еворо свѣту
Слалъ чуждъ. Весь день бродилъ ищкомъ,

А спалъ на пристани; питался
Въ окошко подашимъ кускомъ.
Одежда вѣхая на немъ
Рвалася и тѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вѣлѣдъ ему.
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ, ни звѣрь ни человекъ,
Ни то ни сѣ, ни житель свѣта
Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ
У нескей пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, роща ильи
И бѣсъ о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невинующихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло—
И съ нимъ вдали, во гмѣ ночью,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгенийъ, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнию дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ
Надъ огражденною скалою,
Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ кофѣ.

Евгений вздрогнулъ. Провспались
Въ немъ странно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потоки игралъ,
Гдѣ волны хлещія толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь кофѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опуститъ ты конюга?

О мощный властелинъ Судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Кругомъ подножкі кумира
Безумецъ бѣдный обонялъ,
И озры дикіе навелъ.
На ликъ державца полуміра.
Сѣбснаась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ холодной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжало.

Вскриѣла кровь. Онъ мраченъ сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснулъ, пальцы сжалъ,
Какъ обушной силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
«Ужо тебѣ!..» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой

«МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ» ВЪ РИСУНКАХЪ АЛЕКСАНДРА БЕНУА.

Погоня Мѣднаго Всадника.

(Изъ подготовляемаго т-вомъ М. О. Вольфа роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника»).

Бѣжить и слышать за собой,
Какъ будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною блѣдой,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стоны ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ тономъ скакать.

И съ той поры, когда случилось

Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье. Къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шель сторонкой.

Островъ малый

На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалить съ переводомъ гудъ
Рыбакъ, на лодкѣ запоздалой,
И бѣдный ужинъ свой зрится:

Нли чиновникъ посѣтитъ,
 Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
 Пустынный островъ. Не взросло
 Тамъ ни былинки. Наводненье
 Туда, играя, занесло
 Домшко вѣтхій. Надъ водою
 Остался онъ какъ черный кустъ—

Его прошедшею весною
 Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустьъ
 И весь разрушенъ. У порога
 Нашли безумца моего...
 И тутъ же младный трупъ его
 Похоронили ради Бога.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «МѢДНОМУ ВСАДНИКУ».

Къ стиху: *Въ Европу прорубить окно* :
 Альгаротти гдѣ-то сказалъ: *Petersbourg est
 la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe.*

Къ стиху: *Люблю тебя, Петра творенье* :
 См. стихи К. Вяземскаго къ графинѣ З***.

Къ стиху: *Нева всю ночь* :
 Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ
 день, предшествовавшій петербургскому наводне-
 нію *). Жаль только, что описаніе его неточно.

*) Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотво-
 реній Oleszkiewicz.

Свѣгу не было. Нева не была покрыта льдомъ.
 Наше описаніе вѣрно, хотя въ немъ нѣтъ архаич-
 красокъ Польскаго поэта.

Къ стиху: *«Его пустились исперяды»* :

Графъ Милорадовичъ и Генераль-Адъютантъ
 Бенкендорфъ.

Къ стиху: *«Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ»* :

См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно
 замѣчено изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ
 Мицкевичъ.

734. [РОДРИГЪ]

[не закончено и не отбавно].

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ:
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю,
Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ:
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На Испанскіе брега—
Царство Готтовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣветъ кто кого.

Восемь дней сраженье длилось:
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ яа полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля:

Шлемъ и мечъ его гижельный
Были найдены въ пыли.
Короля почти убитымъ—
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ-живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти онъ алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо—дротики летали:
Шлема мечъ не разбѣжалъ.

Панослѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на-земь шлемъ пернатый
И блестящую броню—
И спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ:
Короля опередилъ
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутияхъ видитъ онъ;
Всѣ тоной бѣгутъ отъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеніи Христіанъ:
Всѣ Родрига проклинаютъ—
И проклятыя слышатъ огнь.

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти сѣбѣ штъ,
И не смѣеть даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ—
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ—а въ углу
Трупъ отшельника и аму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣныя трупы не возмущаютъ
Онъ лежитъ, окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ итаться сталъ пчодами
И подою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
Сталъ дукавый искушать,
И видѣньями почными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ просиается съ содроганьемъ,
Половъ страха и стыда—
Уношеніе соблазна
Собрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣдетъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстные слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи останки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ свидѣньи благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣявъ
И снѣжемъ окружень.
И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
«Встань—и міру вновь явись».

Ты вѣнецъ утратилъ царской;
Но Господь рукъ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.
Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король.

735. ЕСЛИ БХАТЬ ВАМЪ СЛУЧИТСЯ.

[Черновой набросокъ].

(Если бхать вамъ случится
Отъ ** къ Москвѣ,
Тамъ, гдѣ ** струится
Въ неизмѣнной снѣжѣ)
(Отъ моста немного) сирава
Передъ вами будетъ домъ,
Влѣво желтая дубрава
. . . . . кругомъ,
Тамъ гдѣ вольный и отлогій
Путь надъ Волгою лежитъ.

736. КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНИТЬ.

Колокольчики звенять,
Барабачики гремѣть,
А люди-то, люди
Ай люшеньки-люди!
А люди-то люди
На цыганочку глядѣть.
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабачики-то бѣетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается-поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
«Ворожить я мастерща»».

737. НЕ ДАИ МНѢ БОГЪ СОЙТИ СЪ УМА.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Штъ, легче посохъ и сумѣ,
Штъ, легче трудъ и гладь.
Не то, чтобъ разумомъ моншь
Я дорожилъ; не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.
Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ трезъ.
И я бѣ задушивался волнь,
И я глѣдѣлъ бы, свѣтѣя полнь,
Въ пустая небеса.

И сплелъ, волень былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ложающій лѣса.
Да волъ бѣда: сойти съ ума.
И страшень будешь, какъ чума—
Какъ разъ тебя запрутъ:
Посадятъ на цѣвь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.
А ночью слышать буду я
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,
А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей моихъ,
Да визгъ, да зовъ оковъ.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

738. СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею простился,
 Въ путь-дорогу спарядился,
 И Царица у окна
 Сѣла ждать его одна.
 Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
 Смотритъ въ поле, нѣда очи
 Разболѣлась гляючи
 Съ бѣлой зори до ночи,
 Не видать милова друга!
 Только видить: вьется вьюга,
 Снѣгъ валится на поля,
 Вся бѣлешенька земля.
 Девять мѣсяцевъ пролодить,
 Съ поля глазъ она не сводить.
 Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
 Богъ даетъ Царицѣ дочь.
 Рано утромъ гость желанный,
 День и ночь такъ долго жданный,
 Пылаеча, наконецъ,
 Воротился Царь-отецъ.
 На него она взглянула,
 Тяжелешенько вздохнула,
 Восхищенья не спесла,
 И къ обѣднѣ умерла.
 Долго Царь былъ неутѣшенъ,
 Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
 Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
 Царь женился на другой.
 Правду молвить, молодца
 Ужъ и впрямъ была Царица:
 Высока, стройна, бѣла,
 И умомъ и всѣмъ взяла;
 Но зато горда, ломлива,
 Своеравна и ревнива.
 Ей въ приданое дано
 Было зеркальце одно:
 Свойство зеркальце имѣло:
 Говорить оно умѣло.
 Съ нимъ однимъ она была
 Добродушна, весела,

Съ нимъ приближено шутла,
 И красуясь говорила:
 «Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты, конечно, спору нѣтъ,
 Ты, Царица, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе.»
 И Царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами,
 И вертѣться подбочась,
 Гордо въ зеркальце глядясь.
 Но Царевна молодая,
 Тихомолкомъ раздѣвляя,
 Между тѣмъ росла, росла.
 Поднялась—и раздѣла,
 Бѣлолица, черноброва,
 Права кроткаго такова.
 И женихъ сыскался ей,
 Королевичъ Елисей.
 Сватъ прѣхалъ, Царь далъ слово,
 А приданое готово:
 Семь торговыхъ городовъ,
 Да сто сорокъ теремовъ.
 На двичникъ собираясь,
 Вотъ Царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвила съ нимъ:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе?»
 Что же зеркальце въ отвѣтъ?
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ:
 Но Царевна всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе.»
 Какъ Царица отпрыгнетъ,
 Да какъ ручку замашнетъ,

Да по зеркальцу какъ хлопнуть,
 Къ блучкомъ-то какъ прилопнуть!..
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ па-зю.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, что бѣла:
 Мать беременна сидѣла.
 Да на сибѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь мѣръ, мнѣ равной ибѣть.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъъ:
 «А Царевна все жъ милѣе,
 Все жъ румянѣй и бѣлѣе.»
 Дѣлать нечего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку.
 И показываетъ ей,
 Свѣтлой дѣвушкѣ своей,
 Вести Царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ соеной оставить тамъ
 На събденіе волкамъ.
 Чортъ ли сладить съ бабой глѣвной?
 Спорить нечего. Съ Царевной
 Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ такую даль свела,
 Что Царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,
 И взмолилась: «Жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я Царица,
 Я пожалую тебя.»
 Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:
 «Не кручинися, Богъ съ тобою.»
 А сама пришла домой.
 «Что?» сказала ей Царица,
 Гдѣ красавица-дѣвица?»
 — «Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна»,
 Озвѣчаетъ ей она;
 «Крѣпко связаны ей локти;
 Понадета звѣрю въ ногти,
 Мешаетъ быть ей терѣвъ,
 Легче будетъ умереть.»
 И молва трезвопитъ стала:
 Дочка Царская провала!
 Тужить бѣдной Царь по ней,
 Королевичъ Елисей,
 Помолясь усердно Богу,

Отправляется въ дорогу
 За красавицей-душой,
 За невѣстой молодой.
 Но невѣста молодая,
 До зари въ лѣсу блуждая,
 Между тѣмъ все шла да шла,
 И на теремъ набрела.
 Ей навстрѣчу несть, залая,
 Прибѣжала и смолкъ, играя:
 Въ ворота вошла она.
 На подворкѣ тишина.
 Несть бѣжитъ за ней, ласкаясь,
 А Царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась,
 И Царевна очутилась
 Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
 Лавки, крытыя ковромъ,
 Подъ святыми столъ дубовой,
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ дѣвица, что тутъ
 Люди добрые живутъ;
 Знать, не будетъ ей обидно.
 Никого межъ тѣмъ не видно.
 Домъ Царевна обоняла,
 Все порядкомъ убрала,
 Засвѣтила Богу свѣчку,
 Затошила жарко печку,
 На палати взобралась
 И тихонько улеглась.
 Часъ обѣда приближался;
 Топотъ по двору раздался:
 Входятъ семь богатырей,
 Семь румяныхъ усачей.
 Старшій молвилъ: «Что за диво!
 Все такъ чисто и красиво.
 Кто-то теремъ прибиралъ,
 Да хозяевъ поджидать.
 Кто-же? вѣдь и покажися,
 Съ нами честно подружися:
 Коль ты старшій человѣкъ,
 Дѣдей будешь намъ навѣкъ;
 Коли паремъ ты румяной,
 Братецъ будешь намъ названный;
 Коль старушка, будь намъ мать,
 Такъ и станемъ величать;
 Коли красная дѣвица,
 Будь намъ милая сестрица.»
 И Царевна къ нимъ сошла,
 Честь хозяевамъ отдала,
 Въ поясъ низко поклонилась;
 Закраснѣвшійся, извинилась,
 Что-де въ гости къ нимъ зашла,
 Хоть звана и не была.
 Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
 Что Царевну принимали:

«АХЪ ТЫ, МЕРЗКОЕ СТЕКЛО». Рисунокъ С. В. Милютина.

Усадили въ уголокъ,
 Подносили пирожокъ,
 Рюмку полную наливали,
 На подносѣ подавали.
 Отъ зеленого вина
 Отрекалаея она,
 Пирожокъ лишь разломилъ,
 Да кусочикъ прикусила,
 И съ дороги отдыхать
 Отпросилась на кровать.
 Отвели они дѣвицу
 Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
 И оставили одну,
 Отходящую ко сну.
 День за днемъ идетъ мелькая,
 А Царевна молодая
 Все въ дѣсу, не скучно ей
 У семи богатырей.
 Передъ утренней зарею
 Братья дружною толпою
 Выѣзжаютъ погулять,
 Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
 Руку правую потѣшить,
 Сорочина въ полѣ сѣшнить,
 Или башку съ широкихъ плечъ
 У Татарина отсѣчь,
 Или вытравить изъ дѣса
 Пятигорскаго Черкеса.
 А хозяйшкой она
 Въ терему межъ тѣмъ одна,
 Приберетъ и приготовить,
 Или она не прекословить,
 Не перечать ей они;
 Такъ идутъ за дѣями дни.
 Братья милую дѣвицу
 Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
 Разъ, лишь только разсвѣло,
 Всѣхъ ихъ семеро вошло.
 Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
 Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
 Всѣхъ насъ семеро, тебя

Всѣ мы любимъ, за себя
 Взять тебя мы всѣ бы рады,
 Да нельзя, такъ Бога ради,
 Помри насъ какъ нибудь;
 Одному жепою будь,
 Прочимъ ласковой сестрою,
 Что жъ качаешь головою?
 Аль отказываешь намъ?
 Аль товаръ не по купцамъ?»
 — «Ой вы, молодцы честные,
 Братцы вы мои родные,»
 Или царевна говоритъ:
 «Колн дгу, пусть Богъ велитъ
 Не сойти живою мнѣ съ мѣста.
 Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
 Для меня вы всѣ равны,
 Всѣ удалы, всѣ умны.
 Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
 По другому » навѣчно
 Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣи
 Королевичъ Елсей.»
 Братья молча постояли,
 Да въ затылкѣ почесали.
 «Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ»,
 Старшій молвилъ поклонясь:
 «Колн такъ, не заикнуса
 Ужъ о томъ.»—«Я не сержуса»,
 Тихо молвилъ она,
 «И отказъ мой не вина.»
 Женихи ей поклонились.
 Потихоньку удалились,
 И согласно всѣ опять
 Стали жить да поживать.
 Между тѣмъ царица злая,
 Про царевну вспоминая,
 Не могла простить ее,
 А на зеркальце свое
 Долго дулась и сердилась;
 Наконецъ объ немъ хватилась.
 И пошла за нимъ и, сѣвъ
 Передъ нимъ, забыла и мнѣвъ.

Красоваться снова стала,
 И съ улыбкою сказала:
 «Здравствуй, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свѣтѣ вѣхъ милѣе,
 Вѣхъ румяній и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но живешь безъ всякой главы,
 Средь зеленыя дубрзвы,
 У семи богатырей
 Та, что все жъ тебя милѣи.»
 И Царица палетѣла
 На Чернавку: «Какъ ты смѣла
 Обмануть меня? и въ чемъ?...»
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила пль не жить,
 Пль Царевну погубить.
 Разъ Царевна молодая,
 Милыхъ братьевъ поджидая,
 Пряла, сидя подь окномъ.
 Вдругъ сердито подь крыльцомъ
 Несь залаялъ, и дѣвица
 Видитъ: нищая черница
 Ходитъ по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко»,
 Ей кричить она изъ окошко;
 «Пригрожу сама я псу,
 И кой-что тебѣ спесу.»
 Отвѣчаетъ ей черница:
 «Охъ ты, дятятко дѣвица!
 Несь проклятый одоѣла,
 Чуть до смерти не зѣла,
 Посмотри, какъ онъ хлопочеть!
 Выдь ко мнѣ.» Царевна хочетъ
 Выдти къ ней и лѣбъ взяла,
 Но съ крыльца лишь сошла,
 Несь ей подь ноги—и заеть,
 И къ старухѣ не пускаеть;
 Лишь пойдетъ старуха къ ней,
 Онъ, лѣснаго зибря зѣи,
 На старуху. Что за чудо?
 «Видно, выснался онъ худо.»
 Ей Царевна говоритъ;
 «На жъ, лови!» и лѣбъ летитъ.
 Старушонка лѣбъ поймаля:
 «Благодарствую, сказала,
 Богъ тебя благослови,
 Вотъ за то тебѣ, лови!»
 И къ Царевнѣ паливное,
 Молодое, золотое,
 Прямо яблочко летитъ...
 Несь изкъ прыгнетъ, зивидитъ...
 Но царевна въ обѣ руки

Хватъ—поймала. «Ряди скуки
 Кушай яблочко, мой свѣтъ,
 Благодарствуй за обѣдъ.»
 Старушонка сказала,
 Поклонилась и пропала.
 И съ царевной на крыльцо
 Несь бѣжитъ и ей въ лицо
 Жалко смотритъ, грозно воесть.
 Словно сердце несъ поеть,
 Словно хочеть ей сказать:
 Брось! Она его ласкаетъ,
 Трещеть иѣжною рукою;
 «Что, Соколка, что съ тобою?
 Лягъ!» и въ комнату вошла
 Дверь тихонько заперла,
 Подь окно за пряжу сѣла
 Ждать хозяевъ, а глядѣла
 Все на яблочко. Оно
 Соку сѣлаго полно,
 Такъ свѣжо и такъ душисто,
 Такъ румяно, золотисто,
 Будто медомъ наполнило!
 Видны сѣмечки пасквозы.
 Подождать она хотѣла
 До обѣда, но стерѣла,
 Въ руки яблочко взяла,
 Къ алымъ губкамъ поднесла,
 Потихоньку прокусила,
 И кусочекъ проглотила...
 Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Бѣлы руки опустила.
 Плодъ румяный уронила.
 Закатились глаза,
 И она подь образа
 Головой на лѣвку пала
 И тиха, недвижна стала...
 Братья въ ту пору домой
 Возвращались толпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Нхъ навстрѣчу, громко воля,
 Несь бѣжитъ, и ко двору
 Пуль нхъ кѣжеть. «Не къ добру!
 Братья молвили; печали
 Не минуемъ.» Присекали.
 Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Несь на яблочко стремглавъ
 Съ лавкъ кивуля, озлился,
 Проглотилъ его, свалился
 И издохъ. Наносно
 Было ядомъ звать оно.
 Передь мертвою Царевной
 Братья въ горести душевной
 Всѣ пошкли головой,
 И съ молитвою святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хоронить ее хотѣли.

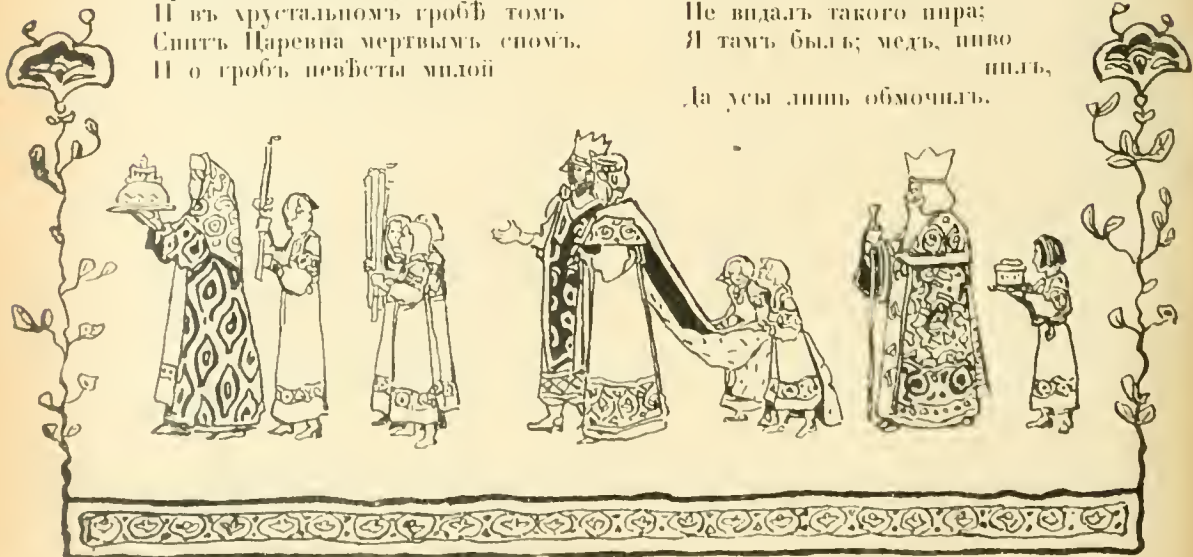
ЦАРЕВИЧА и ПИЩАЯ. Рисунки С. В. Малюткина.

И раздумали. Она
 Какъ подъ крыльвиномъ у сна,
 Такъ тихо, свѣжа лежала,
 Что лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не возсталась ото сна.
 Сотворишь обрядъ печальный,
 Вотъ они во гробъ хрустальный
 Трупъ Царевны молодой
 Положили, и толпой
 Попесели въ Пустую гору,
 И въ полунощную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ
 На цѣпяхъ чугуныхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградили;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворишь поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «Спи во гробѣ;
 Вдуть погасла, жертвой злюбѣ.
 На землѣ твоя краса;
 Духъ твой примуть небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима—
 Не досталась никому,
 Только гробу одному.»
 Въ тогъ же день Царица злая,
 Доброй вѣсти ожидая,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣе и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, Царица, спору нѣтъ,
 Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣе и бѣлѣе.»
 За невѣстою своею
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту свачеть,
 Штъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
 И кого ни спроситъ онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ:

Кто въ глаза ему свѣтаетъ,
 Кто скорѣе отвернется;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обратился молодець,
 «Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
 Круглый годъ по небу, сводишь
 Зиму съ теплою весной,
 Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.»—«Свѣтъ ты мой.»
 Красно солнце отвѣчало:
 «Я Царевны не видало.
 Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
 Или слѣдъ ея замѣтилъ.
 Темной дочка Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
 «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тѣнѣ глубокой,
 Круглолицый, свѣтлоокой,
 И обычай твой любя,
 Звѣзды смотреть на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.»—«Братецъ мой.»
 Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
 «Не видалъ я дѣвы красной.
 На сторожѣ я стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня Царевна, видно,
 Пробѣжала.»—«Какъ обидно!»
 Королевичъ отвѣчалъ,
 Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
 «Погоди: объ ней, быть можетъ,
 Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.

Ты къ нему теперь ступай,
 Не печалься же, прощай.»
 Елисей не унывал
 Къ вѣтру кинулся, зывая:
 «Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучь,
 Ты гоняешь стаи тучь,
 Ты волнуешь сине море,
 Всюду вѣешь на просторѣ,
 Не бойшься никого,
 Кромѣ Бога одного.
 Адь откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
 Не видать ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ея.»—«Постой»,
 Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
 «Тамъ за рѣчкой тихоструйной
 Есть высокая гора,
 Въ ней глубокая поря;
 Въ той порѣ, во тмѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной
 На цѣпяхъ между столбовъ.
 Не видать ни чьихъ слѣдовъ
 Вкругъ того пустаго мѣста;
 Въ томъ гробу твоя невѣста.»
 Вѣтеръ далѣ побѣжалъ,
 Королевицъ зарыдалъ,
 И пошелъ къ пустому мѣсту
 На прекрасную невѣсту
 Посмотрѣть еще хоть разъ.
 Вотъ идетъ; и поднялась
 Передъ нимъ гора крутая,
 Вкругъ нее страна пустая:
 Подъ горою темный ходъ.
 Онъ туда скорѣй идетъ.
 Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной,
 И въ хрустальномъ гробѣ томъ
 Спитъ Царевна мертвымъ сномъ.
 И о гробъ невѣсты милой

Онъ ударился всею силой.
 Гробъ разбился. Два вдругъ
 Ожила. Глядитъ вокругъ
 Изумленными глазами,
 И качаясь надъ цѣпями,
 Привздохнувъ, произнесла:
 «Какъ же долго я спала!»
 И встаетъ она изъ гроба...
 «Ахъ!»... и зарыдали оба.
 Въ руки онъ ее беретъ
 И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
 И бесѣду приятно,
 Въ путь пускается обратно,
 И трубитъ уже молва:
 «Дочка Царская жива!»
 Дома въ ту пору безъ дѣла
 Злая мачиха сидѣла
 Передъ зеркальцемъ своимъ
 И бесѣдовала съ нимъ,
 Говори: «я ль всехъ милѣе?
 Всехъ румяниѣе и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, слова мнѣ,
 Но Царевна все жъ милѣе,
 Все румяниѣе и бѣлѣе.»
 Злая мачиха, вскочивъ,
 Объ полъ зеркальце разбила,
 Въ двери прямо побѣжала
 И Царевну повстрѣчала.
 Тутъ ее тоска взяла
 И Царица умерла.
 Лишь ее похоронили,
 Свадьбу тотчасъ учинили,
 И съ невѣстою учинили
 Обвѣчались Елисей;
 И никто съ начала міра
 Не видать такого шара;
 Я тамъ былъ; медъ, пиво
 иль,
 Да усы лишь обмочилъ.

Копіюва Н. Бартирма.

739. ФРАНЦУЗСКИХЪ РИФМАЧЕЙ СУРОВЫЙ СУДІЯ.

[Черновой набросокъ].

Французскихъ рифмачей суровый судія,
 О классикъ Дедрео, къ тебѣ зываю я:
 Хотя, постигнутый неумолимымъ ровомъ,
 Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
 Хотя дерзкихъ умниковъ простерлася рука
 На лавры твоего густова паруба,
 Хотя разтрепанный новѣйшей вольной школой
 Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
 Но я молю тебя, поклонникъ вѣршій гвой —
 Будь миѣ вожатаемъ. Дерзаю за гобой
 Занять кафедру ту, съ которой въ прежни лѣта
 Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
 Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
 Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ погръ,
 (Новѣйшіе враніи враней старшихъ стоятъ —
 И слишкомъ ужъ меня нѣхъ бредни безнокоятъ!
 Ужели все молчать, да слушать? О, бѣда...
 Итъ, все имъ выскажу однажды навсегда).
 О вы, которые, возчувствовавъ отвагу,
 Хватаете перо, мѣраете бумагу —
 Тисненью предавать труды свои сѣвша —
 Постоите — напередъ узнайте — чѣмъ душа
 У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
 Иль необузданнымъ однимъ полозновеньемъ,
 И чешется (у васъ) рука по пустякамъ,
 Иль вамъ не вѣрять въ долгъ, а деньги нужны вамъ?

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной
 Заняться службою гражданской или военной,
 (Въ табачной лавочкѣ) табачный торгъ завести,
 Списать себѣ въ трудѣ барышъ и честь,
 Чѣмъ объявленія совать во все журналы,
 (Кропая сильному вельможѣ) мадригалы —
 Надъ меньшей братьею въ поту лица острясъ —
 Иль выше мѣшнѣемъ отважно вознесясъ,
 Съ оплошной публки какъ пѣвкіе писакы,
 Подписку собирать на будущіе враки...

740. ЦѢНТЕЛЬ УМСТВЕННЫХЪ ТВОРЕНІЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХЪ.

[Черновой набросокъ].

Цѣнтель умственныхъ твореній исполнскихъ,
 Другъ бардовъ Англій, любовникъ музъ латинскихъ,
 Ты въ мощи древности опять меня манишь,
 . . . . . велишь,
 Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
 И въ рускіе стихи, неопытный поэтъ,
 Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
 Но, развернувъ его суровыя творенья,
 Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья...

741. НАПРАСНО Я БѢГУ КЪ СІОНСКИМЪ ВЫСОТАМЪ.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ:
 Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
 Взметая [лапвой] пыль, и гриву потрясая,
 И поздри пыльная уткнувъ въ песокъ зыбучій,
 Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгу нахучій.

742. ЦАРЬ УВИДѢЛЪ ПРЕДЪ СОБОЮ.

[Черновой набросокъ].

Царь увидѣлъ предъ собою
 Столикъ съ шахматной доскою...
 . . . . .
 Вотъ на шахматную доску
 Рать солдатиковъ изъ воску
 Въ стройный рядъ разставилъ онъ.
 Подбоченясь на лошадакахъ,
 Въ коленкоровыхъ перчаткахъ.
 Въ оперенныхъ шпичкахъ,
 Съ палаши на плечахъ...
 (Тутъ лохань передъ собою
 Приказалъ налить водою)
 Передъ шахматной доскою
 На столѣ—лохань съ водою;
 Плавать онъ пустилъ по ней
 (Кучу дивныхъ кораблей),
 Барокъ, каторгъ и шлюнокъ
 Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
 . . . . .
 А прозрачныя вѣтрильца—
 Будто бабочкины крыльца...

743. ВЪ ПОЛѢ ЧИСТОМЪ СЕРЕБРИТСЯ.

Въ полѣ чистомъ серебрится
 Свѣтъ волнистый и рябой,
 Свѣтитъ мѣсяць, тройка мянтся
 По дорогѣ столбовой.
 Пои: въ часы дорожной скуки,
 На дорогѣ столбовой,
 Сладки мнѣ редные звуки
 Звонкой пѣсни удалой.
 Пои, ящикъ! Я молча, жадно
 Буду слушать голоса твоей,
 Мѣсяць блѣдный свѣтитъ хладно,
 Грустенъ вѣтра дальный вой...
 Звизень пѣсно ты—лучина

744. [ГАЛУБЬ].

[Не означено и не отдѣлено].

Не для бесѣды и ликованій,
 Не для кровавыхъ совѣщаній,
 Не для разгосовъ бувава,
 Не для разбойничьей пѣсѣи
 Такъ рано съѣхались Адеи
 На дворъ Галуба старика,
 Въ нежданой встрѣчѣ сынъ Галуба
 Рукой завистника убить
 Вблизи разваливъ Татаруба.
 Въ родимой савѣ онъ лежить:
 Обрядъ творится погребальной:
 Звучитъ уныло пѣснь Мулы;
 Въ арбу вираженныя вѣлы
 Стоять предъ саклею печальной:
 Дворъ полонъ тѣсною толпой:
 Подъемятъ гости скорбной вой
 И съ плачемъ бьютъ нагрудны брони:
 И внемля шумъ небосвой,
 Мигутся смутанныя воши.
 Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
 Выходитъ между жепъ отецъ;
 Два уздея за нимъ выносятъ
 На буркѣ хладный трупъ. Толпу
 По сторонамъ раздаться просить,
 Слагають тѣло на арбу
 И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
 Неразряженную пищаль,
 Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
 И шапки крестовую сталь,
 Чтобы крѣпка была могила,
 Гдѣ хладный ляжетъ поживать,
 Чтобы могъ на зовъ онъ Азраила
 Неправнымъ воиномъ возстать.
 Въ дорогу шествіе готово,
 И тронулась арба. За ней
 Адеи слѣдуютъ сурово,
 Смирная молча пыль воней...
 Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
 Злата нагорныя скалы,
 Когда долины каменистой
 Достигли тихіе вѣлы.
 Въ долину той враждою жадной
 Сраженъ наѣзникъ молодой—
 Тамъ ныль въ тѣнь могилы хладной
 Онъ ляжетъ, блѣдный и пѣмой...
 Ужъ трупъ землею взять. Могила
 Завалена. Толпа вокругъ
 Мольбы послѣднія творила.
 Изъ за горы явились вдругъ
 Старикъ (сѣдой, съ нимъ отрочекъ) стройной.
 Даютъ дорогу пришлецу,
 И въ свѣрбному старикъ отцу

Такъ молвить, важный и спокойной:
 «Тому прошло 13 дѣтъ,
 Какъ ты, въ аулъ чужой пришелъ,
 Вручилъ мнѣ слабого младенца,
 Чтобы воспитаньемъ изъ него
 Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
 Сегодня сына одного
 Ты преждевременно хорошишь.
 Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
 Другова я привелъ тебѣ—
 Вотъ онъ. Ты голову преклонши
 Къ его могучему плечу,
 Твою потерю намъ замѣни[шь]
 Труды мои ты самъ оцѣни[шь]
 Авантисья намъ не хочу.»

Умолкнувъ, Смотритъ торопливо
 Галубъ на отрова. Тазитъ,
 Главу потупя, молчаливо
 Ему недвижимъ предостовъ,
 И въ горѣ намъ Галубъ любуясь,
 Влеченью сердца повинуясь,
 Объемлетъ ласково его.
 Потомъ наставника ласкаеть,
 Благодаритъ и приглашаетъ
 Подъ кровлю дома своего.
 Три дня, три ночи съ кунаками
 Его онъ хочетъ угощать,
 И послѣ честию провожать,
 Съ благословеньемъ и дарами.
 Ему отецъ печальный минтъ,
 Обязанъ благомъ я безцѣпнымъ:
 Слугой и другомъ неизмѣпнымъ,
 Могучимъ метителемъ обидъ.
 Проходятъ дни. Печаль заснула
 Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
 Все дивость прежнюю хранитъ.
 Среди родимаго аула
 Онъ какъ чужой; онъ цѣпный день
 Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
 Такъ въ савѣ пойманный олень
 Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
 Онъ любить по вдумымъ скаламъ
 Скользить, ползти тропой кремнистой,
 Внимая бурѣ голосистой
 И въ безднѣ вощишь волнамъ.
 Онъ иногда до поздней ночи
 Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
 Недвижно въ даль уставя очи,
 Опершись на руку главою.
 Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дольнаго куда

Младые сны его уводять?...
 Какъ знать? Незрима глубь сердець!
 Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
 Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Но отецъ

Уже Тазитомъ не доволенъ.
 «Гдѣ жь, мыслить онъ, въ немъ плодъ
 наукъ,

Отважность, хитрость и проворство,
 Ласкавый умъ и сила рукъ.
 Въ немъ только лѣнь и непокорство.
 Нль сына взоръ мой не проникъ,
 Нль обманулъ меня старикъ.»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
 Коня, любимца своего.
 Два дня въ аулѣ шѣтъ его,
 На третій онъ домой приходитъ.

отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?
 сынъ.
 Въ ущельи скалъ,

Гдѣ прорвалъ каменный берегъ
 И путь открытъ на Даріалъ.

отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?
 сынъ.
 Я слушалъ Терекъ.

отецъ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,
 Нль Русскихъ?

сынъ.

Видѣлъ я, съ товаромъ

Тифлисскаго вѣхалъ Армянинъ.

отецъ.

Онъ былъ со стражей?
 сынъ.
 Шѣтъ, одинъ.

отецъ.

Зачѣмъ печальнымъ ударомъ
 Не вздумалъ ты свалить его,
 И не принудилъ къ нему съ утеса?
 Потушилъ очи сынъ Черкеса,
 Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
 Потомъ является домой

отецъ.

Гдѣ былъ?
 сынъ.
 За Бѣлою горой.

отецъ.

Кого ты встрѣтилъ?
 сынъ.
 На курганѣ

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

отецъ.

О милосердья судьба!

Гдѣ жь онъ? уже ли на арканѣ
 Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ,
 Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
 Но скрылъ свое негодованье.
 «Шѣтъ, мыслить онъ, не замѣнилъ
 Онъ никогда друга брата!
 Не научился мой Тазитъ,
 Какъ шанкой добываютъ злаго;
 Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
 Не надѣялъ его разѣзды,
 Онъ только знаетъ безъ трудовъ
 Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
 А не въ набѣгахъ отбивать
 Коней съ Пагайскими быками,
 И съ боя взятыми рабами
 Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
 На третій, бѣденъ какъ мертвецъ,
 Приходитъ онъ домой. Отецъ,
 Его увидя, вопрошаетъ:
 Гдѣ былъ ты?

сынъ.

Около станицъ
 Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

.....

отецъ.

Кого ты видѣлъ?

сынъ.

Суноската.

отецъ.

Кого, кого?

сынъ.

Убийцу брата.

отецъ.

Убийцу сына моего?...
 Тазитъ! гдѣ голова его?
 Миѣ черепъ этотъ пужень...
 Дай, наглажусь!

сынъ.

Убийца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...
 отецъ.

Ты долга крови не забылъ...
 Врага ты навзничъ опрокинулъ...
 Не правда ли? ты шанку вынулъ,
 Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
 И трижды тихо повернулъ?
 Упалъ ты его степенемъ,
 Его змѣинымъ издыханьемъ?
 (Гдѣ жь голова?)... Подай!... Шѣтъ спяль...

Но сынъ молчитъ, потуя очи.
 И сталь Галубъ чертѣ починъ,
 И сыну грозно возопилъ:
 «Поди ты прочь ты миѣ не сынъ.

ГАЛУБЬ ПРОКЛИНАЕТЪ ТАЗИТА.

Ты не Чеченець, ты старуха,
 Ты трусь, ты рабъ, ты Армининъ!
 Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слухъ
 (Никто о робкомъ не имѣлъ),
 Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
 Чтобъ мертвой братъ тебѣ на плечи

Окровавленной конкой сбѣлъ,
 И къ безднѣ гналъ тебя пещадю;
 Чтобъ ты, какъ раненый олень,
 Вбѣжалъ, тоскуя безотрадно:
 Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
 Тебя веревкою поймали

И какъ волченка затерзали—
 Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
 Не оскверняй моихъ очей!»
 Сказалъ и на земь легъ—и очи
 Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи,
 Когда же приходился онъ,
 Былъ темень снѣгъ небосклонъ.
 Ущелій горныхъ поселенцы
 Въ долину шумно собрались;
 Привычны игры начались:
 Верхами юные Чеченцы,
 Въ пыли несясь во весь опоръ,
 Стрѣлою шапку пробиваютъ,
 Пль трижды сложенный коверъ
 Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
 То скользкой тѣшатся борьбой,
 То пляской быстрой. Жены, дѣвы
 Межъ тѣмъ поютъ—и гулъ дѣспой
 Далече вторитъ ихъ напѣвы.
 Но между юношей одинъ
 Забавъ напѣвничьихъ не дѣлать,
 Вѣрхомъ не мчитъ вдоль стремнинъ,
 Изъ лука звонкаго не цѣлать.
 Но между дѣвами одна
 Молчитъ, уныла и блѣдна.
 Они въ толпѣ четою странной
 Стоять, не видя ничего.
 И горе пль: онъ слыть изгнанный,
 Она—любовница его...
 О, было время!... Съ ней украдкой
 Видался юноша въ горахъ;
 Онъ пль огонь отравы сладкой
 Въ ся смятенѣ, въ рѣчи краткой,
 Въ ся потушенныхъ очамъ,

Когда съ домашняго порогу
 Она смотрѣла на дорогу
 Съ подружкой рѣзвой говоря,
 И вдругъ садилась и блѣдѣла,
 И отвѣчая не глядѣла,
 И разгоралась какъ заря;
 Пль у водъ когда стояла,
 Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
 И долго кованый кувшинъ
 Волною звонкой наполняла...
 И онъ, невластный превозмочь
 Волнений сердца, разъ приходитъ
 Къ ей отцу, его отводитъ
 И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
 Давно мила; но ней тоскуя,
 Одинъ и сирѣ давно живу я;
 Благослови любовь мою,
 Я бѣдѣть—но могучъ и молодъ,
 Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
 Отъ нашей сакли тощій голодь,
 Тебѣ я буду смѣль и другъ
 Послушный, преданный и пѣжрый,
 Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
 А ей приверженный супругъ...»
 . . . . .
 Ему внималъ старикъ угрюмый,
 Главою бѣлой покачалъ,
 Махнулъ рукой и отвѣчалъ:
 «Я не отдамъ моей ораницы
 Тому, кто въ бой идти не смѣетъ,
 Кто мстить за брата не умѣетъ,
 Кто робокъ даже предъ рабомъ,
 Кто изгнашь и проклять отцомъ.»
 . . . . .

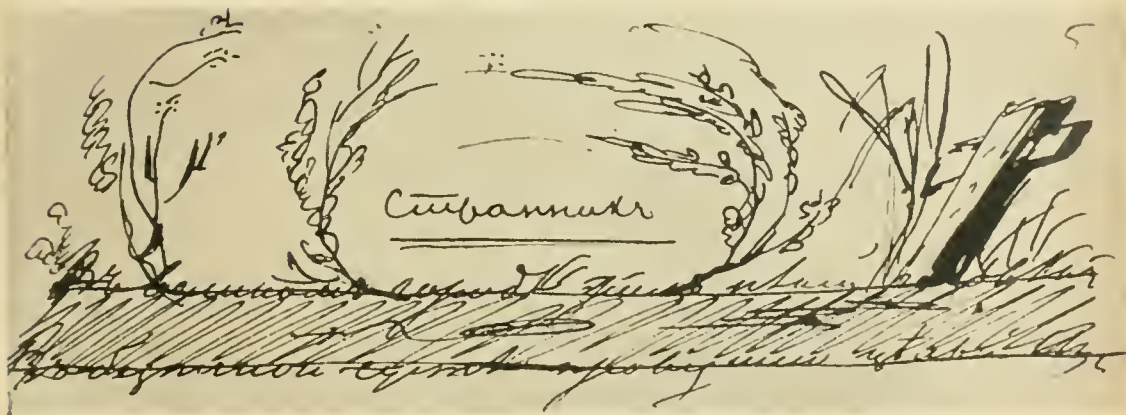
745. НА ЭТО СКАЖУТЪ МНѢ.

[Черновой набросокъ].

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
 Смотрите — Вы несть — уклонный лицемерный,
 Вы насъ морочите — Вамъ слава не нужна,
 Смѣшной и суетной Вамъ кажется она;
 Зачѣмъ же ищете? Я? для себя, за что же
 Печтаете Вы? — Для денегъ — Ахъ мой Боже!
 Какъ стыдно! почему жь.

746. [КЪ П''].

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
 Тебя мы долго ждали;
 И свѣтелъ ты сонель съ таинственныхъ вершинъ,
 И вынесъ намъ свои скрижали.
 И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
 Въ безумствѣ суетнаго пира,
 Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
 Отъ насъ созданнаго кумира.
 Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
 Въ порывѣ гнѣва и печали
 Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣтей,
 Разбивъ листы своей скрижали.
 Пѣть, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
 Скрываться въ тѣнь долины малой;
 Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
 Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Визетка Пушкина къ «Страшнику».
 Воспроизводится впервые по рукописи Румянцева. Музей № 2377, А.

747. СТРАШНИКЪ.

[Не закончено].

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
 Незнаю былъ объять и скорбю великой
 И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
 Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
 Потуя голову, въ тоскѣ ломая руки,

И въ вопляхъ изливаль души пронзенной муки
И горько повторяль, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что стѣнется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце, наконецъ, открылъ я по неволѣ.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказаль я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное время
Тягчить меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Опъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроенымъ почли.
Но думали, что почъ и сна покой цѣлебной
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
Я легъ, но во всю почъ все плакаль и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкаль.
Поутру я одинъ сидѣль, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакаль и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—уныньемъ изнывая,
И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя сибнащій на почлегъ.
Безсонный труженникъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Опъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Опъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «опъ видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
Сказаль мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ:

Я вижу ибкїи свѣтъ—сказалъ я наконецъ.
 «Иди жь—онъ продолжалъ: держись сего ты свѣга;
 Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
 Пока ты тѣсныхъ вратъ спасенья не достигъ;
 Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
 Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
 И дѣти, и жена кричала мнѣ съ порогу,
 Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
 На площадь привлекли прїятелей моихъ.
 Одинъ бранилъ меня, другой моеи супругѣ
 Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ.
 Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
 Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
 Ныне ужъ за мной гнались—но я тѣмъ болѣ
 Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
 Дабы скорѣи узрѣть, оставя тѣ мѣста,
 Спасенья узкїи путь и тѣсныя врата...

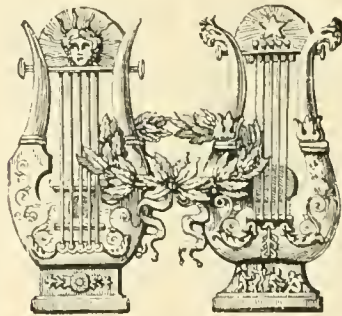

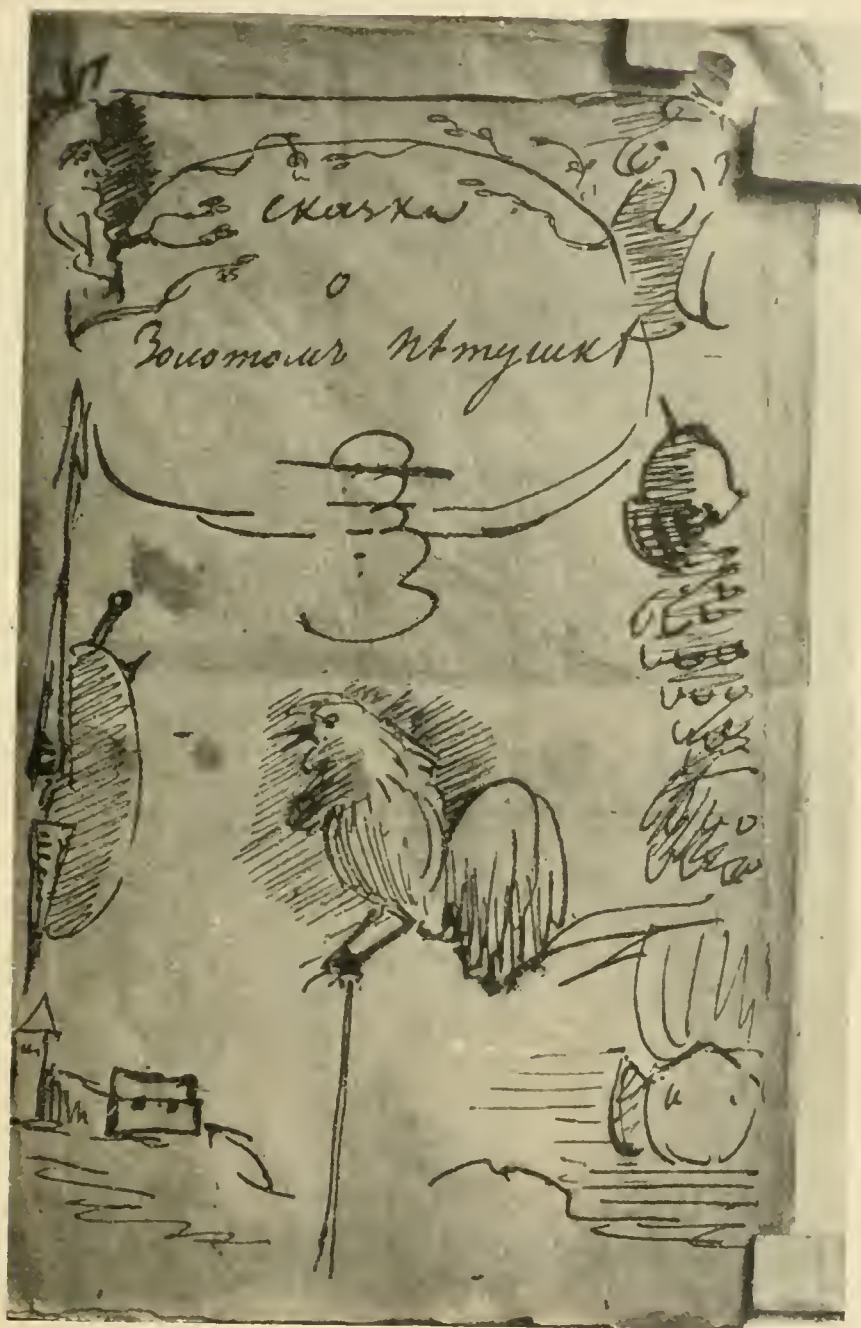
АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

748. [МИЦКЕВИЧЪ].

. . . . . Онъ между нами жилъ,
 Средь племени ему чужаго; злобы
 Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
 Его любили. Мирный, благосклонный,

Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
 Дѣлился мы и чистыми мечтами,
 И вѣснiami (онъ вдохновенъ былъ свыше
 И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
 Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
 Когда народы, распри позабывъ,
 Въ великую семью соединятся.
 Мы жадно слушали поэта. Онъ
 Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
 Его мы проводили. Но теперь
 Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
 Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
 Поетъ онъ ненависть: издалика
 Знакомый голосъ злобнаго поэта
 Доходить къ намъ!... О Боже! возврати
 Твой миръ въ его озлобленную душу!

Заглавная виѣетка Сказки о Золотомъ Пѣтушкѣ, рисованная Пушкинымъ.

По подлинной рукописи, хранящейся въ Публичной Библиотекѣ.

749. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПЪТУШКЪ.

Нѣдѣ въ тридцатомъ царствѣ,
 Въ тридцатомъ государствѣ,
 Жилъ былъ славный царь Дадопъ.
 Съ молоду былъ грозенъ онъ
 И сосѣдямъ то и дѣло
 Наносилъ обиды смѣло
 Но подъ старость захотѣлъ
 Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
 И покой себѣ устроить.
 Тутъ сосѣди безпоконтъ
 Стаи стараго Царя,
 Страшный вредъ ему творя.
 Чтобъ концы своихъ владѣній
 Охранять отъ нападений,
 Долженъ былъ онъ содержать
 Многочисленную рать.
 Восводы не дремали,
 Но никакъ не уснѣвали:
 Ждутъ бывало съ Юга, глядь—
 Ахъ съ Востока лѣзеть рать:
 Справятъ здѣсь,—лихія гости
 Идутъ отъ моря—со злости
 Вида плакаль Царь Дадопъ,
 Вида забываеъ и сонъ.
 Чѣмъ и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу
 Звѣздочету и скопцу—
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ мудрецъ передъ Дадопомъ
 Сталъ и выпугъ изъ мѣшка

Акварель ир. О. Солоуба.

Золотаго пѣтушка.
 Посади ты эту птицу,
 Молвилъ онъ Царю, на спицу;
 Пѣтушокъ мой золотой
 Будетъ вѣрный сторожъ твой:
 Коль кругомъ все будетъ мирно
 Такъ спѣтъ онъ будетъ смирно;
 Но лишь чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Или набѣга силы бранной,
 Или другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣтушокъ,
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ и встрепетаетъ,
 И въ то мѣсто обернется.
 Царь скопца благодаритъ
 Горы золота сулитъ—
 За такое одолженье,
 Говоритъ онъ въ восхищеньи,
 Волю перзую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
 Стагъ стеречь его границы—
 Чуть опасность гдѣ видна
 Вѣрный сторожъ какъ со сна
 Шевельнется, встрепетаетъ,
 Къ той сторонкѣ обернется
 И кричитъ: кири ку ку!
 Царствуй, лежа на боку!
 И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли.
 Таковой имъ Царь Дядонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Акварель ир. О. Солоуба.

Акварель гр. О. Соллогуба.

Годъ, другой проходить мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно;
 Вотъ однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
 Царь ты нашъ! Отецъ народа!
 Возглашаетъ Воевода,
 Государь! проснись! бѣда!
 Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ, зѣвая,
 А? кто тамъ? бѣда кака?
 Воевода говоритъ:
 Пѣтушокъ опять кричитъ,
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.
 Царь къ окошку—ахъ на спицѣ,
 Видитъ, бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на Востокъ.
 Медлитъ нечего: скорѣ!
 Люди, на конь! Эй, живѣ!
 Царь къ Востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ уговорился,
 Шумъ утихъ и Царь забылся.
 Вотъ проходить восемь дней,
 А отъ войска пѣтъ вѣстей:
 Было-ль, не было-ль сраженья?
 Пѣтъ Дадону донесенъ.
 Пѣтушокъ кричитъ опять—
 Кличетъ Царь другую рать:
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова;
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣсти пѣтъ отъ нихъ.
 Снова восемь дней проходятъ,
 Люди въ страхѣ дни проводятъ,
 Пѣтушокъ кричитъ опять,
 Царь скликаетъ третью рать
 И ведетъ ее къ Востоку
 Самъ, не зная быть ли проку.
 Войска идутъ день и ночь;
 Ничъ становится не въ мочь.
 Ни побоища, ни стана,
 Ни нагробнаго кургана
 Не встрѣчаетъ Царь Дадонъ.
 «Что за чудо?» мыслить онъ.
 Вотъ осмой ужъ день проходитъ,
 Войско въ горы Царь приводитъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Видитъ шолоковой шатеръ.
 Все въ безмолвн чудесномъ
 Вкругъ шатра; въ ущельи гнсомъ
 Рать побитая лежитъ.
 Царь Дадонъ къ шатру сѣвшитъ...
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шоломовъ и безъ лапъ
 Оба мертвые лежатъ.

ПРЕДЪ ШАТРОМЪ ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ.

Акварель из О. Солоуба.

Аquareль гр. О. Сологуба.

Мечь вопзивши другъ во друга,
 Бродятъ кони ихъ средь дуга,
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравѣ...
 Царь завылъ: охъ дѣти, дѣти!
 Горе мнѣ! попался въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла.
 Всѣ завыли за Додономъ
 Застонала тяжкимъ стономъ
 Глубь долины, и сердце горь
 Потряслося. Вдругъ шатерь
 Распахнулся... и дѣвица,
 Шамаханская Царица,
 Вся сіяя какъ заря,
 Тихо встрѣтила Царя.
 Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
 Царь умолкъ, ей глядя въ очи
 И забылъ онъ передъ ней
 Смерть обоихъ сыновей.
 И она передъ Додономъ
 Улыбнулась—и съ поклономъ
 Его за руку взяла
 И въ шатерь свой увела.
 Тамъ за столъ его сажала,
 Всякимъ яствомъ угощала,
 Уложила отдыхать
 На парчевую кровать
 И потомъ недѣлю ровню
 Покорясь ей безусловно,
 Околдованъ, восхищенъ,
 Шировалъ у ней Додоны.
 Наконецъ и въ путь обратной
 Со своею силой ратной
 И съ дѣвицей молодой
 Царь отправился домой.
 Передъ нимъ молва бѣжала,
 Быль и небыль разгласила.
 Подъ столицей, близъ воротъ,
 Съ шумомъ встрѣтили ихъ народъ.
 Всѣ бѣгутъ за колесницей
 За Додономъ и Царицей—
 Всѣхъ привѣтствуетъ Додоны...
 Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
 Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
 Весь какъ лебедь посвѣдѣлый
 Старый другъ его конецъ.
 А! здорово, мой отецъ,
 Молвилъ Царь ему; что скажешь?
 Подъ поближе, что прикажешь?»
 Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
 Разочтемся на конецъ.
 Помнишь? за мою услугу
 Общлася мнѣ, какъ другу,
 Волю первую мою
 Ты исполнить какъ свою.

Подарить ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую Царицу...—
 Крайне Царь былъ изумленъ.
 Что ты? старцу молвилъ онъ
 Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
 Или ты съ ума рехнулся.
 Что ты въ голову забралъ?
 Я конечно общалъ,
 Но всему же есть граница.
 И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
 Полно знаешь ли кто я?
 Попроси ты отъ меня
 Хоть казну, хоть чинъ боярской,
 Хоть коня съ конюшни Царевой,
 Хоть полъ Царства моего.
 — Не хочу я ничего!
 Подари ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую Царицу—
 Говорить мудрецъ въ отвѣтъ—
 Царь: такъ лихъ же, ибѣтъ!
 Ничего ты не получишь.
 Самъ себя ты грѣшникъ мучаешь—
 Убирайся, цѣль пока:
 Оттащите старика!
 Старичокъ хотѣлъ заспорить,
 Но съ инымъ накладно вздорить;
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу; тотъ унелъ ничкомъ,
 Да и духъ вонъ.—Вся столица
 Содрогнулась—а дѣвица
 Хи хи хи, да ха ха ха!
 Не боятся знать грѣха.
 Царь хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно—
 Вотъ—вѣзжаетъ въ городъ онъ...
 Вдругъ раздася легкій звонъ
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
 Къ колесницѣ полетѣлъ,
 И Царю на темя сѣлъ,
 Встрепенулся, клюнулъ въ темя
 И взвился... и въ то же время
 Съ колесницы палъ Дадонъ—
 Охнулъ разъ—и умеръ онъ—
 А Царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе не бывало
 Сказка—ложь, да въ ней намѣкъ,
 Добрымъ молодцамъ урокъ!

Акварель гр. О. Соловуба.

750. СЪ ОЧАМИ БЫСТРЫМИ.

(Черновой набросокъ).

Съ очами (впальми) быстрыми ? злобно
 (Съ пѣшивымъ черепомъ, зеркаломъ)
 Съ устами сжатыми (привычной) (цинически) наморщенной улыбкой
 Еще въ (младенчествѣ) ребячествѣ моемъ безсильной
 (несмысл) (и злобною) (безстыди лукавомъ)
 Я старцу въ свѣтъ пошалъ) —
 Я встрѣтилъ старика съ пѣшивой головой

751. ТЫ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ СВОЙ РАЗУМЪ ОСВѢТИЛЪ.

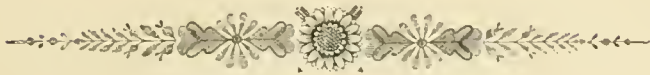
(Черновой набросокъ).

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ
 (предразсудокъ)
 Ты алчешь сбыть свѣтъ чистый свѣтъ
 Ты міра таинство
 Ты ты правды ликъ увидѣлъ
 И нѣжно
 (Эго....)
 (И жарко) чуждые народы воз (по) любилъ
 И мудро.....
 Свой (народъ) возненавидѣлъ
 Ты такъ у
 Ты жизни при
 (Ты шлѣ здоровье) Лелевеля
 Ты шлѣ у (яр. въ д ...?) (здоровье Лелевеля)
 здоровье
 Ты славилъ имя Лелевеля
 Когда безмолвная (Варшав бунтъ)
 (мятежи.) Варшав. поднялась
 Польскій
 И бун. при кликѣ и буйств ошьянѣла
 и кровь Польск. не сгниѣла
 (ночью)
 (И русскій)
 И злую рад....) И кровь полилась
 При кликѣ Польш....
 Стеная (?)
 (Когда наша кровь рѣкою полил.)
 И смерти, борьба, И борьба началась
 При кликѣ Польша не сгниѣла

Чужимъ...

Отъ на д.... злобясь
 (ты) (Когда въ д. кривясь д.... полна,
 Когда ли Дибичъ кривою раздѣлть...

Пестро Париже,
 (Когда французск.) пустомеля
 Ревѣшь на кафедрѣ ты.... у...
 Здоровье.... Лел...
 (Ты) Ты руки потираешь   Огъ нашихъ печалей
 (Огъ разныхъ)   (ты)
 ....глотаешь   (вѣсти)
 Съ лукавымъ смѣхомъ
       Съ улыбкой слушаешь вѣсти
 Кусая губы
 Ког...   бѣжали вскачь
 Когда-жь... рѣдѣли.
       И гибло знамя нашей чести
       Варшавы бунтъ
 Какъ жидь
 (ты)   въ дымѣ
   и горько
 Пошкунуешь ты (прахъ Ерусалима) возрыдаешь
       Какъ жидь о Иерусалимѣ

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1824 г.

380. ДАВЫДОВУ

(т. II, стр. 210).

Подъ заглавіемъ: «Д...у», съ припиской: «На приглашеніе»... и т. д., пьеса, автографъ которой намъ неизвѣстенъ, впервые появилась въ «Моск. Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, стр. 107, а затѣмъ вошла, въ той же редакціи, въ изданный потомъ въ 1829 же году сборникъ стиховъ, ч. I, стр. 198—199 (причемъ приписка дана только въ оглавленіи, стр. 223). Къ 1824 г. отнесена самимъ авторомъ.

Александръ Львовичъ Давыдовъ (1773—1833 гг.), съ 1815 г. отставной генералъ-майоръ, единокровный братъ генерала Н. П. Раевского, былъ однимъ изъ хозяевъ знаменитой въ исторіи революціоннаго движенія двадцатыхъ годовъ Каменки, гдѣ бывалъ Пушкинъ, написавшій въ 1821 г. посланіе его брату Василию Львовичу (см. т. II, № 265), «почтительнѣе» его жену Анну Антоновну нѣсколькими не совѣмъ почтительными стихотвореніями (см. *ibid.*, №№ 261, 287, 311, 328) и не оставившій безъ вниманія нѣхъ маленькую дочку Аделу (*ibid.*, № 343). Современникъ, В. П. Горчаковъ, рассказываетъ: «Александръ Львовичъ отличался изысканностію маркиза. Всѣ они дружески обращались съ Пушкинымъ, но выраженіе прізнанія Александра Львовича сбивалось на покровительство, что, какъ мнѣ казалось, весьма не нравилось Пушкину» («Москвитинъ» 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 152). Это былъ человекъ довольно симпатичный, простой, хотя неглупый, и совѣмъ далекій отъ интересовъ всего Каменскаго кружка; впрочемъ, вынуть за свободу онъ не отказывался. По словамъ Н. Д. Якушкина, онъ мирно дремалъ во время горячаго спора о тайномъ обществѣ («Записки Якушкина, изд. 1905 г., стр. 50—52). Давыдовъ очень любилъ добсть, и чудовищна комплекція, которую не великій экипажъ поддерживалъ, предоставляла ему въ этомъ отношеніи полный просторъ. Знвшій его въ Одессѣ, гдѣ онъ часто навѣщалъ Пушкина, М. Ф. де Рибасъ вспоминаетъ о его «физической силѣ, громадномъ ростѣ и непомерной толщинѣ туловища... Самъ Давыдовъ рассказывалъ, что, будучи въ 1815 г. во Франціи вмѣстѣ съ оккупационнымъ корпусомъ и командуя однимъ летучимъ отрядомъ, онъ всегда составлялъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя сланились или приготовлялись, какого-нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ какихъ-нибудь рѣдкихъ фруктовъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицъ. Такимъ образомъ, Александръ Львовичъ первый составилъ гастрономическую карту Франціи» («Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», сборн. В. А. Яковлева, Од., 1887, стр. 116—117). Нылкѣи генеромъи.

жены досталилъ Давыдову репутацію рогоносца и Пушкинъ не забылъ въ первой главѣ «Онѣгина» отвести ему мѣстечко: «рогоносецъ величавый, всегда довольный самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой» (строфа XII; см. также «Записки Н. Д. Якушкина, I. с.; Переписка П-на, академич. изд., I, 139). Много лѣтъ спустя Пушкину напомнили о Давыдовѣ шекспировскій Фальстафъ: «природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе. ... былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ великихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ»... И Пушкинъ тутъ рассказалъ забавный анекдотъ о Давыдовѣ. О немъ см. также «Сборникъ біографіи кавалергардовъ», II, 459—462; «Кіев. Университ. Извѣстія», 1899 г., № 5, «Памяти Пушкина», ст. А. М. Лободы (тамъ же портретъ Давыдова); «Архивъ Раевскихъ», I, 42—43. Ср. ст. А. М. Лободы во II томѣ настоящаго изданія.

Пушкинъ надѣялся провести лѣто 1824 г. въ Крыму, о которомъ давно мечталъ (см. послѣдній лѣтъ строфы «Келанія», 1821 г.). Въ декабрь 1823 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «что если бы ты забѣжалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ». Во главѣ одесской колоніи, переселившейся на лѣто въ Крымъ, стоялъ гр. М. С. Воронцовъ, и присоединиться къ этому «дѣльному народу» Пушкину помѣшали, конечно, испортившіяся отношенія съ Воронцовыми.

Слова Пушкина: «ты не въ чахоткѣ, слава Богу», и молитва о воскресеніи Давыдову аппетита—остроумный намекъ на «милый правъ» и на внутреннюю комплекцію Александра Львовича. «Торжественная ода» Горацию—«Къ кораблю, везущему въ Авинь Вергилія» («Оды», I, 3). Аристиппомъ, проповѣдывавшимъ умѣренность въ наслажденіяхъ, Давыдовъ, далеко не сторонникъ воздержанія, названъ тоже въ шутку; имя этого философа Пушкинъ знаетъ еще на лицейской скамѣ (см. «Посланіе Лидѣ», 1816 г.), между прочимъ, вбродно, по стихотворенію Державина «Аристиппова баня».

381. ИНОСТРАНКѢ.

(т. II, стр. 210).

Нерпоначальный, псчсрканый набросокъ этой пьесы находится въ хранищейся въ Импер. Публичной Библиот. черновой тетради 1820—1821 гг., л. 63, об. (facsimile въ «Сборникѣ стихмовъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. редакціи «Русской Старины» и Ф. К. Опочинина, СПб., 1871 г.); другой черновикъ, подъ заглавіемъ: «Къ иностранкѣ» находится въ кшиневской тетради

Пушкина (Румицовск. муз., № 2369, л. 1), а третий, под заглавием: «Въ альбомъ» — въ 2367-ой тетради Румицовскаго музея, л. 26; о вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Послала брату и П. А. Плетневу передъ печатаніемъ сборника 1826 г., необходимыя указанія, Пушкинъ озаглавилъ пьесу: «Въ альбомъ иностранки» (Автографы Пушкина, принадлежаще графу П. П. Капнисту, сообщ. Л. П. Майкова, СПб., 1896, стр. 7). Впервые появилось стихотвореніе въ сборникѣ изд. 1826 г., стр. 115, а затѣмъ въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 148; въ обоихъ изданіяхъ — безъ отнесенія къ тому или иному году. Въ третьемъ автографѣ подъ стихами приписано: «Veux tu m'aimer. 18. 19. mai 1824. pl. s. D.» П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина, печатая «Иностранку» подъ 1824 г. (т. II, стр. 351—352), объявлялъ въ примѣчаніяхъ (ibid., 377), что пьеса «въ рукописи имѣетъ заглавіе «Въ Альбомъ» и помѣтку: «19 Мая 1824 г.»; заглавіе рукописи объявляетъ стихъ: «На чуждыя черты взираю»; вѣроятно, въ альбомѣ находился портретъ Пушкина». Въ другомъ мѣстѣ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 244) Анненковъ писалъ: «подъ пьесой въ рукописи (?) стоятъ и слова: Veux-tu m'aimer? Point de D'». Не Дециль ли, о которомъ мы упоминали?». (См. о немъ во II т. настоящаго изданія, стр. 171, 586. «П. въ Александр. эпоху», 192—193). Объясненія Анненкова не поддерживаютъ критики: «чуждыми чертами» Пушкинъ могъ называть не свое лицо, конечно, хорошо знакомое женщинамъ, которой посвящались стихи, а свои строки, названные «на языкѣ не внятномъ» иностранки; помѣтка: «pl. s. D.» была не только невѣрно прочтена Анненковымъ, но и отнесена къ Децилю безъ всякаго основанія. Значеніе этой помѣтки отъ насъ скрыто.

Кто была «иностранка», неизвѣстно. Братъ Пушкина въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ рассказываетъ: «одна иностранка, оставила Россію, просила Пушкина написать ей что-нибудь въ память самыхъ близкихъ двухлѣтнихъ ихъ отношеній. Онъ написалъ ей пьесу: «На языкѣ тебѣ не внятномъ» и пр. Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія, просила перевода, но Пушкинъ предложилъ ей обратиться для сего къ первому русскому, котораго она встрѣтитъ за границею... («Москвитинскіе» 1853 г., ч. III, № 10, май, кн. 2; также у Л. П. Майкова, «Пушкинъ», стр. 9—10). Повторя тотъ же рассказъ, Анненковъ въ своихъ «Материалахъ для біографіи Пушкина», (изд. 1-ое, 1855 г., стр. 84—85) ищетъ эту иностранку среди кишиневскихъ знакомыхъ Пушкина: «отъ пребыванія его въ Кишиневѣ осталось еще воспоминаніе въ двухъ стихотвореніяхъ: «Гречанка» («Ты рождена воссламенять!»...) и «Иностранка»... К. П. Зеленецкій («Госвожа Ризницъ и Пушкинъ» — «Одесск. Вѣстникъ» 1856 г., т. III, № 11, июнь, кн. 1; перепеч. въ сборникѣ В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887 г.) говоритъ («Отзывы», 142—143): «весною 1824 г. г-жа Ризницъ уѣхала за границу... Она не могла, въ продолженіе кратковременнаго своего пребыванія въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по-русски: въ домѣ у нея, кромѣ разабъ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, поэтому, правдоподобно, что стихотвореніе «Иностранка» писано къ ней. Притомъ тутъ упоминается о «зabлужденіи пріятномъ», въ которомъ поэтъ долго могъ находиться по отношенію къ

своему совернику... Далѣе, ссылаясь на сообщеніе Л. С. Пушкина и даже произвольно исправляя его показаніе о двухлѣтнихъ отношеніяхъ иностранки къ поэту («двухлѣтнихъ» — ищетъ Зеленецкій, одесскій критикъ находилъ, что «по характеру г-жи Ризницъ, по настроенію ея чувства и по тому, что особенно занимало ее мысли, весьма немудрено, что случай этотъ былъ именно съ нею, и что стихи писаны именно къ ней», А. П. Зеленовъ («П — нъ въ его поэзіи», СПб., 1882, стр. 148) находилъ догадку Зеленецкаго «основательной» и объясненія его «справедливыми». Такъ же согласенъ съ Зеленецкимъ авторъ другой статьи о Ризницѣ, П. Антоновичъ («Г-жа Ризницъ и Пушкинъ» — «Южно-Русскій Альманахъ», изд. Ю. Саудомирскаго, Од., 1899, литерат. отд., стр. 11—19), который повторяетъ слова Зеленецкаго: «это стихотвореніе 1824 г. «Иностранка», писанное напрошеніе съ нею, при отъѣздѣ ея за границу, относится къ г-жѣ Ризницѣ, а не къ какой-либо другой дамѣ, доказывається тѣмъ, что никакою другою иностранкой, которая бы въ 1824 г. уѣхала за границу, Пушкинъ въ Одессѣ занять не былъ»... Сопоставляя «Иностранку» и посвященные Ризницѣ стихи «Простишь ли мнѣ решившя мечты»..., г. Антоновичъ приходитъ къ странному выводу: «ясно, что и тамъ, и здѣсь говорится объ отношеніяхъ къ поэту одного лица»... Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе П. Е. Щеголева («Амалия Ризницъ въ поэзіи А. С. Пушкина» — «Вѣсти. Европы» 1904 г., январь, 323—324), который, основываясь на хронологической помѣткѣ подъ стихотвореніемъ, объявляетъ: «Ризницъ подучила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и выѣхала въ первые числа мая. Съ пькоторой натяжкой можно было бы первые числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризницѣ. По этому мнѣняется, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т. е. того времени, когда «Ризницъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризницѣ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приносить къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризницѣ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно». Соображенія Анненкова и П. Е. Щеголева наиболее близки къ истинѣ.

Всякія догадки должны основываться на фактическомъ и никакъ не оспоренномъ сообщеніи такого близкаго къ Пушкину человека, какъ его братъ, который говорилъ о двухлѣтнихъ близкихъ отношеніяхъ поэта къ иностранкѣ. Ризницъ же въ Одессѣ прожила не два года, а только годъ (см. во II т. настоящаго изданія наши примѣчанія къ № 372. «Двухлѣтнія» отношенія могли вестись только въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ прожилъ два года и девять мѣсяцевъ, а не въ Одессѣ, гдѣ онъ прожилъ годъ съ небольшимъ. Помѣтка «18. 19 май 1824» подъ черновикомъ 2367-й музейной тетради выдвигаетъ пькоторая сомнѣнія. Весьма возможно, что она вовсе не связана съ

шесой (такіе примѣры попадаются въ рукописяхъ Пушкина), и вся непонятная намъ запись: «Veux tu m'aimer. 18. 19. mai 1824. pl. s. D.» относится къ какому-нибудь эпизоду одесской жизни поэта, неизвѣстному намъ; въ той части 2367-ой тетради, гдѣ находится черновикъ разбираемой пьесы, перебиваны между собою стихи 1821-1827 гг. онъ записанъ между стихами «Свободы святель пустынный»... 1823 г., и—«Ты Богоматерь»... 1827 г. Быть можетъ, стихи, дѣйствительно, окончательно отдѣланы въ 1824 г. въ Одессѣ, по «пюстраккѣ», во всякомъ случаѣ, не Ризничъ и принадлежатъ, согласно указанію брата Пушкина, вѣрнѣе къ кишиневскимъ знакомымъ поэта; къ тому же два первые наброска пьесы относятся безъ всякаго сомнѣнія къ кишиневскому періоду. «Заблужденіе пріятное», которое такъ криво толковала Зеленецкія, объясняется самымъ стихотвореніемъ: поэтъ склоненъ думать, что, надвѣсь на вниманіе пюстракки, вѣроятно заблуждается.

Вѣнскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упоминаетъ «Пюстраккѣ» въ числѣ лучшихъ, «самобытныхъ» пьесъ Пушкина. Стихотвореніе не говоритъ о глубокомъ, серьезномъ чувствѣ, какое дышитъ, напримѣръ, въ посвященныя Ризничъ стихахъ «Простынь ли мнѣ ревнивыя мечты»... Блестящее по формѣ, оно по тону сбивается скорѣе на типичное альбомное посвященіе, изъ тѣхъ, въ которыхъ, выражаясь словами «Онѣгина»,

вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски...

382. ПОЛУ-ГЕРОИ, ПОЛУ-ПЕВЪЖДА...

т. II, стр. 210.

Впервые эпиграмма появилась, подъ заглавіемъ: «Графу В—ву», въ сборникѣ Русскаго (И. В. Гербеля) «Стихотвореній А. С. Пушкина, первоначальныхъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1868, стр. 100, затѣмъ—въ «Русск. Архивѣ» 1876 г., № 10, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить начиная съ изданія 1880 г., т. I, № 2, гдѣ была напечатана подъ заглавіемъ: На В—ва». Прежній текстъ, значительно отличающійся отъ принятаго въ настоящемъ изданіи, былъ взятъ изъ неизвѣстнаго источника и не можетъ быть признанъ авторитетнымъ. Здѣсь воспроизведена эпиграмма въ той редакціи, въ которой записалъ ее самъ Пушкинъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому 10 октября 1824 г. (впервые напечатанномъ въ «Старинѣ и Новизнѣ», кн. V, 1902 г., стр. 13, гдѣ она прямо отнесена къ графу М. С. Воронцову).

Создалась она, вѣроятно, нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, еще во время пребыванія поэта въ Одессѣ. «Мрачное настроеніе духа Александра Сергѣевича, — разсказываетъ П. П. Антраци («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477—1478), — породило много эпиграммъ, изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но вошла на бумагу и сдѣлалась извѣстной... Начались смѣлки, интриги, которыя еще болѣе тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы графъ, черезъ кого-то, изъяснилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ. Услышавъ въ которыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не нужно было искать, къ чьему портрету они мѣтили. Пушкинъ забвралъ меня, что

стихи эти написаны не были, но какъ-то раза два или три имъ были повторены и такъ попали на бумагу». Должно быть, такимъ образомъ и позинка извѣстная прежде редакціи эпиграммы. «Полу-Милордъ Воронцовъ даже не подругерой» — писалъ Пушкинъ Жуковскому 29 ноября 1824 г.). Прозвище «полу-Милордъ» упрочилось за Воронцовымъ; такъ называетъ его П. С. Алексѣевъ въ письмѣ къ Пушкину 30 октября 1826 г. «Полуподдѣломъ» названъ Воронцовъ также въ одномъ вариантѣ эпиграммы «Сказали разъ царю»... (см. ниже, примѣч. къ № 402). Эпиграмма была въ свое время весьма извѣстна; подражаніе ей находимъ въ «Интерат. Прибавленійхъ изъ Русск. Шивалиду» 1831 г., № 20, стр. 159—стихотвореніе Загорскаго «Падшихъ къ дому, въ которомъ жилъ поэтъ Баратынскій въ Гельзенфорсѣ».

Объ отношеніяхъ Пушкина и Воронцова см. статью «Пушкинъ въ Одессѣ» (во II томѣ) и примѣчанія къ №№ 371, 383, 394, 402, 423, 429, 492, 494.

383. САРАНЧА ЛЕТѢЛА, ЛЕТѢЛА...

т. II, стр. 210.

Четверостишіе впервые было напечатано въ статьѣ К. П. Зеленецкаго «Свѣдѣнія о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ и примѣчанія къ описанію Одессы, помѣщенному въ Евгеніи Онѣгинѣ» («Москвитинъ» 1854 г., т. III, № 9, отд. V, стр. II); см. его же замѣтку въ «Библиографіи Запискахъ» 1858 г., № 5, стр. 137. Въ собраніи произведеній Пушкина оно стало входить начиная съ перваго изданія Г. П. Гегелди, прилож., 1860 г., стр. 59. Въ этой шуткѣ видѣтъ комическій «ранортъ», который будто бы подаль Пушкинъ Воронцову по возвращеніи изъ командировки на истребленіе саранчи. Между тѣмъ, изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что Пушкину, который «возвратясь подаль донесеніе объ истребленіи порученнаго» (см. во II т. ст. «Пушкинъ въ Одессѣ», стр. 280), было далеко не то шутокъ; къ тому же Пушкинъ тогда не былъ торжествующей въ столкновеніи стороню, былъ униженъ Воронцовымъ и шутить такимъ образомъ значило бы издѣваться, да еще незадуманно издѣваться надъ самимъ собою, тогда какъ Пушкинъ чувствовалъ себя правымъ. Стишки, можетъ быть, и одесскаго происхожденія и даже современны Пушкину, но въ силу только-что сказаннаго, едва-ли могутъ быть приписаны ему. Пушкину приписывается, и такъ же безосновательно, еще одинъ подобный ранортъ о саранчѣ — П. П. Изову, длинный, не только въ стихахъ, но и въ прозѣ; см. поизвѣстную фальсификацію кишиневскихъ «семейныхъ преданій» о Пушкинѣ Е. Францовой [Киріенко-Волошиновой] въ «Русск. Обозр.» 1897 г.

384. ГИМКОВСКИИ ЦАРСТВОВАТЬ...

т. II, стр. 211.

Автографъ этой эпиграммы неизвѣстенъ. Впервые она появилась въ сборникѣ П. В. Гербеля «Русскаго «Стихотворенія А. С. Пушкина, первоначальныхъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861, стр. 117, а въ собраніи произведеній Пушкина

стали входить начиная съ изданіи 1880 г., т. I, стр. 151). За принадлежность ей Пушкину ругается не только характерный пушкинскій стихъ, не только остроуміе, но и однородные прозаическіе отзывы Пушкина объ обоихъ цензорахъ, разбрасанные въ письмахъ поэта. Въ 1824 г. кнѣзи А. П. Голицына на посту министра народного просвѣщенія смѣнилъ А. С. Шишковъ, и Пушкинъ сталъ надѣяться на благоприятныя для литературы перемены въ цензурномъ вѣдомствѣ, подчиненномъ тогда министру народного просвѣщенія. «Съ перемѣною министерства»—писалъ онъ брату 13 іюня 1824 г.—«ожидано и перемены цензуры. А жаль... In course d'être peiné. Вируковъ и Красовскій не въ терпѣхъ были古人, своеправны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться». Затѣмъ поэтически «панхиду» по Байроу, поэтъ остановился, «справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Вирукова, раздѣленнаго на Красовскаго» дис. къ Вяземскому 10 октября 1824 г.. Но надежда Пушкина не сбылась. П. Красовскій, и Вируковъ остались цензорами. Александръ Ивановичъ Красовскій род. въ 1776 г., умеръ 19 ноября 1837 г. съ 1821 г. служилъ цензоромъ, а съ 1833 г. до самой смерти былъ предѣвателемъ комитета иностранной цензуры; въ дѣлѣсахъ русской литературы унаслѣдовалъ множество курьезныхъ разсказовъ о цензурной подозрительности этого тишинаго немчоната. Александръ Степановичъ Вируковъ род. 2 іюня 1772 г., ум. 31 мая 1844 г., былъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета въ 1821—1826 гг. Свѣдѣнія о нихъ см. въ «Остафьевск. Архивѣ», II, 320—321. Съ Вируковымъ Пушкину пришлось имѣть дѣло. Этотъ цензоръ былъ довольно «добрыи малый», какъ называлъ его Пушкинъ; его можно было иной разъ уломать, хотя вообще былъ «фи-дѣти, блаженной дѣтя», и Пушкинъ боялся, что онъ не пропуститъ «Ойбгиза»; однако имъ была разрѣшена первая глава романа, и Пушкинъ собирался печатать свой первый сборникъ стиховъ, писалъ брату въ П. А. Пастуху (15 марта 1823 г.): «Вируковъ человекъ провѣщенный; кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣлать имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Шлиъ повинуюсь его приговорамъ безудовольно». Сборникъ вышелъ сравнительно довольно неповрежденнымъ («изъ-подъ Вирукова», какъ выражался Пушкинъ. Вообще цензурный шель оказался не такъ сиденъ, какъ ожидалъ Пушкинъ, который въ слѣдующемъ году самъ призвалъ «улучшеніе цензуры» письмомъ къ Вяземскому въ началѣ іюля 1825 г.). Но эти «красные» дни тянулись недолго, и особенно жестокая цензурная притѣсенія начались въ царствованіе Николая Павловича; въ 1836 г. Пушкинъ писалъ А. В. Давыдову, что русскіе писатели «никогда не бывали притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее патлатіе царствованія императора Александра, когда вся литература дѣлалась рукописною благодаря Красовскому и Вирукову».

О прежнемъ цензорѣ П. О. Тимковскомъ, разрѣшившемъ въ 1820 г. «Руслана и Людмилу», Пушкинъ вспоминалъ не разъ. Въ письмѣ 23 марта 1821 г. къ Дельвину онъ писалъ: «О чемъ цензуру ни прошу, отъ всего Тимковскій хмелетъ. Теперь я, право, чуть дышу, отъ воздержанія муза чахнетъ, и рѣдко, рѣдко съ нею грѣшу... Вирукова Пушкинъ называлъ— на своемъ поприщѣ Тимковскаго издѣлывивъ см. ниже,

примѣл. № 393). Въ одномъ официальномъ документѣ («Русск. Арх.» 1908 г., II, прилож., стр. 35). Тимковскому дана такая аттестація—«человекъ добрыхъ свойствъ и позитатель, редкѣи непритворный». Въ томъ же 1824 г. Дельвинъ посвятилъ «Петербуржскимъ цензорамъ» сатирическіе куплеты, памяниющіе эпитаграмму Пушкина: «Передъ вами—царь Тимковскій! Въ вѣнеч славы онъ погасъ; въ по совѣсти поповской цензура, жметъ насъ. Славьтесь, Вируковъ, Красовскій!»... и т. д. (Сочин. бар. А. А. Дельвина, СПб., 1899, стр. 62—63).

По сходству отзывовъ о цензорамъ въ эпитаграммѣ и въ пушкинскихъ письмахъ 1824 г., можно съ значительной вѣроятностью отнести къ этому году.

383. КЪ МОРИЮ.

см. г. II, стр. 211.

Черновые наброски пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, лл. 12 и 12 об., 13 и 18. На 12-мъ листѣ небрежно записаны только три первые стиха четвертой строфы; на лл. 12 об. и 13-мъ—перебѣденный, но еще не отдѣланный окончательно текстъ подъ заглавіемъ: «Морю, 1824», съ нѣсколькими поправками и состоящій изъ девяти строфъ, соответствующихъ 1—7, 14 и 15-ой строфамъ окончательной редакціи; кромѣ того, тутъ же, на 13-мъ листѣ, записана и 13-ая строфа, но не вполне отдѣланная и перечеркнутая; на 18-мъ листѣ находится набросокъ 8—12-ой строфъ, но очень нескрѣпный и съ трудомъ поддающійся разбору; нѣсколько строфъ, о Панаевѣ, были перенесены изъ него въ окончательную редакцію оды «Панаевъ» (1821 г.). Перебѣденный автографъ пьесы принадлежитъ В. Е. Якушкину. О представляемыхъ рукописями и печатными редакціями вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Поэтъ удѣлялъ стихотворенію много вниманія и тщательно несправлялъ.

Въ печати появилась сначала только извлеченіе изъ пьесы. Въ «Москов. Телеграфѣ» 1825 г., ч. I, стр. 39, въ «Прибавленіи» къ помѣщенной въ той же книжкѣ журнала статьѣ В. Скотта «Характеръ лорда Байрона», было сказано: «великій Байронъ, необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ нашего времени, не долженъ быть судимъ какъ человекъ обыкновенный; въ немъ все превышаетъ посредственность ума и чувства, столь обыкновенную въ нашемъ вѣкѣ. Никто изъ поэтовъ, принесшихъ намъ памяти Байрона, не изобразилъ его такъ правдиво и сильно, какъ нашъ Пушкинъ (въ стихахъ: Прощанье съ моремъ», которые будутъ напечатаны въ 4-ой части «Мнемозины»), говоря: «Рви, волнуйся непогодой!»... и т. д.—слѣдуютъ еще шесть стиховъ. Дѣйствительно, въ «Мнемозинѣ», которую издавали В. К. Кюхельбекеръ и кн. В. О. Одоевскій, ч. IV, стр. 102—104, появилось, безъ раздѣленія на строфы, все стихотвореніе, за исключеніемъ 13-ой строфы, въ которой были оставлены лишь два слова: «Миръ опустѣлъ»...; тутъ же внизу съ лѣвою примѣчаніе: «Въ семь мѣствъ авторъ поставилъ три съ половиной строки точекъ. Издателямъ сіе стихотвореніе доставлено княземъ П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ

пера самого Пушкина. Некоторые списки этого, ходячие по городу, искажены некими прибавлениями. Изд.: Забѣль пьеса была включена в сборник стихотворений Пушкина, изд., 1826 г., стр. 83—86, гдѣ изъ 13-ой строфы приведены два первые стиха, и 1829 г., ч. I, стр. 190—195, съ тѣми же точками, замѣчательными пропущенные стихи 13-ой строфы, что и въ «Мнемозинѣ». Въ наст. изданіи стихотвореніе печатается въ окончательной несправленной Пушкинскими редакціи, представляемой изданіемъ 1829 г., а 13-ая строфа, не совсѣмъ точныя дополненія къ которой были сообщены въ «Библиографіи Запискахъ» 1838 г., № 11, ст. 343, по рукописи по музейной рукописи (л. 13-й); эти дополненія въ правильномъ видѣ были даны въ «Русск. Стар.» 1884 г., июль, стр. 6, и перешли въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 303.

Нодь «некими прибавленіями» издатель «Мнемозины» разумѣлъ всевозможные «вольные» варианты послѣдняго стиха 13-ой строфы: «Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ или просвѣщенъ, или тиранъ». Такъ, въ одной рукописи, на которую указываетъ Н. А. Ефремовъ «Сочин. П., т. VIII, 1905 г., стр. 202» этотъ стихъ таковъ: «Стоитъ нестойкий тиранъ»; въ «Библиограф. Запискахъ» 1838 г., I, с., — «Непросвѣщенъ или тиранъ»; въ изданіяхъ Египади, 1859 г., I, 288, и 1870 г., I, 275: «Коварство, злоба и . . . . .» [тиранъ]; Н. В. Гербель въ берлинскомъ томикѣ 1861 г., стр. 152, указываетъ: «Иль суевѣре, или тиранъ»; въ изданіяхъ Ефремова, 1880 г. (I, 454), 1882 г. (I, 416), 1903 г. (I, 505), даже: «Иль самоластье, или тиранъ!» Перечисляемъ стихотворенія хотѣлось какъ можно ярче усилить, «революционизировать» текстъ. Между тѣмъ, мысль Пушкина очень ясна; въ ней отразилась старая романтическая идея: «просвѣщенъ», т.-е. вѣщную культуру, сотканную изъ жи и услонностей, поэтъ считаетъ не менѣе враждебной блугу истинной, естественной свободы, чѣмъ тиранія. Эта мысль была вполнѣ въ духѣ оцѣниваемого Пушкинымъ великаго англійскаго поэта. То же поэтъ Алеко слыду (см. ниже, № 397): «Нодь сѣбно мирнаго заблѣны пуская цыгана блднѣйшъ вьукъ не знаеть пбни просвѣщенъ и шашной суеты наукъ».

Когда въ Одессу пришла вѣсть о шезанной кончинѣ Байрона, Пушкинъ былъ потрясенъ. На шуршеющей сторонѣ задней доски тетради, въ которой находятся черновые стихи разбираемой пьесы, онъ записалъ дату горестнаго событія: «1824, 1917 авг. mort de Byron» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., июль, I). Другъ поэта, кн. П. А. Вяземскій писалъ А. Н. Тургеневу 26 мая: «Греція древняя, Греція нашихъ дней и Байронъ мертвый—это океанъ поэзій! Надъсь на Пушкина». («Остаф. Архивъ», III, 49). «Смерть его въ виду всей возрождающейся Греціи, конечно, завидная и поэтическая. — писалъ Вяземскій Тургеневу 3-го июня (ib., 31),—Пушкинъ, вѣрно, схватить моментъ сей и воспользуется случаемъ». Желѣ своемъ Вѣрѣ Феодоровѣ, находившейся тогда въ Одессѣ, Вяземскій писалъ: «Ты и смерть Байрона не выходишь у меня изъ головы и изъ сердца» («Остаф. Архивъ», V, вын. I, стр. 9); скорѣе въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, 6 июня (ib., 11), онъ поручилъ ей: «здравъ Пушкина тогдашъ писать на смерть Байрона», а 16 июня (ib., 15) снова напомнилъ: «ожидая его подробной пбени Байрону». Пушкинъ отбѣчалъ на эти вызовы въ серединѣ июня: «По твоимъ письмамъ въ Кн. Вѣрѣ вижу, что и тебѣ

и Кюхельбекерю и тошно; тебѣ грустно по Байрону, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзій. Геній Байрона блднѣль съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не включая и Кайна, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ, который создалъ Гаура и Чильдъ Гарольда. Первые 2 пбени Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнилась. Онъ весь созданъ былъ наыворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—процѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пбени Child Harold Байрона мы не слышали, а писалъ какой то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ». Вяземскій, вѣроятно, совѣтовалъ другу продолжать «Чайльдъ Гарольда», избравъ предметомъ поэмы смерть Гарольда-Байрона въ разгарѣ войны за освобожденіе грековъ. Но Пушкинъ, уже разочаровавшийся въ прежнемъ увлеченіи греческимъ движеніемъ (см. во II т. настоящаго изданія примечанія къ № 369), писалъ Вяземскому: «Твоя мысль воспыть его смерть въ 5-й пбени его Герод прелестна—но мѣ въ не силамъ Греція мѣ огадна. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Пегроны; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщеніе Европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Лезуны патологовали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ, а мы воображали, что наивнѣйшій народъ, состоящій изъ разбойниковъ и плавонщиковъ, есть законорожденный нхъ потомокъ и наследникъ нхъ школьной славы. Ты скажешь что я перемѣнилъ свое мнѣніе... Прибавь бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтиада и ты бы со мною согласился. Да помотри, что писалъ тому нѣсколько дѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold—тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, поминишь, въ Смирнѣ. Общаю тебѣ однако же вирни на смерть Его Превосходительства». Вяземскій не усталъ торонить Пушкина и все писалъ жемѣ: «пуская онъ мѣтъ пришлетъ скорѣе стихи на смерть Байрона; я и самъ хочю прозною написать о томъ же. Вмѣстѣ напечатать!» (пис. 21 июня—ib., 17) «кладящая Пушкину. Что же Байрона? И Дашковъ пишетъ ко мѣтъ, что онъ надѣется на него» (6 июля—ib., 26). Вяземскій выдѣлялъ и Жуковскаго писать о Байронѣ. «Какая поэтическая смерть—смерть Байрона!»—говоритъ онъ въ цитированномъ выше письмѣ къ А. Н. Тургеневу. «Завидую пвѣдамъ, которые достойно поспонютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому! Если онъ нмъ не воспользуется, то дѣло конечно: знати, пламенникъ его погасъ». («Остаф. Арх.» III, 48—49). Самому Жуковскому Вяземскій писалъ 9-го сентября: «Я не могу простить тебѣ твое молчаніе о Байронѣ... у насъ одинъ Кюхельбекеръ провалъ на его могилѣ. А отъ тебя и Пушкина не могъ добиться. Странные вы люди! Да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, и почти обрадовалъ бы смерти Байрона какъ поэтическому кладу, брошенному съ неба на прозаческую дощину нашего сухого пька. Байронъ пладѣвъ не только умозрительную поэзію, но онъ осуществилъ въ практическую поэзію. Наполеонъ на скалѣ святой Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтические фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какой-то религиозная гниетивность, т.-е. религіи не поповской, а той,

которая была составлена из философии и поэзии. В них смерти отзывается что-то такое смертью Эдина. Ираха силь дух великих людей должен быть принят действительной землею, еще чистую от прикосновения того, что может назваться гнилью европейскою, из виду природы еще поузрещенной... (см. «Къ биографіи А. С. Н.—на», вып. II, М., 1885, стр. 26). Но через мѣсяцъ Пушкинъ уже навѣщалъ Вяземскаго (10 октября): «посылаю тебѣ маленькое поминанье за упокой души раба Боскіа Байрона. Я было и цѣлую панхимиду затѣлъ, да скучно писать про себя или сравнивать въ умѣ съ табличкой умноженія глупости Вирюкова, раздѣленной на Красовскаго... о нихъ см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 384.

Пушкинъ прислалъ мнѣ предѣльные стихи: Прощанье съ моремъ...—общалъ 27 октября Вяземскій Тургеневу «Остаф. Арх.», III, 87, а Тургеневъ въ отвѣтномъ письмѣ, 31 октября, просилъ его: «прини поскорѣ присеу Пушкина» (ib., 88). «Твое море предѣльно!»—отвѣчалъ Вяземскій Пушкину 6-го ноября,—я затвердилъ его наизусть точася, а это по мнѣ великая примѣта» (Переписка Н., абат. изд., I, 145). Этими данными опредѣляется хронологія пьесы. Начатая, суди по первымъ строфамъ, впрямую, еще въ Одессѣ, передъ отъѣздомъ, пьеса была закончена лишь мѣсяца черезъ два, въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1824 г. Пушкинъ сначала не хотѣлъ отдать ее въ «Мнемозину» за то, что Кюхельбекеръ небрежно, съ ошибками начекалъ «Демона», и въ письмѣ къ брату, 4 декабря, распорядился: «не давать ему ни Моря, ни канда стиховъ отъ меня», но потомъ переимѣнилъ глѣвъ на милость, хотя еще 25 января 1825 г. спрашивалъ Вяземскаго о «Московск. Телеграфѣ»: «что тамъ моего? Море или телега?... Но въ «Телеграфѣ» появился лишь небольшой отрывокъ изъ пьесы.

Смерть Байрона въ современной русской литературѣ отзывалась рядомъ поэтическихъ откликовъ. Упоминаемый Вяземскимъ въ письмѣ къ Жуковскому «вой» В. К. Кюхельбекера, стихотвореніе «Смерть Байрона», раздался въ «Мнемозинѣ», ч. III, стр. 190 сл., есть отдѣльное издание, М., 1824, стр. 1—11; здѣсь Кюхельбекеръ упоминаетъ о Пушкинѣ... «И кто же въ сей священный часъ одинъ не мыслить о покоѣ? Одинъ, въ безмолвн. ночное, въ прозрачный сумракъ погружаясь, надъ моремъ и надъ звѣздами хоромъ блуждаетъ вдохновеннымъ взоромъ? И введъ, любимецъ россиянъ, въ странѣ Назонова цѣлнша, пѣвнымъ восторгомъ обаять, съ очами полными мечтанъ, сидитъ на крутизѣ одинъ; у ногъ его шумитъ Эвксинъ... Я вижу—сладостный введъ во прахъ пошернудъ свой введъ... и т. д. Слѣпой поэтъ Н. И. Козловъ написалъ пьесу «Байронъ», которую посвятилъ Пушкину («Новости Литературы» 1824 г., вып. XII, декабрь, стр. 86—90); ему же посвятилъ Козловъ отрывокъ изъ «Чайльдъ Гарольда» («Къ Морю»; о Байронѣ онъ говоритъ и въ извѣстной фангазіи «Венеціанская ночь», которая очень понравилась Пушкину. Рыльскій написалъ оду «На смерть Байрона»; въ ней онъ со своимъ обычнымъ гражданскимъ лиризмомъ говоритъ: «къ гонимымъ юрка равнодушнень, онъ гению лишь былъ послушнень, пластей другихъ не признавалъ... Друзья свободы и Элады воздѣ въ слезахъ въ укоръ судьба; одни тираны и рабы его внезапной смерти рады... Писалъ и другіе авторы. Вяземскій прислалъ жену («Остаф. Арх.», V, вып. I, стр. 37): «если у васъ что получено о смерти Байрона, на

какомъ бы то языкѣ ни было, пришли мнѣ все» «Узнавъ отъ ней,—разсказываешь въ своихъ запискахъ графъ М. Д. Бутурлинъ («Русс. Арх.», 1897 г., II, 23,—что князь Петръ Андреевичъ собираетъ все, что писалось въ то время о недавней кончинѣ лорда Байрона, сумелъ и въ своемъ лентоу въ видѣ англійской ода, такъ какъ и мараквалъ англійскій виринъ. Самъ Вяземскій, котораго Пушкинъ, въ свою очередь, приглашалъ писать о Байронѣ, лишь черезъ годъ заболѣвъ «стихотворческою лихорачкою» («выдрожалъ или вынотѣлъ») («Остаф. Арх.», ib., 86) написалъ риторическое стихотвореніе «Байронъ», напечатано въ «Московск. Телеграфѣ» 1827 г., ч. 13, стр. 48 сл. Черезъ много лѣтъ Вяземскій вспоминалъ («Байронъ», 1864 г.—Сочин. Вяземскаго, XII, 60—61): «... Что за шумъ былъ, что за праздникъ, когда раздаста пѣснь пѣвца! Ея заслушивались страстно, съ ума сполна онъ цѣлый мѣръ, толпой ираха онъ самовластно, ея и деснотъ, и кумиръ. Нашъ вѣкъ, два поколѣнія наши имъ бредили. И старъ, и младъ шлѣ изъ его волшебной чаши струею сладкій медъ и ады... И Пушкинъ, въ юности грѣховной къ нему поддѣлнвшесъ, хромалъ, пока не, сбросивъ шеть условной, самъ твердымъ шагомъ зашагалъ... Объ отношеніяхъ Пушкина къ Байрону см. въ II томѣ настоящаго изданія статья П. И. Данилевича «Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина».

Задуманной было «цѣлой панхимиды» по Байронѣ Пушкинъ не провѣлъ, потому что его пѣснью расхолодила мысль о Вирюковѣ и Красовскомъ, о невозможности общенія съ читателемъ; но, исполнивъ данное Вяземскому обещаніе, онъ сочелъ нѣсколько стиховъ о великомъ поэтѣ, духовную стихію котораго великолюбно выразилъ въ традиціонномъ образѣ океана, съ трогательнымъ обращеніемъ къ морю, которое одно онъ покидалъ съ тоскою, вообще безъ огорода сожалѣній узкая «отъ мыслъ южныхъ дамъ, отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ, отъ оныры, отъ темныхъ дожъ и, слава Богу, отъ вельможь»... Пушкинъ вспоминаетъ здѣсь о той «могучей страсти», которая остановила его, уже приототвнншагося къ побѣгу изъ Россіи (объ этомъ см. ниже, примѣч. къ №№ 387 и 417). Въ обращеніи Пушкина къ морю есть мѣсто, общее съ обращеніемъ къ нему «вѣвца моря»—Байрона въ послѣдней пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда», отрывки изъ котораго приводимъ въ переводѣ Н. И. Козлова):

Теки, шуми, о море глубокъ! : 39
 Несмѣнный флотъ—ничто твоимъ волнамъ,
 И человекъ, губящій все земное,
 Гдѣ твоей предѣлъ уже страннѣе самъ.
 Возстанешь ты,—и горе кораблямъ...
 Твое поля злодѣи не завоютъ,
 Твое стези не для его шаговъ,
 Свободно ты...
 Потернудо ты вѣной бурншахъ воду
 Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ...

«Сходство обонхъ обращеній, — замѣчаетъ прослѣдившій эту параллель А. И. Подвижанскій (см. его изданіе Сочин. П. иа, т. I, изд. 3-е, стр. 154—155),—ограничивается тѣмъ, что оба поэта изображаютъ море свободнымъ и неукротимымъ, и оба прибѣгаютъ къ мысли о немъ въ тяжелыя минуты жизни. Значительнѣе различіе обонхъ поэтонъ въ этомъ обращеніи въ стихахъ. У Бай-

рона выдвинуты одѣб грозныя стороны моря; оно привлекаетъ его какъ стихія губительная, равно поглощающая и сильнаго порабощеннаго, и цѣлую армаду воиновъ; оно либо ему какъ стихія вѣчная и неизмѣнная, переживающая всякія перемѣны непостоянной жизни людей; оно для Байрона—зеркало Творца, котораго онъ знаетъ лишь въ его грозной силѣ; наконецъ, съ океаномъ соединяются у Байрона воспоминанія о первыхъ проявленіяхъ собственной своевольной души, играющей съ опасными волнами. Не то у Пушкина. Ему море представляется другомъ, который призываетъ его заунывнымъ ропотомъ своимъ; шумъ его не грозенъ, но грустенъ; въ его воображеніи оно запечатлѣлось не столько грозными мнунтами, которыя—только его своеобразные порывы, сколько своею тишиною въ вечерніе часы; море Пушкину является не только губителемъ человѣка, но и его хранителемъ; краса его торжественная, и общій образъ моря, при первой о немъ мысли—блестящій, и образъ, уносимый поэтомъ при разстаніи съ нимъ—образъ не бурнаго моря; онъ уноситъ съ собою его «блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ». И лично для Пушкина море представлялось другомъ, которому онъ готовъ быть съ восторгомъ вѣрять себя въ тяжелую минуту жизни». Быть можетъ, въ стихахъ Пушкина отозвалось также рикшетомъ то же байроническое вліяніе, переданное черезъ другаго поэта—Ламартина, тяготѣвшаго къ «властителю думъ» начала XIX вѣка. То стихотвореніе Ламартина, слабый отголосокъ котораго слышится въ пьесѣ Пушкина, называется «Adieu à la mer» (M. A. de Lamartine, Oeuvres, t. II, Nouvelles méditations poétiques, Par., 1849, pp. 183—188) и напечатано въ 1820—1822 гг. Нѣкоторыя строфы этого стихотворенія напоминаютъ пушкинскую пьесу,—напримѣръ:

Murmure autour de ma nacelle,
 Donc mer dont les flots chéris,
 Ainsi qu'une amante fidèle,
 Jettent une plainte éternelle...
 Aussi libre que la pensée,
 Tu brises le vaisseau des rois,
 Et dans ta colère insensée
 Fidèle au Dieu qui t'a lancée,
 Tu ne t'arrêtes qu'à sa voix...
 Flotte au hasard: sur quelque plage
 Que tu me fasses dériver,
 Chaque flot m'apporte une image,
 Chaque rocher de ton rivage
 Me fait souvenir ou rêver!

Пушкинское прощаніе съ моремъ по чувству непосредственнѣе, съ вѣншей стороны и съатѣе, и богаче ламартиновскаго, съ его риторикой, шашной трескотней и длиннотами.

Не только съ моремъ, но только съ Байрономъ прощался Пушкинъ, но и съ частью собственной души, съ тѣми мотивами, которые прежде такъ прочно владѣли имъ и которые отнынѣ перестаютъ слышаться въ его поэзіи. «Кто, полно, васъ остановилъ, кто оковалъ ваши вѣвъ могучій!...—спрашивалъ онъ въ 1822 г. см. во II т. настоящаго издаанія, № 359) и взывалъ:

(Вы, бури), вѣтры, взройте воды,
 Разрушите габельный олотъ!
 Гдѣ ты, гроза? символъ [свободы],
 Прочтись поверхъ невозможныхъ водъ!...

Но и тогда уже (см. ibid., № 366) въ его душу закрадывался червь скепсиса, и онъ писалъ:

Вездѣ яремъ, сѣкира или вѣнецъ,
 Вездѣ злодѣи или малодушной
 Предразсужденія
 Тиранинъ-дѣтедь,
 Предразсудковъ рабъ послушной!...

Это чувство полнѣе и рѣзче сказалось въ словахъ прощанія съ моремъ: «Судьба людей повсюду та же: гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ или просвѣщеніе, или тиранъ!... Большую твердость и законченность выраженію этого чувства придало, можетъ быть одно случайное литературное впечатлѣніе, относящееся какъ разъ къ тому времени, когда создавалось «Къ морю». Пушкинъ разсказывалъ: «въ Одессѣ англичанинъ Раевскій... дѣла мифъ... «Ватекъ», сочиненіе какого-то мистера Бекфорда, который никогда и не былъ настоящимъ писателемъ. Этого «Ватекъ» меня заинтересовалъ. Это восточная поэма въ прозѣ, авторъ которой, должно быть, былъ очень молодъ, когда писалъ ее. Въ этой маленькой книжечкѣ такъ много жизни и молодого воображенія. Авторъ даже проповѣдуетъ то, что проповѣдывалъ по-своему Дефое въ Робинзонѣ, а Дефое относится къ гораздо болѣе отдаленному времени, чѣмъ Жанъ-Жакъ Руссо и его ученіе о превосходствѣ чловѣка, живущаго ближе къ природѣ и неграмотнаго» (Записки Смирновой, I, 299). Когда въ 1826 г. разнеслась вѣсть, что эмигранта П. П. Тургенева, выданнаго иностранными властями русскимъ, привели на кораблѣ изъ-за границы, Пушкинъ писалъ Вяземскому, недавно передавшему ему свою пьесу «Море»: «Не слава его. Въ нашъ гнусный вѣкъ сѣдой Нептунъ земли союзникъ. На всѣхъ стихіяхъ чловѣкъ тиранъ, предатель или узникъ!... Вотъ каково море наше хваленое!»...

Рядомъ съ Байрономъ вспоминалъ Пушкинъ и Наполеона, тѣни котораго давно произнесъ слово примиренія съ во II т. настоящаго издаанія, примѣч. къ № 277). Общая концепція пьесы удивительно напоминаетъ ту схему, которую парировалъ Вяземскій въ приведенномъ выше пьесѣ къ Жуковскому; можно думать, что своей прекрасной мыслью Вяземскій подѣлился и съ Пушкинымъ; едва ли такое полное совпаденіе не только мотивовъ, но и образовъ могло быть случайнымъ. Дѣвъ смерти—Наполеона и Байрона—усилили скептическое настроеніе въ душѣ поэта, дѣлающаго культъ героя, говоря по-нынешнему—«сверхчловѣка». «Миръ опустѣлъ»,—сказалъ онъ себѣ, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ его душа обрѣла въ далекомъ прошломъ другаго героя—полубога-полудемона, Петра Великаго, загадочному образу котораго поэтъ отдалъ столько мыслей и вдохновеній. Но и тогда, въ той жалкой юдоли мирнодошья, которую представлялся ему мѣръ безъ Байрона и Наполеона, великій оптимизмъ Пушкина сумѣлъ указать ему утѣшеніе—въ сѣмѣи равнодушной природѣ, въ торжественной красѣ моря, даже въ однихъ сладкихъ воспоминаніяхъ о блескѣ, тѣни и говорѣ южныхъ волнъ.

Бѣлшскій, оценившій стихотвореніе къ «чисто-пушкинскимъ», обличающимъ уже явнѣйшій сокрившій талантъ, выдѣлать его изъ нѣсколькихъ, самыхъ лучшихъ у Пушкина: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства; во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ ста-

рое кривое ино безъ малѣйшей примѣсы воды». Такъ писалъ Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзии,—но еще въ «Литературныхъ мечтанияхъ» онъ упоминалъ: «Къ морю»: «у Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній, у него на большей части все поэма; его поэтическая тризна падъ урами великихъ, то-есть его Андрей Шенье, его могучая безѣда съ Моремъ, его вѣщан дума о Наполеонѣ—поэмы». Слова эти съ сочувственнымъ восторгомъ цитируетъ Анолловъ Григорьевъ (см. Сочин. Григорьева, I, 236).

«Какая разница между героемъ и поэтомъ?—спрашиваетъ вдумчивый Д. С. Мережковскій («Вѣщане спутники. Пушкинъ», изд. 3-е, СПб., 1906, стр. 34).—«По существу—никакой; разница—во вѣщаныхъ проявленіяхъ; герой—поэтъ дѣйствій, поэтъ—герой созерцанія. Оба разрушаютъ старую жизнь, создаютъ новую; оба рождаютъ изъ одной стихіи. Символь этой стихіи въ природѣ для Пушкина—море. Море подобно душѣ поэта и героя. Оно такое же неодолимое и безплодное—только путь къ невѣдомымъ странамъ—океанное земными берегами и безконечно свободное. Галось моря недаромъ понайти только для гений, «какъ друга ровнотъ заунывный, какъ зовъ его въ прощальный часъ». Душа поэта, какъ море, любитъ смиренныхъ дѣтей природы, ненавидитъ самодовольныхъ, мечтающихъ укротить ея дикую стихію. При взглядѣ на море въ душѣ поэта возникаютъ два образа—Наполеонъ и Байронъ. Герой дѣйствій, герой созерцанія, братья по судьбѣ, по силѣ и страданіямъ, они—синовья одной стихіи».

«Вечерние часы», о которыхъ говоритъ предпоследняя строфа,—можетъ быть, обычные часы воспоминаній, тѣ часы, о которыхъ разсказалъ поэтъ («Воспоминаніе», 1828 г.):

Когда для смертнаго умолкнуть шумный
день,

И на пѣвья стоны града

Полупрозрачная наляжетъ ночь тѣнь

И сонъ, дневныхъ трудовъ награда...—

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваетъ свитокъ ..

Въ послѣднихъ двухъ строфахъ идея зачѣтно бросается въ глаза элементъ художественной изобразительности—чередованіе плановыхъ согласныхъ р и л, передающихъ ровнотъ моря. Такой же примѣръ см. также въ наброскѣ «Прійотъ любви, онъ вѣчно полнѣ»... (№ 424-а). Еще ярче и богаче поэтическая игра этими звуками у Лермонтова—въ его «Русалкѣ» («Русалка ныла по рѣкѣ голубой...») и «Тамарѣ» (отъ стиха «Ишь Терекъ въ тѣснѣ дарыла...»).

386. ПРОЗЕРНИЦА.

(т. II, стр. 214).

Первоначальная черновая редакция этой пьесы находится въ 2365-ой тетради московскаго Румицковаго музея (л. 29 об., относящейся къ кнѣжескому періоду жизни поэта, и, какъ можно судить по почерку и по положенію ея среди другихъ черновиковъ, должна быть датирована приблизительно 1821—1822 годомъ; заглавія итѣ; сбоку, на слѣдующей страницѣ, рядомъ съ первыми стихами приписано болѣе поздними чернилами еще нѣсколько стиховъ. Болѣе отдаленная редакция, съ чернильными и карандашными по-

правками, озаглавленная «Прозернина. Подражаніе Парин» и датированная: «26 августа 1824», находится въ 2367-ой тетради Румицковаго музея, л. 27. (Подробности о вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ). Впервые стихотвореніе было помѣщено въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., стр. 293—295, подъ заглавіемъ: «Прозернина» и съ подпискою поэта, а затѣмъ вошло въ сборники стихотвореній Пушкина, 1826 г., стр. 76—77, и 1829 г., ч. I, 187—189. Здѣсь напечатано по этому послѣднему изданію, текстъ котораго отличается отъ текста «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» только малыми начальными буквами въ словахъ: «Гартаръ», «Лидъ», «Элизій», «Нимфы» и отсутствіемъ скобокъ, въ которыхъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» былъ заключенъ стихъ: «И богинямъ вѣстны изѣвна».

Пьеса—вольное переложеніе XXVIII-ой картины (tableau) поэмы Парин «Les déguisements de Vénus», которой Пушкинъ подражалъ еще въ «Фавиѣ и настушкѣ», 1816 г. (см. въ I т. настоящаго изданія, № 76). Сравненіе пушкинскаго переложенія съ стихотвореніемъ Парин см. въ статьѣ П. О. Морозова «Пушкинъ и Парин» (ibid., стр. 392). См. тамъ же №№ 15, 16, 17, 60, 62, 87, 91, 100, 103, 127, 192, и въ настоящемъ томѣ, ниже, № 399.

Получивъ отъ Пушкина для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» «Прозернину», Дельвигъ писалъ ему, 10 сентября 1824 г., что эта пьеса «не стихи, а музыка: это пѣнье райской птички, которое слыша не увидишь, какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти дѣвѣ давно мнѣ знакомы. Сквозь нихъ еще въ лицѣ мени часто выталкивали изъ элизей». Бѣлинскій отнесъ «Прозернину» къ «переходнымъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ «виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предпринимавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей... Можно сказать, что «Прозернина»—побѣда надъ Парин и надъ Батюшковымъ; въ ней лучшіе дучи батюшковской поэзіи собраны, какъ въ великолѣпномъ фокусѣ. Окончательно побѣдивъ въ Батюковѣ и Парин двухъ своихъ прежнихъ учителей, Пушкинъ уже не возвращался къ этой школѣ, и «Прозернина» звучитъ самымъ позднимъ, но и самымъ совершеннымъ отзвукомъ старыхъ лицейскихъ мѣтловъ».

Не къ «Прозернинѣ» ли относится неизданный еще набросокъ: «Вотъ Кошты, вотъ Ахеронъ»..., хранящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина? (см. «П. и его современники», вып. IV, стр. 6).

387. ЗДРАВСТВУИ, ВУЛЬФЪ, ПРІЯТЕЛЬ МОИ.

(т. II, стр. 215).

Впервые стихотвореніе появилось въ дополнительномъ томѣ изданіяхъ П. В. Анненковскихъ сочиненій Пушкина (VI, 91—92), подъ заглавіемъ: «Пѣзъ письма къ А. П. В.» и съ примѣчаніемъ: «стихи, полученные А. П. Вульфомъ въ Дерптѣ, векорѣ по прибытіи Пушкина въ Михайловское въ 1824 г. Лайонъ—Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—по прибытіи брата переставалъ быть Михайловскимъ прикащикомъ, какъ назывался прежде». Стихи стали входить въ собранія сочиненій Пуш-

книга начинала съ перваго изданія Гепиади (1839 г., I, 300—301). Самое письмо Пушкина, пишущагося этими стихами и снабженное припиской сестры Вульфа, Анны Николаевны, которая по мѣткѣ его 20-мъ сентября 1824 г., появилось въ «Русск. Архивѣ» 1867 г., ст. 134, а затѣмъ вошло въ первый сборникъ писемъ Пушкина, составляющій VII томъ Ефремовскаго изданія 1882 г. (стр. 237—238).

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ (род. 17 декабря 1805 г., ум. 17 апрѣля 1881 г.) былъ сынъ тригорской пріятельницы Пушкина, Праск. Александр. Осиповны, рожденной Выдомской, отъ перваго брака ея съ П. П. Вульфомъ. Ребенкомъ онъ былъ записанъ въ нажескій корпусъ, но мать отдала его въ горный корпусъ, а въ 1822 г. онъ поступилъ въ деритскій университетъ, гдѣ познакомился съ Языковымъ, тоже слушавшимъ тамъ лекціи. Въ 1824 г. Пушкинъ, находившійся тогда въ Михайловскомъ, сблизился съ нимъ; знакомы они были, вѣроятно, уже раньше; съ младшимъ братомъ Пушкина, бывшимъ ему почти ровесникомъ, Вульфъ давно уже былъ въ дружбѣ. Пушкинъ впоследствии вѣноминялъ о студентѣ Вульфѣ: «онъ много знаетъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простое и важное. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ... Пушкинъ, повидимому, хорошо понималъ сущность натуры молодого деритскаго бурна, скрывавшагося подъ наружнымъ легкомысліемъ: «я былъ въ двадцать лѣтъ хватомъ,—вспоминать влослѣдствіи о своей юности Вульфъ, — слылъ заблюкою (что тогда и желать, не будучи имъ никогда), шилъ также въ свое время изъ удалства, потомъ влочился за женщинами, какъ франтъ...» Юношеская восторженность Вульфа правилась его старшему другу. Пужко думать, что Вульфъ отанибся, считалъ Ленскаго своимъ портретомъ («тамъ,—разсказываетъ онъ объ «Онѣннѣ» въ своемъ дневникѣ,—я, деритскій студентъ, явился въ нѣдѣ теттингенскаго, подъ названіемъ Ленскаго»), но все-же кое-что въ Ленскомъ дѣйствительно напоминаетъ юнаго Вульфа. Какъ Ленскій въ Онѣннѣ, такъ Вульфъ въ Пушкинѣ нашелъ внимательнаго и сочувствующаго собесѣдника. «Вчера мы съ Алексѣемъ—искалъ Пушкинъ А. П. Кернъ 24 июля 1825 г.,—протворили четыре часа сразу. Никогда еще не было у насъ такой долгой бесѣды». Вульфъ былъ едва ли не первымъ слушателемъ «Годунова», и, вѣроятно, о немъ искалъ поэтъ; «послѣ сущаго обѣда ко мнѣ забреднаго собесѣда, поймавъ нежданно за полу, душу трагедіи въ углу...» («Онѣннѣ», I, XXXV). Отъ Вульфа Пушкинъ услышалъ забавную исторію о чернѣ, пересказанную поэтомъ въ посланіи къ Дельвигу (см. ниже, № 507). Разбираемые стихи относятся къ тому времени, когда Пушкинъ, очутившись въ деревнѣ, еще чувствовалъ себя хорошо вдали отъ «сарачи и милордовъ Уоронцовыхъ». Но скоро положеніе его ухудшилось, и онъ сталъ подумывать о побѣгѣ (см. выше, прим. къ № 385, и ниже, примѣч. къ № 417). Тогда Вульфъ, провозившій въ Тригорскомъ зимнія и лѣтнія пакати, сталъ его по-вѣршишь и даже предлагалъ Пушкину увезти его съ собою подъ видомъ слуги. Но вмѣсто этого плана, опаснаго для самого Вульфа, была придумана другая: Пушкинъ долженъ былъ пріѣхать

въ Дерить, будто бы для того, чтобы посоветоваться о своей болѣзни съ профессоромъ хирургіи Мойеромъ, а уже оттуда бѣжать за границу. Вульфъ издалъ на себя обдзаинность сдѣлать въ Дерить необходимыя приготовленія, «сблѣнить за вѣбъ, что относилось до Пушкина—говорить Анненковъ—и передать по принадлежности поэту, принявъ за условную тему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерить. Но этому плану слова главнаго цензора выражали бы настроеіе высшей правительственной власти относительно михайловскаго пабшика; замѣтки перваго, втораго и т. д. паборщика—мнѣнія того или другаго изъ ея агентовъ и проч.». Но тутъ случилась неожиданная «удача». Родные поэта и Жуковскій добились для Пушкина разршенія лѣчиться въ Исковѣ, куда къ нему долженъ былъ пріѣхать Мойеръ. Пушкину пришлось извиниться передъ Мойеромъ и просить его не пріѣзжать, а Вульфа благодарить «за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ нами, и съ цензоромъ, и съ паборщикомъ, и съ tutti quantis... Задуманный планъ, такимъ образомъ, рухнулъ: это было уже осенью 1825 г. (см. М. П. Семеновскаго, «Прогулка въ Тригорское» — «Сибирск. Вѣдом.» 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175; Анненковъ, «П. въ Александровск. эпоху», 286—291). Съ этимъ планомъ связано упоминаніе о Вульфѣ въ одномъ письмѣ къ брату, написанномъ черезъ три мѣсяца послѣ разбираемаго посланія: «Вульфъ дѣлѣ, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай... переговориться пужко непременно... Но Левъ Сергѣевичъ не пріѣхалъ (объ этомъ см. въ упомянутыхъ примѣчаніяхъ къ № 417). Анненковъ вѣброно объясняетъ, что Пушкинъ звалъ брата «михайловскимъ приказникомъ»: поэтъ просто общается Вульфъ, что шно будетъ доставлено по михайловскимъ приказникомъ, а братомъ Львомъ, который въ шнѣ знаетъ токъ и всегда исполнялъ гастрономическія порученія старшаго брата (см. ниже, примѣч. къ № 416). Въ то же время Пушкинъ послалъ приглашеніе въ стихахъ Языкову, который пріѣхалъ въ Михайловское не скоро—лишь лѣтомъ 1826 г. (см. ниже, примѣч. къ № 389).

Въ 1826 г. Вульфъ вышелъ изъ университета, а въ концѣ 1828 г. поступилъ въ военную службу, и, какъ сказалъ о немъ Пушкинъ, — «пронѣвилъ свои прѣмещія кисти, свое шиво, свои молодые поединки на гнѣдную лошади и на польскія гизы». Служенія его съ Пушкинымъ послѣ отъѣзда поэта изъ Михайловскаго не прерывались. Пушкинъ цѣрѣдка искалъ ему 27 октября 1828 г., 16 октября 1829 г.); поэтъ называлъ пріятеля Лопласомъ и сообщалъ ему разныя нескромныя вѣсти. Цѣрѣдка они встрѣчались; слухующими зиспьями между ними были семья Осиповой и братья Левъ, служившій вмѣстѣ съ Вульфомъ въ Польнѣ. Въ тридцатыхъ годахъ Вульфъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ, и Пушкинъ, увидѣвшій его на этомъ поприщѣ, искалъ въ 1836 г. изъ Михайловскаго Языкову: «Алексѣй Вульфъ здѣсь, отставной студентъ и гусарь, устатый агрономъ, тверекон Лопласъ—но-презкеиу милый, но уже переставившій за тридцатый годъ». Вульфъ дошелъ до глубокой старости и съ теченіемъ лѣтъ превратился въ прикишнстаго скондомъ. Пушкинъ, который считалъ его хорошимъ хозяиномъ, вопреки мнѣнію Осиповой, писавшей поэту, что Alexis en fait d'économie n'est qu'un innocent, по

ошибся въ немъ; изъ чертскаго бурна выработался «строгий баринъ» и заданный защитникъ швейцарскихъ привилегій. Одно время, въ молодости, онъ велъ дневникъ, въ которомъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей о Пушкинѣ. Объ А. П. Вульфѣ, кромѣ указанныхъ выше истощившюся, см. «Пушкинъ», Л. П. Майкова, Сиб., 1899 «А. П. Вульфъ и его дневникъ» и «Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской-Керикъ»; Л. Павлицевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890; Б. А. Модзалевскій, «Побѣда въ с. Тригорское»—«П. и его современники», вып. I: А. П. Керкъ, «Дельвиль и П—въ»—«П. и его совр.», вып. V; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неопубл. бумагъ А. С. П—ва»; М. Семеновскій, «Къ биографіи П—ва»—«Русск. Вѣстн.» 1869 г., т. 84, № 11; «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 404—405; В. Колосовъ, «А. С. П—въ въ Тверской губерніи въ 1827 г.», Тверь, 1888; Стихотворенія П. М. Фадеева Вульфѣ посвящены 8 пьесъ; газ. «Голосъ» 1881 г., № 111.

388. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

т. II, стр. 215.

Черновая этой пьесы, съ поправками и помѣтками «26 сѣнтября 1824», находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, лл. 13 об.—17; на л. 2 об. той же рукописи записаны четыре стиха изъ начала пьесы, а на л. 28 об. находится выписка, съ которой «Разговоръ» былъ впервые напечатанъ при первой главѣ «Онѣгина» (стр. IX—XXII и 60), вышедшей въ серединѣ февраля 1825 г., въ качествѣ вступленія къ ней. Выписка эта (стр. XI, говоритъ: «Замѣтимъ для шекотливыхъ блондисточекъ принципъ, что» Книгопродавецъ и Поэтъ—оба лица вымышленныя. Похвалы первого не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ». Затѣмъ пьеса появилась въ IV части «Стихотвореній Александра Пушкина», 1833 г., стр. 87 сл., съ нѣкоторыми отличіями отъ прежняго текста и замѣчаниями: «было» напечатано при первой главѣ Онѣгина, Ашкенковъ въ VII-мъ, дополнительномъ томѣ своего изданія, стр. 60, напечаталъ пропущенныя Пушкинымъ мѣста: четыре стиха послѣ «Некаль вниманья красотою...», четыре послѣ «Боготворить не устыдился...» и восемь послѣ «Судьбою такъ ужъ рѣшено...», причемъ замѣчалъ: «всѣ эти намеки, разбѣившіе по превосходному стихотворенію, въ послѣдствіи очищенному отъ нихъ при печатаніи, любопытны какъ черты душевнаго настроенія нашего поэта въ 1823—1824 г.». Последній отрывокъ, между прочимъ, напоминаетъ одну французскую замѣтку, находящуюся въ рукописяхъ этой эпохи: «plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues: toutes se sont passablement moqué de moi—toutes, à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes». О печатныхъ и рукописныхъ вариантахъ см. ниже, въ исторіи пушкинскаго текста.

Спрашивая брата, въ концѣ октября 1824 г., о печатаніи «Онѣгина», Пушкинъ поручилъ ему вставить въ «Разговоръ» четверостишіе: «Глаза предѣстные читашъ...» «Печатай, печатай Онѣгина, и съ Разговоромъ»,—подтвердилъ онъ ему недѣли

черезъ три, а 4-го декабря писалъ: «сдѣлай-ли пьесу разговоромъ поставивъ число 1823 годъ? Стихъ «Всѣ жизни одна-ли, двѣ-ли почти» надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ». Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потонувша въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes argûtes-nouveaux ne devraient cet ombrage... Судя по черновымъ рукописямъ, не говоря уже о собственной пушкинской датѣ, «Разговоръ» написанъ въ 1824 году, но, быть можетъ, въ умѣ поэта онъ содѣлалъ еще въ 1823-мъ году или даже раньше. Затѣмъ Пушкинъ въ недолгое время до насъ письмъ требовалъ еще другихъ поправокъ, но первые листы книжки уже были отпечатаны, и вѣсти поправки было поздно. «Твоя дерзливости, — писалъ ему 7 февр. 1825 г. Пастернакъ, — почти не у мѣста. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поимемъ... Въ первомъ изданіи «Разговора» въ стихѣ: «Пускай ихъ юноша поестъ...» было вмѣсто «юноша» сказано «Шаликовъ». По этому поводу Пушкинъ писалъ 19 февр. 1825 г. кн. П. А. Вяземскому: «ты увидишь въ разг. Поэта и книг. Мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человекъ достойный уваженія и надбью, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему неприятна. Онъ имянно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement. Шаликовъ не обидѣлся шуткой и посвятилъ Пушкину весьма дѣльное и главное стихотвореніе («Дамскій Журналъ» 1825 г., ч. 10, № VIII, стр. 68—69), но Пушкинъ, не читавшій еще этого посланія, спрашивалъ Вяземскаго (пис. 25 мая): «Не ужъ ты оны обижается моимъ стихами? воть ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у брата Леона: онъ скажетъ вамъ что увидѣвъ у меня Кн. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ—я было и послышался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikoff. Это могу доказать черновому бумагому».

Въ пьесѣ отразились взгляды поэта на творческую работу, занимавшіе его уже давно, и не разъ то тамъ, то самъ мелькающіе въ ея прекрасныхъ стихахъ. Слова: «Я на иррь воображенья, бывало, музу призывалъ» возсоздаютъ образъ, нарисованный въ посланіи 1821 г. «Къ моему чернышнцѣ»: «Музу призывалъ на иррь воображенья...» (см. въ II т. настоящаго изданія, № 267). Стихи «Мои слова, мои изрѣчья...» и т. д. почти дословно повторяютъ сказанное тоже въ 1821 г.: «иногда мои коварные наѣвы смириши въ мнѣ слыхъ юной дѣвы порывы страха и стыда... У столба сатиры развратъ и злобу я казнилъ... раззщій головъ лиры (неправду) въ ужасъ приводилъ...»—эти стихи также подходятъ къ словамъ книгопродавца: «поэтъ казнить, поэтъ вѣнчать...» и пр. Самолюбивыи думъ отрады, мечтанья суетнаго сна, которыми такъ доросить поэтъ, что ставить ихъ выше и женской любви, и славы, и гражданскихъ заслугъ, иномышляютъ его отвѣтъ книгопродавцу, убѣждающему его: «слава замѣнила вамъ мечтанья тайнаго отрады...» Это тождество мыслей, образовъ и выраженій даже даетъ нѣкоторую силу предположенію, что въ указанномъ наброскѣ 1824 года «Не тѣмъ горкуеи и...» (ibid., № 302) заключаются прообразы «Разговора». Замыселъ пьесы въ окончательномъ видѣ могъ сложиться въ головѣ поэта дѣятельно раньше 1824 г. Еще въ концѣ 1822 г. или въ началѣ 1823 онъ писалъ Вяземскому: «должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Русские не

впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократическіи предубежденія пристади тебѣ, но не мнѣ—на конечную свою поэмѣ я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапоговъ: продаю съ барышомъ. Пеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладкѣ: иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей». Годъ спустя онъ писалъ брату: «Русская слава льстить можетъ какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ неметъ, портной шьетъ, Козловъ шинеть, дѣвкаръ морить—за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма! Просясь въ отставку, онъ писалъ своему ближайшему начальнику А. П. Казначееву 25 мая 1824 г.: «ради Бога, не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ ризмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость». Но такое отношеніе къ литературѣ-святыиѣ даешь поэмѣ нелегко. Въ написанномъ черезъ нѣсколько дней письмѣ къ Казначееву онъ говоритъ: «j'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise a tant la pièce»... «Зачѣмъ шинеть?»—спрашиваютъ поэта въ одномъ наброскѣ 1832 или 1833 г. Онъ отвѣчаетъ: «Для себя.—За что же печатаете вы?—Для денегъ.—Ахъ мой Боже! какъ стыдно!— Почему жд?»...

Стихи «Кого восторгомъ чистыхъ думъ боготворить не устыдился?»... повторяютъ слова наброска 1822 г. «Ужели онъ казался»... (см. во II т. наст. изданія, № 365), а слѣдующіе за ними: «Ахъ, пра, пра! что же ты мое безумство разгласил?»... приводить изъ памяти окончаніе «Бахчисарайскаго Фонтана»: «... долго ль, узникъ томный, тебѣ окомя добывать и въ свѣтѣ прірою нескромной свое безумство разгласит?»... Слова книгопродавца: «ужели ни одна не стоитъ ни вдохновенная, ни страстей»... сблизаются съ признаніемъ поэта въ XXXIV строфѣ I-ой главы «Онегина»: онъ не стоитъ ни страстей, ни пбесенъ, ни вдохновенныхъ»... О той единственной въ жизни любви Пушкина, о которой разсказываетъ поэтъ, см. въ примѣчаніяхъ къ пьесѣ 1821 г. «Желаніе» во II т., стр. 370). Два стиха «Тамъ, тамъ, гдѣ ты?»... и пр. почти буквально повторены въ «Сценѣ изъ Фауста» см. выше, стр. 419). Это же «тамъ, тамъ» звучитъ и въ XVII строфѣ I-ой главы «Онегина». Последнія слова книгопродавца: «Кто проситъ нищи для сатиры, кто для души, кто для пера»... отозвались въ одной изъ звончайшихъ строфъ «Онегина» 8, XLIX, гдѣ поэтъ прощается съ читателемъ: «ай Боже, чтобъ въ этой книжкѣ ты для развлечения, для мечты, для сердца, для журнальныхъ ошибокъ хотя крупицу могъ найти»... Вообще растетивные мотивы звучатъ въ пушкинскіи поэзіи повсюду, но въ «Разговорѣ» они сведены въ одну грустную пбесню «поэзіи, пбесню, вочлающуюся уже не стихами, а прозой и многиѣ прозаически. Весьма возможно, что на форму, въ

которой изложены эти мысли поэта, повліялъ диалогическіи прологъ Гете въ «Фаустѣ»—«Vorspiel auf dem Theater».

«Читалъ Онегина и разговоръ, служащій ему предисловіемъ: несравненно!»—писалъ Пушкину Жуковскій въ ноябрѣ 1824 г. «Разговоръ съ книгопродавцемъ.—писалъ ему 25 янв. 1825 г. Плетневъ—верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я уже не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пбесней диссертациі столько порядка, не помѣтитъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какаѣ свобода въ ходѣ!».

Бѣльскій высоко цѣнилъ «Разговоръ». Не особенно одобрительно отзывался о IV-ой части «Стихотвореній», гдѣ пбеса была помѣщена, критикъ выдѣлялъ «Разговоръ», который «привелъ насъ въ грустное расположеніе духа; онъ напомнилъ намъ золотое время поэзіи Пушкина» (Сочиненія Б., изд. Венгерова, II, 416). То же повторилъ Бѣльскій въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина. Въ другой разъ Бѣльскій отрывкомъ изъ «Разговора»: «Все волновало пбесный умъ»... и т. д. иллюстрировалъ свою мысль, что «поэтъ—благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, золотая арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни» (ор. с. VI, 14—15), и выдѣлъ въ этой пьесѣ «превосходнѣйшіи образцы лирическихъ произведеній въ драматической формѣ» (ib., 85). Доводъ книгопродавца, что «не продается вдохновенно, но можно рукою продать» встрѣтилъ сочувствіе въ Бѣльскомъ: «торгуешь своими трудами только посредственностью; нетипный талантъ не почитетъ для себя униженіемъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почитетъ нпзостію пнсать для денегъ» (ор. с., VII, 163). О «Разговорѣ», какъ о прологѣ къ «Онегину», въ свое времѣ,—говоритъ Аппенковъ («Материалы», изд. 2-ое, 118),—«мало говорили: такъ затѣнненъ онъ былъ романомъ, поглотившимъ все вниманіе публики и журналистовъ. А между тѣмъ въ прологѣ глубоко и поэтически выражено состояніе художника, уединенне творящаго свои образы посреди шума и вѣвшихъ волненій, какъ вообще любить себѣ представлять художника самъ Пушкинъ». Отношеніе поэта къ своему искусству, совершающееся въ «Разговорѣ» примиреніе прекраснаго и высокаго съ низменнымъ и обычнымъ, «глагола небесъ» съ «презвѣнной прозой», умно анализировалъ В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», изд. 1880 г., 220—226). Поэтъ «выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживали передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству,—будто онъ шинеть стихи для денегъ. Онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни. Пушкинъ только отдѣлать процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матеріальную цѣнность. Но его взгляду, поэзія есть чистое творчество... самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы независимо для него самого по неизбѣжнымъ психическимъ законамъ... Можетъ ли при такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа быть не только рѣчь, но даже какаѣ-нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ»... Творчество есть потребность поэтической души, и слбюпательно, цѣлью его не можетъ быть матеріале-

ная выгода или расчет; ближайшее следствие его есть высшее духовное наслаждение и желание продлить его, а не денежная выгода; отсюда оно и шло свободно. Даже поэт освобождает его и от других цблдей, которые могли бы повредить его свободе... Извѣдая славу, поэтъ находится, что не стоить торожить его, отрывается от нея и ставитъ выше ея блаженство души въ свободномъ творчествѣ... Поэты часто соединяли поэты съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую поволили въ идеаль, которой поклонялись и подчиняли свое творчество... Пушкинъ... не хотѣлъ и за любовью признать власть надъ поэтическимъ творчествомъ... Отказавшись отъ вѣху постороннихъ цблдей для поэзии, поэтъ избираетъ себѣ одну свободу. Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неожиданный, но и неизбежный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго началъ «Разговоръ», — къ вопросу о платѣ за поэтический трудъ. Можно отречься отъ славы: она — яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пвда; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которые, требуя удовлетворенія, стаятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ... А независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право обвинять себя и требовать оплаты. Для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, следовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто. Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ. Заслуживаетъ упоминанія стоющее совѣсьмъ особнякомъ мнѣніе В. В. Сиповскаго («П—нъ», 1907, стр. 254), что вопросъ о нравственномъ правѣ художника продавать плоды своего вдохновенія Пушкинъ разрѣшилъ «доколе не подовко»; къ сожалѣнію, это оригинальное мнѣніе высказано критикомъ безъ всякой мотивировки.

Разсказъ Пушкина о яркихъ видѣніяхъ въ часы вдохновенія изъяслять у М. П. Каткова «Русск. Вѣсти» 1856 г., шварц — перенес. ил. брши. «М. П. Катковъ о П—нѣ», М., 1900, стр. 40—41 восторженное замѣчаніе: «какъ живо и истинно переданы въ этихъ словахъ перное развитие поэтического дара, эти первыя разнообразныя впечатлѣнія бытія, которыя въ поэтической душѣ возбуждаютъ среднюю себѣ игру представлений и находятъ въ нихъ свое выраженіе, наконецъ — этотъ пламенный недугъ, эта педолзшая потребность осилить внутреннюю тревогу пробудившейся души и дать ей выраженіе!» Д. П. Овсянко-Куликовскій анализируетъ это замѣчательное мѣсто какъ примѣръ такого «ширзма художественной мысли», гдѣ «образы едина павѣсны, между тѣмъ какъ воспріятіе гармоніи пріобрѣтаетъ перенетствующее значеніе изъ сознания... Образы палодо (духъ, душа и т. д.), но они безразличны. — дѣло не въ нихъ, и одинъ съ удобствомъ можетъ быть замѣненъ другимъ, ничего обидно съ ними не имѣющимъ (цвѣтущій духъ, напр., чуднымъ преданіемъ старинки). Все суть дѣла изъ шрзмѣ, т. е. изъ энергическомъ воспріятіи гармоніи мысли. Это воспріятіе претворяется въ острое, бурное чувство, которое поэтъ живописуетъ такъ: «Какой-то демонъ обладалъ...» и пр. Находи себѣ вибшнюю форму, этотъ шутренний процессъ обнаруживаетъ свое ритмическое стреніе: Въ развѣры строеніе... и т. д.» «П. какъ художественный гений —

«Памяти П — на», вѣбл. сб. журн. «Жизнь», 1899, стр. 38—39.

На стихъ «Вся жизнь — ошани, дѣвн почн... обратилъ внимание Анолдовъ Григорьевъ Сочин., I, 282: «ничего по всей лирической поэзии нельзя найти задумчивѣе (этого) стиха, какъ будто случайно вырваннаго изъ сердца поэта изъ разговора съ вишпродавцемъ... Колчановская посылка дѣвн прекрасныхъ страницы художественной необходимости эпитета «шиной», приуменьшеннаго къ павѣну шолги («Стенной цвѣтокъ на могилу Пушкина» — «Русская Бесѣда» 1859 г., № 5, критика, стр. 63—64: «истина Божескихъ законовъ природы, постигнутая поэтомъ, дѣлаетъ изумительную силу и красоту шолги очень простому слову Пушкина». — «Ночью моря гуль гдухой иль попотъ рѣчки тихострунной» — обращаютъ на себя внимание ненадуманнныи, безыскусственными звукодражжаніями.

Вдохновенному исповѣдъ поэта, подобную пушкинскую, находимъ изъ дермонтовскомъ разговорѣ «Журнальствъ, читатель и шательствъ», на сходство котораго съ «Разговоромъ» Пушкина обратилъ внимание еще Влассиенкій (Сочин., изд. Венгеровъ, VI, 47). Но у дермонтова творческий процессъ протекаетъ болѣзненно, мучительно: поэтъ пантиемъ пошѣщающаго его демона онъ переноситъ «тигостыя почвы: безъ сна горитъ и плачутъ очи, на сердцѣ жадная тоска... и какъ-то весело и больно тревожить язы старыхъ рани», и тогда поэтъ пишетъ, но, — говоритъ онъ, — «стихъ горькихъ строкъ неприготовленному взору и перѣнуся показать», какъ не рѣшится показать свѣту и тѣ «страшныя творенія», въ которыхъ «съ отвагою свободной поэтъ на будущность глядитъ, и миръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и омытъ»... Но физиологія творческаго процесса у обоихъ поэтовъ одна, и какъ у Пушкина пламенный недугъ разрѣшился стройными развѣрами, послушными слогами, шюнокъ рнемой, такъ и дермонтовъ («Сказка для дѣтей») отъ своего демона «отдѣлывался стихами».

Къ вопросамъ о поэтѣ и поэзии, объ отношеніи къ нимъ «толпы», возбуждаемымъ изъ «Разговорѣ», Пушкинъ не разъ возвращался; они были его любимыми темами, которыя онъ трактовалъ часто. Укажемъ, напримеръ, на «Пророка», «Поэта», «Поэту», «Пѣз VI Пиндемонта», «Эхо». Сообразно съ этимъ, не разъ придется говорить объ этихъ сторонахъ пушкинскаго творчества.

389. ПЪДРЕВЛЕ СЛАДОСТНЫИ СОЮЗЪ...

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

г. П., стр. 217).

Автографъ этого посланія неизвестенъ. Впервые появилось оно, безъ пошис поэта, въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 16, 17 марта, стр. 125—126, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ посланія къ Языкову» и съ поштой: «1824. Михайловское»; въ «Газетѣ» оно было напечатано не все и кончалось словами: «Я жду тебя»... за которыми слѣдовали дѣе строки точекъ; при этомъ въ текетѣ были нѣкоторыя исправленія, вызванныя отчасти цензурными соображеніями; такъ, въ стихѣ «Куда подуетъ самоцласть» послѣднее слово было замѣнено другимъ — «шюнода», такъ

что стихи 17-й и 19-й не рифмовали между собою. Въ томъ же видѣ вошло оно въ III-ю часть сборника стихотвореній Пушкина, 1832 г., стр. 187—189. Полностью напечатано посланіе П. А. Ефремовъ съ копій, полученной отъ графа М. А. Корфа, въ «Современномъ Обзорѣ» 1868 г., № 5, стр. 223—224, откуда оно было перепечатано Г. Н. Геннадіи во второмъ его изданіи (1870 г., I, 285—286). Подробности о текстѣ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Въ копіи гр. Корфа письма датирована: «Михайловское, 20 сентября 1824». (Въ первомъ изданіи Геннадіи, т. I, стр. 300, невѣрная дата «18 октября»). Корфовской датѣ можно вѣрить, такъ какъ въ тотъ же день Пушкинъ писалъ А. П. Вульфъ см. выше, № 387): «пріѣзжай сюда зимой да Языкова поэта затасни ко мнѣ съ собой... Уговори Языкова да отдай ему мое письмо... А сестра Вульфа, Анна Николаевна, принесла: «Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ». Онъ давно собирался писать къ тебѣ и къ Языкову, но я думала, что это только будетъ на словахъ. Пожалуйста, отдай тутъ вложенное письмо Языкову и, еслии можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покажь, пожалуйста, отъвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе.» На Языкова Пушкинъ давно уже обратилъ вниманіе. Еще годъ назадъ (13 ноября 1823 г.) онъ писалъ Дельвигу: «раздѣляю твои надежды на Языкова». Не найдя стиховъ Языкова въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г., онъ пенялъ на это ея издателю А. А. Бестужеву письмомъ 8 февраля 1824 г.: «Узнавъ въ Михайловскомъ, что Языковъ въ дружбѣ съ Вульфомъ, и что они часто встрѣчаются, онъ воспользовался этимъ, чтобы записать знакомство съ поэтомъ. Старшій собратъ былъ всегда неизмѣримо высокаго мнѣнія о младшемъ. «Книго помню,—разсказываетъ Гоголь (Сочин., изд. 10-е, IV, 189),—восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣвъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ сказалъ о себѣ въ посланіи къ Ошанинѣ: «Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ...»). Далекое и такъимъ чувствомъ платить Пушкину Языковъ за его чрезмѣрный восторгъ. На поэтическое приглашеніе Языковъ отвѣтилъ Пушкину тоже посланіемъ, въ которомъ благодарилъ Пушкина:

...Я благосклоннаго пріѣвта—
Клянусь парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами—
Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своеравной,
Равно торжественной и славной
И насней рока и похвалы...
Такъ я тебя благодарю,
Богъ вѣсть, что въ мнѣ ожидаетъ
Мои стихи, что буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя
Меня зачѣмъ-то поринаетъ;
Но будь, что будетъ,— не боюсь;
Въ бытописаній русскихъ музъ
Меня твоё благоволенье
Пренаетъ въ другое поволенье.

И сталь павиноваго косца,
Всеуму ужасная, не скосить
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель Зевсовыхъ огней
Игра, на гору заносить!

Объ этихъ стихахъ Пушкинъ писалъ Вульфъ въ мартѣ слѣдующаго года: «обынмаю васъ братски, также и Языкова. Посланіе его...—прекрасно.— въ посланіи послѣ тобой хранимаго пѣвца стихи пропущены. А стихи Языкова мнѣ дороги. Передайте мнѣ его». Къ письму Пушкина П. А. Осипова принесла: «хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобы онъ оживилъ Тригорское спонимъ пріестетвемъ». Но и въ этомъ году Языковъ не пріѣхалъ. Пушкинъ впервые увидѣлся съ нимъ лишь лѣтомъ 1826 г., и не разъ за дружескимъ столомъ раздѣляя «виномъ рюмокъ и стиховъ». Оба поэта,— разсказываетъ Ашениковъ («П—нѣ въ Александровск. эпоху», 318—319,—сошлись на поэтѣ Тригорскаго и Звеза весьма близко, и такъ очаровательны были берега Сороти, сѣни и роши обонихъ селеній въ прекрасное лѣто 1826 г., такъ граціозно и весело встрѣчала друзей молодое женское населеніе перваго, такъ поэтически были пош и долги дни, проведенные ими вмѣстѣ, что Языковъ до гроба считалъ эту эпоху своей жизни лучшимъ ея мгновѣнемъ». И Пушкинъ впоследствии вспоминалъ въ «Оцѣнѣ», какъ «изъ капища наукъ явился онъ въ нашъ сельскій кругъ и воды Сороти прославилъ, и огласилъ поля кругомъ очаровательнымъ стихомъ...». Вскорѣ 19 августа онъ трескуче писалъ Пушкину изъ Дерпта, съ забавнымъ самохвальствомъ именуя себя, паравивъ съ Пушкинымъ, «первенцемъ полночныхъ Музъ»:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой медвя,
Мнѣ дѣвочки пригожей,
Святея царекой голови!
Очнемъ стиховъ ознамену
Тѣ достохвальныя края
И гу тодину золотую,
Гдѣ и бога мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночныхъ Музъ,
Поставили своеравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пѣвецъ изищнаго! забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца дубинѣ,
Восторгомъ пламенная удаля,
Когда могущественный ромъ,
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ нежного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,—
Лилъ въ стаканы-пенюшны?
Какъ мы, бывало, шлемъ да шлемъ,
Творимъ обѣты нашей Ребѣ,
Зовемъ искусства въ нашу Русь,
И я на тридцетомъ небѣ
Въ славой правдѣ горжусь!
Мнѣ удивительно доселѣ,
Мнѣ весело вспоминать
Сю поедию во умѣ,
Ума и сердца благодать...
Съ челою возвышеннымъ стою
Передъ скрижалю вдохновеній,
И вольность нашихъ наславленій
И берегъ Сороти пою...

(см. Отчет П. Публ. Библ. за 1880 г., стр. 43 — 44; Русск. Стар. 1903 г., мартъ, 483—484; Переплетка П. I, № 263). Ниже, в примечаниях къ №№ 498 и 504, излагаются дальнейшія отношенія Пушкина и Языкова.

Въ посланіи, которымъ началось личная сношенія между поэтами, Пушкинъ жалуется по поводу другу на свое положеніе поднадзорнаго слышанаго, на свои «закованные дни». Даже въ Дерптѣ побывать ему не удалось: когда онъ собирался «двигаться» у дерптскаго хирурга, ему предложили приѣхать для этого въ Нековъ, куда былъ прилаченъ и врачъ.

О прѣдѣлѣ поэта, А. П. Ганibalъ, см. въ 1 т. настоящаго изданія ст. Б. Л. Модзалевскаго «Родъ Пушкина». Дельвига Пушкинъ давно звалъ къ себѣ. «Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю», — писалъ онъ брату въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. «Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига» — писалъ онъ ему 12 марта. 20 марта Дельвигъ далъ знать Пушкину, что будетъ у него въ субботу на Святой недѣлѣ, но опоздалъ и приѣхалъ въ началѣ второй половины апрѣля.

390. АКВИЛОНЪ.

(т. II, стр. 218).

Пьеса извѣстна въ автографѣ, о которомъ говорить Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 377); нынѣ онъ сохранился въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Это перебланный экземпляръ, со многими поправками; онъ носитъ пометы: «1824. Мих.» и ниже: «Бодд. 7 сент.»; вторая пометка означаетъ, вѣроятно, что стихотвореніе, написанное въ 1824 г. въ Михайловскомъ, было исправлено 7 сентября 1830 г. въ Боддинѣ, гдѣ поэтъ проводилъ тогда осень. (См. «П. и его современники», вып. IV, стр. 11—12). Этотъ автографъ недоступенъ изслѣдователямъ и мы знаемъ о немъ лишь по сообщенію Анненкова, приведеннаго изъ него нѣсколько «небольшими» поправками, услышаннхъ и опредѣленныхъ, однако жъ, всѣ отбѣики поэтической картины; о текстѣ пьесы см. въ общей статьѣ о текстѣ. Пошлая она впервые въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ въ Русскому Пивидиу» 1837 г., № 1, за нѣсколько дней до смерти поэта, у котораго выпросила ее попой издатель этой газеты А. А. Краевскій; въ собраніи произведеній Пушкина она стала включаться начиная съ посмертнаго изданія (IX, 377).

Когда стихотвореніе пошло въ печати, другъ Пушкина С. С. Уваровъ обратилъ на него свое подозрительное вниманіе и сказалъ предѣлительно цензурнаго комитета: «развѣ господинъ Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношенія съ людьми столь вреднаго образа мыслей, наивнѣе отдичается Пушкинъ» («Русск. Стар.» 1880 г., т. 28, стр. 538). Враждебно настроенный въ поэту и подозрительный николаевскій министръ предположилъ скрытый политическій смыслъ въ пьесѣ не безъ основанія. Аквилонъ, который пропущенъ не только грозой, но и славой, сталъ простое явленіе природы, а не

аллегорія. В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», СПб., 1881, стр. 219—220) такъ истолковываетъ пьесу: въ первую пору своего пребыванія въ Михайловскомъ поэтъ еще переживалъ впечатлѣнія отъ пражскаго времени. Такъ, политическія бури послѣднихъ годовъ европейской жизни выразились въ его фантазіи въ образѣ Аквилона (въ прекрасномъ стихотвореніи, озаглавленномъ этимъ же именемъ). Здѣсь политическая фантазія удачно сблизилась политическія потрясенія съ бурными движеніями въ природѣ, послѣ которыхъ ощущается атмосфера и настаютъ красивые дни. Поэтъ и для политической жизни ждалъ того же. «Пушкинъ же солнца ясный ликъ... и т. д. Таинственней онъ могъ желать и для себя; и онъ много потерпѣлъ отъ налетѣвшаго авилонца, и онъ, также величавый русскій дубъ, былъ воловонну извергнуть».

Такъ же А. П. Майковъ въ своей замѣткѣ объ этомъ стихотвореніи и о пьесѣ 1835 г. «Туча» («Русск. Вѣстн.» 1893 г., № 2, стр. 3—9, и «Историко-литературные очерки», СПб., 1893, стр. 239—265) находитъ, что «основной мотивъ «Аквилона» слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта. Извѣстно, какъ сильно ронталъ онъ на свою ссылку въ деревню изъ Одессы, послѣдовавшую по распоряженію изъ Петербурга; стихотвореніе составляетъ какъ бы обращеніе къ императору Александру, при чемъ поэтъ тростникомъ, клонимымъ долу, поэтъ раздумьѣ самого себя, а поэтъ дубомъ—Наналеона, побѣжденнаго русскимъ царемъ. Новое, который призывается въ послѣдней строфѣ, влѣтъ еще ни въ природѣ, ни въ душѣ поэта; онъ еще полны тревоги. Таково именно было чувство, которое Пушкинъ переживалъ въ первое время по своемъ прибытіи въ Михайловское.

Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомилъ:
Я былъ ожесточенъ...

Такъ говорилъ поэтъ о той порѣ своей жизни въ послѣдствіи, а вотъ что писалъ онъ своему брату изъ деревни въ октябрѣ 1824 года: «Я не прощу отъ нравственности полумилостей: это было бы полумѣра, а самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, управленіе, я бы не надѣялся на перемену судьбы моей, но со мною онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его свихоженіе, надѣюсь на справедливость его». Принимая во вниманіе такую смыслъ «Аквилона», можно объяснить себѣ, почему это стихотвореніе такъ долго оставалось не напечатаннымъ. Примирительный, спокойный аккордъ, которымъ запершается пьеса, волюбъ обычное мнѣніе у Пушкина; см. наприимѣръ, «Предчувствіе», 1828 г., «Тучу». Съ послѣдней пьесой «Аквилонъ» стоитъ въ тѣсной связи, о которой будетъ сказано въ примечаніяхъ къ «Тучѣ».

391. ТУМАНСКИИ ПРАВЪ.

(т. II, стр. 218).

Два наброска этой пьесы найдены въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 17 первый стихъ читается: Т— правъ... и т. д., между черновыми Разговора книгопро-

дѣла съ поэтомъ» и двухъ строкъ 3-ей главы «Онѣгина»; далѣе слѣдуютъ черновикъ «Къ морю» и «Подражаній Корану». Впервые появилась она въ анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (см. его изданіе сочиненій П., т. I, 1855 г., стр. 337). Анненковъ отнесъ ее къ «Альбому Онѣгина»; это не вѣрно, потому что она написана, судя по положенію ея среди другихъ черновиковъ, въ 1824 г., когда въ «дали свободнаго романа» еще не являлся въ виду «Альбомъ»; П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. I, стр. 545) пытался съ излишней и ничѣмъ не оправдываемою точностью датировать ее «сентябрь—октябрь»; возможно, что она относится еще къ одесскому періоду. «Листовая замѣтка Онѣгина,—говоритъ Анненковъ,—можетъ быть, вызвана была пьесой В. Туманскаго «Къ ней», изъ которой выписываемъ нѣсколько стиховъ». Приведемъ все стихотвореніе:

Не дѣвѣ небесаго очи твои;
 Не розы уста твои, дѣва;
 Не ляди—перси и плечи;
 Но что бѣ за весна въ сторонѣ той была.
 Гдѣ бѣ розы такіа, ляди
 Цвѣты на зеленыхъ лугахъ,
 И небо, и все, что подѣ небомъ,
 Внѣстаю, какъ очи твои голубыя!

Это стихотвореніе появилось впервые еще въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., стр. 29, перепечатано въ «Стихотвореніяхъ В. П. Туманскаго», Сиб., 1884, стр. 84. Между тѣмъ, въ пьесѣ Туманскаго нѣтъ указываемыхъ Пушкинымъ сравненій—ни съ радугой, ни съ ключомъ, и не извѣстно ни одного подобнаго стихотворенія В. П. Туманскаго.

Остается предположить слѣдующее: либо, прочитавъ въ рукописи: «Т—» и такъ неосмотрительно сблизивъ стихи Пушкина съ пьесой В. П. Туманскаго «Къ ней», Анненковъ ошибочно рѣшилъ, что первый стихъ долженъ быть прочтаны: «Туманскій правъ...», и, значитъ, подѣ буквою «Т» разумѣется не В. П. Туманскій; либо у В. Туманскаго дѣйствительно было стихотвореніе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, но не пошло въ печать и осталось неизвѣстнымъ. Издатель сочиненій и біографіи Туманскаго—графъ Г. А. Милорадовичъ писалъ: («Письма и неизданныя стихотворенія В. П. Туманскаго», Черниговъ, 1891 г., стр. 142): «мнѣ неизвѣстно посланіе Туманскаго, на которое отвѣчаетъ (?) Пушкинъ; можетъ быть, Пушкинъ отвѣчаетъ Осодору Антоновичу Туманскому» (о немъ см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ № 484); и у этого Туманскаго нѣтъ подобнаго къ пушкинской передачѣ стихотворенія.

392. НЕНАСТЫЙН ДЕНЬ ПОЛУХЪ...

(т. II, стр. 219.)

Пушкинъ напечаталъ это стихотвореніе, авторъ котораго остался неизвѣстнымъ, въ сборникѣ своихъ стихотвореній, изданныхъ въ 1826 г., стр. 25—26 (тамъ оно отнесено къ дѣтямъ, а въ отдѣленіи книги прибавлено: «Отрывокъ»), а въ 1829 г., ч. I, стр. 176—177, безъ заглавія. Въ этомъ изданіи пьеса помѣчена 1823 г. и стоитъ между стихотвореніями 1823 года—«Прощишь ли мнѣ ревнивыя мечты...» и «Демономъ». Тѣмъ же го-

домъ помѣчена она въ петербургскомъ списокѣ пьесъ, предназначенныхъ для сборника 1826 г. (Переписка П., академич. изд., I, 293). Во второмъ изд. П. О. Морозова («Провѣщенія», I, 366—367) стихотвореніе перенесено въ 1824 г., съ поиспеніемъ (стр. 673), что оно «по содержанию, несомѣнно, написано не въ Одессѣ (какъ полагали прежніе издатели), а въ Михайловскомъ, осенью 1824 г., и относится не къ г-жѣ Ризницѣ (ни одна черта не идетъ ни къ ней, ни къ Одессѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ), а къ М. П. Раевской, представляя воспоминаніе о Крымѣ». Здѣсь П. О. Морозовъ присоединяется къ доводамъ П. О. Сумцова, о которыхъ сказано ниже. П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 195) былъ готовъ согласиться съ такой датировкой: «псалмы стихи первого стихотворенія указываютъ вовсе не южную обстановку поэта, такъ что справедливо о предпологаютъ, будто оно написано уже въ Михайловскомъ и подлежитъ переносу въ 1824 или 1825 г.», но однако, быть удержанъ отъ перенесенія стихотворенія въ другой годъ соображеніемъ, что «изданіе 1826 г. процензуровано 8 октября 1825 г., и Пушкинъ, конечно, хорошо помнилъ, въ какомъ ли году или въ предшествующемъ написалъ его, но все-таки помѣтилъ одесскимъ временемъ, т.-е. 1823 годомъ». Пушкинская датировка въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно, можетъ быть поколеблена, но что касается даннаго стихотворенія, то въ его хронологическомъ опредѣленіи намъ приходится всецѣло подожиться на поэта, показанію котораго противопоставить нечего. Воспроизведена здѣсь пьеса по изданію 1829 г.

«Ирическія стихотворенія, писанныя въ Одессѣ,—говоритъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 2-ое, стр. 88,—приобрѣтаютъ новый отбѣнокъ. Въмѣсто прежнихъ обдуманныхъ (?) и, потому, спокойныхъ созданій, являются такіа, какъ «Ненастный день потухъ»... «Прощишь ли мнѣ ревнивыя мечты», «Коварность» (?), исполненыя бурь сердца, сомибіи страсти и сильнаго драматическаго движенія»... Анненковъ здѣсь не указываетъ, къ кому относится «Ненастный день»... «Прощишь ли мнѣ»... несомѣнно связано съ Ризницѣ (см. во II т. настоящ. изданія, примѣч. къ № 372), а «Коварность»—съ Ворощовой (см. ниже, примѣчанія къ № 394). П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. 1880 г., I, 566) безъ всякихъ объясненій отнесъ «Ненастный день»... къ Ризницѣ. А. П. Пезденювъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Сиб., 1882, стр. 150) пишетъ, что это «предположеніе невозможно: во-первыхъ, по противорѣчію пьесы съ характеромъ этого лица; во-вторыхъ, по неизмѣнно основаніи для такого отнесенія». Не смотря на всю справедливость втораго аргумента, В. П. Гавевскій («Пересты Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1888 г., февр., 522) прямо, безъ всякихъ объясненій, называетъ «Ненастный день»... въ «циклѣ пьесъ, посвященныхъ памяти (?) г-жи Ризницѣ, жившей тогда (?) въ Одессѣ»... Тогда же мнѣнія и С. Южакова («Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина», Од., 1895, стр. 33—34). П. О. Сумцовъ въ своихъ «Издѣлываніяхъ о Пушкинѣ» («Харьковскій университет. сборн. въ память П.—на», Хар., 1900, стр. 210—222) отъказываетъ относить «Ненастный день»... къ Ризницѣ и думать, что «она», о которой говорится въ пьесѣ,—М. П. Раевская: «въ дѣлѣ рѣчи идетъ о далекой сторонѣ, гдѣ «море движется подѣ голубыми небесами», говорится о милой женщинѣ, идущей «по

горь», потом сидящей «подъ завѣтными скалами». Ни одна черта не идет ни къ Ризничъ, ни къ Одесѣ. Ризничъ жила тогда въ Одесѣ, гдѣ и бѣгъ ни горь, ни скалы». Н. Е. Щеголевъ («Амалия Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина» — «Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 312—313, 315) связываетъ «Непастный день...» съ графиней Вороной и такъ же, какъ П. О. Морозовъ, не считаетъ съ пушкинской хронологіей: «въ первымъ мѣсяцамъ пребывания въ Михайловскомъ относится элегія «Непастный день вотуъ»... Она и самимъ поэтомъ отнесена къ 1823 году — и всѣми (?) изданиями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержания даетъ несомнѣныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первой строфѣ (?) поэтъ рисуетъ обетановку, которая окружаетъ его...пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 г. поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противопоставляетъ слѣдующую картину: «Далеко, тамъ, луна въ сѣяніи восходитъ»... и т. д. И некоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничъ, но это неѣрно, потому что Ризничъ въ это время (?) была въ Итали, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина «завѣтныхъ» скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одесѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горь, а скалы гrottoвъ... Ирядъ ли, — справедливо замѣчаетъ г. Щеголевъ, — можетъ быть отнесено къ М. П. Раевской это стихотворение, въ особенности заключительныя его строки... Элегію нельзя отнести ни къ М. П. Раевской, ни къ Амалии Ризничъ». Однако, прибавивъ, ибѣ никакихъ основаній относить ее, какъ это дѣлаетъ г. Щеголевъ, и къ Вороной, М. О. Гершензонъ («Пушкинъ и гр. Е. К. Воронцова» — «Вѣстн. Евр.» 1909, февр., 539), тоже произвольно относитъ пьесу къ осени 1824 г., находить, что она «рисуетъ пейзажъ, несомнѣнно, не одесскій, а крымскій: ни одинъ человекъ, издавшій одесское взорье, не усумнится въ этомъ, ибо тамъ ибѣтъ ни «горь», ни «бреговъ, потопленныхъ шумными волнами», и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуютъ эти стихи: «Тамъ море»... и т. д. Интуиціи эти строки не разъ видаль одесское взорье и, наоборотъ, можетъ только подтвердить, что пушкинское описаніе художественно передаетъ видъ одесскаго берега, дѣйствительно «потопленного шумными волнами»; береговые опознания — самое обыкновенное явленіе на скалистомъ одесскомъ берегу, части котораго, подымаемая волнами, до сихъ поръ продолжаютъ отъ времени до времени обрушиваться въ море.

Но не въ этомъ дѣло. Одинъ комментаторъ не вѣрить пушкинской хронологіи и переноситъ поэта въ Михайловское, а берегъ, описанный въ стихотвореніи, — въ Одессу; другой оставляетъ Пушкина въ Одессѣ, а берегъ ищетъ въ Крыму, но всѣ почему-то согласны въ одномъ, что элегія Пушкина — страничка изъ автобіографіи поэта, и никому не приходитъ въ голову, что лирика и личная лирика не одно и то же; что «я» поэта и «я» А. С. Пушкина не всегда же должны, во что бы то ни стало, совпадать, и что, разъ въ извѣстныхъ намъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о поэтѣ мы не имѣемъ строго-фактическихъ, болѣе или менѣе точныхъ указаній на связь пьесы съ событіями его жизни, всѣ догадки о подобной связи будутъ строятся на пескѣ. Предположеніе, что пьеса написана не въ 1823 г., а въ 1824-мъ, можно было бы допустить одновременно съ другимъ предположеніемъ — что, пушкинская дата обозна-

часть не время созданія пьесы, написанной поэтомъ, а время событія, съ которымъ она связана. Изъ рукописей Пушкина есть такія примѣры — см., напримѣръ, примѣч. къ № 397. Но въ настоящемъ случаѣ и для такого предположенія у насъ ибѣтъ никакихъ данныхъ, потому что какъ разъ мы не знаемъ ни одного событія въ жизни поэта, подходящаго къ разбираемой пьесѣ, и именно отсутствіе такихъ свѣдѣній опровергаетъ всевозможныя догадки о тождествѣ личностей героя элегіи и ея автора. Можно допустить лишь пѣкоторое внутреннее средство между данною элегіей и отрывкомъ «Все конечно: межъ нами связи ибѣтъ»... (см. ниже примѣч. къ № 410, П. О. Сумцовъ сближаетъ элегію съ художественной стороной, съ стихами 1820 г. «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда»...). По тону чувства между обоими стихотвореніями есть сходство; ибѣтъ общаго есть и въ содержаніи: оба говорятъ о мученій ревности. Изъ элегіи не видно, были ли «онъ» и «она» близки прежде, хотя можно допустить близкія отношенія: въ отрывкѣ говорится о тѣсной и близкой связи. Герой элегіи успокаивается мыслью, что она — «одна» (это слово повторяется четыре раза), что «никто ея волнѣ въ забвѣнѣ не дѣлаетъ», и съ ужасомъ думаетъ: «но если...», но если она не одна, а съ другимъ!... Чувство ревности въ отрывкѣ успокоеннѣе: «тебя ронтаиѣмъ преслѣдовать не буду и невзвратное, быть можетъ, позабуду»... По дальне этихъ сближеній и сопоставленій идти нельзя, и на вопросъ, какъ произошли оба стихотворенія, лично ли прекриванія Пушкина отразились въ вдохновенныхъ творческихъ прекриваніяхъ поэта, приходится отвѣтить только: *ignorabimus!*

Бѣлинскаго, названнаго «Непастный день...» въ числѣ «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, истинный художникъ», элегія приводима въ особенный восторгъ, и онь выдѣлили ее, вмѣстѣ съ «Простини, ли мнѣ»... «Ты вѣдешь и молчишь...» и «Къ морю», изъ ряда думчивыхъ стихотвореній Пушкина: «излядятся и вѣдушайтѣсь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ, найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое кривое вино безъ малѣйшей примѣси воды... Въ павосѣ стихотворенія сколько жизни, страсти, истинны!... И сколько жизни, какой энергической порывъ страсти высказывается въ словѣ: «но если», отрывисто заключающемъ пьесу! Все это такъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ столько глубокой страсти, столько истинны чувства... А форма? Какая легкость, какал прозрачность! На каждомъ стихѣ, даже отдѣльно взятомъ, такъ и виденъ слѣдъ художникаго рѣзда, оживляющаго мраморъ!»... — «Измениціи этой ревности, — говоритъ Аполлонтъ Григорьевъ (Сочин., I, 282), — нельзя ничего встрѣтить ни у казкого поэта въ мѣрѣ»... Несмотря на пѣсколько строкъ, занесенныхъ точками, несмотря на то, что стихотвореніе обрывается на едва начатомъ стихѣ, его нельзя признать несовершеннымъ, — ибѣтъ, это полное, завершенное художественное дѣло, безъ пятна и уррка, выдѣляющееся даже среди пушкинскихъ шедевровъ. Сомнѣнія въ вѣрности любимой женщины не мѣшаютъ ибѣжности и провѣдленности чувства, ужимающагося съ самой мягкой, кинучей эластичностью, которая рисуетъ плечи, бѣлоснѣжную грудь, влажныя губы, мѣлющія подъ жаркими поцѣлудами... Эта гармонія

чувства, это умнее такъ легко и просто сочетать порывъ сладострастiя съ порывомъ къ любви небесной—одно изъ самыхъ прекрасныхъ свойствъ пушкинской любовной лирики; другимъ, еще болѣе разительнымъ примѣромъ можетъ служить знаменитое признание: «Штъ, я не дорожу мѣткимъ наслаждениемъ... А запершающее вѣсу (но сѣмъ)...—гениальный образецъ художественнаго, если можно такъ выразиться, цѣломудрiя, которое бѣитъ лишняго слова, лишняго жеста и ограничивается намекомъ и многоговорящимъ умолчаниемъ.

393. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

(т. II, стр. 219).

Послание извѣстно въ четырехъ автографахъ. Первоначальная черновая, съ пометками и поправками, находится въ 2370-ой тетради Московскаго Рузницоваго музея, лл. 21—22; въ другой музейной тетради, № 2367, лл. 31—32 об., занесена отдѣльная редакцiя, тоже съ поправками и съ нѣкоторыми отличiями отъ окончательнаго текста. Въ собранiи П. Я. Дашкова находятся два автографа¹⁾; текстъ одного изъ нихъ также не вполне исправленъ, а другой, болѣе позднiй и посящiй подписей: «Пушкинъ», даетъ окончательную редакцiю, которая и печатается здѣсь. О рукописныхъ и печатныхъ вариантахъ см. въ общей статьѣ объ исторiи пушкинскаго текста. Много дѣлъ ходившее среди читающей публики въ снѣскахъ, съ разными, какъ видѣтся, нѣдѣльными неваженiями, послание могло появиться, съ значительными купюрами, лишь въ дополнителномъ, VII-мъ, томѣ анненковскаго изданiя, 1857 г., стр. 33—35, рядомъ съ первыми посланiемъ, ошибочно отнесеннымъ къ тому же году, съ значительными купюрами, но въ осторожномъ по-пушкинскимъ заглавiи: «Второе послание къ Аристарху» и съ еще болѣе осторожнымъ примѣчанiемъ: «рѣшается представить публикѣ эти два посланiя, писанныя въ михайловскомъ уединенiи 1824 г. и хорошо извѣстныя всѣмъ почитателямъ нашего поэта. Очищенная отъ намековъ, касающихся современнаго поэту лица и событий, они терпятъ всякiй признакъ сатирическаго или полемическаго направленiя и только могутъ служить образцомъ строгата и высокаго пониманiя одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ служенiй. Въ нихъ поэтъ какъ будто предчувствовалъ смыслъ установленiй, данныхъ потомъ въ руководство всей той полезной дѣятельности, о которой самъ онъ говоритъ съ такимъ увѣренiемъ». Рѣшился на это Анненковъ «страхъ ради гуденскаго и хватить черезъ край. «Мы ильды»,—разсказываетъ П. А. Ефремовъ «Сочин. П., изд. 1880 г., т. I, стр. 372.—цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотворенiяхъ ни одного цензурнаго включенiя, такъ что вся честь очистки принадлежитъ Анненкову, который и заглавiя имъ далъ». Несмотря на то, что анненковскiе пропуски были отчасти пополнены въ Библиографич. Запискахъ 1858 г., № 11, ст. 348, они далеко не вполне были посподнены Г. П. Гешадъ въ его первомъ изданiи, 1859 г. Нѣсколько

пропущенныхъ стиховъ появились въ изданномъ П. В. Гербедемъ берлинскомъ томѣ стихотворенiй Пушкина, 1861 г., стр. 79 и 154. Въ болѣе неправильномъ и полномъ видѣ посланiе появилось во второмъ гешадѣвскомъ изданiи, 1870 г., т. I, стр. 302—304, а въ болѣе правильной и полной редакцiи—въ первомъ изданiи Ефремова, 1880 г., стр. 468—470, гдѣ напечатано съ бѣдоваго¹⁾ дашковаго списка. Девять стиховъ, начинающихся словами: «Обдумавъ наконецъ намѣрениа благиа»..., были напечатаны по несправной копiи въ «Сборникѣ, издаваемомъ студентами Имп. С.-Петербур. Университета», вып. I, Спб., 1857, стр. 350; притомъ, дустнiе: «Сей старецъ доройъ намъ»... и т. д., находящееся на бюстѣ А. С. Пушкина въ академiи наукъ,—появилось еще въ «Маякѣ» 1844 г., т. XVI, кн. 31, гл. I, стр. 19, въ статьѣ Б. М. Федорова «Пятидесятилѣтiе литературной жизни С. П. Пушкина». Разбираемое посланiе относится приблизительно къ сентябрю—декабрю 1824 г., судя по положенiю черновика среди другихъ рукописей и по тѣмъ даннымъ, которые представляетъ черепка поета.

Начавъ «Ойбигна», Пушкинъ писалъ Дельвигу (16 ноября 1823 г.): пишу теперь новую поэмку... Бирюковъ [цензоръ] ее не увидитъ... «Объ моей поэмѣ»,—писалъ онъ А. А. Бестужеву искорѣ 8 февраля 1824 г.,—ничего и думать,—если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ». По мистика-хаизму, князя А. П. Голицына на посту министра народнаго просвѣщенiя смѣнилъ А. С. Шниковъ. Репутацiя защитника слова уже давно прочно установилась за Шниковымъ; его помнили и какъ автора патриотическихъ манифестовъ 12-го года. «Извѣстно было»,—разсказываетъ Анненковъ («П. въ Александровск. эпоху», 303—306,—что онъ публично выразилъ негодованiе на тупоту и чудовищность цензурныхъ пометокъ и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже официально... Въ своемъ голосѣ по дѣлу о профессорахъ петербургскаго университета 1822 г. Шниковъ, требуя дѣтальной цензуры по всѣмъ отраслямъ ученой и литературной дѣятельности, говорить, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая (ибо строгая не даетъ говорить ни уму, ни правдѣ) и притомъ разумѣющая силу языка». Теперь Пушкину можно было надѣяться на облегченiе тяготѣвшаго надъ литературой цензурнаго гнета, и онъ рѣшился печатать первую главу «Ойбигна»,—«Авось съ перемѣной министерства она и напечатается»,—писалъ онъ Вяземскому въ первой половинѣ июня. Въ слѣдующемъ письмѣ къ нему же (13 июня поэтъ выразилъ надежду, что Шниковъ не потеритъ въ цензурномъ вѣдомствѣ Бирюкова и Красовскаго (о нихъ см. выше, въ примѣчанiяхъ къ № 384), и спрашивалъ: «на какомъ основанiи началъ свои дѣйствiя Дудника Шниковъ». Ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему добзанiе не яко Гуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Почитаюсь толкнуться ко вратамъ цензуры съ перною главою или вѣсною Ойбигна. Авось продѣземъ». Мысль о цензурныхъ перемѣнахъ занимала Пушкина и съ другихъ сторонъ, какъ видно изъ письма его къ Вяземскому, посланнаго приблизительно нѣдѣлю спустя: «Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ ду-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ «автографовъ», по нашему мнѣнiю, безусловно не Пушкинскiй. Ср. въ ист. текста.

¹⁾ По нашему мнѣнiю, не Пушкинскаго.

машин? Я и радъ, и пѣть. Давно девизъ всякаго русскаго есть чѣмъ хуже тѣмъ лучше. Оппозиція Русская, составившаяся, благодаря Русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, каковыхъ бытiю ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣливое, которое я изъ подъ тѣнъка поддразнивалъ, ожидал чего-нибудь. А теперь какъ позлѣдять Фитцъ Глишкъ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять утомонитъ, журналида пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ».

Сначала было Пушкинъ нѣсколько сомнѣвался въ судьбѣ «Ойбигна». 29 июня онъ писалъ Бестужеву: «Ойбигнъ мой растетъ. Да чертъ его напечатаетъ. Я думалъ, что Цензура поумишла при Шинковѣ, а вижу, что и при старомъ по старому». «Не знаю, нустья ли этого бѣднаго Ойбигна въ небесное царствіе печати»—говорилъ онъ въ письмѣ къ А. П. Тургеневу 14 июля:—«на всякой случай попробую» Но не напрасно поступилъ Пушкинъ въ цензурныя врата: предъ «Ойбигнымъ» они раскрылись настежь, и поэтъ писалъ Виземскому (25 января 1825 г.): «не ожидалъ я, чтобы онъ протерелъ сквозь Цензуру—честь и слава Шинкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензурѣ? тамъ между прочимъ... и Пушкинъ приводитъ девять стиховъ о Шинковѣ, начинающихся словами: «Обдумавъ наконецъ... «Такъ,—продолжаетъ Пушкинъ,—Арзамасецъ говоритъ шибъ о дѣдѣ Шинъ, темрога altri!» Тутъ же Пушкинъ объясняетъ, что потому и не рѣшился, несмотря на совѣтъ Виземскаго, прибѣгнуть къ защитѣ Шинкова противъ контрафактора «Кавказскаго Шибника» Ольдекона, что хвалилъ министра въ стихахъ, которые, конечно, не могли не стать извѣстными Шинкову: «въ подлостихъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благоназѣренно—имѣи въ виду подлзу нашей словесности и усмиренье кичливаго Красовскаго». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ концѣ мая или началѣ июня, Пушкинъ писалъ Бестужеву: «ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказать старику Шинкову. Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?» Въ юности, поэтъ вѣднѣемъ «Арзамасъ» и карамиискаго кружка, Пушкинъ былъ противникомъ Шинкова. Въ его дневникѣ подѣ 28 ноября 1815 г. сохранилась удивитая запись: «Шинковъ и г-жа Бунина увѣщали педагю князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ». Въ посланіи къ дядѣ Василию Львовичу см. въ I томѣ настоящаго изданія, № 122) онъ называетъ Шинкова Оловымъ. По выйдя изъ подчиненія кружковымъ вкусамъ и началъ мыслить и дѣйствовать самостоятельно, Пушкинъ поималъ «общественное и литературное значеніе Шинкова. Въ этомъ отношеніи ему послужилъ призоромъ самъ Карамзинъ, главный противникъ Шинкова, «котораго онъ просто полюбилъ», по словамъ Пушкина. Виселѣдствіи поэтъ считался съ филологическими работами Шинкова и высоко цѣнилъ ихъ, какъ цѣнилъ и благодарную личность литературнаго патрiарха, а Шинковъ, въ свою очередь, признавалъ Пушкина; по его предложенію Пушкинъ въ 1832 г. былъ избранъ въ члены Россійской академіи, президентомъ которой былъ Шинковъ. Впрочемъ къ этому учрежденію Пушкинъ относится не слишкомъ уважительно; однажды онъ писалъ М. П. Пого-

дину объ одномъ журналѣ: онъ намъ нуженъ, какъ павозъ нуженъ нашимъ, какъ енципа нужна кушѣ, а Шинковъ—Русской Академіи (письмо Гюльа 1828 г.).

Независимо отъ сатирическихъ замѣчаній и эпиграмматическихъ выводовъ, пьеса представляетъ собою изложенію въ художественно-поэтической формѣ публицистическую статью о цензурѣ и отражаетъ всестороннее, неизмѣнное отношеніе Пушкина къ этому институту.

Убѣжденіе, которое такъ краснорѣчиво защищалъ Мильтонъ, говори, что «цензура представляетъ собою злѣйшее насиліе и оскорбленіе», то убѣжденіе, которое такъ горячо исповѣдывалъ Радищевъ, было совершенно чуждо Пушкину. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ безцензурной литературы. Въ обонхъ «Послѣднихъ къ цензурѣ» (см. во II т. настоящаго изданія, № 347, такъ долго бывшихъ нелегальными, онъ напалъ только на неразборчиво строую и безтолково придирчивую цензуру, но въ необходимости самаго института цензуры никогда не сомнѣвался, находя, что «самъ» цензора «священныя», что цензоръ—«трупъ писателя». «Дайте намъ,—говорилъ онъ (письмо къ Виземскому 6 февраля 1823 г.)—цензуру строую, согласенъ, но не бессмысленную». Приобрѣтъ «Лондона» его не смущали. Онъ думалъ даже объ усиленіи нравъ цензуры и въ вѣкъ Бирюковыхъ и Красовскихъ, и безъ того не знавшихъ удержку, совѣтовалъ по поводу нападѣній журналистовъ-разночинцевъ на журналистовъ-дворянъ: «не худоградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ иныхъ нападѣній злоназѣренности». Цензура онъ посвятилъ въ «Мыслихъ на дорогѣ» цѣлую главу «Торжкомъ». Здѣсь онъ опять высказываетъ противъ «безмысленной» цензуры, даже рассказываетъ очень забавные случаи изъ ея практики, но самую идею цензуры убѣжденно защищаетъ обычными софизмами и даже стоитъ за предварительную цензуру: «законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зло, рѣдко его пресѣкают. Одна цензура можетъ исполнить то и другое». Что Пушкинъ, говоря такъ, желалъ литературѣ только добра, что онъ поступалъ искренно, это видно изъ того, что, даступившій въ 1836 г. за литературу, на которую обрушился членъ Россійской академіи и бездарный писатель М. А. Давановъ, и горячо защищая ее въ своемъ «Современникѣ», Пушкинъ все-же дѣлалъ «мысли, какъ и дѣйствія, на преступныя и на не подлежащія никакой отвѣтственности» и вбрылъ, что въ принципѣ «цензура есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго», «установленіе благодѣтельное», лишь бы она не становилась учрежденіемъ притѣвнительнымъ», «одушачивой шибкой, сѣдующей по пятамъ наловнивыхъ ребятъ». См. мою ст. «Проза Пушкина» въ «Пет. русс. литературы XIX в.», изд. «Міра», М. 1908 г., I, 415—416.

О Мих. Леонт. Магницкомъ (1788—1855) члѣнѣ главнаго правленія училища и потомъ почетелѣ казанскаго университета, оставившемъ черныя слѣды въ исторіи русской университетской науки, см. книгу Е. М. Феофантова «Магницкій», М., 1865, и М. П. Сухомлинова «Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія», СПб., 1889, т. I. Дим. Александр. Кавелинъ 1778—1851 гг. въ качествѣ директора петербургскаго университета, участвовалъ въ извѣстномъ судѣ 1824 г. надъ профессорами, въ числѣ которыхъ

былъ Галичъ о немъ см. ст. Э. Л. Радлова въ 1 т. настоящаго изданія; объ этомъ судѣ и о Кавелинѣ см. упомянутый трудъ Сухомлинова, «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Дрвн.» 1866 г., кн. III; записки Вигеля, ч. V; ст. Д. А. Корсакова «Д. Кавелинъ» въ «Вѣстн. Евр.» 1886 г., № 1. Для Пушкина онъ потому былъ «свой», что когда-то участвовалъ въ «Арзамасѣ». «Благочестивая, смиренная душа» — самъ бывшій министръ, кн. А. И. Голицынъ; о немъ, а также объ его протекѣ П. И. Батшнш-Каменскомъ см. въ 1 т. настоящаго изданія, № 202.

394. КОВАРНІСТЬ.

(т. II, стр. 222).

Бывшій въ рукахъ П. В. Анненкова и впоследствии у Л. П. Майкова черновикъ этой пьесы находится въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, принадлежащей академіи наукъ. По словамъ описанія недоступной коллекціи («П. и его современники», IV, 3, № 15), это листокъ грубой, сѣрой бумаги, часть котораго оторвана, такъ что середины пьесы нѣтъ; сохранились только начальныя 12 стиховъ и послѣдніе 4; заглавія нѣтъ; въ концѣ дата: «18 окт. 1824. Мух.» (т.-е. Михайловское). Стихотвореніе впервые было напечатано въ «Москов. Вѣстникѣ» 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 136—137, а затѣмъ было включено, подъ 1824 г., Пушкинымъ въ его сборникъ стиховъ, изданный въ 1829 г., ч. I, стр. 196—197. По словамъ Л. П. Майкова, въ хранящихся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ бумагахъ П. Я. Чаадаева находится вырзокъ изъ «Москов. Вѣстн.» съ этимъ стихотвореніемъ; на немъ помѣчено карандашемъ «10 июля 1828». Чаадаевъ и Раевскій были близко знакомы. Оба они прежде служили адъютантами при командирѣ гвардейскаго корпуса П. В. Васильчиковѣ.

Бблискій же обратилъ въ своемъ обзорѣ особаго вниманія на «Коварность», которую только упомянуть въ числѣ думныхъ, чисто-пушкинскихъ пьесъ. Подробнѣе говорилъ о ней Л. П. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П., I, 173—174). Стихотвореніе, по его словамъ, имѣеть «общее значеніе поэтическое изображенія человѣка, встрѣтившаго недостатокъ искренности въ своемъ другѣ, поведеніе котораго мучительно подвѣствовало на него. Но поэтъ допускаетъ двойное предположеніе: или другъ пересталъ считать самого этого человѣка достойнымъ дружбы, обвиняя въ неблагодарности, холодности и малодушіи (ст. 9—11), — и въ такомъ случаѣ онъ готовъ вымолить себѣ прощеніе, — или же поведеніе этого друга есть коварство, преднамѣренная игра его чувствами, безъ малѣйшей любви съ своей стороны, — и въ такомъ случаѣ самъ этотъ другъ достоинъ того недоверія, которое вызвало своимъ поведеніемъ. Стихотвореніе замѣчательно характеристичной того лица, о которомъ поэтъ, какъ бы третійскій судья, ведетъ рѣчь. Это — душа, жаждущая любви и доверія и сама настолько доверчивая, что готова обвинить презре всего — себя. По чувству говоритъ ему, что дѣйствительно онъ — жертва коварства твоего, кого считаешь преданнымъ трудомъ своимъ, — и читателю становится ясно, что это оскорбленное лицо — самъ поэтъ, который отповѣдью своей, исполненной глубокой скорби, снѣшить подождать конецъ мучительной ду-

смысленности отношеній. Эта отповѣдь полна чувства собственнаго достоинства, сдержана въ своемъ негодованіи (ст. 28); потому получила форму рѣчи третьяго лица и оставлена на стихѣ, это негодованіе выражающемъ. Выражена она стихомъ, въ высшей степени гармоническимъ, свободнымъ и пластическимъ (въ изображеніи презрѣнія къ коварному другу, ст. 1—6). Поливановъ, такимъ образомъ, догадывался, что Пушкинъ говоритъ здѣсь о себѣ самомъ, хотя и думалъ, что «біографическія данныя не объясняютъ повода, по которому было написано это стихотвореніе». Анненковъ, ошибочно причисляя «Коварность» къ произведеніямъ, написаннымъ въ Одессѣ («Матеріалы для біографіи П., 2-ое изд., 88), очевидно, зналъ, о комъ и о чемъ говоритъ Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи: это видно изъ сдѣланнаго біографомъ намека: «въ немъ слышится еще отголосокъ лирическихъ пѣсень прошлаго года», т.-е. 1823 (см. его изданіе сочин. П., II, 379). Но Анненковъ не все могъ писать, что зналъ, потому что тогда (1833 г.) еще были живы участники исторіи, которая связана съ этой пьесой, и въ ихъ числѣ то лицо, коварство котораго заклеимый поэтъ. Это — Александръ Раевскій. На него указываетъ не только преданіе пользовавшейся показаніями современниковъ П. И. Бартепьевъ въ «Русс. Арх.» 1872 г., ст. 1362, прямо говорить, что «Коварность» «относится, несомнѣнно, къ А. И. Раевскому», но цѣлое снѣтеніе разныхъ данныхъ біографіи Пушкина.

О родѣ этого человѣка въ жизни Пушкина мы упоминали выше; см. нашу статью: «П. въ Одессѣ», II томъ, стр. 275—276, 279—280, и «Демонъ», *ibid.*, стр. 618—623. Въ послѣдней мы говорили, что съ высылкой Пушкина изъ Одессы оборвался прежняя тѣсная связь между поэтомъ и Александромъ Раевскимъ. Вѣроятно, созная свою вину передъ Пушкинымъ, нашимъ жертвой подстроеной имъ злой интриги, Раевскій вскорѣ послѣ высылки поэта, 21 августа 1824 г., послалъ ему вполнѣ дружеское и даже сердечное письмо; едва ли Демону приходилось часто писать такіа письма: сердечныя извѣстія были не въ его духѣ. Въ этомъ письмѣ скрываетъ скрытая боль, что Пушкинъ не отвѣтилъ ему: «если послѣ этого перваго письма ты мнѣ не отвѣтишь и не дашь мнѣ твоего адреса, то я не перестану писать тебѣ, надобно тебѣ, пока не застану отвѣчать мнѣ, отбросивъ мелочныя опасенія, которымъ нѣтъ мѣста при первиности нашей перенески... Судя по словамъ Раевского въ началѣ письма, что ему пришлось узнать съ трудомъ адресъ Пушкина, надо думать, что поэтъ ему не писалъ раньше. «Ты боишься, говоришь ты, скомпрометировать меня своей перенеской. Это опасеніе во многихъ отношеніяхъ ребяческое; къ тому же бываютъ случаи, когда такіа соображенія въ расчетѣ не идутъ. Да и что можетъ быть компрометирующаго въ нашей перенескѣ? Я никогда не говорилъ съ тобой о политикѣ; ты знаешь, что я не очень-то уважаю политику поэтовъ... Пушкинъ, конечно, зналъ отношеніе Раевского къ политикѣ, когда писалъ, что Демонъ «не вѣрится свободѣ», но болѣе не поставилъ друга въ неприятное положеніе перенеской съ поднадзорнымъ извѣстникомъ. Раевскій же, можетъ быть, тайно думалъ, что Пушкинъ не отвѣтилъ ему просто потому, что прямо и круто порешилъ съ глазами виновникомъ своей высылки. «Коварность» показываетъ, что Пушкинъ при высылкѣ изъ

АЛЕКСАНДРЪ РАЕВСКІЙ ВЪ СТАРОСТИ.

Одессы уже знали или вскорѣ узнали, какъ игралъ имъ его другъ.

Въ «Коварности» мы находимъ не только одику отношеній Раевского къ Пушкину, но и прямой разсказъ о его поступкахъ и объ интригѣ такъ зло и тонко задуманной и проведенной Демопомъ. Всего вѣроятнѣе, конечно, что находящаяся въ рукописи поэмѣ «18 окт. 1824» означаетъ время созданія пьесы, тѣмъ болѣе, что рядомъ обозначено и мѣсто. Но возможно и иное. Не всегда такія поэмѣта означаютъ, что пьеса была написана въ данный день. Такъ, подъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Герой», восхваляющимъ Николая Павловича, пріѣхавшаго въ Москву, гдѣ свирѣпствовала холера, Пушкинъ приписалъ: «29 сентября 1830 г.»; но это вовсе не дата пьесы, а день пріѣзда царя въ охваченную эпидеміей столицу; пьеса же написана позднѣе. 18 октября 1824 г. князь С. Г. Волконскій писалъ Пушкину: «посылаю я вамъ пьесу отъ Мельмота» (такъ прозывали Раевского). «Сожаляю, что самъ по пѣмо возможности доставить иное и вамъ подтвердить о тѣхъ слѣдствіяхъ, кои Московскія пертушки» — намекъ, вѣроятно, на бывшую лѣтомъ 1824 г. въ Одессѣ книжница В. Ф. Виземскую — «вамъ настряпали. Неправильно сказали вы о

Мельмотѣ, что онъ въ природѣ ничего не благословлялъ; прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы — благородной и неизмѣнной обстоятельностью». Это письмо Раевского намъ неизвѣстно, но, судя по стараніямъ Волконскаго «подтвердить о слѣдствіяхъ» и его увѣреніямъ въ дружескихъ чувствахъ Раевского, «Демонъ» въ своемъ письмѣ разубѣждалъ Пушкина въ слѣдствіяхъ и просилъ Волконскаго помочь ему повліять на Пушкина и убѣдить его не вѣрить. Но поэтъ, повидимому, былъ твердо увѣренъ въ коварствѣ друга и отвѣтилъ ему «язвительнымъ молчаніемъ» и только излилъ въ стихахъ свою скорбь. Душа Раевского была для него уже «нѣмая душа», его ласковыя строки — «пустыя рѣчи». Пушкинъ осудилъ его уже не даль ему больше «святой власти дружбы», которую онъ употребилъ во зло. Прежняго мѣста Раевскій въ душѣ его уже никогда не занялъ. Какимъ числомъ было помѣчено письмомъ Раевского, мы не знаемъ, — можетъ быть, никакимъ, можетъ быть — тѣмъ же, что и письмомъ Волконскаго, и подпѣывая подъ стихотвореніемъ «18 окт. 1824», Пушкинъ могъ нарочно связывать эту поэмѣту съ датированнымъ этимъ днемъ письмомъ Раевского, на которое ему и не хотѣлось и нечего было

отвѣчать. Дѣйствительно, можно думать, что вмѣсто отвѣта на письма Раевского Пушкинъ написалъ это стихотвореніе. Другомъ, который «затѣйливо извѣлъ пугливое его воображеніе и гордую забаву находилъ въ его тоскѣ, рыданьяхъ, упрекахъ»,—этимъ другомъ Пушкина могъ быть только Раевскій; кромѣ него, такого теснаго слѣда въ жизни Пушкина, никто не оставилъ. Когда Пушкинъ былъ влюбленъ въ графиню Воронцову, (объ ихъ отношеніяхъ еще будетъ рѣчь въ примѣчаніяхъ къ «Талисману» и «Ангелу», ниже №№ 492 и 414), Раевскій воспользовался имъ какъ прикрытіемъ для себя. Вигель рассказываетъ, что Раевскому «вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коня одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили безпрестанной забавой... Онъ самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его»... Эти слова Вигеля повторяютъ сказанное въ приведенныхъ стихахъ Пушкина. «Цѣвъ ему накинулъ... и соннаго врагу предалъ со смѣхомъ»...—Словами поэта вполне соответствуетъ рассказъ Вигеля, что Раевскій черезъ барона Франка, въ которомъ много, и не безъ основанія, видѣлъ, какъ говоритъ Вигель (Записки, VI, 91, 122), буффона и шушника, подалъ Воронцову мысль отравить Пушкина въ унизительную командировку, на пестреліе сарапачи, и убѣдилъ возмущеннаго Пушкина повиноваться волю начальника, а затѣмъ внушилъ поэту написать рѣзкое письмо Воронцову. Когда Пушкинъ узналъ все, когда глаза его раскрылись, когда «онъ прочелъ въ пѣрвой душѣ Демона «все тайное своимъ печальнымъ взоромъ», ему оставалось только отвѣтить на увѣренія въ любви и дружбѣ—«язвительнымъ молчаньемъ» и прозвѣсти коварному другу «последній приговоръ».

Отголосокъ этого приговора слышится въ одномъ мѣстѣ извѣстнаго посланія 1825 г. къ Л. Ѳейскимъ товарищамъ («Роняетъ дѣсь багровый свой уборъ»...):

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Занутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моею печальной и мятежной,
Съ доверчивой надеждой прежнихъ лѣтъ,
Друзьямъ ширымъ душой предаюсь ибжаной,
Но горько былъ небратскій ихъ горѣть,

Могъ ли Пушкинъ не вспоминать Александра Раевского, когда съ его пера спадали горестныя строки объ обманувшей дружбѣ!

Подведя этотъ грустный итогъ своимъ отношеніямъ къ Раевскому, Пушкинъ совершенно охладѣлъ къ нему. Но отъ природы Пушкинъ былъ добръ и старался не помнить зла, хотя бы не могъ его забыть. Невидимому, онъ уже не переносивалъ послѣ высылки поэта изъ Одессы, но Пушкинъ интересовался Раевскимъ; дѣлать 1825 г. онъ писалъ его брату, съ которымъ всегда былъ безоблачно друженъ: «Что дѣлаетъ твой братъ; ты мнѣ о немъ ничего не говоришь въ твоемъ письмѣ; дѣлается ли онъ?» (Переписка П., академич. изд., I, № 181). Когда Александръ Раевскій былъ арестованъ по дѣлу 14 декабря, Пушкинъ встревожился за него и писалъ Дельвигу (въ январѣ 1826 г.): «Мнѣ скрывали, что А. Раевскій подлѣ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвѣности. Но онъ боленъ погами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и уснойкой меня». Слѣдствіе выяснило полную непричастность Ра-

евского къ движенію. Онъ, по словамъ Вигеля, «на друзей конституціи, въ томъ числѣ на зятя своего Орлова, смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ». Пожалуй, Вигель не слишкомъ преувеличиваетъ; это видно изъ разсказа кн. С. Г. Волконскаго (Записки, 1902 г., стр. 410), что Раевскій, «человѣкъ хитрый и осторожный», поставилъ Орлову условіемъ женитьбы на его сестрѣ выходъ изъ тайнаго общества. О томъ же говорить и увѣренность Пушкина въ его непричастности къ дѣлу. На допросѣ Николай Павловичъ сказалъ Раевскому: «я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство. Гдѣ же ваиа присяга?» Раевскій смѣло и гордо отвѣтилъ: «Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ существовать еще». Только глубокое убѣжденіе, что слѣдствію придаться не къ чему, могло придать Раевскому такую смѣлость. Николай предложилъ ему вернуться на службу; Раевскій отказался, но такъ какъ царю хотѣлось показать обществу, что, карая преступниковъ, царская рука изливаетъ щедроты на невиновныхъ, онъ велѣлъ выдать Раевскому очистительный аттестатъ, пожаловалъ камергерскій ключъ и опубликовалъ рескриптъ на имя его отца, гдѣ было сказано: «я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго отца совершенно оправдались». Дельвигъ писалъ Пушкину объ обоихъ братьяхъ Раевскихъ: «государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невиновности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ». Вскорѣ Раевскій вернулся въ Одессу, чтобы быть близъ любимой женщины, и Воронцовъ, который давно уже терпѣть его не могъ, вынужденъ былъ, скривя сердце, зачислить уже не просто отставнаго полковника, а камергера въ свои чиновники особыхъ порученій («Архивъ Раевскихъ», I, 293, 396). Романъ черезъ два года кончился скандаломъ. Вигель (надо замѣтить, ненавидѣвшій Раевского, что, конечно, ибсходько ослабляетъ цѣнность его показаній, въ общемъ все-таки достовѣрнѣхъ), увѣряетъ, что сама графиня «первая потребовала отъ мужа, чтобы ему откзано было отъ дому». Какъ бы то ни было, въ 1828 г. генералъ-губернаторъ послалъ одесскому полиціймейстеру заявленіе, въ которомъ, въ качествѣ частнаго лица, жаловался, что Раевскій, встрѣтивъ графиню на загородной прогулкѣ, преслѣдовалъ ее своими любезностями; начальникъ жаловался подчиненному и при этомъ грозилъ еще обратиться къ высшей власти. Полиціймейстеръ потребовалъ объясненій у Раевского, который далъ письменный отзывъ: «Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вѣнчиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла и черезъ то даетъ имъ столь неирѣзную гласности. Я показу болѣе увѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о такомъ предметѣ. Что же касается до допесеній холопій его сятельства, то оныя совершенно ложны». Тогда Воронцовъ спохватился, сообразилъ, что сдѣлалъ глупость, и повелъ борьбу иными средствами, уже испытанными надъ Пушкинскимъ въ 1824 г. Онъ подвѣстовалъ Раевскій былъ высланъ въ полтавскую деревню. Административная высылка всегда была у насъ одною изъ обычныхъ мѣръ, применявшихся къ непригоднымъ администраціи людямъ, съ которыми законнымъ судомъ ничего нельзя было подѣлать, и Воронцовъ практиковалъ ее

охотно. В 1825 г. он «носил в Одессе служившему при нем графу М. Д. Бутурлину, почти мальчику, провинившемуся в какой-то певничей болтовне о духе одесских дам»; при этом Воронцов сказал, что ему «надо было роль воспитателя юной» («Русс. Арх.» 1897 г., II, 29). Впрочем, это была намек на Пушкина, которого А. П. Тургенев называл Воронцову для «остенения». Справиться с камергером Раевским было, конечно, не так легко, как с мальчишкой Бутурлиным. Как поступил тут Воронцов, об этом говорит письмо Раевского-отца къ государю: «Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой повлекла его въ поступки неблагообразныя, и онъ непрестанно виновать предъ графинею. Графу Воронцову нужно было удалить моего сына по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ... Но онъ не раздумалъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденными найти кого угодно и прислугу къ нему угодно графу Воронцову... Сынъ мой не въ состояніи говорить, ни мыслить противъ правительства; накажите его за его неблагообразіе, но не по клеветѣ, на него взнесенной...» («Русс. Стар.» 1885 г., ноябрь, 402—403). Въ черновикъ этого письма къ царю Раевскій писалъ, что Воронцовъ «на средства неразбривъ, что уже доказать прежде», и при этомъ присвоилъ подъ строкою: «Т.-е. Пушкина исторія» («Вѣстн. Евр.» 1909, февраль, 345). По жалоба старика, прямо обвинившаго Воронцова въ ложномъ доносѣ, не помогала: Николай Павловичъ не особенно вѣрилъ въ благонамѣренность шурина Волконскаго и Орлона. Старикъ Раевскому Воронцовъ, которому было немного стыдно своего поступка, написалъ, что въ высылкѣ его сына онъ не виноватъ, но что онъ подолгу службы убѣдился въ основательности доноса. Сообщивъ объ этомъ сыну Николаю, отецъ писалъ: «гр. Воронцовъ, желая отдалить отъ Одессы твоего полусумасшедшаго брата, нашелъ благородный способъ сыскать на него доносчика, будто онъ вольно говоритъ о правительствѣ и военныхъ дѣйствіяхъ... Можетъ быть, эти всѣ драчества влюбленнаго человека онъ дѣлалъ, но прелосудительнаго съ его чувствами несходно... Я писалъ къ государю всю истину и въ томъ, что клеветникъ есть графъ Воронцовъ... Между тѣмъ гр. В. потерялъ въ публикѣ жену, себя безвозвратно; всѣ въ Одессѣ знаютъ всю истину» («Шукинск. Сборн.», IV, М., 1905, стр. 296—297; «Русс. Арх.» 1908, I, 315—316; «Вѣстн. Евр.» 1909 г., февр., 544—545). Впрочемъ, изъ слѣдующемъ году старика убѣдили, что и государю известна правда: «все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой». (Шукинск. Сб. IV, 298, «Русс. Арх.», *ibid*: 317). Скандалъ надѣлалъ немало шуму; о немъ переносывались извѣстные охотники до новостей братья Булгаковы («Русс. Арх.» 1901 г., III, 185, 207; 1903 г., III, 142). Пушкинъ спрашивалъ Вяземскаго (1 сентября 1828 г.) «о происшествіяхъ въ Од. (Ра... и гр. В.)».

Нѣсколько дѣтъ Раевскій прожилъ въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ и ведя болѣе чѣмъ скромную жизнь. Въ холерный годъ, рассказываетъ биографъ семьи Раевскихъ (М. О. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 74), «онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить бѣдствіе, не жалѣя трудовъ и пыляло не думая о себѣ; онъ всегда интересовался медициною. Самоотверженіе, выказанное имъ при этомъ, могло быть обуслов-

лено не столько альтруизмомъ, сколько пылкимъ складомъ характера». Въ началѣ тридцатыхъ годовъ его заточение кончилось, и онъ поселился въ Москвѣ. Тамъ онъ женился (на Ек. Петр. Киндиковой); сплетникъ Александръ Булгаковъ писалъ своей дочери княгинѣ О. А. Долгорукой («Русс. Арх.» 1906 г., II, 546—548, 550—553, 554) о женитьбѣ «знаменитаго Демона, Сатаны съ Чистыхъ Прудовъ, словомъ Раевскаго»; по разсказу Булгакова, Раевскій сдѣлалъ предложеніе въ такой формѣ: «какое мнѣ дѣло до вашей злобы, до вашего переизбытка настроеній, хочу, чтобы вы за меня вышли замужъ, вотъ и все». Впрочемъ, сплетнямъ Булгакова нельзя вѣрить. Московскій шутъ С. А. Пѣловъ посвятилъ ругательное четверостишіе «Демону» по случаю его женитьбы. Съ женой Раевскій прожилъ недолго; она скоро умерла, оставивъ ему дочь, которую онъ очень любилъ. Обычай проиллюстрировалъ не покидала его; близкіе люди знали, что чѣмъ щедрѣе разсыпалъ онъ свои саркастическія замѣчанія, тѣмъ, значить, чувствовалъ себя лучше; ихъ обиліе служило показателемъ его хорошаго настроенія» (Гершензонъ, 40). Съ Пушкинымъ онъ встрѣчался рѣдко. Въ дневникѣ поэта записано подъ 1835 г.: «Видѣлъ А. Раевскаго, котораго намель поглубиннымъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ». Въ послѣднемъ замѣчаніи сквозитъ насмѣшка. Черезъ годъ Пушкинъ опять выдался съ Раевскимъ и писалъ женѣ: «Раевскій, который прошлаго разу казался мнѣ немного приглубившимъ, кажется, опять оживился и поуменьбъ». Онъ надолго пережилъ Пушкина и умеръ въ глубокой старости въ 1868 г., безполезно растративъ свои богатые душевные силы. Имѣя его навѣтно только по его отношеніямъ къ зятямъ-декабристамъ и къ Пушкину.

395. ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ...

(т. II, стр. 222).

Пѣса дошла до насъ въ двухъ автографахъ. Одинъ изъ нихъ находится въ 2370-ой тетради московскаго Румиловскаго музея, л. 84, и представляетъ собою не черновикъ, а начисто переписанный текстъ, съ поправкой только въ одномъ словѣ. Другой—на л. 6—7 извѣстной «канинской» тетради, гдѣ Пушкинъ указалъ (въ мартѣ 1825 г.) П. А. Плетневу и брату Льву Сергѣевичу распоряженье пѣсью въ этомъ изданіи; онъ озаглавленъ: «Подражаніе Андрею Шенье» и датированъ 1824 годомъ («Автографы П-на, принадлежащіе графу П. П. Канинскому», сообщ. Л. П. Майкова, Спб., 1896, стр. 4; см. также Переписку П-на, академич. изд., I, 293). О вариантахъ обихъ рукописей см. въ общей статьѣ о текстѣ. Впервые пѣса появилась въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 185—186, а затѣмъ вошла въ сборникъ 1829 г., ч. I, стр. 185—186; въ обонхъ имѣтъ заглавія, но въ оглавленіи означено: «Подражаніе А. Шенье».

Приведемъ самую элегію Шенье въ подлинникѣ:

Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire.
Tu fuis, tu no ris plus; rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre un vain des couleurs;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.

Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante,
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
Ah! mon oeil est savant et depuis plus d'un jour,
Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
Les belles font aimer; elles aiment. Les belles
Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé
d'elles!

Sois tendre, même faible; on doit l'être un moment;
Fidèle, si tu peux. Mais conte-moi comment,
 quel jeune homme aux yeux bleus, empressé, sans
audace,
Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de
grâce...

Tu rougis? On dirait que je t'ai dit son nom.
Je le connais pourtant. Autour de ta maison
C'est lui qui va, qui vient; et, laissant ton ouvrage,
Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
Il fuit vite; et ton oeil, sur sa trace accouru,
Le suit encor longtems quand il a disparu.
Nul, en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
Nul n'a sa noble aisance et son habile main
A soumettre un coursier aux volontés du frein.

Пушкинъ несколько сказавъ пьесе Шенье (24 стиха французскаго поэта соответствуютъ 20 стиховъ Пушкина) и, сохранивъ близость къ подлиннику, очистилъ ее отъ неприятнаго жеманства, присущаго французскому XVIII вѣку, выбросивъ, между прочимъ, манерную фразу: «Sois tendre»... и т. д. Глинскій отнесъ элегію къ «чисто-пушкинскимъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ, въ отличіе отъ «переходныхъ» пьесъ, «виднѣе уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является настоящимъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Русь». Великій критикъ говорилъ: «вглядитесь въ вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства; во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое, крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды». Въ другомъ мѣстѣ своего обзора, привелъ всю элегію, Глинскій восхищался ею: «это сама прелесть, сама грація, полная души и искренности, страстная и «интересная», выражаемая любимымъ эпитетомъ Пушкина! Ни у какого другаго русскаго поэта не найдете въ стихотвореніи, въ которомъ бы такъ счастливо сочеталось изящно-гуманное чувство съ пластически-изящной формой». Глинскій, пользовавшійся посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, гдѣ не было указанія, что элегія — «подражаніе А. Шенье», едва ли зналъ, что стихотвореніе Пушкина — переводъ; по это не умаляетъ значенія словъ великаго критика: вдохновенный переводъ выше подлинника, и самъ поэтъ, бранивъ свое добро всюду, гдѣ находилъ его, умѣлъ гениально претворить чужое въ свое. Этого нельзя сказать о передѣлкѣ П. М. Языкова: «Ты воспитательница! Ты шынью расцѣпляешь»... По поводу предположенія одного критика о соотношеніи элегіи съ «Донесеніемъ», 1821 г., см. примѣчанія къ этой пьесѣ (во II т. настоящаго изданія, № 253).

О Шенье и объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. тамъ же, примѣчанія къ №№ 227, 253, 256, и въ настоящемъ томѣ, №№ 428, 503, 527 и въ настоящемъ томѣ статью Юрія Веселовскаго.

396. ЦЫГАНЫ

(т. II, стр. 241).

Черновики «Цыганъ» находятся въ трехъ тетрадахъ Пушкина, хранившихся въ Румяновскомъ музеѣ. Начало поэмы записано въ 2369-ой тетради, между черновиками 2-й и 3-ей главъ «Евгенія Онегина» (л. 45 об., 46, 47 об., 48); другія черновья находятся въ 2370-ой тетради (л. 3—3 об., 9 об., 10, 24—29 об., 31—31 об.) и 2368-ой (3 об.—15). Въ началѣ первой рукописи (№ 2369, л. 45 об.) нарисованы медвѣдь, шатеръ, женская фигура и набросана программа: «(старикъ), (дѣва), Алеко и Марианна; (утро, медвѣдь, исповѣдь), (разговоръ), признаніе, убійство, изгнаніе» (слова, стояція въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуты); на слѣдующей страницѣ нарисованы медвѣдь и два шатра, въ одномъ изъ которыхъ женщина кормитъ грудью ребенка. Поэма начата, судя по рубрикамъ, въ Одессѣ, въ концѣ 1823-го или началѣ 1824 г. и окончена, какъ показываютъ согласно двѣ поэмты (№ 2370, л. 27 об., и № 2368, л. 15), въ Михайловскомъ, 10 октября 1824 г. Въ этотъ день Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «сегодня кончилъ я поэму Цыгане»... Однако, надо думать, что полное завершеніе поэмы, 10 октября 1824 г. конченой лишь вечеромъ, относится къ болѣе позднему времени. Въ первой половинѣ февраля 1825 г. поэтъ писалъ брату: «Цыгановъ, нечего дѣлать, перешину и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тишите»..., а вскорѣ, 19 февраля, жаловался Вяземскому на одесскаго пріятеля Муханова, который «безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! въдѣ это провъ моя, въдѣ это денщи! теперь я долженъ Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время». Очевидно, потому — не во время, что поэма еще не была отдѣлана. Дѣйствительно, въ сентябрѣ онъ писалъ Вяземскому, что «Цыганъ» «не могъ докончить», потому что о поэмѣ много говорили, и авторъ охладѣлъ къ ней. А говорить о ней стали послѣ писемъ Пушкина къ Вяземскому, брату, Рыльеву, послѣ появленія отрывка изъ нея въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г., т.-е. гораздо позже 10 октября 1824 г. «Послана тебѣ рукописъ Цыгановъ, акуративѣ исправъ», — писалъ Пушкину П. А. Плетневъ 14 апрѣля 1826 г. Въ музейной тетради № 2370, л. 29, находится замѣтка о цыганахъ (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 224), первая половина которой была впервые напечатана Анненковомъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (III, 544), а вторая — В. Е. Якушкинымъ («Русс. Стар.» 1884 г., июль, 9—10). Къ «Цыганамъ», вѣроятно, относится находившееся въ 2368-ой тетради, л. 2, передъ черновикомъ поэмы «Примѣчаніе», впервые опубликованное въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 53; «Бессарабія, извѣстная къ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державнымъ воспѣта
И славою русскаго полна.

[Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была озагрозъ пзичихъ вѣчныхъ войнъ].
Но до насъ обдзаетъ сія памъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ-ли когда-нибудь Историческое и Статистическое описаніе оной, составленное П. П. Липранди, соединяющимъ ученость пезничью съ отличными достоинствами военнаго человѣка. Еслн... На оборотѣ

сблудующаго листа той же рукописи записаны эпитафия, которыми поэтъ хотѣлъ снабдить «Цыганъ»: «Мы люди смиренныя, дѣла наши любить волю—что тебѣ дѣлать у насъ? Молдавецка и и Бенид.—Подъ бурей рока твердой камень, въ волнѣннхъ страсти—легкій листъ. Кн. Виземскій» (Сочин. П., изд. Аппенкова, III, 545). Ни одинъ изъ нихъ, однако, не былъ взятъ Пушкинымъ; первый предназначался раньше для «Кавказскаго Пльщика» (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 25—26, 564—565).

Въ печати появились сначала отрывки изъ поэмы. Начало ее было напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г.; другой отрывокъ, ибени Земфрора, появился въ «Московск. Телеграфѣ» 1825 г., ч. 6, № XXI, стр. 69, съ выскокой: «прлагаемъ поны дикаго плѣва сей ибени, слышаннаго самими поэтми въ Бессарабѣ»; третій отрывокъ, отъ «Ты любишь насъ, хотъ и рождень»... до «Цыгана дикаго разказа»... появился въ «Сбвѣри. Цвѣгахъ» на 1826 г. Первое полное изданіе поэмы, разрѣшенное къ печати петербургскимъ цензоромъ П. Гаевскимъ, вышло въ 1827 г. въ Москвѣ. Это очень хорошенкаья книжечка въ 46 страницъ, превосходно отпечатанная въ думской тогдашней типографіи Августа Семена, безъ имени автора и съ указаніемъ на заглавномъ листкѣ: «писано въ 1824 году»; (см. т. II, стр. 223), выѣтка, которой украшенъ листокъ, вызвала особое полудейское разсѣдованіе (о немъ см. выше, въ статьѣ «Въ Москвѣ послѣ ссылки» и въ III т. сфремовскаго изданія сочиненій Пушкина, 1905 г., стр. 398—399). Затѣмъ «Цыганъ» вошелъ во II-ую часть «Поэмъ и повѣстей А. Пушкина», 1835 г. Входившій въ эпизодъ восьми стиховъ, отъ «За нхъ дѣлнвыми толнами»... до «И имя ибкное твердиль»... Пушкинъ не печаталъ въ виду ихъ интимно-личнаго характера; они писаны поэтми въ принадлежавшіи Виземскому и нынѣ хранящійся въ Имп. Публичной Библиотекѣ земляръ изданія 1827 г. и впервые напечатаны, съ значительными вариантами, въ воспоминаніяхъ брата Пушкина «Москвитини» 1853 г., ч. 3, № 10, май, кн. 2). Аппенковъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» 1855 г., стр. 90, разказываетъ, что въ 1822 г. Пушкинъ «отправился въ Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому табору, почевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикой жизнью коочевого племени. Онъ сохранилъ воспоминаніе объ этомъ путешествіи въ строфѣ эпизода къ «Цыганамъ», не помнящей въ печати»... Братъ поэта прямо говоритъ: «однажды Пушкинъ исчезъ и пропалъ нѣсколько дней. Дни эти онъ прокочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, и это породило послѣдствіи поэму Цыганъ». Тотъ самый П. П. Липранди, объ «истинной учености» котораго Пушкинъ былъ такого высокаго мнѣнія, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1284) говоритъ, что цыганъ Пушкинъ «могъ встрѣтить въ Буджацкихъ степяхъ, которыя впрочемъ рѣдко посѣщаются таборами. Болгарекіи и ибмедскіи колоніи имъ враждовали. Цыгане спуютъ болѣе начиная отъ Вендери на сбверь, и ихъ всегда можно было видѣть около Кишинева. Любимое ихъ расположеніе было за садами малины (такъ называемая виноградная долина въ двухъ верстахъ отъ Кишинева, куда мы часто бѣжали»... Затѣмъ другіе таборы располагались у Рышкановки и у Прункулдолой мельницы, также поодъ самимъ Кишиневомъ. Но Пушкинъ ихъ могъ очень часто встрѣчать и прежде, нежели былъ въ

Бессарабѣ, а именно въ побѣду свою съ Раевскимъ на Кавказѣ, въ Поворосейскомъ краѣ: тамъ таборы были часты. Они кочевали отъ береговъ Прута далеко на востокъ. Не думаю, чтобы Пушкинъ до прибытія своего въ Бессарабѣ не имѣлъ случая, при своей наблюдательности, изучить ихъ. Пылкое воображеніе и поэтическій даръ создали остальное». Въ области фантазіи трудно стнсти все извѣстные разказы о происхожденіи «Цыганъ»—А. Трегубова («Пушкинъ и Людмила Пилези» («Одесс. Вѣсти.» 1880 г., № 118, и «Отзвнны о П—ибъ съ юга Россіи» В. А. Яковлева, Од., 1887); Л. Мацѣвича («Исторія. Вѣсти.» 1883 г., май, и сборн. Яковлева, стр. 80); А. О. Смирновой («Сбверн. Вѣстникъ» 1893 г., вл. 2, стр. 168); Е. Францовой (Кириенко-Волошиновой) («Русс. Обзорніе» 1897 г., январь—мартъ; перечень въ очень плохой статьѣ Г. Буланева «А. С. П—ибъ на югѣ Россіи—Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ», изд. Кіевского педагогическаго общества, Кіевъ, 1899); З. К. Ралли-Арборе («Минушіе годы» 1908 г., июль, 2—3; эти разказы отличаются другъ отъ друга только извѣстной степенью живости, но все одинаково вымышлены. По справедливости сообщеній Л. С. Пушкина и Аппенкова нельзя отрицать. Они подтверждаются не только эпизодомъ поэмы, но упоминаются и въ другихъ мѣстахъ. Въ «Описаніи» (8, V) поэтъ вспоминалъ о своей юной Музѣ, какъ, «позабывъ столицы дальнюю и блестя, и шумные шры, въ глуши Молдавіи печальной она смиренныя шатры племени бродящихъ посѣщала, и между ними днчала, и позабыла рѣчь боговъ для скудныхъ, странныхъ языковъ, для ибсень степи ея любезной»... Въ исводо-переводѣ съ англійскаго («Цыганъ», 1830 г., см. выше, стр. 81) Пушкинъ привѣтствовалъ случайно встрѣтившійся ему гдѣ-то табору темнымъ воспоминаніемъ о своемъ недолгомъ странствіи съ таборомъ бессарабскихъ цыганъ: «Здравствуй, счастливое племя! узнаю твои шатры; я бы самъ въ иное время провожалъ сн шатры... Вы уйдете—но за вами не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ. Онъ бродящій поелти и проказы старны позабылъ»... Такимъ образомъ, кочеваніе Пушкина съ цыганами не поддѣжитъ никакому сомнѣнію; быть можетъ, ближайшимъ поетомъ къ созданію поэмы послужила та цыганская ибени, слова которой Пушкинъ хотѣлъ взятъ эпитафичъ къ «Цыганамъ».

П. П. Пущинъ, которому въ январѣ 1825 г. Пушкинъ предиктовалъ начало поэмы для «Полярной Звѣзды», былъ, повидному, первымъ ея читателемъ (см. его «Записки о Пушкинѣ», Сиб., 1907, стр. 63). «Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы онъ тебѣ понравился», писалъ онъ Рылѣву 25 января. Въ тотъ же день онъ писалъ Виземскому, которому раньше (10 октября) сообщалъ о поэмѣ: «не знаю, что объ ней сказать, она покажется мнѣ опротивля, только что кончилъ»;—«я кажется писалъ тебѣ, что мои Цыгане нигуда не годятся: не ибрь, я совралъ, ты будешь ими очень доволенъ». Черезъ нѣсколько дней онъ изложилъ А. А. Бестужеву на брата Льва Сергѣевича, «что онъ не сдержалъ своего слова—я не хотѣлъ, чтобы эта поэма извѣстна была прежде времени; теперь нечего дѣлать—принужденъ ее напечатать, пока не растаскаютъ ее по клочкамъ». Левъ Сергѣевичъ, обладавшій необыкновенной памятью, любилъ читать знакомымъ новыя произведенія брата, который, при малочувственности

тогдашней читающей и покупающей книги публики, видѣть въ этомъ серьезный денежный ущербъ. Въ дневникѣ П. П. Козлова (изд. К. Я. Грота, Сиб., 1906) записано подъ тремя членами двара о чтеніи Л. С. Пушкинымъ «Цыганъ». «Два раза уже слышалъ «Цыганъ» Пушкина и два раза восхищался имъ, — писалъ въ февралѣ А. П. Тургеневъ Вяземскому («Остафьевск. Архивъ», III, 99), — не мнѣ одному кажется, что это лучшее его произведеніе. Съ брата, который читаетъ ихъ наизусть, взялъ авторъ честное слово, что онъ списывать ихъ для кого не будетъ». Но Пушкинъ сердился на брата и за чтеніе поэмъ: «я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепису и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тишите» (пис. отъ первой половины февраля). «Отъ Цыганъ всё безъ ума», — писалъ Пушкину Рылѣевъ 25 марта. На одной изъ «субботъ» у Плетнева Левъ Сергѣевичъ опять читалъ поэмъ, въ присутствіи Рылѣева и Кюхельбекера. «Можешь», — писалъ Пушкину Рылѣевъ въ первой половинѣ апрѣля, — себѣ представить, что дѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человекъ! Этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! Цыганъ слышалъ я четвертый разъ и всегда съ похвѣльемъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобы привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько уиженъ. Зачѣмъ водить онъ медвѣдя и сбрасываетъ вольную дань? Не лучше-ли бы было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираться, а знаешь, почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэмъ Александра Пушкина; зачѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не правится слово: рекъ. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу». Вообще строгій къ Пушкину Николай Раевскій писалъ ему 10 мая: «Твой отрывокъ изъ «Цыганъ», появившійся въ «Подарной Звѣздѣ», — самая живая картина, самаго яркаго колорита, какую мнѣ случилось читать на какомъ-либо языкѣ. Bravo, брависсимо!» Восхищался и Жуковский, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ: «я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая дѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего гения? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?» (пис. отъ второй половины мая). Пушкинъ отвѣчалъ: «ты спрашиваешь, какая дѣль у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи — поэзія... Поэтъ самъ читалъ ихъ въ Григорскомъ у Осиповой. «Впередѣ мы слышали эту чудную поэмъ», — рассказываетъ А. П. Кернъ (см. «Пушкинъ» Л. П. Майкова, 1899 г., стр. 242), — и я никогда не забуду тогда восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ въ текущихъ стиховъ этой чудной поэмъ, такъ и отъ ея чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я впадала отъ наслажденія!... На память объ этомъ чтеніи Пушкинъ впоследствии подарилъ ей экземпляръ «Цыганъ» (ib., 231). 28 июля поэтъ просилъ брата «продиктовать Цыгановъ для отдачи въ цензуру, покажетъ не перешлю своего гисека». Посылая Вяземскому для «Московск. Телеграфа» письмо Земфиры, Пушкинъ писалъ ему: «это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дмѣй наизусть подлинника. Новажи это Вельторскому — кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Подозову и съ пѣсней», (пис.

отъ первой половины сентября). П. А. Катчинъ спрашивалъ Пушкина (пис. 24 ноября): «желалъ бы познакомиться съ Цыганами, о которыхъ чудеса рассказываютъ; отчего ты ихъ не печатаешь?» Вяземскій напоминалъ ему (10 мая): «что ты давно ничего не печатаешь? А Цыганъ?» (см. также письмо Вяземскаго отъ 7 июня 1823 г.). 22 июня онъ писалъ жени: «слышалъ поэмъ Пушкина «Цыганъ». Прелестъ и, кажется, явше всего, что онъ доселѣ написалъ» («Остаф. Архивъ», V, вып. I, стр. 47). Плетневъ уговаривалъ Пушкина печатать поэмъ (письма 29 августа 1825 г. и 27 февраля 1826 г.); на послѣднее письмо Пушкинъ отвѣчалъ (въ началѣ марта): «ужь если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ переишетъ — а ты пришли рукопись ко мнѣ — а доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія — и сърукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журн., у меня кровь портится!.. 14 апрѣля Плетневъ извѣщалъ его: «послана тебѣ рукопись Цыгановъ. Аккуратнѣе исправь, да поскорѣ пришли, такъ и тишемъ»... 12 июня Дельвингъ писалъ Пушкину: «что жъ ты не присылаешь Цыганъ? Мы бы издали ихъ»... Лишь въ декабрѣ поэмъ прошла цензуру, но печатаніе ея задержалось тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкину вѣднѣ было представлять всё свои произведенія на высшее усмотрѣніе; и тамъ къ нимъ отнеслись, впрочемъ, благосклонно (см. выше, статью: «Въ Москвѣ послѣ ссылки»). Продавалась поэмъ по выходѣ въ свѣтъ не особенно быстро (см. письма Пушкина къ Соболевскому 15 июля и Плетневу къ Пушкину 22 сентября 1827 г.).

«Цыганъ» имѣли шумный успѣхъ. Булгаринъ, тогда еще не бывшій врагомъ Пушкина, говорилъ, что они «явше всѣхъ произведеній европейскыхъ музъ» (см. пис. Дельвинга къ Пушкину отъ марта 1828 г.) Вяземскій писалъ, что поэмъ «пока, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ изъ напечатанныхъ... Она составлена изъ отдѣльныхъ явленій, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математической послѣдовательности, но представляющихъ правдивное развитіе, въ которомъ части согласны правильно и гармонически... Въ грунтѣ картинъ изображается таборъ южныхъ цыганъ со всею причудливостію ихъ отличительныхъ красокъ, поэтическою днкостью ихъ обычаевъ и промысловъ и независимостью нравовъ... Два лица выдѣются впередъ изъ сей толпы странной и живописной: Земфира, молодая цыганка, и старый отецъ ея. Среди стихъ дѣтей природы независимой и дикой являетъ третье лицо: гражданскій обществу и добровольный изгнанникъ его, недовольный шитоменъ образованности, или худо понявшій ее, или недовольный въ упованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ — протѣтъ поколѣнія нашего; лицо не условное... перенесенное изъ общества въ иобщую поэмю, а не изъ поэзіи введенное въ общество, какъ многие полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, свободная прелесть, которую находитъ онъ въ независимомъ житьѣ-бытьѣ ихъ общества, тягость отъ повинностей образованнаго общества, пресыщеніе отъ оностиавшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при таборѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрьшился отъ общества онъ укрьлся отъ самого себя: съ измѣненіемъ рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую

стихию страсти свои и страданій, за ними слѣдующія... Недовѣрчивость и самолюбие возмущили спокойствіе души, на минуту прояснившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обмазтое самолюбие ввергли его въ преступленіе... Общество, усыновившее пришельца, и отецъ Земфиры удаляются отъ него и, не удовлетворивъ мести, предають его собственнымъ мученіямъ и волѣ Промысла. Вотъ сущность поэмы... Каждое изъ трехъ лицъ очертано вѣрно кистью мѣткою и широкою. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея, безстрастный равнодушный зритель шры страстей, охлажденный лѣтами и опытами жизни трудной; Алеко непокорный дашникъ гражданскихъ обязанностей, но и не безкорыстный въ любви къ независимости, которой предался онъ не послѣ обдуманнаго выбора, не въ исной тишинѣ мыслей и чувствъ, а также въ порывѣ и раздраженіи страсти...—всѣ они выведены поэтомъ въ подобающемъ имъ очертаніи и свѣтѣ, съ свойственными каждому мѣткими, рѣчными, движеніями... Вводные стихи о птичкѣ, которые поэтъ съ искусствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ эпосказаніе, свойственное поэзии нашихъ народныхъ пѣсней, придаютъ этому отрывку какую-то неопредѣленность, совершенно соответствующую мысли, господствующей въ пемь... По мѣткимъ пѣвоторыхъ, эпизодъ Овидія, вставленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и не приличенъ устамъ цыгана. Мы съ этимъ несогласны. Почему преданію объ Овидіи не храниться всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ тому же бриллиантъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста. Не хотѣлось бы видѣть, какъ Алеко по селеніямъ водить медвѣдь. Этотъ промыселъ, хотя и совершенно въ числѣ принадлежностей молдаванскихъ цыганъ, не имѣетъ въ себѣ ничего поэтическаго. Тутъ уже выходитъ злоупотребленіе мѣткою краски. Напоминаемъ, что Алеко сдѣлался цыганомъ изъ любви къ Земфирѣ и изъ ненависти къ обществу, но все не можемъ «выкинуть» съ мыслью, что онъ шиковать несчастнаго медвѣдь и паживается боками его. Если непременно нужно ввести Алеко въ совершенный цыганскій бытъ, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми. Въ этомъ ремеслѣ, хотя и не совершенно безгрѣшнымъ, все есть какое-то удалство и, слѣдственно, поэзія... Сцена извѣстной пѣсни: «Старый мужъ, грозный мужъ», возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о себѣ пѣснѣ, давно сложеной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестокое, но уже для него непонятное волненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще способна принимать впечатлѣнія; ужасная ночная сцена сповѣдній Алеко; тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ его съ Алеко и внишія выходки послѣдняго... все это неполнопо жизни, силы, вѣрности необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому *scenendo*, поэтъ въ послѣдней изъ главъ превзошелъ себя. Образъ погребенія, слова старика, прощающагося съ нимъ: все это дышитъ величественною простотою, истинною, т. е. возвышенною поэзіею...

Слова: «медленно склонился и съ камня на траву свалился» показались Вяземскому «вялыми». Пушкина это замѣчаніе,—разсказываетъ Вяземскій (Сочин. I, 321—322, 324),—такъ разсердило, что онъ написалъ на Вяземскаго эниграму «Про-

закъ и поэтъ», гдѣ дивалъ и роза въ кучу чувствовывать, что не ему судить и о братѣ. Вѣроятно, къ этому случаю долженъ быть отнесенъ разсказъ Вяземскаго, напечатанный еще при жизни Пушкина («Молва» 1836 г., № 8—Сочин. Б., изд. Венгеровъ, III, 33—34), что «Пушкинъ въ отвѣтъ одному критику, осуждавшему его стихъ изъ «Цыганъ»— «И съ камня на траву свалился», сказалъ: и долженъ былъ такъ выразиться, я не могъ иначе выразиться... Несколько такихъ замѣчаній записаны Вяземскимъ на поляхъ хранящагося въ Публичной Библиотекѣ экземпляра «Цыганъ»; они напечатаны П. О. Морозовымъ въ его второмъ изданіи сочиненій Пушкина («Просвѣщ.», III, 628—629). Когда графъ М. Ю. Вельгорскій пѣлъ при Карамзинѣ пѣсню Земфиры («Рѣчь мени, жи мени»...), историкъ не выдержалъ и сказалъ: «какъ можно класть на музыку такіе ужасы, и охота намъ ихъ пѣть?» (Соч. Вяземскаго, VII, 55).

Подобные отзывы сердца Пушкина. Среди его замѣтокъ сохранилось довольно давниное возраженіе критикамъ: «О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человекъ, и то—медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдь и еще собираетъ деньги съ главошешей публики! Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть бузвѣда, что было бы не въ примѣръ благородію. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиповника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: *ша tanto meglio*. Онъ сказалъ по поводу этихъ разборовъ Погодинъ: «Ахъ, какую рецензію написалъ бы я на своихъ Цыганъ!»—Онъ, видимо досадовалъ,—прибавляетъ Погодинъ,—что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли» (А. Майковъ, «Пушкинъ», 349).

«Къ стиху «Не измѣнись, мой вѣрный другъ»... относятся невошедшіе въ поэмю четыре стиха. (Румянц. муз. № 2370, л. 3 об., напечат. въ «Рус. Стар.» 1884 г., июль, 2):

Моей любовью насладись
Въ молчаньи почтѣ безмятежной,
Приди,—я таю, другъ мой вѣрный,
Не измѣнись, не измѣнись...

О другихъ вариантахъ см. въ исторіи текста.— Вложенное въ уста стараго цыгана сравненіе голоса Овидія съ «шумомъ воды», быть можетъ, взято поэтомъ изъ Апокалипсиса (XIV, 2): «И слышахъ гласъ съ небесе, яко гласъ водъ многихъ».—Соединенное союзомъ «и» съ опредѣляемыми словами «тоскующія кости» приложеніе «смертью чуждой себѣ земли неуспокоенные гости» употреблено по смыслу даннаго мѣста въ вѣнительномъ надеж; поэту не хотѣлось сказать «гостей», и, согласуя приложеніе съ неодушевленнымъ опредѣляемымъ словомъ «кости», онъ подчинилъ по надежной формѣ приложеніе слову, съ которымъ оно связано.—Изъ различныхъ вариаций цыганской пѣсни о молодомъ любовникѣ и ностальгомъ старомъ мужѣ А. П. Яцимирскій указалъ одну наиболее подходящую къ пѣснѣ Земфиры и привелъ ее («Изв. Отд. русск. яз. и словесн. П. Ак. Наукъ» 1899 г., т. IV, кн. I, стр. 302—303 въ такомъ переводѣ: «Жги мени, жарь мени, положи мени на слабый огонь, хоть на угольяхъ жарь мени,— я не назову тебѣ любовника, потому что онъ молоденькій, любимый и хорошенькій. А тебѣ,

злой мужъ, съ этихъ поръ я больше не хочу; и хотя бы ты и билъ меня до смерти, жегъ бы меня и рѣзалъ на куски,—все же я сдѣлаю, какъ захочу».

Въ вводной статьѣ Вячеслава Иванова къ «Цыганамъ» (т. II, 426) уже указаны главные отзывы современной и позднѣйшей критики о «Цыганахъ». Къ этому можно прибавить, что самый ранній отзывъ Бѣлинскаго о «Цыганахъ», относящійся къ 1835 г., значительно отличается отъ того, что говорилъ великій критикъ о поэмѣ впоследствии: въ немъ, какъ въ зернѣ, заключена мысль, развитая много лѣтъ спустя Достоевскимъ: «смирись, гордый человекъ»:—въ «Цыганахъ» «выражена идея, что пока человекъ не убьетъ своего эгоизма, своихъ личныхъ страстей, до тѣхъ поръ онъ не найдетъ для себя на землѣ истинной свободы» («Гедескопъ» 1835 г., т. XXVII—Сочин. Б.—го, изд. Венгерова, II, 285). Въ одной театральной рецензій 1839 г. Бѣлинскій объясняетъ старика цыгана какъ «абсолютнаго человека въ естественной непосредственности» (Соч. Б., то же изд., IV, 374), а въ знаменитой «бородинской» статьѣ говоритъ объ Алеко, какъ о человекѣ, который отторгся отъ общества, олицетворяющаго собою разную дѣйствительность, и за это «дѣлается призракъ, кажущимся ничто, и погибаетъ» (ib., 417).

Анненковъ («П—нъ въ Александровскую эпоху», 239—242) видитъ въ «Цыганахъ» свидѣтельство происходившаго въ душѣ Пушкина перелома, а также «высшее и самое нынѣшнее цвѣтеніе русскаго романтизма, усѣившаго овладѣть теперь и поэтическіи-философскій темой... Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо и съ Байрономъ, не было новостью противопоставленіе образованнаго человека человеку полудикаго патриархальнаго быта. Совершенною новостью было для нея только то, что сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко... представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потому ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшій всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самою того количества злобы, эгоизма и ненормальности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко шлетъ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но вмѣсто того предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи: вотъ что было оригинально и ново въ поэмѣ».

О внѣшней сторонѣ поэмы Просперъ Мериме отзывался: «это рядъ эпическихъ отрывковъ и драматическихъ диалоговъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, повидимому безъ строгой связи и по временамъ пересѣкающихся лирическими отступленіями, а между тѣмъ стихи такъ крѣпко держатся другъ за друга, что ни одного изъ нихъ нельзя выбросить, не нарушивъ общей гармоніи. Все здѣсь чрезвычайно просто и естественно... Вообще «Цыгань», по моему мнѣнію, представляютъ самый точный образецъ поэтической манеры Пушкина. Простота фавелы, искусный выборъ деталей, поразящая трезвость и правда изложенія—вотъ основныя черты этой поэмы. Невозможно выразить по-французски всю счастливую пушкинскую стиха. Образы у него только намѣчены, а не развиты, и съ чисто греческимъ искусствомъ онъ направляетъ на ту или другую

подробность вниманіе читателя». (см. «С.-Петербург. Вѣдом.» 1868 г., № 25; 1874 г., № 160 [зам. П. Вейнберга]; «Русск. Курьеръ» 1880 г., № 172).

Помимо того внутренняго прогресса, который привелъ Пушкина къ побѣдѣ надъ романтизмомъ въявь, «Цыгань» знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ техническомъ усовершенствованіи Пушкина, какъ художника. Онъ говоритъ: «только съ «Цыгань» почувствовалъ я въ себѣ призваніе къ драмѣ» (Анненковъ, «П. въ Александр. эп., 242). Диалоги, внѣшнія ремарки (въ прозѣ и въ скобкахъ), внутреннія ремарки (вродѣ «Свѣтло. Старикъ тихою бродитъ вокругъ безмолвнаго шатра... или «Проща два лѣта...»), безыгралъ смѣна дѣйствій (такое же построніе наблюдается и въ «Полтавѣ») — все указываетъ на назрѣвшее стремленіе къ драмѣ. «Цыгань» еще не были совсемъ отдѣланы, когда поэтъ началъ «Годунова».

Образъ Алеко связанъ по контрасту съ другимъ образомъ пушкинской поэзіи—Тазитомъ («Галубъ»). Пушкина всю жизнь занимала роковая мысль объ отношеніи личности къ міру. Въ «Галубѣ» онъ слегка приподнял завѣсу надъ этой проблемой. Намъ видно, къ чему шелъ поэтъ, но дойти до конца онъ не успѣлъ.

397. ПРИВѢТЪ АЛЕКО СЫНУ

(т. II, стр. 250).

Черновые наброски этихъ стиховъ, не вошедшихъ въ «Цыгань», находятся въ тетрадахъ московскаго Румянцеваго музея № 2370, л. 50 об., и № 2368, лл. 45 об.—16 об.; въ послѣдней рукописи текетъ полнѣе; онъ и воспроизведенъ въ настоящемъ изданіи. Впервые упомянулъ о нихъ Анненковъ въ примѣчаніяхъ къ «Цыганамъ» (см. его изданіе сочиненій Пушкина, III, 374): «въ черновой рукописи Пушкина есть нѣсколько строкъ, вложенныхъ имъ въ уста Алеко, когда тотъ задумывается надъ колыбелью собственнаго сына, рожденнаго ему Земфирой, но строфы эти не отдѣланы и вышедшии самими авторомъ». Печатавъ ихъ Анненковъ въ дополнительномъ томѣ своего изданія (VI, 69—70, подъ заглавіемъ «Пропущенное мѣсто въ поэмѣ Цыгань» и съ поэмтой «1824», хотя рукописи даютъ основаніе отнести наброски и къ 1825 году. Два четверостишія («Зато безнеченъ, здравъ и поленъ...» и «Отъ общества, быть можетъ, я...») помѣнились въ «Русск. Старикѣ» 1884 г., июль, 533. Стихи: «О, сколько бѣдъхъ удрызѣній...» и проч. напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи. Не трудно указать мѣсто въ поэмѣ, куда Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ вставить эти стихи—вѣроятно, послѣ словъ: «Старикъ уснулъ, и все въ покоѣ... Въ шатрѣ и тихо и темно».

Въ обращеніи Алеко къ сыну повторена одна изъ основныхъ мыслей «Цыгань» — мысль о несомвѣстности естественной свободы съ городской цивилизаціей, о преимуществѣ «простыхъ пороковъ» передъ «образованнымъ развратомъ». Еще рѣзче выражена эта мысль въ стихахъ «Къ морю» — «дѣь благо, тамъ уже на стражѣ царя просвѣщенье, или тиранъ».

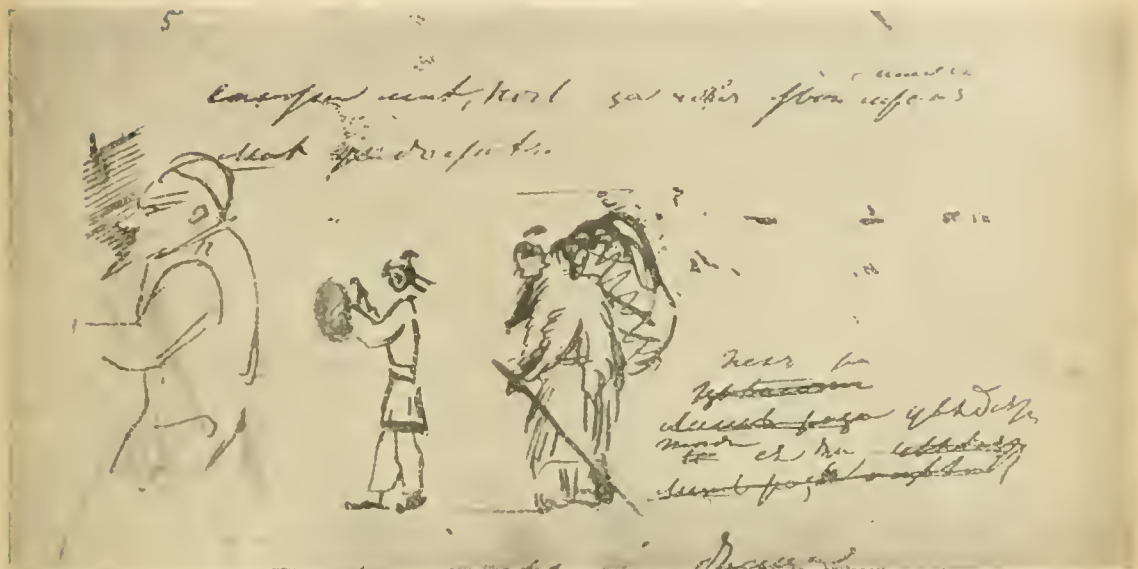
398. ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

(т. II, стр. 251).

Черновки Подражаній Корану находятся въ двухъ тетрадяхъ московскаго Румянцеваго музея—№ 2367, лл. 28 об.—29 (III), 29 об. (IV).

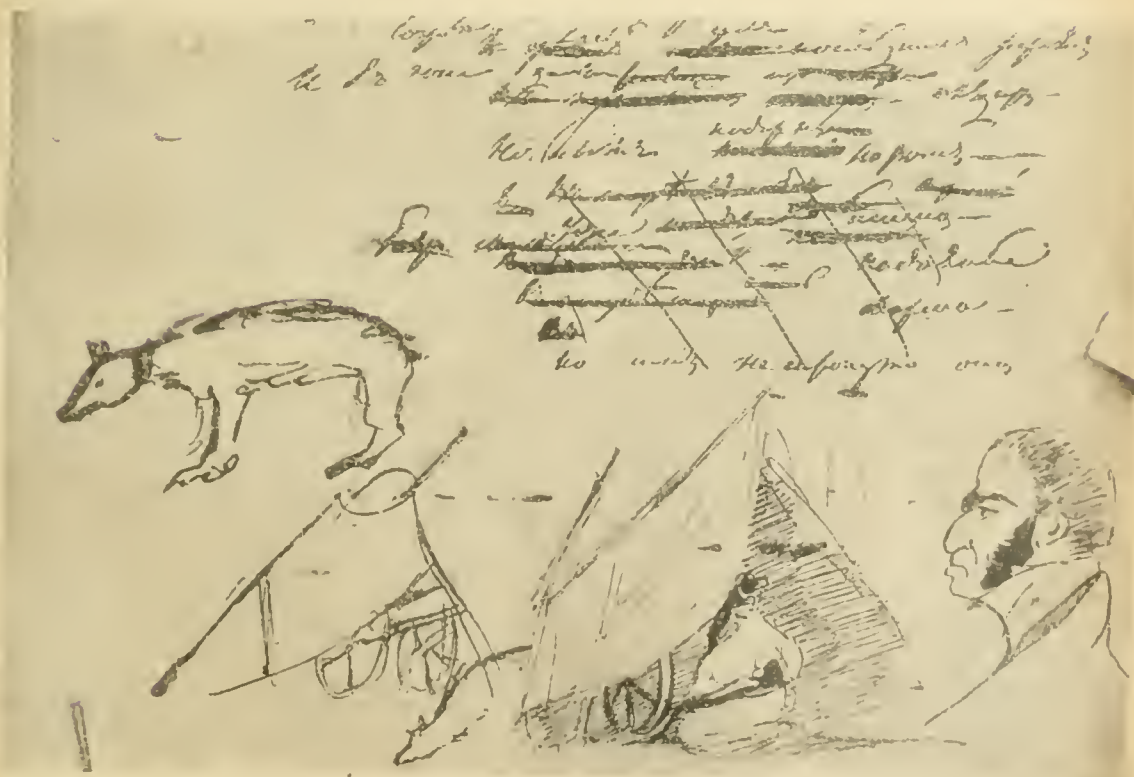
РИСУНКИ ПУТНИКОВЪ ВЪ ЧЕРНОВИКАХЪ «ЦЫГАНЪ».

I.

Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2370, листъ 56.
Воспроизводится впервые.

II.

Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2369, листъ 46.
Воспроизводится впервые.

32 (V), и № 2370, л. 9 (II), 13 (I), 18 об. (III), 19 (VI), 20 (IV), 22 (V), 35 об.—36, 37 об. (VI и VII), 38 об. (VIII), 39—39 об. (IX). Впервые въ печати появилось IV-ое подражаніе—въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 г. Всѣ подражанія были напечатаны въ сборникѣ стихотвореній Пушкина, изд. 1826 г., стр. 175 сл., съ посвященіемъ П. А. Остповой; затѣмъ они вошли, съ нѣкоторыми поправками и съ обозначеніемъ не всего имени, а только инициаловъ Остповой, въ сборникъ 1829 г., ч. I, стр. 203—220. О немногочисленныхъ вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Здѣсь «Подражанія» воспроизведены въ окончательной пушкинской редакціи, по изданію 1829 г.

Судя по рукописямъ, «Подражанія» написаны въ 1824 г. и, можетъ быть, закончены даже въ началѣ 1825 г., когда поэтъ находился въ Михайловскомъ; этимъ годомъ Пушкинъ и самъ помѣчалъ ихъ. Можно думать, что еще въ Одессѣ Пушкинъ читалъ «Коранъ» и уже подумывалъ писать «Подражанія»; 14 июня 1824 г. онъ писалъ Вяземскому: «съ другой стороны деньги, Онѣггинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эпосъ!... Трудно, впрочемъ, положительнѣе рѣшить, что Пушкинъ въ этихъ цѣлсныхъ словахъ говоритъ о «Подражаніяхъ». Уже несомнѣнно намекая на нихъ—онъ писалъ брату въ началѣ ноября: «я тружусь во славу Корана и написать еще кое-что». Рыльцевъ, слышавшій ихъ изъ устъ Льва Сергѣевича на одной изъ обычныхъ субботъ у Плетнева, писалъ Пушкину въ первой половинѣ апрѣля 1825 г.: «нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній... предстали, особенно отрывки изъ Алкорана... Векорѣ (12 мая) онъ убѣждалъ Пушкина не подражать Вайрону «ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета». Поэту П. П. Козлову «Подражанія», какъ писалъ онъ Пушкину (31 мая), «вскружили голову». Во время работы надъ ними Пушкина такъ занимали образы Корана, что онъ въ шутку сравнивалъ въ одномъ письмѣ (къ Вяземскому, 29 ноября 1824 г.) свои невольныя кочеванія съ бѣгствомъ Магомета изъ Мекки въ Медину, а рукопись своихъ стиховъ величалъ Кораномъ.

Томаса Мура, «чужороднаго подражателя безобразному восточному воображенію» (письмо къ Вяземскому, 2 января 1822 г.), Пушкинъ не любилъ за то, «что онъ черезъчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Евронсецъ и въ уношеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европѣйца» (письмо къ нему же въ апрѣлѣ 1825 г.). Нашъ поэтъ не только вниошнѣ послѣдовалъ этому правилу въ «Подражаніяхъ Корану», но болѣе того—далъ въ нихъ высшій образецъ глубокой религіозной и исторической интуиціи. Гениальная способность Пушкина «перевоплощаться» въ людей давно отжившихъ вѣковъ и сошедшихъ съ жизненной сцены народовъ, шъ въ какомъ другомъ произведеніи его не получала такого блестящаго проявленія. Другой великій шрикъ, обладавшій тѣмъ же даромъ, Генрихъ Гейне, наблюдалъ его въ себѣ, опредѣляя его такъ: «поэту во время творчества кажется, будто онъ, по ниваторейскому ученію о переселеніи душъ, уже жилъ другою жизнью въ самыхъ различныхъ образахъ.—его интуиція есть какъ бы воспоминаніе». Но истинный талантъ и переноситъ въ другія эпохи, въ другіе народы—не перестаетъ быть человѣкомъ своего времени, своей почвы и не разру-

шаетъ живою связью съ современностью, и эта связь даетъ ему возможность не впадать въ простую подражательность и творить для настоящаго и для грядущаго.

Отношеніе Пушкина къ великой книгѣ Магомета было сложное. Если онъ и видѣлъ въ ней дѣйствительно «собраніе новой лжи и старыхъ басенъ» (слова эти могли быть написаны и «страха іудейска ради», т.-е. изъ цензурныхъ опасеній), то, съ другой стороны, онъ признавала, что «въ Коранѣ много истинъ здравыхъ» (см. выше, стр. 326), и его не могли не поражать «многія нравственныя истины, изложенныя сильными и поэтическими образами», не считающаяся съ «физикою» («смѣлая поэзія», религіозная «ревность Араба». Съ Кораномъ Пушкинъ могъ познакомиться по различнымъ переводамъ—двумъ русскимъ (съ французскаго—М. Веревкина, 1790 г. и съ англійскаго—А. Колмакова, 1792 г.), англійскимъ и французскимъ—Ruep и Savary, послѣднее предшествующее «Подражаніямъ» изданіе котораго, съ комментаріями, вышло въ 1821 г. Изъ этихъ девяти «Подражаній» нѣкоторыя (II, IV, IX), передающія дѣльныя новѣштованія, разсказанныя въ «Коранѣ», могутъ быть названы предложеніями, остальные же—въ настоящемъ смыслѣ слова «вольныя подражанія», вариации на темы изъ Корана, краски для которыхъ взяты изъ Корана же. Отбросивъ и «повую ложь», и «старыя басни», и «странныя риторическія обороты», весь чуждый европейскому духу и вкусу арсеналъ незнающихъ удержу восточныхъ гиперболей и аллегорій, поэтъ выдѣлилъ изъ Корана лучшее и вѣчное въ немъ—высшую нравственную истину, жаръ божественной любви и вѣры, дающей могучую дѣйственную силу и поэтической навося заключенному въ Коранѣ неповѣданію ислама. Поэтъ, въ сердцѣ котораго нашелся откликъ на нуритански-бѣдно, скудно, безцвѣтно выраженную вѣру Беніана (см. «Странникъ» 1834 г.), не могъ не отозваться всею силой душевнаго сочувствія на яркую красочность Корана и жгучее, необорное нормальное пророчество къ своему Богу. Пушкинцу нельзя было не полюбить вдохновенную, притчливую книгу мысли и поэзии, и Магометъ сталъ ему «любезенъ», какъ выразился Рыльцевъ, и поэтъ создалъ свой «хвалебный гимнъ Отцу міровъ». «Если вчитаться во все 114 главъ Корана, называемыхъ сурами»,—говоритъ одинъ изслѣдователь (Холмогоровъ, въ «Очеркѣ исторіи арабской литературы», «Всеобщая литература» подъ ред. В. Корша, т. II, ч. I, стр. 291),—«то нельзя не замѣтить частыхъ новшореній одного и того же, однихъ и тѣхъ же словъ, какой-то нестройности, разбросанности мыслей—какъ бы отрывочныхъ импровизацій, особенно въ послѣднихъ главахъ, болѣею частью паномниающихъ рюмованную прозу, которую такъ любятъ арабскіе разсказчики и романисты, и которая такъ легко удерживается въ памяти, за рѣдкостью ишемья». Тематами для большей части суръ служили различные случайныя обстояательства: споры, выигранное сраженіе, дѣлежъ добычи, семейныя происшествія и т. п.; но изъ каждаго частнаго событія Магометъ выводилъ соответственное правоученіе, становившееся закономъ, или примѣнялъ къ настоящему уже слышанные имъ разсказы, припоминалъ такіе же случаи, бывшіе въ старину: откуда вносѣдствіи возникла темнота, запутанность въ нѣкоторыхъ главахъ Алкорана... Часто Алкоранъ блистаетъ высокими мыслями

ветхаго и новаго завѣтовъ... Каждый стихъ Алкорана мусульмане называютъ чудомъ (дѣтъ), и языкъ этой книги считается образцовымъ относительно арабизма, а между тѣмъ Магометъ выставляеть себя неграмотнымъ, выучившимся читать уже впоследствии у архангела Габріила... Магометъ является поэтомъ именно тамъ, гдѣ онъ гремятъ угрозами противъ невѣрныхъ; здѣсь его поэтическія картины быстро сѣмются одна другою: наблюдательно представляются то разверстое небо и солнце, свивающееся на подобіе пелены въ лѣсъ страшнаго суда, то горы, убѣгающія вдаль, словно полуденное марево, то мученія грѣшныхъ, папаташныхъ плодовъ адскаго дерева, паюсныхъ кипящею водою и вновь жаждущихъ каждою истомленнаго верблюда. И Магометъ клянется въ непреложности своихъ словъ смоковницей и оливой, Меккой и Сипаемъ, небомъ и звѣздою, утренней зарей и священными почвами, землею и всѣмъ, что на ней живетъ, конями, которые мчатся въ битву, выбивая копытами искры, предвѣщую тростью (для письма) и всѣмъ, что ею написано».

Насколько чужды европейцу и духъ и форма Корана, можно видѣть изъ разныхъ мнѣній о немъ. «Коранъ»,—говоритъ Н. П. Страховъ («Записки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-ое, стр. 47—52),—«есть книга очень загадочная, очень трудная для офики. Ея содержаніе, повидимому, незначительно; такъ можно судить отчасти уже потому, что она вообще мало занимаетъ европейскихъ читателей. Между тѣмъ, она, очевидно, способна производить на людей сильное дѣйствіе, и въ настоящую минуту духъ этой книги совершаетъ большія завоеванія въ Индіи и Китаѣ, побѣждаетъ тамъ древнѣйшія религіи человѣчества, среди которыхъ христіанство дѣлало лишь слабые усилія. Шопенгауеръ, философъ, умѣющій такъ глубоко понимать всѣ религіозныя явленія, съ недоумѣніемъ смотритъ на силу Корана и отзывается о немъ очень рѣзко. «Эта плохая книга», говоритъ онъ, «была достаточно, чтобы основать мировую религію, удовлетворять вотъ уже 1200 лѣтъ метафизической потребности безчисленныхъ миллионовъ людей, сдѣлать основною ихъ морали и значительнаго презрѣнія къ смерти, а также одушевить ихъ на кровавыя войны и обширнѣйшія завоеванія. Мы находимъ въ ней плачевнѣйшій и скуднѣйшій видъ тензма. Многое въ ней, можетъ быть, теряется отъ перевода; но я не могъ въ ней открыть ни одной цѣнной мысли». Сами арабы, какъ упоминаетъ Ренанъ, утверждаютъ, что главная сила Корана заключается въ его поэтическомъ достоинствѣ, и притомъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ, въ такомъ удивительномъ теченіи рѣчи, что даже они, привыкшіе ко всякимъ стихотворнымъ тонкостямъ, не могли устоять противъ очарованія этой прозы. Не любопытно ли послѣ этого взглянуть, что же сдѣлалъ Пушкинъ въ своихъ подражаніяхъ? Известно, какъ обыкновенно дѣлается подражаніе восточному; европеецъ беретъ кой-какія чужія краски и даже мысли, но располагаетъ и развиваетъ ихъ по своему, по-европейски. Пушкинъ же съ своею невѣроятною гибкостью старался уловить весь складъ Корана, весь безпорядокъ, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ какою то восточною безмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство («Путешествіе въ Арзрумъ»)... Сѣмленіе чувственности съ религіозными цнженіями души, быстрые

порывы и переходы чувствъ, немотооложная, по сверхзвонная фантазія, и при всемъ этомъ полнѣйшая музыкальность, волшебное теченіе рѣчи—таковъ характеръ Корана, какъ онъ удовлетворяетъ Пушкинымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы у какого-нибудь другого европейскаго поэта были стихотворенія въ такой степени восточныя. А прекрасны они въ первой степени».

Къ числу «чисто-пушкинскихъ» поэмъ, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ», отнесъ Вѣлискіи «Подражанія Корану», «своиѣмъ передающіи духъ исламизма и красоты арабской поэзіи блестящій алмазь въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина!»—совершенно доказательство «разнообразія поэзіи Пушкина, его удивительной способности легко и свободно переносится въ самыя противоположныя сферы жизни. Въ этомъ отношеніи... Пушкинъ напоминаетъ Шекспира. Тургеневъ однажды писалъ С. Т. Аксакову: «давно вы не читали Восточныхъ Стихотвореній Пушкина? Перечтите ихъ—я отъ нихъ безумствую» («Вѣстн. Евр.» 1894, февр., 480).

Н. П. Черняевъ, по мнѣнію котораго Коранъ привелъ Пушкина къ изученію Библіи и созданію образа «Пророка» (объ этомъ см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ № 478) въ своемъ изслѣдованіи «Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніемъ Корану» («Русское Обозрѣніе» 1897 г. и отд., М., 1898) говоритъ (стр. 53—55): «Ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ ничего подобнаго пушкинскимъ «Подражаніямъ Корану». Въ нихъ отразился весь Псламъ, съ его чувственностью, съ его вопиющимъ пыломъ, съ его космогоніей, легендами, мистикой и моралью. Кто читается и вдумается въ «Подражанія Корану», тотъ уже не встрѣтитъ въ немъ ничего новаго для себя и будетъ имѣть ключъ къ разгадкѣ и вѣрному пониманію священной для всего мусульманскаго міра книги. Въ девять подражаній составляютъ одно стройное, гармоническое цѣлое, несмотри на полную самостоятельность каждого изъ нихъ. Они находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу и такъ же тѣсно связаны между собой, какъ отдѣльныя части музыкальной симфоніи или сюиты. Пушкинъ хотѣлъ передать въ нихъ то впечатлѣніе, какое производилъ на него Коранъ, и написалъ столько подражаній, сколько нужно было, чтобы возродить его духъ, языкъ и поэзію. Пушкинъ блестяще справился со своею задачею. Онъ раскрылъ передъ нами не только тѣ стороны Пслама, въ которыхъ заключается все его обаяніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ намъ возможность взглянуть и въ сердце Магомета и понять этого необыкновеннаго челоѣка, доселѣ возбуждающаго столько споровъ между историками. Въ «Подражаніяхъ Корану» нравственный обликъ Магомета выстаетъ ясно и рельефно, изъавинный рукою великаго мастера. Создана «Подражанія Корану», Пушкинъ не былъ его переводчикомъ и не заботился о точномъ воспроизведеніи своего оригинала и образа... Рѣчманную прозу Магомета онъ замѣнилъ рѣчманными стихами; поэтическіе образы Корана онъ донолнялъ мусульманскими преданіями и то стужалъ краски «Несомнѣнной книги и усиливалъ ея и безъ того сильный языкъ, то смягчалъ его оттикомъ вѣжливости и скорби. Но, дѣлая тѣ или другія отступленія отъ подлинника, соединяя въ одно стройное цѣлое изреченія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Корана, придавая

поразительную красоту поэтическим намекам Корана. Пушкин имѣлъ въ виду только одну дѣль—воспроизвести его наосъ и ту чисто-арабскую поэзію, которую дышетъ Коранъ. Читая «Подражанія Корану», вы чувствуете, что имѣете дѣло съ пророкомъ, порожденнымъ Аравіей. Подражанія Корану запечатлѣны яркимъ воображеніемъ, живостью и мощью впечатлѣній, смѣлостью поэтическихъ образовъ, неотразимой прелестью стиха, пламеннымъ воодушевленіемъ и чисто-восточной страстностью... Прекрасно отгнѣнивъ красоту Корана, Пушкинъ не счелъ нужнымъ подчеркивать его безпорядочное изложеніе, отсутствие стройности, обиліе темныхъ мѣстъ, несообразностей, повтореній, противорѣчій и искаженныхъ пересказовъ библейскаго текста. Поэтъ очевидно, имѣлъ въ виду не тотъ Коранъ, который теперь существуетъ, не Коранъ, испорченный вставками и безсвязными записями учениковъ и приближенныхъ Магомета, а тотъ Коранъ, который проповѣдывалъ основатель Ислама. Пушкинъ былъ высокаго мѣрнія о Магометѣ, считалъ его крупнымъ поэтомъ и гениальнымъ человекомъ и, судя по всему, не допускалъ мысли, чтобы Магометъ говорилъ все то, что внесено въ Коранъ и что иногда носитъ отпечатокъ заурядныхъ головъ и отноше къ богато одаренныхъ натуръ. Короче сказать, на «Подражанія Корану» слѣдуетъ смотрѣть, какъ на поэтическую реставрацію проповѣди Магомета, свободной отъ послѣдующихъ наслоеній и подмѣсей.

Подробному анализу «Подражаній» посвящена немало страницъ П. И. Черяевъ въ цитированномъ выше изслѣдованіи и Д. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 128—141). Поливановъ обстоятельно опредѣлилъ связь «Подражаній» съ ихъ первоисточникомъ—Кораномъ, пролилъ свѣтъ на процессъ пушкинскаго творчества и указалъ у Пушкина какъ несомнѣнную, такъ и возможную заимствования изъ подлинника, а Черяевъ далъ въ некоторыхъ дополненіяхъ и поправкахъ къ работѣ Поливанова и, между прочимъ, показалъ связь «Подражаній» не только съ Кораномъ, но и съ мусульманскими преданіями. Пользуясь этими указаніями, а также замѣчаніями Страхова и другихъ критиковъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію отдельныхъ частей поэтическаго цикла.

I.

Первое «Подражаніе» представляетъ собою поэтическую обработку 93-ей сурѣ Корана, данной Магомету Аллахомъ послѣ долгаго перерыва общеній божества съ пророкомъ и читающей такъ: «Клянусь утреннимъ солнечнымъ блескомъ, клянусь ночью, когда она темнѣетъ, Господь не оставилъ тебя и не презрѣлъ; будущее для тебя лучше настоящаго. Господь твой скоро ущедритъ тебя, и ты будешь доволенъ. Не сиротой ли Онъ заставилъ тебя и привелъ? Не блуждающимъ ли Онъ привелъ тебя и на прямой путь поставилъ? Онъ найдетъ тебя бѣднымъ—и обогатитъ. А потому сироты где прибѣжишь, нищаго отъ себя крикомъ не отставишь, но богатство Господа твоего имъ проявитъ!» Поэтъ распространилъ клятвенную формулу Аллаха и увеличилъ перечень благодѣній, оказанныхъ пророку, заимствуя формы перваго и примѣры вторыхъ изъ различныхъ мѣстъ Корана. Клятва утренней звѣздой соответствуетъ клятвѣ звѣздой вечернею въ I, III, I Корана и звѣздой

ночною въ LXXXVI, I клятва; зарею въ вариантѣ изданія 1826 г. («Клянусь утренней зарею», заимствована изъ LXXXIX, I Корана. Изъ слѣдующаго стиха той же главы взята клятва «четой и печетой». Антитеза утренней звѣзды съ вечернею молитвою у Пушкина самостоятельна, но въ духѣ Корана; въ немъ встрѣчается сопоставленіе дня и ночи XCII, I п 2, утра и ночи XCIII, I п 2; неожиданность сопоставленія звѣзды съ молитвою также въ характерѣ Корана, гдѣ встрѣчаемъ въ клятвахъ же сопоставленіе смоковницы и маслинны съ Синаемъ и Меккой XCV, 1—3. Сопоставленіе нѣсколькимъ клятвамъ сразу, какъ то слѣзано Пушкинымъ, также встрѣчается въ Коранѣ и не превышаетъ восьми сопоставленій напр. въ XCI, 1—9.

Въ клятвѣ Аллаха,—замѣчаетъ Страховъ,—естъ какая-то загадочность и разнородность предметовъ, игра словъ (утренней и—вечерней) и въ то же время странная сила и гармонія. Лермонтовъ напѣлся этими стихами, и въ его «Демонѣ» тоже есть клятва, даже гораздо длиннѣе. Но какаго разнища! Все очень краснорѣчиво, но имѣетъ совершенно бѣдно и холодно; демонъ дѣлаетъ правильныя антитезы, логически переходитъ отъ одной мысли къ другой, почти пускается въ разсказъ; порыва, загадочности, страсти имѣтъ нѣсколько. Взять восточный оборотъ рѣчи, но лишь всего характернаго». О другія клятвы Корана см. выноски самого Пушкина и вышеприведенную характеристику Холмогорова, а о клятвѣ какъ литературномъ приѣмѣ—замѣтку П. О. Сумцова въ «Харьковск. университет. сборн. въ память П.—на», 1900, стр. 99—100.

Вторая строфа объясняется 40-мъ стихомъ 9-й сурѣ, разсказывающей, какъ гонимые невѣрными Магометъ и Абу-Бекръ скрылись въ пещерѣ; къ ихъ убійщамъ уже подошли враги, когда внезапно черезъ входомъ выросла акація, въ вѣтвяхъ которой голубка свила гнѣздо и снесла яйца, а наукъ обвилъ дерево паутиной; увидѣвъ, что голубка сидитъ на яйцахъ, а паутина неповреждена, преслѣдователи рѣшили, что въ пещеру никто не могъ войти, и бросились по ложному слѣду. Первые два стиха третьей строфы объясняются 11-мъ стихомъ 8-й сурѣ: «Вотъ Онъ въ знаменіе своего покровительства обвилъ васъ спомъ, шепселалъ вамъ съ неба воду, чтобы ею очистить васъ и удалить отъ васъ осверженіе сатана, чтобы ободритъ сердца ваши и утвердить стоны ваши. Быть можетъ, Пушкинъ намекалъ здѣсь даже не на этотъ стихъ Корана, а на другое преданіе,—какъ однажды въ дорогѣ между Медной и Дамаскомъ Магометъ едва могъ зачерпнуть воды изъ пересыхающаго ручья, но, выливъ ее обратно, превратилъ ее въ обильный источникъ, напоившии дѣлае войска». Конецъ стихотворенія у Пушкина—говоритъ Страховъ,—представляетъ также удивительную черту: блестящее, яркое прогнѣрѣіе, которое вполнѣ выражаетъ быстроту душевныхъ движеній. Не успѣвъ Аллахъ дать зановѣдь милосердія: любя и сиротъ, какъ въ слѣдующемъ стихѣ уже вслѣдствіи въ душѣ араба гнѣвъ, и онъ требуетъ, чтобы тварь дрожала предъ его Кораномъ. Такъ же толковалъ послѣднія слова въ Достоевскіи. Любопытно,—замѣчаетъ присоединяющіеся къ этому толкованію Д. С. Мережковскіи.—Вѣрные спутники Пушкинъ, изд. 3-е, стр. 38, «что русскій ингишетъ, Раскольниковъ, заимствовалъ у пушкинскаго Магомета эти слова о дрожащей твари». Два ижеала, преслѣдующіе воображеніе Раско-

шкова, — Магометъ и Магометъ, принадлежатъ и Пушкина». Черныевъ возражаетъ на это: «Аллахъ вовсе не требуетъ, чтобы тварь дрожала передъ Кораномъ; онъ только называетъ поемъ дрожащею тварью. Въ послѣднемъ стихѣ первого «Подражанія» выражается не гнѣвъ, а мысль о бренности человѣческой природы и о ничтожествѣ челоѵка сравнительно съ Богомъ. Эта мысль вродѣ совпадаетъ съ соответственными мѣстами другихъ подражаній». Тутъ критикъ приводитъ выдержки изъ III «Подражанія» («Почто жъ вѣнчати челоѵкъ...», «Обезображенныя страхомъ»), VII-го («Возстанъ, б о л а з л и в ы й...») и нѣкоторыхъ мѣстъ Корана. Поразившее Страхова сопоставленіе милосердія и страха въ двухъ послѣднихъ стихахъ взято изъ 36-го стиха 22-ой суры, гдѣ вѣрующіе названы тѣми, чьи сердца охватываются ужасомъ при произнесеніи имени Божія. Даръ слова и власть пророка надъ умами созданы самимъ поэтомъ на основаніи общаго духа Корана. Въ первомъ «Подражаніи» сразу бросается въ глаза способность Пушкина съ волшебной быстротою и непринужденностью *intrare in medias res*. Съ перваго слова читатель перенесенъ въ чуждое міротношеніе и чуждую историческую обстановку, въ самое сердце иного міра.

II.

Основаю второго «Подражанія» являются 39-й и 33-й стихи 33-й суры, гдѣ говорится о женахъ пророка: «О пророкъ! предъими своимъ женамъ, дочерямъ и женамъ вѣрующимъ онускать покрывало на ихъ лица. Это будетъ знакомъ ихъ добродѣтели и предохранитъ ихъ отъ публичныхъ пересудовъ... «О вѣрующіе! Не входите безъ дозволенія въ домъ пророка, а только когда онъ пригласитъ васъ къ своей трапезѣ... Выходите по одиночкѣ послѣ трапезы и не распространяйте вашу бесѣду; вы его оскорбляете, вы оны посовѣстися бы (покраснѣвъ бы) сказать вамъ это... Если вы имѣете что-нибудь попросить у его женщинъ, то сдѣлайте это сквозъ покрывало; такъ сохранять чистоту и ваши сердца, и ихъ...» Въ образѣ, заключающемся въ послѣднихъ двухъ стихахъ, Подливановъ усматриваетъ «скромно склоняющую голову повелѣнщю». II. Черныевъ правильно замѣчаетъ, что «въ этихъ стихахъ заключается приказаніе не повелѣнщямъ пророка, а его гостямъ онускать передъ нимъ головы и взоры въ знакъ особаго уваженія къ ихъ властелину». Форма обращенія къ женамъ, которымъ начинается пьеса, самостоятельна. «Поэтъ, — говоритъ Черныевъ, усматривая ревность Араба, выставилъ рельефнѣе чувственные и наивныя проявленія ея, на которыхъ Коранъ только намекаетъ, и тѣмъ самымъ лепше обрисовалъ Магомета какъ мистическую и, имѣвъ съ тѣмъ, женолюбивую натуру. Въ итогѣ получился въ высшей степени жизненный характеръ, исполненный психологической правды и послѣдній на себѣ отпечатокъ знойнаго Востока. Страховъ находилъ въ «Подражаніяхъ Корану» черты народн, указывающія на нѣсколько пролическое отношеніе Пушкина къ исламу. Но о народн въ «Подражаніяхъ» нѣтъ и помину: поэтъ не народилъ Коранъ, а творилъ въ его духѣ, опоэтизировалъ его образы и передавалъ его духовную красоту. Пародію Корана, едва удивиле пролическое отношеніе къ Магомету можно подмѣнить только во второмъ «Подражаніи». Его мѣстами высочайшій языкъ и стихи вродѣ: «Брептесь устами свѣта смутить пророка моего...»

какъ бы намекаютъ на то, что поэтъ колебался, съ чѣмъ онъ имѣеть дѣло: съ самообманомъ или обманомъ Магомета, и склонился къ тому заключенію, что въ данномъ случаѣ было и то и другое. Второе «Подражаніе» далеко не звучитъ той искренностью и тѣмъ величественнымъ пафосомъ, которымъ замѣчательны всѣ другія «Подражанія». Этимъ оно рѣзко отличается отъ нихъ. Съ европейской точки зрѣнія оно кажется даже отчасти комичнымъ, но его комизмъ — высокохудожественный, тонкій и едва уловимый комизмъ; въ него нужно вдуматься для того, чтобы замѣтить его». Здѣсь Аллахъ низведенъ съ той высоты, на которой намъ показывается его остальные «Подражанія», въ интимную суету домашняго быта: Магометъ какъ бы прикрывается имъ и говоритъ не своими устами отъ него, а его устами отъ себя о томъ, о чемъ не рѣшается говорить прямо, «ибо весьма учтивъ и скромнъ». Тѣмъ же эротическимъ жаромъ проникнуть третій вулканъ «Татарской пьесы» въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» — о Зарѣмъ, о блаженствѣ того, «кто, миръ и нѣгу возлюбилъ, какъ розу, въ тишинѣ гарема дѣлать, милая, тебя»...

III.

Вотъ что говоритъ 80-ая сура Корана, послужившая основаю для третьяго «Подражанія» и называемая не «Слѣпецъ», — какъ указалъ Пушкинъ въ своемъ примѣчаніи, которое въ сборникѣ 1826 г. дано въ такомъ видѣ: Изъ книги Слѣпецъ (Тифля). Вотъ почему слово сіе мочается у Турковъ за жестокающую брань», — а «Суровое чело»: «Пророкъ явилъ суровое чело и оторвать глаза, потому что слѣпецъ предсталъ предъ нимъ. Да погнѣветъ злой! Кто могъ сдѣлать его невѣрнымъ? Изъ чего создалъ его Богъ? Изъ грязи. Онъ далъ ему привлекательный видъ. Онъ облегчилъ ему путь, который ведетъ къ жизни. Онъ посылаетъ ему смерть и низводитъ его въ могилу. Онъ воскреситъ его, когда захочетъ. Эти истинны несомнѣнны. Челоѵкъ еще не исполнилъ повелѣній Вѣчнаго. Пусть взглянетъ онъ на свою нищу. Мы изливаетъ дождь изъ тучъ; Мы открываемъ лоно земли; Мы повелѣваемъ произрастать сѣмени, завязывать виноградной лозѣ, зеленѣть травѣ, произрастать маслицѣ, пальмѣ и деревьямъ, украшающимъ сады ваши. Земля покрывается ншодами и пастбищами, которые служатъ вамъ и стадамъ вашимъ. Когда прогремѣтъ труба, братъ оставитъ брата, сынъ — своего отца и мать, мужъ покинетъ жену и своихъ дѣтей. Всякій будетъ занятъ только великимъ дѣломъ. Лица будутъ сияющіи; на нихъ будетъ сиять довольство и радость. Другіи лица будутъ покрыты ярамомъ; мрачный покровъ покрываетъ ихъ: такими явятся невѣрные и злодѣи». Комментарій къ начальнымъ стихамъ передаетъ, что «слѣпецъ предсталъ передъ Магометомъ въ то время, какъ онъ старался объ обращеніи одного богатаго и могущественнаго корейшита; онъ былъ дурно принятъ. Потомъ слѣпецъ возвратился и былъ встрѣченъ благословенно». Самому Магомету сура шлетъ упрекъ за пренебреженіе несчастнымъ калѣкой. Поэтъ нашолъ слово «слѣпецъ» въ правдивномъ смыслѣ — челоѵкъ, которому недоступна истина, нечестивый, порочный, и этимъ людямъ напомнилъ о странномъ судѣ. «Въ описаніи послѣдняго дня, — говоритъ Подливановъ, двукратный звукъ трубы, упоминаемый Пушкинымъ имѣеть простое: прогремѣтъ труба, со-

гласно съ другимъ мѣстомъ Корана (39, ст. 68). Символическое изображеніе праведниковъ—съ лицами сияющими—и злыхъ—съ лицами помраченными и покрытыми прахомъ—Пушкинъ исключилъ. Въ другомъ мѣстѣ Корана ужасъ при наступленіи страшнаго суда изображенъ, между прочимъ, такъ: «Пораженіе ужасною десницею Бога люди будутъ, какъ омыльшіе». У Пушкина этотъ ужасъ переданъ эпитетомъ «о безобразіи и нелепыхъ страхомъ». Въ 80-ой сурѣ Корана нѣтъ также ни слова объ огнѣ, ожидающемъ нечестивыхъ, но внесенная Пушкинымъ угроза пламенемъ согласна со многими мѣстами Корана, упоминающими объ огнѣ; напр., 23, ст. 103—106, гдѣ сказано: «Когда прозвучитъ труба, сокрушатся всѣ кровныя узы... Тѣ, которыхъ жребій на всѣхъ склопится, насладятся блаженствомъ; чей жребій окажется легокъ... вѣчно пребудутъ въ аду; огонь сожжетъ ихъ лица... Слова 2-ой строфы: «спокойно возвѣщай Коранъ, не поуждая нечестивыхъ»... объясняется 126 ст. 16 суры Корана: «Призывай людей на путь Божій мудростію и краткими увѣщаніями; если ты входишь съ ними въ споръ, то веди его благороднѣйшимъ образомъ». Въ Коранѣ неоднократно повторяется, что Коранъ не долженъ быть проповѣдуемъ тѣмъ строителыми, которымъ предпринято оставаться цѣлѣнными и погибнуть въ гееннѣ».

Третье «Подражаніе»,—замѣчаетъ Страховъ о вѣншей его сторонѣ, о выразительности художественныхъ пріемовъ,—«представляетъ поразительное теченіе рѣчи. Вначалѣ раздаются величественныя звуки: «Съ небеной книги списокъ данъ тебѣ, пророкъ, не для строитивыхъ»... Потомъ тонъ смягчается, дѣлается кроткимъ, тихимъ: «Почто жъ клчится человекъ» и т. д. (строфы 3—5). И вдругъ раздается громъ негодованія: «Но дважды ангелъ вострубитъ!» Угрозы сыплются градомъ и величественно замолкаютъ: «Но дважды ангелъ вострубитъ!»... и проч. Музыка удивительная! Поставитъ союзъ но такъ, какъ онъ тутъ поставленъ, едва ли бы рѣшился какой европейскій поэтъ. Полный разрывъ теченія мыслей и нѣтъ строгая связь душевныхъ движеній, явный безпорядокъ и чудесная гармонія».

Находящіяся на той же второй страницѣ 18 л. 2370-ой тетради Румянцовскаго музея, гдѣ записана черновая редакція третьяго «Подражанія», два стиха (см. ниже, № 115), впервые напечатанные въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 7:

Слабъ и робокъ человекъ,
Слѣвъ умою—и все тревожить...

несомнѣнно, связаны съ этимъ «Подражаніемъ», вѣроятно, именно съ 3-ей строфой.

«Страшный судъ ужасенъ»,—писалъ Пушкину Рылѣевъ въ цитированномъ выше письмѣ,—«стихи «И братья отъ брата побѣзвить, и сыръ отъ матери отираеть»... превосходны». Б. В. Никольскій («Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина», Спб., 1899, стр. 76—77) безъ всякихъ доказательствъ и основаній усматриваетъ въ третьемъ «Подражаніи» признаки рѣшенія самого поэта «замыкаться» отъ толпы, «въ связи съ самообращеніемъ на творчество и вѣрою, то метительною, то примирительною, въ свое торжество», и указываетъ на эти стихи какъ на «образецъ метительнаго предвидѣнія своего торжества». Обычное въ пушкинской критикѣ отождествленіе поэта и его героев!

IV.

Слѣдующій отрывокъ изъ Корана (сура 2-ая, ст. 260-й) обработалъ Пушкинъ въ четвертомъ «Подражаніи»: «Не слышалъ ли ты о томъ, который, споря съ Авраамомъ о Господѣ его, отрицалъ, что Богъ далъ ему царство? Когда Авраамъ сказалъ: «Господь мой—тотъ, который оживляетъ и умерщвляетъ», тогда тотъ сказалъ: «Я оживляю и умерщвляю». Авраамъ сказалъ: «Богъ, веди солнцу восходить съ востока, ты вели восходить ему съ запада». Невѣрный изумился. Пушкинъ успилъ впечатлѣніе человеческого дерзновенія, поставивъ невѣрнаго спорить не съ Авраамомъ, а съ самимъ Богомъ.

V.

Пятое «Подражаніе» основано большей частью на различныхъ мѣстахъ изъ Корана. «Богъ поддерживаетъ небеса и землю, дабы они не обрушились; дѣйствительно, если они обрушатся, то никто, кромѣ Его, не можетъ поддержать ихъ, потому что Онъ кротокъ, прощающій» (35, ст. 39). «Онъ утвердилъ небеса безъ столповъ» (31, ст. 9). Эти мѣста поэтъ вложилъ въ первую строфу. Для второй строфы послужило слѣдующее мѣсто (33, ст. 39): «Богъ есть свѣтъ небесъ и земли. Свѣтъ его подобенъ свѣтильнику въ стѣнѣ: свѣтильникъ въ стеклянномъ сосудѣ; стеклянный сосудъ сияетъ, какъ звѣзда. Въ немъ горитъ благословенное дерево, маслина, какой нѣтъ ни на востокъ, ни на западъ»... «Третья строфа,—объясняетъ Черняевъ,—написана Пушкинымъ вполне самостоятельно, въ безукоризненно выдержанномъ духѣ и тонѣ Корана. Поэтъ воспользовался для нея тѣми прославленными Аллаха, какъ властелина вѣтровъ, тѣни и воды, падающей съ неба, которые разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Корана... Выраженіе «сіяющій Коранъ» и уподобленіе неба свѣту имѣютъ въ своей основѣ тѣ эпитеты, которые обыкновенно употреблялъ Магометъ, когда говорилъ о своемъ ученіи и о Коранѣ. Онъ называлъ его яснымъ свѣтомъ. «Это Онъ (Богъ), говоритъ въ 9-мъ стихѣ 57-ой суры, повелѣваетъ сходить къ своему слугѣ явнымъ знаменіямъ, чтобы вывести насъ изъ тьмы къ свѣту»... Пятому «Подражанію» придана форма молитвы—форма словословія Бога. Величіе, сила, сжатость и пластичность его языка изумительно прекрасны. Поэтъ хотѣлъ воплотить религиозно-поэтическія позрвнія мусульманскаго Востока на природу и на могущество, мудрость и благость Аллаха... Каждое слово напоминаетъ объ Аравіи, объ ея расклевенныхъ пустыняхъ, о пламенной вѣрѣ въ исламъ... Взглядъ на исламъ какъ на источникъ свѣта и счастья выразился и въ словахъ «Бахчисарайскаго Фонтана» («Татарская ибень»):

Даруетъ небо человеку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, урѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ...

VI.

О снѣ Магомета говоритъ 27-ой стихъ 48-ой суры Корана; «Богъ осуществилъ сонъ апостола [Магомета], когда далъ ему услышать такіа слова:

вы войдете въ священнѣйшій домъ молитвы, если угодно Богу, здравы и невредимы, обривши ваши головы или остриги ихъ. У васъ не будетъ страха... Кроме того, онъ предуставилъ близкую побѣду». Этотъ стихъ довольно близко передается первой строфою шестого «Подражанія». Въ третьей и четвертой строфахъ переработаны 11-й, 12-й и 15-й стихи той же сурь: «Пустынные арабы, которые остаются позади васъ и ийдуть на войну, придуть сказать тебѣ: наши стада и наши семейства мѣшали намъ слѣдовать за тобою. Молись Богу, чтобы простилъ нашихъ грѣхъ. Ихъ язвы пропозосать чего ибѣтъ у нихъ въ сердцахъ... Вы воображали, что апостолъ и вѣрующіе никогда не воротятся къ своимъ семействамъ, и эта мысль правилась вашимъ сердцамъ... Если вы захватите вѣрующую добычу,—о! тогда арабы, оставшіе дома, скажутъ вамъ: позволите намъ идти съ вами. Они хотятъ цѣлбить слово Божіе. Скажи имъ: не ходите съ нами». Послѣдній стихъ почти дословно повторенъ въ четвертой строфѣ. Эта связь прослѣжена Черняевымъ. Полнѣе указываетъ, что «характеристика малодушныхъ объясняется словами 38-го стиха 9-ой сурь, гдѣ говорится о людяхъ, которымъ сказали: Идите сражаться на пути Божіемъ,—и которые оказались неповоротливыми и какъ бы привязанными къ землѣ, которые пренебрегли наслажденіемъ будущей жизни («не вѣрять дивнымъ замъ»). Въ той же сурѣ Пушкинъ могъ почерпнуть и другой матеріалъ для четвертой строфы: «въ 84-мъ стихѣ этой книги также отвергается пророкомъ предложеніе взять съ собою въ битву тѣхъ, которые отказались отъ пелъ ранѣе». Для второй и пятой строфъ поэтъ могъ воспользоваться различными мѣстами Корана, гдѣ говорится о военной добычѣ (8, ст. 42; 48, ст. 18, 19), о невольникахъ и о бракахъ съ ними (4, ст. 28), о наградахъ, ожидающей навшихъ въ бою (3, ст. 156, 163—165): «Если вы умрете или будете убиты, защищая вѣру, знайте, что милосердіе Божіе превъше богатствъ, которыя собираете... Не вѣрьте, что навшіе, сражаясь, на пути Божіемъ, мертвы: они живутъ близъ Бога и отъ него получаютъ свою пищу»...

Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертию освѣтитъ;
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ,—

поютъ невольницы Гирей («Бахчисарайскій Фонтанъ»).

«По звуку»,—замѣчаетъ Страховъ—стихотвореніе «похоже на воинственный маршъ, дышащій жаромъ битвы»: «Не даромъ вы присяглись мнѣ... и т. д. И вдругъ все оканчивается сладкими, свѣтлыми звуками: «Блаженны надшіе въ сраженьи... и проч. «Сквозь вѣліе восточной пустыни»—говоритъ Мережковскій,—«здесь чувствуется уже ароматъ благородной мусульманской культуры, которой суждено дать міру сладострастную пѣгу Альгамбры и «Тысяч одной ночи». Пока это—народъ еще дикій, хищный, жаждущій славы и крови. Герой пришелъ, соbralъ горсть семитовъ, отвергнутыхъ исторіей, затерянныхъ въ стенахъ Аравіи, раскпсилъ религиознымъ фанатизмомъ, выковать молотомъ закона и бросилъ въ міръ, какъ остро отточенный мечъ, среди драхмъ византійскихъ и одичалыхъ варварскихъ племенъ Европы!... Эта сторона Ко-

рана Пушкинѣмъ въ совершенствѣ выражена въ шестомъ «Подражаніи», упоенномъ гимнѣ воинствующаго ислама.

VII.

«О, завернувшійся въ одежду, стѣй эту ночь и читай Коранъ!»—говоритъ начало 73-й сурь. Такъ же начинается и 74-ая: «О, закутавшійся въ одежду, встань и поучай, Господа твоего величай, одежды твоей очищай, возмести убѣгай». Одно преданіе говоритъ, что увидѣвъ архангела Гавриила, Магометъ въ страхѣ закрылся плащемъ, и Гавриилъ началъ этимъ обращеніемъ свою рѣчь къ пророку. Понятно, что въ этомъ смыслѣ «закутавшійся въ одежду» Пушкинъ вѣрно передаетъ словомъ «оболдѣвшій». Другими мѣстами Корана, которыми пользовался Пушкинъ, могутъ быть 100-й стихъ 16-ой сурь Корана, гдѣ пророку велѣно «искать убѣжища отъ лукаваго близъ Бога», 204-й ст. 7-ой сурь, 116-й ст. 11-ой, 80-й, 81-й и 90-й стихи 17-ой, гдѣ говорится о ночномъ бдѣніи. Стихотвореніе—замѣчаетъ Черняевъ—«производитъ впечатлѣніе бѣдныхъ мыслей, молніей промелькнувшихъ въ умѣ Магомета въ минуты тяжкаго душевнаго разлада и сразу возвратившихъ ему покой и счастье. Быстрый и легкій размѣръ пьесы вполне подходитъ къ ея содержанію». Одна изъ «здравыхъ мыслей» Корана, записанныхъ въ «Альбомѣ Онѣггина», гласитъ: «Молись, бѣги путей лукавыхъ»...

Весьма возможно, что въ связи съ сѣдмымъ «Подраженіемъ» стоитъ черновой набросокъ: «Въ нещербѣ тайной въ день гоненья... (см. ниже № 414), находящейся въ 2370-й тетради московскаго Румяновскаго музея, л. 68 об. Первые четыре стиха его появились впервые въ аппенковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855 г., стр. 348, а остальные—въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 33. По мнѣнію П. А. Ефремова, напечатаннаго первое четверостишіе (сочин. П., изд. 1882 г., I, 310—341), оно «могло быть набросано при Подражаніяхъ Корану». Впоследствии Ефремовъ писалъ, наоборотъ, что «набросокъ къ Подражаніямъ Корану, отношеніе не имѣетъ» (Сочин. П., изд. Суворина, VII, 214). П. О. Морозовъ въ первомъ своемъ изданіи (лит. фонда, I, 335) напечаталъ его отдѣльно отъ «Подражаній Корану», а во второмъ («Просвѣщенія», I, 674—675)—въ примѣчаніяхъ къ нимъ. О первыхъ четырехъ стихахъ П. Черняевъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о «Пророкѣ» и «Подражаніяхъ Корану» (стр. 61): «это четверостишіе, прекрасное само по себѣ, бѣдно и слабо (?) въ сравненіи съ любой строфою изъ девяти «Подражаній Корану». Очевидно, что и поэтъ остался имъ недоволенъ: онъ забылъ о немъ и не дописалъ начатаго и задуманнаго стихотворенія. Очень можетъ быть, что сѣдмое «Подражаніе» явилось вмѣсто него, ибо и въ этомъ «Подражаніи» говорится объ утѣшеніи, которое даетъ мусульманамъ Коранъ, какъ надежнѣйшій талисманъ противъ унынія и грѣховныхъ шеченій». Это сближеніе представляется намъ натянутымъ. Какъ указано сейчасъ, VII-е «Подражаніе» возникло изъ различныхъ мѣстъ «Корана»; изъ другого мѣста, пересказываемаго Черняевымъ (стр. 72) Пушкинъ могъ взять появленіе ангела. Которитъ наброска и вѣншіе образы, конечно, навѣяны Кораномъ, но трудно все-таки съ полной увѣренностью отнести эти стихи къ «Подражаніямъ Корану». Читатели

«сладостнаго Корана»,—можетъ быть, и не Магометъ, а самъ поэтъ, да и Коранъ можно истолковывать въ данномъ случаѣ какъ аллегорію (см. ниже, наши примѣчанія къ № 492). Въ виду отсутствія строго-фактическихъ данныхъ этотъ вопросъ едва ли разрѣшимъ. Время написанія наброска также не поддается точному опредѣленію. Но положенію его среди другихъ черновиловъ его можно датировать концомъ 1824 г. или 1825 годомъ.

VIII.

Въ черновикѣ восьмое «Подражаніе» озаглавлено: «Милостыня». Такое названіе поспѣтъ 107-я сура, посвященная этому предмету. «Щедрость при милостыи»,—объясняетъ Ползвановъ,—предписывается 269-мъ стихомъ 2-ой суры, гдѣ сказано: «Върующіе! творите милостыню изъ богатствъ, которыя вы приобрѣли... не выбирайте для подати того, что пубете самаго худшаго». Въ той же сурѣ (ст. 275) упоминается о наградѣ отъ Бога за милостыню: «Вы получите возмездіе изъ рукъ Всѣшняго; вы пойдете убѣжище отъ страха и мученій». Самый образъ возмездія въ видѣ плодовъ поблизнаго зерна находимъ въ ст. 263 той же суры: «Тѣ, которые употребляютъ свои богатства на защиту святого дѣла, подобны зерну, произрастающему семь колосевицъ, изъ коихъ каждый приноситъ сто зеренъ». Скупость сжимающаго заставляющую дѣлать при милостыи—также образъ Корана. Въ стихѣ 68-мъ суры 9-ой читаемъ: «Руки нѣхъ (нечестивыхъ) сжаты для милостыи». Изъ Корана же заимствовано сравненіе дающаго милостыню скупю съ пылью, смываемою съ камня. Въ с. II ст. 266 Корана подобно же сравненіе употреблено о творящемъ милостыню изъ щедрости: «Такой подобенъ скаль, покрытой пылью. Придетъ обильный дождь и оставитъ только жесткій камень».

«Какія близкія черты дѣломудреннаго и гордаго великодущія!»—говоритъ Мережковскій (ор. с., 57).—«Христіанское милосердіе недаромъ включено въ героическую мудрость пророка. Для него милосердіе — щедрость безмѣрно богатыхъ сердецъ... И Чернышевъ обратилъ вниманіе на структуру и языкъ стихотворенія: «оно состоитъ изъ двухъ неразрывно связанныхъ между собою строфъ, изъ которыхъ каждая, однако, представляетъ какъ бы замкнутое въ себѣ дѣло, написанное властнымъ, образнымъ и величавымъ языкомъ, вполнѣ подходящимъ къ торжественному, приподнятому тону стихотворенія».

IX.

«Не вспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который, проходя подлѣ города, потрепаннаго подъ развалинами, сказалъ: Какъ Богъ оживитъ жителей этого разрушеннаго города? Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ Онъ воскресилъ его и спросилъ: Сколько времени пребывалъ ты здѣсь?—Дни или нѣсколько часовъ, отвѣчалъ путешественникъ.—Посмотри на пищу и питье свое, прибавилъ Богъ, они еще въ дѣлѣсти. Взгляни на осла твоего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой поставилъ людей.—Посмотри, какъ Мы соберемъ и покроемъ тѣлою кости осла твоего. При видѣ чуда путешественникъ восклицалъ: Теперь я знаю — могущество

Бога безконечно». Такова легенда, передаваемая въ 261-мъ стихѣ 2-ой суры Корана. Л. Ползвановъ пересказываетъ сопровождающіи ее комментаріи. «Верхомъ на ослѣ, съ корзиною фигъ и сосудомъ вина въ рукахъ, пробѣжалъ путникъ близъ развалинъ Іерусалима, разрушеннаго халдеями. Несчастно усомнившись во всемогуществѣ Бога, онъ былъ за то наказанъ смертію. Черезъ сто лѣтъ Богъ воскресилъ его и указалъ ему его пищу и питье, сохранившіяся отъ дѣйствія времени. Затѣмъ онъ указалъ ему на кости его осла, бывшія на землѣ. По голосу Всемогущаго онъ покрывшись тѣломъ и соединился, и животное, возвращенное къ жизни, начало рѣпѣть». II. Чернышевъ указываетъ также на сказаніе о семъ юпопахъ, проспавшихъ по Божьей волѣ 309 лѣтъ въ пещерѣ, находящейся въ другой сурѣ Корана, гдѣ встрѣчается употребленное Пушкинымъ выраженіе: «Владыка небесъ и земли», повторяющееся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ Корана.

Еще А. Милуковъ въ «Очеркѣ исторіи русской поэзіи» (изд. 3-е, 1864 г., стр. 223), обратилъ вниманіе на высокую поэтическую цѣнность дѣявитаго «Подражанія» и указалъ его сходство съ «Тремя пальмами» Лермонтова. Н. О. Сумцовъ («Исслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина» — «Харьковск. университет. сборн. въ память П.—на», стр. 162—174) внимательно прослѣдилъ какъ это сходство, такъ и исторію блуждающей легенды о чудесномъ многолѣтнемъ снѣ, составляющей фабулу пьесы. «Сравненіе стихотворенія Пушкина съ приведеннымъ мѣстомъ Корана указываетъ на петинно-геніальную постройку изъ бѣднаго матеріала. Въ Коранѣ проведена только идея о всемогуществѣ Бога. У Пушкина это всемогущество лишь подразумевается, и на первый планъ выдвинута идея о благодѣи и любви. Путникъ не умираетъ, какъ въ Коранѣ, а засыпаетъ, что гораздо болѣе отвѣчаетъ художественному чувству... Въмѣсто ста лѣтъ въ текстѣ Корана—у Пушкина «многіе годы», что даетъ просторъ для воображенія читателя, не заключающаго его въ опредѣленныя хронологическія рамки. Фабула стихотворенія построена не на сомнѣніи путника во всемогуществѣ Божіемъ, сомнѣніи, ничѣмъ не мотивированномъ въ Коранѣ, гдѣ оно является какъ-то дѣльнымъ капризомъ, праздною фантазіей путника, а на работѣ на Бога, вслѣдствіе удручающей путника въ пустыи жажды. Далѣе, у Пушкина дѣтъ и поэму о пищѣ и питѣ до и послѣ замрарія или сна путника. Эта деталь не была значенія для Пушкина по своей мелочности... Геніальная прозорливость Пушкина необыкновенно ярко выразилась въ томъ, что онъ въ своемъ «Подражаніи» восстановилъ основную тонъ сказанія», которое «существовало до Корана». Оно вошло въ него вмѣстѣ со многими изъ «старыхъ басенъ».

399. ПРИЗНАНИЕ.

(т. II, стр. 257).

Автографъ пьесы неизвестенъ. Появилась она искорбъ послѣ смерти Пушкина въ «Библиотекѣ для чтенія» 1837 г., т. XXII, май, отд. 1, стр. 5—6, подъ заглавіемъ: «Признаніе. Къ Александрѣ Ивановичу О—ой» и съ невѣрнымъ отнесеніемъ къ 1821 году. Въ собраніи сочиненій Пушкина пьеса

стала входить, начиная съ изданія Анненкова, т. II, стр. 359—360), который писалъ въ примѣчаніяхъ (*ibid.*, 379—380), что «стихотвореніе относится къ 1824 г., нѣсколько стиховъ въ серединѣ вынуждено, особенно потому, что они не вяжутся ни съ предшествующими, ни съ послѣдующими стихами и, кажется, переданы журналомъ съ несправной рукописи». Въ дополнителномъ томѣ (VII, стр. 59) Анненковъ далъ эти два пропущенные стиха (слѣдующіе за словомъ «вдвоемъ», тоже вынужденнымъ во II томѣ): «и путешестве въ Опочку и фортепьяно вечеркомъ», причемъ замѣтилъ: «несмотря на добавленіе, дѣлаемое нами теперь сходно съ оригиналомъ пьесы, помѣщенной въ «Библиотекѣ для чтенія», она все-таки представляеть въ томъ мѣстѣ, куда слѣдуютъ стихи, неподный смыслъ и заставляетъ предполагать о какомъ-то выпускѣ, теперь несправномъ».

Александра Павловна Осипова принадлежала къ семье тригорскихъ друзей Пушкина. Она была падчерица хозяйки Тригорскаго, П. А. Осиповой, дочь ея второго мужа П. С. Осипова отъ перваго его брака; въ 1833 г. она вышла замужъ за псковскаго полиціймейстера, подполковника П. П. Беклешова; въ 1863 г. была учительницей музыки въ псковскомъ Маринскомъ училищѣ 1-го разряда; умерла въ 1864 г. въ Петербургѣ. (О ней см. Анненкова «И. въ Александров. эпоху», 281; «Пушкинъ» Л. Н. Майкова, стр. 182, 186—187; «Пушкинъ и его современники», вып. I, стр. 92, 95, 96, 98, 105, 111, 114, 143, 150; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 127, 144, 145). Шутливый тонъ посланія показываетъ, что тутъ не было и тѣни серьезнаго, хотя бы и недолгаго увлеченія; Александра Павловна, повидимому, внушала поэту, восхищавшемуся ея первымъ дѣвственнымъ расцвѣтомъ, дѣвную дружбу, которая, если и сопровождалась другимъ чувствомъ, то самымъ слабымъ и мимолетнымъ. Быть можетъ, Александра Осипова—одна изъ двухъ Александръ, фигурирующихъ въ «должжанскомъ спискѣ» Пушкина (вторая—вѣроятно, Римская-Корсакова). Другой слѣдъ отношеній Пушкина къ ней—письмо, которое послалъ ей къ ея одинадцать лѣтъ спустя, въ сентябрѣ 1835 г., изъ Тригорскаго; понавъ въ близкія сердцу мѣста, въ семью П. А. Осиповой, поэтъ вспомнилъ Александру Павловну и свои стихи, написанные когда-то ей. «Мой ангелъ»,—два раза обращался онъ къ ней въ стихахъ; этимъ обращеніемъ начинается и письмо, веселымъ, шутливымъ тономъ напоминающее стихи 1824 года: «у меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ на досугѣ и влюбиться». Далѣе Пушкинъ вспоминалъ «прежнее время, и путешествія въ Опочку, и прочее». Замѣтимъ, что въ подлинникѣ Пушкинъ написалъ: «И путешествія въ Опочку», словно приводя стихъ своего посланія (см. пату замѣтку объ этомъ письмѣ въ «Русс. Арх.» 1899 г., II, 172—173). Бѣглое, и тоже шутливое, упоминаніе объ А. П. Осиповой находится въ одномъ письмѣ Пушкина къ А. П. Вульфъ (16 октября 1829 г.).

Попытку связать съ именемъ А. П. Осиповой безусловно приписываемые Пушкину стихи: «Мнѣ вѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачка»... (см. Сочин. Пушкина, ред. Морозова, изд. литерат. фонда, I, 329, и «Просвѣщеніе», I, 377, 681—682; стат. Г. С. Чиркова въ сборникѣ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 105) нельзя признать

удачной. Г. С. Чирковъ сообщилъ, со словъ М. Д. Деларю («Бумаги А. С. Пушкина», I, с.), слѣдующіе три стиха, будто бы пропущенные въ посланіи:

Тяжелъ, тяжелъ мой крестъ, Творецъ!
По я несю его, смряясь:
Вѣкъ сердце любить, не спросясь...

Эти три слѣдующіе подъ рядъ другъ за другомъ стиха съ мужскимъ удареніемъ, не перемежающиеся на одной женской рѣимой, никакъ не могутъ быть включены въ посланіе; да и трудно вѣрить такому источнику, какъ статья Чиркова, приславшаго Пушкину немало чужихъ и плохихъ стиховъ. Б. В. Никольскій («Академическій Пушкинъ»—«Историч. Вѣстн.» 1899 г., июль, 207) замѣтилъ, что два послѣдніе стиха посланія звучать отголоскомъ двухъ строкъ 1-ей элегии 1V-ой книги элегии Парни:

Qu' il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-mêmo!

Бѣлинскій процитировалъ «Признаніе» дѣлкомъ въ одной изъ рецензій на посмертное изданіе сочиненій Пушкина («Отечеств. Записки» 1841 г., т. XVII, № 8, а въ своемъ обзѣмъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза указалъ на эту пьесу какъ на одну изъ лучшихъ въ дѣлѣ Пушкина.

400. НОЧНОН ЗЕФИРЪ СТРУНТЬ ЭФИРЪ...

(т. II, стр. 257).

Черновикъ этой пьесы, съ датой «13 ноябля», находится въ собраніи пушкинскихъ автографовъ, принадлежащемъ П. Я. Дашкову (см. нашъ «Труды и дни Пушкина», пзд. 2-ое, стр. 107). Появилась она впервые въ альманахѣ В. В. Измайлова, «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 г., съ музыкой А. Н. Верстовскаго; ошлбкн въ текстѣ вынудилъ Пушкина перепечатать ее въ «Москолск. Вѣстникѣ» 1827 г., т. II, № 8, стр. 312, съ примѣчаніемъ: «Романсъ сей напечатанъ былъ въ Литературномъ Музеумѣ съ ошлбками, а здѣсь пошбщается съ поправками». Затѣмъ Пушкинъ включилъ романсъ въ свой сборникъ стиховъ 1829 г., стр. 200—201, гдѣ онъ напечатанъ безъ заглавія, даннаго только въ оглавленіи (стр. 223) и потому помѣщенною въ настоящемъ изданіи въ видѣ подзаголовка. Л. П. Нолпвановъ (см. его изданіе сочиненій П-на, т. I, пзд. 3-е, Сиб., 1905, стр. 152—153) пѣвѣрно отнесъ его къ одесскому періоду жизни поэта.

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочиненія Б., пзд. С. А. Венгерова, VI, 66—67) привелъ это стихотвореніе какъ примѣръ «такихъ лирическихъ произведеній, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки... Подъ разрядъ этихъ музыкальныхъ стихотвореній подходятъ извѣстный романсъ Пушкина—Ночной зефиръ... Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе, или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной ибгою головою обольстительной пспани?... Звучи серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звучи серенады, полной томленія и страсти, ко-

торую дѣйствительно слушаетъ прекрасная Испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впитывая въ себя ароматическій воздухъ уютной комнаты. Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эфиръ, струнный дирижеромъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалquivира?.. Что это: поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина говоритъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова плещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?.. Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ пьесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рюлада—голосъ безъ словъ, который слышнѣе всякихъ словъ?.. Въ своемъ обзорѣ всего пушкинскаго творчества Бѣлинскій отнесъ романсъ къ числу «чисто-пушкинскихъ» стихотвореній, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси».

Восторгъ Бѣлинскаго чрезмѣренъ и объясняется не столько достоинствомъ пьесы, сколько темпераментомъ самого «ценстолога Виссаріона». Но дѣйствительно пьеса очень музыкальна и недаромъ вызвала дѣльный рядъ музыкальных шптер-претацій: С. К. Буличъ («Пушкинъ и русская музыка» — «Памяти П-на, сборникъ С.-Петербург. Университета», Сиб., 1900, стр. 78—79) насчитываетъ ихъ тринадцать.

А. П. Пезделовъ («А. С. П-въ въ его поэзіи», Сиб., 1882, стр. 154), а за нимъ Л. П. Подивановъ (А. С.) склонны, безъ серьезныхъ основаній, видѣть въ романсѣ плодъ занятій Пушкина испанскимъ языкомъ. «Въ немъ видна уже, — восторгается Пезделовъ, — та изумительная художественность, доступная одному Пушкину, которая сказалась въ послѣдствіи въ его драматическихъ произведеніяхъ, содержаніе которыхъ опять брадо изъ иностранной жизни, перевоплощаясь въ эту жизнь и оставаясь въ то время русскимъ человекомъ и самимъ собою». Между тѣмъ, если можно говорить о несомненной музыкальной выразительности пьесы, то со стороны содержанія она совершенно ничтожна. Подобными же легкими красками рисовалъ Пушкинъ и послѣдствіи («Къ вельможѣ», 1829 г.) Испанію—этотъ «благословенный край, блаженный предѣлъ», гдѣ «жены вечеромъ выходятъ на балконъ... умѣютъ съ любовію и любовью умилно сочетать, изъ-подъ мантіи знакъ условный подавать... въ двадцать дѣтъ любовникъ подъ окномъ трепещеть и кинитъ, окутанный плащомъ»... «Испанскій романсъ» Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгерова, VI, 275) считалъ одною изъ двухъ не указанныхъ Пушкинымъ пьесъ, которыя въ «Каменномъ Гостѣ» поетъ Лаура. «Для пополненія этого пробѣла,—говоритъ П. В. Анненковъ, (см. его изданіе сочин. П-на, IV, 461),—если уже допустить какое-либо попомненіе, чего мы не признаемъ, съ своей стороны, нужнымъ, можно было бы указать на Испанскій романсъ Пушкина 1824 года». Скорѣе можно допустить предположеніе, что для Лауры Пушкинъ назначалъ другіе «испанскіе» романсы—«И дѣбрь, Пизелья»... и «Предъ испанскою благородною»... 1830 г.—Напоминающее Пушкинскій романсъ «испанское» стихотвореніе, съ Гвадалquivиромъ, эфиромъ и эфиромъ, есть у Фета—«На подлахъ Гвадалquivира»...

101. ПРОСТИ, УКРАИНСКІЙ МУДРЕЦЬ...

(т. II, стр. 238).

Впервые напечатала эти стихи А. П. Кернъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ», помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 115, гдѣ процитировала ихъ на память, вслѣдствіе чего въ текстѣ явились иф-которыя неточности; былъ, между прочимъ, всегда отброшенъ первый стихъ, и шестиступеніе обратилось въ пятиступеніе, но, вообще, отступленія отъ подлинника были не таковы, чтобы нецѣлность текста могла быть замѣтной. Въ этомъ видѣ стихотвореніе стало входить въ собранія сочиненій Пушкина начиная съ изданія 1880 г. (т. II, стр. 18), съ ошибочнымъ отнесеніемъ къ маю 1825 г., основаніемъ на неправомерномъ толкованіи одного мѣста въ запискѣ Кернъ. Въ 1897 г. П. Червяковъ напечаталъ въ «Русск. Обзорѣ» (февр., 524—525) самое письмо Пушкина къ Родзянкѣ, до тѣхъ поръ неизвѣстное; подлинникъ его хранится въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки харьковскаго университета. Письмо это датировано 8 декабря (1824 г.).

Съ Арк. Гавр. Родзянкой Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, до своего вынужденнаго отъѣзда на югъ. Къ этому времени относится разсказъ Родзянки, какъ Пушкинъ однажды въ театрѣ показывалъ сосѣдямъ портретъ Лулея, убійцы наслѣдника французскаго престола герцога Беррійскаго, съ надписью: «уроку царямъ!» («Русск. Историч. Сборн.», II, 104; «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1097; «Русск. Стар.» 1890 г., ноябрь, 504—505). Вскорѣ, когда Пушкинъ былъ на югѣ, Родзянко отличился стихотворнымъ наскислемъ на него, о которомъ Пушкинъ писалъ (А. А. Бестужеву, 13 июня 1823 г.): «доносъ на человека сознанаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви». 25 августа 1823 г. онъ писалъ изъ Одессы брату: «будетъ Родзянко предатель, жду его съ петербургемъ». Благодушный Пушкинъ простилъ Родзянкѣ его грѣхъ и въ письмѣ, которое заключается стихами: «Прости, украинскій мудрецъ»..., лишь вскользь, намекомъ, упрямилъ его: «ищи сатиры хоть на меня!» (объ этой сатирѣ см. мой замѣтокъ «Пушкинъ и Родзянко» въ «Русск. Арх.» 1900 г., III, 145—148; «Русск. Стар.» 1909 г., апрѣль, 206—207; во II т. настоящ. изд. примѣч. къ № 274). Съ именемъ Родзянки связанъ разсказъ П. Б. Потоцкаго, что въ 1824 г., по дорогѣ изъ Одессы въ Михайловское, проѣзжая мимо малороссійской деревни Родзянки, Пушкинъ заѣхалъ въ нею; поэтъ былъ будто бы одѣтъ въ «красный молдаванскій плащъ, такого же дѣйта широчайшіе шаровары, на ногахъ желтыя туфли, а на головѣ турецкая феска съ длиною кистью, длинные волосы касались плечъ, въ рукѣ же держалъ длинную палку съ крючкомъ на концѣ, подобную тѣмъ, какія носятъ естипне пастухи!» («Русск. Стар.» 1880 г., июль, 375). А. П. Кернъ разсказываетъ (см. сборн. Л. П. Майкова «Пушкинъ», стр. 238), что Родзянко «имѣлъ счастье принимать его у себя въ деревнѣ, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда. Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи верхомъ, безъ сѣдла, на почтовой лошади, въ хомутѣ»... Составляя оба разсказа, можно извлечь изъ нихъ крупицу правды. Ни въ 1820 г., ни въ 1829-мъ, возвращаясь съ Кавказа, Пушкинъ не могъ про-

Взять через полтавскую деревню. В первый раз он отправился из Крыма в Кишинев и в Полтавскую губернию понасть не мог; во второй раз, выехав 8 сентября с кавказских вод, он 21 сентября, или даже ранее, был в Москве (см. мои «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 38—39, 196). Правда, несмотря на ошибку, рассказ Керн подтверждает показание Потокева; в начале августа 1824 г. Пушкин навстречу Родзянку в его деревне, конечно, по дороге из Одессы, проезжая через Малороссию; несомненно, неожиданное появление Пушкина немало удивило хозяина, а разнесшаяся молва (если не сам Потоцкий) парадша поэта в костюме опереточного турка. Связующим звеном между ними вскорѣ явился А. П. Керн, соседка и приятельница Родзянки; она переписывалась с тригорской соседкой Пушкина А. П. Вульф, а с поэтом познакомилась еще в 1819 г. в Петербурге. Через нее и А. П. Вульф Родзянку послал Пушкину поклон; на него поэт ответил ему веселым и не совсем скромным письмом, которое закончил стихами. В них слышится, впрочем, впечатлительная предвзятая свіданія приятелей в украинской деревне, где веселый «наивный» Феба или Приапа чувствовал себя под соломенной шляпой покойнее, чѣм наместник Петра под апостольской тиарой. Письмо съ адресом: «Поэту Родзянку» было переслано через А. П. Вульф Аниѣ Петровнѣ Керн, которая передала его адресату. Впрочем, на это письмо Родзянку ответил Пушкину 10 мая 1825 г.; Керн снабдила письмо своими приписками («Къ биографіи А. С. П—на», вып. II, М., 1885, стр. 125—126. См. также ст. Б. А. Модзалевскаго). Судя по содержанию, стихи Пушкина «Ты общалъ о романтизмъ...» (см. ниже, № 445) служатъ отвѣтомъ на это письмо Керн и Родзянки. По словам Керн ихъ посланіе кончалось словами: «Прошайте, будьте въ дуракахъ!», но, видно, здѣсь память изменила ей; этого стиха въ ихъ письмѣ нѣтъ. Въ стихахъ, которыми заканчивалось это письмо, Родзянку называлъ Пушкина—«мать и расточитель даровъ поэзіи святой»... Здѣсь слѣды ихъ дальнѣйшихъ отношеній теряются. Известны стихи Родзянки на смерть Пушкина («Харк. университет. сборн. въ память П—на», стр. 329; «Русск. Обзор.» 1897 г., № 5; «Русск. Арх.» 1900 г., III, 148), гдѣ онъ говоритъ о поэтѣ: «любимецъ нашъ, отрада, другъ, честь, украшеніе подлунны,—его наивовъ жаждалъ слухъ, его лица исвая очей»...

А. Г. Родзянку (род. въ 1793 г., ум. около 1850 г.), отпрыскъ стариннаго малороссійскаго рода, служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ 1818—1820 гг. познакомился съ Пушкинымъ, въ 1821 г. вышелъ въ отставку капитаномъ, писалъ стихи, печатался въ журналахъ и альманахахъ, но значительная часть произведений «Пирона Украйны», восхвалявшаго «сократическую любовь» и тому подобныя сюжеты, не могла попасть въ печать. Къ его дарованію Пушкинъ относился съ чрезмѣрной снисходительностью; лишь одинъ разъ (пис. къ Бестужеву, 8 февраля 1824 г.) Пушкинъ указалъ въ его стихахъ «иримѣръ безсмыслицы». Родзянку былъ, по словам Керн, состоявшей съ нимъ, впрочем, въ очень близкихъ отношеніяхъ, «умный, любезный и весьма симпатичный человѣкъ». О немъ, кромѣ указанныхъ источниковъ, см. П. П. Черняевъ, «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900,

стр. 65—80; П. Ф. Сумцовъ, «А. С. П—нъ и А. Г. Родзянку» (Харк. унив. сборн. въ память П—на», 327—330; П. Бороздин, «Поэтическое очерки Украйны, Одессы и Крыма», М., 1837, стр. 67, 69.

402. СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ...

(т. II, стр. 258.)

Три автографа этой пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 2 об., 57, 85. Первые, черновики, дають нѣсколько начальныхъ стиховъ; второй—продолженіе, въ довольно неопытномъ еще видѣ, и тутъ же весь текстъ, уже нѣсколько исправленный; болѣе исправленную редакцію дають третій автографъ. Пьеса появилась впервые въ изданныхъ П. В. Гербедемъ (Русскимъ) «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 21, съ примечаніемъ на 228-ой страницѣ: «Написано по слѣдующему случаю: однажды за обѣдомъ во дворѣ, когда зашла рѣчь о смерти Ріего, графъ М. С. Воронцовъ (вице-князь и наместникъ кавказскій) сказалъ: «Ты лучше однимъ мерзавцемъ менше!» Затѣмъ, по сообщенію Гербеда, эпитаграмма была напечатана въ «Модномъ Magazinѣ» (изд. С. Мей) 1863 г., № 2, стр. 17, и въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить, начиная съ изданія 1870 г. I, 547—548). О принятой въ настоящемъ изданіи редакціи пьесы см. въ общей статьѣ о текстѣ. Судя по тому, что Ріего былъ казненъ въ ноябрѣ 1823 г., и по положенію черновиковъ пьесы, она должна быть отнесена къ 1824 г.

Декабристъ П. В. Басаринъ въ своихъ запискахъ (Девятнадцатый вѣкъ, изд. П. П. Бартецева, I, М., 1872, стр. 82—83) передаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ, происшедшемъ въ октябрѣ 1823 г. въ Тульчинѣ, гдѣ императоръ Александръ I слѣдаль смотрѣ войскамъ: «онъ, получивъ передъ собой выхоломъ къ столу съ фельдшеремъ письмо отъ Шатобриана, бывшаго тогда французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ сидѣвшимъ около него генераламъ: Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier. Всѣ отбѣгли молчаніемъ и потупили глаза, одинъ только Н. Н. воскликнулъ: Quelle heureuse nouvelle, Sir! Эта выходка такъ была неумѣтна и такъ не согласовалась съ прежней его репутаціей, что отвѣтомъ этимъ онъ много потерялъ тогда въ обществѣ мѣстныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, такая участь ожидала бѣднаго Riego, жестоко было радоваться этому извѣстію». До Пушкина вѣсть объ этой выходкѣ дошла, повидимому, поздно, когда Ріего былъ уже казненъ, въ другой передачѣ. Имя Н. Н. скрыто въ «XIX вѣкѣ», но что указаніе Гербеда на Воронцова справедливо, и что Пушкинъ именно противъ него направилъ свою эпитагму, видно изъ одного варианта, гдѣ «усердный вѣстецъ» названъ—«полнодѣецъ», а этимъ прозвищемъ Пушкинъ заклеймилъ Воронцова (см. выше, № 382). По поводу взятія ли въ плѣнъ, или казни Ріего были сказаны Воронцовымъ эти знаменитыя слова, это нѣсколько во ослабляетъ бѣдную силу жестокой, но заслуженной эпитагмы.

Рафаэль Ріего-и-Пушдѣ былъ испанскій революціонеръ, ставшій въ 1820 г. во главѣ кастильскаго возстанія, вызваннаго реакціонной политикой нарушившаго конституцію короля Фердинанда VII. Возстаніе Ріего дало толчокъ дѣ-

дому ряду революціонныхъ движеній—въ Лиссабонѣ, Спидинѣ, Неаполѣ, Церковной области Пьемонтѣ и на Балканскомъ полуостровѣ. Безпощадный этотъ «священный союзъ» взялся за подавленіе революціи во всей Европѣ, и между прочимъ въ Испаніи, гдѣ жертвою контръ-революціи Фердинанда VII-го являлся Риго.

Имъ испанскаго героя было очень популярно въ передовомъ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Рыбаковъ съ горечью писалъ («Гражданинъ») о русскихъ юношахъ, которые,

не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предначинанья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка...
Они раскуются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятіяхъ враздвой пѣги
И, въ бурномъ миткѣ пища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдеть ни Брута, ни Риго.

О Риго вспоминалъ, сидя въ Петропавловской крѣпости, П. Г. Каховскій въ горячемъ письмѣ къ императору Николаю Павловичу: «Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстоявший кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принявъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягалъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I-й еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи: впоследствии она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодѣанія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ союзъ на клятвеннопреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрѣлъ признание имъ правленія, сказавъ, что въ 1812 году обстоятельства требовали, чтобы онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезглавили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Риго, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, высдѣлать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и просить о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди благаютъ доброты: Риго ручается кортесамъ за короля; его освобождаютъ. И что же? Какой первый шагъ Фердинанда? Риго приказаніемъ его схваченъ, арестованъ, отравленъ и полумертвый, слѣдой мученикъ, герой, отречійся отъ престола, ему предлагаемаго, другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, изъ позорной телеги, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и Севилью, какъ преступникъ! Какой поступокъ Фердинанда! Чье сердце отъ него не содрогнется?» («Былое» 1906 г., январь, 143).

Въ эпиграммѣ Пушкина на Воронцова чувствуется именно это «содраганіе сердца», волнующаго не политическимъ протестомъ (поэтъ даже соглашается, что «Риго былъ предъ Фердинандомъ правъ»), а нравственнымъ негодованіемъ. Напоминающую послѣдніе стихи эпиграммы сентенцію: «въ подлостяхъ нужно и некоторое благородство» находимъ въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому 25 января 1825 г.

См. во II томѣ настоящаго изданія примѣчанія къ №№ 374 и 376. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Воронцову см. тамъ же статью «Пушкинъ въ Одессѣ» и примѣчанія къ №№ 371, 382, 411, 512.

403. ВОСПИТАННЫЙ ПОДЪ БАРАБАНОМЪ...

(т. II, стр. 258).

Впервые напечаталъ эту эпиграмму, по записи А. П. Вульфа, М. Н. Семейскій («Къ біографіи Пушкина» — въ «Русск. Вѣстникѣ» 1869 г., т. 84, стр. 71). Войти въ собраніи произведеній Пушкина она стала начиная съ изданія 1870 г. (т. I, стр. 340). Въ эпиграммѣ выразилось отношеніе передового русскаго общества начала двадцатыхъ годовъ къ не оправданному его надеждъ Александру I-му. По духу съ пушкинской эпиграммой можно сблизить горькія слова прямого и безстрашнаго декабриста П. Г. Каховскаго, который изъ Петропавловской крѣпости писалъ царю Николаю Павловичу о его предшественникѣ: «Неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судьбою, подвѣдѣ было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посягнуть главное правительствующее мѣсто и судилище народное?.. Обратитъ все вниманіе на устройство арміи и не заниматься устройствомъ государства въ пахожу столь же губительнымъ для государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ... Общее негодованіе громко говорило по всей Россіи: императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи наемъ, тратитъ сотни милліоновъ на армію, бесполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изушаетъ истощеніи богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли.—что составить для насъ штыки внутри государства? Они не прокормятъ насъ, мы черезъ нихъ голодаемъ... Поѣзди на конгрессъ какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества... Вотъ мѣшны и общія жалобы, и сіе говорятъ истинно добрые граждане, а не заговорщики... Въ порывѣ негодованія Пушкинъ забылъ, что предъ заревомъ московскаго пожара «померкло солнце Австерлицы», которымъ онъ попрекнулъ въ эпиграммѣ Александра (см. во II т. настоящаго изданія, № 277).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Александру I см. въ I т. настоящаго изданія, примѣчанія къ № 108. Во известіи о «Нобѣ» Пушкинъ отказывался вѣрить конституціоннымъ «сказкамъ» Александра (см. *ibid.*, № 162). Векоръ послѣ смерти его онъ писалъ Жуковскому: «въ теченіи десяти лѣтъ его царствованія явля твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдств. и не советамъ быдъ шпионать, подвѣстывая ему до самаго гроба» (Переписка П-на, академич. изд., I, 319). Впоследствии Пушкинъ вспоминалъ о немъ, какъ о «самодержкѣ, умѣвшемъ уважать челоѣчество» («Александръ Радищевъ»), т.-е. отмѣчалъ его личную гуманность. «За всѣ вѣщи проказы вы жили въ тепломъ климатѣ», говорилъ онъ поэту въ известіи о «Воображаемомъ разговорѣ». Прочитавъ «Деревню», онъ благодарилъ Пушкина за добрыя чувства, внушаемыя его стихами (см. въ I т. настоящаго изданія, примѣч. къ № 187). Дельвигу Пушкинъ писалъ въ февралѣ 1826 г., что «не могъ добродѣлительствовать покойному царю, хотѣ и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ». «Съ мномъ тѣзкой я не ладилъ», писалъ онъ какъ-то

женъ (въ 1831 г.). Возражал Чаадаеву на «Философическое письмо», Пушкинъ напомнилъ ему объ Александрѣ, «который привелъ насъ къ Парижу». Въ «Мѣдномъ Вѣстникѣ» онъ подвелъ итогъ его царствованію: «покойный царь Россіей со славою правилъ».

404. ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ...

(т. II, стр. 258).

Автографъ этой эпитаграммы находится въ 2367-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 28, гдѣ помѣченъ цифрой V (цифрой VI помѣчено слѣдующее за нимъ на той же страницѣ четверостишіе «Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ»...—см. слѣдующее примѣчаніе), и, судя по положенію, относится къ 1824 году. Намечана она была въ сборникахъ стихотвореній Пушкина—1826 г., стр. 100, и 1829 г., ч. II, стр. 154. Въ настоящемъ изданіи воспроизведена по этому послѣднему сборнику, при чемъ вкралась опечатка въ четвертомъ стихѣ: должно быть не «слюною бѣшеной собаки», а «слюною». Въ музейной рукописи стихи 2—3 читаются: «Сей утомительный золь разводитъ ядъ своихъ чернилъ». Въ изданіи А. П. Поливанова (т. I, изд. 3-е, стр. 69) эпитаграмма пѣвбно датирована 1817 г.

Въ «капнистовской» тетради («Автографы П—на, принадлежащія графу П. П. Капнисту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896 г., стр. 5), л. 11, эпитаграмма отмѣчена Пушкинымъ, какъ предназначенная къ включенію въ сборникъ 1826 г., подъ обозначеніемъ: «Другая». Непосредственно передъ нею слѣдуетъ «Надпись къ портрету» («Клеветникъ безъ дарованья...»), 1821 г., написанная на М. Т. Каченовскаго (см. во II ст. настоящаго изданія, примѣч. къ № 285). Очевидно, это слово «другая» значитъ: другая эпитаграмма на тѣ же лицо, т.-е. на Каченовскаго. Объ отношеніяхъ Пушкина къ нему см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ №№ 593—596.

405. ЛИХОЙ ТОВАРИЩЪ НАШИХЪ ДѢДОВЪ...

(т. II, стр. 258).

Въ 2367-ой тетради Румянцеваго музея, на той же первой страницѣ 28-го листа, вслѣдъ за эпитаграммой «Охотникъ до журнальной драки»... слѣдуетъ это четверостишіе, обозначенное цифрой VI и впервые напечатанное въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 343. В. Е. Якушкинымъ, принявшимъ его за эпитаграмму; къ этому же роду отнесли его П. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ, хотя оно больше сбивается на шуточный двупрабъ, чѣмъ на эпитаграмму. Послѣдній стихъ напоминаетъ первое четверостишіе мадригала Е. С. Огаревой (I т. настоящаго изданія, № 154). О комъ говорится здѣсь, неизвѣстно; время созданія отрывка приблизительно опредѣляется его положеніемъ среди другихъ черновиковъ.

406. МНѢ ЖАЛЬ ВЕЛИКИЯ ЖЕНЫ...

(т. II, стр. 258).

Десять стиховъ этой пьесы, начинающіеся словами:

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила...

впервые появились въ герценовскомъ «Колоколѣ» 1839 г., № 23—24, стр. 200, и потомъ были перепечатаны въ изданіяхъ Русскимъ (П. В. Герберлемъ) «Стихотворенійхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 52. Оригиналъ этого текста неизвѣстенъ, и онъ не былъ принятъ въ настоящ. изданіи въ виду сомнѣній въ его авторитетности. Воспроизведено здѣсь стихотвореніе по нечерканному и очень трудно разбираемому черновому наброску, сохранившемуся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 19. Первый стихъ его былъ данъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 7, гдѣ вся пьеса не была приведена, и лишь было сказано: «содержаніе этого стихотворенія то же, что въ пзвѣстной эпитаграмѣ «Насильно Зубову мила»...— послѣдняя эпитаграмма представляетъ просто конецъ даннаго стихотворенія; въ началѣ упоминаются Орловъ, Державинъ, Потемкинъ, Аламыберъ и пр». Одинадцать стиховъ наброска были напечатаны въ изданіи Литературнаго фонда, 1887 г., I, 336. Въ болѣе исправномъ видѣ появилось оно въ послѣднихъ изданіяхъ П. А. Ефремова, т. I, 1903 г., стр. 559—560, и П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», I, 382. О принятомъ здѣсь текстѣ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Къ 1824 г. пьеса отнесена по положенію ея въ черновой тетради.

Стихотвореніе поражаетъ необыкновенной широтой поэтическаго настроенія. Начавшись величественно, какъ ода, оно черезъ нѣсколько строкъ сбивается на эпитаграмму. Отношеніе Пушкина къ Екатеринѣ не было ровнымъ, но поэта всегда занимала эта крупная историческая фигура. Царское Село, въ которомъ протекали учебные годы Пушкина, дѣйствовало на воображеніе поэта: здѣсь все говорило о Екатеринѣ, возрождало ее въ торжественно-театральной освѣщеніи. Съ дѣтства Пушкинъ привыкъ поклоняться Екатеринѣ. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» (1814 г.) онъ писалъ:

Увы! промчался тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великия Жены
Въ началъ славою счастливая Россія,
Цвѣта подъ кровомъ тишины,
Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ:
Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россю
вѣщаетъ:
«Исчезло все, Великой цвѣтъ!»

Съ этимъ безусловнымъ преклоненіемъ, съ этой романтической грустью мальчика-поэта о блестящемъ прошломъ еще не соединялась, конечно, критика личности Екатерины. Но скоро молодой поэтъ сталъ самостоятельно мыслить. Въ статьѣ 1824—1822 гг. о русской исторіи XVIII вѣка Пушкинъ уже судитъ Екатерину, и судитъ ее очень строго: «возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семь отношеній Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпные ослѣпляли, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утвер-

ждало ея владычество... Много было званныхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнью потомства, имя страшнаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи... Ушкешная Швеція и уничтоженная Польша—вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оубищетъ влияние ея царствованія на нравы, откроетъ жестокою дѣятельностью ея деспотизма подъ личиною кротости и терпимости... покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отирательное филлярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщенного Вольтера не избавитъ ея славною памяти отъ [нареканія] Россіи... Екатерина знала плутинъ и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала... Отъ канцлера до послѣдняго протоколнста все крадо и все было продажно... «Наказъ» ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ... Но, пересчитывая сей лицемерный «Наказъ», нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Феррейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истинны... но подлость русскіихъ писателей для меня непонятна». Въ этихъ безпощадныхъ обвиненіяхъ вродѣ сказало молодой радикализмъ двадцатыхъ годовъ, и, хотя эстетической натурѣ Пушкина было «жалъ великія жены» и ея феерическаго царствованія, окутаннаго дымомъ славныхъ войнъ и парнасскаго кадма, онъ, какъ типическій «либералнстъ» александровскаго времени, отнесся къ личности Екатерины съ суровымъ осужденіемъ, и ироническіе стихи его о ней могутъ быть поставлены эпитафіемъ къ полной гражданскаго негодованія исторической статьѣ. Въ послѣднихъ четырехъ стихахъ наброска Пушкинъ вѣрно охарактеризовалъ екатеринское царствованіе какъ эпоху самаго полнаго, роскошнаго цвѣтенія русскаго абсолютизма, эпоху, которой уже не суждено повториться.

Личностью Екатерины Пушкинъ всегда интересовался; онъ записывалъ рассказы о ней ея современникомъ. Одинъ анекдотъ, прекрасно отражающій ея лукавое остроуміе, онъ даже напечаталъ въ «Интерат. Газетѣ» 1830 г. (№ 8, 5 февраля, стр. 66). Подъ влияніемъ общей перемѣны въ политическихъ воззрѣніяхъ, онъ пзмѣнилъ внослѣдствіи свое отношеніе къ Екатеринѣ; отбвчалъ въ 1836 г. Чаадаеву на его знаменитое «философическое письмо», онъ указалъ, какъ на одно изъ доказательствъ историческаго величія Россіи, на Екатерину, которая «внѣстила Россію на порогъ Европы». Но какъ ни колебался Пушкинъ въ своихъ взглядахъ на значеніе Екатерины, она неизмѣнно всегда оставалась въ его глазахъ «великою женою», выдающеюся исторической личностью. Его всегда птвляли ея умъ, великодушіе, точность, вѣрннй блескъ ея царствованія. Посѣтивъ въ 1829 г. давно покинутое Царское Село, Пушкинъ снова пережилъ прежнія впечатлѣнія, павѣщаемыя екатеринскими паянннками:

И славныхъ лѣтъ передо мною
Явилась вѣчные сдѣлы:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоять, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдьюи халлази
Екатеринныхъ орловъ!...

407. НАПРАСНО АХИУЛА ЕВРОПА...

(т. II, стр. 239).

Автографъ эпитагмы находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 29 об., между черновиками окончанія «Цыганъ» и начала «Жешха». Впервые она была напечатана въ герценовской «Полнрой Звѣздѣ» 1839 г., кн. V, стр. 26, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала включаться, начиная съ изданія 1880 г. (I, 502—503). Въ подлинникѣ пьеса не носитъ никакого заглавія.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Марлинскаго (род. 23 октября 1797 г., ум. 7 іюня 1837 г.), декабристъ, издавалъ вмѣстѣ съ К. О. Рылѣевымъ въ 1823—1825 гг. альманахъ «Полярная Звѣзда»; Пушкинъ, перенесывавшійся съ Бестужевымъ (ихъ переписка носитъ преимущественно литературный характеръ) и цѣнившій его писательскій талантъ, участвовалъ въ «Полярной Звѣздѣ». О первой книгѣ этого альманаха онъ писалъ брату (30 января 1823 г.): «эта книга достойна всякаго вниманія». О Бестужевѣ см. ст. С. А. Венгерова въ его «Критико-Биографическомъ словарѣ русскіихъ писателей и ученыхъ», т. II, Спб., 1891, стр. 147—177; В. Я. Богучарскій, «Семеновство Бестужевыхъ» («Изъ прощала русскаго общества», Спб., 1904); П. А. Котляревскій, «Декабристы А. Одоевскій и А. Бестужевъ. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность», Спб., 1907.

Послѣднее Петербургъ 7 ноября 1824 г. наводненіе, самое значительное изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ, болно отозвалось въ сердцѣ Пушкина, и онъ писалъ брату (4 декабря) о разныхъ мѣрахъ противъ народнаго бѣдствія—«этотъ потокъ мнѣ съ умъ нейдетъ»—и просилъ его «помочь какому-нибудь несчастному изъ обнѣженныхъ денегъ», только «безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Но въ веселую минуту поэтъ написалъ брату (въ ноябрѣ) остроумное письмо, въ которомъ забавно шутилъ по поводу наводненія. Въ такую же минуту онъ не упустилъ случая подтрунить и надъ Бестужевымъ съ его «ковчегомъ», полнымъ великихъ представителей литературы—«и людей, и еотовъ». На грозномъ фонѣ этого наводненія ему представилъ внослѣдствіи роковой образъ «Мѣднаго Всадника». Съ паводненіемъ связанъ анекдотъ о Пушкинѣ, передаваемый княземъ П. А. Вяземскимъ (Сочин., УПИ, «Старая записная книжка», стр. 331): «Пушкинъ спрашивалъ стараго товарища по лицу про общаго пріятеля, а также сверстника-лицеиста, отличнаго мимика и художника по этой части: «А какъ онъ теперь лицецвѣтуетъ и что представляетъ?» — Петербургское наводненіе. — «И что же?»—Довольно похоже,—отвѣчалъ тотъ. Пушкинъ очень забавлялся этимъ «довольно похоже».

408. БЛЕСТНТЬ ЛУНА, ВЕДВНЖНО МОРЕ СИНТЬ...

(т. II, стр. 260).

Подъ названіемъ «Отрывокъ» П. В. Аппенковъ впервые напечаталъ эти стихи въ VII, дополнительномъ, томѣ своего изданія (стр. 86—87). Но мнѣнію Аппенкова, «этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ другимъ, совершенно безсвязнымъ, въ томъ же

родѣ, составляетъ первую пробу Бахчисарайскаго Фонтана» (см. II т. настоящаго изданія, стр. 617). Подлинникъ недавно оказался въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, по словамъ «Описанія» которой («II—изъ и его современники», выд. IV, стр. 7) написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1822 г. и носитъ дату: «22 іюля 1825». Какъ уже было указано въ примѣчаніяхъ къ «Бахчисарайскому Фонтану», предположеніе Аппенкова, безъ всякихъ оговорокъ принятое всѣми послѣдующими изданіями, едва ли вѣроятно; противъ него говорить не только дата, о значеніи которой, впрочемъ, трудно судить лишь по лаконическому академическому описанію (подлинникъ наброска недоступенъ), но и содержаніе стиховъ; можетъ быть, въ 1825 г. Пушкинъ хотѣлъ использовать черновой «запасъ», оставшіяся послѣ обработки «Бахчисарайскаго Фонтана». Возможно, что указываемая академическимъ описаніемъ поэмѣта не означаетъ времени созданія наброска, но, во всякомъ случаѣ, твердыхъ основаній датировать его 1824 годомъ нѣтъ. Не находится ли онъ по замыслу въ связи съ наброскомъ «Пока супругъ тебя, красавицу младую...?» (см. ниже, № 421).

409. БЫВАЛО ВЪ СЛАДКОМЪ ОСЛѢПЛЕНЬИИ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ исчерканный, трудно разбираемый карандашный набросокъ находится въ 2366-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 40 об.). Два первыхъ стиха его были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., май, 337. Въ настоящемъ изданіи напечатаны полнѣе, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ (см. исторію текста) Единствомъ настроенія и, насколько можно судить по этимъ немногимъ черновымъ строкамъ, содержанія онъ связанъ съ непосредственно слѣдующими за нимъ на другой страницѣ рукописи стихами («Русск. Стар.», I, с.).

Чего мечтатель мо[лодой]
Ты въ пень...
Кого восторженноі душой
Боготворить не устыдился...

Цитированные четыре стиха представляютъ собою почти дословное повтореніе середины наброска 1822 г. «Ужели онъ казался прежде мнѣ»... (см. во II т. настоящаго изданія, № 365). Разбираемый нами набросокъ отражаетъ то же настроеніе, что и отрывокъ 1822 года: «Встрѣчались мнѣ наперсники молвы»... (ibid., № 366). Всѣ эти наброски стоятъ въ несомнѣнной связи между собою, какъ вѣхи, обозначающія въ исторіи душевной жизни Пушкина на югѣ тотъ путь, которымъ пришелъ онъ къ побѣдѣ надъ своимъ «Демономъ» (см. ibid., примѣч. къ № 371). Твердыхъ основаній къ тому, чтобы отнести набросокъ: «Бывало въ сладкомъ ослѣпленіи»... къ 1824 г. нѣтъ. Если вспомнить то, что мы знаемъ о внутреннихъ волненіяхъ поэта, къ 1824 г. уже пережившаго прежнюю борьбу между мучительнымъ скептическимъ настроеніемъ и жадной вѣрой въ любовь и свободу и успокоившагося духомъ, то можно набросокъ отнести и къ 1822—1823 годамъ.

410. ВСЕ КОНЧЕНО: МРЪЖЪ НАМИ СВѢЗДИ НѢТЬ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ набросокъ находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 43 об. Первые четыре стиха напечатаны, не совсемъ вѣрно, П. В. Аппенковъ въ своихъ «Материалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1885 г., стр. 347. Нѣсколько полнѣе, но не исправнѣе, напечатаны отрывокъ въ «Русск. Архивѣ» 1881 г., а также въ сборникѣ П. П. Бартенева «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 144. Полностью и согласно съ подлинникомъ стихи появились въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 569. Приведа цѣлый рядъ отдаленныхъ набросковъ и въ числѣ ихъ этотъ, Аппенковъ (I, с.) говоритъ: «читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ стихотворныхъ фразъ принадлежать уже къ извѣстной поэтической дѣятельности автора», и высказываетъ предположеніе, что разбираемый набросокъ относится, «можетъ быть, къ тѣмъ лирическимъ псевдамъ, въ числѣ которыхъ считается «Заклѣпаніе». Эту послѣднюю пьесу Аппенковъ (ibid., 193, 196: «Пушкинъ въ Александровск. эпоху», 245) связывалъ съ одною изъ тѣхъ таинственныхъ тѣней, о которыхъ говоритъ поэтъ въ «Воспоминаніи» (1828 г.). П. Е. Щеголевъ («Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 313—314) связываетъ разсматриваемый набросокъ съ стихотвореніемъ 1825 г. «Желаніе славы», которое, быть можетъ, не безъ основаній, относитъ къ графинѣ Е. К. Воронцовой (см. ниже, примѣчанія къ №№ 492, 494). Въ этомъ стихотвореніи поэтъ, вспоминая «послѣдній моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья», рассказываетъ о внезапной разлукѣ:

Слезы, муки,

Пзмьны, клевета—все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою.
Какъ путникъ, молній постигнутый въ пустынь,
И все передо мной затмилось»...

«Не объ этой ли минутѣ разлученья,—говоритъ П. Щеголевъ,—идеть рѣчь въ отрывкѣ?.. И въ этомъ, и въ предыдущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, вѣдшихъ обстоятельствъ. «Послѣдній моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья» стихотворенія «Желаніе славы» напоминаютъ «горестныя пени» отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ вѣдшихъ событий... «Слезы, муки, пзмьны, клевета»—все вдругъ обрушилося на голову поэта. Въ отрывкѣ, тоже (?) по какому-то (?) причинамъ, любимая поэтось разрываетъ свои питимныя отношенія съ нимъ». Однако, не говори уже о томъ, что не всегда поэтическое «я» и личное «я» автора слиты вмѣстѣ, въ данномъ случаѣ комментаторъ совсемъ не обратилъ вниманія на то, что тогда какъ въ «Желаніи славы» катастрофическій ударъ, разлучающій любящихъ, изображенъ такими чертами, которые ясно говорятъ о вѣдшей, лежаней вѣдъ воды влюбленныхъ причинѣ разлуки,—въ отрывкѣ не только не сказано ни слова о подобныхъ вѣдшихъ обстоятельствахъ, но, наоборотъ, видно, что эта причина коренилась въ сердцѣ женщины: она сама отворачиваетъ: «все кончено» на горестныя пени любви»

ника, которому остается только перестать «обманывать себя», ни в чем не упрекать любимую женщину («тебя ронтаиём преслѣдовать не буду») и даже, может быть, утѣшиться мыслью, что она счастлива съ другимъ. Такимъ образомъ, связывать набросокъ «Все кончено»... съ «Желаніемъ славы» невозможно. Трудно найти также какой-нибудь другой близкій и объясняющій мотивъ какъ въ личной лиричѣ Пушкина, такъ и вообще въ пушкинской лиричѣ, но если уже искать подобную связь, ее, кажется, скорѣе можно усмотрѣть въ пьесѣ «Непастный день потухъ»... (см. выше, № 392).

Точной датировкѣ наброска не поддается, и его можно отнести, по положенію его въ черновой тетради, къ 1823—1824 гг.; болѣе близкое опредѣленіе невозможно.

411. ПЬВЕЦЪ ДАВІДЪ БЫЛЪ РОСТОМЪ МАТЬ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ трудно разбираемый набросокъ впервые былъ напечатанъ въ послѣднемъ ефремовскомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, 1903 г., стр. 502); здѣсь печатается съ небольшими отличіями (см. въ исторіи текста) Занимался наброскомъ О. Е. Коршъ (см. «Пушкинъ и его современники», вып. VIII, стр. XXXII). Н. А. Ефремовъ считалъ его (I, с.; *ibid.*, 574; VIII, 200) эпитафиею на Воронцова. Это весьма возможно. Но можно выставить и другое предположеніе, — что эпитафия лишь косвенно задѣвала графа М. С. Воронцова и была прямо направлена противъ одного изъ воронцовскихъ чиновниковъ, начальника отдѣленія въ генераль-губернаторской канцеляріи Артемьева. П. П. Липранди зналъ какую-то эпитафию на Артемьева, которая «особенно отличалась отъ другихъ своимъ убійственнымъ, но вѣрными выраженіями» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477). Быть можетъ, дошедшее до насъ четверостишіе есть часть этой эпитафии на Артемьева. Онъ, по словамъ графа М. Д. Бутурлина («Русск. Арх.» 1897 г., II, 17), отличался высокимъ ростомъ. Весьма возможно, что избѣженный «пѣвецъ Давидъ» своей эпитафией давалъ понять этому «Голиафу», что не боится ни его, ни даже его начальника—Воронцова.

412. ПЛА ОДЕССКИХЪ ДАМЪ).

(т. II, стр. 260).

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ П. П. Липранди («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477), рассказывала о жемчужномъ настроеніи, оладѣвшемъ поэтѣмъ въ 1824 г. и выраженномъ «убійственными» эпитафиями, передаетъ, что «стихи его на некоторыхъ дамъ, бывшихъ на балѣ у графа [Воронцова], своимъ содержаніемъ раздражили всѣхъ. Всѣ дамы описаны въ томъ же [т. е., вѣроятно, «убійственнымъ»] родѣ». И въ вѣдѣ Липранди приводить этотъ стихъ о красавицѣ Ридичѣ. Быть можетъ, въ изданіяхъ еще полностью данныхъ Липранди сохранено все стихотвореніе. Едва ли, впрочемъ, объ Амалии Ридичѣ, которую поэтъ любилъ, онъ отыскалъ «убійственно»: «римскій пось» — только похвала

ей наружности, — досталось, вѣроятно, другимъ дамамъ. Сохранный Липранди стихъ — почти дословное повтореніе стиха лицейской шутки Пушкина, обращенной къ товарищу С. С. Есакову (см. I т. настоящего изданія, № 147): «Мамзель Претеръ съ краснымъ носомъ»... Стихи объ одесскихъ дамахъ, какъ видно изъ воспоминаній Липранди, были написаны приблизительно въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1824 г., ранѣе командировки на пстреленіе саранчи.

413. ТЫ ЦЗДАЛЪ ДЯДЮ МОЕГО...

(т. II, стр. 260).

Эти стихи представляютъ собою начало черновой письма, находящагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 34, и впервые напечатаны въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 12, В. Е. Якушкинымъ, высказавшимъ догадку, что письмо обращено къ П. В. Всеволожскому. Имени Плетнева нѣтъ въ подлинникѣ, но оно подсказывается упоминаніемъ объ изданіи сочиненій дяди Пушкина, Василя Львовича, которое было вынуждено въ 1822 г. П. А. Плетневымъ. Какъ видно изъ самаго письма, Пушкинъ поручалъ Плетневу издать первую главу «Ойбгнша». Въ ноябрѣ братъ поэта увезъ рукопись ея въ Петербургъ, а 29 декабря она уже была подписана деэворомъ къ печати. Судя по этимъ даннымъ и по положенію письма среди другихъ черновиковъ, оно относится къ сентябрю—ноябрю 1824 г. Объ отношеніяхъ Пушкина и П. А. Плетнева см. въ примѣчаніяхъ къ посвященнымъ Плетневу и предпосланнымъ 4-ой и 5-ой главамъ «Евгенія Ойбгнша» стихамъ: «Не мысля гордый савѣтъ забавить»...

414. ВЪ ПЕНЦЕРЬ ТАЙНОЙ, ВЪ ДЕНЬ ГО- ПЕНЬЯ...

415. СЛАБЪ И РОБОКЪ ЧЕЛОВѢКЪ...

(т. II, стр. 260).

Объ этихъ наброскахъ см. въ примѣчаніяхъ къ VII-му и III-му «Подражаніямъ Корану», выше, № 398.

416. (ЧТО ЖЕР БУДЕТЪ) ЛИ ВПНО?...

(т. II, стр. 260).

Это черновое, исчерканное и мѣстами трудно поддающееся прочтенію посланіе къ брату Лѣву Сергѣевичу, находящееся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 42, впервые было напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 18—19; по положенію въ рукописи оно должно быть датировано приблизительно концомъ 1824 года. Здѣсь напечатано съ некоторыми добавленіями (см. исторію текста). Въ концѣ черновика можно разобрать еще слова:

Часто нью—но
Рѣдко, рѣдко пльцъ...

Поэтъ жилъ тогда въ Михайловскомъ, одинъ-на-одинъ со старой няней, и переписывался съ братьями, которому давалъ разные порученія, и литературныя, и хозяйственныя. Левъ Сергѣевичъ служилъ посредникомъ между съильнымъ братомъ и петербургскими литераторами и издателями, посылалъ ему книги, разные вещи, съветные приказы и вина. «Принли мнѣ» — писалъ Пушкинъ во второй половинѣ декабря 1824 г., — «бумаги почтовой и простой; если вина, такъ и сыру; не забудь и (говоря по Деллаверки) витую сталь, прозающую засмоленную главу бутылки, то есть штопоръ». Въ письмѣ 14 марта 1825 г. поэтъ просилъ: «душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксуѣ»... «Вино, вино, ромъ (12 бут.)...», — командовалъ Пушкинъ брату въ письмѣ 22 апрѣля 1825 г. Памятиемъ объ одной подобной коммисіи является разбираемое посланіе. Оно дышитъ легкимъ, игривымъ эпикурействомъ, надъ которымъ поэтъ самъ подтруниваетъ. Стихи напечатаны въ изданіяхъ литературнаго фонда. М. А. Ефремова, академии наукъ въ числѣ писемъ поэта, но Пушкинъ самъ назвалъ ихъ посланіемъ къ брату и процитировалъ ихъ въ примечаніяхъ къ «Евгенію Онѣгину» (примѣч. 29-ое):

Въ дѣла красныя мои
Поэтическій Ап
Правдѣя мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной. и проч.

При этомъ указано въ скобкахъ: «Посланіе къ Л. П.» П. А. Ефремовъ (Сочин. II—на, I, 1903 г., стр. 554) связалъ эти стихи въ одно цѣлое съ наброскомъ, т.-е. произвольно соединилъ черновикъ съ бѣловой редакціей, не дошедшей до насъ. «Н. О. Щербина» — писалъ Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, VII, 83), — бывший въ хорошихъ сношеніяхъ съ Л. С. Пушкинымъ, слышалъ отъ него много стиховъ его брата, градіозныхъ и изящныхъ импровизаций на разные случаи. Все это теперь потеряно. Н. О. Щербина помнитъ, что Левъ Пушкинъ прочелъ ему разъ за столомъ стихи на С. Пере и Шамбертенъ, очень мные»... Быть можетъ, прочитанные Львомъ Сергѣевичемъ Щербинѣ стихи и были исправленной редакціей известнаго намъ черноваго посланія, въ которомъ въ перечисленіи равно любимыхъ напитковъ, рядомъ съ St. Пере, фигурировалъ и Шамбертенъ, не упоминаемый въ черновикѣ.

Въ Левѣ Сергѣевичѣ, о которомъ было сказано, что онъ «не лишенъ разсудка, но съ шампанскимъ жпрный пловъ и съ груздями утка намъ докажутъ лучше словъ, что онъ болѣе здоровъ силою желудка», и который даже ускорилъ свою кончину неумѣреннымъ потребленіемъ кахетинскаго, поэтъ могъ встрѣтить полное сочувствіе этой оцѣнкѣ винъ. Изъ всѣхъ винъ Пушкинъ особенно часто упоминаетъ ап. Къ стихамъ: «Кипитъ въ бокалѣ оѣвненномъ ап хододная струя»... («Всеволожскому», 1819 г.) онъ сдѣлалъ обстоятельное юмористическое примѣчаніе: «Champagne L. D. M. Garré à la glace»; объ этой маркѣ упоминаетъ онъ и въ письмѣ къ брату 27 іюня 1821 г. Съ ап Пушкинъ сравниваетъ въ «Путешествіи Онѣгина» оперы Россіи:

Онъ звуки льетъ — они кипитъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ подѣлуп молодые,

Вѣ въ пѣнѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипавшаго ап
Струи и брызги золотыя...

Въ «Крайне безсмысленныхъ мысляхъ» Т. Гофмана о музыкѣ шампанское такъ же сближено съ музыкой, и даже именно съ комической оперой: «благородный плодъ заключаетъ въ себѣ тѣну чудеснымъ образомъ завладѣвать духомъ человека въ наиболѣе свойственныхъ ему отголоскахъ... Такъ, напримеръ, при церковной музыкѣ я бы посоветовалъ старшій рейнвейнъ и французскія вина, при комической оперѣ — шампанское»... И Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ «Онѣгина», въ томъ, къ которому сдѣлано приведенное выше примѣчаніе (гл. 4, строфы XLV—XLVI), говорилъ о шампанскомъ:

Оно сверкаетъ Пюкреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего,
Меня пѣвляло...
Его волшебная струя
Рождала звуковъ не мало;
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!
Но измѣилъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо благороднѣе
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ Ап я больше неспособенъ;
Ап любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтренной, живой,
И своенравной, и пустой...

«Ап въ стихахъ ввелъ въ моду Батюшковъ, — писалъ въ 1849 г. П. А. Плетневъ Я. К. Гроту (см. ихъ «Переписку», III, 405), «за нимъ шелъ Пушкинъ, а послѣ и Боратынскій». «Шведъ Пюровъ» говоритъ объ этомъ винѣ:

Его звѣздящаяся влага
Подаромъ взоры веселитъ:
Въ ней укрывается отъага,
Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ шрѣ своей не тернитъ пѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой...

Здѣсь Боратынскій почти повторяетъ слова Пушкина о «подобіи юности безумной». Языковъ вспоминалъ («Малага»):

Въ мои бывае дни, въ дни юности счастливой
Вино шипучее я пилъ...
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Пасъ развивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое...

Въ русской поэзіи «поэтическій ап» оставилъ прекрасный, невзглядимый слѣдъ.

Стоитъ отмѣтить забавный комментаторскій курьезъ. Слова Пушкина о своей «свободѣ жажды и терпимости всякихъ винъ» одинъ критикъ (В. Розовъ, «Пушкинъ и Гете», Кіевъ, 1908, стр. 254) истолковалъ весьма «распространительно»: «сквозь шутку проглядываетъ либеральная формула релігіозной терпимости», какъ будто

у Пушкина мало другихъ, болѣе вѣснкихъ доказательствъ вѣротеримости... «Лайонъ» — имя брата въ англійскомъ переводѣ и произношеніи (Lyon — левъ); «мой Лайонъ» — называетъ Пушкинъ брата въ одномъ письмѣ 1824 г. Переписка П., академич. изд., I, 165, № 118; «Лайонъ, мой курчавый братъ», упоминается въ посланіи къ А. П. Вульфу (см. выше № 387) и въ письмѣ къ Виземскому («Переписка», I, № 98).

417. ПРЕЗРѢВЪ И ШОНОГЪ УКОРЕННЫ...

(т. II, стр. 261).

По черновому, неперепианному помарками автографу, находящемуся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 35 об., стихотвореніе напечатано было впервые, не совсѣмъ исправно, въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 14—15; въ собраніи произведеній Пушкина оно стало входить начиная съ изданія литературнаго фонда (I, 333). Въ настоящемъ изданіи воспроизведено въ болѣе точномъ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Судя по положенію среди другихъ черновиковъ и по біографическимъ даннымъ, оно набросано осенью или зимою 1824 года.

«Отрахнуть съ дорожныхъ одеждъ прахъ отчизны» Пушкинъ собирался еще на югѣ. Въ началѣ 1824 г. онъ писалъ изъ Одессы брату: «я дважды про снѣгъ Ивана Ивановича» — такъ же условился называть дяря кн. А. С. Мещниковъ въ одномъ изъ писемъ 1815 г. къ А. А. Закревскому (Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества т. 78, стр. 425) — «о своемъ отцукѣ» чрезъ его министровъ, и два раза воспослѣдовалъ всемілостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, — не то взять тиховько трость и шляпу и побѣхать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпѣжъ». Написанная въ Одессѣ 1-ая строфа 4-ой главы «Ойбгнна» содержитъ ясный намекъ на это намѣреніе Пушкина бѣжать на чужбину — чтобы подъ южнымъ небомъ «вздыхать о сумрачной Россіи, гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ, гдѣ сердце я похоронилъ». Но пламенное сердце удержало Пушкина отъ побѣга: «я былъ окованъ; вотще рвалась душа моя; могучей страстью очарованъ у береговъ остался я... («Къ морю»). Положение Пушкина ухудшилось, когда онъ попалъ въ Михайловское, гдѣ не было «ни сараичи, ни милордовъ Уронововыхъ», но зато не было также «ни моря, ни голубого неба полудня, ни италянскій оперы»; къ тому же родители встрѣтили оцальнаго сына съ такой жестокой непривѣтливостью, что онъ просилъ Жуковскаго: «спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ», даже подумывалъ о самоубійствѣ. Мысль о побѣгѣ снова пришла ему въ голову и, вѣроятно, онъ горяча подвизалъ ея съ кѣмъ-нибудь, потому что въ Петербургѣ заговорили объ этомъ. «Мнѣ дьявольски не правится, — писалъ онъ брату въ декабрѣ 1824 г. — петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже осведомиться». Тутъ рѣчь идетъ очевидно, о дѣйствительныхъ приготовленіяхъ къ побѣгу, въ которыхъ Левъ Сергѣевичъ принималъ

участіе, и таинственныя «пункты» объясняются легко; въ нихъ говорится объ устройствѣ пересылки денегъ и писемъ за границу, гдѣ тогда путешествовалъ Чадаевъ, къ которому Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ присоединиться. Въ ожиданіи побѣга Пушкинъ, надо думать, и набросалъ эти стихи, посланіе къ брату, который кое-чѣмъ здѣсь рисковалъ, но «въ опасный день разлуки забылъ для брата о себѣ». Планъ этотъ, однако, не осуществился (см. письмо къ Льву Сергѣевичу въ перепискѣ П. — академич. изд., I, 178, 182). Объ участіи въ немъ тригорскаго сосѣда и пріятеля Пушкина — А. П. Вульфа — см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 387. См. также примѣч. къ № 385.

Четыре стиха: «Простите, сумрачныя сны... и сѣл. Пушкинъ повторилъ въ началѣ XLVI строфы 6-ой главы «Евгенія Ойбгнна».

418. САБУРОВЪ, ТЫ ОКЛЕВЕТАЛЪ...

(т. II, стр. 261).

Съ сохранившагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 35 об., черновое автографу это шуточное стихотвореніе было впервые напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 15. О пріятелѣ Пушкина Яковѣ Сабуровѣ см. во II томѣ настоящаго изданія, стр. 531—532. В. П. Саптовъ («Остафьевскій архивъ кн. Виземскихъ», III, 446) пріятелемъ Пушкина называетъ лейбъ-гусара Якова Васильевича Сабурова.

Въ подлѣтѣ 1824 г. Пушкинъ писалъ брату: «скажи Сабурову, чтобы онъ не дурачился, усомнѣнн его»... Въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. онъ, въ письмѣ къ брату, упоминалъ Сабурова въ числѣ тѣхъ своихъ «друзей», которые «не въ пріимѣрь хуже Вулгарина», а 22 апрѣля снова писалъ ему: «если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его тамъ обо мнѣ ничего не врать»... Вѣроятно, съ этимъ «врашемъ» Сабурова связаны не только разбираемые стихи, но и упоминаніе въ «Ойбгннѣ» (гл. 8, строфа XXXV):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность писостью души...

О П. П. Каверинѣ см. во II томѣ настоящаго изданія, примѣчанія къ №№ 130 и 131. О Молоствовѣ — тамъ же, стр. 532; его имя упоминается въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ». Объ А. П. Зубовѣ, которому Пушкинъ въ 1817 г. написалъ стихи: «Пройдетъ любовь, умрутъ желанья»... см. тамъ же, стр. 412; въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ» упоминается «Зубова томность». Стихи: «Съ моимъ Чадаевымъ читалъ»... приподитъ на память благодарныя строки въ посланіи 1821 г. къ Чадаеву; Пушкинъ не могъ забыть «пророческіе споры, знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры», которые занимали его съ Чадаевымъ (см. во II т., примѣч. къ № 266).

419. ЕДВА УСТА КРАСПОРѢЧИВЫ...

(т. II, стр. 261).

Съ написаннаго очень блѣдными чернилами оригинала, сохранившагося въ 2368-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 17, впервые

появилось въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 535, это стихотвореніе; конецъ его неизвѣстенъ, такъ какъ половина листа, съ словами: «Въ тебѣ таится жаръ дѣлбный!», отрѣзана. Къ 1824 году отнесено оно потому, что слѣдуетъ въ рукописи непосредственно послѣ «Цыганъ». Въ пьесѣ говорится, повидимому, о хрустальномъ кубкѣ, подаренномъ Пушкину кѣмъ-нибудь изъ друзей-поэтовъ. Обстоятельства, благодаря которымъ возникла эта пьеса, неизвѣстны.

420. ГРАФУ О...

(т. II, стр. 261).

Пьеса дошла до насъ въ нечерканномъ черновикѣ, находящемся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 32, и впервые появилась въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, II. Аппенкову были извѣстны собственноручный перечень стихотвореній Пушкина, написанныхъ до 1826 г. включительно. Среди заглавій «утраченныхъ или еще скрывающихся его стихотвореній, которыя и въ бумагахъ его не находятся», Аппенковъ видѣлъ заглавіе пьесы: «къ Гр. О», которая, однако, была впоследствии обнаружена въ черновой тетради. Здѣсь воспроизведено по автографу. (см. въ общей статьѣ о текстѣ).

Съ графомъ Густавомъ Филипповичемъ Олизаромъ (1798—1864 гг.) Пушкинъ познакомился въ 1820—1821 гг. у Раевскихъ, къ которымъ Олизаръ, бывший тогда кievскій губернский предводителемъ дворянства, былъ вхожъ на правахъ близкаго человѣка. Когда Раевскіе, въ ноябѣ 1821 г., вмѣстѣ съ братьями А. А. и В. А. Давыдовыми прѣзжали въ Кишиневъ въ гости къ Орловымъ, Олизаръ былъ съ ними, и Пушкинъ, всѣ четыре дня ихъ пребыванія въ Кишиневѣ проведеніи у Орловыхъ, конечно, встрѣтился у нихъ съ Олизаромъ («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1258). Графъ Олизаръ былъ не только полякъ, но пламенный польскій патриотъ, мечтавшій о возстаповленіи Польши, и въ этихъ видахъ былъ однимъ изъ связующихъ звеньевъ между русскимъ тайнымъ обществомъ и польскимъ; когда онъ, въ 1823 г., посватался за Марію Николаевну Раевскую (вышедшую въ слѣдующемъ году за кн. С. Г. Волконскаго), старикъ-отецъ откровенно отвѣтилъ ему, что его предложеніе не можетъ быть принято по религиознымъ и національнымъ причинамъ, составляющимъ «непреодолимую преграду». Судя по посланію, Пушкинъ зналъ и о сватовствѣ Олизара, и о причинахъ отказа. Олизаръ писалъ стихи; романтикъ въ поэзіи, онъ былъ романтикомъ и въ жизни. Отказъ любимой дѣвушки такъ на него подѣйствовалъ, что онъ оставилъ Кіевъ и поселился въ Крымъ, гдѣ купилъ близъ Людага небольшое помѣстье, которому придумалъ романтическое имя—«Кардіатрикопъ». Въ этомъ «врачующемъ сердце» уголокѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, вспоминая Марію Раевскую и изливая въ стихахъ свою тоску по Амирѣ (Амира—анаграмма Маріи). Онъ писалъ впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ: «если родилась въ душѣ моей что-нибудь благородное, возвышенное, поэтическое, я обязанъ этимъ любви, которую внушила мнѣ Марія Раевская, княгиня Волконская, теперь нерчинская изгнанница, раздѣляющая горькій жребій мужа. Она была моею Беатриче; ей было

всцѣло посвящено «дантовское» чувство, до котораго могъ возвыситься мой поэтический духъ. Благодаря ей, а вѣрнѣе благодаря любви къ ней, я приобрѣлъ сочувствіе перваго русскаго поэта и дружбу нашего лауреата Адама (Мицкевича). Его крымскій сонетъ «Люди!» посвященъ мнѣ и моею любовной ссылкой. Наконецъ, ей, помимо ея вѣдома, я обязанъ счастливымъ и безопаснымъ избавленіемъ изъ политическнхъ сѣтей, въ которыя я впоследствии попалъ, хотя безвинно». Этимъ Олизаръ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что отказъ Раевскихъ отдалъ его отъ его русскихъ друзей какъ разъ въ то время, когда надъ ихъ головами собирались тучи. Замишанный въ дѣло 14 декабря, Олизаръ въ 1826 г. былъ арестованъ и просидѣлъ недолго въ Петропавловской крѣпости. Однако, неудачный исходъ сватовства не разрушилъ добрыхъ отношеній Олизара къ семьѣ Раевскихъ: въ 1827 г. онъ съ ними ѣздилъ на кавказскія воды; любви свою къ Маріи онъ перенесъ на ея сестру Елену Николаевну, но она не пошла за него, и черезъ нѣсколько лѣтъ Олизаръ женился на полькѣ. О семьѣ Раевскихъ онъ навсегда сохранилъ добрую, благодарную память.

Поэтический талантъ Олизара высоко оценилъ Мицкевичъ въ посвященномъ ему сонетѣ; Пушкинъ, который не любилъ поляковъ («въ Одесѣ,—рассказываетъ П. П. Баргневъ [«Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1748—1749],—польскіе паны завлекали его къ себѣ, но онъ не обнаружилъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія»), готовъ былъ подружиться съ «враждебнымъ» польскимъ сердцемъ Олизара ради вызваваема въ немъ «огня поэзіи». Вѣроятно, стихи, дошедшіе до насъ въ черновикѣ, были въ бѣловомъ, исправленномъ видѣ переданы Олизару. Въ Одесѣ Олизаръ былъ въ 1823 г., по дорогѣ въ Крымъ; лѣтомъ 1824 г. его видѣлъ въ Одесѣ графъ М. Д. Бутурлинъ. Быть можетъ, тогда-то и передать ему Пушкинъ свои стихи, какъ знакъ сочувствія, о которомъ впоследствии съ гордостью вспоминалъ Олизаръ. Объ Олизарѣ и его литературной и политической дѣятельности см. его «Pamiętniki», Lwów, 1892 г., и предисловіе къ нимъ: «Русск. Обзорніе» 1893 г., № 8—9; Записки князя Волконскаго, Сиб., 1901 г., стр. 402; «Русск. Арх.» 1897 г., II, 24, 583—586; 1902 г., II, 265—267, зам. В. С. Иконникова; 1906 г., III, 609; «Былое» 1906 г., май, 248—250. Сборникъ П. Русск. Историч. Общества, т. 78, стр. 139; «Архивъ Раевскихъ», I, 248—249, 389—390.

Пушкинъ всегда относился къ польскому вопросу, какъ къ «спору, ужъ извѣстному судьбою» и рѣшенному не въ пользу поляковъ, надежды которыхъ на возрожденіе Польши не встрѣчали въ немъ сочувствія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ своего времени и своего общества. Достаточно сказать, что самыя свободлюбивыя души двадцатыхъ годовъ на этотъ счетъ вполнѣ сходились съ нимъ. М. Ф. Орловъ писалъ Александру I рѣзкую записку противъ эмансипаціи Польши (М. Гермензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 4); для другаго кишиневскаго пріятели Пушкина, В. Ф. Раевскаго, гражданскаго поэта, «перваго декабриста», по словамъ его біографа (П. Е. Щеголева—«Вѣсти. Европ.» 1903 г., июль, 534), «однимъ изъ мотивовъ возникновенія оппозиціоннаго настроенія было «возстаповленіе» Польши. Но и въ такой сильной вражды, голосъ которой не смолкалъ бы «при ибсннхъ вдохновеніяхъ!» Въ нихъ видѣлъ Пушкинъ осуществленіе призванія поэта, который ими дол-

жень «сердца враждебныя дружить»: впоследствии он благословил Мицкевича, который «говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся, и горько пожалѣвъ, что польскій поэтъ «намъ сталъ врагомъ» и «ночь ненависть». Несколько стиховъ посланы къ Олизару Пушкинъ повторилъ въ 1831 г., обращаясь къ «Клеветницамъ Россіи».

421. ПОКА СУПРУТЪ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДОУ...

(т. II, стр. 262).

Съ чернового автографа, находящагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (л. 38), эти стихи появились впервые въ «Русс. Старшій» 1884 г., июль, 16. По положенію среди черновиговъ «Подражаній Корану» и писемъ 1824 г. они должны быть отнесены къ 1824 году, а не къ 1825-му, которымъ датировали его въ своихъ изданіяхъ Н. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ, не приводя для этого никакихъ основаній. По восточной обстановкѣ наброска можно предположить связь его съ другимъ «восточнымъ» отрывкомъ: «Блеститъ луна, недвижно море спитъ»... (см. выше, № 408). «Въ той же рукописи, нѣсколькими страницами выше, — говоритъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.», *ibid.*, 14), — встрѣчаются отдѣльные слова, доказывающія, что поэтъ въ то время занимался восточными стихотвореніями». Ср. въ статьѣ о текстѣ.

422. ЗАБЫГЪ И РОЦУ И СВОБОДУ...

(т. II, стр. 262).

Впервые напечаталъ это четверостишіе съ неизвѣстнаго ильбъ оригинала Н. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» изд. 1853 г., стр. 347, взявъ съ нѣсколькими другими отрывками, о которыхъ говоритъ (*ibid.*, 346), что это «чисто лирическіе звуки, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта. Они писаны въ разное время, и въ дѣлѣ стихотвореній настоящее мѣсто ихъ извѣстно было только самому автору. Теперь уже вѣтъ возможности опредѣлять ихъ порядокъ и сообщать какую-либо классификацію». Такъ какъ нѣкоторые изъ напечатанныхъ Анненковымъ рядомъ съ этимъ четверостишіемъ шести набросковъ прежде считались относящимися къ 1824 г., то и этотъ набросокъ издателя стали печатать подъ 1824 г. Но изъ всѣхъ этихъ отрывковъ ни одинъ не можетъ быть съ достовѣрностью отнесенъ къ 1824 г., и поэтому приходится, подобно Анненкову, отказаться отъ точной датировки разсматриваемаго четверостишія. Необходимо обратить вниманіе на его художественную законченность, застаивающую признать его не черновикомъ, а вполне сложившимся начальнымъ отрывкомъ несовершенной пьесы. Третьи стихи въ совершенствѣ передаетъ живость и быстроту движеній иттики.

423. МЛАДЕНЦУ.

(т. II, стр. 262).

Неразборчивый черновикъ этого стихотворенія, заглавіе которому дано самимъ Пушкинымъ, находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (л. 24). Оно было впервые напечатано въ «Русс. Старшій» 1884 г., июль, 9. Здѣсь напечатано съ нѣкоторыми добавленіями (см. исторію текста). Есть нѣкоторые основанія думать, что это черновая редакція стиховъ, написанныхъ Пушкинымъ маленькой дочкѣ Воронцовыхъ А. Н. Раевскій писалъ ему 21 августа 1824 г. изъ имѣнія Александрин, гдѣ находилась тогда графиня Е. К. Воронцова съ дочкой: «даже я прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто говоритъ мнѣ о сумасшедшемъ Пушкинѣ и о трости съ собачьей мордой, которую ты ей подарилъ. Я все ожидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты написалъ для нея». Въ такомъ случаѣ, стихотвореніе написано еще въ Одессѣ, въ первой половинѣ 1824 года. Въ трехъ послѣднихъ стихахъ дошедшаго до насъ наброска, быть можетъ, заключаются намеки на тѣ клеветническіе слухи о Пушкинѣ, которые должна была узнать, ставши взрослой, дочь ненавидѣннаго поэта графа М. С. Воронцова. Во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ единственной дочери Воронцовыхъ, маленькой графинѣ Александрѣ Михайловнѣ, было четыре года, по словамъ Вигеля («Записки», изд. 1892 г., VI, 168, 173), или шель четвертый годъ, какъ указано въ «Архивѣ Раевскихъ» (I, 241; умерла она около 1830 г. (см. тамъ же).

424. ПРИЮТЬ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ...

424-а. (У МОРЯ) ПОДЪ СКАЛОЮ...

(т. II, стр. 262).

Находящійся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 6, набросокъ «Приютъ любви»... впервые былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ еще въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, стр. 2, но въ собраніи сочиненій Пушкина до сихъ поръ издателями не включался. Въ «Русс. Старшій» четвертый стихъ былъ переданъ невѣрно: «шумъ» вмѣсто «гулъ», отчего четверостишіе пропало въ изобразительности. Именно изобразительной стороною обращать на себя вниманіе этого превосходнаго отрывка, гдѣ частое чередованіе близкихъ звуковъ *p* и *л* такъ художественно передаетъ ронотъ волнъ въ приморскомъ гротѣ. На гротѣ намекаютъ признаки — «приютъ любви», «сумрачная прохлада», «стѣпенныя воды». Къ тому же о пещерѣ говорится въ другомъ, находящемся на 3-мъ листѣ той же черновой тетради, наброскѣ («У моря) подъ скалою»... появляющемся здѣсь въ печати впервые (о немъ упоминалъ В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.», I, с., но не могъ его разобратить). Повидимому, этотъ набросокъ представляетъ собою первый приступъ къ стихамъ о приморскомъ гротѣ, потомъ начатымъ еще лучше и, къ сожалѣнію, такъ и оставленнымъ. Время написанія набросковъ устанавливается ихъ положеніемъ въ тетради, среди черниковъ другихъ произведеній.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1825 г.

425. ПРИТЕЛЯМЪ

т. II, стр. 281.

Эту эпиграмму Пушкинъ сообщилъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 25 января 1825 г., съ приписками: «Вотъ тебѣ стишки въ духѣ Василья Ивановича и «Панчатая гдѣ-нибудь». исполнила это желание Вяземскій напечатать эпиграмму въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. I, № 3, стр. 215, съ подписью: «А. П.» и подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ». Это извѣщеніе заглавія вызвало объясненіе Пушкина въ Сѣверной Пчелѣ 1825, № 52: «А. С. Пушкинъ просилъ издателей Сѣверной пчелы извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 Московскаго Телеграфа, на стр. 215, подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ», должно читать просто: «Къ пріятелямъ». По этому поводу Вяземскій писалъ поэту 7 июня 1825 г.: «Охота тебѣ была печатать иле réclamation на Телеграфа у поддѣца Бугарина! Телеграфъ очень огорчился, а виновать была во всемъ я. Мнѣ казалось осторожнѣ прибавить: Журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много, и могли бы попасть не въ попадь. Надобно совершенно разорвать съ петербургскими журналистами...» Пушкинъ отвѣчалъ въ началѣ июля: «Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ, мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несенно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я подаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien». Въ изданіяхъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 гг. эпиграмма озаглавлена: «Пріятелямъ».

Объ этой эпиграммѣ А. Е. Измайловъ отозвался въ Благонамѣренномъ 1825, ч. 30, стр. 173:

«Изъ самаго начала сего ужаснаго осмысленія открывается, что для сочинителя пріятель и врагъ—синонимы... Далѣе, приведя первые 4 стиха, авторъ замѣтки продолжаетъ: «Страшно, очень страшно! Больше же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!» Затѣмъ приводится заключеніе эпиграммы, съ замѣткой: «Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до истерій?»

Въ подчеркнутомъ словѣ когти, можетъ быть, скрывается намекъ на длинные ногти, которые, какъ извѣстно, носилъ Пушкинъ.

«Вотъ эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ мою пріятельею»,—писалъ Пушкинъ Вяземскому въ томъ же письмѣ, въ началѣ июля 1825 г., вышесказавъ свое восьмистишіе: «Ex ungue leonem».

Замѣчаніе Измайлова о синонимическомъ употребленіи словъ друзья и враги оказывается вѣрнымъ: въ первоначальной редакціи эпиграммы, въ рукописи Моск. Музея № 2370, л. 83, первой ея стихъ читался:

Друзья мои...

а затѣмъ Пушкинъ замѣнилъ друзей—врагами.

426. ПАНЧЪ ДРУГЪ ОНТА...

т. II, стр. 281.

Сообщено кн. Вяземскому въ томъ же письмѣ отъ 25 января 1825 г., въ которомъ находится эпиграмма «Пріятелямъ», «Не выдавай меня, милый», прислалъ Пушкинъ,—«не показывай этого шкму: Онта бо другъ сердца моего, мужъ, благу, незлобнѣ, удалійся отъ всякія скверны».

Относился къ Федору Николаевичу Глинкѣ, автору многочисленныхъ духовныхъ стихотвореній и передоженій исламова о немъ т. II, стр. 606—608).

427. ЖЕНЩЪ

т. II, стр. 281.

Напечатано впервые въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № 13. Къ 1825 г. отнесено самимъ Пушкинымъ. Дѣйствительно, черновые наброски этой сказки находятся въ рукописи Моск. Музея № 2370 среди набросковъ 4-й главы Онегина и Цыганъ и, следовательно, писаны въ концѣ 1824 и въ началѣ 1825 гг.

При первоначальномъ напечатаніи этого произведенія, Пушкинъ поставилъ въ подзаголовкѣ слова: «Простонародная сказка». Это была первая попытка обработать въ поэтической формѣ сюжетъ одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя Пушкинъ слушалъ въ долгіе зимніе вечера, въ деревенскомъ уединеніи, отъ своей старой няни. Проф. Сумцовъ («Этюды о Пушкинѣ», 276—286), подробно разобравшій до 20-ти различныхъ вариантовъ того же сюжета въ сказкахъ какъ русскихъ, такъ и другихъ, пришелъ къ заключенію, что Пушкинъ передалъ всѣ главные мотивы сказки именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ большинствѣ вариантовъ. Но, принимаясь за обработку сказочнаго мотива, Пушкинъ еще не находилъ для него оригинальной поэтической формы, которая появилась въ его сказкахъ только впоследствии: онъ остановился на 8-строчной строфѣ съ римами, освященной «балладникомъ» Жуковскимъ. Быть-можетъ, до некоторой степени въ Женщѣ отразилась также и старая повесть Карамзина «Паталья боярская дочь» (1792 г.), въ которой героинею является «Паташа», а героемъ—разбойникъ, похищающій дѣвучку (догадка проф. П. В. Владімирова, въ Пушк. Сборн. Киевск. ун-в., стр. 23.—если только не допустить, что и Карамзинъ, въ свою очередь, воспользовался для своей повѣсти народнымъ же сказочнымъ мотивомъ. Какъ бы то ни было, выборъ «литературнаго», балладнаго стихотворнаго размѣра ни въ чемъ не пошредилъ народности сказки Пушкина: эта народность проявилась и въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ силѣ и мѣткости языка, пересѣянаго поговорками, въ тишиности сваян и въ разговорной формѣ изложенія наиболее драматическихъ моментовъ разсказа. Въ отношеніи самой фавбулы, какъ токазывается изслѣдованіями проф. Сумцова, Пушкинъ не внесъ почти никакихъ существенныхъ

измѣненій, за исключеніемъ сцены сватовства, введенной намъ согласно общему духу сюжета. «Комбинація народныхъ матеріаловъ»,—говоритъ проф. Всев. Миллеръ («Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», М. 1899, стр. 47).—«Здѣсь, какъ и въ другихъ воспроизведеніяхъ поэтовъ народныхъ сюжетовъ, навсегда останется для насъ тайной, какъ работа творческой мысли гения, но самые матеріалы—сюжеты, языкъ—были почерпнуты художникомъ въ самомъ народѣ, который онъ изучалъ съ любовью и вниманіемъ этнографа».

Бѣлинскій, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ непосредственной народной поэзии, сказалъ о Пушкинѣ, что «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ неостижимымъ искусствомъ сиречьивать живую воду своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ пѣсней». Прочтите Жениха, Утопленника, Вѣселье и Зимній Вечеръ—и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный мѣръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій. Эти пѣсень въ тысячу разъ лучше его же такъ называемыхъ сказокъ—этихъ уродливыхъ некажений и безъ того уродливой поэзіи... И если такихъ пѣсень, какъ Женихъ..., у Пушкина немного,—въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи». (Соч., т. VIII, изд. 1865, стр. 408). Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій, болѣе подробно анализируя Жениха, говоритъ: «Эта баллада, и со стороны формы и со стороны содержанія насъ возвыс. проникнута русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о Русланѣ и Людмилѣ, можно сказать: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русскъ пахнетъ!... Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Но не въ такихъ произведеніяхъ должно видѣть образцы пропущенныхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій,—и нубдика не безъ основанія обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Мѣръ, такъ вѣрно и ярко изображенній въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже не слишкомъ рѣзкой его особенности. Сверхъ того, онъ такъ тишенъ, мелокъ и нежно-сложоженъ, что истинный талантъ не должно будетъ воспроизводить его, если не захочетъ, чтобы его произведенія были односторонни, однообразны, скучны и, наконецъ, пошлы, не смотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человекъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной или, много, двухъ попытокъ въ такомъ родѣ для него это—дѣло, между прочимъ, затѣнное болѣе изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу... Чувства и страсти людей этого міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи, общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и несложны, что все это легко исчерпывается до для однимъ произведеніемъ снѣгально таланта. Разнообразіе страстей, тоніе до безконечности отбѣлки чувствъ, безчисленно-многообразныя отношенія людей, общественныя и частныя,—вотъ гдѣ богатая почва для цѣлотовъ поэзіи, и эту почву можетъ пригостить только сильно развивающаяся или развивающаяся цивилизація... Наша поэзія должна некая для себя матеріалы почти исключительно въ томъ классѣ, который, по своему образу жизни и обычаямъ, представляетъ болѣе развитія и

умственного движенія», и т. д. (Тамъ же, стр. 516—518).

Такимъ образомъ, Бѣлинскій, принципиально отрицавшій «Кирюу Дашкова» и воспроизведеніе въ «цивилизованной» поэзіи простонародныхъ мотивовъ, все-таки, признавалъ Жениха произведеніемъ высокой поэтической цѣности. Въ этомъ съ нимъ согласилась и позднѣйшая наша критика.

428. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

(т. II, стр. 284).

Напечатано въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг., съ пропускомъ стиховъ 21—64 и 150, восстановленныхъ только въ 1859 г., въ Библиографическихъ Запискахъ. Подлинной бѣловой рукописи этого стихотворенія не сохранилось; черновая редакція находится въ рук. Моск. Музея № 2370, лл. 59 об. — 64, подъ заглавіемъ: «Андрей Шенье въ темницѣ». Такъ самъ Пушкинъ называлъ свое стихотвореніе въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 13 июля 1825 г.: «Читалъ ли ты моего «А. Шенье въ темницѣ»? Суди о немъ какъ езуитъ,—но памфлетно». — «Твоего Шенье въ темницѣ не знаю», отвѣчалъ Вяземскій 4 августа, — «но благодарю уже за одно заглавіе. Предметъ прекрасный!» Можно думать, что слова: «въ темницѣ» были вычеркнуты цензоромъ Буруковымъ, исключившимъ при печатаніи изд. 1826 г. дѣльныхъ 45 стиховъ. О вариантахъ см. въ «Исторіи текста».

Въ бумагахъ Пушкина (рук. Моск. Музея № 2370, л. 65) сохранилась неоконченная замѣтка, которую онъ, вѣроятно, предназначалъ для примѣчаній къ этому стихотворенію:

«А. Св. погибъ жертвою французской революціи, на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько алегій и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ, творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году. Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства»...

Въ 1826 г., уже послѣ напечатанія этого стихотворенія, по доносу каждаго помѣщика Коноплева, находившагося «по секретной части» при генералѣ Скобелевѣ, возникло слѣдственное дѣло о штабсъ-капитанѣ Алексѣевѣ, прапорщикѣ Молчановѣ и кандидатѣ Московскаго университета Андрѣѣ Леопольдовѣ, по обвиненію ихъ въ распространеніи «преступныхъ» стиховъ Пушкина. Изъ названныхъ лицъ Алексѣевъ гдѣ-то списалъ непрочушенное цензурою мѣсто изъ «Андрея Шенье», далъ его списать Молчанову, а у того, въ свою очередь, списалъ Леопольдовъ, поставивъ надъ стихами, въ видѣ заглавія, «На 14-е декабря». Отъ Леопольдова и получилъ эти стихи Коноплевъ, представившій ихъ Скобелеву, который препроводилъ ихъ съ своимъ дописаніемъ къ Бенкендорфу. Послѣдній просилъ сообщить ему: «1. Какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который во Некопѣ, извѣстной сочинитель вольныхъ стиховъ? 2. Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служить и гдѣ живетъ? 3. Подлинникъ ли представленъ или копія, и не подѣлана ли подлиннѣ?» Скобелевъ отвѣтилъ на 1-й вопросъ: «Мне сказано что тотъ которой писать подобные стихи имѣетъ уже запрещеніе по отосланію къ отцу его», а на 3-й вопросъ, — «Подлин-

ная говорить прислана из Штербурха», список же сдланъ доносителемъ.

Отъ Леопольдова потребовали объясненій, откуда получились эти стихи. Онъ указалъ на Молчанова, этотъ на Алексѣева. Молчановъ былъ перенесенъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Алексѣевъ, по Высочайшему повелѣнію 25 сентября 1826 г., преданъ военному суду. Военно-судная коммисія, черезъ московскаго оберъ-полицейстера Шульгина, потребовала объясненій Пушкина. Послѣдній написалъ слѣдующее:

«Сии стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи Андрей Шенье, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ стихотвореній.

«Они явно относятся къ французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я слышалъ твой небесный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную
Твердыню.

«Взятіе Бастиліи, восшествіе Андреемъ Шенье.
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ.

Великодушную присягу

И самовластію безтрепетный отвѣтъ.

«Присяга du jeu de paume и отвѣтъ Мирабо:
allez dire à votre maitre etc.

И пламенный трибунъ и проч.

«Онъ же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Паптеонъ

Святыхъ изгнанниковъ входилъ славимъ тѣши
«Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Паптеонъ.

Мы свергнули царей—
«въ 1793.

Убійцу съ палачами

Избрали мы въ царя

«Робеспьеръ и Конвентъ.

«Всѣ сии стихи никакъ, безъ явной безмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабря.

«Не знаю кто подъ ними поставилъ сіе ошибочное заглавіе.

«Не помню кому могъ я передать мою Элегію А. Шенье.

Алѣксандръ Пушкинъ.

27 января 1827.

Москва.

«Для большей ясности повторю, что стихи пдвѣстные подъ заглавіемъ: 14 декабря суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною Андрей Шенье».

Коммиссія приговорила Алексѣева къ смертной казни, но приговоръ этотъ былъ смягченъ его начальствомъ и, въ конечномъ результатѣ, Аудиторіатскій Департаментъ, согласно мнѣнію вел. кн. Михаила Павловича, положилъ: Алексѣева выдержать мѣсяцъ въ крѣпости и перевести въ армію; Молчанова изъ-подъ ареста отправить въ полкъ; Леопольдова предать гражданскому суду, коему вѣнчить въ обязанность потребовать объясненія отъ сочинителя стиховъ Пушкина и отъ помѣщика Коноплева. Это мнѣніе было Высочайше утверждено 25 марта 1827 г. Дѣло было передано въ Новгородскій уѣздный судъ, который мнѣніемъ подожили: Леопольдова, лишивъ класса, въ коемъ онъ состоялъ, и личнаго дворянства, заключать въ кандалы и сослать въ каторжную работу; о Пушкинѣ же и Коноп-

леву изслѣдованіе предоставить тѣмъ мѣстамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ они находятся. У Коноплева оказалось собраніе стихотвореній, между которыми были и зловредныя: «Ода на свободу» и «Невольѣ Пашингайо». Отъ Пушкина было получено слѣдующее дополнительное объясненіе:

«Элегія Андрей Шенье напечатана въ собраніи моихъ стихотвореній, вышедшихъ изъ цензуры 8 октября 1825 года. Доводительство тому: одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ.

«Цензурованная рукопись, будучи вовсе нечаяною, затеряна, какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

«Опять пошорю, что стихи найденная у Г. Алексѣева взяты изъ Элегіи Андрей Шенье, непропущены цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ:

Но пра юнаго пѣвца

О чемъ поеть? поеть она свободу:

Не извѣщалась до конца:

«Привѣтствую тебя, мое свѣтло etc.

«Замѣчу что въ семь отрывкѣ поеть говоритъ

О взятіи Бастиліи.

О клятвѣ du jeu de paume.

О перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Паптеонъ.

О побѣдѣ революціонныхъ идей.

О торжественномъ провозглашеніи Равенства.

Объ уничтоженіи Царей.

«Чтожь тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженіемъ тремя выстрѣлами карточи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

«Въ заключеніи объявляю что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истины.

10-го класса Алѣксандръ Пушкинъ.

С.-Петербургъ. 1827 г. 29 іюня».

Дѣло изъ уѣзднаго суда перешло въ Новгородскую уголовную палату, которая потребовала отъ Пушкина дополнительнаго показанія. Но этотъ отвѣчалъ слѣдующимъ «объясненіемъ» на имя С.-Петербургскаго полицмейстера Дерягу:

«На требованіе суда узнать отъ меня: «какимъ образомъ случилось, что отрывокъ изъ Андрея Шенье будучи не пропущенъ Цензурою сталъ переходить изъ рукъ въ руки во всемъ пространствѣ» отвѣчаю: стихотвореніе мое Андрей Шенье было всѣмъ извѣстно вполнѣ и гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну. 24 ноября 1827 г. С.-Петербургъ».

Палата, журналомъ 6 марта 1828 г., полагала: Леопольдова выдержать еще въ крѣпости 9 мѣсяцевъ; Пушкину же, имѣя въ виду, что элегія, по его словамъ, еще до просмотра цензурою всѣмъ была извѣстна вполнѣ и что онъ равнодушно отозвался о бунтѣ 14 декабря, назвать его несчастнымъ, какъ будто «безъ намѣренія сдланъ вѣкъ, строжайше подтвердитъ впредь отнюдь никакихъ сочиненій безъ просмотра цензуры не распространять, иначе будетъ подвергнуто всей строгости законовъ, въ чьей и обязать его пошорю».

Изъ палаты дѣло было представлено въ сенатъ, который полагалъ: лишивъ Леопольдова кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, отдать въ солдаты, а въ

случаѣ негодности сослать въ Сибирь на поселеніе. Относительно же Пушкина, «сообразяя духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно вынуждено въ публику, сенатъ не могъ бы признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его простраивѣ, а потому хотя сочинившаго означенные стихи Пушкина за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія всеміростивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 г., то по силѣ 1-го пункта онаго, избави его, Пушкина, отъ суда, обязати подлинною, дабы впродъ никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуску цензуры не осмѣливался выпускать въ публику, подъ онасиемъ строгаго по законамъ взысканія».

Въ послѣдней инстанціи дѣло разсмотрѣно было государственнымъ совѣтомъ, который, не усматривая вины Леопольдова, кромѣ одной неосновательности въ неумѣстной надписи, постановилъ вмѣстѣ ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ, подтвердить, чтобъ впродъ въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе, и поручить будущему его начальству, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе. Затѣмъ государственный совѣтъ утвердилъ сенатское заключеніе съ такимъ допослѣдствіемъ въ отношеніи къ сочинителю стиховъ Пушкину, чтобъ по несприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14 декабря 1825 г. и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 г. напечатаннаго, поручено было имѣть за нимъ и на мѣстѣ его жительства секретный надзоръ.

Это положеніе государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 28 июля 1828 г.

Биографическій очеркъ Андрея Филипповича Леопольдова, бывшаго впоследствии однимъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей въ Саратовѣ, находится въ «Очеркахъ исторіи гор. Саратова», Саратовъ, 1884. Ср. дальнѣе статью Юрія Веселовскаго «Пушкинъ и Шенье».

429. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

(т. II, стр. 287).

Впервые появилось въ изд. 1826 г.

«Мысль Пушкина», говоритъ по поводу этого стихотворенія П. В. Анненковъ (Пушкинъ, стр. 283), постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а дѣ-то въ другомъ, далѣекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ удивленномъ Михайловскомъ. Въ своей черновой тетради, послѣ XXXII строфы 3-й главы Олѣгивна, Пушкинъ дѣлаетъ приписку: «5 сентября 1824 года—une lettre de ». Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашеною точно такими же кабинетическими знаками, какіе находились и на перстѣ ея брата (извѣстный «талисманъ»),— послѣдній заирался въ своей комнатѣ, шведу не выходя въ шведо не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ и осталось это стихотвореніе». Предполагаютъ, что особа, въ которой оно отнесено (равно какъ и два позднѣйшихъ стихотво-

творенія: «Ангель» и «Талисманъ») и портреты которой,—строгій женскій профиль¹⁾, съ головой, нѣсколько наклоненной ввысь («Въ дверяхъ Эдема ангель ибжній главою и опикшею сіялъ»),—такъ часто встрѣчаются на страницахъ пушкинскихъ тетрадей,—графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова, урожденная Брандцкая, супруга графа Михаила Семеновича П. П. Бартенева въ («Пушкинъ», II, 97—98) разсказываетъ, что она до конца своей жизни (ум. 1880) сохранила о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. «Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнилось, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ—подъ рѣдъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ первымъ». П. А. Ефремовъ называетъ приведенные разсказы О. С. Павлищевой и П. П. Бартенева «сказками», впрочемъ, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Ср. примѣчанія къ «Ангелу» и «Талисману».

По поводу этого стихотворенія, въ связи съ другими, ему подобными, Бѣлинскій (Соч., т. VIII, изд. 1865, стр. 395—396) замѣчаетъ, что «чувство, лежащее въ нѣмъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно. И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной... Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, не смотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умѣряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца... Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, ибжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка...».

430. ДРУЖБА

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатано въ альманахѣ Погодина «Ураганъ» на 1826 г., стр. 268, и затѣмъ вошло, безъ измѣненій, въ изд. 1829 г. Первое упоминаніе объ этомъ четверостишіи находится въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 27 марта 1825 г., въ которомъ поэтъ дѣлаетъ разныя распоряженія относительно предположеннаго изданія своихъ стихотвореній. Здѣсь, въ самомъ концѣ, Пушкинъ приписалъ: «Да тишуть еще мою Птичку, да четыре стиха о дружбѣ: Что дружба? Легкій шаль помянулъ». По затѣмъ это послѣднее указаніе онъ зачеркнулъ, отчего четверостишіе и не пошло въ изд. 1826 г.

Судя по мѣсту, занимаемому имъ въ рукописи Моск. Музей № 2370, лл. 28 об. и 35, можетъ быть, правнѣе отнести его не къ 1825, а къ 1824 г. По справедливому замѣчанію Подлипова, оно напечатано «въ томъ тѣхъ замѣтокъ, которая вошли въ Альбомъ Олѣгивна».

¹⁾ Нѣсколько такихъ «строгихъ» профилей, видимо налѣванныхъ Воронцовой, см. въ настоящемъ стр. 270. *Ред.*

431. ВАКХИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатана въ изд. 1826 г., откуда перешла безъ переменъ въ изд. 1829 г.

Бѣлинскій (Соч., т. VIII, изд. 1863 г., стр. 331) относилъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ, которыя «можно охарактеризовать именемъ переходныхъ. Въ нихъ виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ; хотя часто и побѣждающій своихъ учителей; поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный и—если можно такъ выразиться—общающій Пушкина, но еще не Пушкинъ. Въ этихъ переходныхъ стихотвореніяхъ видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшимъ ему литературою», и т. д.

Подивановъ видитъ въ этомъ стихотвореніи «поэтическое воспроизведеніе чувствъ, одушевившихъ поэта во время пира. Сила чувства, тость, предлагаемый за дорогія ему искусство и науку, художественно соединяются здѣсь съ живымъ изображеніемъ развѣтывающаго дѣла, заставшаго ширющихся при свѣтѣ огней. Глубокая мысль, окапывающая пѣною, къ соединенію съ силою одушевленія и красотой картинъ,—все это, выраженное гармоніей гибкаго амфибрахія, замыкаемаго звучными римами, и разнообразнымъ членомъ стоющъ своихъ слѣдующаго за быстрой смѣною неожиданныхъ и блестящихъ мыслей,—сообщаетъ стихотворенію высочайшую красоту».

432. ВЕРТОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ

(т. II, стр. 288).

Напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829, ч. I, стр. 44, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ: «Въ крови горитъ огонь желанья...», подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Подражанія». Въ изд. 1829 г. перенесено безъ всякаго заглавія.

Это стихотвореніе представляетъ переложеніе слѣдующаго отрывка изъ гл. IV «Пѣсни Пѣсней»:

«12. Вертоградъ заключень, сестра моя невѣста, вертоградъ заключень, источникъ запечатлѣвъ.

«13. Лѣтораспл твою—садъ шипковъ съ плодомъ яблочнымъ, кутри съ пардами.

«14. Нардъ и шафранъ, тростъ и киннамонъ со всѣми древами ливанскими, смурна, алой со всѣми первыми мурами.

«15. Источникъ вертограда и кладязъ воды живы и истекающія отъ Ливана.

«16. Возстанъ, събере, и градъ юже, и новѣи въ вертоградъ моему, и да потекутъ ароматы мой».

Онѣкоторыя детали ср. въ «Исторіи текста».

433. КЪ ПМЕНИЩИЦѢ

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатано въ изд. Аппенкова, т. VII, стр. 89. Написано, но всей вѣроятности, на именины Анны Николаевны Вульфъ, старшей дочери Пр. Ал. Осиповой: «Анна», но объявленіемъ святцель, съ еврейскаго, значить: «благодать».

«Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привлеченная къ Пушкину, слѣдила за его жизнью»,

говорить Аппенковъ (Пушкинъ въ Алекс. эпоху», 278 и сл.; съ живописной площадью одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, впрямую съ этого пункта,—и много сердце билось трепетно, когда по ней, отгибая извили Сороти, показывался Пушкинъ или ишikomъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на армакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ... Двѣ старшія дочери 1-зи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляли два противоположныя типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Онѣгина не подлежитъ сомнѣнію, хотя поглядѣнія уже не носилъ на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сестра ея, «воздушница» Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла собою другой типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаиваній за собою и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы... Красивый персонажъ Тригорскаго не ограничивался этими двумя лицами. Кромѣ двухъ малолѣтнихъ сестеръ ихъ, посвятившихъ уже фамилію Осипова (Марья и Екатерина Ивановны Осиповы тогда еще учились, и Пушкинъ помогалъ имъ иногда дѣлать переводы съ французскаго и на французскій языкъ), тутъ были еще многочисленныя кузины, напр., Анна Ивановна (впоследствии—Трувеллеръ), которую звали Xetty въ семействѣ; Анна Петровна Кертъ, урожденная Подторацкая; надѣрица Пр. Ал. Осиповой—Александра Ивановна Осипова, впоследствии—Белешова, по семейному прозванію «Анна»... Вообще всѣ онѣ почтены были Пушкинымъ стихотворными изьявленіями, похвалами, признаніями и пр. Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревенскій, длинный одноэтажный домъ ¹⁾, наполненный всею этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, грѣмѣніи въ немъ круглый день, съ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ устали. Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіатскаго разврата Киншова прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нѣтъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ приосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь свѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь,—и потѣшался ею, оставаясь постоянно зрителемъ и наблюдателемъ ея, даже и тогда, когда всѣ думали, что онъ плыветъ безъ оглядки вмѣстѣ съ нею. Съ усталой головой являлся онъ въ Тригорское и оставался тамъ по дѣльнымъ суткамъ и болѣе, принося точчасъ къ движению весь этотъ міръ... Анна Николаевна (умерла дѣвухой въ началѣ 60-хъ годовъ) отличалась быстротою и находчивостію своихъ отвѣтовъ, что было не легко дѣло въ виду гостя изъ Михайловскаго, отличающагося въ разговорахъ прямою и смѣлостію выраженія».

¹⁾ См. изображеніе его въ т. II, стр. 373.

434. ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА

(т. II, стр. 289.)

Относится къ М. Т. Каченовскому и вызвано подземкой Мих. Дмитриева съ кн. Вяземскимъ по поводу Бахчисарайскаго Фонтана. Каченовскій возстаъ на меня», писалъ Пушкинъ брату 14 марта 1825 г.: «Пашини мнѣ, благодарственно ли толь его критикъ; если нѣтъ, — пришло эниграмму. Эту эниграмму поэтъ и прислалъ брату въ письмѣ, написанномъ въ началѣ апрѣля: «Вотъ тебѣ требуемая эниграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому, а между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ 2-й разговоръ дже-Дмитріева *) это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану».

Вяземскій 7 июня 1825 г. сообщилъ Пушкину, что «Курилку отдалъ Телеграфу, — только боюсь, чтобы цензура не уморила его». Впрочемъ, это опасеніе оправдалось, потому что эниграмма впервые явилась въ печати только въ Современникѣ 1837 г., № 7, стр. 78, откуда перепечатана въ изд. Аппенкова, VII, 102.

435—436. СЕМЕЙСТВЕННОЙ ЛЮБВИ..

(т. II, стр. 289.)

Въ письмѣ къ брату отъ 7 апрѣля 1825 г. Пушкинъ сообщаетъ, что Левъ можетъ писать въ нему, по адресу письма на имя сестры. «Цѣлуй Ольгу», прибавляетъ онъ. «Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu: (выписано двустинице). Сожли это, показавъ ей». Далѣе Пушкинъ приподитъ «variantes en l'honneur de M-me NN:

Почтения, любви и ибжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и средни и
связати.

«M-me NN паходить, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Ponny soit, etc».

437. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

(т. II, стр. 289.)

Улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ элегія на смерть Ан. Льв., писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ концѣ апрѣля 1825 г., поставивъ подъ этими стихами, въ скобкахъ, подпись: «Я да Цельвннть». Вяземскій отвѣчалъ 7 июня: «Если (элегія) попадетъ на глаза Василью Львовичу, то заготовь другую ибшено, потому что онъ, вѣрно, не перенесетъ удара».

Упоминаемая въ стихотвореніи лица: Лизавета Львовна — другая сестра отца Пушкина; Матвѣй Михайловичъ — камергеръ Солдцель, ея мужъ. Анна Львовна умерла въ концѣ 1824 г. и оставила Пушкину, по завѣщанію, ибкоторую сумму денегъ. «Si ce que vous dites concernant le testament d' A. L. est vrai, c'est très-joli de sa part», писалъ Пушкинъ сестрѣ 4 декабря 1824 г. «Au vrai, j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je

*) Такъ Пушкинъ называлъ Мих. Дмитриева, въ отличіе отъ подлиннаго Дмитриева — Ивана Ивановича.

suis fâché que Chalikoff ait pissé sur son tombeau» Въ «элегіи» вмѣсто Шаликова явился дядя.

«Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы — видѣннелъ ли ты съ нею?» читаемъ въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому, въ первой половинѣ сентйбря 1825 г.: «Ради Бога, дожики Василью Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны — не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15,000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова, Дюло въ томъ, что, конечно, Дельвннть болѣе ипшонать, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ...».

Воспоминаніе о Милоновѣ вызвано разказомъ о томъ, какъ Вас. Львовичъ, узнавъ, что Милоновъ написалъ на него эниграмму, съ огорченіемъ восклицалъ: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай ипмѣ!».

Пономичъ Красовскій — знаменитый цензоръ.

438. ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЬ...

(т. II, стр. 290.)

Напечатано въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. V, № 17, стр. 37, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбомѣ». Сохранилась копія этого стихотворенія, сдѣланная рукой Пр. Ал. Осиповой, въ ея альбомѣ, принадлежащемъ шибъ княгинѣ А. А. Хованской, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбомѣ Ев. и П. В. 1825 году».

Евирасія Николаевна Вудльръ, младшая дочь г-жи Осиповой отъ перваго брака, по семейному прозвищу «Зина» или «Зизи» Euphrasine, была душою веселаго общества въ Тригорскомъ. Она играла на фортепьяно арии Россини, мастерски варила жеву и явилась первою во вѣхъ предпріятыяхъ по части удовольствій. Отношенія къ ней Пушкина носили характеръ дружески-шутливый. «Евирасія умерительно смѣшина», — писалъ поэтъ брату вскорѣ по прїѣздѣ въ Михайловское, въ 1824 г. «Я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все запишетъ сестрѣ, что та ипшетъ и подучаетъ письма...» Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «На дняхъ я мѣрился поискомъ съ Евирасіею, и тальи пашннъ нашлись одинаковы. Слѣдственно — изъ двухъ одно: или я ипмѣю талью 15-лѣтней дѣвушки, или она — талью 25-лѣтняго мужчины. Евирасія дугель... «Какъ поправилось», — писалъ онъ уже изъ Петербурга, 24 января 1828 г., П. А. Осиповой, — «м-ль Евирасія ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ? Въ Торжкѣ стоялъ тогда уланскій полкъ». Въ другомъ письмѣ (мартъ 1828), посылая г-жѣ Осиповой три послѣднія главы Онегина, Пушкинъ приложилъ отдѣльный экземпляръ для м-ль Евирасія, причемъ благодарилъ ее «за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила его вопросомъ». Когда Пушкину было сообщено о замужествѣ Евирасія Николовны, онъ поздравилъ г-жу Осипову въ письмѣ отъ 29 июня 1831 г. изъ Царсква Села, выразивъ новобрачной пожеланіе «всего того счастья, какое только возможно для насъ на этомъ свѣтѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое». Она вышла замужъ за подпоручика барона Б. А. Вревскаго. Въ середнш мая 1832 г. Пушкинъ поздравилъ г-жу Осипову съ рожденіемъ внука.

Е. П. Вревская надолго пережила Пушкина: она скончалась 22 марта 1883 г.

Къ этой-то «благородной и кроткой» двуклѣбно обращено ставшее знаменитымъ стихотвореніе, съ выраженіемъ бодрата чувства, побуждающаго смѣрять впередъ съ надеждой и не смущаться въ минуты печали.

439. САФО

(т. II, стр. 290.)

Напечатано въ изд. 1826 г. подъ заглавіемъ: «Юнона», а въ изд. 1829 г. — подъ заглавіемъ: «Сафо».

Одно изъ небольшихъ антологическихъ стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ А. Шенке, который Бѣлинскій называлъ «судными изваяніями, видимыми слухомъ».

440. КОЗЛОВУ

(т. II, стр. 290.)

Напечатано въ изд. 1826 и 1829 гг. съ припискою: «по полученіи отъ него Чернецка», отброшенною посмертнымъ изданіемъ. На подлинной рукописи имѣется поэмта: «15 мая 1825. Михайловское-Араново».

Иванъ Ивановичъ Козловъ (род. 11 апрѣля 1779, ум. 30 января 1840, въ 1821 г. ослѣпъ и съ этого же времени получилъ извѣстность своими переводами изъ Байрона и оригинальными стихотвореніями и поэмами. Важнѣйшая изъ послѣднихъ — «Чернецъ, кievская повесть» — вышла въ Сиб. 1825 г. «Появленіе сей небольшой, но красотами богатой поэмы», — писалъ кн. Вяземскій въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. II, стр. 312, — съестъ пріятное событіе въ сноскойной литературѣ нашей, а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругу первостепенныхъ поэтовъ нашихъ было, за нѣсколько лѣтъ тому, неожиданнымъ и отраднымъ феноменомъ въ мѣрѣ нравственности и поэтическомъ... Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него гнѣимъ животворящимъ. Недуги жестокіе, страдальчество физическое, развернули духовныя способности... Но мѣрѣ, какъ терзая оныя зрѣніе и ноги, прозрѣвалъ онъ и окрылялся духомъ... Сей удивительный примѣръ можетъ прибавить прекрасную главу къ психологической исторіи человѣка...»

«Читай твою о Чернецѣ», — писалъ Пушкинъ Вяземскому 25 мая. «Ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, подначувства и умѣре Воинаровскаго, но въ Рыльскѣ есть больше замашки или размашки въ слогахъ...» Подучивъ отъ Козлова экземпляръ поэмы съ собственноручною подписью, онъ писалъ (въ апрѣлѣ 1825) брату: «Подпись сѣбного поэта тронула меня несказанно. Повесть его — прелесть. Сердцемъ оны, не сердце, а «хотѣлъ простить — простить не могъ» достойно Байрона. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы, — по крайней мѣрѣ, ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затѣице, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хотелъ отвѣчать ему стихами...»

Упомянутое въ этомъ письмѣ посланіе къ Жуковскому напечатано впередъ поэмы, рядомъ съ посвященіемъ ей женѣ поэта. Здѣсь, между прочимъ, находятся стихи:

Какъ мой Чернецъ, въ страсти молодой
Въ груди моею данно я сгорюшилъ,
И я, какъ оны, въ радости земной
Себестою надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ тѣя съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сераду милыхъ живыхъ,
И въ цвѣтѣхъ лѣтъ ужъ и между живыми —
Тѣмъ хладная безчувственныхъ гробницъ...

Пушкинъ зналъ, что Козловъ высоко его цѣнилъ. «Онъ твоимъ словомъ больше дорожить, нежели всѣми громкими похвалами», — писалъ ему Плетневъ 22 января 1825 г. Получивъ посланіе, Козловъ отвѣчалъ на него 31 мая: «Невозможно выразить то величайшее удовольствіе, какое доставили мнѣ ваши очаровательные стихи; это было поистинѣ прекрасное мимовѣніе въ моей жизни, и я вѣкъ за него горячо благодарю. Первая половина 7-го стиха оправдывается не тѣмъ маленькимъ царованіемъ, какое, можетъ быть, у меня есть, но моимъ преклоненіемъ передъ вашимъ талантомъ и искреннею привязанностью, какую я къ вамъ питаю. Еще разъ — спасибо, большое спасибо: стихи ваши дошли прямо до моего сердца!» Письмо это написано, конечно, подъ диктовку Козлова, чужою рукою (по-французски); но въ концѣ его Козловъ написалъ собственноручно (по-французски-же): Обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь навсегда весь вашъ Иванъ Козловъ.»

441. П. А. ОСНОВОЙ

(т. II, стр. 290.)

Переблещенный автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ П. А. Основой, имѣя принадлежать кн. А. А. Хованской, безъ заглавія и съ подписью: «А. П., С. Михайловское, 25 іюня 1825». Напечатано впервые въ «Свердловыхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 183, подъ [заглавіемъ: «П. А. О'']] и затѣмъ повторено въ изд. 1829 г. Въ печати текетъ стихотворенія вездѣ одинаковы, но въ автографѣ послѣдній стихъ 1-й строфы читается:

Душой безъ нечию предаваться.

Въ стихотвореніи отразились чувства, навѣяныя планами Пушкина о побѣдѣ за границу, о которомъ онъ въ ту пору переписывался съ братомъ и А. П. Сулафомъ.

442. EX UNGUE LEONEM.

(т. II, стр. 291.)

Названа отъимвомъ А. Е. Пзмайлова обличительнымъ «Пріятели» (см. выше) и послана Пушкинымъ кн. Вяземскому въ письмѣ, писанномъ изъ Михайловскаго въ началѣ мая 1825 г.: Вотъ еще эпиграмма на Валагопама Брешиаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятели». Напечатана въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825, ч. IV, № 13, стр. 43, съ подписью «А. П.», и затѣмъ повторена въ изд. 1826 и 1829 гг.

И въ письмѣ къ Вяземскому, и въ журналѣ, и въ изд. 1826 г. стихъ 4-й читается:

И въ сѣбѣ въ устѣхъ безъ пошени жъ,
злѣтѣнъ.

443. КЪ А. П. КЕРНЬ

(т. II, стр. 291).

Впервые напечатано в «Северных Цвѣтахъ» на 1827 г., под заглавиемъ: «Къ...»; съ тѣмъ же заглавиемъ, и безъ всякихъ измѣненій, перешло в изд. 1829 г. и посмертное.

Подробности см. далѣе въ статьѣ Б. А. Модзалевскаго.

444. ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ

(т. II, стр. 292).

Напечатано въ «Соренноватѣ Просвѣщеній и Благотвореній» 1825, ч. XXX, № 6, стр. 299, съ полною подписью Пушкина; затѣмъ вошло въ изд. 1826 и 1829 гг.

Бѣлинскій относитъ это стихотвореніе къ лучшимъ, душевнѣйшимъ произведеніямъ лирической музы Пушкина. Въ основѣ его лежитъ разрывъ съ неизвѣстною особою, очевидно, въ Одессѣ. «Поэтическое воспроизведеніе разлуки украинено, во второй половинѣ стихотворенія, высокимъ чувствомъ поэта, сознающаго въ себѣ силы для творчества, достойнаго славы», говоритъ Л. П. Павликовъ. «Въ этомъ сознаніи поэту находить утѣшеніе той сердечной боли, которую нанесла ему утрата его сердца. Въ послѣднихъ стихахъ слышится укоръ; слава призывается какъ благородное мнѣніе за недостаточную одѣвку чувствъ поэта со стороны той, къ кому злегка обращена. Этотъ укоръ, сопоставленный съ воспоминаніемъ о прошломъ, которое поэтъ сохраняетъ въ душѣ какъ святыню своего благороднаго сердца, и составляетъ главную красоту стихотворенія, будучи голосомъ души, высоко настроенной...»

445. КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

(т. II, стр. 292).

Напечатано въ «Современникѣ» 1859, т. 73, стр. 305, съ примѣчаніемъ: «Стихотвореніе это писано къ А. Г. Р., и набрано съ автографа, который съ 1856 г., по смерти А. Г. Р., перешелъ въ собственность брата его, М. Г. Р. Редакція «Современника» приноситъ ему послѣднему искреннюю благодарность за предоставленіе ей права напечатать это стихотвореніе».

Въ томъ же 1859 г. посланіе было напечатано и въ статьѣ А. П. Кернъ: «Воспоминанія о Пушкинѣ», въ Библиотекѣ для Чтенія, т. 154, стр. 115, и въ изд. Генциди 1859 г.

Аркадій Гавриловичъ Родзянко (1793—1850) въ молодости служилъ въ военной службѣ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ случай, въ 1818—1819 гг., познакомиться съ Пушкинымъ. Онъ игралъ весьма важную роль въ исторіи высылки Пушкина на югъ (см. т. I, стр. 300) по недоброжелательнѣйшій поэтъ не сердился на него. Родзянко занимался литературою и писалъ стихи, печатавшиеся въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; но въ числѣ его произведеній были и такія, которыя оказывались неудобными для печати по своему пріямическому содержанию: вотъ отчетъ Пушкинъ и называетъ его «Прощанье Украинѣ»,—

по имени французскаго нескромнаго поэта XVIII вѣка, а въ письмѣ къ нему отъ 8 декабря 1824 г. присоединяетъ къ этому названію еще и другое: «Шамфетникъ Феба или Пріана». Оставивъ военную службу въ 1821 г., Родзянко поселился въ своемъ имѣніи, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., гдѣ и сблизился съ сосѣдкой А. П. Кернъ. Въ письмѣ своемъ къ Пушкину, писанномъ въ маѣ 1825 г., онъ, между прочимъ, говоритъ по поводу этой связи: «Итакъ, одна трудность переимѣны и искренности моею привязанности составляютъ мою добродѣтель. «Слѣдовательно»,—говоритъ Анна Петрова,—«не много стоитъ добродѣтель вапа». А она соблюдаетъ молчаніе—знакъ согласія и справедливости.»—Письмо это было писано въ присутствіи самой А. П. Кернъ, которая тутъ же и приписала: «Увѣрю васъ, онъ у меня вовсе не въ оковахъ».—«А чья вина?» спрашиваетъ Родзянко: «Вотъ, теперь вздумала мнѣриться съ Ермолаемъ Фелоровичемъ»,—слова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропала. Тогда можно было звизгнись молодостью и неопытностью, а теперь чѣмъ? Радъ Бога, будь посредникомъ». Тутъ Анна Петровна опять приписываетъ: «Ей-богу, я этихъ строкъ не читала!»—а Родзянко продолжаетъ: «По заставила ихъ прочесть себѣ десять разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она забываетъ такими дѣтскими шутостями...» (Бартепьевъ, Пушкин, II, 125—126; Майковъ, Пушкинъ, 239).

Въ отвѣтъ на это письмо, писанное еще раньше свиданія Пушкина съ Анной Петровной въ Тригорскомъ, Пушкинъ и написалъ свое посланіе, см. П. П. Черныява, Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, 65—80, и П. Ф. Суцкова, Изслѣдованія, 327—330.

446. ОДА ХВОСТОВУ

(т. II, стр. 293).

Напечатана впервые Анненковымъ, въ VII томѣ его изданія соч. Пушкина, и прежними издателями относилась къ 1824 г., но написана, несомнѣнно, въ 1825, такъ какъ въ ней приведено и оговорено въ примѣчаніи выраженіе Кюхельбекера въ посланіи къ Грибѣдову, напечат. въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, № 2.

Пивецъ! Тебѣ дана рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселое свѣдло и къ родивъ любовь,
Высокаго искусства
И рѣвно скачущая кровь!

Въ началѣ апрѣля того же года Пушкинъ писалъ брату изъ Михайловскаго: «Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца (такъ онъ въ шутку называлъ Кюхельбекера), который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру рѣвно скачущая кровь Грибѣдова». А въ октябрѣ кн. Вяземскій писалъ Пушкину, очевидно, намекая на эту оду:

Ты самъ Хвостова подражатель,
Красотъ его любостязатель...

*) Генералъ Кернъ, мужъ Анны Петровны.

Ода, вероятно, написана в концѣ апрѣля, такъ какъ уже 1 мая Тургеневъ обѣдять пригласилъ Вяземскому пушкинское «сравненіе въ стихахъ Байрона съ графомъ Хвостовымъ: прелестнѣ» (Ост. Арх., III, 121).

Произведенія графа Дм. Нв. Хвостова, курьезныя по своей полной бездарности въ соединеніи съ высокопарнымъ стилемъ, служили постояннымъ предметомъ потѣхи для «арзамасцевъ» и вообще писателей молодого поколѣнія. Особенной популярностью въ этомъ кружкѣ пользовались его недлиныя басни, на которыя въ «Арзамасѣ» сообщалъ сочинялись пародіи; его разсказъ въ баснѣ «Два голубя» о томъ, какъ голубь, понавѣсивъ въ силекъ, зубами перегрызъ петлю, сдѣлался своего рода «крылатымъ слономъ». Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ веселую минуту, пародируетъ оды Хвостова и другихъ старинныхъ нашихъ стихотворцевъ, съ произведеніями которыхъ онъ былъ основательно знакомъ еще со школьной скамьи. Здѣсь высмѣиваются грубые приемы такъ наз. «стремительнаго приступа», темнота выраженій, вызванныхъ потребностью рѣшмы, которыя поэтому требуютъ примѣчаній, нѣрѣдко еще менѣе вразумительныхъ, нежели стихи, къ которымъ они относятся, грубое неблагозвучіе стиха, неудачныя сочетанія словъ, усѣченныя окончанія и т. п. приемы, такъ часто встрѣчающіеся въ старинныхъ произведеніяхъ этого рода. Въ самыхъ формахъ именъ собственныхъ Пушкинъ пародируетъ стариковъ своего времени, такъ какъ пишетъ, напр., «Бейропъ», «Гебея», «Пенна» и пр. По высшей степени комизма пародія достигаетъ въ самомъ ея содержаніи. Уже одна мысль—призвать графа Дмитрія Ивановича занять мѣсто похощеннаго «быстропарнымъ недугомъ» Байрона, какъ защитника угнетенныхъ грековъ противъ ихъ притѣснителей, турокъ, должна была вызывать неудержимый смѣхъ у читателей того времени. Комическое впечатлѣніе еще усиливается удивленіемъ, что Хвостовъ и въ Греціи будетъ «сенаторомъ» и «почтеннымъ литераторомъ». Далѣе развивается сравненіе Хвостова съ Байрономъ, особенно забавное по упоминанію объ ихъ семейныхъ отношеніяхъ. Последняя строфа завершаетъ пародію уже совершенной безмыслицей, теряющей въ патроможденіи мнѣогочисленскія имена, которое влечетъ за собою обширный комментарий, въ свою очередь, являющійся пародіей на примѣчанія къ стариннымъ одамъ.

447. ПРОЗАНКЪ И ПОЭТЪ.

(т. II, стр. 294.)

Напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, ч. I, № 4, стр. 252, съ подписью: А. П.

Поводомъ къ этой эпитаграммѣ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Соч., I, 321), послужилъ не совсѣмъ благоприятный отзывъ его о Цыганяхъ. «Этотъ разборъ», говоритъ Вяземскій,—«навлекъ или могъ бы навлекъ облачко на свѣтлыя мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо поздиѣ. Александръ Алексѣевичъ Мухомовъ, обшій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина онъ убѣдился, что поэтъ не совсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что

Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ: «медленно сложилися и съ камня на траву свалился.» Между тѣмъ, онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи; напротивъ, сколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью. Какъ бы то ни было, взаимныя наши отношенія оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ; молчалъ и я, опасаясь дать словамъ Мухомова видъ силетива, за котораго Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привести въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ, или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе; но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстоило благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваегъ меня въ унорѣ, можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпитаграмму: «О чемъ, прозаникъ, ты хлопочешь?» Полагая, что вопросъ его относится къ цензурѣ, отвѣтилъ, что не предвижу никакого со стороны ея препятствія; между тѣмъ, замѣчаю, что при этихъ словахъ мнѣхъ лица его друга всхлынуло и озарилось краскою—обычною въ немъ примѣтою какого-нибудь смущенія или внутренняго сознанія въ недовѣрствіи положенія своего. Впрочемъ, и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядѣлъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло и кончилось. Уже послѣ смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ эта сцена; заглава печально сама раздалась предо мною; я понялъ, что этотъ прозаникъ—я, что Пушкинъ, легко оскорбленный, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и, наконецъ, хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорбленъ ли я самъ напечатаніемъ эпитаграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня».

448. ДВИЖЕНІЕ

т. II, стр. 294.

«Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха: чортъ его побери. Вотъ тебѣ нѣсколько эпитаграммъ, у меня ихъ пропасть, подбираю невѣнчивѣйшихъ». Такъ писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ началѣ декабря 1825 г., послѣдая стихотворенія: «Совѣтъ», «Славей и Кукушка», «Движеніе», «Дружба» и «Мадригалъ». Всѣ эти стихотворенія были затѣмъ напечатаны въ альманахѣ «По година»: «Ураиія, карманная книжка на 1826 годъ» и оттуда перешли въ изд. 1829 г.

Въ рукописяхъ Пушкина осталась замѣтка, послужившая темою для настоящаго стихотворенія: «Удивлялся цинку, который сталъ ходить передъ человекомъ, отрицаннымъ движеніе. Солнце ежедневно дѣлаетъ то же самое, что Диогенъ, но ничего не убѣждаетъ».

«Брадатый мурецъ», отрицавшій движеніе, Зенонъ Элейскій, философъ 3-го вѣка до Р. X. «Тѣ, что вы называете движениемъ,—говорилъ онъ,—есть только названіе, данное цѣлому ряду одинаковыхъ положеній, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, есть покой. Въ каждой отдѣльной точкѣ пространства предметъ находится въ покоѣ; общая сумма такихъ состояній покоя и называется движениемъ». Ср. П. Чернышевъ, Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ, 326—333.

449. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

(т. II, стр. 294).

Напечатано в «Урагии» Погодина на 1826 г. «Какъ ты отдѣлялъ электиковъ въ своей эпиграммѣ!»—писалъ Пушкину Баратынскій, посылая Урагию. «Тутъ и мнѣ досталось, да и подблѣмъ; я прежде тебя спохватился, и въ одной не напечатанной пьесѣ говорю, что стало очень прилично—

Бытьте жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ».

450. СОВѢТЬ

(т. II, стр. 294).

Урагия на 1826 г. и изд. 1829 г.
Въ альманахѣ стихъ I-й читается:
Поѣбрь: когда и мухъ, и комаровъ

451. САТИРИКЪ И ПОЭТЪ ЛЮБОВНИИ

(т. II, стр. 295).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому, писанномъ въ первой половинѣ сентября 1825 г. къ этому восьмиступенному послужили поводомъ дошедшіе до Пушкина слухи о томъ, что дядя Василій Львовичъ очень обидѣлся шуточкой «Элегіей на смерть Лины Львовны» (см. выше). «Дѣло въ томъ», говорить поэтъ, «что, конечно, Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ». Далѣе слѣдуютъ стихи, объясняющіе, почему Пушкинъ называетъ Вяземскаго братомъ, и вариантъ 5-го стиха:

Василій Львовичъ тонкій, острый.

Можетъ быть, стихотвореніе предназначалось также и для сообщенія обидѣвшемуся дядѣ.

452. БРОВИ ЦАРЬ ПАХМУРИ...

(т. II, стр. 295).

Этимъ стихотвореніемъ начинается письмо къ Барону Дельвигу, писанное изъ Михайловскаго въ сентябрѣ или октябрѣ 1825 г. За стихами слѣдуетъ приписка: «Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова. Поѣблуй его отъ меня въ добъ. Я помню его отрокомъ, вырваннаго изъ-подъ подошкъ иезуитовъ. Благозловно его по имѣ Феба и св. Бобонія безпокоитъ».

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Эристовъ былъ младшимъ товарищемъ Пушкина по Лицею. Племянникъ его, кн. Павелъ Арсѣевичъ Нутягинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Русско-и Старицѣ 1887, говоритъ о близости его къ Пушкину и Дельвигу, о живости и веселости его характера, и приводитъ, будто бы, съ автографа, сочиненный Пушкинымъ акроствихъ на имя: Дмитрій, сути по стиху, очень сомнительнаго происхожденія (см. ниже, въ отдѣлѣ стихотвореній, приписываемыхъ Пушкину). «Куплеты Эристова, вѣроятно, сообщенныя Пушкину Дельвигомъ,—надо думать, шуточные стихи того же разбора, что и пушкинское приращеніе». Въ

рукописяхъ попадается, между прочимъ, такое восьмиступенное, изъ котораго два стиха напечатаны В. Я. Брюсовымъ въ книжкѣ: «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903, стр. 137:

За трапезой царской
Апѣотантъ сидѣлъ,
Съ важностью боврекой
Чинно раковъ ѣлъ.
Фрейлина съ тарелки
Шарикъ ему въ глаза, и ир.

Вѣроятно, это и есть «куплеты» Эристова.

453. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

(т. II, стр. 315).

Послѣ созданія «Цыганъ» Пушкинъ почувствовалъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству. Уже въ этой поэмѣ многія сцены повольно получили подлѣ его перомъ драматическую форму. По словамъ Анненкова, поэтъ говорилъ друзьямъ, что послѣ «Цыганъ» ему открылась новая дорога, о которой онъ прежде и не помышлялъ. Пьсь драмъ, созданныхъ имъ въ періодъ съ 1825 по 1832 годъ, была естественнымъ слѣдствіемъ этого вдохновеннаго открытія (Поліва и о.ч. Соч. Пушкин., III, 5).

Первая зима послѣ невольнаго переселенія Пушкина «въ далекій сѣверный уѣздъ» была для него особенно тяжела послѣ шумной жизни въ Одессѣ; сеора съ отцомъ, тревожное ожиданіе еще новыхъ непріятностей, загнѣмъ почти совершенное одиночество въ обществѣ старухи-няни, изрѣдка прерываемое поздками въ Григорское къ Осиповымъ, да посѣщеніями Святогорскаго архимандрита, этого «духовнаго надзирателя» за оральнымъ поэтомъ,—все это наводило на Пушкина тоску, отъ которой онъ могъ избавляться только успешнымъ чтеніемъ. И онъ всегдѣ погруженъ въ книги: «Книгъ, ради Бога, вини,—это нища души!»—шншетъ онъ брату, безпрестанно требуя присылки то новыхъ журналовъ, то разныхъ сочиненій, о которыхъ узнавалъ изъ журнальныхъ статей или зналъ раньше только по слухамъ. Библия, Четьи-Минен, Карамзинъ, французскіе переводы Шекспира, Шиллера, Альфиери, Вальтера Скотта, курсъ драматической литературы А. В. Шлегеля,—вотъ тѣ книги, которымъ поэтъ удѣляетъ въ эту пору наибольшее вниманіе. Только теперь онъ пристально читывается въ Шекспира и «не можетъ въ себѣ придти отъ изумленія». Его мысли все больше и больше обращаются къ драмѣ; разныя о разныхъ вопросахъ «классической» теоріи, которая въ то время считалась у насъ непреложной истиной, онъ ясно видитъ ея недостатки, формализмъ, условность и все сильнѣе чувствуетъ потребность отрѣшиться отъ литературныхъ предубѣжденій и пойти своимъ, самостоятельнымъ, путемъ. Мало-по-малу, у него въприсовывается планъ оригинальной драмы изъ русской исторіи. Весною 1825 г. онъ уже сообщаетъ этотъ планъ своему старому другу Ник. Раевскому, который и даетъ ему, въ отгнѣтомъ письмѣ отъ 10 мая того же года, нѣсколько общихъ совѣтовъ.

«У тебѣ,—шншетъ Раевскій,—нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести нхъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоить проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, то я желаю бы, чтобы ты справился съ источниками,

которыми пользовался Карамзинъ, а не следовало только его разказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологию прежде, чѣмъ принялся за *Валдеиштейна*. Признаться, я не совсемъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію (бѣлыми стихами. Я думалъ бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всеми богатствами нашихъ многочисленныхъ разборовъ, разумеется, употребляя ихъ не совѣстно, какъ это дѣлаетъ Шаховской, но и не обильная себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ разборомъ, какой принятъ для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія,—я заранее предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности. Ты дашь жизни нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжелъ и безжизненъ; ты сообщишь диалогу движение, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ это было до сихъ поръ; ты доверишь водвореніе у насъ простоты и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, несмотря на прекрасные образцы ее въ *Цыганцахъ* и *Разбойникахъ*. Ты съедешь, наконецъ, поэзію съ ея ходуль», (Майковъ. Пушкинъ, 145).

«Душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію!»—писалъ Пушкинъ 13-го июля 1825 г., кн. Вяземскому: «Смотри, молчи же! объ этомъ знаютъ весьма немногіе».

Примѣняя къ своему новому труду названіе романтической трагедіи, поэтъ, очевидно, хотѣлъ этимъ выразить, что его драма будетъ и по формѣ и по содержанию полнымъ нарушеніемъ классическихъ правилъ, и рѣшилъ какъ можно сильнѣе подчеркнуть это ее несходство съ общепринятыми литературными образцами: онъ не только отказался отъ шестистопного рифмованнаго «александрийскаго» стиха, считавшагося въ то время непрѣмѣннымъ условіемъ трагедіи, но при окончательной отдѣлкѣ пьесы уничтожилъ даже сдѣланное первоначально раздѣленіе ея на дѣйствія и дѣйствительное, пошелъ даже дальше «романтическихъ образцовъ»—Шекспира и Шиллера; онъ яростно разбилъ пьесу на отдѣльныя сцены и даже заглавіе для нея придумалъ въ стихѣ первоначальнаго русскаго театра петровскихъ временъ:

«Комедія о наслодшей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрѣвѣнѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 по сродишѣ Ворончѣ».

Впрочемъ, при окончательной отдѣлкѣ это заглавіе, какъ слишкомъ изысканное и длинное, было сокращено, а для памяти Пушкину поневолѣ пришлось ограничиться только двумя словами: «Борисъ Годуновъ» (какъ и критикъ III Отдѣленія нашелъ неприличнымъ сопоставленіе словъ: «комедія» и «царь»).

«Трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина, да Лѣтониса»—писалъ Пушкинъ Жуковскому 17 августа. «Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! какалъ жизнь! *C'est palpitant comme la gazette d'Iner*, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть, нельзя ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго Колпака или житіе какого-нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василия Блаженнаго въ Четьи-Миневыхъ,—а мнѣ бы очень нужно».

«Карамзинъ очень доволенъ твоими трагиче-

скими завитками и хотѣлъ отыскать для тебя Желѣзныи Колпакъ и акъ»—сообщалъ Пушкину Вяземскій 6 сентября. «Онъ (Карамзинъ) говоритъ, что ты долженъ хотѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь: цѣлоуности и преступныхъ страстей. Онъ постоянно перечислялъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ. Это противоположности, драматическая! Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому, для показанія Карамзину, который мой бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи. Житіе Василия Блаженнаго начекало особю», в пр. Пушкинъ, однако, не хотѣлъ сочинять по чужой указкѣ и потому не воспользовался совѣтомъ пріятели, а постарался отнудиться:

«Благодарю отъ души Карамзина за Желѣзныи Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отогнулъ ему по почте свой дѣлной, который полно мнѣ таскать»,—писалъ онъ Вяземскому 13 сентября. «Въ самомъ дѣлѣ, не пойти ли мнѣ въ юрочные, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я вторую часть моей трагедіи; всѣхъ, думаю, будетъ четыре. Моя Марша—славная баба: вѣстоющая Катерина Орлова,—знаешь ее? Не говори, однако жъ, этого никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Карамзина о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на него съ политической точки, не замѣчая политическую сторону; я его засаку за Евангеліе, заставлю читать повесть объ Протѣ и тому подобное. Ты хочешь плана? Возьми конецъ X-го и весь XI-й томъ, вотъ тебѣ и планъ».

Жуковскій ободрялъ Пушкина въ его работѣ и пророчилъ, что она будетъ для него началомъ лучшей поры. «Ты напишешь такого Годунова, что у насъ всѣхъ будетъ душа прыгать»,—писалъ онъ поэту въ концѣ сентября: «Слава побѣдѣ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ».

Осенью 1825 г. пьеса была уже готова. Пушкинъ читалъ ее навѣстившему его въ деревнѣ лицейскому товарищу кн. А. М. Горчакову, который впоследствии говорилъ, что заставилъ Пушкина выбросить изъ сцены на Девичьемъ Болѣ слово: «одноше»; читалъ онъ ее и своему пріятельно-собрѣду А. П. Вульфъ, какъ самъ говоритъ объ этомъ въ строфѣ 55-й IV главы *Опыта* и ва:

... послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забрѣвшаго обѣда
Наивнѣвъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ укладъ.

Въ началѣ октябрі онъ писалъ Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена, и перечеть ее вслухъ, одинъ, и быть въ ладоши, и кричать «ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ!» Юродивый мой малый презабавный, на Маршу у тебя... — ибо она цѣлкомъ въ собою презирающа протѣ К. Орловой, сказывалъ я тебѣ!» Прочіе также очень мила, кромѣ кангана Маржерета, который все по... бранится цензура его не пропуститъ Жуковскии говорить, что царь меня простить за трагедію, а царь мнѣ милъ. Хотѣю и въ хорощемъ душѣ писана, за шыкашъ не могъ удрятать шесъ-моныхъ ушей подѣ колпакъ юродиваго, Горчака!»

«Я те шшу, это невозможно; боги не дозволятъ, чтобы Годуновъ до мною уничтожился»,—писалъ онъ въ то же время Жуковскому. Житіе

принимаю твое пророчество: пусть трагедія испу-
нитъ меня . . . но до трагедіи ли нашему чер-
ствому вѣку?»

Совершенно закончена была пьеса 7 ноября
1825 г.; эта пьеса выставлена въ бѣловой пуш-
кинской рукописи. Тогда же явились у поэта и
сомнѣнія въ возможности напечатать новое
произведеніе. «Важная вещь: я написалъ трагедію,
и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ вы-
дать»,—писалъ онъ А. А. Бестужеву 30 ноября:
«робкій кусъ нашъ не стерпитъ истиннаго ро-
мантизма...»

Друзья Пушкина, конечно, очень заинтересо-
вались Году но вымъ и желали поскорѣе про-
честъ его. Объ этомъ писалъ ему Баратынскій,
потомъ Катенинъ; Плетневъ просилъ, отъ имени
Карамзина, прислать Бориса для прочтенія: «онъ
никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому
ты ведешь». Пушкинъ, видимо, еще не рѣшался
по огласку—и отговаривался тѣмъ, что пьесу не-
кому переписывать. «Пригласи изъ Опочки для
на три къ себѣ какого-нибудь писака»,—совѣто-
валъ ему Плетневъ (6 февраля 1826). Въ другомъ
письмѣ (27 февраля), Плетневъ сообщилъ, что
Жуковскій «особенно проситъ прислать Бориса.
Онъ бы желалъ его прочестъ самъ и еще (когда
позволишь) на лекціи его». Но Пушкинъ не по-
давался и уже съ досадою отвѣчалъ (3 марта:
«Не будетъ вамъ Бориса прежде, чѣмъ не выпи-
шите меня въ Петербургъ... А ты хорошъ! Ни-
шень миѣ переписывай, да назимай писцовъ
Опоческихъ, да издавай Оубина. Миѣ не до Оуби-
на, Чортъ возьми Оубина! Я самъ себя хочу
издать или выдать въ свѣтъ!».. «Какого ямъ
Борисъ и на какія лекціи? Въ моемъ Борисѣ бра-
нется по—м . . . на всѣхъ языкахъ. Это тра-
гедія не для прекраснаго пола...»

Вызванный государемъ въ Москву, Пушкинъ
въ сентябрѣ и октябрѣ 1826 г., нѣсколько разъ
читалъ свою пьесу въ кругу литераторовъ. Объ
одномъ изъ этихъ чтеній, 12 октября, въ домѣ
Веневитиновыхъ, мы имѣемъ любопытный раз-
сказъ М. П. Ногоди на («Рус. Арх.» 1865, № 1,
стр. 95). Въ числѣ слушателей здѣсь находились:
Н. Я. Чаадаевъ, гр. М. Ю. Вельгорскій, братья
Кирѣевскіе, Хомяковъ, Баратынскій, Шеваревъ,
Мисевичъ. «Мы собрались слушать Пушкина,—
говоритъ Ногодинъ,—воспитанные на стихахъ
Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова,
которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ на-
шимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и об-
разъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то
время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный француз-
скою декламациею, которой мастеромъ считалъ
Коконкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ
въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо
себѣ представить самую фигуру Пушкина: Ожи-
данный нами величавый ирещъ высокаго искус-
ства былъ средняго роста, почти ижезвѣстнй чело-
вѣчекъ, перлявый, съ длинными, нѣсколько курча-
выми по концамъ волосами, безъ всякихъ притя-
жаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ,
принимнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ
черномъ жилетѣ, застѣнутомъ наглухо, въ не-
брежно повязанномъ галстукѣ. Въмѣсто высоко-
парнаго лъва боговъ, мы услышали простую,
искую, обыкновенную и между тѣмъ, поэтиче-
скую, увлекательную рѣчь!»

Первыя явленія послышаны тихо и спокойно,
или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. По-
чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена

дѣйствительствъ съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила.
Миѣ показалось, что мой родной и любезный Пе-
сторъ поднялся изъ могилы и говорить устами
Шмеза. Миѣ послышался жлобий голосъ русскаго
древняго дѣйствительствъ. А когда Пушкинъ дошелъ
до разсказа Шмеза о посѣщеніи Кириллова мо-
настыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ инокѣвъ:
«да исполнитъ Господь покой его душѣ стра-
дающей и бурной»,—мы просто всѣ какъ будто
обезнамятъ. Кого бросало въ жаръ, кого въ
ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало
силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ
мѣста, кто вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ
рукоплесканій... наиримѣрь, при стихахъ Само-
званца:

Тыиъ Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба парекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву миѣ Бориса обрекла!..

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на
друга долго и потомъ бросились къ Пушкину.
Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ,
пошлины слезы, поздравленія...»

Мнѣ же въ члѣ, выслушавъ трагедію, восклик-
нуть: «Tu Shakespearis eris, si fata sinant!» Бар-
атынскій писалъ 26 октября А. А. Муханову,
что «Борисъ»—чудесное произведеніе, которое
составитъ эпоху въ нашей словесности («Рус.
Арх.» 1895, III, 125); А. О. Воейковъ въ сообщалъ
22 ноября Д. М. Перевощикову: «Это—чудо, это—
образецъ силы, ужаса, лыскаго и великаго. Русь
ничего не имѣла подобнаго въ драматическомъ
родѣ. Прочтите ей строки поэту Языкову,—онъ
затрещетъ отъ восторга и соревнованія!» («Рус.
Арх.» 1890, III, 92).

За это чтеніе «Бориса» Пушкинъ немедленно
получилъ выговоръ отъ шефа жандармовъ. «При
отвѣдѣ моемъ изъ Москвы», писалъ ему Бен-
кендорфъ 22 ноября 1825 г., «не имѣя времени
лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ
письменно съ объявленіемъ Высочайшаго соизво-
ленія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ
литературныхъ произведеній вашихъ, до напеча-
танія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ,
представляли бы предварительно о разсмотрѣніи
оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже и
прямо Его Императорскому Величеству... Пыиъ
доходить до меня свѣдѣнія, что вы позволили чи-
тать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами
трагедію. Сіе меня побуждаетъ насъ покорибѣи
просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое
извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы
слишкомъ благомыслили, чтобы не чувствовать въ
полной мѣрѣ етоль великодушнаго къ вамъ мо-
наршаго снисхожденія и не стремиться учинить
себя достойнымъ оного». Пушкинъ немедленно
отослалъ свою пьесу въ ШОдѣ. Собств. Е. П. В.
Кацелерн, а Бенкендорфъ поручилъ ея разсмо-
трѣніе одному изъ своихъ образованныхъ чинов-
никовъ. Отзывъ этого официалаго критика на-
печатанъ М. П. Сухомлиновымъ, «Пзелѣдъ
и статьи», II, 219. Здѣсь указано, что «въ сей
пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены
или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома
Петрѣи Государства Россійскаго, соч. Карамзина,
предѣланные въ разпоры и сцены. Характеры,
происшествія, мѣтѣны,—все основано на сочине-
ніи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Ав-
тору комедіи принадежить только разсказъ, распо-

доказание дѣйствія на сценѣ... Цѣль пьесы—показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ правыхъ своето пѣка. Духъ дѣлано сочиненія—монархическій, ибо нигдѣ не видены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именемъ потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые болѣе увлекаются честолюбіемъ, — но такъ говорить исторіи. Имена—почти всѣ историческія. Литературное достоинство—гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспіру, Гете, Шиллеру; ибо у сихъ поэтовъ, въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣло въ пьесахъ. У Пушкина это—разговоры, напоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторые сцены... истинно занимательны и пародны; но въ цѣломъ «оставъ и вѣтшичаго такого, которое бы показывало дилжныя порывы чувства или пламенное поэтическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало. Нѣкоторые мѣста должно непременно и сключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человекъ съ малѣйшимъ вкусомъ и такъ-то не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнести ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ (напр. слова Маржерета).

Далѣе докладчикъ отмѣчаетъ къ включенію слѣдующія шесть мѣстъ:

1) Въ концѣ сцены III, отъ словъ: «Ахъ, смилуйся, отецъ панъ!» до словъ: «Вбѣщъ за пизъ!» Въ изд. 1831 вся эта сцена была пропущена, и явилась, съ пропускомъ отмѣченныхъ стиховъ, только въ поемртномъ изд.

2) Въ сценѣ VII, отъ словъ Мисаила: «Что жъ ты не подтягиваешь...» до словъ Григорія: «Да кого жъ имъ надобно?»

3) Въ сценѣ IX вся рѣчь Пушкина, начинающаяся словами: «Такой грозъ, что вражд царю Борису...»

4) Въ сценѣ XVII—слова Маржерета: «Tudieu, il y fait chaud!» и т. д., до конца реплики. Въ изд. 1831 г. реплика Маржерета измѣнена слѣдующимъ образомъ: «Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvan'ts, comme il s'appelle, est un brave a trois poils!»

5) Въ сценѣ XVIII—имя юродиваго «Никола». Въ изд. 1831 г. юродивый явился безъ имени.

6) Въ сценѣ XXI—семь стиховъ изъ рѣчи Бориса, начиная словами: «Никъ строгостью мы докажемъ неуспѣшную...»

Въ заключеніе доклада высказывается, что къ напечатанію пьесы «кажется, нѣтъ никакого препятствія. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно, ибо у насъ не видывали патриарха и монаховъ на сценѣ».

14 декабря 1826 г. Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина: «Я имѣлъ счастье представить государю императору комедію вашу о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его Величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною поему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее: «Я считаю, что дѣло г. Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ предѣлалъ комедію свою въ

историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта». Увѣдомля васъ о семъ Высочайшемъ отзывѣ и возвращаю при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считая присоюкнутымъ, что мѣста, обратившія на себя вниманіе Его Величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены в-самой рукописи и заключаются также въ прилаганной у сего выпискѣ».

Пушкинъ отозвался (3 января 1827), что его пьеса, дѣйствительно, болѣе сбивается на историческій романъ, но что онъ уже не въ силахъ передѣлать однажды имъ написанное. На этомъ пока, и остановились его ходатайства о разрѣшеніи напечатать Бориса.

Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, поэтъ, въ видѣ опыта, отдалъ въ только что возникши тогда журналъ Погодина «Московскій Вѣстникъ» сцену Имена съ Григоріемъ, которая и была напечатана въ № 1 этого журнала за 1827 г. Отзывы журналовъ объ этой сценѣ показали только совершенно неподготовленность тогдашней критики къ оцѣнкѣ новаго произведенія Пушкина. Рецензенты, по словамъ «Моск. Вѣстн.», «младенчески» сожалѣли о томъ, что сей отрывокъ писанъ не съ рвѣніемъ. Надѣждлись совѣтовать Пушкину съ жечъ его драму; зяго ескикъ смѣлился надъ нею и пыкалъ готовность промѣнять ее на модную картинку, и пр.

Кромѣ сцены Имена, раибе полнаго изданія Бориса явились: въ «Сѣв. Цѣвтахъ» на 1828 г.—сцена Курбскаго и Самозванца на границѣ, и въ «Денниѣ» 1830 г.—двѣ первыя сцены.

Петербургскіе друзья поэта познакомились съ его новымъ произведеніемъ въ 1827—28 гг. Жуковскій былъ въ восторгѣ: «Годуновъ—превосходное твореніе,—писалъ онъ А. П. Тургеневу,—много глубокости и знанія человѣческаго сердца. Гдѣ онъ (Пушкинъ) все это беретъ?» (Письма Жуковск. къ Тург., изд. Рус. Архива, М. 1895, стр. 230; Крыло въ добродушно поембался надъ комедіей, называя ее «совершеннѣйшимъ уродомъ»; кн. Вяземскій, послѣ чтенія у гр. Даваль (16 мая 1828), гдѣ присутствовали, между прочимъ, Грибѣдовъ и Мицкевичъ, сообщалъ А. П. Тургеневу: «Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя... Писая сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, достаточно развиты, и только раздѣ въ сомнѣтaires des scènes. Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не видишь. Передъ тобою—не куклы на проволокахъ, дѣйствующія по маію закулиснаго фокусника. Но за то, можетъ быть, мало созданы...» (А. С. Пушкинъ по док. Остаф. арх. II, 21). Большинство тогдашнихъ читателей произведеніе Пушкина дѣйствительно было мало понято. «Туди образованные,—писалъ Погодинъ П. М. Мельгунову въ,—но съ предразсудками французской школы, вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются истиннымъ изъмамъ, тому, что монахъ выведенъ на сцену; да и самый простота языка Имена становится для нихъ предметомъ соблазна» («Рус. Арх.» 1884, II, 360). Общее мнѣніе,—говоритъ Анненковъ (Мат., 136)—поражено было новымъ направленіемъ, какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе удали поэтическое откровеніе отъ пародіи эпохи. Наиболѣе расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, численно сильнѣйшіе, не видѣли уже прѣзримаго

слабозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ и сожалѣли о юпошескихъ блестящихъ произведеніяхъ, гдѣ рѣча заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные появившимся въ печати отрывкомъ Бориса, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о классицизмѣ и романтизмѣ былъ оптическій обманъ, которому и онъ самъ поддакъ, и что необходимость преобразованія литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, а дѣйствительно возмужаломъ и измѣнишемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ и смотрѣть съ проницаніемъ свое предположеніе создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но Пушкинъ нашелъ ему оправданіе въ общемъ французско-классическомъ воспитаніи всего современнаго поколѣнія... Вотъ почему онъ и не рѣшался въ ту пору продолжать хлопоты о разрѣшеніи печатанія Бориса.

Въ бумагахъ поэта сохранилось нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ имъ въ разное время, въ 1825—1830 гг. и относящихся къ его трагедіи. Приводимъ ихъ здѣсь.

I.

О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ*)
Переданъ самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе соколышчѣ (небывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) съ Мишинымъ, получая 120 р. оклада. Въ 1630 году находился въ томъ-же чинѣ 1 октября 1619 года у Срътеневыхъ поротъ, съ Макс. Радловымъ, защищая Москву противъ Владислава и Сагайдачнаго. Въ Вязьмѣ принимаетъ возвращающагося изъ плѣна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и послѣмъ въ Польнѣ (о границахъ).

II.

Pour un e préface.—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi—leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

III.

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

IV.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я

*) Пушкинъ описалъ въ имени предка его дяди Григорія Гавриловича. Онъ умеръ въ 1636 г.

выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моеи трагедіи будетъ имѣть вліаніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственныя ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобы она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

19 іюля 1829. Арзрумъ.

V.

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ.... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣнїемъ которыхъ дорожу. Одного не доставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моеи трагедіи, чей теніи одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградою и единственно развлекало по среди уединеннаго труда).

VI.

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрѣнѣ въ В. писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ дѣлописцевъ дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія [оживить въ формѣхъ драматическихъ] одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліаніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его возкомъ и строгомъ изображеніи характеровъ въ обыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ силблѣмъ развитія прощественнаго; въ дѣлописцахъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источникъ богатствъ Успѣхъ ли ими воспользоваться—не знаю. Но крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго въ мнѣ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самыхъ оскорбительныхъ старался я угадать мнѣніе критики, цѣплять со всевозможнымъ хладнокровіемъ въ чуждѣнїи состоятъ ея обмѣнненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такое-то глаголь Обищна выше или ниже другихъ. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ моеи драмы горчилъ бы меня, ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру причинна народныя законы драмы Шекспировой, а не при дворннй обычаи трагедіи Расина и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены.

*) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826.

Ермакъ А. С. Хомькова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано.

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною пятистопный ямбъ, принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивляхъ. А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибаю, лишній добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можеть ихъ избѣгать; если жь ибѣтъ, то ему ибѣтъ нужды стараться замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости пріличія, с п amore, но безо всякой дворанской снѣви. Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворанская снѣва была самое смѣшное. Аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочіихъ сословій, великія извѣія давно раздроблены, уничтожены, и нѣчто, даже если бы... и проч. Принадлежать къ такой аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человека, и усиленное почитаніе къ славіи предковъ можеть только навлечь нареканія въ странномъ безмысліи или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ,—отъ разnochищевъ, вышедшихъ въ дворане, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываясь отъ него я шучу не намбрень, хотя нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ, и никому до него дѣла ибѣтъ.

VII.

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можеть быть, и онѣ обмануть надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, ясибѣ видѣть, можеть быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнующей толпы, но напрасно было бы ему бороться. Такимъ образомъ, *Loge de Vega* и *Rasine* уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни избреть, остается всегда гений; судъ потомства отдѣлитъ золотое, ему принадлежащее, отъ примѣси.

VIII.

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же, главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ неудачу историческій романъ г. Буларина, на-

петь я, что у него о появленіи Самозванца яриходить объявлять царю кн. В. Шуксін. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ насидѣвъ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Буларина также. Все это—драматическіи вымыслы, а не историческое сказаніе. Ошибъ у другого... Но это еще не бѣда, *les beaux esprits se rencontrent*.

IX.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитрѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Великіи были годеть, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрѣньева: Тушинскій воръ, и проч. и проч. и проч.

X.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'éprouvais donc une grande répugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouvo tout cela fort inutile.

Послѣ долгихъ колебаній, Пушкинъ рѣшился, наконецъ, издать *Бориса*, и въ 1829 г., передъ отъѣздомъ на Кавказъ, передалъ свою рукопись Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, «пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, заготовилъ чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.» 20 іюля Плетневъ въ представилъ рукопись пьесы въ III Отдѣленіе; о ней должно было 10 октября государю, который снова потребовалъ перемѣнъ нѣкоторыхъ «слишкомъ трипальныхъ» мѣстъ. Пушкинъ рѣшился отстаивать свободу своего творчества и, наконецъ, 28 апрѣля 1830 г. получилъ желаемое разрѣшеніе: «Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, то его Величество дозволяетъ вамъ ее напечатать подъ собственною вашею отвѣтственностію», — писалъ поэтъ Бенкендорфу.

«Милый! Побѣда!» писалъ Пушкинъ Плетневу въ началѣ мая: «Царь дозволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ вѣрнѣйшій красотѣ... Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Буларина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить о Фадѣѣ Буларинѣ? Кажется, неприлично».

Поэтъ рѣшился обойтись безъ всякаго предисловія.

Книга печаталась съ рукописи, кое-гдѣ исправленной Жуковскимъ въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и вынуждена изъ печати 24 декабря 1830 г. На ея заглавномъ листѣ, вмѣсто прѣжняго названія, выставлено только: «Борисъ Годуновъ», а на оборотѣ: Съ дозволенія Правительства. Затѣмъ, на отвѣльномъ листѣ, напечатано посвѣщеніе:

Драгоцѣнной для Россіи

памяти

Николая Михайловича

Карамзина

сей трудъ, гениемъ его вдохновенный, съ благоволеніемъ и благодарностію посвящаю,
Александръ Пушкинъ.

Въ этомъ изданіи пропущены были сцены III (Движиче Поле) и XII (Уборная Марини), напечатанныя только въ послѣдствіи, въ послѣднемъ изданіи. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Нивалиду» 1831, № 3, при переводѣ съ нѣмецкаго статьи барона Ег. Розена о Борнѣ Годуновѣ, напечатанной въ «Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur», 1833, № 1, была помѣщена «добавочная сцена» въ монастырской оградѣ (см. т. II, стр. 365). Объ этой сценѣ бар. Розенъ отозвался такъ: «Упомянемъ объ одномъ явленіи, не напечатанномъ... по совѣтамъ польскаго писателя Мишковича и покойнаго Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи «Бориса Годунова», позволилъ намъ...» и пр.

Печатный экземпляръ пьесы былъ представленъ государю, объ отзывѣ котораго Бенкендорфъ уведомилъ автора 9 января 1831 г.—Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивъ его предварительно государю, который сдѣлалъ въ немъ поправки. Такъ, въ письмѣ было сказано: «Е. В. Государь Императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борнѣ Годуновѣ», изволилъ отозваться, что чтеніе сего издѣліяго истинческаго творенія доставило ему великое удовольствіе»; государь измѣнилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Е. В. Государь Императоръ поручилъ мнѣ изволилъ уведомить васъ, что сочиненіе ваше «Борнѣ Годуновѣ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ» (Сухомлиновъ. Извѣст. II, 218—233).

Въ «Лит. Газетѣ», 1831, № 1, находимъ извѣстіе, что въ первое же утро по выходѣ книги было раскуплено, по показаніямъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ ея. «Это доказываетъ,—прибавляетъ Газета,—что непривѣтливые журналисты напрасно вникать нашу публику въ равнодушіи къ истинно хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному». Въ той же «Лит. Газ.» 1831, № 1, 2 и 3, были напечатаны и разборъ трагедіи Пушкина. Другія критическія статьи и рецензіи явились въ «Сынѣ Отеч.» 1830, №№ 24—28 (ч. 142, 143, ст. В. П. Даксина); затѣмъ — въ «Колокольникѣ» 1831, № 6 (ст. В. Олипа); «Моск. Телегр.» № 2; «Сиб. Вѣстникъ», № 2 (ст. Яковлева); «Сынѣ Отеч.», № 40 и 41 (ст. Ф. Камашева); «Свѣ. Пчелѣ», № 133 и 167; «Свѣ. Меркурій», № 1; «Телескопъ», № 4 и «Эхо», № 2 (ст. Ф.—д.—Цика). См. еще «Дамскій Журналъ» № 6 и 10 (ст. С. П. Глинки); «Свѣ. Меркурій», № 28; «Изтокъ», № 45.—Сцена Пимена съ Григоріемъ, напечатанная отдѣльно въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 1, разобрана Д. В. Веневитиновымъ въ статьѣ: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr Pouchkine» («Полн. собр. соч. Веневитинова, изд. 1862, стр. 191. См. также «Европеецъ» 1832, ч. 1, стр. 102—123 и 239—278. Кромѣ того, разборъ драмы посвященъ особой брошюрѣ: «О Борнѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ» (М. 1831, 16 стр. перепечат. въ «Рус. Стар.» 1890, т. 68, стр. 445—454, и у Златинскаго, Рус. критич. литература о произв. Пушкина, ч. III, сочиненіе которой приписывалось В. С. Филлипову. Объ этомъ сочиненіи подробно и пономъ произведеній см. Соч. Блдинскаго, изд. Венерова, I, 148).

Въ общемъ, современная Пушкину критика оказалась неподготовленной къ отзывѣ Борнѣ

Годунова и отнеслась къ нему исключительно съ формальной стороны, не находъ въ драмѣ никакого примѣненія къ сценѣ. Большинство отзывовъ сводилось къ тому, что это — не драма, не поэма, не повѣсть, а такъ, какой-то выродокъ, которому нѣтъ имени въ теоріи литературы и который невозможно ни къ чему приспособить. «Никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оценить этого прекраснаго творенія», — писалъ бар. Розенъ Шевыреву. «Кривые толки, косые взгляды, шканье, дурацкіи смѣхъ — вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего во времени Петраки и Тасса былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Кантоліи коронованія. За отсутствіемъ лучшихъ критиковъ, я написалъ рецензію въ «Литературной Газетѣ». Кромѣ того, я еще перевелъ его на нѣмецкій языкъ съ рукописи автора и заслужилъ восторженную благодарность».

Горько привѣтствовалъ Пушкина въ «Литературной Газетѣ» и самъ ея издатель, старшій его другъ и товарищъ, бар. Дельвигъ. Его статья, напечатанная въ №№ 1 и 2 за 1831 г., была его лебединою пѣсню и осталась непоколебимою. Въ «Телескопѣ» 1831, № 4, П. П. Надеждинъ напечаталъ статью: «Бесѣда старыхъ знакомцевъ» — въ защиту Пушкина отъ легкомысленныхъ сужденій, въ примѣръ которыхъ привелъ эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверномъ Меркуріи»:

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
И Пушкинъ надобъ,
И стихъ его не звученъ,
И теній охладѣлъ.
Бориса Годунова
Онь выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова
Увы! на новый годъ!

П. В. Карлѣвскій, въ своемъ журналѣ «Европеецъ», съ горечью отмѣтилъ печальное состояніе нашей литературной образованности и упрекнулъ Пушкина за то, что онъ не пошелъ современныхъ читателей, давалъ имъ такую вещь, которая далеко выше ихъ разумѣній...

Изъ отзывовъ неблагопріятныхъ слѣдуетъ упомянуть объ обширной статьѣ П. А. Полеваго въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1833, ч. 49, №№ 1 и 2. Критикъ особенно осуждалъ Пушкина за посвященіе драмы памяти Карамзина: «Итакъ еще разъ сужденіе было Пушкину запятать данъ своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ классицизмъ, породившій исторію Карамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ романтизма и европейской современности XIX вѣка въ Россіи! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ каразмизмаго Годунова. Этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособить уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его драмѣ только борьбу сильнаго гена, блѣдный отбѣнокъ великой идеи, а подробности должны быть непременно ложны и сбивчивы или бездѣльны... Главнѣйшій упрекъ Полеваго Пушкину заключался въ томъ, затѣмъ Борнѣ представленъ убійцей, а не человекомъ, который, будучи пѣвчимъ, падаетъ жертвою непобѣдимой клеветы.

Петербургскій журналъ отнесся къ Борнѣ, вообще, съ большими похвалами, чѣмъ даже уч-

вля Пушкина. «Ишуть миѣ, что Борисъ мой имѣеть большой успѣхъ» — писали поэтъ Пастернаку изъ Москвы 7 января 1831 г.: «Страшная вещь, непопулярная вещь! Но крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальтера Скотта? Голосъ знатоковъ, конхъ избранимыхъ такъ мало? Крикъ друзей моихъ? Мнѣніе Дюра? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моеи у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалуютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ уналь; что моя трагедія — подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ рѣвъ — не стихи; что самозванецъ не долженъ быть такъ неосторожно открытъ тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно, и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда публичнаго, а о французѣхъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Паризскому бунту и скажутъ миѣ, какъ наши: «Помидуйте-съ». Побойсьно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей изъ конхъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе понугай...»

Катенинъ, однако, отнесся къ Борису Годунову, противъ ожиданія Пушкина, рѣзко-отрицательно. «Это — не драма отнюдь, — писалъ критикъ, строгій классикъ по своимъ убѣжденіямъ, — а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ; и въ этомъ отношеніи слишкомъ многого не достаетъ... Что отъ него пользы бѣлому зрителю? На театрѣ онъ нейдетъ, назойливъ его названіе пьесы, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣеть дѣлу ни достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство? Я его сегодня перечелъ въ третій разъ, и уже многое пропуская а кончила, да подумала: нуль...» («Въ пользу голодающихъ», М. 1892, стр. 253). В. К. Кюхельбекеръ, сначала восторженно привѣтствовавшій Бориса, впоследствии находилъ, что драма Пушкина слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру, и предпочиталъ ей трагедію Кукольника «Торквато Тассо» (Барсуковъ, Жизнь Погодина, II, 110). Зато съ восторгомъ ушавался драмой Пушкина представитель молодого поколѣнія — Бѣлинскій, хотя въ основу его позднѣйшей (1844 г.) критики легла принятая на вѣру отъ Полевого и неправильная по существу мысль, будто Пушкинъ «рабски» слѣдовалъ Карамзину. Новѣйшее изслѣдованіе П. Н. Жданова: «О драмѣ Пушкина Борисъ Годуновъ» (Сиб. 1892) съ полною доказательностью установило, что Пушкинъ работалъ надъ своей драмой независимо отъ Карамзина, провѣряя и взвѣняя его показанія по источникамъ. (Объ отзывѣхъ Полевого, Бѣлинскаго и др. См. во II т. предисловіе О. Д. Батюшкова).

Критика уже давно указывала на извѣстную зависимость Пушкина отъ Шекспира: изученіе историческихъ драмъ Шекспира отразилось не только въ общемъ характерѣ трагедіи Пушкина, но и въ отдѣльных ея сценахъ. Съ этой стороны поучительно сравнить избраніе Бориса на царство съ сценой избранія герцога Глостера («Ричардъ III», д. III, сд. 7); монологъ Бориса: «Достигъ я высшей власти» — съ монологомъ Генриха V: «На короля, все, все на короля» («Генрихъ V», д. IV, сд. 1) и въ особенности — послѣднія наставленія Бориса Осодору со сценою между Генрихомъ IV и принцемъ Уэльскимъ «Генрихъ IV», ч. II, послѣдняя сцена IV дѣйствія.

Военныя сцены также представляютъ большое сходство съ подобными же сценами въ «Генрихъ V». Некоторые примѣки изслѣдователи ищутъ въ Борисѣ слѣды вліянія немецкаго Гетца ф. Берлингерена (Hegneger, Russ. Literatur und Kultur, 1880, S. 189; Weddigen, Gesch. der Einwirkungen der deutschen Literatur auf die Literaturen der übrigen Völker, 1882, S. 166); но, кажется, напрасно. Шкоторое весьма, впрочемъ, общее) сходство Бориса съ Аталіей Расина указано О. Д. Батюшковымъ въ статьѣ «Пушкинъ и Расинъ», въ сборникѣ Памяти Пушкина» перевод. и слуднат. Сиб. унив. (Сиб. 1900, стр. 1—34). Сужденія Пушкина о драматической поэзіи подобраны въ ст. П. К. Козмина «Взглядъ Пушкина на драму» (тамъ же, 179—225).

Борисъ Годуновъ извѣстенъ намъ въ грехъ рукописей — двухъ полныхъ и одной неполной, подробности о которыхъ будутъ сообщены въ статьѣ: «Исторія пушкинскаго текста». Кромѣ того, А. Ф. Олбггннмъ-Отто найдены въ бумагахъ Жуковского и напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1882, № 10, стр. 893, слѣдующій черновой отрывокъ:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Комедія

о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришѣхъ Отрѣньевѣ,

Гѣтонисъ, о многихъ мятежахъ и пр.
Писано быеть Александромъ Пушкинымъ
въ лѣто 7333,
на городѣхъ Порошичѣ.

Послѣ сцены VI.

Гдѣ жь онъ? гдѣ старецъ Леонидъ?
Я здѣсь одинъ, и все молчать,
Холодный духъ въ лицо миѣ дуеть,
И ходитъ холодъ по глабѣхъ...
Что жь это? Что жь знаменуетъ?
Бѣда ли миѣ, бѣда ли Москвѣхъ...
Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!
Царевичъ тѣни кровавой
Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.
Бѣда тебѣ! Главы преступной
Ты не спасешь ни показаньемъ,
Ни Мономаховымъ вѣщаньемъ.

Въ рукописи Румянцевскаго Музея № 2170 трагедіи непосредственно предшествуютъ слѣдующія историческія замѣтки:

«Убіеніе св. Димитрія Чинovníки Владим. Заградской и Никифора Чепчуговъ не согласилсь. Дядька царскій, окольничій Андрей Луи-Кленинъ, предложилъ дьяка Михаила Битюговскаго, сынъ его Данило, племянникъ Никита Качаловъ, сынъ его Осипъ (убійца). Кормилца Димитрія Прина Жданова.

1591 г. мая 15 — Судня: Кленинъ и кн. Вас. Пв. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Шуйскаго, дьякъ Владушинъ. 19 мая съ крутицкимъ митрополитомъ Геласіемъ являюся въ Угличѣ, въ церк. св. Прображенія. Геласій презентъ прошенія за вдовую цариду. Цариду презентуютъ въ пустыню св. Николая на Ваксѣ.

1598. Государственный дьякъ и нечестникъ Василии Щелкаловъ требуетъ прислать во имя думца болреской. Избраніе Годунова.

Ссылки и казни. 1584—87. Дюнисії, мудрый Грамматикъ, замышляютъ съ кн. Шуйскимъ о разводѣ Осодора съ Приною; по клеветѣ взяты подъ стражу кн. Татевы, Урусовы, Кодычевы, Быкасовы, друзья кн. Ш., кн. Андрей Пв. Ш. Псковскій сосланъ въ Каргополь, другихъ заточили въ Вуй-городъ въ Галичъ, въ Шую въ Сибирь. Кн. Пв. Татевъ въ Астрахань; куцямъ отсѣкли головы. Дюнисії и Варлаамъ заточены, 1-й — въ монастырь Хутынской, 2-й — въ Антоніевъ Новгородскій. Кн. Шуйскій удушенъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій, старій бояринъ и воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя государя, братъ Анастасіи. Кн. Шуйскій Псковскій Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Годуновъ, зять Малюты Скуратова. — Осодоръ царствуетъ 14 лѣтъ.

Послѣ убійства Дмитрія до избранія Годунова 7 лѣтъ.

Князья Рюрикова племени: Шуйскій, Спцкій, Воротынкскій, Ростовскій, Телятвскій, и проч.

Затѣмъ начинается программа трагедій:

«Годуновъ въ монастырѣ; толки кнзевъ; вѣсти, — площадь, вѣсть объ избраніи (Годуновъ, юродивый). — Лѣтисець, Отрепьевъ, — Бѣгство Отрепьева.

Годуновъ въ монастырѣ, его раскаяніе; — монахи-бѣглецы. Годуновъ въ семействѣ.

Годуновъ въ совѣтѣ; толки на площади. — Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Прины. — Годуновъ и кодуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ. — Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга бояръ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади — письмо Дмитрія; — вѣче; — убіеніе царя; — самозванецъ възвѣщаетъ въ Москву.

454. ВЪ ГЛУЧИНѢ, ИЗМУЧАСЬ ЖИЗНІЮ НОСТНОЮ.

(т. II, стр. 381).

Изъ письма (начала окт. 1825 г.) къ кн. П. А. Вяземскому. Ср. Перешку Пушкина, изд. В. П. Савинымъ, т. I, стр. 301. О «зубастыхъ голубахъ» см. выше прим. къ № 446.

455. ПОСРѢДНЕ ЦВѢТЫ.

т. II, стр. 381).

Напечатано только послѣ смерти Пушкина, въ Современникѣ 1838, т. IX, стр. 137, и въ посмертномъ изданіи, IX, 200.

Списокъ этого стихотворенія, сдѣланный рукою Ал. П. Вульфа, сохранился въ альбомѣ П. А. Ошоловой, подъ заглавіемъ: «Стихи, писанные по случаю въ позднюю осень присланныхъ цвѣтѣвъ, и съ подписью: А. П. Ночь стихотвореніемъ помѣта: «16 октября 1825».

Бѣлинскій (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) относитъ это стихотвореніе къ числу образцовыхъ апологическихъ пьесъ Пушкина.

456. 19 ОКТЯБРЯ.

(т. II, стр. 381).

Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1827 годъ, съ полною подписью автора, помѣтой: «1825» и выноской къ заглавію: «19 Октября 1811 годъ было открытіе Императорскаго Лицея». Затѣмъ вошло въ изд. 1829 г.

Стихотвореніе было представлено на цензуру Бенкендорфа бар. Дельвигомъ, причемъ изъ рукописи были заранее исключены 7 строфъ, а собственныя имена товарищей обозначены только заглавными буквами. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину 4 марта: «Заглавныя буквы друзей не могутъ ли подать поводъ къ неблагопріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ? это предоставляю вашему разсужденію». Пушкинъ отвѣчалъ изъ Москвы, 22 марта: «Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно пѣссы: 19 Октября. Перемѣнно паншю б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ — и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ, было имъ исключено». Въ печати инициалы товарищей замѣнены были звѣздочками, и пропущенныя 7 строфъ возстановлены только въ 1837 г., Я. К. Гротомъ, напечатанными въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ стихотвореніе Пушкина по автографу, шибъ хранившемуся въ Александровскомъ Лицѣѣ. Въ своей статьѣ: «Автографъ 19 Октября» перепечатанной впоследствии въ книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе наставники и товарищи», Я. К. Гротъ приводитъ, между прочимъ, изъ бумагъ С. Д. Комовскаго слѣдующее восьмистишіе, которое, по мнѣнію ак. Грота, ибродитно, предназначалось для этого же стихотворенія, но не вошло въ него:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И лѣнились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же — проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой...
Гдѣ вы, часы забавы молодой?

Ночь коніей этихъ стиховъ Комовскій сдѣлалъ замѣтку, которая, какъ потомъ было указано П. А. Ефремовымъ, выдаетъ его сочинительство: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Низовѣ штабъ-офицера Алексѣева, изъ квартирѣ косяго жила (одно время) панш поэтъ во время ссылки на югъ». Извѣстно, что Пушкинъ жилъ вмѣстѣ съ Алексѣевымъ изъ Книжнцевъ, въ 1822 г., когда имъ написана была Гаврилада, изъ которой и изъты эти стихи, съ передѣлкою Псковскихъ словъ и со вставкою имени Брольо и Комовскаго. Такимъ образомъ, приведенное восьмистишіе, несомнѣнно, принадлежитъ Пушкинцу, только не сказано внесенными нарочно поправками, и, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ «19 Октябрю».

Не повторяя здѣсь слѣдствій о лицейской жизни Пушкина и о тѣхъ изъ его товарищей, имена которыхъ встрѣчаются въ этомъ первомъ стихотвореніи, посвященномъ Лицею, приведемъ слова Я. К. Грота изъ его статьи: «Старина Царскосельскаго Лицея»:

«Представленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса то у одного, то у другого или

товарищей: сперва — у Тьркува, потомъ — у Яковлева... Яковлевъ, какъ самый пламенный читель лицейскихъ предлѣй, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ звѣстныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался «лицейскимъ Старостой», и квартира его — «лицейскимъ подворьемъ». Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумеется, полу-путочный, отчасти даже бухгалтерскій. Изъ некоторыхъ изъ такихъ протоколовъ сохранились... Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году; здѣсь наизумило П. Пичевскимъ нѣсколько неоконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ въ такомъ порядкѣ: бар. Корфъ, бар. Дельвингъ, П. Пичевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно праздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами. Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ... Стихотворенія Пушкина, посвященные годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ, въ которомъ высказана мысль о празднованіи этого дня до тѣхъ поръ, пока остаются въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ».

Говори именно объ этой заключительной строфѣ пушкинскаго стихотворенія, Б л и н с к і й (Соч., изд. 1865, УП, 383) замѣчаетъ:

«Какая глубокая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполнѣ художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучливый, лишній и чуждой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ, — это не просто поэтическое стихъ, это — поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: слово торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается пѣса полнымъ бодрого чувства стихами... Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою; онъ вырываетъ у ней хоть часть отплатой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ истиннымъ пѣсней, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на «здѣсь» указывалъ ему какъ на источникъ и горя, и утѣшенія и заставлялъ его искать дѣленія въ той же сущности, гдѣ постигла его большия. И, право, въ этой силѣ, опирающейся на внутреннемъ богатствѣ своей натуры, болѣе вѣры въ промыслъ и оправданія путей его, чѣмъ во всѣхъ заоблачныхъ порывающихъ мечтательнаго романтизма».

«...И въ дѣломъ пѣса Пушкина, несмотря на ея значительную величину, вездѣ выдержана и какъ будто въ одну минуту легко и свободно излилась изъ взволнованной души поэта... Это — арія, пропѣтая и вѣдомъ, который вводитъ владѣть своимъ голосомъ, не даетъ промѣнить ни одной ноткѣ, и ослабѣть ни на мгновение отъ начала до конца аріи... Особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ — полная, окончательность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная, не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно успіе высказать чувство, и оттого

стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодovitости. Въ поэзіи художественной соразмѣрность, стройность, полнота и ровность бывають уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой боцценціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бывають ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ, и, прочитавъ его пѣсу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ».

457. ПРЕДЪ РЫЦАРЕМЪ БЛЕСТНГЪ ВОДА.

(т. II, стр. 384).

По рукописи Моск. Музея № 2370 напечатано впервые А н н е н к о в ы м ъ въ приложеніи къ «Матеріаламъ для біографіи Пушкина», съ ошибками, исправленными только въ повѣйшихъ изданіяхъ, (см. исторію текста). Переводъ, вообще, отличается близостью къ подлиннику, допуская лишь незначительныя отступленія; но Пушкинъ не смелъ пужнымъ держаться размѣра итальянской «октавы» и замѣнилъ ее стихомъ, болѣе ему привычнымъ. Для сравненія съ подлинникомъ приводимъ строфу 110:

Era scritto in arabico, che l'conte
Intendea così ben come latino.
Fra molte lingue e molto ch'avea pronte
Prontissima avea quella il paladino;
E gli schivò più volte o danni ed onto,
Che si trovò tra il popol saracino.
Ma non si vanti, se già n'ebbe frutto:
Ch'un danno or n'ha, che può scontrargli il
otutt.

458. СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

(т. II, стр. 385).

По рукописи Моск. Музея № 2368 напечатано впервые А н н е н к о в ы м ъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», съ ошибками, исправленными только В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 42, стр. 333.

Португальскій поэтъ Томашъ-Антоніо Го п з л а, прозванный Digresco (1747—1793), приобрѣлъ большую извѣстность, особенно въ Бразиліи, своими любовными пѣснями въ честь Маріи Брандонъ, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Маріи Современники называли его «португальскимъ Петраркой». Его стихотворенія издавались много разъ и были переведены на французскій яз. въ сборникѣ, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1825 г.: «Collection des chefs-d'oeuvre classiques». Этимъ-то переводомъ, вѣроятно, и пользовался Пушкинъ.

459. Я НЕ РОЖДЕНЪ СВЯТЫНОЮ СЛАВИТЬ.

(т. II, стр. 386).

По рукописи Моск. Музея № 2370 напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 37.

Вольный переводъ начальныхъ 26-ти стиховъ знаменитой поэмы Вольтера, которую Пушкинъ такъ высоко цѣнилъ въ юности. Последние 8 стиховъ заключаютъ въ себѣ обращеніе къ Шапельну, поэту XVII вѣка, автору поэмы «Двѣстленица», подъ которую сдѣланы еще Буало. Приводимъ соответствующіе стихи подлинника, кстати сказать, именно въ этомъ мѣстѣ наименѣе точно переданные Пушкинымъ:

O Chapelain, toi, dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudras bien me prêter ton génie;
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-
Houdart,
Quand l'Iliade est par lui travestie.

460. ГРАФЪ ПУШИНЪ.

(т. II, стр. 393).

Историко-литературныя и библиографич. данныя о «Графѣ Пушинѣ» см. т. II, 387—392.

461. ПЪТЬ А. ШЕНЬЕ

(т. II, стр. 397).

Напечатано впервые въ «Современникѣ» 1836, т. I, безъ подписи, а затѣмъ повторено въ посмертномъ изданіи. Этотъ поэтический и, притомъ, весьма близкій переводъ стихотворенія Шенье пролежалъ въ бумагахъ Пушкина 11 лѣтъ; на рукописи его выставленъ 1825 годъ; но, отдавая его въ печать, Пушкинъ сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія и поставилъ новую пометку: «20 Апрѣля 1835 г.».

Въ стихотвореніи воспроизводится сказаніе о смерти Гераклеса, послужившее канвою для трагедіи Эврипида «Пенелопейскій Гераклъ». Жена Гераклеса Деяпира получила отъ убитаго имъ вептаря доволтую рубашку, причѣмъ кентавръ увѣрялъ ее, что это—талисманъ, имѣющій силу удерживать ея мужа отъ измѣны. Мучаясь ревнивыми подозрѣніями, Деяпира послала эту рубашку Гераклесу. Какъ только онъ ее надѣлъ, адъ, которому она была пропитана, сталъ жечь его. Гераклесъ хотѣлъ сорвать съ себя эту одежку, но она плотно пристала къ тѣлу и причиняла ему невыносимую боль. Тогда герой взомель на гору Эту, сложилъ тамъ костеръ, легъ на него, самъ поджегъ его и въ пламени вознесся на небо. Приводимъ текстъ подлинника:

Oeta, mont ennoblî par cette nuit ardente,
Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
Reçut de son amour un présent trop jaloux,
Victime du centaure immolé par ses coups;
Il brise tes forêts; ta cime épaisse et sombre

En un bûcher immense amoncelle sans
nombre
Les sapins résineux que son bras a ployés;
Il y porte la flamme; il y monte; sous ses pieds
Etend du vieux liou la dépouille héroïque,
Et l'oeil au ciel, la main sur la massue antique,
Attend sa récompense et l'honneur d'être un dieu.
Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu.
Brille autour du héros, et la flamme rapide
Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide!

Пушкинъ, сохранивъ разбѣръ александрійскаго стиха Шенье, отбросилъ обращеніе къ горѣ Эть, замѣнивъ его эпическимъ разказомъ, но во всемъ остальномъ переводъ отличается точностью.

462. КЪ БАРАТЫНСКОМУ

(т. II, стр. 398).

Въ 1824 г. Баратынскій написалъ поэму «Эда», содержаніемъ которой служить исторія олобдѣнной русскимъ солдатамъ и затѣмъ покинутой финляндки. Извѣстія о новомъ произведеніи дошли до Пушкина, и онъ желалъ скорѣе съ нимъ познакомиться. «Что жь чухонка Баратынскаго?» — спрашивалъ онъ брата въ концѣ октября: «Я жду!» Во второй половинѣ ноября онъ снова напоминаетъ брату объ этой поээмѣ: «Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя». 4-го декабря пишетъ: «Присылъ же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она мнѣ сосець и съ нимъ никогда знатся не буду». 8 декабря, въ письмѣ къ Родзянкѣ, Пушкинъ, между прочимъ, сообщаетъ: «Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся—про чухонку), и эта чухонка, говорятъ, чудо, какъ мила. А я—про дыганку; каковы!» Наконецъ, во второй половинѣ декабря онъ снова пишетъ брату: «Присылъ мнѣ Цвѣтотъ, да Эду». Изъ письма къ брату же, въ половинѣ февраля 1825 г., видно, что Пушкинъ, наконецъ получивъ поэму и прочелъ ее; по поводу неумѣренныхъ похвалъ Плетнева, который, сравнивая Баратынскаго съ Байрономъ, отдавалъ преимущественно русскому поэту, Пушкинъ писалъ: «Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ похвалилъ Баратынскому, во Эда все исправить», а въ другомъ письмѣ совѣтовалъ Плетневу не писать «добрыхъ» критикъ. Въ 1826 г., 20 февраля, получивъ уже и печатный экземпляръ поэмы Баратынскаго, онъ сообщаетъ Дельвигу, что сейчасъ отошлетъ Эду въ Тверь. П. А. Осиповой: «Что за предѣсть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разноеобразіе! Гусарь, Эда и самъ поэтъ—всѣмъ говорить по-своему. А описанія финляндкой (описки вмѣсто «финляндкой») природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! чудо!». Въ письмѣ къ Осиповой, написанномъ въ тотъ же день, Пушкинъ говоритъ: «Вотъ пошла поэма Баратынскаго, которую Дельвигъ только что мнѣ прислалъ; это—образецъ граціозности, изящества и чувства. Вы будете отъ нея въ восхищеніи».

Впоследствии, уже въ 1830 г., Пушкинъ, въ отрывкѣ оставшейся незаключенною статьи о Баратынскомъ, говоритъ, что этотъ поэтъ «всѣмъ менѣе пользуется благосклонностью журналовъ... Критика изъяснила по отношенію къ нему или небросовѣстное равнодушіе, или даже несправ-

нечное расположеніе. Не упоминая ужь объ извѣстныхъ путѣвахъ покойнаго Благонима Брепнаго, извѣстнаго весельчачка, замѣтимъ, что появленіе Эды, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотой, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски, означенныхъ, — появленіе Эды подало только поводъ въ неприличной статьѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабую возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ»... Перечтите Эду, которую британки цинично назвали шпичкойной (ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они прощешивій), перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубокою чувствомъ развита въ ней женская любовь, и т. д.

Въ замѣткѣ «Сѣверной Пчелы», которую Пушкинъ находилъ «неприличною», было сказано, между прочимъ, что «чувство любви въ поэмѣ не возвышено и прощешивею совсѣмъ обыкновенно». Эта фраза вызвала возраженіе въ похвальной рецензій на Эду въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1826, ч. VIII, стр. 62—76. Слова Пушкина о «шпичкѣ», по всей вѣроятности, относятся именно къ рецензенту «Пчелы».

Эпиграмма явилась въ печати только въ 1829 г. въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№ 1), причѣмъ въ заглавіи не было буквы Б***, появившейся только въ изд. 1829 г.

463. НОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБЫМЪ...

(т. II, стр. 398).

Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. и затѣмъ въ посмертномъ изданіи.

Это стихотвореніе вызвано вѣстью о смерти красавицы — жены вѣскаго негодянта Амалия Ризничъ, которая, вмѣстѣ съ мужемъ, жила въ Одессѣ въ пору пребыванія тамъ Пушкина и была предметомъ любви поэта. Дочь вѣскаго банкира Ринца, полу-еврейка, полу-итальянка, г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Отдѣвалась она чаще всего въ костюмъ амазонки. Все это придавало ей оригинальность, и многіе увлекались ею. Въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества она не была принята, но всѣ молодые люди, къ этому кругу принадлежавшіе, собирались въ домъ Ризничъ, гдѣ молодая хозяйка поддерживала оживленную бесѣду и часто играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница. Въ наброскахъ Путешествія Оубгина Пушкинъ, между прочимъ, посвятилъ ей нѣсколько строкъ:

Тамъ (въ Одессѣ) монотиваго купца
Блестаетъ рѣзвая подруга...

А ложа, гдѣ, красой блестя,
Негодянтка молодая,
Самодюбива и томна,
Тонпой рабовъ окружена!
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И вавативъ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ дѣтскою пополамъ,
А мужъ въ уду за нею дремлетъ
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Звонеть — и снова захранитъ...

Весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу, а въ началѣ 1825 г. умерла, кажется, въ

Генуѣ. Стихотвореніе «Нодъ небомъ голубымъ...» въ черновой рукописи помѣчено: «Усл. о см. 25», что можетъ значить: «Услышала о смерти 25 июля».

Поэтъ Вас. Пш. Туманскій, подружившись съ Пушкинымъ въ Одессѣ, написалъ на смерть г-жи Ризничъ сонетъ, посвятивъ его Нумову:

Ты на землѣ была любви погуба,
Твой уста дышала сладе розъ...

Стихотвореніе Пушкина, вмѣстѣ съ двумя подлѣйшими: «Заклинаніе» (1828) и «Для береговъ отчизны дальней» (1830), будучи взяты вмѣстѣ, составляютъ, по словамъ Аппенкова, «одну трехчленную лирическую пѣснь». Блудинскій считалъ это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ, задумчивѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина. Къ особеннымъ чертамъ Пушкинской поэзіи, резко отличающимъ ее отъ прежней школы, принадлежатъ его художественная добросовѣстность», говоритъ критикъ (Соч., изд. 1863 г., VIII, 408—409). «Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но неиспытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ действительно. Такъ, напримеръ, онъ знаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его перу издать столько гармоническихъ строень: какой прекрасный случай изобразить свое отчужденіе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки! Но сердце наше — вѣчная тайна для насъ самихъ...»

Объ отношеніяхъ Пушкина къ г-жѣ Ризничъ ср. статью П. Е. Щеголева: «Амалия Ризничъ въ поэзіи Пушкина», «Вѣстникъ Европы» 1904, № 1, статья П. О. Лернера во II т. настоящаго изданія (стр. 276—79) и примѣчанія къ стихамъ: «Для береговъ отчизны дальней».

464. П. С. МОРДВИНОВУ.

(т. II, стр. 399).

По рукописи Моск. Музея № 2367 впервые напечатано Аппенковымъ въ «Материалахъ для біографіи Пушкина». «Перебирая бумаги поэта», пишетъ Аппенковъ, мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ отдѣлу черновыхъ отрывковъ, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и прехвосходную поэтическую картину въ классическомъ родѣ. Отрывокъ этотъ, писанный, вѣроятно, въ 1823 году, кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій оредъ Екатерины, поэтъ Петровъ, на 60-мъ году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: «Его высоконевосходительству адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову» (1796), которая блестяще если не издѣстномъ вѣнней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Она дѣлаетъ ее трогательной, не смотря на отсутствіе поэтическихъ красокъ. Тепло и одушевленіе оды Петрова становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу-поэту справиться съ неопытнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся пѣса есть образецъ негнущаго чувства, не обрѣтающаго поэтической

формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина не только указываетъ на посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его, которую здѣсь выписываемъ:
Твой, о другъ, еще во цвѣтѣхъ раннемъ младости,
Обильный общія плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радости

Ты будешь отчества оплотъ!
Свершеніе надежды
Моими зри днесь вѣжды
И славу сбытія,
Не позыграю ль я?

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старика, развиваетъ ее въ духѣ стремленій къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество такъ называемой классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла (строфа 2-я, есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя 30 лѣтъ поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за нею строфы — уже опять не бодѣ, какъ стихотворныя замѣтки, и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ».

Быть можетъ, ближайшимъ поводомъ для Пушкина въ сочиненіи этого стихотворенія послужила статья Плетнева объ одѣ Петрова, напечатанная въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 г. Тотъ же Плетневъ и около того же времени посвятилъ Мордвинову большое стихотвореніе «Долгъ гражданина» (см. Соч. Плетнева, I, 124 и III, 300). Вообще, Николай Семеновичъ Мордвиновъ (адмиралъ, впоследствии — графъ, 1754—1845), известный своими замѣчательными мнѣніями и докладами по важнѣйшимъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ и бывшій въ свое время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ государственнаго совѣта, пользовался высокимъ уваженіемъ молодого поколѣнія нашихъ писателей. О немъ восторженно отзывался въ своихъ запискахъ П. П. Тургеневъ; Рыльцевъ воспылалъ его въ своей извѣстной одѣ «Гражданское мужество»:

... намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполнень
Екатерины славныхъ дѣей,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О немъ упоминается также и Баратынскій, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Гиббичу:

Когда сей рѣшкй мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ дѣей Фелицъннхъ оставилъ одинъ,
Но смѣло духъ ея хранившій въ вѣкъ новомъ,
Обширный разумомъ и сильный, громкй словъ,
Любовлю къ вѣтвѣмъ и къ роднмъ горамъ,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать царя...

Наконецъ, Пушкинъ, въ одномъ письмѣ къ Видемскому, выразился о Мордвиновѣ, что онъ заключалъ въ себѣ одномъ всю русскую опозицію».

465. ЗИМНИИ ВЕЧЕРЪ.

(т. II, стр. 400).

Напечатано въ «Сверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г., откуда перешло въ изд. 1832 г.

Въ этомъ стихотвореніи отразилась жизнь Пушкина въ Михайловскомъ зимой 1825 г., о которой мы имѣемъ разсказъ Пушкина, посвященнаго поэта въ январѣ того года, и воспоминанія Языкова въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ павѣ Аринѣ Родионовнѣ. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній Языковъ, обращаясь къ павѣ, говоритъ:

Съ какимъ радуніемъ — красою древнихъ
Лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И собы, и цыды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола...
Ты занимала насъ, добра и весела,
Про стародавнихъ баръ пдлинительнымъ
Разказомъ;
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и по-
хвалъ;

Свободно говорила языкъ словоохотной,
И легкіе часы дѣлѣи беззаботно.
(«Свѣ. Цвѣты» 1828, стр. 23).

Въ другомъ стихотвореніи — «На смерти пави Пушкина» («Свѣ. Цвѣты» 1831, стр. 53). Языковъ описываетъ обстановку пушкинскаго дома:

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходить боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извѣстной дорогой,
... древнимъ садомъ окружень,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣеть, — назатихъ почтенный
Елисаветинскихъ временъ.

Вонъ тамъ — обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Поль нечистый, изъ окна
И дверь стеклянная межъ ними,
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столь украсень
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу, —
Мы широкли. Не дичилась
Ты нашей додѣ — и порою
Къ своей всеѣ переносилась
Разгоряченною мечтой,
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей паноры и отпоры
И звонъ стакана о стаканъ.

Шумливй удачал шурушка...
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!

Описаніе пушкинскаго дома много разъ дѣлалось, въ позднѣйшую пору, различными его посетителями. Такъ, еще въ 1837—1838 гг. нековскій губернскай землемѣръ П. в. и оль издалъ двѣ тетради видовъ Некова и его окрестностей. Объ этомъ изданіи помѣщена замѣтка въ «Палестраціи» 1848 г., т. 6, № 9, стр. 137—139, гдѣ

воспроизведенъ и рисунокъ дома Пушкина. Домъ этотъ, деревянный, одноэтажный, уже въ то время обветшавшій, занималъ средину между тинувшимся по обѣ его стороны службамъ; передъ домомъ, съ южной стороны, была небольшая садикъ, а съ другой стороны—двухэтажный рѣка Сорочъ. Въ 1848 г. въ «Сибирской Ашербъ», №№ 247—251, были напечатаны «Путевыя замѣтки» Давида Мадкенича, въ которыхъ также сообщается нѣсколько подробностей о пушкинскомъ домѣ. Въ 1859 г. посетилъ Михайловское К. Я. Тимофеевъ, описавшій его въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. 103, стр. 139—151. Обстоятельное описаніе Михайловскаго находится въ книгѣ-альбомѣ В. П. Острогорскаго и В. П. Максимова «Нувинскій угодокъ», изд. Фишера, М. 1899. Въ настоящее время въ Михайловскомъ мало слѣдовъ пребывания Пушкина: помѣщичій домъ и почти всѣ прочія постройки—новыя. Владѣльцемъ имѣнія была до послѣдняго времени младшій сынъ поэта, Григорій Александровичъ († 1905 г.); теперь же оно приобретено въ казну, и забота о немъ возложена на иркутское дворянство¹⁾.

«Добрая подрузка бѣдной юности», дѣлавшая съ Пушкинымъ уединенное житье въ Михайловскомъ, знаменитая Арина Родионовна, была крестьянка изъ села Кобрина, въ 60 вер. отъ Петербурга, принадлежавшаго пбюгда дѣду Пушкина, Осипу Абрамовичу Ганибалу. Въ 1799 г. она, вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями и двумя дочерьми, подучала вольницу, но не захотѣла ею воспользоваться, и осталась въ семьѣ Пушкиныхъ. Она вынуждена сначала сестру поэта, Ольгу, затѣмъ—его самого и, наконецъ, его младшаго брата Льва и скончалась въ Петербургѣ, въ домѣ своей старшей питомцы, О. С. Навлшевой, въ 1829 г. По словамъ собѣдовъ и прѣтелицъ Пушкина, Осиповыхъ, Арина Родионовна была «старушка чрезвычайной почтенія, лицомъ полная, неслѣдая». Она горячо любила своего питомца-поэта, разсказывала ему сказки, которыми онъ пользовался для своихъ произведеній, иѣла пѣсни, а онъ, въ свою очередь, дѣлился съ нею своими стихами:

И плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой няньѣ,
Подругѣ юности моеи.

говорить поэтъ въ XXXV-й стрфѣ IV-й главы Оубица, несвонной одновременно съ Зимнимъ вечеромъ,—повторяя то же названіе илии «подругой юности». Въ позднѣйшемъ стихотвореніи 1827 г. онъ называетъ ее: «Подруга дней моихъ суроныхъ». Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Покажѣть я одинъ-одинешенекъ, живу педорослемъ, валяюсь на дѣканкѣ, и слушаю старія сказки да пѣсни». Въ послѣдніи къ Языкову, написанномъ въ томъ же году, приглашая поэта посетитъ Михайловское, Пушкинъ обѣщала ему прогнать скуку зимнихъ вечеровъ виномъ и пѣснями. Къ этому средству обращается онъ и оставшіеся вѣднѣи съ няней, въ зимніи сумерки, когда старушка задремала подъ завываніе вѣтра, и передъ ея товарищемъ всталъ призракъ тоски. Чтобы подбодрить свою няню и самого себя, поэтъ обращается къ вину, которое

у него всегда подилось въ запасѣ и было на руку и старушкѣ, по словамъ Осиповыхъ, любившей выпить. Серьезныя, заумныя пѣсни не идутъ; и безъ того скучно,—и поэтъ проситъ няню спѣть веселыя пѣсни про ешичку. «За моремъ ешичка не выпило зила— и про бѣвцу Полицѣ мостовой шла дѣвица за водою». М. П. Подлицовъ предпозлагаетъ, что первая изъ этихъ пѣсень, въ которой говорится о птичьей свадьбѣ, принадлежала Пушкину потому, что въ ней ему, можетъ быть, сдѣлался измѣкъ на его одесскую привязанность:

Есть за моремъ перенелочка;
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка,
Ту я люблю, ту за себя возьму.

По мнѣнію П. О. Сумцова («Пушкинъ» 107—129), отдѣльные образы и выраженія въ «Зимнемъ вечерѣ» можно вывести изъ раннихъ юношескихъ впечатлѣній и юношескихъ записокъ памяти. Для сравненія приводятся стихи изъ разныхъ пѣсень, напр. «Къ Натанѣ» (1816 г.):

Скоро, скоро холодъ зимній
Рошу, поле посетитъ,
Огонь въ лапчужкѣ дымной
Скоро ярво заблеститъ,

и другіи параллели, гдѣ говорится о зимѣ, зимней выюгѣ, холодѣ и пр. Едва ли, однако, можно считать позднѣйшее стихотвореніе отголоскомъ этимъ болѣе раннимъ: въѣдъ одинаковы картины, естественно, вызываютъ и одинаковое настроеніе, а слѣдовательно—и одинаковыя слова.

Бѣлинскій относитъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ чисто-лирическихъ произведеній, не различныхъ отъ пѣсней, въ которыхъ элементъ лирики является элементомъ чисто-субъективныхъ ощущеній, гдѣ «въ безчисленное много-различіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи, ощущеній, которые такъ безотчетно, такъ особенно возникаютъ въ темнотѣ и напей шутренности, освобождаются дѣвъ отъ своей особенності, т. е. отъ исключительной принадлежности мнѣ,—и выпариваются на свѣтъ, окрыленные фантазіей». Но замѣчательно критика, такія стихотворенія вмѣстѣ съ пѣсней, составляютъ исключительно лирику нашего времени. Къ числу лучшихъ и задумевѣйшихъ произведеній этого рода онъ и относитъ «Зимній вечеръ».

466. П. П.

(т. II, стр. 100).

Напечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1826 годъ и затѣмъ—въ изданіи 1829 г. Въ альманахѣ ст. 4-й читается иначе:

Василья Пушкина, . . . кова,

т. е. какъ объяснилъ впоследствии Анисковъ,— «Маркова». Въ обоихъ текстахъ вмѣсто имени поставлены инициалы и звѣздочки. Стихи: «К***, дальній вашъ родня» вызвали неодобрельствіе со стороны подозрительнаго Н. А. Катенина, который приписалъ его на свой счетъ и поспѣшилъ написать Пушкину, 1 февраля 1826 г.: «Въ Невскомъ Альманахѣ» (издателю долженъ быть сашкомъ добрый человекъ! поэтъ Подслова et сошраgnie стоитъ кавой-то К*** дальній вашъ (чужъ) родня. Мои совѣсть чиста, ибо я по сію пору ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ни-

¹⁾ О Михайловскомъ нашихъ дней еще будетъ сказано въ нашемъ изданіи. *Ред.*

чего не печаталъ; но злые люди!» Пушкинъ, вѣроятно, успокоилъ своего мнительнаго пріятеля.

«Невскій Альманахъ» издавался, начиная съ 1825 г., Егоромъ Васильевичемъ Аладьинымъ (ум. 14 августа 1860), авторомъ нѣсколькихъ плохихъ повѣстей и стихотвореній. Альманаха этого вышло всего 10 книжекъ въ 1825—1833 гг. и 2 книжки въ 1846—1848 гг. Изъ произведеній Пушкина въ немъ были помѣщены: отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (1827), сцена изъ Бориса Годунова (1828), отрывокъ изъ Онегина (1829) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Изъ упомянутыхъ въ стихотвореніи лицъ Иванъ Ермаковичъ Великопольскій—авторъ Сатиры на игроковъ, вызвавшей въ 1828 г. юмористическое посланіе Пушкина (см. ниже). Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (1788—1844) служилъ въ молодости при Воронцовѣ въ Одессѣ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ, съ которымъ былъ потомъ въ перепискѣ; послѣ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, наконецъ—почетнымъ одесскаго учебнаго округа. Онъ печаталъ статьи въ разныхъ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, составилъ «Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ» (СПб. 1822). См. «Воспоминаніе о Д. М. Княжевичѣ» П. Гр. (Греча) СПб. 1860.

Хвостовъ печаталъ впервые въ «Невскомъ Альманахѣ» 1825 г. извѣстное свое «Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя».

467. БУРЯ.

(т. II, стр. 301).

Печатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, № 2, стр. 91, причѣмъ 7-й стихъ читался:

И вѣтеръ поплъ и дѣталъ

эта ошибка была исправлена въ изд. 1829 г.

Наибѣе воспоминаніями о жизни поэта на югѣ. Л. Н. Поливановъ, сравнивая это стихотвореніе съ «Зимнимъ вечеромъ», говоритъ: «Замѣчательно художественъ самый выборъ двухъ противоположныхъ фигуръ, которыми оживлены обѣ картины и ихъ обстановка: тамъ—уныло дремлющая за веревенкомъ старушка, здѣсь—дѣва, смѣло стоящая въ бурю и грозу на верху прибрежнаго утеса въ своемъ блѣдомъ покрывалѣ, которымъ играетъ вѣтеръ; тамъ—печальная темная лачужка, здѣсь—безпредѣльное море и небо, терпящаяся въ бурной мглѣ, по временамъ озаряемая алымъ блескомъ молніи. Обнимъ картинамъ поэтъ сумѣлъ сообщить высшую степень правды и красоты».

468. ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...

(т. II, стр. 3).

Первые 4 стиха были напечатаны въ «Матеріалахъ» Ашпенкова, который отнесъ ихъ къ 1826 г. и почему-то пропустилъ другіе 4 стиха, а также не обратилъ вниманія на измѣняющуюся въ рукописи поэмту: «Триг. 23, Триг. 22». Эти послѣдніе 4 стиха напечатаны только въ 1903 г. въ книгѣ П. А. Шляпкина: «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», съ указаніемъ, что ихъ должно относить къ 1825 г. Проф. Шляпкинъ видѣлъ въ этомъ стихотвореніи намеки на А. П. Керъ и Е. П. Вульфъ; П. Е. Щеголевъ съ большою доказательностью относитъ его къ графинѣ Е. К. Воронцовой.

469. Я БЫЛЪ СВИДѢТЕЛЕМЪ...

(т. II, стр. 302).

По рукописи Моск. Музея № 2370 впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 29.

470. ШУМНТЬ КУСТАРНИКЪ...

(т. II, стр. 302)

По рукописи Моск. Музея № 2367 впервые напечатано (невѣрно) В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 42, стр. 331.

471. ЛИШЬ РОЗЫ УВИДАЮТЪ...

(т. II, стр. 302).

По рукописи Моск. Музея № 2370 впервые напечатано, съ ошибкою въ 4-мъ стихѣ В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 30. На томъ же листѣ рукописи находится нѣсколько французскихъ стиховъ, крайне нечеловѣчныхъ, въ которыхъ можно узнать оригиналъ этого отрывка:

Ses manes [embaumés] parfumés

Vont charmer du Lethé les bords inanimés,

и пр. см. ист. текста).

472—474. Объ этихъ наброскахъ см. въ исторіи текста.

П. Морозовъ.

ПУШКИНЪ и ШЕНЬЕ.

Французская муза сберегла все, что было наиболее чистого в души и тѣни Шенье, и, когда засыли лучшіе дни, она зажгла этою божественною искрою вдохновеніе въ сердцахъ молодыхъ поэтовъ, чѣмъ предтечею онъ былъ, на зло его безвременной смерти... Такъ говоритъ современный французскій критикъ и историкъ литературы, Жоржъ Пеллисье, характеризующій значеніе творчества Андре Шенье въ исторіи постепенной эволюціи французской поэзіи. Взглядъ на автора «*Le jeu de raime*» и «*La jenne Sarpive*», какъ на предшественника поэтовъ XIX вѣка, въ частности сторонниковъ романтическаго движенія, какъ на посредника между двумя эпохами, все мысли, порывы и симпатіи котораго были обращены къ будущему,—этотъ взглядъ раздѣлялся вообще довольно многими писателями минувшаго столѣтія. Временами, впрочемъ, раздавались и противоположные голоса (мифій Брюнегьера, Фазэ, Бертрапа и др.), утверждавшие, что между міросозерданіемъ и художественными приемами Шенье—и идеалами новаго времени нѣтъ ничего общаго. Во всякомъ случаѣ, интересъ въ безвременно погибшему поэту былъ довольно великъ въ XIX вѣкѣ, который готовъ былъ, вопреки всѣмъ хронологическимъ датамъ, считать, его своимъ поэтомъ. Это не удивить насъ, если мы вспомнимъ, что, даже независимо отъ тѣхъ предвѣстій новаго времени, какія можно все же отмѣтить въ творествѣ Шенье, почти всѣ его сочиненія относятся въ разрядъ «посмертныхъ» и были изданы лишь въ XIX столѣтіи. Въ самомъ дѣлѣ, при жизни поэта были напечатаны только двѣ его вещи: «*Le jeu de raime*» (1791) и «*Hymne sur l'entréee triomphale des suisses révoltés du régiment de Chateauneuf*» (1792); объ его поэтическомъ дарованіи знала только очень небольшая, тѣсная группа друзей, вроде Леброна, Денанжа, Тюдэна. Даже послѣ его смерти въ XVIII вѣкѣ было напечатано еще только одно стихотвореніе,— правда, очень яркое и выдающееся: «*La jenne sarpive*» — въ «*Décade philosophique*» отъ 30-го нумера III года республики. Все остальное, начиная съ «*La jenne Tarentine*», появившейся Шенье— еще очень несовершенное изданіе его сочиненій (Латюша вышло въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ его трагической кончины, въ 1819 году. Къ прошлому столѣтію относятся и всѣ разнообразныя, иногда— очень цѣнныя и интересныя попытки отмѣтить главные мотивы поэзіи Шенье, опредѣлить историческое значеніе его творчества, а также установить основные факты его біографіи, вначалѣ очень мало разработанной и не выиспанной¹⁾. Такимъ образомъ, Андре Шенье, несмотря

на то, что его жизнь оборвалась еще въ 1794 г., является во всѣхъ отношеніяхъ поэтомъ XIX столѣтія, сумѣвшимъ понять и одушевить его, и въ лицѣ многихъ очень выдающихся поэтовъ западнаго данъ увлеченію его творчествомъ, отголоски котораго чувствуются подчасъ и у Ламартина, и у Виктора Гюго, и у Мильвуа, и у Жозефа Дезорма (псевд. Сентъ-Бена), и у Альфреда де Вивиы, и у Мюссе, и въ особенности у поэтовъ Парнасской школы — Леронта де Лилл, Эредія и др.

Въ настоящее время уже нельзя повторять, безъ всякихъ оговорокъ, столь горячо и рѣшительно высказывавшагося раньше мифію, будто Шенье былъ предшественникомъ или родоначальникомъ французскаго романтизма. Это мифій, которое, какъ справедливо замѣтилъ Эмиль Фазэ, объяснялось желаніемъ романтиковъ пойти въ прошлое выдающихся писателей, къ которымъ они могли бы возводить свое движеніе, на которыхъ они могли бы операться въ своей борьбѣ съ устарѣвшими, неизбежными правилами и кодексами. Но что отдѣльными черты, предвѣщающія романтизмъ и вообще новую европейскую поэзію, встрѣчаются въ произведеніяхъ Шенье, это не подлежитъ сомнѣнію. Всего лишь чувствуется это въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ старается выразить грусть, меланхолію, безотчетную задумчивость, охватывающую его душу; нѣкоторыя его элегіи особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи. Заслуга Шенье, несомнѣнно, состояла въ томъ, что онъ вообще внесъ во французскую поэзію болѣе свѣжій, непосредственный, полный жизни и огня элементъ чистаго лиризма, придалъ своему творчеству, въ значительной степени, субъективный, индивидуальный характеръ, порвалъ съ тѣмъ условнымъ, искусственнымъ жанромъ, который полновластно царилъ во французской поэзіи того времени, постепенно утратившей предельно истиннаго вдохновенія, лишенной способности могущественно вліять на человѣческую душу. XVIII вѣкъ, оставившій таковой замѣтнѣйшій слѣдъ въ другихъ областяхъ, ознаменованный для Франціи извѣстностью цѣлаго ряда даровитыхъ, смѣлыхъ и независимыхъ мыслителей, былъ въ области поэтическаго творчества періодомъ упадка и застоя. Стоитъ сравнить искреннія, чисто-лирическія стихотворенія Шенье съ произведеніями такихъ авторовъ, какъ аббатъ Деландъ и Жанъ-Ватнеть Руссо, чтобы убедиться въ томъ, что авторъ «*La jenne Tarentine*», дѣйствительно, былъ провозвѣстникомъ новой эпохи и какъ бы противопоставилъ руку изъ преддверія XIX вѣка тѣмъ, кому суждено было жить и дѣй-

¹⁾ Лучшія изданія сочиненій Шенье—Бека де Фукиера (1862 и 1872 г.) и племянника поэта, Габріэля Шенье (1874 г.). Въ 1900 году напечатаны были нѣкоторые изданія, раньше, прозаическія сочиненія Шенье.

²⁾ О жизни и дѣятельности Шенье см. Л. Becq de Fouquières, «*A. Chénier sa vie et ses œuvres*»

(въ его изданіи сочиненій Шенье, 1872; E. Faguet, «*A. Chénier*»—въ коллекціи «*Les grands écrivains français*» 1902; Louis Bertrand, «*La fin du classicisme et le retour à l'antique*», 1897; Georges Pellissier, «*Le mouvement littéraire au XIX-e siècle*», 1890; E. Caro, «*La fin de XVIII-e siècle*», 1880; Brunetière, «*L'évolution de la poésie lyrique*»; нашу статью «*Андре Шенье*»—въ книгѣ «*Литературныя Очерки*», 1900 г.

ствовать въ этомъ видѣ. Еще Сентъ-Бевъ сопоставлявши въ одномъ изъ своихъ «Portraits littéraires» имени Андра Шенье и сатирика XVII столѣтія Матюрена Реше, замѣтилъ, что «Реше заимчиваетъ собою известную эпоху, а Шенье открываетъ новую»; «Шенье кладетъ основаніе поэзіи будущаго и приноситъ свѣту новую лиру». Подъ этими словами можно и теперь подписаться!

Внося новыя, правдивыя, идущія отъ сердца звуки въ родную поэзію, Шенье съ вѣнчанной стороны является, прежде всего, поклонникомъ всего античнаго. Онъ, видимо, очень гордился тѣмъ, что мать его была гречанка (урожд. Santi L' Ношака), иногда называя себя самъ «Andreas C. Byzantinus» (онъ родился въ Константинополѣ, 30 октября 1762 г.), мечталъ отправиться въ Грецію и посѣтить тамъ всѣ достопамятныя мѣста, съ большимъ интересомъ и увлеченіемъ осматривалъ Римъ и его древности, еще въ годы отрочества занимался переводомъ изъ классическихъ писателей. Въ различныхъ изъ сочиненій опредѣленно отражается его знакомство съ произведеніями Гомера, Пиндара, Эоокрита, Аристофана, Сократа, Платона, Виргиля, Горация, Овидія, Катюлла, Тибулла и многихъ другихъ. Въ подражаніе античнымъ авторамъ, Шенье пишетъ элегіи, идилліи, эклоги, эпиграммы; употребляетъ греческія и римскія имена, обозначая ими, напр., любимыхъ имъ женщинъ, которыхъ онъ неоднократно прославлялъ въ своихъ стихахъ; пользуется сравненіями, метафорами и т. п., заимствованными изъ античныхъ литературъ. Но эта симпатія къ древнему міру относитъ не лишала Шенье самостоятельности, не превращала его въ простаго подражателя. Его дѣлью было—соединить античныя приемы съ современными мыслями. Въ одной изъ своихъ поэмъ онъ призываетъ новыхъ поэтовъ заимствовать у греческихъ и римскихъ авторовъ краски, чтобы передать свои собственныя мысли, зажечь свои факелы у ихъ поэтической огни, создавать типичные стихи съ новыми, современными содержаніемъ. «Sur des pensées nouveaux faisons des vers antiques». Можно, конечно, возражать противъ желанія облекать современные идеи въ древне-греческій или римскій пардъ, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что классическія симпатіи Шенье были совершенно особаго рода. Ихъ нельзя сравнивать съ тѣмъ условнымъ, традиционнымъ классицизмомъ, который такъ долго царилъ во французской литературѣ и только у писателей съ очень крупнымъ и сильнымъ дарованіемъ не превращался въ спомощество чего то незамѣтнаго, искусственнаго, безжизненнаго. Прибавимъ, что увлеченіе античнымъ творчествомъ, въ частности анакреонтическимъ жанромъ, не мѣшало юному поэту, болѣе или менѣе интересоваться уже въ эту пору и серьезными, насущными вопросами, которые занимали въ XVIII столѣтій философовъ и мыслителей. Отраженіемъ его знакомства съ идеями просвѣдательной эпохи должны были явиться заманчивыя и частью уже начатыя имъ формы («La superstition», «L'invention» (антитеза прогресса и неустанной, побѣдоносной работы мысли) и особенно—«Ferges», гдѣ должна была заключаться вся исторія земли отъ первобытнаго, дикого ея состоянія до эпохи развитія общественной и политической жизни, успѣховъ культуры, основаній крупныхъ государствъ и т. п. Именъ Буффона, Мабби, Руссо, аббата Рейналя и др. должны были зель въ основаніе этой поэмы, одну изъ

присѣнь которой Шенье хотѣлъ посвятить изложенію «Contrat social» Руссо.

Но мѣръ приближенія къ 1789 году, міросозерцаніе и творчество Шенье стало мѣняться. Это сказывается, напр., въ его гимнѣ «Къ Франціи» (1788 г.), гдѣ онъ описываетъ съ несвойственно ему раньше энергіею безправное и прищипанное положеніе обираемаго и притѣвляемаго правящими и состоятельными классами народа и обращается съ прочувствованными словами къ «святому равенству», призывая его разбить ступени надъ странною зракомъ. «O saint! Egalité! dissipe nos ténébres! Renverse les verroux, les bastilles funébres». Революціонныя событія заставили искорѣ Шенье окончательно порвать съ изыщнымъ эпикурействомъ и безобиднымъ анакреонтическимъ жанромъ, которому онъ раньше предъко платилъ дань, и сдѣлаться идейнымъ поэтомъ-бойцомъ. Въ теченіе этого второго періода своей литературной дѣятельности, занимающаго всего нѣсколько лѣтъ, Шенье создалъ рядъ стихотвореній, предвѣщающихъ самыя яркія образцы политической поэзіи XIX столѣтія, вродѣ «La cigée» Барбье, идейныхъ стихотвореній Виктора Гюго и т. д. Не принадлежа къ крайнимъ революціонерамъ, сочувствуя жирондистамъ, высказываясь противъ ненужныхъ жестокостей и рѣзко, безстрашно выступая противникомъ якобинцевъ, поэтъ вплоть до своей трагической кончины (13-го іюля 1794 года—или седьмого термидора второго года республики) не переставалъ откликаться на животрепещущіе вопросы родной жизни и открыто заявлять о своемъ нецѣлѣнномъ сочувствіи свободѣ, какъ бы ни искажалось и ни профанировалось подчасъ это великое понятіе. Его предсмертныя стихотворенія, написанныя въ тюрьмѣ Saint-Lazare, дышатъ необыкновенною силой негодованія, гражданской скорби и непримиримой ненависти къ тѣмъ, кто такъ далеко ушелъ отъ свѣтлыхъ принциповъ 1789 года,—«ces bonreaux, barbouilleurs de lois, ces tyrans effrontés de la France asservie, égorgée». Неданннй эпикуреецъ, поклонникъ буйколической и анакреонтической поэзіи, превратился въ автора негодующихъ и карающихъ «ямбовъ», и взнесъ на эшафотъ, какъ выразитель опредѣленнаго міросозерцанія...

Трагическая судьба и слѣшкомъ поздно оцененный талантъ Шенье въ свое время привлекли вниманіе цѣлага ряда русскихъ писателей, изъ которыхъ нѣмѣ выступили въ качествѣ переводчиковъ или передѣлывателей его стихотвореній, другіе открыто заявили о своемъ сочувственномъ отношеніи къ его личности и творчеству. Въ разное время его переводили П. Козловъ («La jeune captive», «Euphrosine», «Accours, jeune Chromis», нѣсколько возныхъ переводовъ и передѣлокъ и т. д.), Языковъ, Туманскій, Майковъ («J'étais un faible enfant...»), Фетъ, Вейнбергъ, Ахутиный, Алексѣй Толстой («L'amour laboureur», «Vaccinus» и др.). Лермонтовъ написалъ стихотвореніе «Изъ А. Шенье» («За дѣло общее, быть можетъ, я паду»), которое является, однако, не переводомъ какой-либо нѣмѣ французскаго автора, а поистинѣ возродитъ, вдохновляясь его же сочиненіями, его предсмертныя думы, воспоминанія о прошломъ, тщетныя старанія угадать будущее. Гораздо болѣе значенія имѣетъ строфа LXXIX изъ поэмы «Сашка» гдѣ, при изображеніи трагическихъ событій революціонной поры упоминается, между прочимъ, о томъ, какъ

«высокого чела не уберечь» и даровитый поэт, «чья жизнь лира напрасно по всеобщей разнице все, все, что онъ считалъ своей душою»,— слова, мечты, съ надеждой и тоскою». Подобно этому впоследствии (1842 г.) графиня Ростопчина въ стихотвореніи, посвященномъ Шенье, коснулась трагической гибели «юного узника», «мученика молодого», который «вещицы и велики, палъ гордо подъ враждой презрѣвъ гонителей, ихъ злобу и угрозы». Русская писательница съ вторично говорить объ авторѣ «La jeune captive», называя его своимъ «любимцемъ межъ всѣхъ дружныхъ поэтовъ», признавала, что она много разъ перенимала похвалы его надеждъ и страданій— «и съ чувствами его и мыслями сроднилась».

Среди русскихъ писателей, интересовавшихся жизнью и поэзіей Андрея Шенье, Пушкину принадлежить наиболѣе видное мѣсто. Онъ то и положилъ начало интереса къ Пушкину въ русской литературѣ и его знакомства съ Шенье относится къ болѣе ранней порѣ, чѣмъ примѣры подобнаго же знакомства, встрѣчающіеся у другихъ писателей. Еще въ одѣ «Вольности» мы находимъ—во второй строфѣ—четыре стиха, относящихся къ французскому поэту, который, правда, не названъ здѣсь по имени:

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла,
Кому сама, средь грозныхъ бѣдъ,
Ты гимны смѣлые винувала!

Желая порвать съ «Цитеры слабою дарницей», «разбить извѣщенную лиру» и выступить въ роли ибиды свободы, обличителя произвола и угнетенія, Пушкинъ невольно вслѣдствіи одного изъ наиболѣе яркихъ представителей идейной, тенденціозной поэзіи во Франціи и въ этотъ моментъ хотѣлъ идти по его слѣдамъ, вдохновляясь его смѣлыми ибидами.

Въ 1820 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Доридѣ», начинающееся словами «Я знаю: я люблю; для сердца нужно вѣрить»; эта маленькая вещьца, до извѣстной степени, навѣяна одною изъ элегій Шенье, а заключительный стихъ («Плаксовыхъ именъ младенческая пѣвность») представляеть собою точный переводъ съ французскаго. Въ 1823 году, въ черновыхъ наброскахъ къ шекспиру, которое Пушкинъ отправилъ (въ сокращенномъ видѣ) къ П. Вяземскому изъ Одессы, что полюби, мы находимъ слѣдующія строки, относящіяся къ Шенье и несмотря на извѣстныя оговорки поэта и его нежеланіе признать автора «La jeune captive» предшественникомъ романтизма, дышащая искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ: «Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣють новый образъ, и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ эласковъ классики. C'est un imitateur savant. Отъ него такъ и пахнетъ Теоокритомъ и Анакореѣй. Онъ освободивъ отъ итальянскихъ сопсетти и отъ французскихъ antithèses; но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли». Къ 1824 году относится стихотвореніе Пушкина «Ты вянешь и молишь, печаль тебя сѣдлаетъ», представляющее собою, какъ указываетъ и самъ авторъ, подражаніе Андрея Шенье. Въ данномъ случаѣ Пушкинъ вдохновлялся (кое-гдѣ можетъ даже идти рѣчь о настоящемъ переводѣ) элегій Шенье «Jeune fille,

ton coeur avec nous veut se taire»,—красивою, изящною вещью, входящею въ составъ первой книги элегій французскаго поэта («Méditations—voûtes»). Въ томъ же году, въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Одессы, Пушкинъ приводитъ два стиха изъ «Юной узницы», говоря о «Бахчисаритскомъ фонтанѣ» и настаивая на томъ, что это поема является только переложеніемъ разказа «молодой женщины» (Раевской): «Радуюсь, что мой Фонтанъ въ шумитъ. Недостатокъ плана—не моя вина: Я суетливо переказывала въ стихи разказъ молодой женщины».

Aux douces Flix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve».

1825 годъ пронесъ съ собою извѣстное стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье», съ эпиграфомъ изъ той же «Узницы»: «Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois s'éveillait». Много оно доставило неприятностей поэту (см. выше примѣч. къ № 428). Но любопытно, что тѣ неприятности и тревоги, которыя были связаны съ стихотвореніемъ, заключающимъ въ себѣ воззвѣщеніе дарованія и благородной природы Шенье, стивидъ не заставили Пушкина охладѣть къ французскому поэту и прекратить свои переводы изъ его сочиненій. Еще въ томъ же 1825 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Изъ А. Шенье» («Покровъ, умиленный взвѣтливую кровью, Кентавра метящій даръ, ревнивою любовью Алкиду передавъ, и т. д.), представляющее собою очень вольный и мѣстами—нѣсколько тяжелый по языку переводъ небольшого отрывка «Hercule»—изъ серии «Poesies antiques». Въ 1827 году онъ выступилъ съ переводомъ извѣстнаго стихотворенія «Près des bords où Venise est reine de la mer» («Близъ мѣстъ гдѣ царствуетъ Венеція златая»; эта вещь, написанная Шенье въ подражаніе итальянскому сонету Цанни, была впоследствии переведена Козловымъ и озаглавлена имъ «Графиня Леббельтеръ» (Надъ темнымъ заломомъ, вдоль звучныхъ забѣй Венеціи, моря дарница...; но гдѣ она подходитъ къ тѣмъ оригинальнымъ стихотвореніямъ, въ которыхъ Пушкинъ выражалъ свой взглядъ на призваніе поэта и отношеніе послѣдняго къ суду общества, славы и т. д. Что Пушкинъ и въ дальнѣйшемъ вспоминалъ иногда о произведеніяхъ Шенье, несмотря на то, что его литературные вкусы и симпатіи уже давно были обращены въ другую сторону, видно, напр. изъ того, что въ 1828 году онъ издалъ эпиграфомъ къ своему стихотворенію «Какое я презрѣе былъ, таковы и шибѣ я» первую строку изъ элегій Шенье: «Tel j'étais autrefois et tel je suis encor»...

Стихотворенія, переведенныя или передѣланныя Пушкинымъ изъ Шенье, еще не даютъ намъ понятія о томъ, насколько русский поэтъ былъ знаком со всѣмъ литературнымъ свѣдѣтельностью автора «Le jeu de raime», а также съ исторіей его жизни, особенно—наиболѣе бурнаго и драматическаго ея періода. Тѣ вещи, которыя переслалъ Пушкинъ, изъ которыхъ онъ хотѣлъ пожать, относились къ болѣе раннему, эпикурейскому періоду. Нужно вообще замѣтить, что русскіе поэты, выступавшіе съ переводами изъ французскихъ стихотвореній Шенье, до сихъ поръ обходили, въ своихъ случаяхъ, несомнѣнно, поневолю, наиболѣе сильныя, потрясающія созданія его музыки. Но оригинальное стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье» показываетъ, что онъ очень интересовался суще-

бою поэта, различая два отдѣльных періода его литературной дѣятельности, ясно представлять себѣ его роль въ революціонную пору и причины его безвременной гибели, — несмотря на беззапятную преданность идеѣ свободы и равенства *). Тѣ стихи, которые онъ дважды вкладываетъ въ уста французскаго поэта, воплотивъ въ данномъ случаѣ и выдержаны въ духѣ подлинныхъ стихотвореній Шенье. Несчастнѣйшій узникъ воспоминаетъ различныя событія ранняго періода революціи: — взятіе Бастиліи, клятву *jeu de rampe*, смѣлый отвѣтъ Мирабо, перенесеніе праха Вольтера Руссо въ Пантеонъ, — затѣмъ обращается къ эпохѣ Террора, когда «убійцу съ палачами избрали мы въ царя» (намекъ на Робеспьера и дѣятельность Конвента), — и недавній періодъ благородной, ничѣмъ не затянутаго борьбы за свободу сталъ казаться чѣмъ то далекимъ, давно пережитымъ. Вѣрно передана русскимъ поэтомъ и неизбѣжная въра Шенье въ то, что «священная свобода, богиня чистая», неповинна въ томъ, что совершается иногда ея именемъ, что, рано или поздно, она «придетъ опять со мщеніемъ и славой», и враги ея будутъ посрамлены. Когда Шенье въ стихотвореніи Пушкина отдается мыслямъ о будущемъ, говоритъ о предстоящей казни, обращается

*) Въ одномъ письмѣ Пушкина къ Вяземскому изъ Михайловскаго приведены апокрифическія слова Шенье, будто бы произнесенныя имъ (такъ гласило преданіе) передъ казнію. «И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là».

къ друзьямъ, мы ясно чувствуемъ вліяніе предсмертнаго стихотворенія французскаго поэта — «*Comme un dernier rayon...*» На ряду съ этимъ, повліяло на Пушкина и знаменитое стихотвореніе «*La jeune captive*», откуда, какъ мы уже указывали, взятъ и эпиграфъ къ «Андрею Шенье». Между прочимъ, мысли Шенье о томъ, какъ со временемъ кто нибудь будетъ читать его элегію и задумается надъ судьбою несчастной узницы, развиты здѣсь въ обширный отрывокъ, содержащій въ себѣ обращенію къ друзьямъ просьбу — собрать и сберечь его разбѣянные повсюду стихотворенія и со временемъ, «когда гроза пройдетъ», читать ихъ въ своемъ кругу и думать о немъ. Но водѣ Пушкина, узникъ воспоминаетъ при этомъ имена «Авеля» (*Abel de Range* — одинъ изъ друзей поэта) и Фанин (подъ именемъ Фанин Шенье воспѣлъ г-жу Лекута, любовь которой скрасила ему послѣдній періодъ его жизни, — всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста). Интересный отрывокъ, относящійся въ стихотвореніи Пушкина къ болѣе ранней, безмятежной порѣ жизни поэта и начинающійся словами «Куда, куда завлекъ меня враждебный геній», содержитъ въ себѣ отголоски различныхъ эротическихъ и апакреонтическихъ стихотвореній Шенье. Заключительныя слова всего стихотворенія «Плачь, муза, плачь» какъ бы навѣяны послѣднимъ стихомъ предсмертной элегіи «*Comme un dernier rayon*», обращеннымъ къ добродѣтели: «*Toi, Vertu, pleure, si je meurs!*» О неприятии стиха, выпавшаго на долю Пушкина за «Андрея Шенье» см. выше примѣч. къ № 428.

Юрій Веселовскій.

гос. О. Кутузовъ

гос. Н. П. Трубецкой.

АННА ПЕТРОВНА КЕРИЬ 1).

Имя Анны Петровны Кериь связано съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ приическихъ произведенийъ музы Пупкина—стихотвореніемъ «Я помню чудное мгновенье» и съ любовнымъ эпизодомъ его біографіи; уже одно это даетъ ей право на видное мѣсто въ біографической галлерей лицъ, съ которыми поэтъ встрѣчался на своемъ жизненномъ пути. Заслуживаетъ она тоже особеннаго вниманія еще и по тѣмъ воспоминаніямъ о Пупкинѣ, которыя она намъ оставила,—воспоминаніямъ, занимающимъ, по выраженію Л. П. Майкова, «одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду біографическихъ матеріаловъ и великомъ поэтѣ.» Наконецъ, въ біографіи ея постоянно мелькаютъ люди и мѣстности, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ біографіей Пупкина.

Анна Петровна Кериь родилась 11-го февраля 1800 г. въ Орлѣ, въ домѣ своего дѣда, Ивана Петровича Вульфа, который былъ тамъ губернаторомъ²⁾. Родителями ея были Петръ Марковичъ Полторацкій и Екатерина Ивановна, рожд. Вульфъ, дочь вышеупомянутаго Орловскаго губернатора, потомъ сенатора Ивана Петровича Вульфа. Семья Полторацкихъ и Вульфовъ были очень обширна, находилась въ постоянномъ общеніи между собою и жила широко и весело; многочисленна и богата была и родня ихъ. Анна Петровна съ дѣтства пошла въ этотъ широкій кругъ богатыхъ родныхъ, и первая впечатлѣнія ея сознательной жизни были радостны, свѣтлы и беззаботны. Мать не чужда въ ней души; дѣдушка Вульфъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, благодушный; многочисленные дѣдушки и тетушки наперерывъ бадовали свою племянницу,—и только отецъ, фантазеръ, самодуръ и прожектеръ, владалъ теминыя пятномъ въ безоблачномъ существованіи дѣвочки. «Батюшка началъ меня воспитывать еще съ пеленокъ,—и много патерѣлся въ отъ его методы досчитаній!... Онъ былъ добръ, великодушень, остроумецъ по-вольтеровски, достаточно, по тогдашнему времени, образованъ и несъ проникнуть былъ ученіемъ энциклопедистовъ, по у него много было забористости и самонадѣнности, побуждавшихъ его къ капризному своеволію надъ всѣми окружающими. Отъ этого в обращеніи со мною доходило до нехлѣбности». Съ младенчества Анна Петровна была связана самыми тѣсными узлами съ Прасковіей Александровной Осиповой (тогда еще Вульфъ, женой родного брата Екатерины Ива-

новны Полторацкой—Николая Ивановича Вульфа и ея дочерью Анной Николаевной, которой родилась двумя мѣсяцами раньше своей кузины; съ этими двумя лицами раньше своей кузины; съ этими двумя лицами она потомъ была связана со самыми близкими, дружескими отношеніями. Мѣсто дѣтскіе годы Анны Петровны прошли въ Мадаросіи, въ Лубнахъ, гдѣ ея отецъ былъ удѣльнымъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. По четвертому году дѣвочку увезли въ имѣніе дѣда Вульфа—с. Берново (Старицкаго уѣзда Тверской губ.), гдѣ прожила она годъ и гдѣ ей жилось «привольно, особенно въ отсутствіе батюшки». «Всѣ были,—вспоминаетъ она,—внимательны и лѣжны ко мнѣ, въ особенности нашъ безподобный дѣдушка Иванъ Петровичъ» (Вульфъ); жена его, Анна Федоровна, рожд. Муравьева, и сестра ея, Любовь Федоровна, постоянно жившая съ Е. П. Полторацкой, также окружали лѣжною привязанностью дѣвочку и ея мать, женщину кроткую, но болѣзненную и нѣсколько забытую мужемъ. Изъ Бернова Полторацкіе опять переселились въ Лубны,—и въ памяти Анны Петровны навсегда сохранился видъ живописной мѣстности съ широкимъ горизонтомъ, открывавшійся съ горы, на которой стояла здѣсь ихъ усадьба, и тотъ кругъ веселыхъ, добродушныхъ и патриархальныхъ лубенскихъ обитателей, въ которомъ она жила до 8 лѣтъ, «присутствуя и участвуя во всѣхъ его удовольствіяхъ». «Но при этомъ, говоритъ она,—несмотря на постоянныя веселости, обѣды, балы, мнѣ удавалось удовлетворять свою страсть къ чтенію, развившему во мнѣ съ пяти лѣтъ. Каждую свободную минуту я употребляла на чтеніе французскихъ и русскихъ книгъ изъ бібліотеки моей матери. Тутъ попадались мнѣ по большей части англійскіе романы. Изъ нихъ нравились мнѣ особенно «Octavia», par Anna Maria Porter, «Felicie et Florestine» и другіе. Многого, разумеется, я не понимала, но все-таки читала. Въ куклы я никогда не играла!... Раннее чтеніе сказало въ томъ, что она любила воображать себя героиней прочитаннаго; въ общемъ, это развивало въ ней не столько умъ, сколько сердце. Въ 1808 г., когда умерла, вѣдѣвъ за второю, третья сестра ея, и мать ея была поутѣшена отъ этой потери, отецъ опять «тиравилъ» ее съ дочерью и Л. Ф. Муравьевою въ с. Берново, куда вскорѣ пріѣхала изъ своего Тригорскаго и Прасковья Александровна Вульфъ съ мужемъ и дочерью Анною. Дѣвочки встрѣтились очень дружески, «обнялись и тотчасъ заговорили,—не о куклахъ, о лѣтъ! мы обѣ не любили куклы! Она описывала красоты Тригорскаго, а я—прелести Лубенъ и нашего въ нихъ дома!... Анна Николаевна была такъ рѣзна, какъ я; она была серьезнѣе, разсудительнѣе и гораздо меня прілежнѣе!... но я была горячѣе, даже великодушнѣе въ нашихъ дружескихъ спорахъ!».

Подходило время подумать объ образованіи обоихъ поприетковъ. Подысканіе воспитательницы поручили дѣду Петру Ивановичу Вулфу, состоявшему кавалеромъ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. Случилось

¹⁾ Приносимъ нашу благодарность П. Д. Романову, А. Г. Маленину, П. А. Виноградову, А. А. Виноградову, О. А. Правдину, П. Я. Дашкову, А. А. Спереру, и викарѣ А. П. Кериь—Ю. М. Шокальскому и А. А. Кудажинской за сообщеніе нѣкоторыхъ матеріаловъ для настоящей статьи.

²⁾ Ср. «Сто лѣтъ назадъ» въ ж. «Радуга» 1884 г., №№ 18—19, 22, 24 и 25, а также переизданію: «Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ»—«Русск. Архивъ» 1884 г., кн. III; у насъ имѣется черновая рукопись этихъ воспоминаній, которыя были окончены въ Лубнахъ 19-го октября 1870 г.

такъ.—разсказываетъ Анна Петровна,—что въ это самое время выписали для великой княжны Анны Павловны изъ Англїи двухъ гувернантокъ: m-lle Sybourg и m-lle Bénéoit. Эта послѣдняя назначалась къ великой княжнѣ, но, по своему скромнымъ вкусамъ и желанію отдохнуть послѣ труднейшей своей жизни въ Лондонѣ, она не рѣшилась принять предложеніе двора и уступила мѣсто при великой княжнѣ прїятельницѣ своей Sybourg, а сама прїѣхала въ Берново, въ концѣ 1808 года». «Родители мои и Анны Николаевны,—повѣствуютъ она далѣе,—тотчасъ же поручили насъ въ полное ея распоряженіе. Никто не смѣлъ мѣшать въ ея дѣло, дѣлать какія-либо замѣчанїя, нарушать покой ея учебныхъ занятїй съ нами и тревожить ее въ мирномъ прїютѣ, въ которомъ мы учились». Преподаваніе шло, «разумѣется, по-французски, и Русскому языку мы учились только 6 недѣль въ время вакаціи, на которыя прїѣзжалъ изъ Москвы студентъ Мерчанскїй». Благодаря своему педагогическому такту, m-lle Bénéoit умѣла прїохотить дѣвочекъ къ ученю, и онѣ занимались, несколько не торопясь тѣмъ, чѣмъ ей дѣли. Занятїя разнообразились разсказами гувернантки и чтеніемъ, которому подруги предавались «съ жадностію». «У насъ была маленькая дѣтская библіотека съ m-me Genlis, Ducray-Duménil и другими тогдашними писателями... Любимыми нашими сочиненїями были «Les veillées du château» и «Les soirées de la chaumière». Встрѣчая въ читанномъ скабрѣзныя мѣста [sic!], мы оставались къ нимъ безучастны, такъ какъ эти мѣста были намъ непонятны. Мы воспринимали изъ книгъ только то, что пошлому сердцу, что открыло воображеніе, что согласно было съ нашею душевною чистотою, соответствовало нашей мечтательности и создавало въ нашей прїивой фантазїи поэтическіе образы и представленїя».—Фантазїя, воображеніе и мечтательность, несмотря на здоровую деревенскую обстановку и безыскусственный укладъ сельской жизни,—дѣвочкамъ показывали и святочные крестьянскїя игры, водили ихъ на свадьбы дворянскихъ людей, и въ цыганскїй таборъ—развивались быстро и въ ущербъ болѣе положительнымъ сторонамъ дѣтской души. Анна Петровна сама разсказываетъ, что, когда въ Берново прїѣхала Екатерина Федоровна Муравьева съ сыновьями Никитой (послѣдствіемъ повѣшенныхъ) и Александромъ, и мальчики рѣзвились, дурачились и обращались безцеремонно, то обѣ подруги, которымъ едва исполнилось по 10 лѣтъ, на нихъ обижались: «они смѣли фамильярничать съ особами, которыхъ считали себя достойными только прищипъ и мечтали выйти замужъ за Нуму Помпїиля или Телемака, или за подобнаго имъ героя! Такой дерзости мы не могли перенарить». Два года спустя, она приходитъ въ сильное смущеніе отъ замѣчанїя, мимоходомъ брошеннаго по ея адресу молодымъ человекомъ: «elle est citrate», и еще черезъ годъ ее очень оторочаетъ поступокъ тетюшки Анны Павловны Вульфъ, которая «окромсала» ей полосу, чтобы дѣвочка «не кокетничала ими». Такъ постепенно складывался характеръ Анны Петровны, будущей «Вавилонской блудницы», какъ назвала ее Пушкинъ въ одномъ шекспїрѣ къ ея двоюродному брату, А. П. Вульфъ (1826 г.). Быть-можетъ, дальнѣйшее руководство строготъ m-lle Bénéoit и положило-бы конецъ развитію указаннымъ шеститковъ подростка, но въ серединѣ 1812 г. П. М. Полторацкїй надумалъ снова ѣхать въ Лубны,—

и дальнѣйшее воспитаніе и образованіе Анны Петровны прекратились. «Въ Лубнахъ,—говоритъ она,—я прожила въ родительскомъ домѣ до замужества, учила брата и сестеръ, мечтала въ рощахъ и за книгами, танцевала на балахъ, выслушивала похвалы постороннихъ и порицанїя родныхъ, участвовала въ домашнихъ спектакляхъ... вообще вела жизнь довольно пошлую, какъ и большинство провинціальнхъ барышень. Батюшка продолжалъ быть строгимъ со мною, и я дѣвухой его такъ же боялась, какъ и въ дѣтствѣ».

Этотъ страхъ передъ отцомъ и боязнъ осудиться его въ чемъ-нибудь, хотя и въ мелочахъ, были причиною того, что юная и прекрасная собою, Анна Петровна самымъ несчастнымъ образомъ вышла замужъ за человека нелюбимаго, даже внушавшаго ей отвращеніе, человекъ на много лѣтъ ея старше, совершенно не подмодившаго къ ней ни по характеру и душевнымъ свойствамъ, ни по развитію, ни по рожденію. Въ своихъ воспоминанїяхъ Анна Петровна просто и откровенно разсказываетъ, какъ совершился этотъ трагическїй переломъ въ ея судьбѣ, совершенно и уже навсегда неокоркавшїй ея жизнь.

«Тогда (т. е. въ концѣ 1816 г.), разсказываетъ она, «стоялъ у насъ (т. е. въ Лубнахъ) Егерскїй полкъ, и офицеры его и даже командиръ, старикъ Эдельсъ, были моими поклонниками. Но родители мои не находили никого изъ нихъ достойнымъ меня. Но явился дивизионный генералъ Кернь,—начальникъ дивизїи, въ которой состоялъ тотъ полкъ,—и родители наши его достойнымъ меня, стали поощрять его поклоненїя и стариковскїя ¹⁾ ухаживанїя, столь невыносимыя, и сдѣлались со мною ласковы. Отъ любезничанїй генеральскихъ меня тошило, и съ трудомъ заставляла себя говорить съ нимъ и быть учтивою, а родители все иѣли похвалы ему. Имѣя его въ виду, они отказывали многимъ, некакимъ моей руки, и ждали генеральскаго предложенїя съ петербургемъ. Ожиданїе ихъ продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ знакомства, генералъ Кернь прислалъ ко мнѣ одну изъ жившихъ у насъ родственницъ съ просьбою выслушать его. Зналъ желанїе родителей, я отвѣчала ему, что готова его выслушать, но прошу только недолго и не много разговаривать. Я знала, что судьба моя рѣшена родителями, и не видѣла возможности измѣнить ихъ рѣшеніе. Передателницею генеральскаго желанїя и спросила: «а буду я его любить, когда сдѣлаюсь его женою?» Она сказала «да» и ввела генерала. «Не противь-ли я вамъ?»,—спросилъ онъ меня и, получивъ въ отвѣтъ: «нѣтъ!»—пошелъ къ родителямъ и сдѣлакъ моимъ женихомъ. Его поселили въ нашемъ домѣ и заставляли меня быть почаще съ нимъ. Но я не могла преодолѣть отвращенїя къ нему и не умѣла скрыть этого. Онъ часто высказывалъ огорченїе по этому поводу и разъ написалъ на лежащей предъ нимъ бумагѣ:

Дѣвъ горлицы покажутъ
Тебѣ мой младшїй прахъ...

Я прочла и сказала: «старая нѣсеня».—Я покажу, что она будетъ не старая,—вскричала онъ и хотѣлъ еще что-то продолжать, но я убѣжала.

¹⁾ Керню въ это время было уже 52 года, а Аннѣ Петровнѣ шелъ 18-й годъ.

Меня за это сильно распекали.—Батюшка сторожилъ меня, какъ еннухъ, ублажая въ пользу противнаго мнѣ генерала, и сѣдѣлъ за нѣмъ, кто могъ открыть мнѣ глаза на существованіе суицидизма. Онъ жестоко разругалъ мою компаніюку за то, что она говорила мнѣ часто: «несчастная», и онъ это слышалъ. Онъ употреблялъ возможная старанія, чтобы бракъ мой не разстроился, и старался убивать его усѣхомъ. Я вбачалась съ Кернъ 8-го января 1817 года въ соборѣ 1). Въ восхищались, многіе завидовали. А я тутъ кетати замѣчу, что бивакъ и поле битвы не такіе мѣста, на которыхъ вырабатываются мирная семейная лосточность, и что боевая жизнь не развиваетъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какія необходимы для семейнаго счастья».

Ермолай Фодоровичъ Кернъ не безъ гордости называлъ самъ себя «солдатомъ»; и дѣйствительно, вся его жизнь прошла въ войнахъ и походахъ,—съ молодыхъ лѣтъ и почти до могилы. Начавъ службу въ 1781 году, онъ въ разныхъ войнахъ 1788—1814 гг. получилъ семь боевыхъ наградъ, въ томъ числѣ чинъ генерала (1812) и георгиевскіи крестъ за взятіе Парижа. Съ наступленіемъ мирнаго времени изувѣченный Кернъ командовалъ различными бригадами, а съ 1816 г.— 15-ю пѣхотную дивизію. Биографы Керна (см. изданіе, «Военнаго Галлерей Визинго Дворца», т. II, и «Справочный энциклопедическ. словарь» Старчевскаго-Крайна, т. VI) рисуютъ его, на основаніи официальныхъ данныхъ, храбрѣмъ воиномъ, неоднократно проявлявшимъ во множествѣ сраженій «блестящіе опыты своего мужества».—Но, конечно, это еще не свидѣтельствуетъ ни о его развитіи, ни о нравственныхъ и иныхъ достоинствахъ, которыя заставили-бы молодую, прекрасную, свѣтски-образованную женщину если не побдѣть, то привязаться къ потертому мужу и службой старика, у котораго, къ тому-же, былъ побочный 6-лѣтній сынъ. Жизнь молодой женщины сразу же пошла вкривъ и вкосъ. Находясь первый годъ своего замужества подъ строгимъ надзоромъ отца, она, поиндѣмому, не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что совершилось, хотъ отвращеніе ея къ суициду, конечно, не уменьшалось. Пѣкоторое разнообразіе въ жизни ея вносили поѣздки къ матери изъ Елизаветграда въ Дубны и путешествія за мужемъ по служебнымъ его дѣламъ: объ одной такой поѣздкѣ, въ Подтаву, въ томъ же 1817 г., Анна Петровна оставила любоватный разсказъ, въ которомъ описала свою встрѣчу съ Имп. Александромъ I 2). «Въ Подтавѣ», пишетъ она, «готовился смотръ корпуса генерала Сакена, въ которомъ мужъ мой, Кернъ, служилъ дивизионнымъ командиромъ. Пѣ много прибавъ па-цифту, какъ говорить въ Малоросіи,—необыкновенно робкая, выданная за мужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Подтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла

императора» 3). Сакенъ, знавшій Анну Петровну, указалъ на нее государю, и послѣдній на балу подошелъ къ ней: подумавшая и нехощущая его «блестительно трагично и неизъяснимою добротою», Анна Петровна ободрилась, подумевилась и робость ея исчезла совершенно. «Не смѣла ни съ кѣмъ говорить доселѣ,— пишетъ она, и съ нимъ заговорила, какъ съ таиннымъ другомъ и обожаемымъ отцомъ! Онъ заговорилъ, и я была на седьмомъ небѣ и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности къ моимъ дѣскимъ понятіямъ и взглядамъ! Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: «C'est un brave soldat!» Это тогда такъ занимало нхъ! Потому сказала: «Venez à Pétersbourg chez moi». И съ величайшею нѣпностью сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «Il peut prendre un semestre». На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «Venez plutôt à Louby!» C'est si beau Louby! Онъ опять засмѣвался и сказалъ: «Je viendrai, absolument, je viendrai!» По городу ходили слухи, вѣроятно несправедливые, что будто императоръ сиранивалъ, гдѣ нана квартира, и хотѣлъ сдѣлать визитъ. Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на Прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ, губернаторъ Тутодминъ, очень ограниченный человекъ, даже поздравилъ Керна, на что тотъ съ удивительнымъ благоразуміемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ тутъ поздравлять? Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывший камеръ-пажемъ по дворцѣ при прѣздѣ королевы, это говорилъ моей теткѣ, когда я ея увидѣла. Можетъ быть, это сходство поинило на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ. Что сходство съ королевой Луизой дѣйствительно было, это доказываетъ какъ портретъ А. П. Кернъ, такъ и слово известной Вѣры Ивановны Анненковой, которая въ 1903 г., разсказывая Ю. М. Шокальскому объ его бабушкѣ, вспоминала объ этомъ, передавая, что Императоръ выразился тогда объ Аннѣ Петровнѣ, что она «совершенно Прусская королева, но королева уже отцвѣтаетъ, а ш-ше Керн въ полномъ расцвѣтѣ».

Въ поибрѣ 1817 г. Анна Петровна съ матерью и съ мужемъ ѣздила въ Кіевъ, гдѣ поинвадилась съ семьей П. П. Раевского; вкорѣ у нея родилась (1818) дочь Елаетерина Ермолаевна († 1904), впоследствии предметъ любви М. П. Глинки 4). Отношенія ея съ мужемъ были уже тогда очень шероховаты: его присутствие тяготило молодую женщину; наоборотъ, отсутствіе, вызванное поѣздкой въ Петербургъ для хлопотъ о мѣстѣ послѣ того, какъ онъ, за заносчивость въ обращеніи съ Сакеномъ, былъ «отчисленъ въ армію» 10 мая 1818 г.,—такъ «благодатно» на нее дѣйствовало, что она «забывала и о его службѣ, и о смотрахъ, и о своемъ блескѣ, въ которій на минуту окунаясь...: она жила при матери, которую обожала, и кормила свою дѣвочку». Зимой 1818 г. Анна Петровна поѣхала въ Пѣдску, Москву,—гдѣ была у тетокъ Варвары Марковны Мертваго (которая передала ей, что Имп. Александръ, при встрѣчѣ съ нею у Имп. Маріи Фодоровны, выразился про Анну Петровну: «Elle est charmante, char-

1) Смотръ этотъ былъ 15 сентября 1817 г.

2) Ея крестнымъ отцомъ былъ Имп. Александръ.

3) Въ приданое отъ отца Анна Петровна получила въ Старицкомъ уездѣ, Тверской губ., 160 душъ крестьянъ, но въ 1820 или 1821 г. П. М. Подпорадскій сперва заложилъ это имѣніе, а потомъ и продалъ его графу Шереметеву. Въ 1832—1833 г. Пушкинъ принималъ участіе въ хлопотахъ Анны Петровны по выкупу этого имѣнія у Шереметева (см. его записки къ Аннѣ Петровнѣ въ «Пушк. и см. совр.», вып. V, стр. 153—155).

4) Русск. Стар. 1870 г., т. I, изд. III, стр. 230—243.

ante, votre piéce», и Анны Петровны Полторацкой, вдовы ея крестнаго отца Дмитрія Марковича, только что скончавшагося (это отецъ библиографа), затѣмъ побывала у «своей старой и страшной» бабушки Агапоклеи Александровны Полторацкой въ ея селѣ Грузинахъ, Тверской губ., и, наконецъ, уже въ началѣ 1819 г., въ Петербургѣ, гдѣ снова видѣла Имп. Александра, и гдѣ мужу ея удалось получить прощенье, хотя и не полное: онъ, бывший дивизионный командиръ, былъ назначенъ (10-го марта 1819 года) командиромъ 2-й бригады 25-й пѣхотной дивизіи; бригада эта стояла въ Дерптѣ, куда вскорѣ Анна Петровна и переселилась. Но еще до этого она встрѣтилась въ первый разъ съ юнымъ Пушкинымъ; объ этой встрѣчѣ она оставила свои воспоминанія ¹⁾, изъ которыхъ мы и приведемъ здѣсь выдержки, замѣтивъ, что, по соображенію времени, когда Анна Петровна, была въ Петербургѣ (послѣ смерти королевы Вюртембергской, т. е. послѣ 9-го января и до назначенія своего мужа, т. е. до 10-го марта, и, во всякомъ случаѣ, до пасхи 1819 г. ²⁾, которая приходилась 6-го апрѣля), эта встрѣча могла произойти и въ февралѣ в-мартѣ 1819 г.

«Въ 1819 году,—пишетъ Анна Петровна,—я прѣѣхала въ Петербургъ съ мужемъ и отцомъ, который, между прочимъ, представилъ меня въ домъ его родной сестры, Олениной ³⁾. Тутъ я встрѣтила двоюроднаго брата моего Полторацкаго, съ сестрами котораго я была еще дружна въ дѣтствѣ. Онъ здѣлся моимъ спутникомъ и шчероне въ кругу незнакомаго для меня большого свѣта. Мнѣ очень нравилось бывать въ домѣ Олениныхъ, потому что у нихъ не играли въ карты; хотя тамъ и не танцовали по причинѣ траура при дворѣ ⁴⁾, но за то играли въ разные занимательныя игры и преимущественно въ «chagades en action»; здѣсь Анна Петровна имѣла случай видѣть Крылова, Гибдича, Карамзина и другихъ «литературныхъ замѣстителей». Здѣсь же говорить она,—она одною изъ вечеровъ у Олениныхъ я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его: мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе... Въ чадѣ такого очарованія мудро было видѣть кого бы то ни было, кромѣ виновника поэтическаго наслажденія, и вотъ почему я не замѣтила Пушкина. Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время давленнѣйшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала коранку съ цифрами, Пушкинъ, имѣвъ съ братомъ Александромъ Полторацкимъ ⁵⁾, подо-

шелъ ко мнѣ, посмотрѣвъ на коранку и, указывая на брата, сказалъ: «Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?» Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла. Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столикахъ, безъ церемоній и, разумеется, безъ чинья... За ужиномъ Пушкинъ усебся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратиться на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ, напримѣръ: «Est-il permis d'être aussi jolie!» Потомъ завязавъ между ними шуточный разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто пѣтъ, кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату: «Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошихъ людей, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у madame Кернь: хотѣла ли бы она попасть въ адъ?» Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю. «Ну, какъ жетъ теперь, Пушкинъ?»—спросилъ братъ. «Je me ravise»,—отвѣтилъ поэтъ,—«я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошія женщины...» Вскорѣ ужинъ кончился и стали развѣзаться. Когда я убѣжала, и братъ сѣлъ со мною въ экипажъ. Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами. Впечатлѣніе его встрѣчи со мною онъ выразилъ въ извѣстныхъ стихахъ:

Я помню чудное мгновенье...»

Такова была мимолетная встрѣча Пушкина,—неудержимо предаваннаго въ то время развлеченіямъ, зачастую далеко не пещиннаго свойства,—съ женщиной, которая, шесть лѣтъ спустя, взгляда въ немъ нѣякую, бывшую страсть.

Послѣ Петербурга А. П. Кернь побывала у родныхъ въ Тверской губерніи, гдѣ встрѣтила Пасху, а затѣмъ отправилась въ Дерптъ, къ поному назначенію своего мужа. «Этотъ милый Дерптъ всегда мнѣ будетъ памятенъ»,—пишетъ она: «мнѣ тамъ было хорошо. Ко мнѣ туда прѣѣхали дорогіе гости: тетка (Пр. Ал. Ошнова) и многолюбимая сестра Анна Николаевна Вульфъ, которая прѣѣхала лѣтомъ (1819) и осталась у меня гостить до зимы. Мы тамъ много читали, много гуляли, выходили и выѣзжали всегда вмѣстѣ. Кернь лечилась, я тоже брала ванны и лечилась по-немногу. Знакомство наше было немножечкощенное, но такое, какъ лучше нельзя пожелать». Анна Петровна, между прочимъ, познакомилась съ М. А. Мойеръ, «ангеломъ во плоти, первую любовью Жуковскаго и его музою», подружилась съ нимъ, ея матерью и мужемъ и видѣлась съ нимъ почти каждый день, проводя время въ ея «маленькомъ садикѣ или въ уютной гостиной, слушая музыку»... «Я уже никуда не хотѣла изъ такой эстетической среды. Но мнѣ повелѣли ѣхать на маневры въ Ригу, и я, скрѣпя сердце, поѣхала... Мы переѣзжали изъ города въ городъ, поджидая и осматривая полки нашей бригады. Кернь ѣздила то провожать ихъ, то встрѣчать, а мы съ Анной Николаевной жили въ маленькомъ городкѣ Валкѣ, въ весьма поэтическомъ домикѣ съ садикомъ, при выѣздѣ изъ города. Мы долго тутъ еще жили: до начала маневровъ и прѣѣздѣ Государа. Очень было весело и даже шумно. У хозяйки было нѣсколько сестеръ и мужей, хотя покладой, но безъ селадонныхъ пѣвкостей и ухаживаній за молодого, хорошенькою женою ¹⁾. Въ

¹⁾ «Библ. для чтенія», т. 154, 1859 г., мартъ, стр. 141—144; перепечатано въ книгѣ Л. П. Майкова «Пушкинъ», Сиб. 1899, стр. 239 и сл.

²⁾ «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 236.

³⁾ Елизаветы Марковны, жены извѣстнаго Алексѣя Николаевича Оленина, въ дочь которыхъ, Анну Алексѣевну, полюбилъ Пушкинъ.

⁴⁾ По случаю смерти сестры Имп. Александра — Екатерины Павловны, королевы Вюртембергской, скончавшейся 9-го января 1819 г.

⁵⁾ Александръ Александровичъ Полторацкій (р. 7-го іюля 1792 г. † 13-го марта 1855 г.); онъ впоследствии (въ 1834 г.) женился на предметѣ первой страсти Пушкина—фрейлинь Екатерины Павловны Бакушиной († 7-го декабря 1869 г.). См. В. Л. Модзалевскій, Занеки В. П. Зубкова, Сиб. 1906, стр. 84—85.

¹⁾ Очевидно, Е. О. Кернь отличался противоположными качествами.

сентябрь 1819 года Анна Петровна имела случай еще раз беседовать съ Императоромъ Александромъ, во время маневровъ въ Ригѣ. Императоръ танцовалъ съ ней на балу, былъ очень благосклоненъ, осматривалъ ее въ complimentами, спросилъ ее, не нужно ли ей чего-нибудь отъ него, и сказала: «Je veux que vous soyez dans l'aisance» и съ привычною добротою проговорили: «adressez-vous à moi comme à un père»¹⁾. Въ этотъ разъ красотою Анны Петровны и ея парадомъ. На другой день она присутствовала, въ качествѣ зрительницы, на обѣдѣ, данномъ въ честь Государя, — и она опять замѣтилъ ее, нѣсколько разъ на нее смотрѣлъ и ласково улыбнулся. «Вставая изъ-за стола, Императоръ поклонился всѣмъ. — и я имѣла счастье убедиться, что она, раскланявшись со всѣми и совсѣмъ уже уходя, взглянула къ намъ на верхъ (на балконы) и мы поклонились въ особенности. Это былъ его послѣдній поклонъ для меня... До меня дошло потомъ, что Савенъ говорилъ съ императоромъ о моемъ мужѣ и замѣтилъ, между прочимъ: «Государь, мы ѣе жалѣемъ».

И дѣйствительно, жизнь съ мужемъ, который день ото дня становился ей все болѣе и болѣе неизвѣстнымъ, была для молодой, мечтательной и пассивной женщины очень печальна. Не имѣя ничего общаго съ казарменными интересами этого грубаго человека, она имѣла полное право считать себя несчастной. До насъ дошелъ обстоятельный дневникъ (съ 23 июня по 30 августа 1820 г., болѣею частью на французскомъ языкѣ) Анны Петровны, жившей тогда въ Псковѣ, въ видѣ писемъ ея къ жившей въ Лубнахъ теткѣ дѣвицѣ Θεодосіи Петровнѣ Полторацкой. Она заключаетъ въ себѣ ежедневный и самый подробный отчетъ обо всемъ видѣнномъ, слышанномъ, читанномъ, продуманномъ и прочувствованномъ. Велся онъ и посылался зачастую тайкомъ отъ мужа²⁾, о которомъ въ немъ говорится очень много и въ слишкомъ опредѣленномъ тономъ. Она проникнута грустнымъ настроеніемъ, содержитъ въ себѣ мало фактическихъ указаній, повѣствуя лишь о столкновенияхъ съ мужемъ, душевныхъ страданіяхъ, имъ причиняемыхъ, мечтахъ о будущемъ счастьи, воспоминаніяхъ о прошломъ, даже о видѣнныхъ снахъ, которымъ придается то или иное значеніе; журналъ обильно снабженъ выписками изъ прочитанныхъ французскихъ книгъ (большей частью романовъ³⁾ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, при чемъ Анна Петровна приводитъ тѣ мѣста, которыя соотвѣтствуютъ ея мыслямъ въ данный моментъ или вообще рисуютъ обстоятельства, сходныя съ тѣми, въ которыхъ она находилась. Нѣсколько выписокъ изъ него раскроютъ намъ лучше всего ее самое. Въ дневникѣ видную роль

¹⁾ По словамъ покойной Е. Е. Шокальской, Имп. Александръ, общавъ ея матери свое покровительство, сдержалъ свое слово: когда позже Анна Петровна разошлась съ мужемъ и просила Государя помочь ей (свиданіе ихъ состоялось въ присутствіи Имп. Елизаветы Алексѣевны), то онъ оказалъ ей денежное пособіе, о которомъ она просила.

²⁾ Разъ она прочла одинъ его отрывокъ, еще не отправленный на почту, и устроила женѣ «une grandissime histoire».

³⁾ «Emilie Montague», «Les deux amies», par M-me de Pienne; «L'Allemagne», m-me Staël; «Leontino», Кодебу; «Christine», «Nouvelle Héloïse», «Voyage sentimental» Стюарта и др.

играетъ вакон-то молодой етеревій офицеръ, котораго она называетъ сперва l'Églantine, а потомъ l'Immortelle, — съ нимъ она видѣлась въ Лубнахъ всего нѣсколько разъ, не сказала съ нимъ болѣе десяти словъ, по душѣ его сразу узнала по глазамъ и не можетъ забыть. Она сообщаетъ подругѣ, что рѣшилась отдѣлаться отъ своего мужа: «онъ не можетъ болѣе оставаться около меня: его свойства слишкомъ мало имѣютъ общаго со мной, чтобы мы долго могли выносить другъ друга; чтобы не дѣлать исторіи, я подожду, пока найдемъ нѣко для ребенка». — «Теченіе жизни нашей есть только скудной и унылой переходъ, если не дышимъ въ немъ сладкимъ воздухомъ любви», — дѣлаетъ она переводъ изъ прочитаннаго, и восклицаетъ: «Не правда-ли, несомнима истина, мой ангелъ! — «Добродѣтель имѣетъ требовать уваженія, разумъ и дарованія — удивленія; красота можетъ возбуждать желанія, но одна только чувствительность можетъ внушить истинную любовь». — «Какъ прискорбно, — выписываетъ она тутъ же, проводя параллель съ собою, — что счастье или несчастіе цѣлой жизни нашей бываетъ обыкновенно рѣшено прежде, нежели мы въ состояніи судить о томъ или другомъ. Удерживаемыя обычаями, а иногда и предрассудками, страстями и смѣшными, мы бываемъ увлечены общимъ примѣромъ, в тогдѣ только, когда уже не время, начинаемъ размышлять». Я нахожу эти мысли совершенно справедливыми: и нахожу ихъ такими именно по опыту...»

Вспомнивъ, что скоро именины ея отца, и что въ этотъ день въ Лубнахъ «Églantine» будетъ у Полторацкихъ, Анна Петровна пишетъ: «я буду представлять себѣ мою божественную подругу, разговаривающую обо мнѣ съ моимъ обожаемымъ «Églantine» и старающуюся возратить спокойствіе его прекрасной душѣ, которая будетъ грустна изъ-за моего отсутствія, — я въ этомъ увѣрена. Поговорите съ нимъ обо мнѣ, скажите ему, что я хотѣла бы быть его другомъ». Вечеромъ 3-го июля она передаетъ подругѣ разговоръ, который былъ только что за ужиномъ между ея мужемъ и его племянникомъ Павломъ Керномъ, недавно прибывшимъ. Говорилъ о графинѣ Беннигенъ, и Ермолай Фодоровичъ, «увѣряя, что онъ ее прекрасно знаетъ, сказалъ, что это очень достойная женщина, которая всегда умѣетъ себя прекрасно вести, что у нея было много интрижекъ, но что это очень извѣстно, такъ какъ она очень молода, а мужъ ея очень старъ, но что на людяхъ она всегда такъ ласкова съ нимъ, что никто и думать не можетъ, что она его не любитъ». — «Вотъ прекрасная манера себя держать», восклицаетъ Анна Петровна: «и какъ Вы находите взгляды моего дорогого супруга?» Пассивная Анна Петровна искорѣ, однако, убѣдилась, что высказанныя ей мужемъ воззрѣнія были сказаны не безъ задней мысли: изъ дальнѣйшихъ страницъ дневника видно, что она сообщила жену со своимъ племянникомъ! Подозрѣніе въ томъ, что она снова беременна, приводитъ Анну Петровну въ величайшее смущеніе; ей кажется, что «Immortelle», узнавъ объ этомъ, перестанетъ ее любить. «Я вамъ и прежде говорила, что я не хочу имѣть дѣтей для меня ужасна была мысль не любить ихъ и теперь еще ужасна! Вы также знаете, что сначала я очень желала имѣть дѣтя, и потому я имѣю нѣкоторую привычку къ Катенькѣ, хотя и уверяю иногда себя, что она не довольно велика. Но этого

т.-е. ожидаемаго ребенка) всё небесныя силы не заставят меня любить: по несчастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамилии (т.-е. Кернь), это такое непреодолимое чувство во мнѣ, что я никакими усилиями не въ состояннн отъ оного избавиться. Это—исповѣдь». 17-го августа Анна Петровна узнала, что мужъ ея назначенъ командиромъ II-й пѣхотной дивизии, и въ восторгѣ пишетъ, что дивизія эта стоитъ въ Старомъ Быховѣ, около Могилы: «Это будетъ очень близко отъ Васъ,—восклицаетъ она,—но не знаю, почему это меня не радуетъ... Я чувствую, что я не буду истинно счастлива, какъ только тогда, когда я буду въ состояннн законнымъ образомъ отдать ему (т.-е. Immortelle) мою любовь; иначе самое его присутствие не сдѣлаетъ меня счастливою, какъ только наполовину. Всё поздравляютъ моего дорогаго муженька, и онъ сказалъ мнѣ, что мы поведемъ къ дивизии къ 1-му сентября; оттуда онъ отправится въ Петербургъ, а я, если вы мнѣ позволите, приѣду къ вамъ. За Богомъ молитва не пропадетъ, а за Царемъ—служба. Я думаю, что со мной ничего уже щастливаго случиться не можетъ, и потому сначала эта вѣсть не принесла мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, а теперь, обдумавъ, пишу, что въ сентябрѣ я могу васъ обнять, и эта мысль приводитъ меня въ трепеть отъ восхищенія (рука дрожитъ и слышу шумъ), и скажу, какъ St-Preux: «Боже, Ты дажь мнѣ силы перенести величайшнй горести,—дай теперь столько, чтобы вывести величайшее блаженство! Увижу опять». — «Что можетъ быть горестнѣе моего положенія! читаемъ въ предпоследней записи дневника (29 августа): не изгнѣ около себя ни души, съ кѣмъ бы могла излить свое сердце, поговорить и вмѣстѣ—поплакать. Пещастное твореніе! Самъ Всемогущій, кажется, не внемлетъ моимъ молитвамъ и слезамъ... Къ умноженію моихъ печалей, въ ничего не отвѣчаетъ на мои письма, и я не знаю, найду-ли я подлѣ васъ отраду въ удовольствіи и шестъ меня видѣть. Я уже вамъ сказывала, что я не сомнѣваюсь въ собственннй особѣ вашей, но желаю бы, чтобы Маненька и Маненька столько имѣли удовольствія меня видѣть, сколько я почитаю блаженствомъ быть у нихъ, и хотя этимъ бы вознаградили меня за всё претерпѣнныя горести въ разлукѣ съ ними. Маненька съ своимъ чувствительнымъ сердцемъ очень можетъ судить о мучительномъ моемъ положеніи: пусть только вспомнитъ свое состоянне, когда она оставила своихъ родителей. Съ пѣжнко-любимымъ мужемъ, съ милыми дѣтьми, въ вѣвтущемъ состояннн, что способствовало ежеминутно дѣлать жизнь ея снѣжкоюю и прнѣтною,—и тутъ ей сопутствовали всегда кто-нибудь изъ родныхъ ея. Возьмите теперь противоположность моего состояннн: съ такимъ же чувствительнымъ сердцемъ, обремененнымъ всеми возможными горестями, должна проводить дни мои, оставлена всего природою, съ тѣмъ человѣкомъ, который никогда не можетъ получить моеи привязанности ни даже уваженія. Онъ обидѣлъ мнѣ отсутствіемъ меня къ вамъ, но успешнымъ просьбамъ моимъ, векорѣ по приѣздѣ въ Старый Быховъ,—теперь опять отговаривается и хочетъ, чтобы я тамъ пробываа до отъѣзда его въ Петербургъ, что не прежде будетъ, какъ въ концѣ октября. Ему нужды нѣтъ, что я буду дѣлать во время его разлѣдовъ: одна, съ ребенкомъ, въ этомъ несчастномъ горотѣ, и какъ потомъ и въ ходотѣ и

колоть поѣду въ октябрѣ; но я настою, чтобы ѣхать, какъ прежде сказано, и ежели онъ это-цетъ, то я вдвое имѣю право быть оной, хотя для тѣхъ, которымъ моя жизнь и благополучіе еще дороги. Впрочемъ, это послѣднее время совершенно заставило меня потерять терпѣнне, и я бы въ адъ поѣхала, лишь бы знала, что тамъ его не встрѣчу. Вотъ состоянне моего сердца».

Ночь 30-мъ августа—последняя занесъ въ дневникѣ,—въ ожиданнн отъѣзда въ Лубны, съ просьбою «сказать много хорошаго Immortelle».

О времени пребыванія Анны Петровны въ Лубнахъ и о дальнѣйшихъ перипетіяхъ ея романа мы не располагаемъ никакими данными, кромѣ указанія ея самой, что послѣ Некова она возвратилась въ Полтавскую губернію къ своимъ родителямъ, повидимому, бросивъ на время ненавистнаго мужа, который, однако, не переставалъ дѣлать попытки къ сбнженію съ женой. Въ эти житейскія передраги не могли не отразиться на ея характерѣ, и изъ мечтательной, пассивной жевщны она, мало-по-малу, обратилась въ конкретную особу, создавшую всю силу и обаятельность своей молодости, красоты и петроу-таго еще петинною любовною горячаго сердца.

Живя въ Лубнахъ, Анна Петровна познакомилась и сблизилась съ Аркадіемъ Гавриловичемъ Родзянкою, «милымъ поэтомъ, умнымъ, побѣвнымъ и весьма симпатичнымъ человѣкомъ», сбсбдломъ ея по имѣнію. Родзянка доставляла ей, между прочимъ, новыя произведенія Пушкина, и она съ жадностію читала «Кавказскаго Пѣвнннн», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Разбойнннновъ» и 1-ю главу «Онегина»; отъ многихъ слышала она про Пушкина, «какъ про славнаго поэта». «Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи», разсказываетъ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, «я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрою моею Анною Николаевною Вудьфъ... Пушкинъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ; она говорила съ нимъ обо мнѣ и потому сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы: такъ, въ одноиъ изъ ихъ она писала: «Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olenine; il dit partout: «Elle était trop brillante». Въ другомъ изъ ихъ письмо Пушкинъ прислалъ сбоку изъ Байрона: «Un image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais»¹⁾. Когда же онъ узналъ, что я шнѣюсь съ Родзянкою, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи:

Намѣстникъ Феба или Пріана! и т. д.

«Далѣе, въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Ты написалъ «Холодчку», Баратынскій—«Чухонку», я—«Цыганку»; что скажеть Аполлонъ?» и проч. Дальше не помню, а нѣвѣрно ситировать не хочу». Послѣ этого мнѣ съ Родзянкою вду-

¹⁾ Л. П. Майковъ считаетъ, что эти слова взяты А. П. Кернь, въ пѣжнкоюю птвичной чередѣ, изъ начала посвященія къ «Майльдъ-Гарольду» («Пушкинъ», Спб 1899, стр. 288; ср. Соч., изд. Просвѣд., подл ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 363). Намъ кажется вѣрнѣе предположенне П. О. Сумцова (Харьк. Унив. Сборн. въ память Пушкина, X. 1899, стр. 230, 233), что эти слова взяты изъ стих. Горденорта «Phantom of delight».

малось победничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости наговора Пушкина на любовь къ мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

Прощайте, будьте въ дуракахъ!

«Отвѣтомъ на это посланіе были... стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда и черезъ мѣсяць послѣ этого встрѣтился съ нимъ въ Тригорскомъ»...

Разысканныя и обнародованныя много лѣтъ спустя послѣ начатія записокъ А. П. Керчь письма Пушкина и Родзянко съ его приписками¹⁾ вполне подтвердили правдоту и удивительную точность ея разсказа, записаннаго около 35 лѣтъ спустя послѣ событія, о которыхъ она повѣствуетъ. Наидлинное въ бумагахъ Родзянко письмо къ нему Пушкина отъ 8-го декабря 1824 г., изъ Михайловскаго въ Лубны, было издано П. М. Черныевымъ въ «Русскомъ Обзорнѣи» 1897 г.²⁾, съ объяснительной стѣтвѣей къ нему. Въ письмѣ этомъ Пушкинъ, послѣ благодарности за поклонъ, писалъ ему, между прочимъ³⁾: «Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К. . . . которая написала много ибвности обо мнѣ своей кузинѣ!»⁴⁾ Говорить, она пренебрегла вещь—по сдвину Лубны за горами. Изъ всякаго случая, знающее влюбленное и не обаянное и не таланты во всѣхъ отношеніяхъ, полагаю дѣло твое сдѣланымъ или подудѣланымъ. Поздравлю тебя, мой милый; напиши на это все дѣлѣю или хоть эпитраму». Далѣе Пушкинъ говоритъ, что Баратынскій написалъ поэму про Чухонку, самъ онъ—про Цыганку, а Родзянко—про Чунку, и что Аполлонъ можетъ разнѣваться за то, что героини поэмы слишкомъ тривіальны, а затѣмъ слѣдуетъ совершенно безразумная фраза, зачеркнутая впоследствии, но не Пушкинымъ, и слова: «Если А. П. такъ же мила, какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ». Кончается письмо стихами, пришедшими Анной Петровной въ ея запискахъ по памяти, но очень близко къ оригиналу. Любопытно, что письмо это, заключавшее въ себѣ глубокое неприличную фразу, было переслано Пушкинымъ Родзянку черезъ Анну Петровну (вѣроятно, оно было вложено въ письмо къ послѣдней ея кузинѣ—Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ) и легко могло быть прочтано еще до передачи по адресу. Тонъ письма къ Родзянку и выраженія объ Аннѣ Петровнѣ, употребленныя Пушкинымъ, очень фривольны, у поэта, значить, уже установился извѣстный на нее взглядъ. «Знакомство Пушкина съ Керчь, — говоритъ П. П. Черныевъ, «подготовилось перенесенной Керчь съ А. П. Вульфъ, которую пользовалась Керчь и Пушкинъ для выраженія своихъ взаимныхъ симпатій, перенесенной Пушкина съ Родзянкой, въ которой на первомъ планѣ стояла Керчь, и, наконецъ, шуточнымъ

посланиемъ Родзянко и Керчь къ Пушкину. Представленный Керчь въ Тригорскомъ, Пушкинъ смотрѣлъ на нее не только, какъ на женщину, которую онъ зналъ на мимолетной встрѣчѣ у Олениныхъ въ 1819 году, но и какъ на свою восторженную поклонницу, хорошо извѣстную ему по ря письмамъ, по письмамъ Родзянко и по разсказамъ А. П. Вульфъ. Черезъ кого была передана Пушкину поклонъ отъ Родзянко, послужившій поэтѣ предлогомъ начать съ Родзянкой переписку о Керчь?—Конечно, черезъ Керчь, которая, какъ зналъ Родзянко, общивалась письмами съ А. П. Вульфъ. О томъ, въ какомъ Керчь писала А. П. Вульфъ о Пушкинѣ, можно судить по тому, что поэтъ называетъ ея отъѣзды о немъ «ибвностями». Эти «ибвности», видимо, задѣли поэта за живое, пробудили въ немъ воспоминанія о впечатлѣніи, сдѣланномъ на него Керчь въ 1819 году, и онъ отвѣчалъ ей черезъ А. П. Вульфъ на «ибвности» «ибвностями»¹⁾. Родзянко отвѣтилъ Пушкину лишь черезъ пять мѣсяцевъ—10-го мая 1825 г.²⁾; это и есть то письмо, въ которомъ, по выраженію Анны Петровны, ей и Родзянку «вздумалось победничать» съ поэтомъ. Письмо это³⁾ весьма характерно и дѣльно для сужденія о характерѣ дальнѣйшихъ сношеній Пушкина съ Керчь; мы приводимъ его здѣсь въ сокращеніи. Въ началѣ письма Родзянко извѣщается, что такъ долго не отвѣчалъ Пушкину на его письмо, и говорить, что излагать причины его молчанія и не нужно, и излишне: «Лѣнь моя глашюю тому причиною,— пишеть онъ,— и ты знаешь, что она никогда не перемѣнител, хотя Анна Петровна ужасно какъ мостъ за это выраженіе мое грѣшную головушку; но, не видя на твоихъ хороше мнѣіи о моихъ различныхъ способностяхъ, я становлюсь втунки въ ибвотерыхъ вещахъ,—и, во-первыхъ, въ отвѣтъ къ тебѣ. По сдѣланъ ибвности, не давай воли своему воображенію и не дѣлай общемо моеі неодуманной ибвности: скромность моя и молчаніе въ ибвотерыхъ случаяхъ должны стоять вмѣстѣ обвинителями и защитниками ея. Я тебѣ похваляюсь, что, благодаря этой же дѣви, я постоянно въ всѣхъ Амадеювъ и Польшевыхъ, и Русскихъ. Нельзя, одна трудность перемѣны и искренности моеі привязанности составлять мою добродѣтель: слѣдовательно,—говорить Анна Петровна,—немногого стоитъ добродѣтель ваша; а она соблюдаетъ молчаніе, знакъ согласія, и справедливо. Скажи, пожалуйста, что вадумалось тебѣ такъ клеветать на меня? За какія проказы? За какія шалости? Не довольно, пора говорить о литературѣ съ тобою, напишемъ Корифеюмъ». Тутъ вмѣшивается Анна Петровна и приписываетъ: «Еи Богу, онъ ничего не хочетъ и не намѣренъ вамъ сказать! Паслуду упростила! Если бы вы знали, чего мнѣ это стоило! Самой бездѣлки приидинуть стулъ, дать перо и бумагу и сказать—и шитте. Да спросите, сколько разъ повторить это должно было. Repetitiâ est mater studiorum — «Зачѣмъ же, — продолжаетъ Родзянко,—во всемъ тѣбѣ уроковъ, а еще болѣе повтореній? Жалуюсь тебѣ, какъ новому Оберону: отсутствующій ты имѣешь гораздо болѣе вліянія на ея, нежели и со всѣмъ моимъ присутствіемъ. Письмо твое меня гораздо болѣе подер

¹⁾ Только посланіе въ стихахъ, о которомъ говорить А. П., до насъ не дошло.

²⁾ № 2, февр., стр. 524—525; перепечатано въ его сборникѣ «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьковъ, 1900, стр. 65—80.

³⁾ См. Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 137—138.

⁴⁾ т. е. А. П. Вульфъ.

¹⁾ Черныевъ, стр. 74—75.

²⁾ Изъ Лубенъ. См. Барышевъ, Пушкинъ, II, 125—126 и Переписка, Акад. изд., т. I, 213—215.

³⁾ Переписка, Акад. изданіе, т. I, стр. 211—212.

живаешь, невели все мое краснорѣчіе». — «Je vous proteste», вписывает Анна Петровна, — «qu'il n'est pas dans mes fers». — «А чья вина?» — продолжает Родзянко: «Вотъ теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Федоровичемъ: снова пришло давно оставшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я прональ. Тогда можно было извиниться молодостию и неопытностію, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ. — «Ей! Богу, — вписываетъ снова Анна Петровна — я этихъ строкъ не читала!» «Но, продолжаетъ Родзянко, — заставила ихъ прочесть себѣ 10 разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она избиваетъ такими дѣтскими хитростями». — Письмо кончается стихотворнымъ complimentомъ по адресу Пушкина, который отыгнулъ на него шпривымъ стихотвореніемъ: «Ты обѣщала о романтизмѣ» (см. настоящее изд., т. II, 292); оно было передано имъ лично Аннѣ Петровнѣ, когда, черезъ мѣсяць, она прѣѣхала, неожиданно для поэта, въ Тригорское, къ теткѣ своей, П. А. Осиповой.

Но письмамъ, которыми обмѣнялись Пушкинъ и Родзянко, по перепискѣ А. П. Керь съ А. П. Вульфъ и по этому стихотворенію видно, какое впечатленіе составили себѣ поэтъ о красавицѣ и какой тонъ недвусмысленной фривольности онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ ней. А черезъ мѣсяць, въ концѣ іюня, состоялось ихъ неожиданное свиданіе въ Тригорскомъ¹⁾; о немъ, равно какъ и о пребываніи Анны Петровны въ деревнѣ, мы передадимъ въ извлеченіи разсказъ ея самой.

«Мы сидѣли за обѣдомъ и смѣлялись... вдругъ пошелъ Пушкинъ съ большою, толстою палкой въ рукахъ... Тетунка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничто ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться: онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселье, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ любезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ [А. П. Вульфъ], говоря: «Ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?» Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно... Когда онъ рѣшился быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротой и увлекательностію его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на парошикъ на Васильевскій островъ... Однажды... яшлая онъ въ Тригорское съ своею большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены поэмы и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскоръ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слушали эту чудную поэму, и я никогда не за-

буду того восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ отъ текущихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истекала отъ наслажденія... Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія тетунка предложила намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, — и мы поѣхали. Погода была чудесная, дуная июльская ночь дышала прохладою и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетунка съ сыномъ [А. П. Вульфомъ] въ одномъ, сестра, Пушкинъ и я — въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушно веселымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остроты и сарказмовъ, хвалилъ дуну, не называлъ ее душною, а говорилъ: «J'aime la lune, quand elle éclaire un beau visage.» Хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною; это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ, при нашей первой встрѣчѣ, Александру Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мною. Прѣѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый, запущенный садъ.

Пріютъ задумчивыхъ дрядь,

съ длинными аллеями старыхъ деревьевъ, корни которыхъ, слетаясь, плыли по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника — вздрагивать. Тетунка, прѣѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: «Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame». Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: «Vous aviez un air si virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?». На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришелъ утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ II-й главы «Оливіана», въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыми и нашла четверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье и проч.

Когда я собралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ — не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельбину, который ихъ помѣтилъ въ своихъ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»¹⁾. Мих. Пн. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя. Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я ишла Пушкину стихи Козлова:

Ночь песенія дышала
Сибирюжкою красой,
Тихо Brenta протекала,
Серебрила душой, и проч.

¹⁾ А. П. Навищенскъ подробно разсказываетъ, со словъ своей матери, какъ поэтъ предчувствовалъ какую то радостную встрѣчу въ день прѣѣзда Анны Петровны, какъ у него чесался лѣвый глазъ, сильно билось сердце, бросало то въ жаръ, то въ ознобъ... Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, М. 1890, стр. 169.

¹⁾ Съ разрѣшенія Пушкина (см. Переписка Пушкинъ, Акад. изд., т. I, стр. 371); «Сѣв. Цвѣты» на 1827 г., стр. 341 («Рѣчь»).

Мы шли этот романъ Козлова на голосъ «Benedotta sia la madre», баркароллы Венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушать эту музыку и писалъ въ это время Петрову: «Скажи отъ меня Козлову, что недавно повѣтила намъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Пощь на голосъ гондольерскаго ренитагива; я общалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слывца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть пообразитъ себѣ красоту и задумчивость, по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать. Questo e scritto in presenza della donna, come ogni può veder»¹⁾.

Вотъ все, что рассказываетъ Анна Петровна о своемъ пребываніи въ Тригорскомъ: въ разсказѣ ея очень много любопытнаго, много тонкихъ замѣчаній о поэтѣ, образъ его живо встаетъ передъ нашими глазами. Но Анна Петровна умалчиваетъ о многомъ, она не говоритъ ничего о тѣхъ чувствахъ, которыя она пробудила въ душѣ и въ сердцѣ Пушкина и которыя живо выразились какъ въ стихотвореніи, ей посвященномъ, такъ, еще больше, въ письмахъ, которыя исследовали за ея отъѣздомъ; эти чувства были настолько сильны и, повидимому, обоюдны, что, напр., Анненковъ²⁾ (я за нимъ и другіе біографы поэта) прямо говоритъ, что П. А. Осипова «увезла» Анну Петровну, «красивѣйшую изъ своихъ племянницъ», въ Ригу, во избѣжаніе катастрофы». Можетъ быть, умалчаніе со стороны Анны Петровны объясняется ея убѣжденіемъ, къ которому она пришла позднѣе, что поэтъ «никого истинно не любилъ, кромѣ илии своей и потомъ сестры»³⁾, а потому она не считала нужнымъ

особенно подробно останавливаться на психологическихъ движеніяхъ Пушкина, въ глубинѣ которыхъ она разувѣрилась. Анненковъ называетъ⁴⁾ чувство Пушкина «мгновеннымъ порывомъ»; по порывъ этотъ былъ чрезвычайно силенъ, яровъ и доходилъ до экстаза, до бѣшенства, переливался въѣми отбѣнками чувства—отъ ибжной сентимен-

¹⁾ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ цитируетъ письмо по памяти и не совсемъ точно; мы приводимъ его по акад. изданію Перениска (т. I, стр. 251). Кстати, письмо это отнесено къ началу августа 1825 г., на основаніи почтового штемпеля 3-го августа; но такъ какъ письмо писано въ присутствіи самой Анны Петровны, которая уѣхала, какъ сейчасъ увидимъ, изъ Тригорскаго 19-го юли, то надо заключить, что письмо писано до этого числа и, заежавшись у поэта, было имъ лишь отправлено 3-го августа.

²⁾ «Пуникъ въ Алексанху», Сиб. 1874, стр. 282.

³⁾ «Русск. Стар.» 1870, т. I, изд. 3-е, стр. 233.

⁴⁾ Матеріалы для біографіи, изд. 1853, стр. 122.

тальности до кипучей страсти. Пушкинъ совершенно ошлѣблъ отъ очарованія красотой, забывъ на время все свои прежнія увлеченія и всецѣло отдавшись поглотившей его страсти. Анна Петровна уѣхала изъ Тригорскаго 19-го юли⁵⁾, увозя съ собою посвященные ей стансы и давъ Пушкину разрѣшеніе переписываться съ ней, а 21-го числа поэтъ уже пишетъ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ «въ грустномъ объясненіи»⁶⁾: «Все Тригорское поетъ: «Не мила ей прелесть пощ», а у меня сердце поетъ; вчера мы съ Алексѣемъ [Вульфъ] говорили битыхъ четыре часа. Никогда еще не было у насъ такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Средство чувства? Ничего этого не знаю; каждую ночь гуляю я по саду и говорю себѣ: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ на моемъ столѣ подлѣ вѣтки увиданаго геліотрона⁷⁾. Пишу много стиховъ—все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, влинуетъ вамъ, что о ней и помню ибтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье⁸⁾ со мною сдѣлались бы судороги отъ бѣшенства и ревности; но мнѣ просто досадно⁹⁾. Все же, однако, мысль, что я ничего для нея не значу, что, проблдивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее ни разсвѣннѣе среди ея триумфовъ, ни мрачнѣе въ дни грусти; что прелестные гла-

А. П. КЕРИЪ, въ 1840-хъ г.г.

Съ миниатюры, принадлежавшей Пушкинскому Дому.

Силуэтъ, относящійся къ 1825 году, см. т. II, стр. 291.

⁵⁾ См. отбѣтку въ календарѣ, сдѣланную П. А. Осиповою: В. Модзалевскій. Повѣдка въ Тригорское, Сиб. 1903, стр. 140.

⁶⁾ Перениска, томъ I, стр. 238—240, № 177. Здѣсь,

какъ и ниже, для писемъ Пушкина къ А. П. Кериъ (все они писаны по-французски) мы пользуемся переводами ихъ, напечатанными при ея воспоминаніяхъ въ «Библ. для Чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 120, 121, 122, 123, 137—144, а также и въ «Русск. Стар.» 1879, т. XXVI, стр. 326—349, вмѣстѣ съ оригиналами писемъ и со снимкомъ съ одного изъ нихъ (отъ 28-го августа); по ибкоторымъ мѣстамъ мы переводимъ самостоятельно.

⁷⁾ Анна Петровна, въ своихъ воспоминаніяхъ, дѣлаетъ къ этимъ словамъ примѣчаніе: «Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревьевъ. Вѣточку геліотрона она, точно, выросила у меня».

⁸⁾ 19-е юли (день отбѣзда А. П.) въ 1825 г. приходилось дѣйствительно въ воскресенье.

⁹⁾ Примѣчаніе А. П. Кериъ: «Ему досадно было, что братъ [Алексѣй Вульфъ] похлѣлъ провоззвать свою сестру [Анну Николаевну] и меня иблѣ въѣстѣ съ нами въ карету—Алексѣй Вульфъ, студентъ Дерптскаго Университета, также влибился въ свою кузину».

за ея остановится на какомъ-нибудь Рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же прозающимъ сердце и сладострастнымъ выраженіемъ,—нѣтъ, эта мысль невыносима для меня; скажите ей, что я узру отъ этого; нѣтъ, лучше не говорите, а то это очаровательное созданіе насмѣется надо мною! Но скажите ей, что если въ сердцѣ ея нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если нѣтъ въ немъ таинственнаго, меланхолическаго ко мнѣ влеченія, то я презираю ее, слышите-ли? Да, презираю, несмотря на все удивленіе, которое должно возбудить въ ней это столь необычное чувство.... Провлѣтый прѣздъ, проклятый отъ вѣдъ!»

Уже въ этомъ письмѣ мы слышимъ совсѣмъ не тѣ ноты, которыя такъ опредѣленно и цинично звучатъ въ приведенномъ выше письмѣ къ Родзянку: личное знакомство съ молодою женщиной, въ деревенской глуши, въ обстановкѣ, пропитанной поэтическими настроеніями и обаяніемъ юнаго женскаго общества, ея умъ, обольстительная, цвѣтущая красота съ извѣстной долей кокетства и скрытности своихъ личныхъ чувствъ заставили поэта говорить совсѣмъ другимъ языкомъ. Черезъ четыре дня онъ пишетъ уже самой Аннѣ Петровнѣ (25-го июля): «Я имѣлъ слабость просить разрѣшенія писать къ Вамъ, а Вы—дѣлкомысліе или кокетство дать мнѣ на то позволеніе. Я знаю, что перенесла ни къ чему не веду; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть хоть одно слово, написанное Вашею хорошею ручкой! Вашъ прѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе болѣе глубокое и мучительное, чѣмъ то, которое произвела на меня нѣкогда встрѣча пана у Олениныхъ. Въ моей печальной деревенской глуши я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться болѣе не думать о Васъ. Если бы въ душѣ Вашей была бы хотя капля жалости ко мнѣ, Вы сами должны были бы желать мнѣ этого; но нѣреспективность всегда жестока, и всѣ Вы, барыни, вертя головы какъ ни понадо, въ восхищеніи отъ сознанія, что есть душа, страждущая вамъ во славу и въ честь. Прощайте, божественная! бѣжусь и надаю къ Вашимъ пожеланіямъ. Тысячу любезностей Ермолаю Фодоровичу [Керну] и поклонъ г-жѣ Вульфъ.»

Слова берусь за него, потому что умираю со скуки и могу заниматься только Вами. Надѣюсь, что письмомъ это Вы прочтете украдкою; спрячьте-ли Вы его опять на груди? Панишете ли мнѣ длинный отвѣтъ? Пишите мнѣ обо всемъ, что Вамъ въ голову придетъ, заклинаю Васъ! Если Вы боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите compromettre себя, — измѣните почеркъ, подишитеесь пымышеннымъ именемъ, сердце мое сумѣетъ узнать Васъ. Если выраженія Ваши будутъ столь же нѣжны, какъ Вашъ взглядъ, тогда, увы! я постараюсь имъ повѣрить или же обмануть себя,—это все равно. Знаете ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона,—что скажетъ Анна Николаевна! Ахъ, Вы, чудотворца или чудотворица! Знаете что? пишите мнѣ!»

«Подуча это письмо, — рассказываетъ сама Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ, — я тотчасъ ему отвѣчала ¹⁾ и съ нетерпѣніемъ ждала отъ него втораго письма; но онъ это второе письмо вложилъ въ пакетъ тетюшкинъ [П. А. Осиповой],

а она не только не отдала мнѣ его, но даже не показала ²⁾. Тѣ, которые его читали, говорили, что оно было предельно кавъ мило». Въ письмахъ поэта къ П. А. Осиповой, относящихся въ этому періоду, есть отголоски того волненія, которое испытывалъ онъ въ данное время. Его мысли были въ Ригѣ; оустѣлое Тригорское навѣвало на него грусть. Въ одномъ недодешедшемъ до насъ письмѣ онъ писалъ (по-французски) слѣдующія строки, чрезвычайно вѣрно характеризующія Анну Петровну и сохранивныя намъ въ ея памяти (см. ея Воспоминанія и акад. изданіе Черениски, т. I, стр. 249): «Хотите ли знать, чѣмъ такое г-жа Кернъ? У нея гибкій умъ; она понимаетъ все; она легко огорчается и утѣшается точно такъ же; она застѣлива въ приемахъ, смѣла въ поступкахъ, но чрезвычайно какъ привлекательна». 7-го августа Пушкинъ получилъ отъ П. А. Осиповой первое письмо изъ Риги, написанное 31-го июля, на другой день послѣ ея прѣзда туда, а черезъ нѣсколько дней—письмо отъ Анны Петровны, и немедленно отвѣчалъ ей. Вотъ это письмо, писанное 14-го августа, въ пору, когда поэтъ былъ занятъ и вопросомъ о бѣгствѣ за границу, и озлобленъ денежными своими дѣлами и изданіемъ своихъ сочиненій,—въ пору, когда всѣмъ существомъ своимъ онъ рвался изъ заточенія и видѣлъ всю тщетность своихъ надеждъ на скорое освобожденіе: «Перечитываю Ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! предель! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя предестная, моя нѣжная, но это такъ! Что Вы божественны, никто въ этомъ не сомнѣвается, но иногда въ Васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла; еще разъ простите и утѣшитесь, ибо отъ этого Вы еще предестите. Напримѣръ, что хотите Вы сказать, говоря о печаткѣ, которая должна быть для Васъ прилична и Вамъ правиться счастливая печатка!) и о разъясненіи значенія которой Вы спрашиваете меня. Если только тутъ не вроеется какой-либо двусмысленности, то я рѣшительно не догадываюсь, чего Вы желаете. Или Вы просите меня придумать для нея девизъ! Въ такомъ случаѣ это было бы совершенно на подобіе Нетти. Быть такъ, запечатывайте непрежнему: все скоро, а здорово», лишь бы эти слова не послужили девизомъ для Вашего путешествія въ Тригорское,—и побесѣдуемъ о другомъ. Вы говорите, — продолжаетъ Пушкинъ, снова намѣренно впадая въ прежній циничный тонъ,—что я не знаю Вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло?—Очень я о немъ думаю! Развѣ у хорошеющихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное—глаза, зубы, руки и ножки (прибавилъ бы и сердце, но Ваша кузина [А. П. Вульфъ] очень ужъ опознала это слово) ²⁾. Вы говорите, что

¹⁾ Письмо это сохранилось у П. А. Осиповой и теперь находится, вмѣстѣ съ другими письмами къ ней Пушкина, въ Им. Публ. Библиотѣ. Впервые напечатано въ «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 506—509, съ переводомъ.

²⁾ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ неоднократно останавливается на этомъ циничномъ, болѣе позавномъ, чѣмъ дѣйствительномъ, взглядѣ Пушкина на женщину. «Живо посприимая добро, Пушкинъ, однако, какъ мнѣ кажется, не увлеклся имъ въ женщинахъ; его гораздо болѣе очаровывало въ нихъ остроуміе, блескъ и живинія красота. Кокетливое желаніе ему поправиться не разъ привлекало вниманіе поэта

¹⁾ Отвѣтъ этотъ до насъ не дошелъ,

Васъ легко узнать; Вы хотѣли сказать: полюбить. Съ этимъ и пьесма согласенъ и самъ скажу тому яснымъ доказательствомъ: я ведь себя съ Вами какъ 14-тилѣтній мальчишка — это не годится, но съ тѣхъ поръ, что я болѣе не вижу Васъ, по-прежнему беру обратно утраченное превосходство свое надъ Вами и пользуюсь имъ, чтобы бранить Васъ. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мнѣ... Пить, не хочу я Вашихъ обиданий; да, кромѣ того, пьесма—пѣть такое холодное: въ просьбѣ, переданной по почтѣ, пѣть ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни граціи, ни обольстительности (volupté). Итакъ, до свиданія и пого ворюмъ о другомъ. Что полагаетъ Вашего супруга? надѣюсь, что у него была славная принадевка на другой день послѣ Вашего приѣзда. Подѣлюмъ ему! Если бы Вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтениемъ, чувствую я къ этому человеку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы онъ игралъ въ карты и чтобы у него была подара! Въ этомъ моя единственная надежда!

Перечитывалъ еще разъ Ваше пьесма, и пахожу къ нему ужасное сдѣл, котораго сначала я не замѣтилъ. Если моя кузина оставалась, то и выче осенью я приѣду и проч. Ради Бога, пусть она остается. Постарайтесь чѣмъ-нибудь занять ее,—вѣдь ничто пѣть легче: прикажите какому-нибудь офицеру Вашего гарнизона влюбиться въ нее, и, когда придетъ время ей ѣхать, досадите ей, отбивъ у нея ея вздыхателя; это еще того легче. Не показывайте ей этого пьесма, но крайней мѣрѣ,—а то она изъ упрямства способна сдѣлать совершенно противоположное тому, что нужно. Что дѣлаете Вы съ Вашимъ кузенкомъ? [А. П. Вульфому?] отивчайте мнѣ, но откровенно. Отсылайте-ка его поскорѣе въ его университетъ; не знаю почему, но я студентовъ такъ же не люблю, какъ и г. Керпа. Достоинѣйшій человекъ этотъ г. Керпъ, степенный, благоразумный и т. д.,—однимъ только въ немъ недостатокъ: зачѣмъ онъ Вашъ мужъ. Какъ можно быть Вашимъ мужемъ? Объ этомъ я не могу составить себѣ представленія, точно такъ же, какъ о рабѣ. Это все было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ Васъ пьесма. Этого не случилось, и я въ самомъ собачьемъ настроеніи духа, хоти это ужъ совершенно несправедливо: я бы долженъ былъ быть благодарнымъ за прошлый разъ,—знаю; но что Вы хотите? Умолю Васъ, божественная, скажитесь надъ моею слабостью, пишете мнѣ, любите меня,—и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку».

Одна изъ ближайшихъ почтъ принесла Пушкину еще письмо отъ Анны Петровны, и онъ отвѣчалъ ей (около 24-го августа): «Вы несносны; я совѣмъ-было собрался писать Вамъ о дурачествахъ, которыя застали бы Васъ помирять со смѣху, и вдругъ Ваше письмо повергло меня въ печаль изъ самый разгар моего увлеченія. Постарайтесь отдѣлаться отъ этихъ спазмовъ, которыя хотя и придаютъ Вамъ столько привлекательности, но ни чорта не стоятъ,—увѣряю

гораздо болѣе, чѣмъ истинное и глубокое чувство, имя внушенное. Самъ онъ почти никогда не выражалъ чувствъ; онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ смыслѣ былъ сыномъ своего вѣка» (А. Майковъ, Пушкинъ, стр. 263; ср. тамъ же, стр. 252: «Русск. Стар. 1870 г., т. I, изд. 3, стр. 235; «Пушкин и его совр.», вып. V, стр. 144—145).

Васъ. Отчего Вы все заставляете меня бранить Васъ? Если у Васъ рука была на переднѣ, по сдѣлано швать ко мнѣ; что за сумасбродство! Скажите, однако, что сдѣлалъ Вамъ этотъ бѣднѣйшій мужъ? Уже не решаетъ ли онъ грѣхомъ? Что-жъ, скажу Вамъ, что онъ былъ бы и правъ. Вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. А хорошенькая женщина! властная, имѣть любовницкошъ¹⁾. Боже меня избави проповѣдывать Вамъ мораль, но все же къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ. Ради всего на свѣтѣ, не прибѣгайте къ насильственнымъ мѣрѣмъ. Послушантесъ; право, я говорю Вамъ отъ чистаго сердца. За 400 верстъ Вы ухитрились возбудить во мнѣ решимость; что же должно быть въ 4 шагахъ? (NB. Я очень хотѣлъ бы знать, почему двоюродный Вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15-го числа сего мѣсяца и почему имя его три раза сорвалось съ Вашего пера въ пьесмѣ Вашемъ ко мнѣ! Нескромность въ сторону,—нельзя ли это узнать? Простите, божественная, что я такъ откровенно высказываю Вамъ свой образъ мыслей; это—доказательство самое истиннаго моего къ Вамъ участія; я люблю Васъ гораздо болѣе, нежели Вы думаете. Постарайтесь же хотя мало-мальски поладить съ этимъ гнуснымъ г. Керпомъ. Прекрасно понимаю, что онъ не долженъ быть великій гений, но, наконецъ, и не совершенный же онъ цѣлѣть. Мягкости, кокетливости (и въ особеннѣсти, ради Бога, отказы, отказы и отказы) поперичуть его къ Вашимъ позкамъ—мѣсту, изъ-за котораго я ему завидую отъ глубины моей души,—по какъ быти! Я въ отчаяніи отъ отѣзда Аннеты; во что бы то ни стало, но Вамъ непременно должно приѣхать осенью сюда или хотя по Некову. Предложю можетъ быть болѣзнь Аннеты. Что Вы объ этомъ думаете? Отвѣчайте мнѣ, умолю Васъ, и ни слова объ этомъ А. Вульфу. Приѣдете? Не правда ли? До тѣхъ поръ не рѣшайте ничего относительно Вашего мужа. Вы молоды, дѣлая будущность передъ Вами, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ числа такихъ, которые неспособны присовѣтовать рѣшительныя мѣры—никогда это неважно, но прежде всего сдѣлается поразсудить хорошенько, не дѣлая безполезныхъ взрывовъ.

Прощайте; теперь ночь, и Вашъ образъ чудится мнѣ, полный грусти и сладострастной пѣни,—я будто вижу Вашъ взглядъ, Вашъ полуоткрытый ротикъ. Прощайте,—я представляю себя у ногъ Вашихъ, скажимо ихъ, чувствую прикосновеніе Вашихъ кожныхъ,—всю кровь мою отдаю бы я за минуту дѣйствительности. Прощайте и вѣрте моему бреду; онъ смѣшонъ, но некрещъ».

Черезъ нѣсколько дней, 28-го августа, Пушкинъ снова пишетъ Аннѣ Петровнѣ, образъ которой не даетъ ему покоя: «Вотъ пьесма къ Вашей тетункѣ. Вы можете оставить его у себя, если случится, что ихъ уже пѣть въ Ригѣ. Скажите на милость, можно ли быть такою вѣтренницей, какъ Вы? Какимъ образомъ пьесма, адресованное Вамъ, попало не въ Ваши а въ другія руки? Но что сдѣлано, то сдѣлано,—поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать».

Если Вашъ почтенивѣйшій супругъ слишкомъ докучаетъ Вамъ,—бросьте его, но знаете ли какъ

¹⁾ Завѣкъ непереходимая игра словъ: «Une jolie femme est bien maîtresse... d'être la maîtresse».

Вы оставляете там все семейство, берете почтовых на Островъ и прибъжаете... куда? въ Тригорское? Вовсе нѣтъ!—въ Михайловское. Вотъ прекрасный проектъ, который уже четверть часа мучить мое воображеніе. Но понимаете ли, какое это было бы для меня счастье? Вы скажете мнѣ: «А огласка? а скандалъ?» Кой чортъ! Уже бросал мужа, дѣлаютъ полнѣйшій скандалъ, и все прочее уже ничто или очень мало. Но согласитесь, что проектъ мой—романтическій. Сходство характеровъ, ненависть къ преградамъ, органъ нарѣнія, развитый въ сильной степени, и пр. и пр. Можете представить себѣ удивленіе Вашей тетушки. За этимъ послѣдуетъ разрывъ. Вы будете вѣдаться съ Вашей кузиной тайкомъ,—а это сдѣлаетъ дружбу менѣе пошлой, и разъ Кернь умретъ, Вы будете свободны, какъ воздухъ... Итакъ, что Вы на это скажете? Вѣдь я говорилъ Вамъ, что я способенъ дать Вамъ совѣтъ смѣлый и внушительный.—Поговоримъ, однако, серьезно, то-есть хладнокровно. Увижу ли я Васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете мнѣ: успокойтесь. Очень бы радъ, но какъ? Влюбиться? Невозможно: прежде всего надобно позабыть Ваши сказы! 1) Покончить свою родину? улавиться? жениться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями, и я на это не согласенъ. Ахъ, Ваши письма! Кетати, какъ я буду подучать ихъ? Ваша тетушка не желаетъ этой переписки, столь дѣломудренной, столь певниной (да и какъ же иначе... за 400 верстъ). Очень можетъ быть, что письма наши будутъ перехватывать... прочитывать... истолковывать... и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить Вашъ почеркъ, а тамъ я увижу, по шниту мнѣ, пишете много, и вдоль, и поперекъ, и по діагонали (геометрическій терминъ 2). А главное—дайте мнѣ надежду снова увидѣть Васъ. Иначе я, право, постараюсь влюбиться въ кого-нибудь другого. Да, я и забылъ: я только что написалъ письмо Петти, очень лѣзное, очень униженное. Съ ума схожу по Петти. Она панва, а вы нѣтъ. Отчего Вы не пишете? Не правда ли, я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ при личныхъ сношеніяхъ? Но право, если вы придѣте, я общаю Вамъ быть любезнѣмъ до чрезвычайности: я буду веселъ въ понедѣльникъ, яосторженъ во вторникъ, лѣженъ въ среду, легкомысленъ въ четвергъ, въ пятницу, субботу и воскресенье буду чѣмъ Вамъ угодно,—и всю недѣлю у ногъ Вашихъ. Прощайте. Не распечатывайте прилагаемаго письма: это нехорошо; Ваша тетушка на это разсердится. Но подвиньтесь, какъ Господь Богъ перемѣнялъ все: г-жа Осипова распечатываетъ письмо къ Вамъ, Вы распечатываете письмо къ ней, я распечатываю письмо Петти—и каждый изъ насъ находитъ въ нихъ нѣчто назидательное. Это прелестно! Въ письмѣ къ П. А. Осиповой, которое поэтъ посылалъ съ письмомъ къ А. П. Кернь, и которое заволнено почти всею, онъ писалъ: «Такъ, милостивая государыня, да будетъ стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ. Ахъ, то-то злые люди тѣ, которые ду-

маютъ, что переписка можетъ привести къ чему-нибудь! Ужъ не во собственному ли опыту знаютъ они это? Но я прощаю имъ, сдѣлайте то же и Вы и будемъ продолжать. Ване послѣднее письмо (писанное въ полночь) прелестно, я отъ всего сердца смѣлся; но Вы слишкомъ строги къ Вашей милой племянницѣ; правда, ова вѣтренна, но терпѣвѣе—еще какъ-нибудь два десятка лѣтъ, и ручаюсь Вамъ, она исправится. Что же касается до ея кокетства, то Вы совершенно правы: она хоть кого приведетъ въ отчаяніе. Какъ не довольствоваться тѣмъ, чтобы правиться явовельможному господину Керну, коль скоро она имѣетъ это счастье? Такъ нѣтъ, нужно еще кружить голову вашему сыну, ея кузену! Прибъжаетъ она въ Тригорское, и ей приходится на умъ пѣвнить г. Рокотовъ и меня; но и этого мало: прибъвъ въ Ригу, она видитъ въ ея проклятой крѣпости проклятаго узника, и дѣлается кокетливѣе Провиднѣемъ этого океаннаго каторжника. Но и это еще не все: Вы увѣдомляете меня, что въ дѣлѣ замѣшаны еще и мундиры! О, къ примѣру сказать, это уже слишкомъ! Объ этомъ узнаеть г. Рокотовъ, и мы увидимъ, что онъ скажетъ на это. Но, милостивая государыня, серьезно ли Вы думаете, что она кокетничаетъ безъ разбору? Она говоритъ, что и нѣтъ, и мнѣ хотѣлось бы этому вѣрить; еще болѣе успокаиваетъ меня то обстоятельство, что не всѣ ухажиають на одинъ ладъ, и лишь бы другіе были почтительны, робки и дѣлкатны,—вотъ все, что мнѣ нужно. Благодарю Васъ, м. г., что Вы не передали ей моего письма: оно было чрезчуръ ибжно, а при нѣмнѣннхъ обстоятельствахъ это было-бы слишкомъ смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мнѣ дерзостью, и рѣшительно прерву съ ней всѣ сношенія; тогда не скажутъ, что я старался внести смуту въ ибдра семьи; что Ермолай Федоровичъ можетъ обаянть меня въ томъ, что я человекъ безъ правилъ; что жена его можетъ издѣваться надо мною. Какъ Вы любезны, найдя вортретъ похожимъ: «смѣла въ» и т. д. 1). Не правда ли? Она тоже говоритъ, что нѣтъ, но конечно; я не буду ей болѣе вѣрить. Прощайте, м. г., Вашего возвращенія ожидаю я съ большимъ нетерпѣнѣемъ; мы позлословимъ насчетъ сѣверной Петти, по поводу которой я всегда буду сожалѣть, зачѣмъ ее увидѣлъ, и еще болѣе, зачѣмъ я... 2). Простите это нѣсколько слишкомъ откровенное признаніе тому, который любитъ Васъ очень лѣжно, хотя и совершенно иначе.

Письмо это не застало П. А. Осипову въ Ригѣ: она уже вернулась съ дочерью въ Тригорское, поссорившись съ племянницей за ея переписку съ поэтомъ. Но переписка эта еще ибкоторое время продолжалась. «Ради Бога,—писалъ Пушкинъ 22-го сентября;—не отсылайте г-жѣ Осиповой письмо, которое Вы нашли въ Вашемъ пакетѣ. Развѣ Вы не шдете, что оно было написано единственно для Вашего назиданія? Оставьте его у себя—или Вы насъ поссорите. Я сдѣлалъ ибкоторые шаги къ примиренію Васъ обихъ, но послѣ Вашихъ послѣднихъ опрометчивыхъ поступковъ терю надежду на успѣхъ... Кетати, Вы кланяетесь мнѣ всѣми свѣтлыми, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ Вы «на ты» съ Вашимъ кузе-

1) См. выше, въ предыдущемъ письмѣ въ «Русск. Стар.», т. XXVI, стр. 310, переведено «Ваши предсти», тогда какъ въ подлинникѣ написано «vos spasmes».

2) Отсюда вверхъ, панкось, написано: «вотъ что значить діагональ».

1) См. выше, отрывокъ изъ несохранившагося письма къ П. А. Осиповой.

2) Ибсколько словъ зачеркнуто.

номъ; Вы говорите ему: «я презираю твою мать»; вѣдь это ужасно? Слѣдовало сказать: «Вашу мать», и даже ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Решимость въ сторону,—я совѣтую Вамъ прервать эту перенеску, совѣтую, какъ другъ, истинно Вамъ преданный, безъ всякихъ фразъ и кривляній. Не постигаю, что за дѣлъ у Васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ (не поэтомъ) и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Когда онъ былъ близъ Васъ,—Вы знаете, что и находилъ это совершенно естественнымъ, ибо надобно же быть разумнымъ, а Рншено, не правда ли? Никакой перенески,—и ручаюсь Вамъ, что онъ оттого менѣе влюбленъ не будетъ. Серьезно-ли Вы говорите, дѣлалъ видъ, что одобряете мой проектъ? У Анетты отъ этого морозъ по кожѣ пробѣжалъ, а у меня голова закружилась отъ радости. Но я не вѣрю въ счастье, и это весьма извинительно. Ужели, Вы, ангелъ любви, захотите убѣдить мою недоверчивую и уводящую душу? Но ирѣзжайте, по крайней мѣрѣ, во Псковъ ¹⁾; это Вамъ будетъ такъ легко сдѣлать. При одной мысли объ этомъ сердце у меня бьется, темнѣютъ въ глазахъ, и истема овладѣваетъ мною. Неужели и эта надежда не осуществится, какъ столько другихъ!! Перейдемъ къ дѣлу; прежде всего, вамъ нуженъ предлогъ: болѣзнь Анетты; что Вы на это скажете? Или, еще лучше, не съѣдите ли Вы въ Петербургъ? Вы дадите мнѣ знать объ этомъ, да? Не обманите меня, прелестный ангелъ! Какъ я былъ бы вамъ обязанъ, если бы разстался съ жизнью, познавъ счастье! Не говорите мнѣ о томъ, что увидѣлись мнѣ: это не есть чувство. Говорите мнѣ о любви: вотъ чего я жажду. Но главное,—не говорите мнѣ о стихахъ... Вашъ совѣтъ писать къ Его Величеству тронуть меня, какъ доказательство, что Вы думали обо мнѣ; благодарю тебѣ я колѣнопреклонно за это совѣтъ, но послѣдовать ему не могу. Участи моего существованія должна рѣшить судьба; я не хочу въ это вмѣшиваться. Надежда еще разъ увидѣться съ Вами, прелестно и молодою,—единственная вещь, которую я дорожу. Еще разъ,—не обманите меня.—Завтра—день рожденія Вашей тетушки,—стало быть я буду въ Тригорскомъ. Ваша мысль выдать замужъ Анетту, чтобы имѣть у нея убѣжище,—мысль похитительная, но я ей еще не сообщалъ о ней. Отвѣчайте, ради Бога, на главные пункты этого письма, и я повѣрю, что мнѣ стѣбитъ еще того, чтобы въ немъ жить».

Въ началѣ октября Анна Петровна вторично посѣтила П. А. Осипову въ Тригорскомъ,—на этотъ разъ не одна, а съ мужемъ. «Вы видѣли изъ писемъ Пушкина, сообщала она П. В. Анненкову ²⁾, что она [П. А. Осипова] сердилась на меня за выраженіе въ письмѣ къ Алексѣю Вульффу. «Je m'érise ta mère». Еще бы! И было за что. Кернъ предложилъ мнѣ поухать; я не желала, потому что Пушкинъ, изъ угожденія къ тетушкѣ, пересталъ мнѣ писать, а она сердилась. Я сказала мужу, что мнѣ человекъ бѣжать къ тетушкѣ, когда она сердится; онъ, ни въ чемъ не сомнѣвающійся, какъ и слѣдуетъ храброму генералу, объявилъ, что беретъ на себя пасть поминуть. Я согласилась. Онъ устроилъ романтическую

сцену въ саду (надъ которой мы послѣ съ Анной Николаевной очень смѣлялись). Онъ пошелъ впередъ, оставивъ меня въ завязкѣ; я черезъ двѣли и садъ пошла послѣ—и узнала въ объятіи этой милой, смѣшной, всегда оригинальной маленькой женщины, вышедшей ко мнѣ навстрѣчу въ толпѣ всего семейства. Когда она меня обняла, тогда всѣ бросились ко мнѣ,—Анна Николаевна первая. Пушкина, прибавляетъ Анна Петровна, «тутъ не было, но я его нѣсколько разъ видѣла; онъ очень не поладилъ съ мужемъ, а со мною опять былъ по-прежнему, и даже болѣе, и бѣженъ, боясь всѣхъ глазъ, на него и на меня обращенныхъ». При личныхъ отношеніяхъ съ Анной Петровной Пушкинъ терпѣлся, бывалъ застѣчивъ и человекъ, что и самъ признавалъ,—терпѣлъ тотъ смѣлый, даже дерзкій тонъ, въ которомъ писалъ свои письма къ ней. 10-го октября онъ писалъ Алексѣю Вульффу: «Вы, конечно, уже знаете все, что касается до проѣзда Анны Петровны. Мужъ ея очень милый человекъ,—мы познакомились и подружались» ¹⁾. Изъ Тригорскаго Кернъ вернулся въ Ригу, а затѣмъ Анна Петровна переехала въ Петербургъ. «Увѣжалъ изъ Риги»,—рассказываетъ она ²⁾, «я послала ему послѣднее изданіе Байрона, о которомъ онъ такъ давно хлопоталъ, и получила еще письмо, чуть ли не самое любезное изъ всѣхъ прочихъ,—такъ онъ былъ признателенъ за Байрона». «Никакъ не ожидалъ я, очаровательница», писалъ Пушкинъ въ этомъ письмѣ (8-го декабря), «чтобы Вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины сердца благодарю Васъ. Байронъ ³⁾ подучилъ въ глазахъ моихъ новую прелесть,—всѣ героини его облекнутся въ мое воображеніе въ черты, забыть которыя невозможно. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Лептѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть болѣе божественно прекрасенъ. Итакъ, Васъ и всегда Васъ судьба послыжаетъ для улаженія моего уединенія! Вы—ангелъ-утѣшитель, а я—ничто иное, какъ неблагодарный, потому что еще рошшу. Вы ѣдете въ Петербургъ,—и мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо. Быть можетъ, переживна, только-что происшедшая ⁴⁾, приблизитъ меня къ Вамъ,—не смѣю на это надѣяться. Не станемъ вѣрять надеждѣ: она ничто иное, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ со старыми мужьями. А что подбываетъ Вашъ мужъ, мой краткій геній. Знаете ли,—я въ его образѣ представляю себѣ правотъ Байрона, разумѣя въ томъ членѣ и жену его.—Опять беру съ перо, чтобы сказать Вамъ, что я у ногъ Вашихъ; что я все люблю Васъ; что иногда ненавижу Васъ; что третьяго дня говорилъ про Васъ ужасныя вещи; что я дѣлаю Ваши прелестныя ручки; что снова дѣлаю ихъ, въ ожиданіи лучшаго, что болѣе силъ моихъ имѣть; что Вы божественны и т. д.»

На этомъ письмѣ прекратилась переписка Пушкина ⁵⁾ съ женщиною, которая вызвала въ

¹⁾ Переписка, т. I, стр. 304.

²⁾ Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 246.

³⁾ Въ припискѣ къ этому письму Анна П. Вульфъ писала: «Байронъ помирилъ тебя съ Пушкинымъ; онъ послыжаетъ тебѣ деньги—125 р.—сто пятидесяти дѣну».

⁴⁾ Т. е. смерть Александра I.

⁵⁾ Если не считать одной записочки Пушкина (второй половины декабря 1824 г.), лишь пренормально отпосадеией къ Кернъ, и въ которой

¹⁾ Пушкинъ только что получилъ разрѣшеніе слѣдовать туда для совѣта съ врачомъ.

²⁾ Въ письмѣ отъ 6-го іюня 1839 г.—Л. Майковъ. Пушкинъ, Сиб., 1899, стр. 246.

неть чувства такой пылкой любви, примѣровъ которой,—по крайней мѣрѣ, въ такомъ реальномъ отраженіи, какъ письма его, мы не имѣемъ болѣе въ биографіи поэта. Письма эти давно и посправедливо останаливались на себѣ вниманіе биографовъ¹⁾. Но мнѣнію В. Я. Стоюнина²⁾, въ нихъ «высказалась вполнѣ» страстная натура Пушкина: «Прочитавъ его письма, каждый скажетъ, что ихъ пишетъ не только влюбленный до безумія человекъ, но и человекъ необыкновенный. Тутъ раскрывается вся душа его, какъ и у всякаго въ порывѣ страсти. Всѣ вообще его пріятельскія письма отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, неожиданными оборотами рѣчи, шутливымъ тономъ, даже и тогда, когда, кажется, совсѣмъ бы не до шутокъ; по въ письмахъ къ любимой женщинѣ все это еще усиливается, а между тѣмъ здѣсь слышится и бѣшеная любовь, и вѣжливость, и опасенія, и подозрѣнія, и ревности,—и ничего нѣтъ натянутаго, фальшиваго, придуманнаго».—А. А. Венкстеръ³⁾, говоря, что встрѣча Пушкина съ красавицей произвела на него ошляющее дѣйствіе, и что въ его сердцѣ вспыхнула любовь, не похожая на тѣ полуслучайныя увлеченія, которыми онъ платилъ долгъ красотѣ тригорскихъ барышень, говоритъ: «Это была страсть безумная и необузданная, на которую только способна была африканская натура поэта, страсть со всеми ея порывами, сомнѣніями, восторгами и страданіями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прослѣдить тѣ бѣшеные качанія отъ безграничной вѣжливости къ упрекамъ, ревности, почти ненависти, которыми переполнены письма Пушкина къ А. П. Кернь». В. В. Сиповскій⁴⁾, справедливо замѣчая, что письма эти, «столь нестрыя по настроенію, вполнѣ отразили тѣ полныя противорѣчій чувства, которыя поэтъ питалъ по отношенію къ Кернь», превосходно ихъ характеризуетъ: «Письма... рисуютъ намъ эту своеобразную любовь, отливающую самими прихотливыми красками,—отъ головокружительной земной страсти до благовѣшнаго, чистоэстетическаго преклоненія передъ ея неземной красотой... Муки ревности, радость мимолетной ласки, остроты и даже прозрачныя двусмысленности,—все сверкаетъ разноцвѣтными искрами въ этихъ семи письмахъ»...

онъ проситъ прислать ему доктора Аренда (Переи., т. I, стр. 316, отрывка изъ письма къ А. П. Вульфъ (окт.—нояб. 1828 г.) изъ Мадришковъ (Переи., т. II, стр. 80) и дволѣтнихъ записокъ 1832—1833 г.

¹⁾ Только А. Е. Заринъ, посвятившій А. П. Кернь особую главу въ своей брошюрѣ «Увлеченія А. С. Пушкина женщиной», Сиб. 1901, стр. 48—62, находитъ письма эти заурядными и даже пошлыми. Отношенія Пушкина къ Кернь онъ считаетъ не стоящими вниманія, недобрымъ: «Пушкинъ не могъ бы писать въ такомъ тонѣ женщинѣ, которую онъ полюбилъ глубоко и чисто»,—какъ будто только «глубокая и чистая» любовь поэта можетъ интересоваться насъ. Въ книгѣ А. Н. Неделенова «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Сиб. 1903, посвящена особая глава разбору отношеній Пушкина къ А. П. Кернь (стр. 268—277), прослѣженныхъ по его письмамъ и стихотвореніямъ данной эпохи.

²⁾ Пушкинъ, изд. 2, Сиб. 1906, стр. 230—262.

³⁾ А. С. Пушкинъ, М. 1899, стр. 86—87.

⁴⁾ Пушкинъ, Жизнь и творчество, Сиб. 1907, стр. 238—239.

Что касается дивнаго стихотворенія: «Янмюню чудное мгновеніе», то ему посвященъ особый этюдъ П. П. Черняева: «Посланіе «Къ А. П. Кернь» Пушкина и «Алла-Рукъ» Жуковскаго»—въ сборникѣ «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», (Харьковъ. 1900, стр. 33—64), и замѣтка П. О. Сумцова въ его «Изслѣдованіяхъ о поэзіи Пушкина» (Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память Пушкина, X. 1899, стр. 229—233), «Янмюню чудное мгновеніе»,—пишетъ г. Черняевъ,—«одно изъ гениальнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубинѣ содержанія, возвышенности и искренности чувства. Если бы Пушкинъ ничего не написалъ, кромѣ этой очаровательной пьесы, его пѣзья было бы не признать первокласснымъ поэтомъ. Доказъ будетъ... звучать и изучаться русскій языкъ...», посланіе «Къ А. П. Кернь» будетъ читаться и перечитываться, вызывать восторги и удивленіе, смѣяться, трогать и умилять человѣчскія сердца, вдохновлять талантливыхъ композиторовъ и вызывать соревнованіе даровитыхъ актеровъ, способныхъ истолковывать великія созданія великихъ поэтовъ посредствомъ дикціи, мимики и жеста. «Янмюню чудное мгновеніе» можетъ выдержать любое сравненіе. Это такой дивный гимнъ въ честь возрождающаго и облагораживающаго вліянія одухотворенной красоты, которымъ могла бы гордиться любая литература. Своимъ посланіемъ «Къ А. П. Кернь» Пушкинъ обезсмертилъ ее такъ же, какъ Петрарка обезсмертилъ Лауру, а Данте—Беатриче. Пройдутъ вѣка, и когда множество историческихъ событій и историческихъ дѣятелей, которые представляются намъ очень крупными, будутъ забыты,—личность и судьба Кернь, какъ вдохновительница Пушкинскія музы, будутъ возбуждать болѣе широкій интересъ, вызывать споры, предположенія и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами и скульпторами... Въ этомъ стихотвореніи нѣтъ метафоръ. Поэтъ хотѣлъ сказать имъ именно то, что говоритъ въ немъ. Оно вышло у Пушкина прямо изъ души¹⁾, было порожденіемъ внутренняго опыта и самообладанія. Подъ обаяніемъ красоты въ поэтѣ пробуждался и ярко сказывался и религіозное чувство съ его высокими порывами, и художественное творчество, и способность жить самою полною жизнью, и способность плакать благодатными слезами счастья и любви. Посланіе «Къ А. П. Кернь» имѣетъ важное значеніе не только какъ поэтическая исповѣдь Пушкина, но и какъ психологическій этюдъ, раскрывающій одну изъ благороднѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Посланіе «Къ А. П. Кернь» всегда будетъ приводиться, какъ неотразимое доказательство противъ безотрадно скептическаго и пессимистическаго отношенія къ человѣческой природѣ». Далѣе въ своемъ очеркѣ г. Черняевъ

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, что черновика этого стихотворенія не сохранилось, а можетъ быть и не было. То, что напечатано г. Евг. Вашковымъ въ «Русск. Мысли» 1900 г. (№ 4, стр. 126), какъ черновой автографъ Пушкина, писано не Пушкина рукою и представляетъ собою подражаніе какому-то неопытнаго стихотворца, замѣтовавшаго взѣчься Пушкина цѣлыми выраженіями; конечно, не Пушкинскимъ писана и та рукопись, которая воспроизведена въ журн. «Звѣзда» 1887 г., и въ «Историч. Вѣстникѣ» 1899 г. Ср. П. А. Ефремовъ «Минуты Пушкина» Сиб. 1903, стр. 26—27.

справедливо возражает П. О. Сумцову, сблизившему¹⁾ это стихотвореніе съ пьесой Уордсворта «Phantom of delight», и пелль за Анненковымъ изд. 1833 г., т. II, стр. 187) находить лишь сходство основной мысли этого посланія съ дилебскимъ стихотвореніемъ самого Пушкина «Къ ней» (Е. П. Бакушиной, 1817 г.; см. наст. изд., т. I, стр. 421—440²⁾), которое является лишь юношескимъ эскизомъ въ сравненіи съ законченной, дилебной партией, но неудачно сблизаетъ его съ «Галлою-Рукъ» Жуковскаго, откуда, по его мнѣнію, онъ взялъ и выраженіе «тебѣй шестой красоты», и мысль угодить Керъ мнмолетному виднню — хотя тутъ же не можетъ не признать, что Пушкинъ «творилъ самостоятельно, а не подражалъ Жуковскому»³⁾.

Разсказаннымъ эпизодомъ не ограничилось сношенія Пушкина съ А. П. Керъ, и она оставила намъ много любопытныхъ повѣствованій о дальнѣйшихъ встрѣчахъ и отношеніяхъ свдзяхъ своихъ съ поэтомъ⁴⁾. Огесыла читателей къ этимъ интереснымъ повѣствованіямъ, скажемъ лишь о самой Аннѣ Петровнѣ. Познавъ Ригу и бросивъ тамъ ненавистнаго своего мужа, Анна Петровна перебралась въ Петербургъ и поселилась сперва у Л. С. и О. С. Пушкиныхъ, а затѣмъ, съ отцомъ и сестрою Елизаветою Петровною⁵⁾, у Обухова моста. Въ періодъ, послѣдовавшій за отбѣдомъ ея изъ Тригорскаго,—въ 1826 году, мы находимъ неоднократно упоминанія объ Аннѣ Петровнѣ въ письмахъ къ Пушкину А. П. Вульфъ, влюбившейся въ поэта и потому увезенной матерью (которая къ тому же сама рѣшилась къ нему свою дочь) въ Тверское мнѣе Малишники⁶⁾. Письма Анны Николаевны вообще очень любопытны для біографіи поэта⁷⁾ и вводятъ насъ въ ту атмосферу мелкихъ жеманскъ самолюбій, интригъ, ревности и поклоненія, которыми былъ окруженъ поэтъ въ своемъ заточеніи. По письмамъ этимъ видно, что въ 1826 г. Керъ позна-

комилась и очень сдружилась съ сестрою поэта — Ольгою Сербевной. «Какъ и была удивлена — узнавъ въ письмѣ А. П. Вульфъ отъ 2-го іюня 1826 г., — получивъ болное посланіе отъ Вашей сестры, въ которомъ она пишетъ мнѣ вмѣстѣ съ А. Керъ; онѣ въ посторѣ другъ отъ друга. Делю¹⁾ писать мнѣ тысячу пѣкносетъ въ томъ же письмѣ и, въ моемъ великомъ удивленію, я нахожу тамъ же пѣкносетъ строки Дельвига, который оставилъ мнѣ большое удовольствіе. Однако, мнѣ кажется, что Вы немножко ревнуете ко Льву. Я нахожу, что А. Керъ прелесть, несмотря на свои огромныя жнотъ,—это выраженіе Вашей сестры. Вы знаете, что она осталась въ Петербургѣ, чтобы тамъ развѣстись отъ брешнъ, а потому она предполагаетъ прѣхать сюда²⁾. Вы хотите отомстить на жѣнѣ Льва его уснбнхъ передъ моею кузиной: это не свидѣлается въ безразличнхъ къ ней съ Вашей стороны». 31-го іюня О. С. Пушкина пишетъ брату, что она «такъ сдружилась съ Керъ, что крестила ея ребенка», которому она, въ честь ея, дала имя Ольги. Въ письмѣ отъ 11-го сентября Анна Николаевна, уже изъ Петербурга, пишетъ Пушкину по поводу его освобожденія изъ Михайловскаго заточенія: «Аннеть Керъ принимаетъ живѣешее участіе въ Вашей судьбѣ. Мы говоримъ только о Васъ; она одна пошмаетъ мени, и только съ нею я плачу». «Плетисю, Козловъ, Гибнеть, Сленинъ, Керъ, Анна Николаевна—всѣ прнглнютъ и поздравлнютъ тебѣ», — сообщаетъ Дельвигу Пушкину³⁾. «А. Керъ вамъ велитъ сказать, что она безкорыстно радуется Вашему благополучію и любить искренно и безъ зависти», — пишетъ поэту А. П. Вульфъ 16-го сентября.

Отношенія, по крайней мѣрѣ еще пѣкнотное время, поддерживались и перенескою: «Что дѣлаетъ Вашлоскал блуднща Анна Петровна», спрашивалъ поэта Алексѣя Вульфа 7-го мая 1826 г.: «Говорятъ, что Болтинъ очень счастливо металъ противъ почтеннаго Ермолая Федоровича. Мое дѣло—сторона, но что скажете Вы? Я и пѣсаль ей: «Вы прнстрондн Вашнхъ дѣтей,—это очень хорошо; но прнстрондн-ли Вы Вашего мужа? послѣднее гораздо болѣе затруднительно»⁴⁾. Когда Пушкинъ вернулся изъ Москвы въ 1827 году, Анна Петровна встрѣтилась и затѣмъ выдалась съ нимъ къ домѣ его родителей, у которыхъ бывала почти всякій день; заходить онѣ иногда и къ ней. За время отсутствія Пушкина, Анна Петровна уснбл «всвругнть совершенно голоду» брату его—Льву Сербевнчу⁵⁾ и вызвать «нблизное участіе и дружбу» со стороны вкорѣ погнбнаго Д. В. Веневитинова⁶⁾. Левъ Пушкинъ послалъ ей стихотвореніе:

Какъ можно не сойти съ ума,
Вншмая Вамъ, на Васъ любудь?
Венера дремля мила,
Чудеснымъ пономъ красудь!

¹⁾ Братъ поэта.

²⁾ Т.-е. въ Малишники.

³⁾ 15-го сентября.

⁴⁾ Письмо это до насъ не дошло.

⁵⁾ Переп. Пушкинъ, т. II, стр. 3.

⁶⁾ Поднѣб Анна Петровна сообщала о немъ свои воспоминанія А. П. Патковскому, писавшему біографію поэта (см. изд. Соч. Веневитинова, Сиб. 1862, стр. 1; его же «Кннзъ В. Ф. Оубевкнн и Д. В. Веневитиновъ», Сиб. 1901, стр. 105, 128, 129).

¹⁾ «Этюдъ о Пушкинѣ».

²⁾ Анненковъ говоритъ, что «Основную мысль стихотворенія («Къ ней») Пушкинъ воспроизвелъ въ другой и превосходной формѣ, спустя 8 лѣтъ, именно въ пѣсѣ «Я помню чудное мнповенше», принадлежащей уже къ 1825 году. Онѣ часто поступала такъ съ первыми своими произведеніями».

³⁾ О музыкѣ на это стихотвореніе см. брошюру В. Корганова: «А. С. Пушкинъ къ музыкѣ», Тифлисъ. 1899, стр. 31, и «Puschkiniana» Межова; въ Сочиненіяхъ В. П. Алмазова, т. II, Сиб. 1892, стр. 229—232, имѣется народнй на «Я помню чудное мнповенше».

⁴⁾ Въ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ» въ Библиотекѣ для Чтенія 1839 г., въ «Отрывкѣ изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Гншкѣ» въ «Семейн. вѣстникѣ» 1864 г., № 10, въ статьѣ «Дельвигъ и Пушкинъ», напечатанной Б. А. Модзалевскимъ въ «Пушк. и его соврем.», в. V, стр. 140—157; отрывки перенесены у Л. П. Майкова: Пушкинъ, Сиб. 1899.

⁵⁾ Вышедшею вносѣдствіи за чиновника Ренью.

⁶⁾ См. Перенскв, т. I, стр. 333, 342, 352, 369—372.

⁷⁾ Онѣ были найдены мною у П. П. Анненкова (сына біографа) и переданы для академическаго изданія Перенскви Пушкина.

Алкмена, Геркулеса мать,
 Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать;
 Но чтобъ молли и любви
 Ихъ такъ усердно, какъ и Васъ,
 Васъ сиритать надо имъ отъ насъ:
 У нихъ Вы лавку перебили!—

а Веневитиновъ любилъ ея общество, вель съ ней бесѣды, «полныя той высокой чистоты и правственности, которыми онъ отличался», хотѣлъ нарисовать ея портретъ ¹⁾, говоря, что «любуется ею, какъ Ифигеией въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна» ²⁾. Къ этому-же времени относится знакомство Анны Петровны съ Дельвигомъ и его женою Софьей Михайловной, — законное, вскорѣ перешедшее въ тѣсную дружбу. О Дельвигѣ, его частной жизни и литературномъ кружкѣ, у него собиравшемся, Анна Петровна оставила очень цѣнные воспоминанія. Вообще петербургскій періодъ жизни, съ 1826 года, былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ въ жизни Анны Петровны. Вращаясь въ литературныхъ кругахъ, связанныхъ многими отношеніями съ цѣлымъ рядомъ писателей ³⁾, близкая красотою и пользаясь общою любовью и симпатіями за свой пріятный характеръ, образованный, живой и наблюдательный умъ и доброе сердце, она не избѣгла, однако, злословія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ С. А. Соболевскому (отъ конца марта 1828 г. ⁴⁾ Пушкинъ, съ пріеущею ему способностью писать корреспонденціамъ своимъ въ тонѣ ихъ собственныхъ писемъ и въ соответствии съ ихъ характерами, сообщаетъ, напримѣръ, въ крайне циничной формѣ, что онъ, наконецъ, добился расположенія Анны Петровны и одержалъ надъ ней побѣду. Мы допускаемъ полную возможность предположить, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ написалъ это для «краснаго словца»; Соболевскій самъ въ это время ухаживалъ за Анной Петровной ⁵⁾,

¹⁾ Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 248—9.

²⁾ Пятковскій, назв. соч., стр. 129.

³⁾ Бар. Дельвигъ, О. М. Сомовъ, А. Д. Идличевскій (написанный ей посланіе—см. Майковъ, Пушкинъ, стр. 253), А. П. Подолнскій, В. П. Щастный, Е. А. Боратынскій, А. Мицкевичъ, Л. В. Веневитиновъ, баронъ Е. О. Розенъ и др.

⁴⁾ Перениска, т. II, стр. 60.

⁵⁾ См. Перениску, т. II, стр. 60, 63. Онъ посвятилъ Аннѣ Петровнѣ стихотвореніе («Русск. Арх.» 1884 г., № 6, стр. 349). Въ 1829 г., 23-го февраля, Соболевскій писалъ Кирѣевскому, прося его передать Пушкину просьбу написать ему объ Аннѣ Петровнѣ («Русск. Арх.» 1906, кн. III, стр. 370). Князь П. П. Голицынъ сообщаетъ слѣдующую «альбомную шутку» Соболевскаго, обращенную къ Аннѣ Петровнѣ («Варш. Дневн.» 1880 г., № 159):

Чтобъ писать хвалу Вамъ спосную,
 Добрый гений мнѣ шепнулъ
 Въ радугу семиполосную
 Ты перо бы обмакнулъ,
 Изъ Эдема взять-бы лилію,
 Шить на ней бы начертилъ
 И посыпалъ легкой пылью
 Съ мотыльковыхъ крыль.

На сестру Анны Петровны онъ написалъ:

Ахъ, смерть курносая, дурацкая!
 Подняла тебя, о Лиза Подгорацкая!

и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что поэтъ просто хотѣлъ досадить своему «пріятелю», чувства къ которому у него были очень неглубоки, соотвѣтствуя вполнѣ нравственному облику этого безпутнаго или, по выраженію самого Пушкина, «безалабернаго» человека. Что Пушкинъ въ это время часто вѣдѣлся съ Анной Петровной, бывалъ у нея,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—ея воспоминанія лучше тому доказательство, но насколько близки были ихъ отношенія,—это вопросъ другой. «Присущая Аннѣ Петровнѣ веселость», разсказываетъ Л. П. Павлицевъ, и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать—милое кокетство подавало частую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ ни на чемъ не основанные самыя неправдоподобныя слухи. Распускаемыя слетниги вызвали Александра Сергѣевича... написать въ вѣкъ извѣстное стихотвореніе:

Когда твои младыя дѣта
 Позорить шумная толпа... ¹⁾

«Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ слетнигамъ сама пухъ виновница. Незлобая Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери, какъ это сообщила мнѣ послѣдняя, слѣдующія слова: «Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не выкинуть въ мораль басни: «собаки полаютъ, собаки отстаютъ»? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желаю, не желаю и желать не стану, а кто не въ мою пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю да низко кланюсь: большому дураку—большое почтеніе» ²⁾. Сопоставляя сейчасъ цитированное трогательно-теплое, защитительное стихотвореніе со словами поэта въ письмѣ его къ Соболевскому, не знаемъ, чѣмъ пивымъ, какъ желаніемъ сказать пріятелю нѣчто въ его духѣ, объяснить это противорѣчіе. Теплая дружба четы Дельвиговъ, съ которыми Анна Петровна жила одно время въ одномъ домѣ, неизмѣнно доброе отношеніе къ ней П. А. Осиповой также исключаютъ, какъ намъ кажется, возможность утверждать, что Анна Петровна заслуживала тѣ упрёки и «лицемерныя гонимыя», которыя на нее сыпались со стороны представителей свѣта, который, по выраженію поэта, «не караетъ заблужденій, но тайны требуетъ для нихъ».

Близкая дружба Анны Петровны съ ибикнолюбимой сестрой поэта—О. С. Пушкиной—явнолагала его къ ней еще болѣе, а послѣ того, какъ она приняла такое близкое и сердечное въ ней участіе при выходѣ ея замужъ за П. П. Павлицева (28-го января 1828 г.), онъ чувствовалъ себя обязаннымъ ей и, по ея словамъ, «старался любезностью и вниманіемъ выразить благодарность за участіе, принимаемое мною въ столь важномъ событіи въ жизни его сестры». П. А. Осипова, пріѣзжая въ Петербургъ, одна или съ дочерью, останавливалась у Анны Петровны; постоянныя

¹⁾ См. наст. изд., т. III, стр. 58. Въ первый разъ оно напечатано въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., 2-го марта, № 13, стр. 101.

²⁾ Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлицева, М. 1899, стр. 170.

КОМНАТА, ВЪ КОТОРОЙ А. И. КЕРНЪ ЖИЛА ВЪ 1 30-хъ ГОДАХЪ.

сношеніи съ нею поддерживали Левъ Пушкинъ ¹⁾ и родители поэта; что касается самого Сергія Львовича Пушкина, то онъ, вообще нестойкій передъ женскою красотою, былъ увлеченъ Анною Петровною и, при всякомъ удобномъ случаѣ, осыпалъ ее complimentами, писалъ влюбленные письма, «волочилъ» за нею, по выраженію А. В. Маркова-Випоградскаго и, желавъ выказать ей чувства своей симпатіи, «дарилъ ей конфетные духи». Влюбляясь до глубокой старости, онъ, по свидѣтельству того-же лица, не устоялъ и передъ дочерью Анны Петровны и, незадолго до смерти, хотѣлъ жениться на молоденькой Екатериѣ Ермолаевнѣ Кернъ.

Въ 1827 г. съ Кернъ познакомился молодой Никитенко. Онъ сразу увлекся ею и въ извѣстномъ дневникѣ его мы находимъ много интересныхъ свѣдѣній объ Аннѣ Петровнѣ. Увлеченіе Никитенка скоро прошло и, оставаясь высокаго мнѣнія объ умѣ Кернъ и тонкости ея чувствованій, онъ приходитъ къ такому общему о ней выводу, въ которомъ нельзя не замѣтить нѣкотораго пристрастія, вызваннаго пераздѣленнымъ чувствомъ: «Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плодъ лесть, которую, она сама признавала, безпрестанно расточала ея красотѣ, ея чему-то божественному, чему-то неизъяснимо въ ней прекрасному, — а второе есть плодъ пер-

наго, соединеннаго съ небрежнымъ воспитаніемъ и безпорядочнымъ чтеніемъ» ²⁾.

У извѣстнаго инженернаго генерала Базена Анна Петровна въ 1826 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, познакомилась съ М. И. Глинкой, который въ запискахъ своихъ упоминаетъ о ней съ симпатіей: «Я часто посѣщалъ, разсказывалъ о ней, говоря о концѣ іюня 1829 г., барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ. Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ, весьма умнымъ и любезнымъ человекомъ), отправились въ четырехмѣсячную линейку на Пматру; мы съ Корчакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на тележкѣ. Съѣхавшись въ Выборгъ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Пматру и возвратились въ Петербургъ» ³⁾. Объ этой побѣдѣ Анна Петровна оставила очень любопытный разсказъ напечатанный ею въ «Семейныхъ Вечерахъ» 1864 г.; она жила въ это лѣто съ Дельвигами на дачѣ у Крестовскаго переезда. Знакомство съ Глинкой продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ и ознаменовалось тѣмъ, что знаменитый композиторъ написалъ гениальную музыку къ стихотворенію «Я помню чудное мно-

¹⁾ Изданіе 1893 г. т. I, стр. 225—230 и 236—237.

²⁾ 1-го іюля 1829 г. (выѣхали 27-го іюля); «Русск. Стар.» 1870, т. I, изд. 3, стр. 360, и отд. изд. записокъ. Объ этой побѣдѣ О. М. Сомовъ напечаталъ статью въ видѣ писемъ къ М. А. Максимовичу въ Москву: «Четыре дня въ Финляндіи» — въ «Сѣв. Пчелѣ» 1829 г., № 110, 111, 112, 114 и 116 и въ «Литер. Газетѣ» 1830 г., № 34, 35 и 36, причемъ къ 35 № были приложены ноты финской пѣсни, записанной М. И. Глинкой и вошедшей потомъ въ «Руслана и Людмилу» арія Финна.

Пріѣхавши на берегъ Невскій
Левъ Пушкинъ шибъ былъ у Васъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и Соболевскій, —
Прождали здѣсь Васъ цѣлый часъ.

велье»¹⁾ и влюбился въ дочь Анны Петровны — юную Екатерину Ермолаевну²⁾, когда она, по окончании курса въ Смольномъ въ 1836 г., жила съ матерью, и едва на ней не женился.

Что касается Пушкина, то до насъ не дошло почти никакихъ указаний на его отношенія къ Аннѣ Петровнѣ въ эпоху ихъ одновременнаго житія въ Петербургѣ въ 1830-хъ г.г.; дороги ихъ послѣ женитьбы поэта рѣзко разошлись и встрѣчи ихъ могли быть лишь случайны. А. П. Майковъ (Пушкинъ, стр. 265) справедливо, впрочемъ, замѣтилъ, что «женатый Пушкинъ самъ избѣгалъ поддерживать знакомство съ особами, за которыми ухаживалъ въ прежнее время».

Сохранялась любопытная фраза Пушкина, касающаяся А. П. Кернъ, — въ письмѣ его къ жемѣ, писанномъ пѣз Михайловскаго 29-го сентября 1835 года; пѣз письма этого видно, что А. П. Кернъ, сильно въ это время пуждавшаяся, обратилась къ литературному покровительству Пушкина и письменно просила его помочь устроить ея переводъ; Пушкинъ оказался ухажившимъ въ Михайловское, и жена его переслала ему записку Анны Петровны: «Ты мнѣ прислала», читаемъ въ письмѣ Пушкина, «записку отъ ш-ше Кернъ; дура вздумала переводить Занда и просить, чтобъ я сводилъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоимъ! Я поручилъ Аннѣ Николаевнѣ [Вульфъ] отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрнѣй списовъ съ ш-ше Sand, то усѣихъ ея несомнительно, а что со Смирдинымъ дѣла и нивагого не имѣю». Нельзя не замѣтить умышленно грубого тона этихъ строкъ, изъ которыхъ А. П. Майковъ видѣлъ подтвержденіе высказаннаго имъ и приведеннаго выше мнѣнія, что поэтъ самъ избѣгалъ прежнихъ своихъ пріятельницъ. Такое поведение Пушкина, конечно, должно было имѣть свои основанія и однимъ изъ нихъ была, несомнѣнно, ревность его жены — Натальи Николаевны. П. О. Лернеръ («Русск. Стар.» 1905 г., № 11, стр. 423—424) привелъ дѣльный докладъ въ томъ, какъ часто Пушкину приходилось успокаивать жену, оправдываться отъ обвиненій въ невѣрности, и дѣлаетъ совершенно справедливое заключеніе, что грубый отзывъ поэта о предметѣ его прежняго поклоненія вызванъ лишь подозрительностью его супруги и желаніемъ его, съ одной стороны, не огорчить любимую женщину, а съ другой, не дать повода къ новому столкновенію, уничтожить новое возможное подозрѣніе въ невѣрности: «это была вынужденная и довольно невнятная хитрость» Пушкина, а вовсе не отраженіе его дѣйствительнаго взгляда.

Въ 1841 г. (8-го февраля) умеръ въ Петербургѣ мужъ Анны Петровны — Ермолай Федоровичъ, и она стала свободна. Послѣдніе годы передъ этимъ были омрачены пререканіями и столкновеніями супругомъ, такъ какъ Кернъ не переставала настаивать на возвращеніи къ нему жены, покинувшей его еще въ 1826 году (было, однако, время, что они жили вмѣстѣ). Анна

Петровна постоянно пуждалась въ деньгахъ, живя, по выраженію П. О. Пушкиной (1835 г.), «du jour au lendemain»; она неоднократно обращалась къ Императору Николаю за помощью; такъ, 10-го августа 1836 г. она писала въ своемъ прошеніи ему: «Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! Отчаянное, безнадежное состояніе и жесточайшая пужда повергаютъ меня къ стопамъ В. П. В-ва; кромѣ Васъ, Государь, мнѣ некому помочь! Совершенное разореніе отца моего, пады. соя. Полторацкаго, которое вовлекло и мою всю собственность, равно отказъ мужа моего, генералъ-лейтенанта Керна, давать мнѣ законное содержаніе лишаютъ меня всѣхъ средствъ къ существованію. Я уже покушалась работою поддерживать горестную жизнь¹⁾, но силы мнѣ измѣнили, болѣзнь истощила остальные средства, и мнѣ остается одна надежда — милосердіе воззрѣніе В. П. В-ва на мои страданія. Я не расточила своего достоянія; это вынуждаетъ мнѣ смѣлостъ воззвать къ милосердію В. П. В-ва; Вы ли не будете снисходительны къ дочернему усердію, черезъ которое я ввержена ять ищету»²⁾.

Благодаря ходатайству генералъ-адъютанта Адлерберга, Анна Петровна получила 2000 р., а Керну былъ посланъ запросъ, почему онъ отказывается содержать жену; старый генералъ отвѣчалъ Государю (13-го ноября 1836 г.) длиннымъ письмомъ³⁾, въ которомъ во всемъ обвинялъ жену; онъ писалъ, что, женись почти безъ приданаго и «имѣя одну любовь и дружбу жены въ предметъ», онъ и не доискивался помощи тестя, «увидя же вскорѣ къ себѣ ея равнодушіе и холодность, поздно уже позналъ свое несчастіе. Она, не взирая на всѣ мои и общіихъ родныхъ нашихъ убѣжденія и просьбы, оставила меня съ двумя дочерьми самовольно въ первый разъ на четыре года, разстроивъ мени совершенно сдѣланными для нея, при началѣ супружества и при неоднократныхъ потомъ возвращеніяхъ ко мнѣ въ скудномъ видѣ послѣ продолжительныхъ отлучекъ, долги...⁴⁾ Но я, какъ принадлежалъ супругу, называть ее послѣ четырехлѣтней разлуки съ взрослыми дѣтми, не вспоминая прошедшій не-пріятности, пріимать ее съ прежнею любовію, хотя она, смѣю доложить, прибыла ко мнѣ, не имѣя даже и необходимаго платья... Мое снисхожденіе не послужило къ добру; она заблуждалась, извѣщая мнѣ желаніе, чтобы и дѣтей опредѣлить на казенное содержаніе...⁵⁾ Наконецъ, моя жена оставила меня въ другой разъ, объявивъ мнѣ, что не желаетъ со мною болѣе жить... Десять лѣтъ провелъ я въ разлуцѣ съ женою моею, не имѣвъ даже нивагого переписки. Въ шибшемъ году, прибывъ въ столицу, я пріимъ дочь мою изъ Института... Въ это время... жена моя объявила роднымъ своимъ, что она же-

¹⁾ Ср. выше ея обращеніе къ Пушкину по поводу сдѣланнаго ею перевода Ж. Занда.

²⁾ Моск. Огдѣл. Общ. Архива Главн. Штаба, т. 1836 г., № 931, об. 981, ч. 1, Инсп. Деп-та, 3 стола, 3 отд.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Врядъ-ли это такъ: въ письмѣ А. П. къ А. А. Бакуину отъ 25-го ноября 1832 г. она пишетъ, что мужъ «прокутилъ» ея вещи на нѣсколько тысячъ.

⁵⁾ Екатерина и Александра Ермолаевны были приняты въ Смольный Институтъ; младшая тамъ и умерла въ 1834—1835 г.

¹⁾ Анна Петровна говоритъ, что она отдала Глишкѣ автографъ Пушкина, и что онъ его затерялъ...

²⁾ Вислѣдствіи по мужу Шокальскую; она умерла въ Петербургѣ 6-го февраля 1904 г. См. Записки Глишкѣ, С.-Иб. 1887, стр. 145—146, 147, 148, 151, 152—153, 155, 156, 157—158, 159, 181; Полное собраніе писемъ М. П. Глишки, Сиб. 1908.

дасть быть вѣстѣ со мною и дочерью, но не съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою, а дочери—матерью, а только въ обязанности гувернантки. После этого дочери моей воспитанія, какою можетъ быть ей моя жена гувернантка, привыкшая къ беззаконной жизни и, осмѣлившись доложить,—виповища шесты дочерниго воспитанія? За семь гвѣмъ, убѣждаюсь просьбами дочери моей, основанными на истинной любви къ родителямъ, и неоднократно и въ прошедшихъ мѣсяцахъ, оставляя для себя даже необходимое въ житейскомъ быту, помогать неблагодарной женѣ, посылая ей по возможности деньги».

Кернъ указали, что, на основаніи закона, онъ долженъ давать женѣ приличное содержаніе, «чѣмъ самымъ и избѣгнуть съ ея стороны справедливой на него жалобы». Но Кернъ не услышалъ: въ прошеніи графа А. П. Чернышева отъ 3-го декабря 1837 г. онъ, обвиняя жену въ томъ, что она «предалась блудной жизни и оставилъ его болѣ десяти лѣтъ тому назадъ, увлеклась совершенно преступными страстями своими», умолялъ объ одной милости—«заставить ее силою закона жить совместно». Дѣло было передано Министру Юстиціи, но Кернъ умеръ, не дождавшись его разрѣшенія... Анна Петровна получила послѣ мужа хорошую пенсію, но пользовалась ею недолго: 23-го іюля 1842 г. она вышла замужъ за своего троюроднаго брата Александра Васильевича Маркова-Виноградскаго ¹⁾, который на двадцать лѣтъ былъ моложе ея ²⁾. Своего кузена Анна Петровна знала съ дѣтства: когда же въ апрѣлѣ 1834 г. онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и сдать въ 1-й кадетскій корпусъ, она замѣнила ему мать (умершую въ 1837 г.), навѣщала его, брала къ себѣ въ отсуствіе ³⁾ и постепенно увлеклась красивымъ, статнымъ и даровитымъ юношей, который, въ свою очередь, до безумія влюбился въ тетушку, еще сохранившую къ этому времени

А. П. КЕРНЪ

въ мучокой старости незаволю во смерти.

¹⁾ Отецъ Анны Петровны—И. М. Полторацкій и мать Александра Васильевича—Дарья Петровна Маркова-Виноградская, рожд. Полторацкая, были двоюродные братья и сестра.

²⁾ Род. въ мѣст. Кричевѣ, Черниговскаго уѣзда 30-го августа 1820 г., ум. въ с. Прямухиѣ, у Бакуиныхъ, 28-го января 1878 г.; его сестра, Елизавета Васильевна р. 1823, † 1853 была первою женою Александра Александровича Бакунина († 1908), брата эмигранта. Ихъ отецъ—подполковникъ Василій Терентьевичъ Марковъ-Виноградскій, ум. въ 1829 г.

³⁾ Она жила въ Дворянской улицѣ; здѣсь у нея бывали и Глинки; видѣ комнаты въ этой квартирѣ см. въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Академіи Наукъ, Спб., 1899 и «Ист. Вѣсти», 1899, май, стр. 513; онъ взятъ изъ Альбома А. П., приобретеннаго П. Я. Дашковымъ. Воспроизведенъ здѣсь на предыдущей стр.

все обаяніе своей красоты. Выпущенный изъ корпуса въ 1839 г. патнымъ по успехамъ воспитанникомъ, онъ поступилъ въ офицерскіе классы Артиллерійскаго училища; однако, въ 1840 г., не окончивъ курса, перешелъ въ строй (въ 7-ю артилл. бригаду, сформировавъ въ Лохвицѣ, Лубнахъ и Хоролѣ, куда призвала Анна Петровна, по указу 26-го апрѣля 1842 года вышелъ въ отставку подпоручикомъ; черезъ три мѣсяца состоялся его свадьба съ Анной Петровной (женихой въ имѣніи отца—Лухѣ, около Лохвицы), съ которой онъ соединенъ значительно раньше... ⁴⁾. Старикъ П. М. Полторацкій былъ странно раздвѣивать на дочь за ея безразсудный шагъ,—она, выйдя замужъ, лишилась значительной пенсіи послѣ Керна,—и отказала молодой четь въ поддержкѣ. Кое-какъ пробились супруги около двухъ лѣтъ, но въ 1844 году должны были отправиться на жительство въ г. Сосницѣ, Черниговской губерніи, гдѣ у А. В. была маленькая усадьба и нѣсколько члвковъ крестьянъ. Здѣсь они поселились съ общер теткою Феоодосіей Петровной Полторацкой, той самой, къ которой адресованы письма-дневники Анны Петровны изъ Пскова въ 1820 г. по отношенію духи, когда-то восторженныяхъ пріятельницъ сразу сдѣлались шрховатыми: Анна Петровна за 23 лѣтъ сильно помѣшалась и, послѣ всѣхъ пережитыхъ ею тревоженій, жаждала лишь тихой прістани, а Феоодосія Петровна изъ экзальтированной пожитой барышни превратилась въ желчную ступую старуху, которая, недобрительно относилась къ увлеченію своимъ племянницъ и племянника, отрицала все существованіе мужа и жены, влюбленныхъ другъ въ друга. Первое время жизни въ Сосницѣ ихъ еще радовали своимъ присутствіемъ Елизавета Васильевна Маркова-Виноградская,—юная, прелестная двунка, существо, одаренное прекрасною душою, но и она,

вынуждаемая стѣпенными обстоятельствами, скоро уехала къ теткѣ и дядѣ—Татьянѣ Петровнѣ рожд. Полторацкой и Сергію Дмитриевичу Львовымъ—въ д. Митино Повоторскаго уѣзда Тверской губерніи), и 11-го января 1852 г. вышла здѣсь за мужъ за своего союда—А. А. Бакунина, а черезъ годъ (5-го мая 1853 г.) умерла...

А. В. недолго и очень неудачно служила по наборамъ поручица Сосницкаго уѣзда 1846—1855); къ тому-же служба эта не была возмож-

⁴⁾ Отъ этого брака Анна Петровна имѣла сына Александра Александровича рожд. 22 сентября 1842 † 1879—1880, въ Москвѣ). Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Алекситной, ихъ дочь Анна Александровна—диаматическая артистка—подъ фамиліей Даргантъ; у нея-то сохранился портретъ А. П. Кернъ, воспроизведенный при настоящей статьѣ и воспроизведенный еще въ Пушкинскій Домъ».

ности существовать безбѣдно даже въ Сосницѣ, и Марковы-Виноградскіе переселились въ Петербургъ. Здѣсь А. В. удалось получить, въ концѣ 1855 г., мѣсто домашнего учителя въ семьѣ генералъ-адъютанта князя С. А. Долгорукова, гдѣ онъ и пробылъ до октября 1857 г.,¹⁾ когда ему отказали, несмотря на то, что онъ въ высшей степени добросовѣстно и съ любовью относился къ своимъ обязанностямъ. Оставшись въ нуждѣ, А. В. продалъ въ 1858 г. свое Сосницкое имѣніе, но скорѣй 21-го февраля 1858 г., получить, благодаря старому знакомству А. П. съ М. Н. Муравьевымъ, мѣсто въ Департаментѣ Удѣловъ; назначенный въ Комитетъ для пересмотра Свода Удѣльныхъ постановленій²⁾, онъ въ 1860 г. получилъ мѣсто стодоначальника, а въ 1862 г.—секретаря общаго присутствія Департамента. Въ 1865 г., 20-го ноября, онъ вышелъ въ отставку съ чинномъ коллежскаго ассессора и съ небольшой пенсіей. Въ 1861, 1862 и 1865 гг. онъ ѣздилъ за-границу,—однажды съ Анной Петровной, другіе разы безъ жены, которой уже трудно было совершать дальнія поѣздки; она поддерживала постоянныя сношенія со своей многочисленной родней, приобрѣла себѣ много новыхъ друзей, а особенно сблизилась съ Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (членомъ Совѣта Департамента Удѣловъ) и его женой и свояченицей; черезъ него познакомилась она и съ поэтомъ Ф. П. Тютчевымъ; бывали у Анны Петровны также и П. С. Тургеневъ (1864) и П. В. Анненковъ. Жизнь Анны Петровны съ ея «Василечемъ»,—какъ называла она мужа,—была-бы вполне счастлива, если-бы не постоянныя волненія за сына—талантливаго «неудачника». Любимымъ времяпрепровожденіемъ супруговъ было чтеніе—А. В. обыкновенно читалъ вслухъ,—и она прочитывала очень много; письма ихъ обоимъ къ роднымъ и дневники А. В. наполнены сужденіями и отзывами о прочтанныхъ произведеніяхъ текущей литературы и о текущихъ событіяхъ³⁾. Послѣ выхода въ отставку А. В., Марковы-Виноградскіе вели странническую жизнь, перѣзжая съ мѣста на мѣсто: жили они и у родныхъ въ Тверской губерніи (1866), и въ Ковилѣ (1868), и въ Лубнахъ (1869—1874), и въ Кіевѣ, и, наконецъ, въ Москвѣ (съ 5-го августа 1877 г.), откуда они ѣздили въ имѣніе Бакушинскихъ—знаменитое Прямухино; здѣсь Александръ Васильевичъ, послѣдніе годы часто и тяжело хворавшій, и скончался—28-го января 1879 г. Послѣ похоронъ Анна Петровна была перевезена сыномъ въ Москву, но не надолго пережила своего мужа: она скончалась 27-го мая того же 1879 г., отъ паралича; погребена на кладбищѣ села Прутни, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи.

Заключимъ нашу очеркъ разказами духъ людей, знавшихъ Анну Петровну и сообщившихъ намъ о ней свои воспоминанія. Татьяна Сер-

¹⁾ Въ февралѣ этого года Аннѣ Петровнѣ суждено было быть на похоронахъ М. П. Глинки, подобно тому, какъ двадцать лѣтъ передъ этимъ она присутствовала на панихидахъ и панихѣ Пушкина...

²⁾ Сообщеніемъ свидѣній о службѣ А. В. Маркова-Виноградскаго по Удѣльному Ведомству мы обязаны любезности А. А. Сперса.

³⁾ См. любопытный дневникъ письма А. П. къ С. П. Цѣвту (1861 г.), напечатанныя Б. Л. Модзалевскимъ въ «Минушіяхъ Годовъ» 1908 г., № 10, стр. 49—69.

гѣвна Львова¹⁾, двоюродная сестра ея, писала намъ: «Анна Петровна была чрезвычайно ласкова, вѣжлива, читала много книгъ, скорѣе, ей читали вслухъ. Мужъ ея окружалъ ее самымъ лѣтнимъ вниманіемъ, готовъ былъ на всякій трудъ, чтобы ей доставить желаемое²⁾. Выдала я у нихъ ей портретъ въ молодости, но на этомъ портретѣ она была представлена довольно полной,—эпюраго ничего не было; но я всегда слышала отъ тѣхъ, которые знали ее прежде, что она была очень привлекательна». Т. С. передала намъ еще одинъ разказъ, слышанный ею отъ самой Анны Петровны: послѣдняя незадолго, можетъ быть, даже наканунѣ дуэли, встрѣтилась съ Пушкинымъ гдѣ-то на балу и спросила его: «Pourquoi êtes-vous si mal disposé?» на что онъ ей отвѣтилъ: «Je n'aime pas qu'on mange dans mon assiette».

Воспоминанія другого лица, артиста Имп. Московскаго Малаго Театра, Осипа Андреевича Правдина, — подтверждаютъ, что «Анна Петровна до самой смерти осталась человѣкомъ съ «ангельской душой» и, несмотря на то, что была лѣтъ на 20 старше своего мужа, они прожили всю жизнь въ полнѣйшемъ согласіи и до гроба любили другъ друга; но они любовиты, главнымъ образомъ, тѣмъ, что разбиваются утвердившуюся, съ легкой руки П. В. Баргелева, легенду, правда, очень поэтическую, о томъ, будто бы «гробъ ея повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозилъ въ Москву³⁾. Въ 1878 году, разказываетъ О. А. Правдинъ, Анна Петровна жила, съ семьей и близкихъ Семейскихъ, «на Тверской-Ямской, по той сторонѣ, гдѣ церковь св. Василія Кесарійскаго, у самой Тверской заста-вы, на углу Кузнечнаго переулка,—жила и умерла въ комнатѣ 3-го этажа. Есть люди, утверждающіе,

¹⁾ Она умерла 3-го августа 1903 г., 84 года.

²⁾ В. Д. Р.—въ (Рокотовъ) изъ жур. «Сѣверъ» 1892 г. (№81), напечатала статейку свою объ А. П. Керчь, въ которой старается представить въ непривлекательномъ свѣтѣ и близкія отношенія супруговъ и самое Анну Петровну—тогда уже старушку 70 лѣтъ. Какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Тихоновъ, напечатавшій эту статью въ «Историч. Вѣстн.» 1899 г., май, стр. 610—617, сужденія г. Рокотова очень поверхностны и обвиненія его неспасулены. Въ его воспоминаніяхъ любовитенъ лишь разказъ о прѣздѣ въ Ковилъ О. П. Коммиссаржевскаго и о томъ, какъ онъ однажды, узнавъ, что А. П.—та самая женщина, которой Пушкинъ посвятилъ «Я помню чудное мгновеніе», сѣлъ его съ музыкой Глинки, и какъ пришла это Анна Петровна: «Симпатичный его (Коммиссаржевскаго) голосъ, улыбка фразировать и красивая наружность подѣйствовали на старушку такъ, что она совсемъ преобразилась: она вся затряслась, щеки вспыхнули неестественнымъ для ея лѣтъ румянцемъ, и даже потухшіе, безжизненные глаза заблестѣли. Но окончаніи романа, она бросилась ибѣду на шею и громко разрыдалась».—Этотъ же разказъ, по пріуроченій къ 1860 году и въ бездѣлительной формѣ напечатанъ въ Тихономъ въ Сборникѣ «Прѣлѣтъ», изданномъ въ Подлзу Васильевстр. женск. гимн., С. П. Б., 1898, стр. 68—72. Столь-же неблагожелательно и близоруко и отзывъ П. А. Ефремова. Соч. Пушкина, т. VIII, стр. 301—302.

³⁾ «Русск. Арх.» 1884 г., № 6, стр. 349; Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 265; В. А. Тихоновъ, Ист. Вѣст. 1899 г., май, стр. 611—617.

МОГИЛА А. П. КЕРНЪ.

НА КЛАДБИЩѢ С. ПРУТНИ, НОВОТОРЖСКАГО УѢЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБ.

По фотографии, принадлежащей В. Л. Модзалевскому, воспроизводится здѣсь впервые.

что она умерла въ бѣдности,—это неправда: въ моментъ, который я описываю, Виноградскіе жили хотя и не роскошно, но ни въ чемъ не нуждались. Старушку, по возможности, холмили и оберегали. Жена моя, Марія Николаевна, знавшая знаменитое прошлое Анны Петровны, и какую она играла роль въ жизни нашего великаго поэта, очень заинтересовалась старушкой, и въ одинъ прекрасный день ее представили ей. Анна Петровна была очень любезна и внимательна, много говорила, конечно, вспоминала и Пушкина и Дельвига...; она принимала довольно часто мою жену, бесѣдовала съ ней, довольно долго вспоминала, какъ въ Полтаву прѣзжалъ Имп. Александръ, танцовала съ ней на балу и спросила: «Vous habitez toujours Pottava?—Non, Sir, j'habito Loubny! Ah! Comme c'est beau là-bas! Venez, donc, sir, voir Loubny». Императоръ обѣщавъ прѣхать въ Лубны. Передавая этотъ рассказъ не безъ юмора, она блаженно улыбалась, упоеная мыслями въ далекое прошлое... Я совершенно отчетливо вспоминаю теперь то впечатлѣніе, которое охватило меня, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ. Конечно, я не ожидалъ встрѣтить тотъ образъ красавицы Кернъ, къ которой нашъ великій поэтъ обращалъ слова «Я помню чудное мгновеніе», но, праязно, надѣлся увидѣть хотя тѣнь прошлой красоты, хотя намекъ на то, что было когда-то... И что-же? Передо мной въ полутемной комнатѣ, въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, повернутомъ спиной къ окну, сидѣла маленькая-маленькая, сморщенная, какъ печеное яблочко, древняя старушка въ черной

кодавейшѣ, бѣломъ тофренномъ чепцѣ, съ маленькимъ личикомъ, и развѣ только пара большихъ, нѣсколько моложавыхъ для своихъ 80-ти лѣтъ, глазъ, немного напоминали о быломъ, давно прошедшемъ¹⁾. Я былъ настолько удрученъ тѣмъ, что увидѣлъ, что, когда меня представили, не шло даже о чемъ заговорить, ограничился двумя-тремя фразами о ея здоровьи, простился и ушелъ. Передо мной сидѣла точно не живой человекъ, и прощаніе мое было скорбею съ существомъ, принадлежавшимъ уже другому міру... Теперь скажу о той легендѣ, которая ходила и ходитъ по Москвѣ и даже пошла въ Энциклопедическій Словарь Брокгауза, а затѣмъ уже выросла до гиперболическихъ размѣровъ. На моихъ же глазахъ былъ всего только простой случай, который и далъ поводъ къ дальнѣйшимъ преувеличеніямъ. Дѣло было такъ: года за два²⁾ до смерти Анна Петровна сильно захворала, такъ что за ней успали ухаживать и оберегали отъ всего, что могло бы ее встревожить. Это было, кажется, въ маѣ. Былъ очень жаркій день, всѣ окна были настежь. Я шелъ къ Виноградскимъ. Дойдя до ихъ дома, я былъ пораженъ необычайно шумливой толпой, собравшейся на Тверской-Ямской, какъ разъ передъ окнами дома, въ которомъ жила Виноградскія; толпа кричала, ругалась, гикала, бѣсно-

¹⁾ Ср. портретъ А. П. въ «Альбомѣ Пушкинской Юбилейной выставки въ Академіи Наукъ», СПб. 1899. Воспроизведенъ выше.

²⁾ Полагаю, что меньше. Б. М.

валась, но ничто не помогало; 16 крикивъ битоговъ, запряженныхъ по четыре въ рядъ, цугомъ, везли какую-то колесную платформу, на которой была помѣщена громадная, необычайной величины, гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была гранитныйъ пьедесталь памятника Пушкина. Наконецъ, среди шума и гама, удалось такиъ сдвинуть колесницу,—и она направилась къ Страстному. Я поднялся къ Виноградскимъ. Оказалось, что скандалъ на улицѣ начался часовъ въ 9—10 утра, всѣ жильцы всполохнулись, предполагая, что въ домѣ пожаръ. Большая также встревожилась, стала разспрашивать, и когда, послѣ настойчивыхъ ея требованій (ее болѣль взволновать), ей сказали, въ чемъ дѣло, «она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала съ блаженной улыбкой: «А наконецъ-то! Ну, слава Богу, давно пора!»». До самой смерти Анна Петровна интересовалась ходомъ постройки и охотно слушала все, что ей объ этомъ рассказывали».

Смерть Анны Петровны прошла незамѣченной, и только черезъ годъ, по случаю торжествъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкина въ Москвѣ, о ней вспоминали, и періодическія изданія помѣстили ея краткіе некрологи ¹⁾; статья г. К. Б. въ «Педѣлѣ» («Вдохновительница Пушкина») содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, показывающія что авторъ близко былъ знакомъ съ Марковыми-Виноградскими. Заканчивая статью свою и говоря о перевѣдѣ Анны Петровны съ мужемъ въ Лубны, г. К. Б. пишетъ, что «въ жизни этого

города Марковы-Виноградскіе представляли рѣдкое явленіе: они жили меньше для себя, чѣмъ для другихъ: людское горе, несчастье у нихъ могли встрѣтить сочувствіе и посильную помощь, учили грамотѣ дѣвочекъ, дочерей бѣдныхъ родителей; по ихъ инициативѣ въ Лубинѣ устроено судоохранительное товарищество, Лубенская Публичная Библіотека имѣла ихъ чуть не единственными абонентами; все свѣжее, честное, появившееся въ литературѣ, встрѣчало съ ихъ стороны теплый привѣтъ и искреннее сочувствіе. Всесторонне образованная, чуть не папужка знавшая всѣхъ европейскихъ классиковъ, Анна Петровна до послѣднихъ дней жила мыслящей, живой жизнью. «Я потому не отпадаю отъ жизни, говорила она, что ролнась вмѣстѣ съ вѣкомъ». Князь Н. П. Голицынъ, говоря, что въ послѣдніе годы жизни Анна Петровна пеняла иногда нужду, которая заставляла ее продавать даже автографы Пушкина, Дельвига и др. ¹⁾, такъ заключаетъ написанный имъ некрологъ: «Теперь уже смолкли печаль и слезы, и любящее сердце перестало уже страдать. Помнимъ покойную сердечнымъ словомъ, какъ вдохновляющую гения—поэта, какъ давшую ему столько «чудныхъ мгновений». Она много любила, и лучшіе наши таланты были у ногъ ея. Сохранимъ же этому «гению чистой красоты» благодарную память за предѣлами его земной жизни».

Б. Модзалевскій.

¹⁾ «Русскій Курьеръ» 1880 г., 17-го іюля, № 192; «Вѣстникъ», 20-го іюля, № 117; «Варшавскій Дневникъ» 25-го іюля, № 159 (статья князя Н. П. Голицына, бывшего въ перепискѣ съ Анной Петровной); «Педѣля», № 34, ст. 1089—1091 (статья К. Б.).

¹⁾ Письма Пушкина были, въ 1870 г., приобретены у Анны Петровны М. П. Семевакимъ по 5 р. за каждое. Альбомъ А. П. приобретенъ былъ, черезъ П. А. Ефремова, П. Я. Данковымъ, равно какъ и письма къ ней П. О. и Л. С. Пушкиныхъ.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1826 ГОДА.

475. СЪ ТОБОЙ МНѢ ВПОВЬ СЧИТАТЬСЯ
ДОВЕЛОСЬ...

т. II, стр. 103).

Эпиграмм стихами начинается письмо Пушкина къ П. Е. Великопольскому, отъ 3 июня 1826 г., изъ Преображенскаго, впервые напечатанное въ «Русс. Архивѣ» 1884 г., I, 468, и перепечатанное въ сборникѣ «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 136—137; подлинникъ находится у П. П. Бартевева. За послѣднимъ стихомъ: «Сейчасъ, мой другъ, узнаешь почему»... слѣдуетъ «прозаическое» объясненіе: «сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратитъ не мнѣ, но Гаврилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душевно Александра Пушкина».

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій род. 27 декабря 1797 г. въ старинной и богатой дворянской семьѣ, недолго учился въ вазанскомъ университетѣ и, пройдя «положенный студентскому учению курсъ», поступилъ въ 1815 г. прапорщикомъ въ д.-гв. Семеновскій полкъ. Страсть къ писательству, проявившаяся еще въ дѣтствѣ, сблизила Великопольскаго съ литературными кругами; съ 1818 г. онъ сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Весьма возможно, что къ этому времени относится и знакомство его съ Пушкинымъ, который, замѣтимъ кстати, тоже числился членомъ этого общества (см. «Русс. Стар.» 1899 г., май, 472). Великопольскій не былъ талантливымъ человекомъ, но и бездарностью назвать его нельзя; въ молодости онъ съ особеннымъ увлеченіемъ писалъ стихи, и ему легко давались всевозможные роды и формы—дѣтскія посланія, альбомныя посвященія, мадригалы, триолеты, bouts-rimés, «русскія» пѣсни, басни, эпитафій, шарady, загадки. Онъ былъ въ дружбѣ съ П. П. Пушкинымъ и Дельвигомъ—лучшими друзьями Пушкина, которымъ писалъ посланія; бранилъ въ эпиграммахъ Булгарина. Въ числѣ его стихотвореній есть довольно слабое подражаніе пушкинскому «Демону» («Къ грусти» или «Мой демонъ»). Возмущеніе Семеновскаго полка въ 1820 г., вызвавшее раскасировку Семеновцевъ, отозвалось и на Великопольскомъ, который былъ переведенъ, однако, съ обычнымъ при переводѣ изъ гвардіи въ армію повышеніемъ, штабсъ-капитаномъ въ армейскую пѣхоту и до выхода въ отставку, въ 1827 г., прослужилъ сначала въ Старонингерманландскомъ пѣхотномъ полку, стоявшемъ въ Невоѣ и его окрестностяхъ, а потомъ въ Невокомъ пѣхотномъ полку; однако, свизей съ журналисткой онъ не порвалъ и печаталъ свои стихи въ «Благонамбренномъ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Календарѣ Музы». Здѣсь, въ Невожской губерніи, онъ встрѣтился съ Пушкинымъ; быть можетъ, онъ даже

завязалъ въ Михайловское; у него самого было родовое имѣніе въ Невожской губерніи. Впрочемъ, они встрѣтились въ Невоѣ, куда Пушкинъ пріѣхалъ въ концѣ сентября 1825 г. Первый слѣдъ ихъ отношеній—письмо къ нему Пушкина 10 марта 1826 г. «Не знаю,—писалъ Пушкинъ,—соберусь ли я снова къ вамъ во Невою; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глушинѣ... Въ концѣ мая Пушкинъ опять пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Невою и здѣсь-то, надо думать, и выигралъ въ штокош у Великопольскаго 500 руб., которые остались за проигравшимъ въ долгу. Но черезъ нѣсколько дней фортуна повернулась къ Пушкину спиной, и при встрѣчѣ съ Г. Н. Назимовымъ на станціи Преображенское онъ, въ свою очередь, проигрался, и ему пришлось вѣсто наличныхъ денегъ дать своему счастливому партнеру пріежденное письмо на имя Великопольскаго. Стихъ: «Съ тобою мнѣ вповь считается довелось»... указываетъ, что пріятель сходились на зеленомъ полѣ уже не въ первый разъ. Напомненіе ли о денежномъ долгѣ задѣло Великопольскаго, обидѣлся ли онъ отзывомъ Пушкина о его дарованіи, который могъ показаться ему пренебрежительнымъ («спраешь ты на дѣрбъ очень мило»), вскинуло ли самолюбіе игрока, или и то, и другое, и третье вмѣстѣ, но онъ, получивъ это письмо, переданное, должно быть, самимъ Назимовымъ, немедленно (12 июня) написалъ «Посланіе къ А. С. Пушкину» (послѣдствіи, въ печати онъ озаглавилъ его: «Посланіе въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ»:

Въ умѣхъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огонь души,
Какъ можно менѣ мытарствуй,
Какъ можно менѣ мучиши,
А за посланіе—благодарствуй!
Не правъ ли я, пріятель мой,
Не говорилъ-ли я заранѣ
Не одобровать тебѣ съ прои,
И есть дѣра въ твоемъ кармаи!
Поэтъ! Ты честь родной страны,
Но,—сміхай всадникъ на Пегасѣ,—
Ты такъ же пылокъ на сувиѣ,
Какъ ты запоешь на Парнасѣ!
Конечно (къ слову то нейдетъ),
Съ тобою тамъ никто не равнѣ;
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ,
Передъ тобою все падетъ,
Тебя пріивѣтствовать и пѣкить,—
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ расчетъ:
Швой или не перечесть,
А вмнѣ писателя пофрѣкеть...
Въ стихахъ ты—только, что не святъ,
Но счастье—дѣлвая мюета.
И когти длинныя поэта
Огъ бѣды игры не зашвѣтъ!
Надменно плавая по небу,

Во многомъ ты подобенъ Фебу,
 Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
 Ты не пошелъ его путемъ:
 Ибѣ у тебя ни въ чемъ завѣта,
 И берегись, чтобъ и тебѣ,
 Подобно горестной судьбѣ
 Вождя блѣстательнаго свѣта
 (Слова не сбудутся, авось!),
 Подъ-часъ сойти бы не пришлось
 Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Вмѣсто «А вмѣгъ писателя подрѣзеть»... первоначально было сказано: «А вмѣгъ и Пушкина»... «Когти длинные» — намекъ на извѣстную привычку Пушкина щеголять длинными ногтями. Къ 1826 же году относится (4 сентября) злобная эпиграмма, озаглавленная «Аристъ-поэтъ» и, несомѣнно, направленная противъ Пушкина:

Аристъ — негодный человекъ,
 Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой:
 Отцомъ покинутъ, брошенъ службой,
 Провелъ безъ совѣти свой вѣкъ;
 Его исправить трудъ напрасенъ,
 Зато кричить о немъ весь свѣтъ:
 Вотъ онъ-то истинный поэтъ,
 И каждый стихъ его прекрасенъ.
 И точно: вѣръ или не вѣръ, —
 Не правда ли (сказать межъ нами)?
 На всю поэзію теперь
 Другими взглядемъ мы глазами!

Вариантъ пераго стиха — «Мытарниъ скверный человекъ»... сближается съ стихомъ предыдущей эпиграммы — «Какъ можно мѣнѣ мытарстуй»... Очевидно, «мытарствомъ» Великопольскій называлъ требованіе карточнаго долга.

Пушкинъ по обыкновенію не остался въ долгу и черезъ два года пашель случай отплатить Великопольскому на его злобную эпиграмму посланіемъ: «Такъ адептскую шкуру»... (см. ниже, № 524). Посланіе Пушкина вызвало новый откликъ Великопольскаго и столкновение между ними (подробности см. въ примѣчаніяхъ къ № 524; по, повидному, эта ссора длилась недолго; въ 1828—1829 гг. Великопольскій читалъ одну свою полемическую статью Пушкину, который, прослушавъ ее, особовтовалъ «Непремѣнно запечатать». Весьма вѣроятно, что эпиграмма «Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горациіи»... (см. ниже, № 582) написана Пушкинымъ на Великопольскаго. Въ посланіи П. П. (при посылкѣ ей Певскаго Альманаха) Пушкинъ насмѣшливо упоминаетъ и Великопольскаго: «Вы тутъ найдете Подолева, Великопольскаго, Хвостова»... («Певск. Альман.» на 1826 г.). Впоследствии Великопольскій, говоря, не любилъ вспоминать о Пушкинѣ.

Безтактичны выходки Великопольскаго противъ Пушкина находятъ себѣ объясненіе и въ некоторое оправданіе въ узленномъ самолюбіи неудачнаго шрока и посредственнаго стихотворца. Но общій обликъ Великопольскаго былъ чрезвычайно симпатиченъ. Это былъ человекъ идеально честный, безконечно добрый и широкая душа. По поводу праздниковъ, которые онъ задавалъ, Константинъ Аксаковъ, видѣвшій во всемъ «національную субстанцію», писалъ: «Не выражается ли въ этомъ широкъ, размашистая славянская натура»... Не въ однихъ кутежахъ, балахъ и карточной шрѣъ сказывался, однако, этотъ размахъ, но въ щедрой благотворительности и въ готовности всѣ-

кому услужить и помочь. Такъ, узнавъ однажды, что Бѣлинскій пуждается, Великопольскій самъ предложилъ ему денегъ. Въ другой разъ, когда Гоголя стали тѣшить долги, и его друзья собирали для него деньги, Великопольскій далъ тысячу рублей. То онъ давалъ для неизвѣстнаго ему Шафарика нѣсколько сотъ рублей, то хлопоталъ, чтобы выручить изъ крѣпостной зависимости поэта-крестьянина Слѣпушкина (объ этомъ упоминается въ письмѣ Пушкина къ Великопольскому 10 марта 1826 г.). Когда цензоръ, пропустившій его драму, которую министръ призналъ затѣмъ «безнравственною», за это былъ удаленъ отъ службы, Великопольскій послѣдиль предложить ему три тысячи. Благотворилъ онъ не только отъ избытка, но и тогда, когда его средства были вовсе не блестящи, и его сердце никогда не справлялось съ комедькомъ. Дѣтски-непрактичный, хотя настойчивый и укорный, онъ имѣлъ слабость считать себя великимъ практикомъ и пустился въ разныя предпріятія, которымъ бюрократическая опека, обывательская косность и тому подобныя обстоятельства русской дѣйствительности поставили непреодолимыя препятствія. Великопольскій общался. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бывшій богачъ обратился къ публикѣ съ трогательнымъ воззваніемъ, напоминающимъ знаменитое газетное объявленіе Макея Птириера («Я поставленъ въ необходимость принять взаимъ 600 талеровъ»...). Великопольскій просилъ у читателей поддержки своему погибающему крупному промышленному предпріятію, на которое потратилъ много денегъ и трудовъ, не скрывая своей горькой пужды, грозящей «позоромъ и крайними лишеніями, а при душевномъ состояніи жены, долженствующей быть изгнанной изъ единственнаго своего убжища, еще и болѣе ужасными послѣдствіями»; предлагалъ, для пріятія просбѣ «сколько возможно благовидности и для отстраненія отъ нея характера унижающаго», подписаться «поспѣшно» на двѣ его брошюры: «Чудо Перуна» и «27 басенъ и сказокъ», по полтора рубля за каждую!...

П. Е. Великопольскому и его литературной дѣятельности посвящена монографія Б. А. Модзалевскаго «П. Е. Великопольскій». (1797—1868) — сборн. «Памяти А. П. Майкова», Сиб., 1902, стр. 335—446 и отд. отт.; «Изъ архива П. Е. Великопольскаго» — «Русск. Стар.» 1901 г. и отд. отт.; «Пушкинъ и Великопольскій» въ «Русск. Арх.» 1884 г. и сборн. «Къ биографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 131—137; Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 158—159, 575—579.

Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній Великопольскаго извѣстны «Къ Эросту» (Сатира на игроковъ) М., 1828; «Споризы, опера-интермедія-водевиль въ стихахъ», М., 1830; «Московскія минеральныя воды», повѣсть въ стихахъ, М., 1834; «Владиміръ Влонской», трагедія, М., 1837; «Любовь и честь», драма, Сиб., 1841; «Янстеркой», трагедія, Сиб., 1841; «Память Бородинской битвы, сельская картина [1839 года], Сиб., 1848; «Опытъ оправданія шесы Памяти Бородинской битвы», Сиб., 1848; «Русское чувство, драматическая фантазія», Сиб., 1854; «Раскрытый портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявить своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Падіе «Любителя», Сиб., 1859; «Мечта и дѣйствительность, фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ», Сиб., 1865.

176. ВОТЪ, ЗИНА, ВАМЪ СОВѢТЬ...

т. II, стр. 103.

Пьеса сохранилась въ копии, списанной П. А. Осиповой, въ ея альбомѣ, принадлежавшемъ княгинѣ А. А. Хованской, гдѣ подписана: «А. Пушкинъ» и снабжена поэмтой: «1-го июля 1826». Первые напечатать ее П. В. Анненковъ въ VII, дополнительномъ, томѣ своего изданія сочиненій Пушкина, стр. 92, съ поэмтой не только хронологической, но и мѣстной: «Зуѣво», и съ примѣчаніемъ: «стихотвореніе, сообщенное намъ А. П. Вульфомъ, относится къ одной изъ молодыхъ обитательницъ Тригорскаго, прозванной «Зиной» и отличавшейся тѣмъ, что она нецѣлѣбна мадригальные стихи и весьма мало отвѣчала на любви своихъ собесѣдниковъ. Поднесъ стихотворенія князю тѣмъ, что впервые является тутъ народное прозваніе Михайловскаго—Зуѣво, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ биографамъ Пушкина». Такъ называлъ его не только самъ Пушкинъ, но, между прочимъ, и шуринъ Пушкина П. П. Павлищевъ (см. письмо его къ Пушкину 11 июля 1836 г.) и мать поэта (А. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», стр. 123).

«Зина»—Евпраксія Вульфъ; домашнее переданіе ея имя на французскій ладъ въ *Euphrasia*, откуда получились уменьшительныя имена—Зина и Зизи. Евпраксія Николаевна Вульфъ родилась 12 октября 1809 г. отъ перваго брака Праксовны Александровны Выдомской (по второму мужу—Осиповой) съ Никол. Иван. Вульфомъ; ей приходились родными братомъ и сестрой Алексѣй Николаевичъ (о немъ см. выше, прим. къ № 387) и Анна Николаевна Вульфъ (о ней см. выше, № 433). Извѣстно, какъ любилъ Пушкинъ семью Осиповыхъ и Вульфъ, какими тѣлыми и пѣвными строфами въ «Онѣгина» (см. выше, стр. 324—325) онъ отплачивалъ имъ за ихъ дружбу, давную столько отрады сельскому поэту, запертому на два года въ «забытой глуши». Евпраксія Николаевна была однимъ изъ младшихъ членовъ этой семьи; Пушкинъ засталъ ее въ Михайловскомъ пятнадцатилѣтней барышней-подросткомъ. Поэтъ довольно легкомысленно ухаживалъ тогда за ея старшей сестрой Анной, относившейся къ нему, судя по ея письмамъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ къ ней, но не оставлялъ безъ вниманія и младшую сестру. «Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было Тригорское, — разсказываетъ Анненковъ «П—изъ въ Александровскую эпоху», 279—281, — много глазъ устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта, и много сердецъ близко трепетно, когда по ней, отбѣгая изъвины Сороти, показывался Пушкинъ или вѣшкомъ, въ шляпѣ съ большимъ полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ... Анна и Евпраксія Вульфъ составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ «Онѣгина» не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣдняя уже не носитъ на себѣ, но дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретности съ натуры, а возведена въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла друтой

типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отвращалась отъ романтическихъ ухищреній да собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Многие называли кокетствомъ все эти пріемы, но кокетство или ифигъ—манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно умнаго свойства. Евпраксія Николаевна была душой всеаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ; она играла передъ нами въ аріи Россіи, мастерски варила жженку и являлась первой по вѣбъ предпріятій по части удовольствій... Вышло то, что обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ: равнодушію оставалась лучшая доля постоянного вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и дѣтливаго уважанья. Одно время подгадали, что Пушкинъ неравнодушенъ къ Евпраксіи Николаевнѣ. Когда въ годъ женитьбы поэта его молодая жена въ письмѣ къ Аннѣ Николаевнѣ намекала на бывшія отношенія Пушкина къ ея младшей сестрѣ, Анна Николаевна съ чрезвычайной деликатностью и тонкостью отклонила вопросъ и усновоила самолюбивую красавицу, ревнованную мужа къ его прошлому (Анненковъ, *op. cit.*, 280—281). Внесенный Пушкинымъ въ Альбомъ Ушаковыхъ «Донжуанскій списокъ» рядомъ со многими другими женскими именами хранить и имя Евпраксія.

Отношенія поэта къ Зинѣ, которая была десятью годами моложе его, сразу приняли дружескій характеръ, и поэтъ слегка подтрунивалъ надъ подросткомъ, которому хотѣлось казаться взрослою челоукомъ. Брату, «пустельгѣ Лешушѣ», онъ писалъ въ ноябрѣ 1824 г., вскорѣ по возвращеніи въ Михайловское: «Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ филѣ, что та пишетъ и получаетъ письма». Недѣлными тремя раньше онъ писалъ ему, что «она дикъ мѣрятся покоемъ съ Евпраксіей, и такіе наши напліеся одинаковы. Съдѣтвенно, изъ двухъ одно: или я имѣю талию 15-лѣтней дѣвушки, или она—талью 25-лѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень зла... Этой талии Пушкинъ сдѣлалъ комплиментъ въ «Онѣгинѣ» (гл. 3, строфа XXXII, гдѣ, описывая именитый ужинъ у Гариныхъ, упоминаетъ «строй рямокъ, узкихъ, длинныхъ, подобныхъ талии твоей, Зизи, кристаллы души моей, предметъ стиховъ моихъ невинныхъ, любви прищипывній фіалы, ты, отъ кого я пилъ бывалъ»). Стихи, которые ей Пушкинъ писалъ, въ любовномъ смыслѣ были дѣйствительно вродѣ пеленны: «Если жизнь тебя обманетъ...» (см. выше, № 438) и разсатриваемая пьеса, написанная, вѣроятно, по случаю уничтоженія избалованной молоденькой пообдѣлывающей сердце какого-нибудь мадригала. Языкомъ называлъ ее за умѣние варить жженку—«маша Геба» (см. выше, примѣч. къ № 389) и вродѣ дѣвственія, въ 1845 г. вспоминалъ («Къ баронессѣ Е. П. В. — «Русе, Берсѣда» 1859 г., V, издан. словесн., стр. 3—4, и «П—изъ и его соврем.», I, 120—122; см. также II, и его соврем.», VI, 43—44, какъ Евпраксія Николаевна въ Тригорскомъ, бывало, угощала дюжину пѣвцовъ, — и былъ одинъ изъ нихъ самъ Пушкинъ — въ оны дни ональней и вѣдь свободы, а тругой... Другой былъ я... Какъ хорошо тогда мы жили! Какой огонь намъ въ душу лили стаканы жженки ротовой! Ее въ сѣми сочинили: слава была она, хмельна; ее въ сѣми разивали, и го-

рычо плылась она! Стаканы быстро подымались къ веселымъ юношей устамъ и звонко, звонко цѣловались, сто разъ звеня привѣты вамъ!», 24 января 1828 г. въ письмѣ къ ея матери Пушкинъ спрашивалъ: «какъ поправилось ш-ле Евпраксин ея пребываніе въ Торжкѣ? и много ли одержала она тамъ побѣдъ?» Въ слѣдующемъ письмѣ къ П. А. Осиповой, въ мартѣ, Пушкинъ благодарилъ Евпраксию «за лаконошескій отвѣтъ, который она удостоила дать на мой вопросъ» (вѣроятно, о сердечныхъ побѣдахъ въ Торжкѣ), и при этомъ послалъ ей экземпляръ IV и V главъ «Оубишна» съ надписью: «Евпраксин Николаевичъ Вульфъ отъ автора: Твой отъ твоихъ» («М. П. Семевакій, «Къ біографіи Пушкина» — Русск. Вѣстн. 1869 г., т. 84, № 11, стр. 71). «Твой отъ твоихъ», вѣроятно, намекало на связь личности Евпраксин Николаевны съ образомъ Ольги Лариной; «любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень», — говоритъ объ «Оубишнѣ» ея братъ А. П. Вульфъ въ своемъ дневникѣ (А. П. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 199; см. также «Пушкинъ и его современники», I, 13, примѣч. Въ слѣдующемъ году (16 октября 1829 г.) Пушкинъ писалъ А. П. Вульфъ изъ Малюшинокъ, что «Евпраксин Николаевна отравила въ Старцу посмотреть новыя улаповы»... 8 июля 1831 г. Евпраксин Николаевна вышла замужъ за барона Бор. Александр. Вревскаго (1805—1888 г.), владѣльца сельца Голубова, вблизи Тригорскаго и Михайловскаго. Узнавъ объ ея помолвкѣ, Пушкинъ писалъ ея матери (29 іюня 1831 г.): «желаю ш-elle Евпраксин всякаго счастья, какое доступно намъ на землѣ, и котораго вполне достойно такое благородное, такое милое существо». Черезъ четыре года Пушкинъ, забывъ въ Михайловскомъ, побывавъ у Вревскихъ и писалъ жемъ (21 сентября 1835 г.): «Вревская очень добралъ и шила бабенка, по толста, какъ Меводіи, нанъ нековскій арміерей». Попавъ опять въ нековскіе края въ слѣдующемъ году, Пушкинъ послалъ Языкову (14 апрѣля 1836 г.) «поклонъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ снѣжъ Тригорскаго, отъ волтъ годубой Сороти, отъ Евпраксин Николаевны, пѣкогда полувоздушной дѣвы, пывъ—дебелой жены, въ пытый разъ уже брюхатой»... Со всей семьей Пушкиныхъ Вревские были всегда въ добрыхъ отношеніяхъ и въ перепискѣ; особенно дружна была Евпраксин Николаевна съ сестрой Пушкина (А. П. Навашинъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 72, 301, 311, 420). Незадолго до кончины Пушкинъ часто навѣщалъ Вревскую, бывшую тогда въ Петербургѣ, и разговаривалъ съ нею о Михайловскомъ, куда хотѣлъ переѣхать на дѣло съ семьей («П. и его современники», VIII, 54); одно время онъ даже собирался купить близъ Тригорскаго имѣніе Савкино и прочно основателен въ немъ. П. А. Шлякинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 141, 142, 143, 146, 153. Наканунѣ дули съ дайтеомъ Пушкинъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Вревской у брата ея мужа, барона М. П. Сердобина. Смерть Пушкина болѣзненно поразила ее, и долго не могла она собраться съ духомъ, чтобы написать отцу поэта о послѣднихъ дняхъ его сына («П. и его соврем.» VIII, 63, 72); Сергій Львовичъ подарилъ ей подлинникъ знаменитаго письма къ нему Жуковскаго о смерти поэта («Русск. Вѣстн.» 1869, № 11, стр. 98—99). Евпраксин Николаевна на много дѣтъ пережила

своего друга; умерла она 22 марта 1883 г. и погребена въ погостѣ Вревѣ, въ одной верстѣ отъ Голубова, недалеко отъ монастыря, гдѣ покоится прахъ Пушкина.

О Е. П. Вульфѣ см. также статьи М. П. Семевакка «Прогулка въ Тригорское» въ «С.-Петербург. Вѣдом.» 1866 г. (№№ 139, 146, 157, 163, 168, 175); Б. Я. Модзалевскаго «Поѣздка въ Тригорское» — «Пушкинъ и его современники», вып. I; П. А. Шлякинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903.

477. ТАКЪ МОРЕ, ДРЕВНІЙ ДУШЕГУБЕЦЪ... (т. II, стр. 404)

Этими стихами начинается письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, изъ Михайловскаго, 14 августа 1826 г., напечатанное впервые въ «Русск. Арх.» 1874 г., I, 431, и затѣмъ вошедшее въ первое собраніе писемъ Пушкина, составляющее VII томъ второго ефремовскаго изданія сочиненій Пушкина, 1882 г., стр. 44—45; подлинникъ находится у гр. С. А. Шереметева, «И правда ли, — спрашивать далѣе Пушкинъ, — что Николай (Тургенева) привезли на кораблѣ въ П. Б.? Вотъ каково море наше хвалебное! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна». При письмѣ 31 іюля Вяземскій прислалъ Пушкину, своему «барину на Парнасѣ», «эмпринцій оброкъ» — стихотвореніе «Море». На эту присылку Пушкинъ и отвѣтилъ ему словами: «Не славь его... Вотъ каково море наше хвалебное!» Здѣсь Пушкинъ вспомнилъ и свои стихи «Къ морю» (см. выше, № 383, въ которыхъ онъ славилъ море какъ свободную стихію; теперь онъ совѣтовалъ другу не славить сѣдого Пентуна, безгуманнаго въ союзъ съ землею противъ свободы. Слухъ о выдачѣ иностранцами властями русскимъ П. П. Тургенева оказался ложнымъ; Тургеневъ, отказавшійся явиться въ Россію на судъ по дѣлу о тайномъ обществѣ, остался навсегда за границей эмигрантомъ или, по выраженію русскихъ оффиціальныхъ сферъ, «несудимымъ государственнымъ преступникомъ». За нѣсколько дней до смерти Пушкина, 21 января 1837 г., А. П. Тургеневъ писалъ П. П. Тургеневу: «когда-то кн. Вяземскій написалъ стихи къ морю; вскорѣ послѣ того прошелъ слухъ, что тебя схватили въ Англіи; ночь что Пушкинъ написалъ тогда къ морю»... («Пушкинъ и его современники», VI, 47). 30-го января, когда Пушкина уже не было въ живыхъ, А. П. Тургеневъ писалъ своему родственнику П. С. Аржевитину: «за нѣсколько дней, 16 генвара, прочелъ онъ (Пушкинъ) мѣнъ наизустъ много стиховъ, конкъ я не зналъ, ибо они не были напечатаны. Одинъ болѣе другихъ мѣнъ понравился и тѣмъ уже, что написаны давно но случайно распространяющагося слуха, что будто братъ П. выдалъ англичанамъ; стихи адресованы къ другому поэту, который написалъ стихи Къ морю и славилъ его. Пушкинъ говоритъ поэту»... и т. д. («Русск. Арх.» 1903 г., I, 144).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ участникамъ несчастнаго декабрьскаго дѣла см. ст. А. Л. Слюнчикова «Пушкинъ и декабрьское движеніе», во II т. настоящаго изданія, и также, примѣч. къ №№ 490, 501, 506.

Н. Лернеръ.

Рисунки третьяго тома.

I.

Гравюры-мечцотинто, фототипии и хромо-
автографы.

21. Подтавская битва. Картина А. Е. Коцебу	стр. 32
22. Донъ-Гуацъ и Доина-Анна. Картина П. Е. Рбинна. Собственность Д. П. Цюванскаго (Абазовка, близъ Подтавы). Воспроизводится впервые по фотографіи Хмилевскаго изъ Подтавы	157
23. Три дѣвщцы подъ окномъ. Рисунки Виктора Васнецова	188
24. Пушкинъ. Портретъ кисти Кипренскаго, 1827 года	223
25. Евгений Онегинъ. Композиція Шарлеманя	273
26. Дуэль Лепкина съ Онегинымъ. Акварель П. Е. Рбинна	293
27. Пушкинъ и его друзья слушаютъ декламацию Мицкевича въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской. Картина Г. Е. Мясоедова (сзади декламирующаго Мицкевича кн. П. А. Вяземскій; у правой руки его Хомяковъ, рядомъ съ которымъ кн. Волконская; за Пушкинымъ Ногодинъ; за круглымъ маленькимъ столикомъ Веневитиновъ; предлоившійся къ колѣнѣмъ стоять Чаадаевъ)	332
28. Русалки. Картина Константина Маковского	370

II.

Автотпипи на отдѣльныхъ листахъ.

21. Разные портреты Мазены. Изъ музея Тарнопскаго въ Черинговѣ	24
22. Матрена Кокубей. Историческій этюдъ П. Е. Рбинна	38

23. Лаура поетъ. Картина К. Степанова	стр. 151
24. Софья Ѳеодоровна Папина, урожденная Пушкина. Съ акварели, принадлежащей Пушкинскому дому	184
25. Онегинъ пишетъ письмо Татьянѣ. Печатаемый рисунокъ Д. П. Кардовскаго	310
26. Онегинъ и Татьяна-клятва. Съ акварели Павла Соколова	314
27. Пушкинъ въ 1827 году. Портретъ В. А. Троицкина	340
28. Александра Осиповна Россетъ-Смирнова. Автографія Werner'a, съ портрета проф. Рему	374
29. Вожди сербскаго возстанія	393
30. Анна Алексѣевна Оленина, въ замужествіи Андро. Печатаемый портретъ, теперь принадлежащій ея дочери, А. Ф. Войто	423
31. Гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго	585

III.

Рисунки и автографы въ текстѣ.

310. Одна изъ триумфальныхъ арочекъ въ честь Подтавской побѣды. Съ гравюры 18 вѣка (при пѣвечкѣмъ брошюрѣ—Mars Moscoviticus. MDCCX.)	1
311. Мазена. Музей Тарнопскаго въ Черинговѣ	9
312. Памятникъ въ честь Подтавской побѣды. Воздвигнутъ въ Подтавѣ въ 1809 г.	17
313. «Подтава», поэма Александра Пушкина. Заглавный листъ, изд. 1829 г.	29
314. Одна изъ медалей въ честь Подтавскаго боя. Съ экземпляра изъ коллекции гр. П. П. Толстого	30

	стр.		стр.
315. Василий Леонтьевич Кочубей. Современный портретъ, вышѣ принадлежащій кн. В. С. Кочубею. По оригиналу воспроизводится здѣсь впервые.	33	345. Вышетка къ «Бѣсамъ» Н. Панова.	83
316. Мазена. Воспроизведено въ величину оригинала съ рѣдчайшаго офорта Норблена (Norblain de la Goudaine 1745—1830), находящагося въ Публичной Библиотецѣ въ СПб.	35	346. Рисунокъ Пушкина на черновикѣ «Осени». Тетрадь Румянц. музея № 2371, л. 81 оборотъ. Воспроизводится впервые.	86
317. Казакъ на сѣверъ держитъ путь. Казаки не хотятъ отдохнуть.	37	347. Конецъ черновика «Осени». Тетрадь Румянцевскаго музея № 2371, л. 82. Воспроизводится впервые.	87
Рисунокъ П. Карзинна.	37	348. Современная иллюстрація къ «Домнику въ Коломнѣ» («Новоселье», 2-ое изд. 1843 г. Изображена прилегающая къ церкви Покрова мѣстность и домикъ «за самой будкой»).	95
318. Борщагойка, вояжд Бѣлой Церкви. Здѣсь казнили Кочубея и Пекру. Съ гравюры А. П. Зубчанинова.	41	349. Изъ рукописи «Домника въ Коломнѣ». Румянц. Музей № 2376, л. 1, листъ 4, оборотъ. Воспроизводится впервые.	97
319. Мазена удаляется отъ мѣста казни Кочубея и Пекру, пензданный Рис. П. С. Самокиша.	45	350. Мавруша бѣгетса. Современная иллюстрація къ «Домнику въ Коломнѣ». Рисунокъ К. Брюлова («Новоселье», 1833 г.).	98
320. Карлъ XII. Гравюра Фритиша (1740) съ портрета Крафта (1717).	47	351. Мавруша бѣгетса. Румянц. Музей, тетрадь № 2376 л., л. 5, об. Рисунокъ Пушкина.	99
321. Петръ I. Современная гравюра Губракена.	49	352. Первоначальное заглавіе «Скупого Рыцаря». Румянц. музей. Рукопись № 2376.	109
322. Безумная Марія и Мазена. Рис. В. Лебедева.	51	353. Скупой Рыцарь. Картина К. Степанова.	109
323. Кобзарь. Рисунокъ Трутовскаго.	53	354. Скупой Рыцарь въ своемъ подиальѣ. Рисунокъ Пастернака.	112
324. Гетманъ Дорошенко. Изъ собранія портретовъ, издавнаго Платономъ Бекетовымъ.	54	355. Скупой Рыцарь. Картина О. К. Вишнмана.	113
325. Гетманъ Самойловичъ. Изъ собранія портретовъ, издавнаго Платономъ Бекетовымъ.	54	356. Псалъдникъ Скупого Рыцаря. Рисунокъ Пастернака.	114
326. Герои полтавской битвы. Брюсъ, Бауэръ, Реншигъ, Меньшиковъ и Шереметевъ.	55	357. Скупой Рыцарь и цыца. Картина К. Степанова.	115
327. Дубовая аллея въ память В. А. Кочубея въ Диканьцѣ. Съ фотографіи, принадлежащей кн. В. С. Кочубею.	56	358. Моцартъ и Сальери въ грамюрахъ начала XIX вѣка. Изъ пушкинской коллекціи П. А. Ефремова.	126
328. «Шведская могила» подъ Полтавою. Съ рис. 1840-хъ гг.	57	359. Сальери. Пензданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ П. А. Римскаго-Корсакова.	127
329. Книзь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Бюстъ Витали.	59	360. Слѣпой скрипачъ играетъ арию Моцарта. Пензданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ П. А. Римскаго-Корсакова.	129
330. Александра Васильевна Алдычева. Съ портрета 1844 г.	61	361. Сальери сыплетъ ядъ въ стаканъ Моцарта. Пензданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ П. А. Римскаго-Корсакова.	131
331. Пушкинъ и Онегинъ. Гравюра безъ подписи, приложенная къ Шевскому Альманаху на 1829 годъ.	63	362. Пенанскій монастырь. (Don Genaro Perez de Villa-Amil, Espana artistica у ш impmental)	147
332. Татьяна то надохнетъ, то охнетъ. Письмо дрожитъ въ ея рукахъ. Рисунокъ А. Потбека гр. А. Зубревъ «Невскій Альманахъ» на 1829 г.).	63	363. Изъ рукописи «Каменнаго гостя» (Румянц. музей, № 2376, л. 2, оборотъ. Конецъ I сцены).	149
333. Монастырь на Казбекѣ.	65	364. Дочь Гуаиъ и Лаура. Картина К. Степанова.	153
334. Обналь. Картина П. К. Айвазовскаго.	67	365. Дочь Гуаиъ и Дочка Анна. Рисунокъ К. Брюлова («Сто русск. литераторовъ» т. I.	155
335. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій.	69	366. Тина старой Пенанів. Офортъ Арайя.	157
336. Николай Ивановичъ Патеждинъ.	71	367. Старая Пенанів изъ портретахъ Веласкеса.	159
337. Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. Съ портрета Левцакова.	72	368. Декорація академिका Д. А. Корсини 1774—1814. Библиотека Академіи Художествъ; пензданно).	161
338. Графъ Алексій Орловъ-Чесменскій. Съ портрета Гоушера.	72	369. Я здѣсь, Пиезипля Стою предъ окномъ! Рисунокъ Зичи.	162
339. Феодоръ Орловъ.	73	370. Предъ пензикою благороднои. Рисунокъ С. Соломки.	163
340. Колоша Побѣдаиъ Ганнибаловъ Царекосельскомъ парѣ. Съ фотографіи, снятой С. А. Данинъ въ 1908 г.	73		
341. Листъ 106 пушкинской тетради № 2382.	75		
342. Митрополитъ Филаретъ.	79		
343. О. В. Булгаринъ.	80		
344. Шевциръ, Данте, Петрарка, Камоньса, Вордсвортъ и Мицкевичъ. Вышетка О. Г. Беренштама.	81		

	стр.		стр.
571. Николай Иванович Гибдичь . . .	164	601. П. Филипповича она Поля мой! стихи Приди ко мнѣ въ чертогахъ златой!	250
572. Начало сказки «Какъ пещерей теплою порою». Румянц. музей, тетрадь № 2376, В., л. 5. Воспроизводится впервые . . .	165	602. Евгений Олбшникъ. Незданный Ри- сункъ Пушкина, тетрадь Румянц. Музея № 2369, л. 49 . . .	251
573. Англия XVIII вѣка въ портретахъ Ван-Дика . . .	169	603. Ольга Лариша. Рисункъ Е. Само- киши-Судковской . . .	253
574. Лондонская улица во время чумы 1666 г. Рисункъ Джелико J. Jellicoe . . .	171	604. Татьяна ребенкомъ. Рисункъ Ел. Бемь . . .	252
575. Англинская дѣвушка. Картина Рейн- гольда . . .	173	605. Татьяна. Картина барона М. Клода . . .	251
576. Фонтанъ «Truche Cassée» въ Нар- скосельскомъ паркѣ . . .	174	606. Татьяна. Статуя П. П. Забѣлды . . .	265
577. Гробница Кутузова въ Казанскомъ Соборѣ. Съ фотогр. снимка (1908) К. Е. Мегорская . . .	179	607. Ленокій вводитъ въ домъ Лари- шахъ Евгений Олбшникъ. Изъ неизданныхъ скульптуръ къ «Евгению Олбшнику» В. В. Гельмергена . . .	258
578. Сказка о царѣ Салтанѣ. Висетка Н. Вилбина . . .	187	608. Я., дѣвись, шнѣя, изблбена Ала- рель Павла Соколова . . .	261
579. Царь Салтанъ во сдушивается трехъ дѣвцъ. Рисункъ Н. Вилбина . . .	187	609. Татьяна пишетъ письмо Олбшнику. Акварель Ел. Бемь . . .	263
580. Рисункъ М. Пестерева. Сказка о Царѣ Салтанѣ . . .	188	610. Татьяна и Пина. Рисункъ Микѣ- шина . . .	265
581. Рисункъ М. Пестерева. Сказка о Царѣ Салтанѣ) . . .	188	611. Шести дѣвчешекъ. Рисункъ Павла Полкова . . .	266
582. Царевичъ отправляется на охоту. Рисункъ А. Рыбушкина . . .	189	612. Предметнымъ палешникомъ писала На отуманенномъ стеклѣ Завѣтной вѣзель О да Е . . .	267
583. Царь Салтанъ и гости. Рисункъ Бартрама . . .	191	Рисункъ Микѣшина . . .	269
584. Тридцать три богатыря. Рисункъ Аполлониаріа Васнецова . . .	193	613. Петръ Александровичъ Пестель . . .	270
585. ВВтеръ воедо шуметь Судно весело бѣжить . . .	195	614. Женскія головки изъ черновикахъ «Евгения Олбшника». Воспроизводится здѣсь впервые по тетрадямъ Румянц. Музея №№ 2369, лл. 29 оборотъ и 35; 2370, л. 5 оборотъ). Рамки О. Г. Беренштама . . .	270
Рисункъ П. В. Досѣкина . . .	195	615. Татьяна. Статуя М. Л. Диллонъ . . .	273
586. Лебедь-Царевна. Рисункъ Бартрама . . .	197	616. Благословенное вино Въ бутылкѣ мерзлой для поэта На столѣ тотчасъ пришеюто . . .	277
587. Царь Салтанъ со своею свитой. Рисункъ С. Соломки . . .	198	Рисункъ Потѣбека, въ гравюрѣ М. Ива- нова. «Певскій Альманахъ» на 1829 г. . .	277
588. Кошцовка П. Вилбина . . .	199	617. Олень. Изъ иллюстрацій къ Пуш- кину, П. Павлова . . .	279
589. Рисункъ Пушкина къ сказкѣ о Балдѣ. Румянц. Музей, тетр. № 2376, В., л. 45 оборотъ . . .	201	618. Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ, Въ салазки жучку посадивъ, Собѣ въ волнѣ преобразивъ . . .	279
590. Евгений Олбшникъ въ представленіи Пушкина. Незданный Рисункъ Пушкина. Румянц. Музей, тетр. № 2387, л. 62 . . .	205	Рисункъ П. Павлова . . .	279
591. Евгений Олбшникъ. Заглавный листъ изданія 1825 г. . . .	205	619. Татьяна гадаеть. Рисункъ Потѣ- бека («Певскій Альманахъ» на 1829 г.) . . .	281
592. Лихая бѣда. Автографія 1820-хъ гг., Орловскаго . . .	207	620. Соль Татьяна. Рисункъ Коровина . . .	283
593. Щеголь. 1817—1820 гг. Модная картинка . . .	230	621. Танца 1820-хъ гг. Современная автографія Мартынова изъ коллекціи Е. П. Тевяшева . . .	286
594. Щеголь. 1817—1820 гг. (Модная картинка) . . .	230	622. Олбшникъ танцуетъ съ Ольгой. Аквар- ель Е. Самокиши-Судковской . . .	287
595. Екатерина Семеновна Семенова. Съ портрета Брюлова . . .	240	623. Идутъ ужинать. (Изъ жанровыхъ картинокъ изданнаго въ 1832 г. Подельнымъ «Новаго живописца Общества и литера- туры») . . .	288
596. Авдотья Пылашица Истомина. «Русская Талія» 1825 г. . . .	241	624. Зарѣцкій. Рисункъ Павла Соко- лова . . .	289
597. Пушкинскій проектъ иллюстрацій къ строфѣ XLVIII. (Посланъ при письмѣ къ брату Лѣву. На основаніи этого проекта нарисована «картинка» въ «Певскомъ Аль- манахѣ» на 1929 г.) . . .	245	625. П. Фредеръ отъ пиланы отвернувь, Глазами бѣлыми читаетъ Проегую надписъ—и слеза Туманить ибжные глаза . . .	295
598. Женскія ожки въ черновикахъ Пушкина. (Воспроизводится впервые по тетрадамъ Румянц. Музея №№ 2369, листъ 1 оборотъ; 2370, листы 2 и 8). Рамки О. Г. Беренштама . . .	247	626. У могилы Ленскаго. Рисункъ Волкова . . .	297
599. Въ богатой барской усадьбѣ на- чала 1820-хъ гг. Изъ современныхъ скульп- туръ графа Феодора Толстого . . .	248	627. Татьяна въ кабинетѣ Олбшника. Ри- сункъ Павла Соколова . . .	299
600. Владимиръ Ленскій. Незданный рисункъ Пушкина, (тетрадь Румянц. Му- зея № 2369, л. 35 обор.) . . .	249	628. Тирской бульваръ. Съ автографіи 1830-хъ гг. . . .	303

	стр.		стр.
629. Московскія моды 1825 г.	305	657. «Гусарь». Рисунок Р. Штеппа	373
630. Державинъ, Жуковскій и Дмитриевъ.	306	658. Подлинный южно-славянскій гусляръ конца XVIII и начала XIX вѣка. Портретъ Филиппа Виничича въ роскошномъ изданіи «Знаменити Сербы», Загребъ 1903	377
631. Intérieur знатнаго дома начала 1830-хъ гг. Незданная современная акварель проф. П. П. Вольскаго (изъ коллекціи Б. К. Веселовскаго).	309	659. Вукъ Караджичъ (изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы», Загребъ, 1903)	385
632. Кто прежней Таши, Блдой Таши, Теперь въ князиѣ-бѣ не узнашь! Акварель Ел. Бемъ.	313	660. Просперъ Мериме. Автографія Deveria, 1829 г.	403
633. Нижній Новгородъ. Изъ хранящихся въ бібліотекѣ Академіи Художествъ неизданныхъ рисунковъ Никанора Чернецова; набросаны во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ въ 1835—1836 гг.	316	661. Южно-славянскія гусли и домашняя утварь.	404
634. Волга на границѣ Нижегородской и Казанской губерній. Незданный рисунокъ Никанора Чернецова. (1835—1836 гг.).	317	662. Король Босній Стефанъ Томашевичъ на молитвѣ. Со старинной картины въ Загребской галлерей.	405
635. Бугоръ Стенки Разина. Незданный рисунокъ Никанора Чернецова 1835—1836 гг.	317	663. Развалины Ключа-Града въ Босніи. Рисунокъ С. Адыюевича.	406
636. Астрахань. Незданний рисунокъ Никанора Чернецова (1835—1836 гг.).	317	664. Султанъ Магометъ Эль-Фатм. Съ оригинала, находящагося въ Вѣнской Импер. бібліотекѣ.	407
637. Пятигорскъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.).	318	665. Боснійскій воевода эпохи завоеванія Босніи турками. Миниатюра Глаголитскаго мисала, находит. въ Константинополѣ, въ бібліотекѣ Эсхи-Сарай.	408
638. Терекъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.).	319	666. Молодая женщина славянскаго побережья. Адриатическаго моря. Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia, MDCCCLXIV).	409
639. Слияніе Куры и Арагвы. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.).	319	667. Знатный плррррррррррр. (Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia MDCCCLXIV).	409
640. Татарская хижина въ Крыму. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.).	320	668. Тины южно-славянскихъ полуразбойниковъ, подбурюющихъ за свободу. Ускокъ, картина Милана Сунко.	411
641. Гурзуфъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.).	321	669. Черногорія съ птичьаго полета. Рамка О. Г. Беренштама	413
642. Видъ на Аюдагъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 гг.).	321	670. Черногорскіе тины.	413
643. Путь въ окрестности Тригорскаго. Картина В. Макемова (1899).	324	671. Георгій Черный (изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы», Загребъ, 1903	414
644. Берега Сороти у Тригорскаго. Картина В. Макемова (1899).	325	672. Милошъ Обреновичъ.	415
645. Невскій проспектъ во времена Ешеція Ойгина.	328	673. Вилла. Рисунокъ Павла Иоанновича	417
646. Княгиня Анна Давыдовна Абамелекъ, подлѣе Баратынская.	333	674. Южно-славянскій гусляръ. Рисунокъ Тисова.	419
647. Каррикатура на свѣткѣ усабли Пушкина въ Москвѣ Пушкинъ и гр. Хвостова. Съ акварели, принадлежащей дру С. С. Жихареву	345	675. Минимй гусляръ Маглановичъ. Портретъ, приложенный къ «Guzla» Мериме.	421
648. Каррикатура Пушкина на Венештинова. Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводится впервые	347	676. Тинъ Гайдука. (Гайдукъ Велько Петровичъ).	422
649. Каррикатура Пушкина на Елизавету Ушакову	348	677. Старикъ ловить неводомъ рыбу, старуха прала свою праху. Рисунокъ В. Маковскаго.	426
650. Автопортретъ Пушкина изъ Ушаковскаго альбома	349	678. Старуха—столбовая дворянка. Рисунокъ В. Маковскаго.	427
651. Два автопортрета Пушкина. Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводится впервые	351	679. Подбѣжали бояре и дворяне, старика въ зацепъ затолкали. Рисунокъ В. Маковскаго.	428
652. Автопортретъ Пушкина изъ Ушаковскаго альбома	325	680. Передъ нею разбитое корыто.	428
653. Сиданіе вилы съ дочерью мельника. Рисунокъ К. Лебедева.	361	681. Иллюстраціи А. Афанасьева къ «Сказкѣ о рыбахъ и рыбахъ».	429
654. Князь и дочь мельника. Рисунокъ В. Васнецова.	363	682. Квицкнй орнаментъ ранняго Ренессанса.	430
655. Продаіе дочери мельника съ княземъ. Рисунокъ Коварзева.	365	683. Квицкнй орнаментъ ранняго Ренессанса.	434
656. Шалашнй въ роли сумасшедшаго мельника опера Гаргомыжевскаго «Русалко».	369	684. Квицкнй орнаментъ ранняго ренессанса.	435
		685. Итальянскіе тины ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Giorgione	437
		686. Итальянскіе тины ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Marco Basaito	439
		687. Итальянскіе тины ранняго рене-	

	стр.
санса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Dosso Dossi	441
688. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Боттичелли	445
689. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Филиппино Липпи	449
690. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Sebastiano del Piombo	451
691. Польскій поевода. Картина Матейки	453
692. Будрыскъ и его сыновья. Рисунокъ П. Каразина	455
693. Рисунокъ Пушкина, набранный памятникомъ Фальконета	466
694. Голова Фальконетовскаго памятника Петру I. Съ гравюры Генрикеза Пейгвиезъ)	473
695. Панорама Невы. Гравюра В. В. Матъ съ Патерсона	474
696. «Мѣдный вѣдникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Наводненіе. Изъ коллекціи кн. В. П. Аргутинскаго-Долгорукова Пензанинъ	475
697. Спасеніе утопающихъ въ наводненіе 1824 года. Рис. Шебуева	476
698. «Мѣдный Вѣдникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца (изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Вѣдника» Т-ва М. О. Вольфа)	477
699. Фальконетовскій памятникъ; съ рѣдчайшей не издавшой и не вполнѣ законченной гравюры Г. П. Скородумова (Библиотека Академіи Художествъ)	478
700. Наводненіе 1824 года. Современная картина Ф. Я. Алексѣева	479
701. «Мѣдный Вѣдникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Ногоня Мѣднаго Вѣдника. (Изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Вѣдника» Т-ва М. О. Вольфа)	481
702. Петербургское взморье. Рис. NN	482
703. Вишетка къ «Сказкѣ о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ» Ф. Г. Беренштама	485
704. «Ахъ ты мерзкое стекло». Рисунокъ С. В. Малютина	487
705. Царевна и Ниццал. Рисунокъ С. В. Малютина	489

706. Концовка П. Береншамъ	стр. 490
707. Галубъ прокипаетъ Газита	495
708. Вишетка Пушкина въ «Страничку». Воспроизводится впервые по рукописи Румянцеваго музея, № 2377, А	497
709. Удаль Мицкевичъ	499
710. Заглавная вишетка «Сказки о золотомъ пѣтушкѣ», рисованная Пушкинымъ. По подлинной рукописи, хранящейся въ Публичной Библиотекѣ	501
711. Вишетка къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ» Ф. Г. Беренштама	502
712—718. Акварели гр. Ф. Солдуба къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ»	502—507
719. Александръ Раевскій въ старости	529
720. Рисунокъ Пушкина къ «Цыганамъ». Воспроизводится впервые	537
721. Рисунокъ Пушкина къ «Цыганамъ». Воспроизводится впервые	537
722. А. П. Кернъ въ 1840-хъ гг. Съ миниатюры, принадлежащей Пушкинскому дому	593
723. Комната, въ которой А. П. Кернъ жила въ 1830-хъ годахъ	601
724. А. П. Кернъ въ глубокой старости, незадолго до смерти	603
725. Могилка А. П. Кернъ на кладбищѣ с. Прутни, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ. По фотографіи, принадлежащей В. А. Модзалевскому, воспроизводится здѣсь впервые	605

IV.

Орнаментъ.

Заставки и концовки начала XIX вѣка.

726—744. На стр. 31, 32, 39, 71, 74, 79, 88, 91, 118, 135, 179, 204, 278, 327, 331, 371, 456, 466, 497.

Мелкій типографскій орнаментъ эпохи Ренессанса.

745—750. Стр. 130, 131, 132, 133, 148.
--

Заставки XVIII вѣка.

751—752. На стр. 611 и 616.

Оружіе, мелкіе предметы быта.

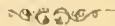
753—755. Стр. 52, 108, 128.

Оглавленіе III тома.

I. СТАТЫ И ЗАМѢТКИ.

	стр.
1. «Полтава». Ю. П. Айхенвальда	1
2. «Полтава» въ историческомъ и историко-литературномъ отношеніяхъ. Нг. Житецкаго	6
3. «Домикъ въ Коломиѣ». Валерія Брюсова	88
4. «Скупой Рыцарь». П. М. Мнискаго	103
5. «Моцартъ и Сальери». А. Г. Горифельда	119
6. «Каменный Гость». Академика Нестора Котляревскаго	135
7. «Ширь во время чумы». Академика К. К. Арсеньева	166
8. Первое сватовство Пушкина. Академика А. Ѳ. Коня	181
9. «Евгеній Онегинъ». Иванова-Разумника	205
10. Пушкинъ въ Москвѣ, послѣ ссылки. П. О. Лернера	335
11. «Русалка». П. О. Морозова	353
12. «Шени западныхъ славянъ». Прив. доц. А. П. Яцимирскаго	375
13. «Анджело». П. О. Морозова	430
14. «Мѣдный Всадникъ». Валерія Брюсова	456
15. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1824 года. П. О. Лернера	510
16. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1825 года. П. О. Морозова	557
17. Пушкинъ и Шенье. Юрія Веселовскаго	581
18. Анна Петровна Кернъ. Б. Л. Модзалевскаго	585
19. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1826 г. П. О. Лернера	607

II

СТИХОТВОРЕНИЯ 1829 г.

	стр.
570а. Полтава	38
571. Примѣты (А. А. Олениной)	58
572. Что въ имени тебѣ моемъ? (А. А. Олениной)	58
573. Я вѣсь люблю: любовь еще, быть можетъ	58
574. Когда твои младыя дѣта (А. П. Кернъ)	58
575. Къ вельможѣ (ви. П. Б. Юсупову)	58
576. На холмахъ Грузіи лежитъ почная мгла (Отрывокъ)	62
577. Калмычкѣ	62
578. Не пѣвнѣйся бранной славой. Пѣзь Гафиза	62
579—580. (На картинѣ къ «Евгению Онегину» въ «Невскомъ Альманахѣ»)	63
581. Щастливъ ты въ прелестныхъ дуряхъ	64
582. Поэтъ игрокъ, о Беверлей Гораций	64
583. Напрасно видишь тутъ ошибку.	64
584. Делибантъ	64
585. Кавказъ	64
586. Монастырь на Казбекѣ	65
587. Донъ	66
588. Одеговъ шить	66
589. Дорожныя жалобы	66
590. Обвалъ	66
591. Зима. Что дѣлать намъ съ деревнѣ?	68
592. Зимнее утро	69
593. Литературное извѣстіе	69
594. Журналами обиженный жестоко.	70
595. Тамъ, гдѣ древній Кочергинскій.	70
596. Какъ сатирой безымянной	70
597. Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.	70
598. Саможеникъ. Притча	70
599. Надѣясь на мѣ презрѣнье. Не отдѣлано окончательно)	71
600. Загадка. При посылкѣ [Дельвигу] бреззюваго Сфинкса	71
601. Воспоминанія къ П. С. [Царевомъ Сеиѣ]. [Окончательно не отдѣлано]	72
602. Надѣмъ, я готовъ. Элегическій отрывокъ	74
603. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. Стансы	74

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ 1829 г.

604. Благословенъ и день, и часъ	75
605. Благословенъ твой новый путь	76

	стр.
606. П чувствуя—душа въ сей часъ.	76
607. Критикъ, роскошнѣй трагедіишь	76
608. Вѣдь и я среди цѣлцовъ	76
609. Палоби меня, дѣвица	76
610. Зорю былого	76
611. Еще одной высокой, важной пѣсни	76
612. Зорѣмъ Елена, такъ пугово	77
613. Во время оное, бывое	77
614. П ютъ ушелье мрѣзныхъ скалъ.	77
615. Страшно и скудно	78
616. Быть въ сраженіи похвально	78
617. Хотѣлъ я душу освѣжить	78
618. О, пѣтъ, мнѣ жизнь не подошла	78
619. То было искорѣ послѣ боя	78

СТИХОТВОРЕНИЯ 1830 г.

620. Глухой глухого звать на судъ судьи глухова	79
621. Циклопъ	79
622. Отвѣтъ. [Ек. П. Ушаковой].	79
623. Въ часы забавъ иль праздной скуки. Стансы	79
624. Не то бѣда, что ты полявъ [на Булгарина]	80
625. Поэту. Сонетъ	80
626. Мадонна. Сонетъ	80
627. Не то бѣда, Авдѣй Флотаринъ	80
628. Сонетъ	81
629. Цыганы. Съ англійскаго	81
630. Отвѣтъ анониму	81
631. Кажъ, или пятнадцатый годъ	82
632. Элегія [безумныхъ дѣтъ угасшее веселье]	82
633. Бѣсы	82
634. Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь [на Булгарина]	83
635. Румяный бритивъ мой, насмѣшникъ толстоузой	83
636. Разставаніе	84
637. Осенъ. Отрывокъ [окончательно не отдѣланъ].	84
638. Домикъ въ Коломнѣ	92
639. (Пѣзь записки къ пріятелю)	100
640. Отрокъ	100
641. Мая родословная или русскій мѣщанинъ. Волное подражаніе лорду Байрону	100
642. Стамбульскія глурія шарче слаготъ	101
643. Заклинаніе	101
644. Скуной рыцаръ. Сцены изъ Ченстоховой трагикомедіи. (The cavetous Knight)	110
645. Моцартъ и Сальери	127

	стр.
646. Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы	133
647. Въ началѣ жизни школу помню я [незаключено]	133
648. Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. [Первая редакция. Сокращенную передѣлку см. въ «Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ»]	133
649. Герой	134
650. Каменный гость	147
651. Я здѣсь, Пнзелья	162
652. Предъ испанкой благородной	163
653. На переводѣ Пліады	164
654. Для береговъ отчизны дальней	164
655. Какъ веселѣй теплою порою. [Не закончено и не отдѣлано]	165
656. Пиръ во время чумы (изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague)	169
657. Пью за здравіе Мерк. Пѣсня	173
658. Царскоесельская статуя	174
659. Рифма	174
660. Трудъ	174
661. Новоселье	174

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

662. Ужъ осень холодомъ дохнула	175
663. Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ	175
664. О муза пламенной сатиры	175
665. Мѣдокъ. Мѣдокъ въ Уаллахъ	175
666. Мы рождены, мой братъ названный [Дельвигу].	175
667. Графиня одна держитъ письмо. [Драматическій отрывокъ]	176
668. Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичъ! [Коллективное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и др. Пушкину принадлежитъ 3-й стихъ]	177
669. Стою печаленъ, на кладбище	177
670. Надо мною въ лазури ясной	178
671. Опять увѣщанья	178
672. Женскій — на комъ — на Вѣрѣ Чацкой	178
673. Два чувства дивно близки намъ	178

СТИХОТВОРЕНІЯ 1831 г.

674. Красавица. (Въ альбомѣ Г*** [П. П. Гончаровой])	179
675. Смирнитъ меня въ бѣду повергъ	179
676. Эхо. (Изъ Томаса Мура)	179
677. Передъ гробницею святой	179
678. Клеветникамъ Россіи	180

	стр.
679. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и о прекрасной царевнѣ Лебеди	187
680. Бородинская годовщина	199
681. Отъ вась узналъ я плѣнь Варшавы. [Изъ записки къ А. О. Смирновой, при послыжѣ ей «Бородинской годовщины»]	200
682. Сказка о попѣ и о работникѣ его Балдѣ [не вполне отдѣлано]	200
683. Чѣмъ чаще празднуетъ лицей [19 октября 1831]. [Не совсемъ отдѣлано]	203
684. Когда въ объятія мои. [окончательно не отдѣлано]	204
685. Евгеній Олѣгинъ. Романъ въ стихахъ	237

СТИХОТВОРЕНІЯ 1832 г.

686. Пѣть, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ	331
687. Въ тревогѣ нестрой и безплодной [въ Альбомѣ А. О. Россети]	331
688. Голшый рока самовластьемъ [въ Альбомѣ]	331
689. Пѣть, пѣть, не долженъ я, не смѣю, не могу	332
690. Въ Еврейской книжѣ лампада [не закончено]	332
691. Альфонсъ [не закончено]	332
692. Когда-то, помню, съ умиленіемъ [княжѣ А. Д. Абамелекъ]	333
693. Не далъ мы пошли — и страхъ обнялъ меня. [Подражаніе Данту]	334
694. Долго снхъ листовъ завѣтныхъ [въ Альбомѣ]	334
695. [Русалка]. [Не отдѣлано и не окончено]	361

СТИХОТВОРЕНІЯ 1833 г.

696—697—698. Подражаніи древнимъ	371
699. Свагъ Иванъ, какъ пить мы станемъ	372
700. Господина Шафонскаго [вставка Пушкина въ «Помпаниѣ», написанное кн. Вяземскимъ въ подражаніе предыдущему стихотворенію]	372
701. Гусарь	372
702. Подобуйтесь же вы, дѣти Пѣсни западныхъ славянъ. Предисловіе Пушкина къ изданію 1835 г.	374

Пѣсни западныхъ славянъ.

	стр.
703. 1. Видѣніе короля	405
704. 2. Янко Маріавичъ	407
705. 3. Битва у Зеницы-великой	408
706. 4. Феодоръ и Елена	409
707. 5. Влахъ въ Венеціи	410
708. 6. Гайдукъ Хризачъ	411
709. 7. Похорошная пѣсня	411
710. 8. Марко Якубовичъ	412
711. 9. Бонапартъ и Черногорцы	413
712. 10. Соловей	414
713. 11. Пѣсня о Георгии Черномъ	414
714. 12. Восвода Милошъ	415
715. 13. Вурдалакъ	415
716. 14. Сестра и братъ	415
717. 15. Янышъ королевичъ	417
718. 16. Конь	418
719. 17. Что бѣдѣетъ на горѣ зеленой	419

Примѣчаніи Пушкина къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ» 420

720—726. Попытки вернуться къ «Евгенію Оубину»	423
727. Когда бъ не смутное влеченье	423
728. Родословная моего героя	424
729. Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ	426
730. Анджею	435
731. Восвода	453
732. Будрышъ и его сыновья	454
733. Мѣдный всадникъ	473
734. Родригъ	483

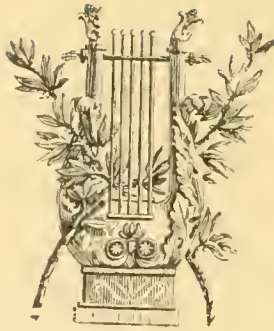
стр.

735. Если вѣать Вамъ случится [черновой набросокъ]	484
736. Колокольчики звенять	484
737. Не дай мнѣ Богу сѣсти съ ума	484
738. Сказка о мертвой царицѣ и о семи богатыряхъ	485
739. Французскихъ рифмачей суровой судиа [черновой набросокъ]	491
740. Цѣшитель уместившамъ твореній исполнскихъ [черновой набросокъ]	491
741. Наирасно и бѣгу къ сіонскимъ высотамъ	492
742. Царь увидѣлъ предъ собою [черновой набросокъ]	492
743. Въ полѣ чистомъ серебрился	492
744. [Галубъ]. [Не окончено и не отдѣлано]	493
745. На это свяжутъ мнѣ [черновой набросокъ]	496

СТИХОТВОРЕНІЯ 1834 г.

746. [Къ П***]	497
747. Странникъ [не закончено]	497
748. [Маркевичъ]	499
749. Сказка о золотомъ пѣтункѣ	502
750. Съ очами быстрыми [черновой набросокъ]	508
751. Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтиль [черновой набросокъ]	508

171

